

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

№ 1883
Л. М. П.

Р. Слав. 236.4 (1883 / 7-8)

ПРОВЕР. О
1840 г.

ВЕРЕНО
955 г.

ИЮН 1847 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Юль.

1883.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 7

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ЗЛАЯ ВОЛЯ. Повѣсть. (Гл. XVIII—XXIII). В. Дмитриевой.
2. ПЕТРЪ НА ОЛОНЦѢ. (Гл. V—VIII)
(Окончаніе) В. Майнова.
3. ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ. Романъ въ
5 ч. Часть третья. (Гл. XV—XVIII)
и Часть четвертая. (Гл. I—V) . . . Д. Сибиряка.
4. НА БЕРЕГУ ОКЕАНА. Стихотвореніе
Д. Михаловскаго.
5. ПРЕЗИДЕНТЪ. Разсказъ. Карла Эмиля Францога.
6. ФРАНЦУЗСКОЕ ДУХОВЕНСТВО НА-
КАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА (Окончаніе). И. Денисова.
7. ДИКАРКА. Романъ. Часть первая.
(Гл. I—VI). Андрэ Терье.

(См. на оборотѣ.)

39M
#67-3

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

8. **МОСКОВСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА . . . И. Х.**
9. **НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Л. М.**
Новая біографія Байрона (*The great Lord Byron*, 3 vol by John Cardy Jeafferson).—Послѣдній томъ «Легенды Байрона» (*La Légende des Scieurs*, par Victor Hugo. V-e vol.)
10. **ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ М. П.**
11. **НОВЫЯ КНИГИ:**
Вечерніе огни. Собраніе неизданныхъ стихотвореній. А. Фета. Москва. 1883 г.—Фаустъ. Трагедія Гете. Части I и II. Переводъ, предисловіе и примѣчанія А. Фета. Москва. 1882—83 г.—Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Его личность и поэзія. Изъ публичныхъ чтеній въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся ученицамъ С.-Петербургской Маріинской женской гимназіи. Составилъ М. А. Орловъ, Спб. 1883 г.—Примць и мищій. Историческій романъ для юношества всѣмъ возрастамъ. Сочиненіе Марка Твена (Самуэля Клеменса). Съ 150 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1884 г.—О письмѣ вообще, о зеркальномъ письмѣ въ частности и о роли обоихъ полушарій большого мозга. Патолого-анатомическое изслѣдованіе М. М. Манассеиной. Спб. 1883.—Очерки мелкаго народнаго кредита. Выпуски I и II-й. А. Мудрова. Москва. 1882—83 г.
12. **ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ Н. В.**
Памелетъ г. В. Ламанскаго по случаю гутуевского пожара и обвиненіе нашихъ «виговъ» и «тори» за «болтовню». — Возможно-ли «дѣло», когда не ясно, что дѣлать.—Наши газеты и ихъ направленіе.—Отчего «общество» зрѣлье печати.—Факты невмысленныхъ понятій и положеніе современнаго общественнаго сознанія.—Борьба въ земствѣ; неравенство шансовъ.—Подвиги г. Анаенкова и председателя херсонскаго съѣзда землевладѣльцевъ.—Задача, предлагаемая г. Ламанскому для разрѣшенія.—Петербургское равнодушіе и его причина.—Г. Волженскій и «изгон». —Послѣднее слово г. В. Ламанскому.
13. **ЗАБОТЫ ГЛАДСТОНА (Политическая и социальная хроника) Жинкѣ.**
14. **МѢСЯЦЪ У НѢМЦЕВЪ (Путевыя впечатлѣнія) Откровеннаго Писателя**
15. **В. Ѳ. КОРШЪ (Некрологъ)**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ книжнаго магазина Мамонтова и отъ редакціи журнала «Дѣло».

**Августовская книжка выйдетъ своевременно
т. е. между 15 и 20 августа.**

ДЪЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 7.

ИМВ. № 24533

Р. 16442

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Лебедева, Невск. пр., д. № 8.

1883.

236.4 (1883
✓

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.

Гг. подписчикамъ, пользовавшимся разсрочкою подписныхъ денегъ и не сдѣлавшимъ условленныхъ взносовъ, высылка журнала прекращена, впредь до уплаты слѣдующей суммы.

Дозволено пеззурою. С.-Петербургъ, 2-го Августа 1883 г.

ЗЛАЯ ВОЛЯ.

Повѣсть.

(Посвящается Алрентинѣ Александровнѣ Крушевской).

(Продолженіе).

Встали всѣ поздно. Позже всѣхъ Андрей, который смотрѣлъ очень хмуро и все жаловался на головную боль. Нина была тоже задумчива, но старалась развеселить Андрюшу. Послѣ обѣда она потащила его гулять. Солнце, сверкающій снѣгъ, морозъ — освѣжили и окончательно развеселили ихъ. Они исходили всѣ уголки и завѣтныя мѣстечки, среди которыхъ протекло ихъ дѣтство; посѣтили ярыгинскіе огороды, спускались на салазкахъ подъ обрывъ, катались по льду, однимъ словомъ вездѣ побывали и все осмотрѣли. И сколько воспоминаній возникло при этомъ! Воспоминаній то смѣшныхъ, то грустныхъ, но одинаково окрашенныхъ въ розовый цвѣтъ далекаго золотого дѣтства. Андрей и Нина говорили безъ умолку.

— Помнишь, Нина? говорилъ Андрей, стоя на берегу и глядя внизъ на широкую, занесенную снѣгомъ, полосу Хопра. Помнишь, какъ мы съ тобой рассказывали здѣсь другъ-другу сказки... нѣтъ не сказки, а свою будущую жизнь? И помнишь, какъ намъ на-яву мерещились какіе-то города, церкви съ золотыми маковками, широкія улицы, народъ, крики, музыка? Ты даже одинъ разъ закричала: «Андрюшка, я море вижу... и корабли»... И потомъ мы съ тобой, не знаю отчего, оба навзрыдъ плакали и смѣялись, и намъ такъ страшно было и хорошо...

Андрюша задумался. Бѣлый лѣсъ, бѣлые сугробы, бѣлая рѣка—были печальны и безмолвны. Отъ нихъ вѣяло смертью.

Только высокій камышъ, одѣтый въ серебряныя нити, таинственно шуршалъ по берегамъ, словно оплакивая остановившуюся жизнь.

— И все это сказки... сказки... пробормоталъ Андрей глухимъ голосомъ.

Не забывъ Андрюша въ своихъ воспоминаніяхъ и нѣкоторыхъ старыхъ знакомцевъ. Справился,—какъ поживаетъ Филать, Анна; съ грустью узналъ, что у Гаврилы умерла жена отъ тифа, а Ваньку Левушкина въ солдаты сдали. Спросилъ наконецъ и объ Настасьѣ Филипповнѣ. Живетъ все такъ-же, копошится, работаетъ. Только уставать въ послѣднее время стала. Нѣтъ-нѣтъ, да и прихворнетъ...

— Меня больше вмѣсто себя посылаетъ... говорила Нина.

— Надо къ ней сходить, навѣстить, молвилъ Андрей.—Я ее люблю... А что, Нина, учитель здѣшній, — каковъ? Хорошій?

— Онъ ничего, отвѣчала Нина поспѣшно. — Добрый эдакій, смиренный. Иной разъ злится, только очень ужъ смѣшно и ничуть не страшно. Мальчишки его не боятся, только не любить. И не знаю почему! А вѣдь онъ добрый...

— Ты съ нимъ разговаривала? Ты его спрашивала? Что же онъ, очень ученый? съ замѣтнымъ волненіемъ спрашивалъ Андрюша.

— И не знаю, какъ тебѣ сказать, въ раздумьи сказала Нина. — Говорить мы съ нимъ много говорили, и онъ было учить меня началъ... Конечно, онъ ученый, только, знаешь, чудной какой-то... ничего ты отъ него не добьешься! Я его обо многомъ выпрашивала, а онъ только смѣется. «Какая вы, говорить, чудная, — на что вамъ это знать?» Либо онъ меня за дурочку считаетъ, либо просто говорить не хочетъ, потому что неученая.... Да вѣдь вонъ съ тобой Алексѣй Петровичъ-то говорил!

Нина вопросительно глядѣла на Андрея, ожидая отвѣта. Но тотъ не отвѣчалъ...

— Эхъ, кабы мнѣ быть на его мѣстѣ... прошепталъ онъ печально.

Вечеромъ они всѣ снова собрались за чаемъ, при свѣтѣ нагорѣвшей сальной свѣчи. Софья Петровна замѣтно дулась и все удалялась за перегородку къ пономарихѣ. Но молодежь безъ нея почему-то чувствовала себя легче. Снова завязались

разговоры; Андрей рассказывалъ разные случаи изъ своей станціонной жизни, потомъ прочелъ нѣсколько стихотвореній Некрасова и Лермонтова наизусть.

Дѣвушки слушали внимательно, и подѣ конецъ у Вѣры въ глазахъ блеснулъ какой-то странный огонекъ. Особенно ей понравилась «Тройка»...

— Скажи еще... выговорила она, когда Андриуша кончилъ и, задумавшись, глядѣлъ на колеблющееся пламя свѣчи съ чернымъ пятномъ въ серединѣ.

— Гдѣ ты выучилъ? Въ какой книжкѣ читалъ? спросила Нина.

— Это все Алексѣй Петровичъ. Онъ мнѣ давалъ ихъ читать, а я списывалъ себѣ на память, которыя мнѣ больше понравились, да такъ какъ-то и запомнилъ. Послѣ онъ мнѣ подарилъ одну такую книжку съ стихами, потомъ, когда его ужъ не было, — я и свои книги сталъ покунать. Чуть жалованье получу, — сейчасъ книжку себѣ куплю. И смѣялись-же надо мной товарищи!—Ты-бы, говорятъ, лучше часы себѣ серебряные купилъ, чѣмъ хламъ-то этотъ! На кой онъ чортъ нуженъ? Я молчу. Тутъ юродивымъ меня стали называть. Соберутся, бывало, въ телеграфной — и ну зубы скалить. Скучно, дѣлать-то нечего, — ну и хохочуть. Надоѣли до смерти. Одинъ разъ до того довели, что я взялъ со злости—и пожегъ всѣ книги.

— Ты-бы лучше мнѣ прислалъ, сказала Нина.

— Эхъ, Нина, не до того было... Такая минута нашла,— послѣ-то я самъ плакалъ. Особенно жаль было подарокъ Алексѣя Петровича. А тутъ словно обезумѣлъ; думаю: коли мнѣ не судьба ихъ читать,—такъ пускай-же и никому не достаются. И сжегъ... Да и вправду,—на кой чортъ они мнѣ теперъ? Проживу и такъ...

И схоронять въ сырую могилу,
Какъ пройду я тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь...

Въ голосѣ Андрея зазвенѣли слезы,—онъ поперхнулся.

— Будеть тебѣ, Андриушка! воскликнула Вѣра.—Баба ты, что-ли, —киснуть-то! Ты вотъ гляди на насъ, — мы здѣсь въ этой труппѣ и то не унываемъ.... Ха-ха-ха..

Вѣра засмѣялась, постукивая своей палкой, — она была въ странномъ возбужденіи. Въ глазахъ бродилъ зловѣщій огонекъ; по лицу выступили красныя пятна, губы подергивались.

— Ну, полно-же! продолжала она. — Нина, а ты чего на-супилась? Знаешь, Андрюша, какая она у насъ? Святошей прикидывается, Четы-Миней читаетъ, воздуха съ Настасьей Филипповной вышиваетъ, а учителя къ себѣ приколдовала.

Эта выходка всѣхъ оживила. Нина покраснѣла и сердито взглянула на сестру; Андрей поднялъ голову и засмѣялся.

— Какъ приколдовала? спросилъ онъ, поглядывая то на Вѣру, то на Нину.

— Да такъ, — влюбился малый совсѣмъ. Чахнетъ! Гляди, и помреть скоро...

Нина хотѣла-было еще сердитѣе нахмуриться, но это ей не удалось, и она въ свою очередь звонко расхохоталась надъ шуткой Вѣры.

— Ну что-жъ! вымолвилъ Андрей, ласково поглядывая на Нину. — Я-бы и самъ въ нее влюбился; по-моему лучше ея на свѣтѣ никого нѣту...

— Врите еще! пробормотала Нина. — Охота имъ зря болтать!

— Не зря! перебила Вѣра, — а правду говорю. Зачѣмъ онъ къ тебѣ цѣлое лѣто изо-дня въ день ходилъ? Учить, что-ли? Какъ-же! Разговоры-разговаривали. Цѣлые вечера, бывало, просиживали, — ужинать не дозовешься...

Она вдругъ остановилась съ полуоткрытымъ ртомъ, съ застывшимъ взглядомъ. Какое-то болѣзненное, невыразимо тоскливое ощущеніе сжало ей сердце и насквозь пронизало все ея существо. Вспомнились ей свои собственные ночи... тихій Холеръ... соловьиныя трели... блѣдный мѣсяць... плачущая надъ головою ракета... Ее даже сыростью охватило, — знакомой, ароматной сыростью прохладной лѣтней ночи, — и она вздрогнула всѣмъ тѣломъ... Слова замерли у нея на губахъ, въ голову ударило, — и она страшно, отчаянно зарыдала, упавъ головою на столъ...

Нина и братъ бросились къ ней, мочили ей голову холодной водой, укладывали въ постель. Вѣра покорно дала себя раздѣть и уложить, громко, по-дѣтски, всхлипывая и дрожа. Ее трясла лихорадка, и кромѣ одного остраго, невыразимо

мучительнаго ощущенія тоски она ничего не сознавала въ эту минуту.

— Видно всѣмъ намъ одна линія... желчно выговорилъ Андрей, когда они уложили Вѣру, укрывъ ее потеплѣе шубой.

Нина вздохнула и ничего не отвѣтила.

Но на другой день Вѣра опять была здорова и весела. О вчерашнемъ никто не поминалъ, и день прошелъ спокойно. Андрюша и Нина опять ходили гулять.

Въ воздухѣ сверкали мелкія, острыя звѣздочки и кололи лицо; укатанная санями дорога лоснилась, и по ней кое-гдѣ виднѣлись отпечатавшіеся слѣды подковъ, лаптей и неуклюжихъ валенокъ. Народу попадалось мало; только собаки съ репьями въ хвостахъ возились на солнышкѣ, пригрѣтыя его обманчивымъ блескомъ.

Навстрѣчу имъ попался учитель. Завидѣвъ ихъ, онъ постарался сдѣлать равнодушное лицо и хотѣлъ было пройти незамѣченнымъ, но Нина его окликнула.

— Сергѣй Васильевичъ! весело крикнула она. — Что-же вы къ намъ-то не зайдете?

— Некогда, буркнулъ Сергѣй Васильевичъ и прошелъ, не останавливаясь, съ тѣмъ-же напускнымъ равнодушіемъ, хотя сердце въ немъ сильно застучало.

— Ишь ты надутый какой! выговорилъ ему вслѣдъ Андрюша.

— Не похожъ на Алексѣя Петровича? съ волненіемъ спросила Нина.

— Ничуть! Андрюша замоталъ головой.— У того лицо-то все свѣтилось, и глаза такіе ласковые, а этотъ словно хорекъ выглядываетъ...

Прошло нѣсколько дней,—въ землемѣровой семьѣ царствовали миръ и спокойствіе. Днемъ братья съ сестрой бродили по селу, заходили въ знакомыя избы, бѣгали по Хопру съ са-лазками, а по вечерамъ собирались всѣ за столомъ и за-жились до полночи, въ разговорахъ не замѣчая времени.— Андрей принимался стихи читать, — и въ убогихъ стѣнахъ ветхой пономарихиной избенки слышался то могучій, «обли-тый горечью и злостью», стихъ Лермонтова, то музыкаль-ныя пѣсни Кольцова, отъ которыхъ вѣяло раздольемъ зеленой степи и такою-же, какъ эта степь, безграничною русскою тоской...

Аль у сокола
Крылья связаны,
Аль пути ему
Всѣ заказаны...

Слушательницы сидѣли молча, затаивъ дыханіе, словно очарованныя этими чудными, пѣвучими звуками, которыми такъ хорошо выражались и горе, и радость, и отчаяніе, и порывы на волю, на просторъ. И чудилось имъ, что эти звуки поютъ у нихъ внутри, и зовутъ ихъ куда-то, и ободряютъ. Въ маленькой избѣ становилось душно и тѣсно, сердце шибко билось, кровь горячей струей прилиwała къ вискамъ...

А время идетъ да идетъ себѣ потихоньку, съ каждой минутой унося за собою клочекъ человѣческой жизни... Вотъ и полночь пробило на колокольнѣ; сторожъ, постукивая палкой о палку прошелъ вдоль улицы. За перегородкой давно уже спать, только поросенокъ хрюкаетъ и чавкаетъ спросонья, да больная бабка стонетъ на печи.

— Спать пора! говорить очнувшаяся Вѣра. — Время-то какъ прошло—и не видать...

— Да, задумчиво выговорилъ Андрей, потягиваясь.—И не видать! А черезъ два дня ѣхать... Опять одинъ останусь,— не съ кѣмъ словечка вымолвить. Э-э-эхъ!..

Онъ не договорилъ, — сестры промолчали. У каждаго на сердцѣ было невесело,—а въ ушахъ все еще звенѣли нѣжные звуки Кольцовскихъ пѣсень.

Ночь прошла тревожно. Сестрамъ не спалось, и онѣ, вздыхая, ворочались въ постели, а Андрюша хотя и спалъ, но очень беспокойно. Онъ стоналъ во снѣ, вскрикивалъ, бредилъ, бормоча какія-то несвязныя рѣчи, и нѣсколько разъ принимался жалобно и упорно кого-то призывать...

На утро всѣ встали пасмурные,—но сумрачѣе всѣхъ былъ Андрей. Онъ очевидно тосковалъ. Говорилъ мало и неохотно, не отвѣчалъ на вопросы, и то принимался шагать по избѣ, то садился къ столу, хватаясь за голову съ выраженіемъ мучительной боли въ лицѣ.

Послѣ обѣда онъ наконецъ не выдержалъ и отозвалъ Нину въ сторону.

— Нинка! заговорилъ онъ нерѣшительно и не глядя на нее.—Нинка, милая,—только одну рюмочку...

Нина уже заранѣе догадалась, о чемъ пойдетъ рѣчь, и

стояла предъ нимъ блѣдная, съ захоловушимъ сердцемъ, судорожно ломая руки.

— Нина! еще просительнѣе и уже съ отчаяніемъ повторилъ братъ.—Только одну... одну... Не могу вынести, — тянетъ...

— Да вѣдь... ты самъ сказалъ... чтобы не давали. Вѣдь тебѣ... вредно! съ усиленіемъ выговорила Нина.

— Можно, Нинка, одну можно! Такая тоска, если-бы ты знала! Изнылъ я... А когда одну выпью — мнѣ полегчаетъ. Ради Бога, Нинка,—душно мнѣ, тяжело...

Послѣднія слова онъ произнесъ съ дрожью въ голосѣ. Нина молча ушла.

— Ты сердисься? спросилъ Андрей, когда она принесла и поставила на столъ полштофъ.

— Нѣтъ! тихо вымолвила Нина, отворачиваясь, чтобы скрыть свои красные отъ слезъ глаза.

Андрей дрожащими руками сталъ наливать водку.—Вѣра, было, заворчала съ своей постели, но Нина мигнула ей,—и она смолкла.

Андрей выпилъ и сталъ дѣйствительно веселѣе. Глаза его заблестѣли, на блѣдныхъ щекахъ выступилъ румянецъ, хмурый лобъ разгладился.

— Не сердитесь на меня! заговорилъ онъ. Плюньте,—не стойте изъ-за такихъ пустяковъ себя разстраивать. Да ей-Богу! Что я? Все равно—пропаль, погибъ окончательно... Что во мнѣ было—того уже теперь нѣтъ. Ушло, прахомъ развѣялось. Плевелы... да, плевелы заглушили доброе сѣмя...—Онъ странно засмѣялся и со словами «еще одну рюмочку!» взялся за полштофъ.

— Будеть, Андрюша! горячо воскликнула Нина, подходя къ столу.—Брось, не пей больше... совсѣмъ не пей... Все опять вернется къ тебѣ, — зачѣмъ-же эдакъ?.. Вѣдь хуже... надо себя переломить...

— Да что, Нина, переломить? съ какимъ-то раздраженіемъ сказалъ Андрей.—Ты пойми, что я самъ сталъ не такой... во мнѣ винта нѣту... Брошу я пить, — ну... что-же? Того, что было, не вернуть. А такъ жить, какъ всѣ,—я не могу... Ахъ, Нинка!

— Все это глупости! рѣзко возразила Вѣра, подымаясь съ постели.—Блажь ты это на себя напустилъ — больше ни-

чего. Намъ еще хуже тебя... сидѣть въ этой ямѣ-то... Намъ и вовсе всѣ пути заказаны... некуда дѣться, и помочь никому. А тебѣ что? Ты на своихъ ногахъ стоишь, тебѣ всегда можно по своему сдѣлать, — не теперь, такъ послѣ. Просто, ты забросилъ себя, водку эту началъ тянуть... ну, и одурѣлъ.

Андрей между тѣмъ выпилъ еще и еще. Взглядъ его сдѣлался блуждающимъ, — онъ быстро опьянѣлъ.

— Молчи, Вѣрка... Вы не понимаете... Ты не знаешь, что у меня на душѣ... Ты думаешь, я самъ-то радъ этому? Эхъ, Вѣрка! Мнѣ самому тошно... Я забыть себя хочу. Вѣдь и я прежде думалъ... ахъ, какъ много у меня мыслей въ головѣ было... Вѣдь и я, можетъ, такія-же пѣсни писалъ, какъ, помнишь, вчера читали... Бывало, выйдешь въ лѣсъ, на Хоперь, — все кругомъ тебя поетъ, каждая травка говорить съ тобою, каждая птичка, каждая струйка... и ты все понимаешь. А теперь... Слушай, Вѣрка, — что, если-бы у тебя отняли вдругъ то, что для тебя дороже всего на свѣтѣ? Понимаешь, — дороже *всего*? Безъ чего жить тебѣ нельзя... Отняли, — и пустили по свѣту, — ступай, моля, живи... Что-бы ты тогда? Каково-бы тебѣ было?

Вѣра вдругъ вздрогнула и поблѣднѣла.

— Я-бы опять свое воротила... глухо выговорила она, сверкнувъ глазами и выпрямившись.

Но Андрей ее уже не слушалъ. Онъ сидѣлъ, понуривъ голову, устремивъ глаза въ одну точку. Потомъ вздрогнулъ, вскочилъ и сильно ударилъ кулакомъ по столу...

— Нѣтъ, нѣтъ у меня ничего теперь! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ. — Я теперь дохлятина, — больше ничего! Я вотъ сейчасъ сидѣлъ и думалъ... и ничего, ни одной мысли у меня въ головѣ не было, кромѣ... поѣзда...

Онъ обернулся къ Нинѣ. Онъ весь дрожалъ; глаза его налились кровью, зрачки были страшно расширены. На искаженномъ, помертвѣвшемъ лицѣ выражался ужасъ...

— Нинка, съ трудомъ, хрипло заговорилъ онъ, не сводя съ нея страшнаго, стекляннаго взгляда. — Я его вижу... вижу... Вотъ онъ подходитъ, — звякаютъ желѣзные болты, колеса грохочутъ по рельсамъ... О-о-охъ! Я чувствую... вотъ чувствую сейчасъ, какъ эти тяжелыя колеса проходятъ по моей шеѣ... какъ они визжать и скрипятъ... Я слышу, какъ хрустятъ мои кости... мнѣ горячо и больно... Трахъ — и нѣтъ головы..

Нинка, какъ ты думаешь? совѣмъ уже безумно говорить онъ.— Думаетъ-ли голова, когда она отрѣзана? Я думаю,—думаетъ... И вотъ, Нинка, когда голова моя будетъ на той сторонѣ рельсовъ—я буду думать о тебѣ и—проклинать...

— Андриюшка, оставь! Оставь, оставь пожалуйста! крикнула Нина, въ ужасѣ бросаясь къ брату.

Андриюша нѣсколько опомнился и покорно опустилсѣ на лавку. Но онъ все еще дрожалъ и судорожно потряхивалъ головой, словно чувствуя въ ней боль. Иногда онъ подымалъ руку и совершенно бессознательно ощупывалъ свою шею...

— Допилсѣ! сурово пробормотала Вѣра, глядя на брата.

Опьяненіе и на этотъ разъ разрѣшилось крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ, послѣ котораго Андрей всталъ опять задумчивый, грустный, больной...

Наступилъ послѣдній день отпуска Андрея,—на завтра онъ собирался ѣхать. Они провели его вмѣстѣ, въ задушевныхъ разговорахъ. Нина была печальна, Вѣра хмурилась, но Андрей казался веселымъ и старался даже шутить. Игралъ съ поросенкомъ, дразнилъ пономарихиныхъ дѣтей, подсмѣивался надъ матерью, которая тихонько выпила остатки вчерашней водки и, охмѣлѣвъ, ругала на чемъ свѣтъ стоитъ свою пріятельницу-пономариху. Озавтрашнемъ отъѣздѣ онъ старался не думать...

Спать собрались раньше, чтобы раньше встать. Да и не сидѣлось какъ-то. Разговоры не клеились, на сердцѣ чувствовалась гнетущая тяжесть, печальныя предчувствія томили душу. «Что-то будетъ? Когда-то свидимся? А можетъ—и не свидимся больше?» невольно думалось каждому про себя. Настоящее было такъ безрадостно, а надъ будущимъ нависли зловѣщія тучи...

— Ну, сестры! съ напускной веселостью сказала Андрей, собираясь ложиться.—Вы меня лихомъ не поминайте. Иной разъ и пожалѣйте. Нинка, ты, смотри, пиши. Когда въ учительницы поступишь,—я, можетъ, къ тебѣ приѣду. Ладно?

— Приѣзжай!.. шепнула Нина, смигивая въ темнотѣ набѣгавшія на глаза слезы.

— Охъ, не хочется уѣзжать! со вздохомъ выговорилъ Андрей.—Опять одинъ, опять аппаратъ постукиваетъ, лампа мигаетъ, артельщики храпятъ... Лучше ужъ и не вспоминать... Только вы-то хоть меня не забывайте...

Онъ замолчалъ. Въ избѣ воцарилась мертвая тишина; въ окна глядѣла темная беззвѣздная ночь.

На утро, чуть разсвѣло, Андрея проводили.

XIX.

Послѣ болѣзни.

Вѣра выздоровѣла окончательно. Она ходила уже безъ помощи палки, крѣпко спала по ночамъ, много ѣла. Выпавшіе послѣ болѣзни волосы стали отростать, курчавые, какъ у молодого барашка; на лицѣ появился румянецъ, въ глазахъ—огонь. Послѣ болѣзни Вѣра стала еще красивѣе. И, вмѣстѣ съ возрожденіемъ физическимъ, она возрождалась и душевно. Съ первыхъ дней своего выздоровленія она почувала въ себѣ такой могучій приливъ жизненной силы, что у нея захватывало духъ. Горячо забилося сердце страстною жаждой любви, счастья, жизни; въ жилахъ словно не кровь текла, а бушевало пламя. Она не могла усидѣть на мѣстѣ и всей душою, безбоязненно и жадно, рвалась навстрѣчу загадочному будущему.

На дворѣ была уже половина декабря, когда въ первый разъ Вѣра вышла на воздухъ. Бодрая свѣжесть яркаго морознаго дня ошеломила ее, и она чуть-было не упала безъ чувствъ. Въ голову ей сильно ударило... Но она сейчасъ-же очнулась и, вся охваченная радостнымъ ощущеніемъ жизни и здоровья, счастливыми глазами озиралась вокругъ, держась за ручку двери. Теплая, влажная рука ея пристала къ жесткому, холодному желѣзу дверной скобки, но она этого не чувствовала; она смотрѣла—и не могла насмотрѣться. Все, что она видѣла предъ собою, — казалось ей чудно-прекраснымъ. Снѣгъ былъ особенно блестящъ, небо — ярко, солнце—ослѣпительно, словно они праздновали вмѣстѣ съ Вѣрой ея возвращеніе къ жизни и молодости.

— Нинка, Нинка! кричала Вѣра въ восторгѣ, врываясь вихремъ въ избу, вся облитая радостнымъ сіяньемъ яркаго солнца. — Нинка... какъ хорошо тамъ! Пойдемъ въ снѣжки играть... Я опять здорова... Я жива! Нинка,—въ снѣжки, въ снѣжки...

Послѣ отъѣзда Андрея, Нинка все время ходила угрюмая

и молчаливая, и чаще уходила на село, въ душныя, закопченныя избы, гдѣ свирѣпствовалъ тифъ и царила гнилая смерть. И теперь она только-что воротилась съ похоронъ, блѣдная, съ заплаканными глазами, съ скучнымъ, нахмуреннымъ лицомъ. Но бурный восторгъ Вѣры на минуту сообщился и ей. На нее пахнуло тепломъ, свѣтомъ жизни... Улыбка мелькнула на ея блѣдныхъ губахъ...

— Пойдемъ, пожалуй, выговорила она, накидывая платокъ. Только ты шубку накинъ, а то простудишься.

— Э, ну тебя,—скорѣе! Не хочу шубы, — ты гляди, какъ тамъ свѣтло и тепло...

Она схватила Нину за руку и потащила ее изъ избы. Обѣ бѣжали, смѣясь и толкая другъ-друга. Перебѣжавъ черезъ дворъ, подъ сараями, онѣ очутились среди пустынныхъ крестьянскихъ гумень. Въ сторонѣ стояла кучка запасныхъ хлѣбныхъ скирдъ,—гладкихъ, чистенькихъ, скрывшихъ свою сѣрую неряшливость подъ бѣлоснѣжными навѣсами. Плетней и загородокъ не было видно, — все сравняла и счистила зима. А тамъ, дальше за скирдами, бѣлѣло поле... И его зима окутала серебрянымъ волнистымъ покровомъ, спрятавъ подъ нимъ и колючую щетину отавы, и сухія косматыя шапки сердитаго татарника и жалкой, высохшей отъ старости, чернобыли. И ни движенія, ни звука въ этомъ серебряномъ царствѣ—только тоненькія сизыя змѣйки медленно ползуть по небу.

Сестры все также смѣясь, наконецъ остановились, забравшись по колѣна въ сугробы, облитые по верхушкамъ слабымъ голубымъ сіяньемъ. На мгновение Вѣра перевела духъ, потомъ, лукаво улыбнувшись, бросилась въ сторону и, хватая горстями снѣгъ, принялась кидать его въ Нину. Сухой, обжигавшій руки снѣгъ разсыпался въ воздухъ, бриллиантами сверкалъ на солнцѣ, кололъ лицо, а солнце, глядя на эту сцену, казалось, тоже играло и смѣялось. мѣялась и Нина, отбиваясь отъ нападенія; снѣжные комья летали по воздуху; щеки пылали, холода не чувствовалось... Вотъ одна снѣжная бомба влѣпилась Вѣрѣ въ спину и разсыпалась цѣлымъ дождемъ огненныхъ искръ. Платокъ съ Вѣры сбился на сторону... Споткнувшись, она упала прямо въ снѣгъ. Нина кинулась къ ней на помощь, сама унала, — и обѣ онѣ, заливаясь хохотомъ, вскрикивая и задыхаясь, барахтались въ сугробѣ...

— Ну, будетъ! воскликнула, наконецъ, Нина, подымаясь и отряхая платье — Пора домой, холодно...

Онъ медленно пошли домой. За плетнемъ Вѣра еще разъ оглянулась на снѣжную равнину.

Разливалась, расплескалася рѣка,
Заливала всѣ болота и луга...
Оставался одинъ маленький... охъ, маленький лужокъ...
Какъ спокинулъ, да оставилъ меня миленькій дружокъ...

затянула было она. Но на послѣднемъ словѣ она оборвалась, — и пѣсня жалобно замерла въ воздухѣ.

— Ахъ вы, шалавы эдакія! встрѣтила ихъ дома мать. — Бабка помираетъ, а имъ и горюшка мало, — по сугробамъ пошли вѣшаться. Прямья шалавы...

Старая Лукинична дѣйствительно была очень плоха. Она уже не стонала и лежала въ забытій на печи. Даже пить перестала просить. Въ избѣ запахло смертью.

Эта душная, смрадная атмосфера показалась дѣвушкамъ еще удушливѣе послѣ блеска и свѣта яркаго зимняго дня. Нина стала опять грустна и задумчива; Вѣра молча сидѣла у стола, облокотившись и положивъ голову на скрещенныя руки. Но на самомъ дѣлѣ ея мысли были далеко отъ этой темной, тѣсной избы, гдѣ разыгрывалась послѣдняя житейская драма. Ей некогда было думать о смерти; въ ней такъ полно и горячо билась молодая кровь, такъ неудержимо рвалась она къ земнымъ радостямъ, къ земному счастью. Ничто кругомъ не занимало и не трогало ее: она вся ушла въ свои собственные чувства, только ими жила, ими волновалась.

Стемнѣло; печальныя тѣни сгустились по угламъ. Вѣра очнулась, тряхнула головою, провела рукою по пылающему лицу и принялась ходить взадъ и впередъ по избѣ.

— Нинка! произнесла она вдругъ, подходя къ сестрѣ. — Слушай, скажи мнѣ по правдѣ, что я тебя спрошу... Когда я захворала, — приходилъ къ намъ... Тимошка Ярыгинъ?

Она сѣла рядомъ съ Ниной и, положила горячую руку ей на плечо, глядѣла на нее жаднымъ, вопросительнымъ взглядомъ. Грудь ея высоко подымалась.

— Что? разсѣянно спросила Нина. — Тимошка... да... Кажется приходилъ.

— Приходилъ? Да? Ну и что-же? шепотомъ спрашивала Вѣра.

— Приходилъ, приходилъ,—теперь помню. Пришелъ, про тебя спросилъ. А бабушка на него закричала, — сердита она тогда была,—онъ и ушелъ...

— А-а... Ну, а про свадьбу... слышала ты что-нибудь? руки Вѣры стали совсѣмъ огненными.

— Пономариха рассказывала... Говорять, не хотѣлъ жениться. Подъ вѣнцомъ стоялъ словно убитый. А невѣста, сказываютъ, собой хороша очень...

Вѣра встала и опять зашагала по избѣ. «Подлецъ!» шептали ея запекшіяся отъ внутренняго жара губы... «Ужъ только-бы повстрѣчать... только повстрѣчать...»

Страшное негодование и злоба бушевали въ ея душѣ. Она ненавидѣла въ эту минуту своего прежняго возлюбленнаго и въ то-же время страстно, безумно желала его увидать...

«Хоть-бы разокъ... только взглянуть... Наплевать ему въ глаза—и уйти...»

Она задыхалась, судорожно сжимая руки и скрипя зубами.

И вдругъ она засмѣялась. Быстро подбѣжала къ печурѣ, достала спичку и зажгла огонь. Потомъ такъ-же порывисто сорвала со стѣны маленькое, потускнѣвшее, затянутое паутиной и пылью, зеркальце.

— Нинка, скажи мнѣ,—хороша я? А? Вѣдь хороша,—да? Ха-ха-ха...

Она и смѣялась, и глядѣлась въ зеркало, и тормозила Нину.

— Господи, какая ты чудная! воскликнула Нина.

А Вѣра все смѣялась, торжествуя и любуясь своей красотой, отражавшеюся въ запыленномъ, мѣстами стертомъ осколкѣ зеркала.

Бабка умирала. Ни горчишники, ни травы ей не помогали; дряхлый организмъ не могъ бороться съ губительной болѣзнью и медленно разрушался. На лицѣ ея уже легли землестныя тѣни, глаза глубоко ввалились, губы растрескались... Это былъ уже трупъ. Въ сознаніе она больше не приходила, и передъ самымъ Рождествомъ, дня за три, за четыре, тихо и незамѣтно умерла на своей печи. Какъ только обитатели пономарихиной избы убѣдились въ томъ, что бабушка Луки-

нична не дышетъ, — сейчасъ-же началась обычная въ этихъ случаяхъ суматоха. Смышленная пономариха немедленно привела нѣсколько расторопныхъ сосѣдокъ, — бывшихъ пріятельницъ бабушки, — и онѣ общими силами убрали и снарядили старуху на «вѣчный покой». Въ старомъ, нѣкогда расписанномъ какими-то фантастическими цвѣтами, а теперь совершенно облѣзломъ сундукѣ ея, между ворохомъ негоднаго тряпья и старыми поминаньями, нашелся кусокъ бѣлаго коленкору, «на саванъ», и серебряный полтинникъ, который старуха тщательно, всѣми правдами и неправдами, сберегла себѣ на поминъ души. Покойницу одѣли; передъ образами затеплились восковыя свѣчи; въ избѣ запахло ладономъ.

Никандръ Васильевичъ въ это время находился въ Крутоярѣ. Онъ былъ заранѣе извѣщенъ объ опасной болѣзни матери, но пріѣхалъ тогда, когда она уже лежала на столѣ, и Нина съ красными глазами и носомъ, покрытая чернымъ платкомъ, мѣрно читала надъ нею псалтырь.

Это было уже вечеромъ. Въ избѣ было душно и дымно. Блѣдное пламя свѣчей слабо колыхалось и потрескивало, пуская вверхъ тонкія, голубыя струйки дыма и бросая странный красноватый отблескъ на стѣны и потолокъ. Изъ таинственнаго полумрака неясно выступали угловатыя очертанія тѣла покойницы, окутанной бѣлымъ покрываломъ. Въ дверь постоянно входили и выходили посѣтители, приходившіе «проститься». Они чинно входили, крестились и затѣмъ поочереды подходили къ столу. Откинувъ покрывало, они долго, съ страннымъ любопытствомъ глядѣли въ застывшее, словно восковое лицо покойницы, съ рѣзко-заостренными чертами... Потомъ прикладывались къ ея холодному лбу и отходили къ двери, шушукаясь и толкаясь. Старухи плакали, молодые были серьезны. И среди этой благоговѣйной тишины какъ-то особенно торжественно звучалъ твердый, серебристый голосъ Нины, съ чувствомъ декламировавшей поэтическія пѣсни царя Давида, въ которыхъ такъ чудно смѣшались и спокойное величіе, и немощъ человѣческаго духа.

Вотъ за окномъ скрипнули полозья саней, послышались громкіе голоса, и, вслѣдъ затѣмъ, въ избу, широко распахнувъ дверь, вошелъ землемѣръ, весь укутанный шарфами и платками. Подойдя безъ шапки къ покойницѣ, онъ сталъ на колѣни и долго стоялъ въ такомъ положеніи, склонивъ голову

къ полу. Потомъ быстро всталъ, раздѣлся и принялся распоряжаться громко и повелительно.

— Сходите въ церковь кто-нибудь... подсвѣчники нужно взять... Кому гробъ заказывали? Надо ему сказать, чтобы чернымъ плисомъ обилъ. Иль нѣтъ,—лучше малиновымъ... и кресты выложить позументомъ. Странно право,—ни о чемъ не позаботились. Слово простую какую-нибудь, деревенскую хоронять!..

Выговоривъ все это рѣзкимъ, недовольнымъ тономъ, онъ опять одѣлся и сейчасъ-же ушелъ.

Два дня подъ-рядъ въ пономарихиной избѣ шла невообразимая суетня. Никандръ Васильевичъ хотѣлъ непременно справить похороны матери «какъ слѣдуетъ», «по людски».

— Живутъ здѣсь въ ямѣ, такъ позабыли, какъ у людей дѣло дѣлается! говорилъ онъ.

На третій день, наконецъ, бабку схоронили. Похороны вышли довольно приличныя, такъ-что не даромъ Никандръ Васильевичъ кричалъ, бранился и даже во все это время ни разу не взглянулъ на покойницу. Онъ только въ церкви прослезился, когда уже начали заколачивать крышку. Софья Петровна неутѣшно рыдала у гроба своей пріятельницы, съ которой онѣ вмѣстѣ дѣлили и горе, и радость, и косушку водки. И Нина плакала, и ей было жаль добродушную ворчунью-бабку. Одна Вѣра была равнодушна и даже на похоронахъ отсутствовала. Эта печальная церемонія, эта смерть никакъ не гармонировали съ ея настоящимъ настроеніемъ, когда она вся вполнѣ отдавалась своимъ грезамъ и порывамъ...

Съ кладбища всѣ вернулись на землемѣрову квартиру помянуть покойницу. Въ избѣ все уже было прибрано постарому. Пономариха вымыла окна, лавки, столы и чисто-на-чисто подмела избу, выбросивъ соръ въ печку и тщательно наблюдая, чтобы на полу не осталось ни одной пылинки. Послали за водкой,—на столѣ появилась кутья съ медомъ, блины, селедка, вобла. Торжественное настроеніе мало-по-малу уступало мѣсто сдержанной веселости. Завязались житейскіе разговоры, слышался даже смѣхъ. О бабушкѣ-Лукиничѣ позабыли,—и только вспоминали при выпивкѣ, но безъ особеннаго сожалѣнія, нѣкоторые даже съ добродушнымъ юморомъ.

— Любила покойница выпить! сообщала дьячиха.—Быва-

ло, на зорькѣ ко мнѣ прибѣжить: «дай, голубушка, хоть рюмочку...»

— Пора ужъ ей было помирать-то! говорили въ другомъ углу.—Изжила свой вѣкъ... Сколько ей... Поди ужъ лѣтъ шестьдесятъ было?

— Царство ей небесное, а намъ многая лѣта! равкнулъ дьяконъ, поднимая на свѣтъ рюмку, и, съ чувствомъ выпивъ водку, принялся закусывать горячими блинами.

Въ то-же время кто-то пространно и подробно сталъ рассказывать о томъ, какъ нынче вздорожалъ сахаръ и почему это случилось...

Нина не участвовала въ поминальной пирушкѣ. Она сидѣла, пригорюнившись, за перегородкой. Безсвязный пьяный говоръ, возгласы, звонъ посуды смутно доносились до нея. Изрѣдка она вздрагивала; голова у нея сильно болѣла, а на душѣ было невыразимо тяжело...

Первые дни праздниковъ прошли, какъ всегда, безобразно, съ неизбѣжными скандалами, драками и возмутительными сценами. Никандръ Васильевичъ, по обыкновенію своему, цѣлые дни прокучивалъ въ кабакѣ съ писаремъ и прочими приятелями, возвращаясь только ночью, а Софья Петровна, схронивъ бабу, зашла тоже мертвую. Съ утра до ночи въ пономарихиной избѣ слышались брань, удары кулакомъ по столу, звонъ разбиваемыхъ косушекъ... Въ эти минуты Вѣра обыкновенно просиживала у сосѣдей, а Нина уходила на село или къ Настасьѣ Филипповнѣ. Иногда онѣ даже не ночевали дома. Никандръ Васильевичъ это замѣтилъ и оскорбился.

— Куда вы все прячетесь? Что я, разбойникъ, что-ли, какой? Въ кои-то вѣчки отецъ пріѣдетъ, а дѣтямъ и горя нѣту. Шаркъ изъ избы—и слѣдъ простылъ... Что это за мода такая? Отецъ въ домъ, а онѣ изъ дому... Кто это васъ научилъ? Избаловались безъ меня... за отца не считаютъ.

Наступилъ Новый годъ.

Уже смерклось. На самую середину неба выплылъ полный, круглый мѣсяцъ и, радостно заглянувъ въ окна, наполнилъ избу таинственнымъ голубымъ свѣтомъ. Широкія полосы легли на полу, на стѣнахъ, на широкой бѣлой печи, занимавшей полъ-избы. Только углы оставались въ тѣни, и тамъ,

среди густого сумрака, шевелились и прыгали миллионы свѣтлыхъ крохотныхъ точекъ... Съ улицы глухо доносился смѣшанный шумъ и гомонъ праздничнаго веселья, отрывки пѣсенъ, скрипъ саней, ноющіе звуки гармоники.

Вѣра хорошенько укуталась въ шубейку, повязалась большимъ платкомъ и вышла за ворота. На улицѣ было веселѣе. Снѣгъ весело поскрипывалъ подъ ногами, рассыпаясь тысячами разноцвѣтныхъ огней; крѣпкій морозъ сильно пощипывалъ за уши и за носъ, воздухъ былъ неподвиженъ, словно и онъ тоже замерзъ, застылъ отъ холода. По улицѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, то и дѣло проносились дровни, запряженные тройками. Бодокольчики звенѣли, бубенчики рассыпались дробной серебрястой болтовней, отъ лошадей и сѣдоковъ валилъ сизый паръ. И всюду пѣсни, выкрики, звуки, смѣхъ... У кабака слышался чей-то дикій ревъ. Алмазово гуляло...

... Вотъ цѣлой вереницей промчались по улицѣ дѣвки, распѣвая святочный «Овсень». Мелькаютъ при свѣтѣ мѣсяца яркіе платки, сарафаны, развѣваются ленты, слышится сдержанный смѣхъ и говоръ. Вотъ вся эта веселая гурьба остановилась у избы, въ окнахъ которой мигалъ слабый огонекъ, и одна изъ толпы рѣзкимъ голосомъ затянула:

Сорока—дуда, и—гдѣ ты была?..

Протяжный высокій звукъ всколыхнулъ застывшій воздухъ, и, вслѣдъ затѣмъ, разомъ, бойко и дружно, веселый хоръ молодыхъ голосовъ подхватилъ припѣвъ и звонкой трелью разсыпался по улицѣ:

И—гдѣ была?—Коней стерегла... Овсень-Таусень...

А гдѣ кони?—За воротами... Овсень-Таусень...

А гдѣ ворота?—Пола вода унесла...

А гдѣ вода?—Бычки выпили...

А гдѣ бычки?—Во тростникъ ушли...

А гдѣ тростникъ?—Дѣвки выломали...

А и гдѣ-жъ дѣвки? За мужья ушли...

А и гдѣ мужья?—На войнѣ мужья... Овсень Таусень...

Звуки все росли, переливались, сталкивались другъ съ другомъ и, замирая, неслись въ необъятную голубую ширь. Въ избѣ стукнуло оконце, заскрипѣла дверь. Какая-то темная фигура показалась на крыльцѣ; на минуту мелькнула при ослѣпительномъ сіяніи мѣсяца бѣлая рубаха.

— Спасибо, дѣвушки, за величанье, послышался съ крыльца мужской голосъ.—Примите, что Богъ послалъ...

Пѣсня на минуту оборвалась, — дѣвки хихикали, толкались, переговаривались. Потомъ запѣвало снова залилась, — хоръ подхватилъ, и вся эта пестрая толпа съ пѣсней побѣжала далѣе, къ другой избѣ. И пѣсня ушла вмѣстѣ съ ними, — только слабые отголоски ея долго дрожали въ морозной вышинѣ, пока совсѣмъ не замерли гдѣ-то далеко, смѣшавшись съ общимъ гуломъ и гомономъ праздничнаго веселья.

Вѣра вздрогнула и очнулась. Она совсѣмъ заслушалась, всей душой ушла въ эти стройные звуки. Господи, какъ-бы и ей хотѣлось быть вмѣстѣ съ этими дѣвками, въ веселой толпѣ, вмѣстѣ съ ними перебѣгать отъ одной избы къ другой по хрустящему снѣжку и заливаться звонкою пѣсней! А то на тройкѣ съ бубенцами унести къ куда-нибудь за село, въ степь, гдѣ только снѣгъ кругомъ блеститъ, да одинъ мѣсяць величаво плыветъ надъ снѣжною пустыней...

— Здравствуй, Вѣра Никандровна! раздался около нея тихій, дрогнувшій голосъ.

Вѣра вся встрепенулась, колѣна у нея задрожали, сердце похолодѣло. Всѣ ея мысли разомъ разлетѣлись, словно спугнутыя птицы, и она, какъ ужаленая, отшатнулась въ сторону. Предъ ней стоялъ Тимофей, смущенно вертя въ рукахъ свою барашковую шапку.

— Что-же... Или ужъ и кланяться со мной не хочешь? продолжалъ онъ еще болѣе упавшимъ голосомъ и подвинулся къ ней ближе.

Вѣра, наконецъ, пришла въ себя. Глаза ея сверкнули злымъ огнемъ, лицо передернулось.

— Уйди, уйди... прошентала она, отступая и протягивая впередъ руки.—Уйди!

— Я уйду, уйду, понорно вымолвилъ Тимофей, а самъ все стоялъ въ той-же позѣ, безъ шапки, не сводя съ нея умоляющаго взгляда.—Только вотъ что, Вѣра Никандровна... позволь слово молвить... Ты думаешь, мнѣ тоже легко? Постыла она мнѣ, какъ змѣя подколотная...

— Уйди, тебѣ говорить!.. уже совсѣмъ не своимъ голосомъ взвизгнула Вѣра съ пѣною у рта, съ посинѣвшими отъ бѣшенства губами.—Видѣть я тебя не могу... подлеца...

Она съ силой оттолкнула его отъ себя и скрылась за воротами.

На крыльцѣ она остановилась и со стономъ, придерживая себя за грудь, вздохнула. Въ горлѣ у нея пересохло, сердце страшно колотилось, дыханіе со свистомъ вылетало изъ стѣвненной груди. Въ глазахъ стался туманъ, прыгали красныя искры; всѣ члены дрожали, словно въ лихорадкѣ. Мысли путались въ нылающей головѣ. Все, все разомъ проснулось въ ней и забушевало... И любовь, и ревность, и ненависть къ тѣмъ людямъ, которые такъ безжалостно разрушили ея молодое счастье; такъ подло исковеркали и изломали ея только-что начинающуюся жизнь.

— Подлецъ... подлецъ... шептали ея запекшіяся губы.

XX.

Старья дрожни.

Эта встрѣча не могла пройти для Вѣры даромъ, — и не прошла. Искра, навремя скрытая подъ пепломъ, не потухла, — она тлѣлась; и вотъ подулъ вѣтеръ, сдулъ пепель, — и искра всныхнула, загорѣлась въ яркое пламя. Словно вихрь налетѣлъ на Вѣру и закружилъ ее. А она, безъ борьбы, не соотивляясь, отдалась во власть его.

Возвратившись послѣ этой встрѣчи домой, Вѣра; ни слова не говоря, ничего не видя вокругъ, сейчасъ-же раздѣлась и легла, укрывшись съ головой одѣяломъ. Оставшись наединѣ сама съ собою, она нѣсколько успокоилась и предалась своимъ думамъ, стараясь какъ-нибудь привести въ порядокъ и связать свои разсѣянные, беспорядочно мятущіяся мысли. Странныя чувства волновали ее! Ей было и горько, — до боли, до ужаса горько, — и въ то-же время безумная радость поднималась въ ея сердцѣ. Все старое, пережитое, заживо погребенное — вдругъ проснулось, ожило и громко заговорило въ ея душѣ. Она только теперь вполне опредѣленно почувствовала всю горечь нанесенной ей обиды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней явилось и сознаніе, что обида эта не осталась безъ возмездія. Образъ Тимохи не отходилъ отъ нея. Какой онъ сталъ худой, блѣдный, какъ впали его глаза, съ какимъ жалкимъ страдальческимъ видомъ смотрѣлъ онъ на нее.. Онъ не забылъ ее... онъ навѣрное мучается и страдаетъ. Да, — мучаетъ

ся! Вѣра это знаетъ... И ощущение болѣзненнаго удовольствія сжимало ее замирающее сердце.

Вѣра вся горѣла. Она и ненавидѣла—и любила, и отталкивала—и звала, и проклинала—и жалѣла. Сердце ее то замирало отъ радости, то сжималось въ смертной тоскѣ...

— Умирать буду—не прощу... Въ ногахъ валяются будетъ, — ногой ударю... шептала она.

И тутъ-же блѣдный призракъ вставалъ передъ нею. Печально смотреть добрые, ясные глаза; дрожить и обрывается тихій голосъ.—«Вѣра Никандровна...» Злоба Вѣры на минуту утихаетъ, сердце сжимается жалостью... Ей становится больно; слезы горячимъ потокомъ льются на подушку.

— Ахъ, Тимоша, ненаглядный, милый, желанный! Зачѣмъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Тимошка!

Весь вечеръ, всю ночь напролетъ промучилась Вѣра. Она не слышала, какъ ее звали ужинать, какъ пришелъ пьяный отецъ и кричалъ на бѣдную Нину, улегшуюся спать, не дождавшись его, какъ кругомъ ее бранились, кричали, били посуду...

Наконецъ, стало разсвѣтать. Запѣли пѣтухи,—все громче и громче, чаще и чаще. На восходѣ запылала заря,—и огненные потоки солнечныхъ лучей хлынули въ закованные морозомъ окна. Пора было подыматься и затапливать печь...

Встала и Вѣра. Нина бросилась къ ней.

— Что это ты, Вѣрка, ночью стонала? спрашивала она быстро.—Ты здорова?

— Здорова совсѣмъ! весело отвѣчала Вѣра и пошла умываться ледяной водою.

Нина успокоилась. Вѣра въ самомъ дѣлѣ была здорова,—только лицо ее поблѣднѣло, да подѣ глазами легли темныя полосы, — слѣды бессонной ночи. Впрочемъ, бросалось въ глаза еще одно обстоятельство: Вѣра была необычайно возбуждена. Цѣлый день она бѣгала, прыгала, смѣялась и безпрестанно подбѣгала къ окну.

— Господи, какъ день долго тянется! жаловалась она Нинѣ.—Скорѣй-бы вечеръ...

Вотъ наконецъ наступилъ и желанный вечеръ. Яркіе переливны свѣта и тѣней смѣнились ровными, блѣдными сумерками; мѣсяцъ по-вчерашнему заглянулъ въ окно. Возбужденіе Вѣры еще болѣе усилилось. Ей не сидѣлось: она то на крыльцо выбѣгала, то принималась ходить изъ угла въ уголъ.

— А вѣдь придетъ... а вѣдь опять ждать будетъ? томила ее неотвязная дума.—И пусть ждетъ... Нарочно не пойду. Ни за что не пойду... Хоть всю ночь жди...

Придетъ, придетъ непременно! И будетъ стоять, мерзнуть и ждать... Вотъ-бы посмотрѣть на него изъ-за угла,—посмотрѣть и посмѣяться...

И Вѣра нервно смѣялась, силясь заглушить мучительное ощущение тоски, гнодавшей ея сердце.

Она наконецъ не вытерпѣла. «Пойду!» И, наскоро накинувъ шубку, бросилась къ двери... Но у дверей снова остановилась:

— Зачѣмъ?.. Нѣтъ не пойду. Не могу, не могу я его видѣть: .

Опять сѣла на лавку...

— Нѣтъ,—пойду! задыхаясь, прошептала она.—Погляжу на него въ послѣдній разъ, плюну въ его глаза, посмѣюсь, потѣшусь надъ нимъ... Выскажу ему все, все... Нѣтъ, пойду, пойду...

И она почти бросилась бѣжать изъ избы... Морозный воздухъ, сверкающій снѣгъ, лай собакъ и отголоски пѣсенъ на селѣ нѣсколько отрезвили ее. Она прислонилась головой къ вербѣ и, тяжело вздохнувъ, оглядѣлась кругомъ.—Ни души!—Прошло полчаса, часъ,—Вѣра ждала. И опять тишина и безлюдье. Но вотъ наконецъ вдали заскрипѣлъ снѣгъ и показалась чья-то темная фигура. Вѣра замерла и насторожилась: это ужъ непременно онъ... Вотъ все ближе... вотъ поровнялась съ ихъ избой... и равнодушно, даже не оглянувшись, прошла мимо. Скоро затихли и тяжелые шаги...

Вѣра пылала нетерпѣніемъ... Теперь ей уже просто необходимо было видѣть Тимофея; она во что-бы-то ни стало рѣшила его найти. И, не раздумывая, не колеблясь, двинулась впередъ по ярко освѣщенной улицѣ. Длинная, темносиняя тѣнь побѣжала рядомъ съ нею, рельефно вырисовываясь на ослѣпительно-бѣломъ фонѣ снѣга. Вотъ пробѣжала тройка съ бубенцами; пьяная толпа, сидѣвшая въ саняхъ, безобразно и нескладно орала пѣсни. Прошли какіе-то парни съ гармоникой въ рукахъ...

И вотъ она очутилась какъ-разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они въ первый разъ поцѣловались съ Тимохой и повѣдали другъ другу свою завѣтную тайну. Только тогда зеленѣла

трава, журчали синія струйки, изъ лѣсу вѣяло весеннимъ ароматомъ,—а теперъ все это умерло, застыло, закованное льдомъ, окутанное пушистымъ инеемъ. И старая ракита спитъ, и не шепчутся по-прежнему ея корявыя вѣтви. Вся бѣлая, словно мертвецъ въ саванѣ, стоитъ она и не шелохнется, далеко раскинувъ свои безмолвные, мохнатыя сучья. Только лучи мѣсяца робко пробираются между ними и то тамъ, то сямъ нѣтъ-нѣтъ, да и зажгутъ разноцвѣтный огонекъ. И все тихо, все мертво въ этомъ волшебномъ, серебряномъ царствѣ зимы...

Вдругъ чьи-то торопливыя шаги послышались на откосѣ. Кто-то шибко сбѣгалъ внизъ. Снѣгъ скрипѣлъ; шуршали, скачываясь по откосу, обледенѣвшіе комья снѣгу, слышалось тяжелое дыханье. Но Вѣра на этотъ разъ не обернулась. Она всѣмъ существомъ своимъ почувствовала, что это былъ онъ, Тимоха, и замерла на мѣстѣ, въ ожиданіи.

Сбѣжавъ внизъ, Тимофей вскрикнулъ и бросился къ Вѣрѣ. Онъ запыхался, глаза его горѣли, руки дрожали. Онъ тоже цѣлый вечеръ томился и искалъ Вѣру, пока наконецъ поиски не привели его къ обрыву.

И вотъ снова они вмѣстѣ, снова стоятъ другъ противъ друга... Долго стояли они такъ, не говоря ни слова. Синій мѣсяцъ заглядывалъ въ ихъ блѣдныя лица и словно смѣялся... Кругомъ ни звука...

Вѣра опомнилась первая. Отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, она подняла голову, и, взглянувъ Тимофею въ лицо дико захохотала.

— Зачѣмъ пришелъ? выговорила наконецъ она глухимъ голосомъ, переставая хохотать. — Зачѣмъ?

Тимофей молчалъ, не двигаясь съ мѣста.

— Что-же молчишь? продолжала она, оглядывая Тимофея съ ногъ до головы. — Тебѣ нечего гулять. . у тебя дома жена молодая... Чай, ждетъ—не дождется...

Вѣра снова засмѣялась, на этотъ разъ тихимъ, шипящимъ смѣхомъ. Она почти совсѣмъ оправилась, только въ голосѣ ея изрѣдка проскальзывали истерическія, нервныя нотки. Не дождавшись отвѣта, она снова начала, лукаво щурясь на Тимофея.

— Вотъ я — другое дѣло! Миѣ можно гулять. Я одна, — нѣтъ у меня ни мужа, ни свата, ни брата, — что хочу, то и дѣлаю. Своя воля. Никто миѣ не закажетъ!..

Она еще язвительнѣе засмѣялась.

— Ну... Тимофей Ивановичъ? Что ты скажешь? Развѣ можно отъ жены бѣгать? Плохое дѣло! Ступай къ ней,—она тебя приголубитъ, приласкаетъ, обойметъ... Ступай!

Тимофей наконецъ пошевелился, губы его болѣзненно передернулись.

— Смѣйся, смѣйся, Вѣра Никандровна! тихо сказалъ онъ.—Мало тебѣ смѣяться,—на, въ глаза плюнь... Все тебѣ позволено... все, что хошь, со мной дѣлай.

— Ха, ха, ха! рассмѣялась Вѣра, ожидывая его насмѣшливымъ взглядомъ.—Правда-ли это, Тимофей Ивановичъ?.. И ты думаешь,—я на тебя не плюну? Плюну...

И она съ злобнымъ шипящимъ смѣхомъ плюнула Тимофею въ лицо. Онъ вздрогнулъ и судорожно повелъ плечами.

— Ну? Ладно-ли? продолжала Вѣра, торжествуя.—Подлецъ ты, подлецъ!.. Тебя мало плюнуть, тебя...—Ее душила злоба.—Тебѣ, можетъ, и жена эдакъ въ глаза плюетъ? А? Ты и ей позволяешь? Плюй, моль,—на всѣхъ хватить...

— Будетъ, Вѣра Никандровна! перебилъ ее Тимофей! — Отъ тебя снесу, а другимъ не позволю...

— За что-же это мнѣ такая милость?.. А что, ежели я тебѣ прикажу на колѣнки передо мной стать и ноги мои цѣловать,—будешь?

Она еще не успѣла договорить, какъ Тимофей безъ словъ повалился ей въ ноги.

Цѣлая буря злобы и страсти забушевала въ груди Вѣры... Въ глазахъ у нея потемнѣло; ее била лихорадка, она едва владѣла собою...

— Подлецъ ты, подлецъ!.. повторила она, отталкивая его ногой.—Вспомни что было... что ты мнѣ обѣщаль... Вспомни слова твои... Помнишь, утопиться-то хотѣлъ, если насильно будутъ женить? Побоялся... струсилъ... а ужъ лучше-бы утопился... Легче-бы мнѣ было... Охъ, нѣтъ, уйди, Тимошка, отъ грѣха... Уйди, уйди! Вспомнить не могу...

Она рванулась впередъ,—Тимофей схватилъ ее за платье.

— Вѣра Никандровна... молилъ онъ съ тоскою.—Неужто не простишь?

— За что? задыхаясь произнесла Вѣра.—За что тебя простишь-то? За то, что насмѣялся, надругался,—на иной женил-

ся? Да въ тебя мало плевать,—тебя удушить надо... какъ собаку... Силь моихъ нѣту больше... Уйди...

— А что-жь! отчаянно крикнулъ Тимофей, поднимаясь.— Души,—одинъ конецъ. Я самъ хотѣлъ, въ случаѣ, ежели не простишь, а если тебѣ угодно,—нѣ, души...

Онъ шагнулъ къ ней, разстегивая воротъ своей рубахи. Вѣра вся встрепенулась, и вскрикнула, и засмѣялась, и какъ кошка кинулась къ Тимошеву. Ея тонкіе, гибкіе пальцы холодной змѣей обвились вокругъ его горла, и тутъ-же бессильно, помимо ея воли, разжались, и она, рыдая, упала къ нему на грудь...

— Тимоша, голубчикъ... не могу .. силушки моей нѣту... Милъ ты мнѣ, ненаглядный... рука моя на тебя не подымается... лепетала она въ его объятіяхъ.

Тимоха счастливыми глазами заглядывалъ ей въ лицо и безумно цѣловалъ ея мокрѣя отъ слезъ щеки. Они стояли обнявшись, охваченные страстью. И чудилось имъ, что любовь ихъ теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде, что еще крѣпче опутываетъ и связываетъ другъ съ другомъ какая-то невидимая, но несокрушимая цѣпь...

Долго стояли они такъ, не чувствуя холода, забывъ обо всемъ. На мѣсяцъ набѣжали дымчатѣя тучки.— и опять убѣжали; сверкающій семью серебряными гвоздями ковшъ Большой Медвѣдицы придвинулся къ лѣсу, — а они все стояли. Между ними шелъ отрывистый разговоръ, прерываемый подцѣлками, и они въ пять минутъ успѣли передать другъ другу все, что было пережито ими въ эти тяжелые три мѣсяца.

— Вѣрка, Вѣрка, тяжело мнѣ было! рассказывалъ Тимофей.—Ты хоть больна была, безъ памяти лежала, — а мнѣ-то какво было? Какъ услыхалъ я, что ты въ горячкѣ, — совсѣмъ ума лишился. Хожу, словно потерялъ что, ни къ чему рукъ не приложу, ничего не соображу... Пошелъ, было, къ вамъ, хоть глянуть на тебя, — выгнали. Ничего! Пошелъ! Ровно чурбанъ сдѣлался, — не слышу, не вижу... Тутъ отецъ началъ... Ругается, кричить... Смотрины эти пошли, запои, дѣвишники. А я какъ во снѣ, — ничего не помню... На конецъ дѣла, передъ вѣнцомъ, опаматовался и говорю отцу: «батюшка, что хошь, — а я жить съ ней — не стану...» Кинулся онъ на меня. «Запорю!» кричить... Что я тутъ побоевъ принялъ, не приведи Господи... Передъ вѣнцомъ напился, — какъ вѣнчали и не помню... Да какъ всталъ

на утро-то, глянулъ на эту... даже сердце перевернулось. Легче-бы, думаю, на бѣлый свѣтъ мнѣ не глядѣть...

Похудѣвшія, блѣдныя щеки Тимофея вспыхнули румянцемъ; глаза загорѣлись. Онъ весь вздрагивалъ.

— Ну? шепнула Вѣра, прерывисто дыша и прижимаясь къ нему.

— Ну, — что-жь!.. какъ-то сурово выговорилъ тотъ. — Она ко мнѣ обниматься лѣзетъ, а я гляжу въ сторону. Она ко мнѣ съ ласковой рѣчью, — а у меня ты въ глазахъ... Толкну ее отъ себя — и пойду... Отцу жаловаться стала, — а отецъ ко мнѣ: «Ежели ты, говорить, эдакъ съ ней обращаться будешь, — въ волостномъ выдеру». А я въ отвѣтъ: «что-жь, говорю, дерите! Я теперь ровно деревянный сталъ, — мнѣ все едино»... Прежде людей было стыдно, — передъ тобой срамиться не хотѣлъ, а теперь все одно. Стою какъ дубина! Ударилъ онъ меня... «Не сынъ ты, говорить, мнѣ! Нѣтъ тебѣ моего родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго...» А я стою, молчу. И такое на меня, Вѣра, нашло, что ежели-бы на куточки стали рѣзать — я-бы не моргнулъ. Плюнулъ отецъ. Эм-та въ слезы вдарилась... «Домой уйду». А я: «поѣзжай, на что ты мнѣ нужна...» Озлилась. Стада все наперекоръ дѣлать, тобой попрекать... «У тебя, молъ, полюбовница... такая-сякая». Однова такъ тебя возвеличала, — что я ее за косы... Здорово гуть ее билъ, — озвѣрѣлъ совсѣмъ, Кабы не отецъ, — порѣшилъ-бы ее... Съ той поры у насъ совсѣмъ не лады пошли. Я свое, — она свое... Она мнѣ слово, — я ее бить... Такая музыка пошла! Отецъ совсѣмъ рассерчалъ — плюнулъ. Молчитъ! — Теперь, слышу, съ писаремъ таскаться стала, — и пускай таскается... Мнѣ чортъ съ ней, — у меня свое на душѣ. — Охъ, Вѣрка ты моя, Вѣрушка! вскрикнулъ онъ страстно. — До того меня, довели, — на ножъ готовъ идти!

Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ Вѣру, словно боясь, чтобы она отъ него не ускользнула. — Но Вѣра еще ближе къ нему льнула и ласталась, и заглядывала ему въ лицо...

— Слышу, ты поправляться стала! — началъ снова Тимофей послѣ долгаго, жаркаго поцѣлуя... Ожилъ я. Сталъ говорить, съ отцемъ спорить «Будетъ, молъ, вамъ командовать-то... всего счастья лишили, да еще покорства хотите... Не покорюсь». И чѣмъ дальше, тѣмъ больше... Прежде въ кабакъ ходить бросилъ, — сижу дома. Семейскіе ругаются, дармоѣдомъ на-

зываютъ... «Если такъ, говорю,—отпустите меня на всѣ четыре стороны. Дѣлиться хочу... Нѣтъ моего желанья виномъ торговать да брань отъ всего села принимать. Хочу землей заниматься. Давайте раздѣль»... Пришипился отецъ,—молчить, а дѣдъ-Никита на мою сторону сталъ. «Что, говоритъ, парня неволить, если и впрямь въ немъ кабацкаго духу нѣтъ. Пушай его по дому работаетъ, коли не хочетъ изъ сохи выгнать»... А я еще пуще... На меня и рукой махнули... Тутъ меня опять тоска начала одолевать. Куда ни пойду — ты въ глазахъ, ты изъ ума не идешь... Сколько ночей я не спалъ,—кругомъ вашей избы ходилъ... Не проглянетъ-ли, молъ, ясное солнышко, не выйдетъ-ли моя Вѣрка? И такая тогда у меня мысль была: упаду къ ней въ ноги, умолю, упрошу, чтобы хоть глазкомъ поласковѣй взглянула, а ежели нѣтъ, не простить она меня,—пропадай моя головушка... Не жить мнѣ безъ нея ни единого часа...

— Врешь... перебила его Вѣра, освобождаясь изъ его объятій: — неправда... разъ обманулъ,—такъ въ другой разъ я тебѣ не повѣрю.

— Не вѣришь? А я правду тебѣ говорю... Гляди!

Онъ отстранилъ ее отъ себя, полѣвъ порывисто за пазуху, и въ рукахъ его при свѣтѣ мѣсяца блеснулъ широкій складной ножъ:

— Вотъ гляди! шепотомъ говорилъ Тимоха.—Вотъ онъ... припасъ... Такъ думалъ: ежели она меня не послушаетъ, — первое дѣло, ее зарѣжу... Чтобы никому не доставалась... А потомъ и себя порѣшу,—потому мнѣ безъ тебя не жить... И ежели ты мнѣ не вѣришь,—хочешь сейчасъ на твоихъ глазахъ...

Онъ не договорилъ и поднялъ ножъ... Съ легкимъ крикомъ Вѣра остановила его. Она вся дрожала, глаза ея сіяли, на губахъ бродила счастливая, гордая усмѣшка...

— Нѣтъ... постой, Тимоша... раздѣльнымъ шопотомъ начала она.—Если ты... меня такъ любишь... мы съ тобой еще проживемъ. Только знаешь что?.. —Она близко-близко пригнулась къ его уху и не голосомъ, а одними губами шепнула: убьешь... еѣ...

Тимофей вздрогнулъ и остолбенѣлъ. Вся краска разомъ съжалась съ его лица; застывшій взглядъ съ ужасомъ остановился на лицѣ Вѣры. А она, вся блѣдная, зло и насмѣшливо улыбалась.

— Что ты... Вѣрка! едва выговорилъ онъ поблѣвшими губами.— Не... шутишь?

Улыбка Вѣры стала еще шире, насмѣшливѣй. Что-то неуловимое, загадочное блеснуло въ ея черныхъ глазахъ

— Нѣтъ, Тимоша, я пошутила, страннымъ голосомъ сказала она, потихоньку освобождаясь изъ его рукъ.— Пора... домой. Холодно!

— Повремени немного... погоди! молилъ Тимофей, удерживая ее.

— Нѣтъ, нѣтъ,— я пойду, уклоняясь говорила Вѣра.

— Вѣра! Слушай... просилъ онъ, не понимая ея внезапной холодности. — Выйдешь завтра объ эту пору сюда? А? Вѣрка!..

— Нѣтъ... да... Можетъ выйду... отвѣчала Вѣра разсѣянно.

— Выходи, Вѣрка! Я лошадей запрягу,— уѣдемъ съ тобой въ лѣсъ...— Тимофей горячо обнялъ ее.— Уѣдемъ... у меня лѣсникъ знакомый есть,— къ нему.. Не сердись на меня? Сердишься?..

— Нѣтъ, нѣтъ! крикнула Вѣра, вырываясь и исчезая въ серебряномъ блескѣ ночи.

Тимофей долго глядѣлъ ей вслѣдъ, охънанный счастьемъ. Въ головѣ у него мутилось; ему хотѣлось свиснуть, засмѣяться, крикнуть на все село...

XXI.

Аль у сокола крылья связаны?..

Вѣра опять стала исчезать изъ дому по-вечерамъ. Днемъ то пѣсни поеть, смѣется, то задумывается, а чуть стемнѣло, чуть по небу брызнули звѣзды,— она торопливо набрасывала шубу, платокъ и убѣгала на цѣлый вечеръ. Ворчать на нее теперь было некому: старая ворчунья, бабка Лукинична, лежала на погостѣ, отецъ уѣхалъ, а мать въ ея дѣла не входила, цѣлые дни проводя у пономарихи за косушкой водки. Она опять запила мѣсяца на два... Одна Нина вопросительно и печально поглядывала на сестру, но спрашивать ее о чемъ-либо совѣстилась. Она еще ничего навѣрное не знала, но уже начинала догадываться, и сердечко ея всякій разъ, когда Вѣра собиралась уходить, больно щемило.

— Вѣрка, не ходи, — куда ты? попробовала она ее разъ остановить.—Посиди со мною..

Вѣра быстро взглянула на нее и вся вспыхнула.

— Это что еще за новости? разсердилась она.—Ужь и погулять нельзя... своей воли ни въ чемъ нѣту... Мнѣ и такъ тошно сидѣть-то здѣсь...

Она хлопнула дверью и ушла. У Нины навернулись слезы на глаза, и она, кусая губы, чтобы не разрыдаться, сѣла у окна.

И долго сидитъ она такъ, поджидая Вѣру. Сердце невыносимо ноетъ, мысли одна другой мрачнѣе толпятся въ головѣ.

— Господи, кабы съ ней бѣда какая не случилась! шепчетъ она тоскливо.

Вотъ подъ окномъ захрустѣлъ снѣгъ, брякнуло кольцо въ сѣняхъ. Нина вся вздрагиваетъ, — сердце радостно замираетъ. «Воротилась!» Но кругомъ опять все тихо, и опять Нина ждетъ, напряженно прислушиваясь,—не заскрипитъ-ли половица, не стукнетъ-ли кольцо...

А Вѣра въ это время далеко. Плавню ныряютъ по ухабамъ маленькія ярыгинскія санки, бодро пофыркиваетъ гнѣдая лошадка, окруженная волнами сѣдого пара. По бочкамъ сплошною стѣною чернѣетъ лѣсъ. Изрѣдка съ верхушки дерева сорвется глыба рыхлаго снѣга и, шурша, задѣвая сучья, посыплется внизъ на мерзлую землю. Огромный сѣрый заяцъ, заложивъ уши на спину, шарахнется межъ кустами. А лошадка все бѣжитъ и бѣжитъ впередъ. Накатаются вдоволь и шагомъ вернутся назадъ. Вѣра и забыла о своей сестрѣ. Ей хорошо; она жметъ къ Тимофею и въ сладкомъ забытій шепчетъ ему ласковыя рѣчи. А Тимофей одѣлъ ее своимъ теплымъ тулупомъ, бросилъ возжи, и глядитъ—не наглядится на нее. Такъ-бы и ѣхалъ цѣлый вѣкъ невѣдомо куда, дремя подъ убаюкивающій визгъ полозьевъ и прижимаясь другъ къ другу...

Первое время они просто обезумѣли.. Это была не простая любовь; это была страсть, грозившая уничтожить все, что-бы ни попало ей на пути. Они безъ оглядки летѣли прямо въ пропасть. Разсужденіямъ, колебаніямъ не было мѣста. Они теряли голову, забывали осторожность, шли напроломъ, сами не зная куда.

— Слушай, Вѣрка! каждое свиданіе говорилъ Тимофей. — Ежели намъ не судьба жить съ тобою вмѣстѣ,—я и тебя, и себя зарѣжу. Ты это помни...

Въ отвѣтъ Вѣра еще крѣпче цѣловала Тимофея. Она на все была согласна, лишь-бы не разлучаться съ нимъ, не потерять нечаянно своей любви.

Но, случилось, и эти счастливыя минуты забвенія омрачались. Въ самый разгаръ жаркихъ ласкъ, между ними вдругъ вставалъ призракъ жены Тимофея. Онъ и дразнилъ ихъ, и смѣялся надъ ихъ любовью, и грозилъ, и издѣвался... Тогда Вѣра словно пробуждалась отъ своего заколдованнаго сна. Она становилась угрюма, раздражительна, отталкивала отъ себя Тимофея, мучила его, смѣялась надъ нимъ болѣзненнымъ, злымъ смѣхомъ. Онъ тогда совсѣмъ терялся... Тысячи роковыхъ вопросовъ поднимались въ его душѣ, неумолимо требуя разрѣшенія; а Вѣра еще больше подливала масла въ огонь, язвительно усмѣхаясь надъ его терзаніями.

— Ну вотъ, мы цѣлуемся, по закоулкамъ ходимъ тайкомъ. А что дальше будетъ?

— Уѣдемъ, уѣдемъ... шептала растерянно парень.

— Уѣдемъ,—а куда уѣдемъ? горько спрашивала Вѣра. — Будьте вы всѣ прокляты...

Она уходила, не простившись, не взглянувъ на своего возлюбленнаго... Но на слѣдующій день мучительныя сомнѣнія потухали въ бурѣ страсти,—и она снова бѣжала на свиданіе, поглядѣть на Тимоху, послушать его голосъ, поговорить съ нимъ.

Однажды между ними вышла крупная размолвка: Вѣрка не пошла на свиданіе. Прошелъ уже урочный часъ; на дворѣ стемнѣло, въ избахъ зажеглись огоньки. Нина тревожно поглядывала на сестру,—наконецъ рѣшилась подойти.

— Вѣрка, ты не пойдешь сегодня? робко спросила она сестру, угрюмо сидѣвшую за столомъ.

— Нѣтъ, сухо отрѣзала Вѣра и опять погрузилась въ свои мысли.

Глаза Нины засіяли радостно. Она развеселилась, шутила, сумасбродничала, стараясь развеселить и сестру. Но та по-прежнему сидѣла задумавшись и молчала, не замѣчая хлопотъ Нины. Нина присмирѣла и ушла за перегородку. Тамъ горѣла лампадка, на завтра ждали какого-то праздника; дѣти по-

номарихи возились у печи. Нина пристроилась къ нимъ. Ей все-таки было весело и непременно хотѣлось поиграть.

— Сеня, хочешь я тебѣ пѣсенку сыграю? подозвала она къ себѣ самаго младшаго.

— Хочу, отвѣчалъ Сеня, пузатый карапузъ, въ перевалку подбѣгая къ ней.

— Ну, хорошо,—становись здѣсь, смѣялась Нина,—Ну... давай руку... слушай...

Сеня послушно протянулъ ей рученку, растопыривъ пухлые пальчики. Нина схватила его за эту руку и пальчикомъ другой принялась водить по ладони.

— Сорока-ворона, кашу варила, скороговоркой начала она.—Кашу варила, дѣтокъ кормила.. Этому дала, этому дала, этому дала, а этому маленькому, нѣ-ѣтъ ничего! Кш, кш,—полетѣли, на голову сѣли! — и она, схвативъ ручки Сени, со смѣхомъ подняла ихъ вверхъ.

Ребенокъ смѣялся рассыпчатымъ смѣхомъ, присѣдая и взмахивая рученками. И остальные ребятишки смѣялись, собравшись въ кружокъ и хлопая въ ладоши.

— Еще, Антонинушка, еще! кричали они въ восторгѣ.

За перегородку вошла и Вѣра, и съ улыбкой глядѣла на эту забаву. И вдругъ на глаза ея набѣжали слезы... она поспѣшно ушла въ избу. Нина бросила дѣтей и побѣжала за нею.

— Вѣрка, что ты? Тебѣ неможется? торопливо распрашивала она.

— Нѣтъ, Нинка, ей Богу ничего, сквозь слезы отвѣчала Вѣра.—Скучно что-то...

Она опять сѣла за столъ и наклонила голову. Нина помѣстилась рядомъ, заглядывая ей въ лицо.

— Ну, Вѣрка, будетъ! ласково, по-дѣтски, утѣшала она ее.

Вѣра тяжело дышала... Потомъ вдругъ вытерла слезы энергическимъ движеніемъ и смѣло встряхнула кудравой головкой.

— Помнишь, Нинка, пѣсню, которую намъ Андрюшка читалъ? «Аль у сокола крылья связаны, аль пути ему всѣ заказаны?»

— Помню. А что?

— Такъ, ничего... Хорошая пѣсня...—Она помолчала и потомъ прибавила, взглянувъ Нинѣ прямо въ глаза смѣлымъ

взглядомъ:— Правда, Нинка, вѣдь все можно сдѣлать, что захочешь. Только бояться ничего не нужно...

И весь вечеръ Вѣра была весела и разговорчива. Нина радовалась, какъ ребенокъ. Но на другой день въ сумерки Вѣра опять ушла и не возвратилась. Нина всю ночь не спала, ожидая ее. Вѣры не было. Вотъ ужъ и пѣтухи запѣли... вотъ стало разсвѣтать... ворота заскрипѣли. Вотъ изъ трубъ повалилъ густой дымъ... по верхушкамъ избъ скользнули розовые отблески разгорающейся зари... Вотъ, наконецъ, запылало и небо,—и цѣлые снопы ярко-красныхъ лучей брызнули изъ-за строеній, расцѣтивъ золотыми блестками и снѣговые сугробы, и волны дыма, и закоптѣлыя набенки... Все загорѣлось кругомъ, все ожило и проснулось,—а Вѣры все не было, и Нина въ застывшей позѣ, съ олухшими отъ бессонницы глазами, попрежнему сидѣла у окна.

Проснулись и домашніе. Узнавъ о случившемся, мать начала ворчать, а пономариха подозрительно глядѣла на Нину, качала головой, язвительно сжимая свои тонкія губы, и все бѣгала шуткаться къ сосѣдямъ. Нина, едва удерживалась отъ слезъ; сердце ея болѣло, въ головѣ одна за другой мелькали злобшія мысли. Ужъ не сдѣлала-ли чего надъ собою Вѣра...

Наконецъ, она не выдержала и пошла на село. Забѣжавъ по дорогѣ къ знакомымъ сосѣдямъ, Нина спросила: не видали ли Вѣру? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, направилась къ Настасьѣ Филипповнѣ. Здѣсь она разрыдалась и рассказала черничкѣ свою бѣду.

— Вернется! отвѣтила Настасья Филипповна, выслушавъ безсвязную рѣчь дѣвушки.

Нина перестала плакать и во всѣ глаза глянула на черничку. На сердцѣ у нея отлегло.

— Вернется? Правда? спрашивала она.— Да куда-же это она ушла? Гдѣ она?

Настасья Филипповна долго молчала, печально и строго глядя на Нину.

— Не слѣдовало-бы тебѣ говорить это, да такъ и быть скажу, начала она наконецъ своимъ тихимъ, серьезнымъ голосомъ.— Все-же ты ей сестра... поговорила-бы съ нею...

У Нины опять захолонуло на сердцѣ. Но она слушала жадно, боясь проронить слово.

— Не одобровать твоей сестрѣ, Антонинушка! говорила Настасья Филипповна. — Не мѣсто ей въ нашемъ Алмазовѣ съ эдакой-то красой и съ эдакимъ правомъ. Не хорошо стали про нее говорить,—давно слышу... И желалось мнѣ поговорить,—да языкъ не ворочался. Матушка-то ваша, сама знаешь, не въ умѣ ходить съ утра до ночи; къ самой Вѣрѣ пристушу нѣтъ,—обожжетъ, а тебѣ...

Настасья Филипповна смолкла, съ грустной гнѣзностью глядя на Нину.

— Сказывайте... блѣднѣя, прошептала Нина.

— Ахъ, Антонинушка, чистая ты душенька! задумчиво выговорила черничка.—Какъ съ тобой и говорить-то, — ишь ты какая... А можетъ и лучше это, что узнаешь... можетъ, образумишь заблудшую овцу, на путь истинный наставишь. Вотъ что, голубчикъ мой, говорить, у твоей сестры съ Тимофеемъ Ярыгинскимъ неладно. Завязалась у нихъ любовь... А вѣдь у него жена... Грѣха-то, грѣха-то, Антонинушка, сколько! вскрикнула Настасья Филипповна вдругъ съ необычайной страстностью въ голосѣ. — Ты не знаешь, чистая душенька, сколько грѣха бываетъ черезъ эту любовь...

Она смолкла; ея каменное лицо подернулось легкою краской, въ тусклыхъ глазахъ блеснула жизнь... Но только на мгновение. И снова Настасья Филипповна сидѣла неподвижная, блѣдная, беззвучно шевеля своими сухими губами.

А Нину словно ножомъ по сердцу рѣзнуло. Она вдругъ поняла, — поняла все. Какъ молнія пронеслись предъ нею разные мелкіе случаи изъ ихъ жизни, на которые она раньше не обращала вниманія,—ей стало все ясно. Вспомнилась ей болѣзнь Вѣры и странное совпаденіе этой болѣзни съ женитьбой Тимофея; вспомнились обидные намеки Ивана Никитича... И въ первый разъ она почувствовала себя оскорбленною, обиженною; въ первый разъ въ душѣ ея запыхало негодованіе противъ людской грязи и мерзости. Она, шатаясь, вышла на улицу и побрела домой.

А Вѣры все не было. Ее ждали цѣлый день, ждали вечеромъ, ждали послѣ ужина,—она не являлась. Даже Софья Петровна протрезвилась, встревоженная исчезновеніемъ дочери и, улегшись послѣ ужина спать, долго ворочалась на своей постели, охая и вздыхая.

Эта ночь прошла для Нины еще мучительнѣе первой. Те-

перь она знала, гдѣ и съ кѣмъ находится Вѣра. Господи, вѣдь *это* хуже всего на свѣтѣ! Вѣдь лучше умереть, чѣмъ дойти до *этого*. Стыдъ, позоръ, безчестье... И кто-же? Вѣра, гордая, неприступная красавица — Вѣра... Неужели она пошла на это, неужели она связалась, въ самомъ дѣлѣ, съ жеманымъ парнемъ и навѣки себя сгубила...

Нина металась на постели; во рту у нея пересохло, голова страшно болѣла. Повременамъ она вставала, садилась и дико всматривалась въ окружавшую ее темноту. Страшныя картины мерещились ей.

— Ахъ, несчастная, несчастная!.. шептала она въ тоскѣ. А Вѣры все не было. Безмолвная ночь глядѣла въ окна, за перегородкой слышался храпъ, по стѣнамъ шуршали вышедшіе на добычу тараканы.

Блѣдная, измученная встала Нина на утро. Софья Петровна накинулась на нее съ бранью.

— Гдѣ эта-то? Не пришла еще? Дряни вы эдакія!.. Осрамили мою головушку! По ночамъ таскаться стали, распутницы...

Нина смолчала, но во взглядѣ ея, брошенномъ на мать, мелькнуло что-то злое, ужасно напомнившее Андрюшку.

Вдругъ въ сѣнцахъ хлопнула дверь, загремѣлъ желѣзный засовъ, и въ избу влетѣла вся сіяющая, какъ это яркое утро, веселая и румяная Вѣра. Нина поблѣднѣла...

— Гдѣ ты была? съ усиленіемъ выговорила она, пристально и неподвижно уставившись на сестру.

— Гдѣ была, тамъ нѣту... весело отвѣчала Вѣра, избѣгая ея взгляда.

Она была какъ-то лихорадочно оживлена. Щеки ея пылали яркимъ румянцемъ, глаза блестѣли, словно звѣздочки, на губахъ бродила странная усмѣшка. Вышла мать.

— А, явилась! заговорила она ядовито. — Только напрасно воротилась, — оставалась-бы тамъ, гдѣ была. Срамить только пришла...

— Вамъ какое дѣло! дерзко оборвала ее Вѣра. — Вы знайте свою косушку... да кабакъ...

— Молчи, мерзавка! закричала мать, выходя изъ себя. — Мое дѣло вотъ какое: ежели ты эдакъ по ночамъ будешь таскаться, чтобы нога твоя не была здѣсь. Живи у полюбовниковъ своихъ, — а я отъ тебя отрекаюсь.

Вѣра какъ-то принужденно захохотала и встала передъ матерью во весь ростъ.

— Эка важность,—да отрекайтесь... Вы давно ужъ отъ насъ отъ всѣхъ отреклись... А до меня вамъ все-таки нѣтъ дѣла... моя воля! Гдѣ хочу, тамъ и шляюсь, захочу, сюда любовника приведу... Вы меня довели до этого, и вы мнѣ не указъ... Знать я васъ не хочу!

Нина бросилась между ними. Мать принялась рыдать, проклиная Вѣру, а Вѣра истерически хохотала...

Вѣра сидѣла за столомъ, опустивъ голову на руки, и о чемъ-то глубоко задумалась. Она и не замѣтила, что Нина давно уже стоитъ подлѣ нея и все шевелить губами, кожно собирается что-то спросить—и не рѣшается. Наконецъ она собралась съ духомъ и окликнула Вѣру. Вѣра не двигалась. Нина еще громче повторила вопросъ.

— А? очнулась Вѣра, подымая голову. — Ты что? спросила она разсѣянно.

— Вотъ что, Вѣра! начала Нина, запинаясь. — Скажи мнѣ... скажи по правдѣ,—гдѣ ты была?

У Вѣры лицо на минуту вспыхнуло жгучимъ румянцемъ. Она долго молчала.

— Гдѣ? выговорила наконецъ она.—Гдѣ была-то?.. Нѣтъ, Нинка, я тебѣ этого не скажу...

— Отчего? съ замирающимъ сердцемъ спросила Нина.

— Да такъ... не хочу. И вовсе это не твое дѣло, съ досадою сказала Вѣра.

Нина вдругъ отчаянно зарыдала и опустила на лавку.

— Значить, это все правда... все правда! съ плачемъ лепетала она.—Я все-таки еще не вѣрила... я думала... И все, все вышла правда!

Вѣра пристально и изумленно глядѣла на рыдающую сестру... Потомъ недоумѣніе смѣнилось тревогою, глаза блеснули, — и она быстро, страстнымъ шепотомъ начала рассказывать Нинѣ всю исторію любви своей съ начала до конца.

Нина слушала, молча, не перебивая. Слезинки застыли у нея на рѣсницахъ крупными прозрачными каплями, на лицѣ выступилъ румянецъ... Она замерла...

Вѣра кончила. Она тяжело дышала, не глядя на сестру, и ждала, что Нина скажетъ. Пойметъ-ли она? Проститъ-ли ее, или отвернется?..

Но Нина молчала. Нѣсколько минутъ длилось это тяжелое молчаніе, потомъ Нина встала и медленно вышла изъ избы. Вѣра вздрогнула и, горько усмѣхнувшись ей вслѣдъ, поджала голову.

Въ этотъ вечеръ сестры не видѣлись. Чуть стемнѣло— Вѣра: ушла и веротилась по обыкновенію поздно, когда уже всѣ легли спать. Раздѣваясь, она прислушалась, — все было тихо. «Спать или нѣтъ?» мелькнуло въ головѣ Вѣры. Она подошла къ постели Нины, — Нина не шевелилась. Но Вѣрѣ почему-то казалось, что Нина вовсе не спитъ, что она только притаялась, — и злое чувство шевельнулось у нея въ душѣ. «Это она чтобы со мною не говорить!» подумала она снова. Туда-же... А мнѣ чортъ съ нею, коли такъ! Одна, такъ одна... съ Тимошкой...» — Она отошла въ сторону и долго стояла неподвижно, прижавъ руку къ пылающему лбу. Что-то жгучее подступало къ горлу, ей захотѣлось плакать.

Нина въ самомъ дѣлѣ не спала. Она все слышала и нарочно притихла, притвердилась спящей; она не хотѣла говорить съ сестрой. Вѣра угадала... Почему? Нина сама еще не могла дать себѣ въ этомъ отчета. Въ душѣ ея былъ цѣлый хаосъ... Ей было и жаль сестру, и обидно за себя.

Проснувшись, Вѣра долго лежала въ постели, отвернувшись къ стѣнѣ. Было уже поздно; печь давно вытопили; за перегородкой слышались голоса дѣтей и звонкій раскатистый смѣхъ кабанутика-Сени. Нина была тамъ-же; она что-то рассказывала дѣтямъ и тоже смѣялась. Вѣра тяжело вздохнула и закашлялась.

Смѣхъ за перегородкой прекратился; послышались торопливые шаги...

— Ты спишь? спросила Нина.

— Нѣтъ, тихо отвѣчала Вѣра.

Наступило долгое молчаніе.

— Послушай... Вѣрка! заговорила, наконецъ, Нина, положивъ руку на плечо Вѣры. — Нельзя... нельзя такъ... Слушай, брось это, брось! Не нужно! Не ходи больше...

Нина задыхалась. Вѣра обернулась къ ней и быстро поднялась.

— Бросить? громко и вспыльчиво заговорила она. — За молчи... Какое тебѣ дѣло? Моя воля, — что хочу, то и дѣлаю! На меня будутъ пальцами показывать, а не на тебя. Я тебѣ,

какъ доброй, сказала, а ежели ты такъ... тебѣ это обидно... такъ наплевать мнѣ на васъ. Уйди... не сестра ты мнѣ послѣ этого. Чужой пожалѣть, посоветуетъ, а ты не пожалѣла... Ишь ты «брось!» Ха-ха-ха... А ежели я не могу,—тогда какъ по-твоему? Уйди!

Рука Нины тихо скользнула съ плеча Вѣри. Нина ушла. А Вѣра, оставшись одна, снова повернулась къ стѣнѣ. Она была раздражена, грудь высоко подымалась, на глазахъ на-вертывались слезы.

Съ этого дня сестры были чужія другъ другу. Между ними легла пропасть,—и не перешагнуть, ни обойти ея было нельзя. Онѣ не понимали и не могли понять другъ-друга.

XXII.

„А все-таки не вѣрю“.

Февральское солнышко грѣетъ совсѣмъ по-весеннему. Голубыя вершины снѣговыхъ сугробовъ медленно таютъ подъ его лучами и осѣдаютъ книзу; по дорогѣ днемъ—лужи, а вечеромъ—тонкая ледяная пленка. Въ воздухѣ уже чувствуется прѣ-лый запахъ навоза; воробьи, голуби, вороны съ растрепанными мокрыми хвостами цѣлый день толкуются надъ селомъ, перелетая съ крыши на крышу, роясь въ навозныхъ кучахъ и поднимая драки изъ-за каждого зерна. Тепло и сыро.

Нина, шлепая по лужамъ, въ плохенькомъ дубленомъ полушубкѣ, идетъ вдоль села. Она ужасно похудѣла за послѣднее время; глаза глубоко ввалились; на лицѣ застыло выраженіе мучительной скорби. И ямочки на щекахъ давно не появляются,—рѣдко теперь смѣется Нина. Цѣлые дни проводитъ она въ этихъ закопѣлыхъ избенкахъ, гдѣ царствуетъ тифъ и голодь; съ утра до ночи видитъ она страшныя, надрывающія душу картины. Неустанно работаетъ мысль въ ея головкѣ, ноетъ сердце, сохнетъ молодость.

Вотъ она завернула въ узенькій пустынный переулочекъ. По бокамъ тянутся покривившіеся на сторону плетни; только одна избенка сиротливо лѣвится среди сугробовъ. Ни тына кругомъ ея, ни крыльца; низенькая дверь вровень съ землею отворяется прямо на улицу. Нина подошла къ этой двери, отодвинула щеколду и вошла.

Темь, духота, вонь.. Ноги скользятъ по земляному, про-

питанному сыростью, полу. Лучи дневного свѣта едва проникаютъ сквозь единственное, да и то кое-какъ заткнутое тряпичей окно. Подъ лавкой хрюкаютъ и чавкаютъ поросята; теплое добродушно сопить, поглядывая на всѣхъ своими синими ласковыми глазами. На палатахъ возятся ребятишки, а внизу, на лавкѣ подъ грудой тряпья, стонетъ и мечется больной мужикъ, надрываясь удушливымъ кашлемъ. Блѣдная, измученная баба суетится растерянно по избѣ, то надѣляя колотушками спящихъ подъ ногами ребятъ, то раздражаясь проклятіями на свою горькую судьбу. Въ люлькѣ слабо пищитъ чахлый, грязный ребенокъ.

Нина сняла полушубокъ и подошла къ бабѣ.

— Ну что, Матрена? шепотомъ спросила она ее, указывая глазами на больного.— Плохъ?

— Плохъ, родимая,—гляди не ноне—завтра помретъ... заговорила Матрена, укачивая люльку.— Не ѣсть, не пьеть,—видно ужъ не встать... Да спи ты, балухманный, спи! обратилась она снова къ люлькѣ.— Спи, дитятко,—спи... бай, бай, колыбай, пошла мать за рыбой, рыбка болкнула, мать потонула...

Ребенокъ залился еще пуще, весь вздрагивая и захлебываясь.

— Мамка, когда-жъ ты намъ поѣсть-то соберешь? вываютъ съ полатей ребятишки.

— Отойдите вы отъ меня, окаянные! Господи, хоть-бы вы подошли всѣ! отчаянно взвизгнула баба. Больной со стономъ повернулся на другой бокъ и потухающими глазами взглянулъ на жену, словно умоляя ее о чемъ-то.

— Дай я его покачаю, Матрена! вступается Нина.— Собери имъ обѣдать-то,—чай; они и вправду ѣсть хотятъ ..

Она беретъ ребенка на руки и начинаетъ его укачивать. Ребенокъ мало-по-малу успокоивается, всхлипываетъ все рѣже и рѣже и наконецъ засыпаетъ. Нина тихонько кладетъ его въ люльку и осторожно накрываетъ своимъ платкомъ.

— Дай пить... хрипитъ больной, подымаясь. — Силушки моей нѣту... помру ночью...

Нина бѣжитъ къ ушату и, зачерпнувъ ковшемъ воды, подноситъ больному. Мужикъ съ жадностью приникаетъ сухими, растрескавшимися губами къ ковшу. На лбу его выступилъ потъ; грудь неровно подымается подъ холщевой рубахой.

— Спасибо родимая... Дай тебѣ Господи, кормилица...

У Нины на глазахъ навертываются слезы, — она спѣшить отвернуться...

...; Опять та-же изба, — только въ ней чище прибрано и поросята съ теляткою навремя выселены на дворъ. Пахнѣтъ ладономъ. Подъ образами на лавкѣ, покрытой послѣдней «новинкой», смиренно лежитъ хозяинъ. Его суровое лицо, обросшее послѣдлою бородой и изрытое глубокими морщинами, теперь торжественно и спокойно. Выраженіе тупого отчаянія смѣнилось глубокою задумчивостью, — словно впервые онъ задумался о чемъ-то иномъ, помимо вѣчной заботы о кускѣ хлѣба. Большія, корявыя, волосатыя руки, много на своемъ вѣку переработавшія, сложены на груди. Заснулъ хозяинъ навсегда — и ему наконецъ отдохнуть захотѣлось... Дѣти пугливо глядятъ изъ-за печки на отца и тихонько шепчутся; обезумѣвшая отъ горя мать завывааетъ, припадая къ ногамъ покойника.

— Не плачь, Матрена, будетъ... угѣшаетъ ее Нина, а у самой глаза распухли отъ слезъ. Но баба не слышитъ ея увѣщаній.

— Родимый ты мой соколикъ... на кого меня покинулъ!.. Куда я теперь дѣнусь съ малыши дѣтьми, куда приклоню горькую головушку! Безъ мужа жена — горькая сирота; безъ отца дѣти — бездольные... надрывая душу, льется ея жалобная пѣсня.

«Что-же это, Господи? думаетъ Нина. На лбу у нея выступаетъ холодный потъ, строчки псалтыря сливаются, заволакиваясь туманомъ, грудь словно разорваться хочетъ, переполненная тоскою и отчаяніемъ. — Господи, вѣдь это съ ума можно сойти... И неужто еще есть на свѣтѣ счастливые послѣ этого? Неужто они *этого* ничего не видали?»

Сознаніе своего полного безсилія помочь этому всесвѣтному, безысходному горю охватывало Нину. Въ такія минуты она невольно думала о смерти...

Но Нинѣ некогда надолго предаваться своимъ мучительнымъ сомнѣніямъ, некогда оставаться наединѣ съ собой. Ее каждую минуту зовутъ, каждую минуту ждуть отъ нея если не дѣйствительной помощи, то хоть просто сочувствія, ласкового слова, угѣшенія... Деревенскій народъ, среди своей безустанной работы и нужды, обрадовался, что нашелся хоть одинъ свободный человѣкъ, пожелавшій отдать имъ свое вре-

мя, — и Нину буквально тащили нарасхватъ. Въ короткое время она стала чуть-ли не знаменитѣе учительницы своей, Настасьи Филипповны. Та уже и стара стала, и прихварывать начала, — о ней стали забывать.

Нинка таяла, словно сгорая на медленномъ огнѣ. Повременамъ она, — всегда кроткая, незлобивая, всепрощающая, — чувствовала приливъ ѣдкой злости. Злости на себя, за свое безсиліе, — на всѣхъ тѣхъ, которые могутъ помочь — и не помогаютъ. Въ мысляхъ ей произошелъ замѣтный переворотъ, она стала озлобляться...

Ее начинало томить одиночество, сознание своей беспомощности. — «Ничего-то я не знаю! восклицала она мысленно. Некому меня научить...»

Въ одну изъ такихъ минутъ Нина вспомнила объ учителѣ. Она не видѣлась съ нимъ съ пріѣзда Андрея — и въ послѣднее время совсѣмъ какъ-то забыла о немъ. Вѣдь столько ей пришлось пережить... Пріѣздъ Андрюши, — измученнаго, изломаннаго; потомъ смерть бабки... страшная исторія съ сестрой... наконецъ, эти душныя избы... Нина совсѣмъ закружилась въ этомъ водоворотѣ. Когда-же тутъ было помнить о маленькомъ учителѣ, который вдобавокъ смотрѣлъ на нее свысока и считалъ ее ребенкомъ?

Время было послѣобѣденное, когда Нина торопливыми шагами направлялась къ школѣ. Улица была молчалива и пустынна, только у школы на пригоркѣ человекъ пять ребятшекъ играли въ бабки, оглашая переулочекъ звонкими восклицаніями и одобреніями, когда кому-либо изъ нихъ удавалось разомъ сбить цѣлый конь.

— Эй, ребята, дома учитель? подошла къ нимъ Нина.

Ребятишки на минуту приостановили свою игру и всѣ разомъ отвѣчали.

— Знамо дома! Эй Никашка, твой конь. Чего зѣваешь, — мѣться...

И они снова углубились въ бабки. Нина пошла въ школу.

Сергѣй Васильевичъ въ самомъ дѣлѣ былъ дома. Онъ только-что пообѣдалъ и лежалъ на кровати въ облакахъ дыма. Въ комнатѣ его по-прежнему было грязно и неуютно; на столѣ валялся учебникъ и нѣсколько номеровъ „Нивы“, обя-

зательно ссуженой ему батюшкой, а на низенькой табуреткѣ лежала плохенькая гитара съ лопнувшей квинтой.

— Кто тамъ? крикнулъ онъ, не оборачиваясь, когда Нина стукнула дверью.

— Это я, робко отвѣчала Нина, останавливаясь на порогѣ.

При звукѣ ея голоса, Сергѣй Васильевичъ отбросилъ папиросу въ сторону и поспѣшно вскочилъ съ кровати.

— Господи... Антонина Никандровна! радостно, было, воскликнулъ онъ, подходя къ ней, но сейчасъ-же, словно спохватившись, добавилъ сухо:—какъ это вы,—а?

— Такъ... поговорить пришла, произнесла Нина.

— Очень радъ. Сдѣлайте одолженіе, садитесь. Я велю самоваръ поставить, говорилъ онъ любовно, а самъ думалъ: «ага... пришла все-таки... Вѣдь я говорилъ! Это ужъ всегда такъ: не нужно обращать вниманія»...

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,

Тѣмъ больше нравится мы ей...

ни съ того, ни съ сего вспомнилось ему.

— Ну-съ, каково поживаете? съ напускнуой развязностью спросилъ онъ, возвращаясь въ комнату и подходя къ столу, около котораго усѣлась Нина.

— Плохо! вздохнувъ, отвѣчала она.

— Что такъ? Ахъ да, — вѣдь у васъ бабушка померла... Слышалъ, слышалъ! продолжалъ Сергѣй Васильевичъ, садясь рядомъ съ нею и взявъ въ руки гитару. — Жаль старушкѣ, — славная была такая... говорилъ онъ, стараясь приладить оборванную квинту. Нина вдругъ вспыхнула и подозрительнымъ, быстрымъ взглядомъ посмотрѣла на учителя. „Что, если онъ и про Вѣрку знаетъ?“ подумалось ей, и жгучій стыдъ залилъ лицо ея яркою краской. Но Сергѣй Васильевичъ равнодушно возился съ квинтой, и Нина успокоилась.

— Да... бабушка... выговорила она.—Плохо было! Соскучилась объ васъ...

— То-то! Старый другъ лучше новыхъ двухъ! наставительно сказалъ учитель.

— Да какіе-же новые? У меня ни новыхъ, ни старыхъ нѣту!

Сергѣй Васильевичъ наконецъ приладилъ квинту и, на-

страивая гитару, взглянул на Нину, стараясь въ то-же время выразить на своемъ лицѣ какъ можно больше равнодушія. Но, взглянувъ на нее, вмѣсто равнодушія онъ изобразилъ изумленіе и воскликнулъ:

— Боже мой, Антонина Никандровна, какъ-же вы поху-дѣли!

Онъ только сейчасъ замѣтилъ происшедшую въ ней пере-мѣну. Нина грустно улыбнулась.

— Что-же это съ вами? Больны были? съ участіемъ спрашивалъ Сергѣй Васильевичъ, не сводя съ нея глазъ, и въ то-же время думалъ: «какая она хорошенькая стала... это прелесть...» И ему вдругъ страшно захотѣлось ее поцѣловать...

Нина молчала. Сергѣй Васильевичъ пожиралъ ее глазами.

— Впрочемъ... вы, вѣдь, говорятъ, все съ больными возитесь, продолжалъ онъ насмѣшливо. — Вотъ еще тифъ схватите... охота!

— А что мнѣ дѣлать? вся вдругъ встрепенулась Нина.

— Какъ что? Развѣ вы въ учительницы-то ужъ не хотите?

— Нѣтъ, я учительницей буду... Только вотъ что... Я хотѣла васъ спросить... Выйдетъ толкъ изъ того, что я учительницей буду?

— Да какъже! разсѣянно отвѣчалъ Сергѣй Васильевичъ, плохо понимая суть ея вопросовъ и думая совсѣмъ о другомъ. — Вы учить дѣтей будете... грамотѣ ихъ научите!

— Это я все знаю! Учить дѣтей... это само собой, говорила Нина. — Нѣтъ, вы вотъ что мнѣ скажите, — что-же будетъ тогда, когда они выучатся? А какъже теперь эти будутъ жить, которые мучаются-то? Вѣдь имъ нужно помочь скорѣе... вѣдь покуда дѣти ихнія выучатся и станутъ имъ помогать, — они всѣ изведутся...

Нина путалась, сбивалась и, очевидно, страшно затруднялась выразить мучившую ее мысль какъ можно яснѣе. Она волновалась; на щекахъ ея заигралъ легкій румянецъ, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Сергѣй Васильевичъ любовался ею и совсѣмъ не слушалъ того, что она старалась ему рассказать...

— Вотъ что, Сергѣй Васильевичъ! договорила наконецъ Нина рѣшительно. — Я вотъ этого хорошенько не умѣю выска-

зять... это оттого, что я не учена. Такъ вы скажите мнѣ, что нужно дѣлать. Помните, вы мнѣ общались... вы говорили,—книжки такія есть, гдѣ все сказано...

Она смолкла, жадно ожидая отвѣта.

— Что? спросилъ, очнувшись отъ своего созерцанія, учитель.

Нина еще рѣшительнѣе и опредѣленнѣе повторила вопросъ.

Сергѣй Васильевичъ понялъ... Ему на минуту стало неловко; что-то похожее на стыдъ кольнуло его сердце. Но онъ сейчасъ-же засмѣялся громко и весело...

— Ахъ, Антонина Никандровна! воскликнулъ онъ, переставая смѣяться и перебирая струны гитары. — Будетъ вамъ съумасбродничать! Эдакая вы чудачка! Вѣдь я шутилъ съ вами тогда, а вы и повѣрили! Да развѣ можно книжками и голоднаго накормить, и больного вылечить... Голодному нуженъ хлѣбъ, а коли хлѣба для всѣхъ не хватаетъ,—прямое дѣло, голодный долженъ помирать. И ни вы, ни я, — никто здѣсь ничего не подѣлаютъ...

Нина была оглушена... Неподвижно сидѣла она, какъ-то дико уставившись глазами на учителя. Румянецъ сбѣжалъ съ ея лица, губы беззвучно шевелились.

— Значить... голодный долженъ помирать? выговорила она наконецъ своими поблѣвшими губами.

— Разумѣется! кивнулъ головой учитель.

— И... ученые, сколько ни учишь, этому дѣлу не помогутъ?

— Ну, конечно! нетерпѣливо воскликнулъ Сергѣй Васильевичъ. — Коли хлѣба на всѣхъ не хватить, — гдѣ-же ученый-то его возьметъ? Вѣдь онъ не Христосъ, который пятью хлѣбами насытилъ пять тысячъ человѣкъ...

— Такъ зачѣмъ-же тогда... въ учительницы?.. Зачѣмъ вы въ учителя пошли, если отъ этого пользы никакой нѣту?.. Вѣдь вы жалованье получаете, Пускай-же онъ... безъ ученья помираетъ... все равно...

Сергѣй Васильевичъ въ свою очередь оторопѣлъ и, мигая глазами, неловко завертѣлся на стулѣ. Онъ словно пощечину получилъ... такое у него было въ эту минуту чувство. И испугъ, и досада, и недоумѣнїе, и стыдъ... Онъ ничего не нашелся сказать и машинально заигралъ на гитарѣ любимый провинціальный романсъ: „я васъ люблю, — и вы повѣрите, когда цыганка говоритъ...“

Нина между тѣмъ встала и, забывъ проститься, пошла къ

двери. Но у дверей она на минуту остановилась, словно о чем-то раздумывая. Потомъ быстро обернулась къ Сергѣю Васильевичу.

-- И все-таки я вамъ не вѣрю! громко, энергично выговорила она и вышла.

И черный хлѣбъ въ обѣдъ и ужинъ
Ея страстей не сладить...

Гитара жалобно зазвенѣла,—квинта опять лопнула...

— Дура! вслухъ сказала Сергѣй Васильевичъ и, бросивъ гитару на полъ, принялся торопливо бѣгать изъ угла въ уголь, задѣвая за столъ и стулья. — И все-таки я... подлецъ!.. шевельнулось затѣмъ у него гдѣ-то въ самомъ потайномъ уголкѣ души...

XXIII.

Тучи собираются.

Вѣра окончательно закружилась въ вихрѣ своей безумной страсти. Она ни о комъ не думала, не заботилась о будущемъ, забывала осторожность; она вся ушла въ свою любовь и жила только ею. Теперь уже все село знало объ ея связи съ Тимофеемъ. Ихъ часто видали вмѣстѣ, нѣсколько разъ поздно вечеромъ заставляли на обрывѣ, ночныя поѣздки ихъ въ лѣсъ къ Борису-лѣвичу, другу Тимошки, тоже не остались тайною. Да и сами влюбленные, наконецъ, перестали скрывать ото всѣхъ свои близкія отношенія, и такимъ образомъ стали предметомъ толковъ цѣлаго села. О нихъ говорили, покачивая головами, жалѣли Тимофея, негодовали на Вѣру. «Околдовала парня,—прямое дѣло! Вѣдь какой чудесный парень былъ Тимошка-то! Смирный, безотвѣтный, покорный,—а теперь поди ты, что съ нимъ подѣялось... На ножъ лѣзеть съ отцомъ-то, жену и знать не хочетъ. Обведа, опутала, вѣдьма эдакая»...

И простодушные алмазовцы совершенно искренно вѣрили, что въ этомъ дѣлѣ непременно не обошлось безъ «приворотнаго корешка—присухи молодецкой». Иначе они понять не могли, — какимъ образомъ парень могъ до того забыться, чтобы и противъ родителей возстать, и законъ нарушить... Положимъ, красива-то Вѣрка—красива, но вѣдь Лукерья Алексѣевна чуть-ли еще не красивѣе ея будетъ. Да и нравомъ жена

Тимофея не въ примѣръ складнѣе. Та, вѣдьма-то, все насупившись ходить, все молчить, — а Лукерьюшка не такая. Веселуха-баба! Запоеть, — словно колокольчикъ зальется; засмѣется, — словно бисеръ рассыплется... Куда-же Вѣркѣ-цыганкѣ до Лукерьюшки...

— Жаль бабенку, — на эдакое она тиранство пошла! сожалѣли жену Тимофея въ Алмазовѣ.—Бабенка молодая, колена, въ дѣвкахъ жила—горя-то и не видывала, а теперь какъ ково ей эдакую обиду принимать? Вѣдь Вѣрка-то совсѣмъ безстыдная дѣвка. Она на-зло дѣлать будетъ, —насмѣется...

И дѣйствительно, Вѣрка словно насмѣхалась надъ всѣми, на глазахъ у всѣхъ щеголяя своими смѣлыми, отчаянными выходками. Она заставляла Тимоху катать ее по селу, среди бѣла-дня бѣгала въ Воровской переулочкѣ, мимо ярыгинскихъ оконъ, вызывала знакомъ Тимошку изъ избы и тутъ-же передъ окнами цѣловала его и со смѣхомъ убѣгала. Разумѣется, Ярыгины все это знали и видѣли; Лукерьюшка ударялась въ слезы, а Иванъ Никитичъ стучалъ кулакомъ по столу и сказалъ, что «ежели еще увидить эту паскуду у своего дома, — то пришибеть какъ бѣшеную собаку». — «Таскайся съ ней гдѣ хочешь, прибавилъ онъ.—Только срамиться по селу не могли. И чтобы я этого сраму въ своемъ домѣ не видалъ...»

Тимоху это очень огорчало, а Вѣра только смѣялась.

— Эхъ, Вѣрка! говорилъ онъ ей.—Ровно ножомъ по сердцу меня полосуешь, когда про тебя мнѣ нехорошее говорятъ. Не могу я этого терпѣть...

— А пускай ихъ! съ злобнымъ смѣхомъ восклицала Вѣра.—Я ихъ не боюсь... я на-зло дѣлать буду. А если тебѣ это обидно, такъ...

Она насмѣшливо прищуривалась на Тимофея и тихонько добавляла: «брось...» Но, въ отвѣтъ, Тимофей крѣпче прижималъ ее къ себѣ, и глаза его загорались недобрымъ огонькомъ. Онъ не могъ ее бросить, и только смерть одна заставляла-бы его разлучиться съ нею. Онъ, словно, въ самомъ дѣлѣ былъ околдованъ...

Однажды Вѣра простерла свою дерзость до того, что пригласила Тимофея къ себѣ и отпустила его домой только поздно вечеромъ. Эта вѣсть немедленно-же разнеслась по селу и, разумѣется, дошла до ярыгинской избы.

— Сидятъ оба подъ окошечкомъ и гуторять, ровно они

мужъ съ женой! тараторила бойкая, тароватая на языкъ невѣстка-Аннушка. — Сама видѣла, своими глазами. Иду это я отъ кумы, а на дорогѣ Оекла встрѣтилась. «Гляди-ко, говорить, дѣвушка, Тимошка-то вангъ... вѣдь у Вѣрки-землемѣровой сидитъ». Я такъ и обмерла. Идемъ это мы мимо пономарихинто,—а они у окошечка... Тимошка глазъ съ нея не сводить, а она-то щебечетъ, она-то извивается. Глазници-то, прости Господи,—точно въ нихъ черти скачутъ... Чистая русалка,—прости ты мои прегрѣшенія...

Иванъ Никитичъ весь поблѣднѣлъ при этомъ разсказѣ и, вставъ изъ-за стола, сталъ дрожащими руками натягивать на себя поддевку. Онъ былъ возбужденъ... Неслыханная дерзость сына и Вѣры поразила его въ самое сердце... Какъ! Онъ первый мужикъ въ селѣ, онъ не нынче—завтра въ гильдію припишется,—и родной сынъ срамить его на весь міръ честной, а какая-то дрянная дѣвка смѣется ему почти въ его сѣдую бороду...

Его душила ярость; крючокъ нивеакъ не попадалъ въ петлю. Всѣ присмирѣли, съ испугомъ глядя въ его побагровѣвшее лицо. Только Аленушка продолжала вполголоса, съ энергическими жестами и покачивая головой; разсказывать скандальную исторію, которую она видѣла «своими глазами...»

Вдругъ Иванъ Никитичъ грузно опустился на лавку, тяжело переводя духъ.

— Аленка... замолчи!.. крикнулъ онъ хрипло и обвелъ глазами избу.— Гдѣ Тимошка... позовите мнѣ Тимошку!..

Аленка прикусила языкъ и спряталась за печку; въ избѣ воцарилась злобѣщая тишина, словно передъ грозой. Слышно было только тяжелое дыханіе хозяина, да дѣдушка-Никита, охая и стуча костью, слѣзаль съ печи...

Маленькій Серега, сынъ Алены, такой-же, какъ она, шустрый и вертлявый мальчуганъ, бросился отыскивать Тимофея. Прошло нѣсколько минутъ.

Вдругъ дверь тихо скрипнула и растворилась, — у всѣхъ замерло въ сердцѣ, а по спинѣ пробѣжала дрожь. Въ избу вошелъ Тимофей и остановился предъ отцемъ. Онъ былъ блѣденъ, но въ глазахъ его свѣтилось злое упорство...

Съ минуту отецъ и сынъ глядѣли другъ на друга. Наконецъ Иванъ Никитичъ поднялся, опираясь рукой на столъ.

— Слушай... ты... заговорилъ онъ удушливо. — Подлецъ

ты эдакій... Я тебѣ что наказывалъ? Брось свою пасуду... не срами отца... Ты и знать не хочешь? Такъ я же тебя...

Онъ все болѣе и болѣе возвышалъ свой голосъ, скрипя зубами, и на послѣднемъ словѣ, совершенно обезумѣвъ отъ ярости, бросился на сына съ поднятыми кулаками.

Тимоха весь оцетинился... Глаза его блеснули, зубы оскалились, словно у молодого волчонка.

— Не тронь, батюшка... задыхаясь сказалъ онъ. — Не тронь,—прошла твоя пора-то... Зачѣмъ сизкомъ женишь?!

Иванъ Никитичъ бросился на Тимоху и ударилъ его по виску. Вся изба ажнула, ребятишки закричали... Иванъ Никитичъ размахнулся еще... Другой ударъ,—третій...

Тимоха пошатнулся, охнулъ, схватившись рукой за високъ... Вдругъ съ дикимъ крикомъ сорвался съ мѣста и звѣрежь кинулся на отца.

Произошла отвратительная свалка. Иванъ Никитичъ, съ выкатившимися на лобъ глазами, съ пѣной у рта, билъ Тимоху по чему попаало, а Тимоха, окровавленный, съ расстегнувшимся въ борьбѣ воротомъ рубахи, съ оторваннымъ напроць рукавомъ, старался схватить его за руки, отмакиваясь отъ ударовъ. Перекрестная ругань, пошоть, плачь ребятишекъ, бабьи восклицанія, — все это смѣшалось въ одну беспорядочную массу звуковъ. Дѣдъ-Никита тѣтно уговаривалъ обѣихъ разойтись,—его старческаго голоса никто не слышалъ въ этой суматохѣ.

Тимоха побѣдилъ. Схвативъ отца за руки, онъ повалилъ его на лавку и съ дико-блуждающими глазами твердилъ, стоя надъ нимъ:

— Не смѣй бить,—я тебѣ говорилъ... Не позволю надругаться надъ собой... Не смѣй!

— Будь ты проклять... хрипѣлъ отецъ.—Чтобы нога твоя здѣсь не была больше...

— Будеть, будетъ вамъ... вступился наконецъ дѣдъ, подходя къ нимъ.— Безумные вы эдакіе... Тимошка, брось отца! грозно обернулся онъ къ внуку.—Негодяй ты эдакій! Какъ ты смѣлъ на отца руку поднять? Ополоумѣлъ, что-ли?!

— Молчи, дѣдушка... выговорилъ Тимофей, выпуская отца.— Вы меня довели до этого... Не отецъ онъ мнѣ... Сами вы полоумные... Не тронь! бѣшено вскрикнулъ онъ, увидѣвъ, что отецъ опять подымается съ лавки.— Я теперь на все

пойду, — я человекъ рѣшенный. Домъ сожгу... Жену убью... Надъ собой что ни на, есть сдѣлаю...

Тимофей былъ страшенъ съ своимъ избитымъ лицомъ, въ разорванной рубахѣ. Дѣдушка поднялъ надъ головой костьль и обернулся къ нему.

— Будь-же ты и отъ меня проклять! торжественно возгласилъ онъ, и его пожедѣвшая борода затряслась. — Нѣтъ тебѣ отъ меня благословенія... не вѣжукъ ты мнѣ, если отца съ дѣдомъ на паскуду прощѣнялъ... Уйди!

Костьль выпалъ изъ его рукъ, и онъ, бессильно опустившись на лавку, заплакалъ. Слезы крупными каплями падали ему на грудь, текли по бородѣ, — онъ не утиралъ ихъ, всхлипывая и заикаясь, какъ плачутъ дѣти. Старикъ очень любилъ Тимоху...

Тимоха, словно пьяный, пошатываясь, вышелъ изъ избъ.

Въ этотъ-же вечеръ онъ запрягъ въ сани лучшую лошадь и, захвативъ съ собою ожидавшуюся его подъ кручей Вѣру, уѣхалъ въ лѣсъ, къ дѣнику-Борису.

Дня черезъ два послѣ этой исторіи, разыгравшейся въ арыгинской избѣ, Вѣра сидѣла у окна и, вполголоса напѣвая какую-то пѣсню, проворно работала иглой надъ кусками полотна, разбросанными вокругъ нея. Ей было весело. На улицѣ такъ было ярко и свѣтло; съ крыши падала капель; пѣтухи на перебой заливались громкимъ пѣньемъ. Въ воздухѣ пахло весной...

И на дунѣ у Вѣры весна разцвѣтала, — такъ она легко себя чувствовала. Всѣ невзгоды забылись; мрачныя, злобныя мысли отлетѣли; дышалось свободно, полной грудью... Изрѣдка она задумывалась и опускала иглу на колѣни... «Голубчикъ-Тимоша!» шептали ея горячія губы. Но вслѣдъ затѣмъ она сейчасъ-же встряхивалась, весело усмѣхалась и хваталась за иглу. Быстро мелькаетъ игла, шуршитъ нитка, звенитъ пѣсня...

Ты дуброва--свѣтъ зеленая моя!

Я ходила... я гуляла по тебѣ...

Но пѣсня ея на половинѣ была прервана появленіемъ неожиданной-негаданной гостыи.

Дверь широко распахнулась, отворенная чьей-то смѣлою рукою, — и на порогѣ, въ золотистомъ блескѣ солнечныхъ лу-

чей, появилась молодая, красивая женщина. На головѣ ея была алая шелковая повязка; на плечахъ небрежно накинута душегрѣйка,—глаза ея сверкали злобно и вызывающе. Она, очевидно, была сильно раздражена. Окинувъ избу бѣглымъ, любопытнымъ взглядомъ, она притворила за собой дверь и дерзко обратилась къ Вѣрѣ.

— Что, нѣтъ у васъ моего Тимофея? спросила она съ отѣнкомъ того отчаяннаго ухарства, которымъ человекъ хочетъ заглушить одолевшую его робость.

Вѣра нѣсколько минутъ молча смотрѣла на гостью. Разумѣется она ее узнала...

— Какого Тимофея? выговорила она наконецъ сурово, вся вспыхнувъ.

— «Какого Тимофея»,—скажите пожалуйста! передразнила ее Лукерья Алексѣевна, совершенно оправившись и подымая тономъ выше.—Точно вы не знаете, какой-такой Тимофей на свѣтѣ живетъ! Безстыдница вы эдакая... Такъ благородныя дѣвушки не дѣлаютъ, чужихъ мужьевъ у себя не прячутъ подъ юбками. Гдѣ Тимошка?! уже совсѣмъ взвизгнула она, подступая къ Вѣрѣ.

Вѣра глядѣла на нее изумленно—и вдругъ принялась отчаянно хохотать...

— Такъ вотъ что! въ промежуткахъ между взрывами смѣха говорила она... Такъ вы мужа своего ищете—ха-ха-ха!.. Хороша жена, если мужъ отъ нея сбѣжалъ... ха-ха-ха... О, Господи, уморили!.. Да вы-бы его къ хвосту, что-ли, привязывали...

Лукерьюшка на мгновение остолбенѣла, пораженная дерзостью своей соперницы, и вдругъ совсѣмъ вышла изъ себя.

— Ахъ, ты, подлая тварь! закричала она во весь голосъ.—Полюбовниковъ себѣ завела полонъ домъ, чужихъ мужьевъ отбиваетъ, да еще смѣется... Да подлая ты эдакая... да я тебѣ всѣ глаза твои безстыжіе выцаралаю. Я не погляжу, что ты колдунья, я...

Выкрикивая эту брань, она налетала на Вѣру, размахивая руками.

Вѣра перестала смѣяться и поблѣднѣла. Въ глазахъ у нея поблѣжали разноцвѣтные круги; въ голову ударило,—она припла вѣ бѣшенство...

— Молчать! неистово взвизгнула она въ свою очередь.

Но слова замерли у нея на губахъ. Дверь снова съ трескомъ распахнулась, и въ избу не вошелъ, а ворвался Тимофей. Шапки на немъ не было; волосы стояли дыбомъ, онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

— Ага, подлець! завизжала Лукерья, увидѣвъ его. — Я такъ и знала, что ты здѣсь, у своей любовницы подъ юбкой...

Тимофей однимъ махомъ схватилъ ее за плечи и повалилъ на полъ. Дикій, нечеловѣческій визгъ огласилъ избу. Тимофей озвѣрѣлъ, и его тяжелый кулакъ опустился на голову жены. Разъ, другой, третій—кровь хлынула ручьемъ изъ носа и изъ рта несчастной. Вѣра съ крикомъ бросилась къ Тимофею и схватила было его за руку,—но онъ отшвырнулъ ее въ сторону и продолжалъ свою свирѣпую расправу. Лукерья билась на полу, вся въ крови, испуская раздирающіе душу вопли...

Отъ сосѣдей прибѣжала пономариха съ Софьей Петровной; на крики собирался народъ. Бабы охали; мужики галдѣли, Софья Петровна заливалась слезами. Попробовали было уговорить Тимофея; двое дюжихъ мужиковъ схватили его за руки. Но Тимофей рванулся изъ ихъ рукъ, задѣлъ мимоходомъ одного по зубамъ и снова бросился къ женѣ. Онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ, не понималъ,—онъ обезумѣлъ.

— Да остановите же его,—вѣдь онъ убьетъ ее!.. отчаянно кричала Вѣра, кидаясь къ сосѣдямъ.—Мужики переглянулись, но никто не рѣшился подойти къ парню. Въ толпѣ кто-то выругался... «все изъ-за тебя, потаскуха эдакая»... Но Вѣра не слышала; она совершенно растерялась ..

А Тимофей продолжалъ бить жену, скрипя зубами, съ пѣной у рта. Потомъ схватилъ ее за косы и поволокъ изъ избы на улицу. Вся гурьба съ глухимъ говоромъ двинулась за нимъ.

Вѣра сама не своя опустилась на лавку. Она долго не могла опомниться... Въ ухахъ ея все слышались отчаянные вопли несчастной Лукерьи; въ глазахъ мелькало страшное лицо Тимофея съ остановившимися, налитыми кровью глазами и оскаленными, какъ у волка, зубами. Она не слышала сѣтованій и брани матери, не слышала пересудовъ сосѣдей, набравшихся къ нимъ въ избу и увѣрявшихъ, что «Тимошку безпремѣнно будутъ судить»... Она вся еще находилась подъ впечатлѣніемъ этой бури, которую сама вызвала.

Къ вечеру пришла Нина. На дорогѣ ей встрѣтилась со-

сѣдка и передала обо всемъ, что случилось сегодня на ихъ квартирѣ. Нина вся горѣла отъ стыда и горя. — «Господи! что-же это дѣлается! Андришка пьетъ... а Вѣрка — еще хуже!..»

— Вѣрка, что-же ты это дѣлаешь? съ отчаяніемъ воскликнула она, вбѣгая въ избу.

Вѣра туло посмотрѣла на нее и лишь рукой махнула.

Нѣсколько дней въ Алмазовѣ только и говорили, что объ этомъ происшествіи. Всѣ единодушно осуждали Тимофея и его любовницу, а Луверьюшку жалѣли, соболѣзновали о ней. Однако дѣло до волости не дошло, а такъ и загасло, какъ гаснуть во тьмѣ крошечной многія деревенскія кровавыя драмы... Первое дѣло—дѣдушка Никита отсовѣтовалъ, потому что все равно «пути изъ этого не будетъ», а второе—и самъ алмазовскій магнатъ не хотѣлъ срамиться передъ цѣлымъ сходомъ и выносить на показъ всему міру свою семейную неурядицу. Притомъ онъ еще не забылъ страшной сцены, происшедшей у него съ сыномъ, не забылъ его угрозъ, его дикаго взгляда и, несмотря на свою гордость и самодурство, въ глубинѣ души почему-то сталъ бояться этого смирнаго, безответнаго прежде парня...

Тимофей нигдѣ не показывался. Кто говорилъ, что онъ къ Борису уѣхалъ, а кто увѣрялъ, что онъ непременно едитъ гдѣ нибудь у Вѣрки, спрятанный. За семейными обѣдами онъ не присутствовалъ, на дворѣ его не было видно.

— Гдѣ... Тимошка-то? угрюмо спрашивалъ Луверью Иванъ Никитичъ.

— Не знаю, тятенька... отвѣчала обыкновенно та, сдѣлавъ страдальчески-покорное лицо.

Она уже поправилась послѣ побоевъ и попрежнему цѣлый день распѣвала свои пѣсни, сидя на крылечкѣ и щелкая сѣмечки. Только на лбу у нея темнѣло большое синее пятно, да на щекахъ виднѣлись кровавыя ссадины. Она ихъ не прикрывала, а старалась выставить напоказъ, чтобы вызвать какъ можно больше сожалѣній и сочувствія. Скоро ей очень понравилось играть роль несчастной и невинной жертвы...

— Вотъ видите, какъ избилъ,—не чаяла живой остаться... жаловалась она въ гостяхъ у попадьи, показывая всѣмъ свои рубцы и раны. — Кабы знала, что эдакій разбойникъ попадется, — ни въ жисть-бы не пошла. Уморилъ онъ меня, изсохла я вся...

Она начинала всхлипывать, а окружающіе ахали и качали головами.

— Да вы-бы у́бхали отъ него, разбойника! Плюнули-бы и ушли къ отцу! совѣтовала пошадья.

Лукерья Алексѣевна отмалчивалась на эти совѣты. Несмотря на свою плохую жизнь и на явную ненависть Тимофея, она все-таки и не думала у́бзжать... Что-бы сказали ея рѣшнскія подруги, которыя такъ завидовали ей, когда она была невѣстой?— На смѣхъ-бы подняли, сплетничать стали, язвить... А каково-бы отецъ съ матерью ее встрѣтили? Да тамъ просто житья не будетъ отъ ихъ попрековъ... Здѣсь ей была воля, — куда хочеть, туда и идетъ; здѣсь, по крайней мѣрѣ, ей всѣ сочувствуютъ, ласкають ее, жалѣють...

— Нѣтъ ужъ, я не у́бду! рѣшила она.—Я имъ потакать не намѣрена... я имъ на зло буду дѣлать... Что я дома за-была? Нѣтъ, погодите, голубчики, — я еще вамъ отплачу...

И дѣйствительно, она начала дѣлать все «на зло»... Она нарочно лѣзла къ мужу на глаза; она шпионила за нимъ, раздражала на каждомъ шагѣ и словно нарочно вызывала его на побой. А когда онъ принимался ее бить, — она, вся рас-трепанная, оборванная, вырывалась отъ него и бѣжала по селу, взывая о помощи...

Гордость Ивана Никитича глубоко страдала... Онъ попробоваль-было поговорить съ невѣстой.

— Ты-бы ужъ, Лукерья, не трогала его... Плюнула-бы — и шабашъ. Можетъ, человекъ и войдетъ въ себя, можетъ опомниться. А по селу эдакъ-то бѣгать не гоже. Что объ насъ скажутъ? И такъ ужъ осрамились...

— Скажите пожалуйста! обиженно возражала Лукерья своимъ пѣвучимъ голосомъ. — Онъ будетъ всячески надо мной змываться, а я слова не смѣю сказать... Что вы это, тятенька, оворите!.. Ужъ и заступиться никому нельзя, хоть убей до смерти... — Она начинала всхлипывать.

Иванъ Никитичъ скрипѣлъ про себя зубами и умолкалъ.

Наконецъ Тимофей явился на отцову половину. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ отцомъ и, бросивъ на него подозрительный, быстрый взглядъ изподлобья, шатнулся въ сторону. Но Иванъ Никитичъ ничего не сказалъ и, въ свою очередь мелькомъ взглянувъ на сына, торопливо прошелъ мимо.

«Словно волки, а не отецъ съ сыномъ»... подумалось Ти-

мофею, и онъ, горько усмѣхнувшись, вошелъ избу. Въ избѣ было шумно: шелъ оживленный бабій говоръ, слышалось рѣзкое постукиванье бердами; на очагѣ, раскачиваясь, скрипѣла люлька. За станомъ, въ углу, сидѣла старшая невѣстка Ивана Никитича, проворно шмыгая челнокомъ по пестрой основѣ; Алена съ Лукерьей вертѣлись тутъ-же безъ всякаго дѣла и громко судачили; на полу возились ребятишки. Мужиковъ не было, — только дѣдушка охалъ, ворочаясь на печи, и изрѣдка покрикивалъ на своихъ правнуковъ-шалуновъ.

При видѣ Тимофея, всѣ разомъ какъ-то присмирѣли. Разговоръ смолкъ; Лукерья шарахнулась въ уголь, даже малые ребятишки какъ-то дико взглянули на парня. Тимофею стало невыносимо больно... онъ живо почувствовалъ свое отчужденіе отъ этой родной ему семьи... Давно-ли онъ былъ ея членомъ, близкимъ, дорогимъ, полноправнымъ? Съ нимъ совѣтовались, разговаривали, шутили; ребятишки заигрывали съ нимъ, крича «дядя!» А теперь онъ чужой для нихъ... отщепенецъ... проклятѣй...

Кровь бросилась Тимофею въ голову при воспоминаніи о полученной обидѣ. Онъ съ ненавистью глянулъ на жену и машинально сдѣлалъ къ ней движеніе...

— Ай, ай! крикнула Лукерья, закрываясь руками и бросааясь въ уголь.

— Кто тамъ? раздался съ печи старческой хриплый голосъ дѣдушки, и онъ сталъ слѣзать внизъ, кряхтя и стуча своимъ неизмѣннымъ посохомъ, съ которымъ никогда не разставался. — Ты зачѣмъ сюда пришелъ? Тебя кто позвалъ? захрипѣлъ онъ, увидѣвъ внука и постукивая посохомъ объ полъ. — Я тебя проклялъ; ты мнѣ не внукъ, и глазъ не смѣй казать... Пошелъ!

Тимофей весь помертвѣлъ и покорно пошелъ къ двери. Старикъ глядѣлъ ему вслѣдъ своими выпѣтшими глазами и беззвучно шамкалъ сухими губами.

— Нѣтъ... постой! вымолвилъ онъ вдругъ. — Воротись, Тимошка... стой.

Тимофей остановился, понутивъ голову въ землю. Изба притихла.

— Ближе подойди... слушай. Въ послѣдній разъ тебѣ скажу... опомнись, Тимошка, — окстись, вспомни Господа-Бога... Что ты дѣлаешь? Безпутный! Я сто лѣтъ на свѣтѣ

живу,—николи эдакого сраму не прималъ. А ты, щенокъ бѣ-логубый, вздумалъ озорничать, мою сѣдую голову позоришь... Тебѣ тяжко,—а мнѣ еще того тяжелѣ... Вѣдь я тебя маленькаго во-какъ любилъ... думалъ, дуракъ старый, что ты и на старости лѣтъ мою голову успокоишь...

Старикъ задохнулся и, оцупавъ палкой вокругъ себя, безсильно опустился на лавку. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, опустивъ лысую голову на грудь. Потомъ снова выпрямился и вскинулъ на Тимофея изъ педь нависшихъ сѣдыхъ бровей слезящейся взглядъ.

— Послушай-же, что я тебѣ напоследокъ скажу... Моего вѣку немного осталось... хошь передъ концомъ-то дай мнѣ вздохнуть. Брось эту свою дурь; живи съ женой смирно, займайся чѣмъ хошь,—въ этомъ тебя никто не неволить. И проклятье съ тебя сниму... Слышишь, Тимошка? А ежели не послушаешь меня, опять будешь пакостничать, по селу срамиться, да жену обижать;—опять проклянута... И пошелъ ты вонъ изъ моего дома,—гдѣ хошь, тамъ и живи... Мало этого,—пойду, поклонюсь міру, — и изъ села тебя выгонять. Духу чтобы твоего не было, коли покориться родителямъ не хочешь... Ну?—Дѣдъ Никита перевелъ духъ и ждалъ отвѣта, упершись бороною о посохъ. Наступило мучительное, тяжелое молчаніе...

У Тимофея закружилась голова. Онъ колебался. Была минута, когда онъ готовъ былъ кинуться дѣду въ ноги и во всемъ покаяться, и просить у него прощенья... Къ горлу его подступали жгучія слезы; сердце медленно таяло. «Дѣдушка—прости»... хотѣлъ было крикнуть онъ.

...И вдругъ передъ глазами его мелькнуло прекрасное, милое лицо... На алыхъ губахъ блуждаетъ злая усмѣшка; глаза сыплютъ искры,—въ нихъ угроза и презрѣніе. «Подлецъ ты, подлецъ»... шепчутъ эти улыбающіяся губки... «Въ тебя мало плевать,—тебя убить надо... убить, какъ собаку»... И широкий, надиво отточенный ножъ сверкающей полоскою блеснулъ передъ его лицомъ. Все завертѣлось, все поплыло передъ нимъ и заволокло холоднымъ туманомъ...

— Ну? повторилъ старикъ еще громче, не сводя глазъ съ внука.

Тимофей сдѣлалъ движеніе и поднялъ на дѣда застывшій, словно у мертвеца, тупой взглядъ.

— Дѣлайте со мной, что хотите... не своимъ голосомъ прохрипѣлъ онъ.—Что хотите дѣлайте, а я... съ этой паскудой жить не стану...

Изба зашевелилась и ахнула; у старика грозно блеснули его потухающіе глаза.

— Вонъ отсюда!.. Вонъ... чтобы духу твоего не пахло!.. удушливо крикнулъ онъ и почти безъ чувствъ повалился на лавку.

Этимъ-же вечеромъ Тимофей до полусмерти исколотилъ свою «паскуду», которая вздумала назвать его «безбожникомъ», и скрылся изъ дому.

Пасмурная, сырая, весенняя ночь спустилась надъ селомъ и черными волнами залила окрестность. Дулъ влажный, пронзительный вѣтеръ и несъ по небу черные клочки тяжелыхъ дождевыхъ тучъ; изрѣдка между ними слабо сверкала мигающая звѣздочка,—и потомъ снова все исчезало подъ напоромъ новыхъ тучъ. Словно дѣлая грозная рать шла изъ страны дождей и тумановъ и неумолимо заволакивала все небо, приготавливаясь къ бою. Вокругъ ни зги не видно. Издалека несутся глухой гулъ покой воды; вершины деревьевъ стонутъ и скрипятъ, сражаясь съ вѣтромъ; ихъ голые, мокрые сучья клещутъ другъ о друга, обдавая прохожихъ и проѣзжихъ миллионами холодныхъ, мелкихъ капель. Тихо и безлюдно...

Но вотъ во мракѣ, по дорогѣ, ведущей отъ села мимо кладбища въ лѣсъ, послышалось фырканье и тяжелый сапъ лошади. Слышно шуршаніе полозьевъ по мокрому разбрызгшемуся снѣгу; чмокаютъ по лужамъ копыта. Кто-то ѣдетъ. Вотъ уже недалеко и кладбище... Черные силуэты крестовъ обрисовались во мракѣ. Вотъ и косогоръ, по которому змѣей спускается дорога въ лѣсъ. Все ближе и ближе его темная громада... Лошадь хрипитъ и фыркаетъ; копыта скользятъ и вязнутъ въ обнаженной землѣ косогора,—сани стали.

Сидѣвшій въ саняхъ вполголоса выругался и выдѣвъ изъ саней. Взявъ тяжело дышавшую лошадь подъ уздцы, онъ осторожно свелъ ее съ косогора внизъ, поставилъ въ сторону и, похлопавъ рукой по ея потному, горячему, вздрагивавшему тѣлу, тревожно оглядѣлся кругомъ.—Никого! Только надъ головою стонуть деревья, да вѣтеръ злобно завываетъ и свищетъ на разные лады, хозяйничая по лѣсу.

— Вѣрка!!! не громко крикнулъ парень, отходя отъ ло-

шади и пожимаясь от сырости. Отвѣта не было, только слабое, сильное эхо повторило этотъ зовъ по лѣсу и сейчасъ же было заглушено новымъ злобнымъ порывомъ вѣтра, словно оскорбленнаго тѣмъ, что кто-то осмѣлился въ эту пору кричать въ лѣсу. Цѣлый дождь посыпался сверху и обдалъ парня тучею холодныхъ брызгъ.

— Неужто не пришла? съ тоскою вымолвилъ Тимофей и, пожимаясь, сталъ прохаживаться взадъ и впередъ около придавленной ушами лошади.

На косогорѣ будто кто-то показался... Онъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться.— Да, кто-то идетъ! Сквозь вой вѣтра и стонъ лѣса можно уже явственно различить шумъ приближающихся шаговъ... Она, Вѣрка! — и Тимофей, вскрикнувъ, бросился ей на встрѣчу.

— Голубка ты моя... что такъ долго?.. говорилъ онъ, цѣлуя ее.— Истосковался весь, ждавши... Но Вѣрка молчала, не отвѣчая на его поцѣлуи. Брови ея были нахмурены, губы сжаты.

— Аль сердита на меня? спрашивалъ Тимофей, заглядывая ей въ лицо.— Чѣмъ я тебя обидѣлъ? Аль можетъ разлюбила?— Въ голосѣ его зазвучала ревность.

— Что, у васъ опять драка была? выговорила наконецъ Вѣрка презрительно, отстраняя его ласки и объятія.— Не наскутило еще вамъ это? А мнѣ хуже горькой рѣдьки... не глядѣла-бы ни на что,— вотъ какъ опостылѣли вы мнѣ всё...

— И я опостылѣла? Вотъ какъ, Вѣра Никандровна! ревниво выговорила Тимофей, стискивая ея руку. Ну... разлюбила что-ли,— сказывай!

Вѣра сердито вырвала у него свою руку и отступила.

— Не разлюбила... Кабы разлюбила,— не стала-бы ходить къ тебѣ по ночамъ, не отдала-бы тебѣ всю душу, не пошла-бы противъ всѣхъ изъ-за тебя... А вотъ ты такъ пожалуй что не любишь...— Она помолчала и горячо воскликнула:— Нѣтъ, ты не любишь! Ежели-бы любилъ, давно-бы эту канитель покончилъ...

— Грѣхъ тебѣ, Вѣрка! съ укоромъ сказалъ Тимофей.— Я тебя не люблю? Да я изъ-за тебя сколько грѣха на душу принялъ. Отца ударилъ... дѣдъ проклялъ... а ноне и вовсе изъ дому прогнали...— Голосъ Тимофея дрогнулъ и оборвался.

— Такъ слушай, Тимоша, заговорила медленно Вѣра. —

Ежели такъ,—я тебѣ не перечу. Помиришь съ дѣдомъ, живи съ этой... своей... а меня... брось.

— Вѣрка! крикнулъ Тимофей, порывисто бросаясь къ ней.— Не надрывай ты мое сердечушко... Тебя покинуть, а съ этой жить... Ни въ жисть... Уйдемъ отсюда!

— Куда уйти-то? тихо и съ горечью произнесла Вѣра.— Все одно, — поймають, какъ беспаспортнаго бродягу, приведутъ, выпорютъ и въ острогъ посадятъ. Некуда уйти.

Она снова помолчала и, подойдя къ Тимофею, угрюмо и рѣшительно сказала:

— Одинъ вонецъ... я убью твою жену, — вотъ тебѣ и сказъ.

Она положила руки ему на плечо и заглянула въ глаза. Тимофей тряхнулъ головой, словно отгоняя отъ себя какую-то докучную муху. Не въ первый разъ Вѣра то шуткой, то намеками говорила ему то-же самое,—но только сегодня особенно опредѣленно онъ созналъ роковую неизбѣжность этого страшнаго исхода.

— Что-же ты молчишь? злобно шептала Вѣра надъ самымъ его ухомъ. — Страшно, что-ли? Бояшься? Такъ не нужно,—нешто я тебя неволю?... Только послѣ этого обо мнѣ ты и не думай... Не хочу отъ твоей жены насмѣшки принимать,—будеть!

Тимофей не шевелился. Лицо его приняло то-же самое тупо-покорное и злое выраженіе, какъ въ то время, когда отецъ грозилъ ему. А Вѣра все шептала: «равняйся съ нею,—женись на мнѣ... Не въ мочь мнѣ больше терпѣть»...

Словно огненная струя пробѣжала по тѣлу Тимофея и обожгла его съ ногъ до головы. Онъ снова тряхнулъ головою и, охваченный страстью, обнялъ Вѣру.

— На вѣкъ съ тобою, касатка моя... прерывисто выговорилъ онъ:

В. Дмитріева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЕТРЪ НА ОЛОНЦѢ.

V.

Не красотами своей природы привлекъ къ себѣ олонецкій край вниманіе Петра; ему некогда было восхищаться этою массою водъ, этими чудными лѣсами, этими дивными скалами—предъ нимъ всегда стояло дѣло, его всегда занимала лишь польза Россіи, а потому и немудрено, что, вѣчно замѣчающій то, что ускользаетъ отъ вниманія дюжинныхъ людей, онъ понялъ, какую громадную выгоду для любимаго имъ отечества и въ особенности для его дѣтища или «парадиза», какъ онъ назвалъ свой Петербургъ, можетъ принести Пріонежь. У него не было достаточнаго количества металловъ—онъ на лету замѣтилъ, что Пріонежь кипитъ ими; у него не было флота, да не было и строеваго лѣса для его заведенія—безчисленные строевыя лѣса этого края давали ему возможность завести сильный флотъ и стать твердою ногою на Балтійскомъ морѣ; онъ зналъ, что не заведетъ заграничной торговли до тѣхъ поръ, пока не соединитъ центральныхъ и юго-восточныхъ частей Россіи съ моремъ, а по Пріонежь, словно именно для выполненія этой мечты, пролегалъ широкій, удобный и дешевый путь и къ Волгѣ, и къ Дону, и къ Архангельску, и на западъ; отъ трудовъ великихъ распаталось его здоровье, и все въ томъ-же Пріонежьѣ находитъ онъ исцѣленіе своему недугу. Какъ-же ему было не любить Пріонежья, какъ ему было тутъ не работать, когда онъ зналъ, что жить долго онъ не воленъ. Часто заглядывалъ онъ въ эти мѣста, а такъ-какъ безъ дѣла ѣздить онъ былъ не охотникъ, то и посмотримъ, какое дѣлалъ онъ тамъ «дѣло».

И первое дѣло его было то, которое касалось добычи разныхъ рудъ и постройки заводовъ для выдѣлки разныхъ издѣлій, а главнымъ образомъ—пушекъ и ядеръ. Народъ рассказываетъ, что еще при «тишайшомъ» царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ наѣзжалъ въ Шуйскій погостъ (Петроваводскаго уѣзда, при Соломинской губѣ Онежскаго озера), къ которому въ тѣ времена приписана была «невѣ-

домо чья мельница, что по низъ рѣки Лосинки», обратившаяся впоследствии въ Петрозаводскъ, посланный изъ Москвы царскій посланецъ «отысканія ради мѣстъ рудныхъ». Ясное дѣло, что на Москвѣ въ то время многимъ было извѣстно, что мѣстная Чудь и Карела издавна «береть руду и плавить ее, и укладъ дѣлаеть, и утварь всякую леть, и ножи, и топоры, и копія»; такіе слухи ходили прежде по Новгороду, а затѣмъ, когда положень былъ конецъ новгородской вольности и Москвѣ самой пришлось вѣдать тѣ дальнія мѣстности, тѣ слухи эти перешли и въ царскую столицу. Алевсѣй Михайловичъ не меньше Петра нуждался въ мѣди и желѣзѣ, но не обладалъ еще знаніемъ той истины, что лишь «свой глазокъ-смотрокъ», а потому и поручилъ развѣдки «людишкамъ», которые вѣдали, смотрѣли, но видѣть—мало что видѣли. А найдется, бывало, таковой челоуѣкъ, что выполнить желаніе царское, такъ зависть людская не допустить дѣла до желаннаго конца и рыный исполнитель царскихъ повелѣній гибнетъ по доносамъ тѣхъ, кому онъ лишній разъ не поклонился. Какъ разъ именно такъ случилось съ развѣдкою металловъ въ Прионежьѣ при отцѣ Петра Великаго. Изъ актовъ, долгое время сохранявшихся въ бывшей Олонецкой воеводской канцеляріи, мы узнаемъ, что народъ вполне безошибочно опредѣляетъ время официального возникновенія руднаго дѣла въ Прионежьѣ, такъ какъ уже въ 1666 году царь Алексѣй Михайловичъ писалъ «по городамъ стольникамъ и воеводамъ», что «по государеву указу пошелъ новгородскій гость Семень Гавриловъ (быть можетъ издавна уже знакомый съ краемъ), а съ нимъ плавильщикъ иноземецъ Денисъ Юрьицъ (Джорджевичъ?) для сыску мѣднныя руды въ Олонецкій уѣздъ, Толвуйской волости». Какъ подится, денегъ этимъ «экспертамъ отъ нѣдръ земли», какъ теперь въ шутку называютъ развѣдчиковъ, не дали и сочили лишь нужнымъ сообщить тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ слѣдующее: «и что ему Семену къ тому рудоконному дѣлу на покупки и на всякіе расходы денегъ и иныхъ запасовъ, и подводъ подъ всякіе запасы и цѣловальниковъ и иныхъ какихъ мастеровныхъ людей и томачей понадобится, и то велѣно ему давать въ Великомъ Новѣгородѣ и на Олонцѣ». Все это, какъ будто бы выказывало извѣстную заботливость объ успѣшности предпріятія, тѣмъ болѣе, что одновременно предлагалось воеводамъ исполнять требованія Гаврилова «безъ всякаго мотчанія, чѣтѣбъ у него тому рудоконному дѣлу мѣшкоты и помѣшкы ни зачѣмъ не было». Но въ томъ-то и дѣло, что все это легко было писать изъ Москвы, но далеко не было легко добиться выполнения царскихъ указовъ на мѣстѣ. Гавриловъ, какъ истинный новгородецъ, со

рвеніемъ принялся за дѣло и цѣлыхъ семь лѣтъ «отыскивалъ» руду. Слѣдуетъ думать, что онъ много ея видѣлъ, такъ-какъ въ 1673 году мы встрѣчаемся съ новымъ царскимъ указомъ, повидимому, вызваннымъ его отпискою или донесеніемъ. Пробовалъ, видно, Гавриловъ приспособить русскихъ людей къ рудному дѣлу, но на практикѣ оказалось, что русскіе мало способны на эту работу и потому Гавриловъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему послать въ Швецію (вѣроятно въ Шведскую въ тѣ времена Финляндію) за знающими людьми. Какъ ни необычно было подобное ходатайство, однако царь опять-таки очень сочувственно отнесся къ дѣлу и разрѣшилъ все то, о чемъ просилъ его Гавриловъ. Въ указѣ, изданномъ по этому поводу, прямо сказано, что: «надобны де рудокопному дѣлу мастеровіе люди изъ за рубежа, и для тѣхъ мастеровыхъ людей ѣздить въ Свее за рубежъ тайнымъ обычаемъ Олончанину посадскому человѣку Дмитрію Артемьеву, да цѣловальники самыя добрыя надобны Антонъ Калининъ сынъ Поповъ, Иванъ Филимоновъ сынъ меншой, да надобна дорога вычистить отъ горы до плавильни версты съ полторы». Изъ этого мы видимъ, что Гавриловъ умѣлъ даже и плавно устроить, что конечно радовало царя, а потому онъ повелѣлъ «противу всего этого выполнить, не описываясь къ намъ великому государю ничѣмъ; а дорогу у рудокопнаго дѣла отъ горы до плавильни велѣтъ вычистить сошными людьми тотчасъ». Понятное дѣло, что такое милостивое отношеніе царя къ Гаврилову не могло ни въ какомъ случаѣ нравиться ни воеводѣ, ни другимъ начальствующимъ людямъ, всегда обладающимъ завидующими глазами по части царскаго расположенія; они не могли свыкнуться съ мыслию, что какой-то шлющій, неродовитый человѣкъ Гавриловъ прямо сносится съ царемъ и даже осмѣливается имъ самимъ писать не «колопскія челобитныя», а «отписки», которыя они привыкли получать отъ своихъ только товарищей. Дѣлать однако было нечего—царь слишкомъ былъ расположенъ къ новгородцу, который былъ человѣкъ съ хитринкою и свое дѣло велъ ловко, все въ законѣ, такъ что къ нему самому и придаться-то не было никакой возможности. Наконецъ, однако наступилъ и на ихъ улицѣ праздникъ. Гавриловъ принужденъ былъ по указу государеву отлучиться въ Москву, а потому, по обычаю своему, и увѣдомилъ думнаго дворянина и воеводу Богдана Ивановича Ордина-Нащокина и дьяка воеводскаго Андрея Карловича Богданова, что онъ оставляетъ «въ свое мѣсто цѣловальника Мартемьянку Григорьева Падорина съ товарищи». Видимо Падоринъ успѣлъ поправиться Гаврилову своею дѣловитостью, и только на него могъ онъ положиться. Гавриловъ уѣхалъ не думая, что воеводская зависть скоро порушетъ едва

начатое и направленное имъ дѣло. Въ томъ-же году цѣловальнику Падорину встрѣтилась надобность въ деньгахъ и пришлось обратиться къ Нащокину въ силу царскаго указа за деньгами. Какъ и слѣдовало по общепринятому обычаю, онъ поставилъ во главѣ своей отписки «челобитье», но далѣе прямо приступаетъ къ дѣлу и излагаетъ его просто, безъ низкопоклонства и припаданій. Тутъ уже воевода не выдержалъ и разсвирѣпѣлъ окончательно. Падоринъ писалъ ему: «что было государевой казны у меня денежной, оставленной, и та казна работникамъ изопшла; а велѣно намъ цѣловальникамъ имать государева казна изъ Олонца, въ государственной-же казнѣ. И нынѣ намъ надо сто рублей на раздачу работникамъ и на покупки, и для тѣхъ денегъ ста рублей посланъ къ вамъ цѣловальникъ Павелъ Пантелѣевъ, а для обереганія тѣхъ денегъ посланъ съ нимъ стрѣлецъ Моська Комдратьевъ. И вамъ-бы по сто рублей отчесть ему цѣловальнику, а объ отчетѣ учинить-бы вамъ по указу, чтобы затѣмъ государево рудокопное дѣло не стало и мотчанья и порухи не было-бъ». Не доправилась послѣдняя приписка воеводѣ, который не привыкъ, чтобы его учили выполнению указовъ какіе-то цѣловальники и онъ разразился руганью, хотя указъ и выполнилъ; вотъ что онъ отвѣтилъ дерзновенному-человѣку: «Лѣта 7181 (1673) февраля въ 26 день по государеву цареву и великаго князя. Алексѣя Михайловича указу, память посадскому человѣку Мартемьянку Падорину. Въ нынѣшнемъ 181 году февраля въ 17 день писалъ ты еси на Олонцѣ къ думному дворянину и воеводѣ къ Богану Ивановичу Ордину-Нащокину, да къ дьяку Андрею Богданову, а въ отпискѣ твоей написано: оставленъ ты еси у гостя у Семена Гаврилова къ мѣдному рудокопному дѣлу, съ цѣловальникомъ съ Пашкомъ Пантелѣевымъ и работникамъ въ наемъ денегъ сто рублей послать. По указу великаго государя къ тому рудокопному сыску велѣно тебѣ сдать поручику Семену Шарову изъ толвуйскихъ доходовъ денежныхъ сто рублей, и о томъ къ нему память послана. А ты мужикъ, б...динъ сынъ, Мартемьянко, пишешь къ думнымъ людямъ непригоже съ указомъ, и за-то тебѣ, по указу великаго государя, учинено будетъ наказанье, будешь битъ кнутомъ нещадно». Не извѣстно получилъ-ли Падоринъ обѣщанное ему наказаніе, но только рудокопное дѣло вмѣстѣ, съ этимъ неладнымъ эпизодомъ, по-видимому, совсѣмъ заглохло, такъ-какъ Гавриловъ съ Москвы не вернулся, а на мѣстѣ достаточно энергичныхъ людей не было.

Зналъ-ли Петръ отъ кого нибудь объ изслѣдованіяхъ Гаврилова, или-же самъ онъ убѣдился лично въ богатствѣ рудами Олонцаго края, но вѣрнѣе всего, что онъ зналъ о существованіи, какъ гавриловскихъ покушеній, такъ и о томъ, что лѣтъ за двад-

цать до его похода датчанинъ Розенбушъ устроилъ заводы на Усть-рѣкѣ и у Ковша-озера въ Фоймогубѣ; дали даже этому иноземцу и пособіе отъ казны, но дѣло это шло какъ-то не ладно, вѣроятно за недостаточностью средствъ и людей. И радъ-бы былъ Петръ и еще помочь Розенбушу, такъ-какъ въ металахъ нужда была великая, неминуемая, тѣмъ болѣе, что въ битвѣ подъ Нарвою, 19 ноября 1700 года, Петръ потерялъ всю артиллерію. Мы видѣли, какія мѣры принималъ царь для того, чтобы пополнить какъ-бы то ни было недостатокъ орудій, но все это были мѣры палліативныя, которыя могли помочь лишь въ данную минуту и притомъ лишь на краткое время—надо было серьезно подумать о томъ, какъ избѣить бѣды на будущее время и заручиться собственнымъ металомъ для отливки орудій и военныхъ припасовъ. Еще въ то время, когда отливка пушекъ изъ церковныхъ колоколовъ производилась подъ наблюденіемъ думнаго дьяка Виніуса, этотъ послѣдній жаловался Петру на полный недостатокъ у него красной мѣди, которой получить онъ не могъ ни откуда, такъ-какъ ее приходилось получать изъ за-границы. Петръ сразу сообразилъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ имѣлъ объ исконности руднаго дѣла въ Олонецкомъ краѣ, быть можетъ, даже изучилъ то, что было и могло быть извѣстно о геологическомъ строеніи Прионежья и еще весною 1702 года, зная напередъ, что ему удастся лично провѣрить факты, послалъ на Олонецъ, съ дозорщикомъ Патрушевымъ и подъячимъ Головачевымъ, партію иноземцевъ, имѣвшую во главѣ извѣстнаго ему изъ рекомендательныхъ писемъ польскаго короля опытнаго пробирера, саксонца Блюэра съ крайне точнымъ, но и немногословнымъ указомъ: «стыскать мѣдной и серебряной руды». Видимо, Блюэръ зналъ характеръ Петра, зналъ, что онъ ни шутить, ни медлить не любитъ, а потому пошелъ и нашелъ все, что приказывалъ найти ему царь. Имѣя въ виду главную цѣль экспедиціи—найти мѣдную руду, Блюэръ на нее-то и обращалъ главное вниманіе, такъ что, когда въ томъ-же году Петръ къ началу сентября вышелъ къ Повѣнцу, то рудоматецъ явился къ нему и доложилъ, что желанная руда найдена и притомъ именно въ окрестностяхъ этого селенія. Можно себѣ представить радость Петра, когда онъ услышалъ эти вѣсти; но еще болѣе порадовался онъ, когда Блюэръ доложилъ ему, что онъ присмотрѣлъ и мѣсто для устройства желѣзо-дѣлательнаго завода въ сѣверо-западной части Онежскаго озера, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ на рѣкѣ Лососинкѣ стоитъ мельница. Тутъ именно народное преданіе расходится нѣсколько со свидѣтельствами исторіи, такъ-какъ народъ нѣсколько иначе объясняетъ, почему Петръ обратилъ свое вниманіе на нынѣшній Петрозаводскъ. «По всей

Карелѣ и по нашимъ мѣстамъ», сказываетъ преданіе,— «много разнаго народу шаталось, а больше всего заходили сюда подневольные рекрута, которыхъ осударь приказывалъ ловить, брить и отдавать въ преображенскіе полки въ солдаты; давливади ихъ воеводы, а зачастую присылали изъ Питера команлы съ офицерами, которыя ихъ по лѣсамъ какъ медвѣдей выслѣживали и воинскимъ обычаемъ, коли по доброй волѣ не отдавались, то изъ ружьенъ стрѣляли. Пришелъ съ такою командою капитанъ одинъ и послѣ долгаго пути сдѣлалъ роздыхъ своимъ солдатамъ на рѣкѣ Лососинкѣ, гдѣ по берегу становище рыбаки сдѣлали и въ шалашахъ жили подолгу, такъ-какъ пальѣ въ Соломинѣ въ ту пору излову не было; капитанъ человекъ былъ простой, захотѣлъ тоже, хотъ и воинскаго чина, обогрѣться, вошелъ въ одинъ шалашъ и сталъ съ рыбаками балакать; тѣ и сказали ему, что вокругъ того мѣста руды и во вѣкъ не изнять, и что Карела изъ той руды въ своихъ кузняхъ и желѣзо и укладъ дѣлаетъ и Лопицамъ за большія деньги отдаетъ. Капитанъ былъ не промахъ, смекнулъ сейчасъ этимъ дѣломъ, легъ спать, а на утро прямо свою команду заворотилъ въ Питеръ, да такъ, въ грязной одежѣ къ осударю и заявился и рассказалъ все по порядку». Далѣе народъ полагаетъ, что Петръ забѣжалъ изъ Повѣнца на Лососинву и самъ подожилъ основаніе нынѣшнему заводу; но врядъ-ли бы онъ успѣлъ совершить подобное путешествіе, такъ-какъ время было дорого, Петръ спѣшилъ дальше и только буря задержала его на Повѣнчанкѣ. И тутъ, задержанный бурей, Петръ не потерялъ времени и лично указалъ Блюэру мѣста для закладки трехъ первыхъ заводовъ для выплавки мѣди: Алексѣевского—близъ озера Телекина, Повѣнецкаго—на лѣвомъ берегу рѣки Повѣнчанки, въ полуверстѣ отъ ея устья, и Вичковскаго—на верхней губѣ Онежскаго озера, верстахъ въ 30 отъ нынѣшняго Повѣнца. Блюэру, по всѣмъ вѣроятіямъ, дано было новое порученіе, такъ-какъ о немъ болѣе уже не упоминается въ спискахъ дозорщика Патрушева, который и получилъ въ прямое свое завѣдываніе строящіеся заводы. До сихъ поръ еще, перейдя черезъ мостъ на Повѣнчанкѣ, немного влѣво отъ дороги, ведущей на р. Выгъ, замѣтны слѣды доменной печи, которой основаніе, по преданію, положилъ собственноручно великій работникъ; отдѣльные камни, пошедшіе на постройку, до такой степени сплавилась и соединились со шлаками, что ни забвенье потомства, ни время не могли уничтожить этотъ народный памятникъ дѣловитости и заботливости Петра, который, какъ увѣряетъ народъ, на постройку этой печи употреблялъ «не известку, а плавленную руду, чтобы крѣиче было». Тутъ же, въ Повѣнцѣ, Петръ сдѣлалъ распоряженіе и о постройкѣ Лососинскаго завода, хотя указъ и

вышелъ уже въ 1703 году. Постройка была поручена Блюэру и «коменданту Чоглокову, подъ дирекцію губернатора Меншикова»; Блюэръ явно былъ поставленъ, какъ знатокъ дѣла, Чоглоковъ—какъ мѣстная власть, чтобы она по старому не вздумала мѣшать дѣлу, а Данилыча Петръ приспособилъ къ заводамъ потому, что зналъ его тогдашнюю преданность и вѣдаль, что Меншиковъ хорошо знаетъ, что ему нужно. А нужно было Петру быстроты въ работѣ—и то уже начали собаку кормить, иди на охоту, на походѣ надумали заводъ для боевыхъ припасовъ и пушекъ строить, такъ Петръ и внушилъ Алексѣю, чтобы онъ, цоторапливался. Такимъ-то побытомъ было положено Петромъ начало рудному дѣлу въ Олонецкомъ краѣ, которое въ послѣдующія 180 лѣтъ врядъ-ли получило особенное развитіе, усовершенствовавъ лишь отчасти способности производства и отнюдь не увеличивъ его количества. Народъ передалъ въ поученье всемъ русскимъ людямъ слѣдующее преданіе, записанное нами у Тивдійскихъ мраморныхъ ломовъ: «Въ прежніе годы»,—говорилъ намъ одинъ старикъ,—«много было въ нашихъ мѣстахъ и золота и серебра, да теперь-то уже не знаютъ, гдѣ они лежатъ и попрятаны. Шла разъ по губѣ, мимо Наволока, лодка съ народомъ а по берегу на встрѣчу ей старичекъ идетъ; на кѣкъ-то такъ и гнется отъ тяготы—очень ужъ старикъ тяжелъ, да грузенъ. «Возьмите меня въ лодку, люди добрые», проситъ старикъ, а ему въ отвѣтъ изъ лодки-то: «намъ и такъ трудно справляться, а тутъ тебя еще стараго взять съ собою».—«Понудитесь малость, возьмите меня въ лодку—большую корысть наживете!» опять взмолился старикъ, а рыбаки его все не берутъ. Долго просидѣ ихъ старикъ взять его въ лодку—такъ и не допросился. «Ну, хоть батожокъ мой возьмите—очень ужъ онъ тяжелъ, не по мнѣ». Станемъ мы изъ-за твоего батога дряннаго къ берегу приставать», отвѣчаютъ съ лодки. Бросилъ тутъ старикъ батожекъ свой—онъ и разсыпался весь на арапчики-голландчики, а самъ старикъ ушелъ въ щель отъ грузности и щель за нимъ затворилось. Ахнули тутъ лодочники, да поздно за умъ взялись».

Едва только успѣлъ царь управиться со шведами въ устьяхъ Невы и положить основаніе Петербургу, какъ снова вспомнилъ онъ объ Олонецкомъ краѣ. Передовой постъ Россіи былъ выставленъ и надо было подумать о томъ, чтобы его не постигла впоследствии судьба Орѣхова или Орѣшка, отрѣзаннаго отъ центра русской земли; приходилось не только укрѣпить его съ тылу, но именно въ тылу-то его и создать тѣ силы и средства, которыя не дадутъ шведамъ возможности снова овладѣть Петровымъ «парализомъ». Начало было положено еще, на походѣ къ Петербургу,

а теперь то и дѣло нетерпѣливый царь понуждалъ своихъ подручныхъ, чтобы они помнили, что времени терять некогда и какъ можно поспѣшнѣе творили волю пославшаго. Видимое дѣло, что постройка заводовъ производилась сначала стогомъ сошныхъ и иныхъ людей, такъ какъ только въ 1703 году, убѣдившись въ непригодности такой работы и въ раззорительности ея для народа, Петръ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы къ «Петрову заведенію» или къ Лососинскимъ заводамъ приписаны были 12,749 крестьянскихъ дворовъ, которые должны были работать «за установленный плакатъ». Петровское заведеніе, какъ окрестилъ народъ Петрозаводскъ, находилось не совсѣмъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается Александровскій заводъ, а расположено было по теченію р. Лососинки, нѣсколько ниже, на томъ именно мѣстѣ, куда ежегодно петрозаводское духовенство ходитъ съ крестнымъ ходомъ и гдѣ и до сихъ поръ еще замѣтны слѣды зданій и доменныхъ печей. Опасаясь-ли возможности нападенія шведовъ со стороны западной Карелии, или-же ради установившагося обычая, Петръ насыпалъ подлѣ заводовъ земляной валь въ видѣ вѣрностцы и вооружилъ этотъ валь нѣсколькими пушками; лично для себя онъ приказалъ выстроить «дворецъ», который помѣщался въ саду повыше тогдашняго пруда. Дворецъ этотъ, какъ и всѣ дворцы, строенные для Петра, ничѣмъ рѣшительно не отличался отъ помѣщичьяго домика средней руки.

Тутъ-же, недалеко отъ дворца, Петръ выстроилъ двѣ церкви; теплая церковь во имя сошествія Св. Духа не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ, тогда какъ изъ холодной церкви во имя апостоловъ Петра и Павла воздвигся нынѣшній соборъ, гдѣ уже тогда-же были устроены два придѣла, изъ коихъ одинъ во имя Алексѣя-человѣка Божія, а другой—во имя св. Благочестиваго князя Александра Невского, котораго память Петръ чтитъ особенно, да кстати и въ особый почетъ Данилычу, какъ предпелагаютъ нѣкоторые писатели. Церковь Петра и Павла была холодная и имѣла крайне оригинальный видъ. Вывели ее въ нѣсколько этажей, такъ что, говорятъ, верстѣ на сто вокругъ все было видно; матеріала лѣснаго подъ рукою было достаточно, а потому и выведенъ былъ соборъ весь изъ дерева и, при томъ, такимъ образомъ, что по мѣрѣ восхожденія вверхъ, пространства, занимаемыя этажами, все болѣе и болѣе уменьшались. Сказываютъ, что церковь была въ самомъ нижнемъ этажѣ; во второмъ помѣщались хоры и ризница, въ третьемъ и четвертомъ — колокола, а пятый этажъ правичный Петръ сберегъ про свои нуждишки и устроилъ тамъ обсерваторію. По всему фасаду шла лѣстница, которая въ концѣ-концовъ приводила въ пятый этажъ и давала возможность не ла-

зять на верхъ по внутренней лѣстницѣ, конечно далеко не безупречной по чистотѣ и качеству воздуха. Теперь и лѣстница, и обсерваторія, и 4 галлерей на церкви — все снесено. Осталось только въ соборѣ нѣсколько иконъ современнаго Петру письма и въ особенности довольно ихъ въ придѣлахъ на хорахъ. Рассказываютъ, что пять иконъ, писанныхъ на холстѣ и притомъ самыхъ видныхъ, перенесены сюда прямо изъ походной молитвенной царя, которая была поставлена среди сада, такъ какъ Петръ, видимо, не долюбывалъ молиться на народѣ. Вокругъ дворца Петръ — охотникъ великій до садоводства, развелъ садъ, по срединѣ котораго приказалъ выкопать прудъ; большинство деревьевъ было посажено руками самого великаго труженика и именно по этому поводу намъ удалось записать преинтересное народное преданіе, которое хотя сохранилось и въ далекаѣ отъ Петрозаводска, но непременно должно касаться именно этого мѣста. «Когда государь на тульскомъ (sic) заводѣ работалъ, то все искалъ, какъ-бы ему садъ развести. Очень графу Шереметеву хотѣлось угодить и придумалъ онъ особую хитрость. Пока государь почивалъ для прохлады на вольномъ воздухѣ, онъ все дѣло обработалъ. Государь просыпается, глядь — спить онъ подѣ густымъ и большимъ деревомъ и кругомъ его все такія-же деревья посажены. Царь улыбнулся—узналъ графскую затѣю, а графъ все подѣ царя вертится—ждетъ себѣ благодарности. А царь, будто и не его дѣло, — ничего не сказываетъ. Прошло денька три, четыре, стали деревья тѣ сохнуть. Позвалъ тогда царь графа, да и сказываетъ: «Хотѣлъ ты меня, твоя свѣтлость, потѣшить, а чѣмъ—и не узналъ. То дерево—не дерево, что изъ горба кнотомъ выбито, а то дерево — дерево, что изъ земли руками выхолоно». И сталъ государь деревца самъ своими ручьями сажать, да поливать, а въ концѣ своей жизни, въ томъ саду прогуливаясь, и сказываетъ графу: «Это батюшка научилъ васъ, бояръ, чужими руками птицъ ловить, такъ и теперь моими руками вы себѣ удовольствіе получили; мои дѣтки скажутъ: спасибо тятенькѣ, а твои дѣтки скажутъ «спасибо», да и запнутся, потому и не знаютъ, кого имъ благодарить надобно».

Быстро подвигалась работа въ «Петровскомъ заведеніи», такъ какъ если не самъ Петръ слѣдилъ за нею, то то и дѣло слалъ на Лососинку спѣшныя письма, торопя строителей и постоянно напоминая имъ о близости къ нимъ непріятеля, а кстати и о существованіи своей бессмертной дубинки. Наконецъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1704 года, началось на заводѣ литье пушекъ и снарядовъ; царь въ то время наводилъ уже порядки на мокришвицкой или лодейно-польской верфи и, получивъ отъ Меньшикова донесеніе о благополучномъ окончаніи постройки заводовъ, писалъ, что «о го-

товности желѣзныхъ заводовъ зѣло радуемся», но тутъ-же не могъ не прибавить на всякій случай: «для Бога исправляйтесь къ веснѣ пушками». Петръ не довѣрялъ письмамъ и, зная, что все творится всюду лишь благодаря его собственному присутствію, 24 февраля прикатилъ на заводы для того, чтобы удостовѣриться въ ихъ исправности и лично направить новое, еще невѣдомое его подданнымъ дѣло. Нѣсколько дней употребилъ Петръ на обстоятельный осмотръ плотины, мастерскихъ и горновъ и всюду, и все, какъ увѣряетъ народъ, — «починки дѣлалъ дубинкою, а добрую постройку вѣшилъ рублемъ». Мало было осмотрѣть самый заводъ, надо было организовать трудъ на немъ, а потому царь росписалъ все населеніе тогдашняго Олонецкаго уѣзда по разнымъ подѣлкамъ и работамъ, касавшимся заводскаго и верфянаго дѣла, учредилъ на заводахъ смѣны ради того, чтобы облегчить работу и, наконецъ, приглядѣвшись къ способностямъ почти каждаго простаго рабочаго, учредилъ «художества» или то, что на теперешнихъ заводахъ принято обыкновенно называть «цехами». И чего только не выработывали въ первое время своего существованія петровскіе заводы! Тутъ плавилъ чугуны изъ болотной руды, лили пушки и снаряды, ковали желѣзо, якоря, разнообразное холодное оружіе и другія подѣлки, дѣлали всевозможныя принадлежности аммуниціи и великій работникъ всюду наблюдалъ, самъ первый пробовалъ полосы, билъ молотомъ, ковалъ и правилъ домны. Въ особенности въ первое время дѣйствіе заводовъ было усиленное, такъ какъ работали поспѣшно четыре смѣны и день и ночь; а такъ какъ, по мнѣнію Петра, не слѣдовало слишкомъ налегать на мастеровыхъ, чтобы они, обезсилѣвъ, не стали хуже работать, то въ помощь имъ ежемѣсячно сгонялось изъ разныхъ ближайшихъ къ заводамъ мѣстъ до 700 человекъ крестьянъ, которые черезъ день держали одну смѣну. Едва лишь успѣвали заготовить нѣкоторое количество пушекъ и снарядовъ, какъ ихъ отправляли къ мѣсту ихъ назначенія, отчасти въ Архангельскъ, но большею частью въ Петербургъ; транспорты, конечно, не всегда были равные, но случалось, что зимою отправляли караваны отъ 500 до 4,000 подводъ, а лѣтомъ нагружали по девяти тялокъ. Каждый разъ, какъ царю случалось побывать въ Петрозаводскѣ, онъ непремѣнно посѣщалъ заводы и любилъ самъ работать наравнѣ съ простыми рабочими. Можно себѣ представить, какъ эта простота отношеній должна была дѣйствовать на рабочихъ, которые всячески старались получить одобреніе отъ своего вѣнценоснаго товарища. До сихъ поръ еще существуютъ памятники собственноручныхъ трудовъ Петра, которые теперь хранятся въ Петербургѣ, въ его кабинетѣ; тутъ найдутъ любопытные желѣзную полосу съ надписью:

«1724. Февраля 21 дня, т. е. впятую Его Величество Петръ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, въ бытность свою на Олонцкѣхъ Петровскихъ заводѣхъ вмолотовой сей пруть Собственными своими руками вытянулъ», найдуть еще другую такую-же полосу, съ надписью: «1724. D. L. Nowember», желѣзный кусокъ съ надписью: «Сей кусъ отсѣченъ отъ крицы трудами Его Царскаго Величества Собственными руками подъ большимъ кричнымъ молотомъ на Олонцкѣхъ Петровскихъ желѣзныхъ заводѣхъ. Марта 2-го дня 1720 года», и наконецъ, желѣзную полосу, съ надписью: «Его Императорское Величество Собственной работы. 1724. D. L. Nowember».

Въ первое время заводами управлялъ комендантъ Чоголковъ, которому поручено было Петромъ и завѣдываніе Лодейнопольскою верфью, но уже въ 1713 году мы находимъ въ «Петровскомъ заведеніи» новаго начальника, иноземца В. И. Геннина, который успѣлъ проникнуться вполне взглядами царя на важность заводовъ для государства и употребилъ всѣ силы своего обширнаго ума для того, чтобы поднять и улучшить ихъ производительность. Зачастую самъ онъ придумывалъ различныя усовершенствованія, заимствовалъ улучшенія изъ-за границы и довелъ издѣлія до возможной въ тѣ времена степени совершенства; но такіе люди нужны были Петру и въ другихъ мѣстахъ, а много таковыхъ у него подъ рукою не имѣлось. Въ 1722 году Геннинъ былъ посланъ въ Сибирь ради устройства тамъ заводовъ, а съ отъѣздомъ этого почтеннаго сотрудника великаго царя, искусство, проявившееся на петровскихъ заводахъ, постепенно стало падать и заводы пришли почти въ полный упадокъ, такъ что въ 1732 году были временно закрыты.

VI.

Мы видѣли, что еще въ Архангельскѣ заботила Петра мысль о томъ, гдѣ бы найти мачтоваго и корабельнаго лѣса; извѣдалъ онъ въ 1702 году весь путь отъ Бѣлаго моря до Онеги, а все лѣсу годнаго подъ руку не попадалось, тогда какъ лѣса средней руки на постройку ладей и буйсовъ было много. Наконецъ, идя впереди своей флотилии, придвигавшейся къ Нотебургу, Петръ увидалъ настоящіе лѣса на лѣвомъ берегу Свири, и восторгу его не было конца, когда онъ выслѣдилъ, что лѣса эти тянутся вплоть до Ладоги. Само собою разумѣется, что Петръ замѣтилъ это мѣсто, тѣмъ болѣе, что тутъ и примѣта была на лицо—деревенка у берега на горѣ стояла и прозывалась Мокришвицы по-русски, а на говорѣ мѣстной веси звучала — Муйхгарисвитсасъ, т. е. городъ

храбрыхъ. Что тутъ за храбрецы поселились и когда проявили они свою воинскую доблесть — исторія умалчиваетъ, а мѣстная весъ увѣряетъ, что и дѣйствительно тутъ когда-то весяне огородились и долго стояли противъ невѣдомаго врага, пришедшаго съ Ладogi на лодкахъ, не допуская его взобраться на почти отвѣсный берегъ; весяне въ полномъ убѣжденіи, что то была литва или «панки», мы-же осмѣливаемся думать, что воевала такъ мужественно «чудь бѣлоглазая» съ нашими новгородскими искателями торговыхъ рынковъ и новыхъ болѣе привѣтныхъ и добычливыхъ сележныхъ мѣстъ.

Зима положила конецъ военнымъ дѣйствіямъ на Невѣ. Петръ, хотя и взялъ 11 октября Нотебургъ, но все еще не могъ быть вполне спокоенъ, такъ какъ могъ ждать съ наступленіемъ весны прихода шведской эскадры, съ которою ему всетаки нечѣмъ было управиться, такъ какъ корабли его не могли и думать вступить съ непріятелемъ въ борьбу. Нужно было кораблей, пушекъ, снарядовъ; не было ни канатовъ, ни полотенъ, ни блоковъ — все нужно было строить, готовить и управляться къ веснѣ для встрѣчи со шведами, которые въ зиму успѣютъ узнать о судьбѣ Нотебурга и постараются отбить его у Петра. Самъ царь былъ въ это время уже въ Воронежѣ и обдумывалъ тамъ планъ нападенія на Азовъ и вообще на Турцію; тутъ уже воздвигнуто было адмиралтейство и до сихъ поръ еще стоящее на островѣ рѣки Воронежа и известное въ просторѣчьи подъ названіемъ «чауса» (цейхгаузъ), и Петръ неутомимо работалъ надъ созданіемъ черноморскаго флота. Хотя, казалось, все вниманіе царя обращено было на югъ, тѣмъ не менѣе судьбы сѣвера не давали ему покоя и онъ непрестанно хлопоталъ о готовности встрѣтить давно жданныхъ гостей. Стоило только Петру ухъать куда нибудь подальше и все то, что повиновалось одному мановенію его руки, начинало дѣлиться — благо дѣло дѣлается не на глазахъ у непосѣдчиваго царя. Такъ случилось и теперь: даже нѣмецъ Виніусъ, которымъ Петръ всегда былъ доволенъ, началъ барствовать и задумалъ урвать кусъ отъ различныхъ заказанныхъ ему подѣлокъ. Суда почти совсѣмъ готовы, а желѣза нѣтъ на Воронежѣ ни пуда; ясное дѣло, что Петру пришлось напоминать Виніусу объ его обязанностяхъ и 5 февраля онъ послалъ ему довольно сухое письмо, гдѣ жалуется на недостатокъ всевозможныхъ матеріаловъ и на отсутствіе лекарствъ противъ объявившихся въ народѣ болѣзней: «того дня», пишетъ Петръ, — «сколько имѣешь на Москвѣ, три доли пришли, не мѣшкавъ». А Виніусъ тутъ-то и промѣшкалъ, такъ что 20 марта Петръ принужденъ былъ довольно прозрачно намекнуть на то, что онъ недоволенъ: «изъ аптеки ни золотника лекарствъ не при-

слано: мы принуждены будемъ лечить тѣхъ, которые то презираютъ». Ясно, что расположеніе духа Петра было самое скверное: на Воронежѣ работа почти стала, благодаря неисполнительности его помощниковъ, а на сѣверѣ «нѣкое ухищреніе» не было еще доведено до того желаннаго конца, котораго добивался Петръ. Въ силу этого царь приказалъ Ивану Татищеву озаботиться на первое время по крайней мѣрѣ обороною Ладоги, которая несомнѣнно не продержалась-бы и одного дня, если-бы шведы отбили Нотебургъ и явились-бы передъ нею съ эскадрою. Петръ очень хорошо понималъ, что тутъ мало построить лишь нѣсколько береговыхъ укрѣпленій и что успѣхъ дѣла зависить скорѣе всего отъ возможности противопоставить флоту флотъ. Да вѣдь-же было и укрѣплять земляные валы, когда опять-таки не было артиллеріи и Петръ, въ конецъ разсердившись на совершенно отбившагося отъ рукъ Виинуса, постегалъ даже его кнутомъ, и, вмѣсто заслуженной висѣлицы, обложилъ его штрафомъ въ 13,000 рублей. Иванъ Татищевъ получилъ приказаніе именно: ради обороны Ладоги и устьевъ Волхова немедленно выстроить на Сяси или на Пашѣ шесть кораблей, для чего и набрать плотниковъ на Олонцѣ, а кузнецовъ взять изъ Устюжны Желѣзнопольской. Когда весь этотъ народъ собрался, то къ постройкѣ каждаго корабля приписали по 120 рабочихъ и работа закипѣла по предположенію Петра, но далеко не на самомъ дѣлѣ, такъ какъ рабочіе собирались туго, да къ тому-же и не было у дѣла главы, а безъ нея рѣшительно ничто не клеилось и не спорилось. Новый указъ полетѣлъ въ скоромъ времени къ Татищеву, которому теперь предписывалось уже «какъ можно скорѣе дѣлать въ Сяьскомъ устьѣ 3 ямька». Вблизи селенія Сяьскіе Рядки намъ показывали мѣсто, гдѣ Татищевъ руководилъ постройкою шняковъ или шнявъ, и вотъ что осталось въ памяти народной объ этомъ горячемъ для этой мѣстности времени: «Присланъ былъ отъ осударя большой генералъ, что заправлялъ въ Питерѣ всѣмъ войскомъ, строить у насъ суда; народу со всѣхъ мѣстъ было согнано до ужаста и приказано было каждый день по одному судну на воду спускать. Прошло мѣсяць времени и пріѣзжаетъ осударь порядки навести, учесть своего генерала, да посмотрѣть, нѣтъ-ли отъ него какой народу тяготы или прижимки. Стали мимо его суда пропускать, какъ солдатъ на паратѣ, а онъ стоитъ, да отсчитываетъ, разъ, два; досчиталъ двадцать-пять, а больше и нѣту. «А позвать», шумить, моего генерала. Позвали—тотъ думалъ осударь его благодарить будетъ и бѣжить словно на пожаръ. «А гдѣ еще пять судовъ?» спрашиваетъ осударь. Тотъ и опѣшилъ. «Какія?»—«А что по воскреснымъ днямъ строили?» Генералъ и сказываетъ: «Седьмой день

Господу Богу твоему». «Аль, когда ты мнѣ служишь, не Богу служишь? аль ты думаешь, что мое дѣло не божеское?» вскричалъ осударь и приказалъ того генерала въ солдаты обратить и по воскреснымъ днямъ и праздникамъ особливо учить, чтобы помнили, что дѣло осударево — дѣло Божіе». Правъ-ли, не правъ-ли былъ Петръ, не дѣлая никакой разницы между своимъ, т. е. общенароднымъ дѣломъ и Божіимъ — не знаемъ, а только изъ самаго вышепомѣщеннаго пересказа народной легенды мы въ правѣ предположить, что самъ народъ такой разницы не признавалъ, да пожалуй не признаетъ и теперь только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы показанное осударемъ дѣло было дѣйствительно дѣломъ касающимся всенароднаго блага.

Татищевъ медлилъ, а Петру ждать было некогда, а потому онъ и надумалъ уполномочить на постройку судовъ любимица своего «Данилыча Алексашу», который одинъ до сихъ поръ понималъ его и служилъ ему беззавѣтно. Меншиковъ, конечно, не безъ указаній отъ Петра, отправился прямо на Свирь, осмотрѣлъ мѣстность подъ Мокришвицами и наконецъ-таки порадовалъ своего державнаго покровителя вѣсточкою, что нашелъ «такіе лѣса, что годились не только на шмаки, хоть и на 50 пушечные корабли». Этотъ уже не медлилъ и барствовалъ, сравнительно, меньше другихъ. Онъ зналъ нравъ Петра и умѣлъ угодить ему. Къ сожалѣнію, онъ не могъ постоянно находиться въ Мокришвицахъ, которыя стали уже называться Лодейнымъ Полемъ или на мѣстномъ нарѣчій «Ванхпель», и долженъ былъ жить въ Петровомъ заведеніи, гдѣ работа была налажена и не меньше постройки судовъ требовала его личного присутствія. Все это поневолѣ заставило Данилыча только положить начало дѣлу, приступивши со свѣтлой недѣли къ рубкѣ мачтъ и пилкѣ лѣса, и отѣхать въ Прионежье, оставивъ въ свое мѣсто въ Лодейномъ Полѣ очень способнаго Александра Кикина, который, однако, видимо, не умѣлъ обращаться съ народомъ. Послѣдствія такого неумѣнья оказались очень скоро и были крайне печальныя, такъ какъ всѣ олончане, собранные сюда для постройки судовъ, въ одинъ прекрасный день отказались слушаться Кикина и перестали работать. Тотъ, конечно, донесъ о «бунтѣ» Меншикову, который отправилъ немедленно въ Лодейное-Поле нѣкоего Ивана Яковлева, да и самъ не замедлилъ прибыть на новую верфь для разборки дѣла. Уже 18 февраля Меншиковъ отписывалъ Петру, что все обстоятъ благополучно и что уже «по приѣздѣ его (Яковлева) олончане не таковы стали, какъ прежде: смиренны и во всемъ послушны, а когда самъ прибылъ, такъ и вовсе покорны; двухъ бурмистровъ, за невысылку плотниковъ, приказалъ бить кнутомъ и сослать въ Азовъ».

Не къ этому-ли именно «бунту» относится записанное нами на Ояги слѣдующее преданіе: «Сердитъ былъ осударь о ту пору и прислалъ суда строить самаго лютаго генерала, а генералъ какъ сѣлъ отъ мошбары въ избу, такъ ни разу и не вышелъ къ народу. Всѣ то посѣѣлись, поизносились и стали у генерала передышка просить, въ байню сходить и одежду полатать, а генералу и горюшка мало: къ себѣ не допускаетъ, а только выслалъ двухъ нѣмцевъ поручиковъ отогнать народъ отъ квартиры; нѣмцы—народъ безстыжій—накинулись драться. Народъ и забунтовалъ и сталъ ломиться въ генеральскую горницу; работу побросали, инструментъ весь пропили. На грѣхъ осударь вотъ оны! «Это что такое?» кричатъ изъ качалки. Весь народъ припалъ ему къ ногамъ и рассказали, что они отъ генерала терпятъ. Осударь кудерьками только возмахнулъ, а сказать—ничего не сказалъ, приказалъ только позвать къ себѣ генерала. Тотъ, что силъ было въ немъ, къ царю бѣжить, а онъ плотникамъ приказъ отдалъ — тѣ генерала въ зашей и выгнали; генералъ безъ шапки на улицу выскочилъ, а осударь его изъ окопечка ручкою манитъ: «что-же, говорить, ты, другъ мой, ко мнѣ не войдешь!» Тотъ опять въ двери, а плотники опять его великимъ боемъ наружу гонять. Поучилъ осударь такъ-то генерала, приказалъ плотникамъ его къ себѣ допустить, да и сказываетъ: «Знаешь-ли ты теперь, ваше превосходительство, какъ хорошо тѣмъ людямъ бываетъ, кого холопы къ барину не пускаютъ? это тебѣ разъ—наука, а какъ ты склонность большую къ вночеству, къ пустыничеству имѣешь, то по своей великой милости я тебя отъ моей докучной службы увольняю, а садись ты на Конеккинь маякъ и маячь. свой вѣкъ одинокимъ — тамъ тебѣ никто докучать не будетъ». Такъ и просидѣлъ генералъ на маякѣ, пока осударь живъ былъ и пока пошло женовластіе».

Только 15 іюля собрался Петръ посмотрѣть, что дѣлается на Лодейномъ Полѣ. Петербургъ былъ уже въ рукахъ царя, который успѣлъ даже и побиться со шведскою эскадрою на морѣ и выиграть первую морскую «викторію». Временно можно было не бояться шведовъ, но Петръ понималъ, что и генералъ Кронгюртъ, отошедшій къ Выборгу, подастъ наконецъ вѣсть Карлу XII черезъ Финляндію, да и улизнувшія отъ него суда не преминутъ отправиться въ Стокгольмъ за «сикурсомъ». Уже Россія студила пятою на берегъ Финскаго залива и не таковъ былъ Карлъ, чтобы оставаться спокойнымъ зрителемъ успѣховъ Петра. Послѣдній очень хорошо понималъ это и хотѣлъ теперь лично удостовѣриться въ томъ, что успѣлъ сдѣлать на Лодейномъ Полѣ его Алексаша. Путиная была не дальняя, особенно если бы удалось пробраться въ Свирь по Ладожскому озеру, но оно бушевало и

словно никакъ не хотѣло простить Петру нанесенную имъ его водамъ обиду. Дѣлать было нечего и пришлось пробираться сухимъ путемъ, который, впрочемъ, въ тѣ времена, повидимому, не совсѣмъ еще сухъ былъ, такъ какъ Петръ послалъ къ Меншикову за качалкою и за привычными таскать таковую лошадьми. Врядъ ли кто знаетъ, въ какомъ экипажѣ совершалъ Петръ это путешествіе, а потому мы и спѣшимъ объяснить, что это не что иное, какъ простая плетеная изъ вѣтвей корзина, которая придѣлана къ двумъ очень длиннымъ жердямъ; передки жердей приспособиваются двумъ лошадямъ на спинѣ, а задки несетъ другая пара. Хоть и не особенно удобно сидѣть въ такой качалкѣ путнику, въ особенности-же при постоянныхъ подъемахъ на сельги и поминутные съ нихъ спуски, но все-же это единственный экипажъ, въ которомъ и до сихъ поръ можно путешествовать въ нѣкоторыхъ частяхъ нашей сѣверной окраины. Отправляя посланнаго за качалкою, Петръ просилъ письменно Меншикова пріѣхать и лично повидаться, а не ждать пріѣзда въ Лодейное Поле. «Зѣло мнѣ нужно видѣться съ тобою, также и тебѣ здѣсь нужда посмотрѣть, а завтра день гулящій. Еще прошу, непременно завтра. Еще пишу: для Бога, не думай о своей ѣздѣ, что здѣсь нездорово: истинно здорово; только мнѣ хочется видѣть». Петру, видимо, хотѣлось похвастаться своему Данилычу своимъ любезнымъ «парадизомъ», про который всюду распустили слухи, что тамъ народъ мреть, какъ мухи. Петръ зналъ очень хорошо, что народъ мреть въ Петербургѣ, но зналъ и причину этой смертности, которая заключалась въ тяжелой работѣ, а никакъ не въ дурномъ климатѣ. Алексашѣ нечего было бояться климата и смерти, такъ какъ Петръ его не изнурилъ-бы на работѣ, а только-бы лишній разокъ справилъ-бы царь любимое служеніе Ивашкѣ Хмельницкому, да лишній потѣшный огонь-бы спустилъ въ честь своего Данилыча, который и самъ былъ не прочь отъ этой потѣхи.

Выполнилъ-ли нѣжный Данилычъ желаніе Петра, или отговорился какимъ-нибудь спѣшнымъ дѣломъ, не желая трести свои боярскія кости, ради непродолжительнаго свиданія, а только во вторникъ 21 іюля Петръ былъ уже въ Лодейномъ Полѣ, окинулъ своимъ чисто орлинымъ взоромъ всѣ работы и на первый-же разъ остался недоволенъ. Меншиковъ былъ въ это время не на верфи, а потому Петръ и написалъ ему выговоръ. Какъ водится, русскій человѣкъ выстроилъ все «чисто», но не «въ препорцію», такъ какъ на математическія выкладки и до сихъ поръ онъ еще слабенекъ и ладить все не «противу чертежа», а «на глазокъ». Хорошо этотъ «глазокъ» бываетъ въ постройкѣ избы, но въ кораблестроеніи вовсе не годится и потому становится понятно не-

удовольствіе Петра. Извиняться было невозможно, да и нечѣмъ—просто недоглядѣлъ Алексаша, а потому онъ и изловчился въ письмѣ подѣхаты къ Петру со своею неумѣlostью и выставить царю на видъ его лишь умѣнье все сдѣлать и сладить. «Конечно», хитритъ въ своемъ отвѣтномъ посланіи Меншиковъ, — «если-бы Ваша милость засталъ его поранѣе, когда онъ былъ въ неотдѣлкѣ, то могъ-бы исправиться изряднѣе во всемъ противъ препорціи, также и въ прочемъ, что да будетъ въ волѣ Вашей, вѣдая и надежду имѣя, что токмо вашимъ прибытіемъ предначатое дѣло придетъ въ лучшее состояніе». Зналъ Данилычъ слабыя стороны Петра и умѣлъ играть на этихъ слабыхъ струнахъ, и Петръ видѣлъ это, но признавалъ въ немъ всегда желанную для него сметку и за эту сметку и любилъ своего любимца. Дѣлать было нечего — пришлось и тутъ Петру взять въ свои умѣлыя руки все «предначатое дѣло», а когда онъ за что-нибудь брался, то тутъ уже все приходилось «въ препорцію». Онъ составилъ самъ чертежъ и собственноручно заложилъ шнау, остальную постройку которой предоставилъ опять-таки не иностранцу, а своему русскому строителю, съ талантами котораго успѣлъ давно познакомиться. Этотъ русскій кораблестроитель звался Иваномъ Нѣмцевымъ и работалъ уже въ Казани и Воронежѣ. Интересно, что вообще иностранные кораблестроители служили при Петрѣ далеко не въ качествѣ начальства, а скорѣе въ качествѣ подручныхъ избраннаго царемъ изъ русскихъ людей главнаго производителя работъ. Даже и тутъ въ Лодейномъ Полѣ нѣмцы, голландцы и другіе иностранцы находились подъ руководствомъ русскаго, которому Петръ, видимо, особенно довѣрялъ. Въ спискахъ строителей судовъ мы находимъ прежде всего и во главѣ слѣдовательно дѣла Ѳ. Салтыкова, а за нимъ уже слѣдуютъ иностранцы: Вибе Гересъ, Янъ Корнелисъ Буренингъ изъ Казани, Ватзе Дирксъ Графъ, Янъ Руловсъ, Янъ Корнелисъ Кейтъ изъ Казани, Томасъ изъ Архангельска и нѣкоторые другіе. При Петрѣ и работа какъ-то спорилась: рабочіе, надсмотрщики — все старалось подладиться подъ руку великаго работника и правъ былъ Меншиковъ, утверждая, что повсюду стоило ему лишь принять личное участіе въ дѣлѣ, чтобы дѣло это пошло въ ходъ и притомъ самымъ блестящимъ образомъ. Ровно черезъ 10 дней по пріѣздѣ Петра, хотъ и не вовсе удачный, а все-же годный въ дѣло, корабль былъ спущенъ въ Свирь и закачался на ея прозрачныхъ водахъ. Радъ былъ Петръ, а еще больше обрадовался, когда къ самому спуску подоспѣлъ Алексаша, который привезъ ему радостныя вѣсти съ Олонца: дѣло клеилось, пушки и снаряды лились и на Лососинкѣ и въ восточномъ углу Онежскаго озера. Ну, какъ было не отмѣтить чѣмъ-нибудь

этотъ радостный день, какъ было не дать понять Данилычу, что его вѣнценосный другъ пересталъ на него сердиться, забывъ его неумѣнье сдѣлать все «въ препорціи»? Перваго-же августа нарекли новорожденному корвету и имя и назвали «Велькомъ» въ честь прїѣзда желаннаго для царя гостя. Второй большой корабль былъ готовъ и спущенъ на воду 8 сентября; этотъ былъ уже сдѣлать совершенно согласно съ чертежомъ, такъ какъ строителемъ его былъ искусный на руку Ѡ. Салтыковъ. Царь обрадовался этому второму кораблю, пожалуй, даже больше перваго, тотчасъ-же возшелъ на него и поднялъ на его мачтѣ свой штандартъ, а потому и самый корветъ окрещенъ былъ «Штандартомъ» и скоро окрещенъ царемъ и въ пороховомъ дымѣ, чего «Велькомъ» не удостоился. Изъ этого мы видимъ, что тѣ, кто полагаетъ, что «Штандартъ» былъ первымъ судномъ, выстроеннымъ на Лодейнопольской верфи, ошибаются, такъ какъ «Велькомъ» на цѣлыхъ пять недѣль его старше.

Не сидѣлось Петру въ Лодейномъ Полѣ: тутъ передъ глазами стоитъ то, въ чемъ онъ находилъ начало осуществленія его вѣтхой мечты, да и рѣка-то растилается передъ его взорами, широкая и глубокая, а тамъ за нею озеро, подобное морю, опять величественная рѣка, и наконецъ — конечная цѣль его стремленій — море. Такъ-то такъ, но передъ устьемъ Невы стоитъ довольно сильная шведская эскадра подъ командою знающаго свое дѣло адмирала Нумерса, и слѣдовательно пока предстояло довольствоваться хотя немногимъ. Пришлось ограничиться на первое время хотя-бы и малымъ и испробовать свое созданіе въ прѣсныхъ водахъ. Цѣлый мѣсяцъ разгуливалъ Петръ на «Штандартѣ» по Ладожскому озеру и по Невѣ, но душа просила большаго простора и онъ все время мечталъ о той минутѣ, когда «Штандартъ», а за нимъ и «Велькомъ» и другія суда, строившіяся на Лодейнопольской верфи, выйдутъ въ открытое море и лицомъ къ лицу встрѣтятся со врагомъ. Наконецъ, 3 октября царь получилъ давно желанную вѣсточку: Нумерсъ ушелъ съ эскадрою изъ устьевъ Невы и, опасаясь, вѣроятно, осенняго ледохода, который несомнѣнно могъ повредить его судамъ, удалился въ Выборгскую бухту, подъ защиту тамошней, довольно сильной крѣпости, куда по всѣмъ видимостямъ Петръ идти не рискнетъ. Только того и нужно было Петру: хотъ и шелъ уже по Невѣ ледъ, но онъ не привыкъ ждать и, снарядивши яхту, отправился къ острову Рету-саари (оторванный блокъ), который впоследствии получилъ названіе Котлина. Дѣло было у Петра на умѣ не шуточное — онъ задумалъ устроить въ узинѣ Финскаго залива такую «фортецію», которая представила-бы собою «сѣверныя Дарданеллы». Приходилось хорошенько

извѣдать форватеръ, а такую задачу поручить кому-нибудь изъ подручныхъ совершенно было не въ натурѣ Петра. И вотъ этотъ неутомимый работникъ на благо своей родины совершаетъ весь тридцативерстный путь до Котлина, стоя на носу яхты съ лотомъ въ рукахъ и дѣлая то и дѣло промѣры. Судьба, видимо благопріятствовала Петру, такъ какъ оказалось, что на сѣверъ отъ Котлина вплоть до финляндскаго берега, дно устѣяно мелями и подводными камнями, которые могутъ сослужить «парадизу» добрую службу, не давая неприятелю возможности пройти въ устье Невы, держась сѣвернаго берега; проходной форватеръ шелъ между котлинскимъ и ингерманландскимъ берегомъ, а этотъ проходъ можно было укрѣпить такъ, что чрезъ него не сунется пройти ни одно судно. Уже тою же зимою Петръ прислалъ Меншикову изъ Воронежа и планъ будущей «неодолимой фортеціи», а скоро начали и строить Кронштадтъ.

Такимъ образомъ въ томъ же Олонцкомъ краѣ родился нашъ будущій балтійскій флотъ, который въ первое время своего существованія, конечно, вовсе не былъ особенно страшенъ, но все-же давалъ Петру возможность вступить со шведами въ борьбу на морѣ и не бояться за свои созданія отъ нашествія вражеской эскадры. Ясное дѣло, что сообщеніе Головина Матвѣеву въ Лондонъ о томъ, что въ устьяхъ Невы у Петра находятся въ готовности 20 кораблей и фрегатовъ, 78 галеръ и 100 бригаantinъ, совершенно ложно и навѣяно, быть можетъ, самимъ царемъ, ради того, чтобы слухъ этотъ распространился за границею и чтобы шведы, побоявшись такой силы, дали ему время дѣйствительно нѣсколько подготовиться ко встрѣчѣ съ ними. Какъ бы то ни было, но все-же дѣло въ Лодейномъ Полѣ шло очень хорошо; работа кипѣла, строители лѣзли изъ кожи для того, чтобы сдѣлать Петру пріятное, а рабочіе и недавно не жалѣли никакихъ усилій на то, чтобы угодить «осударю». «Осударь каждую недѣлю сюда пріѣзжалъ — навѣдываться», говорилъ намъ одинъ старикъ на Ояти, — «а какъ онъ, бывало, пріѣдетъ, такъ заведено уже было, въ тотъ день корабль спущать. Случалось, что и два заразъ спустить, коли артель съ артелью очень заспорить и наперегонки строить почнетъ. И нѣмчины строили и наши русскіе тоже хорошо подъ ихъ модель трафили; нѣмецъ все по плану, а наши на глазокъ выведутъ — отъ планта не отличишь. Однажды передъ отъѣздомъ писалъ осударь плантъ и такое мудреное судно задумалъ, что и нѣмчины диву дались; позади стула стоятъ тоже и наши русскіе новгородскіе плотняки; глянули изъ за его руки на плантъ, да и прочь пошли. Тутъ нѣмцамъ отрадно стало, что русскіе посмотрѣли на плантъ, видятъ имъ противъ планту не

сдѣлать и прочь пошли, ухватили сейчасъ плантъ, унесли его къ себѣ на фатеру и спрятали въ сундукъ подъ двумя замками. Что сдѣлають по планту, прибѣгутъ, въ плантъ дальше посмотреть, да и бѣгутъ дѣлать, чтобы не позабыть, а позабыть не долго — очень ужъ плантъ-то мудреннй сдѣланъ. Такъ-то бережно плантъ они отъ своихъ русскихъ артельщиковъ прячуть, что тѣхъ и къ фатерѣ-то своей близко не подпускають. Дошло дѣло до мелкой отдѣлки, разсмотрѣли и ту, и только осударь на баркасѣ къ пристани подѣбхалъ, а они ему на встрѣчу новое модельное судно спустили. Посмотрѣлъ осударь, похвалилъ—все по планту сдѣлано и сказалъ только: «узорочье-де на гвоздяхъ маленько не ладно, ну да это не бѣда!» Глядь, а съ берега другой корабль спускають; по валикамъ идетъ и ровно и гладко и весь — чистая модель его, безъ одной топорной обѣчки: поглядѣвъ на гвозди, а у нихъ на шляпкахъ тоже все по модели вырѣзано—Илія пророкъ съ Саваоомъ и сіяніе отъ Саваоова лика и вокругъ головы пророка сіяніе поменьше. Тутъ только поняли нѣмчины, что имъ съ нашими не совладать, и что наши однимъ глазкомъ узрили то, что они и во вѣки-бы не усмотрѣли. Съ той поры и не стали они осударевыхъ плантовъ прятать—все-де одно, они и на глазъ въ препорцію сдѣлають». Интересно, что, по веѣмъ вѣроятіямъ, въ этомъ преданіи сохранилась память о фрегатѣ «Св. Илія», который проходилъ по этимъ мѣстамъ на пути изъ Архангельска, еще до взятія Нотебурга.

Конечно, не каждую недѣлю бывалъ Петръ въ Лодейномъ Полѣ, но все-же навѣдывался туда два раза и оставался въ эти пріѣзды на верфи дней по десяти и по двѣнадцати; такъ пріѣзжалъ онъ сюда въ мартѣ 1704 года изъ Воронежа, да завернулъ и въ сентябрѣ. Въ этомъ мѣсяцѣ спущено было на воду семь фрегатовъ—вотъ и все, съ чѣмъ могъ Петръ выступить противъ шведовъ, не считая, конечно, галерную флотилію, на которой онъ умѣлъ также бить своихъ враговъ, какъ потомъ билъ ихъ и на большихъ корабляхъ.

Вѣчно въ дѣлѣ, вѣчно занятый, то какими нибудь планами, то примѣненіемъ ихъ къ дѣлу, довольный собой, какъ и всякій трудящійся на благо человѣкъ, Петръ никогда не имѣлъ времени скучать; развѣ когда стрясется неудача или обманется онъ въ людяхъ, но и то скоро дѣло снова забирало его цѣликомъ и скуки не оставалось и слѣда. Иное дѣло его подручные. Меншиковъ, пожалуй, еще болѣе остальныхъ подходилъ подъ стать Петрову, но и онъ не могъ вполнѣ проникнуться его духомъ и скучалъ на дѣлѣ, какъ умѣетъ скучать на немъ и всякій русскій баринъ. Тосковалъ онъ и на лодейнопольской верфи, забывая, повидимо-

му, что его присутствіе тамъ необходимо, и что былъ даже «бунтъ», когда онъ не присутствовалъ лично при работахъ; наконецъ не втерпѣвъ ему стало, и воззвалъ онъ къ своему вѣнценосному другу: «Гей! зѣло скучно, и если-бъ не дѣло задержало, вздуриться-бъ мочно!» «Вздуриться» однако ему не пришлось, такъ какъ 2-го октября царь взялъ его съ собой въ Петербургъ, куда требовалось доставить готовые уже корабли. Только 18 октября пришла эскадра въ Петербургъ, такъ какъ страшныя бури бушевали на Ладожскомъ озерѣ и приходилось то отставиваться, то бороться со стихіями, такъ что не разъ пришлось Петру опасаться за благополучный приводъ своей флотилии въ устья Невы. Тутъ именно Петръ во-очію убѣдился въ томъ, что неудобно имѣть между верфью и портомъ громадный бассейнъ Ладожскаго озера, прославленный издавна своею бурливостью и въ особенности своею постоянною и неудобною толчеєю, и порѣшилъ тутъ-же перенести кораблестроительный центръ въ свой достолюбезный «парадизъ», гдѣ 5 ноября того-же 1704 года, напротивъ Васильевскаго острова, былъ заложенъ «адмиралтейскій домъ», откуда первымъ судномъ вышелъ фрегатъ «Надежда», выстроенный опять-таки русскимъ инженеромъ—Федоромъ Сяляевымъ.

VII.

Хоть и прозвалъ Петръ свое дѣтище «парадизомъ», хоть и убѣждалъ, что въ немъ «жить здорово», но дѣло въ томъ, что въ одинъ прекрасный день новая столица могла оказаться безъ хлѣба, такъ какъ она отстояла отъ хлѣбородныхъ центровъ на слишкомъ далекое разстояніе, а своимъ хлѣбомъ ни въ какомъ случаѣ прокормиться не могла. Приходилось такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ существованія новой столицы подумать о соединеніи ея съ хлѣбородными мѣстностями Россіи, а, за неимѣніемъ въ тѣ времена желѣзныхъ дорогъ, водный путь, издавна извѣстный новгородскимъ торговымъ людямъ и ушкуйникамъ, представлялся самымъ выгоднымъ, скорымъ и удобнымъ. Передъ новгородцами у Петра было уже то преимущество, что ему не приходилось вводить въ эти пути волоки, такъ какъ еще передъ началомъ его похода изъ Архангельска къ Петербургу къ нему прибыли заграничные плюзные мастера, которые умѣли прорывать водораздѣлы и поднимать тутъ воду плюзами. Но и другая еще мысль принуждала Петра къ тому, чтобы открыть «вольный ходъ судамъ отъ Невы до Волги», такъ какъ онъ всегда смотрѣлъ на Россію какъ на торговую посредницу между Европою и Азією и постоянно предла-

галъ своимъ посламъ въ Азію справляться о путяхъ въ Индію, узнавать—нѣтъ-ли «великихъ рѣкъ и по тѣмъ рѣкамъ идти до Индіи мочно-ли?» Понятно, что обѣ эти причины должны были очень рано обратить вниманіе царя на мѣстность, находящуюся на югъ отъ Онежскаго озера. Главный водораздѣльный пунктъ волжскихъ водъ съ водами озеръ Онежскаго и Ладожскаго прорзорливый глазъ Петра нашель въ нынѣшнемъ Вытегорскомъ уѣздѣ. Издавна уже путь опять сдѣлался торною дорогою изъ Новгорода на Волгу и въ особенности въ Сѣверную Двину, Мезень и Печору, съ которыми въ былыя времена велся весьма оживленный торгъ, а потому и мѣстность вкругъ нынѣшняго города Вытегры была уже въ тѣ времена достаточно заселена и имѣла не малое торговое значеніе. При ручьѣ Вянгѣ, на рѣкѣ Вытегрѣ была вянгинская пристань, а другая пристань, бадогская, стояла уже на р. Ковжѣ, несущей свои воды въ Бѣлое озеро и далѣе въ Волгу. Между этими пристанями и находился такъ называемый вангинскій волокъ, по которому хлѣбъ и другіе продукты должны были перевозиться на очень небольшое разстояніе сухимъ путемъ.

Петръ, видимо, отлично изучилъ эту мѣстность по картамъ и зналъ, что волокъ очень невеликъ, а потому и не можетъ представить значительныхъ трудностей для прокопа, но долго еще не рѣшался онъ избрать именно это мѣсто для воднаго пути по той простой причинѣ, что мысль о ней въ головѣ этого гениальнаго человѣка зародилась гораздо раньше того времени, когда было задумано и такъ блистательно выполнено «нѣкое ухищреніе». До похода на Нотебургъ у Петра начертаны уже были три проекта водяныхъ сообщеній, по которымъ онъ думалъ соединить Волгу съ Онегой чрезъ Вингу и Ковжу, а Бѣлое море съ Балтійскимъ и Каспійскимъ морями или черезъ рѣку Водлу, или черезъ рѣку Выгъ. Именно этимъ-то давнишнимъ знакомствомъ Петра съ теченіемъ рѣки Выга и объясняется, почему онъ избралъ для своего похода изъ Нюхчи въ Повѣнецъ именно эти два пункта, а не какіе-либо другіе. Уже будучи въ Англій въ 1698 году Петръ имѣлъ при себѣ всѣ три проекта, и при свиданіи съ лордомъ Карманделемъ говорилъ ему о своихъ планахъ и просилъ порекомендовать человѣка, который былъ-бы въ состояніи выполнить эти проекты вполне добросовѣстно. Лордъ Кармандель чрезвычайно заинтересовался планами царя и поспѣшилъ представить ему знаменитаго въ то время инженера, капитана Перри, который съ перваго-же раза проникся идеями Петра и очень понравился царю своею смѣтливостью и энергичностью. Повидимому, Перри тутъ-же съ Петромъ и отправился въ Россію, гдѣ скоро сзыхся и съ обстоятельствами, и съ народомъ, и приступилъ къ предва-

рительнымъ изысканіямъ по всѣмъ тремъ указаннымъ царемъ направленіямъ. Вѣроятно онъ-то и потребовалъ шлюзныхъ мастеровъ, явившихся въ 1702 году въ Архангельскъ, если только они не пріѣхали по вызову другого иностраннаго инженера, нѣмца Беклера, который въ это время дѣлалъ изысканія близь озера Ивановскаго, у истоковъ рѣки Дона и подъ Москвою. Когда впоследствии Петръ приставилъ Беклера къ устройству обходнаго Ладожскаго канала, то нѣмецъ оказался неотвѣчающимъ требованіямъ царя и скоро былъ отправленъ на родину, тѣмъ болѣе, что къ тому времени, подъ руководствомъ самого царя, а также, вѣроятно, не безъ содѣйствія и Перри, успѣли образоваться и изъ своихъ русскихъ людей далеко недурные знатоки инженернаго дѣла въ родѣ Корчмина, имя котораго наравнѣ съ именемъ Перри тѣсно связано съ устройствомъ первыхъ водяныхъ сообщеній въ Россіи.

Перри рьяно взялся за порученное ему Петромъ дѣло и, пока тотъ справлялся съ Карломъ XII на югѣ Россіи, дѣлалъ изысканія, исходивши все протяженіе будущей Маринской системы пѣшкомъ. Повидимому тогдашніе инженеры не обозрѣвали трасе будущихъ путей, лежа въ дормезѣ, такъ какъ Перри видѣлъ манеру работать, принятую Петромъ, да и не получилъ, вѣроятно, особенно много денегъ на производство изысканій. Къ 1710 году Перри побончилъ работу и представилъ свои чертежи и планы царю, который однако пожелалъ провѣрить работу англійскаго инженера на дѣлѣ и на мѣстѣ. Случилось, что когда впоследствии графъ Сиверсъ производилъ новыя изысканія въ той-же мѣстности, то проводникомъ его былъ крестьянинъ Пахомъ, который въ малолѣтствѣ водилъ по этимъ мѣстамъ и Перри, и Корчмина, и «сеударя». Родомъ онъ былъ изъ деревни Рубежа, которая расположена была недалеко отъ соединенія нынѣшняго канала съ рѣкою Вытегрою, и отъ рожденія имѣлъ тогда уже 115 лѣтъ. Старикъ съ какимъ-то благоговѣніемъ относился и къ Петру, и къ обоимъ инженерамъ, и не могъ нахвалиться ими. Перри, по рассказамъ Пахома, — «былъ тученъ и не могъ самъ ходить по болотамъ; его носили на жердяхъ, переплетенныхъ вѣтвинами, а за нимъ нашивали мѣдное блюдо со сквозными рожками, которое онъ ставилъ на распорки, и, прищурясь, однимъ глазомъ сматривалъ по волоскамъ, натянутымъ въ сквозныхъ рожкахъ; а по тѣмъ волоскамъ велѣлъ ставить отъ мѣста до мѣста шести и по тѣмъ шестамъ рубить просѣку». Такъ объяснялъ этотъ старикъ астролябію, по которой Перри велъ румбы, пролагая линію будущаго канала. «За нѣмчиною», рассказывалъ Пахомъ, — случалось зачастую мнѣ носить длинное сквозныцце, въ которое тотъ сматривалъ, когда выходилъ изъ лѣсу

на высокое или открытое мѣсто, и оттуда видѣлъ Богъ вѣсть какъ далеко». Ясно, что подъ сквозильцемъ старинъ разумѣлъ зрительную трубу. «Корчминъ былъ сухощавъ и часто курилъ табакъ; я принашивалъ ему изъ своей избы уголь разкуривать трубку. Также, какъ и нѣмчина, онъ ходя по просѣкамъ, сматривалъ въ рожки мѣднаго блюда и въ сквозильце». Если оба они предлагали при посредствѣ инструментовъ румбы, то слѣдовательно Корчминъ отнюдь не былъ лишь простымъ подручнымъ Перри, а, видимо, работалъ наравнѣ съ нимъ, и слѣдовательно честь изысканій принадлежитъ опять-таки не одному иностранному инженеру, а въ одинаковой съ нимъ мѣрѣ и нашему исконно-русскому знатоку этого дѣла. Оказалось, что оба инженера не потратили ни времени, ни денегъ попусту. Царь въ томъ же году посѣтилъ мѣстность, излюбленную ими для канала, и остался чрезвычайно доволенъ ихъ трудами. Помнилъ Пахомъ и «осударя» и рассказывалъ Сиверсу, что «батюшка-Осударь былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлою головою; часто встряхивалъ онъ своими черными кудерьками, а пуще, когда случался въ раздумьѣ. Не гнушался онъ нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль и пожаловалъ отцу моему серебряный полтинникъ». По другимъ преданіямъ народнымъ Петръ повсюду ходилъ пѣшкомъ, ночевалъ въ шалашахъ, которые дѣлалъ ему изъ еловыхъ вѣтоевъ, читался чѣмъ Богъ пошлетъ, и постоянно дѣлалъ провѣрку данныхъ, полученныхъ инженерами. Теперь на одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ по указанію Пахома стоялъ когда-то шалашъ великаго, выстроены памятникъ съ подобающею надписью, которая гласитъ: «Зидитель пользы и славы народа своего Великій Петръ, здѣсь помыслиа о судоходствѣ, отдыхалъ на семъ самомъ мѣстѣ въ 1711 году. Благоговѣйте, сыны Россіи!»

Новыя заботы отвлекли Петра въ 1710 году отъ задуманнаго имъ великаго дѣла, хотя онъ и приказалъ Перри составить смѣту тѣхъ расходовъ, которые потребуются на устройство системы, а потому Перри и представилъ Петру смѣту на 10,000 рублей; предполагалось устроить на эту сумму 22 шлюза, но Петръ и на этотъ расходъ не скоро еще рѣшился, такъ какъ масса денегъ выходила у него на разныя военныя надобности. Въ слѣдующемъ году мы уже не находимъ Перри въ Россіи и до сихъ поръ еще не можемъ положительно сказать, что было причиною его отъѣзда за границу; какія-то неудовольствія между нимъ и царемъ существовали, но что именно возбудило эти неудовольствія—до сихъ поръ еще разобрать не удалось. Хотъ Перри и уѣхалъ, но дѣло его не заглохло. Едва выбрались для Петра свободная минутка, какъ онъ

снова уѣхалъ на Вытегру и теперь уже со смѣтою въ рукахъ провѣрилъ проектъ Нерри и Корчина. Оказалось, что лучшаго ничего нельзя было проецировать и, быть можетъ, привелось царю пожалѣть, что онъ не удержалъ англичанина. Какъ-то разъ отдыхалъ Петръ близъ нынѣшняго города Вытегры, на такъ называемой «бесѣдной горѣ» и такъ какъ время было жаркое, то царь снялъ свой камзолъ и положилъ тутъ-же на траву; пришло время снова приниматься за дѣло, а камзола-то ужъ и слѣдъ простылъ. Камзолъ былъ не плохой, а вытегры—не промахи; сгинулъ камзолъ царскій, какъ въ воду канулъ и пошло по народу для вытегровъ шутивое присловье: «вытегры—воры, камзолъ Петра I украли». Такъ-ли дѣло было, или-же иначе, какъ рассказываютъ сами вытегорцы, а только осударь разсмѣялся и сказалъ: «самъ виноватъ! надо было азамикъ надѣть». Вытегры увѣряютъ, однако, что «камзолъниками» дряхлятъ ихъ по своему неразумію, такъ какъ никогда они камзола у осударя не крали, а достался онъ отъ царя какому-то Гришѣ, который выпросилъ его у самаго Петра «себѣ и тѣмъ, кто умнѣе и добрѣе, на шапки, а шапки мы не только дѣтаемъ, но и правнукамъ запасемъ на память о твоей, нашъ царь батюшка, милости».

Вернулся Петръ въ Петербургъ, а денегъ все не было и шлюзовъ строить было не на что; затѣмъ вниманіе царя отвлечено было въ другую сторону и проектъ Нерри такъ и остался невыполненнымъ. Прошло 75 лѣтъ послѣ его смерти, когда въ царствованіе императора Павла случайно розыскали проектъ англійскаго инженера и рѣшили на этотъ разъ довести дѣло до конца. Денегъ опять-таки не случилось и только благодаря отпуску потребной суммы изъ капиталовъ Воспитательнаго Дома удалось наконецъ выполнить гениальный планъ Петра и устроить «Маринскую систему».

VIII.

Тяжко было царю, онъ чувствовалъ себя нехорошо; непосильные, исполнскіе труды, лихорадочная дѣятельность, постоянные огромные переѣзды, частыя лишенія въ пищѣ и въ кровѣ при непогодахъ—все это дѣлало свое дѣло и мало-по малу подкапывалось подъ желѣзное здоровье Петра. Пришлось наконецъ обратиться на здоровье серьезное вниманіе и доктора стали совѣтовать царю пирмонтскія воды. Лучшаго лекарства Петръ и не желалъ, такъ какъ являлась возможность снова побывать въ Европѣ, людей посмотреть и себя имъ показать; но все это стоило слишкомъ дорого, да и далеко было ѣхать—лучше было-бы, если-бы явилась

возможность устроить Пирмонтъ и Спа у себя въ Россіи, подъ бокомъ у того «парадиза», который составлялъ для Петра зеницу ока... Вѣдь отыскали-же въ Россіи, недалеко отъ Петербурга, руду, такъ почему-же не быть тамъ-же и минеральныхъ источниковъ? На этомъ-то именно основаніи царь и приказалъ въ 1713 году доктору Шуберту «искать цѣлебныхъ ключей на подобіе Пирмонтскихъ». Шубертъ поѣхалъ въ путь и дѣятельно принялся за работу, но, видно, онъ не чета былъ другимъ птенцамъ Петровымъ и не обладалъ даромъ выполнять данное порученіе чуть не въ нѣсколько дней. По всѣмъ вѣроятіямъ, задержка произошла вслѣдствіе того, что Шуберту, за незнаніемъ русскаго языка, приходилось работать самому, такъ какъ окольныхъ людей ему спрашивать было невозможно. Какъ-бы то ни было, но сама судьба помогла Петру и пока нѣмецкій врачъ производилъ анализы и кропотливо выполнялъ данное ему порученіе, простой молотовой рабочей «Петрова заведенія» Рябоевъ случайно открылъ то, что было нужно царю.

До насъ дошло подлинное прошеніе Петру, написанное Рябоевымъ и хранящееся донинѣ у крестьянъ Рябоевыхъ Виданской волости Петрозаводскаго уѣзда. Изъ этого прошенія мы узнаемъ, что Рябоевъ «былъ посланъ за урядомъ въ зимнее время надъ рудными возаками—и до того скорбѣлъ многіе годы сердечною болѣзнію; а изъ которыхъ мѣсть съ онаго болота крестьяне руду возили; и я за оною болѣзнію чуть живъ волочился и пришедъ къ колодезю, сталъ воду пить, и началъ Богу молиться, чтобы Богъ съ оной воды далъ исцѣленіе, и изъ онаго колодезя ради своей болѣзни по три дни воды пилъ, и послѣ трехъ дней стало легче и отъ того сталъ здоровъ и понинѣ ничѣмъ не болѣзную».

Какъ и водится, Рябоевъ рассказалъ о случившемся съ нимъ своему прямому начальнику, плавильщику, а тотъ, прослышавъ, что отъ царя «нѣмецъ посланъ за водами цѣлебными», доложилъ коменданту заводовъ Геннину, который, конечно, поспѣшилъ воспользоваться случаемъ сдѣлать что-либо пріятное царю и отписалъ ему о случайно сдѣланномъ открытіи. Понятное дѣло, что Геннинъ приписалъ всю честь открытія и заботу о здравіи и благоденствіи Петра самому себѣ, въ чемъ мы убѣждаемся изъ свидѣтельства надписи на чугунной доскѣ, помѣщенной при источникѣ кончезерскихъ марціальныхъ водъ, которая гласитъ слѣдующее: «Сей источникъ исцѣлительной марціальной воды смысванъ дѣля пользы его царскаго величества петъра перьваго имъператора всеа руссіискаго и дѣля пѣротчей всенародноі пользы тыщаниемъ и инскусствомъ его величества всенижайшаго раба артилеріи полъковъника и команъданъта алонецькаго госъподина георъгла

вигельма генъина рожденіе ево въ насосігенъ і помянутой істочникъ объявленъ впрошломъ 1716 году». Не таковъ, однако, былъ Петръ, чтобы такъ и вѣрить донесеніямъ и не разузнавать потомъ, какъ въ дѣйствительности дѣло было. Молва о Рябоевѣ дошла до царя и онъ поспѣшилъ наградить и его, какъ подобало: алмазами украшенный портретъ царскій, положимъ, достался «начальству», но и Рябоевъ получилъ «резолюцію о свободѣ съ домою и землею отъ всѣхъ работъ на казенныхъ заводахъ», къ которымъ молотовой рабочей былъ приписанъ наравнѣ съ другими окрестными крестьянами.

Народъ не хочетъ, однако, признать ни за Гѣннинымъ, ни за Рябоевымъ заслуги открытія марціальныхъ водъ и утверждаетъ, что Петръ самъ нацѣль источникъ по указанію какого-то чудеснаго «вьюноша». «И въ войнахъ, и дома понудился осударь не мало и сталъ болѣть, и тѣломъ и духомъ; прежде, бывало, шутя молотъ подниметь, а теперь съ нужею. Созвалъ онъ докторовъ заморскихъ и стали они ему говорить, чтобы ѣхалъ за море, на теплыя воды, а то при его жизненности ему очень плохо быть можетъ. А доктора тѣ были шведскимъ царемъ и салтаномъ турецкимъ подкуплены: чтобы его къ смертнымъ водамъ за море отправить, гдѣ даже и муха отъ водяного тумана жреть. И болѣсть-то докучлива, и ѣхать-то не хочется, и пришелъ осударь въ раздумье великое, какъ ему быть; въ этомъ раздумѣ осударь и вышелъ прогуляться. Шель, шель и не видалъ, какъ пришелъ на Кончезеро, а тутъ вдругъ предста ему вьюношъ изъ себя лицомъ блистательный и прорекъ ему: «мужайся Петръ! я воздвигну тя отъ одра болѣзненна». И повелъ вьюношъ осударя въ лѣсъ и видяху ту коня бѣла и тоже видомъ блистательна и удари копь копытомъ въ землю и источи земля струю водную и потече вода, а вьюношъ рече: «испій и исцѣлися» и съ тѣмъ почла быти незримъ. Тутъ осударь провидѣлъ, что вьюношъ тотъ былъ святыи исцѣлитель Пантелѣй». Народъ ревниво слѣдитъ за каждымъ шагомъ своего любимца и не хочетъ допустить и мысли, чтобы цѣлительный источникъ былъ открытъ для него простыми смертными — только податель всяческихъ чудесныхъ исцѣленій, небесный врачъ Пантелѣй, могъ возстановить Петра съ одра болѣзни, такъ какъ Петръ всегда находился, по мнѣнію народа, подъ особеннымъ покровительствомъ небесныхъ силъ, какъ истовый блюститель Христова завѣта правды и любви

Царь пріѣхалъ на воды въ первый разъ 19-го января 1719 года, да и пріѣхалъ-то не одинъ, а привезъ съ собою ту, которая съумѣла понять его и которая доставила ему много хорошихъ минутъ въ его полной заботѣ жизни. «Катеринушкѣ» тоже при-

ходилось полечиться, хотя и не страдала она никакою особенно рѣзкою болѣзнію, а такъ, измаялась маленько живучи въ «парадизѣ», да и «Петрушу» одного на долгій срокъ отпустить не хотѣла. Кромѣ царя и его супруги, прибыла на воды, которыя вслѣдствіе обилія въ нихъ желѣза названы были «марціальными» (отъ oleum Martii), и супруга покойнаго брата царя, Іоанна Алексѣевича, царица Прасковья Феодоровна, которой желѣзистыя воды и совѣтъ-таки были полезны по худосочности ея и слабости. Почти два мѣсяца прожили на Кончезерѣ августѣйшіе гости и въ то время, какъ дамы предпринимали разныя увеселительныя поѣздки и любовались прекрасными окрестными видами, Петръ аккуратнѣйшимъ образомъ пилъ воды и работалъ, словно отдыхъ былъ созданъ совѣтъ не для него. «Вставалъ осударь до солнышка и променажъ себѣ дѣлалъ, а тамъ воды изопьетъ и указы писать станеть, да такъ день-денской и пишетъ указы, потому ввечеру до сотни кульеровъ въ разные концы скачутъ — осударево слово развозятъ. О ту пору случилось осударю во время прогулки подойти къ промысловой зимушѣ, а тамъ двое промышленниковъ живутъ и промежь себя разговариваютъ. Вотъ одинъ и сказываетъ: «Вотъ кому жизнь-то привольная!» — «Кому?» спрашиваетъ другой. — «Да царю! Лежи цѣлый день, а тамъ отдохни отъ лежки-то». Сейчасъ на тотъ-же день пріѣхалъ къ зимушѣ отъ осудара посланный, забралъ того промышленника, что житье царское хвалилъ и привезъ его прямо къ осударю. «Вижу я», сказываетъ ему осударь, — «твою добродѣтель и захотѣлъ тебя за нее наградить; будь ты при мнѣ въ родѣ какъ лакеемъ и вся твоя служба только въ томъ и будетъ, что спи, когда я спать буду и не моги глазъ закрыть, пока я не лягу». Обрадовался промышленникъ несказанно такому благополучію и сталъ уже азымъ снимать, потому осударь почивать ложился; только онъ азымъ-то скинулъ, а въ двери-то и стучатся. «Выдь», сказываетъ осударь, — «да погляди, кто тамъ?» Пошелъ онъ — царя нужно. «Что тебѣ?» — «На Москвѣ хлѣбушка нѣту». — «Подай перо и бумаги». Подали и сталъ царь писать и прописалъ съ часъ времени, а тамъ сталъ читать и вычиталъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ въ Москву хлѣбъ свозили и народу безъ процента въ займы давали. Ушелъ посланный, а ужъ въ двери иной ломится. «Въ Питерѣ по воскреснымъ днямъ народъ безъ тебя, осударь, работать гоняютъ и твои царскія денежки бояре въ карманъ кладутъ, а народъ износился и въ проголодь ходитъ». И туда написалъ осударь указъ, чтобы по воскреснымъ днямъ народъ не нудить и деньги платить, а ослушниковъ повѣсить! Ладно! Не успѣлъ кульеръ уйти, а въ двери еще глядитъ: «Смилуйся, осударь-батюшка, вели правды съискать! вое-

вода на Низу женъ отбиваетъ, животинки отнимаетъ, въ кабаль держитъ народъ православный». У промышленника одинъ глазъ такъ и липнетъ, а у осударя ни въ одномъ глазу сна нѣтъ и сидитъ онъ, и пишетъ безъ перестачи. Воеводу смѣнилъ, въ Шлюшинъ въ крѣпость послалъ, а народу за десять лѣтъ всѣ подати простилъ. Солнышко въ окошечки глянуло, а новый кулберъ летится—глядь, анъ это его-же товарищъ промышленникъ. «Гони его!» шумитъ осударь, — «спать хочу!» А у лакея-то и сонъ прошелъ, и азяма не накинута — на улицу въ рубахѣ выскочилъ. «Что приключилось?» — «Плохо дѣло! воевода пришелъ, зимушку разорилъ, все полѣсованье на себя отобралъ и тебя искать велѣлъ, хочеть за мѣсто своего холона въ ратники сдать!» Какъ кинется нашъ полѣсовщикъ къ царю!.. «Батюшка! помилуй!» А тотъ: «спи! братъ, спи! али не видишь, что я спать легъ». И взмолился полѣсовщикъ осударю, чтобы онъ отъ себя сонъ отогналъ и спасъ его отъ воеводской неправды, а царь и говорить: «А хороша-ли, другъ милый, жизнь царева? полно весь-ли онъ день лежить, а ночью отъ лежки отдыхаетъ?» Понялъ тутъ полѣсовщикъ, что осударь услышалъ его слова неразумныя и покаялся. «Такъ ты и знай», проговорилъ осударь, — «у тебя одна голова на плечахъ неразумная, а у меня на плечахъ всѣ ваши неразумныя головы; ты объ одной о своей позаботился и спать не захотѣлъ, а какъ мнѣ обо всѣхъ-то неразумныхъ головушкахъ думать надлежитъ, такъ и вѣкъ я не усну; а усну, такъ сильный прижметъ слабого, пойдетъ тягота и неправда, голодъ и безвременье и вражеское поплѣбненіе». Положимъ, что передъ нами только преданіе, но подкладка его совершенно вѣрна и можно быть вполне увѣреннымъ, что отдыха мало видѣлъ Петръ на марціальныхъ водахъ; все его заботило, все въ немъ работало и создавало новыя и новыя планы на благо Россіи. Петръ не видалъ вокругъ себя продолжателей своихъ дѣяній и какъ-то лихорадочно торопился успѣть сдѣлать, если и не все, то, по крайней мѣрѣ, многое и главное, что ему казалось особенно необходимымъ въ данную минуту.

Воды сдѣлали Петру несомнѣнную пользу, а потому онъ и порѣшилъ популяризировать цѣлебность минеральныхъ водъ; распространить въ публикѣ свѣдѣнія о пользѣ, которую онѣ могутъ принести, и прямо посовѣтовать прибѣгать къ этому леченію. Слѣдствіемъ такого рѣшенія явился указъ отъ 20-го марта 1719 года, написанный слѣдовательно еще въ Кончезерѣ, который представляетъ такой глубокой интересъ, что мы помѣщаемъ его цѣликомъ. «Понеже Господь Богъ, по Своей къ намъ милости, здѣсь такую цѣлебную воду явить благоволилъ (которая прежде была

не значема), которую не только многіе больные изцѣленіемъ своимъ освидѣтельствовали, но и мы сами съ своею фамиліею и многихъ знатныхъ персонъ присутствіемъ и употребленіемъ оныхъ водъ всё пользу получили. И могу сказать, что паче другихъ водъ, которыя мы двоимъ, а именно: пирмонтскія и шпадавскія, употребляли, отъ сихъ пользу получили. Того ради повелѣли мы вышеупомянутыя правила докторамъ написать, какъ оныя воды употреблять, и какой порядою въ житіи и въ употребленіи пищи и питья содержать, дабы невѣдѣніемъ, вмѣсто пользы, паче траты здоровью своему кто не принесъ, и тѣмъ-бы сей отъ Бога дарованный даръ хулы отъ неразумнаго простыхъ людей не воспріялъ; буде-же кто отъ упрямства своего сихъ регулъ хранить не станетъ, и такихъ до употребленія тѣхъ водъ допускать не велѣли».

Понятное дѣло, что личный примѣръ Петра, а главнымъ образомъ старанія его распространить свѣдѣнія о цѣлебности марціальныхъ водъ, принесли нѣкоторые плоды и тогдашняя знать, спѣшила наперерывъ къ источникамъ, если не лечится, то, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы сдѣлать царю угодное. Уже къ пріѣзду государеву былъ устроенъ «дворецъ», въ которомъ дозволялось жить и простымъ лечащимся въ то время, когда Петра на было въ Кончезерѣ. Скоро появились вокругъ источниковъ и частныя домики, куда алчущіе здоровья и въ особенности царской привѣтливой улыбки забирались и лѣтомъ и зимою, нили воды, купались и потомъ поддѣлывались къ царю своими чудесными излеченіями. Предприняты были и другія мѣры, клонившіяся къ лучшему устройству первыхъ минеральныхъ водъ въ Россіи, такъ на примѣръ, отъ самого Петербурга устроена была дорога на Петрозаводскъ и далѣе до Кончезера и въ нѣсколькихъ мѣстахъ поставлены были столбы, указывавшіе дорогу «на марціальныя воды». Дошло до того, что посѣтителей стало бывать уже слишкомъ много, такъ что начальникъ петровскаго заведенія сталъ даже жаловаться на трудность принимать такое количество пріѣзжихъ. разумѣя, конечно, лишь одну знать, такъ какъ людишки болѣе простаго разбора, которые тавже попадали на воды, помѣщеніемъ не стѣснялись, а разбивали палатки или-же жили въ простыхъ еловыхъ шалашахъ, разводили тутъ-же костры и жили вообще на бивуагѣ.

Но въ томъ-то и бѣда, что далеко не всё посѣтители водъ относились къ нимъ такъ серьезно, какъ великій ихъ основатель: многіе вовсе не выполняли докторскихъ «регулъ», рекомендованныхъ царемъ, другіе постоянно уклонялись отъ ихъ предписаній. а большинство слишкомъ уже сильно скучало въ пустынной кон-

чезерской мѣстности и, не выдержавъ срока, торопилось уѣхать въ Питеръ или въ другіе города, гдѣ все было и людѣе и веселѣе. Пошелъ слухъ, что царь былъ введенъ въ ошибку и воды вовсе не такъ цѣлебны, какъ стараются о нихъ прокричать. Петръ прислушался къ говору бездѣльныхъ людей и горько, и обидно ему стало, что эти бездѣльные люди хулятъ «сей отъ Бога дарованный даръ». Здоровье его снова расшаталось нѣсколько и въ 1720 году мы видимъ его снова на Кончезерѣ, откуда онъ написалъ новое «всенародное объявленіе» о томъ, чтобы вина употребленія водъ безъ соблюденія всякихъ правилъ и подобающей діеты отнюдь не падала на воды, которыми «и самъ его величество своею особою со всею фамиліею изволилъ неоднократно (?) пользоваться, также и изъ другихъ персонъ, и многіе посторонніе отъ тѣхъ водъ лечились». На какія это «неоднократныя» посѣщенія водъ намекаетъ указъ, мы не знаемъ и остается лишь предполагать, что Петръ посѣщалъ ихъ и лечился на марціальныхъ водахъ раньше того времени, когда онѣ были открыты, т. е. въ періодъ времени отъ 1716 по 1719 годъ.

Въ февралѣ 1722 года Петръ снова заѣхалъ на воды, но оставался тутъ не долго, такъ какъ завернулъ сюда лишь потому что былъ на Петрозаводскѣ и хотѣлъ приглядѣть выполнены-ли и притомъ какъ выполнены его распоряженія, вѣнчившіяся къ различнымъ на водахъ улучшеніямъ. Еще въ 1721 году выстроена здѣсь по приказанію Петра деревянная церковь во имя Св. Первоверховнаго Апостола Петра; по всѣмъ вѣроятіямъ всѣ чертежи и планы этой церкви сдѣланы самимъ царемъ, такъ-какъ устроена была совершенно въ его вкусѣ.

Любили еще тогда брусныя постройки; да и самъ Петръ былъ отъ нихъ не прочь, хотя и предпочиталъ имъ чистенькую, голландскую кирпичную кладку, а потому и церковь на марціальныхъ водахъ сдѣлана была брусная. Выведена она была искусно и углы не тарачились, какъ это бываетъ у построекъ центральной и южной Россіи, а рублены на древній новгородскій пошибъ съ усѣчкою; надъ входомъ висѣлась колокольня, а сама церковь, какъ и понобѣетъ, имѣла форму креста. Незатѣливо было ея внутреннее убранство, а все-же и внутри обдѣлана она не такъ, какъ прочіе храмы нашего сѣвернаго края; поверхъ клиросовъ, какъ разъ на западной стѣнѣ, т. е. передъ алтаремъ, сдѣланы были хоры, забранные снизу и почти до верха филанчатомъ переборкою, а тамъ, гдѣ оканчивалась эта переборка, вставлены были чугуныя рамы со слюдяными оконницами; у оконницъ, отъ стѣнки подѣланы были отгибы, вѣроятно, служившіе вмѣсто аналойчиковъ для книгъ. Тутъ-то на хорахъ ставалъ по праздникамъ Петръ, когда здо-

ровье не позволяло ему стоять на клиросѣ, гдѣ онъ любилъ пѣть, читать апостола и править службу. Убранство церкви или-то, что теперь принято называть «благолѣпиемъ» было, далеко не роскошно и рѣзба иконостаса отнюдь не отличалась вычурностью; на царскихъ вратахъ писаны иконы на мѣдныхъ доскахъ, сдѣланныхъ изъ повѣнецкой мѣди, а мѣстныя иконы—всѣ на холстѣ; тутъ, какъ и водится на первыхъ мѣстахъ Господь Вседержитель со скипетромъ, Божія Матерь Одигитрія, ангель царевъ апостолъ Петръ, украшенный серебрянымъ вѣнцомъ, Никола—покровитель плавающихъ на морѣ, ангель царева брата св. Іоаннъ Златоустъ и наконецъ ангель Алексаши и св. предокъ и предшественникъ на Невѣ Петра, Великій князь Александръ Невскій, изображенный въ иконостасной одеждѣ. На иконѣ своего ангела царь приказалъ изобразить тотъ случай, когда по благословенію Спасителя Петръ идетъ къ нему по озеру, ступая по водамъ его, какъ-бы по суху. Изъ утвари церковной отмѣтимъ серебряный потиръ съ выгравированною на немъ надписью: «Потиръ и дискосъ дяди царицы Наталіи», да простенькую ризу изъ набойки съ голубыми цвѣтами, олеичье и наподольникъ кумачвые, обложенные крутомъ кружевомъ, которые, какъ увѣряетъ мѣстное преданіе, шиты «Катеринушкою».

Въ томъ-же 1721 году, когда строена была церковь, выстроенны были и три дворца на случай пріѣздовъ и изъ нихъ одинъ Катеринушкѣ на забаву лѣтній съ разными вычурами, а встать и съ дымникомъ—было-бы гдѣ ей окорока для Петруши вопить. Вокругъ дворцовъ раскинулся цѣлый городокъ маленькихъ домиковъ, въ которыхъ проживали знатные и чиновные люди, все еще не переставшіе ублажать царя своими нежеспанными для нихъ поѣздками на воды, куда, конечно, они являлись по большей части тогда, когда самъ царь пользовался водами, чтобы быть у него на виду и подъ рукою. Что касается до самихъ дворцовъ, то они устроены были съ тою-же величественною простотою, которую мы привыкли наблюдать всюду, во всѣхъ жильяхъ, устроенныхъ Петромъ, но тамъ какъ доктора предписывали во время леченія необходимость физическаго труда, который и безъ того былъ для Петра любезнымъ дѣломъ, то во дворцахъ понаставлено было столярнаго и токарнаго инструмента столько, сколько не найдешь пожалуй и въ доброй мастерской. Наконецъ, около самаго источника выведена была деревянная галлерея, чтобы пользоваться водами была возможность во всякую погоду.

Безпомятное время, а отчасти и невнимательность потомства сдѣлали свое дѣло и отъ всѣхъ этихъ Петровыхъ затѣй почти не осталось и слѣда, и только нѣсколько березъ, посаженныхъ Пет-

рѣчь и Екатериною, напоминають о великомъ труженникѣ, который скорбѣлъ здѣсь физически и душевно и здѣсь-же нѣсколько разъ какъ-бы возрождался къ новымъ трудамъ и къ новымъ заботамъ на благо Россіи.

Здоровье Петра, между тѣмъ все болѣе и болѣе расплывалось; долго боролась эта стальная натура противъ приступовъ болѣзни и тѣмъ сильнѣе былъ организмъ, тѣмъ сильнѣе была и борьба. Въ февралѣ 1724 года въ послѣдній разъ посѣтилъ Петръ марціальныя воды и притомъ опять-таки со всею своею семьей. Какъ ни хворъ онъ былъ, а все-же заѣхалъ въ Петрово заведеніе и оставилъ тамъ, какъ мы видѣли выше, слѣды своихъ трудовъ; теперь дѣло было уже тамъ налажено и за будущность заводовъ, повидимому, нечего уже было опасаться: отъ преемниковъ Петра требовалось только продолжать начатое. Въ этотъ разъ питье водъ продолжалось всего лишь пятнадцать дней, до 15 марта и отъ этого времени Петръ оставилъ намъ въ память точное изъ кости паникадило, въ точное яблоко котораго вписалъ собственноручно. «Сіе приносится въ знакъ благодаренія Господу Богу за цѣлебныя воды; сдѣлано при оныхъ марта 14-го дня 1724 года».

Замѣтно, что Петръ чувствовалъ уже приближеніе развязки; съ грустью ходилъ онъ по дорогимъ для него по воспоминаніямъ мѣстамъ, которыя онъ вызвалъ къ жизни, и словно прощался съ ними; его сердце, болѣло за Россію, которая была для него дороже жизни. И Катеринушка и Алексаша, и всѣ остальные имъ однимъ только и держатся и хотъ больше и не будутъ «сидѣть уставивъ браны», а, конечно, охотно снова перейдутъ къ «тихому и безмятежному житію» и сложать руки въ полной увѣренности, что Петромъ все уже сдѣлано и имъ болѣе уже дѣлать нечего. Надо было, по крайней мѣрѣ, возобновить въ памяти и тѣхъ, кому приходилось завѣщать благо Россіи, всѣ распоряженія, сдѣланныя имъ въ разное время, надо было этимъ полуграмотнымъ, въ смыслѣ пониманія духа Петрова, людямъ дать указку, по которой они могли-бы учиться и жить. Что это сознаніе близкаго конца было у Петра въ послѣдній пріѣздъ его на марціальныя воды, мы можемъ заключить изъ того, что именно тамъ сдѣланы были два крайне важныя распоряженія касавшіяся будущаго. Во-первыхъ распорядился собрать всѣ свои указы, которые должны были составить руководство для его преемниковъ, а во-вторыхъ онъ рѣшилъ посѣтить коронованіемъ Катеринушки, въ которой онъ признавалъ единственно возможную для себя преемницу и продолжательницу. Прямо съ марціальныхъ водъ Петръ съ Екатериною проѣхали въ Москву, гдѣ все было уже приготовлено для коронаціи. Такимъ путемъ все-таки спо-

койнѣ могъ умереть Петръ, благо дѣло о наслѣдованіи было рѣшено, да и наставленіе этому наслѣднику заготовлено и путь ему указанъ достодожный.

Въ народѣ толкуютъ, что близкая смерть Петру была предсказанна именно на марціальныхъ водахъ, но Петръ этимъ не смутился, такъ какъ и самъ сознавалъ близость расчетовъ съ жизнью. «Быль жилъ въ ту пору на Петровомъ заведеніи не знаемый человекъ Ѡаддеемъ звали; онъ и жилъ себѣ при заводахъ и питался мірскимъ подаваніемъ. Простой человекъ былъ Ѡаддѣюшка и Христа ради юродствовалъ, однако мудрость и прозорливость имѣлъ великую и угоденъ былъ Осподу Богу незлобіемъ и благочестіемъ. Видѣлъ онъ не разъ осударя и осударь не разъ видывалъ и такъ осударь облюбилъ его, что почасту съ нимъ бесѣдовалъ и даже дозволилъ ему въ свой дворецъ ходить безъ пропуска каждодневно. Какъ сталъ осударь къ отъѣзду съ Кончезера готовится и уже сядилъ на судно, а Ѡаддѣюшка съ берега шапкою машеть, чтобы повременили. «Чего тебѣ, старче?» спрашиваетъ осударь. «Проститься пришелъ», отвѣтствуетъ, — «не видать долѣ здѣсь надежи—осударя». Петръ, какъ увѣряетъ народъ, простился со старикомъ и ни чуть на него не разсердился и когда было бояре хотѣли отогнать старика, то сказала: «Не гоните отъ меня посланника Божія». Какъ прорекъ юродивый, такъ и сталося.

В. Майновъ.

ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ.

Романъ.

Посвящается М. Я. А.—вой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XV.

Въ домѣ Ляховскаго шли дѣятельныя приготовленія къ балу, который ежегодно давался по случаю рожденія Зоси четвертаго января. На этомъ балѣ собирался весь Узель, и Ляховскій мастерски разыгрывалъ роль самаго гостепріимнаго и радушнаго хозяина, какого только производилъ свѣтъ.

Приготовленія къ нынѣшнему балу доказывали своей торжественной суетой, что готовится нѣчто изъ ряду выходящее вонъ, не въ примѣръ прошлымъ годамъ. Вездѣсущій Альфонсъ Богдановичъ, какъ гуттаперчевый мячъ, катался по всѣмъ комнатамъ, все видѣлъ, все слышалъ и все и всѣхъ успѣвалъ обругать. Въ немъ говорилъ теперь не слуга или наемникъ, обязанный выполнить хозяйское приказаніе, а истинный артистъ. Предстоящая «забавка» была для Альфонса Богдановича самымъ серьезнымъ дѣломъ, требовавшимъ глубокихъ соображеній и слишкомъ много «счастливыхъ мыслей», какъ выражался онъ. За этими счастливыми мыслями Альфонсъ Богдановичъ по сту разъ въ день являлся къ Зосѣ и наипочтительнѣйше начиналъ:

— Если Софья Игнатьевна не захочетъ дать мнѣ совѣта, я погибъ... У Софьи Игнатьевны столько вкуса... Боже, сколько вкуса! И глазъ... о, какой острый, молодой глазъ у Софьи Игнатьевны! Мнѣ нужно думать цѣлую недѣлю, а Софья Игнатьевна стоитъ только открыть ротикъ...

За этимъ уже слѣдовало изложеніе дѣла, т. е. рядъ глубокомысленныхъ соображеній относительно выбора и расположенія цвѣтовъ и зелени или разстановки мебели. Выслушавъ мнѣніе Зоси съ почтительно склоненной головой, въ повѣ ку-пальщика, готоваго броситься въ воду, Альфонсъ Богдановичъ налету успѣвалъ поцѣловать бѣленькую ручку панянки и съ быстротой пушечнаго ядра устремлялся по всему дому, насвистывая на ходу:

Chalupeczka niska,
Ojciec matke sażka—

— От-то-кровь!.. съ восторгомъ прибавлялъ Альфонсъ Богдановичъ уже вслухъ, припоминая совѣты Зоси.—Отъ-то есть идея... Дали бугъ, пенкна штука!.. Отлично...

Альфонсъ Богдановичъ даже подпрыгивалъ отъ удовольствія и, хлопая себя рукой по жирной лямкѣ, вскрикивалъ: «Гопсъ-ля!» Но онъ не ограничивался одной Зосей, а бѣжалъ такъ-же стремительно въ нижній этажъ, гдѣ жили пани Марина и Давидъ. Конечно, пани Марина очень любила русскую бѣдку, но она не забыла еще, какъ танцевала съ крутосымъ Сангушко, и знала толкъ въ забавкахъ. Гордый и грубый съ пани Мариной въ обыкновенное время, Альфонсъ Богдановичъ теперь разсыпался предъ ней мелкимъ бѣсомъ и въ концѣ концовъ добивался-таки своего.

Пани Марина, высокая и когда-то замѣчательно красивая женщина, теперь являлась жалкой развалиной. Обрюзглое лицо, мѣшки подъ глазами, красный носъ, мутный тупой взглядъ большихъ темныхъ глазъ и дрожавшія руки краснорѣчиво свидѣтельствовали, чѣмъ занималась пани Марина въ своихъ пяти комнаткахъ, гдѣ у Приваловыхъ былъ устроенъ пріютъ для какого-то бѣглаго архіерея. Обстановка этихъ комнатъ была устроена практически Альфонсомъ Богдановичемъ изъ разныхъ остатковъ и обрѣзковъ. Сборная мебель, полинявшія драпировки, слишкомъ старыя ковры на полу — все говорило о томъ, что онъ владѣлъ золотой способностью создавать изъ ничего. Нужно сказать, что пани Марина отъ всей души ненавидѣла Альфонса Богдановича и иначе не называла его, какъ «индыкъ».

— А, индыкъ... встрѣчала она его каждый разъ, принимая величественную позу театральной королевы.

— Муя дрога пани, муя кохана... лебезиль Альфонсь Богдановичъ, шаркая ножкой и цѣлуя руку. — До васъ, муя менкна...

— Вонъ! отвѣчала пани Марина, величественно указывая рукой на дверь.

— Уйду, сейчасъ уйду, только вотъ пришелъ... Извините, пани Марина, если я беспокою васъ.

— Вонъ...

— Только одно слово, пани Марина, а иначе—я погибъ... Только одно слово. О, пани все на свѣтъ знаетъ... Пани все видѣла, пани стоять сказать одно слово, и мы всѣ спасены.

Сдѣлавъ таинственное лицо, Альфонсь Богдановичъ подошелъ на цѣпочкахъ къ пани Маринѣ, наклонялся къ самому уху и шепталъ сладко и лъстиво:

— О! пани Марина, кто-же не знаетъ, что вы первая красавица... во всей Польшѣ первая!.. Да... И лучше всѣхъ танцовали мазурочки, и одѣвались лучше всѣхъ, и всѣ любили пани Марину безъ ума. Пани Марина сердится на меня, а я маленькій человекъ и дѣлалъ только то, чего хотѣлъ панъ Игнатій.

Послѣ такого вступленія, пани Марина, наконецъ, сдавалась на «одно слово», и Альфонсь Богдановичъ выпытывалъ изъ нея все, что ему было нужно. Они бесѣдовали по цѣлымъ часамъ самымъ мирнымъ образомъ, какъ самые лучшіе друзья, и пани Марина оставалась очень довольна, разсматривая принесенные Альфонсомъ Богдановичемъ образчики разныхъ матерій и планъ забавокъ.

— Мы откроемъ балъ полонезомъ Огиньскаго, рапортовать онъ, подпрыгивая на своемъ стулѣ.—Для паненки Зоси костюмъ изъ желтаго атласа... Для пары нарочно выписываемъ изъ Сибири одного шляхтича: от-то танцуетъ!..

Пани Марина сдѣлала вопросительное лицо и Альфонсь Богдановичъ поспѣшилъ поправиться.

— О, конечно, онъ не такъ хорошо танцуетъ, какъ танцовали кавалеры съ пани Мариной... Но панъ Игнатій хочеть видѣть настоящую мазурку, знаете, мазуру Хлопицкаго? Не мазуру Консткаго, а мазуру Хлопицкаго... Паненка Зося не знаетъ про кавалера... пенкна штука!.. Сюрпризъ, все сюрпризъ, вездѣ сюрпризъ...

Это извѣстіе оживило пани Марину и она отнеслась къ

счастливой мысли Альфонса Богдановича съ глубокимъ участіемъ и общала свою помощь и всякое содѣйствіе.

Зося хотя и не отказывалась давать совѣты Альфонсу Богдановичу, но у ней на душѣ совѣмъ было не то. Она почти не выходила изъ своей комнаты и была необыкновенно задумчива. Таковую переиъну въ характерѣ Зоси раньше всѣхъ замѣтилъ, конечно, докторъ, который не переставалъ осторожно наблюдать свою бывшую ученицу изо дня въ день.

— Я совѣтоваль-бы вамъ ежедневно проводить непреиънно два-три часа на воздухѣ, говорилъ докторъ.

— Хорошо... какъ-то безучастно соглашалась Зося. — А что, какъ здорье Nadine? Вы давно у нихъ были, Борисъ Григорьевичъ?

Зося сдѣлалась необыкновенно внимательна въ послѣднее время къ Надеждѣ Васильевнѣ и часто заѣзжала навѣстить ее, поболтать или увезти вмѣстѣ съ собой кататься. Такое вниманіе къ подругѣ было тоже новостью, и докторъ не могъ не замѣтить, что во многомъ Зося старается копировать Надежду Васильевну, особенно въ обстановкѣ своей комнаты, которую теперь загромоздила книгами, гравюрами серьезнаго содержанія и совершенно новой мебелью, очень скромной и тоже «серьезной». Только съ двумя привычками Зося была не въ силахъ разстаться: это съ своими лошадьми и съ тысячею тѣхъ милыхъ, очень дорогихъ и совершенно ненужныхъ бездѣлушекъ, которыми украшены были въ ея комнатѣ всѣ столы, этажерки и даже подоконники. Между прочимъ, въ новой обстановкѣ, которую устраивала себѣ Зося, обходилось не безъ курьезовъ: такъ, рядомъ съ портретомъ Дарвина, на стѣнѣ помѣщался портретъ какого-то англійскаго скакуна, подъ бюстомъ Шиллера красовался англійскій жокей и т. д. Комната Зоси выходила окнами на дворъ, на сѣверъ; ее не могли заставить переиънить эту комнату на другую, болѣе свѣтлую и удобную, потому что изъ своей комнаты Зося всегда могла видѣть все, что дѣлалось на дворѣ, т. е. собственно лошадей.

— Въ васъ есть небольшая переиъна... осторожно пробовать навести разговоръ докторъ.

— Понятное дѣло, Борисъ Григорьевичъ: намъ пора и за умъ приниматься, а не все прыгать на одной ножкѣ... довольно грубо отвѣчала Зося, но сейчасъ-же поправлялась. —

Вы милый мой докторъ, тысячу разъ ужъ извините меня впередь... Я постоянно оказываю вамъ самую черную неблагодарность. Вы, вѣдь, извините меня? Да?..

«Нервы», думаль про себя докторъ, напрасно стараясь придумать какое-нибудь средство, чтобы оживить Зося.

Впрочемъ, Зося оживлялась и сама, когда у нихъ въ догъ бывалъ Лоскутовъ. Онъ зимой часто прѣзжалъ въ Узель и бывалъ у Ляховскихъ. Игнатій Львовичъ постоянно твердилъ дочери: «это рѣдкій экземпляръ, Зося... очень рѣдкій. И замѣчательно умный экземпляръ. Совѣтую тебѣ поближе сойтись съ нимъ. Общество умныхъ людей самая лучшая школа». Зося по своему пользовалась совѣтами отца и дурачилась въ присутствіи Лоскутова, какъ сумасшедшая. Ее забавлялъ этотъ философъ не отъ міра сего, и она въ его присутствіи забывала свою скуку. Надежда Васильевна иногда встрѣчалась съ Лоскутовымъ у Ляховскихъ, и они втроемъ проводили очень весело время.

Половодовъ и Викторъ Васильевичъ нѣсколько разъ заглядывали къ Зосѣ и пытались настроить хозяйку по старому, но дѣло не клеилось. Зося скучала въ ихъ обществѣ, и Моисей, наконецъ, рѣшилъ, что она совсѣмъ «провисла и обабилась». Отдѣлаться отъ Половодова было не такъ легко, потому что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлъ терпѣніе ходить по пятамъ цѣлые мѣсяцы сряду. Чтобы попасть въ тонъ новаго настроенія, которе овладѣло Зосей, Половодовъ въ свободное время почитывалъ серьезныя статьи въ журналахъ и даже заглядывалъ въ ученые книжки. Главнымъ двигателемъ здѣсь являлось задѣтое самолюбіе, потому что Половодовъ, какъ всѣ мелкіе эгоисты, не переносилъ соперничества и лѣзъ изъ кожи, чтобы взять верхъ. Но на этотъ разъ послѣднее было довольно трудно сдѣлать, потому что въ философіи Половодовъ смыслилъ столько-же, какъ въ санскритскомъ языкѣ.

— Дурнѣе дѣвка, нѣсколько разъ ворчала мученикъ науки, ломая голову надъ Шопенгауэромъ. — И нашла чѣмъ заниматься... Тыфу!.. Просто замужь ей давно пора, вотъ и бѣсится съ жиромъ...

Зося, конечно, давно уже замѣтила благородныя усилія Половодова, и это еще больше ее заставляло отдавать предпочтеніе Лоскутову, который ничего не подозрѣвалъ. Послѣднее, однако, не мѣшало ему на всѣхъ пунктахъ разбивать Полово-

дова каждый разъ, когда тотъ дѣлалъ противъ него ученую вылазку. Даже софизмы и самыя пикантныя bons mots не помогали, а Зося заливалась самымъ веселымъ смѣхомъ, когда Половодовъ, наконецъ, принужденно смолкалъ.

За нѣсколько дней до бала Зося въ категорической формѣ объявила доктору, чтобы Лоскутовъ непременно былъ въ числѣ гостей.

— Вотъ ужъ этого я никакъ не могу вамъ обѣщать, попробовалъ упереться докторъ. — Вы сами знаете, что Лоскутовъ порядочный нелюдимъ и на балахъ совсѣмъ не бываетъ... Не тащить-же мнѣ его силой, Зося?

— Скажите проще, что вы совсѣмъ не желаете исполнить моей просьбы? настаивала Зося съ обычнымъ упрямствомъ.— Тогда я обращусь къ Александру Павлычу, наконецъ къ Альфонсу Богданычу...

— Хорошо, я передамъ ваше непремѣнное желаніе Лоскутову.

— Ахъ, вотъ за это я васъ люблю, Борисъ Григорьевичъ... Какъ и чѣмъ прикажете благодарить? Я вамъ что нибудь вышью...

— Все это хорошо, но я право не понимаю такихъ неопредѣленныхъ желаній, серьезно говорилъ докторъ. — Тѣмъ болѣе, что мы можемъ показаться навязчивыми. Это дѣтскій капризь...

— И пусть будетъ капризь! Если я этого хочу, докторъ?

Доктору оставалось только пожать плечами, а Зося надула свои пухлыя губки и уже зло проговорила:

— Хорошо, пусть будетъ по вашему, докторъ... Я не буду дѣлать особенныхъ приглашеній вашему философу, но готова держать пари, что онъ непременно будетъ на нашемъ балѣ... Слышите: непременно! Идетъ пари! Я вамъ вышью феску, а вы мнѣ... позвольте, вы мнѣ подарите ту статуэтку изъ терракотты, помните ребенка, который снимаетъ съ ноги чулокъ и падаетъ. Согласны?..

— Хорошо, согласился докторъ, протягивая руку и, пристально взглянувъ на расширенные зрачки Зоси, подумалъ:— «Нѣтъ, это ужъ не нервы, а что нибудь посерьезнѣе»...

Всѣ эти хлопоты, которыя переживались всѣми въ старомъ приваловскомъ домѣ, какъ-то не касались только самого хозяина, Игнатія Львовича. Ему было не до того. Пролетѣа

Веревкина чуть не каждый день останавливалась предъ подъездомъ, самъ Nicolas грузно высаживалъ свою «натуру» изъ экипажа и, поднявшись съ трудомъ во второй этажъ, медвѣдемъ вваливался въ кабинетъ Игнатія Львовича.

— Какъ драгоценнѣйшее здравіе почтеннѣйшаго Игнатія Львовича? basilъ Nicolas, пожимая сухую, тонкую руку Ляховскаго своей пятерней.

— Ахъ, это вы!.. удивлялся каждый разъ Ляховскій и, схватившись за голову, начиналъ причитать какимъ-то бабьимъ голосомъ:—Опять жида изъ меня тянутъ... Уморить меня хотите, да, уморить... О, вы меня сведете, съума съ этимъ проклятымъ дѣломъ! Непремѣнно сведете... я чувствую, что у меня въ головѣ уже образовалась пустота.

— Если въ головѣ, то это еще не велика бѣда, шутилъ Nicolas, разваливаясь въ креслѣ съ видомъ человѣка, который пришелъ въ свою комнату. — А вотъ на счетъ дѣльца позволте...

— Да вѣдь я вамъ говорилъ, что ничего не знаю, что всѣ бумаги у Коловцова... Съ него и спрашивайте.

— Александръ Павлычъ говоритъ наоборотъ, именно, что всѣ документы, какъ по надѣлу мастеровыхъ Шатровскаго завода, такъ и по размежеванію башкирскихъ земель хранятся у васъ.

— Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ, какимъ-то унавшимъ голосомъ отвѣчалъ Ляховскій, дѣлая птичье лицо.

— Нѣтъ, документы у васъ.

— Я-же говорю вамъ, что ничего у меня нѣтъ.

— А я вамъ повторяю, что у васъ, и не выйду изъ вашего кабинета, пока вы мнѣ ихъ не покажете.

— Это разбой, дневной разбой!.. вскрикивалъ Ляховскій, начиная бѣгать по кабинету своимъ сумасшедшимъ шагомъ.

Вережкинъ преспокойно покуривалъ сигару, выжидая, когда наконецъ Ляховскому надоѣстъ обосноваться. Побѣгавъ съ полчаса, Ляховскій вдругъ останавливался и веселымъ тономъ, какъ человѣкъ, только что нашедшій потерянную вещь, объявлялъ:

— Николай Ивановичъ... Да вѣдь эти проклятые документы должны храниться въ дворянскомъ опекунскомъ управленіи, въ Моховѣ. Да, да... Я хорошо это помню. Отлично помню...

Вережкинъ, вмѣсто отвѣта, вынималъ изъ своего портфеля отношеніе моховскаго дворянскаго опекунскаго управленія за № 1348; въ немъ объявлялось, что искомымъ документовъ въ опекѣ на лицо не имѣется. Ляховскій читалъ это отношеніе черезъ свои очки нѣсколько разъ самымъ тщательнымъ образомъ, просматривая бумагу въ свѣту, вѣтъ-ли гдѣ подскобленнаго мѣста и, наконецъ, объявлялъ:

— Это вы сами написали, Николай Ивановичъ..

— Игнатій Львовичъ, вы кажется считаете меня за какого-то шута гороховата? А не угодно-ли вамъ показать опись, по которой вы получали бумаги и документы при передачѣ опекунскихъ дѣлъ?

— Какую опись?

— Да вѣдь вы опекунъ!

— Опекунъ. Ахъ, позвольте..! Нужно спросить Василія Назарыча, онъ долженъ помнить..

— Онъ говоритъ, что передалъ всѣ документы вамъ.

— Не можетъ быть.. Вы ослышались, Николай Ивановичъ!..

Подобная комедія повторялась чуть не изо дня въ день въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Сначала пробовалъ хлопотать самъ Приваловъ, но ничего не могъ добиться и махнулъ рукой, передавъ дѣло Вережкину. Ляховскій дошелъ до того, что даже прятался отъ Вережкина и, какъ былъ въ своемъ ваточномъ пальто и въ туфляхъ, въ такомъ костюмѣ и улепетывалъ куда-нибудь въ садъ или въ койюшну. Этотъ остроумный маневръ нѣсколько разъ спасалъ Ляховскаго отъ нападеній Nicolas, пока послѣдній съ своей стороны не придумалъ нѣкотораго фокуса. Вережкинъ звонилъ у подъезда и, пока Пальва открывалъ двери, онъ рысью оббѣгалъ докъ и караулилъ въ ворота, когда Ляховскій побѣжитъ отъ него черезъ дворъ. Тутъ остроумный адвокатъ орломъ налеталъ на свою добычу, и опять начиналась та-же сѣзка про благо бычки, т. е. разговоръ о документахъ.

— Вамъ будетъ влохо, предупреждалъ Вережкинъ Ляховскаго за нѣсколько дней до бала. — Отдавайте добромъ..

— Послушайте, Николай Ивановичъ, мягко отвѣтилъ Ляховскій: — Отчего Сергѣй Александрычъ самъ не хочетъ придти ко мнѣ?.. Мы, можетъ быть, и столковались-бы по этому дѣлу.

— Да вѣдь, онъ у васъ былъ не одинъ десятокъ разъ, и

все-таки изъ этого, ничего не вышло, а теперь онъ передалъ все дѣло мнѣ и требуетъ, чтобы все было кончено немедленно. Понимаете, Игнатій Львовичъ: *не-мед-лен-но*... Кажется, ужъ будетъ бобы-то разводить. Да Привалова и въ городѣ нѣтъ совсѣмъ, онъ уѣхалъ на мельницу.

По вечерамъ въ кабинетѣ Ляховскаго происходилъ иногда такой разговоръ между самимъ хозяиномъ и Половодовымъ:

— Я больше не могу, Александръ Павлычъ, усталымъ голосомъ говорилъ Ляховскій. — Этотъ Веревкинъ пристаётъ съ ножомъ къ горлу.

— Немножко еще потерпите, Игнатій Львовичъ, отвѣчалъ Половодовъ, вытягивая свои длинныя ноги. — Вѣдь вы знаете, что для насъ теперь самое важное—выиграть время... А когда Оскаръ Филлипповичъ устроитъ все дѣло, тогда мы съ Николаемъ Ивановичемъ не такъ заговоримъ.

— Оскаръ Филлипповичъ, Оскаръ Филлипповичъ... А что, если вашъ Оскаръ Филлипповичъ подведетъ насъ? И какая странная идея пришла въ голову этому Привалову... Вотъ ужъ чего никакъ не ожидалъ! Какая-то филантропія...

— Это намъ на руку: чѣмъ-бы дѣтя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало. А вы слышали, что дѣла у Василя Назарыча совсѣмъ швахъ?..

— О, да, слышалъ... Вѣдь вотъ, подумаешь, какой странный случай вышелъ! удивлялся Ляховскій.

— Ничего страннаго нѣтъ, а, наоборотъ, самое естественное дѣло. Вѣдь еще вопросъ, откуда у Бахарева капиталы...

— Нѣтъ это вы ужъ напрасно, вступился Ляховскій. — Я знаю слишкомъ хорошо Василя Назарыча и могу поручиться за него...

— Это еще плохое доказательство. Вотъ я за васъ сегодня поручусь, а вы меня завтра ко дну спустите... Вѣдь спустите и не поморщитесь. Ха-ха!.. Нисколько не обижусь, поелику homo homini lupus est. Кстати, у васъ на святкахъ балъ готовится? Отличное дѣло...

— Да, балъ, упавшимъ голосомъ повторилъ Ляховскій. — Деньги, деньги и деньги... И какой дуракъ придумалъ эти балы?!..

XVI.

Наконецъ наступилъ и многознаменательный день бала. Весь Узель, т. е. узловскій beau monde, былъ поднятъ на ноги съ ранняго утра. Бѣчныя модистки не спали наканунѣ цѣлую ночь, дошивая бальныя платья. Хіонія Алексѣевна не выходила отъ Веревкиныхъ, гдѣ рѣшался капитальный вопросъ о костюмѣ Аллы. Вѣроятно, ни одинъ генераль, даже предъ самымъ серьезнымъ дѣломъ, никогда не высказалъ такой тонкой сообразительности и находчивости. Каждая мелочь была обсужена на предварительномъ совѣщаніи, затѣмъ въ проектѣ, потомъ производился маленькій опытъ и, наконецъ, слѣдовало окончательное рѣшеніе, которое могло быть обжаловано во второй инстанціи, то есть когда всѣ эти незамѣтныя мелочи будутъ примѣряны Аллой въ общемъ.

— Ахъ, душечка, не поднимайте плечи, упрашивала Хіонія Алексѣевна Аллу: — вотъ у васъ въ этомъ мѣстѣ, у лопатки, дѣлается такая некрасивая яма... Необходимо слѣдить за собой.

— Какія глупости... грубила Ала.—Вы меня муштруете какъ пожарную лошадь.

— Послѣ сами благодарить будете за науку, трещала Хина.—Никто своего счастья не знаетъ... Не все богатымъ невѣстамъ за богатыхъ жениховъ выходить, и мы не хуже ихъ. Не такъ-ли, Агриппина Филиппевна? Деньги какъ вода: пришли и ушли, только и видѣлъ... Сегодня богатая невѣста, а завтра... Ахъ, я, кажется, не доживу до вечера, чтобы посмотреть на Nadine Бахареву, на эту гордячку. Такъ интересно, такъ интересно... А Приваловъ-то, представьте, вѣдь онъ былъ влюбленъ въ нее... да-а! И гдѣ только глаза у этихъ мужичинъ... Конечно, Приваловъ очень умный человѣкъ, и теперь, кажется, одумался.

Приваловъ тоже готовился къ балу, испытывая довольно пріятное волненіе. Онъ думалъ о томъ, что увидитъ сегодня Надежду Васильевну. Зачѣмъ, для чего все это—Приваловъ не хотѣлъ даже думать, отдаваясь волнѣ, которая опять подхватила и понесла его. Передъ Рождествомъ Приваловъ почти все время провелъ въ Гарчикахъ; къ Бахаревымъ онъ заходилъ раза два, но все какъ-то неудачно: въ первый разъ На-

дежда Васильевна не показала изъ своей комнаты, во второй она куда-то уѣхала только-что передъ нимъ. Ипать, кажется, не раздѣлялъ веселыхъ чувствъ своего барина и все время тяжело вздыхалъ, пока помогалъ барину одѣваться, т. е. ронялъ вещи, поднималъ ихъ, задѣвалъ ногами за мебель и т. д.

Ночь была ясная, морозная; небо точно обсыпано брилльантовой пылью. Снѣгъ свѣтился синеватыми искорками. Приваловъ давно не испытывалъ такого бодрого и счастливаго настроенія, какъ сегодня, и съ особеннымъ удовольствіемъ вдыхалъ полной грудью морозный воздухъ.

Въ передней стояла настоящая давка, хотя Приваловъ пріѣхалъ довольно рано. Кромѣ двухъ горныхъ инженеровъ и одного адвоката, съ которыми Приваловъ встрѣчался у Половодова, все было незнакомый народъ. Разодѣгны дамы поднимались по лѣстницѣ, шелестя длинными шлейфами. Приваловъ чувствовалъ, что онѣ испытываютъ такое-же пріятное волненіе, какое испытывалъ онъ самъ; это видно было по лихорадочно свѣтившимся глазамъ, по нервнымъ движеніямъ. Особенно одна молоденькая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, обратила на себя вниманіе Привалова. Не было сомнѣнія, что это былъ ея первый выѣздъ, и дебютантка такъ мило конфузилась, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была такъ счастлива... Приваловъ чувствовалъ, что у ней отъ слишкомъ сильнаго возбужденія руки и ноги не повиновались и точно мѣшали, когда хотѣлось вспорхнуть и улетѣть подъ звуки доносившейся изъ главной залы музыки. Молодые собаки испытываютъ то же самое на первой охотѣ, но Привалову показалось такое сравненіе слишкомъ грубымъ.

— Вотъ васъ-то только и не доставало, Сергѣй Александрычъ! кричали въ два голоса Моисей и Давидъ, подхватывая Привалова подъ руки.

— А что? справился Приваловъ, съ любопытствомъ поглядывая на завитыхъ, какъ барашки, благопріятелей.

— Хотите визави? предлагалъ Моисей.

— Я не танцую.

• — Это еще что за новости... Вы шутите? Пойдемте, батенька, приглашайте поскорѣе, есть тутъ одна докторша... спасибо послѣ скажете! Куда вы? Пойдите... Ха-ха! Представьте себѣ, этотъ сумасшедшій здѣсь...

— Какой сумасшедшій? проговорилъ Приваловъ, почувствовавъ что-то неприятное.

— Ну, да этотъ... Лоскутовъ! Ха-ха!.. Вотъ вамъ визави: два сапога—пара...

Приваловъ кое-какъ отдѣлался отъ веселыхъ молодыхъ людей съ шапо-кляками и побрелъ въ главную залу, гдѣ теперь публика бродила густой шумѣвшей толпой. Извѣстіе, что Лоскутовъ на балѣ, неприятно поразило Привалова. Остановившись въ дверяхъ, онъ обвелъ глазами весь залъ. Вездѣ было такъ много свѣта, что Приваловъ даже немного прищурилъ глаза; лица мѣшались въ пестрой разноцвѣтной кучѣ, шевелившейся и гудѣвшей какъ пчелиный рой. Больше всего Привалова поразила самая зала: онъ даже не узналъ ея. Экзотическая зелень по угламъ, реставрированная живопись, новыя драпировки на окнахъ, навощенный паркетъ, — словомъ зала, благодаря стараніямъ Альфонса Богданыча, приняла совершенно другой видъ. Въ это время Приваловъ замѣтилъ въ толпѣ знакомую фигуру философа, который шелъ по залѣ съ такимъ видомъ, какъ будто попалъ въ царство тѣней.

— Это она идетъ съ нимъ подъ руку... съ тоской подумалъ Приваловъ, стараясь разглядѣть даму въ бѣломъ атласномъ платьѣ, которая шла, опираясь на руку Лоскутова.

— Посмотрите, пожалуйста, какова парочка! кричалъ Моисей, точно вынырнувъ откуда-то изъ-подъ земли. — Видѣли Зося, какъ она шла съ Лоскутовымъ? Ха-ха...

— Развѣ это была Зося?

— А то какъ-же? Конечно она. Вѣдь взбредеть-же чело-вѣку такая блажь... Я такъ полагаю, что Зося что-нибудь придумала. Не даромъ возится съ этимъ сумасшедшимъ.

— А вотъ и Хіонія Алексѣевна! крикнулъ Моисей, оставляя Привалова.

По лѣстницѣ величественно поднимались двѣ группы: впереди всѣхъ шла легкими шажками Алла, въ бальномъ платьѣ цвѣта чайной розы, съ голыми руками и пикантнымъ декольте. За ней Иванъ Яковлевичъ, съ улыбкой счастливаго отца семейства, вель Агриппину Филлиппевну, которая была сегодня необыкновенно величественна. Шестіе замыкали Хіонія Алексѣевна и Викторъ Николаевичъ.

Приваловъ раскланялся съ дамами и пожалъ тонкую руку

Ивана Яковлевича, который все время смотрѣлъ на него улыбающимися глазами.

— Ахъ, сколько публики, сколько публики! восклицала съ восторгомъ институтки Хіонія Алексѣевна, кокетливо прищуривая глаза. — Вотъ, Сергѣй Александрычъ, вы сегодня увидите всѣхъ нашихъ красавицъ... Видѣди Аню Пояркову? Высокая, съ черными глазами... О, это такая прелесть, такая прелесть!..

Между прочимъ Хіона успѣла указать глазами на Аллу: дескать, какова дѣвочка, если знаешь толкъ въ женщинахъ. Вся компанія скоро смѣшалась съ публикой, а Приваловъ пошелъ черезъ залъ въ боковую комнату. Онъ зналъ, что на рождественскомъ балѣ всегда бываетъ сама пани Марина, и ему хотѣлось ее увидать. Пани Марина шла какъ разъ навстрѣчу, вмѣстѣ съ Игнатѣемъ Львовичемъ. Она была необыкновенно эффектна въ своемъ гранатовомъ бархатномъ платьѣ, съ красной камеліей въ волосахъ, и отвѣтила на поклонъ Привалова едва замѣтнымъ кивкомъ головы, улыбаясь стереотипной улыбкой хозяйки дома.

— Вы, кажется, незнакомы? лепетала Игнатій Львовичъ, походившій въ своемъ фракѣ на деревяннаго манекена. — Пани Марина, это Сергѣй Александровичъ Приваловъ... рекомендую. Прекрасный молодой человекъ, котораго ты непременно полюбишь... Его нельзя не полюбить!

— Очень рада познакомиться, протянула пани Марина, подавая Привалову свою руку съ обычнымъ жестомъ театральной королевы.

Приваловъ не успѣлъ ничего отвѣтить пани Маринѣ, потому-что его заставила обернуться чья-то рука, тянувшая его за плечо. Обернувшись, Приваловъ увидѣлъ Половодовыхъ: Александръ Павлычъ, пожимая руку Привалову, говорилъ:

— Наконецъ-то и вы выглянули на свѣтъ Божій... Тонечка, представь себѣ, Сергѣй Александровичъ не танцуетъ. Мнѣ сейчасъ Моисей докладывалъ...

— Вѣроятно, Сергѣй Александровичъ пошутилъ, пѣвуче и мягко отвѣтила Антонида Ивановна. — Или, можетъ быть, Сергѣй Александровичъ стыдится танцовать съ провинціалками, кокетливо прибавила она, чуть показывая свои бѣлые мелкіе зубы.

Антонида Ивановна показала Привалову сегодня ослѣ-

пительно красивой, красивой съ ногъ до головы, отъ складокъ платья до послѣдняго волоска.

— Тонечка, извини меня, торопливо заговорилъ Половодъ, осторожно освобождая свой локоть изъ подъ руки жены.— Я сейчасъ... только на одну минуточку оставляю тебя съ Сергѣемъ Александровичемъ.

Антонида Ивановна ничего не отвѣтила мужу, а только медленно посмотрѣла своимъ теплымъ и влажнымъ взглядомъ на Привалова, точно хотѣла сказать этимъ взглядомъ: «Что-же вы не предлагаете мнѣ руки? Вѣдь вы видите, что я стою одна»... Приваловъ предложилъ руку, и Антонида Ивановна слегка оперлась на нее своей затянutoй выше локтя въ бѣлую лайковую перчатку рукой.

— Пойдемте въ залу, предложила Антонида Ивановна, подбирая свободной рукой шлейфъ платья, на который сейчасъ наступилъ какой-то неловкій кавалеръ.

Въ это время Половодовъ вернулся, и по его лицу можно было замѣтить, что онъ очень доволенъ, что сбылъ жену съ рукъ.

— Знаете, кто сегодня всѣхъ красивѣе здѣсь? спрашивалъ онъ, обращаясь къ Привалову.

— Конечно, Зося и Надежда Васильевна... отвѣтила Антонида Ивановна, дѣлая равнодушное лицо.

— А вотъ и нѣтъ, Тонечка... Ты видѣла Вѣрочку Бахареву?

— Нѣтъ, а что?

— Положительно, самая красивая дѣвушка здѣсь... Это, кажется, еще первый ея выѣздъ въ свѣтъ. Да, да... Во всемъ видна эта непосредственность, какая-то милая застѣнчивость,— однимъ словомъ, какъ только что распускающійся бутонъ.

Антонида Ивановна слишкомъ хорошо знала залячку натуру своего мужа и поэтому сомнительно покачала головой. Александръ Павловичъ хвалилъ Вѣрочку, чтобы отвести глаза. Его увлеченіе Зосей не было тайной ни для кого.

— Обратите пожалуйста вниманіе на нее, шепнулъ Половодовъ на ухо Привалову. — Плечи покатыя, грудь... а на спинѣ позвонки чуть-чуть выступаютъ розовыми ямочками. Это бываетъ только у брюнетокъ.

— Вы нынче что-то совсѣмъ не заглядываете къ намъ? ласково пѣняла Антонида Ивановна, когда Половодовъ ушелъ.—

То-есть, вы бываете по дѣлу у Александра Павловича и сейчас-же бѣжите, вѣроятно изъ страха встрѣтиться со мной...

— Да все какъ-то некогда было, оправдывался Приваловъ.

— Вотъ ужъ этому никогда не повѣрю, горячо возразила Половодова, крѣпко опираясь на руку Привалова.—Если человекъ что-нибудь захочетъ, всегда найдетъ время. Не правда-ли? Да я собственно и не претендую на васъ, потому что кому-же охота скучать.—Я сама ужасно скучала все время!.. Такъ, тоска какая-то... Все надоѣло.

Антонида Ивановна тихонько засмѣялась при послѣднихъ словахъ, но какъ-то такъ странно, даже немного болѣзненно, что ужъ совсѣмъ не шло къ ея цвѣтущей здоровьему фигурѣ. Приваловъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Она тихо опустила глаза и сдѣлала серьезное лицо. Они прошли молча всю залу, расталкивая публику и кланяясь знакомымъ. Приваловъ чувствовалъ, что мужчины съ удивленіемъ слѣдили глазами за его дамой и отпускали на ея счетъ разныя пикантныя замѣчанія, какія дѣлаются въ такихъ случаяхъ. «Грудь... а? Видѣли, какая у ней грудь? А шея, плечи, руки...» тянулася хвостомъ восторженный шепотъ вслѣдъ за Антонидой Ивановной. Въ это время на хорахъ музыка заиграла вальсъ.

— Сядемте вотъ здѣсь, въ уголокъ, усталымъ голосомъ проговорила Половодова; опускаясь на бархатный диванчикъ.

Публика раздалась, образуя кругъ, по которому плавными размахами пошли кружиться танцующія пары. Въ этомъ цвѣточномъ вихрѣ мелькнула козлиная бородка Моисея, который работалъ ногами съ особеннымъ ожесточеніемъ; затѣмъ пролетѣлъ Давидъ съ бѣлокурой Аней Поярковой; за нимъ молодой докторъ съ румянымъ лицомъ и развѣвавшимися волнистыми волосами. Нѣсколько горныхъ инженеровъ и адвокатовъ, франтъ учитель гимназій, жандармскій капитанъ, нѣсколько банковскихъ служащихъ — словомъ, обычная танцующая узловская публика. Приваловъ рассмотрѣлъ Вѣрочку, которая въ розовомъ платьѣ вихремъ кружилась по залѣ, совсѣмъ повиснувъ на рукѣ Половодова.

— Посмотрите, вонъ Зося... шепнула Половодова, указывая вѣеромъ на проходившую мимо парочку...

Зося шла подъ руку съ высокимъ красавцемъ полякомъ, который, въ числѣ другихъ, былъ специально выписанъ для бала Альфонсомъ Богдановичемъ. Полякъ былъ необыкновенно

хорошъ, хорошъ той европейской красотой, чистотой типа, выдержкой, какой не достаетъ русскому человѣку. Видимо, что онъ былъ въ своей сферѣ, какъ рыба въ водѣ, и шелъ свободной увѣренной походкой, слегка улыбаясь своей дамѣ. Приваловъ видѣлъ, какъ онъ взялъ правой рукой Зосю за талию, но не такъ, какъ другіе, а совсѣмъ особеннымъ образомъ, такъ что Зося слегка наклонилась на его широкую грудь всѣмъ тѣломъ. Свободнымъ движеніемъ полякъ расчистилъ себѣ дорогу и плавными мягкими кругами вѣзаясь въ кружившуюся толпу.

— Антонида Ивановна, позвольте васъ пригласить! кричалъ Моисей, вынырнувъ изъ толпы.

Антонида Ивановна поднялась, Моисей взялъ ее за талию и сталъ въ позицію. Она черезъ его плечо оглянулась на Привалова и улыбнулась своей загадочной улыбкой. Волна танцующихъ унесла и эту пару.

XVII.

То чувство пріятнаго возбужденія, съ которымъ Приваловъ явился на балъ, скоро смѣнилось неопредѣленнымъ тяжелымъ чувствомъ. Спертый воздухъ, блескъ огней, накопившійся удушливый жаръ и общая толкотня скоро утомили Привалова, хотя ему все еще не хотѣлось разстаться съ своимъ уголкомъ. Здѣсь онъ былъ защищенъ танцующей публикой отъ того жаднаго вниманія, съ какимъ смотрѣли на него совсѣмъ незнакомые ему люди. Слава его, какъ миллионера, еще не успѣла остыть, и многіе явились на балъ съ специальной цѣлью посмотреть на него. Приваловъ чувствовалъ это общее, слишкомъ тяжелое для него любопытство въ выраженіи устремленныхъ на него взглядовъ, въ шепотъ, которымъ провожали его. Ему страстно захотѣлось увидать теперь Надежду Васильевну. Съ этою цѣлью онъ поднялся съ своего диванчика и сталъ бродить изъ комнаты въ комнату. Скоро онъ увидаль знакомый профиль и эту гордую умную голову, которая такъ хорошо была поставлена на плечахъ, какъ это можно замѣтить только у античныхъ статуй.

Надежда Васильевна шла съ докторомъ и что-то тихо рассказывала ему. На открытой шеѣ ярко блестѣлъ крошечный брильянтовый крестикъ. Въ русыхъ волосахъ бѣлѣла камелия.

Приваловъ внимательно слѣдилъ за ней издали и какъ разъ въ это время встрѣтился глазами съ Хіоніей Алексѣевной, которая шептала что-то на ухо Агриппинѣ Филиппьевнѣ и многозначительно улыбнулась, показавъ головой на Привалова. Приваловъ даже покраснѣлъ подъ взглядомъ этихъ почтенныхъ матронъ и испыталъ самое непріятное чувство, какъ будто онъ неожиданно наступилъ на змѣю. Онъ повернулся назадъ.

— Пойдите, Сергѣй Александровичъ, остановите Привалова Nicolas, облеченный въ черную пару и даже лайковыя перчатки.—Куда это вы бредете?

— Да такъ... Самъ не знаю куда.

— И я тоже... Значить, сошлись характерами! Проползете въ буфетъ, тамъ есть нѣкоторый ликеръ... только какъ онъ называется—позабылъ... Однимъ словомъ, такая монашеская рецептура: *Lacrima Christi* или Слезы Маріи Магдалины, что-то въ этомъ родѣ. Вѣдь вы уважаете эти ликеры, батенька... Какъ-же, я отлично помню!

Nicolas подхватилъ Привалова подъ руку и потащилъ черезъ рядъ комнатъ къ буфету, гдѣ за маленькими столиками съ зеленью—тоже затѣя Альфонса Богдановича—какъ въ загородномъ ресторанѣ, собралась самая солидная публика. Предсѣдатель окружнаго суда, высокій старикъ съ сердитымъ лицомъ и щетинистыми бакенбардами, два члена суда, одинъ тонкій и длинный, другой толстый и приземистый, прокуроръ Кобыко, съ длинными казацкими усами и съ глазами на выкатъ, маленькій, вѣчно пьяненькій горный инженеръ, директоръ банка, женатый на сестрѣ Агриппины Филиппьевны, нѣсколько золотопромышленниковъ изъ крупныхъ, молодцоватый старикъ полицмейстеръ съ военной выправкой и сѣдыми усами, городской голова изъ расторговавшихся ярославцевъ и т. д.

— Одначе, здорово народу-то понапѣрло... проговорилъ Верекинъ.

Приваловъ здоровался со знакомыми, не успѣвая отвѣчать на вопросы, которые сыпались на него градомъ. «Да что это вы вздумали строить мельницу, Сергѣй Александровичъ? Охота вамъ, право... И въ клубъ не заглянете, — это просто неделятно!...» Общее вниманіе смутило Привалова. Онъ многихъ совсѣмъ не зналъ, но его, очевидно, знали всѣ и теперь съ чисто провинціальнымъ ненасытнымъ любопытствомъ глядѣли во всѣ глаза. Большинство смотрѣло на наследника милліо-

новъ какъ на рѣдкую птицу. На нѣкоторыхъ лицахъ мелькало почти враждебное выраженіе. Но общій тонъ все-таки былъ самый дружелюбный, какъ на Руси встрѣчаютъ всякаго новаго человѣка съ громкимъ именемъ, и только приваловская мельница нагоняла облачка на это ясное небо.

— А, чортъ... Брось ты свою мельницу, — лепеталъ пьяный инженеръ, хватая Привалова за рукавъ. — Ей-Богу, брось... Ну ее къ нелегкому!.. А мы тебя лучше женимъ... Господа, давайте женимъ Сергѣя Александрыча; тогда все пойдетъ какъ по маслу.

— А вѣдь это вѣрно, отозвался кто-то изъ толпы. — Женимъ... Тогда и въ клубъ будетъ ходить, и въ винтъ грѣшнымъ дѣломъ... Ха-ха!.. Ужъ это вѣрно... Да-съ!..

— А вонъ Данилушка нагружается, замѣтилъ Веревкинъ, тыкая пальцемъ въ уголь. — Ну, что, Данилушка, устроилъ разрѣшеніе вина и елѣя?

— Разрѣшилъ... прохрипѣлъ Данилушка. — Вонъ какая компанія набралась: одинъ другого лучше...

Около Данилушки собрался цѣлый кругъ любопытныхъ, изъ которыхъ прежде всего выдѣлялась массивная фигура Лепешкина, а потомъ нѣсколько степенныхъ лицъ неопредѣленныхъ профессій. По костюмамъ можно было замѣтить, что это все былъ народъ зажиточный, откормленный, съ легкимъ купеческимъ отгѣнкомъ.

— Это все наши воротилы и тузы... шепнулъ Веревкинъ на ухо Привалову. — Толстосумы настоящіе! Вонъ у того, который съ козлиной бородкой, за милліонъ перевалило... Да! А чѣмъ нажилъ, спросите: пустяками. Случай умѣлъ поймать, а тамъ ужъ пошло.

— Сергѣй Александровичъ, за компанію выпить? предлагалъ Данилушка.

— Благодарю...

— Раздавимъ муху, дуй ее горой, отозвался Лепешкинъ.

— А... вы здѣсь? спрашивалъ Половодовъ, продираясь сквозь толпу. — Вотъ и отлично... Человѣкъ, нельзя-ли намъ чего-нибудь... А здѣсь все свой народъ набрался, — ораторствовалъ онъ, усаживаясь между Приваловымъ и Данилушкой. — Живемъ одной семьей... Такъ, Данилушка?

— Въ лучшемъ видѣ, Александръ Павлычъ... Ужъ такая

компанія, можно сказать, такая компанія: весь свѣтъ наскрозь произойди — не найдешь...

— Только вот Сергѣя Александровича недоставало... Ну, теперь онъ отъ насъ не отобьется. Нѣ-ѣтъ, шалишь!

Въ буфетѣ толпились усовершенствованные коммерсанты съ новымъ пошибомъ. Сквозь кучеческую основу пробивался новый типъ, который еще не выяснился во всѣхъ деталяхъ. Они держали себя на особицу отъ другихъ купцовъ, къ которымъ относились немного брезгливо; но до настоящаго, кровнаго барина этому полумужичью было еще далеко. Въ покроѣ платья, въ движеніяхъ, въ разговорѣ—вездѣ такъ и прорывалась настоящая крестьянская складка, которой ничто не могло вытравить. Были тутъ крупные хлѣбные коммерсанты, воровавшіе сотнями тысячъ пудовъ хлѣба ежегодно, были скупщики сала, пеньки, льняного семени, конечно громадными партиями, были золотопромышленники, заводчики и просто крупные капиталисты, воровавшіе банковскими дѣлами. Приваловъ съ глубокимъ интересомъ всматривался въ этотъ новый для него типъ, который созданъ и выросъ на нашихъ глазахъ, вмѣстѣ съ новыми требованіями, запросами и вѣяніями новой жизни.

— Все это козырные тузы, проговорилъ Веревкинъ. — Брѣвкій народъ, а до Ляховскаго, да Василя Назарыча далеко... Пороху не хватаетъ.

Приваловъ ничего не отвѣчалъ. Онъ думалъ о томъ, что именно ему придется вступить въ борьбу съ этой всемогущей кучкой. Вотъ его будущіе противники, а можетъ быть и враги. Вѣрнѣе всего послѣднее. Но пока игра представляла закрытыя карты, и можно было только догадываться, у кого какая масть на рукахъ.

— Хотите, со всѣми познакомлю? предлагалъ Веревкинъ, попивая свой ликеръ.— Все мои кліенты.

— Нѣтъ, какъ-нибудь послѣ...

Появилось откуда-то шампанское. Привалова поздравляли съ прїездомъ, чокались бокалами, высказывали самыя лестныя пожеланія. Приходилось пить, благодарить за вниманіе и опять пить. Послѣ нѣсколькихъ бокаловъ вина Приваловъ поднялся изъ за стола и, не обращая вниманія на загораживавшихъ ему дорогу новыхъ друзей, кое-какъ выбрался изъ буфета.

— Ну, теперь идите и любуйтесь нашими красавицами, отпускайте Половодовъ свою жертву. — Въдь провинция... Полевые цвѣточки, незабудочки. А относительно Вѣрочки не забывайте моего совѣта.

Приваловъ вздохнулъ свободнѣе, когда вышелъ, наконецъ, изъ буфета. Въ сосѣдней комнатѣ, черезъ отворенную дверь, видны были зеленые столы съ игроками. Приваловъ замѣтилъ Ивана Яковлевича, который сдавалъ карты. Напротивъ него сидѣлъ знаменитый Ломтевъ, крѣпкій и красивый старикъ съ длинной сѣдой бородой, и какой-то господинъ съ зеленымъ лицомъ и взъерошенными волосами. По блѣдному лицу Ивана Яковлевича и по крупнымъ каплямъ пота, которыя выступали на его выпукломъ, облизанномъ лбу, можно было заключить, что шла очень серьезная игра.

Приваловъ обошелъ нѣсколько разъ всѣ комнаты, отыскивая Надежду Васильевну и стараясь не встрѣчаться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Тоска навалилась на Привалова съ новой силой... Зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ сейчасъ знакомился съ этими людьми и пилъ шампанское?.. «Глупо», подумалъ Приваловъ, опускаясь на первый попавшійся на глаза стулъ. Онъ теперь какъ-то безучастно смотрѣлъ на проходившую мимо него публику. Его мысль унеслась въ далекое прошлое, когда въ этихъ самыхъ комнатахъ шель цирьгорой для другихъ людей... Вотъ здѣсь веселились всѣ эти Полуяновы, Размахнини, Колпаковы, которые теперь коротаютъ свои дни въ своихъ страшныхъ развалинахъ. Можетъ быть, и этотъ домъ ждетъ такая-же участь въ недалекомъ будущемъ.

— А я васъ давно ищу, Сѣргѣй Александрычъ, весело заговорила Надежда Васильевна, остановившаяся предъ Приваловымъ. — Вы, кажется, скучаете?.. Вотъ мой кавалеръ тоже не знаетъ, куда ему дѣваться, прибавила она съ улыбкой, указывая головой на Лоскутова, который дѣйствительно былъ жалокъ въ настоящую минуту.

Приваловъ подаль стулъ Надеждѣ Васильевнѣ.

— Вы, вѣроятно, удивляетесь, что встрѣтили меня на этомъ балѣ? спрашивала дѣвушка, когда Лоскутовъ ушелъ.

— Нисколько... Почему-же другіе могутъ быть на балѣ, а вамъ нельзя?

— Да... но при теперешнихъ обстоятельствахъ... Словомъ,

вы понимаете, что я хочу сказать. Мнѣ совсѣмъ не до веселья, да и папа не хотѣлъ, чтобы я ѣхала. Но вы знаете, чего захочетъ мама — законъ, а ей пришла фантазія непременно вывозить нынче Вѣрочку... Я и вожусь съ ней въ качествѣ бонны.

— Я видѣлъ давеча, какъ Вѣра Васильевна танцевала... Она производитъ фуроръ.

Надежда Васильевна печально улыбнулась и слегка покачала плечами. Приваловъ видѣлъ, что она что-то хочетъ ему объяснить и не рѣшается. Но онъ былъ такъ счастливъ въ настоящую минуту, такъ глупо счастливъ и, какъ слишкомъ счастливые люди, съ эгоизмомъ думалъ только о себѣ и не желалъ знать ничего болѣе.

— Мазурка!.. пронеслось по всѣмъ заламъ.

— Ахъ, а кажется съ кѣмъ-то танцую... вспомнила Надежда Васильевна, поднимаясь съ мѣста навстрѣчу подходящему кавалеру.

Счастье такъ-же быстро улетѣло, какъ и прилетѣло.

XVIII.

Когда съ хоръ захватывающей волной полились звуки мазурки Хлоцицкаго, всѣ бросились въ залъ, гдѣ танцующія пары выстроились длинной перенгой. Впереди всѣхъ стоялъ сѣдой, толстый панъ Кухцинскій, знаменитый танцоръ; онъ танцевалъ съ самой пани Мариной. За ними стоялъ молодой красавецъ—полякъ, панъ Жукотынскій съ Зосей; дальше панъ Мозалевскій съ Надеждой Васильевной, Давидъ съ Вѣрочкой, Мойсей съ Аней Поярковой, молодой, докторъ съ Алдой, Альфонсъ Богданычъ съ Агриппиной Филипповной и т. д. Расправивъ сѣдой усъ и щелкнувъ каблуками, панъ Кухцинскій пошелъ въ первый рядъ съ тѣмъ шикомъ, съ какимъ танцуютъ мазурку только одни поляки. Публика зашептала и заахала отъ восторга, любуясь первыми двумя парами. Опытающіе звуки мазурки взволновали всѣхъ, и даже изъ буфета и изъ игорной комнаты выпли всѣ, чтобы посмотрѣть на мазурку. Какой-то сѣдой старикъ отбивалъ тактъ ногой, пьяный инженеръ прищелкивая пальцами и языкомъ, вскрикивалъ какимъ-то бабьимъ голосомъ:

— Лихо... черртъ поберя!.. Тара-та-тта, тарарарра-ра...-та! И-хъ... Bravo, Кухцинскій!.. Лихо, Кухцинскій!..

Мазурка продолжалась около часу; нары утомились, дамы выдѣлывали на съ утомленными лицами и тяжело переводили духъ. Только одни поляки не чувствовали никакой усталости, а танцовали еще съ большимъ одушевленіемъ. Приваловъ въ числѣ другой нетанцующей публики тоже любовался этимъ бѣшеннымъ танцемъ и даже пожалѣлъ, что самъ не можетъ принять участія въ немъ.

— А вы вотъ гдѣ, батенька, скрываетесь... заплетавшимся языкомъ проговорилъ надъ самымъ ухомъ Привалова Веревкинъ; отъ него сильно пахло водкой, и онъ смотрѣлъ кругомъ совсѣмъ осовѣлыми глазами. — Важно... протянулъ Веревкинъ и улыбнулся пьяной улыбкой; Приваловъ въ первый еще разъ видѣлъ, что Веревкинъ улыбается, — онъ всегда былъ невозмутимо спокоенъ, какъ всѣ комики по натурѣ.

— Да, недурно, согласился Приваловъ.

— Недурно?.. Ахъ, вы... Ну, да все это вздоръ!.. добродушно проговорилъ Веревкинъ и, взглянувъ на Привалова сбоку, прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:—А я сегодня того... Да, въ приличномъ градусѣ. И знаете, успѣлъ продуть этому живодеру... ну, Ломтеву... три тысячи. Да... Только я свои собственные продулъ, кровные, а не чужія. А знаете, что я вамъ скажу, Сергѣй Александрычъ? Мы, то есть я, да вы, конечно, — порядочные люди, а изъ остальныхъ... ну, вотъ изъ этихъ, которые танцуютъ и которые смотрятъ, знаете, кто здѣсь еще порядочные люди?

— Очень щекотливый вопросъ, Николай Иванычъ...

— Нѣтъ, не щекотливый... Оставимте церемоніи, Сергѣй Александровичъ. Вонъ смотрите: видите доктора Сараева? Вотъ идетъ съ полной высокой дамой... Докторъ и есть самый порядочный человѣкъ, хотя онъ считаетъ меня за порядочнаго подлеца. Ну, да это все равно: дѣло не во мнѣ, а въ докторѣ. Я его очень уважаю... Потомъ Лоскутовъ порядочный человѣкъ тоже, хотя и не отъ міра сего. Ну, Господь съ нимъ... Вотъ ужъ цѣлыхъ двухъ насчитали. Пожалуй, предсѣдатель суда недурной человѣкъ, только въ немъ живого мѣста нѣтъ: онъ, должно полагать, даже потѣветъ статьями закона... Ей-Богу! «И прииде къ Іисусу законникъ нѣкій...» Вотъ онъ самый и есть, законникъ-то этотъ, нашъ предсѣдатель. Да!.. О

чемъ, бишь, я хотѣлъ говорить? Ахъ, да... Остальная братія, которую вы имѣете удовольствіе созерцать — продувной народъ... Ей-Богу! Вонъ видите горнаго инженера съ лысиной, постоянно улыбается... Это, братъ, хищникъ чистѣйшей воды, десять лѣтъ грабилъ народъ. Да тутъ ихъ цѣлое гнѣздо инженеровъ: горное гнѣздо... Понимаете: іудейская закваска. Ежели-бы раскрыть ихъ подвиги, такъ волосы дыбомъ встанутъ... Живымъ мясомъ рвали!.. Э, ну ихъ, къ нелегкому!.. А вонъ видите—молодой человѣкъ интеллигентной наружности... Это нашъ homo novus. Изъ ничего выболтался въ помощники директора узловскаго банка, правая рука Половодова... Тоже, батенька, воръ, только еще не оперившійся. Недѣли три тому назадъ, въ одинъ вечеръ просадилъ Ломтеву и папахену двѣнадцать тысячъ... Подведетъ уже банку животы, и еще придется защищать его!.. А вонъ золотопромышленники... Это опять воры, только по-своему. Возьметъ принскъ и отдастъ старателямъ: старателю заплатитъ два рубля за золотникъ, а самъ этотъ-же золотникъ сдастъ въ казну за пять рублей. Ну, теперь слитайте, сколько онъ получитъ за здорово живешь съ принска, если намочетъ только три пуда. Въ пудѣ около четырехъ тысячъ золотниковъ, значить съ cadaго пуда онъ и положить въ карманъ около двѣнадцати тысячъ. А всѣмъ рискуетъ мужикъ-старатель: онъ и золото отыщеть, и промоетъ, и голодомъ, и холодомъ насидится... Подлецы! А вонъ наша братія, адвокаты... Одинъ другого лучше; такъ и видно по глазамъ, что всѣмъ имъ одна дорога—въ Сибирь! Да ежели разобратъ, такъ всѣ мы порядочные подлецы и свиньи... Вонъ, Игнатій Львовичъ, Половодовъ... Бери краски и рисуй: прямо въ мѣста не столь отдаленныя... хха! А у меня въ головѣ, братъ, подшаяло здорово.

Мазурка кончилась сама собой, когда той молоденькой дѣвушкѣ, которую видѣлъ давеча Приваловъ на лѣстницѣ, сдѣлалось дурно. Ее подъ руки увели въ дамскую уборную. Агриппина Филиппевна прошла вся красная, какъ морковь, съ растрепавшимися на затылкѣ волосами. У бѣдной Ани Поарковой оборвали трѣнъ, такъ что дамы должны были образовывать около нея живую стѣну и только уже подъ этимъ прикрытіемъ увели сконфуженную дѣвушку въ уборную.

Зося шла одна; она отыскивала въ толпѣ кого-то своими горѣвшими глазами... У двери она нашла, кого искала.

— Я устала... слабымъ голосомъ прошептала дѣвушка, подавая Лоскутову свою руку. — Ведите меня въ мою комнату... Вотъ сейчасъ направо, черезъ голубую гостиную. Если бы вы знали, какъ я устала...

— Не слѣдовало такъ много танцевать, замѣтилъ Лоскутовъ серьезно.

— По вашему-же сидѣть и кинуть, капризнымъ голосомъ отвѣтила дѣвушка, и послѣ небольшой паузы прибавила:— Вы, можетъ быть, думаете, что мнѣ очень весело... Да?.. О, нѣтъ. совершенно наоборотъ: мнѣ хотѣлось плакать... Я вѣдь злая и отъ злости хотѣла танцевать до упаду.

На дорогѣ они встрѣтили доктора Сараева.

— Докторъ, помните наше пари? крикнула Зося, когда докторъ уже прошелъ мимо нихъ.— Вы проиграли...

Докторъ остановился, посмотрѣлъ на улыбавшееся ему лицо Зоси и задумался.

— Вотъ сюда, проговорила Зося, указывая Лоскутову на затворенную дверь.

Они вошли въ совсѣмъ пустую комнату съ старинной мебелью, обитой краснымъ выцвѣтшимъ бархатомъ. Одна лампа съ матовымъ шаромъ едва освѣщала ее, оставляя въ тѣни углы и открытую дверь въ дальнемъ концѣ. Лоскутовъ усадилъ свою даму на небольшой круглый диванчикъ и не зналъ, что ему дѣлать дальше. Зося сидѣла съ опущенными глазами и тяжело дышала.

— Вамъ не принести-ли воды? спросилъ Лоскутовъ.

Зося подняла на него свои чудные глаза, очевидно не понимая вопроса, а затѣмъ слабо улыбнулась и движеніемъ руки указала Лоскутову мѣсто рядомъ съ собой.

— Здѣсь... прошептала она, опять спуская глаза.

Лоскутовъ вопросительно посмотрѣлъ на Зосю и осторожно сѣлъ рядомъ.

— Вы считаете меня совсѣмъ пустой дѣвушкой... заговорила Зося упавшимъ, глухимъ голосомъ.— Я вижу, не отпирайтесь. Вы думаете, что я способна только дурачиться, наряжаться и выѣзжать лошадей. Да? Вѣдь такъ?

— Я не понимаю, къ чему такой разговоръ, проговорилъ Лоскутовъ. — Я, кажется, ничѣмъ не далъ повода такъ думать...

— Но, вѣдь, я могла быть другимъ человѣкомъ, продол-

жала Зося въ какомъ-то полузабытѣ, не слушая Лоскутова. — Можетъ быть никто такъ сильно не чувствуетъ пустоту той жизни, какою я живу... Этой пустотой отравлены даже самыя удовольствія. Если-бы... Вамъ, можетъ быть, скучно слушать мою болтовню?

— Нѣтъ, наоборотъ... я съ удовольствіемъ...

— А сознайтесь, вѣдь вы никогда даже не подозрѣвали, что я могу задумываться надъ чѣмъ-нибудь серьезно... Да? Вы видѣли только, какъ я дурачилась, а не замѣчали тѣхъ причинъ, которыя заставляли меня дурачиться... Такъ узнайте-же, что мнѣ все это надоѣло... все!.. Вся эта мишура, ложь, пустота давятъ меня...

— Но вѣдь въ вашихъ рукахъ всѣ средства, чтобы устроить жизнь совсѣмъ иначе... Вамъ стоитъ только захотѣть...

— А если то, что я хочу и чего добиваюсь, не въ моей власти?.. Надо мной будутъ смѣяться, если я скажу... будутъ считать сумасшедшей... У меня есть только одинъ преданный человѣкъ, который слишкомъ глубоко любитъ меня и которому я плачу за его чувства ко мнѣ тысячью мелкихъ обидъ, невниманіемъ, собственной глупостью. Этотъ человѣкъ—докторъ... Докторъ все для меня сдѣлаетъ, стоитъ только мнѣ сказать слово, но *здѣсь* и докторъ безсиленъ. Я пробовала переломить себя, прикрывалась дурачествами, шутками, смѣхомъ и очень рада, что всѣ приняли это за чистую монету.

— Если въ число этихъ всѣхъ вы включаете и меня, это несправедливо, замѣтилъ Лоскутовъ. — Я нѣсколько разъ думалъ...

— Вы... вы думали обо мнѣ? съ живостью подхватила Зося, глядя на Лоскутова широко раскрытыми глазами.

— Какъ о всѣхъ другихъ людяхъ...

— Именно?

— Думалъ, что вы иногда желаете серьезно заниматься, можетъ быть, мечтаете приносить пользу другимъ, а потомъ все это и соскочить съ васъ, какъ съ гуся вода... Можетъ быть я ошибаюсь, Софья Игнатьевна, но вы сами...

— Ахъ, не то... Меня давитъ моя обстановка, богатство...

— И тщеславіе...

— И тщеславіе... Я не скрываю. Но знаете, кто сознаетъ за собой извѣстные недостатки, тотъ стоитъ на полдорогѣ къ исправленію. Если-бы была такая рука, которая... Ахъ, да,

я очень тщеславна! Я преклоняюсь предъ силой, я боготворю ее... Сила всегда оригинальна, она даетъ себя чувствовать во всемъ. Я желала бы быть рабой именно такой силы, которая выходитъ изъ ряду вонъ, которая не нуждается вотъ въ этой мишурѣ, — Зося обвела глазами свой костюмъ и обстановку комнаты, — вѣдь такая сила наполнить цѣлую жизнь... она дастъ счастье.

— Зачѣмъ-же рабство?

— Рабство... а если мнѣ это нравится? Если это у меня въ крови: органическая потребность въ такомъ рабствѣ. Возьмите то, для чего живетъ заурядное большинство: все это такъ жалко и точно выкроено по одной мѣркѣ. А стоитъ-ли жить только для того, чтобы прожить, какъ всѣ другіе люди... Вотъ поэтому-то я и хочу именно рабства, потому что всякая сила давить... Больше: я хочу, чтобы меня презирали и... хоть немножечко любили...

— Я все-таки не понимаю васъ...

Зося закусила губу и нервно откинула свои бѣлокурые волосы, которые рассыпались у ней по голымъ плечамъ роскошной волной; въ ея красотѣ въ настоящую минуту было что-то захватывающее, неотразимое, это была именно сила, которая властно притягивала къ себѣ. Нужно было быть Лоскутовымъ, чтобы не замѣчать ея волшебныхъ чаръ.

— Мнѣ иногда хочется умереть... заговорила Зося тихимъ, прерывавшимся голосомъ; лицо у нея покрылось розовыми пятнами, глаза потемнѣли.—Проходятъ лучшіе молодые годы, а между тѣмъ, найдется-ли хоть одна такая минута, о которой можно было-бы вспомнить съ удовольствіемъ... Все безцѣльно и пусто, вѣчные будни и ни одной свѣтлой минуты.

Лоскутовъ принужденно молчалъ; розовыя ноздри Зоси раздулись, грудь тяжело колыхнулась.

— Послушайте... едва слышно заговорила дѣвушка, опуская глаза.—Положимъ, есть такая дѣвушка, которая любитъ васъ... а вы считаете ее пустой свѣтской барышней, ни къ чему негодной. Что-бы вы отвѣтили ей, еслибы она сказала вамъ прямо въ глаза: «я знаю, что вы меня считаете пустой дѣвушкой, но я готова молиться на васъ... я буду счастлива собственнымъ униженіемъ, чтобы только смѣть дышать около васъ».

— Софья Игнатьевна, если вы говорите все это серьезно,

началь Лоскутовъ, пробуя встать съ дивана, но Зося удержала его за руку.—Мнѣ кажется, что мы не понимаемъ другъ друга и...

— Нѣтъ, вы хорошо понимаете, что я хочу сказать, задыхавшимся шепетомъ перебила дѣвушка. — Вы хотите... вы добиваетесь, чтобы я первая сдѣлала признаніе... Извольте: я люблю васъ!..

Послѣднюю фразу Зося почти крикнула и, закрывъ лицо руками, покорно ждала смертельнаго удара.

— Софья Игнатьевна... прежде всего: успокойтесь, тихо заговорилъ Лоскутовъ, стараясь осторожно отнять руки отъ лица.—Поговоримте серьезно... Въ васъ сказала теперь потребность любви, и вы сами обманываете себя. У васъ совершенно ложный, идеализированный взглядъ на предметъ вашей страсти, а затѣмъ...

— Казните, казните... только скорѣе, и не наносите удара въ-за угла! Я сказала вамъ, что я, теперь скажите вы про себя, что вы.

— Я не могу отвѣчать вамъ тѣмъ-же, Софья Игнатьевна...

Ляховская глухо застонала и съ истерическимъ смѣхомъ опрокинула голову на спинку дивана.

— Вы не можете... Ха-ха!.. И вотъ единственный человекъ, котораго я уважала... Отчего вы не скажете мнѣ прямо?.. Вѣдь я умѣла-же побороть свой дѣвичій стыдъ и первая сказала, что васъ люблю... Да... а вы даже не могли отплатить простой откровенностью на мое признаніе, а спрятались за пустую фразу. Да, я въ настоящую минуту въ тысячу разъ лучше васъ!.. Я теперь поняла все... *вы любите Надежду Васильевну*... Да?

— Да... проговорилъ Лоскутовъ, и тѣнь замѣшательства скользнула по его лицу.

— Ну, такъ уходите... ха-ха!.. Нѣтъ, вернитесь...

Съ послѣдними словами Ляховская, какъ сумасшедшая, обхватила своими бѣлоснѣжными, чудными руками шею Лоскутова и покрыла безумными поцѣлуйми его лицо.

Баль кишѣлъ широкой волной, когда по заламъ смутно пронеслась первая вѣсть о какомъ-то происшествіи. Дамы зашептались, улыбки смѣнились серьезнымъ выраженіемъ лицъ. Кто пустилъ первую молву? что сдѣлалось? Никто и ничего хорошенько не зналъ. Видѣли только, какъ пробѣжалъ поблѣднѣв-

шій докторъ куда-то во внутреннія комнаты, съ чѣмъ-то бѣлымъ въ рукахъ. Приваловъ въ числѣ другой публики, испытывалъ общее недоумѣніе и отыскивалъ знакомыхъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Когда онъ проходилъ по одной изъ боковыхъ комнатъ, его догналъ Ляховскій, съ искаженнымъ лицомъ и остановившимся взглядомъ.

— Ради Бога... стаканъ воды!.. хрипѣлъ старикъ, не узнавая Привалова — Умерла, умерла...

— Кто умеръ, Игнатій Львовичъ? спросилъ Приваловъ, но Ляховскій не слышалъ вопроса и бѣжалъ впередъ, схвативъ себя за волосы.

Баль разстроился, и публика цвѣтной, молчаливой волной поплыла къ выходу. Приваловъ побрелъ въ числѣ другихъ, отыскивая Надежду Васильевну. На лѣстницѣ онъ догналъ Половодову, которая шла одна, подобравъ одной рукой трѣнь своего платья.

— Вы не знаете. Антонида Ивановна, что случилось? спрашивалъ Приваловъ.

— Пустяки: Зося упала въ обморокъ .. какъ-то нехотя отвѣтила Половодова.

Приваловъ предложилъ ей руку и помогъ спуститься по лѣстницѣ; въ передней онъ отыскалъ шубу, помогъ ее надѣть и напрасно отыскивалъ глазами Половодова.

— Вы, вѣжета, кого-то отыскиваете, Сергѣй Александровичъ?

— Да я что-то не вижу Александра Павловича...

— И не увидите, потому что онъ теперь ждетъ наверху чѣмъ кончится обморокъ Зоси, а меня отпустилъ одну... Проводите, пожалуйста, меня до моего экипажа, да кстати надѣньте шубу, а то простудитесь.

Когда къ подъѣзду подкатила съ зажженными фонарями коляска Половодова и Антонида Ивановна помѣстилась въ нее, Приваловъ протянулъ ей руку проститься, но Антонида Ивановна не подала своей, а отодвинувшись въ дальній уголъ кареты, указала глазами на мѣсто около себя. Дверцы захлопнулись, и карета, скрипя по снѣгу полозьями, бойко полетѣла вдоль по Нагорной улицѣ; Приваловъ почувствовалъ, какъ къ нему безмолвно прильнуло красивое женское лицо и теплыя пахучія руки обняли его шею. Настала минута опьяняющаго,

сладкаго безумія; она нахлынула на Привалова съ захватывающимъ бѣшенствомъ, и онъ потерялъ голову.

— Когда мы подъѣдемъ, ты выйди у подъѣзда, а потомъ черезъ полчаса я тебя сама отворю двери... шептала Половодова, когда карета катилась мимо бахаревского дома. — Александръ домой прійдетъ только утромъ... У нихъ сегодня въ „Магнитъ“ будетъ разливанное море. Тебя, вѣроятно, приглашали туда?

— Да.

— Ты общалась?

— Да... чтобы отвязаться.

Половодова на минуту задумалась, а потомъ съ лѣнливой улыбкой проговорила:

— Если тебя Александръ спроситъ, почему ты не пріѣхалъ въ „Магнитъ“, сообщи ему подъ секретомъ, что у тебя было назначено rendez vous съ одной замужней женщиной. Вѣдь онъ глупъ и не догадается...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Тяжелые дни переживались въ старомъ бахаревскомъ домѣ.

Деньги ушли въ тотъ провалъ, въ которомъ были похоронены раніе сотни тысячъ, а пріиски требовали новыхъ денегъ. Шелеховъ кутилъ, не показываясь въ бахаревскомъ домѣ по дѣлымъ недѣлямъ: онъ теперь пропадалъ вмѣстѣ съ Викторомъ Васильевичемъ. Курсы Василія Назарыча въ средѣ узловской денежной братіи начали быстро падать, и его векселя, въ первый разъ въ жизни, Узловско-Моховскій банкъ отказался дисконттировать. Василій Назарычъ этимъ не особенно огорчился, но онъ хорошо видѣлъ, откуда былъ брошенъ въ него камень: этотъ отказъ былъ произведеніемъ Половодова, который по своей натурѣ способенъ былъ наносить удары только изъ-за угла. Петля затягивалась, и положеніе съ часу на часъ дѣлалось безвыходнѣе. Выплыли на свѣтъ Божій, Богъ знаетъ откуда, какіе-то старые векселя и платежи, о которыхъ старикъ давно забылъ. Приходилось отдавать послѣдніе гроши, чтобы поддержать имя въ торговомъ мірѣ. Пока единственнымъ спасеніемъ для Бахарева было то, что наступившая зи-

ма, вмѣстѣ съ пріостановкою работъ на пріискахъ, дала ему передышку въ платежахъ по текущимъ счетамъ; но тѣмъ страшнѣе было частушеніе весны, когда, вмѣстѣ съ весенней зодой, ключемъ закипитъ горячая работа на всѣхъ пріискахъ. Гдѣ добыть денегъ къ этому времени, чтобы по самому послѣднему зимнему пути уѣхать на пріиски?

Съ половины января здоровье Василя Назарыча начало замѣтно поправляться, такъ-что онъ, съ помощью костыля, могъ бродить по комнатамъ.

— Теперь вы даже можете съѣздить куда-нибудь, предложилъ докторъ.—Моціонъ необходимъ для васъ...

Это предложеніе доктора обрадовало Бахарева, какъ ребенка, которому, послѣ долгой ненастной погоды, позволили наконецъ выйти на улицу. Съ нетерпѣніемъ всѣхъ больныхъ, засидѣвшихся въ четырехъ стѣнахъ, онъ воспользовался случаемъ и сейчасъ-же рѣшилъ ѣхать къ Ляховскому, у котораго не былъ очень давно.

— Папа, удобно ли тебѣ будетъ ѣхать туда, пробовала отговорить отца Надежда Васильевна.—Зося все еще больна, и самъ Игнатій Львовичъ не выходитъ изъ своего кабинета. Я третьяго дня была у нихъ...

— Чѣтъ, мнѣ необходимо видѣть Ляховскаго, упорствовалъ старикъ и велѣлъ Луцѣ подавать одѣваться.

Лука, шепча молитвы, помогъ барину надѣть сюртукъ и потихоньку нѣсколько разъ перекрестился про себя. «Ужъ только-бы барину ноги, а тутъ все будетъ по нашему»,—соображалъ старикъ, въ послѣдній разъ оглядывая его со всѣхъ сторонъ.

— Ну, что, Лука, я сильно похудѣлъ? спрашивалъ Василій Назарычъ, съ костылемъ выходя въ переднюю.

— Какъ будто изъ лица немножко поспали, Василій Назарычъ... А такъ-то еще и молодого, который похуже, затопчете.

Василій Назарычъ давно не испытывалъ такого удовольствія, какъ сегодня. Его все радовало кругомъ,—и морозный зимній день, и бѣжавшіе пѣшеходы съ красными носами, и легкій ходъ рысака, и снѣжная пыль, которой обдало его въ одномъ ухабѣ. Всѣ заботы и неприятности послѣдняго времени онъ точно разомъ оставилъ въ своемъ старомъ домѣ, и теперь только хотѣлъ дышать свѣжимъ, вольнымъ воздухомъ, летѣтъ

впередъ съ быстротой вѣтра, чтобы духъ захватывало. «Жаль, что Надю не захватилъ съ собой»,—думалъ старикъ, когда его щегольскія лакированные сани съ медвѣжьей полстью стрѣлой неслись мимо домика Заплатиной.—«Она все сидитъ дома, бѣдняжка, а тутъ хоть прокатилась бы со мной... Какъ это я позабылъ право!»

Въ передней Бахарева встрѣтилъ неизмѣнный Пальеа, который питалъ непреодолимую слабость къ «настоящимъ господамъ». Онъ помогъ гостю подняться на лѣстницу, и пока Бахаревъ отдыхалъ на первой площадкѣ, успѣлъ сбѣгать въ кабинетъ съ докладомъ.

— Вотъ не ожидалъ!.. кричалъ Ляховскій навстрѣчу входящему гостю.—Да для меня это праздникъ... А я, Василий Назарычъ, увы!..—Ляховскій только указалъ глазами на кресло съ колесами, въ которомъ сидѣлъ.—Совсѣмъ развинтился... Ужъ извините меня, ради Бога! Тогда эта болѣзнь Зоси такъ меня разбила, что я совсѣмъ приготовился отправляться на тотъ свѣтъ, да вотъ докторъ еще придержалъ немного здѣсь...

— Я слышалъ о болѣзни Софьи Игнатьевны и отъ души пожалѣлъ васъ, говорилъ Бахаревъ, пожимая руку Ляховскаго.

— Да, да... Благодарю васъ. Надежда Васильевна не забываетъ насъ... Это—ангелъ, ангелъ!.. Я завидую вамъ, какъ счастливѣйшему изъ отцовъ...

Ляховскій глубоко вздохнулъ и печально прибавилъ:

— Вотъ, Василий Назарычъ, наша жизнь: сегодня живъ, хлопчешь, заботишься, а завтра тебя унесетъ волной забвенья... Что такое человѣкъ? Прахъ, пепель... Пахнуло вѣтеркомъ—и человѣка не стало, вмѣстѣ со всей его паутиной заботъ, каверзь, расчетовъ, добрыхъ дѣлъ и пустяковъ!

Краснорѣчиво и горячо Ляховскій развилъ мысль о ничтожности человѣческаго существованія, коснулся слегка загробной жизни и грядущей отвѣтственности за всѣ свои дѣла и помысленія и съ той-же легкостью перешелъ къ настоящему, то-есть къ процессу, которымъ грозилъ теперь опека Веревкинъ.

— Я не понимаю нынѣшнихъ молодыхъ людей, рѣшилъ Ляховскій и сейчасъ-же завелъ рѣчь о другомъ, замѣтивъ неприятное впечатлѣніе, которое произвелъ на Бахарева этотъ разговоръ объ опеку.

Ляховскій расходился до того, что даже велѣлъ подавать завтракъ къ себѣ въ кабинетъ, что ужъ совсѣмъ не было въ

его привычкахъ. Необыкновенная любезность хозяина тронула Бахарева, хотя вообще онъ считалъ Ляховскаго самымъ скрытнымъ и фальшивымъ человѣкомъ; ему понравилась даже та форма, въ которой Ляховскій между словъ успѣлъ высказать, что ему все извѣстно о положеніи дѣлъ Бахарева.

— Всѣ устроится понемногу, дорогой Василій Назарычъ, успокаивалъ своего гостя Ляховскій.—Главное: здоровье, а наши дѣла, какъ погода,—то ведро, то ненастье...

— Да, именно, меня по рукамъ и по ногамъ связывала моя болѣзнь...

— О, конечно... Всѣ увѣрены въ томъ, что будь вы сами на пріискахъ прошлое лѣто, ничего не произошло-бы. Это маленькое испытаніе... Да! Чѣмъ-бы сдѣлалась наша жизнь, если-бы подобными испытаніями насъ не встряхивало постоянно. Просто заплѣсневѣли-бы, и только. Взять мое положеніе: вы знаете, какъ я люблю Зосю... Вѣдь она у меня одна, одна, Василій Назарычъ!.. И вдругъ такой ударъ... Я думалъ, что сойду съ ума... Скажите: за что такое испытаніе послано именно мнѣ? Покорился, перенесъ... и теперь считаю секунды, когда ей сдѣлается лучше... На доктора всѣ надежды!..

— Софѣй Игнатьевнѣ, какъ я слышалъ, лучше?

— Ничего неизвѣстно, Василій Назарычъ... Рѣшительно ничего! Теперь переживаемъ самый критическій моментъ: панъ или пропаль...

Пользуясь хорошимъ расположеніемъ хозяина, Бахаревъ замѣтилъ, что онъ желалъ-бы переговорить о дѣлѣ, по которому пріѣхалъ. При одномъ словѣ «дѣло», Ляховскій весь измѣнился, точно его ударили палкой по головѣ. Даже жалко было смотрѣть на него,—такъ онъ съежился въ своемъ креслѣ, такъ глупо заморгалъ глазами и сдѣлалъ такое глупое птичье лицо.

— Позвольте, Василій Назарычъ, предупредилъ Ляховскій гостя.—Если вы рассчитываете на мой кредитъ,—у меня ничего нѣтъ въ настоящую минуту... Даю вамъ честное слово!..

— А если я буду просить васъ о поручительствѣ, Игнатій Львовичъ? Именно, ваше поручительство спасло-бы меня...

— Хорошо.., я поручусь за васъ, вы получите деньги и закопаете ихъ на своихъ пріискахъ,—вѣдь я долженъ буду платить по моему поручительству?

— Да...

Разставивъ широко свои костлявыя руки и поднявъ брови, Ляховскій глухимъ шепотомъ, какъ трагическій актеръ, проговорилъ:

— Воля ваша, — не могу... У меня нѣтъ свободныхъ капиталовъ, а все до послѣдней копѣйки помѣщено въ предпріятіяхъ. Тысячу разъ извините, дорогой Василій Назарычъ, но хоть зарѣжьте сейчасъ — не могу!..

Ударъ былъ нанесенъ такъ неожиданно, что у Бахарева какъ-то все завертѣлось въ глазахъ и онъ въ смущеніи потеръ рукой свою больную ногу.

— Послушайте, Игнатій Львовичъ, тихо заговорилъ старикъ, чувствуя, какъ вся кровь приливаетъ къ нему въ голову. — Помните-ли вы какъ... Я не желаю укорить васъ этимъ, но...

— Василій Назарычъ, за кого-же вы меня считаете? умоляюще закричалъ Ляховскій. — Я забылъ?!.. Нѣтъ, я слишкомъ хорошо помню, какъ я явился на Уралъ бѣднѣ церковной мыши, и какъ, при вашей помощи, я сдѣлалъ первый крупный шагъ. Всѣмъ и каждому скажу, что всѣмъ обязанъ именно вамъ: трудно начало сдѣлать...

— Вы придаете слишкомъ большое значеніе моей небольшой услугѣ.

— Нѣтъ, уважаемый Василій Назарычъ, дорого яичко къ Христову дню...

— Отчего-же вы отказываетесь помочь мнѣ теперь, когда я, сѣдымъ, больнымъ старикомъ, обратился къ вашей помощи.. Вѣдь я-же довѣрялъ вамъ, когда вы еще ничего не имѣли?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, Василій Назарычъ, что вы довѣряли мнѣ, и я всегда буду цѣнить ваше довѣріе...

— Слѣдовательно, вы не довѣряете мнѣ?

Ляховскій одно мгновеніе, казалось, колебался, но это было только одно мгновеніе, а потомъ онъ сухо проговорилъ:

— Нѣтъ, я не могу поручиться за васъ...

Бахарева вышелъ изъ кабинета Ляховскаго съ краснымъ лицомъ и горѣвшими глазами: это было первое оскорбленіе, котораго онъ не заслужилъ и которое долженъ былъ перенести. Старикъ плохо помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ приваловскаго дома, сѣлъ въ сани и пріѣхалъ домой. Все про-

мелькнуло передъ нимъ какъ въ туманѣ, а въ головѣ неотступно стучала одна мысль: „Сережа, Сережа... развѣ-бы я пошелъ къ этому христородавцу, если-бы не ты“!

II.

Въ роскошной спальнѣ Зоси Ляховской теперь господствовалъ тяжелый для глазъ полумракъ; окна были задрапированы тяжелыми складками зеленой матеріи, едва пропускавшими въ комнату слабый свѣтъ. Всѣ лишнія вещи были вынесены. Несмотря на всѣ предосторожности, въ спальнѣ пахло лекарствами. Въ сосѣдней комнатѣ день и ночь дежурили сидѣлки. Больная лежала на большой кровати чернаго дерева съ серебряными украшеніями, подъ полосатымъ пологомъ изъ восточной шелковой матеріи. На батистовой подушѣ едва можно было разсмотрѣть блѣднсе, тонкое лицо Зоси. Глаза казались еще больше въ темныхъ кругахъ, кончикъ носа обострился. недавно еще пухляя, капризная губы болѣзненно обтянулись около зубовъ. Роскопные бѣловурные волосы были острижены, и дѣвушка походила теперь на мальчика лѣтъ пятнадцати, съ тонкимъ профилемъ и точно нарисованными бровями.

— Докторъ, какъ вы думаете; лучше мнѣ?.. едва слышно спрашивала больная, слабымъ движеніемъ выпростывая изъ подъ одеяла похудѣвшую, бѣлую, какъ мраморъ, руку.

— Было-бы лучше, если-бы вы имѣли побольше терпѣнія, сухо отвѣчалъ докторъ, проверяя пульсъ больной по своимъ часамъ.

— О, мнѣ все равно... жить или умереть... Не стоить жить, докторъ.

— Объ этомъ мы поговоримъ съ вами, когда вы поправитесь...

Третью недѣлю проводилъ докторъ у постели больной, переживая шагъ за шагомъ всѣ фазисы болѣзни. Онъ самъ теперь ходилъ на больного: лицо осунулось, глаза ввалились. кожа потемнѣла. Въ теченіи первыхъ двухъ недѣль докторъ не спалъ и трехъ ночей. Нервная горячка усложнилась психическимъ состояніемъ больной, которая по десяти разъ на день переходила отъ надежды къ отчаянію, отъ полного равнодушія ко всему къ страстной жаждѣ сохранить колебавшуюся жизнь.

Исторія этой болѣзни выяснилась для доктора во всѣхъ деталяхъ на другой-же день послѣ бала, хотя онъ ни слова не сказалъ о ней Ляховскому. Вмѣсто желѣзныхъ проволокъ, у Зоси оказались самыя бабьи нервы... Переходъ отъ дѣвушки къ женщинѣ разыгрался катастрофой въ тотъ моментъ, когда докторъ и Ляховскій всего менѣе ожидали его. Сквозь капризы и чудачества пробилось первое женское чувство, хотя и оно скорѣе походило на прихоть, чѣмъ на серьезное душевное движеніе. Доктора убивала мысль, что болѣзнь Зоси обязана своимъ происхожденіемъ не разбитому чувству любящей женской души, а явилась вслѣдствіе болѣзненного самолюбія. Какъ! когда всё и все преклонялось предъ ней, онъ, Лоскутовъ, одинъ отнесся къ ней совершенно равнодушно; мало того,—онъ предпочелъ ей другую... Докторъ былъ глубоко убѣжденъ, что Зося совсѣмъ не любила Лоскутова и даже не могла его полюбить, а только сама увѣрила себя въ своей любви и шагъ за шагомъ довела себя до рокового объясненія. Даже въ бреду имя Лоскутова никогда не произносилось одно, а всегда рядомъ съ именемъ Надежды Васильевны: гордость и ревность къ соперницѣ—вотъ гдѣ таились главные корни болѣзни.

Діагнозъ болѣзни былъ поставленъ безошибочно, оставалось только помогать естественному ходу болѣзненного процесса и устранять причины, которыя могли-бы создать новыя осложненія. Молодая натура стойко выдерживала неравную борьбу съ приступами болѣзни, но было нѣсколько такихъ моментовъ, что докторъ начиналъ испытывать сомнѣнія относительно счастливаго исхода. Были даже собраны два консилиума, но ученый ареопагъ не пришелъ ни къ какимъ новымъ заключеніямъ. Особенно страшны были двѣ ночи, когда пламя жизни, казалось, готово было совсѣмъ потухнуть... Зося металась въ страшномъ бреду и никого не узнавала; докторъ сидѣлъ у ея изголовья и по секундамъ отсчитывалъ ходъ болѣзни, какъ капитанъ, который ведетъ свой корабль среди бушующаго моря. Онъ готовъ былъ отдать полжизни, чтобы облегчить страданія этого молодого тѣла, но наука была бессильна подать руку помощи, и оставалось только ждать.

Разъ, ночью, когда все въ домѣ спало мертвымъ сномъ, Зосѣ сдѣлалось особенно нехорошо. Она металась на своей подушкѣ.

— Докторъ, дайте мнѣ вашу руку... прошептала больная.—Мнѣ будетъ легче...

Она судорожно ухватилась своей горѣвшей маленькой рукой за его руку и въ такомъ положеніи откинулась на подушку; ей казалось, что она медленно проваливается въ какую-то глубокую яму, и только одна рука доктора еще въ состояніи удержать ее на поверхности земли.

— Послушайте, докторъ, вѣдь я не умру?... шептала Зося, не отрывая глазъ.—Впрочемъ, всѣ доктора говорятъ это своимъ пациентамъ... Докторъ, я была дурная дѣвушка до сихъ поръ... Я ничего не дѣлала для другихъ... Не дайте мнѣ умереть, и я перемѣнюсь къ лучшему. Ахъ, какъ мнѣ хочется жить... докторъ, докторъ!.. Я раньше такъ легко смотрѣла на жизнь и людей... Но жизнь такъ коротка — какъ жизнь поденки.

Это былъ тотъ кризисъ, котораго съ замѣрающимъ сердцемъ ждалъ докторъ три недѣли. Утромъ рано, когда Зося заснула въ первый разъ за все время своей болѣзни спокойнымъ сномъ выздоравливающаго человѣка, онъ, пошатываясь, вошелъ въ кабинетъ Ляховскаго.

— Умираетъ?!. схватившись за голову, спрашивалъ Ляховскій; его испугало сѣрое лицо доктора съ помутившимися глазами.

— Нѣтъ, спасена...

Ляховскій съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываніемъ припалъ своимъ лицомъ къ рукѣ доктора и, въ порывѣ признательности, покрылъ ее поцѣлуями; изъ его глазъ слезы такъ и сыпались, но это были счастливыя слезы.

III.

Приваловъ переживалъ медовый мѣсяцъ своего незаконнаго счастья. Собственно говоря, онъ плылъ по теченію, которое съ перваго момента закружило его и понесло впередъ властной пѣнившейся волной. Когда онъ ночью вышелъ изъ подводскаго дома въ достопамятный день бала, унося на лицѣ слѣды безумныхъ поцѣлуевъ Антонида Ивановны, совѣсть проснулась въ немъ и внутренній голосъ сказалъ: «Вѣдь ты не любишь эту женщину, которая сейчасъ осыпала тебя своими ласками»...

— Нѣтъ, я люблю ее! старался увѣрить самого себя Приваловъ.— Нѣтъ, я люблю ее...

На другой день Приваловъ уже подъѣзжалъ къ дому Половодова, какъ вспомнилъ, что Антонида Ивановна назначила ему свиданіе у матери. Появленіе Привалова удивило и обрадовало Агриппину Филиппьевну.

Привалову казалось, что она догадывается объ истинной причинѣ его визита, и онъ нѣсколько разъ принимался извиняться, что обстоятельства не позволяли ему быть у ней во второй разъ, какъ онъ обѣщалъ.

Чась, который Привалову пришлось провести съ глазу на глазъ съ Агриппиной Филиппьевной, показался ему безконечно длиннымъ, и онъ хотѣлъ уже простаться, когда въ передней послышался торопливый звонокъ. Приваловъ вздрогнулъ и слегка смутился: у него точно что оборвалось внутри... Безъ сомнѣнія, это была она, это были ея шаги. Антонида Ивановна сдѣлала удивленное лицо, заставъ Привалова въ бударѣ тапан, лѣниво протянула ему свою руку и усталымъ движеніемъ опустила въ уголъ дивана.

— Ты, кажется, очень весело вчера провела время? спрашивала Агриппина Филиппьевна дочь.

— Нѣтъ, тапан... Если-бы не Сергѣй Александровичъ, я-бы умерла отъ скуки, неохотно отвѣтила Антонида Ивановна, сбоку вскидывая глазами на Привалова.— А вы, Сергѣй Александровичъ, конечно, веселились на пропадую... послѣ бала, уже съ улыбкой прибавила она.— Мнѣ Александръ что-то рассказывалъ такое...

— Я удивляюсь, что Александръ Павловичъ считаетъ нужнымъ посвящать тебя въ такія подробности, строго замѣтила Агриппина Филиппьевна.

— Что-же тутъ особеннаго, тапан?.. Вѣдь Сергѣй Александровичъ свободный человекъ. Балъ разстроился въ серединѣ, вотъ они и отправились его доканчивать...

Половодова еще никогда не была такъ красива, какой теперь показалась Привалову, и когда Агриппина Филиппьевна оставила, наконецъ, ихъ вдвоемъ, онъ робко подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать протянутую душистую руку.

— Послушай, заговорила Антонида Ивановна, когда Приваловъ прильнулъ губами къ ея шеѣ: — старуха догадалась сразу обо всемъ... Ты держисья непростительно глупо! Хо-

рошо, что намъ нечего опасаться ея. Какое у тебя сегодня глупое лицо!

Этотъ нѣсколько суровый тонъ смѣнился горячимъ поцѣлуемъ, и Половодова едва успѣла принять свой обычный скачущій и лѣнивый видъ, когда въ гостиной послышались приближавшіеся шаги тапан. У Привалова потемнѣло въ глазахъ отъ прилива счастья и онъ готовъ былъ разцѣловать даже Агриппину Филиппьевну. Остальное время визита прошло очень весело. Приваловъ болталъ и смѣялся самымъ беззаботнымъ образомъ, находясь подъ обаяніемъ теплаго взгляда красивыхъ глазъ Антонида Ивановны.

Свиданія въ первое время происходили въ часы службы Половодова въ банкѣ. Приваловъ являлся какъ разъ въ то время, когда хозяину нужно было уходить изъ дому, и онъ каждый разъ упрашивалъ гостя подождать до его возвращенія, чтобы пообѣдать вмѣстѣ. Это были счастливыя минуты... Антонида Ивановна, проводивъ мужа, забывала всю свою лѣнь и дурачилась, какъ институтка.

Съ каждымъ днемъ Приваловъ сильнѣй и сильнѣй привязывался къ этой загадочной натурѣ, тянувшей его въ свои объятія всѣми чарами любви. Антонида Ивановна каждый разъ являлась для него точно новой женщиной; она не повторялась ни въ своихъ ласкахъ, ни въ порывахъ страсти, ни въ капризахъ. По выраженію ея лица нельзя было угадать, что она думаетъ въ настоящую минуту. Съ самымъ серьезнымъ лицомъ она болтала тысячи тѣхъ милыхъ глупостей, какія умѣютъ говорить только женщины; чувствующія, что ихъ любить; самые капризы и даже вспышки гнѣва, какъ цвѣтами, пересыпались самыми неожиданными проявленіями загоравшейся страсти. Приваловъ пилъ день за днемъ эту сладкую отраву любви, убаюканный кошачьими ласками этой женщины, умѣвшей безраздѣльно овладѣть его мягкой, податливой душой. Прежней Антонида Ивановны точно не существовало, а была другая женщина, которая, казалось, не знала границъ своимъ желаніямъ и въ опьяняющемъ чаду своей фантазіи безразсудно жгла двѣ жизни.

— Я ничего не требую отъ тебя... Понимаешь: ничего!.. говорила она Привалову:—любишь—хорошо, разлюбишь—не буду плакать... Впрочемъ, часто у меня является желаніе задуть тебя, чтобы ты не доставался другой женщинѣ. Иногда

да мнѣ хочется, чтобы ты обманывалъ меня, даже билъ... Мнѣ мало твоихъ ласкъ и поцѣлуевъ. Понимаешь?.. Вѣдь русскую бабу нужно бить, чтобы она была вполнѣ счастлива!..

Но слишкомъ частыя свиданія въ половодовскомъ домѣ сдѣлались наконецъ неудобны. Тогда Антонида Ивановна рѣшила бывать въ общественномъ клубѣ, членомъ котораго Приваловъ числился уже нѣсколько мѣсяцевъ, хотя ни разу не былъ въ немъ.

IV.

Общественный клубъ помѣщался въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ, который выходилъ на Нагорную улицу, черезъ кварталъ отъ стараго приваловскаго дома. Въ длинной передней, гдѣ висѣли по стѣнамъ шубы гостей, посѣтителей обдавало той трактирной атмосферой, которая насквозь пропитана тепловатымъ ароматомъ кухни и табачнымъ дымомъ. Въ нижнемъ этажѣ общественаго клуба помѣщалось нѣсколько маленькихъ комнатъ, уставленныхъ зелеными ломберными столиками; здѣсь процвѣталъ знаменитый сибирскій вистъ съ винтомъ, героями котораго являлись Иванъ Яковлевичъ, Ломтевъ и братія. Тутъ-же, вѣроятно для очищенія совѣсти, приткнулись двѣ комнаты — одна биллиардная, а другая — читальня; впрочемъ эти двѣ комнаты по большей части оставались пустыми и служили только для нѣкоторыхъ таинственныхъ tête-à-tête, когда писались безденежные векселя, выпрашивались у хорошаго человѣка займы деньги, чтобы отыгратъся; наконецъ, здѣсь-же, на плетеныхъ вѣнскихъ диванчикахъ, переводили свой многмятежный духъ потерпѣвшіе за зеленымъ полемъ полное крушеніе и отдыхали поклонники Бахуса.

Изъ передней довольно узкая лѣстница вела во второй этажъ; перила были задрапированы покрытыми пылью олеандрами и еще какой-то зеленью, которая цѣплялась своими глазами за бальные шлейфы и трѣны, точно когтями. Въ первое свое посѣщеніе клуба Приваловъ долго бродилъ по комнатамъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ за столами сидѣли большею частью совершенно незнакомые ему люди. Онъ прислушивался къ шуму подвѣзжавшихъ саней и къ сдержанному говору въ передней; онъ слышалъ женскіе голоса, шелестъ платьевъ . и

осторожные легкіе шаги по лѣстницѣ. Скоро изъ передней потянуло струей самыхъ разнообразныхъ духовъ, какіе употребляетъ далекая провинція,—пахло даже камфорой, которой на лѣто были переложены шубы отъ моли.

Наконецъ Приваловъ рѣшилъ подняться во второй этажъ, въ царство дамъ. На лѣстницѣ его встрѣтила Хіонія Алексѣевна дружескимъ восклицаніемъ:

— А, наконецъ-то и вы, Сергѣй Александровичъ!.. Я думала, что вы сегодня не пріѣдете.

— Нѣтъ, я уже давно здѣсь.

— У насъ въ клубѣ смѣшанное общество, объясняла Хіонія Алексѣевна по дорогѣ въ танцевальный залъ, гдѣ пиликалъ очень плохой оркестръ самую ветхозавѣтную польку.— Можно сказать, мы устроились совсѣмъ на демократическую ногу: есть здѣсь прикащики, мелкіе чиновники, маленькіе купчики, учителя... Но есть и представители нашего beau monde: горные инженеры, адвокаты, прокуроръ, золотопромышленники, заводчики, доктора... А какой богатый выборъ красивыхъ дамъ!..

Плохенькій залъ, передѣланный изъ какой-то оранжереи, былъ скупо освѣщенъ десяткомъ лампъ; по стѣнамъ висѣли безобразныя гирлянды изъ еловой хвои, пересыпанной бумажными цвѣтами. Эти гирлянды придавали всей залѣ похоронный характеръ. Около стѣнъ, на вытертыхъ диванчикахъ, цвѣтной шпалерой размѣстились дамы; въ глубинѣ, на маленькой эстрадѣ, замѣнявшей сцену, помѣщался оркестръ; мужчины жались около дверей. Десятка два паръ кружились по залѣ, подымая облако ѣдкой пыли.

Остальное помѣщеніе клуба состояло изъ шести довольно большихъ комнатъ, отличавшихся большой роскошью сравнительно съ обстановкой нижняго этажа и танцевальной залы; въ средней руки столичныхъ трактирахъ можно встрѣтить такую-же вычурную мебель, такія-же трюмо подъ орѣхъ, выпѣтшія драпировки на окнахъ и дверяхъ. Одна комната была отдѣлана въ красный цвѣтъ, другая въ голубой, третья въ зеленый и т. д. На диванчикахъ сидѣли дамы и мужчины, провожавшіе Привалова любопытными взглядами.

— Вотъ эта дама съ розой въ волосахъ, объясняла Заплата, —перемѣняетъ каждый сезонъ по любовнику... А вотъ та въ сѣромъ платьѣ... Здравствуйте, Пелагея Семеновна!.. Обра-

тите пожалуйста вниманіе на эту дѣвушку: очень богатая не-
вѣста и какая красавица, а отецъ былъ мясникомъ. И дер-
жать себя какъ хорошо, никакъ не подумаешь, что изъ
крестьяночекъ. Да... Отецъ въ лаптяхъ ходилъ!

Приваловъ кое-какъ отдѣлался отъ непрощенной любезно-
сти Хины и остался въ буфетѣ, дверь изъ котораго какъ разъ
выходила на лѣстницу, такъ что можно было видѣть всѣхъ вхо-
дившихъ въ танцевальный залъ. Съ Хиной приходилось быть
любезнымъ, потому, что она могла пригодиться въ будущемъ.

— Голубчикъ, Сергѣй Александровичъ!..

Приваловъ почувствовалъ, какъ кто-то обхватилъ его шею
руками и принялся цѣловать; это былъ Моисей, отъ котораго
такъ и разлило перегорѣлой водкой.

— Ахъ, здравствуй, Викторъ Васильичъ! обрадовался При-
валовъ.—А я тебя давненько-таки не видалъ... Гдѣ это ты
пропадаешь?

Моисей съ пьяной улыбкой только махнулъ рукой.

— А вѣдь старикъ-то у насъ того... заговорилъ онъ груст-
но:—повихнулся крѣпко. Да! Мать какъ-то спрашивала про
тебя... А ты, братъ, нехорошо дѣлаешь, что забываешь насъ...
нехорошо. Я тебѣ прямо скажу, хоть ты и миллионеръ. Миѣ
наплевать на твои миллионы... все-таки нехорошо!.. Нада
что-то прихварываетъ, Вѣрочка въ молитву ударилась... Я и
домой рѣдко заглядываю, потому у насъ съ Данилушкой те-
перь разливное море... А миѣ жаль стариковъ-то, да и се-
стренокъ жаль, потому шила въ мѣшкѣ не утаишь, и по го-
роду: шу-шу-шу... «Бахаревъ раззорился!.. Бахаревъ бан-
кротъ!..»

— Да, вѣдь, это пустяки, Викторъ Васильичъ. Василій
Назарычъ поправится...

— Конечно поправится, чортъ ихъ всѣхъ возьми! крик-
нулъ Моисей, стуча кулакомъ по столу.—Развѣ старикъ чета
вотъ этой дряни... Вонъ ходять... Ха-ха!.. Дураки!.. Василій
Бахаревъ пальцемъ поведетъ только, такъ у него изъ всѣхъ
щелей золото полѣзетъ. Вотъ только весны дождаться, мы вмѣ-
стѣ махнемъ со старикомъ на пріиски и все дѣло поправимъ.
Понялъ?

— Моисей!.. окликнулъ Бахарева подошедшій Давидъ Ля-
ховскій.—Пойдемъ... Катька здѣсь!

— Погоди, вотъ я поговорю съ Приваловымъ, упрямылся

Бахаревъ.—Ты знаешь Катю Колпакову? Нѣтъ? Ну, братъ, такъ ты мухъ ловишь здѣсь, въ Узлѣ-то... Какъ канцанируетъ, бестія! Понимашь, ее самъ Иванъ Яковлевичъ выучилъ...

— Это неужели та Катя Колпакова? удивился Приваловъ.

— А то какая-же?.. Ха-ха!.. Колпаковы одни... Старуха Богу молится, а Катенька... Да вонъ она идетъ, рыженькая!..

Моисей показалъ на проходившую подъ руку съ какимъ-то инженеромъ средняго роста дѣвушку съ голубыми глазами и прекрасными золотистыми волосами, точно шелковой рамкой окаймлявшими ее бойкое матовое лицо съ легкими веснушками около носа. Она слегка покачивалась на высокихъ каблукахъ. Тонкая талія, роскошно сформированная грудь съ покатыми плечами и непринужденная граціозность всей фигуры дѣлами Колпакову львицей сезона.

— У насъ съ Давидомъ горе, объяснялъ Моисей, поднимаясь съ мѣста:—у него сестра умираетъ, у меня отецъ раззорился...

— Софья Игнатьевна, я слышалъ, поправляется? обратился Приваловъ къ Давиду.

— Да, кажется... равнодушно отвѣчалъ молодой человѣкъ, осѣдывая свой длинный носъ золотымъ пенснэ.—У ней какая-то мудреная болѣзнь... Моисей, да пойдемъ-же, а то этотъ чортъ Глазковъ опять отобьетъ у насъ Катьку.

— Ну, братъ, шалишь: у нея сегодня сеансъ съ Лепешкинымъ, увѣрялъ Моисей, направляясь къ выходу изъ буфета; съ половины дороги онъ вернулся къ Привалову, долго грозилъ ему пальцемъ, ухмыляясь глупѣйшей пьяной улыбкой и покачивая головой, и наконецъ проговорилъ: — А ты, братъ, Приваловъ, ничего... Хе-хе! Нѣтъ, не ошибся!.. У этой Тонечки, чортъ ее возьми, такіе атуры. А грудь?.. Ну, да тебѣ это лучше знать...

Этотъ откровенный намекъ сначала покоробилъ Привалова, но потомъ онъ успокоился, потому что Моисей сболтнулъ съ пьяна и завтра-же позабудетъ обо всемъ.

Въ ожиданіи Половодовой, Приваловъ наблюдалъ публику. Въ буфетѣ и внизу засѣдали отцы семействъ, коммерсанты, денежные тузы; вверху сновала изъ комнаты въ комнату дѣйствующая армія невѣсть, находившаяся подъ прикрытіемъ маменекъ, тетушекъ и просто дамъ, которыя «вывозили» дѣвушекъ въ свѣтъ. Хина плавала въ этой подвижной улыбав-

шейся толпѣ, какъ щука въ водѣ. Она всѣхъ знала, всѣмъ умѣла угодить, улыбнуться, сказать ласковое слово. Маменьки засидѣвшихся дѣвицъ смотрѣли на Хину со страхомъ и надеждой, какъ на судьбу. Репутація Хины была давно упрочена: товаръ, который потерялъ всякую надежду на сбытъ, въ ея ловкихъ рукахъ сходилъ за настоящій. До десятка молодыхъ дамъ были обязаны своимъ супружескимъ счастьемъ исключительно ей одной.

По гѣстницѣ въ это время поднимались Половодовы. Приваловъ видѣлъ, какъ они остановились въ дверяхъ танцевальной залы, гдѣ ихъ окружила цѣлая толпа знакомыхъ мужчинъ и женщинъ: Антонида Ивановна улыбалась направо и налево, отыскивая глазами Привалова. Когда оркестръ заигралъ вальсъ, Половодовъ сдѣлалъ нѣсколько туровъ съ женой, потомъ сдалъ ее съ рукъ на руки какому-то кавалеру, а самъ, вытирая лицо платкомъ, побрелъ въ буфетъ. Замѣтивъ Привалова, онъ широко разставилъ свои длинные ноги и поднятъ въ знакъ удавленія плечи.

— И вы!.. проговорилъ онъ наконецъ. — Мнѣ Тонечка говорила про васъ, да я не повѣрилъ... Чего вы здѣсь, однако, сидите, Сергій Александрычъ, — пойдите лучше внизъ: тамъ встрѣтимъ много знакомаго народа.

— Я приду немного погодя, а теперь пойду здороваться съ Антонидой Ивановной, отвѣчалъ Приваловъ.

— Смотрите, не надуйте! погрозилъ Половодовъ пальцемъ. — А мы могли-бы сочинить тамъ прешилую партійку... Кстати, вы замѣтили Колцакову?

— Да, Моисей мнѣ показывалъ ее.

— Не правда-ли: львица? А замѣтили, какой у ней овалъ лица?

Половодовъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ и прибавилъ, точно въ свое оправданіе:

— Я собственно членъ благороднаго собранія, но записался сюда по необходимости: все дѣловой народъ собирается, нельзя...

— А, наконецъ, и вы... протянула Антонида Ивановна, когда Приваловъ здоровался съ ней. — Проведите меня куда-нибудь, гдѣ не такъ жарко и душно, какъ здѣсь...

Она смотрѣла на Привалова дѣтски-поворнымъ взглядомъ и, подавая ему руку, тихо спросила:

— Ты на меня не сердисься?

— За что? удивился Приваловъ.

Половодова обвела кругомъ глазами и сдѣлала легкую гримасу.

— Вѣдь это кабакъ какой-то... проговорила она, брезгливо подбирая правой рукой трѣнь платья.

Она прошла въ зеленую угловую комнату, гдѣ было мало огня и публика не такъ толкалась прямо подъ носомъ. Но едва имъ удалось перекинуться нѣсколькими фразами, какъ показался лакей во фракѣ и подошелъ прямо къ Привалову.

— Васъ, Сергѣй Александровичъ, спрашиваютъ-съ, почти-тельно доложили онъ, перебирая въ рукахъ салфетку.

— Кто?

— Тамъ, внизу-съ... Вашъ человѣкъ.

Приваловъ оставилъ Половодову и сошелъ внизъ, гдѣ въ передней дѣйствительно ждалъ его Ипатъ съ письмомъ въ рукахъ.

— Съ кулеромъ... проговорилъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.—Я только сталъ сапоги чистить, а въ окно какъ забарсать... Ей Богу!..

Приваловъ не слушалъ его и торопливо пробѣгалъ письмо, помѣченное Шатровскимъ заводомъ. Это писалъ Костя. Онъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что дѣло по опеку затянется надолго, если Приваловъ лично не явится какъ можно скорѣе туда, чтобы сейчасъ-же начать хлопоты въ сенатѣ. Бахаревъ умолялъ Привалова бросить все въ Узлѣ и ѣхать въ Петербургъ. Это извѣстіе бросило Привалова въ холодный потъ: оно было ужъ совсѣмъ некстати...

— Ну, что? спросила глазами Антониды Ивановна, когда Приваловъ вернулся въ свой уголокъ.

Онъ подалъ ей письмо.

— Значить, ты бросишь меня? упавшимъ голосомъ спросила она, опуская глаза и оципывая одной рукой какую-то оборку на своемъ платьѣ.

— Тонечка, я не могу оставить этого дѣла... Ты пойми, что отъ моей поѣздки будетъ зависѣть участь всѣхъ заводовъ.

Она молчала, не поднимая головы.

— Эта поѣздка отниметъ у меня, самое большее, мѣсяцъ времени, продолжалъ Приваловъ, чувствуя, какъ почва ухнула изъ-подъ его ногъ.

— Неправда... Ты не вернешься! возражала Половодова.—Я это впередъ знала... Впрочемъ, ты знаешь — я тебя ничѣмъ не желаю стѣснить. Дѣлай такъ, какъ лучше тебѣ, а обо мнѣ пожалуйста не заботься. Да и что такое я для тебя, если разобрать...

Антонида Ивановна горько улыбнулась и подняла свои глаза.

— Тонечка, голубчикъ... Что-же мнѣ дѣлать? взмолился Приваловъ.—Ну, научи...

— Я не рѣшаюсь совѣтовать тебѣ, Сергѣй, но на твоемъ мѣстѣ сдѣлала-бы такъ: въ Петербургъ послала-бы своего повѣреннаго, а сама осталась-бы въ Узлѣ, чтобы имѣть возможность слѣдить и за мельницей, и за заводами, и за опекунами.

Приваловъ задумался; совѣтъ имѣлъ за себя много подкупающихъ обстоятельствъ, главное изъ которыхъ Антонида Ивановна великодушно обошла молчаніемъ, — именно, къ тремъ причинамъ, которыя требовали присутствія Привалова въ Узлѣ, она не прибавила самой себя. Это великодушіе и эта покорность побѣдили Привалова.

V.

Nicolas Веревкинъ согласился ѣхать въ Петербургъ съ большимъ удовольствіемъ, разъ затѣмъ, чтобы добраться, наконецъ, до тѣхъ значныхъ мѣстъ, гдѣ жмутъ настоящіе матерые раки, а затѣмъ—ему хотѣлось немного встряхнуть свою засидѣвшуюся въ провинціальной 'глуши натуру.

— А помните, я говорилъ вамъ про нить-то? спрашивалъ Nicolas Привалова.

— Да, помню...

— Ну, вотъ она и выходитъ, значить, эта самая нить...

— Именно?

— А помните моего дядюшку, который пріѣзжалъ сюда рыбку удить?.. Вотъ и заклевало...

— Не понимаю рѣшительно ничего.

— И я тоже немного понимаю, но, знаете, у нашего брата образуется этакій особенный нюхъ по части этихъ нитей... Въ самомъ дѣлѣ, за какимъ чортомъ пріѣзжалъ сюда этотъ дядюшка? Потомъ какимъ вѣтромъ занесло его къ Ля-

ховскому, да еще вмѣстѣ съ Половодонымъ?.. Это, батенька, такая троица получается, что самъ чортъ ногу переломить.

— Мнѣ кажется, что, по французской пословицѣ, вы ищете во щажѣ фортепянныхъ струнъ...

— Есть, есть нѣкоторое предчувствіе... Ну, да страшень сонъ, но милостивъ Богъ. Мы и дядюшку подтянемъ. А вы здѣсь донимайте, главное, Ляховскаго: дохнуть ему не давайте, и Половодову тоже. Съ ними нечего церемониться...

Такимъ образомъ Nicolas Веревкинъ черезъ три дня, закутавшись въ оленью доху, летѣлъ въ Петербургъ, а Приваловъ остался въ Узлѣ.

Время Привалова теперь дѣлилось между четырьмя пунктами, гдѣ онъ могъ встрѣчаться съ Антонидой Ивановной: въ гостиной Хины, въ домѣ Веревкиныхъ, въ клубъ и, наконецъ, въ домѣ Половодова. Посѣщенія гостиной Хины и клуба были дѣломъ только печальной необходимости, потому-что любовникамъ больше дѣваться было некуда: половодовскій домъ представлялъ несравненно болше удобствъ, но тамъ грозила вѣчная опасность изъ каждаго угла. За то домъ Веревкиныхъ представлялъ всѣ удобства, какихъ только можно было пожелать: Иванъ Яковлевичъ игралъ эту зиму очень счастливо и поэтому почти совсѣмъ не показывался домой, Nicolas уѣхалъ, Алла была вполне воспитанная барышня и, въ качествѣ таковой, смотрѣла на Привалова совсѣмъ невидными глазами, какъ на друга дома, не больше. Сама Агриппина Филиппевна... вообще это была самая странная женщина, которой Приваловъ никакъ не могъ разгадать. Подозрѣвала ли она что-нибудь объ отношеніяхъ донери къ Привалову, и если подозрѣвала, то какъ вообще смотрѣла на связи подобнаго рода—ничего не было извѣстно, и Агриппина Филиппевна неизмѣнно оставалась все той-же Агриппиной Филиппевной, какою Приваловъ видѣлъ ее въ первый разъ. Съ одной стороны, ему было неловко при мысли, что если она ничего не подозрѣваетъ и вдругъ, въ одно прекрасное утро, все раскроется... Привалову впередъ дѣлалось совѣстно, что онъ ставитъ эту добрую мать семейства въ такое фальшивое положеніе. Съ другой стороны, онъ подозрѣвалъ, что только благодаря мудрейшей тактикѣ Агриппины Филиппевны все устроилось какъ-то само собой, и официальные визиты незамѣтно перешли въ посѣщенія друга дома, близкаго человѣка, о кото-

ромъ и въ голову никому не придетъ подумать что-нибудь дурное.

Приваловъ бывалъ въ домѣ Веревкиныхъ чуть не каждый день, быстро освоился съ его оригинальной жизнью и даже открылъ существованіе знаменитаго корридора, гдѣ совершался растительный процессъ дворянскаго дерева Веревкиныхъ. Маленькія дѣти сначала смотрѣли на Привалова въ щели, потомъ въ полуотворенныхъ дверяхъ начали показываться ихъ улыбавшіяся дѣтскія лица и, наконецъ, самая маленькая изъ дѣвочекъ, Бебе, забавно переваливаясь на своихъ пухлыхъ ножкахъ, первая, съ дѣтской довѣрчивостью подошла къ Привалову и сейчасъ-же положила свою курчавую шелковую головку къ нему на колѣни. Приваловъ очень любилъ дѣтей вообще, а маленькихъ дѣвочекъ въ особенности, и всегда былъ очень радъ повозиться съ маленькой Бебе. Впрочемъ, эта дѣвочка, послѣ Аллы и Вадима, была большимъ баловнемъ въ домѣ и пользовалась громадными преимуществами сравнительно съ другими дѣтьми, которыя не были такъ забавны или переживали тотъ неблагоприятный возрастъ, когда онѣ были «ни въ большихъ, ни въ маленькихъ», какъ говорила кормилица Веревкиныхъ. За Бебе показались и другія дѣти: два мальчугана и дѣвочка лѣтъ шести. Последняя научилась уже у сестеръ кокетничать и дѣлать глазки; мальчуганы были проще и быстро сошлись съ Приваловымъ на самую короткую ногу, одолевая его своей дѣтской болтовней и маленькими просьбами показать это, сдѣлать то, помочь такому-то горю.

— Вы совсѣмъ испортите моихъ дѣтей, Сергій Александровичъ, говорила иногда Агрицина Филиппевна, улыбаясь счастливой улыбкой.

Въ минуты ожиданія Половодовой, дѣти являлись для Привалова большимъ развлеченіемъ. Если онъ пріѣзжалъ часамъ къ двѣнадцати, когда Алла пила кофе или разучивала что-нибудь на рояли, Приваловъ выцѣпывалъ съ ней маленькую чашечку и перевортывалъ ноты, когда она садилась за рояль.

— Какъ жаль, что вы не играете, говорила Алла иногда, — мы съ вами могли-бы играть въ четыре руки... Пожалуйста, будьте внимательнѣе: когда я кивну головой — вы сейчасъ-же перевортывайте страницу.

Приваловъ могъ собственнымъ опытомъ убѣдиться въ той простой истинѣ, что въ жизни всякое искусство находить свое

приложеніе, и онъ не разъ чистосердечно пожалѣлъ о томъ, что въ юности не научился играть хоть на скрипкѣ. Играть дуэтъ съ Аллой все-таки было не въ примѣръ интереснѣе, чѣмъ изображать изъ себя жертву откровеннаго дѣтскаго эгоизма и по цѣлымъ часамъ вырѣзывать изъ газетной бумаги апокалипсическихъ звѣрей. Ему иногда казалось, что Алла относится къ нему немного свысока и потихоньку посмѣивается надъ нимъ, когда дѣти откровенно пользовались своимъ правомъ сильного. Сама Алла очень нравилась Привалову не своей наружностью, а тѣмъ, что была вылитый портретъ татап и оставалась всегда загадочной и непроницаемой.

Иногда Алла разспрашивала Привалова о Петербургѣ, о столичныхъ удовольствіяхъ; на щекахъ у нея появлялся слабый румянецъ, глаза темнѣли, и она задумчиво говорила:

— На вашемъ мѣстѣ я никогда не похоронила-бы себя живо въ какомъ-нибудь Узлѣ!..

Странно было то, что эти частыя посѣщенія Привалова Веревкиныхъ приводили въ какое-то бѣшенство Хіонію Алексѣвну. Ей казалось, что Агриппина Филиппевна нарочно отбиваетъ у ней жильца, тогда какъ по всѣмъ человѣческимъ и божескимъ законамъ онъ принадлежалъ ей одной. Между друзьями дѣтства готова была пробѣжать черная кошка, но Антонида Ивановна съ прозорливостью любящей женщины постаралась потушить пожаръ въ самомъ зародышѣ. Она нѣсколько разъ затащила къ себѣ Хіонію Алексѣвну и окружила ее такими любезностями, такимъ вниманіемъ, такъ ухаживала за нею, что Хина, несмотря на свою сорокалѣтнюю опытность, поддавалась искушенію и растаяла. А когда Антонида Ивановна намекнула ей, что вполне рассчитываетъ на ея скромность и постарается не остаться у нея въ долгу, Хина даже прослезилась отъ умиленія.

— Знаете, Антонида Ивановна, я всегда немножко жальла васъ, тронутымъ голосомъ говорила она.—Конечно, Александръ Павлычъ—мужъ вамъ, но я всегда скажу, что онъ гордецъ... Да!.. Воображаю, сколько вамъ приходится терпѣть отъ его гордости.

— Вы ошибаетесь, Хіонія Алексѣвна, пробовала спорить Половодова.—За Александромъ много есть другихъ недостатковъ, но только онъ не гордь...

— Ахъ, не спорьте, ради Бога! Гордецъ и гордецъ!.. Та-

кой-же гордецъ, какъ Бахаревы и Ляховскіе... Вы слышали: старикъ Бахаревъ ѣздилъ занимать денегъ у Ляховскаго—и тотъ ему отказалъ. Да-съ!—отказалъ... Каково это вамъ покажется?

Откуда Хина могла знать, что Ляховскій отказался поручиться за Бахарева—одному Богу извѣстно. По крайней мѣрѣ, ни Ляховскій, ни Бахаревъ никому не говорили объ этомъ.

— Я буду съ вами откровенна, продолжала расходившаяся Хина, заглядывая въ глаза Половодовой.—Вѣдь я васъ знала, топ анге, еще маленько́й дѣвочкой и могу позволить себѣ такую откровенность... Да?

— Говорите...

— Вы никогда не любили своего мужа...

— Но, вѣдь, мы, кажется, и не разыгрывали влюбленныхъ?

— Все это такъ, но человѣческое сердце, въ особенности—женское сердце, Антонида Ивановна... Ахъ, сколько оно иногда страдаетъ совершенно одиноко, и никто этого не подозрѣваетъ. А между тѣмъ, помните у Лермонтова:

А годы проходятъ,—

Все лучшіе годы...

Хіонія Алексѣевна добивалась сдѣлаться повѣрЕННОЙ въ сердечныхъ дѣлахъ Антонида Ивановны, но получила вѣжливы́й отказъ. У Хины вертѣлся уже на кончикѣ языка роковой намекъ, что ей извѣстны отношенія Половодовой къ Привалову, но она во-время удержалась, и осталась очень довольна собой, потому что сказанное слово серебряное, а не сказанное—золотое.

«Еще пригодится какънибудь», утѣшала Хина себя, когда ѣхала отъ Половодова въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Д. Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА.

(Воспоминаніе).

Быль жаркій лѣтній день; лежала предо мной,
Какъ зеркало блестя, равнина океана.
Надъ этой свѣтлою, спокойной глубиной
Не видно было тучъ, ни тѣни, ни тумана.

Казалось, навсегда умолкнула она;
Небесные лучи въ водѣ не трепетали,
Но ихъ слѣпящій блескъ и эта тишина
Тупымъ уныніемъ мнѣ душу наполняли.

Недвижныя суда я видѣлъ вдалекѣ:
Оставили пловцы свой парусъ бесполезный,
И ждали тамъ они, въ томительной тоскѣ,
Охвачены кругомъ опѣпѣвшей бездной...

Я ждалъ, какъ и они, пловцы изъ дальнихъ странъ,
Чтобъ волны двинулись, съ игрою, шумомъ, плескомъ;
Мнѣ грустнымъ кладбищемъ казался океанъ,—
Безмолвный, дремлющій и весь покрытый блескомъ.

На сердцѣ у меня лежалъ тяжелый гнетъ,
Желалъ я, чтобы жизнь вокругъ меня проснулась,
Чтобъ громъ захохоталъ и эта масса водъ,
Теперь недвижимая, тревожно всколыхнулась.

И вдругъ я увидалъ вдали какъ будто тьму,..
Вотъ—туча черная весь горизонтъ покрыла,
И вѣтеръ зашумѣлъ,—затѣмъ, въ отвѣтъ ему,
Со стономъ пробудясь, волна заговорила...

Задвигались суда... Я слушалъ и смотрѣлъ,—
Я очарованъ былъ внезапно пережвѣной,—
Межъ тѣмъ какъ океанъ взволнованный ревѣлъ
И обдавалъ меня и брызгами и пѣной...

Д. Михаловскій.

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Разказъ

Карла Эмиля Францова.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Б., одномъ изъ значительнѣйшихъ городовъ нѣмецко-славянской провинціи сѣверной Австріи, президентомъ суда былъ имперскій баронъ Карлъ Викторъ фонъ-Зендлингенъ, послѣдній потомокъ древняго рода, происходившаго отъ побочной линіи Салическихъ королей. Его предки владѣли когда-то богатыми помѣстьями и копиями по берегамъ Вертскаго озера, но, вслѣдствіе расточительности старыхъ рыцарей, ужь давнымъ-давно отъ бывшихъ богатствъ не осталось ничего, кромѣ ряда громкихъ титуловъ. Раззорившись, Зендлингены поступили на службу къ Габсбургамъ и въ теченіи двухсотъ лѣтъ доставили Австріи много храбрыхъ генераловъ и почти непрерывный рядъ имперскихъ судей. Такимъ образомъ, не смотря на свою бѣдность, они сохраняли достоинство рода, ничѣмъ не уступавшаго богатѣйшимъ землевладѣльцамъ страны, и достаточно было носить имя Зендлингена, чтобы уже съ колыбели получить право на званіе президента одной изъ высшихъ судебныхъ инстанцій.

Однако, даже злая заність должна была признать, что эти наслѣдственные патриціи правоеудіи были достойны своего званія. Въѣстѣ съ высокимъ ростомъ, голубыми глазами и черными вьющимися волосами, въ этой семьѣ изъ рода въ родъ передавались также умъ, энергія и рѣдкая добросовѣстность, иногда граничившая съ самоотверженіемъ. «Законъ выше все-

го», отвѣчалъ первый изъ Зендлингеновъ, поступившій на государственную службу къ Фердинанду Католику, когда король потребовалъ нарушенія въ свою пользу чьихъ-то правъ.

Эти слова стали девизомъ для его потомковъ, и они не измѣняли ему ни въ тяжелые, ни въ свѣтлые дни. Даже въ мрачныя эпохи Зендлингены оставались вѣрными рыцарями правосудія и, насколько хватало ихъ силъ, свято охраняли его величіе.

Особенно прославился въ роли безпристрастнаго и непреклоннаго судьи дѣдъ нашего героя, Карль-Викторъ, сѣмъ-вѣ-шій достигъ такого вліянія и авторитета, какимъ не пользовались даже его предки. Многое удавалось этому человѣку, но самое горячее его желаніе осталось невыполненнымъ: его единственный сынъ, Франць-Викторъ, не наслѣдовалъ высокаго положенія своего отца и умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, не приобрѣта ни извѣстности, ни уваженія. Не то чтобы природа отказала молодому человѣку въ энергіи и способностяхъ,—нѣтъ. Онъ былъ истиннымъ представителемъ своего даровитаго рода, и ему нельзя было отказать ни въ умѣ, ни въ настойчивости, ни въ горячей преданности своей специальності. Но, при самомъ вступленіи въ жизнь, одинъ легкомысленный поступокъ навсегда вооружилъ противъ него отца и родныхъ. Онъ увлекся дочерью привратника въ домѣ отца и добился ея взаимности. Когда обольщенная дѣвушка не могла болѣе скрывать своего позора, она бросилась къ ногамъ старика Зендлингена, умоляя защитить ее отъ гнѣва родителя.

Подавивъ бѣшенство, баронъ позвалъ сына, допросилъ его и тотчасъ-же постановилъ рѣшеніе:

— Въ ближайшее воскресенье вы будете обвиняемы. Легкомысленнымъ можетъ быть даже Зендлингенъ, но негодяемъ—никогда.

Тихо совершилась печальная церемонія, и новобрачные немедленно отправились въ маленькое горное мѣстечко въ Тиролю.

Бракъ Зендлингена съ служанкой, да еще по принужденію, былъ неслыханнымъ скандаломъ, и многіе затруднялись рѣшить, кто изъ двухъ—сынъ или отецъ—погрѣшилъ противъ чести рода. Среди мѣстнаго дворянства подобныя приключенія были не въ диковинку, но они улаживались всегда втихомолку, не нанеся никакого ущерба родословному дереву. Самъ императоръ

Францъ, какъ ни былъ строгъ въ вопросахъ нравственности, выразилъ свое неодобреніе эксцентричному старику, но строгій судья и ему отвѣтилъ тою-же фразой, которою рѣшилъ судьбу сына. Съ неменьшимъ упорствомъ держался огорченный старикъ и за другое свое рѣшеніе: онъ не позволялъ производить при себѣ имени сына, оставляя нераспечатанными письма, которыя привозила изъ Тироля почти каждая почта. Даже на одрѣ смерти упрямый старикъ не допустилъ его къ себѣ.

О молодомъ Зендлингенѣ всѣ постарались забыть, и лишь изрѣдка его знатные родственники, пожимая плечами, сообщали другъ другу о письмахъ изъ Тироля, которыя они возвращали обратно.

Положеніе автора этихъ писемъ было имъ, впрочемъ, извѣстно отъ старой, доброй тетки, которая одна изъ всей семьи не прервала сношеній съ опаснымъ племянникомъ. Онъ сообщалъ о смерти своего перваго ребенка, затѣмъ—о рожденіи мальчика, названнаго имъ по имени дѣда. О женѣ онъ никогда не упоминалъ, но все настоятельно и настоятельно умолялъ перевести его изъ этого проклятаго захолустья и до-ставить мѣсто не съ такимъ нищенскимъ содержаніемъ.

Хотя единственная читательница его писемъ, при всемъ желаніи, ничѣмъ не могла помочь ему, онъ не уставалъ писать, и тонъ этихъ посланій, чѣмъ дальше, становился все отчаяннѣе. Вначалѣ онъ умолялъ о снисхожденіи, подъ конецъ же началъ рѣзко требовать прекращенія враждебныхъ интригъ. Последнія существовали, по всему вѣроятію, только въ его разгоряченномъ воображеніи, потому что сановные родственники мелкаго чиновника также мало думали дѣлать ему зло, какъ и добро. Но его положеніе становилось безвыходнымъ, и долгое время онъ не получалъ даже тѣхъ повышеній, на которыя имѣлъ право въ обыкновенномъ порядкѣ службы. Способный и усердный судья, онъ провелъ десять лѣтъ въ тирольской пустынѣ, пока добился, наконецъ, перевода въ уѣздный городъ.

Но это повышеніе пришло слишкомъ поздно: его силы были уже надломлены и онъ вскорѣ умеръ, потерявъ передъ тѣмъ жену. Последними словами умирающаго была мольба позаботиться о мальчикѣ, которую онъ просилъ передать роднымъ.

Въ этомъ, по всей вѣроятности, не было никакой надобности: и безъ его просьбы сиротѣ было обеспечено то участіе, въ которомъ постоянно отказывали его отцу.

Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ овладѣли какъ побѣднмъ трофеемъ и тотчасъ-же повезли его въ Вѣн^н. Самъ императоръ принялъ участіе въ судьбѣ послѣдняго ^Имужского потомка Зендлингеновъ и помѣстилъ его на собственный счетъ въ терезіанскую академію.

Красивый, стройный мальчикъ уже одними фамиліными чертами серьезнаго личика и раннимъ сходствомъ съ дѣдомъ приводилъ въ восторгъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Заботы о немъ не пропали даромъ. Недѣтская сдержанность и серьезность въ обращеніи, плодъ горькой молодости, соединялись въ немъ съ строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ: онъ, повидимому, чувствовалъ, что ему нужно загладить какой-то не имъ совершенный грѣхъ и самому проложить себѣ дорогу въ жизни. Учился онъ съ величайшимъ усердіемъ. Съ перваго-же года онъ сталъ первымъ ученикомъ въ академіи, потомъ блистательно окончилъ курсъ юридическихъ наукъ и, сдавъ послѣдній экзаменъ, отправился путешествовать. Онъ давно мечталъ познакомиться съ чуждой ему жизнью, своими глазами увидѣть чужія земли, и почти все небольшое состояніе, завѣщанное ему дѣдомъ, онъ потратилъ на путешествія. Когда, едва достигши совершеннолѣтія, онъ возвратился въ Австрію и занялъ мѣсто въ судебномъ вѣдомствѣ, не нужно было особой проникательности, чтобы предсказать молодому Зендлингену быструю и блестящую карьеру. И дѣйствительно, послѣ недолгой службы въ восточныхъ провинціяхъ, онъ былъ переведенъ на значительную судебную должность въ Богеміи и вскорѣ женился на прекрасной, гордой дѣвушкѣ изъ знатнаго графскаго рода. Бракъ оставался бездѣтнымъ, но это не нарушало ихъ семейнаго счастья; къ тому-же служебныя обязанности, къ которымъ Зендлингенъ относился со страстью, и серьезные научные труды до такой степени поглощали его, что не давали чувствовать неполноты его домашней жизни.

Его трактаты по уголовному праву цитировались наравнѣ съ лучшими авторитетами въ этой области, а практическая дѣятельность создала ему репутацію одного изъ сирабѣдливѣйшихъ и проникательныхъ судей въ цѣлой Австріи. — Однако не этимъ чисто профессиональнымъ достоинствамъ обязанъ онъ

былъ тѣмъ уваженіемъ и почетомъ, которымъ пользовался во всей странѣ.

Къ сорока годамъ Зендлингенъ занималъ уже важное мѣсто президента суда въ Б., быстро перешагнувъ тѣ низшія ступени общественной лѣстницы, на которыхъ всю жизнь безсильно бился его несчастный отецъ.

Внезапно разразившаяся буря 1848 года сдѣлала эту должность пробнымъ камнемъ для его гражданского мужества.

Революція была погашена и уступила мѣсто безчисленнымъ политическимъ процессамъ, направленнымъ противъ правыхъ и виновныхъ.

Президентъ Зендлингенъ, членъ древнѣйшаго дворянскаго рода, связанный личной благодарностью съ царствующей династіей и находившійся въ родствѣ съ вожаками реакціи, не былъ въ числѣ малодушныхъ. Какъ во время сумасшедшаго года онъ свободно заявлялъ о своей вѣрности императору, такъ и теперь онъ твердо стоялъ на томъ, что правосудіе не можетъ быть низведено до роли орудія политической мести.

Его положеніе было нелегко. Родня негодовала, жена плакала; изъ Вѣны на него сыпались предостереженія, затѣмъ угрозы; но, не обращая ни на что вниманія, онъ продолжалъ поступать какъ приказывало ему чувство справедливости. Если главы торжествующей реакціи не устроили его, то только потому, что обойтись безъ него было трудно. Судъ присяжныхъ, введенный въ 48 году, былъ снова отмѣненъ, и вся судебная процедура подверглась цѣлому ряду измѣненій, часто противорѣчившихъ другъ другу, что порождало безпорядки, путаницу, подрывало вѣру въ правосудіе. Округъ Б. составлялъ счастливое исключеніе, — его жители, безъ различія партій, видѣли въ президентѣ суда счастливое олицетвореніе справедливости, и потому правительству было крайне невыгодно устраненіе человѣка, поддерживавшаго такъ сильно его авторитетъ.

Въ эпоху, къ которой относится начало нашего разсказа, Зендлингену было уже за сорокъ лѣтъ, хотя на видъ ему нельзя было дать и тридцати-пяти. Его когда-то замѣчательная красота еще сохранилась, принявъ, однако, оттѣнокъ чрезвычайной, почти грустной серьезности. Это объяснялось недавно постигшимъ его несчастіемъ,—смертью жены, хотя люди, ближе его знавшіе, замѣчали, что онъ никогда не обнаруживалъ слишкомъ страстной привязанности къ покойницѣ.

Впрочемъ, самъ Зендлингенъ ни съ кѣмъ не дѣлился своимъ горемъ, кромѣ развѣ Георга Бергера, съ которымъ былъ связанъ почти братской дружбой, несмотря на разницу въ политическихъ убѣжденіяхъ, такъ какъ талантливый адвокатъ былъ однимъ изъ вожаковъ радикальной партіи.

Въ маѣ 1852 года, обычныя занятія Зендлингена были самымъ неожиданнымъ образомъ прерваны лаконическимъ приказаніемъ министра юстиціи—сдать всѣ дѣла вице-президенту Вернеру и въ теченіи трехъ дней явиться въ Вѣну. Извѣстіе объ этомъ приказѣ повело къ самымъ тревожнымъ толкамъ среди жителей Б. Реакція была въ полномъ разгарѣ и всѣмъ невольно приходило въ голову, что противники слишкомъ ужъ независимаго судьи восторжествовали и дѣло идетъ о смѣнѣ Зендлингена, быть можетъ о назначеніи надъ нимъ слѣдствія. Самъ президентъ былъ того-же мнѣнія, и одинъ только Бергеръ увѣрялъ, что по рѣзкости приказа еще нельзя судить о намѣреніяхъ министра, такъ какъ грубость снова вошла въ моду въ высшихъ сферахъ.

Оказалось, что молодой адвокатъ былъ правъ. Министръ призвалъ Зендлингена, какъ опытнаго спеціалиста, для выработки какого-то устава, надъ которымъ ему и пришлось поработать нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что онъ могъ отправиться въ обратный путь не ранѣе начала ноября.

На прощанье министръ, въ видѣ благодарности, объявилъ ему о состоявшемся назначеніи его президентомъ высшаго суда въ П., куда онъ долженъ былъ явиться черезъ четыре мѣсяца.

Это было блестящимъ повышеніемъ въ такіе сравнительно молодые годы, но Зендлингенъ не особенно ему обрадовался: ему жаль было расстаться съ городомъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы жизни и гдѣ встрѣтилъ такую искреннюю симпатію. Это чувство еще болѣе усилилось, когда онъ вѣхалъ въ столь знакомый ему городъ. Жители Б. густой толпой ждали его на вокзалѣ и проводили до его одинокаго жилища, которѣе оказалось украшеннымъ, въ знакъ радости, разноцвѣтными флагами. Не легко было Зендлингену, въ отвѣтъ на поздравленія сослуживцевъ, объявить имъ о скорой разлукѣ. И дѣйствительно, его сообщеніе возбудило всеобщее огорченіе и очень немногіе догадались пожелать ему счастья на новомъ мѣстѣ. Это сдѣлать за нихъ—но за то отъ всей души—старый вице-президентъ Вернеръ, заслуженный, хотя и не особенно спо-

собный чиновникъ, которому удаленіе Зендлингена открывало, наконецъ, дорогу къ президентству.

Сіяя отъ удовольствія, послѣдовала маленькій худощавый старичекъ за своимъ начальникомъ, чтобы отдать ему отчетъ въ судебной дѣятельности за послѣднее полугодье. Вернеръ былъ отъявленнымъ врагомъ всякихъ словесныхъ докладовъ, а потому, кромѣ двухъ списковъ процессовъ гражданскихъ и уголовныхъ, приготовилъ еще длинную промеморію, которую и прочелъ въ видѣ предисловія.

Президентъ терпѣливо выслушалъ продолжительное чтеніе, но когда Вернеръ взялъ въ руки одинъ изъ списковъ, онъ дружески остановилъ его.

— Мы просмотримъ ихъ вмѣстѣ, сказалъ онъ, берясь за уголовный реестръ. Въ немъ подѣ соотвѣтствующими рубриками, были обозначены имена, возрастъ и званіе подсудимыхъ, время совершенія преступленія и начало слѣдствія, а также въ какомъ положеніи находится дѣло въ настоящій моментъ.

— Я не ожидалъ, чтобы у насъ накопилось столько неразобранныхъ дѣлъ, замѣтилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ Зендлингенъ.

— Прошу принять во вниманіе, что и число преступленій сильно возросло, возразилъ въ свое оправданіе Вернеръ; — особенно часты случаи дѣтоубійства.

— Да, вы правы, проговорилъ послѣ нѣкоторой паузы президентъ, перелистывая лежащія передъ нимъ бумаги.

— Число преступленій почти удвоилось не только здѣсь, но и во всемъ королевствѣ. Министръ горько жалуется на это печальное явленіе, сказалъ онъ, окончивъ просмотръ рубрики преступленій.

— Да иначе и не можетъ быть! вскричалъ Вернеръ. — Проклятая революція уничтожила страхъ Божій и дисциплину, развратила нравы! А тутъ еще мягкіе приговоры! Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ не было ни одной смертной казни за дѣтоубійство!

— Къ несчастью, вамъ скоро не придется на это жаловаться, печально сообщилъ Зендлингенъ. — Министръ одного мнѣнія съ вами и желаетъ устрашающихъ примѣровъ. Я, какъ вы знаете, принципиальный врагъ системы устрашенія, но на этотъ разъ меня огорчаетъ не одно только торжество

ложнаго принципа. Я убѣжденъ, что дѣтоубійство менѣе всѣхъ другихъ социальныхъ болѣзней можетъ быть вылечено рукою палача. Причина его усиленія лежитъ вовсе не тамъ, гдѣ вы ее видите, а въ обѣднѣнн, въ шаткости всѣхъ общественныхъ отношеній, въ томъ одичаніи, которое всегда является печальнымъ послѣдствіемъ всякой продолжительной войны. Лучшими докторами тутъ были-бы: политико-экономы, священники, учителя... Вѣдь не случаются-же подобныя преступленія въ образованной средѣ...

— Извините, случаются! вѣско возразилъ Вернеръ. — Какъ разъ на завтра назначено дѣло дѣтоубійцы, которая ужъ навѣрно образована. Она была гувернанткой въ графскомъ домѣ. Вотъ взгляните: № 19.

Онъ указалъ пальцемъ мѣсто въ реестрѣ.

Произошло нѣчто ужасное...

Едва Зендлингенъ взглянулъ на указанное имя, какъ изъ груди его вырвался крикъ, дикій крикъ смертельнаго ужаса. Лицо помертвѣло и исказилось, неестественно открытые глаза остановились будто прикованные къ роковой строчкѣ.

— О, Господи! вскричалъ испуганный Вернеръ, хватая руку своего начальника. — Что съ вами? Развѣ вы знаете эту дѣвушку?

Президентъ не отвѣчалъ.

Опершись руками о столъ, онъ старался оправиться, но члены отказывались повиноваться ему, и онъ бессильно опустился въ кресло.

— Воды!.. Помогите!.. закричалъ Вернеръ и хотѣлъ броситься къ колокольчику.

— Не беспокойтесь, это пройдетъ, съ усиліемъ произнесъ онъ поблѣднѣвшими губами. — Это припадокъ, болѣзнь сердца... Въ послѣднее время она очень усилилась.

— Скажите!? А я и не подозрѣвалъ о вашей болѣзни! вскричалъ старикъ съ искреннимъ участіемъ. — А что говорятъ врачи?

Опять не послѣдовало никакого отвѣта.

Блѣдный, весь разбитый, лежалъ Зендлингенъ въ креслѣ, опустивъ голову на грудь и закрывъ глаза. Когда-же онъ открылъ ихъ на мгноенье, Вернеръ встрѣтилъ такой потерянный, отчаянный взглядъ, что невольно попятился.

— Не позвать-ли врача?

— Нѣтъ! нѣтъ! почти запальчиво вскричалъ президентъ. Но, быстро опомнившись, онъ снова сдѣлалъ надъ собой усиліе и тихимъ, ровнымъ голосомъ проговорилъ:

— Очень вамъ благодаренъ. Я кажется напугалъ васъ?.. теперь мнѣ лучше... скоро совсѣмъ поправлюсь.

— Вамъ-бы слѣдовало идти къ себѣ и прилечь немного, посоветывалъ Вернеръ.

— Зачѣмъ? Я отдохну съ полчаса въ этомъ креслѣ, а затѣмъ снова буду къ вашимъ услугамъ, любезный коллега.

Вернеръ медленно удалился, — онъ тоже былъ искренно преданъ Зендлингену.

Черезъ нѣсколько минутъ вся канцелярія съ живѣйшимъ безпокойствомъ перешептывалась о странномъ припадкѣ, а Вернеръ въ десятый разъ повторялъ авторитетнымъ тономъ:

— Ни о какомъ виѣшнемъ поводѣ не можетъ быть и рѣчи, господа — просто не можетъ быть и рѣчи. Мы преспокойно разсуждали о дѣлахъ, и вдругъ — припадокъ. Тутъ серьезная, болѣзнь сердца, господа! — очень серьезная!

Между тѣмъ, лишь только затворилась дверь, президентъ снова взялся за реестръ и сталъ смотрѣть на 19-й № съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто въ этой графѣ былъ записанъ его смертный приговоръ.

Въ дѣйствительности-же подъ нимъ значилось слѣдующее: «Викторина Липпертъ. Родилась 25-го января 1834 года. Мѣсто рожденія: Радауцъ въ Буковинѣ. Гувернантка. Дѣтоубійство. Дѣло передано изъ Г. 17-го іюня 1852 года. Созвалась. Судебное разбирательство назначено на 8-е ноября 1852 года».

Въ графѣ для обозначенія приговора оставалось пустое мѣсто.

— Смерть, прошептала Зендлингенъ.

— Смерть! повторилъ онъ громко, и дрожь пробѣжала по его тѣлу.

— О, Боже! стоналъ онъ, закрывъ руками искаженное страданіемъ лицо. — Я не могу допустить ея смерти! Кровь ея возошетъ противъ меня...

Онъ снова придвинулъ къ себѣ бумагу и сталъ смотрѣть на роковыя строчки такимъ робкимъ и умоляющимъ взглядомъ, какъ будто надѣялся, что заклятыя силою его желанія буквы вдругъ исчезнутъ или измѣнятся.

Колоколь, пробившій полдень на сосѣдней церкви, внезапно вырвалъ его изъ этого оцѣпенѣнiя.

Онъ поднялся, постарался придать своему лицу обычное, спокойное выраженiе и вошелъ въ комнату вице-президента.

— Видите, сказалъ онъ, — я сдержалъ слово и опять готовъ приняться за работу. Есть-ли у насъ какiя-нибудь безотлагательныя дѣла?

— Только одно, отвѣчалъ Вернеръ. — Дисциплинарный совѣтъ ждалъ вашего возвращенiя, чтобы постановить рѣшенiе по одному важному дѣлу.

— Такъ созовите совѣтъ сегодня къ пяти часамъ.

Онъ обошелъ и другiя палаты, отвѣчая на озабоченные вопросы служащихъ, что все прошло и онъ чувствуетъ себя какъ нельзя лучше. Затѣмъ, черезъ длинный корридоръ направился къ своей квартирѣ, находившейся въ отдѣльномъ фасадѣ огромнаго дома.

Его походка была тверда, лицо хотя и блѣдно, но спокойно. Только отдавъ слугѣ приказанiе не впускать никого, даже Бергера, и затворивъ за собою дверь рабочаго кабинета, онъ бросился въ кресло и, не сдерживаясь болѣе, предался своему отчаянiю.

Наконецъ онъ поднялся, шатаясь подошелъ къ своему письменному столу и началъ искать что-то въ потайномъ ящикѣ.

— Я ужъ забылъ, куда положилъ ихъ... прошепталъ онъ. — Старая исторiя давно не вспоминалась... только Богъ не забылъ ее!

Наконецъ, онъ нашелъ небольшую пачку старыхъ, пожелтѣвшихъ писемъ, перевязанныхъ тонкимъ шнуркомъ. Когда пачка была развязана, изъ нея выпалъ маленькiй акварельный портретъ въ серебряной рамкѣ, изображавшiй молоденькую бѣлокурую дѣвушку съ кроткими сѣрыми глазами и милостивымъ личикомъ.

Воспаленный взглядъ Зендлингена вдругъ увлажился и двѣ крупныя капли слезъ скатились по его щѣкамъ.

Развернувъ исписанные листки, онъ началъ перечитывать ихъ одинъ за другимъ. Это были длинныя письма: предпоследнее занимало цѣлыхъ два почтовыхъ листа, и его-то именно Зендлингенъ перечитывалъ всего внимательнѣе; едва

окончивъ, снова начиналъ читать, и съ каждымъ разомъ оно волновало его все сильнѣе и сильнѣе.

— И я, несчастный, могъ остаться глухъ къ такому чувству! вскричалъ онъ, хватаясь за голову. Последнее письмо было самое короткое.

«Ты, конечно, и самъ не надѣялся, что я возьму твой подарокъ...» читалъ онъ въ полголоса.. «Я не проклинаю тебя, — напротивъ, я горячо желаю, чтобы, по крайней мѣрѣ, не напрасно принесъ ты меня въ жертву...»

Онъ сложилъ письма и началъ ихъ связывать, потомъ снова развернулъ и опять погрузился въ печальное чтеніе.

Стукъ въ дверь прервалъ его; экономка пришла сказать, что поданъ обѣдъ. Это была честная, старая дѣвушка, фрейленъ Бригита, съ которой президентъ обращался обыкновенно очень ласково. На этотъ разъ онъ лаконически пробормоталъ: «Послѣ!» и вовсе не отвѣтилъ на вопросъ о здоровьѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ однако одумался.

— Боже избави, если я заболѣю! проговорилъ онъ про себя. — Надо сохранить всѣ силы... ихъ понадобится очень много...

Онъ пошелъ въ столовую, принудилъ себя съѣсть нѣсколько ложекъ супа и жадно выпилъ стаканъ рейнвейна. Прислуживавшій за обѣдомъ старый Францъ снова наполнилъ его, угрюмо смотря въ сторону.

— Гдѣ фрейленъ Бригита? спросилъ президентъ.

— Плачетъ, сердито отрѣзалъ старикъ.

— Отчего?

— Извѣстно отчего! Мы съ ней не привыкли къ такимъ порядкамъ... Хорошо вы съ нами обращаетесь, нечего сказать! Вы больны и, ни слова не сказавъ своимъ старымъ слугамъ, идете въ должность, а тамъ съ вами дѣлается припадокъ...

— Францъ!

— Дѣлается припадокъ, упрямо повторилъ старикъ, а вы, вмѣсто того, чтобы послать за докторомъ, запираетесь у себя въ комнатѣ и мучаетесь тамъ одинъ-одинешенекъ, какъ раненый олень.

Въ голосѣ слуги слышались слезы.

— Мнѣ стало лучше, Францъ, успокоивалъ его президентъ.

— Точно я не слышала, какъ вы стонали! возразилъ старикъ тономъ горькой укоризны.—А съ какихъ это поръ заведено не принимать доктора Бергера?

— Развѣ онъ приходилъ?

— Приходилъ и сказалъ, что по очень важному дѣлу. Долго не хотѣлъ вѣрить, что вы не приказали его пускать... А вотъ теперь не ѣдите ничего! вскричалъ Францъ, почти всхлипывая, когда Зендлингенъ всталъ изъ-за стола.—Да что съ вами случилось? Ужь не привидѣлось-ли вамъ чего?

— Нѣтъ, мнѣ привидѣлся только старый ворчунъ, пошутить Зендлингенъ, дѣлая попытку улыбнуться.— Ну, не сердись на меня, старина! добавилъ онъ ласково, направляясь въ кабинетъ.

— Францъ правъ, бормоталъ онъ про себя,—я дѣйствительно увидѣлъ привидѣніе,—очень старое привидѣніе, называемое Немезидой!

Взглядъ его случайно упалъ на большой стѣнной календарь: «седьмого ноября тысяча восемьсотъ пятьдесятъ второго года», прочелъ онъ вслухъ.—Боже мой! въ этотъ самый день...—Онъ не докончилъ, провелъ рукою по лбу, какъ-бы стараясь собраться съ мыслями, и позвонилъ.

— Принесите акты уголовныхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ три ближайшія засѣданія, приказалъ онъ вошедшему сторожу.

Черезъ нѣсколько минутъ посланный возвратился съ двумя толстыми кипами бумагъ.

— Честь имѣю доложить, сказалъ онъ вытянувшись по военному,—что въ канцеляріи имѣются только дѣла назначенныя на девятое и десятое ноября; дѣло-же Викторины Липпертъ, назначенное на завтра, взято къ себѣ на домъ ея защитникомъ, Георгомъ Бергеромъ.

— Обвиняемая сама выбрала его защитникомъ? спросилъ Зендлингенъ.

— Нѣтъ, господинъ президентъ, она отказалась отъ защитника. Она, говорятъ, сама желаетъ смерти. Г-нъ вице-президентъ назначилъ ей защитникомъ г-на Краусгофера, а когда тотъ третьяго дня заболѣлъ, замѣнилъ его Бергеромъ. Теперь акты у него: не прикажете-ли сходить за ними?

— Нѣтъ—не нужно. Можете идти.

Сторожъ ушелъ.

— Несчастливая, сама желаетъ смерти! проговорилъ про себя Зендлингенъ.

Ужасные образы вставали въ его воображеніи, беспорядочно мѣняя другъ друга, но измученный, обезсилѣвшій мозгъ не находилъ уже ни одной ясной, отчетливой мысли. Онъ смутно чувствовалъ, будто бродить въ глубокой тѣмѣ, не находя выхода, между тѣмъ какъ каждое мгновеніе этого бесплоднаго блужданія можетъ стоить человѣческой жизни. Но тутъ онъ вдругъ вспомнилъ о Бергерѣ, и на мгновеніе въ душѣ его блеснулъ лучъ свѣта. Лучшаго защитника она не могла найти.

— А что, если я скажу ему, что она мнѣ... но не докончивъ мысли, онъ отрицательно покачалъ головою.

— Нѣтъ, не могу! прошепталъ онъ, пугливо озираясь вокругъ: — даже ему не могу я сказать этого! Да и къ чему, и безъ того Бергеръ сдѣлаетъ все, что будетъ въ его силахъ.

Но что можетъ онъ сдѣлать? Старые судьи, не привычные къ словесному разбирательству, считаютъ защиту пустой формальностью и постановляютъ свой приговоръ на основаніи актовъ судебного слѣдствія, что-бы тамъ ни толковалъ адвокатъ. Зендлингенъ вдругъ вспомнилъ свой утренній разговоръ съ Вернеромъ о дѣтоубійствѣ... И если-бы даже старый чиновникъ былъ способенъ на снисхожденіе, то теперь, узнавъ мнѣніе министра, онъ будетъ безпощаденъ...

— И я-же, несчастный, сказалъ ему объ этомъ! съ отчаяніемъ прошепталъ Зендлингенъ.

Снова на его лицѣ появилось выраженіе почти безумной тоски, и онъ забѣгалъ по комнатѣ, ломая руки.

Вдругъ онъ остановился, его лицо поблѣднѣло, брови сдвинулись, губы крѣпко сжались. Казалось, въ немъ зародилась новая, еще неясная, но глубоко поразившая его мысль.

— Да, прошепталъ онъ, — это было-бы спасеніемъ. Если завтрашній приговоръ не будетъ превышать кратковременнаго заключенія, то, даже въ случаѣ аппеляціи прокурора, высшіе суды не измѣнятъ его на смертную казнь.

Онъ медленно подошелъ къ окну и сталъ глядѣть въ него.

Раннія тѣни осенняго вечера уже сгустились на дворѣ. Одно изъ оконъ противоположнаго дома внезапно освѣтилось, и сквозь незавѣшенные стекла онъ увидѣлъ, какъ въ комнату вошла молодая женщина съ зажженной лампой въ рукѣ и

поставила ее на рабочій столъ своего мужа, слегка коснувшись губами его головы.

Зендлингенъ, казалось, внимательно смотрѣлъ на эту картину, различая и каждый предметъ въ комнатѣ, и веселыя лица молодой парочки. Онъ даже произнесъ ихъ имена, такъ какъ зналъ обоихъ, но все это дѣлалось безсознательно, мысль-же помимо его воли продолжала усиленно работать.

— И что-же удерживаетъ меня? думалъ онъ. Никто не знаетъ моихъ отношеній къ ней... Никто даже не догадается... Я имѣю полное право, и удача несомнѣнна... Конечно, придется пережить трудные часы, но не во мнѣ тутъ дѣло. — Онъ вдругъ очнулся, и дрожь пробѣжала по его членамъ. — Никто не знаетъ твоихъ отношеній, да ты-то знаешь ихъ! прошепталъ онъ съ укоромъ. Это противно закону... Я замышляю преступленіе.

— О, Боже, простоналъ онъ, помоги мнѣ! Просвѣти мой умъ! Неужели спасти ее, хотя и незаконнымъ средствомъ, преступнѣе, чѣмъ смотрѣть, сложа руки, какъ ее отдадутъ палачу? Неужели это не противно волѣ милосерднаго Бога? Неужели моя честь должна мнѣ быть дороже ея жизни?

Онъ упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками.

— Но дѣло идетъ не только о моей чести, а о нарушеніи правосудія, того что для меня, судьи, должно быть священнѣе всего на свѣтѣ... О, Боже, смилуйся надо мною!

Въ дверь кто-то постучался, сперва тихо, потомъ погромче, — охваченный своимъ горемъ, онъ ничего не слышалъ. Наконецъ дверь отворилась.

— Господинъ президентъ! громко окликнулъ его Вернеръ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ Зендлингенъ, быстро приподнимаясь.

— Въ потьмахъ? удивился старикъ. Я уже думалъ, что вы забыли о своемъ распоряженіи созвать къ пяти часамъ господъ совѣтниковъ... Ну что, какъ ваше здоровье?

— Я здоровъ, благодарю васъ... Я просто задумался и забылъ зажечь свѣчи... Идемте!

— Не позволите-ли вы мнѣ обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ... или, вѣрнѣе, просьбой... началъ занскивающимъ тономъ старый чиновникъ, приближаясь къ Зендлингену. — Мнѣ сказали въ канцеляріи, что вы освѣдомлялись о завтрашнемъ дѣлѣ. Не пожелаете-ли вы взять на себя предсѣдательство?

Отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ.

— Я недостаточно знакомъ съ этимъ дѣломъ, сказала, наконецъ, президентъ нетвердымъ голосомъ.

— О! дѣло самое простое: достаточно прочесть обвинительный актъ, чтобы съ нимъ познакомиться. Если прикажете, я сейчасъ распоряжусь послать за нимъ къ адвокату... Я не осмѣлился-бы обезпокоить васъ своей просьбой, еслибъ не одно семейное обстоятельство... Я самъ... гм... гм... Я только что узналъ, что моя дочь... гм... ожидаетъ одного счастливаго событія, и не позже, какъ завтра-же. Конечно, это не избавляетъ меня отъ обязанности, но... разсчитывая на вашу доброту...

• Сердце Зендлингена усиленно билось и голосъ дрожалъ, когда онъ отвѣтилъ:

— Хорошо, я буду предсѣдательствовать.

Они вышли въ освѣщенный корридоръ.

— Вы, однако, ужасно блѣдны! вскричалъ Вернеръ, съ безпокойствомъ взглянувъ на своего начальника.— У васъ совсѣмъ больное лицо, а я еще навязалъ вамъ на завтра новую заботу!

— Это ничего не значить, нетерпѣливо возразилъ президентъ.— Скажите, какое дѣло назначено на сегодня? спросилъ онъ, послѣ небольшой паузы.

— Вамъ будетъ непріятно узнать объ этомъ дѣлѣ, г. президентъ. Какъ мнѣ помнится, вы тоже были хорошаго мнѣнія объ адъюнктѣ Гербихъ. Къ несчастію, онъ дозволилъ себѣ грубѣйшія злоупотребленія по должности.

— Какого рода?

— Въ денежномъ дѣлѣ, наскоро отвѣтилъ Вернеръ и позвалъ служителя, чтобы дать ему порученіе къ адвокату.

Они вошли въ залу, гдѣ ихъ ожидали уже остальные члены суда. Президентъ открылъ засѣданіе и предоставилъ слово докладчику. Изъ обстоятельствъ дѣла выяснилось, что мать Гербиха довѣрила, по совѣту сына, весь свой небольшой капиталецъ его пріятелю, молодому коммерсанту, пользовавшемуся самой лучшей репутаціей. Смутныя времена разстроили постепенно дѣла этого человѣка, но Гербихъ не подозрѣвалъ этого и былъ пораженъ, когда въ его бюро явился повѣренный одной фабрики и, представивъ законныя доказательства, потребовалъ открытія конкурса на имущество его

пріятеля. Въмѣсто того, чтобы тотчасъ-же приступить къ исполненію своей обязанности, молодой человѣкъ бросился къ своему другу и упросилъ его немедленно уплатить долгъ матери. Уже получивши деньги, онъ возвратился въ свое бюро и приготовилъ открытіе конкурса.

Однако, кредиторы, интересы которыхъ были нарушены поступкомъ Гербиха, пронохали въ чемъ дѣло, и вина молодого человѣка была обнаружена. Его тотчасъ-же устранили отъ должности, не подвергнувъ, однако, аресту. Узнавъ объ обвиненіи брата, его сестра внесла въ конкурсное управление всю полученную матерью сумму, такъ что матеріальные убытки кредиторовъ были вознаграждены. Тѣмъ не менѣе, докладчикъ требовалъ примѣненія всей строгости законовъ: отрѣшенія отъ должности и преданія уголовному суду молодого чиновника.

По окончаніи чтенія, президентъ поставилъ суду вопросъ: желаетъ-ли онъ выслушать обвиняемаго? Это было не обязательно, и докладчикъ, вотировавшій первымъ, далъ отрицательный отвѣтъ. Сидѣвшій съ нимъ рядомъ, баронъ Дернегъ, человѣкъ съ мягкимъ характеромъ и широкой добродушной физиономіей, выразилъ желаніе выслушать Гербиха. Изъ двухъ остальныхъ членовъ суда одинъ присоединился къ мнѣнію докладчика, другой сталъ на сторону Дернега, и такимъ образомъ рѣшающій голосъ остался за президентомъ.

Онъ, повидимому, колебался и, наконецъ, произнесъ глухимъ голосомъ:

— Мнѣ кажется болѣе человѣчнымъ и справедливымъ выслушать несчастнаго. Быть можетъ...

Онъ не dokonчилъ и сдѣлалъ распоряженіе позвать Гербиха, находившагося въ зданіи суда. Черезъ минуту молодой человѣкъ вошелъ въ залу.

Яркая краска залила его блѣдное нервное лицо, когда онъ приблизился къ судьямъ и жалостливый Дернегъ послѣднимъ предложилъ ему сѣсть.

Президентъ обратился къ обвиняемому съ обычнымъ вопросомъ: что имѣетъ онъ сказать въ свою защиту?

Молодой человѣкъ заговорилъ, — вначалѣ безсвязно, безпрестанно обрываясь и путаясь, но понемногу онъ овладѣлъ собою.

— Моя сестра, говорилъ онъ, — только что передъ этимъ была помолвлена съ офицеромъ. Деньги предназначались на

внесене залога, безъ чего они не могли повѣнчаться... Счастье сестры зависѣло отъ этого... Я ни минуты не думалъ о преступности моего поступка... я думалъ только о томъ, что сестра не должна пострадать по моей винѣ. Сопротивленіе моего пріятеля заставило меня опомниться. Я постарался успокоить и его и себя всякими софизмами, напирая на ничтожность суммы сравнительно съ общей суммой его долговъ; доказывалъ, что каждый кредиторъ постарался-бы на моемъ мѣстѣ сдѣлать то-же самое. Его-то я убѣдилъ, но самъ, уходя отъ него, уже отлично зналъ, что совершилъ преступленіе...

Онъ остановился на минуту, и когда снова заговорилъ, его голосъ былъ твердъ и громокъ.

— Я преступникъ, конечно, — но моя совѣсть говорить мнѣ, что изъ двухъ преступленій я выбралъ меньшее. Оно не принесло плода,—моя сестра все-таки пожертвовала своимъ счастьемъ, но и теперь я такъ-же смотрю на свой поступокъ, какъ и тогда. Счастливъ тотъ, кому не приходилось разрываться между двумя обязанностями, но если это случится съ нимъ, онъ поступитъ такъ-же, какъ поступилъ и я, если только въ его груди бьется человѣческое сердце... Больше мнѣ сказать нечего; мое безупречное прошлое извѣстно вамъ такъ-же хорошо, какъ и мнѣ.

Глубокое молчаніе послѣдовало за этими словами.

Президентъ долженъ былъ отпустить подсудимаго или предложить ему новый вопросъ, но онъ молчалъ и, какъ потерянный, смотрѣлъ прямо передъ собою.

Между судьями началось движеніе, заставившее, наконецъ, Зендлингена опомниться.

— Вы можете удалиться, обратился онъ къ подсудимому.

Начались жаркія пренія. Президентъ молчалъ, а голоса остальныхъ судей раздѣлились по-ровну между двумя противоположными мнѣніями.

Баровъ Дернегъ и одинъ изъ судей стояли за простую отставку Гербиха и прекращеніе дѣла, тогда какъ докладчикъ и Вернеръ требовали преданія его уголовному суду. «Исторія надѣлала шуму, говорили они,—и достоинство правосудія требуетъ примѣрнаго наказанія».

Рѣшающій голосъ снова остался за президентомъ.

— Желательно, господа, сказалъ онъ, чтобы нашъ приговоръ былъ постановленъ единогласно. Быть можетъ, вы легче

придете къ соглашенію, если переговорите между собою безъ стѣсненія. Я прерываю засѣданіе.

Онъ отошелъ къ окну и прижалъ свой пылающій лобъ къ холодному стеклу.

Время шло. Обѣ стороны упорно отстаивали свои мнѣнія, и было очевидно, что никакое соглашеніе невозможно. Когда президентъ подошелъ къ столу, чтобы возобновить засѣданіе, на его лицѣ выражалась твердая, безповоротная рѣшимость.

— Я присоединяюсь къ мнѣнію барона Дернега, сказалъ онъ громкимъ и спокойнымъ голосомъ.—Достоинство правосудія не нуждается въ чрезмѣрно строгихъ приговорахъ; простая отставка будетъ достаточнымъ наказаніемъ за ошибку...

Несмотря на все свое уваженіе къ президенту, Вернеръ не могъ не выразить на своемъ лицѣ глубокаго изумленія.

Зендлингенъ замѣтилъ это.

— Да, тутъ была ошибка, повторилъ онъ съ удареніемъ.—Кто въ состояніи войти въ положеніе этого несчастнаго, почувствовать ту борьбу, которую онъ долженъ былъ вынести, тотъ пойметъ, что тутъ дѣйствительно былъ выборъ между двумя преступленіями. Онъ ошибся лишь въ томъ, что большее преступленіе принялъ за меньшее... Я никогда не былъ слѣпымъ поклонникомъ девиза: «Fiat justitia et pereat mundus». Я признаю, что только судья долженъ дѣйствовать по закону и праву, хотя-бы отъ этого разорвалось его собственное сердце! Но тутъ, повторяю, была ошибка, и отставка будетъ совершенно достаточнымъ за нее наказаніемъ.

Онъ подошелъ къ Вернеру.

— Извините меня, но я долженъ взять назадъ свое слово относительно завтрашняго засѣданія: — я дѣйствительно не совсѣмъ здоровъ.

— Ахъ какъ жаль!.. Впрочемъ, если вы дѣйствительно не можете...

— Нѣтъ не могу! Добрый вечеръ, господа!

Онъ пошелъ къ себѣ домой; старикъ Францъ отворилъ ему дверь и съ озабоченнымъ видомъ проводилъ до кабинета.

— Ты можешь идти, Францъ, сказалъ президентъ,—и прошу никого не принимать.

— А если придетъ докторъ Бергеръ?

— Бергеръ?—Онъ отрицательно покачалъ головою, но по-

томъ, вдругъ передумавъ, отдалъ приказаніе принять адвоката.

Старикъ медленно удалился, и президентъ остался одинъ. Но не прошло и десяти минутъ, какъ въ передней послышался знакомый голосъ, и въ кабинетъ вошелъ Бергеръ съ толстой связкой бумагъ подъ мышкой.

— Ну, что? громко заговорилъ онъ еще съ порога. — Должно быть поправился, если думаешь завтра предсѣдательствовать. Вотъ и акты.

Онъ положилъ бумаги на столъ и крѣпко пожалъ протянутую руку.

— У меня точно гора съ плечъ съ тѣхъ поръ, какъ ко мнѣ пришли за этими бумагами, сказалъ онъ, садясь. — Во-первыхъ, я понялъ изъ этого, что твоя болѣзнь не серьезна, а во-вторыхъ, цѣль моего утренняго визита оказалась достигнутой.

— Такъ ты приходилъ за этимъ?

Открытое и доброе лицо адвоката сдѣлалось очень серьезно.

— Да, Викторъ, я приходилъ не за тѣмъ только, чтобы поздороваться съ тобою. Въ интересахъ самого правосудія, я считалъ необходимымъ обратить твое вниманіе на завтрашнее дѣло. Старый Вернеръ не можетъ быть судьей этой дѣвушки. Бываютъ случаи, когда смертный приговоръ, постановленный по буквѣ закона, почти равняется судебному убійству. Надѣюсь, ты не будешь оспаривать этихъ словъ, такъ какъ самъ-же и написалъ ихъ. Ну, такъ вотъ, если предоставить Вернеру судить мою клиентку, то будетъ совершенно судебное убійство. Это именно такой случай.

Зендлингенъ молчалъ.

— Расскажи мнѣ обстоятельства дѣла, сказалъ онъ, наконецъ, глухимъ голосомъ.

— Что съ тобой? Ты, кажется, охрипъ? Должно быть простудился дорогой, замѣтилъ адвокатъ. — Такъ ты хочешь знать обстоятельства дѣла?

Онъ усѣлся поспокойнѣе въ своемъ креслѣ.

— Это самая обыкновенная, хотя и очень печальная и трогательная исторія. Такъ слушай-же внимательно... Викторина Липпертъ сама дитя любви и не знаетъ, кто былъ ея отецъ. Даже въ бумагахъ, оставшихся послѣ матери, она не нашла ни малѣйшаго намека на это. Ея мать, Гермина Лип-

перть, служила прежде гувернанткой, потомъ жила уроками музыки. Повидимому, это была очень хорошая женщина, нѣжно заботившаяся о своей дочери. Чтобы не умереть съ голоду вмѣстѣ съ ребенкомъ, ей пришлось выдавать себя за вдову въ Штейермартѣ, гдѣ она нашла себѣ пріютъ. Однако, этотъ невинный обманъ былъ открытъ, и бѣдной женщиной пришлось уѣхать изъ города и остаться безъ всякихъ средствъ къ существованію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ей удалось, однако, найти мѣсто компаньонки у одной сострадательной дамы въ Пештѣ. Но свою дѣвочку она не могла уже держать при себѣ и помѣстила ее въ пансіонъ въ Грацѣ. Имъ удавалось видѣться всего разъ въ годъ, но взаимная привязанность отъ этого не ослабѣвала. Викторина училась прилежно, была очень серьезна и развита для своихъ лѣтъ. Она знала, что должна будетъ сама зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, и готовилась къ своей тяжелой долѣ. Къ несчастію, эта печальная необходимость явилась слишкомъ рано. Дѣвочкѣ не было пятнадцати лѣтъ, когда умерла ея мать. Нѣсколько времени добрая дама изъ Пешта, у которой она жила послѣднее время, платила за сиротку, но скоро Викторинѣ пришлось самой о себѣ заботиться. Благодаря прекрасному аттестату, выданному ей изъ пансіона, она получила мѣсто гувернантки у вдовствующей графини Риснеръ-Грасковицъ изъ Грасковица, близъ Г. Ей было поручено воспитаніе двухъ маленькихъ племянницъ графини, и она прекрасно выполняла свою обязанность и умѣла даже ладить съ хозяйкой, несмотря на ея жесткій нравъ и неимовѣрную скупость. Въ іюнѣ прошлаго года въ замокъ пріѣхалъ графъ Генрихъ, единственный сынъ графини...

Зендлингенъ глубоко вздохнулъ и поднялъ руку ко лбу.

— Ты догадываешься, что произошло, продолжалъ адвокатъ.— Оно и не трудно... Молодой графъ только что окончилъ курсъ наукъ, а въ сентябрѣ долженъ былъ отправиться въ Мюнхенъ, чтобы начать тамъ свою дипломатическую карьеру. Въ ожиданіи этого, ему предстояло проскучать въ уединенномъ замкѣ, и совершенно понятно, что, для развлеченія, онъ вздумалъ поухаживать за молоденькой и очень хорошенькой гувернанткой. Дѣло началось, какъ водится, со страстныхъ писемъ, полныхъ признаній въ любви. Я завтра прочту нѣсколько отрывковъ, въ которыхъ дѣло доходитъ даже до предложенія руки и серд-

ца. Небольшого труда стоило ему обмануть семнадцати-лѣтнюю дѣвочку. Пропускаю подробности: такія исторіи слишкомъ обыкновенны...

— Да, слишкомъ обыкновенны! машинально повторилъ Зендлингенъ, хватаясь за голову.

— Благородный графъ раньше самой дѣвушки догадался, что она стала матерью, и, во избѣжаніе неприятностей, поспѣшили убраться какъ можно подалеже, выхлопотавъ себѣ назначеніе въ Петербургъ. Вскорѣ одна еердобольная горничная объяснила бѣдняжкѣ ея положеніе, утѣшала ее въ ея безграничномъ горѣ и помогала одѣваться такимъ образомъ, чтобы какъ можно дольше скрывать свое положеніе. На мольбы о помощи, обращенныя къ возлюбленному, отвѣта не получалось... Наконецъ, пришло письмо,—я и его прочту завтра,—въ которомъ негодяй запрещаетъ ей писать къ себѣ и даже грозить полиціей. Одновременно съ этимъ письмомъ старой графинѣ сдѣлалось извѣстно положеніе Викторины.

Жестокая старуха отдала своимъ лакеямъ возмутительное приказаніе немедленно-же выбросить безпомощное существо за ворота замка. Я увѣренъ, что чувство оскорбленной нравственности тутъ было не причеиъ,—она просто боялась издержекъ, сопряженныхъ съ родами.

Была темная, сырая и холодная апрѣльская ночь. Дрожая отъ страха и лихорадки, несчастная поплелась въ ближайшую деревню, но не дошла до нея... На слѣдующее утро крестьяне изъ Грасковица нашли ее въ лѣсу, безъ чувствъ... и рядомъ съ нею ея мертваго ребенка.

Президентъ простоиалъ.

— Тебѣ жалъ несчастной дѣвушки? спросилъ Бергеръ.

— Да, нельзя не пожалѣть ее, продолжалъ онъ, не дождавшись отвѣта.—Крестьяне отвесли ее въ деревню и дали знать въ Г. На слѣдующій день явилась слѣдственная коммисія и констатировала, что ребенокъ былъ задушенъ. Допросить предполагаемую убійцу не было возможности,—она лежала въ бреду и врачъ предсказывалъ ея близкую смерть... Къ несчастью, судьба рѣшила преслѣдовать ее до конца: она выздоровѣла.

Адвокатъ остановился и нѣсколько минутъ сидѣлъ молча.

На допросахъ она показала, снова началъ онъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—что въ ту ужасную ночь, из-

мученная нечеловѣческими страданіями, покинутая Богомъ и людьми она хотѣла убить себя и ребенка, но не помнитъ, когда и какимъ образомъ совершила преступленіе. Я убѣжденъ, что это не заpiresательство, а чистая правда, также, какъ и ея признаніе, что только полная потеря силъ и головокруженіе помѣивали самоубійству. Что ты объ этомъ думаешь?

Президентъ не отвѣчалъ.

— Неправда-ли, все, что она говоритъ, очень вѣроятно? повторилъ свой вопросъ адвокатъ.

— Да... конечно, очень... пробормоталъ Зендлингенъ.

— Почти все, что я рассказалъ тебѣ, продолжалъ Бергеръ, находится въ актахъ слѣдствія, и уже этого одного было достаточно, чтобы возбудить во мнѣ горячее состраданіе. А теперь, когда я узналъ ее лично, когда убѣдился, что она прелестное невинное созданіе, сдѣлавшееся жертвой людской подлости, я готовъ на все для ея спасенія. Увѣряю тебя, Викторъ, что я не встрѣчалъ болѣе глубокой и чистой натуры, чѣмъ у этой дѣвушки. Но она такъ разбита и измучена, что не жаждетъ ничего, кромѣ смерти. Она проситъ меня не мѣшать ей въ достиженіи этого единственнаго доступнаго ей счастья...

Онъ всталъ и съ волненіемъ сталъ ходить по комнатѣ.

Если-бы Зендлингенъ могъ обращать на что нибудь вниманіе, онъ, конечно, замѣтилъ-бы, что никогда еще его красно-рѣчивый другъ не говорилъ съ такой горячностью.

— Ты можешь себѣ представить послѣ этого, какъ я обрадовался, когда узналъ, что предсѣдательствовать въ судѣ будетъ человѣкъ, а не машина для постановленія приговоровъ! Она не должна умереть! Не должна—этого требуетъ само правосудіе! воскликнулъ Бергеръ.

Увлеченный своимъ рассказомъ, онъ не замѣчалъ страннаго поведенія собесѣдника. Зендлингенъ продолжалъ сидѣть неподвижно, закрывъ лицо руками. Потомъ онъ отнялъ ихъ и такъ низко наклонилъ голову, что касался лбомъ края стола. Долго молчалъ онъ; наконецъ, тихо произнесъ:

— Я не могу завтра предсѣдательствовать.

— Почему-же? спросилъ удивленный адвокатъ.— Развѣ ты такъ серьезно боленъ?

Онъ ласково приподнял голову друга.

— Такъ и есть!.. Ты въ страшномъ жару! вскричалъ онъ, посмотрѣвшись въ его измѣнившіяся черты.

Зендлингенъ покачалъ головой.

— Я здоровъ, Георгъ! Къ тому-же никакая болѣзнь не помѣшала-бы мнѣ предсѣдательствовать. Я не выдалъ-бы этой дѣвушки, если-бы даже зналъ, что ея спасеніе будетъ стоить мнѣ жизни. Но... я не имѣю права.

— Не имѣешь права?!

— Да.

— Что-же тебѣ мѣшаетъ, скажи Бога ради?

— Законъ запрещаетъ мнѣ судить ее.

— Законъ?!... Да ты съ ума сошелъ, Викторъ!

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ Зендлингенъ, быстро вставая. — Я хотѣлъ-бы сойти съ ума или умереть, но я не умеръ и пока съ ума еще не сошелъ... Законъ запрещаетъ отцу...

— Викторъ!

— Все... все совпадаетъ... имя матери... мѣсто... годъ... и ея имя: Викторина...

— О, Боже! Такъ ты думаешь, что она твоя дочь?!

— Да! да! вскричалъ несчастный и зашатался, хватаясь за мебель.

Нѣсколько мгновеній адвокатъ стоялъ пораженный, какъ громомъ, неожиданнымъ открытіемъ; затѣмъ онъ бросился къ другу и помогъ ему добраться до кресла.

Зендлингенъ сидѣлъ неподвижно, и только грудь его высоко поднималась при каждомъ дыханіи. Вдругъ онъ тихо застоялъ.

Безпомощно стоялъ передъ нимъ адвокатъ. Этотъ тихій стонъ показался ему ужаснѣе всякаго крика...

Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и старый Францъ съ рыданьями бросился къ своему господину. Онъ все время тревожно прислушивался къ тому, что дѣлается въ кабинетѣ, и наконецъ, услышавъ этотъ стонъ, не могъ больше выдержать.

— Баронъ! вскричалъ онъ, — мой дорогой, добрый господинъ!

Президентъ гнѣвно приподнялся, но, увидѣвъ заплаканное лицо слуги, ласково отстранилъ его.

— Уйди, Францъ, прошу тебя, сказалъ онъ тихо.

Но старикъ не двигался.

— Вы такъ страдаете, бормоталъ онъ, — и не позволяете подойти къ себѣ ни мнѣ, ни Бригиттѣ!

Онъ не ушелъ, пока адвокатъ просьбами и ласковымъ насилиемъ не выпроводилъ его за дверь.

Зендлингенъ взглядомъ поблагодарилъ друга.

— Сядь сюда поближе, указалъ онъ ему на кресло подлѣ себя. — Ты долженъ все знать уже ради нея одной. Когда ты завтра будешь защищать ее, я хочу, чтобы для тебя все было ясно. Къ тому-же ты, быть можетъ, найдешь какой-нибудь выходъ... Я не нахожу никакого...

— Да и мнѣ самому нужно... необходимо все сказать тебѣ, продолжалъ Зендлингенъ послѣ небольшого молчанія. — Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ объ этомъ ужасномъ дѣлѣ, я чувствую, что все потеряно для меня... что я самъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ нею... Но ты мой лучший другъ, и тебя я не хочу терять. Суди меня, Георгъ! Ты одинъ изъ справедливейшихъ людей, какихъ я только знаю, и если ты найдешь, что мнѣ остается еще что-нибудь, кромѣ...

Онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь и бросилъ выразительный взглядъ на небольшой, продолговатый ящичекъ, стоявшій на письменномъ столѣ. Бергеръ зналъ, что тамъ лежатъ револьверъ.

— Викторъ! вскричалъ онъ съ укоризной.

— Ахъ, еслибъ ты только зналъ... Впрочемъ, ты правъ: это было-бы постыдно... Да и стоитъ-ли думать о своемъ страданьи, когда, быть можетъ, еще можно что-нибудь сдѣлать для нея. Слишкомъ долго не думалъ я о ней... Теперь время расплаты за все. Еще нынче утромъ я былъ спокоенъ и по-своему счастливъ, а теперь все сразу разбито... Постой!.. Мнѣ трудно собраться съ мыслями... но я хочу и долженъ все рассказать тебѣ... все по порядку, какъ было.

Онъ опустилъ голову. Въ комнатѣ водворилось долгое молчаніе. Наконецъ, Зендлингенъ заговорилъ очень тихимъ, но почти спокойнымъ голосомъ.

«Я долженъ сперва рассказать о себѣ, какимъ я былъ тогда. Ты знаешь меня десять лѣтъ, но ничего не слыхалъ о моемъ дѣтствѣ, о моихъ родителяхъ. Это было ужасное дѣтство, полное злобы и горя, потому-что семейная жизнь моихъ родителей была настоящимъ адомъ, Георгъ. Намъ, судьямъ, приходится узнавать много злого въ жизни людей, но такой

семьи мнѣ не встрѣчалось еще. Какъ совершился этотъ бракъ— знаетъ весь свѣтъ. Я убѣжденъ, что они никогда не любили другъ друга, и онъ попросту увлекся ея красотою, она же— быть можетъ, его именемъ и положеніемъ. Когда же ихъ насильно связали вмѣстѣ навѣки, они возненавидѣли другъ друга, какъ злѣйшіе, смертельные враги.

«Трудно рѣшить, кто изъ нихъ положилъ начало такимъ отношеніямъ... вѣроятно, отецъ. Невѣжественная и ограниченная женщина была бы благодарна ему за титуль баронессы, если бы онъ относился къ ней хоть сколько нибудь человѣчно. Но онъ сразу возненавидѣлъ въ ней причину своего несчастья, и она съ избыткомъ платила ему за это тою же монетою. Какъ женщина совершенно невоспитанная, она не понимала, что значитъ нравственная стыдливость, и не было чловѣка въ городѣ, котораго она не посвятила бы во всѣ тайны нашей семейной жизни, предъ которымъ она не жаловалась бы на всѣ прошлыя и настоящія вины отца.

«Я росъ между ними и, конечно, почувствовалъ бы ихъ взаимную вражду даже въ томъ случаѣ, если бы они старательно скрывали отъ меня, но они не скрывали. Отецъ, правда, дѣлалъ къ тому нѣкоторыя попытки, но этого было достаточно, чтобы мать начала нарочно замѣшивать меня въ свои ссоры съ нимъ, потому что замѣтила, что не могла сильнѣе оскорбить его. Онъ любилъ меня, какъ свою послѣднюю радость, какъ послѣднюю надежду въ жизни, и именно поэтому она меня возненавидѣла. Она била и бранила меня потому, что видѣла, какъ каждый ударъ, наносимый мнѣ, попадалъ прямо въ сердце отцу. Неудивительно, что я сталъ на сторону отца, а ее боялся и ненавидѣлъ.

«Уже шестилѣтнимъ мальчикомъ я зналъ, что мой отецъ женился на мѣщанкѣ и что онъ, какъ Зендингенъ, не долженъ былъ этого дѣлать. Зналъ, что за это сердятся на него родные и смѣются надъ нимъ всѣ знакомые. Зналъ, также, что если бы не мать, то мы жили бы въ прекрасныхъ большихъ городахъ, а не въ нашемъ бѣдномъ мѣстечкѣ.

«Хорошая школа для ребенка, не правда ли? Если я не испортился въ конецъ, то только благодаря страстной любви къ отцу. Я былъ очень прилеженъ, потому что мое прилежаніе его радовало; я велъ себя прекрасно, потому что его глубоко огорчалъ каждый мой дурной поступокъ. Онъ часто

хвораль, и я рано привыкъ беречь его и бояться за его здоровье. Когда мы переѣхали въ Клагенбургъ, онъ сталъ бодрѣе. Мать, наоборотъ, начала хворать и умерла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашего переселенія. Наступили хорошіе дни, но ненадолго. У отца уже давно началась чахотка, и переѣздъ въ долину лишь на нѣкоторое время остановилъ ея развитіе, но потомъ коварная болѣзнь вдругъ разыгралась съ удвоенной силой.

«Онъ зналъ, что умираетъ, а я, глупый мальчикъ, обманывался до послѣдняго часа и не помнилъ себя отъ радости, когда весною онъ вдругъ пересталъ кашлять.

«Разъ, въ маѣ, — мнѣ только-что исполнилось четырнадцать лѣтъ, — отецъ разбудилъ меня на зарѣ.

— «Одѣвайся скорѣе: мы куда-то поѣдемъ», сказалъ онъ.

«Утро было прекрасное, отецъ такъ ласковъ — мнѣ было очень весело. Сперва мы ѣхали по берегу озера, потомъ свернули въ скалистую долину, которая привела насъ къ подножію горы съ развалинами замка на вершинѣ. Начался подъемъ. Каждый шагъ стоилъ бѣдному больному неимоверныхъ усилій, но когда я просилъ его вернуться, онъ отрицательно качалъ головою и видимо придавалъ нашей прогулкѣ какое-то очень важное и непонятное для меня значеніе. Наконецъ, мы достигли вершины. Отъ древняго замка осталась только часть наружной стѣны и главные ворота, на которыхъ виднѣлось рельефное изображеніе двухъ скрещенныхъ мечей съ четырьмя звѣздами по концамъ.

— Твой гербъ? спросилъ адвокатъ.

— Да, это были развалины Зендлингенбурга, замка нашихъ предковъ. Отецъ заговорилъ о нихъ... Такимъ торжественнымъ тономъ онъ никогда еще не говорилъ со мною... Мое сердце усиленно билось, и я давалъ клятвы быть такимъ же храбрымъ и неустрашимымъ, какъ знаменитые древніе рыцари Зендлингены. Отецъ наблюдалъ за мною и радовался моему волненію. Потомъ онъ перешелъ къ ближайшимъ временамъ, заговорилъ о своемъ отцѣ. «Это былъ послѣдній Зендлингенъ, достойный своего имени», заключилъ онъ со слезами на глазахъ — «Отецъ! вскричалъ я, — ты тоже сдѣлаешь что-нибудь великое, ты сравниешься...»

— «Несчастливымъ я жилъ, несчастнымъ и умру, прервалъ онъ меня. — Я хочу, однако, чтобы моя жизнь послужила тебѣ

урокомъ. Слушай, Викторъ! Ты еще очень молодъ, но несчастныя дѣти быстро зрѣютъ, а ты былъ очень несчастенъ, и потому поймешь меня. Для того-то и привелъ я тебя сюда, чтобы этотъ часъ навѣки запечатлѣлся въ твоей памяти. Слушай-же... Если ты когда-нибудь полюбишь женщину не своего сословія, полюбишь такъ, что тебѣ будетъ казаться, будто выше и лучше ея нѣтъ никого на свѣтѣ, а твое сердце будетъ разрываться при одной мысли о разлукѣ съ нею, вспомни тогда меня, вспомни этотъ часъ и бѣги отъ нея... Какъ-бы ни была она хороша, умна, достойна тебя, бѣги безъ оглядки. Вѣрь, что вашъ бракъ не принесетъ вамъ ничего, кромѣ проклятія и раскаянія... Клянись мнѣ Викторъ, что ты исполнишь мою волю». — «Клянусь!» отвѣчалъ я ему. «Ну, теперь я исполнилъ свой послѣдній долгъ и готовъ... Идемъ, Викторъ». Бѣдный отецъ слишкомъ понадѣялся на свои силы. Едва приподнявшись, онъ снова упалъ, и изъ его горла хлынула кровь. Я сталъ звать на помощь, но въ этой пустынѣ никто не слышалъ моихъ криковъ, а отецъ истекалъ кровью. Онъ потерялъ сознание, и я уже считалъ его мертвымъ, когда на мой зовъ пришли, наконецъ, пастухи и помогли перенести отца въ экипажъ. На другой день онъ умеръ.

«Отецъ не ошибся. Эта сцена на горѣ предъ воротами Зендлингенбурга навѣки запечатлѣлась въ моей душѣ. Ты знаешь, какъ приняли меня родные, что они для меня дѣлали? Я все принималъ, какъ должное. Они дѣлали не для меня, думалъ я,—что я имъ такое? Это дань моему роду, моему имени. Я страшно работалъ въ академіи, потому-что Зендлингенъ долженъ много знать, больше другихъ. Похвалы и награды сыпались на меня со всѣхъ сторонъ, но я оставался къ нимъ совершенно равнодушенъ. Другіе юноши заслуживаютъ награды за свое прилежаніе, я-же только исполняю свой долгъ. Я былъ цѣломудренъ какъ монахъ, но это не стоило мнѣ никакихъ усилій. Развратъ возбуждалъ во мнѣ инстинктивное отвращеніе; многія женщины моего круга казались мнѣ красивыми, но ни одна не затронула моего сердца, а на прочихъ я даже не смотрѣлъ. Многіе, и не безъ основанія, считали меня въ то время ужъ черезъ-чуръ образцовымъ юношей, холоднымъ карьеристомъ, у котораго въ груди деревяшка вмѣсто сердца. Скоро пришлось мнѣ убѣдиться въ противномъ...

Президентъ всталъ, подошелъ къ письменному столу и открылъ потайной ящикъ, потомъ снова закрылъ его.

— Это случилось въ первые годы твоей службы? тихо спросилъ адвокатъ.

— Въ 1832 году, отвѣчалъ президентъ снова усаживаясь на мѣсто. — Я служилъ тогда въ Зукцавѣ, въ южной Буковинѣ. Невозможно представить себѣ страны болѣе дикой: большинство жителей—евреи да румыны. Моего единственнаго сослуживца я никогда не видѣлъ трезвымъ. Поневогѣ пришлось знакомиться съ мѣстнымъ дворянствомъ. Сначала этотъ невѣжественный, грубый и разгульный людъ показался мнѣ до такой степени противнымъ, что я рѣшилъ зарыться въ свои книги и не видать никого. Но понемногу одиночество взяло свое, и я началъ принимать приглашенія. Программы мѣстныхъ празднествъ были очень однообразны. Сначала объѣдались, затѣмъ перепивались и, наконецъ, усаживались за карты. Такъ какъ я не пилъ и никогда не бралъ въ руки карты, то меня находили самымъ незанимательнымъ гостемъ. Дамы были того-же мнѣнія, но настоящій имперскій баронъ казался тѣмъ не менѣе очень приятнымъ украшеніемъ для «салона», и меня продолжали принимать съ распростертыми объятіями. Къ тому-же многимъ изъ этихъ дворянъ казалось далеко не лишнимъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ судьей. Одному изъ нихъ, Мирескулу, такія отношенія были просто необходимы, такъ какъ его имѣніе лежало на самой молдавской границѣ и было очень удобно для контрабандной провозки табаку. Этотъ смуглый, маленькій грекъ былъ неизмѣримо хитрѣе и проницательнѣе всѣхъ своихъ сосѣдей. Онъ отличался отъ нихъ также нѣкоторымъ образованіемъ, имѣлъ гувернантку нѣмку и выписывалъ нѣмецкія книги, и даже иногда читалъ ихъ. Я долго отказывался отъ его приглашеній, но наконецъ ему удалось таки затащить меня на свой вечеръ. Этотъ вечеръ рѣшилъ мою судьбу, — судьбу всей жизни, какъ я узналъ сегодня. Я никогда не лгу, Георгъ, и не фантазирую, но клянусь тебѣ, что я полюбилъ ее, въ буквальномъ смыслѣ слова, съ первого-же взгляда.

Адвокатъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да, да, подтвердилъ президентъ, — я полюбилъ ее въ то самое мгновеніе, когда увидѣлъ ея бѣлокурые волосы, ее тонкій нѣжный профиль, среди грубыхъ, смуглыхъ лицъ, которыя мнѣ были такъ противны. Она стояла въ углу у окна, я

былъ окруженъ гостями, но, едва отвѣчая на вопросы, все смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее. «Наша гувернантка, Гермина Липпертъ», назвала мнѣ ее госпожа Мирескуль, но я уже зналъ, кто она и, уловивъ удобную минуту, подошелъ къ ней.

«Мы заговорили. — «Вы нѣмецъ, баронъ Зендлингенъ, сказала она. — Я угадала это съ перваго-же взгляда... Ахъ, если бы вы знали...»

«Я все зналъ: я зналъ, какъ намъ обоимъ тяжело среди этихъ смуглыхъ дикарей, какъ много общаго между нами, какъ мы близки другъ другу. Нашъ разговоръ лился такъ свободно, какъ будто мы только вчера прервали его на самомъ интересномъ мѣстѣ.

«Я все смотрѣлъ въ ея сѣрые глаза, такіе умные и кроткіе! Понемногу ея непринужденность стала исчезать; румянецъ то вспыхивалъ, то пропадалъ на ея блѣдномъ личикѣ. И мнѣ вдругъ становилось какъ-то жутко, но въ слѣдующее же мгновеніе сердце начинало такъ радостно биться, какъ будто впервые нашло себѣ родной пріютъ.

«Мы не замѣчаемъ, какъ идутъ часы; не замѣчаемъ, что уже обратили на себя всеобщее вниманіе. Наконецъ, Мирескуль позвалъ меня ужинать. Гермина куда-то исчезла.

— «Она всегда старается поскорѣе забраться въ свою комнату, съ улыбкой сообщаетъ мнѣ хозяйка дома.

«Я съ трудомъ удерживаюсь, чтобъ не замѣтить, что общество торговцевъ скотомъ, барышниковъ, мучителей крестьянъ и контрабандистовъ, конечно, слишкомъ высоко для простой дочери директора гимназіи.

«На прощанье Мирескуль просилъ меня навѣщать его почаще.

— «При первой-же возможности! обѣщавъ я съ самымъ искреннимъ жаромъ.

«И, возвращаясь домой, въ свѣтлую зимнюю ночь, я безпрестанно повторялъ свое обѣщаніе. Жить, не видаясь съ нею, уже казалось мнѣ невозможнымъ!

— И это съ перваго-же вечера! покачалъ головой адвокатъ. — Да это просто болѣзнь какая-то!

— Нѣтъ, это ужъ судьба возразилъ Зендлингенъ. — Объясняй мое чувство, если хочешь, той обстановкой, среди кото-

рой мы встрѣтились, моимъ тогдашнимъ одиночествомъ, моею неразстроенной способностью любить, наконецъ... для меня все это ничего не объясняетъ. Кто слышалъ о чудѣ изъ вторыхъ рукъ, тотъ легко найдетъ ему какое-нибудь естественное объясненіе, но для того, кто на себѣ испыталъ его дѣйствіе, оно навсегда останется чудомъ.

«Черезъ два дня я снова поѣхалъ къ Мирескулу. Хитрый грекъ былъ въ восторгѣ и предложилъ прогулку въ саняхъ, а такъ какъ большія сани были сломаны, то мы попарно размѣстились въ маленькихъ. Меня посадили съ Герминой; это было нѣсколько странно, но какъ могъ я не радоваться тому, что доставляло мнѣ невыразимое наслажденіе?

«Съ этихъ поръ я ежедневно бывалъ въ Оронести и цѣлые дни проводилъ съ Герминой. Мы много говорили, но о любви между нами не было рѣчи. Я даже не дотрогивался до ея руки, и не потому, чтобы боялся постороннихъ взглядовъ—мы часто оставались одни; Мирескулъ...

— И ты не замѣчалъ такой услужливости? спросилъ адвокатъ.

— Замѣчалъ. Усыпленный магнетическимъ сномъ знаетъ, что въ его руку втыкаютъ булаву, но не чувствуетъ боли; такъ и я замѣчалъ, что въ любезности Мирескула есть что-то зловѣщее, но все мое существо было переполнено такимъ безпредѣльнымъ блаженствомъ, что тяжелыя ощущенія не проникали до моего сознанія.

— И ты ни разу не задалъ себѣ вопроса: что-же выйдетъ изъ твоей любви?

— Ни разу! Клянусь въ этомъ. Я не разсуждалъ о своей любви... Тоже было и съ Герминой. Мы жили какъ во снѣ...

— Васъ ждало тяжелое пробужденіе, сказалъ адвокатъ.

— Ужасное! Переходъ отъ безграничнаго счастья къ безграничному горю былъ мгновененъ. Однажды я остался ночевать въ Оронести; мои лошади заболѣли, вѣроятно отъ корма, подсыпаннаго имъ Мирескуломъ. Мнѣ отвели комнату рядомъ съ спальней Гермины... А на другой день утромъ въ мой рабочій кабинетъ вошелъ комиссаръ ближайшей пограничной таможни, почтенный, сѣдой старикъ, служившій когда-то въ арміи.

— «Мы захватили, наконецъ, мошенника съ поличнымъ.

Онъ вдругъ забывъ всякую осторожность и попался сегодня ночью, когда выгружалъ въ свои амбары сто тюковъ табаку. А вотъ и его ведутъ! доложили мнѣ комиссаръ.

«Въ комнату вошелъ Мирескуль въ сопровожденіи двухъ пограничныхъ стражей.

— «Дорогой другъ! вскричалъ онъ, — я жалуюсь на неслыханное насиліе!

«Я не нашелъ ни слова возраженія: онъ имѣлъ право называть меня своимъ другомъ, — сколько разъ я самъ называлъ его такъ за послѣднее время!

— «Вышлите этихъ людей! дерзко потребовалъ Мирескуль.

«Я молчалъ... Комиссаръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня; я молча кивнулъ головою, онъ пожалъ плечами и вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ со своими людьми.

— «И такъ рѣшено, сказалъ Мирескуль, — что мой арестъ случился по недоразумѣнію, за которое таможенные стражники получаютъ, конечно, выговоръ.

— «Нужно-же сперва изслѣдовать, возразилъ я, наконецъ.

— «Друзья вѣрятъ другъ другу на слово!

— «Долгъ прежде всего.

— «Въ такомъ случаѣ, мы разное смотримъ на вещи, произнесъ онъ, приближаясь ко мнѣ. — Я исполнилъ-бы свой долгъ, еслибы защитилъ отъ соблазна молодую дѣвушку, живущую въ моемъ домѣ, какъ членъ семьи. Мой долгъ требуетъ теперь, чтобы я съ позоромъ выгналъ за ворота вашу любовницу. Ради дружбы, я не исполняю своего долга!..

«Онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты. Я не сумѣю выразить тебѣ, какъ поразили меня его послѣднія слова. Достаточно сказать, что и теперь еще они раздаются въ моихъ ушахъ».

Зендлингенъ всталъ и нѣскольکو минутъ молча ходилъ по комнатѣ.

— До сегодняшняго дня я считалъ, что то были самыя ужасныя минуты въ моей жизни, снова заговорилъ онъ оставиваясь передъ Бергеромъ. — Внезапно ослѣпшій человѣкъ, вѣроятно, чувствуетъ нѣчто въ томъ-же родѣ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать... Позоръ и преступленіе вдругъ окружили меня со всѣхъ сторонъ. Преступно и позорно, ради Германы, оставить въ покоѣ контрабандиста, но преступно и позорно также не позаботиться сперва освободить ее изъ подъ

его власти. Она имѣтъ на меня права... Долженъ-ли я жениться на ней? Этимъ я погублю всю свою будущность, нарушу клятву умирающему отцу, но, съ другой стороны, вѣдь «Зендлингенъ не можетъ быть негодяемъ». Я усомнился во всемъ: и въ своей любви, и въ честности Гермины. Мнѣ приходила въ голову ужасная мысль: не была-ли она сознательнымъ орудіемъ въ рукахъ негодяя? Въ такомъ состояніи я провелъ остатокъ дня и цѣлую ночь. Къ утру слѣдующаго дня мое рѣшеніе было составлено: я долженъ арестовать Мирескула и жениться на Герминѣ. Ни въ ней, ни въ своей любви я не сомнѣвался болѣе. Оставалось сожалѣніе о загубленной будущности, о моихъ честолюбивыхъ надеждахъ. Но я рѣшилъ, что не имѣю права принимать ихъ въ соображеніе.

«На разсвѣтъ я отправился въ свою канцелярію, велѣлъ разбудить писца и продиктовалъ ему протоколъ донесенія комиссара и приглашеніе этому послѣднему немедленно явиться ко мнѣ. Потомъ я написалъ записку Герминѣ съ просьбой тотчасъ-же оставить домъ Мирескула и ѣхать въ городъ. Эту записку я послалъ въ Оронести со своимъ экипажемъ, а черезъ два часа намѣревался явиться туда съ обыскомъ и арестовать Мирескула.

«Не успѣлъ мой экипажъ выѣхать со двора, какъ мнѣ принесли изъ городской гостинницы записку отъ Гермины: «Я пріѣхала ночью и жду тебя», писала она.

— «Барышня смотритъ совсѣмъ больною, сострадательно сообщилъ мнѣ посланный.

«Я поспѣшилъ къ ней. О, какъ измѣнилась она за эти два дня!

«Сердце перевернулось во мнѣ отъ жалости. Я протянулъ къ ней руки, она бросилась мнѣ на грудь:

— «Слава Богу, шептала она,—ты не презираешь меня за то, что я люблю тебя больше, чѣмъ себя.

«Потомъ она рассказала мнѣ, какъ вчера вечеромъ, въ ея комнату, изъ которой она не выходила два дня, вломился Мирескулъ и сталъ требовать, чтобы она писала мнѣ письмо съ мольбами ничего не предпринимать противъ него—Мирескула, такъ какъ иначе мы оба погибнемъ и будемъ выставлены къ позорному столбу.

— «Какъ отвратительно, какъ стыдно мнѣ было, говорила

она, вздрагивая.—Но я не колебалась ни минуты и тотчасъ рѣшила, что изъ-за меня ты не долженъ нарушать своего долга, и отвѣчала Мирескулу, что писать я ничего не стану и немедленно оставлю его домъ. Онъ выразилъ намѣреніе удерживать меня силою, тогда я погрозила, что убью себя въ эту-же ночь, и стала собираться въ дорогу; онъ не сопротивлялся. Теперь рѣшай ты самъ: жить мнѣ или умереть, закончила она.

— «Ты моя жена и должна жить для меня, отвѣчалъ я.

— «Я вѣрю тебѣ, сказала она,—но какъ это тяжело, однако! Возможно-ли полное счастье послѣ всей грязи, которая легла на нашъ союзъ?»

«Я старался успокоить ее, но въ душѣ задавалъ себѣ тотъ-же вопросъ...

«Мы рѣшили, что до свадьбы Гермина проживетъ въ Черновицахъ, чтобы хоть сколько-нибудь избѣгать сплетенъ и пересудовъ, которые неизбежно поднимутся на нашъ счетъ. На этомъ мы разстались; разлука оказалась вѣчной: я не видалъ ее болѣе...

«Я нарушилъ свое слово и знаю, что этого поступка оправдать нельзя,—можно только объяснить его. Я не защищаюсь передъ тобою, а только исповѣдуюсь, какъ исповѣдывался-бы священнику.

«Я выдержалъ первый ударъ судьбы, потомъ пошли булавочные уколы.

«Возвращаясь отъ Гермины, я встрѣтилъ пограничнаго комиссара и поклонился ему:

— «Получили-ли вы мое приглашеніе?» спросилъ я его.

«Онъ бросилъ на меня презрительный взглядъ и хотѣлъ молча пройти мимо.

— «Что это значитъ? вскричалъ я, хватая его за руку.

— «Это значитъ, отвѣчалъ онъ, вырывая руку,—что съ этихъ поръ я не намѣренъ говорить съ вами иначе, какъ по обязанностямъ службы, а на этотъ разъ я имѣю право не отвѣчать вамъ... Вы выпустили вчера Мирескула и не занесли въ протоколъ моего донесенія. И то, и другое было противно вашимъ обязанностямъ. Я послалъ объ этомъ донесеніе своему начальству и жду приказа.

«Онъ ушелъ, а я долго простоялъ на мѣстѣ совершенно уничтоженный: онъ былъ правъ—я не исполнилъ своего долга!

«Въ канцеляріи я засталъ своего сослуживца, гражданскаго судью. Онъ и теперь не былъ трезвъ, но достаточно владѣлъ языкомъ, чтобы наговорить мнѣ дерзостей!

— «Неужели, мой любезный коллегa, вы въ самомъ дѣлѣ идете въ Оронести? заговорилъ онъ ухмыляясь. — Не совѣтую! Хитрость шита бѣлыми нитками. Спустя сутки, при обыскѣ ничего нельзя найти, можно только... ха! ха! ха!.. выказать свое усердіе!

— «Я не нуждаюсь въ вашихъ указаніяхъ! вскричалъ я.

— «Охъ, нуждается! Очень нуждается! насмѣхался мой сослуживецъ. — Я могъ-бы, напริมѣръ, заранѣе указать вамъ на опасность отъ маленькихъ блондинокъ! Но какъ вамъ угодно! Желаю успѣха!

«Съ такимъ напутствіемъ я отправился въ Оронести.

«Мирескулъ былъ дерзковъ со мною до послѣдней степени. Онъ протестовалъ противъ такого нашествія на его домъ изъ личной мести. Онъ согласенъ отвѣчать какому угодно судѣ, но только не мнѣ, такъ какъ я вчера еще призналъ, что его арестъ произошелъ по недоразумѣнію и общалъ сдѣлать выговоръ служащимъ, а сегодня являюсь съ полиціей, между тѣмъ какъ со вчерашняго дня произошло только изгнаніе моей любовницы. Но нельзя-же обвинять его въ контрабандѣ на томъ основаніи, что онъ не желаетъ терпѣть у себя въ домѣ разврата. Все это онъ потребовалъ занести въ протоколъ, и я не могъ отказать ему.

«При обыскѣ не нашлось ничего подозрительнаго; допросъ прислуги и крестьячь тоже ни къ чему привелъ: они, очевидно, были отлично подготовлены заранѣе. Тѣмъ не менѣе, я арестовалъ Мирескула. Тюки съ табакомъ, захваченные комиссаромъ; были на лицо, сложенные въ общинныхъ амбарахъ деревни, подъ охраною двухъ стражниковъ. Я отдалъ приказаніе перевести тюки въ городъ.

«Моимъ единственнмъ утѣшеніемъ была мысль, что своей медленностью я не помѣшалъ по крайней мѣрѣ отправленію правосудія. Но и это утѣшеніе вскорѣ должно было исчезнуть. На слѣдующее утро ко мнѣ пришелъ адвокатъ Мирескула и потребовалъ немедленнаго освидѣтельствованія тюковъ; по заявленію его кліента, они содержать не контрабандный табакъ изъ Молдавіи, а вдѣшній, частью собранный съ его земли, частью-же купленный отъ другихъ табачныхъ планта-

товаръ и предназначенный къ доставкѣ на государственныя фабрики. Требованіе было законно. Я тотчасъ-же вызвалъ, въ качествѣ эксперта, пограничнаго комиссара. Старикъ явился и, продиктовавъ очень сердитое заявленіе, направленное противъ моей личности, пошелъ съ нами въ подвалы суда, гдѣ хранился, по моему распоряженію, конфискованный товаръ. Едва взглянувъ на тюки, онъ отскочилъ, какъ ужаленный. «Срамъ! Позоръ!» закричалъ онъ весь блѣдный отъ гнѣва. — Эти тюки подмѣнены, они значительно меньше!»

— «Не можетъ быть! воскликнулъ я. — Когда-же онъ могъ подмѣнить ихъ?»

— «Вамъ это лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ, отвѣтилъ онъ мрачно.

Тюки были вскрыты, и въ нихъ дѣйствительно оказался табакъ мѣстнаго производства. У меня закружилась голова! Придя въ себя, я допросилъ стражниковъ, оберегавшихъ тюки въ Оронести, гдѣ долженъ былъ произойти подмѣнъ. Эти люди клялись въ своей невинности. Они, по мѣрѣ силъ, старались выполнить свою обязанность, но цѣлымъ три ночи подрядъ ихъ продержали на часахъ, хотя еще утромъ, увѣзая въ городъ, комиссаръ обѣщаль, что къ обѣду ихъ смѣнятъ. И я долженъ былъ занести въ протоколъ это явное доказательство вреда, принесеннаго моимъ противозаконнымъ замедленіемъ.

«Такъ стояло дѣло, когда, два дня спустя, изъ Черновицъ пріѣхалъ для его разслѣдованія окружной судья Машіасъ Бергеръ, хорошій человекъ. Твой родственникъ, Георгъ, — ты долженъ знать его.

— «Противъ васъ существуютъ серьезныя обвиненія, сообщилъ онъ мнѣ. — Получены жалобы на васъ отъ повѣреннаго Мирескула, отъ пограничнаго комиссара и отъ гражданского судьи, но всѣ онѣ противорѣчатъ другъ другу, и до сихъ поръ я еще вѣрю въ вашу невинность, только расскажите мнѣ всю правду.

«Но это было невозможно. Я не могъ примѣшивать имени моей невѣсты къ актамъ судебного слѣдствія и, глухо упомянувъ объ этомъ личномъ обстоятельстве, лишившемъ меня возможности исполнить мою обязанность, я отказался отвѣчать на дальнѣйшіе вопросы. Слѣдователь печально покачалъ головою; ему было жаль меня, но помочь мнѣ было невозможно.

Онъ отрѣшилъ меня отъ должности на время дисциплинарнаго слѣдствія и обязалъ подпискою не уѣзжать изъ города. Мирескулъ былъ освобожденъ на поруки. Прошло еще двѣ недѣли. Онъ показали мнѣ цѣлой вѣчностью. Вспомни мои тогдашніе взгляды, мое родовое честолюбіе, и ты поймешь, до чего я страдалъ. Еще недавно у меня были самыя блестящія надежды впереди, теперь-же я былъ выпущенный на честное слово арестантъ, подавленный насмѣшками и презрѣніемъ, съ позорной отставкой въ перспективѣ. Со стороны моихъ родныхъ нечего было ждать помощи. Я зналъ, что дядя, графъ Варенбергъ, до тѣхъ поръ заботившійся обо мнѣ какъ второй отецъ, не захочетъ спасти Зендлингена для того, чтобы тотъ женился на гувернанткѣ, о которой, къ тому-же, стараніями Мирескула и его друзей, распространились самыя отвратительныя слухи. При такихъ обстоятельствахъ, ты поймешь, что каждое письмо Гермینی только усиливало мои страданія.

«Она писала ежедневно, описывая тѣ ощущенія, которыя она пережила во время нашей короткой любви. Читая эти письма, мнѣ часто казалось, что рѣчь идетъ о моей собственной внутренней жизни въ ту пору, и сильнѣе чѣмъ когда-либо я чувствовалъ, какъ глубока душа дѣвушки, къ которой я прикованъ. Но оковы все-же оставались оковами и съ каждымъ днемъ они все глубже вѣдались въ мое тѣло. Лишь изрѣдка, да и то мимоходомъ, вырывались у нея жалобы на свою судьбу; свое безпокойство за меня она выражала съ гораздо большей осторожностью и энергіей. Свѣдѣнія о моемъ положеніи доходили до нея откуда-то стороною. Я старался утѣшить ее, но увы! я и самъ не вѣрилъ своимъ словамъ, и потому они выходили у меня блѣдны и безцвѣтны.

Однажды я получилъ отъ нея письмо, очевидно писанное дрожащей рукою. Мой дядя спѣшилъ ко мнѣ изъ Лемберга и проѣздомъ остановился въ Черновицахъ, чтобы переговорить съ нею о суммѣ, за которую она согласилась-бы отказаться отъ меня. Изъ каждой строчки письма сквозило ея глубокое негодованіе. Дядѣ она указала на дверь. «Онъ будетъ заклинать тебя», — заканчивала она — покинуть меня: «поступай, какъ велитъ тебѣ твоя совѣсть. Графъ задалъ мнѣ вопросъ: не имѣю ли я на тебя еще другого, болѣе святаго права? Я отказалась отвѣчать ему. Но тебѣ, Викторъ, я вотъ что отвѣчу: я не знаю этого навѣрное, но для нашихъ отношеній, какъ я ихъ пони-

маю, какъ я ихъ пережила и перестрадала ихъ, этотъ вопросъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Если ты не хочешь быть моимъ мужемъ ради меня самой, то тебя не должна со мною связывать и забота о ребенкѣ».

«Черезъ два часа, по полученіи этого письма, дядя вошелъ въ мою комнату. Я испугался, увидавъ его предъ собою, до того мрачно, сурово было его лицо. Незадолго до смерти отецъ сказалъ мнѣ о немъ: «Берегись обратитъ противъ себя эту желѣзную руку: она уничтожитъ тебя, какъ и меня уничтожила». Тогда я не понималъ этихъ словъ, потому я забылъ о нихъ; теперь-же они вспомнились мнѣ, и я понимаю ихъ смыслъ еще раньше чѣмъ онъ открылъ ротъ.

— «Разскажи мнѣ всю правду, началъ онъ, и въ его голосѣ я не могъ уловить ни одной знакомой ноты.—Я жду отъ тебя хоть этого! Не захочешь-же ты пасть еще ниже, чѣмъ тотъ другой изъ твоего-же рода. Онъ, по крайней мѣрѣ, не лгалъ. Разсказывай!

«Я повиновался.

— «Та-же старая исторія, сказалъ онъ, выслушавъ меня, только еще отвратительнѣе, много отвратительнѣе! Отецъ запачкалъ лишь свой гербъ, сынъ--не пощадилъ и своей судейской чести!..»

«Я вспыхнулъ, хотѣлъ защищаться. Онъ не допустилъ этого.

— «Зачѣмъ разглагольствовать? холодно остановилъ онъ меня.—Ты хочешь пуститься въ увѣренія, что не былъ въ преступномъ союзѣ съ Мирескуломъ? Я въ этомъ никогда не сомнѣвался. Что его виновность можетъ быть доказана, несмотря на твое промедленіе? И это знаю. Я видѣлся съ комиссаромъ, и уже сдѣлано распоряженіе вторично арестовать негодяя. Онъ не минуетъ смиренняго дома, да тебѣ-то отъ этого легче не будетъ. Правосудіе не пострадало отъ твоей вины, но твоя честь остается запятанной. Твои частые визиты этому человѣку, твои колебанія остаются чѣмъ были—и, горе тебѣ, если съ тобой поступятъ такъ, какъ ты заслуживаешь! По закону твоя судьба уже рѣшена; теперь вопросъ лишь въ томъ, можешь-ли ты заслужить пощадку и сожалѣніе!»

— «Я готовъ сдѣлать для этого все, что вы потребуете, отвѣчалъ я,—кромя одного: я не откажусь отъ брака съ Герминой. Зендлингенъ не можетъ быть негодяемъ.

«Онъ приблизился ко мнѣ.

— «Слушай, Викторъ, заговорилъ онъ, — я не берусь рѣшать что благороднѣе: жениться на этой дѣвушкѣ, или покинуть ее. Что до меня, то я, на примѣръ, убѣжденъ, что дѣвушка недостойна тебя. Но дѣло не въ этомъ, тутъ мое убѣжденіе стоитъ твоего. Но для меня несомнѣнно одно: что своимъ бракомъ ты опозоришь себя въ глазахъ всего свѣта. Ты, вѣроятно, возразишь мнѣ, что лучше заслужить презрѣніе свѣта, чѣмъ свое собственное. Я-же тебѣ скажу, что если ты женишься на этой дѣвушкѣ, то очень скоро и самъ начнешь краснѣть за себя— это такъ-же вѣрно, какъ то, что я на свѣтѣ живу! Изъ такой грязи не можетъ выйти счастья. Разрушенная карьера, людскія насмѣшки и пересуды, общее презрѣніе отравляютъ вашу любовь, и вы начнете мучить другъ друга — какъ мучились навѣрное твои отецъ и мать. И такъ—выбирай! Если ты женишься на ней, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до твоей дальнѣйшей судьбы. По всему вѣроятію, тебя выгонять со службы; въ лучшемъ случаѣ переведутъ, въ видѣ наказанія, въ другой городишко, гдѣ ты и останешься повторять судьбу своего отца. Если-же ты откажешься отъ нея, то все остается по-прежнему. Я, какъ за своего родного сына, буду просить за тебя императора и увѣренъ въ помилованіи. Завтра я ѣду въ Лембергъ съ тобой или безъ тебя—объ этомъ подумай до утра.—Онъ ушелъ...

«Не буду говорить объ этой ночи... Утромъ я написалъ Герминѣ прощальное письмо и уѣхалъ съ графомъ въ Лембергъ».

Послѣднія слова Зендлингенъ произнесъ очень тихо и замолчалъ. Адвокатъ тоже молчалъ.

— Ты не зналъ, что она беременна? спросилъ онъ наконецъ.

— Не зналъ навѣрное. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я справлялся о ней, но ужъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ. Потому я забылъ о ней, счелъ все это навѣки поконченнымъ, и только иногда въ сумерки или въ безсонныя ночи она вдругъ вставала, какъ живая, въ моемъ воспоминаніи. Но судьба не забываетъ старыхъ счетовъ. Ахъ, Георгъ, какъ хорошо-бы умереть!

На глазахъ адвоката выступили слезы, но онъ постарался сдержаться.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ, — ты долженъ жить, и, я

надѣюсь, еще будешь имѣть возможность уплатить свой долгъ. Не мнѣ рѣшать, какъ велика твоя вина. Знаю только, что послѣ твоего разсказа я уважаю тебя нисколько не меньше, чѣмъ прежде, и люблю, если возможно, даже больше. Твоя судьба не только печальна, а трагична, и она тебя пересилила, какъ пересилила-бы всякаго на твоемъ мѣстѣ... Ну, а теперь скажи, будешь-ли ты завтра предсѣдательствовать?

— Не могу, отвѣчалъ Зендлингенъ, — ты и самъ это понимаешь. Я съ радостью пожертвовалъ-бы собою для моей несчастной дочери, но спасти ее исподтишка, не имѣя на то права — трусливо, безчестно. Кромѣ того, я тебѣ долженъ признаться и въ этомъ: мнѣ страшно. Какое-то суевѣрное предчувствіе подсказываетъ мнѣ, что справедливая судьба не потерпитъ, чтобы одно преступленіе искупалось другимъ...

— Я не настаиваю, сказалъ адвокатъ, вставая. — Подождемъ приговора, и потомъ рѣшимъ, что намъ дѣлать. Теперь ужъ далеко за полночь, а въ восемь часовъ начнется судъ. Попробую заснуть, завтра мнѣ понадобятся всѣ мои силы. Постарайся отдохнуть и ты, Викторъ. Можетъ быть, сонъ сжадется надъ тобою.

Онъ схватилъ обѣ руки друга и долго сжималъ ихъ въ своихъ; слезы снова подступили къ его горлу, и онъ поспѣшилъ уйти, чувствуя, что если заговорить, вмѣсто словъ могутъ вырваться рыданія.

Оставшись одинъ, Зендлингенъ направился было къ своему потайному ящику, но старый Францъ помѣшалъ ему.

— Теперь надо лечь, заговорилъ онъ, — надо отдохнуть, если не ради себя, то ради насъ съ Бригиттой.

Слова сопровождались такимъ умоляющимъ взглядомъ, что Зендлингенъ не устоялъ и дозволилъ раздѣть себя и потушить лампу. Но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ.

Нѣсколько времени онъ принуждалъ себя лежать неподвижно, несмотря на бурю, разрывавшую его душу, но при первыхъ признакахъ разсвѣта не выдержалъ долѣе: одѣлся и вышелъ изъ дому.

Сѣрое осеннее утро только что занималось, и сырой туманъ, разстилавшійся по бугристой мостовой стараго города, кое-гдѣ смѣшивался съ тяжелымъ сѣрымъ дымомъ, выходящимъ изъ фабрикъ. Рѣдкіе прохожіе, узнавая президента, почтительно кланялись ему, но онъ по большей части не замѣчалъ

ничего, хотя иногда машинально кивать головою. Многие останавливались и съ удивленіемъ провожали его глазами, спрашивая себя, что могло понадобиться господину президенту въ такой ранній часъ? Можно было подумать, что онъ чего-то ищетъ, такъ внимательно смотрѣлъ онъ себѣ подъ ноги. Потомъ вдругъ онъ остановится, постоитъ на одномъ мѣстѣ и пойдетъ обратно. И какимъ-же разбитымъ, усталымъ казался онъ въ это утро! «Совсѣмъ, вдругъ состарился», замѣчали прохожіе.

Долго бродилъ онъ такимъ образомъ, безъ всякой цѣли, дрожа отъ сырости, съ лихорадочно-бьющимся пульсомъ и горящей головою, пока звонъ соборнаго колокола не остановилъ на себѣ его вниманія. Онъ замедлилъ шаги и сталъ прислушиваться, какъ будто эти громкіе звуки въ первый разъ раздались въ его ухахъ. Послѣ небольшого колебанія, онъ повернулся и пошелъ къ собору, все ускоряя и ускоряя шаги, пока не очутился передъ самой папертью.

Внутри громаднаго зданія было темно, и только надъ алтаремъ слабо мерцала неугасимая лампада. Онъ заглянулъ туда, покачалъ головою и отступилъ назадъ.

— Еще часъ! пробормоталъ онъ, взглянувъ на большіе башенные часы, и направился къ суду. Это было большое отдѣльно стоящее четырехугольное зданіе, въ передней части котораго находилась квартира президента и его канцелярія, а въ задней — камеры заключенныхъ.

Зендлингенъ пошелъ-было домой и уже началъ подниматься по лѣстницѣ, какъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и снова спустился на мостовую. Казалось, онъ колебался.

— Мнѣ нужно.. пробормоталъ онъ, до боли сжимая руки, — нужно.. нужно хоть на минуту...

Онъ обошелъ зданіе и приблизился къ заднимъ воротамъ. Онѣ были заперты и двое часовыхъ стояли по сторонамъ.

Зендлингенъ дернулъ за колокольчикъ. Отворившій ворота надзиратель тотчасъ узналъ посѣтителя и почтительно снялъ фуражку.

— Позовите смотрителя тюрьмы, сказалъ Зендлингенъ такимъ тихимъ голосомъ, что надзиратель съ трудомъ могъ понять его. Побѣжали за смотрителемъ. Тотъ явился, видимо изумленный.

— Вамъ угодно ревизовать тюрьму? спросилъ онъ.

— Нѣтъ... только нѣкоторыя камеры...

— Съ какой прикажете начать, г. президентъ? Но президентъ почувствовалъ, что силы оставляютъ его.

— Нѣтъ... пробормоталъ онъ, хватаясь за ворота, чтобы не упасть.—Въ другой разъ...

Смотритель успѣшилъ поддержать его.

— Вы опять нездоровы, сказалъ онъ. — Мы слышали о вчерашнемъ припадкѣ и очень тревожимся... Не прикажете ли проводить васъ ближайшей дорогой: вотъ тутъ — черезъ дворъ?

Они направились къ маленькой, едва замѣтной калиткѣ въ высокой голой стѣнѣ, раздѣлявшей пополамъ широкій внутренний дворъ. Очевидно, калитка эта давно не отворялась, такъ какъ смотритель долго искалъ въ своей связкѣ подходящаго ключа и потомъ долго вертѣлъ его въ замочной скважинѣ, пока она не отворилась, наконецъ, съ громкимъ скрипомъ.

— Благодарю васъ, сказалъ Зендлингенъ,—я и не зналъ объ этой двери.

— Ее велѣлъ продѣлать вашъ предшественникъ, сказалъ смотритель,—чтобы являться въ тюрьму раньше чѣмъ часоме у воротъ успѣютъ предупредить меня. Онъ очень любилъ везапныя ревизіи. У васъ въ квартирѣ есть, вѣроятно, и свой ключъ къ ней.

— Можетъ быть, согласился Зендлингенъ и вернулся къ себѣ.

Францъ тотчасъ-же подаль ему завтракъ.

— Ужь пора-бы и перестать, ворчалъ онъ.—Прекрасная выдумка, нечего сказать: бѣгать ночью по улицамъ, точно въ бѣлой горячкѣ. Г. Бергеръ тоже не мало удивлялся...

— А онъ ужь былъ здѣсь?

— Только что вышелъ. Въ восемь часовъ опять зайдетъ. Такъ что-же чай? Можно-бы выпить хоть чашку? Старикъ не отсталъ пока чашка не была опорожнена..

Зендлингенъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ посматривалъ на часы.

— Бергеръ не скажетъ ничего новаго, думалъ онъ.—Вѣроятно, онъ догадался о моемъ намѣреніи и хочетъ отговорить меня, но это не удастся ему.

Однако, это ему удалось. Когда Бергеръ вошелъ, Зендлингенъ надѣвалъ уже шляпу и искалъ свою палку.

— Ты собираешься на засѣданіе? вскричалъ адвокатъ.— Умоляю тебя, Викторъ, не дѣлай этого! Я просто запрещаю тебѣ идти. Не странно-ли покажется судьямъ, что ты и слишкомъ боленъ, чтобы предсѣдательствовать, и достаточно здоровъ, чтобы безъ всякой надобности сидѣть въ залѣ? А главное, нельзя такъ безчеловѣчно насиловать себя. Побереги свои силы, Викторъ, онѣ еще понадобятся.

Онъ отнялъ у него шляпу и насильно усадилъ въ кресло.

— Меня замучить безпокойство! протестовалъ Зендлингенъ.

— Неужели ты думаешь, что тамъ тебѣ не будетъ хуже? Прямо съ засѣданія я приду къ тебѣ; оно, божусь, не долго продлится. Обольщаться нечего, Викторъ! Присяжные непременно оправдали-бы ее въ другое время и судьи приговорили-бы ее лишь къ тюремному заключенію, а сегодня...

— Смерть! съ крикомъ вырвалось изъ груди Зендлингена.

— Но она не умретъ, не умретъ! увѣрялъ его Бергеръ.— Я употреблю всѣ средства, буду бороться до послѣдней крайности, даже въ томъ случаѣ, если-бы она не была твоей дочерью. Ну, прощай, береги себя!..

Адвокатъ взялъ свои бумаги и направился въ залу засѣданія. Еще въ корридорѣ до него началъ долетать глухой шумъ, производимый многочисленнымъ сборищемъ. Публика оказалась самой отборной и состояла преимущественно изъ дамъ.

— Какъ и слѣдовало ожидать! съ презрѣніемъ пробормоталъ Бергеръ.

На минуту лорнеты и бинокли обратились на него; потомъ снова сосредоточились на подсудимой. Но ея лица не было видно, потому что, забившись въ уголъ, она прижалась головой къ краю стоявшаго передъ ней пюпитра. Видна была только длинная волнистая коса, выбившаяся изъ подъ темнаго головного платка, да спина и плечи, судорожно вздрагивавшія отъ времени до времени.

Адвокатъ подошелъ къ своему пюпитру, стоявшему тотчасъ-же за скамьей подсудимыхъ, но она не замѣтила его, пока онъ не дотронулся до ея холодной руки.

— Будьте бодры, мое бѣдное дитя, шепнулъ онъ ей.

Она вздрогнула отъ неожиданности и съ испугомъ подняла голову.

— Ахъ! пронеслось по залѣ. Публика увидѣла, наконецъ, лицо подсудимой.

Глаза адвоката блеснули негодованіемъ. Онъ выпрямился и заслонилъ ее отъ любопытной толпы.

— О, какая толпа! прошептала она, вспыхнувъ отъ стыда, но черезъ минуту краска уже сбѣжала съ ея мертвенно блѣдныхъ щекъ и загорѣвшійся взоръ потухъ.

— Ахъ какъ еще долго мучиться передъ смертью... проговорила она въ изнеможеніи.

— Вы не умрете, проговарилъ адвокатъ медленно и съ разстановкой, какъ говорятъ съ человѣкомъ, который плохо слышитъ.—Удовлетворивши людскому правосудію, вы начнете жизнь съизнова, и въ этой новой жизни у васъ не будетъ недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ привязанности.

При этомъ онъ пристально смотрѣлъ на нее, и его вдругъ поразило сходство ея лица съ чертами друга. Цвѣтъ ея волосъ, лобъ, глаза и губы чрезвычайно напоминали отца.

— Да, да, васъ ждетъ самая нѣжная заботливость, продолжалъ онъ съ одушевленіемъ. — Клянусь вамъ въ этомъ! слышите-ли? Клянусь всѣмъ святымъ! А пока я совѣтую вамъ только говорить, какъ вы до сихъ поръ дѣлали, одну чистую правду. Будьте поэнергичнѣе, насколько хватить вашихъ силъ, и опровергайте каждую ложь, какъ ое несправедливое обвиненіе.

Она не противорѣчила, но не выразила и согласія. Можно было даже сомнѣваться—слышала-ли она его. Онъ хотѣлъ уже повторить свой совѣтъ, но въ эту минуту вошли—прокуроръ и четверо судей подъ предводительствомъ Вернера.

Если у Бергера оставалась еще тѣнь надежды, то теперь она окончательно исчезла. Двое изъ судей, вошедшихъ вслѣдъ за Вернеромъ, были изъ числа самыхъ строгихъ, третій всегда вотировалъ съ большинствомъ, и только присутствіе умнаго и добраго Дернега могло служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ.

Началось чтеніе обвинительнаго акта. Его авторъ, молодой, элегантный прокуроръ, еще недавно вступившій въ должность, слушалъ свое произведеніе съ очевиднымъ удовольствіемъ. Оно дѣйствительно было эффектно.

Въ его изложеніи графиня Риснеръ-Грасковицъ являлась

благороднѣйшей женщиной на свѣтѣ, а обвиняемая, наоборотъ, чудовищемъ безнравственности. Бездомная сирота, Викторина Липпертъ, которую графиня приютила въ своемъ замкѣ лишь благодаря своей безпримѣрной добротѣ, оплачиваетъ за это благодареніе тѣмъ, что старается соблазнить неопытного молодого графа и принудить его къ браку. Благородный юноша разорвалъ постыдныя оковы и поспѣшилъ уѣхать отъ соблазнительницы, которая, вмѣсто того, чтобы сознаться во всемъ своей благодарительницѣ и молить о снисхожденіи, еще нѣсколько мѣсяцевъ обманывала графиню и употребляла всѣ средства для сокрытія своей беременности. Наконецъ, давно заслуженная кара разразилась, оца была изгнана, и въ ту-же ночь наступили роды. Тогда безчеловѣчная мать хладнокровно убиваетъ новорожденнаго, съ цѣлью избавиться отъ послѣдствій своего позорнаго поведенія. Ея преступленіе было совершено съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, и глупымъ сказкамъ о безсознательномъ состояніи нельзя придавать серьезнаго значенія.

«Такая ранняя испорченность, продолжалъ прокуроръ, — становится понятна, если мы вспомнимъ, что ея мать — женщина легкаго поведенія...

— Ложь! гнусная ложь! звонко раздалось на всю залу восклицаніе подсудимой.

Все время она сидѣла неподвижно и, казалось, не обращала на чтеніе никакого вниманія. Но какъ только рѣчь зашла объ ея покойной матери, она вскочила какъ ужаленная, чтобы протестовать.

Въ первое мгновеніе всѣ точно оцѣпенѣли отъ неожиданности, потомъ началось движеніе. Въ публикѣ послышался оживленный говоръ. Такого дерзкаго нарушенія порядка еще не случалось въ этой залѣ. Вернеръ принужденъ былъ нѣсколько разъ откашляться, прежде чѣмъ могъ произнести:

— Замолчите, подсудимая!

Приказаніе было совершенно излишне. Послѣ своего восклицанія она упала на скамью, а потомъ безъ чувствъ свалилась на полъ. Ее вынесли. Многие съ негодованіемъ замѣтили при этомъ, что защитникъ помогалъ нести свою безчувственную клиентку, вмѣсто того, чтобы предоставить это солдатамъ.

Засѣданіе было прервано. Только черезъ полчаса подсуди-

мая снова вошла въ залу. Ея лицо было мертвенно блѣдно, и она едва передвигала ноги, опираясь на руку Бергера. Въ публикѣ стали перешептываться. Вернеръ собирался даже сдѣлать выговоръ адвокату за его неприличное поведеніе. На это онъ не рѣшился, однако, за то тѣмъ суровѣе звучало его обращеніе къ подсудимой по поводу ея «неслыханной дерзости». Она понесетъ, конечно, достойное наказаніе.

По окончаніи чтенія обвинительнаго акта долженъ былъ начаться допросъ подсудимой, и любопытство публики дошло до высшей степени напряженія.

— Подсудимая, признаете-ли вы себя виновной? раздался обычный вопросъ предсѣдателя.

Викторина Липпертъ встала и начала говорить тихимъ, но гораздо болѣе твердымъ голосомъ, чѣмъ можно было ожидать.

— Да, признаю! Я рассказала на слѣдствіи все, что знаю о своей винѣ. Я заслуживаю смерти и хочу умереть. Умирающей все равно, что-бы ни думали о ней люди, — Богъ знаетъ истину. Онъ знаетъ какъ невѣрно многое, даже большая часть того, что здѣсь читалось. Я не буду оспаривать этой неправды, только въ одномъ клянусь, передъ лицомъ смерти, клянусь Божіимъ милосердіемъ въ мой послѣдній часъ: моя мать была благородна и добра, и нѣтъ и быть не можетъ лучшей матери и болѣе чистой женщины. Тотъ, которому она довѣрилась, конечно, послѣдній изъ людей, если могъ покинуть ее. Я прошу прочесть въ доказательство ея письма ко мнѣ... я умоляю, заклинаю васъ дозволить прочесть хоть нѣкоторыя письма!.. За себя я ни о чемъ не прошу...

Голосъ подсудимой оборвался; сила, казалось, снова оставила ее, и она опустилась на скамью. Наступила глубокая тишина. Въ этихъ словахъ, въ ея голосѣ, было что-то такое, что проникало во всѣ сердца, и даже прокуроръ смотрѣлъ растерянно.

Одинъ Вернеръ остался неуязвимъ. Ожиданіе счастливаго событія невольно поглощало всѣ его мысли и заставляло спѣшить съ окончаніемъ дѣла, и безъ того затянувшася вслѣдствіе обморока подсудимой. Рѣшившись сократить слѣдствіе, на сколько это возможно въ предѣлахъ закона, онъ не обратилъ никакого вниманія на просьбу подсудимой и приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Показанія крестьянъ, нашедшихъ Викторину, не могли дать ничего новаго.

Нѣкоторое значеніе для судьбы подсудимой имѣлъ только допросъ сослужавшей служанки, изгнанной изъ Грасковица за участіе къ бѣдной Липпертъ. На слѣдствіи эта дѣвушка безусловно подтверждала всѣ показанія Викторины и, опираясь на ея свидѣтельство, Бергеръ надѣялся опровергнуть обвиненіе въ предумышленности.

Но, на этотъ разъ, свидѣтельница отвѣчала уклончиво и безпрестанно ссылалась на запятованіе. Оказалось, что она снова получила мѣсто въ Грасковицѣ.

Несмотря на протестъ защиты, свидѣтельница была допущена къ присягѣ, и Бергеръ заранѣе отмѣтилъ это обстоятельство для своей кассационной жалобы.

Затѣмъ были прочтены показанія графини и ея сына. Первая не пожалѣла ни труда, ни времени, чтобы обрисовать убійцу самыми черными красками. За то молодой графъ былъ очень кратокъ: онъ никогда не обѣщаль дѣвушкѣ жениться на ней и не имѣлъ надобности давать такого обѣщанія, — вотъ все его показаніе.

Бергеръ просилъ прочесть, въ видѣ опроверженія, письма графа, отобранныя у подсудимой, но судъ отклонилъ его просьбу, находя, что затронутый вопросъ не имѣетъ отношенія къ виновности подсудимой.

Приступили къ преніямъ.

Рѣчь прокурора была немногословна.

Онъ заявилъ, что судебное слѣдствіе подтвердило всѣ положенія обвинительнаго акта. По одному пункту, впрочемъ, онъ готовъ признать свое мнѣніе ошибочнымъ, но это только усилить виновность подсудимой. Утверждая, что ея воспитаніемъ руководила заботливая и прекрасная мать, преступница тѣмъ самымъ отнимаетъ у суда единственное основаніе для снисхожденія.

Тѣмъ энергичнѣе и убѣдительнѣе требовалъ Бергеръ безграничнаго снисхожденія для своей клиентки. Его знаніе законовъ, умъ и краснорѣчіе никогда еще, быть можетъ, не проявлялись съ такимъ блескомъ. Когда онъ кончилъ, вся публика разразилась бурными рукоплесканіями.

Судьи удалились для совѣщанія, но не прошло и двадцати минутъ, какъ они снова появились въ залѣ.

— Смерть черезъ повѣшеніе! объявилъ Вернеръ.

Публика заволновалась. Самъ защитникъ, какъ ни былъ онъ приготовленъ къ такому исходу, съ трудомъ овладѣлъ собою, чтобы заявить о намѣреніи подать на кассацию.

Гораздо менѣе, казалось, была поражена подсудимая. Она вздрогнула, правда, и даже на мгновенье закрыла глаза, но быстро оправилась и, безъ посторонней помощи, поднялась со скамьи, чтобы слѣдовать за стражею.

— Благодарю васъ, сказала она, пожимая руку адвокату; — только пожалуйста не подавайте...

— Непремѣнно подамъ, прервалъ ее Бергеръ. — Я сегодня же найду къ вамъ...

И онъ быстро вышелъ изъ залы.

(Окончаніе въ слѣд. номеръ).

ФРАНЦУЗСКОЕ ДУХОВЕНСТВО НАКАНУНѢ ПЕРЕВОРОТА.

(Окончаніе).

V.

Какъ извѣстно, Людовикъ XVI, послѣ долгихъ колебаній, въ ноябрѣ 1787 года, далъ наконецъ обѣщаніе созвать генеральныя штаты. Обѣщаніе это въ послѣдствіи было вновь повторено и созваніе штатовъ назначено на первое число мая 1789 года. Такъ какъ парламентская традиція къ этому времени почти уже совсѣмъ вымерла во Франціи,—штаты не собирались съ 1614 года, а раньше составъ и организація ихъ мѣнялись съ каждымъ новымъ созывомъ,—то правительству недоставало такимъ образомъ руководства и образца, въ виду чего министръ, кардиналъ Ломени-де-Бриеннъ, и обратился ко всѣмъ муниципалитетамъ, къ «ученымъ и свѣдущимъ людямъ», а также къ академіи надписей съ приглашеніемъ доставить въ министерство старыя документы, касающіеся прежнихъ штатовъ, всякіе мемуары и свѣдѣнія, которыя могли-бы помочь правительству разобраться въ вопросѣ о созывѣ сословій, а также частныя мнѣнія и желанія, на основаніи которыхъ оно могло-бы рѣшить, какъ ему въ данномъ случаѣ поступить.

Не желая терять времени, провинція Дофине, съ отличавшимъ ее духомъ инициативы, пошла на встрѣчу королевскому обѣщанію и назначила въ Греноблѣ, на 1 сентября 1788 года, собраніе трехъ дофинскихъ сословій, которое королевскимъ декретомъ отъ 30 августа и было признано законнымъ. Состоялось оно однако-же не въ Греноблѣ, а въ Романсѣ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ то время какъ нѣсколько позднѣе между дворянствомъ, духовенствомъ и третьимъ сословіемъ почти повсюду царили раздоры и несогласія, здѣсь, въ Дофине, каждое сословіе соперничало съ другими въ патріотизмѣ. Вопросъ о численномъ представительствѣ классовъ, вопросъ, подавшій поводъ къ страстнымъ и оже-

сточеннымъ преніямъ во всемъ остальномъ королевствѣ, дофин-
 цами рѣшенъ былъ почти безъ дебатовъ, причемъ единогласно
 было постановлено, чтобы число представителей третьяго сословія,
 явившихся въ громадномъ большинствѣ, было равно числу деду-
 татовъ духовенства и дворянства, взятыхъ вмѣстѣ. О томъ, какъ
 вотировать сословіямъ, вмѣстѣ или порознь, здѣсь также много
 не разсуждали: съ перваго-же дня всѣ совѣщанія велись сообща,
 въ одной и той-же общей залѣ, при счетѣ голосовъ не обраща-
 лось никакого вниманія на то, делегатамъ какиихъ сословія эти
 голоса принадлежать; что-же касается до того, какой духъ царилъ
 въ собраніи, то это прекрасно видно изъ того факта, что боль-
 шая часть рѣшеній была принята единогласно. При открытіи про-
 винціальныхъ собраній въ другихъ частяхъ королевства, то тутъ,
 то тамъ, делегаты тратили много страстности и времени на об-
 сужденіе вопроса о тѣхъ или другихъ исключительныхъ правахъ
 данной провинціи; собравшіеся-же въ Романсѣ представители до-
 финскихъ сословія съ энтузіазмомъ восклицали: «мы теперь болѣе
 не дофинцы, а свободные французы... Имѣя въ виду подать при-
 мѣръ другимъ провинціямъ, соединенныя сословія Дофине, не до-
 жидаясь «общаго регламента», выработывавшагося въ Версали,
 успѣшили приступить къ выборамъ депутатовъ, долженствовав-
 шихъ довести до свѣдѣнія правительства и націи о нуждахъ и
 требованіяхъ провинціи. Въ началѣ 1789 года выборы эти бы-
 ли окончены назначеніемъ тридцати депутатовъ, — пятнадцати
 отъ третьяго и такого-же числа отъ двухъ привилегирован-
 ныхъ сословія. Для предотвращенія какиихъ-бы то ни было
 прискорбныхъ недоразумѣній, казавшихся при неопредѣленности
 общаго положенія легко возможными въ будущемъ, дофин-
 скіе делегаты, смотрѣвшіе на себя, какъ на членовъ мѣст-
 наго учредительнаго собранія, торжественно провозгласили об-
 щіе принципы, долженствовавшіе лечь въ основаніе новаго
 желаннаго порядка и приступили затѣмъ къ выработкѣ «Пла-
 на политической организаціи провинціи», вскорѣ затѣмъ отпра-
 вленнаго въ Парижъ и въ большей части своей получившаго
 утвержденіе правительства. По «Плану» этому, въ видѣ вре-
 менной мѣры, принимавшейся до обнародованія общаго избира-
 тельнаго закона, предполагалось организовать мѣстное собраніе,
 долженствовавшее служить органомъ автономной провинціи и со-
 стоящее изъ 144 делегатовъ, изъ которыхъ шестая часть (24) при-
 ходилось на долю духовенства; треть (48) на дворянство и поло-
 вина (72) на представителей третьяго сословія или общинъ. Рѣ-
 шеніе, по которому эти делегаты, призванные обсуждать и воти-
 ровать всѣ вопросы сообща, должны были быть избраны исключи-

тельно въ средѣ своихъ равныхъ, принято было громаднымъ большинствомъ романскаго собранія. Голоса раздѣлились, дебаты затянулись, пренія приняли страстный характеръ только въ тотъ моментъ, когда рѣчь зашла о томъ, какъ распределить 24 представителей духовенства между различными категоріями служителей Церкви. Епархіальная власть, которой казалась нелѣпою и дикою даже и мысль о томъ, что жалкое, ничтожное сельское духовенство, это «ободранное стадо», можетъ принять активное, самостоятельное участіе въ выборахъ, тотчасъ-же по утвержденіи «Плана» приступила къ «назначенію» представителей низшаго духовенства, не справляясь, конечно, съ желаніями этого послѣдняго; такихъ назначенныхъ представителей оказалось двѣнадцать человѣкъ; т. е. половина всего числа делегатовъ духовнаго сословія. Тогда угнетаемые духовною аристократіею юре рѣшили сбросить съ себя иго давившаго ихъ авторитета. Они собрались въ Греноблѣ, редижировали смѣлое заявленіе, которое было представлено въ романское собраніе и въ которомъ они энергически протестовали противъ крайней непропорціональности въ представительствѣ высшаго и низшаго духовенства и противъ устраненія ихъ духовною властью отъ активнаго участія въ выборахъ. Этотъ протестъ, прочитанный въ собраніи, вызвалъ настоящую бурю. Титулованные прелаты усмотрѣли въ немъ посягательство на свой авторитетъ, на свои прерогативы и съ гнѣвомъ и негодованіемъ обрушились на злополучныхъ поповъ; но все было тщетно. Послѣ долгихъ и ожесточенныхъ споровъ, большинствомъ романскаго собранія, ставшимъ на сторону священниковъ, было постановлено, что «впредь представителями низшаго духовенства признаются только тѣ делегаты, которые свободно, хотя и подѣ наблюдениемъ высшей духовной власти, будутъ выбраны симимъ этимъ духовенствомъ.» Какъ ни скромно само по себѣ это рѣшеніе, тѣмъ не менѣе, по существу своему, оно было очень значительно, такъ какъ имъ впервые давались хоть какія-нибудь гражданскія права до того времени совершенно безправнымъ, обезличеннымъ и подавленнымъ скромнымъ служителямъ алтаря. По отношенію къ вопросу о представительствѣ духовенства всей Франціи оно разыграло такую-же громадную роль, какъ и вся совокупность постановленій и резолюцій упомянутыхъ выше дофинскихъ собраній въ вопросѣ о созваніи и организаціи генеральныхъ штатовъ. Рѣшеніе это послужило толчкомъ и въ то-же время исходнымъ пунктомъ для широкой и успѣшной агитаціи, которая быстро охватила собою всю страну и благодаря которой юре получили сначала избирательное право, а затѣмъ добились и большинства въ собраніяхъ духовенства.

Какъ только вѣсть о рѣшеніи, принятомъ въ Романсѣ, распространилась по Франціи, въ Авиньонѣ тотчасъ-же появился въ печати «*Mémoire pour les curés de France*», открывшій собою безконечный рядъ брошюръ, памфлетовъ, листовъ, со всѣхъ сторонъ разбивавшихъ вопросъ о положеніи, правахъ и обязанностяхъ духовенства и вскорѣ наводнившихъ собою страну. Къ «Мемуару», анонимный авторъ или, вѣрнѣе, авторы котораго энергически требовали свободнаго и пропорціональнаго представительства для низшаго духовенства, — приложенъ былъ чрезвычайно интересный адресъ весьма большого числа ліонскихъ, овернскихъ и провансальскихъ кюре къ ихъ дофинскимъ братьямъ. «Провинція Дофине, говорилось, между прочимъ, въ этомъ адресѣ, стала теперь образцомъ, которому должны слѣдовать всѣ другія провинціи; по всей справедливости, она заслуживаетъ быть центромъ гражданскаго союза... Низшее духовенство королевства, уже столь многимъ обязанное своимъ дофинскимъ братьямъ, крайне нуждается въ ихъ помощи при настоящемъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, когда отеческое сердце его величества открывается для всѣхъ подданныхъ. Удерживаемые декретомъ 9-го марта 1872 года *), мы убѣдительно просимъ нашихъ братьевъ этой провинціи **) воспользоваться свободой, которою они располагаютъ, для того, чтобы избавить насъ отъ того невыносимаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся, чтобы добиться отмены упомянутаго запрещенія и чтобы доставить всѣмъ кюре королевства право собираться и сообща обсуждать ихъ общіе интересы... Вы можете самымъ положительнымъ и самымъ торжественнымъ образомъ завѣрить правительство, что мы не оставимъ его раскаяться, разъ намъ будетъ оказана просимая нами милость... Мы будемъ пользоваться ею съ величайшею сдержанностію и не уступимъ при этомъ никакому другому классу гражданъ въ готовности приносить жертвы на нужды государства». Дофинскіе кюре не замедлили сочувственно отозваться на это обращеніе къ нимъ представителей сельскаго духовенства, причемъ посоветовали имъ поступить такъ, какъ поступали сами, т. е. приступить къ организациі собраній, такъ какъ такой способъ дѣйствія вполне соответствовалъ, по ихъ мнѣнію, видамъ и намѣреніямъ правительства. Совѣтъ этотъ немедленно-же былъ принятъ къ свѣденію и исполненію.

Вслѣдъ за провансальскими, ліонскими и другими священни-

*) Строго запрещавшимъ низшему духовенству какія-бы то ни было собранія.

**) Гдѣ декретъ не былъ зарегистрированъ мѣстнымъ парламентомъ и слѣдовательно не имѣлъ обязательной силы.

ками. къ дофинскому духовенству обратился, ища у него нравственной опоры, поддержки и содѣйствія, и бретонское низшее духовенство. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Королевскимъ декретомъ 27 декабря 1788 года было постановлено, чтобы число депутатовъ въ генеральные штаты было не менѣе тысячи, чтобы число это было составлено по возможности пропорціонально населенію и суммамъ взимаемыхъ съ округовъ налоговъ и чтобы количество депутатовъ третьяго сословія было равно половинѣ общаго числа представителей; относительно-же капитальнаго вопроса, какъ вотировать сословіямъ въ будущихъ штатахъ, всѣмъ вмѣстѣ или каждому отдѣльно, въ декретѣ не было сказано ни слова; порядокъ-же и способъ предстоявшихъ выборовъ обѣщалось опредѣлить специальнымъ регламентомъ. Въ Дофине, какъ мы видѣли, общія основныя положенія, касавшіяся формъ и характера національнаго представительства, были выработаны и приняты съ рѣдкимъ единодушіемъ. Не совсѣмъ такъ обстояло дѣло въ Бретани. Здѣсь на первыхъ-же шагахъ возникло серьезное столкновеніе между аристократіею, съ одной стороны, и третьимъ сословіемъ, требовавшимъ равенства въ представительствѣ, поименнаго вота и пропорціональнаго распределенія налоговъ, безъ различія сословій, съ другой. Ревнскій парламентъ протестовалъ противъ формы, данной выборамъ правительствомъ. Мѣстная знать рѣшительно не хотѣла «делегировать» иначе, какъ черезъ посредство существовавшихъ, аристократическихъ штатовъ Бретани, да къ тому-же еще ставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы Людовикъ XVI предварительно подтвердилъ извѣстныя «бретонскія свободы» пятнадцатаго вѣка, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ, эти «свободы», были опредѣлены въ брачномъ контрактѣ герцогини Анны, бывшей женою сначала Карла VIII, а потомъ Людовика XII. Коллизія вышла серьезная. На улицахъ Ренна то и дѣло происходили стычки и схватки между дворянами и буржуа. Даже женщины примкнули къ этой гражданско-патриотической лигѣ; въ видѣ сочувственнаго отзыва на «Постановленіе дамъ и дѣвицъ Геранды», появилось, даже изъ-за предѣловъ Арморикки, «Постановленіе матерей сестеръ, женъ и невѣстъ Анжера», пославшихъ своихъ сыновей братьевъ, мужей и жениховъ на помощь гражданамъ — «конфедератамъ» Бретани.

Само собою разумѣется, что въ этой коллизіи высшее духовенство приняло сторону свѣтской аристократіи. Оно запретило кюре или «ректоромъ», какъ ихъ называли на западѣ, собираться подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ; оно даже предписало имъ противиться распоряженіямъ правительства, созывавшаго избирательныя собранія и опредѣлявшаго ихъ составъ и организацію. Что

же касается до самихъ ректоровъ, между которыми въ то время было очень много настоящихъ «савойскихъ священниковъ» Руссо и изъ которыхъ многіе позже приняли участіе въ борьбѣ съ шуавами, то они съ перваго момента оказали настолько же сочувствующими третьему сословію, насколько враждебными привилегированнымъ классамъ. Но не зная, какъ вести себя въ виду проклятій и угрозъ своихъ епископовъ, они обратились за совѣтомъ къ дофинскимъ кюре. Эти послѣдніе не замедлили дать имъ отвѣтъ въ формѣ очень интересной брошюры, носившей заглавіе— «Les curés du Dauphiné à leurs confrères les recteurs de Bretagne». Въ этой брошюрѣ, до такой степени ярко и отчетливо отражаются чаянія, упованія, надежды и стремленія тогдашняго низшаго духовенства Франціи, что мы нѣсколько подробно и при томъ, по возможности, словами подлинника передадимъ содержаніе этого историческаго документа.

«Дорогіе и многоуважаемые братья! — такъ начинается эта брошюра, почти цѣликомъ приводимая у Шассена («Les cahiers des curés»). — Мы не перестаемъ возносить горячую благодарность Небу за то, что оно ниспослало въ сердца всѣхъ обитателей провинціи Дофине тотъ духъ справедливости, разума, мира и согласія, который навсегда гарантируетъ насъ отъ возврата столь долго удручавшихъ насъ золь... Но счастье наше не удовлетворить насъ и радость наша не будетъ полною до тѣхъ поръ, пока мы не узнаемъ, что всѣ французы, наши сограждане, выступили, подобно намъ, на путь свободы...» Ректоры Бретани угрожаютъ феодальная аристократія; для нихъ все будетъ потеряно, если ихъ высшее духовенство, дворянство и парламентъ восторжествуютъ надъ благородными усилиями бретонскаго третьяго сословія. Въ виду этого, кюре Дофине считаютъ своею священною обязанностію придти къ нимъ на помощь, поддерживать ихъ своими совѣтами и своимъ примѣромъ. «Пусть не смущаетъ васъ число и авторитетъ вашихъ епископовъ!—Если они хорошіе граждане, то не замедлятъ стать на сторону правительства и народа; если-же они проникнуты духомъ тиранніи, то не слушайте ихъ!..» — «Въ вопросахъ теологическихъ, въ дѣлахъ чисто духовныхъ епископы суть главы церковной іерархіи и въ этомъ отношеніи имъ слѣдуетъ повиноваться,—если только ихъ распоряженія и рѣшенія не противорѣчатъ ни общепринятой доктринѣ, ни вашей совѣсти» (курсивъ подлинника). Но не заблуждайтесь при этомъ!.. На почвѣ гражданскихъ и политическихъ отношеній епископы такіе-же граждане, какъ и мы, и мнѣнія ихъ для насъ вовсе не обязательны... Пусть они скандальнымъ образомъ расточаютъ въ столицѣ и въ своихъ пышныхъ замкахъ захваченное

ими достойніе бѣдныхъ, но пусть они по крайней мѣрѣ оставляютъ намъ свободу думать и чувствовать, какъ мы хотимъ, и поступать сообразно съ нашими убѣжденіями!..» Дофинскіе кюре пренебрегли внушеніями и угрозами своихъ прелатовъ и пошли своимъ путемъ. Пусть и бретанскіе ректоры поступаютъ такимъ-же образомъ по отношенію къ своимъ епископамъ и прелатамъ—аристократамъ!.. Всѣ эти совѣты и внушенія были съ восторгомъ выслушаны и приняты въ Бретани; отвѣтъ дофинскихъ кюре рѣшилъ судьбу низшаго бретанскаго духовенства...

Въ то время, какъ кюре Бретани съ нетерпѣніемъ ожидали официального созванія избирателей, чтобы принять дѣятельное участіе въ выборахъ, несмотря ни на епископатъ, ни на дворянство, ни на магистратуру, кюре провинціи Анжу, съ декабря 1787 года, энергически выступили противъ своихъ епископовъ, аббатовъ и канониковъ, рѣшительно заявивъ, что въ классѣ духовномъ «кюре являются тѣмъ-же, чѣмъ третье сословіе въ націи». Съ особенною силою они возстали противъ правъ и привилегій монашествующаго духовенства и категорически указали на необходимость подчинить духовныя конгрегаціи наблюденію приходовъ. Это «бунтовское» движеніе, какъ его называли епископы въ своихъ донесеніяхъ, не замедлило увлечь за собою и нѣкоторыхъ, наиболѣе живыхъ и отзывчивыхъ, представителей духовенства привилегированнаго.

Изъ Дофине, Бретани, Анжу движеніе кюре, направленное противъ духовной аристократіи, мало по малу распространяется на всю Францію, причемъ священники вездѣ, собираются и сообщая обсуждаютъ свои нужды. Въ діоцезѣ Манса появляется и дѣлаетъ свое дѣло «*Призывъ*» къ священникамъ, которые еще не приступили къ организаціи собраній. Въ Орлеанѣ сплотившіеся кюре такъ формулируютъ свои желанія, удовлетворенія которыхъ должны требовать ихъ делегаты въ избирательныхъ собраніяхъ, а затѣмъ и ихъ депутаты въ національномъ собраніи: 1) уничтоженіе насильственныхъ поборовъ за требы; 2) увеличеніе содержанія священниковъ, въ особенности сельскихъ; 3) представительство кюре въ общихъ собраніяхъ духовенства; 4) представительство ихъ въ епархіальномъ совѣтѣ; 5) уничтоженіе налога, предназначаемаго для составленія «добровольнаго дара», и пропорціональное участіе всѣхъ плательщиковъ, въ томъ числѣ и духовныхъ, въ покрытіи долговъ и удовлетвореніи нуждъ государства... Съ подобными-же заявленіями болѣе или менѣе рѣшительно выступаютъ затѣмъ и кюре Бордо, Тулузы, Оверни, Фландрій, Франшъ-Конте, Лотарингіи и большинство остальныхъ центровъ и провинцій.

Такимъ образомъ, представители низшаго французскаго духовенства повсемѣстно рѣшительно заявили о своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правахъ. Теперь имъ оставалось только добиться признанія и санкціонированія этихъ правъ въ избирательныхъ собраніяхъ сословій.

VI.

Прежде чѣмъ продолжать рѣчь объ активной роли священниковъ, мы считаемъ нелишнимъ хотя вкратцѣ познакомить читателя съ нѣкоторыми, наиболее выдающимися образцами той литературы по вопросу о духовенствѣ, которая въ періодъ времени 1788—1789 гг. достигла во Франціи необычайнаго развитія и могущественно содѣйствовала торжеству дѣла низшаго духовенства. По словамъ историковъ, никогда еще никакою націею не овладѣвала такъ сильно потребность писать, печатно производить «экзампль совѣсти», какъ это было во Франціи въ то время. Указъ о созваніи генеральныхъ штатовъ требовалъ не только однихъ официальныхъ «cahiers», обсужденныхъ и редижированныхъ въ мѣстныхъ собраніяхъ каждаго изъ трехъ государственныхъ сословій—онъ уполномочивалъ также всѣ классы общества, всѣхъ гражданъ представлять ихъ жалобы и пожеланія, формулировать соображенія о средствахъ для уврачеванія золь и бѣдъ, удручавшихъ страну, и излагать вообще свои мнѣнія «относительно всего того, что касается блага народа и процвѣтанія королевства». Въ виду такого приглашенія, а также и полной свободы, дарованной прессѣ передъ выборами и во время самыхъ выборовъ, за перо брался чуть не каждый, умѣвшій писать. Писали приэтомъ, какъ это отчасти мы видѣли выше, и сами духовные, заинтересованные въ измѣненіи своего положенія; писали и міряне, возмущавшіеся безобразными порядками въ католической церкви и убѣжденные въ безотлагательной необходимости реформъ этой послѣдней. Всевозможныя брошюры съ такимъ содержаніемъ появлялись цѣлыми сотнями. Многія изъ нихъ представляли собою ни что иное, какъ болѣе или менѣе остроумные и ѣдкие памфлеты, какъ это видно, между прочимъ, и изъ самыхъ заглавій ихъ *). Остальная-же, несравненно большая по числу, масса ихъ отличалась вполне серьезнымъ отношеніемъ къ затронутымъ въ нихъ вопросамъ и рассчитана была, какъ на чувство, такъ и на умъ, на здравую до-

*) „Capucinade“, „Chemise levée à l'abbaye de Montmartre“, „Le remue-ménage du Paradis“, „Dom Grognon ou le Cochon de Saint-Antoine“, L'histoire des moines décrite à la manière de Buffon“, „L'essai historique sur Robert d'Arbrissel qui convertissait les filles en les embrassant“, и т. д., и т. д.

гику читателей. На этой-то послѣдней категоріи упомянутыхъ произведеній мы и остановимся.

«На свѣтѣ существуетъ одна естественная, универсальная мораль, говоритъ анонимный авторъ большой брошюры—*«Pièces du Procès ou Crimes et forfaits de la noblesse et du clergé»*, —мораль вполне независимая отъ какихъ-бы то ни было религиозныхъ мнѣній, годная для всѣхъ людей, во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, при всѣхъ обстоятельствахъ». Права, обуславливаемая ею, заключаются въ «самостоятельности личности, въ безпрепятственномъ пользованіи собственностію, въ свободѣ дѣйствій, въ неприкосновенности жизни, чести, репутаціи»; обязанность-же она налагаетъ только одну, а именно: «уважать эти самыя естественныя права своихъ ближнихъ». «Почему-же, спрашивается, эта столь простая, несложная и въ высокой степени проникнутая социальнымъ духомъ мораль остается почти повсюду неизвѣстною? Потому что она въ корнѣ извращена примѣско религіозныхъ мнѣній, извращена творцами этихъ мнѣній, представителями католическаго духовенства... Кто всегда былъ ожесточеннымъ врагомъ свободы совѣсти, свободы печати? Кто всегда являлся тормазомъ въ дѣлѣ борьбы съ невѣжествомъ и заблужденіями? — Католическое духовенство, потому, что оно ничего такъ не боится, какъ свѣта... Кто, поэтому, повиненъ въ тѣхъ безпорядкахъ, смутахъ и преступленіяхъ, которые совершаются подъ вліяніемъ невѣжества и заблужденій? Католическое духовенство...» Яркими чертами изобразивъ затѣмъ извѣстную уже намъ исторію происхожденія богатствъ и привилегій духовенства, авторъ «народнаго катехизиса», какъ онъ самъ называетъ свою брошюру, формулируетъ слѣдующіе тезисы, которые въ то время, такъ сказать, уже носились въ воздухѣ: 1) Государство, въ качествѣ законнаго собственника, должно взять и продать церковныя богатства для уплаты долговъ какъ самого духовенства, такъ и своихъ собственныхъ, а также для увеличенія содержанія священниковъ; 2) всѣ валогы, взимаемые съ народа представителями Церкви, должны быть уничтожены, такъ какъ нація должна платить только государству; 3) содержаніе высшихъ духовныхъ лицъ должно быть низведено до размѣра, пропорціональнаго выполняемымъ ими обязанностямъ; 4) закономъ строго должно быть запрещено предоставленіе мѣстъ въ церковной іерархіи кому-бы то ни было, кромѣ наиболѣе просвѣщенныхъ, и уважаемыхъ кюре; и т. д.

Тѣ-же, въ сущности, идеи, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, выражаетъ и адвокат Летелле въ своихъ популярныхъ и распространенныхъ въ то время брошюрахъ: *«Jugement du Champ de Mars»* и *«Fanal du Tiers-Etats»*. Онъ имѣетъ въ виду не уни-

чтожить духовенство и дворянство, а только «исправить» их, потому что люди этих сословий, по его мнѣнію, «нуждаются въ хорошемъ урокѣ». Отрицая полезность епископовъ, почти не живущихъ въ своихъ діоцезахъ, не видя ни малѣйшей надобности въ капитулахъ, коллегіяхъ, приорствахъ и монастыряхъ, «служащихъ только притонами тунеядства и разврата», авторъ «Judgement» восклицаетъ: «кюре, смиренные пастыри — вотъ все, что намъ нужно!..» Въ своемъ «Fanal» онъ снова возвращается къ тѣмъ-же идеямъ и говоритъ, что будущіе генеральные штаты имѣютъ безусловное право распорядиться церковными богатствами въ интересахъ націи и, съ другой стороны, реформировать сверху до низу всю духовную организацію. По его убѣжденію, нельзя привести церковь къ ея первоначальному состоянію и дѣлать духовное служеніе согласнымъ съ Евангеліемъ, не лишивъ духовенство его богатствъ, приобретенныхъ къ тому же незаконными путями. Но, можетъ быть, это будетъ посягательствомъ на собственность?.. Ни въ какомъ случаѣ!.. «Духовенство не имѣетъ ничего. Богатства, которыми оно пользуется, даны церкви; церковь же состоитъ изъ всѣхъ вѣрующихъ, которые и являются собственниками. Вѣрующіе эти составляютъ собою націю; слѣдовательно, церковныя богатства принадлежать націи, государству»... Къ тому-же, онъ полагаетъ, что князья церкви, несмотря на даваемые ими обѣты смиренія и т. д., неспособны дѣлать надлежащаго употребленія изъ имѣющихся въ ихъ рукахъ богатствъ. На этой мысли онъ сходится, между прочимъ съ анонимнымъ авторомъ тоже очень распространенной тогда брошюры. — «Principes de gouvernement Simplifiés». Нужно замѣтить, что всѣ эти идеи раздѣлялись и высказывались и почти всѣми другими публицистами 1788—89 года.

Осенью 1788 года, изъ подъ пера пользовавшагося весьма большою извѣстностію и вліяніемъ писателя, Сервана, бывшаго генеральнаго адвоката въ гренобльскомъ парламентѣ, появилось «Exhortation pressante aux trois Ordres de la province de Languedoc». Обращаясь въ этой брошюрѣ, между прочимъ, также и къ низшему духовенству, авторъ восклицаетъ: «Когда же наконецъ вы (кюре) перестанете трепетать и пресмыкаться передъ вашими епископами?!.. Вѣдь вы стали притчею во языцѣхъ для всей Европы, предметомъ жалости и презрѣнія для остальной Франціи!.. Никогда, никогда не въ состояніи я буду повѣрить, чтобы люди, хоть разъ въ жизни серьезно подумавшіе о правахъ чловѣка, безъ гнѣвнаго негодованія могли выносить даже мысль о томъ, что ихъ можетъ угнетать, давить, топтать въ грязь горсть людей, чуждыхъ ихъ провинціи, сплющъ и рядомъ чуждыхъ даже

королевству, обязанных своимъ положеніемъ интригамъ и держащихся на своихъ мѣстахъ, благодаря жадному корыстолюбію Рима!...»—«Если епископы, угнетающіе собою все духовное сословіе, говорить онъ въ другой своей брошюрѣ—«*Conseils au clergé de Provence*», будутъ продолжать упорствовать въ своемъ сопротивленіи (организациі провинціальныхъ штатовъ по образцу дофинскихъ), то безусловно необходимо, чтобы кюре городовъ и деревень соединились между собою и обратились съ челобитною къ королю... Пора, давно пора, чтобы кюре перестали быть паріями; нужно, безотлагательно нужно, чтобы они вышли изъ подъ ита епископовъ...»

При всеобщемъ возбужденіи противъ высшаго французскаго духовенства, отъ грома и молній тогдашней публицистики не могъ, конечно, ускользнуть и наиболѣе скомпрометировавшій себя въ общественномъ мнѣніи классъ его, а именно, монашествующее духовенство. Изъ цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ, какъ по тону, такъ и по содержанію, произведеній, направленныхъ противъ него, мы вскользь и только для примѣра упомянемъ о весьма серьезной брошюрѣ—«*De la noblesse et des moines*», неизвѣстный авторъ которой, человѣкъ несомнѣнно свѣтскій, съ негодованіемъ ополчается на французскихъ монаховъ и монахинь. Яркими красками обрисовываетъ онъ жизнь «черной братіи», и заканчиваетъ свою филиппику словами евангелиста Луки: «дерево, не приносящее плодовъ, должно быть вырвано съ корнемъ»... Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что тогдашнее французское монашество до такой уже степени было дискредитировано въ глазахъ общества, что открыто защищать и отстаивать его не рѣшались даже и его сторонники; это былъ уже лежачій врагъ, на котораго и нападать-то не стоило. Гораздо большее мужество нужно было имѣть для того, чтобы возставать противъ принципа безбрачія католическаго духовенства вообще, какъ это дѣлалъ, напр., Петіонъ де Вильневъ, будущій мэръ города Парижа, а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе публицисты. «Главнѣйшая причина, по которой духовенство стоитъ нравственно ниже всѣхъ другихъ сословій, говорилъ Петіонъ («*Avis aux Français sur le salut de la Patrie*»), заключается въ томъ, что члены его отказываются быть людьми и гражданами, супругами и отцами... Обревая себя на безбрачіе, они оскорбляютъ законы природы и социальнаго порядка».—«Говорять, иронически замѣчаетъ по тому-же поводу другой авторъ, что плоть въ священникѣ обуздана и что поэтому ему легко нести обѣтъ безбрачія... Да, легко... Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посчитать, сколько «осчастливлено» ими дѣвушекъ и женщинъ и сколько пущено по бѣлому свѣту незаконныхъ дѣтей!...»

Бѣзъ ни убійственны были нападки на высшее французское духовенство, со стороны свѣтскихъ писателей, но удары, наносившіеся этому духовенству изъ его-же собственнаго лагеря, были еще чувствительнѣе и неотразимѣе. Голосъ духовныхъ лицъ звучалъ въ данномъ случаѣ тѣмъ авторитетнѣе, что лица эти, по самому своему положенію, представлялись вполне компетентными въ вопросахъ, касавшихся церкви и ея служителей. Мы прежде всего наталкиваемся здѣсь на «Наго sur la Feuille des bénéfices»,— весьма обстоятельную брошюру, составленную Беранже-де-Оттревомъ, секретаремъ архіепископа жарантскаго. Въ брошюрѣ изображается возмутительная картина распредѣленія бенефицій, наслѣдственно скучивавшихся въ рукахъ немногихъ аристократическихъ фамилій, безжалостно бичуется страсть къ духовнымъ титуламъ, передается некрасивая жизнь столповъ церкви. Съ цифрами въ рукахъ, авторъ подводитъ чудовищно-громадные итоги ихъ доходовъ и безумныхъ тратъ и въ заключеніе восклицаетъ: «Средины тутъ (въ вопросѣ объ имуществахъ духовенства) нѣтъ и быть не можетъ; одно изъ двухъ, или они, эти богатства, обратятся въ средство спасенія для государства, или-же будутъ служить орудіемъ всеческаго разврата. Правительство обязано наложить на нихъ руку; оно даже и не можетъ поступить иначе, такъ какъ бьющія въ глаза возмутительныя злоупотребленія настойчиво указываютъ на полнѣйшую несостоятельность существующаго въ церкви порядка и вынуждаютъ замѣнить этотъ порядокъ инымъ...»

Въ то время, какъ Оттревъ гремѣлъ противъ злоупотребленій церковными имуществами, знаменитый впоследствии аббать Гуттъ,— одинъ изъ выдающихся членовъ учредительнаго собранія и творцовъ гражданской конституціи церкви, — въ глуши своего анжильерскаго прихода (недалеко отъ Монпелье) писалъ свои «*Considérations sur l'injustice des prétentions du clergé et de la noblesse*». «Духовные, читаемъ мы въ нихъ, должны, наконецъ, вспомнить, что Богъ повелѣлъ имъ Кесарево отдавать Кесареви и что царство ихъ не отъ міра сего. Если они, отвергнувъ законъ, продекларованный имъ божественнымъ Учителемъ, злоупотребили суетворнымъ невѣжествомъ правителей и благодушіемъ сильныхъ міра для скопленія въ своихъ рукахъ несмѣтныхъ богатствъ, а слабостью правительства для приобрѣтенія всевозможныхъ исключительныхъ правъ и привилегій, противныхъ духу христіанскаго ученія и общественному благу, то настоящему правительству слѣдуетъ повелительно призвать ихъ къ ихъ истиннымъ обязанностямъ, подчинить ихъ законамъ королевства, заставить участвовать въ несеніи налоговъ и повинностей, какъ членовъ націи,

часть которой они составляютъ, хотя и претендуютъ на обособленное, независимое отъ правительства существованіе...» Почтенный аббатъ сурово осуждаетъ затѣмъ стремленіе представителей религіи къ знатнымъ титуламъ и къ феодальнымъ правамъ, негодуетъ на безумную роскошь и расточительность самозванныхъ преемниковъ апостольскихъ, получающихъ и проживающихъ сотни тысячъ и даже милліоны ливровъ ренты, въ то время, какъ прозябающій на ихъ землѣ земледѣлецъ буквально умираетъ съ голоду, клеймитъ французскихъ аббатовъ и прелатовъ, давшихъ обѣтъ цѣломудрія, но «открыто держащихъ у себя наложницъ». Въ интересахъ самой церкви, онъ настойчиво требуетъ продажи церковныхъ имуществъ и предлагаетъ затѣмъ, чтобы государство обратило служителей алтаря въ «должностныхъ лицъ», получающихъ отъ него опредѣленное жалованье и подлежащихъ смѣнѣ въ томъ случаѣ, если они не исполняютъ обязанностей, предписываемыхъ имъ религіею. Вообще, будущій епископъ Отена является однимъ изъ самыхъ суровыхъ обличителей и судей своего сословія.

Недостатокъ мѣста не даетъ намъ возможности остановиться на многихъ другихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ, вышедшихъ въ то время изъ-подъ пера духовныхъ лицъ, напр.: «Tableau moral du clergé de France», «Rêve du pauvre moine», «Remontrances et doléances des curés du royaume», «Mémoire sur l'administration et la réformation des biens du clergé», «Réforme du clergé à proposer aux Etats généraux» и др. Скажемъ только, что всѣ они запечатлѣны тѣмъ-же духомъ горячаго протеста, какъ и вышеупомянутыя нами свѣтскія и духовныя брошюры, преслѣдуютъ одну и ту-же общую цѣль, выражаютъ одни и тѣ-же желанія и требованія. Экспроприація имуществъ духовенства, избраніе епископовъ изъ среды кюре, уничтоженіе всякихъ исключительныхъ правъ и привилегій духовнаго сословія, уничтоженіе десятины монашества, отмѣна безбрачія служителей алтаря, нравственное и матеріальное улучшеніе положенія низшаго духовенства, право кюре на участіе въ представительствѣ, и т. д.,—таковы темы, съ различныхъ точекъ зрѣнія разсматриваемыя въ нихъ. Эпиграфомъ для всѣхъ ихъ могла-бы служить бывшая тогда въ большомъ ходу фраза: «Paix aux curés, guerre aux évêques, aux moines!..»

VII.

Аристократическій епископатъ, главы духовныхъ конгрегацій, великіе и малые десятичники, владѣльцы бенефицій, приведенные въ ярость поведеніемъ низшаго духовенства, истощили всѣ возможныя средства для того, чтобы задержать и остановить потокъ, угро-

жавшій ихъ положенію. Не было такой интриги, не было такого приѣма, который не пускался-бы ими въ ходъ для того, чтобы помѣшать церковной реформѣ.

Но тогдашній министр, Неккеръ, протестантъ и женевецъ, былъ недоступенъ ни лести, ни угрозамъ французской клерикальной аристократіи. Интересы, которые отстаивала эта послѣдняя, стояли однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій на пути къ достиженію предположенныхъ имъ финансовъ цѣлей, а потому, весьма естественно, онъ и искалъ себѣ опоры въ «третьемъ сословіи», какъ гражданскомъ, такъ и духовномъ. Съ другой стороны, и сами юре, наэлектризованные общимъ оживленіемъ, потеряли всякій страхъ къ своимъ духовнымъ главамъ. Они все тѣснѣе и тѣснѣе принимали къ третьему сословію и все болѣе отождествляли свое дѣло съ его дѣломъ, причемъ даже самая ярость ихъ епископовъ служила для нихъ только новымъ стимуломъ. Корабли за ними были сожжены, и теперь имъ волей-неволей приходилось рѣшительно идти впередъ.

Въ серединѣ января 1789 года дѣятельность ихъ синдикатовъ достигаетъ апогея своего развитія. Петиціи, прошенія и челобитныя сыплются дождемъ. Въ нихъ юре убѣдительно доказываютъ, что если высшее духовенство будетъ имѣть большинство голосовъ въ избирательныхъ собраніяхъ, а затѣмъ и въ генеральныхъ штатахъ, то «все будетъ потеряно», и заклинаютъ правительство, чтобы оно предоставило низшему духовенству право избрать по меньшей мѣрѣ половину всего числа депутатовъ отъ духовнаго сословія. Любопытенъ пріятномъ нравственный мотивъ, на который, между прочимъ, конечно, опираются эти требованія и домогательства. Юре хлопчуть и отстаиваютъ не свои «личные интересы», а интересъ общій, интересъ бѣдныхъ и несчастныхъ, довѣренныхъ ихъ заботамъ и попеченіяхъ. «Мы члены духовенства, говорятъ они, но въ то-же время и защитники, покровители бѣдныхъ... Въ королевствѣ насчитывается, продолжаютъ они, по меньшей мѣрѣ девять миллионовъ душъ, одна часть которыхъ состоитъ изъ людей, неспособныхъ трудомъ добывать себѣ средства къ существованію и живущихъ исключительно насчетъ благотворительности священниковъ; другая-же составляется изъ труженниковъ, неимѣющихъ ничего, кромѣ рукъ, и, въ случаѣ какаго-либо несчастія, неурожаа, болѣзни или старости, вынуждаемыхъ искать поддержки и опоры у прихода. Юре, «припадающіе къ ступенямъ трона», являются естественными опекунами этихъ девяти миллионовъ несчастныхъ, они должны быть «ихъ адвокатами въ великомъ совѣтѣ націи»: только они одни могутъ авторитетно и успѣшно защищать ихъ дѣло, такъ какъ только къ

нимъ однимъ «идеть нищета съ ея горестными тайнами». Если кюре не войдутъ въ составъ генеральныхъ штатовъ, то кто, спрашивается, будетъ представлять тамъ немущую часть народа? Кто будетъ отстаивать ея интересы противъ притязаній собственниковъ, всегда старающихся взвалить тяжесть общественныхъ повинностей на плечи массы? Не будутъ-ли слабые раздавлены болѣе сильными, если кюре, ихъ естественные представители, не станутъ тамъ ихъ защитою? Легкомысленно было-бы думать, что такая «адвокатская» роль простыхъ священниковъ можетъ быть добросовѣстно и успѣшно выполнена епископами и аббатами монастырей. «Бѣдняки городовъ не идутъ обыкновенно въ стѣны монастырскихъ обителей, чтобы подѣлиться съ отшельниками своимъ горемъ, а деревенскіе несчастливцы не осаждаютъ епископскихъ резиденцій и дворцовъ съ цѣлю довести до свѣдѣнія высокопреосвященствъ о своихъ страданіяхъ. Нѣтъ, всё они обращаются къ кюре, живущему богу-о-богу съ ними, посѣщающему ихъ бѣдныя жилища, утѣшающему ихъ на одрѣ болѣзни; ему открываютъ они свою душу, передъ нимъ обнаруживаютъ во всей наготѣ свои помыслы и желанія... Слѣдовательно, никому иному, кромѣ кюре, и не можетъ принадлежать право представлять ихъ въ генеральныхъ штатахъ, указывать тамъ на истинныя причины удручающихъ ихъ золъ и бѣдъ и рекомендовать средства для устраненія послѣднихъ»... Дальнѣйшія событія показали, что священники говорили все это искренно, что ссылка на народъ не была для нихъ только благовиднымъ предлогомъ для завоеванія себѣ правъ и что большинство ихъ честно послужило дѣлу національнаго обновленія.

Живая агитація, поднятая по вопросу о положеніи и правахъ низшаго духовенства и въ концѣ концовъ разросшаяся до весьма широкихъ размѣровъ, одѣлала свое дѣло. Въ концѣ января и началѣ февраля 1789 года по всей Франціи расклеивался, читался и объяснялся въ церкви каждаго прихода «Règlement fait par le roi pour l'exécution des lettres de convocation aux Etats généraux du royaume». Регламентъ этотъ, торжественно признавая избирательныя права также и за низшею категоріею духовенства, призываетъ въ собранія этого послѣдняго «всѣхъ достойныхъ и полезныхъ пастырей, постоянно и близко видящихъ нужды народа и пекущихся объ удовлетвореніи ихъ».

Наиболѣе существенными пунктами регламента, имѣвшими отношеніе къ духовенству, были слѣдующіе. Епископы, аббаты, владѣльцы бенефицій, десятичники, вообще, всѣ представители титулованнаго духовенства приглашались явиться въ мѣстныя собранія лично или-же послать вмѣсто себя довѣренныхъ лицъ. Духовные,

владѣвшіе бенефіціями въ нѣсколькихъ округахъ, имѣли право въ каждый изъ этихъ округовъ послать по довѣрителю; но въ данномъ собраніи они могли пользоваться только однимъ голосомъ. Представители духовнаго сословія, владѣвшіе имѣніями не въ качествѣ бенефіцій, а на правахъ личной собственности, при личномъ представительствѣ должны были являться въ собраніе духовенства; если-же они посылали вмѣсто себя довѣрителя, то этотъ послѣдній долженъ былъ принадлежать къ дворянскому классу и засѣдать въ собраніи дворянства. Далѣе, въ каждомъ капитулѣ должно было состояться два предварительныхъ собранія: одно, составленное изъ канониковъ, должно было выбрать изъ своей среды въ мѣстную ассамблею одного делегата на десять присутствовавшихъ канониковъ, двухъ на двадцать, и т. д.; въ составъ другого должны были войти всѣ остальные духовныя лица, принадлежавшія къ капитулу; ему предоставлено было право избрать одного делегата на двадцать присутствовавшихъ, двухъ на сорокъ, и т. д. Конгрегаціи и общины чернаго духовенства не могли быть представлены иначе, какъ при посредствѣ довѣреннаго лица, принадлежавшаго къ данному ордену и избраннаго всѣми членами общины. Что-же касается до приходскихъ священниковъ, то тѣ изъ нихъ, которые жили дальше двухъ мѣ отъ города, гдѣ должно было происходить собраніе, имѣли право являться лично въ это послѣднее только тогда, если могли оставить вмѣсто себя викарія или замѣстителя, который былъ-бы въ состояніи исполнять ихъ обязанности во время ихъ отсутствія изъ прихода; въ противномъ-же случаѣ должны были ограничиться посылкою довѣренныхъ лицъ, взятыхъ непременно въ духовномъ сословіи.

Въ виду этого послѣдняго ограничительнаго условія весьма многіе кюре на первыхъ порахъ сильно опасались, что имъ не удастся явиться въ достаточномъ числѣ въ избирательныя собранія и что такимъ образомъ голосами ихъ можетъ завладѣть, узурпируя право довѣренности, духовная аристократія, которая уже начала заявлять о себѣ всевозможными происками. Въ Версаль полетѣли отъ нихъ требованія разъясненій королевскаго регламента, протесты противъ насильственнаго замѣщенія довѣренными въ случаѣ отдаленности прихода отъ города, жалобы на интриги великихъ викаріевъ и другихъ духовныхъ главъ; но въ то-же время туда послано было также не мало и благодарственныхъ адресовъ отъ «второстепенныхъ пастырей» за дарованіи имъ гражданскія права. Говоря вообще, сельское духовенство, за исключеніемъ приходскихъ викаріевъ, которые не получили права представительства и должны были оставаться въ приходкахъ въ то время, какъ ихъ кюре шли вотировать, было болѣе или менѣе удовле-

творено раскрывшеюся передъ нимъ перспективою. Но далеко неудовлетворенною чувствовала себя низшая монастырская братія, настолько-же приниженная и зависимая отъ духовной аристократіи, настолько-же страдавшая отъ произвола и высокомерія послѣдней, какъ и злоподучные кюре. Въ большинствѣ монастырей, приорствъ и аббатствъ титулованныя главы ихъ, въ противность регламенту, нашли для себя болѣе удобнымъ обойтись безъ какихъ-бы то ни было собраній и совѣщаній со своими подчиненными и сами себя выбрали довѣренными лицами, опираясь на «естественное право» предатовъ представлять собою управляемыя ими общины. Такое незаконное поведеніе ихъ вызвало въ нѣкоторыхъ обителяхъ настоящее возмущеніе иноковъ, какъ это было, напр., въ картезианскомъ монастырѣ въ Ниверне, и подало поводъ къ безчисленнымъ жалобамъ кармелитовъ, августинцевъ, кордельеровъ, братьевъ-проповѣдниковъ и въ особенности капуциновъ Лиможа, Арля, Э, Марсели и т. д. Если-же простымъ монахамъ удавалось, — что было, впрочемъ, очень рѣдко, — проникнуть въ избирательное собраніе делегатами отъ равныхъ себѣ, то они всегда становились на сторону кюре, противъ высшаго духовенства.

Что-же касается до архіепископовъ и епископовъ, то они, какъ передъ выборами, такъ и во время и послѣ выборовъ, не переставали раздражаться жалкими словами, приправляемыми проклятіями. Законъ, вѣра, власть, однимъ словомъ, всѣ общественныя основы, если вѣрить имъ, оказались погранными, ниспровергнутыми въ тотъ моментъ, когда вступленіе столповъ Церкви въ генеральныя штаты было поставлено въ зависимость отъ произвольнаго выбора призванныхъ избирателей.. Возможное-ли, слыханное ли это дѣло, чтобы епископъ, ради чего-бы то ни было, нуждался въ одобреніи и согласіи жалкаго попа, того самаго попа, котораго онъ вчера еще могъ уничтожить однимъ своимъ взглядомъ?! «Церковь Дижона» успѣшила обратиться къ королю съ печатными «Réclamations et protestations» противъ численнаго перевѣса, дарованнаго простымъ кюре. Одинъ изъ «наиблагороднѣйшихъ» капитуловъ столицы послалъ тому-же королю строгое увѣщаніе, въ которомъ говорилъ, между прочимъ, «что всякая субординація нарушена, что духъ независимости и *возмущенія* открыто покровительствуется, что сама религія, такъ сказать, атакуется въ самомъ священномъ своемъ убѣжищѣ...» И далѣе: «когда низшій классъ служителей религіи станетъ на одномъ ряду съ высшимъ, когда подчиненные будутъ господствовать, благодаря своей численности, надъ своими главами, то церковное правительство будетъ всецѣло уничтожено!..»

Но было уже поздно. Открытая борьба между старымъ и новымъ порядками зашла очень далеко; возврата назадъ быть не могло. Священническое движеніе сдѣлало уже очень большіе успѣхи и вступало въ новую фазу: въ гордомъ совнаніи официально признанныхъ за ними человѣческихъ и гражданскихъ правъ, юре шли въ избирательныя собранія

VIII.

Первый и самый важный шагъ на пути освобожденія низшаго духовенства отъ деспотическаго ига духовной аристократіи былъ сдѣланъ. Правительство, какъ мы видѣли, вышло справедливымъ жалобамъ, домогательствамъ и требованіямъ юре и протянуло имъ руку помощи, торжественно признавъ за ними избирательныя права. «Второстепеннымъ» служителямъ алтаря теперь оставалось только воспользоваться этими правами, санкціонированными королевскимъ «регламентомъ», такъ сказать, реализовать ихъ на практикѣ, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, представлялось однакоже дѣломъ весьма не легкимъ. Не трудно было предвидѣть, что представители феодальной духовной аристократіи, настойчиво указывавшіе власти на «бунтовской» характеръ священническаго движенія и въ то-же самое время не стѣснявшіеся въ выраженіяхъ своей враждебности къ реформаціоннымъ мѣрамъ правительства, не такъ-то легко примирятся съ официально провозглашеннымъ принципомъ гражданского равноправія, угрожавшимъ ихъ традиціоннымъ правамъ и привилегіямъ, не преклонятся безропотно передъ совершившимся фактомъ и не признаютъ себя побѣжденными, не выдержавъ предварительно ожесточенной борьбы, не истощивъ всѣхъ средствъ сопротивленія. Не смотря на «регламентъ», они вовсе не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ. Если, — въ виду ясно выраженной воли короля призывавшаго, въ числѣ прочихъ гражданъ, также и «всѣхъ добрыхъ пастырей» къ активному участию въ политической жизни странъ, — имъ и нельзя было болѣе категорически оспаривать у низшаго духовенства его новыхъ правъ, то для нихъ имѣлась полная возможность, дѣйствуя путемъ интригъ, происковъ, застраиваній, лицемѣрія и обмана, попытаться затормозить примѣненіе этихъ правъ, сдѣлать ихъ фиктивными и такимъ образомъ остаться господами положенія. Если появленіе «презвѣннаго» юре въ избирательномъ собраніи было уже неизбѣжно, то оставался еще шансъ обойти и затереть этого самого юре при выборѣ депутатовъ въ генеральные штаты, а также и при составленіи и редакціонаніи «*cahiers*», которыя этими депутатами должны были быть представлены «королю и націи» отъ имени духовнаго со-

словія. Въ избирательныхъ собраніяхъ не замедлила поэтому завязаться ожесточенная борьба объ исходѣ и характерѣ которой мы теперь и скажемъ нѣсколько словъ.

На открытое противодѣйствіе королевской волѣ, выраженной въ «регламентѣ», свѣтскіе и духовные сеньеры рискнули только въ немногихъ провинціяхъ, а именно въ Бретани, Наваррѣ и Беарнѣ. Въ виду тяжелой распри, завязавшейся, какъ мы видѣли, въ первой изъ названныхъ провинцій между мятежною аристократіею, съ одной стороны, и третьимъ сословіемъ, низшимъ духовенствомъ и народомъ, съ другой,—распри, сопровождавшейся бурными столкновеніями и грозившей затормозить и затянуть дѣло выборовъ,—правительство рѣшилось издать для Бретани специальный регламентъ, которымъ третье сословіе и низшее духовенство призывались къ избранію депутатовъ отдѣльно отъ дворянства и высшаго духовенства; эти-же послѣдніе приглашались, съ своей стороны, приступить къ особеннымъ выборамъ, подъ условіемъ однакоже отказаться отъ домогательствъ исключительнаго представительства. Дворяне и прелаты отозвались на правительственное приглашеніе и въ апрѣлѣ собрались въ С. Бриенѣ, но собрались только для того, чтобы съ новою силою протестовать противъ установленной формы выборовъ. Обвиняя третье сословіе, уже приступившее къ дѣлу избранія, въ измѣнѣ «исконной бретонской конституціи», а правительство въ «сѣяніи раздора между сословіями», представители свѣтской знати категорически заявили, что ни за однимъ депутатомъ, выбраннымъ помимо реннскихъ штатовъ, они никогда не признаютъ права считаться представителемъ провинціи. Это протестующее заявленіе было тотчасъ-же отпечатано ими въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ и разослано по всѣмъ бретонскимъ сенешальствамъ. Что-же касается до аристократическихъ столповъ Церкви, то они, съ своей стороны, подъ угрозю отлученія и проклятія, формально запретили священникамъ повиноваться предписаніямъ власти и производить отдѣльные выборы, на что тѣ имѣли право по послѣднему регламенту. Не ограничившись этимъ, они собрались подъ предѣдательствомъ епископа реннаго и редижировали особенную «декларацію», которая была послана Неккеру, и въ которой между прочимъ, говорилось слѣдующее: «Признавая, что выборы могутъ быть законными только въ томъ случаѣ, если они будутъ произведены при посредствѣ штатовъ Бретани, духовное сословіе не находитъ возможности приступить въ настоящемъ собраніи къ назначенію своихъ депутатовъ... Оно торжественно заявляетъ, что будетъ считать недействительными выборы въ какомъ-бы то ни было сословіи, если они совершатся помимо упомянутымъ шта-

товъ. Оно протестуетъ противъ спеціального выборнаго регламента, грозящаго произвести безпримѣрное разъединеніе въ нѣдрахъ духовенства, — разъединеніе, столь-же пагубное для религіи, какъ и для блага провинціи...»

Для третьяго сословія всѣ эти деклараціи и протестаціи привилегированной знати были только смѣшины. Богѣе серьезное значеніе онѣ имѣли для низшаго духовенства, которое въ религіозномъ отношеніи не могло круто порывать своихъ связей съ епископами, восстававшими противъ предложенныхъ выборовъ, какъ мы только-что видѣли, по мотивамъ и политическимъ и религіознымъ. Но тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ девяти діоцезовъ, составлявшихъ бретонскую епархію, не воздержался отъ выборовъ, на которыхъ были назначены двадцать четыре представителя отъ низшаго духовенства, — въ томъ числѣ двадцать ректоровъ или кюре, главы двухъ коллегіальныхъ церквей, одинъ премонтранскій монахъ и одинъ пріоръ аббатства. Представители эти отправились впоследствии въ Версаль и національнымъ собраніемъ были признаны легальными, не смотря на неоднократно повторенные протесты свѣтской и духовной аристократіи, несмотря на негодующія деклараціи королю со стороны бретонскаго парламента.

Почти то-же самое, что имѣло мѣсто въ Бретани, произошло и въ Наваррѣ и Беарнѣ, гдѣ мѣстная аристократія, вѣрнѣе державшаяся за «историческія права» своихъ провинцій, упорствовала до конца въ отрицаніи выборнаго королевскаго регламента. Какъ произведены были выборы въ Наваррѣ, объ этомъ мы ничего не знаемъ, такъ какъ въ собраніи актовъ и документовъ касающихся избирательнаго движенія 1789 года, не оказываетъ никакихъ свидѣтельствъ о нихъ; только просматривая именной списокъ членовъ учредительнаго собранія, мы узнаемъ, что наваррское духовенство было представлено въ этомъ собраніи епископомъ байоннскимъ. Что-же касается Беарна, то здѣсь привилегированная знать, вслѣдъ за обнародованіемъ общаго избирательнаго регламента, успѣшила обратиться, какъ и въ Бретани, къ посредничеству своихъ феодально-аристократическихъ штатовъ, въ незаконномъ собраніи которыхъ и редижировала весьма замѣчательную, по своему либеральному духу, «*cahier*». На этомъ-же собраніи были произведены и выборы депутатовъ, изъ которыхъ двое должны были представлять беарнское духовенство. Но ни «*cahier*», ни выборы эти не были признаны правительствомъ законными. Низшее беарнское духовенство, не принимавшее, конечно, ни малѣйшаго участія въ избирательной попыткѣ своихъ двадцати-пяти прелатовъ, засѣдавшихъ въ мѣстныхъ штатахъ, успѣшило отозваться на обращенное къ нему приглашеніе короля при-

ступить къ выборамъ на общемъ основаніи и въ числѣ четырехсотъ человѣкъ явилось въ главный городъ провинціи. Торжественно признавъ незаконными дѣйствія своихъ духовныхъ главъ, собраніе кюре составило новую «*salûte*», а депутатами выбрало двухъ приходскихъ сельскихъ священниковъ.

За исключеніемъ трехъ упомянутыхъ провинцій, во всей остальной Франціи высшее духовенство, вмѣстѣ съ дворянствомъ, рѣшило подчиниться общему выборному регламенту и приняло самое живое, самое дѣятельное участіе въ избирательной агитаціи. Прекрасно понимая, что прать противъ рожна но меньшей мѣрѣ бесполезно, что политика надменнаго игнорирования совершившихся фактовъ непрактична, что голыми протестами, да гордымъ невѣщательствомъ своего пошатнувагося положенія не поправивъ, представители его пошли въ избирательныя собранія съ твердымъ намѣреніемъ парализовать вліяніе поднявшаго голову духовнаго плебса и такимъ образомъ отстоять и спасти свои угрожаемыя привилегированныя позиціи. Настроеніе ихъ по отношенію къ выходившему изъ-подъ ихъ вліянія низшему духовенству было, конечно, крайне и рѣзко враждебное. Не мудрено поэтому, что примѣры единодушія и солидарности въ средѣ духовнаго сословія, во время избирательной кампаніи 1789 года, были чрезвычайно рѣдки. Какъ на счастливыя исключенія изъ общаго правила, мы можемъ указать только на нѣсколько избирательныхъ округовъ въ Лангедокѣ, Ильдефрансѣ и Шампани, въ которыхъ между высшими и низшими представителями Церкви царилъ относительное согласіе. За то на всей остальной французской территоріи духовный аристократъ явился въ роли непримиримаго, ожесточеннаго врага и противника простаго священника, для подавленія котораго въ избирательной борьбѣ онъ считалъ всѣ средства дозволенными.

Выше уже было замѣчено, что пунктъ королевскаго регламента, — вѣдписьвавшій сельскимъ священникамъ, въ случаѣ невозможности для нихъ оставить приходъ, посылать вмѣсто себя въ избирательныя собранія довѣренныхъ лицъ, взятыхъ непременно въ духовномъ сословіи, — вначалѣ сильно смущалъ кюре, которые опасались, что довѣренностями воспользуется въ своихъ интересахъ духовная аристократія. Послѣдствія показали, что опасенія эти были какъ нельзя болѣе основательны: во многихъ мѣстахъ духовнымъ сеньерамъ удалось замѣстить кюре-избирателей своими креатурами. Чтобы читатель могъ судить о томъ, какое огромное значеніе имѣло это замѣстительство и въ какихъ широкихъ размѣрахъ оно иногда практиковалось, достаточно будетъ указать для примѣра на провинцію Пуату, въ которой всего

созывалось около 1200 кюре, явилось-же въ собраніе едва двѣсти человѣкъ; причѣмъ голоса большинства неявившихся, по старости, болѣзни, отсутствію викаріевъ и т. д., были захвачены по довѣренностямъ епископами, аббатами, канониками и главными викаріями (Chassin—*«Les cahiers des curés»*, p. 245). Лица изъ привилегированнаго духовенства діоцеза Пуатье,—жалуются по этому поводу кюре Пуату въ своемъ письмѣ къ министру, разсѣзали по всѣмъ, даже самымъ глухимъ и отдаленнымъ приходамъ и публично вынуждали священниковъ давать имъ довѣренности. Дѣлалось это съ цѣлю доставить побольше голосовъ духовнымъ высшаго класса и такимъ образомъ подавить въ генеральныхъ штатахъ вліяніе приходскихъ священниковъ, а слѣдовательно и интересы бѣдныхъ...» «Епископы Пуатье и Люсона, читаемъ мы дагѣ въ этомъ письмѣ, заручились довѣренностями отъ мужскихъ и женскихъ духовныхъ общинъ, капитуловъ, владѣльцевъ мелкихъ бенефіцій и множества приходскихъ священниковъ. Довѣренностями этими они надѣлили преданныхъ и покорныхъ имъ монаховъ и даже семинаристовъ, которымъ, какъ гонорять, были спиты ради этого случая новыя сутаны... Какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ приобрѣтенныхъ такимъ образомъ голосовъ распространяться объ этомъ совершенно излишне. Очевидно, что депутаты въ генеральные штаты будутъ взяты только изъ того класса, который извѣстенъ подъ именемъ высшаго духовенства, а если и пройдутъ два-три кюре, то это будутъ креатуры духовныхъ главъ... Такимъ образомъ, депутаты двухъ первыхъ сословій будутъ представлять одинъ и тотъ-же высшій слой, будутъ отстаивать однѣ и тѣ-же привилегіи; третье сословіе будетъ лишено поддержки кюре, его естественныхъ союзниковъ; сами-же кюре неизбѣжно останутся, по-прежнему, подъ епископальнымъ игомъ...»

То, что происходило въ Пуату, творилось и во многихъ другихъ мѣстахъ, хотя, можетъ быть, и не такъ беззащитно, откровенно и грубо. Но, не смотря на всѣ происки и интриги клерикально-аристократической реакціи, представители третьяго сословія въ духовенствѣ въ такомъ внушительномъ числѣ явились въ избирательныя собранія, что могли дать рѣшительный отпоръ притязаніямъ своихъ деспотическихъ главъ. Недаромъ-же въ одномъ нормандскомъ избирательномъ собраніи мѣстный епископъ съ негодованіемъ восклицалъ: «Можно сильно опасаться за то, что Церковь будетъ цѣлкомъ представляться духовными, не владѣющими никакими бенефіціями!..» Въ еще болѣе категоричной формѣ эти страхи высшаго духовенства передъ компактною массою кюре-избирателей обнаруживаются въ адресованномъ къ Неккеру

письмѣ одного изъ владѣльцевъ бенефицій Бургони. «До свѣдѣнія вашего, говорится въ этомъ письмѣ, дошли уже, конечно, грустныя вѣсти о недостойномъ поведеніи господъ еюре почти всѣхъ нашихъ избирательныхъ округовъ... Призывая сельское духовенство въ такомъ большемъ числѣ къ участию въ выборахъ, вы провинились побужденіямъ вашего благороднаго сердца и... жестоко ошиблись при этомъ... Естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ этой вашей невольной ошибки явится то, что высшее духовенство... совсѣмъ не будетъ представлено въ генеральныхъ штатахъ... Во всѣхъ сенешальствахъ нашего округа нарушено всякое равновѣсіе, простые еюре составляютъ подавляющее большинство избирателей духовнаго сословія и пользуются своимъ численнымъ превосходствомъ для того, чтобы назначать депутатовъ исключительно изъ своей среды...» Подобными «жалкими словами» аристократическихъ прелатовъ мы могли-бы наполнить многія страницы.

Еюре составляли большинство почти во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ. Но одного только численнаго превосходства надъ сторонниками стараго режима было для нихъ еще слишкомъ недостаточно, чтобы обезпечить торжество своему дѣлу. Для этого имъ прежде всего необходимо было освободиться отъ подавляющаго нравственнаго вліянія своихъ духовныхъ главъ, импонировавшихъ массу избирателей своимъ высокимъ саномъ и духовнымъ авторитетомъ, привыкшихъ и умѣвшихъ повелѣвать, ловко пользовавшихся весьма естественною робостью и неопытностію своихъ подчиненныхъ и дѣйствовавшихъ на нихъ то «отеческими» внушеніями, лицемѣрными уступками и quasi-либерализмомъ, то ссылками на каноническое право, угрозами, проклятіями, а зачастую и просто обманомъ, насиліемъ... Всецѣло эмансипироваться отъ этого вліянія, тяготѣвшаго надъ ними цѣлые вѣка, было не легко, не смотря на необычайный и всеобщій подъемъ духа, характеризующій интересующую насъ эпоху. Немудрено поэтому, что въ однихъ избирательныхъ округахъ высшему духовенству удалось удержать за собою руководящую роль, увлечь на путь реакціи большинство, провести въ генеральные штаты своихъ кандидатовъ, наполнить «*sahiers*» реакціонными требованіями и пожеланіями, въ другихъ—въ большей или меньшей степени исказить волю избирателей, въ третьихъ—болѣе или менѣе смягчить рѣзкость требованій «ободраннаго стада», и т. д. Представителей высшаго духовенства, ставшихъ депутатами не въ силу безнравственныхъ промисковъ и давленія на избирателей, а благодаря ихъ высокимъ личнымъ качествамъ, общепризнаннымъ заслугамъ и популярности, было очень мало,—они составляли рѣдкое исключеніе. Такими исключеніями были, между прочимъ, Жеромъ Шампюанъ де-Сисе,

архієпископъ бордосскій, устроившій общественное молебствіе «за успѣхъ генеральныхъ штатовъ» и единогласно выбранный первымъ депутатомъ отъ духовенства бордосскаго округа; братъ его, епископъ оскерскій, облеченный званіемъ депутата съ тѣмъ большею легкостью, что предоставилъ юре колѣнѣйшую свободу писать въ «*salut*», за его подписью, все, что они хотѣли; Цезарь Гидьомъ де-ла-Луэръ, епископъ лонгрскій, одинъ изъ наиболѣе либеральныхъ и уважаемыхъ прелатовъ своего времени, авторъ замѣчательной брошюры—«*Sur la forme d'opiner*»; знаменитый Гобель, епископъ Лидды *in partibus*, называвшійся народомъ не иначе, какъ «ангеломъ Лидды», и еще нѣсколько человекъ... Всѣ-же остальные архієпископы, епископы, генеральные викаріи, аббаты и т. д., имена которыхъ мы встрѣчаемъ въ спискѣ членовъ національнаго собранія, съ большею или меньшею развязностію, при большемъ или меньшемъ противодѣйствіи со стороны низшаго духовенства, сами себя выбрали въ депутаты. У Шассена, книгою котораго мы главнымъ образомъ и пользуемся при составленіи этой части нашего труда, мы то и дѣло наталкиваемся на такія замѣчанія: «завязалъ себя собранію», «заставилъ выбрать себя», «вырвалъ у избирателей согласіе на свое избраніе», «захватилъ депутатское полномочіе», и т. д. въ томъ-же родѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что успѣхъ выборовъ покупался ими сплошь и рядомъ весьма дорогою цѣною, сопровождался весьма чувствительными ударами ихъ самолюбію и чувству достоинства, а иногда такъ и просто ставилъ ихъ въ комическое положеніе. Случалось, что избиратели и слышать не хотѣли о томъ или другомъ прелатѣ, претендовавшемъ на избраніе; тогда, если зудъ быть депутатомъ былъ слишкомъ великъ, претенденту не оставалось ничего иного, какъ бѣжать изъ своего діоцеза, епархіи или провинціи и искать въ другихъ мѣстахъ болѣе смиренныхъ, довѣрчивыхъ и наивныхъ избирателей (епископы Монтобана, Кондома, Бове, Байонны и др.). Въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда собраніе по тѣмъ или другимъ причинамъ не могло отдѣлаться отъ назойливаго кандидата, то оно давало ему депутатскія полномочія, «присоединяя» его къ какому-нибудь «презрѣнному» конгрюисту. Въ такомъ «позорномъ» для себя положеніи оказались весьма многие изъ прелатовъ-аристократовъ. Бывало иногда и такъ, что, выбирая какого-нибудь вліятельнаго сторонника стараго режима, избиратели вручали ему, для представленія «королю и націи»; такую «*salut*», каждый пунктъ которой вызывалъ въ немъ бурю негодованія и ярости; счастливые избранники, впрочемъ, не особенно смущались въ виду такого ничтожнаго обстоятельства...

Само собою разумѣется, что во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ

гдѣ вліяніе высшаго духовенства было хотя сколько-нибудь значительно, въ роли предсѣдателей и руководителей собранія фигурировали привилегированные представители духовнаго сословія; они же входили и въ составъ бюро, редижировавшихъ „cahiers“. Произволь въ такихъ случаяхъ царилъ волюнтаризмъ; хитростямъ, обманамъ, подлотамъ, насилію и даже простѣ мошенничествамъ не было конца. Епископъ люсонскій, Шарль Исидоръ де-Мерси, обворожилъ „строптивыхъ“ кюре тѣмъ, что наканунѣ выборовъ представилъ четыре капитула своей епархіи старымъ священникамъ, а въ награду за такой либерализмъ, за такую уступчивость низшему духовенству потребовалъ отъ этого послѣдняго и добился какъ своего собственнаго избранія, такъ и назначенія угоднаго ему редакціоннаго бюро, которое тщательно устранило изъ „cahier“ все, что не нравилось высшему духовенству. Съ той-же заднею мыслию и въ томъ-же разчетѣ на простодушіе и наивность избирателей шли на призрачныя уступки и амиенскіе прелаты, согласившіеся теперь на то, чего они никогда не дѣлали раньше, когда ничто не угрожало ихъ господству, а именно на „предоставленіе низшему духовенству права контролировать и провѣрять таблицы децимныхъ сборовъ въ діоцезѣ для того, чтобы каждый плательщикъ видѣлъ, правильно-ли онъ облагается“. Путемъ такихъ уступокъ, заискиваній и лести прелатамъ во многихъ мѣстахъ удалось обмануть избирателей и продиктовать собраніямъ „cahier“, которыя въ такихъ случаяхъ въ большей или меньшей степени были проникнуты реакціоннымъ духомъ. Но иногда такой тактики оказывалось недостаточно или-же князья церкви чувствовали свою силу и не находили нужнымъ стѣсняться со „стадомъ“ избирателей; тогда титулованные предсѣдатели собраній, широко пользуясь своею дискреціонною властію, просто не принимали къ обсужденію и не пропускали предложеній, шедшихъ въ разрѣзъ съ интересами ихъ класса. Такъ, епископъ лектурскій рѣшительно устраняетъ „всякое предложеніе, противное существующимъ законамъ королевства“; такъ, епископъ марсельскій, Беллуа, наперекоръ формально выраженной волѣ большинства избирателей захватившій въ свои руки редакціонное бюро, при каждомъ оппозиціонно-либеральномъ предложеніи неизменно восклицаетъ: „Я не подпишу!.. Чтобы не было жалобъ противъ высшаго духовенства!..“ То тутъ, то тамъ такіа начальственныя „veto“, такіе грозные окрики дѣйствовали вполне успѣшно: смиренныя кюре покорно склоняли головы, поступались своею волею и желаніями; составленныя ими „cahier“ всажались до неузнаваемости, а не то и просто уничтожались, такъ-что избранные депутаты шли въ генеральныя штаты съ пустыми руками. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что зачастую

„*sahiers*“ отсутствовали у депутатовъ еще и по другой причинѣ. Если прелатамъ того или другого избирательнаго округа удавалось добиться реакціоннаго представительства, но если собраніе при этомъ упорствовало и настаивало на сохраненіи извѣстной редакціи своихъ „жалобъ, сѣтованій и домогательствъ“, то священникамъ благосклонно предоставлялась въ концѣ концовъ полная свобода писать все, что имъ было угодно: составленная въ либеральномъ духѣ „*sahier*“ безпрекословно принималась избранными представителями и, безъ дальнихъ разговоровъ, пряталась въ карманъ, изъ котораго уже и не появлялась болѣе на свѣтъ свѣжій... Примѣры такого бездеремоннаго обращенія съ „*sahiers*“ были до вольно многочисленны. Такъ, стараніями высшаго духовенства исчезла „*sahier*“ ларошельскихъ кюре, по словамъ роялиста Монжуа, отличавшихся въ избирательной борьбѣ „злостью и враждою“ по отношенію къ высшему духовенству; такъ, была утаѣна седанская „*sahier*“; такъ были тайно конфискованы епископами „*sahiers*“ турская и орлеанская; такъ, скрылъ врученную ему „*sahier*“ архіепископъ буржскій, царившій въ беррійскомъ избирательномъ собраніи духовенства и въ такой лаконической формѣ докладывавшій Неккеру о результатѣ выборовъ: „*Monsieur*, духовное сословіе округа Берри окончило вчера свои засѣданія, назвавши своихъ депутатовъ. Оно почтито единодушнымъ (?) избраніемъ меня, двухъ титулованныхъ кюре и одного коллегіальнаго каноника... Главнѣйшіе пункты нашихъ требованій, принятые *единогласно* (?), таковы: сохраненіе существующихъ формъ платежа налоговъ (самообложеніе), вотированіе въ генеральныхъ штатахъ по сословіямъ, и т. д. Тонъ, господствовавшій въ собраніи, былъ очень умѣренный, какъ нельзя болѣе подобающій духовному сословію и почтительнымъ вѣрнопопданнымъ...“ Въ виду факта сокрытія „*sahier*“, донесеніе это имѣеть, очевидно, ироническій характеръ.

Отказъ въ помѣщеніи для собранія (Байё, въ Нормандіи), — затягиваніе обсужденія „*sahier*“ до того момента, когда, въ виду наступающихъ праздниковъ Пасхи, кюре по необходимости должны были вернуться въ свои приходы (Дижонъ), — насильственное отнятіе у священниковъ ихъ избирательныхъ бюллетеней *) — объявленіе собранія незаконнымъ и распушеніе его въ случаѣ неодолимаго „упорства“ кюре (Аррасъ, Овернь и пр.), — жалобы и доносы интендантамъ и министру о „мятежномъ“ настроеніи священни-

*) Дошло до того, восклицала въ письмѣ къ Неккеру одинъ изъ кюре Лиможа, что просто вырывали бюлеты изъ рукъ тѣхъ, которые стояли за ное избраніе, и передавали ихъ другимъ избирателямъ, подававшимъ голосъ въ пользу моего конкурента...“ (Chassin — «*Les cahiers des curés*», p. 227).

ковъ, — обвиненіе этихъ послѣднихъ въ „оскорбленіи Бога, правительства и націи“, и пр., и пр., — все это пускалось епископомъ въ ходъ тамъ, гдѣ требовалось смирить непокорныхъ, заставить ихъ отречься отъ своей самостоятельности и своихъ претензій...

Вообще, вліяніе высшаго духовенства на выборы было весьма значительно, хотя и нужно замѣтить, что исключительнымъ, преобладающимъ оно оказалось только въ немногихъ, сравнительно, мѣстностяхъ. Чаще всего оно сказывалось въ духѣ компромисса, которымъ были проникнуты и выборы, и «*saliers*»: въ одномъ и томъ-же собраніи титулованный прелатъ облегался депутатскими полномочіями на ряду съ однимъ или нѣсколькими контрюристами; въ одной и той-же «*salier*» (если только она была общед) реакціонныя требованія и пожеланія самымъ удивительнымъ образомъ перемѣшивались съ либеральными и даже радикальными, и т. д. Въ большинствѣ-же избирательныхъ округовъ, не смотря на всѣ усилія высшаго духовенства (епископъ неверскій даже опасно заболѣлъ отъ избытка усердія при выборахъ!), побѣда рѣшительно склонилась на сторону обездоленныхъ старымъ режимомъ священниковъ, которые въ массѣ, взятые, какъ классъ, сумѣли уберечься отъ пагубныхъ вліяній, нашли въ себѣ силу постоять за свои гражданскія права и человѣческое достоинство. Это мы видимъ какъ изъ общихъ итоговъ выборовъ въ духовномъ сословіи (205 юре, 42 прелата, 52 аббата и каноника и 7 монаховъ), такъ и изъ содержанія и характера большинства духовныхъ «*saliers*», къ бѣглому обзору которыхъ мы теперь и переходимъ.

IX.

Сотни «*saliers*» и «*doléances*», представленныхъ въ генеральные штаты отъ духовнаго сословія, даютъ намъ богатѣйшій и драгоцѣннѣйшій матеріалъ для оцѣнки положенія, настроенія, стремленій и надеждъ этого послѣдняго. Въ большинствѣ случаевъ онѣ составлялись сообща, при участіи всѣхъ наличныхъ избирателей даннаго округа. Смотря по личному составу того или другого избирательнаго собранія и по преобладанію въ послѣднемъ тѣхъ или другихъ тенденцій, онѣ носятъ на себѣ рѣзко выраженный реакціонный или либеральный характеръ, или-же представляютъ сопоставленіе непримиримыхъ и сталкивающихся между направленій и интересовъ, хаосъ несогласенныхъ и несогласимыхъ требованій и пожеланій, зачастую пересыпанный всевозможными протестами и «отдѣльными мѣвнїями» различныхъ группъ духовенства. Это, такъ называемая, общія или официальные «*saliers*», живо воспроизводящія передъ нами картину избирательной борьбы 1789 года. Въ тѣхъ-же нерѣдкихъ случаяхъ,

когда, благодаря противодействию господствовавшей въ собраніи партіи, тѣ или другія тенденціи вовсе не могли найти себѣ мѣста въ общей «сahier», или-же не могли быть выражены съ тою категоричностію и силою, какъ того желали избиратели,—заинтересованныя группы составляли отдѣльные своды своихъ просьбъ, жалобъ и пожеланій. Такихъ частныхъ «сahiers» или «doléances», представленныхъ въ штатѣ на ряду съ общими, было весьма много какъ со стороны высшаго, привилегированнаго, такъ, и въ особенности, со стороны низшаго духовенства. Нелишнимъ будетъ замѣтить, что это послѣднее, изъ весьма естественнаго недовѣрія къ епископату, — когда его вліяніе было сильно въ собраніи,—зачастую остерегалось вручать свои «сahiers» и «doléances» избраннымъ депутатамъ, а посылало ихъ прямо правительству, для передачи штатамъ. Въ заключеніе общихъ замѣчаній о духовныхъ «сahiers» прибавимъ, что эти послѣднія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, чрезвычайно разнообразны: однѣ ихъ нѣкъ оказываются весьма объемистыми мемуарами, въ которыхъ затрогивается, детально разрабатывается и обстоятельно мотивируется масса всевозможныхъ вопросовъ; другія, напротивъ, отличаются крайнею лаконичностію и слишкомъ общимъ характеромъ положеній; большинство ихъ, въ большей или меньшей степени, касается вопросовъ какъ общегражданскихъ, такъ и спеціально духовныхъ; нѣкоторыя-же ограничиваются вопросами, имѣющими отношеніе исключительно только къ духовному сословію; есть и такія, которыя, не смотря на духовный характеръ ихъ авторовъ, трактуютъ только объ общихъ принципахъ желательнаго государственнаго устройства, совершенно оставляя въ сторонѣ частные интересы церкви и ея служителей; «сahiers» послѣдняго рода отличаются обыкновенно крайнимъ либерализмомъ, рѣзкою постановкою вопросовъ и смѣлымъ рѣшеніемъ ихъ. Какъ уже замѣчено выше, «сahiers» духовенства нѣкоторыхъ округовъ совершенно отсутствовали.

Посмотримъ-же теперь, что говорятъ намъ «сahiers» о тѣхъ идеяхъ, чувствахъ и стремленіяхъ, которыми пронизано было французское духовенство наканунѣ революціи. Остановимся прежде всего на profession de foi привилегированной части духовнаго сословія. Чего могли желать, домогаться и требовать всѣ эти титулованные прелаты, владѣльцы бенефицій, великіе и малые десятильники? Очевидно, одного, именно поддержанія status quo, на которомъ всецѣло и основывалось ихъ благополучное и веселое существованіе. Объ этомъ какъ нельзя болѣе откровенно говорили во всеуслышаніе и сами прелаты. Такъ, епископъ Пуатье при закрытіи мѣстнаго избирательнаго собранія восклицать: «Зловѣщій шумъ, уже давно

доносившійся къ намъ издалека, становится все ближе и ближе и растетъ по мѣрѣ своего приближенія... Наши имущества, основы нашего гражданскаго и политическаго существованія — все находится въ опасности!.. Да хранить небо, чтобы гроза, грохочущая теперь надъ головами служителей алтара, не разразилась надъ самымъ алтаремъ и не низвергла его!..» Итакъ, вотъ чему угрожала опасность: имуществамъ духовенства, «основамъ» его гражданскаго и политическаго существованія, т. е., исключительнымъ правамъ, привилегіямъ, прерогативамъ; объ «алтарѣ-же» говорилось, очевидно, ради одного приличія... Изъ чувства самосохраненія надо было отстаивать, надо было защищать всѣ эти святини, что епископаты и дѣлалъ, напрягая всѣ свои силы. «Только благодаря коренному извращенію всего стараго конституціоннаго порядка, — читаемъ мы въ епископальной «сahier» Клермона, — епископы, прирожденные члены генеральныхъ штатовъ, должны подчиняться, для полученія права присутствовать въ этихъ штатахъ, выбору со стороны своихъ подчиненныхъ!..» Это унижительно для епископовъ, это рождаетъ авторитетъ ихъ, а слѣдовательно и церкви, и религія!.. Чтобы спасти эту послѣднюю, а слѣдовательно и все общество, необходимо, чтобы «права, привилегіи, прерогативы, почести и отличія, которыми пользовалось духовенство, были подтверждены французскою конституціею» (Сahier Базаса). «Всѣ традиціонныя прерогативы церкви (читай епископовъ) должны быть сохранены» (Сahiers Кастра и Монпелье). «Архіепископы и епископы должны свободно располагать всею своею властію, всѣми своими прерогативами, принадлежащими имъ по праву» (Сahier Безансона). Къ числу этихъ «неотъемлемыхъ» нравъ и прерогативъ принадлежитъ и право творить судъ надъ подчиненными. Поэтому, «духовенство всецѣло должно сохранить свою отеческую и благодѣтельную юрисдикцію» (Сahier Базаса); поэтому-же, «всякое вмѣшательство судебной или административной власти во внутреннія дѣла и отношенія церкви должно считаться беззаконіемъ» (Сahier Буржа). Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что никто не смѣетъ требовать, чтобы духовенство платило налоги *наравнѣ* съ другими сословіями, — «духовенству принадлежитъ неотъемлемое право свободно облагать себя по своей волѣ» (Сahier Буржа, Клермона и др.), — а тѣмъ болѣе посягать на духовныя имущества, которыя «должны быть святы и неприкосновенны» (Сahiers Лангра и мн. др.). Такъ какъ въ этихъ-же «неприкосновенныхъ» имуществвахъ считались, между прочимъ, и негры, которыми въ колоніяхъ владѣли на правахъ собственности многіе духовные ордена, то высшее духовенство считало себя обязаннымъ энергически протестовать противъ требованій уничтожить торговлю рабами (Сahier

Битора). Что-же касается до привилегій вообще, то, по словамъ епископа Боналя, «уничтоженіе ихъ было-бы мнѣлимо только въ томъ случаѣ, еслибы все духовное сословіе Франціи, соединенное въ генеральныхъ штатахъ, — считая тутъ архіепископовъ и епископовъ, избранныхъ и неизбранныхъ, — единогласно постановило отказаться отъ нихъ» (Cahier Клермона). Духовенство-же и не думаетъ отказываться, а слѣдовательно, и толковать о «гипотезѣ объ уничтоженіи привилегій» могутъ только злобно неблагонахѣренные люди. Вообще, духовенство (читай высшее) «должно сохранить за собою то преобладаніе, которымъ оно всегда пользовалось во Франціи» (Cahiers Puy-en-Velay). Въ виду-же этого необходимо «протестовать противъ всякихъ перемѣнъ въ государственномъ управленіи, противъ всякихъ нововведеній и реформъ въ государственномъ устройствѣ» (Cahier Клермона). Если-же французская нація увлекается на реформаціонный путь, на которомъ ее ожидаетъ всеконечная гибель, если она стремится къ этимъ пагубнымъ нововведеніямъ, то она вполне достойна названія «преступной, развращенной, богохульной націи».

Изъ вышеприведенныхъ образчиковъ мнѣній, пожеланій и требованій высшего духовенства читатель можетъ видѣть, къ чему, за рѣдкими исключеніями, стремились, чего домогались, каковымъ духомъ были проникнуты духовные сенъоры.

X.

Въ то время, какъ титулованные прелаты хлопотали почти исключительно о своихъ правахъ, привилегіяхъ и вообще интересахъ своей касты и подчиняли вопросамъ личнаго благополучія всѣ другіе общественныя и государственныя вопросы, кюре торжественно заявляли, что они «прежде всего вѣрные сыны отечества, граждане и французы» (Cahiers Туля и др.). Вполнѣ соответственнымъ такому заявленію оказывается и содержаніе редижированныхъ ими «cahiers». Права человѣка и гражданина, общественное благо, интересы народа стоятъ въ нихъ на первомъ планѣ.

Многія изъ «cahiers» начинаются прочувствованными поздравленіями и горячими благодарностями королю, рѣшавшемуся призвать ихъ къ дѣлу общественнаго обновленія и царствовать надъ ними, опираясь на ихъ довѣріе и любовь.

Изъ другихъ пожеланій и требованій общаго характера, выраженныхъ простыми священниками, упомянемъ о слѣдующихъ, наиболѣе интересныхъ и характерныхъ. Добиваясь гражданской равноправности и свободы личности, кюре не могли, конечно, обойти

вопроса и о рабствѣ. Такъ, либеральные кюре округа Вигоръ, настаиваютъ на томъ, «чтобы изданъ былъ законъ, подъ страхомъ общественнаго оповоренія запрещающій каждому французу принимать прямое или косвенное участіе въ торговлѣ неграми». Последній пунктъ въ «*doléances*» кюре Фореза выражаетъ ту-же самую мысль въ такой формѣ: «въ вопросѣ о свободѣ негровъ въ нашихъ колоніяхъ необходимо послѣдовать голосу религіи и чувству человѣчности»... Имѣя въ виду необезпеченное, въ правовомъ отношеніи, положеніе своихъ избранниковъ, альясонскіе кюре говорятъ о «неприкосновенности депутатовъ». Требованіе «полной свободы совѣсти мы встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ духовныхъ «*cahiers*», между прочимъ, въ частной «*cahier*» священниковъ округа Paris hors-les-murs. Свободы прессы домогается низшее духовенство округовъ С.-Жанъ д'Анжели, Отена и др. За уравненіе наказаній для лицъ всѣхъ сословій, за отгмѣну конфискаціи имущества осужденныхъ, за вознагражденіе обвиненныхъ, признанныхъ впоследствии невинными, высказываются кюре Шатильона...

Чѣмъ ближе мы знакомимся въ «*cahiers*» духовенства съ главами, трагующими о такъ-называемой «церковной экономіи», тѣмъ съ большею рѣзкостью выступаетъ передъ нами задуманнѣйшее желаніе кюре-конгрюистовъ зависѣть въ матеріальномъ отношеніи не отъ епископата, окончательно дискредитировавшаго себя въ ихъ глазахъ, а отъ государства, которое выплачивало-бы имъ опредѣленное жалованье или гарантировало-бы извѣстный доходъ. Осуществить-же это желаніе, по ихъ мнѣнію, можно было бы только въ томъ случаѣ, если-бы не существовало «болѣе чѣмъ несовершенного распределенія богатыхъ имуществъ церкви, распределенія, при которомъ самый обремененный трудомъ классъ духовенства живетъ въ крайней бѣдности и не имѣетъ средствъ утирать слезы несчастнымъ» (*Cahier* Монтреля). Церковные доходы и богатства имѣютъ *raison d'être*, по сколько покрываютъ издержки культа и обеспечиваютъ приличное существованіе служителей алтара, — каждому по его трудамъ и заслугамъ. Но такъ какъ вѣковой опытъ показалъ, что отъ духовныхъ главъ, захватившихъ эти богатства и доходы, невозможно ожидать безпристрастія и справедливости въ этомъ отношеніи, то нація не только имѣетъ право, но даже обязана наложить руку на церковную собственность и сдѣлать изъ нея надлежащее употребленіе. Эта мысль, съ большею или меньшею ясностію и категоричностію, красною нитью проходитъ почти черезъ всѣ «*cahiers*» низшаго духовенства. Это послѣднее потеряло всякую вѣру въ «священный характеръ» имущества церкви. Его унижительная нищета, съ одной стороны, и

безнравственная роскошь прелатовъ съ другой, сдѣлали его столь-же «радикальнымъ» по отношенію къ духовной собственности, какъ и простой народъ по отношенію къ собственности феодальной. Догматъ непривисновенности церковныхъ имуществъ, столь настоячиво проводившійся высшимъ духовенствомъ, въ глазахъ громаднаго большинства простыхъ священниковъ былъ догматомъ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительнаго достоинства. Многие изъ нихъ выражались на этотъ счетъ весьма рѣшительно. Укажемъ для примѣра на одну частную священническую «сahier» (округъ Вервонъ), въ которой формулированы три слѣдующія категорическия пожеланія: «1) Церковь должна быть освобождена отъ бремени земныхъ благъ для того, чтобы имѣть возможность всецѣло посвятить себя дѣламъ чисто духовнымъ; 2) всѣ имущества духовенства должны быть слиты въ одну общую массу, которая представляла-бы тогда собою громадную сокровищницу. Бѣдные могли-бы находить въ ней средства для облегченія своей участи, церковь могла-бы почерпнуть въ ней капиталы для уплаты своихъ долговъ, для постройки храмовъ, для украшенія своихъ алтарей, для обезпеченія своихъ служителей, а государство для удовлетворенія своихъ нуждъ; 3) всѣ исключительныя права духовенства должны быть проданы въ пользу государства». Такой-же рѣшительный характеръ имѣютъ эти пожеланія представителей низшаго духовенства и въ редакціи юре Севантена (округъ Муи). «Прекраснымъ средствомъ для уплаты хотя-бы части національнаго долга, пишетъ Севантенъ, была-бы переплавка въ монету всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, находящихся въ ризницахъ и кладовыхъ французскихъ монастырей и церквей и принадлежащихъ гораздо болѣе наци, чѣмъ ихъ теперешнимъ владѣльцамъ. Такъ какъ всѣ эти сокровища, теперь представляющія собою жертвы капиталъ, обязаны своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ щедрости королей, то было-бы какъ нельзя болѣе справедливо, если-бы государство и въ особенности его величество воспользовались ими въ настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ...»

Нужно однако-же замѣтить, что въ очель многихъ случаяхъ юре, не желавшіе, въ виду неизвѣстности ближайшаго будущаго, становиться въ рѣзко враждебныя отношенія къ епископату, особенно въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, остерегались вполне ясно выражать свою мысль о церковныхъ имуществѣхъ и зачастую довольствовались только полусловами, да намеками. Такъ, внесенное въ «сahier» требованіе высшаго духовенства шатильонскаго округа, — «всякая собственность должна быть неприкосновенна», — истинные юре дополняютъ слѣдующими словами: «за исключеніемъ той, право на которую генеральными штатами признано будетъ

несправедливымъ и противнымъ общимъ интересамъ...» Весьма также многочисленны «*sahiers*», въ которыхъ священники, страха ради іудейска, обходятъ молчаніемъ жгучій вопросъ объ имуществѣ церкви, предоставляя своимъ депутатамъ рѣшать этотъ вопросъ въ національномъ собраніи, какъ того потребуютъ интересы и нужды всего государства.

Та-же самая сдержанность, которую обнаруживаютъ кюре въ вопросѣ объ имуществѣ, на каждомъ шагу сквозитъ въ священническихъ «*sahiers*», когда рѣчь заходитъ и о налогахъ. Правда, и на этотъ счетъ мы встрѣчаемъ не мало очень радикальныхъ и смѣлыхъ заявленій. Такъ, кюре Кольмара пишутъ: «Даже самое слово привилегія, въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ смыслахъ, должно быть уничтожено... Равенство обложенія должно быть полное. Каждый гражданинъ долженъ быть плательщикомъ...» Кюре Туля, «смотря на себя, какъ на гражданъ и сыновъ отчизны», съ энтузіазмомъ провозглашаютъ принципъ равенства въ несеніи общегосударственныхъ повинностей. Кюре С.-Жанъ д'Анжели, Шательро и многихъ другихъ округовъ категорически высказываются за равномерность обложенія, безъ различія сословій. Но часто эта либеральная идея, которая раздѣлялась почти всѣми кюре — плечами и противъ которой яростно возставала вся духовная аристократія, въ священническихъ «*sahiers*» высказывалась болѣе или менѣе глухо; выразить ее яснѣе и откровеннѣе опять-таки предоставлялось депутатамъ въ штатахъ.

Пользуясь случаемъ замѣтимъ, что вообще однихъ священническихъ «*sahiers*», въ особенности официальныхъ, не совсѣмъ достаточно для того, чтобы составить вполне точное понятіе о силѣ и распространенности требованій низшаго французскаго духовенства того времени. Какъ уже замѣчено было выше, «*sahiers*» эти очень часто составлялись подъ сильнымъ давленіемъ высшаго духовенства и поэтому только отчасти выражаютъ *pia desideria* «второстепенныхъ» пастырей церкви. Но, чего не оказывается въ официальныхъ «*sahiers*» или что въ нихъ смягчено или искажено, то воспроизводится во всей силѣ въ документахъ, приложенныхъ къ протоколамъ выборовъ, въ письмахъ къ министрамъ, въ мемуарахъ, адресованныхъ королю, въ отдѣльныхъ предложеніяхъ, въ частныхъ «*doléances*»... Еще съ болѣею категоричностью и откровенностью требованія и пожеланія низшаго духовенства излагаются въ деревенскихъ, общинныхъ «*sahiers*», относительно которыхъ мы достовѣрно знаемъ, что онѣ, — вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, — составлялись и писались, по просьбѣ безграмотныхъ поселянъ, приходскими священниками *). Такъ какъ

*) Такъ во многихъ изъ нихъ прямо говорится, что авторы — священни-

совѣ и еднородіе между крестьянами и священникомъ, который, въ качествѣ «письменнаго человѣка», служилъ для нихъ секретаремъ, были весьма естественны, такъ какъ мужики (manants) питали такую-же ненависть къ феодальному режиму, къ «великимъ десятиникамъ», къ гордымъ и надменнымъ сеньерамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, какъ и простой священникъ, то послѣдній имѣлъ полную возможность, съ согласія и подъ отвѣтственностію своихъ прихожанъ, вставлять въ ихъ «cahiers» все то, чего онъ не осмѣливался высказывать открыто въ присутствіи его преосвященства, а тѣмъ болѣе высокопреосвященства. И онъ пользовался случаемъ и устами крестьянъ говорилъ, часто съ гнѣвомъ и негодованіемъ, за себя и за свое приниженное сословіе. Просмотрите «cahiers» сельскихъ общинъ Прованса, округа Rous-sions-hors-les-murs, провинціи Дуэ, сенешальства Э и т. д.—и вы найдете въ нихъ массу требованій и жалобъ, которыя написаны заинтересованными въ нихъ лично кюре и викаріями и нимаѣвшаго слѣда которыхъ не встрѣчается въ общихъ «cahiers» духовенства, подписанныхъ прелатами. Въ виду особеннаго интереса, представляемаго такими крестьянскими «cahiers» по отношенію къ занимающему насъ вопросу о духовенствѣ, мы и упоминаемъ здѣсь о наиболѣе характерныхъ изъ нихъ.

Вотъ что, напр., мы читаемъ въ одной изъ провансальскихъ сельскихъ «cahiers» (приходъ Quinson): «Еслибы собственность духовенства, поддерживающая такую массу злоупотребленій, была уничтожена, то не было-бы болѣе прискорбныхъ столкновеній и жалобъ между пастырями и пасомыми, свѣтскіе люди не вели-бы скандальныхъ разговоровъ насчетъ поведенія служителей алтаря и не упрекали-бы этихъ послѣднихъ въ томъ, что они будто-бы жрѣютъ на счетъ бѣдняковъ... Тогда и религія стала-бы пользоваться болѣшимъ уваженіемъ, да и добрые нравы возстановились-бы... Сігнас и двадцать другихъ бурговъ въ томъ-же Провансѣ заявляютъ: «Намъ нужны добрые пастыри, а чтобъ имѣть ихъ, нужны добрые епископы; а чтобъ имѣть добрыхъ епископовъ, необходимо, чтобъ они держались подальше отъ двора, были бѣдны... Сельская «cahier» прихода Бувиньи, писанная несомнѣнно священникомъ, затрогиваетъ весьма жгучій вопросъ о десятинѣ.

и, „priés d'écrire au roi“. На другихъ, въ числѣ подписей, первую красуется подпись мѣстнаго кюре. Слошъ и рядомъ онъ снабженъ привычаніемъ, что редактированіе ихъ производилось въ церкви, по окончаніи мессы или вечера. Иногда, какъ напр. въ приходѣ Эшарконъ, протоколъ составлялся въ пресвитерскомъ домѣ, причемъ кюре оказывался выборнымъ синдикомъ. Случается, что настоящаго автора „cahier“ выдаетъ какаля-нибудь латинская цитата или стихъ.

«Десятина, говорится въ ней, уступлена духовенству частными лицами въ вознагражденіе за совершеніе таинства и за религіозное обученіе народа. Если-бы первоначальное назначеніе ея выполнилось на дѣлѣ, то кюре были-бы вполне обезпечены, а не прозябали-бы, какъ въ большинствѣ случаевъ теперь, на жалкой portion congrue и не были-бы въ тягость сельскимъ общинамъ... Тогда не было-бы болѣе бѣдныхъ, а преступленія и проступки стали-бы несравненно менѣе частыми»... Деревня Маркеттѣ (въ Артуа) начинаетъ свою «cahier» слѣдующею жалобой: «Кюре, эти служители всеблагого Творца, располагающіе крайне скудными средствами и вынужденные, для поддержанія своего существованія, прибѣгать къ поборамъ за требы (*casuel*), страдаютъ отъ всевозможныхъ униженій и оскорбленій, такъ какъ народъ смотритъ на нихъ, какъ на безжалостныхъ вымогателей, какъ на жестокихъ тирановъ, между тѣмъ какъ великіе десятинники мирно и спокойно наслаждаются богатствами, нагребленными у бѣдняковъ»...

Мы далеко не исчерпали богатаго содержанія духовныхъ «cahiers». Такъ, по крайнему недостатку мѣста, мы не остановились на обстоятельно мотивированныхъ требованіяхъ и пожеланіяхъ низшаго духовенства по такимъ важнымъ вопросамъ, каковы вопросы: о монастыряхъ и монахахъ, о викаріяхъ, о десятинѣ, объ епископальной юрисдикціи, о способѣ вотирования въ генеральныхъ штатахъ, о свободѣ собраній кюре, и т. д., и т. д. Но и того, что сказано, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы читатель могъ самъ сообразить, какъ могли рѣшаться священниками всѣ эти и имъ подобныя вопросы и каково настроеніе французскаго духовенства въ моментъ, предшествовавшій перевороту.

М. Денисовъ.

ДИКАРКА.

Романъ Андрэ Терье.

Часть первая.

I.

Колокола маленькой церкви въ Обривѣ трезвонили къ вечернѣ. Двѣ большіе собаки лавочника Сосрэ, нервы которыхъ не на шутку были раздражены этимъ рѣзкимъ, назойливымъ повидному, звономъ, выбѣжали изъ лавочки своего хозяина и, поднявъ вверхъ морды, одувтивъ уши, сопровождали благовѣсть жалобнымъ воемъ. Двѣ, три богомолки, зябко кутаясь въ шубы съ капюшонами, съ молитвенниками въ рукахъ, спѣшили въ церковь, остроконечная колокольня которой выглядывала изъ за деревьевъ квартала Бордри. Черные силуэты ихъ рѣзко выдѣлялись на бѣлой мостовой поднимавшейся въ гору улицы. Новый главный лѣсничій, Франсисъ Помрэ, только что вышелъ изъ гостиницы «Золотой Левъ», въ которой пока остановился, и пошелъ по дорогѣ, перерѣзывающей деревню въ продольномъ направленіи. Лѣсничій былъ въ полной парадной формѣ, — въ зеденомъ казакинѣ, плотно охватывавшемъ его талю, въ сѣрыхъ брюкахъ, въ обшитомъ серебряными галунами кэпи и замшевыхъ перчаткахъ. Вступивъ недавно въ новую должность, онъ выбралъ это февральское воскресенье, чтобы сдѣлать свои первые визиты.

Долго шелъ онъ между низенькими домиками, окаймляющими дорогу. Отъ времени до времени въ какомъ-нибудь окнѣ приподнимался уголь занавѣски и пара любопытныхъ глазъ пытливо оглядывала новопрібывшаго чиновника. Впрочемъ, не грѣхъ было и засмотрѣться на такого молодца. Высокій, сложенный на славу, съ стройной талей, съ широкой, выпук-

лой грудью, густою бѣлокурой бородою и ласковыми глазами, онъ, казалось, гордился своимъ молодецкимъ видомъ и своею двадцатичетырехлѣтнею молодостью. Происходя изъ довольно достаточной, но чадообильной семьи, онъ прилежно учился въ коллежѣ, былъ на хорошемъ счету въ лѣсномъ училищѣ и наконецъ, послѣ двухлѣтней пробной службы въ одномъ изъ восточныхъ городовъ, администрація назначила его лѣсничимъ въ Обривѣ. Для чистокровнаго лѣсничаго это село съ населеніемъ въ пятьсотъ душъ, ~~закарававшееся~~ въ самомъ сердцѣ лангрскихъ горъ, было-бы чистѣйшею находкою: на три лье въ окружности тянулось безлюдное пространство, поросшее лѣсомъ, который простиралъ тѣнистыя вѣтви своихъ роскошныхъ деревьевъ почти вплоть до садовъ и огородовъ деревенскихъ домиковъ. Но, къ сожалѣнію, Франсисъ Помрэ не испытывалъ ни малѣйшихъ признаковъ того священнаго рвенія, которое характеризуетъ истаго лѣсничаго. Онъ посвятилъ себя этой специальности не вслѣдствіе природной склонности, но единственно ради того, чтобы составить себѣ карьеру, въ виду скудныхъ размѣровъ отцовскаго наслѣдства, которое не позволяло ему вести праздное существованіе. Выборомъ его руководила, во-первыхъ, перспектива двухлѣтняго пребыванія въ Нанси, гдѣ находилась школа, и во-вторыхъ, мысль о красивомъ мундирѣ. Всѣ помыслы его были чисто свѣтскіе; больше всего привлекала его шумная, пестрая жизнь большихъ городовъ. Обнимая его въ день разлуки, мать вручила ему пятьсотъ франковъ, которые долго копила по грошамъ, и на прощанье сказала: «Теперь другъ мой, выбирайся на дорогу какъ знаешь; при помощи порядка и сметливости благовоспитанный и неглупый молодой человекъ можетъ добиться всего. Будь бережливъ, старайся приобрести хорошія связи и откопачь гдѣ-нибудь богатую невѣсту...» Теперь, на этой улицѣ, Франсисъ Помрэ, застегивая перчатки, вспомнилъ о послѣднихъ наставленіяхъ матери и губы его, окаймленные старательно расчесанною бородою, искривились легкой гримасой. Въ этой волчьей норѣ, думалось ему, хорошія связи вѣроятно такая-же роскошь, какъ четырехлистый клеверъ. Что-же касается богатыхъ невѣстъ, то вѣдь-ли мнѣ суждено встрѣтить хоть одну на тернистыхъ тропинкахъ этихъ лѣсныхъ дебрей!..

Увлечшись своимъ мысленнымъ монологомъ, онъ незамѣтно дошелъ до дома сборщика податей. Это былъ его первый ви-

зять. Онъ сильно дернулъ за ручку звонка, привѣшанную на проволоку, терпѣливо подождалъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, но такъ какъ на звонъ его никто не отозвался, онъ толкнулъ полурастворенную калитку и очутился на дворѣ, среди котораго копошились куры. Изъ дома, довольно уже ветхаго, доносились дѣтскіе крики, сливавшіеся съ отчаяннымъ кудактаньемъ встревоженныхъ птицъ. Наконецъ растворилась дверь и на порогѣ ея появилась молодая еще женщина въ ситцевой юбкѣ и утренней кофтѣ, съ растрепанными волосами, прикрытыми кое-какъ надѣтымъ на голову ночнымъ чепцомъ. Франсисъ Помрѣ окликнулъ ее самымъ безцеремоннымъ тономъ и спросилъ, дома-ли господинъ Питто. Выслушавъ нѣсколько смущенный отрицательный отвѣтъ молодой женщины, Франсисъ вынулъ изъ записной книжки визитную карточку и небрежно вручилъ ее ей, прося выѣсть съ тѣмъ передать «хозяину» его крайнія сожалѣнія. По особенному движенію губъ, по удивленному взгляду и румянцу, внезапно вспыхнувшему на лицѣ стоявшей передъ нимъ дамы, дѣсничій вдругъ догадался, что та, съ которою онъ только что говорилъ, какъ съ служанкой, никто иная, какъ сама супруга сборщика податей. Сознавая свой промахъ, онъ неловко поклонился и вышелъ.

— Недурно для перваго раза! подумалъ онъ; — одного врага уже нажилъ.

Визиты къ мировому судѣ, къ нотаріусу и къ врачу оказались также неудачными: первый отправился на Руэльское озеро, охотиться за лысухами, а два другіе были въ отлучкѣ по обязанностямъ службы.

Теперь очередь была за священникомъ; вечерня окончилась, и дѣсничій рѣшилъ направиться къ его резиденціи. Это былъ просторный домъ старинной постройки, скромно приютившійся между дворомъ и садомъ, съ крыльцомъ, на которомъ въ темныхъ деревянныхъ ящикахъ цвѣли олеандры. Когда Франсисъ объявилъ о своемъ званіи, сестра священника, тощая старая дѣва съ суровымъ, недовѣрчивымъ лицомъ, ввела его въ гостиную, украшенную священными картинами и большимъ библіотечнымъ шкафомъ. Аббатъ Картье, также сухопарый, какъ высушенная солнцемъ жердь, сидѣлъ у окна довольно тускло освѣщавшаго комнату. Увидѣвъ гостя, онъ поднялся съ своего соломеннаго кресла. Франсисъ увидѣлъ предъ собою мнуную костлявую фигуру, затерявшуюся въ складкахъ новой

рясы, угловатый лобъ, нависшій надъ двумя глубокими впадинами, въ которыхъ сверкали черные, пронзительные глаза, прямой, заостренный носъ и узкія, ввалившіяся насмѣшливыя губы, которыя теперь раскрылись для перваго привѣтствія.

«Наконецъ-то нашлось хоть одно интеллигентное существо», подумалъ лѣсничій, усаживаясь.

— Вы вѣроятно поселились въ нашихъ мѣстахъ недавно, господинъ лѣсничій, началъ священникъ, прикрывая колѣни полами распахнувшейся рясы, — потому что я не имѣлъ удовольствія видѣть васъ въ церкви во время воскресной службы.

Франсисъ отвѣтилъ, что живетъ здѣсь уже недѣлю. Священникъ какъ-то печально покачалъ головой, и молодой человекъ принялъ это за выраженіе нѣкотораго упрека. Ревностный пастыръ очевидно считалъ непоявленіе новаго прихожанина къ воскресной обѣднѣ за слишкомъ явное доказательство религіознаго индифферентизма.

— Вы наследуете должность такого человека, продолжалъ со вздохомъ священникъ, — о которомъ все мы вспоминаемъ съ сожалѣніемъ. Вашъ предшественникъ съ такимъ усердіемъ исполнялъ свои христіанскія обязанности, что могъ служить образцомъ для цѣлаго прихода.

Затѣмъ послѣдовалъ вторичный вздохъ, повидимому желавшій сказать: «я сильно опасаюсь, что въ этомъ отношеніи онъ останется незамѣненнымъ». Чтобы переменить разговоръ, Франсисъ завелъ рѣчь о лѣсныхъ богатствахъ здѣшнихъ мѣстъ.

— Въ нашей странѣ, коротко отвѣтилъ священникъ, — пріѣзжій встрѣтитъ очень мало разделеченій.

— Однако есть-же и здѣсь какая-нибудь общественная жизнь? рѣшился освѣдомиться лѣсничій.

— Здѣсь всякій всецѣло поглощенъ своими занятіями и жители рѣдко посѣщаютъ другъ друга... Прежде, бывало, служащіе встрѣчали радушный пріемъ въ замкѣ, у владѣльца желѣзоплавильнаго завода; но съ тѣхъ поръ, какъ умеръ господинъ Лебретонъ, вдова его уже не принимаетъ гостей... да и прекрасно дѣлаетъ.

— Она недавно овдовѣла?

— Господинъ Лебретонъ умеръ всего мѣсяцевъ девять тому назадъ... Это чувствительная потеря для прихода... Онъ дѣлалъ много добра.

Разговоръ на клеился. Франсисъ всталъ. Желая хоть чѣмъ

нибудь задобрить священника на первый разъ, онъ началъ восхищаться его библіотекой и просилъ позволенія пользоваться ею иногда.

— О! сказалъ хозяинъ съ притворною скромностью;—это все книги, которыми я пользуюсь при исполненіи своей должности... Никакихъ свѣтскихъ сочиненій у меня нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, прибавилъ онъ съ вѣжливой проницеской улыбкой, если вы любитель чтенія, то у меня есть полное собраніе сочиненій греческихъ и латинскихъ отцовъ, которое совершенно къ вашимъ услугамъ.

Съ этими словами онъ проводилъ гостя вплоть до ящиковъ съ олеандрами и прѣстился съ нимъ церемоннымъ поклономъ.

Нѣсколько смущенный его холоднымъ приѣмомъ, Франсисъ Помрѣ направился къ почтмейстершѣ, домикъ которой, општатуренный и чистенькій, выходилъ угломъ на церковную площадь. Проникнувъ въ темный корридоръ, ведущій въ почтовую контору и не найдя нигдѣ звонка, онъ сталъ ощупью отыскивать ручку двери, за которою слышенъ былъ стукъ кухонной посуды. Вдругъ дверь, оказавшаяся незапертою, подалась и растворилась настежь.

— Это ты? крикнулъ женскій голосъ;— затворяй скорѣй, моя милая, а то кошки шлятся.

Затѣмъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, тотъ-же голосъ испустилъ подавленный крикъ и разсыпался въ извиненіяхъ, въ то время какъ Франсисъ называлъ себя по имени.

Въ комнатѣ, плохо освѣщенной единственнымъ узкимъ окномъ, было уже довольно темно. Окинувъ быстрымъ взглядомъ стѣны и мебель, лѣсничій увидѣлъ, что она одновременно служить и кухней и столовой. Стоявшій по срединѣ ея покрытый клеенкою столъ былъ уставленъ посудю. На угольяхъ очага, въ чугунной кострюлѣ, жарился кусокъ телятины, наполняя комнату шипѣніемъ и запахомъ кипящаго жира. Молодая женщина, стоявшая передъ очагомъ, оторопѣвъ, смотрѣла на посѣтителя и бормотала безсвязныя фразы. Насколько можно было судить при слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь окно, ей было лѣтъ двадцать пять; туалетъ ея былъ довольно небрежный: черная юбка и сѣрая шерстяная кофта, изъ-подъ которой видны были бѣлая шея и обнаженныя до локтей руки. Что-же касается лица, которое было совершенно въ тѣни, то Франсисъ могъ разглядѣть

только его общіе, довольно округлыя контуры и маленькіе глазки, сверкавшіе отблескомъ кухоннаго огня.

— Мнѣ, право, очень совѣстно, повторяла она; — сестра ушла въ церковь, а я осталась дома, чтобы готовить ужинъ... Ахъ, пожалуйста, садитесь-же; да извините, что я принимаю васъ здѣсь.

Франсисъ сказалъ, что извиняться приходится ему, и собрался уходить, выразивъ сожалѣніе, что не засталъ почтмейстершу.

— О, она скоро придетъ, увѣряю васъ, убѣждала его дѣвушка, въ которой смущеніе по случаю ея совсѣмъ ужь не параднаго костюма видимо боролась съ желаніемъ познакомиться съ новымъ лѣсничимъ.

Онъ рѣшился взять стулъ, который она ему предлагала, и усѣлся какъ разъ напротивъ кострюли, которая продолжала пронзительно шипѣть и повременамъ заглушала даже разговоръ собесѣдниковъ. Этотъ шумъ еще болѣе способствовалъ смущенію молодой хозяйки; ей было чрезвычайно совѣстно, что приходится принимать гостя такъ безцеремонно, и вмѣстѣ съ тѣмъ она не рѣшилась вести его въ темную, нетопленную гостинную съ затворенными ставнями, въ которой нужно-бы было зажечь свѣчи, и во всемъ блескѣ обнаружить свое кухонное неглиже. Чтобы скрыть свое смущеніе, она разговаривала съ нервною торопливостью, забрасывая гостя вопросами, на которые немедленно сама-же и отвѣчала.

— Вѣдь вы въ Обривѣ недавно?.. Кажется съ недѣлю всего?.. Какъ вамъ понравились наши мѣста?.. Не особенно, я думаю... Это чистѣйшая трущоба; и людей совсѣмъ нѣтъ.

— Однако, возразилъ Франсисъ, — мнѣ указывали на домъ мадамъ Лебретонъ.

— На замокъ? О! теперь тамъ ужь нѣтъ прежняго веселья... Со смертью г. Лебретона все перемѣнилось.

— Повидимому, вдова безутѣшно его оплакиваетъ.

— Безутѣшно — ужь слишкомъ сильное слово, сказала сестра почтмейстерши; — покойникъ былъ значительно старше ея и довольно таки крутого нрава... Я не думаю, чтобы она особенно горевала по немъ.

— Она еще молода?

— Да... если хотите, молода... Ей теперь по крайней мѣрѣ тридцать четыре года.

— Ну, это еще далеко отъ старческой дряхлости, смѣясь

замѣтилъ Франсисъ;—въ такіе годы можно и во второй разъ замужъ выйти.

— Разумѣется. Только, знаете, я думаю, что она не рѣшится на это. Своихъ дѣтей у нея, правда, нѣтъ, но есть пріемышь, сирота, въ которой она души не часть и которую воспитываетъ въ *Sacré-Coeur*... Во-всякомъ случаѣ, если ей когда нибудь и придетъ въ голову выйти замужъ вторично, то это ужь, конечно, будетъ не въ Обривѣ, и такъ или иначе—пріемовъ въ замкѣ больше не будетъ. Мадамъ Лебретонъ не влюбилась наши мѣста и почти постоянно живетъ въ Дижонѣ.

Почтмейстерша не возвращалась; кострюля умолкла, но исходявшій изъ нея сильный запахъ гари, казалось, беспокоилъ дѣвушку; было ясно, какъ день, что жаркое начинало пригорать, а между тѣмъ она не рѣшалась перевернуть его въ присутствіи гостя. Она вдругъ сдѣлалась разсѣянною,—не спускала глазъ съ крышки, но наконецъ не вытерпѣла и потихоньку толкнула ее ногой. Крышка упала, и снова послышалось клокотаніе кипящаго жира. Разбуженныя этимъ рѣзкимъ звукомъ двѣ канарейки, дремавшія въ клѣткѣ, казалось, почувствовали вдругъ непреодолимую потребность грянуть ему въ унисонъ, и голоса ихъ вскорѣ по пронзительности тембра соперничали съ трескотнею подгорѣвшей телятины. Франсисъ Помрэ, который также начиналъ уже терпѣніе, да къ тому-же боялся, какъ-бы не пришлось еще болѣе продлить визита, если почтмейстерша вздумаетъ вернуться, безъ всякихъ введеній всталъ и началъ прощаться. Едва онъ успѣлъ притворить за собою дверь, какъ уже услышалъ, что молодая дѣвушка съ отчаяніемъ бросилась къ своему наполовину сожженному жарьому.

Очутившись на улицѣ, онъ съ наслажденіемъ потянулъ въ себя влажный воздухъ; что-то словно давило ему грудь; онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какое-то онѣмѣніе, какъ будто затхлая атмосфера деревенскихъ покоевъ и монотонные звуки пронесившихся тамъ фразъ произвели на его мозгъ ошеломляющее дѣйствіе. День близился къ концу и сумерки, сѣрою цѣленою спускавшіяся на долину и какъ будто струившіяся изъ чащи раскинутого по окрестнымъ холмамъ густаго, мрачнаго лѣса, придавали пасмурному настроенію молодого Помрэ еще болѣе меланхолическій оттѣнокъ. Снова начался рѣзкій

звонъ колоколовъ, и снова собаки лавочника сопровождали его шейстовымъ лаемъ.

— И въ этой-то средѣ я осужденъ прозябать въ продолженіи трехъ, а быть можетъ и пяти лѣтъ! подумалъ про себя лѣсничій, спускаясь по мощеной улицѣ, которая ведетъ къ аллеѣ, извѣстной у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Междурѣчья»;— да къ тому времени непременно, или взбѣсишься отъ тоски, или впадешь въ идиотизмъ.

Теперь онъ шелъ уже подь поросшими мхомъ вѣтвями старыхъ липъ аллеи. На-право и на-лѣво два рукава Обы, вьющіяся вдоль большой дороги, тихо воркуя, струились по своему каменистому ложу; небо, окрашенное тѣмъ тѣлесно-краснымъ цвѣтомъ, который такъ часто видишь на немъ въ зимніе вечера, отражалось въ бѣгущихъ волнахъ, и Франсисъ Помрэ съ грустью вспоминалъ о веселыхъ вечерахъ, которые приходилось проводить въ ботаническомъ саду въ Нанси, въ обществѣ другихъ только что выпущенныхъ товарищей, въ то время, какъ подь высокими деревьями военная музыка играла вальсы Метра, а красивыя дамы, шелестя юбками, ходили взадъ и впередъ по зеленымъ луговинамъ.

Теперь оставалось только сдѣлать визитъ въ замкъ. Судя по тому, что онъ узналъ у священника и на почтѣ, едва-ли можно было рассчитывать, чтобы хозяйка приняла его; тѣмъ не менѣе обязательно было оставить хоть карточку.

Въ концѣ аллеи показались стѣны и большая чугунная рѣшетка замка; сквозь причудливые орнаменты ея онъ увидѣлъ самый замокъ съ его двойной террасою и бѣлымъ фасадомъ, съ его окнами, стекла которыхъ были позолочены лучами заката, съ его безмолвнымъ, тѣнистымъ паркомъ. Онъ толкнулъ наполовину притворенную калитку и вошелъ, дёрнувъ предварительно колокольчикъ, на звонъ котораго приближала привратница.

— Нѣтъ, сударь, отвѣтила она на вопросъ посѣтителя; — барыня теперь не живетъ здѣсь... Она въ Дижонѣ... Баринъ здѣсь не нравится зимою; ей страшно одной... Она вернется только къ Пасхѣ.

Пока говорила привратница, Франсисъ съ любопытствомъ разсматривалъ паркъ съ его усыпанными пескомъ дорожками, которыя, извиваясь, исчезали въ чащѣ деревьевъ, а потомъ снова появлялись вдали, желтѣя среди зелени луговъ.

— Нельзя-ли погулять въ паркѣ? спросилъ онъ.

— О, конечно, сударь... Барыня всегда позволяла здѣшнимъ жителямъ посѣщать паркъ по воскресеньямъ. Вы можете гулять, сколько вамъ будетъ угодно.

Франсисъ Помрѣ воспользовался приглашеніемъ и, обогнувъ живо строеніе, медленно побрѣлъ по извилинамъ дорожекъ, которыя то углублялись въ густой уже мракъ еловыхъ рощъ, то снова выбѣгали на свободу, подъ открытое небо.

Паркъ, обнесенный стѣною, занималъ нижнюю часть обоихъ склоновъ узкой долины. Маленькая рѣчка, превращавшаяся здѣсь въ два десятка отдѣльныхъ бурливыхъ ручейковъ, сверкающею сѣтью пронизывала все пространство, серебристою нитью танулась по лугамъ, журча низвергалась съ утесовъ, исчезала подъ деревянными неотесанными мостиками, чтобы снова появиться нѣсколько далѣе между двойной бахромой пожелтѣвшаго камыша. Группы березъ, рощицы сѣдыхъ сосенъ были разбросаны по парку и ихъ тощія или могучіе силуэты рисовались на зеленомъ фонѣ лужаекъ. Вдали, сквозь обнаженные вѣтви деревьевъ, видѣлся задній фасадъ замка съ его лиловой черепитчатой крышей, затворенными ставнями и безлюдной террасой, защищенной стеклянныи навѣсомъ. Отъ всей этой картины вѣяло чѣмъ-то широкимъ, пышнымъ, и взоры посѣтителя невольно любовались ею.

Франсисъ Помрѣ вдругъ какъ будто ожилъ, очутившись въ этой спокойной, комфортабельной обстановкѣ. Грудь его дышала свободнѣе; ему казалось, что вмѣсто воздуха въ легкія проникало благоуханіе роскоши и довольства. Онъ опустился на деревянную скамью, у подножья группы платанъ и съ меланхолическимъ наслажденіемъ смотрѣлъ на столѣтнія деревья, на ручейки и водопады, на длинныя лужайки, по которымъ уже стлался туманъ, и на высокую опушку монтавуарскаго лѣса, изъ-за котораго выплывала луна. Сидя наединѣ въ заснувшемъ паркѣ, онъ строилъ фантастическіе «испанскіе замки» и населялъ ихъ своими розовыми, улыбающимися грезами.

Отдаленный стукъ деревянныхъ башмаковъ привратницы, проходившей по мощеному двору, вдругъ разбудилъ его и снова возвратилъ къ дѣйствительности. Только теперь онъ замѣтилъ, что уже совсѣмъ настала ночь, и медленно, какъ будто съ сожалѣніемъ, покинулъ паркъ, чтобы снова направиться къ своей невзрачной, неуютной гостинницѣ.

II.

Обривскіе лѣса, — выражаясь образною рѣчью почтмейстерши, которая гордилась изящностью своихъ выраженій, — обривскіе лѣса облеклись въ свою весеннюю одежду. Окрестности, имѣвшія въ февралѣ такой унылый видъ, были неузнаваемы. Живое, плодотворное дыханіе весны пробѣжало вдоль долины Обы, всколыхало кустарники лѣсныхъ опушекъ, зашелестило въ верхушкахъ дремучаго бора, спустилось въ глубину овраговъ, гдѣ еще такъ недавно дремали глубокіе пласты снѣга. Подъ этимъ ласкающимъ вѣтеркомъ зазеленѣли луга, распустились почки; вплоть до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ горивонта всюду, какъ зеленая дымка, виднѣлась молодая листва. На рыхлой почвѣ, между большими деревьями, перевивались и синѣли барвинки; въ низменныхъ мѣстахъ, тамъ гдѣ земля была жирнѣе, отъ илистыхъ наносовъ разливавшагося ручья, роскошно разноцвѣтною пеленою пестрѣли всевозможные цвѣты: желтые нарцисы, голубыя сциллы. Вездѣ звучали пѣсни; пѣлъ соловей въ садахъ, примыкавшихъ къ строеніямъ, пѣли дрозды въ чащѣ боярышника; изъ одѣваемаго листвою лѣса звонко доносились двѣ таинственныя ноты кукушки, выдѣлявшіяся среди всеобщей симфоніи лѣсныхъ птишекъ, занятыхъ постройкою гнѣздъ.

Радость и счастье, зарождаясь въ глубокихъ нѣдрахъ матери земли, казалось, вмѣстѣ съ дыханіемъ ея сообщались воздуху, струясь изъ безчисленныхъ бѣлыхъ колокольчиковъ ландышей, изъ изящныхъ, благоухающихъ вѣнчиковъ душистыхъ фіалокъ, которыя стелются по краямъ луговинъ. Да и веселье-то было какое-то заразительное: оно вырывалось въ видѣ звонкаго смѣха изъ груди маленькихъ дѣвочекъ, сидѣвшихъ подъ изгородями и занимавшихся изготовленіемъ шаровъ изъ цвѣтковъ пустоцвѣта; свѣтилось на пухлыхъ личикахъ маленькихъ пастушковъ, колотившихъ ручками своихъ ножей ивовыя вѣтки, чтобы снять съ нихъ мягкую кору и надѣлать изъ нея дудокъ; заставляло пѣть во все горло извощика, который шагаль возлѣ своихъ лошадей, побрякивавшихъ бубенцами и бодро вѣбравшихся по склону; а тамъ наверху, въ безлюдной просѣкѣ, оно бодрило и освѣжало дровосѣка, крѣпко всаживающаго свой топоръ въ стволы дубовъ, отмѣченныхъ для порубки; даже церковные колокола, казалось,

заразились всеобщей радостью: голоса ихъ какъ будто вдругъ стали звучнѣе и, ликуя, возвѣщали о всеобщемъ весельѣ.

Даже въ домикѣ Тренкесса, расположенномъ ниже Большого Оврага, неподалеку отъ ручейка Обетты, царили веселье и дѣтскій смѣхъ. А между тѣмъ домикъ имѣлъ совсѣмъ ужъ не праздничный видъ, да и вообще праздничное настроеніе царствовало тамъ далеко не каждый день. Выведенный изъ глины, смѣшанной съ соломой и крытой дерномъ, онъ скорѣе могъ называться мазанкой, чѣмъ домомъ. Въ единственной комнатѣ спали чуть не въ кучѣ самъ старикъ Тренкессъ, дочь его Жанетта и двое ребятъ пяти и восьми лѣтъ. Къ хижинѣ примыкали крошечный огородъ, въ которомъ росло больше камней, чѣмъ овощей, и маленькій досчатый хлѣвъ для коровы. Дядя Тренкессъ, тощій шестидесятилѣтній старикъ съ острою, какъ у хорька, фзисіономіей, занимался одно время тремя или четырьмя ремеслами, изъ которыхъ наименѣе подозрительны были: предсказываніе судьбы и вправленіе вывиховъ. Его дочь Манета, приближавшаяся къ тридцатилѣтнему возрасту, занималась въ прачки, лѣтомъ собирала землянику, въ октябрѣ жолуди, а зимою хворостъ, и всѣ эти промыслы вмѣстѣ взятые едва доставляли настолько средствъ, чтобы накормить двухъ ребятъ, которыхъ она прижила неизвестно какъ и отцы которыхъ, разумѣется, не думали объявляться. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало обоимъ мальчуганамъ рости и цвѣсти на славу, хотя бѣгали они въ какихъ то лохмотьяхъ, едва прикрывавшихъ тѣло, и получали за день несравненно больше пинковъ, чѣмъ бѣлаго хлѣба. Въ настоящій моментъ они суетились вокругъ большого костра, разведеннаго какъ разъ посрединѣ дороги, проходившей передъ домикомъ; выпучивъ глаза, они смотрѣли то на трещавшій костеръ, то на костлявыя руки дяди Тренкесса, который былъ занятъ ощипываніемъ двухъ соекъ, пойманныхъ имъ при помощи вѣтокъ, намазанныхъ клеемъ. Эти двѣ птицы, приправленныя пареемъ, капустой и картофелемъ, должны были составлять такое блюдо, которое, по увѣренію стараго браконьера, было просто неподобно. Впрочемъ, уже одного вида чернаго котла, въ которомъ плавали заготовленные напередъ овощи, было достаточно, чтобы заставить мальчугановъ глотать слюнки. А до поры до времени они бранились и ссорились изъ-за голубыхъ перьевъ, вытащенныхъ изъ крыльевъ

соекъ, втыкали ихъ въ свои косматые, растрепанные волосы и оглашали воздухъ такими пронзительными криками восторга и радости, что голоса ихъ слышны были даже въ замкѣ, паркъ котораго простирался до опушки «Большого Оврага».

И тамъ также на всемъ лежала печать весенней радости. Замокъ проснулся отъ своего долгаго зимняго сна; передъ фасадомъ его, окаймленнымъ ракушникомъ и кустами боярышника, суетились слуги; а это доказывало, что хозяйка снова вернулась домой. Сквозь растворенныя окна нижняго этажа видны были тяжелыя шелковыя гардины, жардиньерки, украшенныя тюльпанами, и обитыя краснымъ сукномъ кресла, освобожденныя отъ своихъ чехловъ. Мадамъ Лебретонъ дѣйствительно вернулась еще въ воскресенье на Оминой и теперь, окончивъ туалетъ, выходила изъ своей комнаты и при яркомъ солнечномъ освѣщеніи появилась на террасѣ. Подобравъ одною рукою складки своей черной юбки и раскрывъ зонтикъ, она переступила за предѣлы тѣни, падавшей отъ маркизы и медленно направилась по дорожкѣ, которая оглябалась лугъ, окаймленный лиловыми касатиками.

Адриеннѣ Лебретонъ навѣрное было за тридцать лѣтъ. и люди, утверждавшіе, что ей тридцать четыре года, должны были довольно близко касаться истины. Ея матовому, слегка оливковому цвѣту лица не доставало свѣжести, подъ глазами были темныя круги, двѣ или три легкія морщинки тянулись на лбу отъ одного виска до другого. Тѣмъ не менѣе, не смотря на эти первые признаки зрѣлости, она сохранила какую-то особенную свѣжесть, какъ будто таившуюся до поры до времени въ скрытомъ состояніи. Ея высокая, стройная фигура, съ тонкою тальею, съ плечами, хотя и не пышными, но изящно закругленными, дышала юношеской подвижностью. Роскошныя темныя волосы, гладко причесанные и отчасти скрытыя подъ черной кружевной косыночкой, прекрасно гармонировали съ золотистыми оттѣнками кожи, съ блескомъ глазъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, и съ ярко-красными, пухлыми губами довольно большого рта. Совершенно сѣдая прядь, рѣзко выдѣлявшаяся на одной сторонѣ головы среди темнаго фона волосъ, придавала всей физиономіи какое-то странное выраженіе. Длинный, правильный носъ и черныя, рѣзко очерченныя брови сообщали ей нѣсколько суровый характеръ, въ значительной степени смягчившійся выраженіемъ

доброты, сквозившей въ мягкихъ очертаніяхъ рта и во влажномъ блескѣ глазъ, пронизанныхъ золотыми блестками. Вся нѣсколько сухощавая фигура вдовы заключала въ себѣ что-то особенно, сосредоточенное и жгучее. Уроженка лангрскихъ горъ, она обладала типическими особенностями, свойственными обитателямъ этихъ каменистыхъ, выжженныхъ солнцемъ возвышенностей: темпераментомъ, состоявшимъ изъ камня и огня, избыткомъ страсти и чувства подъ холодной и жесткой внѣшностью.

Въ этотъ весенній день, казалось, и мадамъ Лебретонъ поддавалась обаянію ликовавшей природы. Волны мягкаго, ароматнаго воздуха, какъ теплая ванна, размягчали всѣ фибры ея упругой, неподатливой натуры. Журчанье прозрачной воды, запахъ разцвѣтавшихъ боярышниковъ, отрывочныя музыкальныя фразы маликовки наполняли ея душу нѣгою и умилениемъ. Она невольно шла быстрѣе обыкновеннаго, опустивъ голову, потупивъ взоръ, сжавъ губы и вскорѣ достигла ограды парка. Дойдя до калитки, которая выходила на смежный съ паркомъ лугъ, она толкнула ее и очутилась на освѣщенной деревьями дорогѣ, которая тянулась вдоль берега Обетты по направлению къ Большому Оврагу, и, не задумываясь, пошла по ней, видимо довольная, что можетъ брести на удачу, куда глаза глядятъ, принять участіе въ общемъ веселіи; которымъ дышало все вокругъ, углубиться подъ прохладную тѣнь густѣющей зелени деревьевъ.

Погруженная въ думы, она шла по давно знакомой тропинкѣ, между кустами орѣшника и кизила, которые также казались ей старыми знакомыми, такъ-какъ росли на ея глазахъ съ того самого памятнаго дня, когда она впервые появилась въ этомъ замкѣ, въ подвѣчномъ нарядѣ; передъ нею проносились картины прошлаго, и знакомыя очертанія лѣсистыхъ склоновъ, вѣчно неизмѣнное журчанье маленькой рѣчки, тѣ-же цвѣты, всегда распускавшіеся съ каждою весною все на тѣхъ-же мѣстахъ, казалось, пересказывали ей однообразную, скучную повѣсть ея пятнадцатилѣтней замужней жизни.

Безъ сомнѣнія, покойникъ былъ предпочтенный человекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мужъ, далеко не всегда обладалъ пріятными свойствами. Во-первыхъ, онъ былъ гораздо старѣе ея. Господину Лебретону перевалило за сорокъ пять лѣтъ, между тѣмъ какъ ее девятнадцати лѣтъ взяли прямо со школь-

ной скамьи монастыря, чтобы выдать замужъ. Бракъ ихъ остался бездѣтнымъ. Владѣлецъ желѣзоплавильнаго завода, какъ истый бургундецъ, несмотря на свои лѣта, былъ еще свѣжъ и крѣпокъ, но въ натурѣ его было много дикаго и необузданнаго. Охота и дѣла наполняли три четверти его существованія. Вспыльчивый, рѣзкій, нетерпимый, онъ окончательно не въ состояніи былъ понять робкій, сосредоточенный и нѣсколько язвительный характеръ жены. Мадамъ Лебретонъ, воспитанная на самыхъ суровыхъ принципахъ нравственности, но чувствовавшая вмѣстѣ съ тѣмъ страстную потребность излить на кого-нибудь таившійся въ ней запасъ любви, принуждена была сосредоточить это чувство на двухъ объектахъ,—на религіи и на маленькой, усыновленной ею сироткѣ, къ которой она страстно привязалась. Дѣвочка эта, какъ говорили въ замкѣ, была дочерью какого-то лѣсного сторожа, умершаго послѣ долгой службы у Лебретонъ; но злые языки утверждали, что она связана съ хозяиномъ замка болѣе тѣсными, родственными узами, и что хитрый бургундецъ, воспользовавшись любвеобиліемъ и материнскими интересами своей жены, сумѣлъ пристроить въ собственномъ домѣ свою незаконную дочь. Какъ-бы то ни было, но въ этомъ случаѣ, онъ, вопреки своей привычкѣ, нисколько не насилдовалъ вкуса и склонностей Адриенны. Сирота, которую назвали Денизою, росла, окруженная такою любовью, какъ будто была родная дочь хозяйки; но уже съ раннихъ лѣтъ она обнаружила такой порывистый, неукротимый характеръ, что на двѣнадцатомъ году ее принуждены были отдать въ дижонскій монастырь *Sacré-Cœur*. Такимъ образомъ, мадамъ Лебретонъ снова очутилась наединѣ съ своимъ супругомъ и повелителемъ, который входилъ во всѣ мелочи хозяйства и всѣмъ и каждому давалъ чувствовать всю прелесть своей деспотической, властолюбивой натуры. Подъ душною тѣнью этого вѣтвистаго, уже поросшаго мохомъ дуба прозябала, не успѣвъ расцвѣсти, вся молодость Адриенны. Привыкнувъ къ подавляющему авторитету домашняго тирана, она наконецъ дошла до того, что уже не рѣшалась высказывать никакого самостоятельнаго сужденія. Если-бы на долю ея выпало еще хоть нѣсколько лѣтъ подобной жизни, то въ концѣ концовъ она превратилась-бы въ тупое, безсильное существо и ничѣмъ-бы не отличалась въ этомъ отношеніи отъ любой коренной жительницы Обрива, гдѣ каждая жен-

щина обречена на такую пассивную роль съ самаго дѣтства.

Наконецъ Богу угодно было призвать къ себѣ ея грознаго супруга. Она, конечно, поплакала, какъ водится; когда теряешь человѣка, съ которымъ, хорошо-ли, худо-ли, прожилъ пятнадцать лѣтъ, то поневолѣ пожалѣешь о немъ хоть слегка; къ тому-же нелегко было очутиться въ безпомощномъ одиночествѣ среди запутанной суетни торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ. Но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не сознаться, что горе ея было не особенно глубокое, а теперь, подъ дыханіемъ весны, и послѣдніе остатки печали быстро испарялись.

Желѣзоплавильный заводъ она продала, всѣ дѣла ликвидировала. Словомъ — Адриенна очутилась на свободѣ, могла дѣлать то, что ей хотѣлось, и устраивать жизнь сообразно собственному вкусу. Злоупотребить этою свободою она ничуть не намѣревалась; ей просто стало легко и весело, когда исчезло тяготѣвшее на ней ярмо; подъ вліяніемъ счастья, она вдругъ какъ будто помолодѣла. Располагая крупнымъ состояніемъ, которое находилось въ полномъ ея распоряженіи, она имѣла возможность создать себѣ совершенно независимое существованіе и во всемъ руководствоваться исключительно своими желаніями. Такъ, напримѣръ, она собиралась снова взять къ себѣ Денизу, характеръ которой значительно смягчился отъ четырехлѣтней монастырской жизни, дополнить домашнимъ воспитаніемъ пробѣлы въ ея образованіи, путешествовать вмѣстѣ съ нею, дѣлиться впечатлѣніями, посѣщая далекія, чудныя страны, одинаково незнакомыя имъ обѣимъ. Жизнь одновременно открылась-бы передъ каждою изъ нихъ и въ обѣихъ вызывала-бы одинаковое изумленіе, одинаковыя волненія и радость...

— Вышла погулять, сударыня? крикнулъ вдругъ чей-то хриплый, плаксивый голосъ, невольно заставившій ее вздрогнуть. — Раненько вы нонче къ намъ пожаловали.

Она подняла голову и въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣла Жанетту Тренкессъ, сидѣвшую на порогѣ своей полуразвалившейся хижины.

Здѣсь, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ царила такая беззабѣтная радость, теперь, напротивъ, все смотрѣло пасмурно и печально. Огонь погасъ, среди груды золы лежалъ опрокинутый котелъ, изъ дома доносились плаксивые голоса ребяты, заглушавшіеся по временамъ проклятіями и руганью

старика Тренкесса. Истощенное лицо Жанетты, присѣвшея на корточкахъ и запустившея руки въ свою бѣлокурую гриву, было блѣдно; глаза покраснѣли отъ слезъ.

Мадамъ Лебретонъ нахмурила брови; она часто давала работу Жанеттѣ, еще чаще помогала ей милостынею, но не любила ея. Какъ женщина, воспитанная въ строгой, размѣренной буржуазной обстановкѣ, она чувствовала невольное отвращеніе къ этой дѣвушкѣ, одинаково безпорядочной, какъ въ своемъ поведеніи, такъ и въ одеждѣ.

— Здравствуйте, Жанетта, отвѣтила она сухо; — какъ вы всѣ живете-можете?

— Плохо мадамъ Лебретонъ;—ужь такая доля наша горькая; не везетъ намъ ни въ чемъ.

— Не везетъ? возразила Адриенна строгимъ тономъ.— Не приходится-ли и на лѣтность попенять немного... Ужь очень у васъ въ домѣ любятъ бездѣльничать Жанетта!.. Отчего-бы вамъ не наняться работницей въ какой-нибудь фермѣ?.. Человѣкъ вы сильный, здоровый и могли-бы зарабатывать не мало.

— А ребятишки-то мои, барыня, кто-жь бы за ними сталъ присматривать?

— Дѣти ваши ходили-бы въ школу; имъ-бы тамъ было несравненно лучше, а платить-бы за нихъ стала я.

— Ахъ, барыня, барыня, вѣдь всѣ вы, богатые люди, такъ разсуждаете, благо у васъ слугъ много... Если ребята будутъ ходить въ школу, а я на работу,—кто-же за коровой присмотритъ?.. Ужь, конечно, не старикъ Тренкессъ; онъ только и думаетъ, что о себѣ!.. Тутъ того и глади награнетъ какая-нибудь бѣда, въ родѣ той, что случилась съ нами вотъ сейчасъ.

— Что-же съ вами случилось?

— Да не везетъ, барыня; говорила я вамъ, что не везетъ!.. Какъ на грѣхъ отлучилась я на минутку, а ребята отперли хлѣвъ; ну корова-то вышла да и забрела въ лѣсъ. На наше несчастье увидѣлъ ее бригадиръ Жакенъ, который только и думаетъ о томъ, какъ-бы намъ насолить, пригналъ бѣдную животинку сюда и раскудахтался здѣсь, какъ курица, увидѣвшая хоряка... Ну, а Тренкесса вы знаете, тоже за словомъ въ карманъ не полѣзетъ; вышла у насъ перебранка, и кончилось дѣло тѣмъ, что онъ составилъ протоколъ... Те-

перь, стало быть, иди судись; все это стоит денег, а откуда намъ ихъ взять, Пресвятая Богородица? У насъ вѣдь гроша ломаннаго нѣтъ... Продадутъ коровушку, старика Тренкесса посадятъ въ тюрьму... Куда-же намъ тогда дѣваться, Господи Иисусе! Куда намъ тогда дѣваться?..

Слезы покатались по щекамъ Жанетты, грудь ея судорожно заколыхалась и она громко зарыдала; а внутри хижинны двое ребятъ ея попрежнему ревѣли во все горло.

Картина этого всеобщаго горя; наконецъ, тронула мадамъ Лебретонъ; она внутренно упрекнула себя за то, что обоплась слишкомъ рѣзко съ дочерью «костоправа», и естественное добродушіе ея, наконецъ, восторжествовало. — Не плачьте, сказала она; — можетъ быть еще возможно какъ-нибудь уладить это дѣло... Пойдемте со мною къ бригадиру; вы передъ нимъ извинитесь, а я постараюсь уговорить его, чтобы онъ не пускалъ въ ходъ своего протокола.

Жанетта поправила лиловый, отороченный чернымъ тюлемъ чепчикъ, составляющій головной уборъ крестьянокъ Лангрскихъ горъ, и послѣдовала за вдовою, продолжая причитать и убиваться.

До домика лѣснаго сторожа было близехонько. Его красная черепчатая крыша виднѣлась между вѣтвями деревьевъ на половинѣ высоты противоположнаго склона. Онѣ застали бригадира за завтракомъ, но онъ оказался далеко не такимъ сговорчивымъ, какимъ его считала мадамъ Лебретонъ, и прежде всего началъ горько жаловаться на Тренкессовъ. — Они ужъ издавна ведутъ себя такъ безсовѣстно, что барыня напрасно за нихъ вступается: отецъ только и дѣлаетъ, что разставляетъ силки, дочь воруетъ хворостъ, дѣти намеренны чуть не подождать лѣсъ, а теперь даже корова начала путаться и сегодня потравила молодой двухлѣтній посѣвъ... Такіе люди не заслуживаютъ никакого снисхожденія; имъ давно пора задать острастку. Впрочемъ, онъ пошлетъ докладъ къ своему начальнику, и главный лѣсничій рѣшитъ это дѣло по своему усмотрѣнію; что-же касается его самого, Жакена, то онъ умываетъ руки и довольствуется тѣмъ, что исполнилъ свой долгъ...

— Какъ зовутъ главнаго лѣсничаго и гдѣ онъ живетъ? спросила мадамъ Лебретонъ, обращаясь къ убитой горемъ Жанеттѣ, когда онѣ, не добившись никакого результата, покинули домъ лѣснаго сторожа.

— Лѣсничимъ теперь у насъ господинъ Помрѣ... А живетъ онъ у Питуазетовъ, въ «Золотомъ Лѣвѣ».

— Я напишу ему.

— Премного вамъ благодарна, мадамъ Лебретонъ! отвѣтила Жанетта своимъ плаксивымъ голосомъ, — только вѣдь письмо-то, пожалуй, придетъ ужъ слишкомъ поздно... Вотъ еслибы, напримѣръ, вы сами сходили къ господину Помрѣ, такъ ужъ онъ-бы навѣрное не посмѣлъ отказать вамъ и вы-бы насъ спасли отъ бѣды.

— Хорошо, Жанетта, идите домой... Я сегодня-же пойду къ лѣсничему...

Крѣпко скучалъ лѣсничій на своемъ новомъ мѣстѣ. Весна не принесла ему ни неожиданныхъ радостей, ни ободряющихъ надеждъ. Къ красотамъ природы онъ относился довольно равнодушно; прозаическія детали ремесла сдѣлали его мало воспримчивымъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя возбуждали въ другихъ живописныя картины этой лѣсистой мѣстности. Что-же касается до развлеченій, на которыя можно-бы было рассчитывать въ обривскомъ обществѣ, то и относительно этого всякія иллюзіи въ немъ исчезли. Спустя нѣсколько дней послѣ его перваго визита, священникъ прислалъ ему сочиненія Св. Іоанна Златоуста и маленькую брошюрку подъ заглавіемъ: «Можно-ли быть свободнымъ мыслителемъ». Изъ всего этого онъ, разумѣется, не прочиталъ ни одной строчки. Мѣстные чиновники отдали ему визитъ, но къ себѣ не приглашали. Все это были почтенные, «вовсе не свѣтскіе люди; говорить они умѣли только о собакахъ, да объ урожаяхъ, а высшимъ наслажденіемъ для нихъ было потягивать пиво, играя въ «полиньякъ». Мѣстныя дамы были или стары, или ровно ничего интереснаго изъ себя не представляли. Гостинницу, въ которой онъ помѣстился, посѣщали исключительно извозчики и коми-вояжеры третьяго разряда, и Франсисъ Помрѣ погрузился по уши въ самую невообразимую скуку, которая возрастала съ каждымъ днемъ. Этотъ весенній вечеръ, ясный и теплый, пропитанный солнечнымъ свѣтомъ, какъ будто еще болѣе способствовалъ его дурному настроенію, благодаря контрасту между окружающимъ веселіемъ и тою тоскливою атмосферою, которая царила здѣсь, въ его канцеляріи, уставленной зелеными картонками и связками пожелтѣвшихъ бумагъ.

Онъ съ меланхолическимъ видомъ сидѣлъ возлѣ окна, небрежно перебирая поступившія за послѣднее время оффиціальныя бумаги, разсѣяннo слѣдя по временамъ за полетомъ какой-нибудь мухи и зѣвая съ такимъ усердіемъ, что рисковалъ себѣ вывихнуть челюсть. Во время этихъ серьезныхъ занятій ему показалось вдругъ, что въ корридорѣ, ведущемъ къ его канцеларіи, раздался легкій шумъ женскихъ шаговъ, сопровождаемый шелестомъ накрахмаленныхъ юбокъ. Онъ наострилъ уши. Походка эта не имѣла ничего общаго ни съ походкою мадамъ Питуазе, ни съ тяжеловѣсною поступью служанки. Шаги остановились передъ порогомъ его комнаты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кто-то осторожно постучался въ дверь. Не успѣлъ онъ крикнуть обычнаго «войдите!», какъ ручка повернулась и на порогѣ удивленному взору его представилась одѣтая въ трауръ дама.

— Дома господинъ лѣсничій? спросилъ звучный контрольный голосъ.

— Это я, сударыня.

Франсисъ вскочилъ и выпрямился во весь ростъ. Онъ церемонно раскланялся и предложилъ незнакомкѣ единственное сколько-нибудь приличное кресло; оно было одно изъ тѣхъ покрытыхъ малиновою шерстяною матеріею вольтеровскихъ креселъ, которыя непремѣнно встрѣтишь въ каждомъ номерѣ провинціальной гостинницы.

— Я мадамъ Лебретонъ.... владѣтельница замка, начала посѣтительница;—я пришла къ вамъ съ просьбою.

Франсисъ снова отвѣсилъ самый любезный поклонъ, а затѣмъ на одну минуту воцарилось молчаніе, какъ будто оба собесѣдники собирались съ духомъ, чтобы вполнѣ овладѣть своимъ хладнокровіемъ. Лѣсничій разсматривалъ стройную фигуру мадамъ Лебретонъ, изящно обрисовывавшуюся подъ чернымъ, кашемировымъ платьемъ. Лицо вдовы разгорѣлось отъ ходьбы и волненія; слегка зарумянившіяся щеки и большіе глаза, на половину скрытые подъ густыми рѣсницами, рѣзко выдѣлялись среди темной рамки изъ тюля и крепа, составлявшихъ ея траурный головной уборъ. На основаніи всего слышаннаго прежде, Франсисъ представлялъ себѣ мадамъ Лебретонъ въ видѣ несравненно болѣе зрѣлой и менѣе привлекательной матроны. Она, съ своей стороны, вѣроятно тоже ожидала встрѣтить въ лицѣ лѣсничаго какого-нибудь угрю-

маго, ворчливаго медвѣдя, похожаго на большинство лѣсни-чихъ, которыхъ ей приходилось видѣть до сихъ поръ въ Обри-вѣ. Не мудрено, что она почувствовала нѣкоторую робость, очутившись въ качествѣ просительницы передъ этимъ, изящ-но одѣтымъ молодымъ человѣкомъ съ бѣлыми руками и свѣт-скими манерами.

— Я рѣшилась обратиться къ вамъ, начала она еще ме-нѣе увѣреннымъ голосомъ,—хотя поведеніе мое можетъ пока-заться вамъ страннымъ и не вполне соответствующимъ уста-новившемуся обычаю... Надѣюсь, что вы извините его, когда узнаете побужденіе, которое руководило мною... Мнѣ-бы хо-тѣлось, чтобы вы помогли мнѣ въ одномъ добромъ дѣлѣ, ко-торое въ значительной степени зависитъ отъ васъ.

— Если дѣло это зависитъ отъ меня, отвѣтилъ Франсисъ, — то будьте увѣрены, сударыня, что я сдѣлаю для васъ все находящееся въ моей власти.

Она поблагодарила его и затѣмъ рассказала о томъ, что случилось съ Жанеттой Тренкессъ.

— Дѣйствительно, продолжалъ онъ, порывшись въ ка-кихъ-то бумагахъ,—вотъ протоколъ бригадира... Проступокъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, обвиняемые попадались уже не разъ и,—позвольте мнѣ прибавить, сударыня,—совершенно недостойны вашего участія.

— Еслибы интересоваться приходилось исключительно та-кими людьми, которые никогда не грѣшили, возразила вдова, — то облегчать людское горе было-бы не трудно... Наиболѣе виновные больше всего и нуждаются въ участіи.

— Но вѣдь эти Тренкессы положительно неисправимы; еслибы у насъ здѣсь было двѣ или три такія семьи, то онѣ современемъ истребили, расхитили-бы весь лѣсъ. Въ данномъ случаѣ я обязанъ дѣйствовать строго.

— Все это я уже слышала отъ вашего бригадира и если рѣшилась, тѣмъ не менѣе, идти къ вамъ, такъ потому, что надѣялась найти васъ менѣе безжалостнымъ... Неужели вы отпустите меня съ сознаниемъ, что я ошиблась? прибавила она, поднявъ къ нему свои блестящіе каріе глаза.

Онъ молчалъ и, казалось, весь погрузился въ созерцаніе этихъ глазъ, освѣщенныхъ какимъ-то влажнымъ огнемъ. Не-ожиданность такого tête-à-tête, музыка этого нѣжнаго, моля-щаго голоса, особая, давно забытая имъ благоухающая атмо-

сфера, внесенная молодою, изящною женщиною, — все это вмѣстѣ взятое порождало въ молодомъ человѣкѣ пріятное волненіе, которое не имѣло ничего общаго съ состраданіемъ.

Вдова вдругъ стыдливо опустила вѣки, опущенныя длинными рѣсницами.

— Сжальтесь надъ этими бѣдными людьми, прошептала она робко;—постарайтесь облегчить ихъ участь!

Лѣсничему, конечно, прежде всего хотѣлось произвести благопріятное впечатлѣніе на владѣтельницу зѣмка; онъ слишкомъ мало привыкъ принимать у себя такихъ пріятныхъ гостей, чтобы долго оставаться неумолимымъ.

— Хорошо, сказалъ онъ, комкая протоколь; — я какъ-нибудь улажу дѣло съ Жакономъ, но знайте, сударыня, что я это дѣлаю ради васъ, а не ради этихъ положительно недостойныхъ никакого состраданія людей.

— Вы не хотите взять на себя заслугу этого добраго дѣла, отвѣтила она съ любезною улыбкою.

— Я не хочу, чтобы въ тотъ день, когда я имѣлъ честь увидѣть васъ въ первый разъ, вы вышли отъ меня съ неисполненной просьбой.

Во взглядѣ, которымъ онъ сопровождалъ эти слова, выразилось несравненно больше любезности, чѣмъ въ самомъ отвѣтѣ. Мадамъ Лебретонъ покраснѣла до корней волосъ; такимъ образомъ еще никто никогда на нее не смотрѣлъ; дерзость лѣсничаго нѣсколько оскорбила, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то пріятно взволновала ее.

— Благотворительность должна быть безкорыстна, возразила она сухо;—тѣмъ не менѣе я выражаю вамъ глубокую благодарность отъ имени заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ.

Она поспѣшно встала, но затѣмъ, видимо сожалѣя о своей внезапной вспышкѣ, расправляя платье, снова обратилась къ лѣсничему уже болѣе мягкимъ тономъ:

— Надѣюсь, что нѣсколько странный способъ нашего знакомства не лишитъ меня удовольствія видѣть васъ въ зѣмкѣ.

Лицо Франсиса просіяло; когда мадамъ Лебретонъ направилась къ двери, онъ снова ощутилъ потребность выказать ей какое-нибудь рыцарское вниманіе.

— Сударыня, началъ онъ самымъ любезнымъ тономъ, —

позвольте мнѣ предложить вамъ руку и проводить васъ до наружной двери.

Но изумленный взглядъ вдовы сразу осадилъ его и заставилъ понять, что предложеніе это сочтено неумѣстнымъ.

— Пожалуйста не беспокойтесь, отвѣтила она прежнимъ строгимъ голосомъ;—я и безъ того уже отняла у васъ слишкомъ много времени.

Она кивнула на прощанье головой съ нѣсколько холоднымъ достоинствомъ и вышла въ корридоръ, а лѣстничій, стоя на порогѣ, не могъ оторвать глазъ отъ стройной черной фигуры, постепенно исчезающей въ полумрагѣ; она слегка приподняла юбку, и изъ подъ бѣлыхъ съ черными крапинами волановъ виднѣлись высокіе каблукы двухъ маленькихъ ножекъ, съ глухимъ стукомъ спускавшихся по дубовымъ ступенямъ. Наконецъ изящное видѣніе скрылось на поворотѣ лѣстницы.

III.

— Не отвѣдаете-ли вотъ этого шеколаднаго крема, сказала мадамъ Лебретонъ, обращаясь къ священнику... Это предметъ особенной гордости моего повара.

— Нѣтъ, благодарю васъ; я совершенно сытъ.

— Это онъ ради умерщвленія плоти отказывается! воскликнулъ сборщикъ податей, сопровождая свою остроту громкимъ смѣхомъ;—господинъ священникъ не разрѣшаетъ себѣ сластей.

— Мой желудокъ не разрѣшаетъ ихъ мнѣ, возразилъ аббатъ Картье,—но я ничего не имѣю противъ того, чтобы прихожане мои пользовались ими, нисколько не стѣсняясь... Шьеръ, прибавилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, — подайте блюдо господину сборщику податей!

— О, нѣтъ, не могу, сытъ по-горло! воскликнулъ послѣдній, опрокидывая свою пустую тарелку.

Этотъ деревенскій способъ отказываться отъ угощенія показался дамамъ очень забавнымъ; онѣ переглядывались, стараясь подавить улыбку, между тѣмъ какъ «сборщикъ», сидѣвшая у противоположнаго конца стола, краснѣла при видѣ такой неотесанности супруга. Мадамъ Лебретонъ слегка улыбнулась и взглядъ ея, скользя по цвѣтамъ, украшавшимъ центръ стола, на мновеніе встрѣтился со взглядомъ Помрэ,

который сидѣлъ противъ нея; по одну сторону отъ него помѣстилась жена нотариуса, а по другую—сестра почтмейстерши, мадмаузель Ирма Шеснель.

Это былъ первый званый обѣдъ, который давала Адриенна послѣ смерти мужа; въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ она обрекала себя на абсолютное одиночество; но, послѣ того, какъ въ іюнѣ минулъ годъ со времени смерти господина Лебретона, она сочла себя въ правѣ прекратить прежнее существованіе отшельницы и снова завязать сношенія съ вѣшнимъ міромъ. Двери ея гостиной снова раскрылись, и въ числѣ самыхъ усердныхъ и радушно пріивѣтствуемыхъ хозяинкою посѣтителей, деревня, не безъ нѣкоторыхъ злорадныхъ комментаріевъ, замѣтила новаго лѣсничаго. На этомъ первомъ обѣдѣ собралась вся мѣстная знать, и въ числѣ приглашенныхъ, разумѣется, фигурировалъ Франсисъ Помрѣ.

Общество сидѣло за десертомъ; наступилъ тотъ пріятный моментъ, когда процессъ пищеваренія еще не подвинулся настолько, чтобы дѣйствовать усыпляющимъ образомъ, когда мозговая дѣятельность возбуждена болѣе обыкновеннаго, а вслѣдствіе этого языки развязываются, глаза разгораются и на щекахъ выступаетъ легкій румянецъ. Старое вино, осторожно разливаемое по стаканамъ, окончательно развеселило общество. Пьеръ, въ коричневой ливреѣ, и расторопная горничная ходили вокругъ стола неслышными шагами, такъ какъ паркетъ былъ устланъ мягкими коврами. Въ комнату внесли лампы. Въ отворенныя окна вмѣстѣ съ посвѣжѣвшимъ вѣтеркомъ врывался запахъ свѣжаго сѣна; далекій, ослабленный разстояніемъ шумъ, доносившійся изъ деревни, смѣшивался съ жужжаніемъ оживившейся застольной бесѣды.

Жена сборщика, въ противоположность мужу, два раза сряду возвращалась къ одному и тому-же блюду; она не вывела къ подобной роскоши и, повидимому, старалась запастись даровою пищею въ виду лишеній, предстоявшихъ въ теченіи остальной недѣли. Что-же касается самого сборщика, то онъ вспомнилъ, что обѣщалъ дѣтямъ принести съ собою гостинца, и, въ качествѣ примѣрнаго отца семейства, при каждомъ удобномъ случаѣ, опустошалъ тарелки съ десертомъ, наполняя карманы сюртука пряниками и тому подобными лакомствами. Мировой судья въ подробности излагалъ женѣ нотариуса правила игры въ домино, когда въ игрѣ участвуютъ

четверо. Франсисъ Помрэ говорилъ мало, но съ наслажде-
ніемъ вдыхалъ въ себя окружающую его атмосферу довольства.
Роскошное убранство стола, запахъ розъ, золотистый свѣтъ
лампъ, тонкій ароматъ бургундскаго вина, передававшася
въ запыленныхъ бутылкахъ, лежавшихъ въ серебряныхъ кор-
зинахъ,—все это напоминало ему картины изъ прежней его
жизни и наполняло душу безотчетнымъ веселіемъ и радостью.

Глаза лѣсничаго, утратившіе послѣдніе признаки робости,
полюбовавшись корзинкою съ яркими цвѣтами, устремлялись
на изящное лицо хозяйки дома съ выраженіемъ неподдѣльна-
го восторга. Черный нарядъ Адриенны Лебретонъ, хотя по-
прежнему въ высшей степени скромный, не былъ лишенъ нѣ-
которой кокетливости. Лифъ его съ высокимъ воротомъ былъ
отдѣланъ стариннымъ венеціанскимъ кружевомъ, а вокругъ
шеи отороченъ бѣлымъ рюшемъ. На ней не было никакихъ
драгоценныхъ украшеній, головной уборъ состоялъ изъ соб-
ственныхъ роскошныхъ каштановыхъ волосъ, изящно обра-
млявшихъ проолговатый овалъ ея лица, среди котораго ка-
кимъ-то сдержаннымъ огнемъ горѣли большіе каріе глаза.
Очень вѣроятно, что если-бы Франсису привелось встрѣтить
мадамъ Лебретонъ годъ тому назадъ, въ томъ городѣ, гдѣ онъ
въ то время жилъ, то красота ея, слишкомъ уже суровая и
сдержанная, по всей вѣроятности не произвела-бы на него
никакого впечатлѣнія. Но пятимѣсячное пребываніе въ Обри-
вѣ въ значительной мѣрѣ поубавило его разборчивость. Сѣ-
рый вульгарный фонъ, на которомъ рисовалась ему мадамъ
Лебретонъ, былъ для нея необыкновенно выгоденъ; она также
рѣзко выдавалась среди деревенскихъ дамъ, какъ роскошное
жилище ея среди однообразныхъ, какъ будто сливавшихся въ
одну общую кучу деревенскихъ строеній. Мало-по-малу, бла-
годаря привычкѣ и отсутствію всякаго сравненія, Франсисъ
открывалъ въ Адриеннѣ все больше и больше тонкихъ осо-
бенностей, полныхъ своеобразной прелести. Она возбуждала
въ немъ какое-то странное нѣжное чувство, на половину со-
стоявшее изъ любопытства и страстнаго влеченія.

Взоры лѣсничаго не покидали мадамъ Лебретонъ; отъ умѣ-
ренно выпуклаго бюста переходили къ темнымъ косамъ, обви-
вавшимся вокругъ воткнутаго въ волосы стального гребня,
любовались красивыми очертаніями ея полныхъ рукъ, начи-
ная плечомъ и кончая изящною кистью съ длинными, тонки-

ми пальцами, блуждали по краснымъ, полураскрытымъ губамъ, обнаруживавшимъ два ряда ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ, и даже отваживались проникать въ глубину ея глазъ, обведенныхъ темными кругами.

Онъ былъ въ такой степени погруженъ въ это созерцаніе, что лишь машинально отвѣчалъ на вопросы своей сосѣдки, Иры Шеснель. Эта зрѣлая дѣвица, не на шутку тяготившаяся своимъ цѣломудреннымъ существованіемъ, всегда мѣтила выйти замужъ за одного изъ этихъ чиновниковъ, которыхъ администрація присылала въ Обривъ и которые быстро смѣнялись другъ друга, какъ перелетныя птицы. Въ данную минуту она серьезно задалась цѣлью покорить сердце лѣсничаго и съ самаго начала обѣда пыталась заигрывать съ нимъ. Только-что выпитый бокалъ шампанскаго удвоилъ ея словоохотливость и она трещала, какъ сентиментальная сорока, распространяясь въ самомъ романтическомъ стилѣ на счетъ прелестей уединенія, лѣсныхъ цвѣточковъ и журчащихъ ручейковъ.

— Вы навѣрное очень любите природу, если выбрали эту карьеру, обрекающую васъ на жизнь среди лѣсовъ?

Франсисъ, внимательно разсматривавшій въ это время тѣнь, которая ложилась отъ длинныхъ рѣсницъ Адриенны на ея матовыя щеки, слышалъ вопросъ своей сосѣдки только въ видѣ какого-то неопредѣленнаго жужжанія; видя, что она въ это время подносила къ губамъ бокалъ съ шампанскимъ, онъ придалъ словамъ ея совсѣмъ иной смыслъ и разсѣянно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мадамъ, я никогда его не пью.

Собесѣдница, нѣсколько озадаченная такимъ отвѣтомъ, подняла голову и, посмотрѣвши по тому направленію, въ которомъ устремленъ былъ взглядъ ея сосѣда, убѣдилась, что предметомъ, привлекавшимъ до такой степени его вниманіе, была Адриенна. Тогда она поняла причину этого неумѣстнаго отвѣта и съ досадою закусила губу.

Кромѣ нея, въ числѣ гостей было еще другое лицо, которое также замѣтило, съ какимъ удовольствіемъ взгляды Франсиса останавливаются на хозяйкѣ. Это былъ священникъ. Онъ съ подозрительнымъ безпокойствомъ слѣдилъ за поведеніемъ лѣсничаго. Его маленькіе черные глазки, глубоко засѣвшіе въ глазницахъ, съ молчаливымъ вниманіемъ были прикованы къ лицу молодого человѣка, и суровое выраженіе его рябаго

лица ясно показывало, до какой степени онъ былъ скандализованъ этимъ безмолвнымъ обожаніемъ, за которымъ ему чудились грѣховные помыслы.

А общій разговоръ шелъ своей чередой; діаметръ голо-
совъ повысился на цѣлый тонъ.

— Все дѣло въ томъ, просвѣщаль судья жену нотариуса, —
все дѣло въ томъ, чтобы изучить игру своего партнера и
пользоваться малѣйшею его ошибкою...

— Что это васъ давно не видно въ руководѣннѣ, спросила
мадмуазель Ирма, отчаявшись расшевелить лѣсничаго и обра-
щаясь къ женѣ сборщика.

— Что прикажете дѣлать! Когда въ домѣ четверо дѣтей,
довольно и на нихъ всякой починки... Я и безъ того по цѣ-
лымъ днямъ не выпускаю изъ рукъ иглы...

Пирамиды вишень разрушались и катились на скатерть,
корзинки съ земляникой и малиной переходили изъ рукъ въ
руки и опорожнялись; въ столовой господствовалъ запахъ спѣ-
лыхъ плодовъ.

— Славно пообѣдали! Все было превосходно! воскликнулъ
сборщикъ податей, вытирая себѣ бороду салфеткой. Согласи-
тесь, священникъ, что хорошо пообѣдать не грѣхъ.

Не отвѣчая на его вопросъ и все еще не спуская глазъ
съ лѣсничаго, священникъ наклонился къ мадамъ Лебретонъ.

— Мнѣ кажется, шепнулъ онъ ей, — что вы сдѣлаете доб-
рое дѣло, если положите конецъ изліяніямъ моего сосѣда.

Адриенна встала и взяла подъ руку нотариуса. Поднялся
шумъ отодвигаемыхъ стульевъ; всякій спѣшилъ послѣдовать ея
примѣру.

Пьеръ въ это время распахнулъ двери и гости перешли
въ гостиную, гдѣ былъ сервированъ кофе.

Священникъ и Франсисъ Помрэ столкнулись въ дверяхъ.

— Моя бібліотека по-прежнему къ вашимъ услугамъ,
сказалъ священникъ своимъ обычнымъ ироническимъ тономъ...
но, мнѣ кажется, вы не особенно торопитесь ею воспользо-
ваться.

— Извините, отвѣтилъ Франсисъ, краснѣя подъ проница-
тельнымъ взглядомъ аббата, — но увѣряю васъ, за послѣдніе
мѣсяцы мнѣ положительно нѣкогда было читать.

— Вы очень заняты?..

— Да, таки порядочно.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. А мнѣ напротивъ говорили, что въ это время года занятій у васъ немного и есть время для отдыха и удовольствій.

— Это несправедливо, сухо замѣтилъ лѣсничій.

— Что-же, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! вздохнулъ священникъ и затѣмъ прибавилъ: — Во всякомъ случаѣ, когда вамъ будетъ посвободнѣе,—помните, что книги мои къ вашимъ услугамъ... я отложилъ для васъ сочиненія нѣсколькихъ отцовъ, которыя навѣрное васъ заинтересуютъ.

— Очень вамъ благодаренъ, господинъ священникъ!..— «Однако этотъ проклятый аббатъ положительно надо мною издѣвается», подумалъ Франсисъ, направляясь къ столу, за которымъ мадамъ Лебретонъ съ помощью мадмуазель Шеснель разливала кофе и угощала ликерами.

Сборщикъ податей, покойно усѣвшись въ кресло, съ шумомъ дулъ на свой горячій кофе и мѣшалъ его ложечкой. Мировой судья, присоединяя къ теоріи практику, подвелъ жену нотариуса къ игорному столу и устраивалъ при помощи нотариуса и жены сборщика партію домино. Лѣсничій, облокотившись на фортепіано, смотрѣлъ, какъ хозяйничаетъ мадамъ Лебретонъ. Нагнувшись надъ столомъ, она приподнимала серебряный кофейникъ и наполняла чашки. Въ этой позѣ, съ поднятой и протянутой рукой, съ виднѣвшеюся изъ-подъ платья маленькой ножкой, обутой въ шелковую ботинку, вся ея фигура, начиная съ шеи, на которую подъ косою спускались маленькіе завитки темныхъ волосъ, и кончая каблукомъ башмака съ бѣлѣвшею надъ ними каймою юбки, представляла сочетаніе изящныхъ линій, которыя молодой человѣкъ, казалось, изучалъ съ напряженнымъ любопытствомъ.

Покончивъ свои хозяйскія обязанности, Адриенна усѣлась на одномъ изъ дивановъ, возлѣ Ирмы Шеснель, которая медленно потягивала рюмку мараскина.

— Не съиграете-ли вы намъ чего-нибудь, обратилась она къ хозяйкѣ, указывая на раскрытое фортепіано?.. Что касается меня, то я обожаю музыку, и въ особенности музыку блестящую. Когда руки бѣгаютъ по клавишамъ и перекрещиваются... о это просто прелесть!

— Извините, отвѣтила Адриенна, — я такъ давно уже не играла, что чувствую себя не въ силахъ сыграть что-нибудь сносно. Но если вы хотите послушать хорошей музыки, то

попросите господина Помрэ... У него положительно талант; его вы навѣрное будете слушать съ удовольствіемъ.

Такая комбинація отнюдь не соотвѣтствовала разсчетамъ Ирмы, которая готовилась завладѣть лѣсничимъ, пока хозяйка будетъ сидѣть за фортепіано, но теперь отступать было поздно, и ей поневолѣ пришлось присоединиться къ просьбѣ Адриенны.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Франсисъ, обращаясь къ послѣдней.

Онъ сѣлъ на табуретъ, выбралъ тетрадь моцартовыхъ сонатъ и взялъ нѣсколько аккордовъ. При первыхъ-же звукахъ инструмента, священникъ, неизмѣнно ложившійся спать въ десять часовъ, поспѣшилъ встать, молча раскланялся и вышелъ съ своей треугольной шляпой подъ мышкою.

Франсисъ Помрэ не повернулъ даже головы. Онъ началъ играть сонату и, сосредоточивъ на ней все свое вниманіе, старался исполнить ее съ выраженіемъ. Для любителя онъ игралъ недурно. Нѣжные, ласкающіе звуки моцартовской музыки звонкой струей зажурчали въ высокой гостиной. Мадамъ Лебретонъ, повернувшись къ инструменту, скрестивъ руки и нѣсколько откинувъ голову назадъ, казалось, вся отдавалась обаянію этой музыки, сотканной изъ нѣги и свѣта, дѣйствовавшей на нее, какъ свѣжее утреннее дыханіе. Варіація слѣдовала за варіаціей, жемчужнымъ каскадомъ сыпались музыкальныя ноты, то тихія и нѣжныя, то быстрыя и веселыя, какъ порхающія птички. И вмѣстѣ съ ними въ душу Адриенны проникала та-же тихая, весенняя радость, которую она ощущала, гуляя въ маѣ въ обривскомъ лѣсу.

Далеко не въ такомъ-же положеніи находились ея гости, ровно ничего не понимавшіе въ классической музыкѣ. Какая-нибудь шумная кадрили была-бы имъ болѣе по вкусу. Сборщикъ податей дремалъ въ своемъ креслѣ. Жена его, предвидѣвшая, что онъ начнетъ храпѣть, оставила свое домино и дернула мужа за рукавъ; оба неловко раскланялись съ хозяйкою и затѣмъ подошли къ лѣсничему, чтобы пожелать ему добраго вечера.

Франсисъ остановился.

— Еще, еще! воскликнула Адриенна, которая, проводивъ удалившуюся чету, возвратилась въ гостинную.

Она снова усѣлась на диванъ и съ умоляющимъ выраже-

нiемъ смотрѣла на обернувшагося къ ней молодого человѣка.

Онъ повиновался и, перелиставъ вторую тетрадь, началъ полонезъ Шопена. Эта страстная музыка, то порывистая и бурная, какъ стремительная скачка дикихъ коней, то печальная, хватающая за сердце, какъ тихій стонъ страдающаго человѣка, окончательно очаровала Адриенну. Она какъ нельзя болѣе гармонировала съ ея сосредоточенной, пламенной натурой. Эти звуки, грозно бушующіе или меланхолическіе будили отголосокъ въ ея сердцѣ; до сихъ поръ оно было наглухо заперто и недоступно, какъ обнесенный стѣною садъ, въ которомъ цвѣли таинственные, невѣдомые міру цвѣты. Она слушала эти причудливыя, какъ будто прерванныя фразы, эти бурные музыкальные порывы и также забыла про своихъ гостей. Ирма головою и рукою фальшиво выбивала тактъ и то и дѣло подавляла зѣвоту; партія домино была окончена; мировой судья, нотаріусъ и его жена стали прощаться съ хозяйкой, и сестра почтмейстерши, чтобы не возвращаться одной, рѣшилась сопровождать ихъ; но прежде чѣмъ уйти, они, какъ будто сговорившись, всѣ, одинъ за другимъ, подошли пожелать добраго вечера лѣсническому; но онъ, взбѣшенный этими постоянными перерывами, каждыя разъ съ удвоенной силой ударялъ по клавишамъ и продолжалъ играть. Наконецъ, гости удалились, пройдя черезъ садъ, а Франсисъ все еще не покидалъ фортепіано. Окончивъ пьесу, онъ обернулся и очутился съ глазу на глазъ съ мадамъ Лебретонъ, которая только что вернулась въ гостинную, гдѣ еще не успѣли замереть послѣдніе звуки полонеза.

— Они всѣ ушли, сказала Адриенна, нѣсколько смущенная;—музыка обратила ихъ въ бѣгство... Извините ихъ; они въ ней ничего не понимаютъ.

— Быть можетъ, и я также злоупотребилъ вашимъ позволеніемъ и поступилъ не совсѣмъ деликатно, отвѣтилъ Франсисъ, какъ будто съ сожалѣніемъ поднимаясь съ своего мѣста.

— Напротивъ, вы доставили мнѣ большое удовольствіе.

— О, вы слишкомъ любезны, чтобы отвѣтить иначе, но...

— Я всегда говорю то, что думаю... Когда вы меня узнаете поближе, вы, быть можетъ, даже поставите мнѣ въ упрекъ... Вы уже уходите? прибавила она, видя, что онъ встаетъ. — Я васъ не удерживаю, потому что, кажется, уже поздно.

— Только десять часовъ, замѣтилъ Франсисъ съ лице-мѣрнымъ равнодушіемъ.

Она ничего не отвѣтила; страхъ передъ деревенскимъ общественнымъ мнѣніемъ боролся въ ней съ желаніемъ продолжить это случайное tête-à-tête. Лѣсничій, повидимому, оставилъ свое намѣреніе взяться за шляпу, а Адриенна, не зная, на что рѣшиться, наконецъ все-таки сѣла.

— Я боюсь, сказала она робкимъ тономъ, что наши вечера вамъ кажутся нѣсколько однообразны и что вы скучаете въ моемъ домѣ.

— Помилуйте, воскликнулъ онъ, въ свою очередь снова усаживаясь на стулъ,—вамъ я обязанъ единственными пріятными часами, которые провелъ здѣсь за все время.

— Обрывъ вамъ не нравится?

— Теперь мнѣ живется здѣсь уже сносно... но съ февраля до апрѣля время тянулось безконечно долго.

Во время разговора онъ смотрѣлъ на нее любовнымъ, почти страстнымъ взглядомъ. Она уловила этотъ взглядъ, потупилась и покраснѣла. Ей пришло въ голову, что вѣдь встрѣтились они въ первый разъ именно въ концѣ апрѣля. Неужели онъ съ намѣреніемъ указалъ на этотъ срокъ, какъ на эпоху, которая положила конецъ его скукѣ въ Обрывѣ? Она чувствовала себя все болѣе и болѣе неловко, сидя наединѣ съ этимъ молодымъ человѣкомъ въ обширной, опустѣвшей гостиной. Подобно всѣмъ набожнымъ, робкимъ людямъ, мало привыкшимъ къ случайностямъ свѣтской жизни, она теперь съ преувеличеннымъ ужасомъ относилась къ этому tête-à-tête, который сама-же такъ легкомысленно вызвала. Воображая себѣ всякіе ужасы и постепенно приходя въ нервное состояніе, она едва рѣшалась шевелиться, и въ большой комнатѣ воцарилась зловѣщая тишина, среди которой ясно слышались мѣрный трескъ кузнечиковъ въ саду и тихое шипѣніе масла, поднимавшагося въ лампахъ. Вся фигура Адриенны залита была яркимъ золотистымъ свѣтомъ; онъ золотилъ ея щеки, влажными молніями сверкалъ въ ея карихъ глазахъ и переливался въ складкахъ ея чернаго шелковаго платья. Въ эту минуту Франсисъ Помрэ находилъ ее положительно прелестной; но тѣмъ не менѣе онъ былъ крайне далекъ отъ тѣхъ дерзкихъ помысловъ, которые приписывало ему испуганное воображеніе Адриенны. Разстояніе, существовавшее между нимъ,

скромнымъ, мелкимъ чиновниковъ, живущимъ на скудное жалованье, и богатою вдовою миллионера, казалось ему слишкомъ громаднымъ. Попытаться перескочить черезъ эту пропасть, рассчитывая на то, что такія попытки иногда удаются, значило не только рисковать, чтобы его изгнали со стыдомъ изъ этого дома, но даже компрометировать окончательно свое положеніе въ Обривѣ. Онъ былъ слишкомъ благоразуменъ и осмотрителенъ, чтобы поставить такимъ образомъ на одну карту всю свою будущность. Тѣмъ не менѣе, въ этотъ поздній часъ, очутившись такъ неожиданно наединѣ съ молодой еще женщиною, свѣтскою и вмѣстѣ съ тѣмъ набожною, которая какъ все неизвѣстное, какъ запретный плодъ, имѣла въ его глазахъ какую-то особенную прелесть, онъ временами ощущалъ приливъ страстныхъ желаній и даже рѣшался робко мечтать о возможности ихъ исполненія.—«А что еслибы попытатъ!» думалъ онъ... «Бывали вѣдь и не такіе еще случаи... Почему знать?..»

Смущеніе Андриенны возросло съ каждымъ мгновеніемъ. Не смѣя ни оставаться на мѣстѣ, ни проститься со своимъ гостемъ, она машинально направилась къ двери, ведущей въ садъ.

— Какая чудная ночь! сказала она, понижая голосъ и обращаясь къ Франсису;— посмотрите, какъ освѣщенъ паркъ.

Ночь дѣйствительно была чудная и притомъ, — что случается рѣдко въ этой мѣстности, гдѣ иногда морозитъ даже въ іюнь,—необыкновенно теплая. Выкатившись изъ-за группы осинъ и виргинскихъ тополей, луна, уже начинавшая убывать, окутала пеленою голубоватаго свѣта неподвижныя березы, бассейнъ, окаймленный касатиками, недавно выкопанныя луговины и клумбы, усыянные чайными розами. Рощи, стоявшія внѣ этого длиннаго пояса свѣта, погружены были въ глубокій мракъ. Съ правой и лѣвой стороны тянулись подстриженные грабины, маскировавшія ограду, такъ что паркъ, казалось, вмѣщалъ въ свои предѣлы и сѣрые холмы и вѣнчавшіе ихъ густые лѣса. Подъ яснымъ луннымъ свѣтомъ слегка колыхались гибкіе побѣги плюща и дикаго винограда, а дрожавшее въ ночномъ воздухѣ стрекотанье кузнечиковъ какъ будто составляло естественный акомпанементъ для трепетнаго движенія листы. Помимо этой усыпляющей, убаюкивающей музыки, кругомъ не слышно было ни звука; по временамъ только

сквозь тишину прорывалось журчанье воды или хрипкое кваканье лягушечьего хора, то мѣрно потрясавшее сонный воздухъ, то внезапно умолкавшее, какъ храпъ спящаго человѣка, котораго вдругъ кто-нибудь потревожилъ.

Франсисъ вмѣстѣ съ мадамъ Лабретонъ вышелъ на террасу.

— Въ первые мѣсяцы послѣ моего прїѣзда, началъ онъ, — я часто мечталъ о томъ, какъ хорошо-бы было погулять въ этомъ паркѣ въ темную лѣтнюю ночь въ родѣ сегодняшней... Признаюсь вамъ, что прежде чѣмъ я имѣлъ честь познакомиться съ вами, меня разбирала даже зависть... я негодовалъ на васъ за то, что вы владѣете такою прелестною усадьбою и не пользуетесь ею.

— Хотите пройти со мною по парку при лунномъ свѣтѣ? спросилъ онъ ее.

Эта прогулка казалась ей удобнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія и внушала меньше опасенія, чѣмъ tête-à-tête въ гостиной.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтила она.

Они спустились къ лугу, среди котораго красовались клумбы, усаженные петуніями и гвоздикой, наполнявшей воздухъ своимъ благоуханіемъ.

— Для того, чтобы наслаждаться какимъ нибудь предметомъ, недостаточно еще обладать имъ; необходимо, кромѣ того, находиться въ соответствующемъ настроеніи духа... Въ моей жизни условія въ этомъ отношеніи сложились неблагоприятно и, благодаря этому, я провела здѣсь много скучныхъ часовъ. Мужъ мой, всецѣло поглощенный дѣлами, не заботился о томъ, чтобы узнать, скучаю-ли я или нѣтъ; у меня не было ни друзей, ни дѣтей...

— У васъ не было дѣтей? Мнѣ кажется, вы упоминали при мнѣ про вашу дочь...

— Да, приѣмную... И это доказываетъ вамъ, до какой степени я чувствовала потребность наполнить чѣмъ нибудь ту пустоту, про которую я вамъ говорила. Но и въ этомъ отношеніи мнѣ суждено было разочароваться. Несмотря на все мое желаніе привязаться къ этому ребенку, я не могла оставить его при себѣ... А между тѣмъ, увѣряю васъ, я такъ люблю мою бѣдную Дикарку!

— Дикарку! воскликнулъ онъ, удивленный этимъ страннымъ именованіемъ.

— Имя ея Дениза, но мы прозвали ее Дикаркою за манеры и за положительно неукротимый характеръ. Этотъ дикій нравъ ея и заставилъ насъ помѣстить ее въ монастырь. Здѣсь пребываніе Денизы сдѣлалось положительно невозможнымъ, да и въ Sacré-Coeur по временамъ не легко было съ нею справиться.

— Сколько ей лѣтъ теперь?

— Семнадцать... Теперь она начинаетъ становиться разсудительною и въ ближайшія вакаціи я разсчитываю взять ее къ себѣ...

Этотъ разговоръ, касавшійся такой темы, которая не имѣла ничего общаго съ настоящими тревогами Адриенны, придавъ ей нѣсколько болѣе самоувѣренности... Здѣсь она чувствовала себя свободнѣе, чѣмъ въ гостинной. Пройдя по всей освѣщенной полосѣ, они дошли до такого мѣста, гдѣ дорожка исчезала подъ густою тѣнью деревьевъ, переплетавшихся своими верхними вѣтвями. Андриеннѣ въ сущности хотѣлось вернуться, но она опять-таки не рѣшилась на это, боясь, что ее заподозрятъ въ смѣшной боязливости, и они продолжали подвигаться по направленію къ грабинамъ. По мѣрѣ того какъ окружающій мракъ становился таинственнѣе, разговоръ поддерживался все хуже и хуже. Франсисъ совсѣмъ умолялъ, а Адриенна, которою снова овладѣла прежняя тревога, даже не находила словъ, чтобы его продолжать.

Тропинка значительно ссузилась и имъ приходилось жаться другъ къ другу, чтобы идти рядомъ. Мадамъ Лебретонъ задѣла ногою за корень и инстинктивно оперлась на плечо своего спутника.

— Возьмите меня подъ руку, въ полголоса сказалъ Франсисъ.

Она повиновалась, но отъ сильнаго волненія не могла скоро идти и принуждена была замедлить шагъ; своею правою рукою лѣсничій чувствовалъ, какъ билось ея сердце, да и имъ самимъ постепенно овладѣвало какое-то сладострастное волненіе, отъ котораго у него сдавило грудь и сжималось горло. Нѣжный запахъ виверны, которымъ была пропитана вся одежда Адриенны, постепенно туманилъ ему голову и опьянялъ его. Они шли такъ близко другъ къ другу, что онъ уже готовъ былъ заключить ее въ объятія и осыпать страстными поцѣлуями... Но этотъ взрывъ накопившихся въ немъ

чувственныхъ инстинктовъ былъ внезапно задержанъ фамильярнымъ доврчивымъ движеніемъ мадамъ Лебретонъ. Она оперлась на его руку и другою рукою.

— Послушайте! сказала она,—не правда-ли, тамъ, въ глубинѣ лѣса, точно музыка слышится...

Они стали прислушиваться. Это былъ серебристый звонъ бубенцовъ запоздаваго извощика, мелодично дрожавшій среди чуткаго безмолвія лѣсовъ. Звуки эти, легкіе и едва уловимые, какъ волшебная музыка фей, съ каждымъ мгновеніемъ становились все слабѣе и слабѣе; наконецъ, они замерли вовсе и надъ спящею землею снова воцарилась тишина.

Они опять вышли на освѣщенную полосу, и подъ ласковымъ свѣтомъ луны оба молча наслаждались всѣми чудными ощущеніями просыпающейся любви... Вдругъ, въ глубинѣ долины, часы на сельской церкви проснулись и въ свѣжѣющемъ воздухѣ, одинъ за другимъ, пронеслись одиннадцать рѣзкихъ, отчетливыхъ ударовъ.

— Боже мой!.. одиннадцать часовъ! воскликнула Адриенна, къ которой сразу вернулись всѣ забытыя не на долго тревоги.

— Какъ скоро пролетѣло время, сказалъ Франсисъ.

— Что подумаетъ прислуга? продолжала она волноваться, ускоривъ шаги.

— Дѣйствительно, мнѣ уже давно пора уходить, спохватился Франсисъ.—Прощайте; благодарю васъ за этотъ вечеръ, который я не забуду никогда.

— До свиданія, отвѣтила она, потупивъ глаза.

Онъ протянулъ ей руку, она не рѣшилась не подать ему своей, и нѣсколько мгновеній они простояли такимъ образомъ, отдавая разлуку. Наконецъ, она высвободила руку, и Франсисъ поспѣшилъ въ домъ за свой шляпой. Когда онъ возвратился на террасу, Адриенна срывала съ розоваго куста, обвивавшаго маркизу, вѣтку, усыпанную красными цвѣтами.

— Подождите, сказала она;—я хочу, чтобы вы захватили отсюда съ собою нѣсколько цвѣтовъ.

Онъ взялъ розы, укрѣпилъ ихъ въ петлицѣ, затѣмъ еще разъ пожалъ передавшую ихъ руку и послѣшно удалился.

Войдя за предѣлы усадьбы и овладѣвъ нѣсколько своимъ обычнымъ хладнокровіемъ, онъ закурилъ сигару и вдоль улицы Фермеровъ медленно направился къ своей гостинницѣ. Когда онъ пересѣкалъ площадь, ему показалось, что за став-

нями почтовой конторы кто-то перешептывался; но онъ такъ былъ погруженъ въ пріятныя думы, таившіяся въ его головѣ, что не обратилъ на это никакого вниманія.

Когда окончательно замеръ звукъ его шаговъ, почтмейстерша осторожно затворила окно, между тѣмъ какъ сестра Ирма зажигала свѣчку.

— А, какъ это тебѣ нравится? воскликнула послѣдняя, качая головою.

— Она продержала его у себя почти до полуночи! прибавила ея сестрица, благочестиво складывая руки...—Какой скандалъ!

— Это добромъ не кончится; ужь помняи мое слово!

IV.

Подъ сводами маленькой церкви царилъ свѣжестъ и тѣнь, не смотря на жгучее каникулярное солнце, стоявшее надъ площадью и улицю Фермеровъ, гдѣ отъ выступовъ крышъ передъ фасадами домовъ ложились только узкія полосы синеватой тѣни. Внутри церкви на выбѣленныхъ известью стѣнахъ мѣстами выступили зеленныя пятна плѣсени; отъ расползавшихся плитъ каменнаго пола, только что политаго женою пономаря, пахло мокрой землей. Въ самомъ темномъ углу, противъ алтаря съ образомъ Богородицы, видѣлась исповѣдная аббата Картье. Кругомъ, размѣстившись на стульяхъ или просто стоя на колѣняхъ передъ алтаремъ, молились четверо или пятеро богомолковъ, закрывъ лицо руками. Съ того мѣста, гдѣ онѣ находились, можно было видѣть главный алтарь, передъ которымъ молодая дѣвушка обтирала пыль съ вазъ, украшенныхъ искусственными цвѣтами, изображеніе страстей Господнихъ, висѣвшія на колоннахъ, ряды почернѣвшихъ дубовыхъ скамеекъ, а дальше, возлѣ кропильницы, сіялъ залитой солнцемъ полукруглый просвѣтъ церковной двери, перерѣзанный черными вертикальными линиями двухъ веревокъ, спускавшихся съ колокольни. Въ церкви господствовала благоговѣйная тишина, прерывавшаяся только шумомъ осторожно передвигаемыхъ стульевъ или сдержаннымъ кашлемъ.

Изъ исповѣдной вышла женщина и съ видомъ челоуѣка, облегчившаго душу покаянiемъ, опустилась на колѣни передъ алтаремъ. Мадамъ Лебретонъ положила свой молитвенникъ на

спинку стула, встала и въ свою очередь скрылась за одною изъ трехъ дверей исповѣдной. Здѣсь она опустилась на колѣни, сложила руки, положивъ ихъ на находившуюся передъ окномъ избѣденную червями дощечку, и опустила голову, чтобы не смотрѣть прямо въ лицо исповѣднику. Нѣсколько секундъ спустя деревянная перегородка, закрывавшая рѣшетчатую форточку, опустилась и Андриенна увидѣла въ темнотѣ пронизательные глаза священника и край его бѣлаго стихаря.

Она перекрестилась.

— Благословите меня, святой отецъ,—ибо я много грѣшила.

Священникъ, который съ перваго взгляда узналъ свою прихожанку, вздохнулъ, высвободилъ руки изъ подъ широкихъ рукавовъ своего стихаря и приготовился слушать, между тѣмъ какъ вдова тихо шептала:—«Исповѣдуюсь передъ Всемогущимъ Богомъ, передъ Благодатною Дѣвою Маріей и передъ вами, отецъ мой,—исповѣдуюсь въ томъ, что много грѣшила словомъ, дѣломъ и помышленіемъ...» Затѣмъ она начала перечислять свои грѣхи:—небрежное отношеніе къ религіознымъ обязанностямъ, ропотъ, разсѣянность во время службы, порывы гнѣва, кокетство, чтеніе свѣтскихъ книгъ, нечестивыя помыслы. Перечисливъ весь комплектъ мелкихъ грѣховъ, въ которыхъ можетъ покаяться благовоспитанная женщина, она наконецъ умолкла.

— Это все? спросилъ священникъ своимъ рѣзкимъ голосомъ.

— Кажется все, отецъ мой... Я обвиняю себя во всѣхъ этихъ грѣхахъ и въ тѣхъ, о которыхъ забыла, каюсь въ нихъ передъ Богомъ и передъ вами и молю объ отпущеніи, если вы сочтете меня достойною принять его...

Священникъ, очевидно, не былъ удовлетворенъ этою исповѣдью; онъ снова обратился къ кающейся грѣшницѣ, устремивъ на нее свои впалые глаза, которые свѣтились въ глазницахъ, какъ глаза кошки въ глубокомъ погребѣ.

— Увѣрены-ли вы, что раскрыли передо мною всѣ недуги вашего сердца? Не умолчали-ли вы сознательно о такихъ грѣхахъ, которые кажутся вамъ простительными, но въ глазахъ Бога равносильны смертному грѣху?.. Вы только что каялись въ нечестивыхъ помыслахъ... По какому поводу они возникали въ васъ и въ чемъ именно заключались?

Адриенна опустила голову, покраснѣла и въ смущеніи молчала.

— Чувство ложнаго стыда, строго продолжалъ священникъ,— не должно васъ удерживать отъ полнаго, искренняго признанія. Не забывайте, что вы пришли сюда для святой исповѣди и обязаны разоблачить передъ судьейо своимъ всѣ душевныя раны, выяснитъ всѣ причины, всѣ отягчающія вину обстоятельства, ничего не скрывая, ничѣмъ не умаляя своей вины... Если грѣховная слабость души мѣшаетъ вамъ говорить, то я самъ буду предлагать вамъ вопросы, а вы мнѣ будете отвѣчать.

Она не шевелилась, по-прежнему склонивъ голову, и со страхомъ ожидая грознаго допроса. Священникъ глубоко вздохнулъ и затѣмъ началъ, благоразумно понизивъ голосъ:

— Съ нѣкотораго времени вы принимаете у себя одно лицо, посѣщенія котораго въ высшей степени для васъ опасны...

Она быстро подняла голову и устремила на священника тревожный взглядъ.

— Вы знаете, продолжалъ онъ,— о комъ я говорю?

Она вздрогнула и робко возразила:

— Но вѣдь я принимаю того, на котораго вы вѣроятно намекаете, точно такъ-же, какъ принимала его предшественника.

-- Это совсѣмъ другое дѣло... Предшественникъ этого лица былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, твердыхъ религіозныхъ правилъ, между тѣмъ какъ его преемникъ молодъ, на столько молодъ, что за каждымъ вниманіемъ его кроется опасность.

— Опасность?.. для кого? прошептала она, продолжая упорствовать.

— Во-первыхъ, для дѣвушки, которую вы усыновили и которая должна пріѣхать къ вамъ на лѣтнія вакаціи, а вторыхъ,— и для васъ самихъ.

— Для меня!.. Но человѣкъ, о которомъ вы говорите, никогда не выходитъ изъ принятыхъ во всякомъ благовоспитанномъ обществѣ границъ въ отношеніи ко мнѣ и всегда былъ сдержанъ и почтителенъ. Да я и сама-бы не потерпѣла...

— А я повторяю вамъ, раздражительно перебилъ ее священникъ,— что эти посѣщенія крайне опасны для души вашей... Плоть немощна, а вы еще далеко не въ томъ возрастѣ, когда женщина перестаетъ вызывать въ мужчинѣ преступныя желанія.

— Отецъ мой!..

— Что-жь, развѣ вы рѣшитесь отрицать, что взоры этого молодого человѣка непрерывно устремлены на васъ съ отвратительнымъ страстнымъ выраженіемъ?.. Даже я замѣтилъ это,—я, священникъ, и подобно многимъ другимъ былъ возмущенъ его поведеніемъ.

Она стояла молча и, казалось, даже не въ силахъ была бороться съ смущеніемъ, которое не давало ей говорить.

— А разъ существуетъ скандалъ, продолжалъ онъ, — на васъ лежитъ обязанность прекратить его. «Горе вносящимъ смятеніе», говоритъ священное Писаніе. Вы думаете теперь, что недоступны искушеніямъ духа зла, но это не болѣе какъ грѣховная самонадѣянность... Бездны привлекаютъ бездну, и я говорю вамъ, что человѣкъ этотъ любитъ васъ нечестивою любовью.

Онъ громко вздохнулъ и прибавилъ повелительнымъ тономъ:

→ Вы не должны съ нимъ больше видаться, вы должны избѣгать его ради спасенія вашей души, ради вашей репутаціи и ради свѣта... Я налагаю на васъ это покаяніе. Подумайте о томъ, что я вамъ сказалъ, и черезъ недѣлю возвращайтесь въ это священное судилище... Я не могу вамъ дать сегодня разрѣшенія отъ грѣховъ... Доканчивайте: «Исповѣдуюсь передъ Богомъ...»

И въ то время, какъ она, видимо смущенная, била себя въ грудь, повторяя установленную католическимъ ритуаломъ формулу покаянія, священникъ пробормоталъ благословеніе, устремивъ на нее свой пронзительный взглядъ.

— Идите съ Богомъ, сказалъ онъ, и подъемная дверка, скользя по желобку, быстро опустилась.

М-мъ Лебретонъ вышла изъ исповѣдной вся красная. Она была такъ взволнована и разстроена словами священника, что забыла помолиться Богородицѣ, и, быстро пройдя по церкви, очутилась на площади, гдѣ ее встрѣтилъ яркій дневной свѣтъ. Она открыла свой зонтикъ не столько, чтобы защитить свои глаза отъ яркаго июльскаго солнца, сколько для того, чтобы скрыть свое разстроенное лицо отъ любопытныхъ взглядовъ почтовыхъ дамъ, которыя по цѣлымъ днямъ сидѣли въ засадѣ за своими полуопущенными занавѣсками. Она медленно направилась къ замку. Послѣ леденящей сырости церкви, зной

этого лѣтнаго дня былъ ей пріятель. Отъ освѣщенныхъ заходящимъ солнцемъ липъ въ аллеѣ «Междурѣчья» длинныя тѣни ложились на землю; золотистая рябь пробѣжала по быстрымъ волнамъ рѣки. Адриенна шла, закрывши глаза, и въ ея обмѣвшемъ мозгу неотступно мелькала та-же мысль. Она повторяла себѣ слова священника: «Я говорю вамъ, что этотъ человѣкъ васъ любить!» Она разсѣянно отворила калитку, прошла по двору, склонивъ голову, сдвинувъ брови, и уже хотѣла направиться въ свою комнату, когда въ сѣняхъ подошла къ ней горничная и шепнула съ напускной сдержанностью:

— Извините, сударыня, господинъ Помрѣ въ маленькой гостиной.

Она вздрогнула какъ человѣкъ, котораго неожиданно разбудили.

— Зачѣмъ вы не сказали ему, что меня нѣтъ дома? сказала она, понижая голосъ.

— Вы хотѣли вернуться къ пяти часамъ, и я думала, что лучше попросить господина Помрѣ подождать...

— Хорошо, возьмите все это.

Она послѣшно отдала ей свою мантилью, молитвенникъ и шляпу; потомъ съ бьющимся сердцемъ и нѣсколько растрепанными волосами она вошла въ комнату, гдѣ дождался лѣсничій.

Эта маленькая, гостиная, съ книжнымъ шкафомъ и шифоньеркой, рабочими столами и низкой покойною мебелью, была любимой комнатою Адриенны; тутъ она работала, тутъ же принимала и гостей своихъ въ обыкновенные непріемные дни. Ставни здѣсь были притворены, шторы спущены и въ высокой комнатѣ, украшенной жардиньеркою съ цвѣтущими фуксіями, царствовалъ полумракъ.

Лѣсничій стоялъ около дивана спиной къ двери и перелистывалъ иллюстрированный журналъ. Обернувшись при звукѣ растворившейся двери, онъ увидалъ Адриенну, входившую въ комнату съ строгимъ лицомъ и сдвинутыми бровями.

— Вы меня извините, начала она, напрасно стараясь скрыть дрожаніе своего голоса,—меня не было дома... Я сожалѣю, что вамъ этого не сказали и заставили такимъ образомъ терять время.

— Меня предупреждали, возразилъ Францисъ, кланаясь,—

но при этомъ сказали, что вы въ церкви и скоро вернетесь... Я рѣшился васъ подождать, и не считаю это время потеряннымъ.

— Во всякомъ случаѣ, это не съ пользою употребленное время, сухо возразила она, нетерпѣливо стаскивая перчатки. Францисъ Помрѣ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Что съ ней сегодня? спрашивалъ онъ себя.

Вдругъ онъ вспомнилъ про церковь.

— Вотъ въ чемъ дѣло! подумалъ онъ,—она видѣлась съ священникомъ и онъ возстановилъ ее противъ меня...

— Съ моей стороны, быть можетъ, было не совсѣмъ деликатно дожидаться васъ? спросилъ онъ, пристально смотря на нее.

— Вы имѣли на это полное право, такъ какъ Зели предложила вамъ меня подождать... Тѣмъ не менѣе, я попрошу васъ, прибавила она слегка краснѣя,—въ другой разъ не нарушать такъ рѣзко установившихся здѣсь обычаевъ. Здѣсь изъ-за всего поднимаются пересуды, а я не желаю давать поводъ къ сплетнямъ.

Она говорила это не подымая на него глазъ; отвернувшись къ жардиньеркѣ и машинально ощипывая красныя грозди цвѣтовъ.

— Я не ошибся, думалъ Францисъ,—тутъ пахнетъ попомъ... А! господинъ аббатъ, вы мнѣ подставляете ножку! ну, что-жъ! Нашла коса на камень! Посмотримъ, посмотримъ, чья возьметъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился передъ Адриевой и тихо сказалъ, бросая на нее нѣжный вкрадчивый взглядъ:

— До сихъ поръ вы были ко мнѣ такъ добры и снисходительны, что навѣрно и сегодня не откажитесь объяснить мнѣ причину этой внезапной суровости... Умоляю васъ, отвѣтите мнѣ откровенно; признайтесь, васъ противъ меня возстановили?

Она опять покраснѣла.

— Ну, да, возразила она, — я не умѣю скрывать, что у меня на сердцѣ и ужъ лучше прямо скажу вамъ. Дѣйствительно, находить, что вы слишкомъ часто бываете въ замкѣ. Мнѣ дали почувствовать, что я поступаю опрометчиво, принимая васъ у себя такъ безцеременно, и что въ моемъ поло-

женіи присутствіе ваше въ моемъ домѣ меня компрометируетъ.. Что касается меня, то я не видѣла въ этомъ ничего дурного, а вы,—отдаю вамъ полную справедливость,—никогда не давали повода къ подобнымъ обвиненіямъ... Но вы знаете, что такое деревня, и какъ злорадно здѣсь общественное мнѣніе.

— Да, сказалъ Францисъ,—я вижу, что обо мнѣ отозвались неособенно нѣжно; но въ чемъ-же могутъ васъ упрекнуть?

— Меня обвиняютъ въ томъ, что я слишкомъ легко и охотно отперла вамъ свои двери... Вѣрьте мнѣ, продолжала она, обращая къ нему глаза полные слезъ,—вѣрьте мнѣ, что мнѣ тяжело вамъ повторять это, и что я глубоко сожалею о случившемся!

— Прощайте, холодно возразилъ онъ, взявши шляпу,—мнѣ остается только извиниться передъ вами за тѣ непріятности, которыя я вамъ доставилъ, и поблагодарить за вашу доброту къ чужому, незнакомому вамъ человѣку.

При этихъ словахъ онъ взглянулъ на нее долгимъ, грустнымъ взглядомъ.

— Прощайте, повторилъ онъ еще разъ, кланаясь и медленно направляясь къ двери.

У нея промелькнула въ головѣ мысль, что онъ уходитъ обиженный и униженный, что онъ больше не вернется, что между ними все кончено... Сердце ея сжалось, любовь превозмогла осторожность и она позвала его.

— Monsieur Помрѣ, воскликнула она,—я не хочу, чтобы мы разстались съ вами подъ такимъ впечатлѣніемъ. Подождите!..

Онъ остановился.

— Вы сердитесь на меня за то, что я была съ вами откровенна? проговорила она уже несравненно болѣе мягкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, нисколько.

— Такъ отчего-же вы такъ спѣшите уйти?

— Потому что, разъ мы не должны видѣться, внезапная разлука представляется самымъ лучшимъ исходомъ... менѣе жестокимъ, для меня по крайней мѣрѣ.

Она отвернулась и упорно разсматривала цвѣты на штопахъ:

— Вы говорите это съ такою горечью, продолжала она,— которая доказываетъ, какъ я васъ раздражила.

— Если ктонибудь раздражилъ меня, такъ это тѣ люди, глупыя сплетни которыхъ вызвали всѣ эти непріятности.

— Да, это возмутительно, воскликнула она; — да, существуютъ люди настолько злые, что они вездѣ видятъ зло. Если ихъ слушать, то придется вѣрить вещамъ, которыя прежде и въ голову не приходили.

Франсисъ снова положилъ шляпу на столикъ и понемногу приближался къ Адриеннѣ.

— Такъ меня очень очернили въ вашихъ глазахъ? проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

Она пожала плечами и молчала.

— Въ какомъ преступленіи меня обвиняють?

— Никто не говоритъ о преступленіи... Не настаивайте... Мнѣ было-бы стыдно повторять эти нелѣпости.

— Но я-бы желала, чтобы вы ихъ мнѣ повторили, продолжалъ онъ, устремляя на Адриенну нѣжный взглядъ, отъ котораго ее охватило сладостнымъ трепетомъ; — осужденный вправѣ знать въ какихъ проступкахъ его обвиняють.

— Нѣтъ, я не могу! прошептала она.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ попытаться ихъ угадать... Меня обвиняють за то, что я слишкомъ часто у васъ бываю?

— Да.

— И при этомъ прибавляють, что посѣщенія мои васъ компрометируютъ, что онѣ доставляють мнѣ большое удовольствіе, что я васъ люблю.

Она утвердительно кивнула головой и, все болѣе и болѣе смущаясь, подвинулась на край дивана, закрывъ лицо руками.

— Да, они правы, воскликнулъ онъ;—это чистая правда, я васъ люблю!

Она сидѣла неподвижно, смущенная, ошеломленная. Это признаніе въ любви, первое, которое ей приходилось слышать, пугало и очаровывало ее. Она слушала его какъ незнакомую, чудную музыку, и не смѣла шевельнуться, какъ-бы боясь, что отъ малѣйшаго движенія исчезнетъ это новое ощущеніе, которымъ она упивалась съ тревожнымъ сладострастіемъ, свойственнымъ запретнымъ радостямъ.

— Да, продолжалъ онъ, нагибаясь къ ней,— я васъ люблю!.. И вы никогда-бы объ этомъ не узнали, если-бы другіе, болѣе проникательные люди, не открыли вамъ глазъ.

Она невольно кивнула головой; но трудно было рѣшить, хотѣла-ли она выразить этимъ свое полное невѣдѣніе или, напротивъ, дать понять, что догадалась обо всемъ раньше другихъ. Франсисъ Помрэ, очевидно, истолковалъ это таинственное движеніе въ послѣднемъ смыслѣ, потому-что вдругъ подскѣлъ къ ней съ такою смѣлостью, которая плохо гармонировала съ его смиренными рѣчами.

— Какъ? Стало быть, вы знали?

Она не въ силахъ была говорить; слова останавливались въ ея пересохшемъ горлѣ; вмѣсто отвѣта она съ мольбою протянула къ нему руки, какъ будто прося его не спрашивать. Вслѣдствіе этого движенія лицо ея снова обратилось къ Франсису и въ глазахъ ея онъ увидѣлъ двѣ слезы, которыя не упали, но исчезли сами собою, какъ будто испарившись отъ пламени взглядовъ, отъ знойнаго румянца пылающихъ щекъ.

— Вы знали? повторилъ онъ, — и ради меня вы плачете теперь... О, простите, простите меня; я столько причинилъ вамъ горя.

При видѣ этихъ сіяющихъ, влажныхъ глазъ, этихъ задвѣвшихся щекъ, и онъ въ свою очередь началъ терять хладнокровіе. Онъ опустился передъ нею на колѣни и, несмотря на нѣмое сопротивленіе Адриенны, страстно сжималъ ея руки.

Теперь опасность такого интереснаго tête-à-tête осложнилась еще новыми, болѣе острыми и волнующими ощущеніями. Прикосновеніе рукъ, платья, колѣнъ Адриенны,— все это вмѣстѣ взятое дѣйствовало на него послѣ шестимѣсячной благоразумной жизни съ такой чарующей силой, которой онъ чувствовалъ себя неспособнымъ сопротивляться. Мадамъ Лебретонъ казалась ему еще очаровательнѣе, чѣмъ въ тотъ памятный имъ обоимъ вечеръ, когда они гуляли при лунномъ свѣтѣ, и онъ положительно былъ влюбленъ въ нее по уши. Что-же касается ея, то она никогда въ жизни еще не испытывала такого чувства, какъ теперь. Этотъ внезапный взрывъ страсти захватилъ ее върасплохъ. Совершенно неопытная въ подобныхъ обстоятельствахъ, она была безоружна. Голова ея кружилась, а тяжелая, усыпляющая атмосфера этого жаркаго іюльскаго вечера, казалось, расслабляла ее еще болѣе. Въ ма-

ленькой комнатѣ, съ плотно затворенными окнами, царствовала глубокая тишина. За спущенными шторами и пріотворенными ставнями только по смутнымъ золотистымъ отблескамъ, проникавшимъ въ комнату, можно было судить о палящемъ зноѣ іюльскаго солнца, послѣдніе лучи котораго заливали яркимъ свѣтомъ садъ съ поникшими отъ жары цвѣтами. Муха, попавшаяся въ пространство между стекломъ и кисейной занавѣской, отчаянно жужжала, умолкала и снова принималась жужжать. И среди этой тишины, Франсисъ, все еще стоявшій на колѣняхъ и все болѣе подававшійся опьяненію, шепталъ безсвязныя, отрывочныя признанія:

— Я васъ люблю!.. Вы божество мое... Кромѣ васъ для меня нѣтъ ничего дорогаго на свѣтѣ!..

Закрывъ глаза, она слухала слова любви, которыя ласкаясь лились въ ея уши, никогда не слышавшія такой музыки. Эта нѣжная пѣсня усыпляла, укачивала ее, а отяжелѣвшія губы нехотя раскрывались и шептали, какъ во снѣ, бесполезныя, боязливыя мольбы.

— Пожалуйста... встаньте, умоляю васъ... ну, что, если придутъ!

Въ этихъ восклицаніяхъ, не было рѣшительно ничего такого, что могло-бы охладить любовный пылъ Франсиса; напротивъ, ему казалось, что въ нихъ кроется молчаливое позволеніе идти еще дальше. Теперь онъ осыпалъ поцѣлуями ея руки, которыхъ все еще не выпускалъ, повторяя нѣсколько разъ сряду:

— Я никогда никого кромѣ васъ не любил!

— Не издѣвайтесь надо мною, прошептала она, на половину очнувшись отъ своего опьяненія. — Образумьтесь... не стойте на колѣняхъ.

Онъ дѣйствительно всталъ, но лишь для того, чтобы близко, близко подѣсть къ Адриеннѣ, а когда она сдѣлала было испуганное движеніе и отшатнулась отъ него, онъ обвилъ ее обѣими руками. Эта новая дерзость до такой степени ее ошеломила, что она почти не защищалась. Она закрыла глаза и чудилось ей, что въ дали виднѣется черная дубовая дверь исповѣдной и слышится негодующій голосъ священника, который говорилъ:—«Этотъ молодой человекъ васъ любит!» — И дѣйствительно, онъ любитъ ее и самъ въ настоящую минуту шепчетъ ей на ухо свои страстныя признанія.

— О, это дурно, это грѣшно! бормотала она... — Зачѣмъ я встрѣтила васъ?

Вдругъ по всему тѣлу ея пробѣжала дрожь.

— Оставьте меня! крикнула она и вырвалась изъ объятій лѣсничаго.

Въ эту самую минуту кто-то осторожно постучался въ дверь гостиной. Франсисъ инстинктивно отодвинулся; мадамъ Лебретонъ встала.

— Войдите! сказала она глухимъ голосомъ.

Въ полурастворенной двери показалось скромное, нѣсколько лицемерное лицо горничной Зели.

— Отчего вы стучались? раздраженнымъ тономъ спросила ее Адриенна, которая вся закипала негодованіемъ при одной мысли, что такая необычайная предосторожность со стороны горничной могла имѣть оскорбительное значеніе. — Развѣ вы не могли войти просто, какъ всегда?

— Я хотѣла доложить вамъ, сударыня, что обѣдъ готовъ, я боялась, боялась...

— Довольно!.. Въ другой разъ, пожалуйста, избавьте себя отъ такого избытка усердія...

Зачѣмъ, какъ-бы въ доказательство того, что она выше подобныхъ подозрѣній, Адриенна прибавила, наполовину обернувшись къ Франсису:

— Поставьте второй приборъ; господинъ Помрѣ обѣдаетъ со мной...

V.

Въ первыя недѣли августа грозы гремѣли чуть не каждый день; дождь шель въ изобиліи, и сады, окружавшіе замокъ, еще не успѣли просохнуть. Обетта быстро разлилась, ручейки парка превратились въ бурные потоки и на луговинахъ лежалъ еще иль, оставленный этимъ неожиданнымъ разливомъ. Буря сильно повредила деревьямъ, поверхность бассейна была покрыта зелеными вѣтками и листьями, а вьющіеся розаны съ роскошными едва распустившимися цвѣтами, оторвавшись отъ стѣны, пригнулись къ землѣ и были забрызганы пескомъ и грязью. Безъ шляпы, нѣсколько приподнявъ юбки, мадамъ Лебретонъ обходила взмокшія клумбы, констатируя размѣры опустошенія, здѣсь нагибалась и приподнимала какой-нибудь

опустившейся на землю стебель, тамъ отрѣзая умершую, негодную вѣтку. По дорогѣ она срѣзала два цвѣтка красной гвоздики и приколола ихъ къ своему лифу. Походка ея какъ будто стала легче и эластичнѣе, чѣмъ обыкновенно; каріе глаза ея блестяли, матовыя щеки покрылись розовымъ румянцемъ. Гроза, освѣжившая воздухъ и зелень, произвела не менѣе поразительную перемену и въ хозяйкѣ зѣмка, какъ будто вернувъ ей всю свѣжесть расцвѣтающей молодости. Въ то время, какъ она разсматривала свои раззоренныя клумбы и поломанныя цвѣтники, на дорожкѣ заскрипѣлъ песокъ подъ чьими-то тяжелыми, медленными шагами; она обернулась и въ концѣ аллеи увидѣла аббата Картье.

Длинная, тощая фигура священника, черною полосою выдѣлялась среди зелени; при яркомъ свѣтѣ еще болѣе бросалось въ глаза его необыкновенная худоба и аскетическая физиономія. Мадамъ Лебретонъ, которая ни разу не встрѣчала его послѣ разговора въ исповѣдной, то есть цѣлыхъ три недѣли, не могла скрыть своего смущенія; щеки ея зарумянились еще больше, когда аббатъ наконецъ подошелъ къ ней, придерживая одною рукою развѣвающіяся полы стихаря, приподнимая другою свою трехугольную шляпу и отвѣшивая хозяйкѣ церемонный поклонъ.

— Здравствуйте, господинъ священникъ, сказала она нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

— Извините, сударыня, что безпокою васъ такъ рано, возразилъ онъ, не отвѣчая на вопросъ, — но сегодня я собираю пожертвованія въ пользу моихъ бѣдныхъ, и не хотѣлъ пройти мимо вашихъ воротъ, не зайдя за обычной лептой.

— И прекрасно сдѣлали, господинъ священникъ; это мнѣ приходится извиняться въ томъ, что принимаю васъ въ такомъ неглиже... Вы застали меня въ костюмѣ садовницы.

Священникъ искоса взглянулъ на обнаженную шею вдовы, на низко вырѣзанный лифъ, украшенный красной гвоздикой, и тотчасъ потупилъ взоръ; лицо его нахмурилось, губы сжались болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Жуберъ гдѣ-то говорилъ, между прочимъ, что спрятанные духи и тайная любовь непременно сами себя выдадутъ. И дѣйствительно, все существо Адриенны Лебретонъ носило съ собою такое благоуханіе любви и счастливаго удовле-

нiя, что священникъ сразу понялъ все и немедленно проникся чувствомъ благочестиваго отвращенiя и священнаго негодованiя.

— Не угодно-ли вамъ войти за мною въ домъ; я вручу вамъ свою лепту, сказала она, опуская поднятое платье и направилась къ дому.

Священникъ молча послѣдовалъ за нею, не мѣняя пасмурнаго выраженiя лица. Когда они были въ маленькой гостиной, она выдвинула ящикъ шифоньерки, вынула двѣ двадцатифранковыя монеты и положила ихъ въ костлявую руку аббата.

— Вотъ, для вашихъ бѣдныхъ, господинъ священникъ, сказала она, кланаясь.

Счастливая любовь дѣлаетъ сердце болѣе сострадательными, а руки болѣе щедрыми; на этотъ разъ милостыня была вдвое больше, чѣмъ обыкновенно; но неожиданная приманка, повидимому, нисколько не подвѣствовала на Цербера. Все съ тою-же недовольною миною онъ спряталъ въ карманъ щедрую лепту вдовы и холодно поблагодарилъ.

— Мнѣ очень жаль, что ваши занятiя помѣшали вамъ прийти къ намъ обѣдать въ послѣднее воскресенье... Впрочемъ, на этотъ разъ мнѣ вообще не посчастливилось; и изъ остальныхъ кое-кто не пришелъ; почтмейстерша съ сестрою, нота-риусъ съ женою.

Священникъ разыгралъ роль человѣка, ничего не знающаго о томъ, что дѣлается у него въ приходѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Развѣ эти дамы уѣзжали изъ Обрива?

— Нѣтъ, сестры Шеснель были заняты какою-то безотлагательной работою, а мадамъ Бушно нездоровилось... Но вы, господинъ священникъ, навѣрное не были ни въ отъѣздѣ; ни больны... Отчего-же вы измѣнили мнѣ?

— Извините меня, сударыня, сказалъ онъ, язвительно сжимая губы, — если я предпочту умолчать о причинахъ, побудившихъ меня воздержаться отъ этого посѣщенiя.

Адрианна вдругъ подняла голову и посмотрѣла на него съ безпокойствомъ.

— Вѣрно ваши причины не особенно уважительны, возразила она, пытаясь улыбнуться, — если вы боитесь назвать мнѣ ихъ?

Онъ церемонно поклонился.

— Я, напротивъ, считаю ихъ очень уважительными; но прошу васъ, сударыня, не настаивайте; позвольте мнѣ не переходить границъ той сдержанности, которая установилась въ нашихъ отношеніяхъ со времени нашего послѣдняго разговора.

Услышавъ эту хитросплетенную фразу, мадамъ Лебретонъ поблѣднѣла.

— О, напротивъ, я положительно на этомъ настаиваю, сказала она довольно сухо и рѣзко;—прошу васъ, объясните мнѣ, въ чемъ дѣло; я не люблю неопредѣленныхъ положеній.

Аббатъ Картье снова испустилъ свистящій, печальный вздохъ

— Если вы сами этого желаете, сударыня,—извольте.

Затѣмъ онъ продолжалъ, нѣсколько понижая голосъ.

— Когда я имѣлъ случай бесѣдовать съ вами въ послѣдній разъ, я почелъ своею обязанностью дать вамъ нѣсколько совѣтовъ, подсказанныхъ самою мудрою предусмотрительностью... Вы рѣшились пренебречь ими... Убѣдившись, что мой духовный авторитетъ въ вашихъ глазахъ поколебленъ, я могъ сдѣлать только одно, — воздержаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ совѣтовъ... Если-бы я вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ появляться за вашимъ столомъ, то уже одно присутствіе мое въ глазахъ другихъ людей санкціонировало-бы извѣстныя вещи, которыя меня возмущаютъ; я еще болѣе скандализировалъ-бы своихъ прихожанъ, которые и безъ того уже возмущены тѣмъ, что у васъ происходитъ.

— Да что-же у меня происходитъ? О какомъ скандалѣ вы говорите? воскликнула Адриенна.

— Вы меня спрашиваете, сударыня?.. Но пристойно-ли мнѣ, священнику, повторять всѣ рассказы, которые ходятъ по деревнѣ?

— Да, я этого желаю... Вы слишкомъ многое уже сказали намеками и не имѣете права молчать... Такъ не угодно-ли вамъ передать, что обо мнѣ говорятъ.

— Говорятъ, что господинъ Помрѣ ходитъ сюда очень часто, и не только днемъ, но и вечеромъ...

— Это правда; господинъ Помрѣ иногда проводитъ вечеръ здѣсь въ замкѣ... Что-же въ этомъ дурного?

— Если дѣйствительно нѣтъ ничего дурного, — и я надѣюсь, что нѣтъ,—продолжалъ священникъ, опустивъ глаза,—

отчего-же этот молодой человек вмѣсто того, чтобы выходить, подобно всѣмъ остальнымъ, черезъ главные ворота, ускользаетъ поздною ночью черезъ маленькую калиточку парка?

— Да это настоящій слѣдственный допросъ! воскликнула Адриенна съ нервнымъ смѣхомъ.—Пожалуйста, продолжайте!

— Извините, но есть вещи, которыя я затрудняюсь повторять.

— Можете повторить, сказала она, гордо вскинувъ голову,—разъ я соглашаюсь слушать васъ.

— Скрываются только тѣ, кто поступаетъ дурно, строго замѣтилъ священникъ.

— Изъ-за чего-же мнѣ скрываться?.. Развѣ я не вдова и не вольна располагать своею личностью.

— Никто не воленъ издѣваться надъ общественнымъ мнѣніемъ... Знаете-ли, что громко говорятъ наши крестьяне?— «Богатые-то, небось, все себѣ разрѣшаютъ».—Вотъ, что они говорятъ, и если нѣкоторыя лица считаютъ для себя болѣе выгоднымъ встрѣчаться съ вами по-прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, то повѣрьте, что за вашу спиною они отводятъ себѣ душу на вашъ счетъ не хуже другихъ.

— Извините, пожалуйста, но, мнѣ кажется, что всѣ эти сердобольныя души, да и вы сами, господинъ священникъ, забываете объ одномъ: — повторяю вамъ, что я вдова и могу имѣть вполне законное желаніе снова выйти замужъ... Съ которыхъ это поръ считается скандаломъ, если нестарая еще вдова помышляетъ о второмъ замужествѣ?

Священникъ слушалъ ее съ ироническою улыбкою.

— А! если вы полагаете, что господинъ Помрѣ имѣетъ намѣреніе жениться...

— Какія-же инныя намѣренія, по-вашему, можетъ имѣть честный и благовоспитанный человекъ относительно женщины, которую онъ любитъ? воскликнула мадамъ Лебретонъ, побагровѣвъ отъ негодованія.

— Да сохранить меня Господь отъ легкомысленныхъ сужденій, вздохнулъ священникъ, покачивая головою; но, право, я плохо вѣрю въ благія намѣренія молодыхъ людей безъ религіозныхъ принциповъ.

— Ваше предубѣжденіе увлекаетъ васъ слишкомъ далеко, господинъ священникъ, и притомъ оно одинаково оскорбительно какъ для господина Помрѣ, такъ и для меня... Развѣ

вы считаете меня способною вступать въ интимныя отношенія съ человѣкомъ, на котораго-бы я не смотрѣла, какъ на будущаго моего мужа?

— Допустимъ, что дѣло кончится бракомъ, возразилъ съ горечью священникъ;—но вѣдь и въ этомъ хорошаго мало.

— Почему?

— Этотъ молодой человѣкъ на десять лѣтъ моложе васъ, напомнилъ онъ не безъ злорадства.

— Что-жь за бѣда, если онъ меня любитъ?

— Зато онъ, правда, безъ всякаго состоянія, прибавилъ священникъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Такъ знайте-же, воскликнула мадамъ Лебретонъ съ негодованіемъ,—что несмотря на всѣ эти инсинуаціи, я люблю его и довѣряю ему.

— Ну, а ребенокъ, котораго вы усыновили? Стало быть и его ужъ придется принести въ жертву вашимъ новымъ проектамъ?

— Дениза будетъ жить съ нами и мѣжъ мой будетъ ей отцомъ.

— Больно ужъ молодъ онъ для отца, злостно замѣтилъ аббатъ.—Впрочемъ, продолжалъ онъ поправляя поясъ, плохо державшійся на худощавой тальѣ его —желаю, чтобы все кончилось благополучно и сообразно вашимъ желаніямъ, сударыня!.. Когда прикажете вывѣшивать объявленіе о женитьбѣ?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Адриенна вспыхнула и въ первое мгновеніе не знала что отвѣтить. Ввалившіеся глазки аббата Карье не отрывались отъ нея, и смущеніе ея не ускользнуло отъ его наблюдательности. Онъ догадался, что она въ сущности только похвасталась, заявивъ о намѣреніяхъ молодого Помрѣ.

— Такъ вотъ оно! Значитъ, свадьба-то у нихъ еще совсѣмъ не рѣшеное дѣло, думалъ онъ, наслаждаясь смущеніемъ, въ которое повергнулъ свою собесѣдницу.

— Дѣло не къ спѣху, сказала она наконецъ... Я дамъ вамъ знать, когда мы окончательно назначимъ срокъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, замѣтилъ аббатъ. — Честь имѣю кланяться, сударыня!

Онъ раскланялся и ушелъ, а Адриенна осталась наединѣ съ поднявшимися вдругъ печальными думами. Хотя солнце попрежнему ярко освѣщало садъ, ей теперь все представлялось

въ мрачномъ свѣтѣ; слова священника окончательно испортили ей весь остатокъ дня.

Погруженною въ эти тревожные думы нашель ее и Франсисъ, когда онъ подь вечеръ явился въ замокъ.

Священникъ былъ правъ; лѣсничій дѣйствительно проводилъ здѣсь почти всѣ свои вечера. Отъ времени до времени онъ ходилъ въ замокъ явно, среди бѣлаго дня, какъ человѣкъ, приходящій просто съ визитомъ,—большею-же частью пробираясь туда вечеромъ, когда стемнѣеть, дѣлая значительный обходъ по дорогѣ Большаго Оврага. Тутъ онъ входилъ въ паркъ сквозь калитку, которая оставалась растворенною какъ разъ настолько, чтобы пропустить его. Такимъ образомъ, онъ надѣялся обмануть всю деревню и былъ вполнѣ убѣжденъ, что никто не подозрѣваетъ о его похожденияхъ. Влюбленные сплошь да рядомъ поддаются такимъ иллюзіямъ; они увѣрены, что для того, чтобы остаться незамѣченнымъ, достаточно одного благого намѣренія быть скрытымъ отъ взоровъ публики. Но старая уловка страуса, воображающаго, что, спрятавъ голову, онъ сталъ невидимымъ,—никого рѣшительно въ Обригѣ не обманывала. Каждый вечеръ за лѣсничимъ организовался строгій надзоръ. Вся деревня прекрасно знала, въ которомъ часу онъ отправился въ замокъ, сколько времени тамъ пробылъ, когда вышелъ, какою дорогою возвращался. Священникъ въ сущности не преувеличивалъ, говоря, что поведеніе влюбленной четы начинало не на шутку возбуждать негодованіе не только у мѣстной аристократіи, но и среди простаго люда.

При свѣтѣ лампы, стоявшей въ углу гостиной, Франсисъ Помрѣ скоро замѣтилъ нахмуренныя брови Адриенны и грустное выраженіе ея лица.

— Что съ вами? спросилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

Онъ взялъ ее за руки и нѣжно смотрѣлъ ей въ лицо.

— Сегодня былъ у меня священникъ и наговорилъ мнѣ такихъ вещей, отъ которыхъ всѣ мысли мои окрасились въ черный цвѣтъ.

— Не люблю я этого человѣка, воскликнулъ Франсисъ;— онъ какой-то злобный, злопамятный, какъ всѣ желчные люди... ядовитую желчью пропитано каждое слово его... Что онъ еще придумалъ новаго для того, чтобы возмутить вашу душу?

— Къ сожалѣнію, онъ на этотъ разъ не придумывалъ ничего; онъ удовольствовался тѣмъ, что грубо прикоснулся паль-

цемъ къ ранѣ, разсказалъ мнѣ все, что говорятъ обо мнѣ дурного и увѣрилъ, что поведеніе мое считается скандаломъ для всего прихода.

— Я думаю просто, что аббатъ Картье принимаетъ свои желанія за дѣйствительность... Онъ старается отдалить васъ отъ меня, потому что догадывается, что я васъ люблю.

— Догадаться объ этомъ было ему не трудно, замѣтила Адриенна съ печальной улыбкой; — я сама ему сказала.

— Какая неосторожность! воскликнулъ лѣсничій; — онъ разскажетъ теперь во всѣхъ домахъ Обрива!

— Незачѣмъ ему будетъ и разсказывать, продолжала она, качая головою; вся деревня уже знаетъ про наши отношенія... Я отлично вижу, что здѣшнее общество относится ко мнѣ далеко не такъ, какъ прежде; люди, съ которыми я давно знакома, встрѣчаютъ меня съ колодною сдержанностью, крестьяне переглядываются и перешептываются, когда я прохожу по улицѣ, прислуга изобрѣтается въ оскорбительныхъ для меня деликатностяхъ и предосторожностяхъ... Всѣ меня строго осуждаютъ, и я вполне этого заслуживаю... До сихъ поръ всеобщее злорадство не выражалось еще въ открытой формѣ, потому что здѣшнее населеніе вообще отличается робостью, но при первомъ удобномъ случаѣ дѣло дойдетъ до публичнаго скандала... Я ни въ чемъ васъ не упрекаю, другъ мой, прибавила она, видя, что лицо Франсиса омрачилось; — я ни въ чемъ не расказываюсь!.. Я счастлива даже въ этомъ ложномъ положеніи... Но мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы Денизъ пришлось слышать, какъ всѣ кругомъ порицаютъ мое поведеніе, мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы она сдѣлалась свидѣтельницею какой-нибудь оскорбительной для меня демонстраціи... Въ виду этого я смотрю на дѣло серьезно и полагаю, что намъ остается только одинъ исходъ.

— Какой исходъ? всполохился лѣсничій, который не понималъ, къ чему клонилась вся эта рѣчь... Онъ думалъ, что Адриенна предложить ему порвать ихъ отношенія, и мысленно уже видѣлъ себя изгнаннымъ изъ замка.

— Франсисъ, продолжала она слегка дрожащимъ голосомъ; — серьезно-ли вы меня любите, — не какъ ребенокъ, увлекающійся первою пригланувшеюся ему женщиною, а прочною, долговѣчною любовью зрѣлаго, честнаго человѣка?

— Я васъ боготворю! воскликнулъ онъ, цѣлуя ея руки, — и ничто не въ силахъ 'разлучить насъ.

— Въ такомъ случаѣ, другъ мой, намъ слѣдуетъ прекратить всѣ поводы къ злословію и окончательно упрочить наши отношенія; мы должны поторопиться свадьбою.

Въ первую минуту слова эти до того поразили Франсиса, что онъ невольно отшатнулся отъ Адриенны. Внезапно раскрывшаяся передъ нимъ блестящая перспектива ослѣпила его; ему казалось, что онъ вдругъ поднялся на вершину высокой горы, что у ногъ его разстилается богатая усадьба съ ея паркомъ, лѣсами, фермами, лугами; въ головѣ его быстро промелькнула мысль о крупныхъ доходахъ, о мѣшкахъ, наполненныхъ золотомъ, и чей-то голосъ шепталъ ему на ухо: — «Всѣ эти богатства принадлежать тебѣ, бѣдняку, шестому дѣтищу небогатой буржуазной семьи, едва сводившей концы съ концами!..» Видѣніе это продолжалось около двухъ секундъ, а вслѣдъ за тѣмъ съ быстротою электрическихъ искръ стали смѣняться въ головѣ его противорѣчивыя мысли и чувства.

Нельзя не отдать справедливости лѣсническому, — перспектива такой блестящей развязки никогда серьезно не возникала въ его умѣ. Онъ не отличался ни алчностью, ни чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Въ этомъ сангвиническомъ, здоровомъ молодомъ человѣкѣ любовь къ наслажденію подчиняла рассудокъ и расчетливость. Причиною, побудившею его къ оближенію съ мадамъ Лебретонъ, была не мечта о выгодной партіи, а просто волненіе горячей крови, въ силу котораго двадцатичетырелѣтній молодой человѣкъ, красивый и цвѣтущій, не можетъ не увлечься молодою еще и довольно привлекательною женщиною, въ особенности если эта женщина явилась передъ нимъ въ глухомъ захолустьѣ и одна обладаетъ тою женскою граціей, тѣмъ свѣтскимъ изяществомъ, которыя въ глазахъ такого суетнаго и сластолюбиваго человѣка, какъ Франсисъ, составляютъ немаловажное преимущество. Эта побѣда представлялась ему средствомъ, которое позволяло ему до извѣстной степени удовлетворить свою страсть къ наслажденіямъ и пріятно проводить свободное отъ занятій время; дальше мечты его никогда не заходили. Теперь, когда эта первая цѣль была достигнута и передъ глазами его открылся новый горизонтъ, онъ былъ не столько восхищенъ, сколько ослѣпленъ неожиданнымъ зрѣлищемъ. До сихъ поръ онъ никогда еще не ду-

маль серьезно о бракѣ, и при мысли, что придется связать себя на всегда, такъ рано, едва успѣвъ извѣдать жизнь, имъ овладѣвали сомнѣнія.

Адриенна съ безпокойствомъ слѣдила за нервнѣйшимъ, задумчивымъ выраженіемъ его лица.

— Вы мнѣ не отвѣчаете? прошептала она.

— Простите, сказалъ онъ наконецъ... Но войдите въ мое положеніе; вѣдь я бѣденъ, какъ Іовъ, а вы, какъ говорятъ, обладаете трехмиліоннымъ состояніемъ... Если я приму то счастье, которое вы мнѣ предлагаете, завистливые и злые люди скажутъ, что я женился на васъ ради денегъ... Вотъ что заставляетъ меня колебаться.

Каріе глаза мадамъ Лебретонъ обратились на Франсиса съ выраженіемъ нѣжной признательности. Она была ему такъ благодарна за его колебанія; она торжествовала, услышавъ этотъ отвѣтъ, передъ которымъ сами собою падали злыя инсинуаціи священника; въ этомъ отвѣтѣ обрисовались всѣ деликатныя, гордыя стороны характера любимого ею человѣка.

— Милый мой, сказала она,—благодарю васъ за то, что вы отвѣтили мнѣ съ такою откровенностью; за это я люблю васъ еще больше... Но если васъ заставляютъ колебаться такія соображенія, то что-же мнѣ-то дѣлать? Вѣдь я на десять лѣтъ старше васъ; это—препятствіе несравненно болѣе серьезное... Я люблю васъ больше, чѣмъ вы меня!.. Если вы будете настаивать на этомъ ничтожномъ денежномъ вопросѣ, то заставите меня думать, что самолюбіе въ васъ сильнѣе, чѣмъ любовь... Я тоже горда... не меньше васъ... и тѣмъ не менѣе я попираю свою гордость ногами, чтобы отдаться вамъ, вполне.

Онъ хотѣлъ было возражать, но она зажала ему ротъ рукою.

— Замолчите! сказала она страстнымъ шопотомъ, отъ котораго по всему тѣлу Франсиса пробѣжалъ сладостный трепеть...

— Къ тому-же знайте, мой другъ, что сегодня я не намѣрена больше приставить къ вамъ, какъ съ ножемъ къ горлу... Прекратимъ пока этотъ разговоръ, подумайте серьезно и завтра приходите съ отвѣтомъ.

Она увлекла его за собою въ глубину аллеи безмолвнаго, тѣнистаго парка, который казался мрачнымъ подъ низко на-

висшими облаками хмураго неба. Клумбы имѣли уже осенній видъ; полусохшіе флоксы, осыпающіяся чайныя розы, поблекшіе клематиты наполняли воздухъ такимъ расслабляющимъ, усыпляющимъ ароматомъ, подъ вліяніемъ котораго могли колебаться и болѣе твердыя рѣшенія, чѣмъ то, которое высказалъ лѣсничій. Гуляя подъ руку съ Адриенной, онъ задумчиво прислушивался къ журчанію ручьевъ, протекавшихъ подъ садовыми мостиками; передъ нимъ, между двумя большими дикими капитанами, бѣлѣлъ фасадъ замка; лампа, горѣвшая въ гостинной, освѣщала оранжевымъ свѣтомъ балконную дверь нижняго этажа, и все зданіе, среди окружавшаго его таинственнаго полумрака, казалось еще внушительнѣе. Франсисъ думалъ о томъ, что ему стоило сказать только одно слово, и все это богатство, вся эта роскошь будутъ къ его услугамъ; въ то-же время онъ припомнилъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія о своемъ первомъ посѣщеніи усадьбы, когда, укрываясь отъ рѣзкаго февральскаго вѣтра, онъ, одинокій, остановился подъ этими самыми деревьями и въ первый разъ съ тайною завистью смотрѣлъ на садъ и домъ...

Они долго сидѣли на садовой скамьѣ, забывъ обо всемъ, пока часы не пробили одиннадцать. Адриенна проводила молодого человѣка до калитки и, крѣпко пожавъ ему руку, сказала:

— До завтрашняго вечера.

Глухими переулками Франсисъ Памрѣ дошелъ до бульвара Междурѣчья. Кругомъ все спало. Небо было покрыто тучами, а густыя вѣтви липъ погружали бульваръ въ такой мракъ, что лѣсничій съ трудомъ могъ держаться средины плотины, раздѣляющей оба рукава Обы. При поворотѣ къ водопою Франсисъ наткнулся на что-то упругое, но крѣпкое, и не будь тутъ пня, за который онъ успѣлъ схватиться, ему конечно пришлось-бы выкупаться въ рѣкѣ, на приличной глубинѣ

Оправившись, онъ принялся искать предметъ, заставившій его упасть и отыскавъ, наконецъ, веревку, протянутую поперекъ дороги на футъ отъ земли; такимъ образомъ, всякій, кто-бы вздумалъ ночью пройти по бульвару Междурѣчья, долженъ былъ неминуемо выкупаться въ рѣкѣ. Онъ громко выругался, но въ ту-же минуту въ неосвященныхъ окнахъ сосѣдняго до-

ма раздался громкій смѣхъ. Очевидно, западня была устроена для него, и злые шутники радовались, думая, что их штука вполне удалась. Подойдя къ своей гостинницѣ, онъ, противъ обыкновенія, нашель дверь запертою и долженъ былъ долго стучаться прежде, чѣмъ ему отперли; а громкій смѣхъ въ сосѣднемъ домѣ продолжалъ его раздражать. Очевидно, хозяйка, лишь черезъ пять минутъ отворившая дверь, хотя туалеть ея и не свидѣтельствовала о прерванномъ снѣ, и встрѣтившая его съ насмѣшливымъ удивленіемъ, была въ разговорѣ съ шутниками, протянувшими веревку.

— Какъ, это вы, господинъ лѣсничій? Каково-же,—я и не подоувѣвала, что васъ нѣтъ дома; я была увѣрена, что вы давнымъ давно спите сномъ праведныхъ!

Говоря это, она приподнимала свой огарокъ и съ головы до ногъ осматривала Франсиса, ожидая увидѣть его мокрымъ съ головы до ногъ.

Онъ вырвалъ у нея огарокъ изъ рукъ и разозленный подъялся въ свою комнату.

«Адриенна права, думаль онъ раздѣваясь,—необходимо зажать ротъ этимъ людямъ, которыя становятся черезчуръ ужъ нахальны; сегодня они начали съ меня, а завтра доберутся и до нея, если я не положу предѣла ихъ дерзости».

Въ слѣдующее воскресенье, передъ обѣдней, крестьяне, толпившіеся на площади въ ожиданіи благоувѣста, увидѣли, какъ церковный сторожъ отперевъ рѣшетку, за которой обыкновенно вывѣшивались объявленія мэріи, наклеилъ на доску полиста исписанной гербовой бумаги. Любопытные не замедлили подойти и съ волненіемъ, выражавшемся ежеминутными возгласами, прочитали первое объявленіе о бракѣ: «Шьера-Франсуа Помре, главнаго лѣсничаго, проживающаго въ Обривѣ, и Лорансъ-Маріи-Адриенны Орманси, вдовы Марсея Лебретонъ, имѣющей жительство въ той-же общинѣ».

Ирма Шеснель, наблюдавшая изъ окна почтовой конторы за всѣми движеніями крестьянъ, наконецъ, не вытерпѣла и подошла, безъ шляпы, къ группѣ, образовавшейся у муниципальной рѣшетки. Она медленно прочитала каракули школьнаго учителя и съ кислой миной направилась обратно.

— Дождались, наконецъ! воскликнула она, входя въ почтовую контору, гдѣ сестра ея увязывала пакеты;—она выходить за лѣсничаго—объявленіе о свадьбѣ уже вывѣшено!

— Дура! въ свою очередь откликнулась почтмейстерша, разжигая на свѣчѣхъ сургучъ.

— Но бываютъ-же счастливые люди, возразила Ирма, задыхавшаяся отъ злости; — нечего сказать, лѣсничаго можно поздравить! Отъ души желаю ему веселиться съ женой, которая на десять лѣтъ старше его!

— Милая моя, внушительно замѣтила старшая мадмуазель Шеснель, капающая сургучемъ на перекрещенныя бичевки, — даровому коню въ зубы не смотреть... Мнѣ такъ ее жалко, она дѣлаетъ глупость и горько въ ней раскается!

VI.

Адриенна и Франсисъ рѣшили, что послѣдній воспользуется двухнедѣльнымъ срокомъ, полагающимся между первымъ объявленіемъ и свадьбой, чтобы съѣздить къ своимъ родителямъ испросить ихъ согласія на бракъ.

Эта формальность, конечно, не встрѣтила никакихъ возраженій со стороны родителей. Предполагаемый бракъ представлялся неожиданно блестящей партіей старикамъ Помрэ, въ потѣ лица своего выростившимъ шестерыхъ дѣтей. Ихъ нисколько не встревожила разница лѣтъ между сыномъ и его невѣстой; они ни на минуту не остановились надъ мыслью: представляетъ-ли этотъ бракъ, въ которомъ на одной сторонѣ молодость, а на другой — деньги, серьезныя гарантіи для счастья. Милліоны Адриенны ихъ такъ ослѣпляли, что ни о чемъ другомъ они не думали. Со слезами счастья цѣловали они Франсиса и поспѣшили съ торжествомъ объявить эту счастливую новость всему городу. Одно лишь обстоятельство отравляло ихъ радость: въ виду недоброжелательнаго отношенія жителей Обрива, Адриенна пожелала, чтобы свадебный обрядъ былъ совершенъ скромно, безъ всякой пышности, не приглашая никого, кромѣ четырехъ свидѣтелей. Рѣшили, что мать Франсиса по нездоровью останется дома и одинъ старикъ отправится въ Обривъ наканунѣ свадьбы. Уговорившись относительно всѣхъ этихъ деталей, Франсисъ, напутствуемый материнскими благословеніями и наставленіями, двинулся въ обратный путь.

Омнибусъ, отправлявшійся въ Обривъ, уѣхалъ прежде, чѣмъ онъ дошелъ до отеля; утро было прекрасное, и лѣсничій, от-

личный ходокъ, не рѣшившись ждать слѣдующаго омнибуса, отправился домой пѣшкомъ, кратчайшей дорогой. Это путешествіе пѣшкомъ тѣмъ болѣе приятно, что вторая половина пути тянется среди великолѣпнаго Монтавуарскаго лѣса и составляетъ прелестную прогулку даже для людей наиболѣе равнодушныхъ къ красотамъ природы.

Франсисъ, которому сегодня было какъ-то особенно весело частью благодаря хорошей погодѣ, частью-же вслѣдствіе сознанія, что всѣ неприятныя предварительныя хлопоты по устройству брака окончены, быстро подвигался впередъ. Онъ дошелъ до высокаго лѣса, разстилающагося между Обривомъ и Руземъ, и, спустившись по тропинкамъ до дна Большаго Оврага, уже могъ различить сквозь вѣтви деревьевъ луга, на которыхъ вторично косили траву, лиловыя крыши замка и первые домики селенія, надъ которыми подымался освѣщенный солнцемъ дымъ. Обогнувъ одинъ изъ поворотовъ тропинки, онъ вдругъ услышалъ шумъ ломающихся вѣтвей; инстинкты лѣсничаго проснулись въ немъ и онъ сердито сдвинулъ брови, при мысли, что въ его лѣсу творятся безпорядки. Желая, по крайней мѣрѣ, схватить преступниковъ съ поличнымъ, онъ быстро направился къ чащѣ, и, нѣтерпѣливо отстраняя вѣтви кизила, добрался до лужайки, гдѣ удивленнымъ глазамъ его представилось неожиданное зрѣлище.

На первомъ развѣтвленіи большой дикой яблони сидѣло какое-то странное существо, одѣтое въ женское платье. Нисколько не заботясь о деревѣ, она обламывала большія вѣтви, усыпанныя яблоками и одѣляла ими двухъ оборванныхъ мальчиковъ, пріютившихся подъ деревомъ и поспѣшно скрывшихся при видѣ лѣсничаго. Грабительница яблокъ, застрявшая въ густыхъ вѣтвяхъ, не могла улепетнуть съ такою-же быстротою. Она зацѣпилась за одну изъ вѣтокъ, сильно пригнула ее къ землѣ и, видя себя въ западнѣ, съ минуту сидѣла разинувъ ротъ.

Это была молодая дѣвушка, которой Франсисъ съ перваго взгляда далъ лѣтъ четырнадцать, пятнадцать. И дѣйствительно, она, повидимому, только-что переступила за предѣлы отрочества. Ея плечи, плоская грудь и тонкая талія еще не достигли полнаго развитія; ея длинныя, красныя руки казались еще безобразнѣе отъ узкихъ и короткихъ рукавовъ. Но нижняя часть тѣла, болѣе сформированная заставляла думать,

что по окончаніи роста, всё эти угловатыя линіи должны исчезнуть. Плотнo прилегавшая къ тѣлу юбка обрисовала круглыя бедра, а благодаря оригинальной позѣ, въ которой находилась сидѣвшая на вѣткѣ дѣвочка, изъ подъ юбки видѣлись красивыя маленькія ножки, обутыя въ ботинки, отъ которыхъ отскочило нѣсколько пуговиць. Выглядывавшая изъ зеленой листвы голова была, по меньшей мѣрѣ, настолько-же оригинальна, какъ и туалетъ дѣвушки. Длинное лицо съ вздернутымъ носомъ и очень краснымъ широкимъ ртомъ; большіе свѣтлокаріе глаза, выпуклый лобъ, выдающіяся челюсти, блѣлое, усыпанное веснушками лицо, подъ шапкою густыхъ рыжихъ кудрей, спускавшихся ниже плечъ. Оболо угловъ рта, въ ямкахъ щекъ и въ глазахъ этого страннаго созданія отъ времени до времени мелькала съ быстротою молніи насмѣшливая улыбка, подобная солнечному лучу, внезапно прорывающемуся сквозь тучи въ сѣрый, вѣтряный день.

— Зачѣмъ вы портили дерево и подаете такимъ образомъ дурной примѣръ деревенскимъ сорванцамъ? строго обратился Франсисъ къ попавшейся преступницѣ.

— Это до васъ не касается!.. Ступайте своей дорогой! отвѣтила она тономъ избалованнаго ребенка. Затѣмъ, разсмотрѣвъ незнакомца и заключивъ, конечно, по его одеждѣ и лицу, что имѣетъ дѣло не съ какимъ-нибудь проходивцемъ, она добавила въ видѣ поясненія: — Меня это забавляетъ.. Надѣюсь, что я имѣю право забавлять себя, какъ мнѣ угодно!

— Такая забава неприлична для дѣвушки вашихъ лѣтъ... Къ тому-же дерево это принадлежитъ не вамъ и васъ могутъ оштрафовать.

— Вотъ бѣда какая! Если оштрафуютъ, мама заплатитъ!

— Кто ваша мать?

— Мадамъ Лебретонъ, собственница замка... Вы навѣрное ее знаете, если сами изъ здѣшнихъ мѣстъ.

Франсисъ невольно выразилъ на своемъ лицѣ непріятное удивленіе. Такъ вотъ этотъ пріемышъ, вотъ эта дикарка, повидному вполне заслуживавшая свое прозвище!.. На первый разъ она во всякомъ случаѣ зарекомендовала себя личноcтью эксцентричною и вполне независимою. Жаль было упустить удобный случай познакомиться съ характеромъ этой странной падчерицы, которой суждено было жить съ нимъ подъ одной

кровлей, и онъ рѣшился продолжать разспросы, не обнаруживая до поры до времени своего инкогнито.

— Я не здѣшній, сказалъ онъ и затѣмъ прибавилъ равнодушнымъ тономъ:

— А, такъ вы дочь мадамъ Лебретонъ; а я почему-то думалъ, что у нея нѣтъ дѣтей.

— Я не родная дочь, а приемышъ, отвѣтила она съ нѣкоторой досадою;—ну такъ что-жъ изъ этого?

— Съ чѣмъ ее и поздравляю, съ насмѣшливой улыбкой сказалъ Франсисъ.—Давно-ли вы живете въ Обривѣ?

— Я вернулась вчера вечеромъ.

— Изъ монастыря вѣроятно?

— Почему вы это думаете?

— Закрываю объ этомъ, во-первыхъ, потому, что вы страстная охотница до свѣжаго воздуха и зеленыхъ яблокъ, а во-вторыхъ—по вашей фигурѣ.

— Неужели-же я до такой уже степени похожа на пансионерку! воскликнула она, надувъ губы. Замѣтивъ, что собесѣдникъ смотритъ на ея чулки, изъ которыхъ одинъ былъ прорванъ, она покраснѣла; затѣмъ, упершись колѣномъ о видообразно-раздвоенный стволъ яблони, вскочила на ноги и помѣстилась стоя, схватившись рукою за одну изъ верхнихъ вѣтвей. Другою рукою она поправила юбку и пыталась придать себѣ нѣсколько болѣе приличный видъ.

Франсисъ, стоявшій у подножя дерева, видѣлъ всю ея фигуру; она была довольно высокаго роста, стройная, и дикя, кошачьи движенія ея не лишены были нѣкоторой граци.

— Сколько мнѣ лѣтъ, по-вашему? снова заговорила она, стоя на своемъ воздушномъ пьедесталѣ.

— Лѣтъ пятнадцать, вѣроятно...

— Ошибаетесь, мнѣ семнадцать! воскликнула она, выпрямляясь.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Въ такомъ случаѣ, вы вѣроятно окончательно покинули монастырь.

— Да, вѣроятно покинула-бы, если-бы не предполагаемое замужество моей приемной матери... Теперь меня, навѣрное, упекутъ туда еще на годикъ, чтобы отдѣлаться отъ моей персоны!

Недовольный тонъ, которымъ она произнесла послѣднія слова, показывалъ, что она не съ особеннымъ энтузіазмомъ

относится къ великому событію, которое должно было радикальнѣ изменить всю внутреннюю жизнь замка.

— Вотъ какъ! сказала Франсисъ съ притворнымъ удивленіемъ; — такъ мадамъ Лебретонъ рѣшилась выйти замужъ во второй разъ?.. Знаете вы своего будущаго отчима?

— Нѣтъ, отвѣтила она, пожывая плечами; онъ куда-то уѣхалъ... Мама находитъ его, конечно, безукоризненнымъ, потому-что выходитъ за него; что-же касается меня, то я не имѣю еще ни малѣйшаго понятія ни о лѣтахъ, ни о фizioноміи этого господина... Впрочемъ, прибавила она махнувъ рукою, — я напередъ представляю себѣ его... важный, степенный, престарѣлый...

— Почему-же престарѣлый?

— Боже мой! Мама вѣдь тоже не молода, а я полагаю, что она выбрала себѣ мужа, который старше ея.

— А сколько лѣтъ мадамъ Лебретонъ? спросилъ Франсисъ, кусая себѣ губы.

— По крайней мѣрѣ тридцать четыре.

— И по вашему это значить, что она не молода?

— Разумѣется!.. Старикъ такіе годы, можетъ быть, показались-бы молодостью, мнѣ-же они кажутся старостью... ну, а вамъ?

— Я, быть можетъ, въ этомъ дѣлѣ не компетентный судья, да и вы меня вѣроятно также причисляете къ категоріи стариковъ.

— Васъ?.. Какой вздоръ!.. Пойдите-ка... Она внимательно оглядывала его съ головы до ногъ; каріе глаза ея, казалось, съ удовольствіемъ останавливались на красивой, бѣлокурой, тщательно расчесанной бородѣ, на могучихъ плечахъ, на широкой груди и изящной талии Франсиса Помра. Рассматривая его такимъ образомъ съ безцеремоннымъ, дерзкимъ любопытствомъ молодой дикарки, она вмѣстѣ съ тѣмъ и не думала скрывать выражавшагося на лицѣ ея наивнаго восхищенія, которое во всякомъ случаѣ было крайне лестно для ея собесѣдника.

— Вамъ должно быть немного больше двадцати лѣтъ, сказала она наконецъ.

— Мнѣ двадцать четыре.

— Ну, вотъ видите, между нашими годами разница не особенно велика.

— Да, замѣтилъ онъ ироническимъ тономъ, взглянувъ на помятый туалетъ Денизы; — я какъ разъ могъ-бы посвататься за васъ въ тотъ день, когда вы перестанете носить короткя платья.

— Зачѣмъ вы издѣваетесь надо мною? воскликнула она обиженнымъ тономъ;—это не хорошо съ вашей стороны.

Она опустила глаза и только теперь подумала, что снизу, вѣроятно, видны ея икры; при этой мысли въ ней проснулось почти незнакомое ей до сихъ поръ чувство стыдливаго смущенія.

— Я хотѣла-бы слѣзть, пробормотала она; но знаете... вы бы отошли, вы мнѣ мѣшаете!

— Я ухожу.

— Нѣтъ, не надо, только отвернитесь... вотъ такъ.

Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ; ноги ея запутались въ платьѣ и, прыгая съ дерева, она во всю длину растянута въ травѣ.

— Не ушиблись-ли вы? воскликнулъ онъ, обернувшись и наклоняясь къ Денизѣ.

— Нисколько, отвѣтила она, усаживаясь на томъ мѣстѣ, куда упала, и заливаясь смѣхомъ; я поскользнулась, вотъ и вся бѣда... Вотъ еще удовольствіе! продолжала она, глядя на свои ботинки, — послѣднія пуговицы отскочили.

— Въ какомъ пансіонѣ вы воспитывались?

— Въ Sacré-Coeur, въ Дижонѣ.

— Неужели въ Sacré-Coeur всѣ воспитанницы лезятъ по деревьямъ?

— Боже сохрани! Онѣ для этого слишкомъ чопорны... Я, благодаря этому, всегда на худомъ счету... Да мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно. Меня никогда не заставляютъ говорить то, чего я не думаю... Въ этомъ году меня хотѣли записать въ число «Дѣтей Маріи», обязанности которыхъ шпіонить за подругами и обо всемъ доносить начальству... Я отказалась на отрѣзъ. Цѣлый скандалъ поднялся изъ-за меня; грозилась отослать меня домой... Да я-бы этому очень была рада!

— За вами, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать одного достоинства, — искренности, сказалъ Франсисъ съ нѣсколько принужденнымъ смѣхомъ...— Вѣроятно вы приводите въ отчаяніе свою приемную мать.

— Да, это правда... Но тѣмъ не менѣе она въ концѣ концовъ все-таки всегда поступаетъ по-моему... Вѣдь мама въ сущности предобрая... упряма немного, но, право-же предобрая.

— Вашъ будущій отчимъ, быть можетъ, окажется менѣе добродушнымъ.

— О, воскликнула она, — его я возненавидѣла заранѣе!

Она по-турецки усѣлась на травѣ, скрестивъ подъ платьемъ ноги, вынула изъ кармана около дюжины дикихъ яблокъ и принялась отбирать самыя аппетитныя.

— Не хотите-ли попробовать? предложила она Франсису.

Увидѣвъ его отрицательный жестъ, она раскусила одно яблоко и стала уписывать его, съ наслажденіемъ погружая свои маленькіе, бѣлые зубы въ блѣдно-зеленую мякоть полузрѣлаго плода.

Франсисъ смотрѣлъ на ея профиль. Высокій лобъ и выдающийся подбородокъ дѣвочки рѣзко обрисовывались на зеленомъ фонѣ вѣтвей; лицо съ ярко-красными губами оставалось въ тѣни, а голова была ярко освѣщена, и лучи солнца вспыхивали, пробиваясь сквозь золотыя кудри ея рыжихъ волосъ.

„Странное существо“, подумалъ Франсисъ, слушая, какъ она громко смаковала свое кислое, сочное яблоко... — Что вы ненавидите вашего будущаго отчима, — это понятно, продолжалъ онъ уже въ слухъ; — но вертѣть имъ такъ, какъ вертите матерью, будетъ, пожалуй, трудновато... Вѣдь и у него тоже окажется воля, и онъ, быть можетъ, потребуетъ подчинить васъ своему авторитету.

— Не совѣтую пробовать! проворчала она сквозь зубы.

— Не забудьте, продолжалъ лѣсничій, подавляя недовольную гримасу, — что онъ будетъ полнымъ господиномъ въ домѣ и что вамъ поневолѣ придется подчиниться, если захотите вести сносное существованіе.

— Если дѣло дойдетъ до этого, то я лучше уйду изъ замка.

— Куда-же вы пойдете?

Она подняла къ нему свое выразительное лицо и въ блестящихъ глазахъ ея сверкнула грозная искра.

— Убѣгу въ лѣсъ... Говорятъ, что я тамъ родилась, такъ туда и уйду.

Лѣсничій пожалъ плечами. Благодаря этой встрѣчѣ, ему удалось получить довольно точныя и надежныя свѣдѣнія отно-

сительно характера и настроенія своей будущей падчерицы... Онъ посмотрѣлъ на часы:

— Уже одиннадцать часовъ, мнѣ надо спѣшить домой.

— Далеко-ли вы живете отсюда? спросила Дениза, наклоня голову, чтобы укрыться отъ солнечныхъ лучей и удобнѣе смотрѣть на молодого незнакомца.

— На разстояніи двухъ добрыхъ лье, около Рувра.

— Какъ жаль, что вы не здѣшній житель!.. Отъ времени до времени я-бы съ удовольствіемъ поболтала съ вами... У васъ доброе лицо, хотя нѣсколько насмѣшливое.

— Благодарю за лестный отзывъ!.. Можетъ быть, на-дняхъ опять увидимся.

— Да, да, крикнула она ему вслѣдъ, — если опять попадете въ наши мѣста, то заходите въ замокъ; я представлю васъ мамѣ!

— Да ужъ и отчиму кстати, съ насмѣшливой улыбкой прибавилъ Франсисъ, удаляясь.

— А ему вотъ что!.. воскликнула она, съ ухарствомъ школьницы поднося къ носу большой палецъ широко раскрытой руки.

Она перемѣнила позу. Стоя на колѣняхъ, согнувъ спину, вытянувъ впередъ шею и держаась одною рукою за вѣтвь орѣшника, она смотрѣла, какъ лѣсничій спускался по склону, пробираясь сквозь кустарникъ. Въ расширенныхъ зрачкахъ дѣвочки свѣтилась та искра скрытой тревоги, которая загорается въ глазахъ кошки, когда она изгибаетъ туловище и наклоняетъ голову, всматриваясь въ какой нибудь предметъ, который беспокоитъ и интересуется ее своею новизною. Губы ея раскрылись и придавали ей то полумечтательное выраженіе, которое мы такъ часто встрѣчаемъ на старинныхъ картинахъ, въ лицахъ мадоннъ. Она прислушивалась къ мѣрнымъ звукамъ твердыхъ шаговъ этого красивого молодого человѣка съ изящными руками, стройною тальей и бархатными глазами. Она старалась нагнуться еще больше, чтобы долѣе не терять изъ виду извивавшейся по склону тропинки. Когда-же онъ, наконецъ, исчезъ на поворотѣ и звуки шаговъ его замерли вдали, она откинулась назадъ и усѣвшись на корточкахъ, скрестивъ руки на дѣтской еще груди, неподвижно сидѣла, залитая съ ногъ до головы теплымъ солнечнымъ свѣтомъ.

Рыжіе волосы ея сверкали подъ отвѣсными лучами, какъ

будто между прядями ихъ бѣгали электрическія искры. Небо, освободившееся отъ утренняго тумана и сіявшее чистою лазурью, казалось, дышало огнемъ; воздухъ былъ почти такой-же знойный, какъ лѣтомъ; и тамъ, гдѣ земля была обнажена, отъ нея поднимался горячій, прозрачный паръ, волнообразное, дрожащее движеніе котораго какъ будто сообщалось каждому древесному стволу, каждой былинкѣ.

Дениза сидѣла съ полуопущенными вѣками и пыталась возсоздать въ памяти образъ молодого человѣка, который, какъ привидѣніе, появился и исчезъ въ этой чашкѣ, гдѣ еще дрожали задѣтые имъ по дорогѣ листья. Тихое мычаніе коровъ, доносившееся съ луга, пробудило ее. Дениза жадно потянула въ себя поднимавшійся съ луга запахъ сѣна, скошеннаго во второй разъ, трихнула своими нагнанными на солнцѣ кудрями и стала искать болѣе прохладнаго мѣстечка подъ орѣховыми кустами. Она лѣниво дотаскилась туда ползкомъ, забила подъ вѣтви, и обрывая кругомъ свѣжую, зеленую траву, закрыла глаза и во всю ростъ вытянулась въ безнечной позѣ дремлющаго молодого животнаго...

Тѣмъ временемъ Франсисъ быстро направлялся въ Обриву, въ свою гостинницу. Очистившись отъ дорожной пыли и приведя въ порядокъ туалетъ, онъ послѣднимъ потребовать завтракъ. Утоливъ голодь, онъ надѣлъ сюртукъ, вышелъ изъ дома и отправился въ замокъ. Безъ доклада вошелъ онъ въ маленькую гостинную и увидѣлъ мадамъ Лебретонъ, которая стояла на террасѣ и смотрѣла на дорогу, поджидая почтовую карету.

— Какъ, это вы?! радостно воскликнула она; — вѣдь карета еще не пріѣзжала; какимъ-же образомъ вы добрались сюда?

— Пѣшкомъ, отвѣчалъ Франсисъ, — ушелъ, не хватило терпѣнія дожидаться второй кареты.

Она протянула ему обѣ руки и съ улыбкою вглядывалась въ него, и молодой человѣкъ въ свою очередь устремилъ на нее долгій, но болѣе спокойный, болѣе внимательный взглядъ, удивляясь, почему она сегодня кажется ему менѣе молодою, тѣмъ въ тотъ день, когда онъ разстался съ нею. Не могла же она постарѣть въ двѣ недѣли. Быть можетъ, отъ яркаго освѣщенія такъ предательски рѣзко выступали серебряныя

нити бѣлой пряди среди темныхъ волосъ вдовы, такъ ясно были видны маленькія морщины около угловъ глазъ, крошечныя черныя точки, пестрѣвшіе на носу ея, какъ крапинки спѣлаго персика?

Онъ поспѣшилиъ увлечь ее въ полумракъ маленькой гостиной. Здѣсь онъ обнялъ ее, привлекъ къ себѣ и, цѣлуя глаза ея, сказалъ:

— Дорогая моя, отецъ пріѣдетъ въ понедѣльникъ, а во вторникъ мы будемъ мужъ и жена.

— Ахъ, воскликнула она, крѣпко прижимаясь къ нему, — съ какимъ нетерпѣніемъ я жду, чтобы все кончилось!.. Вы и не подозреваете, какимъ преслѣдованіемъ я подвергалась здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ объявлено о нашей свадьбѣ. Рѣшительно всѣ обратились противъ меня. Увѣряю васъ, можно бы подумать, что, выходя за васъ, я обманываю какія-нибудь законныя ожиданія или надежды этихъ людей!.. Чего, чего не придумывали они только, чтобы оскорбить или огорчить меня?.. Каждое утро я нахожу на стѣнѣ парка написанныя углемъ ругательства или грубыя шутки. Мировой судья, который безъ сомнѣнія имѣлъ на меня виды, не обращаетъ вниманія на мои жалобы, когда крестьяне захватываютъ клочекъ моихъ полей. Священникъ позволяетъ себѣ во время проповѣди злобныя выходки и намеки, а почтовые дамы отворачиваются, когда я прохожу... Кажется, ни одного добраго чело-вѣка нѣтъ въ этой ненавистой деревнѣ, продолжала она, вытирая слезы, искрившіяся изъ глазъ ея... Нога моя не будетъ здѣсь послѣ нашей свадьбы... Мы поселимся въ Руэли, въ моемъ старомъ замкѣ, который теперь уже начали отдѣлывать. Къ нашему пріѣзду все тамъ будетъ готово... Мнѣ такъ надоѣло здѣсь... Не правда-ли, другъ мой?

Франсисъ невольно нахмурился. Неужели эта прекрасная усадьба, съ удобнымъ, комфортабельнымъ домомъ, расположенная среди живописной мѣстности, ускользнетъ изъ его рукъ, прежде чѣмъ онъ успеетъ немного пожить въ ней хозяиномъ? Неужели это будетъ ближайшимъ результатомъ брака, по поводу котораго всѣ ему такъ завидовали? Жизнь въ Руэли, въ старомъ замкѣ, одиноко стоящемъ на самой опушкѣ лѣса, представлялась ему далеко непривлекательною. Тѣмъ не менѣе, онъ далъ себѣ обѣщаніе не подчиняться никакимъ матеріальнымъ соображеніямъ; ему пріятно было считать себя

въ данномъ случаѣ совершенно безкорыстнымъ, а потому онъ и на этотъ разъ ничѣмъ не выказалъ своего неудовольствія.

— Дорогая Адриенна, отвѣтилъ онъ, — я считаю благоразумнымъ и превосходнымъ все, на что-бы вы не рѣшились, и буду счастливъ всюду, гдѣ мы будемъ вмѣстѣ съ вами.

Она усадила его на диванъ и подѣла къ нему, взявъ его за руки.

— Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ, сказала она; — о вашей поѣздкѣ... Довольны-ли вы своимъ путешествіемъ? Какъ отнеслась семья ваша къ вашимъ намѣреніямъ?

— Семья моя была въ восторгѣ... Отъ матери моей въ вѣроятіи уже получили письмо; она плакала отъ радости и горько сожалѣть, что здоровье не позволяетъ ей пріѣхать къ вамъ и расцѣловать васъ.

— Стало быть, вы не встрѣтили никакихъ возраженій?

— Никакихъ.

— Не нашли, напримѣръ, предосудительнымъ, что вы женитесь на женщинѣ, которая десятью годами старше васъ?.. Вѣдь я старуха, другъ мой, — нечего грѣха таить, — и мнѣ, право, кажется, что я успѣла постарѣть даже за послѣднія двѣ недѣли.

Въ то-же время она прямо смотрѣла ему въ глаза, желая и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь угадать, какъ онъ относится въ глубинѣ души къ этому признанію, высказанному не безъ нѣкоторой кокетливой задней мысли... Чтобы уклониться отъ этого пытливаго взгляда, Франсисъ схватилъ голову Адриенны и поцѣловалъ ее. — Я люблю васъ! сказалъ онъ; — для меня вы обворожительны.

— А сказали-ли вы имъ, продолжала она, оправившись послѣ поцѣлуя, — сказали-ли вы имъ, что старая жена въ числѣ приданого навязываетъ вамъ на шею взрослую дочь?.. Да еще какую дочь!.. Вотъ, вы сами увидите; она пріѣхала вчера и теперь, вѣроятно, у себя наверху... Я сейчасъ приведу ее къ вамъ.

Она выбѣжала въ переднюю и крикнула: — Дениза! — Я здѣсь! отвѣтилъ тоненькій голосокъ, и Франсисъ услышалъ, какъ дѣвочка вихремъ спустилась съ лѣстницы.

Онъ стоялъ, повернувшись спиною къ двери, и смотрѣлъ на цвѣтникъ, но въ то-же время слышалъ каждое слово раз-

говора, происходившаго въ передней между мадамъ Лебретонъ и ея дочерью.

— Боже, въ какомъ ты ужасномъ видѣ!.. Вѣрно опять въ кустахъ ежевики изодрала такъ платье. Дай, я приглажу тебѣ волосы, а то ты похожа на оцетинившуюся конку... Я представлю тебя одному господину, который черезъ нѣсколько дней будетъ моимъ мужемъ... Постарайся держать себя прилично.

Франсисъ догадывался, что своенравная дѣвочка молча упирается и желаетъ отлынуть отъ этого представленія, потому что Адриенна повторила уже нѣсколько недовольнымъ тономъ:

— Ну, полно, полно!.. Пойдемъ, не дурачься!..

Наконецъ, она чуть не насильно втокнула въ комнату Денизу, которая и теперь продолжала упираться.

— Вотъ вамъ моя Дикарочка, сказала Адриенна, подводя дѣвочку къ Франсису, все еще стоявшему противъ балконной двери. — Дениза, подай руку господину Помрѣ, который замѣститъ тебѣ отца.

Франсисъ быстро повернулся къ Денизѣ, а она, взглянувъ на него, воскликнула:

— Вы!.. Такъ это вы? воскликнула она въ бѣшенствѣ.

Она стояла передъ нимъ багровая съ широко раскрытыми отъ изумленія глазами.

— Ну да, конечно я, сказалъ лѣсничій съ ироніей. — Вамъ, вѣроятно, досадно, что я не такъ старъ, какъ вы предполагали?

Вы насмѣхались надо мной; я ненавижу васъ! крикнула Дениза. Выпустивъ руку Адриенны, она съ дикою стремительностью кинулась на диванъ, спрятала лицо въ подушкахъ и залилась слезами.

— Въ чемъ дѣло? что съ ней? спросила мадамъ Лебретонъ, съ недоумѣвающимъ видомъ обращаясь къ Франсису.

— Пустяки, отвѣтилъ онъ... Часа два тому назадъ мы уже имѣли удовольствіе встрѣтиться съ мадмуазель Денизою; она сидѣла на деревѣ, а я стоялъ на дорогѣ... Теперь она, вѣроятно, сердится на меня за то, что я скрылъ отъ нея свое имя... Она съ такимъ аппетитомъ уписывала дикія яблоки, что мнѣ жалъ было испортить ея завтракъ неприятнымъ извѣстіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МОСКОВСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА.

I.

Эта тема, вѣроятно, не представится воображенію читателей особенно заманчивой. Гг. Маркевичи и Авсѣенки не пользуются, конечно, со стороны публики болѣющимъ вниманіемъ, чѣмъ удѣляютъ имъ и критика, обыкновенно считающая совершенно достаточнымъ подчеркнуть ту или другую курьезную выходку этихъ писателей, по части изображенія разныхъ чудовищъ «отрицанія». Съ своей стороны, мы также не имѣемъ въ виду спорить по этому поводу ни съ читателемъ, ни съ критиками. Нельзя не сознаться, что въ невнимательномъ и недовѣрчивомъ отношеніи къ себѣ читателей охранительный романъ несетъ лишь вполне заслуженное наказаніе за свою крайнюю тенденціозность. Нельзя также быть въ претензіи и на критику, когда она, въ виду той-же невозможной тенденціозности, отказывается видѣть въ такомъ романѣ что либо больше, чѣмъ простое орудіе партійной борьбы. Но, признавая въ значительной мѣрѣ справедливость такого отношенія, мы не можемъ однако согласиться, чтобы болѣе внимательное разсмотрѣніе этого романа не представляло своего интереса. Не говоря уже о томъ, что мы имѣемъ передъ собою во всякомъ случаѣ фактъ русской литературы, — замѣтимъ еще, что даже самая тенденціозность московскихъ беллетристовъ, какъ и все на свѣтѣ, относительна и имѣетъ свои предѣлы, за которыми художникъ все-таки начинаетъ сказываться. Для того, чтобы никогда не вырваться изъ колодезь политиканства, нужно быть ужъ черезъ чуръ большой бездарностью; ну, а мы имѣемъ въ виду говорить съ читателемъ не о Незлобинѣ. Мы хотимъ гово-

«Дѣло», № 7, 1883 г. II.

ритель о гг. Маркевичѣ и Авсеенко, имѣющихъ все-таки свой кругъ читателей...

Чувствуемъ, конечно, что эти почтенныя имена точно также не возбуждаютъ особаго энтузіазма въ любителей изящной словесности. Оба они отбиваютъ отъ себя своей безмѣрной односторонностью даже того безхитростнаго читателя, который не совѣтъ въ силахъ разобраться въ ихъ тенденціи. А ужь, кажется, наша публика не приучена литературой къ односторонности и узости кругозора. Кажется, уже лѣтъ 20 отучаемся мы отъ художественнаго обобщенія, отъ тина и перспективны въ беллетристикѣ. Справедливость требуетъ еще прибавить, что въ этомъ случаѣ гг. Маркевичи и Авсеенки имѣютъ, сверхъ того, за себя гораздо менѣе смягчающихъ вину обстоятельствъ, чѣмъ художники другихъ направлений. То, что у другихъ происходитъ на половину отъ «внѣшнихъ» условій, у художниковъ «Русскаго Вѣстника» зависитъ прежде всего отъ причинъ «внутреннихъ», и это такая черта, которую нельзя упускать изъ виду, характеризуя московскую беллетристику.

Отмѣчая извѣстную узость и односторонность у обыкновеннаго, «непривилегированнаго» беллетриста нашего времени, мы въ то-же время видимъ, что явленіе это постоянно сопровождается, съ внѣшней стороны, рѣшительнымъ преобладаніемъ очерка надъ романомъ, частнаго изслѣдованія надъ обобщеніемъ. Обстоятельство мелкое. Но оно показываетъ, что современный художникъ не то что одностороненъ въ обобщеніи, а просто воздерживается отъ него. Причины этого не разъ интересовали нашу критику и не рѣдко предполагались въ ослабленіи художественной воспримчивости и вообще таланта. Суть дѣла, кажется, едва ли заключается въ этомъ. Можетъ быть, конечно, въ настоящее время средній уровень таланта въ беллетристикѣ и понизился, но это обстоятельство никакъ не можетъ объяснить сдержанности писателя, которая у безталаннаго чловѣка встрѣчается вообще гораздо рѣже, чѣмъ у дѣйствительнаго таланта. Мы думаемъ, дѣло объясняется большей возмужалостью нашего искусства, усиленіемъ его связи съ жизнью. Современная сдержанность писателя — это прямой, хотя крайне печальный результатъ того, что беллетристика перестала быть предметомъ роскоши, а крѣпко вошла въ рядъ органическихъ продуктовъ русской жизни, вслѣдствіе чего естественно должна подойти «подъ общее правило». Вотъ и все. Franc-tireur принять въ армію и уже долженъ слушать команду, хотя-бы она подчасъ гласила даже—«стоять вольно: грудь впередъ, животъ въ себя!»

Впрочемъ, оставимъ аналогію. Мы хотимъ сказать, что связь

искусства съ жизнью, о которой такъ много говорили наши отцы, и оставаясь на которой они такъ твердо вѣрили въ жизненное значеніе искусства — эта связь вовсе не пустая фраза. Романъ сколько-нибудь національный никогда не ограничивается изображеніемъ «развитія характера» или «страсти» и т. п., что мы слышали отъ своихъ учителей словесности; онъ всегда, даже безъ прямого намѣренія автора, дѣлается изображеніемъ общественныхъ соотношеній, столкновеній и вопросовъ. Но это обстоятельство, выводя искусство изъ тѣсной роли — доставлять читателямъ эстетическое наслажденіе, и приводя его къ тѣмъ-же широкимъ и ягучимъ задачамъ, которыя стоятъ передъ публицистомъ и ученымъ, приводитъ романиста въ столкновеніе со всѣми препятствіями, загромождающими путь общественнаго дѣятеля. Тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ, когда общественная роль искусства, созданная ему «натуральною» школой, сознавалась еще очень мало, беллетристика пользовалась замѣчательной свободой, поразительной особенно по сравненію съ тѣми стѣсненіями, которымъ подвергалась публицистика и наука. Въ то самое время, когда напр., политическая газета совершенно не существовала на Руси, когда въ формѣ разсужденія писатель не могъ коснуться ни одного камешка бюрократическо-крѣпостного строя, Гоголь могъ разбивать его въ самомъ фундаментѣ своимъ «Ревизоромъ» и «Мертвыми душами»; въ то время, когда «права человѣческой личности», какъ отвлеченная формула, представлялось чѣмъ-то до крайности страшнымъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой и т. д. могли въ яркихъ образахъ приводить идею этихъ правъ съ широтою, мало доступною современному публицисту. Эта свобода, сдѣлавшая литературу любимымъ убѣжищемъ таланта, обусловила пышный разцвѣтъ нашей беллетристики, но, конечно, она была возможна только до тѣхъ поръ, пока «языщная словесность» считалась простою забавою, источникомъ невиннаго эстетическаго наслажденія. Какъ только искусство начало сражаться съ жизнью и дѣйствовать съ нею объ руку, его привилегированное положеніе кончилось. Теперь на нашихъ глазахъ происходитъ совершенно такая-же исторія съ живописью. Идея натурализма дала и этой отрасли искусства могучій толчекъ, пригнала къ ней рядъ выдающихся талантовъ и придаетъ ей съ каждымъ днемъ болѣе общественнаго значенія... .

Современный романистъ сравнился теперь нравственно въ правахъ съ ученымъ и публицистомъ, и современный поэтъ уже не имѣетъ основаній стыдиться званія писателя, какъ стыдился этого Пушкинъ. Никто не скажетъ, какъ свазалъ когда-то начальникъ Лермонтову: «Неужели правда, что вы пишете? Вспомните, сударь,

что вы дворянинъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ художникъ сравнялся съ ученымъ и публицистомъ и въ юридическихъ правахъ. Это безъ сомнѣнія вліяетъ на произведенія беллетристики. Она не можетъ охватывать совокупности всей русской жизни, слѣдуя свободному вдохновенію и, такимъ образомъ, поневолѣ дѣлается эскизной. Ей болѣе доступны частная картинка, очеркъ, эскизъ, гдѣ недостатокъ перспективы менѣе замѣтенъ для читателя и менѣе тягостенъ для самаго автора. Вотъ почему напрасно стали-бы мы искать въ современной беллетристикѣ широкаго обобщенія, глубоко захватывающаго жизнь, анализа и типовъ.

Казалось-бы, однако, что общее положеніе нашей художественной литературы менѣе всего должно вредить беллетристикѣ «Русск. Вѣстника». Литературная фирма, дающая пріютъ гг. Авсѣенко и Ко, ужь никакъ не можетъ жаловаться на какія-нибудь стѣсненія и въ этомъ отношеніи способна возбуждать зависть даже въ западной прессѣ. «Положеніе его, пишущаго въ «Temps» (26 іюня 83 г.) совершенно экстраординарное, и сомнительно, чтобы въ исторіи прессы можно было найти подобный ему примѣръ». Это выгодное положеніе сразу бросается въ глаза хотя-бы ужь по широчайшему полю, открытому для наблюденія художника. Перелистуйте какой-нибудь романъ Маркевича и Авсѣенко. Какая разнообразная сцена жизни. У нихъ вы встрѣтите мужика или бѣднаго приказнаго такъ-же легко, какъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Княжна Кира (одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Переломѣ») живетъ въ дворцѣ, въ качествѣ фрейлины, и приводитъ читателя на придворные балы, гдѣ фигурируютъ всѣ наши дѣятели эпохи освобожденія, Бисмаркъ и т. д.; г-жа Ранцева или Троекуровъ (тамъ-же) то и дѣло сталкиваются съ министрами, статсъ-секретарями; Зимовьевъ («Злой Духъ») чуть не лично присутствуетъ на Берлинскомъ конгрессѣ или по крайней мѣрѣ имѣетъ возможность бесѣдовать съ Горчаковымъ. Съ другой стороны, вы видите сцены поземельныхъ крестьянскихъ недоразумѣній, разсылки прокламацій и пр. и пр. («Злой Духъ»). Княжны Кира находится въ сношеніяхъ съ эмигрантами и лично знакома съ Лассалемъ. Высшіе слои блестящаго петербургскаго beau-monde'a, старинное московское дворянство, сѣрые слои крестьянства — все одинаково доступно счастливымъ авторамъ; внѣшнимъ образомъ ихъ кисти открывается дѣйствительно вся страна, Тутъ, казалось бы, есть гдѣ развернуться художнику, есть гдѣ понять русскую жизнь, ея типы, ея силу и слабость, красоту и уродливость. И однако-же, на дѣлѣ ничего подобнаго не замѣчается. Менѣе всего мы узнаемъ Россію, какъ цѣлое, именно у этихъ «свободныхъ» быто-писателей всевозможныхъ «правдивыхъ исторій». Ес-

ли у них и попадаетея бойко намѣченный типъ или живо обрисованная сценка, то постоянно въ видѣ частнаго исключенія, въ видѣ отдѣльной картинки, а весь огромный романъ представляетъ всегда грубо размалеванный холстъ, на которомъ лишь двѣ три фигуры отдѣланы рукою дѣйствительно художника. Такимъ образомъ «охранитель», поскольку онъ остается художникомъ, точно также не можетъ вырваться изъ эскиза, какъ беллетристы непри-визлегированнаго слоя. Разница лишь въ томъ, что у непри-визлегированныхъ отдѣльный эскизъ не потопленъ въ суздальски размалеванномъ фонѣ яко-бы «большой картины», а прямо и откровенно вставленъ въ отдѣльную рамку. Всякій согласится, конечно, что въ этомъ случаѣ чутье и вкусъ—ужь никакъ не на сторонѣ охранительнаго художника, который портитъ свою работу совершенно какъ деревенскій самоучка, способный набросать мѣткими штрихами только хорошо знакомую фигуру и потомъ обставляющій ее невозможными деревьями, одинаково похожими на хвощъ и елку, или невѣроятнѣйшими животными, способными сойти за корову и собаку. Въ этотъ примитивный моментъ развитія для художника особенно опасна дурная школа, которая можетъ забыть въ зародышѣ даже крупный талантъ, а тѣмъ болѣе обыкновенное посредственное дарованіе. Въ чисто-же художественномъ смыслѣ школа нашего охранительнаго беллетриста стоять ниже всякой критики.

Въ старія времена у насъ много говорилось о необходимости свободы для художника, и въ этомъ сказывалось глубокое пониманіе искусства. Свободное, ничѣмъ не затрудняемое воспріятіе впечатлѣній составляетъ дѣйствительно душу искусства. Художникъ остается на высотѣ своего призванія и сохраняетъ свое общественное значеніе только до тѣхъ поръ, пока дѣлаетъ передъ міромъ лишь правдивый выводъ изъ своихъ свободно воспріятыхъ впечатлѣній. Мы не говоримъ, что у художника не должно быть собственной идеи, тенденціи. Онъ, какъ и каждый человекъ, не можетъ не имѣть своихъ взглядовъ. Но тенденція никогда не должна владѣть художникомъ сильнѣе, чѣмъ непосредственное впечатлѣніе отъ живого факта. Въ правдивомъ воспроизведеніи живыхъ впечатлѣній, именно ихъ, а не своихъ идей, заключается все значеніе художника. Онъ въ живыхъ образахъ дѣлаетъ то-же самое, что статистика въ своихъ безжизненныхъ цифрахъ, и какъ значеніе подтасованной статистики равняется менѣе чѣмъ нулю, такъ точно обезцѣнивается и становится общественно-преступнымъ подтасованное искусство. Въ настоящее время, къ большому сожалѣнію, требовательность критики въ этомъ отношеніи все болѣе ослабѣваетъ подъ влияніемъ тенденцій гражданскаго

свойства, и въ такой-же степени со всѣхъ сторонъ усиливается нравственное давленіе на художника, побуждающее его непремѣнно *доказывать* ту или другую идею. Въ охранительномъ литературномъ лагерѣ это давленіе проявляется особенно сильно. Поставленная «противъ теченія» и вынужденная поэтому выдерживать отчаянную борьбу, эта горсть людей, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, имѣла въ то-же время возможность крѣпко сплотиться, соорганизоваться. Всѣ эти обстоятельства тяжело обрушиваются на художника. Условія напряженной борьбы заставляютъ партію пускать въ ходъ всѣ средства, находящіяся подъ руками, и зачислять въ ряды дѣйствующей арміи художника наравнѣ съ газетнымъ памфлетистомъ; сплоченность-же партіи позволяетъ ей давить на каждого изъ своихъ, въ томъ числѣ и на художника, гораздо сильнѣе, чѣмъ это достойно всякимъ «либеральнымъ» теченіямъ. Подъ влияніемъ этихъ обстоятельствъ, свобода художника дѣлается окончательно пустымъ звукомъ. Наиболее сильный талантъ, органически неспособный ужитья съ узкой служебной ролью, принужденъ бѣжать отсюда въ области менѣе воинственные, и къ услугамъ партіи остается лишь тотъ, у кого художественная потребность отдаваться непосредственному впечатлѣнію не настолько велика, чтобы помѣшать автору постепенно укладывать живое впечатлѣніе на прокустово ложе партійной тенденціи.

Именно передъ талантами такого калибра находимся мы теперь.

II.

Легко представить себѣ, какъ должна дѣйствовать на подобные таланты боевая школа. Вѣчно на аванпостахъ, на сторожѣ, въ штурмахъ и вылазкахъ, нашъ художникъ, уже по натурѣ предрасположенный къ односторонности (безъ чего онъ не могъ-бы и ужитья въ своемъ лагерѣ), все болѣе и болѣе развиваетъ ее въ себѣ и усваиваетъ, наконецъ, такой способъ отношенія къ людямъ и обстоятельствамъ, который просто ставитъ въ тупикъ свѣжаго, посторонняго, не занимающагося политикой читателя. Весь міръ представляется художнику разъ навсегда не иначе какъ въ видѣ двухъ лагерей: съ одной стороны стоятъ «наши», съ другой—«онъ», непріятель. При одномъ упоминаніи о «нашихъ», въ головѣ художника, по привычной ассоціаціи идей, возникаетъ уже представленіе о чемъ-то хорошемъ, умномъ, сильномъ; одно слово — «враги» возбуждаетъ въ немъ горькое ощущеніе чего-то безобразнаго, злого, противнаго. Ни-

какой фактъ, никакое громовое впечатлѣніе не въ состояніи прошибить этотъ фатальный слой тщательной выхоленной ассоціаціи идей, залегшей по дорогѣ между органами воспріятія и сознаниемъ художника. Царство Ормузда и Аримана, свѣтъ и тѣнь, добро и зло утрачиваютъ для него всѣ свои безконечные перемены и оттѣнки, къ пониманію которыхъ такъ жадно стремится настоящее, не искаженное тенденціей художественное чувство. Политиканъ заѣдаетъ художника, и каждый разъ, когда на сцену является столкновеніе «нашихъ» съ «непріателемъ», мы слышимъ въ подобномъ романѣ не рассказъ, а какой-то скрежетъ зубовъ.

Въ этихъ случаяхъ бывшій художникъ начинаетъ походить уже просто на одержимаго нѣкоторымъ «пунктомъ». Походженія Аримана ему не могутъ представляться иначе, какъ въ видѣ чего-то худосочнаго, глуповатаго, злобно-безсильнаго. Романистъ понижается до такой степени, что не умѣетъ обойтись даже безъ балаганныхъ, внѣшнихъ атрибутовъ, безъ наложенія на «злодѣевъ» романа клеймъ, видныхъ за полъ-версты, на самомъ открытомъ мѣстѣ фізіономіи. Появляется, напр., у г. Маркевича «либеральный» статсъ-секретарь Ягинъ (въ «Переломѣ»). Вы посмотрите только, какъ «изображаетъ» этого несчастнаго чловѣка сердитый художникъ. «Это былъ, говорить онъ, господинъ (NB. «Господинъ»—это всѣ Аримановы дѣти такъ титулуются) *малю* роста, на короткихъ ножкахъ, съ *шлепающими* губами рта *до ушей* и гладко выбритымъ *зеленымъ* лицомъ, представлявшимъ какъ-бы нарочно и тщательнѣйшимъ образомъ высортированный зрѣсіеи петербургскаго *геморроидальнаго* субъекта» (NB. «Субъектъ»—это то-же слово, употребляющееся исключительно въ примѣненіи къ Аримановымъ дѣтямъ). Словомъ, передъ вами является настоящій «подземный гномъ», по выраженію «блестящаго» жандармскаго генерала Анисьева. Говоритъ Ягинъ «не то бабьимъ, не то *зминымъ шипнѣемъ*!» Короче, предусмотрительная природа нарочно наложила печать отверженія на «либерала» для того, чтобы благонамѣренные люди легче могли узнавать злое начало и заблаговременно уходить отъ него. Точно также другой «злодѣй», Иринархъ Овцынъ, представляетъ изъ себя «господина» съ «*жидкими*» волосами, «*безкровнымъ*» лицомъ; глаза у него «нѣсколько *подслѣповатые*, съ замѣтною *опухолью* вокругъ *вѣкъ*» губы имѣютъ какое-то «*судорожное* выраженіе» (ужь даже и непонятно!) и непрерывно «*подериваются*», что придаетъ общему характеру его наружности «*ничто какъ-бы злое и ехидное*». Или нужно тому-же г. Маркевичу вывести «либеральнаго» священника «изъ новыхъ», и вотъ онъ сочиняетъ своего *aumônier*, отца Пар-

фена. Вы понимаете, конечно, что священникъ «изъ новыхъ» долженъ быть непременно матеріалистъ, атеистъ и дуракъ. Соответственно этому, его наружность должна выражать грубую животность и тупость. Такъ оно и выходитъ. Отецъ Парфенъ—это «рослый, широкоплечій и *курносый* господинъ (NB.—опять господинъ!), изъ того типа людей, что зовутъ *блѣдыми неграми*; лицо у него «*черство-бурое*» (?!), улыбается онъ «*крупными, неприятными губами*» и т. д. Въ такомъ родѣ пишутся рѣшительно всѣ портреты неприятельскаго лагеря. Художникъ, очевидно, уже совершенно исчезаетъ, и всякое сознание дѣйствительности затирается однимъ непреодолимымъ желаніемъ обругать, уязвить, «изобразить». Понятно далѣе, что романистъ, дошедшій до употребленія пріемовъ ярмарочнаго театра въ изображеніи даже внѣшняго вида злого начала, не окажется выше при анализѣ нравственныхъ сторонъ или поступковъ своихъ персонажей. Тутъ, дѣйствительно, все шаблонно до тошноты и ругательно до неправдоподобія. Иринархъ Овцынъ, разумѣется, въ своемъ званіи «отрицателя» держитъ себя неприлично, бросается въ гостиной на диванъ, задирая ноги вверхъ, говоритъ рѣзко, грубо, родителей не почитаетъ... Самое столкновение «отцовъ и дѣтей», ихъ разладъ, ненормальность ихъ отношеній г. Марьевичъ не умѣетъ обрисовывать иначе, какъ въ такихъ карикатурныхъ формахъ:

«Здравствуй, Ира, говоритъ ему отецъ,—ты здѣсь обѣдалъ?

— Здѣсь, *отрыгнулъ* тотъ, *не глядя* на отца...»

Далѣе отецъ начинаетъ ему говорить, что нужно будетъ взять отъ доктора свидѣтельство о болѣзни, а то, пожалуй, въ университетѣ взыщутъ за просрочку (Ира, разумѣется, на 2 мѣсяца увеличилъ свои зимнія двухнедѣльные каникулы). Слытъ ему отвѣчать:

— А ну его къ чорту!

«Такъ вѣдь нельзя-же, Ира, *залежеталъ* отецъ,—пока у васъ такіе... стѣснительные, конечно, Ира, я не спорю, а все-же... порядки...»

Иринархъ *высокомѣрно* глянулъ на него черезъ плечо:

— А тебя кто просилъ вмѣшиваться? Изъ-за этого самаго жить съ тобой не хотѣлъ, въ Петербургъ перешелъ, а ты опять за свое принимаешься... А если я, можетъ быть, и вовсе не хочу въ твой университетъ?

Отецъ приходитъ въ ужасъ. Иринархъ *повелъ ядовито губами*:

— Послѣдній «Колоколъ» прочелъ? *уронилъ* онъ, помолчавъ.

«Прочелъ, какъ-же, прочелъ, поспѣшилъ отвѣтить отецъ,—какъ ты принесъ, я отъ аза до ящицы...»

— Ну и что-же?

«Удивительно, Ира, удивительно! Умень-то какъ, остеръ челоуѣкъ!»

— Остеръ! повторилъ *презрительно* Иринархъ, — ты въ самую суть-то вникъ-ли? Вѣдь прямо говорить: довольно наболтано, пора за живое дѣло приниматься».

«Конечно, Ира, кто говорить... живое дѣло. Мы вотъ не умѣли, а вамъ все это предстоитъ... Только какъ-же это изъ университета выйти... безъ всякихъ правъ?..»

— Ну, пошелъ *зудить* опять свою старую ложь!»

Картина! Ни единой черты отъ себя, ни одного слова, ни одной лини. И постоянно такъ. Ознакомившись съ манерою автора, вы можете даже не читать всѣхъ подобныхъ сценъ, зная заранее, какъ должны вертѣться маріонетки, предназначенныя изображать «злонравія достойные плоды». Застаемъ мы этотъ маневенъ отрицанія, разумѣется, за совращеніемъ барышни, княжны Киры, за которою онъ въ то-же время ухаживаетъ. Затѣмъ онъ ѣздитъ въ Лондонъ, занимается бунтованьемъ крестьянъ: все это опять до скуки по шаблону. Ира во всемъ и всегда является, конечно, трусливымъ нахаломъ и мелко самолюбивымъ фразеромъ. Онъ нахально преслѣдуетъ Киру, которая его знать не хочетъ, съ гадкою злобою ревнуетъ ее къ Троекурову (одинъ изъ лучезарныхъ сыновъ Ормузда) и по этому случаю пишетъ ей гаденькое письмецо, за что Троекуровъ отстегалъ его нагайкой по физиономіи. Внѣ себя отъ злости, Ира однако не смѣетъ принять дуэли, предложенной ему Троекуровымъ, но зато съ тѣмъ большимъ усердіемъ возмущаетъ противъ него (Троекуровъ—мировой посредникъ) крестьянъ и въ суматохѣ переламываетъ ему ногу дубиною. Здѣсь Иринарха арестуютъ, но «либераль» — помѣщикъ Блиновъ, тѣснящій побулачки своихъ крестьянъ, и судебный слѣдователь позволяютъ ему убѣжать, послѣ чего Ира и скрывается съ горизонта романа.

Вообще челоуѣку, зараженному хотя-бы даже малой долей либерализма, гораздо труднѣе быть порядочнымъ, чѣмъ верблюду пройти сквозъ игольные уши. Это — аксіома. Мы сейчасъ видѣли Блинова, благодаря кулачеству котораго Иринархъ только и могъ смутить крестьянъ. Не лучше и пособникъ Иринарха, корреспондентъ «Колокола», Траженковъ. Это незаконнорожденный сынъ богатаго магната, преисполненный злобною завистью ко всему міру. Онъ еще юношей обокралъ родного отца. У Троекурова то глумимъ нахальствомъ, то подлымъ униженіемъ онъ выманиваетъ 60 тысячъ. Своего благодѣтеля, Акулина, онъ хочетъ обворовать, для чего заводитъ связь съ его любовницей, которую, впрочемъ, немедленно выгоняетъ, когда гешефтъ не выгорѣлъ. Женѣ

Троекурова онъ пишетъ анонимное извѣщеніе объ его амурныхъ похожденияхъ. Вообще онъ успѣваетъ въ теченіи одного романа надѣлать столько пакостей, что другому ихъ хватило-бы на пять. Тотъ самый либеральный отецъ Парфень, о которомъ мы упоминали сейчасъ, является въ романѣ по порученію своей патронессы, скупой княгини Аглаи, для того, чтобы, пользуясь духовнымъ саномъ, вырвать у умирающей Ранцевой отказъ отъ денегъ, должныхъ ей княгиней. Вообще безнравственность поголовная.

Тотъ-же шаржъ въ изображеніи глупости и интриганства «либераловъ». Упомянутый статсъ-секретарь Ягинъ состоитъ, между прочимъ, членомъ комисіи для изслѣдованія причинъ направленія молодежи. На совѣщаніи заходитъ рѣчь объ одномъ молодомъ студентѣ. И вотъ Ягинъ начинаетъ, такую рѣчь: «Да, залепеталъ онъ,—очень печально, конечно, что молодой человекъ разслалъ прокламаціи и попалъ послѣ этого въ руки жандармовъ... Но вѣдь это не болѣе какъ частный случай...» Другой членъ комисіи возражаетъ ему, что, къ несчастью, стремленіе «заниматься политическими утопіями», вмѣсто обученія, составляетъ, въ средѣ учащейся молодежи, фактъ общій, нормальный. «Студентъ — будущій гражданинъ, отвѣчаетъ на это Ягинъ, причѣмъ его геморроидальное лицо освѣщается какою-то идилической радостью,—онъ долженъ себя готовить къ этому». — «Прокламаціи»? — вырвалось невольно у Троекурова. Ягинъ скривилъ губы: «Свободою, которую слѣдуетъ ему предоставить...» Вотъ какіе разговоры происходятъ въ комисіяхъ, изслѣдующихъ причины вреднаго направленія въ молодежи, и авторъ еще увѣряетъ, что его невѣроятный статсъ-секретарь пользуется вліяніемъ и вообще человекъ очень ловкій. Такъ-же грубо и глупо проявляется либерализмъ и матеріализмъ отца Парфена. Въ обществѣ, которое онъ видитъ въ первый разъ, онъ начинаетъ разсуждать, что «время мрачнаго мистицизма отошли нынѣ абсолютно во тьму вѣчную, и живъ и бодръ единственно свободный разумъ человѣческій», что «Богъ есть понятіе, такъ сказать, пространственное, растяжимое, можно сказать, до безконечности». Набожная хозяйка дома съ ужасомъ слушаетъ кощунственныя рѣчи, хозяинъ не скрываетъ отвращенія къ «либералу», но тотъ на столько глупъ, что не можетъ даже замѣтить, до какой степени не кстати и не къ мѣсту его разсужденія. Такъ-же хороши и картины польской интриги которыя рисуетъ г. Авсѣенко (уже въ «Зломъ Духѣ»). У него оказывается, что польская интрига, въ лицѣ графа Вавсоича и нѣкоего Стышяча, соединившись съ украинскимъ сепаратизмомъ, въ лицѣ нѣкоего бывшего профессора Губатаго, рѣшила потрясти Россію. Далѣе идетъ старая престарая исторія

Панургова стада. Какой-нибудь Извоевъ, который только что заявлялъ, что онъ смирный человѣкъ, послѣ 20 строкъ тирады Стышничя, тирады самой банальной, вдругъ «загарается безсмысленнымъ восторгомъ» и вотъ вамъ—готовъ кандидатъ на политическое преступленіе... Словомъ. дѣланность зазорная, непростительная даже для того, кто прочиталъ на своемъ вѣку хоть «15 лѣтъ крамолы» «Современныхъ Извѣстій», а ужъ тѣмъ паче для художника, желающаго или, лучше сказать. обязаннаго давать живой образъ дѣйствительности...

Бросимъ взглядъ, однако. въ другую, противоположную сторону, откуда на насъ льются потоки ослѣпительнаго свѣта. Тутъ декорации сразу мѣняются. Въмѣсто коллекцій уродовъ, нахаловъ и глупцовъ, мы видимъ передъ собою стройные ряды избранниковъ Ормузда. Здѣсь пойдетъ уже все красота, умъ и сила. Правда, люди эти не всегда отличаются добродѣтелью, но они изящны даже въ пороки, и даже въ пороки проявляютъ могучую жизненную силу. Вотъ вамъ портретъ Троекурова, напр. «Лицо его отличалось замѣчательной правильностью и изяществомъ очертаній.» Въ общемъ выраженіи этихъ тонкихъ чертъ. въ складкахъ рта и т. д. и т. д. сказывалась какая-то будто утомленная энергія. пресыщеніе или горечь неудовлетворенной жизни». У княжны Киры—глаза «пронзающіе и недосыгаемые. которыми она, казалось, могла, какъ ясновидящая сквозъ стѣну, читать въ душѣ другихъ»; у ней-же въ душѣ, наоборотъ, никто читать, разумѣется, не въ состояніи, и она выдаетъ себя только «говорящимъ движеніемъ своихъ подвижныхъ тонкихъ ко прозрачности ноздрей (НВ. «Какъ арабская лошадь», глубокомысленно замѣчаетъ авторъ; порода стало быть, самого высокаго достоинства), да высокоумнымъ очеркомъ красивыхъ, твердо вырисованныхъ и т. д. губъ». Въ «Зломъ Духѣ» Глѣбъ Дмитричъ Зимовьевъ также «красивъ, гордъ, аристократъ, умнѣе и образованнѣе всѣхъ», какъ характеризуетъ его даже его личный врагъ и соперникъ. У всѣхъ этихъ «героевъ» въ каждой чертѣ сказывается «порода», а въ карманѣ имѣется достаточное количество презрѣннаго металла. Каждое столкновение ихъ со «злѣдыми» оканчивается постыднымъ пораженіемъ послѣднихъ: Троженковъ можетъ только шипѣть, какъ змѣя, передъ Троекуровымъ. Мимоходомъ, это «змѣиное шипѣніе» также одинъ изъ признаковъ неблагонамѣренныхъ людей. какъ и «хихиканье». Ну-съ, затѣмъ, напр., Овцынъ съ толстою дубиною въ рукахъ безсильно скрежещетъ зубами, пока Троекуровъ хлещетъ его нагайкой по лицу; Нестужевъ даже въ то время, когда еще не сдѣлался редакторомъ либеральной газеты и, стало

быть, не вполне утратилъ ликъ человѣческій, можетъ лишь смущаться и говорить глупости въ подавляющемъ его присутствіи Глѣба Зимовьева. Вообще примѣровъ можно привести безчисленное множество.

Такого-то рода портретами и сопоставленіями гг. Авсѣнко и Маркевичъ угощаютъ своихъ читателей каждый разъ, когда, по несчастью, встрѣчаютъ на своемъ пути непріятеля. А непріятеля они, конечно, встрѣчаютъ именно при общей установкѣ романа, который, изображая русскую жизнь, какою она представляется сотрудникамъ «Русскаго Вѣстника», естественно дѣлается картиною борьбы добраго (охранительнаго) и злаго; нужно ли врать какого, начала. Потому-то подобный романъ и выходитъ такъ фальшивъ именно въ своей цѣлости. Въ тѣхъ случаяхъ, когда художникъ забываетъ о существованіи армановыхъ порожденій, когда онъ оказывается исключительно въ своемъ оруэдовскомъ кругу—дѣло совсѣмъ мѣняется. «Пунктъ» исчезаетъ. Художникъ возвращаетъ себѣ способность наблюденія и анализа, начинаетъ различать оттѣнки свѣта и тѣни, и даже своихъ собственныхъ любимцевъ, которые только что фигурировали такими аляповатыми манекенами героизма, начинаетъ показывать въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Мы не хотимъ сказать, чтобы портреты эти оказывались очень художественными. Дурной тонъ, напротивъ, прорывается и здѣсь на каждомъ шагу. Марлишнина, вроде «стальныхъ глазъ», «скрежетанья зубовъ», «сверканья безповоротныхъ рѣшениій» и прочаго тому подобнаго, постоянно рѣжетъ ваше ухо, какъ визжанье заржавленной метли; характеры точно также выдерживаются не особенно строго. Но въ концѣ концовъ вы чувствуете себя, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ живыхъ людей. Г. Маркевичъ, изображая какую-нибудь великосвѣтскую гетеру, Радцеву, умѣетъ показать въ ней и человѣческія черты; г. Авсѣнко умѣетъ выдержать столкновеніе между двумя своими любимцами, Шедровскимъ и Зимовьевымъ, не обругавши ни одного изъ нихъ и не выставивъ ни одного лучше, чѣмъ этого, по обстоятельствамъ дѣла, слѣдовало ожидать. Короче говоря, вы здѣсь въ первый разъ заинтересовываетесь романомъ и можете даже симпатизировать его дѣйствующимъ лицамъ, при всѣхъ ихъ слабостяхъ и порокахъ. Я скажу больше: вы понимаете ихъ положеніе и прощаете имъ даже то, что они въ пониманіи житейскихъ явленій не умѣютъ пойти дальше своихъ создателей. Съ этого момента охранительный романъ въ первый разъ дѣлается доступнымъ серьезному разбору. Не имѣя этой претензіи, мы не можемъ, однако, воздержаться отъ любопытства бросить взглядъ на эти

сферы, гдѣ охранительный талантъ развертывается въ полномъ, доступномъ ему блескѣ.

III.

Chapeau bas, уважаемый читатель!—Передъ нами открывається «свѣтъ», открывается сфера, бесконечно отличная отъ простой, будничной обстановки, среди которой живетъ непривыклевированное сѣрое человѣчество, различные люди «черной кости». Въ этихъ благоуханныхъ, раззолоченныхъ областяхъ неуверенно стремится охранительное воображеніе. Съ увлеченіемъ, понятнымъ лишь у человѣка, не вкушавшаго отъ древа познанія, возвращается г. Маркевичъ десятки разъ къ описанію роскоши, нѣги и утонченнаго ублаженія чувственности. «Оркестръ заливается. Яркій свѣтъ падаетъ съ люстръ и жиданолоей на зыбкую волну тѣснящихся кругомъ головъ, сверкаетъ искристыми бликами въ граняхъ брилліантовъ, на ободкахъ перьевъ и цвѣтовъ, по золоту браслетъ, эполетъ, по шитью военныхъ воротниковъ. Въ жаркомъ воздухѣ струится проникающій запахъ прокуренныхъ духовъ, женскихъ тканей и бѣлья, перчатокъ, хранимыхъ въ благовонныхъ ящикахъ... Всѣ лица сияютъ, женскіе глаза горятъ, рдѣютъ алма уста въ лихорадочно-радостномъ оживленіи... Новая вѣянія.—замѣчаетъ меланхолически авторъ,—не успѣли еще загасить тогда весь тотъ блескъ, и шумъ, и чадъ былой безмечальной, отомедшей нынѣ безвозвратно въ вѣчность жизни». И такъ идетъ картина за картиной. Блескъ, роскошь, золото, обнаженные плечи счастливыхъ избранницъ свѣта и амуры, амуры безъ конца...

Счастливая жизнь! Странно, однако-же: почему, наблюдая ее вы приходите, мало-по-малу, въ такое томительное недоумѣніе? Почему это въ самихъ бытописателяхъ правдивыхъ исторій замѣчаете вы какое-то разочарованіе и уныніе? Почему оно чувствуется даже въ герояхъ романа? Для чего, при видѣ этой блестящей вакханки Ранцевой, такъ неотвязно вамъ лезетъ въ голову мысль, что вѣдь эта барыня не только мѣняетъ любовниковъ, какъ башмаки, а числится еще m-me Roland du parti perdue, и «проводить» дѣла... Какимъ-то томительнымъ, раздражающимъ диссонансомъ дребезжитъ передъ вами эта безпечальная жизнь, заставляя чуткую Кюру искать спасенія въ монастырѣ, а приводя Троекурова отъ культа красоты къ долгу суроваго бурбона, закаменѣвшаго на мысли о необходимости «узды».

Такова-то сила художественной правды даже у художника самаго посредственнаго. Онъ самъ не понимаетъ смысла кар-

тины, которую рисуетъ; онъ даже, можетъ быть, склоненъ думать, вмѣстѣ съ Троекуровымъ, что дѣло дѣйствительно стоитъ только за уздой. Не то, однако, говорить намъ нарисованная картина.

Мы уже бросили мимоходомъ взглядъ на ту роскошную теплицу, съ знойнымъ и влажнымъ воздухомъ, съ сочными широколиственными растеніями, упитанными усердіемъ садовника. Но тепличная жизнь не можетъ вполне подходить къ натурѣ человѣка, который ужъ во всякомъ случаѣ непремѣнно старается подыскать какой нибудь благовидный предлогъ своего существованія, и той формы существованія, которую предпочитаетъ для себя. На этомъ основана вся наша практическая философія, безъ которой не обходится авторъ романа, точно также, какъ и всѣ его лагерные товарищи или персонажи его романовъ. Философія эта, какъ понимаетъ читатель, составляетъ весь фонъ картины. Она составляетъ такой-же существенный элементъ романа, какъ эпизодъ изъ жизни героя или картина обстановки, среди которой онъ дѣйствуетъ. Не мудрено поэтому, что главными дѣйствующими лицами романа являются именно тѣ, кто носятъ въ себѣ и философскій выводъ изъ данныхъ житейскихъ столбовеній. Замѣчая это, нельзя обвинять автора въ тенденціи, потому что такъ бываетъ обыкновенно въ самой жизни. Философія вытекаетъ изъ опыта, а опытъ возможенъ только при дѣятельномъ участіи въ жизни. Также естественно, что эти лица рисуются всякому автору въ наиболѣе симпатическомъ видѣ. Что-же касается человѣка, прежде всего партіоннаго, то ему маленькое пристрастіе уже и совсѣмъ простиительно.

Какъ-бы то ни было, представители партіоннаго или сословнаго сознанія — люди дѣйствительно интересные, и ихъ нельзя обойти при разсмотрѣніи романа. Философія ихъ не отличается особымъ глубокомысліемъ, но она составляетъ житейскій фактъ, что бываетъ иногда важнѣе глубокомыслія. Объ этомъ у насъ будетъ еще рѣчь впереди. Во всякомъ случаѣ, эти стародумны охранительной мудрости представляютъ, повторяемъ, интересныя фигуры. Вотъ, наприимѣръ, севастопольскій герой, отставной морякъ, Юшковъ, который, разумѣется, ворчитъ на новыя времена. Не то чтобъ Юшковъ былъ безсердечный крѣпостникъ: нѣтъ, онъ сильно боролся за то, чтобы освобожденные крестьяне были непремѣнно надѣлены землей; онъ требуетъ любви къ народу... Что-же касается самого освобожденія крестьянъ, разрыва ихъ обязательствъ къ помѣщику, то это другое дѣло. Тутъ уже колебаніе основъ, разрушеніе строя, вполне естественнаго и прекраснаго. Подчиненіе крестьянъ и руководство помѣщиковъ

однаково необходимы той и другой сторонѣ, и на этомъ держится нравственная связь между ними. Самая любовь къ народу происходитъ со стороны дворянина главнымъ образомъ потому, что ты его прирожденный руководитель. Онъ, народъ, жилъ вѣка подъ твоимъ...» Собесѣдникъ прерываетъ Юшкова насмѣшливымъ замѣчаніемъ: «Подъ твоимъ производомъ?» Но морякъ не смущается: «Да, говорить онъ, но и подъ твоимъ учительствомъ и подъ твоими примѣрами! Съ этимъ, взросшимъ, какъ и онъ, на вольномъ воздухѣ деревни *бариномъ* во главѣ, привыкъ искони нашъ народъ, солдатъ или морякъ, отстаивать русскую землю отъ врага... Того-же барина давно-ли въ тюрьму упрятавали за «несвоевременныя» мечтанія объ освобожденіи этого-же народа... А они тамъ, въ Петербургѣ, однимъ почеркомъ пера похерили и вырвали всѣ прежнія преданія и вѣковыя связи, всѣ старые корни, все воспитательное значеніе для народа *родового, помѣстнаго дворянства... привычки іерархii и дисциплины*».

Троекуровъ съ сочувственной улыбкой протягиваетъ руку краснорѣчивому герою:

«Я съ вами вѣчно спорю, а въ сущности всегда съ вами согласенъ», говоритъ онъ.

Юшковъ — это коренной русскій человекъ, этимъ гордящійся, выросшій очевидно въ деревнѣ, не разрывавшій связи съ «народомъ» на палубѣ своего корабля и, тѣмъ паче, конечно, на батареяхъ Севастополя. Но вотъ личность совершенно въ другомъ родѣ: графъ Наташанцевъ весь вѣкъ проведеншій при дворѣ, утонченный, образованный «европеецъ», какъ онъ называетъ самъ себя, не умѣющій безъ примѣси французскихъ словъ составить ни одной фразы. «И странное дѣло, замѣчаетъ авторъ: несмотря на все это, онъ какимъ-то прирожденнымъ чутьемъ своей народности болѣе всего возмущался опасеніемъ, что перестроенію всей русской жизни будетъ недоставать въ самомъ корнѣ самобытнаго, особеннаго русскаго духа!..» Мы дѣйствительно видимъ между взглядами Наташанцева и Юшкова замѣчательное сходство. Графъ точно также не стоитъ за землю. «Крестьянину, *comme de raison*, говоритъ онъ, нужна земля, и я безо всякаго выкупа дамъ ему ее, и гораздо болѣе даже, тѣмъ *ces messieurs* могутъ придумать, *mais il faut que nous restions les seigneurs de nos paysans...* Faites des lois sévères противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые вздумаютъ злоупотреблять своею патримоніальною властью, но *no ne laissez pas le peuple en état de servitude*». Что можетъ быть у народа на мѣсто дворянства? Самоуправленіе? Но это — «un кабакъ en périmanence». Остается стало быть чиновникъ, для котораго графъ не нахо-

дить достаточно рѣзкихъ словъ. Замѣчательное тождество взглядовъ подѣ дѣйствіемъ русскаго духа! И замѣчательно, что русскій духъ проявляется *въ дворянннхъ* совершенно одинаково, если даже дворянннхъ не умѣеть говорить по-русски и весь вѣкъ провелъ въ Европѣ и въ европейской атмосферѣ. Наоборотъ, купецъ или крестьянннхъ, хотя-бы они были русскаго происхожденія, оказываются лишенными внушеній этого духа. Вообще, выводъ Наташанцева рядомъ съ Юшковымъ, художникъ въ г. Маркевичѣ устраиваетъ самую злую шутку надъ публицистомъ. Впрочемъ, послѣдній настолько счастливъ, что ничего этого не замѣчаетъ. Не будемъ-же и мы его тревожить.

Мы, разумѣется, не можемъ сомнѣваться въ полной искренности обоихъ носителей русскаго духа и слишкомъ хорошо понимаемъ, что философія извѣстнаго слоя опредѣляется условіями его существованія, даже помимо всякаго сознательнаго расчета, безъ всякой сознательной софистики. Но вопросъ этотъ въ настоящую минуту не представляетъ для насъ никакого интереса. Мы являемся исключительно въ роли наблюдателя, слышимъ объясненія Юшкова или Наташанцева и готовы ими удовольствоваться. Итакъ, *учительство, воспитательное значеніе для народа, руководительство и примѣръ*: вотъ нравственный *raison d'être* безпечальной жизни. Но въ чемъ же выражается это учительство? Гдѣ покровительство и примѣръ? Въ величайшему сожалѣнію, мы не находимъ здѣсь никакихъ подтверждающихъ примѣровъ. Съ увѣренностью, недопускающей сомнѣнія, авторы, посредствомъ десятковъ типовъ, утверждаютъ, что этого нѣтъ. Въ романахъ гг. Авсѣенко и Маркевича только сверкаютъ бѣлоснѣжныя плечи, устраиваются гостиннныя, размышляютъ о томъ, «куда завтра вѣхать ничего не дѣлать»; въ лучшемъ случаѣ культивируютъ утонченности любви, и надъ всѣмъ и повсюду разносится пригѣвъ:

Nous n'avons qu'un temps à vivre:

Amis, passons le gaiement!

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, положимъ, хоть самого севастопольскаго героя: у него изъ-подъ рукъ уходитъ собственный сынъ, сбитый съ толку первымъ попавшимся шарлатаномъ, а отецъ не находитъ при этомъ ничего, кромѣ восклицаній: «Гриша солгалъ отцу», «Гриша заодно съ негодяями!» Нѣтъ, очевидно, тутъ учительства немного, да притомъ морякъ, во всякомъ случаѣ, человекъ старой, уже отживающей генерачіи, по словамъ автора, безъ сравненія болѣе живой и сильной. Возьмите, затѣмъ, графа Наташанцева. Это, говорятъ, человекъ умный, тонко развитый, добрый; крестьяне его благоденствуютъ. Допустимъ. Но развѣ не подѣ рукою графа дѣйствуетъ г-жа Ран-

цева? Съдовласнѣй «эстетикъ», на старости лѣтъ, влюбляется въ блестящую, полную огня и страсти авантюристку, окружаетъ ее въ своей фантазій ореоломъ несуществующихъ добродѣтелей и проводитъ ее въ самыя высокія сферы... Ранцева ловко примѣняется къ обстоятельствамъ, бойко произноситъ «je déteste les démocrates», и этого достаточно. Начинаются сцены, заставляющія краснѣть всякаго искренняго охранителя. Ранцева оказывается — une femme politique, чуть не глава партіи; въ ея гостинной завязываются интриги, направляемыя противъ лучшихъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ. М-me Rantzeff и освобожденіе крестьянъ: сопоставьте только эти два факта! Напомнимъ читателямъ, что Ранцева, въ душѣ не злая бабенка, очень искренняя по натурѣ, тѣмъ не менѣе — не больше, какъ гетера. Ея единственный живой интересъ составляютъ разныя утонченности «любви» и тщеславія. Вся ея жизнь — безчисленныя любовныя приключенія, борьба съ гранжапромъ изъ-за положенія въ «свѣтѣ», балы, наряды, развлечения. Политикой она занимается только для того, чтобы проникнуть въ разныя сферы, упрочить свое положеніе въ «свѣтѣ», провести на разныя мѣста «своихъ» людей и т. п. И вотъ, исходъ крестьянской реформы, а стало быть и судьба благоденствующихъ крестьянъ графа Наташанцева, должны, по милости того-же графа, ихъ «естественнаго покровителя», попасть въ зависимость отъ дамскихъ расчетовъ хорошенькой авантюристки. Нѣтъ, не многому научить изысканный графъ. Да, впрочемъ, лучшіе люди г. Марквичи сами сознаютъ свою «непригодность». Прислушайтесь, напр., къ слѣдующему разговору Троекурова, уже испытывающаго свои силы въ должности мирового посредника:

— «У насъ вѣдь все болтовня, княжна...

— Вышло, однако, и дѣло, съ живостью возразила она, — дѣло, которому вы служите теперь... Дѣло справедливости.

— Положимъ, такъ. Но вѣдь это опять слова. Думаете-ли вы, что мы этою «справедливостію» дадимъ счастье тѣмъ, о которыхъ хлопочемъ, что ихъ жизнь разцвѣтетъ отъ этого розами и лиліями?

— Воспитайте ихъ, образуйте!

Троекуровъ усмѣхнулся не то пренебрежительною, не то унылою усмѣшкой.

— По нашему собственному образцу и подобію, неправда-ли? Отнять у этого народа послѣднее, что въ немъ есть самобытнаго и здороваго, и наградить его, вмѣсто того, напимъ безличьемъ. Одолжить-бы!

— Но тогда чему-же вѣрить, Борисъ Васильевичъ?

„Дѣло“ № 7 1883 г., II.

— Чему? А вотъ этой вѣчной красотѣ земли и неба, вырывающійся у него неожиданнымъ порывомъ...

Формальный отказъ отъ учительства и примѣра, какъ видите. А ужъ если есть во всей этой массѣ лицъ хоть одинъ человѣкъ, если не по выработанности, то, по крайней мѣрѣ, по природнымъ способностямъ, имѣющій право на учительство, то это, конечно, Троєкуровъ. И онъ, однако, отступаетъ. Впослѣдствіи онъ убѣждается въ непригодности и культа красоты, но это насъ пока не касается. Учителя мы во всякомъ случаѣ не находимъ. Есть, правда, у г. Авсеенко еще г-нъ Зимовьевъ. Онъ дѣйствительно высказываетъ крайне рѣшительное убѣжденіе въ своей способности «руководить». Но за-то онъ, во-первыхъ, столь-же рѣшительно отрицаетъ эту способность за безконечно огромною частію остальныхъ своихъ собратьевъ «благоуханнаго слоя»; онъ говоритъ, что о и даже хуже, чѣмъ ничто: изъ-за нихъ ничего нельзя дѣлать такимъ людямъ, какъ онъ. И Зимовьевъ бездѣлничаетъ дѣйствительно замѣчательнымъ образомъ: во всемъ романѣ нѣтъ даже намека, чтобъ онъ когда-нибудь къ чему-нибудь приложилъ руки. Впрочемъ, его разговоръ о дѣлѣ отличается также совершенно безнадежною туманностью. Мы слышимъ только фразы о томъ, что «нужно знать Россію», «нужно вернуться лицомъ къ Россіи», и ни слова болѣе этого. Вообще, по всей очевидности, Зимовьевъ ничего и не знаетъ, кромѣ этихъ пустыхъ фразъ, да и врядъ-ли имѣетъ сколько-нибудь сильное желаніе дѣйствовать. Его отговорки, что «теперь», да «при такихъ людяхъ» невозможно ни за что браться—безъ сомнѣнія одна фраза, прикрывающая нежеланіе утруждать себя чѣмъ-либо, потому-что тамъ, гдѣ Зимовьевъ задѣтъ дѣйствительно за живое, т. е. въ дѣлахъ чисто личныхъ, онъ не разсуждаетъ о трудностяхъ, а дѣйствуетъ упорно и настолчиво. «Счастье, говоритъ онъ, не продается въ магазинѣ: его нужно создавать самому». Въ дѣлахъ общественныхъ это превосходное правило не приходитъ, однако, ему на память...

Вообще—учительства и примѣра нѣтъ. Философія стародумовъ оказывается въ примѣненіи къ современности чистѣйшей иллюзіей, которую безпощадно разбиваютъ сами названные бытописатели.

IV.

Въ подобномъ романѣ нужно отмѣтить одну любопытную черту, тѣсно связанную съ его партіозностью: авторы рисуютъ внимательно и тщательно только свою среду, и съ этою средою постоянно связаны тысячью общихъ симпатій и антипатій. Они любятъ ее, какъ нѣчто родное, какъ Юшковъ любитъ

народъ: со всѣма его дурными и хорошими сторонами. Такъ Тургеневъ описываетъ своихъ утонченныхъ людей 40-го годовъ, а Божановская — все «старосвѣтское»; такъ старинный дворовый, всѣми фибрами существа сросшійся съ барской семьей, рассказываетъ любовно и радостно обо всемъ, что въ ней происходило, о веселыхъ и трудныхъ дняхъ, о ея подвигахъ и безобразіяхъ. Это любовное отношеніе къ своимъ героямъ всегда сообщаетъ разсказу правдивость; разсказчикъ не стѣсняется говорить даже о самыхъ дурныхъ сторонахъ своего любимца, потому что, на основаніи собственнаго субъективнаго ощущенія, убѣжденъ, что его любимецъ, даже при всѣхъ слабостяхъ, остается милѣйшимъ человекомъ и не можетъ не понравиться. Г. Маркевичъ поэтому не боится оставить своихъ любимцевъ даже безъ всякаго прикрытія, или, лучше сказать, не замѣчаетъ этого, потому что у него самого въ душѣ сильное прикрытіе для нихъ составляетъ вовсе не философія, а непосредственное чувство привязанности, не разсуждающее, а только желающее: въ своемъ родѣ бессознательная воля. Онъ нисколько не боится разбивать философію Юшковыхъ, потому что философія, даже разбитая и приведенная къ завѣдому самообману, все-таки продолжаетъ оставаться для охранительнаго художника чѣмъ-то мудрымъ, симпатичнымъ, милымъ. Онъ нисколько не боится показывать намъ дальнѣйшія исканія философіи и рисовать реальную подкладку, на которой она развивается, потому что самъ глубоко проникнутъ потребностью повѣрить первому сколько-нибудь правдоподобному объясненію, оправдывающему благоуханный слой. Художникъ не тревожится и не скрываетъ даже тогда, когда объясненіе оказывается далеко неправдоподобнымъ, потому что онъ даже не замѣчаетъ этого. Такая тѣсная нравственная связь между романистомъ и его героями помогаетъ художнику придавать послѣднимъ жизненность, реальность, вкладывая въ ихъ душу тѣ-же изысканія, тѣ-же симпатіи, которыя испытываетъ, и потому понимаетъ, самъ авторъ.

Мы видѣли, что первый геологическій пластъ философіи оказывается слишкомъ рыхлымъ, непригоднымъ ни для какого фундамента. Тѣмъ не менѣе, Юшковъ произноситъ слово, которое должно возродиться въ той или другой формѣ: для массы нужна дисциплина. Это очевидно до осязательности. Но, за исключеніемъ этого, все прочее не можетъ выдержать критики и разбивается жизнью. Положеніе неестественное. Стародумъ Юшковъ знаетъ свое мѣсто въ обществѣ, потому что знаетъ свою миссію. Онъ взмывалъ съ мужика оброкъ, посылалъ матроса на салитгъ и, хотя скромный авторъ не упоминаетъ объ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, изрядно дралъ того-же матроса кошками. Но дѣлая все

это, Юшковъ оставался въ своемъ правѣ: онъ бралъ и драгъ вовсе не потому, что имѣлъ на это простую возможность, а потому, что имѣлъ общественную миссію, необходимую прежде всего для самого-же народа. Совершенно въ иномъ положеніи находится Троекуровъ, который ни за собой, ни, тѣмъ болѣе, за Блиновыми или Фифочками Веретенъевыми никакой учительской роли не признаетъ...

Между тѣмъ, мысль его не можетъ не работать, и, конечно, хотя-бы даже бессознательно для него самого, будетъ работать подъ давленіемъ обстановки, или, другими словами, подъ давленіемъ интересовъ, порождаемыхъ этою обстановкой. Это очень хорошо понимаютъ утописты, мечтающіе о всеобщемъ счастьѣ, къ которымъ такъ презрительно относится Троекуровъ. Они всегда говорятъ о *народѣ*, всегда добиваются, чтобы народъ сказалъ свое слово, именно потому, что когда масса начинаетъ философствовать, то она совершенно невольно, и не будучи вовсе болѣе нравственной, чѣмъ, положимъ, Троекуровъ, создаетъ теорію справедливости, пригнанную къ интересамъ большинства. Тѣ-же утописты постоянно толкуютъ о развитой личности, о народѣ, составленномъ изъ личностей развитыхъ. Отголосокъ этихъ утопій слышится и въ восклицаніи княжны Киры: «Воспитайте ихъ, образуйте». Дѣйствительно, когда масса, получившая возможность опредѣлять практическую философію жизни, состоитъ изъ личностей развитыхъ, живо отстаивающихъ свой интересъ, тогда естественно возникаетъ теорія справедливости, пригнанная къ интересамъ даже не большинства, а безусловно всѣхъ, такъ какъ, при чрезвычайномъ развитіи личности, меньшинство дѣлается способнымъ отстаивать свой интересъ настолько энергично, что даже большинство не находитъ въ себѣ силы игнорировать или подавлять этотъ интересъ. Такова постоянная связь между теоріей нравственности и личнымъ интересомъ, въ которомъ элементъ чисто матеріальный, если и не опредѣляетъ всего, то во всякомъ случаѣ играетъ очень почтенную роль. Этотъ-то интересъ обстановки, среды (понимая здѣсь совокупность всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ элементовъ интереса) не можетъ, разумѣется, остаться безъ вліянія на Троекурова, хотя онъ очень не желаетъ въ этомъ сознаваться.

Какова-же его обстановка?

Щедро обсыпала судьба своими благодѣяніями этого представителя благоуханной среды. Безъ труда, безъ заботъ, безъ траты силъ онъ получаетъ, въ видѣ отцовскаго наслѣдія, капиталъ, приносящій 40,000 дохода. Обыкновенному человѣку нужно гдѣ 30—40 упорнаго труда для того, чтобы приобрести развѣ къ ста-

рости такое состояніе. Троекуровъ получилъ его вмѣстѣ съ жизнью и также независимо отъ своихъ усилій. Нѣсколько лѣтъ безумнаго мотовства пускаютъ въ трубу это блестящее состояніе. Но ресурсы, данныя Троекурову средою, не истощились. Онъ получилъ снова миллионное наслѣдство и дѣлается однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Безъ всякаго труда, безъ необходимости даже мошенничать или кривить совѣстью, онъ съ начала дней своихъ имѣетъ возможность удовлетворять всѣмъ утонченнѣйшимъ потребностямъ и самымъ дорогимъ прихотямъ. Величайшее бѣдствіе, которое онъ испыталъ когда-либо, состояло въ томъ, что ему давали въ долгъ меньше, чѣмъ онъ хотѣлъ, хотя достаточно для поддержанія блестящей свѣтской жизни. Но даже и такое бѣдствіе было непродолжительно... Не менѣе завидно обставленъ Троекуровъ со стороны общественнаго положенія. Какъ столбовой дворянинъ аристократическаго слоя, онъ пользуется повсюду почетомъ и вліяніемъ. «У себя», на мѣстѣ, его выбираютъ посредникомъ. Онъ, при надобности, имѣетъ дружескій доступъ къ губернаторамъ, къ министрамъ. Всѣ вершины государственнаго зданія ему доступны не менѣе, чѣмъ какому-нибудь члену англійскаго парламента...

Положеніе, нужно сознаться, недурное, и едва-ли кому можетъ быть пріятнымъ потерять его. Единственный червякъ, который можетъ мучительно точить Троекурова, — сознаніе своей ненужности. Нужно замѣтить, между прочимъ, что когда Троекуровъ раззорился и одновременно съ этимъ, былъ, за дуэль, высланъ въ армію, то онъ сблизился съ солдатами, началъ понимать русскій народъ, очень сочувственно привѣтствовалъ освобожденіе крестьянъ и вообще новую эпоху. «Хорошее время», говоритъ онъ своей невѣстѣ и ей-же сознается, что ему мечталось видѣть, какъ русскій мужикъ превратится въ «гражданина». Въ это-то время онъ снова получаетъ наслѣдство, и ужь черезъ два года мы видимъ, что онъ сочувствуетъ Юшкову въ сѣтованіяхъ того на тенденцію эпохи превратить мужика въ гражданина. Это маленькій образчикъ того, какъ вліяетъ на человѣка обстановка. Но, отказавшись отъ своихъ мечтаній о превращеніи мужика въ гражданина, Троекуровъ въ то-же время слишкомъ хорошо видитъ всю мечтательность теоріи Юшкова и по совѣсти не можетъ ее усвоить. Онъ не только не признаетъ за собой учительской роли, но чувствуетъ даже, что будетъ гораздо полезнѣе, если онъ воздержится отъ всякихъ учительскихъ обязанностей.

Появляется мучительный внутренній разладъ, который коломъ входитъ въ жизнь счастливица и отравляетъ его существованіе.

Троекуровъ пытается найти себѣ опору въ фатализмъ, пытается

найти примиреніе въ признаніи законности *факта*, разъ онъ существуетъ, съ переносомъ нравственнаго удовлетворенія куда-нибудь подальше отъ земли: черта очень мѣтко схваченная г. Марьевичемъ. Предоставляемъ ему самому охарактеризовать этотъ новый фазисъ міросозерцанія.

• Вы согласитесь однако, говорить Троекурову княжна, — что прогрессъ ведетъ къ улучшенію судьбы всѣхъ и каждаго, къ распредѣленію между всѣми равной доли земнаго счастья!»

— Отрицаю самымъ рѣшительнымъ образомъ, воскликнулъ Троекуровъ.—Теорія всеобщаго счастья *на землѣ*—такой-же пухъ, какъ знаменитая формула всеобщаго равенства. Никакая религія, начиная съ Евангелія, ни исторія, ни самая физиологія—не оправдываютъ этой претензіи. Здоровый, сильный, умный всегда будутъ счастливѣе больного, хилаго, тупого и поработятъ его въ той или другой формѣ... Что-бы ни дѣлали люди, чего-бы ни придумывали въ мірѣ—до конца вѣковъ будутъ надѣленные и обездоленные, владыки и рабы, радующіеся и плачущіе, и *блаво однихъ все также, какъ и теперь, будетъ состоять въ прямой зависимости отъ страданія другихъ...*

«А потому, заканчиваетъ Троекуровъ, — если никакія человѣческія усилія не въ состояніи искоренить на землѣ несправедливости, насилія, эксплуатацію слабого сильнымъ, то позвольте мнѣ прямо предпочесть тѣ порядки, при которыхъ все это является. на мой взглядъ, живописнѣе и красивѣе».

Оставалось-бы еще прибавить:—«и удобнѣе для меня». Но если это и не говорится, то слишкомъ ясно показывается дѣйствіями героя. Онъ предпочитаетъ, напр., «живописное хищничество» черкесовъ нашей «эксплуатаціи на законныхъ основаніяхъ» и однако воюетъ съ черкесами и участвуетъ въ покореніи Шамиля. Это очень понятно. Какъ русскій, Троекуровъ, въ силу своего положенія, иначе не могъ дѣйствовать, и стало быть очевидно, что не одна красота, но и другія стороны разныхъ порядковъ привлекаютъ къ себѣ «предпочтеніе» Троекурова. Точно также мы видимъ, что отрицая за собою и своимъ сломамъ всякое общественное значеніе, онъ, однако, энергично отстаиваетъ «права» какъ свои личныя (напр. наслѣдство противъ притязаній Троженкова), такъ и сословныя (напр. Блинова противъ притязаній крестьянъ). Вообще при такой философіи, выводъ—«позвольте-же мнѣ предпочитать порядокъ, который мнѣ болѣе выгоденъ»—этотъ выводъ совершенно неизбѣженъ.

Излишне говорить о томъ, что философія цѣликомъ строится здѣсь на софизмахъ, и при томъ шитыхъ бѣлыми нитками. Троекуровъ въ сущности даже не отвѣчаетъ на запросъ княжны. Та

говорить объ «улучшеніяхъ», о постепенномъ приближеніи къ можетъ быть недостижимому никогда идеалу всеобщаго счастья. Но никакой идеалъ не можетъ быть достигнуть, это—общее правило, и отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы къ нему не слѣдовало стремиться. Все дѣло въ степеняхъ. Троекуровъ говоритъ «всегда будутъ владыки и рабы». Допустимъ, что весь вопросъ въ пропорціи подчиненія, и если вчерашній рабъ былъ свободнѣе доисторическаго, и рабъ сегодняшній свободнѣе вчерашняго, то прогрессъ есть, идеалъ — не мифъ, а святая истина, и общественное дѣло стоитъ труда. То-же самое очевидно относится къ счастью, уму, производительнымъ силамъ общества и т. д. Троекуровъ-же ставитъ вопросъ такъ: «Идеалъ всеобщаго абсолютнаго счастья и равенства недостижимъ: стало быть, а имѣю право увеличивать несчастье и неравенство между людьми!» Софизмъ очевиденъ, и на немъ-бы даже не стоило совершенно останавливаться, если-бы ходъ мысли, подмѣченный г. Маркевичемъ, не былъ дѣйствительно такъ распространенъ.

Но совѣсть все-таки продолжаетъ существовать, она продолжаетъ говорить о справедливости. «Инстинктивное требованіе лучшей доли, счастья прирожденно самой натурѣ челоуѣка», сознается Троекуровъ. И вотъ является обычное кощунственное указаніе на религію. «Нельзя-же, говоритъ Троекуровъ, искать удовлетворенія *здѣсь*, въ предѣлахъ *этой* жизни». Всегда будутъ надѣленные и обездоленные, причемъ надѣленные могутъ «предпочитать» тотъ порядокъ, который имъ выгоденъ, а обездоленнымъ рекомендуется со своими просьбами адресоваться въ высшую инстанцію... послѣ смерти. Второй фазисъ реакціонной философіи завершаетъ свой циклъ. Послѣдній червякъ совѣсти заморенъ; Троекурову остается только пользоваться жизнью.

И онъ пользуется. Многое множество изъ нихъ такъ и остаются на всю жизнь при своей философіи. Наши художники не скрываютъ, однако, передъ собой, что здѣсь далеко еще не достигнуто истины. Философія эта слишкомъ разнуздываетъ челоуѣка и не оставляетъ никакого мѣста авторитету. Масса счастливицевъ можетъ оставаться и встаетъ на этомъ опасномъ откосѣ, но лучшие избранные, вроде Троекурова, должны сдѣлать еще шагъ, должны испытать еще «переломъ», прежде чѣмъ окончательно сдернуть покрывало, закрывающее истину. И нужно сознаться, что развитіе этого «перелома» изображается г. Маркевичемъ положительно не безъ таланта.

У,

Жизнь, описываемая романистомъ, при всей заманчивости своей, имѣеть очень невыгодныя стороны, въ смыслѣ известной выработки личности. Вообразите только, какой широкій просторъ отърывается при такой жизни для развитія разныхъ низменныхъ инстинктовъ, и какія препятствія для развитія высшихъ!

Эту праздность наши художники рисуютъ самыми яркими красками. «Что вы дѣлаете завтра, объясняетъ княгиня Ладожская, это означаетъ — куда вы ѣдете завтра ничего не дѣлать. Вопросъ вовсе не такой пустой, какъ вы думаете: во всемъ нужна система». Выдумывается система. Учреждаются визиты, выѣзды, балы, маскарады, строгое распредѣленіе времени туалета, обѣда и другихъ пустяковъ. Иногда появляется условная служба. «Числюсь гдѣ-то, отвѣчаетъ Ашанинъ на вопросъ о службѣ, но право не умѣю вамъ сказать, гдѣ именно». Въ нѣкоторыхъ уголкахъ предпочитаютъ систематизировать безконечный кутежъ съ картами, шампанскимъ, цыганками и т. д. «Это у нихъ, поясняетъ одинъ свидѣтель, 365 дней подрядъ въ годъ, и десять лѣтъ къ-ряду — таже гульба и цѣсня идетъ...»

Понятно, что при такой жизни серьезный умственный трудъ совершенно непригоденъ, не говоря уже о томъ, что онъ и невозможенъ. Для серьезнаго труда нужно умѣнье, привычка, вообще закалка. Наконецъ, для труда нужны серьезныя цѣли. Поэтому мы наблюдаемъ въ романѣ г. Маркевича исключительно дилетантизмъ, постоянное перескакиванье отъ впечатлѣнія къ впечатлѣнію и совершенную отвычку сосредоточивать силы на серьезной работѣ. При такихъ условіяхъ, вѣчная погоня за впечатлѣніями прямымъ путемъ ведетъ къ чувственной раздутости. Это понятно, — чувства животныя или полу-животныя болѣе примитивны, болѣе живучи въ человѣкѣ, чѣмъ тѣ чувства, которыя, будучи развиты общественной жизнью и культурой, еще не успѣли войти въ его плоть и кровь. Поэтому чувственное наслажденіе легче, доступнѣе: на немъ человѣкъ легче возбуждается и не такъ скоро утомляется. Сверхъ того, матеріальныя средства чрезвычайно облегчаютъ доступъ къ чувственному наслажденію, тогда какъ для наслажденія умственнаго или нравственнаго они почти не имѣютъ значенія: здѣсь наслажденіе достигается до преимуществу собственными усиліями человѣка, независимо отъ состоянія. Все отучаетъ человѣка отъ сдерживанія себя и ничто не помогаетъ выработкѣ этой способности; въ довершеніе всего, сама общественная философія слая, какъ мы видѣли, приходитъ къ отрицанію общественнаго долга и къ водворенію культа красоты и

наслаждения. Это уже совсѣмъ развязываетъ человѣка и ведетъ къ окончательному разврату. Троекуровъ, натура вообще недюжинная и способная поэтому во всемъ доходить до логическаго вывода, прекрасно объясняетъ, къ чему приводитъ въ концѣ концовъ такая философія и практика. Говоря о своемъ культѣ красоты, онъ замѣчаетъ: «Лучше самья свирѣпья, но живописныя по крайней мѣрѣ, времена, чѣмъ та, по его мнѣнію, безцвѣтная жизнь, которую будто-бы судить намъ «общечеловѣческій прогрессъ»».

Въ жизни Троекурова безъ сомнѣнія было не мало случаевъ мелкаго, поворнаго паденія подъ напоромъ разгулявшейся страсти. Въ самомъ романѣ мы находимъ одну такую исторію. Уже влюбившись въ Сашеньку Лукьянову, прельтившую его не столько своей идеальной красотой, сколько чистой и беззащитной привязанностью, уже зная, что Сашенька «или ничья, или его», Троекуровъ однако не удерживается отъ искушенія завести связь съ красавицей Ранцевой. Этого мало: наканунѣ формальнаго предложенія Сашенькѣ, Троекуровъ идетъ къ своей любовницѣ съ «твердымъ» намѣреніемъ «покончить со всѣмъ этимъ» — и что-же? Черезъ часъ кокетливой бесѣды мы видимъ его у ногъ искусительницы; онъ уже «безвластенъ» и задыхающимся голосомъ бормочетъ: «Ольга, вы прелестны»... Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилась эта исторія, если-бы Ранцева сама не прогнала его. Какъ-бы то ни было, Троекуровъ женится на Сашенькѣ; онъ еѣ страстно любитъ, а искренняя, наивная привязанность жены составляетъ для него «святыню»; счастливые супруги, наконецъ, имѣютъ двоихъ дѣтей. Въ эту-то минуту змѣй искуситель выдвигаетъ на сцену княжну Киру. Она влюбляется въ Троекурова, но прячетъ всѣми силами это чувство, которое считаетъ «преступнымъ». Троекуровъ, однако, замѣчаетъ его и, раздражаемый сдержанностью княжны, начинаетъ употреблять всѣ усилія, чтобы заставить ее высказаться. Въ такой безцѣльной, постыдной травлѣ Троекуровъ мало-по-малу теряетъ голову, мучить жену холодностью и грубостью и наконецъ уговариваетъ княжну бѣжать съ нимъ за границу. Она поддается напору. Все условлено, и они оба уже въ Москвѣ, откуда должны бѣжать. Но въ эту рѣшительную минуту Кира вдругъ одумалась, оттолкнула Троекурова и рѣшаетъ идти въ монастырь, чтобы отдать въ надежныя руки свою преступную волю, съ которой сама не умѣетъ справиться.

Этотъ ударъ образумилъ Троекурова. Онъ оглянулся на себя, и краска стыда бросилась ему въ лицо. «Онъ добровольно, безжалостно разбилъ свою честную и чистую жизнь, разбилъ для призрака, для задорнаго миража беззаконнаго счастья. Изъ за чего? Страсть?.. Нѣтъ, даже не страсть. Гордость? Да, пожалуй,

когда она тамъ не кинулась ему въ объятія. А раньше? Раньше и того хуже—тщеславіе, соблазнъ битвы и побѣды надъ дѣвственнымъ сердцемъ, и та прежде всего *распушенность воли*, съ которою никто у насъ управиться не умѣетъ»...

И вотъ кругомъ развалины. А гдѣ источники? Троекуровъ вспоминаетъ свои теоріи, свой культъ красоты:

«Эстетики мы были: уродство формы одно претило намъ въ жизни, одна некрасивость зла возбуждала въ насъ отвращеніе къ нему. Мы вѣрили въ красоту, мы страсть возводили въ культъ. и во имя ихъ все дозволяли, все извиняли; подъ ихъ флагомъ выступала у насъ всякая разнузданность, всякій преступный порывъ безудержной фантазіи»... Этой распушенностью мы губимъ счастье другихъ, ею мы позоримъ себя... И вотъ, въ его умѣ яркой молніей проносится выводъ: «Узда» нужна, «дисциплина», лишь «подъ желѣзными веригами послушанія уймутся вѣчная тревога и судорожныя исканія»... Иначе жить невозможно.

Узда нужна! Вы видите, какъ передъ нами нарождается новый человѣкъ во весь ростъ. Это не охранитель европейскій, не консерваторъ, а русскій охранитель. Давно всѣ помыслы его стремились отыскать незыблемый фундаментъ для *факта*, жизненной обстановки, столь удобной для него. Этотъ фундаментъ онъ теперь отыскиваетъ въ своемъ грѣхопадѣніи, и отыскиваетъ вполне искренне, безъ сознательной подтасовки. Его раскаяніе, его стыдъ за себя вполне искренни, и онъ фанатически по горькому собственному опыту, вѣрить въ необходимость узды. На себя Троекуровъ надѣваетъ ее даже прежде всего. «Умѣй хоть себя-то въ руки взять», кричитъ онъ. Не на этомъ дѣло не останавливается: онъ свою распушенность переноситъ на всю Россію, на весь міръ, можетъ быть. Онъ сразу говоритъ о «распушенности воли, съ которой *никто* у насъ управиться не умѣетъ». И напрасно-бы вы стали спорить съ нимъ. Вокругъ себя Троекуровъ видитъ дѣйствительно распушенность, еще худшую, можетъ быть, но понятъ. приемы этого явленія онъ не можетъ. Для этого нужна была-бы слишкомъ большая объективность, нуженъ холодный и безпристрастный анализъ, совершенно недоступный человѣку, выросшему на культивированьи исключительно чувства. Наконецъ, безсознательно для него, дѣлая серію эгоистическихъ интересовъ не допускаетъ его отказаться отъ своего положенія. Вѣдь «узды», «дисциплина» сразу даетъ ему цѣль въ жизни; вѣдь онъ тутъ впервые является настоящимъ человѣкомъ. Его права получаютъ *raison d'être*. потому что при помощи ихъ онъ можетъ быть спасителемъ общества. Онъ неудержимо стремится обобщить свое паденіе и подвести весь міръ подъ режимъ, прописанный самому себѣ. Узда нужна всѣмъ.

Съ размысленій о своемъ позорѣ онъ сейчасъ-же перескакиваетъ на общество... На такой-то слякоти и грязи (какъ распущенные люди) вы хотите зданіе вашихъ реформъ строить! Вы хотите насъ облагодѣтельствовать: научите насъ прежде долгу! Всѣ «гражданскія» стремленія начинаютъ казаться Троекурову проявленіемъ той-же распущенности, тѣмъ-же безшабашнымъ стремленіемъ къ ощущеніямъ, къ пережѣнамъ, развратомъ пресыщеннаго чувства. «Общество безъ устоевъ и корней, плывущее какъ облако въ пространствѣ... Всеобщая ломка и погромъ; все долой... Слѣпые вожди, дешевые мыслители, что тянетъ васъ?.. Узда нужна, дисциплина!»

Это народженіе охранителя обрисовано у г. Маркевича положительно превосходно, если не стоять за нѣкоторую аляповатость формы, и глубоко вѣрно психологически. Никогда не чувствуетъ человѣкъ гадость какого-нибудь порока такъ, какъ во время собственнаго паденія. Нигдѣ не бываетъ болѣе горячихъ проповѣдниковъ нравственности, какъ въ средѣ наиболѣе безнравственныхъ людей, причемъ если человѣкъ не бываетъ въ состояніи лично отдѣлаться отъ порока, то онъ съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ громить и обличаетъ его. Нѣтъ сомнѣнія, Троекуровъ во всемъ, во всякомъ движеніи мысли, чувства, во всякомъ стремленіи къ измѣненію и улучшенію будетъ усматривать «распущенность», на все это будетъ готовъ надѣть «узду» съ той-же энергіей, съ какой надѣваетъ ее на себя; онъ всегда и во всемъ готовъ будетъ «связать» человѣка и ни въ чемъ не поможетъ ему «развязаться». Свобода и распущенность навсегда останутся для него синонимами.

Это—последній фазисъ троекуровскаго міросозерцанія. Оно завершаетъ свой циклъ, находитъ свое мѣсто въ жизни, свою цѣль и оправданіе, и замыкается въ несокрушимую вѣру, противъ которой нельзя уже ни спорить, ни возражать.

М. Х.

Новости иностранной литературы.

Новая біографія Байрона (*The real Lord Byron*, 3 vol by John Cardy Jeaffresson). — Последний томъ «Легенды Вѣковъ» (*La Légende des Siècles*, par Victor Hugo, V-e vol.).

О Байронѣ было уже писано очень много на всѣхъ европейскихъ языкахъ и съ біографической, и съ критической, и съ литературно-исторической точки зрѣнія. Въ настоящее время, въ какой-бы то ни было просвѣщенной странѣ, даже далеко за предѣлами Европы и европеизированной Америки, едвали найдется такой читатель, въ воображеніи котораго не рисовался-бы, съ большею или меньшею ясностью, отчетливостью и полнотою, странный образъ этого величайшаго изъ поэтовъ новѣйшихъ вѣковъ, этого замѣчательнаго человѣка, котораго порокамъ и слабостямъ считали, въ теченіи цѣлаго полустолѣтія, почти-что обязанностью подражать образованнѣйшіе и лучшіе люди Англій и Европы. Байронизмъ давно уже сталъ нарицательнымъ именемъ во всемъ просвѣщенномъ мірѣ для обозначенія какой-то сложной и противорѣчивой смѣси, имѣющей очень рѣшительный демоническій аромат и состоящей изъ трудно-примиримыхъ между собою элементовъ: барской смѣси и велико-свѣтскаго хлыщества со смѣливыми свободолюбивыми стремленіями, черстватаго эгоизма и грубой чувственности съ возвышеннѣйшими побужденіями, и т. п.

Конечно, главнѣйшимъ образомъ, всемірному распространенію байронизма служили самыя произведенія поэта, чарующую прелесть которыхъ испытывали, по всей вѣроятности, даже и тѣ литературныя совы, у которыхъ хватало духа топтать въ грязь лучшіе перлы байроновскаго творчества, во имя будто-бы оскорбляемыхъ ими вѣчныхъ и непреложныхъ законовъ эстетики и нравственности. Конечно, литературное значеніе «Чайльдъ-Гарольда», «Донъ Жуана», «Манфреда», «Кайна» и проч. не умалилось-бы ни на волосъ отъ того, еслибы авторомъ ихъ оказался не дѣйствительно странный и физиологически-исключительный человѣкъ, а хотя-бы самъ Жозефъ Прюдомъ или другой какой-нибудь зау-

ряднѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человекъ, но только одаренный необычайно яркимъ и богатымъ поэтическимъ талантомъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ такомъ, — едва-ли, впрочемъ, возможномъ или вѣроятномъ, — случаѣ, значеніе этихъ произведеній такъ и осталось-бы чисто-литературнымъ. Вымыселъ никогда не производитъ на насъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ дѣйствительность или то, что мы принимаемъ за нее.

Байронизмъ потому оставилъ такой глубокой слѣдъ не на одной только литературной, но и на цѣлой общественной исторіи всѣхъ европейскихъ странъ, что современники Байрона имѣли довольно законное основаніе во всѣхъ этихъ мрачныхъ въ своей величавой страдальческой красотѣ герояхъ узнавать самого автора, исходившаго невмышленными страданьями и проклятыями, терзавшагося не вслѣдствіе какого-то фантастическаго фатума, мало интереснаго для простыхъ смертныхъ, а вслѣдствіе очень реальныхъ и очень обиденныхъ житейскихъ условій, которыми терзались и они, простѣйшіе изъ смертныхъ, точно такъ-же, какъ и онъ, хотя, быть можетъ, и въ нѣсколько слабѣйшей степени, благодаря меньшей воспримчивости и впечатлительности своихъ натуръ. А весьма вѣроятно, что очень многіе изъ этихъ простѣйшихъ смертныхъ, неоставившіе по себѣ ровно никакого историческаго слѣда, даже и страдали въ дѣйствительности ничуть не меньше самого поэта, но только не находили въ своемъ воображеніи достаточно яркихъ образовъ, чтобы высказать для всѣхъ понятнымъ и для всѣхъ завлекательнымъ образомъ свои терзанія; не обладали достаточною умственною смѣлостью, чтобы, — какъ онъ, — отнестись съ безопаданіемъ отрицаніемъ во всей совокупности сложныхъ и нелегко условныхъ причинъ своихъ страданій; не имѣли той твердости, съ которою поэтъ, сознавая свое безсиліе передъ этими вѣковыми причинами своихъ страданій, мужественно выносилъ свои мученія, не обманывая самого себя несбыточными надеждами или мистическими иллюзіями. — Безъ такой органической связи между поэтомъ и средою возможно, конечно, очень талантливымъ и очень сладкозвучнымъ пѣвецъ, способный удивить толпу гармоніею своихъ пѣснопѣній; но безъ нея рѣшительно немощный общественный дѣятель, записавшій неизгладимыми чертами свое имя на страницахъ задушевной исторіи всѣхъ европейскихъ странъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Байронъ своею жизнью и дѣйствіями волновалъ своихъ современниковъ не меньше, чѣмъ и самими своими поэмами. Вскорѣ послѣ его смерти, появленіе въ печати «разговоровъ» простодушнаго Медвина, сообщавшихъ читающей публикѣ біографическія подробности объ авторѣ «Донъ-

Жуана», вызвало въ высшихъ англійскихъ кружкахъ цѣлую бурю, ближайшимъ практическимъ послѣдствіемъ которой былъ разводъ знаменитой аристократической львицы Каролины Ламбъ съ ея мужемъ, лордомъ Мельборномъ, игравшимъ столь видную и относительно почетную политическую роль въ министерствѣ и въ цѣлой партіи торіевъ. Первая обстоятельная и подробная біографія поэта, написанная его ближайшимъ другомъ и тоже поэтомъ, Томасомъ Муромъ, разошлась по всему свѣту не меньше самыхъ удачныхъ произведеній самого Байрона, и, конечно, не литературнымъ достоинствамъ своимъ обязана она колоссальнымъ успѣхомъ... Короче говоря, и въ самой Англіи, и внѣ ея ходячее представленіе о байронизмѣ слагалось не на однѣхъ чисто литературныхъ основаніяхъ, а въ значительной степени обуславливалось тѣмъ, что всесвѣтная читающая публика узнавала о дѣяніяхъ и странностяхъ, о порокахъ и доблестяхъ самого поэта. При сильномъ спросѣ на нихъ, въ біографіяхъ Байрона и въ литературныхъ воспоминаніяхъ о немъ людей самого разнообразнаго свойства и званія недостатка не могло быть ни въ англійской, ни въ другихъ европейскихъ литературахъ. До самаго позднѣйшаго времени почти не прекращалось въ наиболѣе распространенныхъ англійскихъ «Reviews» и «Magazine» ахъ сообщеніе какихъ-нибудь новыхъ біографическихъ подробностей о поэтѣ, разъяснявшихъ тотъ или другой изъ многочисленныхъ пробѣловъ или исправлявшихъ ту или другую изъ еще болѣе многочисленныхъ погрѣшностей прежнихъ его жизнеописаній.

Появившаяся всего два-три мѣсяца тому назадъ новая біографія поэта (заглавіе которой мы выписали въ началѣ этой статьи), успѣвшая уже выйти новымъ, болѣе дешевымъ изданіемъ, служить блистательнымъ доказательствомъ тому, въ какой мѣрѣ вопросъ о Байронѣ не можетъ еще считаться исчерпаннымъ и забытымъ въ самой Англіи. Несмотря на то, что она подписана совершенно неизвѣстнымъ и ничего не обещающимъ именемъ *John Cardy Jeaffreson*, она имѣла успѣхъ, слишкомъ несомнѣнно показывающій, что въ ней мы имѣемъ дѣло не съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ продуктовъ празднаго литературнаго гробокопательства, о которомъ было говорено въ предыдущемъ обзорѣ. Успѣхъ этотъ объясняется прежде всего тѣмъ, что авторъ только что названнаго произведенія, первый изъ всѣхъ, писавшихъ о Байронѣ съ какой-бы то ни было точки зрѣнія, пытается разъяснить дѣйствительно еще далеко не отжившій и не устарѣвшій вопросъ, а именно: въ какой мѣрѣ дѣйствительный лордъ Байронъ отвѣчаетъ тѣмъ представленіямъ о творцѣ байронизма, которыя укоренились повсюду на основаніи его собственныхъ поэмъ,

а также показаній прежнихъ его, какъ англійскихъ, такъ и иностранныхъ, біографовъ?

Съ первыхъ-же страницъ этой новой біографіи читатель легко убѣждается, что подъ скромнымъ и ничего не говорящимъ псевдонимомъ Джона Карди Джеффрисона скрывается особа (по всей вѣроятности женщина), коротко и близко знавшая описываемый ею мірокъ и тѣмъ болѣе заслуживающая довѣрія, что она, очевидно, приступаетъ къ своему дѣлу съ полнымъ желаніемъ быть откровенною и безпристрадною, безъ предвзятой мысли оправдать Байрона передъ англійскимъ обществомъ, отравлявшимъ всю его жизнь, или англійское общество передъ Байрономъ, такъ безпощадно и неутомимо хлеставшимъ это общество по его самому чувствительному и больному мѣсту, т. е. по его сословнымъ, политическимъ и нравственнымъ предразсудкамъ. Читая эту книгу, невольно замѣчаешь на каждомъ шагу, что Байронъ былъ дѣйствительно близкимъ и дорогимъ существомъ для лица, предпринявшаго доверять показанія о немъ прежнихъ его біографовъ; но столь-же часто видишь, что и тѣ своеобразные нравы и предразсудки, опечиваніемъ которыхъ несчастный поэтъ надѣлалъ себѣ такъ много бѣдъ и заслужилъ такъ много вражды, тоже не чужіе для Джона Карди Джеффрисона.

Въ своей добросовѣстности, авторъ предупреждаетъ читателя, что онъ не считаетъ себя компетентнымъ разрѣшить безповоротливо и окончательно поставленный имъ-же вопросъ. Нарисовать правдивый и вполнѣ реальный портретъ автора Чайльдъ-Гарольда и Кална могъ, по убѣренію Джеффрисона, одинъ только поэтъ Гобгоузъ, узнавшій Байрона на скамьѣ камбриджскаго университета и остававшійся самымъ близкимъ, — если не единственнымъ вполнѣ близкимъ, — ему человѣкомъ до конца. Но, по завѣщанію Гобгоуза, написанная имъ біографія Байрона должна храниться въ подвалахъ одного изъ лондонскихъ банковъ и можетъ быть обнародована только въ 1900 г. — Въ ожиданіи этого срока, Джеффрисонъ считаетъ нелишнимъ исправить ходячія представленія о величайшемъ изъ поэтовъ новѣйшаго времени только въ тѣхъ ихъ чертахъ, которыми они всего несомнѣннѣе и всего существеннѣе расходятся съ дѣйствительностью. Для подобной поправки въ его рукахъ имѣется, безспорно, довольно богатый и полный матеріалъ, накопленный, по всей вѣроятности, не со вчерашняго дня, но которымъ добросовѣстный авторъ не хотѣлъ воспользоваться до тѣхъ поръ, пока оставались еще въ живыхъ лица о которыхъ ему поперевѣтъ приходится говорить не всегда благосклоннымъ и пріятнымъ для нихъ образомъ.

Съ лицомъ Аполлона на туловищѣ Геркулеса и на тонкихъ но-

гахъ сороки, искалѣченныхъ отъ рожденія и еще больше испорченныхъ въ раннемъ дѣтствѣ стараніями и искусствомъ всякихъ знахаровъ и деревенскихъ шотландскихъ костоправовъ, къ которымъ обращалась за излеченіемъ ихъ заботливая мать, — Байронъ въ физическомъ отношеніи, какъ и въ нравственномъ, былъ существомъ слишкомъ исключительнымъ, своеобразнымъ, исполненнымъ всевозможныхъ противорѣчій и неожиданностей, впечатлительнымъ до невѣроятности (онъ въ зрѣломъ возрастѣ упалъ въ обморокъ въ театрѣ отъ превосходной игры знаменитаго актера Кина) и перемѣчивымъ безъ конца. Не выходя изъ предѣловъ рабской вѣрности дѣйствительности, про него можно было утверждать самыя противоположныя и взаимно исключающія положенія. Тѣ, которые возмущались его грубыми чувственными привычками и говорили о его возмутительныхъ оргіяхъ, вовсе не клеветали на него умышленно, а только слишкомъ односторонне сосредоточивали свое вниманіе на кратковременной эпохѣ его студенчества въ Кембриджѣ и, позднѣе, его безумныхъ венеціанскихъ кутежей; но, несмотря на реалистическую вѣрность этихъ изображеній, Байронъ тѣмъ не менѣе удивлялъ и даже пугалъ близкихъ ему людей своимъ аскетизмомъ въ пищѣ и въ питъѣ, доводимымъ имъ тоже до едва вѣроятной и вредной крайности. Лейфъ Гентъ (Leigh Hunt, бывший редакторъ либеральнаго журнала «Examiner», литературный критикъ и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ биографовъ Байрона), конечно, не издумалъ тѣ примѣры, которые онъ приводитъ въ доказательство скупости поэта и его невольной любви къ деньгамъ; но точно также правдивъ рассказъ о тѣхъ семи тысячахъ фунтовъ стерлинговъ, которые Байронъ, самъ нуждаясь въ деньгахъ и дѣйствительно страдавъ отъ преслѣдованій кредиторовъ, послалъ безвѣстному мальчику въ Греціи, укаживавшему за нимъ во время тяжелой болѣзни, перенесенной имъ при первой его побѣдѣ въ эту страну. Извѣстенъ также случай со старою служанкою лондонскихъ меблированныхъ квартиръ, не оказавшей ему никакихъ услугъ, ни явныхъ, ни тайныхъ, но которую поэтъ тѣмъ не менѣе, съ немаломъ для себя затратою, устроилъ до конца вѣдней только потому, что она ему показалась заслуживающею вниманія и помощи. Всѣ, знавшіе Байрона въ самыя разнообразныя эпохи его жизни, единодушно утверждаютъ, что онъ, съ дѣтства до самой смерти, не могъ равнодушно видѣть ни чьей нужды, ни чьего страданія и что его великодушное побужденіе помочь выходило въ подобныхъ случаяхъ далеко за предѣлы грошевой филантропіи и даже за предѣлы законнаго благоразумія. Замѣчательно, что припадки скупости, обнаружившейся въ немъ по отношенію къ Лейфъ Генту, и его корыстолюбивые расчеты съ лон-

довскимъ своимъ издателемъ Мёррэ (Murray). относятся именно къ тому времени, когда онъ, только что истративъ почти сполна свои (тогда очень скудные) достатки на организацію карбонар-скаго движенія въ Романіяхъ, уже готовился служить, и имуществомъ и собственною своею эсобою, возстававшей за свое политическое освобожденіе Греціи, за которую, вскорѣ потомъ, онъ и сложилъ-таки свою буйную голову.

Писаніе біографіи такихъ сложныхъ, впечатлительныхъ и противорѣчивыхъ натуръ—задача далеко не легкая. Здѣсь совершенно непримѣнны приемы того грошеваго натурализма, который удовлетворяется однимъ фотографическимъ воспроизведеніемъ безконечнаго множества всякихъ случайностей и подробностей. Необходимо найти тотъ существеннѣйшій синтезъ, въ которомъ въ дѣйствительности объединялись и примирались всѣ эти осколки и противорѣчія,— ту живую нить, на которую, какъ яркія бусы, нашивались всѣ эти случайности и подробности, образуя своею совокупностью не бессмысленный разношерстный образъ, а органическое, согрѣтое живою кровью и плотью цѣлое. Отсутствіе такого синтеза, такой живой нити, правда, встрѣчалось не разъ у нѣкоторыхъ жалкихъ прихвостней байронизма, распѣвавшихъ съ чужого голоса болѣе или менѣе сладкозвучные демоническіе гимны на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ; но его уже *a priori* невозможно допустить въ самомъ Байронѣ, потому что безъ такого объединяющаго живительнаго цемента возможны поэтическіе флюгеры, издающіе пожалуй даже и очень гармоническіе звуки при своихъ ежечасныхъ обращеніяхъ то въ ту, то въ другую сторону, по дуновенію вѣтровъ, но немислимы великіе поэты, въ ряду которыхъ Байронъ съ боя сьумѣлъ занять столь почетную и выгодную позицію.

Для того, чтобы уловить и воспроизвести въ біографіи эту живую нить байроновской души, конечно, недостаточно было еще близко знать самого поэта въ самые разнообразныя моменты его бурнаго и тревожнаго существованія. Это близкое знакомство съ предметомъ своихъ изслѣдованій составляетъ только элементарнѣйшій и неизбѣжнѣйшій элементъ успѣшности и дѣйствительнаго значенія подобныхъ жизнеописаній. Большой части біографовъ Байрона. дающихъ свои показанія въ качествѣ очевидцевъ, не достаетъ именно этого элементарнѣйшаго условія. Медвинъ, простодушный драгунскій офицеръ, котораго всѣ литературныя заслуги исчерпываются тѣмъ, что онъ былъ школьнымъ товарищемъ Шелли, черезъ котораго потомъ и познакомился съ Байрономъ уже въ Италіи, имѣлъ по крайней мѣрѣ на столько добросовѣстности, что онъ и не выдавалъ своихъ отрывочныхъ показаній

за полный биографическій отчетъ, а скромно передавалъ публикѣ «разговоры» (*conversations*), которые ему случалось вести со своими бессмертными пріятелями. Самъ онъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что въ своихъ разговорахъ съ нимъ, Байронъ по преимуществу изощрялъ свой замѣчательный талантъ въ модномъ тогда искусствѣ «*dimiting*»,—остроумномъ дураченіи, или мистификаціи.

Трелоуни, оставившій очень живое и характерное описаніе наружности и вѣншихъ привычекъ Шелли, стоялъ гораздо ближе къ Байрону, котораго онъ сопровождалъ въ его греческой экспедиціи и съ которымъ онъ съ тѣхъ поръ не разлучался уже до самой смерти поэта. Замѣтки его, появившіяся въ англійскихъ журналахъ въ самомъ концѣ шестидесятихъ годовъ, представляютъ, безъ сомнѣнія, очень любопытный матеріалъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не болѣе какъ отрывочныя замѣтки. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что остроумный и по своему симпатичный Трелоуни всю свою жизнь числился гораздо болѣе по кавалерійскому, чѣмъ по литературному вѣдомству. Байрона онъ очень любилъ, но судилъ его исключительно съ точки чистокровнаго англійскаго спортсмена. Ему вполне былъ доступенъ тотъ безхитростный, стихійно-великодушный, рыцарскій элементъ, который бесспорно игралъ немаловажную роль въ сложномъ характерѣ Байрона; но привязался кавалеристъ къ поэту едва-ли не главнымъ образомъ за то, что авторъ Чайльзъ-Гарольда довольно порядочно ѣздилъ верхомъ для хромого джентльмена, плавалъ замѣчательно хорошо и стрѣлялъ мастерски, хотя объ охотѣ не могъ говорить безъ ужаса и отвращенія. Байронъ, любившій щеголять своимъ удалствомъ, въ объясненіе своего отвращенія къ охотѣ, — благородному занятію, составляющему и до сихъ поръ чуть-что не священную обязанность дорожащаго своею репутаціею англійскаго лорда,—разсказывалъ, что въ ранней молодости, въ видѣ перваго опыта на этомъ фешіонебельномъ поприщѣ, онъ подстрѣлилъ молодого орла. Умиравшая птица посмотрѣла такимъ взглядомъ, котораго онъ не могъ забыть до конца; съ тѣхъ поръ его уже никто не могъ увлечь на звѣроубійство. А тѣмъ не менѣе, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ съ горстью болонскихъ и равенскихъ карбонаріевъ собирался воевать противъ шестидесятитысячной австрійской арміи; и не онъ, а итальянскіе вожди возстанія, доказавшіе свое непреклонное мужество много разъ, отступили въ рѣшительную минуту, находя попытку эту безумною и бесполезною для своихъ плановъ.

Лишь Гентъ лично зналъ Байрона едвали ближе чѣмъ Медвинъ и несомнѣнно меньше, чѣмъ Трелоуни. Въ Лондонѣ поэтъ обѣдалъ съ нимъ раза два или три въ тюрмѣ, гдѣ редакторъ «*Еха-*

tinér'a» содержался тогда за статью, написанную имъ противъ принца-регента и его политики.

Потомъ они не видѣлись вовсе до тѣхъ поръ, пока, задумавъ, за три года передъ смертью, издавать литературно-политическій журналъ подъ названіемъ «*The Liberal*», Байронъ не выписалъ Лифъ Гента, по рекомендаціи Шелли, желая поручить ему редакцію этого мертворожденнаго изданія. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ Гента, Шелли утонулъ. Байронъ-же и будущій сотрудникъ его съ первой-же встрѣчи произвели другъ на друга крайне невыгодное впечатлѣніе. Обремененный семьей, дѣйствительно и тяжело пострадавшій за свои убѣжденія, лишившійся нелегкимъ трудомъ созданнаго-было имъ себѣ общественнаго положенія, Л. Гентъ ѣхалъ въ Италію озлобленный, усталый, глядя на предложеніе Байрона какъ на барскую затѣю досужаго богача, котораго дѣльному труженику не грѣхъ и забрать въ свои руки. Чтобы еще вѣрнѣе обезпечить за собою успѣхъ, онъ счелъ за лучшее даже вовсе скрыть отъ Байрона свое бѣдственное положеніе и свой окончательный разрывъ съ редакціей «*Examiner'a*»; а между тѣмъ Байронъ именно и имѣлъ въ виду сдѣлать изъ замышляемаго имъ изданія нѣчто въ родѣ сатирическаго приложения къ солидному лондонскому обозрѣнію. Въ то-же время лондонскіе пріатели Байрона, главнѣйшимъ образомъ издатель Меррѣ и Томасъ Муръ, смотрѣвшіе очень неблагоклонно на публицистическое начинаніе пѣвца еще неоконченнаго «*Донъ-Жуана*», не преминули воспользоваться всѣми средствами для того, чтобы помѣшать—мало, впрочемъ вѣроятному и безъ нихъ—сближенію Байрона съ непокладистымъ и необщительнымъ будущимъ редакторомъ «*The Liberal*».

Легко понять, что, при такихъ обстоятельствахъ, о сколько-нибудь интимномъ сближеніи Байронаа съ Л. Гентомъ не могло быть и рѣчи. Поэтъ уступилъ семейству Гентовъ нижній этажъ своей виллы въ Пизѣ, (отдѣленный впрочемъ еще заранѣе для нихъ, на счетъ покойнаго Шелли); но видались они очень мало, а вскорѣ вовсе разошлись, такъ-какъ издаваемый въ Лондонѣ, но редактируемый въ Италіи журналъ имѣлъ рѣшительный неуспѣхъ, быть можетъ только отчасти обусловленный закулисными интригами всеяльныхъ тогда на лондонскомъ литературномъ рынкѣ Меррѣ и К°. — Этотъ то самый Лифъ Гентъ, вскорѣ послѣ смерти поэта, явился во главѣ очень немногихъ біографовъ, рисовавшихъ будто-бы съ натуры предлагаемый ими публикѣ байроновскій портретъ. Можно-ли удивляться тому, что портретъ этотъ лицамъ, близко знавшимъ Байрона и смотрѣвшимъ на него не сквозь уменьшительныя и забрызганныя желчью очки Лифа Гента, долженъ былъ показаться злонамѣренною каррикатурой,

что, въ формѣ обстоятельнаго и какъ-будто безпристрастнаго разсказа о жизни и характерѣ Байрона, публикѣ преподносился жельный памфлетъ, тѣмъ болѣе опасный для памяти Байрона, что ударъ исходилъ изъ политически-невраждебнаго ему лагеря и что Гентъ былъ достаточно опытный писатель для того, чтобы скрыть отъ непосвященныхъ глазъ дѣйствительныя чувства, питаемыя имъ къ злополучному герою своего объемистаго повѣствованія.

Наилучшимъ источникомъ возможно достовѣрныхъ свѣдѣній о Байронѣ служила до сихъ поръ біографія его, въ четырехъ томахъ, написанная по заказу Мёррэ уже нѣсколько разъ упомянутымъ поэтомъ Томасомъ Муромъ, однимъ изъ популярнѣйшихъ поэтовъ байроновской эпохи, который даже нашимъ гимназистамъ извѣстенъ хоть бы по превосходному переводу Козлова его звучнаго стихотворенія «на погребеніе англійскаго генерала сэра Джона Мура», помѣщаемаго въ хрестоматіяхъ. Весь читающій міръ зналъ, что Т. Муръ, за единственнымъ исключеніемъ Гобгоуза, былъ ближайшимъ, и притомъ не случайнымъ, другомъ Байрона. Многимъ было извѣстно, что Байронъ въ Италіи подарилъ Муру цѣлую тетрадь своихъ записокъ, что Муръ продалъ эту тетрадь со многими послѣдующими дополненіями, писанными байроновскою рукою, издателю Мёррэ за двѣ тысячи гиней; что вскорѣ послѣ смерти Байрона, по совѣту Гобгоуза и по соглашенію между сестрою поэта, Августою Лифъ, и женою его лэди Нозль-Байронъ, записки эти были выкуплены у издателя и торжественно сожжены... Было однако-же нѣкоторое основаніе предполагать, что содержаніе ихъ, по крайней мѣрѣ значительную свою часть, вошло въ составъ вышепомянутыхъ четырехъ томовъ, подписанныхъ именемъ Т. Мура. Предположеніе это, дѣйствительно, содѣйствовало не мало быстрому успѣху и довѣрью, которымъ біографія Мура пользовалась въ публикѣ вообще. Избранная-же публика въ Англии и на континентѣ даже вовсе не нуждалась въ подобномъ предположеніи для того, чтобы встрѣтить эту біографію съ довѣріемъ и сочувствіемъ. Люди съ критическимъ тактомъ должны были понимать, что Муръ былъ способенъ разсказать тревожную жизнь своего только-что умершаго друга съ большою обстоятельностью, чѣмъ самъ Байронъ, въ которомъ воображеніе всегда брало слишкомъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими качествами души и который уже по одному тому, что онъ былъ слишкомъ великій и слишкомъ природный поэтъ, обладалъ рѣшительною неспособностью воспроизводить или хотя-бы только видѣть дѣйствительность такую, какова она есть, а не такую, какою она рисовалась его слишкомъ своеобразному и слишкомъ яркому чувствулицу. Байронъ не могъ на-

писать автобіографіи прекраснѣе и полнѣе той, которая кроется во всѣхъ, даже самыхъ фантастическихъ его поэмахъ и лирическихъ произведеніяхъ. Задача его біографа заключалась въ томъ, чтобы извлечь ее изъ нихъ и пересказать ее общепонятнымъ языкомъ. Задача эта была, конечно, непроста и нелегка, но и Т. Муръ былъ вовсе недюжинный человѣкъ; да ктому-же обстоятельства облегчали ему исполненіе этого своего призванія.

Къ сожалѣнію, ирландскій поэтъ оказался слишкомъ смысленнымъ практическимъ человѣкомъ, чрезмерно дорожившимъ своею популярностію и своимъ вліяніемъ въ фешіонэбельныхъ салонахъ Англіи. Т. Муръ очень хорошо понималъ, что ненависть англійскаго общества къ Байрону только прикрывалась личиною цѣломудрія и семейной нравственности, будто-бы оскорбляемыхъ любовными похождениями поэта и его разладомъ съ женою. Въ сущности-же ненависть эта истекала изъ совершенно иного источника. Англійскіе нравы времени регентства вовсе не отличались тою чопорностію и лицемѣрною внѣшнею строгостію и чистотою, которыми они прославились послѣ. Достаточно припомнить только, что въ лондонскихъ салонахъ царствовала уже помянутая выше лэди Каролина Ламбъ, доводившая свои эксцентричности до очень сомнительнаго предѣла. Во время перваго появленія Байрона почти юношею на горизонтѣ лондонскаго *high-life'a* въ качествѣ счастливаго автора двухъ пѣсней Чайльдъ-Гарольда, ему очень великодушно прощали его студенческія безобразія, и дамы высшего круга почитали за счастье побесѣдовать гдѣ нибудь тайкомъ съ завѣдомою публичною женщиною, которую онъ водилъ повсюду съ собою, нарядивъ ее въ мужское платье и рекомендуя всѣмъ какъ младшаго своего брата. Съ того времени и до самаго поселенія въ Венеціи, поведеніе Байрона въ этомъ отношеніи значительно измѣнилось къ лучшему и у него уже не повторялись припадки необузданнаго разгула. Его разрывъ съ женою, остающійся въ нѣкоторыхъ своихъ подробностяхъ далеко неразъясненнымъ еще и до сихъ поръ, не могъ, конечно, серьезно оскорбить общество, въ которомъ супружескія катастрофы болѣе скандальнаго свойства случались сплошь и рядомъ. Клеветы, распространенныя при Байронѣ его недоброжелателями, указывавшими на его будто-бы преступное сожительство съ родною своею сестрою, Августою Лифъ, были слишкомъ грубы и глупы. Онѣ могли служить къ тому, чтобы возбудить противъ поэта простодушную уличную толпу, устроившую враждебную демонстрацію въ день его отъѣзда изъ Лондона, но имъ не могли вѣрить тѣ, кому были извѣстны дружескія отношенія жены Байрона къ сестрѣ ея мужа, которая ктому-же была слишкомъ непривлекательна на видъ для того, чтобы

высокомѣрная и изящная лэди Мильбанкъ Нозль, жена поэта, могла согласиться хоть на часъ выдавать ее за свою соперницу.

Ненависть англійскаго общества къ Байрону обнаружилась открыто именно въ то время, когда личная и семейная нравственность поэта отличалась скорѣе въ выгодную для него сторону отъ средняго уровня нравственности современныхъ ему джентльменовъ, которымъ ни ихъ пьяный разгулъ, ни ссоры съ законными женами, ни имѣніе многочисленныхъ любовницъ на сторонѣ не мѣшали однако-же пользоваться всеобщимъ уваженіемъ или по крайней мѣрѣ почетомъ. Но дѣло въ томъ, что въ это-же самое время уяснились также политическія и общественныя воззрѣнія Байрона. Англійское общество, благоговѣвшее передъ Веллингтономъ, но считавшее Вашингтона и его американскихъ сподвижниковъ за позвнѣйшее и гнуснѣйшее воплощеніе сатаны, не прощало поэту того презрѣнія, которымъ онъ вездѣ, гдѣ только могъ, старался заклеить пресловутаго героя битвы при Ватерлоо и вождя англійской консервативной политики. Оно карало его за сочувствіе, открыто высказываемое имъ недавнему въ тѣ времена дѣлу сѣвероамериканскаго національнаго освобожденія, за его свободолюбивыя мечты, которыя не ограничивались однѣми поэтическими изліяніями. Ему не прощали его насмѣшливаго отношенія къ лицемерному и чопорному англійскому благочестію и его открытаго обращенія въ лагерь Годвина и Шелли.

Все это Г. Муръ понималъ очень хорошо, а потому онъ и счелъ своею главнѣйшею обязанностью въ предпринятой имъ біографіи Байрона съ изящною легкостью скользнуть мимо тѣхъ пропастей, которыя грозили гибелью его салонной репутаціи. Разумѣется, онъ не унился до лжи; онъ не искажалъ преднамѣренно и сознательно основныя черты рисуемаго имъ портрета: оставаясь безукоризненно правдивымъ въ безчисленномъ множествѣ передаваемыхъ подробностей и мелочей, онъ очень ловко сумѣлъ придать цѣлому образу извѣстный условный колоритъ, впрочемъ довольно обычный въ литературныхъ и художественныхъ произведеніяхъ. Муръ такъ рѣшительно и откровенно принимаетъ сторону Байрона противъ его жены, что читатель не можетъ не считать его за искренняго друга описываемаго имъ поэта и ни на минуту не заподозрить его въ желаніи уменьшить заслуги своего героя или величавость рисуемаго имъ облика. Умолчать о сношеніяхъ Байрона съ карбонаріями въ Папской области и въ Неаполѣ, о его проектахъ устройства колоніи въ южной Америкѣ на новыхъ аграрныхъ началахъ, о его греческой экспедиціи и т. п.—было конечно нельзя; но можно было такъ отгнѣнить эти существеннѣйшія стороны дѣйствительнаго байронизма, что онъ естественно ступшеывались, тогда

какъ на первый планъ выдвинулись байроновскія любовныя похождения и семейныя неприятности, спортсменскія забавы, кутежи и т. п. родственныя черты, по которымъ англійская *fashion* въ истерзанномъ ея поэтѣ должна была признать законнаго, хоть и блуднаго своего сына. Такимъ образомъ, я полагаю, что Т. Муръ долженъ считаться главнымъ виновникомъ того прискорбнаго обстоятельства, что по всей Европѣ, въ эпоху наипущаго разгара байронизма, распространялось въ сущности такое направленіе, которое самъ Байронъ, конечно, не призналъ-бы своимъ. Съ легкой руки автора біографіи Байрона (а вовсе не творца Чайльдъ Гарольда, Манфреда или Каина), повсюду наплодилось множество поэтовъ или поэтиковъ, проводившихъ свою жизнь въ праздной пѣтѣ салоновъ, въ полномъ отчужденіи отъ насущной злобы дня, въ кокетливомъ рисовательствѣ передъ всякими «наперсницами порочныхъ заблужденій» и наивно воображавшихъ себя маленькими Байронами единственно потому, что въ свободное отъ этихъ занятій время они могли, въ болѣе или менѣе удачно рифмованныхъ стихахъ, изливать томившую ихъ тоску, неизбѣжную кару всякаго пустого и празднаго существованія. Имъ и въ голову не приходило, что дѣйствительный Байронъ, правда, имѣвшій на своемъ вѣку не мало любовницъ и не всегда умѣвшій управлять своимъ болѣзненно-необузданнымъ темпераментомъ, дѣлалъ однако же многое такое, что имъ и не снилось никогда. Всего-же менѣе Байронъ когда-бы то ни было возводилъ въ принципъ величавое отчужденіе отъ лучшихъ и здоровыхъ интересовъ общественности и политики. Юношею онъ мечталъ о парламентской карьерѣ и о широкомъ общественномъ вліяніи, о средствахъ къ приобрѣтенію котораго онъ (насколько можно судить по новымъ даннымъ біографіи Джеффрисона) не имѣлъ еще достаточно опредѣленнаго и яснаго представленія, но то направленіе, въ которомъ онъ предполагалъ вести тѣхъ, которые подчинятся его вліянію, для него самого и для всѣхъ знавшихъ близко основной складъ его мысли и его душевныхъ стремленій обозначилось очень рѣшительно и безповоротно уже тогда. Значительно раньше перваго своего появленія въ палатѣ лордовъ Байронъ зналъ уже очень хорошо, что онъ не будетъ въ ряду торіевъ; очень скоро убѣдившись, что и съ вигами ему дѣлать нечего, онъ, дѣйствительно, пришелъ къ мрачному разочарованію въ своихъ помыслахъ о парламентской карьерѣ, но вовсе не потому, чтобы онъ не находилъ на политическомъ поприщѣ задачъ, которыя заслуживали-бы того, чтобы онъ посвятилъ имъ свои блестящія дарованія и свою особу. Байронъ не обладалъ идеалистическою натурою Шелли и видѣлъ слишкомъ ясно всю недостаточность силъ, которыми онъ располагалъ, въ виду

практическаго, реальнаго успѣха той дѣятельности, которой онъ желалъ. Этимъ и объясняется его непреодолимое отвращеніе къ Англіи, въ которой онъ ненавидѣлъ не одни только туманы, его почти бѣгство въ Швейцарію, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить несравненно болѣе родственную для себя почву и просторъ для томившей его жажды практической дѣятельности. Когда-же и здѣсь, на цвѣтушихъ берегахъ Лемана, онъ нашелъ не тотъ центръ умственнаго движенія, о которомъ онъ мечталъ, а только роскошный трактиръ, въ которомъ черствые кальвинистскіе олигархи позволяли безобразничать сколько душѣ угодно «знатнымъ иностранцамъ» подъ условіемъ, чтобы они щедро платили за гостепримство и ни подъ какимъ видомъ не заносили съ собою опаснаго фермента, способнаго взволновать поработанные догматизмомъ и рутинною умомъ, — Байронъ бѣжитъ и оттуда. За все дальнѣйшее время его скитальчества, мы встрѣчаемъ его неизмѣнно и въ каждую данную минуту тамъ, гдѣ полнѣе бьется пульсъ политической жизни: въ Италіи, въ Греціи во время борьбы за освобожденіе. И нигдѣ онъ не остается празднымъ свидѣтелемъ. Такимъ образомъ оказывается, что самою отличительною чертою живаго Байрона является рѣдкое въ природѣ сочетаніе скептицизма Гамлета въ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности съ чисто донъ-кихотовскою готовностью къ дѣйствію вездѣ, гдѣ представлялась возможность хотя-бы честно погибнуть въ борьбѣ за оскорбленную невинность и за нарушенныя права. Торжества невинности онъ не водворилъ, но погибнуть сумѣлъ. А многіе-ли изъ всесвѣтныхъ байрончиковъ понимали, что только такую тяжелою цѣною могло покупаться дѣйствительное право живописно драпироваться въ доскутья байроновскаго плаща?

Муръ, конечно, не могъ просмотрѣть этой отличительной черты своего героя, но онъ распустилъ ее въ такомъ разливанномъ морѣ будуарныхъ мелочей и домашнихъ дрызгъ, что ее не могъ уловить даже и такой солидный и пронизательный писатель, какъ нѣмецъ Эльце, написавшій лучшую (по оцѣнкѣ Дж. К. Джеффрисона) біографію Байрона, котораго лично онъ не зналъ вовсе и даже не видѣлъ никогда въ глаза. Погрѣшность Мура не могла быть исправлена ни однимъ изъ позднѣйшихъ біографовъ поэта, которые поневолѣ должны были не только довольствоваться матерьялами, доставшимися имъ отъ вышеупомянутыхъ очевидцевъ, но отчасти еще и подчиняться тому впечатлѣнію, которое они сами вынесли изъ чтеній біографій, составленныхъ ихъ предшественниками. О такихъ же біографіяхъ, которыя, — подобно напр. жизнеописанію Байрона, составленному г-жею Бичеръ-Стоу, авторомъ «Дяди Тома», — имѣютъ въ виду не столько нарисовать правдивый портретъ поэта со всѣми его недостатками и доблестями, сколько

выместить на его памяти обиды и оскорбленія, будто-бы нанесенныя имъ прекрасной половиной рода человѣческаго вообще, а въ частности своей, хоть и не прекрасной, но изящной и гордой супругѣ, то о нихъ нечего и говорить иначе, какъ въ видахъ предупрежденія читателя.

Первыя главы новой біографіи Байрона посвящены опроверженію общераспространеннаго мнѣнія, будто Байронъ, по складу своего характера и по привычкамъ, былъ чистокровнымъ представителемъ англійской аристократіи и будто онъ до конца своихъ дней не могъ (или даже не хотѣлъ) отдѣлаться отъ свойственнаго этому почтенному сословію высокомерія и барской спѣси. Правда, утверждалъ Т. Муръ, а за нимъ и позднѣйшіе біографы поэта, въ авторѣ «Донъ-Жуана» и «Лары» свойства эти облекались въ такія художественныя формы и проявлялись съ такимъ изяществомъ, что онѣ уже являлись какъ будто вовсе не недостатками, а скорѣе естественными атрибутами избранной и высокой души.

Байронъ дѣйствительно принадлежалъ по роженію къ старой дворянской фамиліи, которая вела свой родъ отъ одного изъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя, «отнимавшаго земли у саксовъ, чтобы создать изъ десятковъ тысячъ дюжизъ грабителей доблестныхъ бароновъ, которые, по полученіи подачки, тотчасъ-же обращались въ его враговъ. Грабить саксовъ, казалось-бы, дѣло не похвальное, но такъ какъ на награбленныя деньги созидались храмы, то объ этомъ нечего и говорить». Слова въ кавычкахъ переведены изъ «Донъ-Жуана» и едва-ли могутъ служить подтвержденіемъ того, что рассказываютъ объ аристократической спѣси поэта. Дѣло въ томъ, что его дворянское происхожденіе не давало ему достаточнаго повода считать себя принадлежащимъ къ британской знати. Право засѣданія въ палатѣ лордовъ старшіе представители дома Байроновъ получили не раньше конца XVI столѣтія, а поэтъ принадлежалъ къ одной изъ младшихъ линій, давно обѣднѣвшей. Родъ Байроновъ замѣчательнъ тѣмъ, что ни про одного изъ его представителей, почти до самаго конца прошлаго столѣтія, рѣшительно нечего сказать. Первымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи является дѣдъ поэта, адмиралъ Байронъ, заслужившій вниманіе современниковъ и даже потомства своими географическими открытіями въ южной Америкѣ и оставленнымъ имъ описаніемъ своихъ плаваній и кораблекрушеній. У моряковъ того времени почему-то сложилось убѣжденіе, что адмирала Байрона преслѣдуютъ бури и неудачи, и они такъ неохотно оставались на корабляхъ подъ его командою, что адмиралтейство было принуждено очень рѣдко употреблять въ дѣло его, говорить, недюжинныя способности. Адмиралъ умеръ, не оставивъ двумъ своимъ сыновьямъ почти никакого

наслѣдства, такъ какъ родовыми помѣстями Байроновъ владѣлъ старшій его братъ, съ молодю отличавшійся жестокостью и развратомъ, а къ старости впавшій почти въ тупоуміе. Онъ даже былъ судимъ за дуэль, имѣвшую видимость умышеннаго убійства, но за недостаткомъ доказательствъ дѣло было предано волѣ Божіей.

Старшій изъ сыновей адмирала скоро прославился въ фешіонбельныхъ салонахъ Лондона своею замѣчательною красотою и разгумомъ, выходившимъ далеко за предѣлы кутежей, считавшихся дозволенными тогда для скромнаго кавалерійскаго офицера, не имѣвшаго за душою ни кола, ни двора. «Mad Jack» (Ванька-Сумасбродъ), — такъ прозывался отецъ поэта, — велъ жизнь искателя приключеній, пока ему не удалось соблазнить своею красотою богатую маркизу Кормартенъ лэди Конайерсъ, которая для него развелась со своимъ мужемъ и уѣхала со своимъ возлюбленнымъ во Францію, гдѣ у нея очень скоро родилась дочь. Вслѣдъ затѣмъ отецъ Байрона снова появился въ салонахъ Лондона, уже вдовцемъ и успѣвъ истратить все, что перепало на его долю изъ достатковъ его полузаконной жены и ея богатыхъ родственниковъ. Успѣла-ли красота Ваньки-Сумасброда поблекнуть въ это время или по другимъ причинамъ, но богатые маркизы уже не подавались на его удочку, и онъ съ отчаянія женился на Кэтринъ Гордонъ, наслѣдницѣ мелкаго шотландскаго помѣщика, за которой, едва-ли не на единственномъ основаніи ея уродливой толстой и красной фигуры, необузданности ея строптиваго нрава и ея манеръ торговли, предполагались большіе достатки. Разочарованіе послѣдовало тотчасъ-же за женитьбою: у шотландской наслѣдницы, за исключеніемъ двухъ-трехъ тысячъ фунтовъ, которыя супругъ ея тотчасъ-же спустилъ, оказалось меньше полутора ста фунтовъ годового дохода и такой непреклонный нравъ, о который разбивались всѣ искушенія и доводы ея мужа. Вытерпѣвъ долгій рядъ упрековъ и униженій, злополучный искатель богатыхъ наслѣдницъ бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ вскорѣ и умеръ, по всей вѣроятности застрѣлившись. Единственному его сыну отъ второго брака, Джоржу, было въ это время около двухъ лѣтъ. Онъ жилъ въ Эбердинѣ съ матерью, которая великодушно приняла на себя воспитаніе старшей дочери своего мужа, Августы, но ее скоро увезли въ Голландію, къ богатой родственницѣ ея матери. Вообще, знатная родня первой жены отца Байрона очень настойчиво не допускала въ свою среду строптивую и непривлекательную Кэтринъ Гордонъ, которая, впрочемъ, и сама не напрашивалась на ихъ знакомство. Ей было не до того: съ меньше чѣмъ полутора ста-фунтовымъ доходомъ, съ ребенкомъ и долгами мужа на плечахъ, она не безъ труда перебивалась съ грѣхомъ пополамъ въ своемъ шотландскомъ

уединеніи, имѣя даже въ скромномъ буржуазномъ обществѣ очень мало знакомыхъ. Единственною воспитательницею поэта въ годы ранняго его дѣтства была горничная шотландка, Грэй смѣнившаяся впоследствии своею сестрой. Отъ этихъ сестеръ Байронъ научился очень рано суетвѣрію и пуританскому догматизму; отъ матери, кромѣ ранней склонности къ отучивнію и необузданнымъ порывамъ, онъ не приобрѣлъ и не унаследовалъ ничего.

Поэту было одиннадцать лѣтъ, когда, вслѣдствіе неожиданныхъ смертей, онъ очутился прямымъ наследникомъ «злаго лорда», старшаго брата адмирала, и главою байроновской семьи. Наслѣдство Байроновъ состояло изъ двухъ помѣстій: скромнаго ньюстэдскаго аббатства и большого рочдальскаго имѣнія. Почтенный дѣдушка, заочно ненавидѣвшій своего наследника, «мальчишку изъ Эбердина», передъ смертью продалъ Рочдаль, на что по закону онъ не имѣлъ никакого права. Такимъ образомъ въ наследство поэту достался одинъ только Ньюстэдъ, доходы съ котораго не всякій годъ были достаточны на покрытіе расходовъ по обязательному веденію процесса о возвращеніи Рочдаля въ его родъ. Кэтринъ Гордонъ, высказывавшая прежде смѣлыя демократическія стремленія и склонности, теперь, очутившись матерью лорда, совершенно перемѣнила свои воззрѣнія и вкусы и изъявляла непремѣнное желаніе переселиться въ Ньюстэдъ; но старый барскій домъ былъ совершенно необитаемъ, а у нея не было ни гроша на отдѣлку хоть-бы двухъ-трехъ комнатъ. На воспитаніе неожиданнаго наследника захудаларо барскаго рода пришлось вымаливать скромное королевское пособіе въ триста фунт. стерл. въ годъ. Въ Ньюстэдѣ тѣмъ не менѣе мистрисъ Байронъ жила очень мало, скитаясь преимущественно по южнымъ городамъ, гдѣ сынъ ея воспитывался въ такихъ пансіонахъ и школахъ, въ которыхъ товарищами его было гораздо больше сыновей средней руки лавочниковъ и небогатыхъ пивоваровъ, чѣмъ носителей громкихъ именъ.

Байрону трудно жилось дома съ матерью, которая своими бѣшенными порывами и ежечасными переходами отъ глупаго баловства къ побоямъ и оскорбительной ругани значительно развила его природную нервозность, не успѣвъ внушить ему ни уваженія, ни любви. Не отдыхалъ онъ и въ школѣ, гдѣ его хромота, позволявшая ему съ трудомъ ходить по комнатѣ, навлекала на него вѣчныя насмѣшки и презрѣніе товарищей, тогда какъ перенятая имъ отъ матери необузданность и строптивость мало привлекали къ нему симпатіи наставниковъ и учителей. Его успѣхамъ въ наукахъ не мало, впрочемъ, мѣшала и маменька, часто бравшая его изъ школы на цѣлыя недѣли, такъ-какъ сынъ ея не ученостью-же будетъ свискивать себѣ пропитаніе. По жалобѣ директора училища,

лордъ Карлейль, назначенный *ex-officio* опекуномъ будущему лорду, пробоваль-было урезонить мистрисъ Байронъ, но она такъ его отдѣлала, что онъ съ тѣхъ поръ навѣки махнулъ рукою на своего питомца и на нее.

Въ дѣтствѣ поэтъ не отличался рѣшительно ничѣмъ отъ тысячи дѣтей своего возраста, кромѣ дѣйствительно нѣсколько странной преждевременной влюбчивости, о которой такъ много уже было говорено, невѣроятной конфузливости и совершенно институтскаго склада характера. Когда-же уже зрѣлымъ юношею онъ очутился на скамьѣ Кэмбриджскаго университета, то про него можно смѣло утверждать, что онъ такъ-же мало зналъ о нравахъ и обычаяхъ англійской аристократіи, какъ и любой патагонецъ, котораго его дѣдушка привезъ-бы въ Лондонъ изъ самой глухой глуши южно-американскихъ степей. Здѣсь онъ сталъ присматриваться къ этимъ обычаямъ и правамъ и замѣтилъ, что наиболѣе именитые изъ его товарищей учились всего меньше, кутили-же и безобразничали всѣхъ буйнѣе и больше. Удивительно-ли, что дикій юноша счелъ себя почти обязаннымъ поступать и дѣйствовать какъ они? Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это ему было очень трудно, такъ-какъ онъ рѣшительно не обладалъ аристократическою способностью выпивать залпомъ по нѣскольку бутылокъ водокъ, ликеровъ и винъ: его тошнило съ двухъ-трехъ стакановъ клэрету... Но подражательность вообще не была въ байроновской натурѣ, а потому во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ скоро перешеголялъ самыхъ буйныхъ изъ своихъ новыхъ товарищей. Они заводили собакъ,—онъ завелъ медвѣдя, говоря, что не теряетъ надежды выдрессировать его такъ, что и онъ удостоится ученой степени въ Кэмбриджскомъ университетѣ. Они проводили свои досуги въ публичныхъ домахъ,—Байронъ свою квартиру превратилъ въ своего рода домъ терпимости и иначе не являлся въ Лондонѣ, какъ въ сопровожденіи уже помянутаго «младшаго брата». Они устраивали разныя «штуки» противъ официальныхъ своихъ руководителей на пути знанія и благоправія,—онъ сочинилъ и напечаталъ собственнымъ издвигеніемъ цѣлый памфлетъ (*Hours of Idlers*), оскорбительный для кэмбриджскихъ «доновъ» и замѣчательный въ томъ отношеніи, что это первое стихотворное произведеніе, принадлежащее такому возрасту, въ которомъ нашъ Лермонтовъ написалъ уже самую звучную изъ своихъ поэмъ, а Шелли могъ уже считаться мастеромъ стихотворной техники, не представляло рѣшительно ничего выдающагося. По благосклонной оцѣнкѣ В. Скотта, оно «изобличало въ своемъ авторѣ близкое знакомство съ хорошими образцами, но мало самобытнаго дарованія».

Во время наибольшаго разгара своего студенческаго разгула,

Байронъ не только не утрачиваетъ своей склонности къ институтски-сентиментальной дружбѣ съ своими товарищами, но даже вводитъ между кэмбриджскою молодежью рѣшительную моду такихъ отношеній съ безконечными письменными изліяніями, съ мученіями ревности, тоскою кратковременной разлуки и т. п. Замѣчательно, что въ это-же самое время Байронъ сближается очень тѣсно и очень серьезно со всѣми изъ своихъ товарищей, которые, — какъ наприм. Гобгоузь, — не оставляютъ въ насъ и тѣни сомнѣнія на счетъ своей серьезности, порядочности и нравственной чистоты. Но авторъ новой его біографіи не даетъ достаточныхъ указаній на тѣ черты его личности, которыя привлекали къ нему этихъ молодыхъ друзей, по большей части неизмѣнившихъ ему до конца.

На памфлетъ Байрона противъ кэмбриджскихъ воспитателей появился очень скоро анонимный отвѣтъ въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи», написанный въ необычно рѣзкой формѣ, безо всякаго соблюденія литературныхъ приличій и глубоко задѣвній юнаго автора за самыя чувствительныя струны его души. Байронъ рѣшается отдѣлать неизвѣстнаго противника, но съ ужасомъ замѣчаетъ, что немного мѣсяцевъ кэмбриджскаго разгула повліяли притупляющимъ образомъ на его воспримчивость, воображеніе и умъ. Ему еще не было двадцати лѣтъ, а уже лицо его обрюзгло и раздулось; мощная грудь и плечи покрылись безобразными слоями жира... Тогда онъ рѣшается на геройское средство, отказывается вовсе отъ всякой пищи, за исключеніемъ морскихъ сухарей въ самомъ ограниченномъ количествѣ и въ избыткѣ слабительныхъ и зельтерской воды.

Нѣсколько мѣсяцевъ такой діеты вызываютъ въ немъ едва вѣроятное превращеніе (поэтически рассказанное имъ въ фантастическомъ произведеніи «The Difformed transformee»). вмѣсто преждевременно ожирѣвшаго и обрюзгшаго сына Кэтринъ Гордонъ, является какъ-бы новый Байронъ, не отвѣчающій классическимъ представленіямъ о мужественной красотѣ, но приковывающій всеобщее вниманіе своею замѣчательною наружностью, съ необычнымъ блескомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, оттѣненныхъ длинными черными рѣсницами, съ губами и подбородкомъ Адониса, съ голосомъ, своеобразную звучность котораго замѣчали даже дѣти, которыхъ Байронъ всегда очень любилъ и которыя въ свою очередь довѣрчиво шли по первому призыву къ этому «господину, который говоритъ какъ музыка»...

Съ этого превращенія, т. е. съ появленія второго его памлета (*Enrlish bards and Scotch revirmeds*) начинается его литературная извѣстность.

Разсказать на немногихъ страницахъ такую полную тревожныхъ событій жизнь, конечно, нельзя. Разставаясь съ новою трехтомною (въ таухницкомъ изданіи) біографіею поэта, замѣчу, что она, къ сожалѣнію, платитъ слишкомъ обильную дань приему, установленному рутиню для біографій Байрона, т. е. отводитъ слишкомъ много мѣста любовнымъ и семейнымъ его приключеніямъ. А тѣмъ не менѣе, единственный интересный байроновскій романъ:—его связь и разрывъ съ падчерицею Годвина, —остается, по-прежнему, не разъясненъ и вырѣзывается непонятнымъ чернымъ пятномъ на его свѣтломъ и яркомъ образѣ.

Въ Парижѣ, въ началѣ іюня, вышелъ въ свѣтъ пятый томъ, которымъ Викторъ Гюго заканчиваетъ объемистый сборникъ своихъ стихотвореній, озаглавленный имъ «*Легенда Вькова*». Основная мысль этого сборника заключается въ томъ, чтобы въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ произведеній, маленькихъ и большихъ, эпическихкихъ и лирическихкихъ, совершенно независимыхъ одно отъ другого по формѣ, охарактеризовать главнѣйшія эпохи духовной исторіи человѣчества, начиная съ классической древности, занимающей, правда, очень мало мѣста въ цѣлыхъ пяти томахъ, но внушившей автору одно изъ прекраснѣйшихъ его стихотвореній: *Андрокловъ левъ*. «Въ тотъ вѣкъ»,—говоритъ Гюго, характеризуя въ этомъ стихотвореніи эпоху римскаго упадка:—«когда человѣкъ унижился до свотской жестокости, я выбираю своимъ героемъ звѣря».

Когда, около года тому назадъ, В. Гюго выпустилъ въ свѣтъ послѣднюю свою драму «*Torquemada*», извѣстную читателямъ «Дѣла» по переводу г. Минаева, рутинная критика, сильно встревоженная такою необыкновенною живучестью художественнаго дарованія автора «*Châtiments*» и «*Napoléon le Petit*», пыталась успокоить сама себя тѣмъ соображеніемъ, что авторъ, по всей вѣроятности, написалъ эту драму уже много лѣтъ тому назадъ и держалъ ее въ своемъ портфель изъ мелочнаго желанія удивить читающую публику своею рѣдкою способностью производить на восьмидесятомъ году отъ рожденія такіе замѣчательные образцы поэтическаго творчества, какъ наприм. весь третій актъ этой драмы или поэтическія изліянія великаго инквизитора передъ «*Сожитальникомъ*» (*Quemadero*) на площади противъ севильскаго дворца. Теперь Гюго состарился еще на одинъ годъ, но подобныя предположенія не могутъ уже быть высказываемы по поводу вновь вышедшаго сборника его стихотвореній, такъ-какъ первое изъ нихъ, служащее вмѣсто предисловія цѣлому тому, помѣчено 3 іюня текущаго года.

Стихотвореніе это далеко не удачнѣйшее изъ всѣхъ, которыя мы находимъ во вновь вышедшемъ пятомъ томѣ; тѣмъ не менѣе, мы отдаемъ его на судъ нашихъ читателей въ возможно близкомъ переводѣ, такъ какъ оно дѣйствительно замѣняетъ вступленіе, т. е. опредѣляетъ очень вѣрно то психическое состояніе автора, которое внушило ему этотъ новый томъ и которое, съ большею или меньшею полнотою и кратотою, развивается имъ въ каждомъ изъ отдѣльныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ:

Я словно замиралъ; теперь я ожилъ снова,
Благая цѣль опять витаетъ предо мной,
И къ истинѣ опять душа моя готова
Идти тернистою сомнѣнія тропой.
Не въ кельѣ догматовъ ишу отдохновенья
И исцѣленія кровавыхъ старыхъ ранъ:
Сроднившись съ борьбой, любя ея волненья,
Бойцемъ нетрепетнымъ иду во вражіи станъ.

* * *

Отъ горестей земныхъ, отъ мрака и позора,
Отъ муки жалкихъ жертвъ и злобы палачей
Я цѣломудренно не отвращаю взора
И чуждымъ не хочу скитаться межъ людей.
Борьбою закаленъ, но не озлобленъ ею,
Я въ сердцѣ сохранилъ любви живую нить
И возмущаться зломъ попрежнему умѣю;
А возмущаться всѣмъ и значить все любить *).

* * *

Пылливый ищеть умъ провякнуть въ бездну моря
Безумія и зла, неправды и страстей;
Но всюду слышенъ стонъ безпомощнаго горя
Пловцевъ измученныхъ, безъ веселья, безъ снастей,
На утлыхъ челнокахъ... И духъ смущенный мой,
Умъра свой полетъ и сѣмля мечтавья,
Печальной ласточкой иль чайкою морской
Кружить надъ темною пучиной состраданья.

* * *

Тѣмъ сострадавѣемъ я бываю опьяненъ
До глупости порой и до головокруженья.
Я долженъ заглушить немолчный этотъ стонъ,
Иль жизнь мнѣ самому тошна до отвращенья.

*) Этотъ пятый томъ естественно заканчиваетъ «Легенду Вѣковъ», такъ какъ наполняющія его стихотворенія, — даже тѣ изъ нихъ, которыя, какъ наприм. *«Les quatre jours d'Elciis»*, написаны въ формѣ историческихъ легендъ изъ давнишняго прошлаго, — посвящены вопросамъ и тревоженіямъ самого позднѣйшаго времени — Въ томъ-то и заключается, по нашему мнѣнію, секретъ необычайной долговѣчности поэтического дарованія Гюго, что оно всегда пыталось не «гноеть душевныхъ ранъ», а здоровою и свѣжею пищею, что оно прожило свой вѣкъ на свѣтломъ и широкомъ раздольи общечеловѣческихъ тревоженій и скорбей, а не въ душныхъ тайникахъ индивидуалистическаго самоковырнянія.

Безъ ропота, друзья! я узнавалъ не разъ,
Что камнями толпа побить меня готова...—
И въ томъ вся жизнь моя. Забывая я на часъ,
Но нынче съ вами я и самъ съ собою снова.

* * *

Я снова сталъ твоимъ, безвѣстный, скромный людъ,
Кого безжалостно мы топчемъ подъ ногами;
Я снова сталъ въ рядъ тѣхъ, что робко не идутъ
Въ ковчегъ спасенія, а борются съ волнами.
Хочу за ненависть я жалостью платить
И всѣмъ истерзанымъ подъ бременемъ сомнѣнья
Запекшіеся рты хоть каплей освѣжить
Росы живительной надежды обновленя.

L. M.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

«Новая эра», которую проповѣдуютъ намъ въ настоящую минуту извѣстныя газеты, нисколько не повліяла на характеръ той части нашей литературы вообще и беллетристики въ частности, которая избрала своею спеціальностью «мужика». Какъ фактъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но въ истолкованіи причинъ этого факта мнѣнія могутъ разойтись очень далеко. Г. Марковъ, напр., скажетъ, что упорство «мужиковствующей» журналистики происходитъ исключительно отъ ея тупости и «безталанности». Г. Буренинъ заявитъ, что въ «либеральныхъ» редакціяхъ разъ на всегда установленъ — кѣмъ, неизвѣстно — нѣкоторый «шаблонъ», уклониться отъ котораго не можетъ и не смѣетъ ни публицистъ, ни беллетристъ, ни критикъ, имѣвшіе несчастье попасться въ тенеты либеральныхъ «кружковъ» и «партіи». Этотъ шаблонъ — просто на просто идолъ, въ жертву которому приносится индивидуальность писателя и даже требованія самой жизни, которой «шаблонъ» фатально враждебенъ, потому что онъ неподвиженъ, а жизнь измѣнчива. Г. Страховъ приурочилъ-бы какъ-нибудь свое объясненіе къ слабому развитію въ насъ патріотическаго чувства и къ слѣпому подражанію западу. Въ этихъ различныхъ объясненіяхъ одного и того-же факта можно подмѣтить, однако-же, одну общую и очень характерную черту: нескрываемое желаніе найти такія причины факта, которыя-бы вытекали изъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ, но непремѣнно, непремѣнно дурныхъ свойствъ «мужиковствующей» литературной партіи. Очевидно послѣ этого, что всѣ эти объясненія — ни болѣе какъ своеобразный полемическій пріемъ, не болѣе какъ средство выбраться лишній разокъ по адресу «пошлыхъ либераловъ».

А разсудить дѣло, между тѣмъ, вовсе не трудно, если только разсуждать безпристрастно и искренно. Никакихъ «шаблоновъ» у мужиковствующей литературы нѣтъ, но конечно есть очень опредѣленные и прочные принципы, которые не могутъ мѣняться въ

угоду вѣяніямъ столь-же непостояннымъ, какъ непостоянна наша петербургская погода. Даже въ газетѣ, для которой, по самому характеру ея, настоящій день—важнѣйшій день, зазорно видѣть ту податливость, ту непомятую «отзывчивость» на всякія вѣянія, которая въ концѣ концовъ сводится просто къ флюгерству. Что сказали-бы мы о журналѣ, который сталъ-бы держаться такой-же политики? Что подумали-бы мы о цѣлой партіи, о вліятельномъ и широмъ литературномъ направленіи, которое поставило-бы въ основу своей дѣятельности случайные, а не общіе и постоянные факты нашей дѣйствительности и нашей исторіи? Мы съ полнымъ правомъ сказали-бы, что это направленіе не имѣетъ будущности, потому что не имѣетъ содержанія. Печально видѣть человѣка, который, утвердившись на двухъ-трехъ отвлеченныхъ положеніяхъ, хотя-бы то и вѣрныхъ теоретически, не хочетъ знать ничего кромѣ этихъ положеній, подгоняетъ подъ нихъ и подчиняетъ имъ всѣ разнообразныя явленія жизни. Это—доктринерство, которое осуждено заранѣе на бесплодіе. Но нисколько не лучше съ практической точки зрѣнія и безъ всякаго сравненія хуже съ нравственной образъ дѣйствій того человѣка, который, по лакейской-ли расчелливости или просто по отсутствію царя въ головѣ, преклоняется передъ фактомъ, передъ практикою, который не служитъ жизни своей независимой критикой, а прислуживается ей своимъ вѣчнымъ одобреніемъ и расшаркиваньемъ передъ нею. Это тоже безсиліе, тоже бесплодіе только иного, противоположнаго характера. Чистокровный доктринеръ рано или поздно, но неминуемо будетъ опереженъ теченіемъ жизни и остается съ своей окаменѣлой теоріей какъ ракъ на мели; чистокровный опортюнистъ столь-же неминуемо будетъ вѣчно нестись по теченію, въ какое-бы болото оно ни влекло его. Но какъ тотъ, такъ и другой—первый въ своей роли камня, второй въ своей роли щепки—ни на одну безконечно малую долю не повліяютъ на улучшеніе и очищеніе общаго русла великой рѣки жизни. Это дано только людямъ живого принципа, которіе сообразуются съ жизнью, но не рабобпствуютъ передъ ней, принципа, который развивается и расширяется благодаря указаніямъ практики, но въ то-же время регулируетъ эту самую практику.

Любопытнѣе всего, что этотъ упрекъ въ «шаблонности» воззрѣній на народъ и отношеній къ нему обращается къ той части литературы, въ которой видную роль играетъ гг. Успенскій и Златовратскій, являющіеся не только по манерѣ письма но, еще гораздо болѣе и—что несравненно важнѣе—по своимъ воззрѣніямъ на народъ совершенными антиподами другъ друга. Во многихъ случаяхъ первостепеннаго значенія, гдѣ Успенскій отчетливо го-

ворить «да», Златовратскій рѣшительно говорить «нѣтъ» и наоборотъ—какая, подумаешь, удивительная «шаблонность!» Какое страшное давленіе «шаблона» на мысль писателя, какой диковинный партійный или кружковый деспотизм! Но разногласіе этихъ двухъ писателей между собою, какъ и частныя разногласія другихъ нашихъ писателей о народѣ, ничуть не мѣшаетъ имъ быть служителями одного и того-же принципа,—того самого, который руководитъ и дѣятельностью всей литературной «мужиковствующей» партіи нашей. Принципъ этотъ очень новъ и до того популяренъ, что на *словахъ* его придерживаются и признаютъ рѣшительно всѣ наши партіи, хотя на *дѣлѣ* руководствуется имъ исключительно только «мужиковствующая» часть общества и журналистики. Этотъ принципъ въ одно и то-же время принципъ этики и политики. Справедливая этика налагаетъ на насъ прежде всего обязанности по отношенію къ «труждающимся и обремененнымъ», а кто-же въ нашей современной жизни, какъ и въ историческомъ нашемъ прошломъ, несъ самыя тягостныя «бремена», какъ не народъ? Здравая политика, равнымъ образомъ, обязательно должна клониться къ обезпеченію большинства, ея вниманіе, ея задачи должны сосредоточиваться на тѣхъ факторахъ, которые составляютъ главную силу механизма государства—это трюизмъ—а кто, какой классъ является у насъ такой силой? Странно задавать подобные вопросы, странно и даже совѣстно, а между тѣмъ необходимо, потому что именно только для «мужиковствующей» части общества и литературы эти вопросы перестали давно быть вопросами.

Отсюда, къ огорченію всевозможныхъ гг. Марковыхъ и Бурениныхъ. ея упорное, не ослабѣвающее и ничѣмъ не отвлекающееся вниманіе къ жизни народа, ея неуклонное стремленіе къ изученію его быта, его экономическихъ нуждъ, его вѣрованій, его идеаловъ. Это вниманіе, разумѣется, совершенно напрасно—всѣ эти усилія идутъ мимо дѣли. Но неуждно-ли потрудиться доказать это. Тогда и только тогда, когда это будетъ доказано, мы должны будемъ признать «мужиковствующую» часть литературы разбитой, далеко отставшей отъ жизни. Но мудреная задача—доказать это. Вся бѣда противниковъ «мужиковствующей» журналистики, въ родѣ г. Маркова, состоитъ въ томъ, что они не могутъ раздѣлаться съ барски-традиціоннымъ взглядомъ на литературу, какъ на «нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса» по классическому выраженію, какъ на забаву, имѣющую извѣстное воспитательное значеніе, какое имѣетъ, напр., и театръ, но все-таки не болѣе какъ на забаву. Съ этой точки зрѣнія совершенно логично возставать противъ предпочтенія въ литературѣ мужика дворянину. Въ дру-

гихъ сферахъ искусство мужикъ еще можетъ быть терпимъ, не только какъ аксессуаръ, но и какъ главный сюжетъ. Идея «Бурлаковъ» Рѣпина можетъ колоть только зоркій глазъ, волновать только чуткую къ страданіямъ другихъ душу и, во всякомъ случаѣ, ее можно обойти, обративши свое вниманіе на расположеніе «пятенъ», на правильность рисунка, на «сочность» или сухость кисти и т. п. Но литература — та литература, которая хочетъ быть дѣломъ, а не забавой — искусство грубое, прямодушное, недвусмысленное. Что подѣляетъ даже самый завзятый эстетикъ, напр., съ «Поддиповцами» Рѣшетникова или со многими изъ очерковъ Левитова? «Трезвая правда» (говоря выраженіемъ г. Тургенева) подобныхъ произведеній слишкомъ очевидна. А для эстетическихъ хитросплетеній такіа произведенія въ высшей степени неблагоприятный матеріалъ, частью потому что они совершенно безыскусственны, главнымъ-же образомъ потому, что съ какого-нибудь Пилы или Сысойко взять нечего: ихъ чувство, мысли, желанія элементарны до послѣдней степени, анализировать ихъ и вслѣдствіе копать въ нихъ, какъ въ какомъ-нибудь дворянскомъ «перегороженномъ сердцѣ», нѣтъ ни пользы, ни удовольствія. Разсуждать о нихъ можно только сойдя съ почвы эстетическихъ и психологическихъ вопросовъ и ставши на почву чисто общественныхъ идеаловъ, а это иногда во многихъ отношеніяхъ бываетъ слишкомъ накладно.

II.

Въ «мужиковствующей» (это выраженіе, употребленное г. Марковымъ какъ брань, кажется мнѣ очень подходящимъ и въ то-же время очень почетнымъ эпитетомъ) литературѣ нашей нужно отличать двѣ категоріи писателей. Одни только описываютъ и рассказываютъ, даютъ факты, оставляя самому читателю дѣлать изъ этихъ фактовъ какіе ему заблагоразсудится выводы. Чистѣйшимъ представителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родоначальникомъ такихъ писателей является Рѣшетниковъ. Другіе, какъ гг. Успенскій и Златовратскій, успѣли составить себѣ правильный или неправильный, но вполнѣ опредѣленный взглядъ на народъ и не ограничиваются простымъ изложеніемъ фактовъ, а производятъ группировку, освѣщаютъ ихъ, стараются такъ или иначе оправдать и подкрѣпить свое воззрѣніе на народъ. Въ принципѣ ровно ничего нельзя сказать противъ обоихъ этихъ пріемовъ. Они практикуются въ самой наукѣ, которая, собирая факты, въ то-же время вовсе не чуждается не только теорій, но и гипотезъ, каковыми пока, за отсутствіемъ надлежащихъ данныхъ, являются всѣ наши взгляды

на народную жизнь, за исключеніемъ быть можетъ взгляда на его экономическое положеніе и экономическія нужды. Но отношенія критики къ беллетристамъ-фотографамъ, какъ Рѣшетниковъ, и къ беллетристамъ-публицистамъ, какъ Гл. Успенскій, по необходимости совершенно различны. Различіе это — и по своему размаху, и по своему содержанію — какъ разъ то самое различіе, какое существуетъ вообще между индуктивнымъ и дедуктивнымъ методами. Въ первомъ случаѣ вамъ представляютъ рядъ фактовъ, сопровождая ихъ или не сопровождая извѣстнымъ заключеніемъ, выводомъ изъ нихъ. Какъ-бы то ни было, вы чувствуете себя здѣсь хозяиномъ, если только не подлежатъ сомнѣнію вѣрность самихъ фактовъ и наблюденій. Вы можете шагъ за шагомъ прослѣдить всю ту логическую дорогу, по которой пришелъ писатель къ своему выводу — если онъ пришелъ къ какому-нибудь выводу. Отъ не богаче васъ, у него нѣтъ резервовъ; матеріалъ, который далъ ему основу для его заключеній — тотъ самый матеріалъ, который онъ цѣликомъ передалъ въ ваше распоряженіе. Ваше разногласіе съ нимъ можетъ быть только *логическимъ* разногласіемъ, вашъ споръ можетъ быть споромъ только о правильности не посылокъ, а умозаключеній. Судьею между вами можетъ быть всякій самостоятельно размышляющій читатель, потому что у обоихъ васъ карты открыты. Если-же писатель, какъ авторъ «Подлиповцевъ», почему-бы то ни было воздержался отъ выводовъ и ограничился только сообщеніемъ сырого матеріала — ваша роль становится совершенно самостоятельною и весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ степени вашей собственной проникаемости.

Но положеніе совершенно измѣняется, когда вамъ приходится нѣтъ дѣла съ писателемъ-мыслителемъ въ родѣ Гл. Успенскаго. Вы съ перваго-же приступа начинаете испытывать извѣстное давленіе. Вамъ, разумѣется, тоже представляютъ факты, но факты уже скованные между собою въ крѣпкую цѣпь, которая — вы чувствуете это — влечетъ васъ въ одну сторону и къ заранѣ намѣченному пункту. Чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ это насиліе надъ вами, надъ вашимъ умомъ совершается незамѣтнѣе и въ то же время могущественнѣе, такъ что, пробѣгая напр. въ первый разъ какую-нибудь даже самую парадоксальнѣйшую вещь Гл. Успенскаго, вамъ на первыхъ порахъ приходится только пассивно соглашаться: все такъ, все вѣрно, всѣ объясненія правдоподобны и остроумнѣйшимъ образомъ прилажены къ фактамъ. Только вотъ какая бѣда: не наоборотъ-ли, не факты-ли пригнаны къ заранѣ составленнымъ воззрѣніямъ? А какъ формировались въ писателѣ эти самыя воззрѣнія? Тайна сія велика есть. Это тайна большого таланта, тайна того чутья, которое составляетъ привилегію та-

вѣхъ писателей. Они предугадываютъ выводы, до которыхъ мы можемъ добраться только длиннымъ путемъ изученія фактовъ и труднаго проникновенія въ ихъ внутреннїй смыслъ. Исторія науки очень богата такими геніальными догадками, далеко опережавшими свое время; но дѣло все въ томъ, что наука знаетъ какъ быть въ такихъ случаяхъ: она не складываетъ ихъ въ свою сокровищницу до тѣхъ поръ, пока съ очевидною ясностью и путемъ всевозможныхъ испытаній не убѣдится въ томъ, что это—настоящія жемчужины, а не какія-нибудь дутыя бусы. Совершенно также слѣдуетъ относиться и къ смѣлымъ литературно-общественнымъ гипотезамъ. Хорошо поете, можемъ по праву сказать мы ихъ авторамъ, но посмотримъ гдѣ-то сядете. И чѣмъ сложнѣе явленіе, на счетъ сущности и законовъ котораго создаются эти гипотезы, тѣмъ резоннѣ нашъ скептицизмъ. А развѣ въ окружающей насъ средѣ есть что нибудь болѣе сложное, нежели жизнь человѣческихъ обществъ? И развѣ въ ряду этихъ обществъ не самой загадочной представляется жизнь и будущее тѣхъ именно группъ, которыя, можно сказать, только вчера (въ данномъ случаѣ—съ уничтоженія крѣпостного права) выступили на историческую сцену? Да, въ этихъ волнахъ рѣшительно ничего не видно и тутъ не трудно ошибиться самой геніальной проницательности! Нѣтъ, не будемъ торопиться съ общими заключеніями на счетъ нашего народа, какого-бы они ни были свойства—оптимистическаго или пессимистическаго. Будемъ продолжать «мужиковствовать», т. е. изучать его, и удовольствуемся пока только такими выводами, которые обязательно вытекаютъ изъ фактовъ, установленныхъ съ надлежащею прочностью.

III.

Всѣ эти общія замѣчанія, само собою разумѣется, я высказалъ не безъ повода и не безъ цѣли. Передъ нами послѣдняя (іюньская) книжка «Отечественныхъ Записокъ» — журнала, болѣе чѣмъ какой-бы то ни было другой изъ нашихъ литературныхъ органовъ подвинувшаго впередъ дѣло изученія и пониманія нашего народа. И на этотъ разъ въ книжкѣ имѣются три очерка (говоримъ только о беллетристичѣ, не касаясь теоретическихъ статей, относящихся до народа), темы которыхъ взяты посредственно-ли (какъ въ очеркѣ «Изъ-за двѣнадцати съ полтиной»), или непосредственно (какъ въ очеркахъ «На барской милости» и «Житье») изъ жизни нашего народа. Въ чисто литературномъ отношеніи эти очерки нисколько не замѣчательны: написаны они сносно —

и не болѣе того. Авторы ихъ — гг. Рускинъ и Борскій и г-жа Горбунова—очень мало извѣстны читающей публикѣ. Но печать правды, прямоты и искренности лежитъ на этихъ безыскусственныхъ разсказахъ. Читая ихъ, вы чувствуете, что авторы—совсѣмъ не «сочинители», что они почти не знакомы да и не заботятся о знакомствѣ съ разными литературными ухищреніями и прикрасами: имъ не до того, какъ будто. Имъ хочется не эффектъ произвести, а облегчить душу, разсказавъ о томъ, что она успѣла наблюсти въ жизни народа, и тонъ ихъ повѣствованія не литературный, а почти дѣловой: «такъ и такъ». То-то мы видѣли, то-то слышали, а тамъ судите какъ знаете. Но это не значить, что авторы равнодушны къ сообщаемымъ ими фактамъ: ихъ симпатіи и антипатіи совершенно ясны и очень живы. Но они не резонируютъ, а ограничиваются только разсказомъ, предоставляя самому читателю разбираться въ фактахъ, что не составляетъ въ данномъ случаѣ никакой трудности, такъ-какъ всѣ три разсказчика, точно сговорившись предварительно, бьютъ въ одну и ту-же точку. Какъ ни убійственна мораль разсказовъ, читателю дѣваться отъ нея некуда: слишкомъ ужъ ребромъ она поставлена и выражена.

Мораль эта относится къ сферѣ отношеній между собственно народомъ и такъ называемой интеллигенціей, и состоитъ въ томъ, что народъ и интеллигенція настолько чужды другъ другу, что даже при наилучшихъ намѣреніяхъ изъ ихъ взаимныхъ отношеній выходитъ только путаница и кавардакъ, отъ которыхъ страдаютъ обѣ заинтересованныя стороны, а главнымъ образомъ, конечно, народъ. Мораль эта не нова. Еще г. Златовратскій, котораго авторитетъ въ вопросахъ народной жизни невозможно не признать, нѣсколько лѣтъ тому назадъ изобразилъ въ своемъ «романѣ» молодого крестьянскаго парня, который, томимый жаждой образованія, познакомился съ «господами», усвоилъ себѣ гнуснѣйшія изъ ихъ привычекъ, заболѣлъ, кутя съ господами, извѣстною болѣзнію, такъ что въ результатъ, какъ кто-то грубовато съострилъ, получилась не цивилизація, а сифилизація. Если-бы подобныя случаи были именно только случаями, для которыхъ законъ не писанъ — намъ не о чемъ было-бы беспокоиться. Отъ пароходныхъ искръ происходятъ иногда пожары, но это не значить, что пароходы выдуманы для поджоговъ. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ случайностью. Мы видимъ здѣсь почти необходимость, по крайней мѣрѣ имѣемъ право на нѣкоторое обобщеніе: гг. Рускинъ, Борскій, Горбунова, которыхъ нѣтъ основанія заподозрить ни въ ненависти къ интеллигенціи, ни въ презрѣніи къ народу, выражаются менѣе рѣшительно, нежели г. Златовратскій, но въ томъ-же самомъ направленіи. А самъ Гл. Успенскій? Никогда и ни въ

чемъ не согласный съ Златовратскимъ, вѣчный и жаркій его антагонистъ, онъ въ этомъ случаѣ не предъявляетъ никакого иска и спора. Мужикъ Успенскаго во всякое время готовъ промѣнять интеллигентнаго человѣка на телушку, а интеллигентный человѣкъ говоритъ мужику съ искреннимъ отчаяніемъ и негодованіемъ: съ тобой не сольешься, а только сопьешься. Хороша-же наша «интеллигенція», бессильная помочь народу, да недурень также и этотъ «народъ», съ замѣчательной легкостью воспринимавшій трагирную цивилизацію или сифилизацію и рѣшительно неспособный къ усвоенію здоровыхъ и свѣтлыхъ сторонъ нашей культурной жизни.

То-то, не будемъ торопиться, какъ я говорилъ выше, съ выводами, а лучше присмотримся къ дѣлу поближе. Фактовъ мы не отрицаемъ; не отрицаемъ и выводовъ, съ неотразимою логичностью вытекающихъ изъ этихъ фактовъ. Непосредственное общеніе интеллигенціи съ народомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не дало въ результатѣ ничего для обѣихъ сторонъ, кромѣ разочарованій, взаимныхъ недоразумѣній, просто-на-просто положительнаго вреда: таковъ фактъ. Отсюда слѣдуетъ, что или интеллигенція приходила къ народу съ пустыми руками или народъ одичалъ до полной неспособности къ усвоенію не однихъ только матеріальныхъ интересовъ или, наконецъ, и то и другое разомъ! Таковъ выводъ. Если фактъ вѣренъ — а спорить противъ него трудно — вѣренъ и выводъ изъ него, если только существуетъ логика.

И все-таки, повторяю, дѣло ни на волосъ еще не разъяснено. Это видно уже априори. Что за чудеса, что за негѣлость въ самомъ дѣлѣ! Вы, я, онъ — мы всѣ принадлежимъ къ интеллигенціи, ну, и попробуемъ прикинуть дѣло на свой личный аршинъ. Разсудимъ «по душѣ». Мы «изсушили умъ наукою», которую напрасно называть «безплодной»; мы умѣемъ и привыкли относиться къ явленіямъ съ критикою, съ анализомъ, и насъ не въ состояніи подкупить даже самая блестящая форма; мы изучали историческое прошлое народовъ и намъ кое-что извѣстно о тѣхъ путяхъ и способахъ, которыми совершается человѣческій прогрессъ; мы знаемъ, равнымъ образомъ, современное положеніе и порядки другихъ странъ, и знаемъ что можно было-бы съ пользою для насъ познать отсюда. Мы знаемъ и умѣемъ многое, чего не знаетъ и не умѣетъ народъ, но что знать ему было-бы полезно. Такой страны, какъ Бѣлая Арапія, и такихъ людей, у которыхъ песьи головы, не существуетъ — мы это знаемъ, а мужикъ, на его бѣду, совсѣмъ не знаетъ; знаемъ, что локомотивъ двигается силой пара, а не силой нечистаго; знаемъ, что оцасаться пришествія антихриста по крайней мѣрѣ преждевременно, что новорожденный двух-

головной теленокъ не знаменуетъ собою близкаго конца міра, что колдуновъ и колдуній нѣтъ и жечь ихъ не имѣетъ смысла, и т. д. и т. д. Всѣ эти положительныя и отрицательныя знанія нации представляютъ собой такой умственный капиталъ, который представляется настоящимъ богатствомъ въ сравненіи съ интеллектуальными приобрѣтеніями народа. И намъ нечего сказать, нечего передать народу?! И мы ни къ чему лучшему не можемъ приучить его какъ только къ кабаку, фабрикѣ, дому терпимости, гармоникѣ и залихватскимъ пѣснямъ?! Да въ этомъ, очевидно, смысла нѣтъ! Или, быть можетъ, мы не хотимъ давать народу никакой здоровой умственной пищи и сознательно отравляемъ его ядомъ? Въ этомъ предположеніи еще меньше правды и смысла. Мы не хотимъ! Да въ этомъ вся цѣль, все содержаніе, все счастье и краса нашей жизни. Типъ «кающагося дворянина» уже сошелъ со сцены и давно пересталъ удовлетворять насъ—да и врядъ-ли удовлетворялъ когда нибудь—а между тѣмъ вѣдь даже этотъ типъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того искренняго и участливаго чувства, съ какимъ нашъ интеллигентъ относился къ народу. Объ этомъ и распространяться бесполезно.

И такъ, мы можемъ и хотимъ. За всѣмъ тѣмъ ни изъ этой нашей мощи, ни изъ этого нашего хотѣнія не выходитъ ровно ничего. Что за удивительная загадка? Никакой, однако-же, загадки не оказывается, какъ въ этомъ мы можемъ убѣдиться даже изъ незначительныхъ очерковъ гг. Рускина, Борскаго и Горбуновой.

IV.

Возьмемъ разсказъ «На барской милости» г. Рускина. Мнѣ нѣтъ надобности излагать фабулу разсказа, тѣмъ болѣе, что въ разсказѣ почти и нѣтъ фабулы. Суть дѣла въ томъ, что нѣкому мужику Вахрамѣю, вслѣдствіе сщбленія разныхъ обстоятельствъ, довелось жить въ усадьбѣ своего прежняго барина, «разсудительнаго либерала» Варламова, нынѣ отправляющаго обязанности мирового судьи.

Вахрамѣй — представитель лучшей части нашего народа. Что онъ превосходный работникъ, котораго одолеваетъ тоска, если ему нечего дѣлать — это само собою разумѣется. Но въ немъ сильно развиты и чисто духовные элементы. Авторъ характеризуетъ съ этой стороны Вахрамѣя такимъ образомъ: «думать Вахрамѣй не любилъ, но созерцалъ и дѣйствовалъ. Поэтому, онъ и не былъ разговорчивъ съ людьми. Созрѣвъ-же въ взрослога человѣка, онъ больше обращался съ своею рѣчью къ предметамъ неодушевленнымъ: къ косуль, которую пахалъ, къ бревну, которое полтесилъ».

валъ, къ червю, который ѣлъ капусту. Или разговаривалъ самъ съ собою, обращая рѣчь къ мысленно созерцаемымъ и какъ живые стоявшимъ въ его воображеніи образамъ. Непосредственно къ образамъ, и никогда къ отвлеченностямъ». Г. Рускинъ говоритъ, «не любилъ думать», но это только неточное выраженіе, настоящій смыслъ котораго—«не умѣлъ думать», какъ привыкли думать люди развитые, т. е. отвлеченными понятіями. Разговоры Вахрамѣя съ самимъ собою и съ безсловесными предметами происходили, конечно, не отъ чего другого, какъ именно отъ постоянного присутствія въ немъ дѣятельной, непосѣдливой мысли. А въ нравственномъ отношеніи Вахрамѣй отличается всѣми тѣми хорошими свойствами, которыя мы издавна привыкли признавать за нашимъ народомъ: добродушіемъ и незлобіемъ, которое «мухи не обидитъ», правдивостью, прямою, довѣрчивостью и т. п.

Съ другой стороны и воспитатель, и благодѣтель Вахрамѣя—его бывшій баринъ, Арсеній Петровичъ Варламовъ—человѣкъ вовсе не дурной и въ образованномъ обществѣ далеко не послѣдній. Онъ принадлежитъ къ породѣ Маниловыхъ, породѣ, разумѣется, не важной, но по крайней мѣрѣ безвредной. Онъ желаетъ мужику вообще, а Вахрамѣю въ особенности, всяческаго добра. Въ немъ нѣтъ и тѣни того подлѣйшаго злорадства, которое чувствуется иными не Маниловыми при видѣ нужды, безхозяйственности, обнищанности освобожденнаго мужика, величаемаго ими съ возмущающей душою ироніей «сосѣдшукѣ» и «землевладѣльцемъ». Варламовъ потому и хозяйство свое забросилъ и въ мировые судьи отъ него сбѣжалъ, что рѣшительно не въ состояніи прижимать мужика. Вся бѣда Варламова состояла въ полнѣйшемъ отсутствіи царя въ головѣ, въ воробьиномъ легкомысліи, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ явленіямъ жизни, а въ томъ числѣ, разумѣется, и къ Вахрамѣю Г. Рускинъ хорошо характеризуетъ его отношенія къ Вахрамѣю.

„Вахрамѣй самъ по себѣ не былъ ни-чуть заятень. Мужикъ какъ мужикъ, вахлакъ глухой. Не то что разсуждать, даже умничать не разумѣлъ. Но онъ былъ средствомъ, подогрѣвавшимъ низшимъ чувства въ судѣ. Просто одно то, что съ нимъ можно было помянуть мѣста, имена, времена, отъ которыхъ на Варламова вѣяло утекшими, хорошими годами. Одно это уже было ему дорого въ Вахрамѣѣ. Слова съ нимъ перебираешь, а сквозь дымку выпитой водки подъ звуки этихъ словъ въ мозгу проходятъ дорогія времена, сладкія картины, и забываешь, что все дорогое и сладкое навѣки утрачено, забываешь, что даже самозабвенія приходится искать въ томъ, что хотѣлось бы забыть: въ картахъ, въ водкѣ, въ сообществѣ отставнаго генерала Шиворотова и исправника Скалкина. Какъ средство забвенія, Вахрамѣй куда былъ дороже и Шиворотова и Скалкина. Къ тому-же, душа Арсенія Петровича жаждала возможности благодѣтельствовать, осчастливливать. Вахрамѣй и опять былъ какъ разъ. Варламовъ уміялся, что создаетъ его, мужицкое,

счастье. Деньги съ подрядчика присудилъ; жалованье ему назначилъ, работой не нудитъ. Положимъ, еще дѣло не кончено, и жалованье нечѣмъ платить: у самого помѣщика денегъ нѣтъ. Ну, да черезъ нѣсколько мѣсяцевъ все это устроится, Богъ дастъ. Выкупную разрѣшать; барину деньги выдадутъ. Вахрамѣй заранѣе два куша получить; баринъ ему еще ласу на постройку въ Ершовѣ дастъ, подарокъ сдѣлаетъ; мужикъ домой вернется; отъ радости, вся семья его не почувствуется. Исправникъ и генералъ Шиворотовъ, съ которыми Варламовъ больше другихъ знакомыхъ хороводился, закусывалъ, въ карты игралъ, а иногда разсуждалъ и о высшей политикѣ, негодумъ на общій застой, тоже любили Вахрамѣя. Бывало, какъ прїѣдутъ въ Варламовку—сейчасъ имъ подавай Вахрамѣя. Мужика оторвутъ отъ работы. Онъ стоитъ передъ барами, какъ пеня; но они въ такомъ состояніи находятся, что палецъ имъ покажи, такъ у нихъ уже утробы гогочутъ. И привыкли они, чтобы этимъ пальцемъ былъ Вахрамѣй. Воспитаніе Вахрамѣя алкоголемъ прїятно напоминало досуги исправника и судьи. Такъ учать плясать медвѣдей тѣ, которые сами пляшутъ⁴.

«Ну, вотъ, вотъ, злорадно закричатъ новоявленные «народники» напш, вотъ она *ваша* хваленая интеллигенція! Научить чемунибудь мужика—она не въ силахъ; ея хватаетъ на то только, чтобы спавивать и всячески развращать его». Этого мало, прибавлю я. Вахрамѣя не только развратили и сбили съ пути — его еще вдобавокъ обобрали. Варламовъ уѣхалъ въ Петербургъ, не заплативши Вахрамѣю не только жалованья, но и тѣхъ денегъ, которыя были взысканы съ подрядчика въ пользу Вахрамѣя и хранились у Варламова какъ у мирового судьи. А исправникъ, радѣя Вахрамѣю, взялъ у него паспортъ, чтобы «живо» обмѣнять на новый, забылъ, какъ водится, объ этомъ и Вахрамѣю пришлось сѣсть на скамью подсудимыхъ за беспаспортность. Сколько желчи, негодованія, злобы, совершенно законныхъ и справедливыхъ, должно было накопиться въ сердцѣ Вахрамѣя къ этимъ «господишкамъ» которые, «любя» да шутя, принесли ему столько нравственнаго и матеріальнаго вреда, сколько не причинить ему самый злѣйшій гулакъ и мироѣдъ.

Но не такія только воспоминанія о своихъ сношеніяхъ съ «господишками» сохранилъ Вахрамѣй, потому что не съ одними только Варламовыми, Скалкиными и Шиворотовыми довелось ему познакомиться. Въ усадьбу, состоявшую подъ надзоромъ Вахрамѣя, повадился ходить какой-то «молодой человекъ», который «что-то» копалъ подъ заборомъ. Шиворотовъ надоумилъ Вахрамѣя «смотрѣть» хорошенько и «коли что, такъ изловить, поучить». Наставленія Шиворотова возымѣли свое дѣйствіе и въ скоромъ времени произошла такая сцена:

«— Держи его, держи крѣпче! командовалъ Шиворотовъ.

И послушанный Вахрамѣй еще крѣпче уцѣпился въ плечо паваника. Паваникъ начиналъ ощущать, что воротъ рубашки его давить.

— Позвольте! это, наконецъ, смысла не имѣетъ, отвѣчалъ онъ, дрожа отъ волненія: — я не убѣгу. Миѣ не зачѣмъ бѣжать.

— Что вы здѣсь дѣлали?

— Я вамъ сказалъ что: наблюдаю за муравьями; поглядите сами. Вонъ у меня книга со мной. Дарвина замѣтки есть... Тамъ остались...

— Знаемъ мы ваши книги. Держи его, Вахрамѣй!

Мужикъ почти налегъ на Орлова. Тотъ созналъ, что ему не освободиться, что онъ попалъ предъ какого-то непрошеннаго судью, и постарался объясниться. Возможно спокойно, даже почтительно обращаясь къ Шивороту, онъ рассказывалъ, что занимается витомологіей.

— Прочитай его надо! кричалъ Федоръ Никитичъ: — прочитай. Бей его въ мою голову... Бей!

— Что вы! что вы! — Орловъ попробовалъ увернуться изъ мощной длани огородника, и присвѣлъ. Тяжелый кулакъ упалъ ему на шею.

— Такъ, такъ его! Поучи! другой разъ не будетъ! кричалъ воспламенившійся Федоръ Никитичъ: — бей въ мою голову!..

Послушный кулакъ Вахрамѣя поднялся надъ несчастнымъ. Онъ хотѣлъ еще разъ увернуться, но кулакъ палъ куда-то на голову!..

Вахрамѣй тогда почувствовалъ, что въ лѣвой рукѣ, которую онъ держалъ Орлова за шиворотъ, что-то тяжело стало: что-то побилось слегка и повисло. Онъ держалъ не живаго человѣка, а безчувственное тѣло. Тѣло свачала повисло на рукѣ, его державшей, потомъ склонилось на колѣни, и растаяло между грядъ. Бѣдное, мертвенное лицо, полузакрытые глаза. Не движется!..

Само собою разумѣется, что у Вахрамѣя тотчасъ-же «вдругъ словно изъ самаго сердца встало мучительное чувство сожалѣнія. — Пошто я его?.. молоденькій... можетъ и вправду. Поди, отецъ, мать есть... Пошто я его?» Орловъ, однакожъ, «отдышался», Вахрамѣй, отъ избытка покаяннаго чувства, навязался проводить его до дому и «вернулся въ большомъ возбужденіи. Очень ужъ хорошій этотъ паренъ оказался, обходительный. Бѣдно живетъ, а чаемъ напоилъ. Мужичкіе порядки знаетъ, а мурашами подлинно занимается, и гусеницей этой самой. Показывалъ онъ Вахрамѣю, какъ родится, какъ рядится червякъ... Какъ мураши ходы прокладываютъ въ землѣ; вредъ человѣку приносятъ. Все показалъ. Въ стеклышкахъ у него есть мураши. Поглядишь, такъ и не видишь ничего; а сквозь стеклышко — лапа мураша ровно медвѣжья окажется. Страсть глядѣть, сколько такая лапа зла человѣку сдѣлать можетъ. Говорить Егоръ Николаичъ — Орлова Егоромъ Николаичемъ зовутъ — что наука его на пользу человѣку, какъ этихъ мурашей и червей порѣшить. Вахрамѣй сколько съ этой поганью бился — одолѣваетъ, всю свѣдь портить.

— А я-то его загубилъ было. Пошто? Молоденькій экой... Обходительный! А я его какъ рѣзнулъ! Да кто его зналъ, что такой ледящій!»

Весь этотъ эпизодъ, разумѣется, не прошелъ безслѣдно для сознанія не только самого Вахрамѣя, но и для его свидѣтелей и очевидцевъ, изъ которыхъ одинъ говоритъ Вахрамѣю: «Доживешь!

Научать добру. Може и того хуже будетъ .. У тебя тамъ въ деревнѣ жена, ребята; домъ какой ни на есть. А чего ты здѣсь наживешь? Сулятъ, сулятъ, да вонъ души христіанскія губить велютъ. Чего ты тутъ не видалъ? Чего бережешь? И барина-то твоего, Арсенія Петровича, нонѣ съ собаками не сыщешь, а Шиворотовъ тобой командуешь. Ишь куда тебя вворотилъ!»

«Веселенькій пейзажикъ», какъ говорилъ Помяловскій. Если угодно, тутъ въ самомъ дѣлѣ можно посмѣяться въ волю. Что все это такое? Это какой-то водевиль съ переодѣваньями, водевиль, въ которомъ люди другъ друга не узнаютъ, волочатся за собственными женами, ошибаются адресами, перепутываютъ фамилии, чужую квартиру принимаютъ за собственную и т. п. Впрочемъ, что водевиль! Самая сложная водевильная интрига и водевильная путаница поблѣднѣетъ передъ этой безтолочью дѣйствительной жизни, а главное то, что всякій водевильный узелъ наконецъ распутывается, а эта мертвая петля жизни какъ была такъ и осталась захлещнутой. Какъ прежде никто ничего не понималъ, такъ и теперь никто ничего не понимаетъ. Зачѣмъ Шиворотовъ натравливалъ Вахрамѣева? Зачѣмъ, что такъ велѣла ему жена, которая слышала отъ одной своей знакомой, которая прочла въ одной газетѣ, что въ одной мѣстности былъ случай, когда и т. д. Спросите Вахрамѣя, что собственно онъ надѣлалъ? Онъ «ошибся», промахнулся, не въ ту птицу попалъ. А необходимость охотиться такъ и останеется въ его глазахъ необходимостью. Нельзя-же требовать отъ человѣка, который «ни гда къ отвлеченностямъ» не обращался, чтобы онъ отъ единичнаго конкретнаго факта возвысился до обобщенія. Мысли Вахрамѣя безъ сомнѣній данъ толчокъ эпизодомъ съ Орловымъ, но тотъ путь, въ концѣ котораго лежитъ истина, слишкомъ длиненъ, чтобы его можно было пройти подѣ дѣйствіемъ одного толчка. А если такъ, то ужъ не до смѣха становится. Кто виноватъ, что толпа людей толкаетъ въ тѣсотѣ другъ друга? Всѣ и никто. Совершенно тоже самое и въ этомъ дѣлѣ: Вахрамѣя «толкнулъ» Шиворотовъ, а Шиворотова — жена, а жену Шиворотова — ея знакомая, а знакомую — газета, а газетѣ поддають усердія и жара «времена» и «вѣянія», и здѣсь конецъ нашимъ розыскамъ, потому что конечно «времена» никому нельзя инкриминировать. Никакого другого объясненія, кромѣ «такія времена», «ужъ такія времена», вы ни отъ кого не добьетесь. Но можно-ли на этомъ успокоиться? Что такое, по своей сущности, эти всеобъясняющія и всеоправдывающія «времена?» Развѣ это какое-нибудь стихійное бѣдствіе въ родѣ землетрясенія, пожара, наводненія? Но человѣкъ и со стихіями борется, а вѣдъ «времена» во всякомъ случаѣ дѣло рукъ

человѣческихъ, нашихъ съ вами рубль. Возвращусь къ прежнему уподобленію. Мой сосѣдъ въ томъ не виноватъ, что отдавливаютъ мнѣ мозоли, какъ не виноватъ и я, что протолкалъ своими локтями бока другого своего сосѣда — совершенно вѣрно: да въ толпу то, въ тѣсноту то, зачѣмъ мы всѣ собрались? Или мѣста на землѣ мало? Это, впрочемъ, слишкомъ обширная а, главное, для непосредственной цѣли этихъ «замѣтокъ» — почти побочная тема. Пусть ужь князь Мещерскій пишетъ «въ улику времени», а мы съ этимъ дѣломъ пообождемъ. Обратимся въ разсказу г-жи Горбуновой. Въ одной подмосковной деревнѣ живетъ мужикъ Кузьма Андроновъ, «человѣкъ добродушный, веселый, трезвый, работающій». Живетъ онъ хорошо, по-деревенски зажиточно: «была у него и скотина, были и поросята, и овцы; дворъ содержался въ чистотѣ; флигелечекъ каждый годъ отдавался подъ дачу. Ребята были сити, одѣты, а зимой и обуты». А теперь извольте выслушать: «Но благоденствіе это, купленное цѣнной неустаннаго труда, было непродолжительно. Надъ семьей стрясалась неожиданная бѣда. Кузьму выбрали въ старосты».

Въ фактическомъ отношеніи тутъ ничего нѣтъ для насъ новаго и поразительнаго. Еще, помнится, Якушкинъ описывалъ пламенный восторгъ лишеннаго правъ состоянія мужика, когда тотъ узналъ, что отнынѣ онъ не можетъ быть избираемъ ни въ сотскіе, ни въ старосты, ни въ волостные судьи. Но посмотрите на этотъ фактъ, отрѣшившись отъ привычныхъ представленій, и онъ поразитъ васъ своею нецѣпкостью. Вы членъ известной корпораціи. Общимъ голосомъ другихъ членовъ вамъ довѣряется защита и охраненіе интересовъ корпораціи: какъ отнесетесь вы къ этому довѣрію? Оно польститъ вамъ, оно возвыситъ васъ въ вашихъ собственныхъ глазахъ, если только вы уважаете корпорацію и признаете серьезность довѣряемыхъ вамъ интересовъ. Это естественно, иначе это и быть не можетъ. Но въ нашей деревнѣ естественное становится часто неестественнымъ и наоборотъ...

Изъ всей нашей интеллигенціи ближе всѣхъ къ народу, въ его духовнымъ интересамъ, стоятъ, разумѣется, сельскіе учителя и сельскіе священники.

Разсказъ г. Борскаго «Изъ-за двѣнадцати съ половиной» имѣетъ задачу обрисовать намъ положеніе именно сельскаго учителя, относящагося къ своему дѣлу добросовѣстно, но совершенно зауряднаго во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. «Не думайте, говорить г. Борскій о своемъ героѣ, что онъ пошелъ въ учителя по призванію; по призванію идутъ въ сельскіе учителя изъ университетовъ и гимназій, а остальныхъ туда гонитъ нужда и нѣкоторая нравственная щепетильность. Кончивъ курсъ въ уѣздномъ

училищѣ, Соловьевъ рѣшительно не зналъ куда дѣваться, а пристроиться куда-нибудь было необходимо. Идти въ «мальчики» ему не хотѣлось, въ волостные писаря—тоже, и вотъ онъ пошелъ въ учителя. Соловьевъ какъ-то сразу втянулся въ свое дѣло, любилъ его, не смотря на тысячи неблагопріятныхъ условій». Трудолюбивый, усердный, безпритязательный Соловьевъ полюбился и деревенскимъ «отцамъ» и деревенскимъ «дѣтямъ», такъ что обѣими заинтересованными сторонами, казалось-бы, оставалось только жить да поживать, наглядно свидѣтельствуя своимъ примѣромъ о возможности желаннаго «слиянія». Но не напрасно авторъ замѣтилъ о «тысячахъ неблагопріятныхъ условій». Приведемъ одну сцену, которая скажетъ читателю больше и выразительнѣе, чѣмъ самыя подробныя разсужденія.

Пришелъ о. Иванъ въ училище въ очень веселомъ настроеніи духа. Тяжело отдуваясь (дородствомъ его Богъ наградилъ), сѣлъ онъ на единственный стулъ, который поспѣшнѣе уступилъ ему Соловьевъ, оперевъ на трость и уставившись на учениковъ. Ученики притихли.

— Ну-ка спойте мнѣ «Царю Небесный!»

— О. Иванъ, сейчасъ у насъ ариметика и чтеніе, виѣшался Соловьевъ.

— Молчи! Я уже тройхъ такихъ ссадилъ! Молитесь всегда слѣдуетъ.

Соловьевъ замолчалъ, потому что на самомъ дѣлѣ до него въ Красновкѣ въ два года переизмѣнилось трое учителей.

— Пойте!

Ученики запѣли.

— Зачѣмъ вы всѣ въ одинъ голосъ поете? зачѣмъ въ одинъ голосъ? горячился о. Иванъ, стуча кулакомъ по ближайшей партѣ.

Опять всѣ поютъ въ одинъ голосъ. О. Иванъ разсердился и поймалъ диаконанта Сусликова за ухо, а альта Касаткина за волосы.

— Батюшка, теперь ужъ не дерутся, вступился Соловьевъ и потянулъ легонько за рукавъ рясы.

— Ты чего? Цыцъ! вскинулся о. Иванъ.—Знай сверчокъ свой шестокъ.

И пошелъ. Соловьевъ ужъ поскорѣй учениковъ распустилъ, хотя было всего 11 часовъ.

Черезъ двѣ недѣли въ Красновку пріѣхалъ Свинчаткинъ и спрашивалъ мужиковъ, правда-ли, что Соловьевъ ученикамъ молиться запрещаетъ и самъ въ церковь не ходитъ. Мужички не прибѣгали на этотъ разъ къ пресловутой формулѣ: «знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ», а прямо сказали, что ничего худого за своимъ учителемъ не замѣчали, и что кто-нибудь наговорилъ на него по злобѣ. Свинчаткинъ уѣхалъ, а о. Иванъ еще больше распалился на Соловьева. Хочетъ, чтобы и духу его не было въ Красновкѣ.

Соловьевъ былъ терпѣливъ и кое-какъ мирился, кое-какъ сживался съ этимъ «неблагопріятнымъ условіемъ». Но другое «неблагопріятное условіе», въ лицѣ инспектора школы Хребтова, доканало-таки Соловьева, несмотря на всю его выносливость. Съ этимъ послѣднимъ «неблагопріятнымъ условіемъ» Соловьевъ, вротчайшій Соловьевъ, чуть было даже не подрался:

«Хребтовъ молча остановился передъ Соловьевымъ, заложивъ руки за спину.

— Запри дверь!

Соловьевъ очень охотно повиновался.

— Я тебѣ вотъ что скажу...

Ксенофонтъ Васильичъ взглянулъ на Соловьева и остановился. Соловьевъ стоялъ блѣдный съ горящими глазами и сжатыми кулаками.

— Что вы еще хотите сказать, кромѣ брани? спросилъ онъ угрожающимъ тономъ.

Хребтовъ взглянулъ на дверь—Соловьевъ стоялъ между нимъ и дверью—и испугался; холодный потъ выступилъ на лбу.

— Да очень у тебя, голубчикъ, школа хорошо поставлена! Первая вѣ всемъ уздѣ! Ну, честное слово! будетъ вамъ пятьдесятъ рублей награды, что тамъ ни говори Тлинь и Свиначкинъ.

Соловьевъ задыхался.

— Зачѣмъ вы насъ постоянно оскорбляете?

— Да что ты, Петя?! гдѣ-же я оскорбляю васъ? Да помилуй! Если когда-нибудь нужда будетъ, иди прямо ко мнѣ—какъ сына родного приму! Что ты, Христось съ тобой! «Оскорбляете!»

— Вѣдь вы измучили всѣхъ насъ за эти 8 мѣсяцевъ! Ни за что измучили!

— Хочешь, Петя, я переведу тебя сейчасъ-же на мѣсто Шалашовой? спросилъ съ заискивающей улыбкой Ксенофонтъ Васильичъ.

— Натъ, зачѣмъ-же? Мнѣ ужъ лучше документы выдайте, попросилъ Соловьевъ.

Ксенофонтъ Васильичъ чуть не подпрыгнулъ отъ радостнаго изумленія—на увольненіе Соловьева онъ плохо рассчитывалъ, пока Тлинь былъ членомъ земской управы.

Теперь, на основаніи этихъ данныхъ, сообщенныхъ гг. Рускинымъ, Горбуновой и Горскимъ, уже можно позволить себѣ кое-какія заключенія. Работа эта будетъ нетрудная и недолгая, потому что самыя данныя очень ужъ выразительны. Приходится прежде всего сознаться, что разьединеніе интеллигенціи съ народомъ,—разьединеніе не органическое. Почему-бы, напр., Орлову и Соловьеву не основаться среди народа и не служить ему въ качествѣ интеллигентныхъ работниковъ? Орловъ занимается «мурашами» и «червями» и изыскиваетъ средства какъ «порѣшить» этихъ враговъ земледѣльца: развѣ это бесполезное, ненужное для народа знаніе и занятіе? Соловьевъ «изъ-за двѣнадцати съ полтиной» готовъ жилы изъ себя вытянуть, чтобы помочь крестьянскимъ ребятишкамъ осилить грамоту: въ интересахъ народа онъ дѣйствуетъ или нѣтъ? И въ природѣ вещей, какъ оказывается, нѣтъ ничего такого, чтобы стояло неотразимымъ, неизбѣжнымъ «срѣдостеніемъ» между Тлинь и Соловьевыми, съ одной стороны, и народомъ—съ другою. Не зная Орлова, Вахрамѣй, по совѣту Шиворотова, чуть не убилъ его; познакомившись съ нимъ, чуть-чуть, за чайнымъ столомъ только, онъ говоритъ про Орлова, что тотъ «очень ужъ хорошій парень, обходительный». А за Соловье-

ва знавшіе его мужики заступились на «негласномъ дознаніи», заявивъ напрямикъ, что «ничего худого за своимъ учителемъ не замѣчали». Тѣмъ не менѣе, какъ Орловъ, такъ и Соловьевъ отошли, отодвинулись отъ народа, не принося ему и сотой доли той пользы, которую могли-бы принести. Отчего это произошло? «Новое Время» отвѣтитъ на этотъ вопросъ безъ затрудненія, какъ всегда: отъ того, скажетъ почтенная газета, что въ нашей интеллигенціи нѣтъ выдержки, нѣтъ выносливости, нѣтъ умѣнья приснаравливаться къ обстоятельствамъ, нѣтъ настойчивости, нѣтъ того, нѣтъ другого, нѣтъ десятаго. Очень можетъ быть. Но возможно и то, что напр. Соловьеву повредила его «нѣ-которая нравственная шепетильность», въ силу которой онъ оказался не въ состояніи смиренномудренно переносить выходы о. Ивана и г. Хребтова.

М. П.

НОВЫЯ КНИГИ.

Вечерніе огни. Собрание неизданныхъ стихотвореній *А. Фета*.
Москва. 1883.

Фаустъ. Трагедія Гете. Части I и II. Переводъ, предисловіе
и примѣчанія *А. Фета*. Москва. 1882—83.

Наше время называютъ — точнѣе сказать обзываютъ — временемъ по преимуществу прозаическимъ. Насъ, современныхъ людей, упрекаютъ въ матеріализмъ, грубомъ утилитаризмъ, въ презрѣніи къ прекрасному, къ искусству, колятъ намъ глаза тѣмъ, что мы, будто-бы, ставимъ сапоги выше Шекспира. Это послѣднее выраженіе—на счетъ сапогъ и Шекспира — стало даже классическимъ, приобрѣло значеніе формулы, выражающей, будто-бы, всѣ наши эстетическіе взгляды, отъ а до з.

Со стороны посмотрѣть — какіе мы диковинные люди, подумаешь! Мы отрицаемъ очевидность, — болѣе того, отрицаемъ то, чѣмъ сами всегда пользовались, пользуемся и теперь, какъ однимъ изъ самыхъ подходящихъ средствъ! Вѣдь эстетическое чувство, чувство прекраснаго вообще, въ чемъ-бы это прекрасное ни выражалось, — непосредственно-ли въ природѣ или въ искусствѣ — можно сказать шестое наше чувство. Оно свойственно даже дикарямъ; мы наблюдаемъ его проявленія даже въ бессловесныхъ животныхъ. Выходить, мы, такъ называемые враги красоты и отрицатели прекраснаго, хуже татуированнаго индѣйца, ниже и глупѣе какого-нибудь павлина или попугая, шеголяющаго своимъ опереніемъ.

Какъ полемическій приѣмъ (вѣдь мало-ли какіе приемы бываютъ!), подобныя обвиненія, какъ они ни очевидно-неправдоподобны, понять легко. Но принять ихъ какъ серьезное сужденіе, какъ дѣйствительную квалификацію нашихъ эстетическихъ воззрѣній, повѣрить, что мы не шута ставимъ сапоги выше Шекспира — для всего этого нужно стоять именно на уровнѣ разви-

тія сапожника, понимающаго толкъ только въ однихъ сапогахъ. О чемъ тутъ говорить? Самый рѣшительный изъ нашихъ «отрицателей» искусства, сказавшій, въ минуту крайняго полемическаго увлеченія, что «вранье» и «поэзія»—синонимы,—самъ Писаревъ можетъ служить лучшимъ для насъ примѣромъ. Съ точки зрѣнія чисто литературной красоты, онъ писалъ такъ, какъ не писали никогда ни Аполлонъ Григорьевъ, ни Эдельсонъ и какъ никогда не удастся писать современнымъ эстетикамъ-критикамъ гг. Страхову и Маркову. Этотъ отрицатель поэзіи былъ самъ поэтомъ въ полномъ значеніи этого слова. Пафосъ, лиризмъ, музыкальность рѣчи, образность и мѣткость выражений и характерности — всѣ эти качества, свойственныя только истиннымъ поэтамъ, читатель зачастую находитъ у Писарева. Проза Писарева настолько-же поэтична, насколько сплошь да рядомъ бывають прозаичны стихи очень и очень многихъ, даже изъ патентованныхъ рифмоплетовъ, воображающихъ себя поэтами на томъ только основаніи, что владѣютъ какимъ-нибудь четырехстопнымъ ямбомъ.

Вся вина мнимыхъ «отрицателей» поэзіи, въ томъ числѣ и Писарева, состоитъ въ дерзновенномъ требованіи отъ поэта серьезной мысли. Намъ кажется, это требованіе, вѣрно оно или нѣтъ, правильно или неправильно, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ прежде всего объ *уваженіи* къ искусству нашихъ «отрицателей» искусства. Не очевидно-ли это? Если я признаю ту или другую дѣятельность серьезной и плодотворной, и если я рекомендую тому или другому человѣку посвятить себя этой дѣятельности—это значитъ, что я вѣрю въ его силы и способности, т. е. именно уважаю его. Ребенку мы порекомендуемъ букварь, зрѣлому человѣку уважемъ на другіе пути и источники. Допустимъ на минуту, какъ это ни трудно допустить, что наши «отрицатели» искусства, требуя отъ него активнаго участія въ «житейскихъ волненіяхъ, корыстяхъ и битвахъ» заблуждались, что искусство, какъ насъ увѣряютъ, по самой своей сущности должно быть «свободно», т. е., что для него не писанъ никакой законъ, что его высшая цѣль—«молитвы и сладкіе звуки» и т. д. И все-таки они остаются чисты отъ обвиненія въ *отрицаніи* искусства. Вѣдь они возставали не противъ искусства, какъ сферы дѣятельности человѣческаго духа, а противъ того содержанія, тѣхъ цѣлей, той роли, которыя отводились поэзіи. Неужели стараться объ измѣненіи направленія источника, его теченія, значитъ стараться о томъ, чтобы вовсе завалить и засыпать его?

Разматривая-же эстетическія требованія нашихъ отрицателей въ принципѣ, мы никакъ не можемъ отказать имъ въ значитель-

ной долѣ основательности. Поэты, проповѣдующіе и исповѣдующіе культъ «сладкихъ звуковъ», собственной своею дѣятельностью свидѣтельствуютъ объ его недостаточности и узкости. Взять хоть-бы г. Фета. Богѣе полного и чистаго представителя «святого искусства», въ старомъ значеніи этого слова, трудно и представить себѣ. Г. Фетъ смотритъ на поэзію какъ на «цвѣтокъ весенній, любимый» (3), а его такъ называемая «муза» —

— завѣтная святыня,
На облакъ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ. (224).

Прекрасно. Такъ-бы г. Фету и держаться этого тона, восхвалять «море», «снѣга», «весну» (все это — общія оглавленія цѣлыхъ отдѣловъ стихотвореній г. Фета) и не привлекать свою «незримую землѣ» музу къ нашимъ дѣламъ и дѣлшкамъ. Но г. Фетъ не выдерживаетъ характера и, хорошо или худо — другой вопросъ—не безъ нѣкоторой даже запальчивости вмѣшивается съ своею «задумчивой» музой въ нашу борьбу и суетоку. Такъ, въ стихотвореніи «Къ памятнику Пушкина», г. Фетъ обращается къ своему учителю и спрашиваетъ:

Заслыша нашу рѣчь, нашъ вавилонскій крикъ,
Что въ нихъ нашель-бы ты завѣтнаго, роднаго?

На этомъ торжищѣ, гдѣ гамъ и тѣснота,
Гдѣ здоровый, русскій смыслъ примодѣ какъ сирота,
Всѣхъ громогласный тать, убійца и безбожникъ,
Кому печной горшокъ всѣхъ помысловъ предѣлъ,
Кто плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горѣлъ,
Толкать дервая твой невыблемый треножникъ. (16).

Въ посланіи къ гр. А. К. Т—у г. Фетъ говоритъ въ томъ-же духѣ:

Пускай пришла пора шная,
Пора печальная, когда
Гетера гонитъ площадная
Царицу мысли и труда. (101).

А въ обращеніи къ «музѣ» г. Фетъ, перечисляя свои поэтическія заслуги, между прочимъ замѣчаетъ:

Заботливо храня твою свободу,
Не посвященныхъ я къ тебѣ не звалъ,
И рабскому какъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не осквернялъ. (224).

Какъ видите, г. Фетъ выражается очень сильно. Чтожь? Если поэтъ убѣжденъ, что онъ говоритъ правду, что онъ клеймитъ «татей, убійцъ и безбожниковъ», защищаетъ «царицу мысли» отъ нападеній «площадной гетеры» и пр. и пр.—мы можемъ ему только

аплодировать. Онъ можетъ быть ошибается, пустые призраки принимаетъ за серьезныя опасности и т. п., но намѣренія его, его цѣли заслуживаютъ всяческаго одобренія. Чѣмъ рѣзче его нападенія, чѣмъ болѣе онъ обнаруживаетъ горячности—тѣмъ намъ пріятнѣе—какъ за г. Фета, такъ, въ особенности, и за «отрицателей» искусства. За г. Фета намъ пріятно потому, что его рѣзкость свидѣтельствуетъ, что ему не вовсе чужды общественные мотивы, что его «муза» можетъ заниматься не однимъ только моремъ или свѣтами. А за «отрицателей» искусства намъ пріятно потому, что они совершенно неожиданно для себя находятъ въ г. Фетѣ очень полезнаго себѣ союзника, который собственнымъ своимъ примѣромъ доказываетъ справедливость ихъ требованій: Если ужъ, разсудить всякій безпристрастный читатель, самъ г. Фетъ, этотъ фанатическій поклонникъ «молитвъ» и «сладкихъ звуковъ», принужденъ извлекать изъ своей лиры боевые звуки—значитъ дѣло разгорѣлось не на шутку и общественные интересы слишкомъ настойчиво заявляютъ о себѣ, чтобы ихъ можно было заслонить какими-нибудь «трелями соловья, серебромъ и колыханьемъ соннаго ручья».

Правда, протестъ противъ «гетеры площадной»—единственный идейный, общественный мотивъ, который разрабатывается г. Фетомъ. Но для «отрицателей» искусства, для обезпеченія за ихъ основнымъ принципомъ побѣды, достаточно и этого: все таки, значить поэтъ можетъ, не роняя достоинства своей богини—музы, давать волю своему негодованію, своей злобѣ, своей ненависти, какъ и своему восторгу и своей любви, и можетъ—главное—выражать въ своихъ произведеніяхъ не одни только неопредѣленные ощущенія, но и совершенно опредѣленные воззрѣнія. А разъ мы перешли на эту почву, вопросъ совершенно измѣняетъ свой видъ. Передъ нами является прежде всего необходимость разсмотрѣть идеи поэта по ихъ содержанію, опредѣлить за кого и за что онъ борется, какими именно мотивами онъ вдохновляется. Обращаясь съ такими вопросами къ г. Фету, желая выяснить, что собственно его волнуетъ и печалитъ въ нашей жизни—мы останавливаемся въ недоумѣніи. Въ приведенныхъ нами выше стихотворныхъ полемическихъ выходкахъ заключается весь идейный багажъ г. Фета какъ художника, вся-же остальная оригинальная (т. е. не переводная—въ книгѣ много переводовъ) часть книги посвящена разработкѣ смутныхъ и неопредѣленныхъ ощущеній, разработкѣ, которая собственно и составляетъ всю поэтическую «славу» г. Фета. Какъ тутъ быть, спрашивается? Не подлежитъ сомнѣнію, что г. Фетъ кѣмъ-то или чѣмъ-то сильно разсерженъ—но чѣмъ именно—понять не легко. Въ нашу «печальную пору» говорить, какъ

мы видѣли, г. Фетъ—«всѣхъ громогласнѣй тать, убійца и безбожникъ». Повидимому, это очень опредѣленно формулировано и нельзя не согласиться съ поэтомъ, что та «пора», въ которой «тати», т. е. по просту вору, разыгрываютъ роль «патріотовъ своего отечества»—пора печальная. Но далѣе оказывается, что по понятіямъ г. Фета «тать, убійца и безбожникъ» совсѣмъ не то, что по нашимъ, обыкновеннымъ понятіямъ. Тать тотъ, «кому печной горшокъ всѣхъ помысловъ дороже»; убійца тотъ, «кто шлеть на алтарь, гдѣ твой (Пушкина) огонь горитъ»; безбожникъ тотъ, кто «толкать дерзаетъ незыблемый треножникъ». Не нужно удивляться чрезмѣрной оригинальности такихъ воззрѣній: въ г. Фетѣ они совершенно естественны. Для него міръ, т. е. не только природа, но и человѣкъ — только объектъ для «пѣсенъ», которые одиѣ только и имѣютъ въ его глазахъ настоящую важность. Тотъ поэтъ, который осмѣлился-бы, оставивъ въ сторонѣ воспѣваніе весны и моря, попечалится, напримѣръ, надъ судьбою людей, для которыхъ даже «печной горшокъ» составляетъ очень цѣнную утварь—по мнѣнію г. Фета «псевдо-поэтъ», которому онъ съ благороднымъ негодованіемъ скажетъ:

На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ,
Тамъ для стоакаго слѣнца
Цѣнный грошевый твой разсудокъ
Безумной прихоти цѣнца.

Тамъ сбытъ малеванному хламу,
На этой затхлои площади,
Но къ музамъ, къ чистому ихъ храму,
Продажный рабъ, не подходи.

Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ,
Ты слова гордаго: *свобода*
Ня разу сердцемъ не постигъ;

Не возносима богомольно
Ты въ ту свѣжьющую мглу,
Гдѣ беззавѣтно лишь привольно
Свободной пѣснѣ, да орлу. (88).

Въ этомъ «сильномъ» стихотвореніи выразилось все міросозерцаніе нашего не «псевдо-поэта». Кто не признаетъ превосходства «безумной прихоти» надъ разсудкомъ, кто понимаетъ свободу не въ смыслѣ богомольнаго возношенія въ свѣжьющую мглу — тотъ хуже тати, убійцы и безбожника.

Горячность г. Фета понятна. Онъ въ этомъ случаѣ говорить pro domo sua. Въ самомъ дѣлѣ, признаніе истиннымъ поэтомъ только того поэта, которому близки и дороги интересы «стоакаго слѣнца», т. е. толпы—было-бы для г. Фета признаніемъ самоубій-

ственнымъ: вѣдь онъ всю жизнь свою ухлопалъ, весь талантъ свой потратилъ на вослѣваніе старыхъ камней, роняющихъ въ прудъ слезы. Онъ самъ, въ минуты умственного просвѣтленія, понимаетъ, что его время и, главное, время его поэзіи, прошло навсегда и горестно замѣчаетъ:

Тому что было—не бывать,
Иные сны, иное племя;
Зачѣмъ-же рѣшмы призывать?
Какъ будто прежнее то время (106).

Къ сожалѣнію, минуты такого просвѣтленія посѣщаютъ г. Фета крайне рѣдко.

Зная физиономію г. Фета, какъ самостоятельнаго художника, читатель можетъ апріори рѣшить, насколько г. Феть можетъ быть удовлетворителенъ въ роли переводчика художественныхъ произведеній. Жуковскій, кажется, сказалъ, что переводчикъ-прозаикъ—рабъ автора, тогда какъ переводчикъ-поэтъ—соперникъ автора. Г. Феть перевелъ стихами обѣ части «Фауста» Гете, т. е. согласно опредѣленія Жуковского, является передъ нами соперникомъ Гете. Но, положимъ, Жуковскій выразился елишкомъ рѣшительно. Во всякомъ случаѣ, г. Феть не только «соперникомъ», но и «рабомъ» Гете быть не въ состояніи, потому что хорошій рабъ долженъ понимать своего господина, а это для г. Фета въ данномъ случаѣ невозможно. Говоримъ это отнюдь не въ укоръ г. Фету. Ничего не можетъ быть проще, что трубадуру весеннихъ розъ и разныхъ томныхъ чувствъ и ощущеній не можетъ быть ни вполнѣ понятно, ни вполнѣ симпатично такое произведеніе, какъ «Фаустъ», произведеніе великаго и протестующаго человѣческаго духа. Результаты этого неестественнаго общенія нашего крошечнаго и вротчайшаго г. Фета съ такимъ могучимъ умомъ и мятежнымъ духомъ какъ Фаустъ получались курьезные. Въ переводѣ г. Фета Фаустъ является какимъ-то обезцвѣченнымъ резонеромъ, сидящимъ въ плохихъ стихахъ выразить какія-то замысловатыя мысли. Да что Фаустъ и его страстные монологи! Г. Феть не сумѣлъ даже передать грустную и трогательную нѣжность поэтическихъ жалобъ Маргариты, хотя, казалось-бы, средствъ его лирическаго таланта должно было на это хватить. Вотъ, напр., какъ передалъ г. Феть знаменитую пѣсню Маргариты:

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его —
Никогда не найти.
Гдѣ онъ не со мной,
Все гробъ пустой;

Глядѣть на свѣтъ
 Охоты нѣтъ.
 Мой бѣдный умъ
 Пошолъ кругомъ,
 Мой бѣдный смыслъ
 Исчезъ во всемя.
 За нимъ лишь гляжу я
 Изъ окна,
 За нимъ лишь иду я
 Изъ дома одна.
 Какая поступь,
 Какъ сложенъ,
 Кто улыбнется,
 Кто глянетъ какъ онъ?
 И эта рѣчь,
 Какъ пѣнье струй,
 И рукожатъе,
 И поцѣлуй!
 Душа летитъ
 Его встрѣчать.
 Ахъ, какъ-бы схватить
 И его удержать!
 И цѣловать
 Его и мѣять,
 И въ поцѣлуяхъ
 Умереть!

Это не пародія: это г. Фетъ въ серьезъ такъ переводитъ. И такія-то рубленныя вирши долженъ читать читатель, который если не знаетъ «Фауста» въ подлинникѣ, то по крайней мѣрѣ знакомъ съ нимъ по прекраснымъ передачамъ Вронченко и Струговщикова! Даже переводъ Грекова гораздо лучше перевода г. Фета, о которомъ, какъ о переводчикѣ Шекспира Кетчерѣ, можно сказать, что онъ «не перевелъ, а переперъ» трагедію Гете.

Г. Фетъ «переперъ» стихами и вторую часть трагедіи,— работа, достойная трудолюбиваго самого Третьяковскаго, Здѣсь любопытно отмѣтить то обстоятельство, что г. Фетъ сначала изъ чтенія 2-й части «подобно другимъ выносилъ чувство неудовлетвореннаго изумленія». Но побесѣдовавъ однажды съ графиней Софьей Андреевной Толстой, г. Фетъ измѣнилъ свое мнѣніе и сталъ находить въ изученіи 2-й части «Фауста» — «высокое духовное наслажденіе» (см. посвященіе). Въ «предисловіи» г. Фетъ старается сыграть по отношенію къ читателю ту самую роль, какую сыграла по отношенію къ нему самому гр. Толстая, но едва-ли надобно прибавлять, что его усилія остаются напрасными.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Его личность и поэзія. Изъ публичныхъ чтеній въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся ученицамъ С.-Петербургской Маріинской женской гимназіи. Составилъ *М. А. Орловъ.* Спб. 1883.

Наши спеціалисты всѣхъ возможныхъ отраслей знанія горько жалуются иногда на недостаточное вниманіе къ ихъ трудамъ со стороны нашей журналистики. Справедливы или несправедливы эти жалобы вообще, необходимо замѣтить, что это невниманіе — допуская, что оно дѣйствительно существуетъ — инымъ «спеціалистамъ» должно-бы быть даже очень приятно. Достоинство работъ этихъ спеціалистовъ таково, что чѣмъ меньше число людей узнаютъ о существованіи этихъ работъ, тѣмъ лучше для ученой репутаціи ихъ авторовъ. Г. Орловъ — какъ разъ изъ такихъ спеціалистовъ.

Г. Орловъ (какъ это видно изъ объявленія, напечатаннаго на обложкѣ книги) занимался и занимается составленіемъ учебниковъ по исторіи русской литературы. Учебники «идутъ ходко», какъ выражаются книгопродавцы, выдерживаютъ по нѣскольку изданій и, значитъ, служатъ для нашей учащейся молодежи источникомъ, изъ котораго она почерпаетъ свои знанія объ исторіи русской литературы. На этихъ лаврахъ г. Орлову и слѣдовало-бы успокоиться. Критика не потревожила-бы его учебниковъ, частью потому, что уже давно махнула рукою на ту заповѣдную и таинственную область, въ которой даже г. Иловайскій является крупнымъ дѣятелемъ, частью потому, что она имѣетъ въ виду зрѣлыхъ читателей, для которыхъ чтеніе учебниковъ не обязательно. Но г. Орловъ забылъ свой шестоубъ, и изъ гимназическихъ классныхъ комнатъ, въ которыхъ онъ былъ у себя дома, ему заблагоразсудилось выйти на широкую публичную арену журналистики. Въ качествѣ автора критико-біографическаго этюда о Лермонтовѣ, г. Орловъ какъ-бы напрашивается на оцѣнку его литературныхъ знаній и способностей, и мы ему въ этой оцѣнкѣ не откажемъ.

Спеціалистъ по русской словесности, г. Орловъ, къ сожалѣнію и къ удивленію нашему, не умѣетъ ни писать, ни читать. Такая рѣшительная «оцѣнка» наша, нуждается, разумѣется, въ доказательствахъ, которыя мы сейчасъ и представимъ, выбирая такія, которыя-бы лишили автора всякой возможности спрятаться за корректора — это возлище отпущенія всѣхъ малограмотныхъ писаекъ. На первой-же страницѣ мы съ изумленіемъ узнаемъ, что у насъ существуетъ торжественный гимнъ: «наша матушка Россія всему свѣту голова». Да, да, такъ и напечатано: «торжественный побѣдннй гимнъ славнаго Екатеринбургскаго царствованія: «Громъ по-

бѣды, (запятая!) раздавайся, веселися, (запятая!) храбрый россы!» смѣнился еще болѣе громкимъ и восторженнымъ: «Наша матушка Россія всему свѣту голова!» Кто слыхалъ о такомъ «гимнѣ?» Бабушка поэта, оскорбившаяся самовольнымъ выходомъ дочери замужъ, успѣла произвести распрю между мужемъ и женою, что и было причиною преждевременной ея смерти». (4). Бѣдная бабушка! Тебя преждевременно свела въ могилу грамотность специалиста русскаго языка! «Жизнь человѣка, отмѣченнаго небомъ печатью генія, первѣе всего принадлежитъ, конечно, самому ему, но главнымъ образомъ принадлежитъ родной странѣ и всему человѣчеству» (19). Казалось-бы, коли «первѣе», то и «главнымъ образомъ», а коли «главнымъ образомъ», то и «первѣе».

Такъ пишетъ г. Орловъ. Не менѣе удачно онъ читаетъ, т. е. понимаетъ прочитанное. Приведемъ одинъ, но зато рельефный образчикъ. Между стихотвореніями Лермонтова есть одно, замѣчательное по тому кроткому, умиротворенному и даже умиленному чувству, которое вообще мало свойственно Лермонтову. Въ этомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ, что когда онъ созерцаетъ мирныя картины природы — желтѣющую ниву, прячущуюся въ саду малиновую сливу, студеныя ключи, играющія по оврагу, ландышъ серебристый и т. п., тогда смиряется души его тревога, расходятся морщины на челѣ и онъ можетъ постичь счастье на землѣ. Прочитавши это стихотвореніе, г. Орловъ говоритъ: «въ стихотвореніи «Когда волнуется желтѣющая нива» рисуется мрачная картина безотраднато состоянія души». Томительная душевная «тревога царитъ во всей своей силѣ, проводя глубокія морщины на челѣ поэта; вѣра въ провидѣніе потеряна и съ нею погибла и надежда на земное счастье» (38). Не изумительно-ли это? Правда, дальше г. Орловъ спохватывается и говоритъ о «смягчающемъ, успокаивающемъ душу впечатлѣніи», но зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ онъ говорилъ за нѣсколько строкъ о «безотраднотомъ состояніи души», состояніи, на которое въ стихотвореніи нѣтъ даже малѣйшаго намека?

Затѣмъ, что касается собственно критическихъ замѣчаній и характеристикъ г. Орлова, то они живѣйшимъ образомъ напоминаютъ «сочиненія» исправныхъ гимназистовъ среднихъ классовъ: это или шаблонныя фразы, съ претензіей на краснорѣчіе, или банальный пересказъ стихотворенія «своими словами». Опять-таки приведемъ образцы. «Нужно замѣтить, что прозаическій слогъ Лермонтова отличается не меньшими достоинствами, какъ и стихотворенія: онъ вездѣ ярко живописенъ, легокъ, сжатъ и граціозно-быстръ; по мѣстамъ-же является то величаво-чарующимъ, то нѣжно ласкающимъ». (62). Эта гимназическая зловенція слу-

жить вмѣсто характеристики. А какъ на образецъ разбора, можемъ указать на разборъ знаменитой «Думы»: это голая перефразировка, ровно ничего не выражающая и не доказывающая, кромѣ желанія во чтобы-то ни стало заполнить чѣмъ-нибудь книжку. Къ такимъ перефразировкамъ исповонъ вѣка прибѣгаютъ «критики», которымъ нечего сказать.

Принцъ и нищій. Историческій романъ для юношества всѣхъ возрастовъ. Сочиненіе *Марка Твена* (Самуэля Клеменса). Съ 150 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго. Сиб. 1884.

Прежде всего считаемъ нужнымъ разсказать то предубѣжденіе, которое неминуемо возбуждается въ читателѣ заглавіемъ книги. «Историческій романъ» да еще «для юношества» — это должно быть что-нибудь необыкновенно нравственное и необыкновенно скучное, прѣсное и безцвѣтное. Такъ долженъ подумать всякій читатель, но на этотъ разъ онъ очень ошибется, въ величайшему своему удовольствію, разумѣется. «Романъ» Твена созданъ далеко не по обычному шаблону и значеніе его — значеніе серьезное — обуславливается не какими-нибудь его художественными красотоми, которыхъ въ немъ и не имѣется, а совершенно иными достоинствами. Честнымъ духомъ, трезвымъ смысломъ, вѣрнымъ пониманіемъ вещей проникнута эта прекрасная книга. Беллетристическая, даже сказочно-фантастическая оболочка, въ которую Твенъ облекъ свою идею, именно только оболочка, не имѣющая даже трестепеннаго значенія.

По содержанію своему, произведеніе Твена — чистѣйшая сатира. Идея этой сатиры — элементарна, но элементарна только въ теоретическомъ смыслѣ, отнюдь не въ практическомъ. При всей своей элементарности и общезвѣстности, эта идея до того вышается надъ дѣйствительностью, что достигаетъ почти значенія идеала. Именно — идеала. Книга предназначена для «юношества всѣхъ возрастовъ» и не даромъ; сорокалѣтніе и пятидесятилѣтніе юноши, у которыхъ, по пословицѣ, борода выросла, а ума не вынесла, могутъ многому научиться изъ книги Твена. Идея-то элементарна, да они-то до нея еще не доросли. Очень хорошо зная эту идею какъ теоретическое положеніе, на практикѣ они на каждомъ шагѣ забываютъ о ней и отсюда ихъ — даже не юношескіе, а просто телачьи восторги, отсюда ихъ готовность умиляться даже до проливанія слезъ по поводу явленій, всю мишурность которыхъ Твенъ показываетъ намъ во-очію. Въ виду именно этого

мы и сказали, что идея Твена имѣеть для насъ и у насъ значеніе идеала.

Отсылая читателя къ самому «роману» Твена и настойчиво рекомендуя ему познакомиться съ этимъ только по названію «историческимъ», а на самомъ дѣлѣ вполнѣ современнымъ произведеніемъ, мы не намѣрены излагать здѣсь содержаніе, т. е. фабулу «романа». Эта фабула незамысловата и въ то-же время сказочна, вообще не замѣчательна ни въ какомъ отношеніи. Болѣе того: съ чисто литературной точки зрѣнія, т. е. съ точки мастерства повѣствованія, искуснаго развитія событій, интереса интриги и т. д. — произведеніе Твена — вещь слабая, далеко уступающая напр. «романическимъ исторіямъ» или «историческимъ романамъ» г. Мордовцева. Но всѣ эти недостатки съ огромной лихвой выкупаются присутствіемъ живой и здоровой мысли, красной нитью проходящей черезъ весь «романъ».

Въ отношеніи перевода и внѣшней стороны* изданія книга удовлетворяетъ читателя. Позволимъ себѣ сдѣлать г. Суворину — издателю Твена — только одно замѣчаніе формальнаго свойства. На книгѣ значится 84-й годъ. Нашею издательскою практикою установился обычай, въ силу котораго книги, выходящія въ свѣтъ за мѣсяць, за два, за три до новаго года помѣчаются будущимъ годомъ. Г. Суворину этого срока мало. Выпустивъ въ свѣтъ книгу въ первой половинѣ текущаго года, онъ развязно помѣтилъ ее будущимъ годомъ — для «свѣжести», такъ сказать. Это отдаетъ фальсификаціей, о которой, по правдѣ говоря, мы, охотно, впрочемъ забудемъ, если — что не невозможно — оно поспособствуетъ большому распространенію прекрасной книги Твена.

О письмѣ вообще, о зернальномъ письмѣ въ частности и о роли обоихъ полушарій большого мозга. Патолого-физиологическое изслѣдованіе М. М. Манассеиной. Спб. 1883.

Если-бы наши патріоты заглянули въ русскую литературу школьнаго вопроса и ознакомились съ многочисленными изслѣдованіями болѣзней учащихся, разныхъ педагогическихъ и гигиеническихъ порядковъ и вообще всего строя современной школы, они имѣли-бы основаніе придти въ недоумѣніе и даже огорчиться. Въ самомъ дѣлѣ, вся эта русская литература, обращающаяся къ русской публикѣ, на русскомъ языкѣ, говоритъ преимущественно объ иностранной школѣ, ее только имѣеть въ виду, ее желаетъ перестроить и реформировать для блага учащихся поколѣній; но о школѣ русской въ ней почти нѣтъ и помину, имена русскіе между

исслѣдователями всѣ на перечесть; они попадаются въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. А между тѣмъ школа, конечно, не Богъ знаетъ какихъ научныхъ силъ требуетъ для своего изслѣдованія, и въ различныхъ сферахъ теоретической мысли эти силы, какъ извѣстно, встрѣчаются у насъ теперь уже нерѣдко и заявляютъ о себѣ иногда весьма солидными и даже блестящими трудами. Но всегда, когда дѣло идетъ о приложеніи знанія въ жизни—русскихъ дѣятелей нѣтъ и русское слово безгласно. У насъ до сихъ поръ область экономическихъ явленій не находить для себя талантливыхъ изслѣдователей, которые наблюдали-бы ихъ вблизи, самолично, и изъ тѣхъ, кто пишетъ о народѣ, о его матеріальномъ положеніи и социальномъ-экономическихъ условіяхъ его жизни, очень рѣдкіе имѣли возможность видѣть эту жизнь *au naturel*, «своими глазами», большинство-же не переступало порога крестьянской избы и съ мужикомъ не могло перекинуться ни единымъ словомъ. Чтобы объяснить себѣ причины этого, никакихъ хитрыхъ и тонкихъ соображеній не требуется. У насъ совсѣмъ не водится, чтобы люди переѣзжали съ мѣста на мѣсто, во все всматривались, обо всемъ сами разузнавали съ единственной цѣлью разработать весь этотъ живой матеріалъ фактовъ въ интересахъ истины и на пользу отечества. Когда такой человѣкъ объявляется гдѣ-нибудь на Западѣ, онъ не только никому не кажется страннымъ, но его повсюду ожидаетъ самое горячее участіе и искреннѣйшее содѣйствіе его цѣлямъ, между тѣмъ какъ у насъ онъ ничего не возбудитъ, кромѣ ряда недоумѣній и вопросовъ. Попробуйте въ какомъ-нибудь глухомъ уголкѣ объяснить, что вы явились для научныхъ изслѣдованій и желаете, напр., ознакомиться съ социальнымъ положеніемъ мѣстности; вы, навѣрное, не встрѣтите, какъ на Западѣ, всеобщей готовности помогать вамъ, но «даже совсѣмъ напротивъ». Вообще-же вы будете предметомъ размышленій про себя въ такомъ родѣ: «Что еще тамъ за наука? Какая наука? Кому нужна ваша наука?» И дѣйствительно, на кого эта наука можетъ вліять у насъ, на какіе умы воздѣйствовать? Не имѣя никакого значенія и вѣса на ряду съ другими регуляторами и пружинами нашей жизни, наука даже со стороны образованныхъ слоевъ общества не можетъ рассчитывать на помощь, на то, чтобы ей почтительно давали дорогу всюду, куда она устремляется. Стихійнаго навѣжества у насъ еще слишкомъ много, и если обыкновенно оно сдерживается въ границахъ внѣшняго благопріимчія, то при этомъ многимъ изъ этихъ образованныхъ совсѣмъ не по себѣ бываетъ, и лишь только имъ удастся сдѣлаться какою-нибудь «спницей въ колесницѣ» и войти въ свои права, они никакого срама не имутъ и имъ на всякую науку наплевать.

На эти грустные соображенія наводитъ трудъ г-жи Манассеиной. Это работа очень почтенная и замѣчательная по обширному знакомству автора съ западно-европейской литературой и въ особенности потому, что вопросъ, избранный г-жею Манассеиной, совсѣмъ почти новый въ наукѣ и притомъ изъ крупныхъ и далеко не изъ легкихъ. Но не въ этомъ, однако, дѣло. По самой сущности изслѣдованій г-жи Манассеиной, ей очень важно было пользоваться фактическими данными школьной практики, и въ этихъ видахъ она попробовала было толкнуться то въ то, то въ другое учебное заведеніе. Но что-же изъ этого вышло? Г-жа Манассеина говоритъ объ этомъ такъ: «Всѣ мои попытки получить возможность производить научныя изслѣдованія надъ развитіемъ дѣтей въ школахъ, встрѣчали до сихъ поръ только какое-то *недостричивое и недоброжелательное* отношеніе даже со стороны людей, повидимому, всего ближе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ» (стр. 73). Вопросъ шель объ одномъ крайне серьезномъ, недавно описанномъ проф. Альтгаузомъ, страданіи мозга, которое всего удобнѣе было-бы изслѣдовать на учащихся. Болѣзнь эта—астенія лобныхъ долей—чаще всего вызывается утомленіемъ головного мозга отъ чрезмѣрнаго напряженія его и непосильной умственной работы, слѣдовательно школа—настоящее мѣсто этой болѣзни. Мы затрудняемся подыскать названіе поступку тѣхъ господъ педагоговъ, которые такъ безжалостно и безсердечно отклоняли отъ своихъ питомцевъ помощь и защиту науки. Трудно предположить, чтобы господа педагоги вообразили себѣ, что г-жу Манассеину влечетъ въ ихъ школы одно праздное любопытство, удовлетворять которому ихъ не обяываютъ никакія разумныя основанія. Что любопытнаго въ самомъ дѣлѣ въ ихъ школахъ? Вѣдь это не театръ, куда являются для развлеченій и удовольствія; напротивъ, на каждаго свѣдущаго и наблюдательнаго человѣка, на врача и гигиениста посѣщеніе любой изъ нашихъ школъ можетъ произвести лишь самое тягостное и неприятное впечатлѣніе, такъ какъ на каждомъ шагѣ пришлось-бы наталкиваться на пагубные результаты педагогической небрежности и близорукости. Возраженіе этихъ педагоговъ можно заранѣе предвидѣть. «Нельзя-же, скажутъ они, раскрывать настежь двери предъ каждымъ, желающимъ сунуть въ школу свой носъ»? Здѣсь вся сила въ этомъ словечкѣ «каждый», но неужели же эти педагоги настолько опасаются за свою догадливость и за свой смыслъ, что и изъ бесѣды съ посѣтителемъ они боятся не вывести заключенія—является-ли къ нимъ «каждый» или нѣтъ, и неужели, наконецъ, имъ не поможетъ въ этой нерѣшительности ихъ то соображеніе, что школа въ самомъ дѣлѣ не увеселительное-же мѣсто, куда старается по-

пасть и простой смертный, и ученый изслѣдователь? Впрочемъ, напрасный, кажется, трудъ убѣждать и усовѣщевать этихъ педагоговъ, напрасно указывать имъ на то, что, сознательно отклоняя содѣйствіе науки для охраненія физическихъ и умственныхъ силъ учащихся, они измѣняютъ своему призванію печясь о благѣ подрастающихъ поколѣній. Не разъ уже заходила и объ этомъ рѣчь въ литературѣ, будетъ писаться, конечно, объ этомъ и впредь, потому что трудно хранить молчаніе въ виду столь опаснаго по своимъ послѣдствіямъ равнодушія педагоговъ къ самымъ кровнымъ и близкимъ интересамъ молодежи и, слѣдовательно, всего общества. Но мы думаемъ, что всѣ аргументы отъ нравственности, всякія устыженія и увѣщанія не много помогутъ, а во всякомъ случаѣ такой путь былъ-бы самымъ медленнымъ и невѣрнымъ для достиженія какихъ-либо полезныхъ результатовъ. Нѣтъ-ли однако какой-нибудь возможности легализировать формальнымъ порядкомъ вмѣшательство медицины и гигиены въ дѣла школы? По здравому смыслу очевидно, что право педагоговъ *«не пуцать»*, право ихъ надъ жизнью и смертью учащихся, право распоряжаться ими какъ угодно, не можетъ существовать въ неограниченной формѣ. Такого права не имѣютъ даже родители надъ дѣтьми, слѣдовательно о школѣ говорить нечего; въ обоихъ случаяхъ контроль закона является необходимостью. Вопросъ только въ томъ, какъ организовать дѣйствительный, а не номинальный врачебно-санитарный контроль надъ школой. На Западѣ уже дебатруется этотъ вопросъ, но пора-бы, кажется, и намъ поставить его на очередь. Въ настоящее время высшее начальство повѣряетъ и ревизуетъ школу только въ учебномъ отношеніи, оно обращаетъ вниманіе на умственные успѣхи учащихся, на приобрѣтаемыя ими знанія, и если съ этой стороны все обстоитъ благополучно—начальство остается довольнымъ, оно благодаритъ и поощряетъ школу *«шеествовать тою-же стезею»*. Но сомнительно, такъ-ли-бы это было, если-бы, напр., существующіе экзамены дополнялись еще и другого рода испытаніями—испытаніями физическихъ силъ и здоровья учащихся, и если-бы найдено было, что лучшіе ученики по успѣхамъ въ наукахъ оказываются слабѣйшими въ физическомъ отношеніи и что здоровье ихъ ухудшилось со времени ихъ поступления въ школу, то, конечно, рѣчь уже шла-бы не о заслугахъ школы, а о степеняхъ ея виновности, о ея способности и умѣннн учить вообще, о мѣрахъ противъ ея усердія. Школа въ такомъ случаѣ никакъ не могла-бы утверждать, что она исполнила свою обязанность, ибо очень понятно, что хоть-бы она и наградила учащагося обширной массой познаній, но она-же *de facto* и отняла эти познанія, сдѣлавъ ихъ недѣйствительными. Это она укладываетъ

своихъ питомцевъ на всю жизнь въ постель и заставляеть ихъ проводить тягостные дни свои подъ одѣяломъ, а для этого знанія вовсе не нужны, они имѣютъ силу только тогда, когда можно бодрствовать въ обществѣ здоровыхъ и примѣнять ихъ на пользу себѣ и другимъ. Впрочемъ, все это говорится совершенно условно, для примѣра; мы отнюдь не считаемъ достаточнымъ и даже полезнымъ медицинскій контроль въ формѣ ежегодныхъ испытаній физическiй силъ учащихся. Необходимо нѣчто большее, а что именно—объ этомъ лучше поговорить въ другомъ мѣстѣ и въ другое время. Несомнѣнно только, что этотъ медицинскій контроль могъ-бы такъ или иначе содѣйствовать и дѣламъ науки, онъ даже долженъ былъ-бы это дѣлать, если онъ хочетъ быть дѣйствительнымъ. Въ настоящее время, не смотря на массу уже открытыхъ въ школахъ неурядицъ, вредно вліяющихъ на здоровье учащихся, многія болѣзни, порождаемыя ошибочными и ложными системами воспитанія, еще не вполне изучены, а инныя, быть можетъ, и вовсе не открыты, вслѣдствіе замкнутости нашей школы, и потому борьба съ ними пока немислима. Для обнаруженія и предостереженія ихъ необходимы предварительныя изслѣдованія, которымъ само-собою разумѣется, долженъ быть предоставленъ самый широкій просторъ. Что благодаря отсутствію такихъ изслѣдованій теперь въ школахъ зарождаются и зрѣютъ на глазахъ педагоговъ весьма серьезныя болѣзни, это уже видно отчасти по выше упомянутой нами астэніи лобныхъ долей. Достаточно ознакомиться по книгѣ г-жи Манассеиной, съ симптомами этой болѣзни, чтобы заподозрить самое широкое распространеніе ея среди учащихся и чтобы понять, что педагогъ, не имѣющій специальныхъ знаній по физиологiи и анатомiи, совершенно спокойно будетъ относиться къ этой болѣзни, относя ея проявленія къ обычной лѣности и небрежности учениковъ. Г-жа Манассеина имѣла возможность наблюдать нѣсколько случаевъ этой болѣзни, и по большей части главная причина ея — усиленныя умственные занятія. У одной дѣвушки 18 лѣтъ астэнія была явнымъ слѣдствіемъ сильнаго утомленія мозга, вызваннаго экзаменами. У другого субъекта она такъ-же развилась, вслѣдствіе той-же причины; онъ держалъ экзаменъ на доктора медицины. Затѣмъ еще въ трехъ случаяхъ утомленіе мозга и, какъ результатъ этого, астэнія обусловливались напряженной научной дѣятельностью. Но пусть теперь читатель взглянетъ на симптомы этой болѣзни. «Разстройство словесной рѣчи при астэніи лобныхъ долей—пишетъ г-жа Манассеина—начинается съ того, что больные не могутъ сразу вспомнить то или другое имя, то или иное существительное и вслѣдствіе этого у нихъ въ рѣчи являются остановки, прерываемыя досадливыми восклица-

ніями въ родѣ: «ахъ! какъ это называется!» «то-есть» и т. п., пока, наконецъ, не вспомнится забытое слово. Затѣмъ являются оговорки самаго неожиданнаго характера, такъ, напр., вмѣсто того, чтобы сказать «дай полотенце», больной говорить «дай одѣяло»; вмѣсто «хлѣба» онъ говорить «тарелка» и т. д. (стр. 74). Самые важные симптомы этой болѣзни — разстройство рѣчи и письма. По наблюденіямъ г-жи Манассеиной, астэнія проявляется въ двухъ формахъ. Первая состоитъ въ томъ, что больные при письмѣ повторяютъ по нѣсколько разъ слова, слоги и буквы, и любопытно, что однѣ части рѣчи повторяются чаще, другія рѣже; больные эти чувствуютъ какое-то раздраженіе въ области лба, они бываютъ раздражительны, суетливы, придирчивы, по временамъ страдаютъ сильнѣйшими болями въ лѣвой половинѣ головы, и по ночамъ ихъ мучить бессонница. Другая форма характеризуется тѣмъ, что больные въ письмѣ своемъ не повторяютъ, а, наоборотъ, выпускаютъ слова, слоги и буквы. Обыкновенно сначала въ письмѣ выпускаются окончанія словъ и притомъ сперва безгласныя буквы (ъ и ь), затѣмъ выпускаются послѣдніе слоги и, наконецъ, исчезаютъ цѣлыя слова, но опять и здѣсь нѣкоторыя части рѣчи опускаются чаще, другія рѣже. Рѣчь и письмо этихъ больныхъ замедлены: они ко всему относятся апатично, спятъ много, но сонъ не освѣжаетъ ихъ, они просыпаются съ тяжелой головой, съ ноющей болью въ спинѣ. И та и другая форма часто встрѣчаются у одного и того-же лица попеременно. Мышечная система этихъ больныхъ вообще не ослаблена, но имъ съ трудомъ даются разныя мелкія и тонкія мышечныя движенія; они часто ошибаются при игрѣ на фортепiano, съ затрудненіемъ пьютъ, вяжутъ, застегиваютъ пуговицы. «У дѣтей, неумѣющихъ еще писать самостоятельно, говоритъ г-жа Манассеина, астэнія лобныхъ долей отражается: колыѣ отчетливо на томъ, что дѣти пишутъ подъ диктовку или списываютъ съ книги» (стр. 73). Если больные списываютъ съ книги, то они поминутно заглядываютъ въ нее, потому что не могутъ запомнить болѣе двухъ-трехъ словъ. Вотъ главнѣйшіе симптомы этой болѣзни; мы описываемъ ихъ въ полной увѣренности, что многіе родители, присмотрѣвшись къ своимъ дѣтямъ, замѣтятъ въ нихъ слѣды этого недуга, и въ такомъ случаѣ мы совѣтывали-бы имъ сначала тщательнѣе ознакомиться съ нимъ по изслѣдованіямъ г-жи Манассеиной, а потомъ и принять свои мѣры. Но, спрашивается, какъ можетъ относиться педагогъ къ своимъ питомцамъ, страдающимъ этой болѣзнию, какое заключеніе онъ выведетъ изъ того, что кто-либо изъ его учениковъ постоянно дѣлаетъ ошибки въ письмѣ, не договариваетъ и не дописываетъ слова или-же повторяетъ ихъ безъ нужды и безъ тол-

ку. Известно, что въ этихъ случаяхъ разговоръ бываетъ коротокъ. За неправильное письмо — единица, опять повторяются ошибки — опять единица и аттестація ученика, какъ невнимательнаго, небрежнаго и неспособнаго. Педагогу, упражняющемуся въ писаніи этихъ единицъ, и въ голову не приходитъ, что предъ нимъ не неисправимый лѣнтяй, но опасный больной съ пораженнымъ мозгомъ, столько-же повинный въ своихъ ошибкахъ, сколько хромой отвѣтствененъ за неправильное движеніе своихъ ногъ. Но, безъ сомнѣнія, въ подобныхъ случаяхъ важно не столько подмѣчать, хотя-бы и заблаговременно, симптомы болѣзни, сколько предохранять отъ нея, не давая ей вовсе развиваться въ школѣ. Очень понятно, что достигнуть этой важной цѣли относительно только-что описанной болѣзни, а также и другихъ школьныхъ болѣзней мозга и нервной системы, можно только однимъ путемъ предварительнаго изслѣдованія, на что способенъ мозгъ даннаго субъекта, какую силу напряженія онъ въ состояніи развить безъ вреда для себя, безъ риска надорваться и сдѣлаться неспособнымъ къ дальнѣйшей работѣ. Нечего говорить, что точныхъ критеріевъ для подобныхъ испытаній мозга еще нѣтъ въ наукѣ, однако уже и теперь, по замѣчанію г-жи Манассеиной, «возможно подойти къ рѣшенію этого вопроса путемъ систематичныхъ и многочисленныхъ изслѣдованій надъ вниманіемъ, надъ быстротой мысли и надъ большей или меньшей разносторонностію въ ассоціаціи идей у дѣтей различнаго возраста» (стр. 77). Во всякомъ случаѣ и теперь уже медицина не съ пустыми руками явится въ школу, надъ которой она домогается контроля. Разумнымъ педагогамъ этотъ контроль не можетъ быть въ тягость, напротивъ, онъ долженъ быть для нихъ желателенъ, потому что нынѣ, при всемъ сознаніи ошибочности воспитательной системы, орудіями которой они служатъ они ничего не въ состояніи прояснить въ ней. Они — люди подначальные, исполняющіе то, что имъ приказывается и предписывается; ихъ голосъ за ту или другую перемѣну въ методахъ обученія, за сокращеніе учебной программы и учебныхъ часовъ, легко можетъ быть сочтенъ за плодъ неосновательныхъ фантазій, а то и просто за сованіе своего носа туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ. Но иное дѣло, если они встрѣтятъ опору въ лицахъ компетентныхъ, которыя съумѣютъ мотивировать свое мнѣніе и свое требованіе мѣръ вѣскими фактами и осязательными доказательствами.

Мы, впрочемъ, остановились на чисто вводномъ обстоятельстве въ книгѣ г-жи Манассеиной въ виду его огромнаго практическаго значенія. Въ общемъ-же, это трудъ научный, но съ широкими тенденціями, и вполне доступный читающей публикѣ, благодаря от-

лично изложенію. Въ русской литературѣ, сколько намъ извѣстно, трудъ г-жи Манассеиной есть первая попытка обосновать психо-физиологію письма. Странно сказать, но до сихъ поръ письмо, этотъ зауряднѣйшій актъ человѣческаго духа, по крайней мѣрѣ, среднеобразованнаго общества и учащихся, оставался совершенно неизслѣдованнымъ и крайне темнымъ по своей природѣ. Если въ настоящее время удалось что-нибудь сдѣлать въ этомъ отношеніи, то это главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать изученію болѣзней письма, съ которыми г-жа Манассеина довольно обстоятельно знакомитъ читателей. Помимо данныхъ, почерпнутыхъ ею изъ иностранной литературы, она опиралась на свои собственныя изслѣдованія и опыты, которые помогли ей освѣтить вопросъ о письмѣ съ нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ. Въ особой главѣ она подвергаетъ тщательному анализу такъ-называемое зеркальное или вывернутое письмо, т. е. такое письмо, гдѣ всѣ буквы вывернуты въ обратную сторону и представляются такими, какими буквы, написанныя обыкновеннымъ образомъ, кажутся въ зеркалѣ. Но съ особеннымъ интересомъ читается заключительная глава, гдѣ г-жа Манассеина разбираетъ роль обоихъ полушарій мозга и на основаніи новѣйшихъ патологическихъ данныхъ старается воскресить старую теорію двойственности головного мозга. Согласно этой теоріи правое и лѣвое полушарія суть качественно различныя органы духовной жизни; они могутъ имѣть двѣ воли, иногда борющіяся между собою, думать въ разномъ направленіи, заступать мѣсто другъ друга въ патологическихъ случаяхъ, и взаимно контролировать себя. Теорія эта невольно подкупаетъ своей простотой и реализмомъ, но для ея полнаго подтвержденія недостаетъ еще фактовъ, какъ это и признаетъ сама г-жа Манассеина. Но что эта теорія весьма правдоподобна и согласуется со многими явлениями психической жизни нормальныхъ и больныхъ людей, это очень хорошо показано авторомъ. Если-бы оказалось, что теорія эта безусловно справедлива, она произвела-бы коренной переворотъ въ психологіи, и нѣкоторыя изъ ея капитальнѣйшихъ проблемъ, нынѣ не поддающіяся рѣшенію, были-бы уяснены въ значительной степени.

Очерки мелкаго народнаго кредита. Выпуски I и II-й. А. Мудрова, Москва, 1882—83 г.

Блаженъ, кто вѣруетъ и пишетъ такъ, какъ авторъ этихъ очерковъ. Маленькое, пустынное дѣло, обвѣтшалая идея, притомъ слегка еще прихрамывающая, одушевляетъ все существо такихъ писателей, задавая имъ нешуточную работу, которую они

выполняютъ горячо, съ серьезнымъ напряженіемъ умственныхъ силъ, почти съ апостольскимъ увлеченіемъ. Вся сила такихъ счастливыхъ писателей въ ихъ наивномъ оптимизмѣ; пока онѣ теплится въ нихъ, языкъ ихъ не перестаетъ болтать и перо скользить по бумагѣ. Пустячки, о которыхъ, полагаемъ, всѣмъ надобно слушать, особенно, когда говорятъ о нихъ чинно и важно, служатъ главной темой этихъ очерковъ. Невинная проповѣдь бережливости составляетъ ихъ нервъ.

Осѣдлавъ этого заѣзженного конья буржуазныхъ экономистовъ, авторъ, разумѣется, ничего не можетъ сказать намъ новаго; свое у него заключается только въ подчеркиваніи благодущныхъ увѣщаній экономическихъ моралистовъ добраго стараго времени.

Сколько не приходится встрѣчаться съ подобными писаніями, они всегда отличаются тою особенностію, что самый трудный пунктъ проблемы, которой они задаются, считается ими напередъ устраненнымъ и заранѣе рѣшеннымъ; себѣ-же они оставляютъ роль самую легкую и пустую—подбодрять восклицаніями: какъ хорошо, какъ хорошо, какъ полезно сберегать; сберегать необходимо, безъ сбереженій никакъ нельзя и т. п.

Но изъ чего, изъ какихъ достатковъ сберегать? Вотъ что любопытнѣе всего было-бы узнать и что еще никогда не объясняли толкомъ ни одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ бережливости. Повидимому, вопросъ этотъ очень простой и естественный, но странно, онѣ никогда не приходитъ имъ въ голову, они не въводятъ его въ свою задачу, и этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется вся ихъ развязность и благодущіе, хотя въ этомъ-же, конечно, лежитъ причина совершенной бесплодности ихъ поученій. Намѣренія у нихъ обыкновенно наилучшія; они радѣютъ о неимущихъ классахъ, объ ихъ благѣ пекутся и къ нимъ обращаютъ свою рѣчь, но это-то и приводитъ ихъ къ безысходнымъ противорѣчіямъ и лишаетъ ихъ назиданія всякаго смысла. Учи они бережливости людей зажиточныхъ и имущихъ, это было-бы только излишнимъ напоминаніемъ, но ничего а priori невозможнаго и никакого внутренняго противорѣчія не было-бы въ этихъ совѣтахъ. Но они обращаются въ вопіющую бессмыслицу и чепуху, когда они раздаются горькой нищетѣ, бездомной и голодной массѣ пролетаріевъ. Представьте себѣ подобнаго пролетарія, котораго г. Мудровъ дразнитъ такимъ образомъ: «Одно изъ нетрудныхъ средствъ сколотить капиталъ составляютъ сбереженія». «Деньги слѣдуетъ сберегать, конечно, не для корысти и алчности, не для скряжничества и скопидомства, но для накопленія достатка и запаса про черный день» (стр. 1). Сколько нелѣпостей

въ двухъ коротенькихъ фразахъ! Вѣдь сбереженія — свободный излишекъ, капиталъ; значить, если въ первую фразу, вмѣсто слова «сбереженія», поставитъ капиталъ, выйдетъ: «одно изъ нетрудныхъ средствъ сколотить капиталъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть капиталъ». Къ этому топтанію на одномъ мѣстѣ сводится всякая проповѣдь бережливости. Но обратите вниманіе и на второе поученіе: «Деньги слѣдуетъ сберегать, но не для корысти». На экономическомъ языкѣ это можетъ имѣть только одно значеніе: «деньги слѣдуетъ сберегать, но въ такомъ небольшомъ количествѣ, чтобы они были негодны, какъ орудіе корысти или наживы». Моралисты, подобные г-ну Мудрову, не могутъ-же отрицать, что корысть и стремленіе къ наживѣ всего легче должны явиться въ человѣкѣ тогда, если есть какая-либо физическая возможность удовлетворять этимъ стремленіямъ, и это, конечно, и есть та вредная корысть, противъ которой предостерегаетъ г. Мудровъ, потому что корысть мечтательная, платоническая, не переходящая и неимѣющая возможности перейти въ дѣло, едва-ли стоитъ траты словъ. Такимъ образомъ, г. Мудрову, для того, чтобы не вводить публику въ искушеніе, не породить въ ней корыстныхъ вожделеній, а, главное, не давать имъ возможности реально осуществиться, неизбѣжно приходится сказать той-же публикѣ: «сберегайте деньги, но, пожалуйста, какъ можно меньше». Гдѣ предѣлъ и каковъ минимумъ этихъ сбереженій?

Въ исторіи экономическихъ ученій теорія бережливости играла свою роль, она была въ наибольшемъ почетѣ во времена Мальтуса, съ идеями котораго она вполне гармонируетъ, но съ тѣхъ поръ несостоятельность ея, какъ теоретическаго принципа и практической руководительницы человѣческихъ обществъ, много разъ была доказана различными экономистами, и теперь можно уже надѣяться, что она не встанетъ на ноги и при всякой попыткѣ поднять эту давно умершую доктрину, она грузно будетъ валиться въ вырытую ей могилу. Г. Мудровъ, кажется, плохо знакомъ съ исторіей политической экономіи, и онъ, пожалуй, и не подозреваетъ, что вовсе не отрываетъ Америки, но повторяетъ старое-престарое заблужденіе, съ которымъ наука давно уже расчиталась. Основанія, по которымъ эта теорія признана ложной, очень хорошо извѣстны, и нѣтъ надобности подробно развивать ихъ въ поученіе г. Мудрову; это, быть можетъ, даже и скучно будетъ болѣе просвѣщеннымъ и свѣдущимъ читателямъ, чѣмъ онъ. Перечислимъ только вкратцѣ важнѣйшія изъ этихъ основаній, собственно для г. Мудрова. Во-первыхъ, теорія бережливости фактически неосуществима и непримѣнима къ большинству неимущаго населенія, лишенному часто возможности удовлетво-

рять свои 'насущнѣйшія' нужды. Сберечь какой-нибудь грошъ нельзя въ этомъ случаѣ иначе, какъ насчетъ ослабленія здоровья, уменьшенія рабочихъ силъ, даже сокращенія жизни. Во-вторыхъ, эта теорія исходитъ изъ ложнаго положенія, что нищета порождается отсутствіемъ предусмотрительности, жотовствомъ и расточительностью. Что касается двухъ послѣднихъ качествъ, то приписываніе ихъ неимущимъ классамъ есть очевидный *nonsense*, беззаботность - же насчетъ будущаго, свойственная имъ въ большей или меньшей степени, есть необходимое послѣдствіе дѣйствительной тщеты и бесполезности всякихъ личныхъ усилій къ обезпеченію и предохраненію себя отъ случайностей. Если-бы эти неимущіе классы обладали предусмотрительностью въ наибольшей мѣрѣ, то никакихъ полезныхъ результатовъ отсюда не могло-бы получиться, за невозможностью сберегать, не подвергая себя тяжкимъ и вреднымъ лишениамъ. Въ третьихъ, теорія эта находится въ разладѣ съ сущностью прогресса. Стремленія и потребности растутъ и, вообще говоря, слѣдуетъ заботиться объ ихъ удовлетвореніи, но не о подавленіи. Всеобщее сокращеніе потребностей необходимо имѣло-бы пагубное вліяніе на производство, на заработки, на рабочую плату. Въ четвертыхъ, эта теорія фальшива въ соціально-этическомъ отношеніи, побуждая каждаго заботиться только о своей личной пользѣ. Вотъ соображенія, заставившія распрощаться навсегда съ теоріей бережливости. А между тѣмъ, г. Мудровъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы доказать необыкновенную пользу сберегательныхъ кассъ и банковъ. Не считаясь съ вышеприведенными общими соображеніями, г. Мудровъ самъ измышляетъ возраженія противъ себя и, разумѣется, съ легкостію торжествуетъ надъ ними. Такъ, на примѣръ, онъ увѣряетъ, будто сберегательнымъ кассамъ, открываемымъ правительствомъ, ставятъ въ укоръ ихъ благотворительный характеръ. Не знаемъ, гдѣ это г. Мудровъ видѣлъ такихъ сообразительныхъ людей, которые говорили ему это. Если и дѣйствительно были такіе умники, то нельзя-же всякій вздоръ, услышанный на сторонѣ, совать въ книжку. Если сберегательныя кассы, открываемыя при государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ, кому-либо приносятъ пользу, то, конечно, прежде всего правительству, собирающему въ однѣхъ рукахъ мелкія, ничтожныя суммы, которыя и по истеченіи 19-лѣтняго приращенія ихъ процентами едва-ли къ чему могутъ служить ихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ. Вообще государство въ сберегательной операціи является въ роли заемщика, получающаго возможность доставать капиталы на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить: до 1881 г. оно выплачивало вкладчикамъ всего 3% и только съ этого вре-

мени начало платить 4%. Какая-же тут благотворительность? Другое возраженіе противъ сберегательныхъ кассъ, съ которыми борется г. Мудровъ, исполнѣ основательно, но за-то онъ и не въ состояніи съ нимъ сладить, и въ спорѣ принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько такихъ замѣчаній, которыя лишаютъ почти всякаго практическаго значенія отстаиваемыя имъ сберегательныя учрежденія. Возраженіе состоитъ въ томъ, что большинство нашего населенія — крестьяне — нуждается не въ откладываніи сбереженій, которыя-бы лежали неподвижно и безъ употребленія десятки лѣтъ, а во временныхъ займахъ для хозяйственнаго оборота, въ займахъ на не обременительныхъ условіяхъ, чтобы избѣжать услугъ ростовщиковъ и кулаковъ. Мы сочли необходимымъ нѣсколько измѣнить редакцію этого возраженія, потому что г. Мудровъ, формулируя его, кажется, не совсѣмъ понялъ его сущность, онъ придалъ ему такой смыслъ, какъ будто крестьяне не нуждаются въ сбереженіяхъ отъ того, что они «люди не бездомные, а имѣющіе почву. У нихъ есть земля, приютъ, хозяйство, представляющіе постоянный источникъ пропитанія, обильный или тощій, но все-же постоянный» (стр. 26). Но, по нашему мнѣнію, правильнѣе сказать, что крестьянамъ сберегательныя кассы непригодны не потому, что они не нуждаются въ нихъ, имѣя то, другое и третье, а потому, что имъ рѣшительно нечего сберегать и крайне неустойчивое положеніе ихъ хозяйства заставляетъ ихъ не носить свои собственныя сбереженія въ кассы, а напротивъ, брать ссуды, безъ которыхъ они не только ничего не могли-бы сберечь впредь, но и прожить едва-ли были-бы въ состояніи. Изъ этого выходитъ что если-бы сберегательныя кассы и имѣли какой-нибудь смыслъ, то, во всякомъ случаѣ, ранѣе ихъ должны быть заведены учрежденія кредитныя. Изложивъ вышеприведенное возраженіе, г. Мудровъ говоритъ: «Все это слова и слова... Сберегательная операція вовсе не такая пагубная операція, чтобы чуждаться ея; доступъ къ ней долженъ быть открытъ повсемѣстно, ибо даже и тамъ, гдѣ большинство окажется противъ нея, и тамъ явятся влады; *вдѣ и тамъ существуетъ меньшинство*, которое можетъ въ нихъ нуждаться и т. д.», а затѣмъ, нѣсколько ниже, онъ продолжаетъ: «не всѣ-же миліоны земледѣльцевъ живутъ въ проголодь, и только и нуждаются въ постоянныхъ займахъ! Есть-же между ними люди съ достаткомъ; *случаются-же у нихъ урожаи, дающіе имъ избытокъ, хотя бы и временный!*» (стр. 27). Такъ-бы и надо давно сказать г. Мудрову; дѣйствительно, меньшинство только и можетъ дѣлать сбереженія, а избытокъ, если и возможенъ, то лишь временный. Но стоитъ-ли для меньшинства и для

временныхъ избытковъ наводнять Россію сберегательными кассами, какъ желаетъ г. Мудровъ?

Что касается второго очерка, посвященнаго кредитнымъ учрежденіямъ, то онъ значительно выше перваго. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что съ фактической стороны объ монографіи г. Мудрова составлены тщательно, съ знаніемъ дѣла и потому читаются не безъ интереса. Во второй монографіи содержатся довольно любопытныя свѣдѣнія о существующихъ сельскихъ и городскихъ кредитныхъ кассахъ, возможно большее развитіе которыхъ есть *prim desiderium* автора. Не понятно, однако, почему, описывая фактическое положеніе мелкаго народнаго кредита, г. Мудровъ прошелъ молчаніемъ пресловутыя ссудосберегательныя товарищества. Забыть объ ихъ существованіи онъ едва-ли могъ, это—одна изъ самыхъ распространенныхъ и извѣстныхъ формъ народнаго кредита; авторъ, какъ видно, довольно хорошо знакомъ съ нимъ, судя по приведеннымъ въ его монографіи даннымъ и фактамъ. Но, разумѣется, послѣ того приговора, который произнесенъ печатью надъ этими товариществами, странно было-бы со стороны автора относиться къ нимъ съ тѣмъ-же увлеченіемъ, съ какимъ онъ вообще относится къ мелкимъ кредитнымъ учрежденіямъ; кто сталъ-бы его слушать? Во всякомъ случаѣ, пропускъ этотъ, вольный или невольный, бросается въ глаза.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Помолеть г. В. Ламанскаго по случаю гутуевского пожара и обвиненіе нашихъ «виговъ» и «тори» за «болтовню».—Возможно ли «дѣло», когда не ясно, что дѣлать.—Наши газеты и ихъ направленіе.—Отчего «общество» зрѣлѣе печати.—Факты невѣясненныхъ понятій и положеніе современнаго общественнаго сознанія.—Борьба въ земствѣ и неравенство шансовъ.—Подвиги г. Аненкова и предсѣдателя херсонскаго съѣзда землевладѣльцевъ.—Задача, предлагаемая г. В. Ламанскому для разрѣшенія.—Петербургское равнодушіе и его причина.—Г. Волженскій и «взгои».—Послѣднее слово г. В. Ламанскому.

Послѣ пожара на Гутуевскомъ островѣ, въ «Новомъ Времени» явилось воззваніе къ петербургскимъ жителямъ, подписанное г. В. Ламанскимъ. Я напомию читателю это характерное воззваніе, задѣвающее очень серьезный вопросъ. Послѣ вступленія г. В. Ламанскій говорить: «Смирные обыватели, безъ власти и безъ средствъ, не имѣя счастья и несчастья принадлежать ни къ нашимъ торіямъ, ни къ вигамъ, только спрашиваютъ другъ друга и дивятся втихомолку: да что-же не собираютъ съ насъ денегъ платя и всего, чѣмъ кто можетъ пособить погорѣльцамъ? Гдѣ-же комитеты для пріема пожертвованій, гдѣ-же кружки, гдѣ-же воззванія и приглашенія? Кого ни спросишь, никто ничего не знаетъ. Да неужели мы не понимаемъ или по крайности, не чувствуемъ что такое безмолвіе и бездѣйствіе постыдно, грѣшно, гадко! Охранители ропшутъ и негодуютъ на либераловъ, что все-де они имъ такъ напортили, что они просто не знаютъ, съ чего имъ начать ихъ охранительныя исправленія. Либералы, посмѣиваясь и негодуя, что ни о чемъ-то ихъ не спрашиваютъ, увѣряютъ, что они на все махнули рукой и пребываютъ въ консервативномъ покоѣ: ничего-де не подѣлаешь. Ну, кто-же вамъ, російскіе тори и виги, тутъ-то и жѣшаетъ показать себя?.. Дѣлайте - же что -нибудь, покажите хоть на маломъ дѣлѣ, что вы дѣйствительно живые люди, а не охранительные и не либеральныя только Подколесины и Обломовы, одинаково ничего не дѣлающіе въ видахъ-ли либеральныхъ, или въ консервативныхъ, по-маниловски вздыхая или по-собакевически ругаясь, смотря по темпераменту.» «Затѣмъ г. В. Ламанскій кончаетъ

такъ: «Всѣ и всюду у насъ скучаютъ. Все это, повѣрьте, отъ праздности, либеральной и консервативной. Дѣла у насъ всѣмъ много. Помощь гутуевскимъ погорѣльцамъ—*дѣло, не терпящее отлагательства*. Перестанемъ хоть на время скучать и злословить, злословить и скучать, негодовать на невыносимое прошлое или дуться на настоящее. Худо не въ томъ или другомъ, а вся бѣда въ насъ самихъ, въ нашей тупой, равнодушной лѣни, въ нашемъ неумѣньи прочво и прямо, толково и дѣльно относиться къ живымъ запросамъ жизни и къ настоящей злобѣ дня».

Зачѣмъ такое простое дѣло, какъ обращеніе къ чувству сердоболія, г. В. Ламанскій превратилъ въ политическій памфлетъ? Гутуевскій островъ съ его окрестностями погорѣлъ, тысячи семействъ разорены, они нуждаются въ кровѣ, пищѣ, одеждѣ,—казалось-бы требуется только изобразить бѣдствіе погорѣльцевъ и въ концѣ прибавить: «добрые люди, помогите несчастнымъ!» Но г. В. Ламанскій поступаетъ иначе. Онъ пользуется народнымъ бѣдствіемъ, какъ матеріаломъ для очень коротенькаго предисловія и затѣмъ съ страстной нетерпимостію средневѣковаго католическаго монаха обрушивается на воображаемыхъ имъ русскихъ *виновъ* и *тори*... Когда порывъ негодованія въ г. В. Ламанскомъ кончился, онъ, разумѣется, и самъ увидѣлъ, что «политическій памфлетъ» совсѣмъ не попадалъ въ цѣль. Но и негодованіе г. В. Ламанскаго понятно. Прежде всего слѣдуетъ думать, что г. В. Ламанскій не былъ на Гутуевскомъ островѣ. Если-бы г. В. Ламанскій видѣлъ собственными глазами пожарище, то подъ его страшнымъ впечатлѣніемъ онъ даль-бы живое изображеніе народнаго бѣдствія. Г.-же В. Ламанскій, очевидно, вычиталъ о бѣдѣ изъ газетъ и затѣмъ въ немъ возникъ цѣлый рядъ доброжелательныхъ чувствъ, чисто головныхъ. Возмущенный общимъ равнодушіемъ онъ, совершенно произвольно и даже незамѣтно для себя, возстановилъ связь между причиной и слѣдствіемъ—и какъ ему показалось, нашелъ кого искать. Только нашелъ-ли? Ужь если г. В. Ламанскій, человекъ привыкшій мыслить и имѣющій возможность знать, обнаруживаетъ такую бѣдность пониманія, то чего-же ждать отъ какой-нибудь «павловской» публики, кругозоръ мыслей которой обнимаетъ только концерты Главача! Я вовсе не полемизирую съ г. В. Ламанскимъ, я такъ-же, какъ и онъ, задаюсь вопросомъ, въ чемъ причина извѣстныхъ ошибокъ мысли—и на этотъ разъ ошибокъ г. В. Ламанскаго—и прихожу къ заключенію, что причины, создающія «павловскую» публику и заставляющія г. В. Ламанскаго писать «политическіе памфлеты», однѣ и тѣ-же.

Вдамся въ нѣкоторыя подробности. Беру тотъ-же Гутуевскій островъ. Газеты извѣстили о пожарѣ острова, и нельзя сказать

чтобы репортеры холодно или недостаточно сочувственно отнеслись къ положенію погорѣльцевъ. Напротивъ, краски были очень яркія, грандіозность бѣдствія и безпомощности пострадавшихъ были обрисованы настолько подробно и даже образно, что получалось впечатлѣніе подавляющее. Не думаю, чтобы безъ воззванія г. В. Ламанскаго не послѣдовало-бы движеніе общественнаго благотворительнаго чувства. Благотворительность у насъ явленіе народное и до того обычное, что купечество даже обвинялось въ томъ, что поддерживаетъ и плодитъ нищенство—промыселъ. Въ «обществѣ» тоже чуть-ли не съ прошедшаго столѣтія установились традиціи благотворительности. По этому нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ только несчастіе гутуевскихъ жителей стало извѣстно, наши «dames patronesses», тотчасъ-же и безъ воззванія г. В. Ламанскаго организовали-бы дѣло помощи. Безъ участія г. В. Ламанскаго было, конечно, испрошено и разрѣшеніе С.-Петербургскаго митрополита о сборѣ на погорѣльцевъ въ 35 петербургскихъ церквахъ. Вообще необходимость въ воззваніи г. В. Ламанскаго кажется сомнительной, хотя въ то-же время весьма вѣроятно, что и его воззваніе не осталось безплоднымъ. Въ конторѣ «Новаго Времени», гдѣ открыта подписка въ пользу гутуевскихъ погорѣльцевъ, по 26 іюня прислано пожертвованій 804 р. 5 к. Не особенно много, но дѣло не въ цифрѣ, потому что каждый даетъ что можетъ, дѣло въ томъ—какъ неудачно пристроилъ г. В. Ламанскій свое негодование къ Гутуевскому пожару. Онъ усмотрѣлъ въ помощи гутуевскимъ погорѣльцамъ даже панацею чуть-ли не противъ всѣхъ современныхъ золъ. «Полноте скучать, говорить г. В. Ламанскій, ваша скука отъ либеральной и консервативной праздности. Дѣла много, а дѣло гутуевскимъ погорѣльцамъ—дѣло неотложное. Начните собирать деньги—и вы перестанете скучать и злословить, негодовать на прошлое и дуться на настоящее». Превосходно! Всѣ дующіеся и скучающіе начинаютъ жертвовать на погорѣльцевъ—но вѣдь пожертвованіе дѣло одной минуты: вынулъ изъ кошелка деньги и отдалъ; а что-же дальше? Россія превращается въ благотворительное общежитіе, а несчастія и неурядица въ тотъ нормальный порядокъ, который г. В. Ламанскій узаконяетъ какъ единственный источникъ для общественной дѣятельности. Какое правильное и здоровое представленіе объ общественной и государственной жизни! И не думайте, что г. В. Ламанскій единственный представитель такого мышленія. «Новое Время» постоянно проводитъ подобную-же теорію, не разъ уже оно укоряло общество въ равнодушіи, лѣни и тупости «въ неумѣнны прочно и прямо, толково и дѣльно относиться къ живымъ запросамъ жизни и къ настоящей злобѣ дня». Какая въ самомъ дѣлѣ невинность мысли!

«Злобъ дня» у насъ много. Гутуевскій пожаръ конечно большое несчастіе, но тѣ пожары, отъ которыхъ сгораютъ ежегодно тысячи деревень—несчастіе еще большее. Почему-же г. В. Ламанскій вознегодовалъ только за гутуевскихъ погорѣльцевъ и не напечаталъ своего воззванія мѣсяцемъ раньше, когда горѣли сотни деревень? Совершенно такое-же равнодушіе обнаружилъ г. В. Ламанскій и къ массовому переселенію крестьянъ. Промолчалъ г. В. Ламанскій и о саранчѣ, хотя бѣдствіе это болѣе страшное чѣмъ гутуевскій пожаръ. Ни слова не сказалъ онъ о неурожаяхъ, падежахъ скота, малоземелии, практикѣ кулаковъ, о грабежахъ и разбояхъ нынѣшняго лѣта. Почему-же сардоболіе г. В. Ламанскаго, нашедши себѣ такую пищу въ гутуевскомъ пожарѣ, оказалось недѣятельнымъ отъ бѣдствій безъ всякаго сравненія болѣе ужасныхъ? Я думаю что это произошло просто оттого, что г. В. Ламанскій взялся совсѣмъ не за свое дѣло, подобно массѣ такихъ-же публицистовъ, какъ онъ, диллетантствующихъ въ современной печати и которымъ въ нее открытъ слишкомъ свободный доступъ. Принаравливаясь къ низкому уровню публики такъ сказать «павловской», современные газеты заботятся только о составленіи занимательнаго и разнообразнаго номера, совершенно какъ г. Гловачъ или г. Рейнгольдъ заботиться о занимательной программѣ музыкальнаго вечера. Строгой выдержки и программы вы не найдете теперь ни въ одной газетѣ. потому что газетѣ нуженъ не читатель, а подписчикъ. Наши петербургскія газеты—не политическіе и общественные органы, а общезанимательные сборники. И редакторы-издатели ихъ конечно правы. Но что-же выигрываетъ общество отъ того, что для него не существуетъ никакой школы общественныхъ понятій, что нѣтъ у него органа осмысленнаго, имѣющаго опредѣленную идейную, а не издательную цѣль. Ни въ одной изъ «занимательныхъ» газетъ читатель не найдетъ вѣрнаго и знающаго объясненія массы разнообразныхъ текущихъ фактовъ, очень часто совсѣмъ сбивающихся съ толку своими противорѣчіями. Наша современная газетная печать стала совсѣмъ «захудалымъ» дѣломъ, потому что находится въ рукахъ такихъ-же «захудалыхъ», хотя и ловкихъ людей. Эта печать такъ-же стоитъ своей «павловской» публики, какъ «павловская» публика стоитъ своей печати. Крупные люди, выдержанные, знающіе и образованные не стоятъ теперь у газетнаго дѣла и имъ овладѣли «ловкіе» люди и литературные дѣльцы. Эти-же журнальные «дѣльцы», когда видятъ глупость «своего» общества, обрушиваются на него съ негодованіемъ и обвиненіемъ, точно они не сами одна изъ главныхъ причинъ общественнаго недомыслія. И еще разъ подобный-же походъ дѣлаетъ и г. В. Ламанскій.

Сколько жару, сколько благороднаго негодованія, сколько полемическаго пылу обнаруживаетъ г. В. Ламанскій, какимъ ничтожнымъ, дряннымъ, слабымъ и неразумнымъ оказывается, по его словамъ, общество, которое онъ громить... Но позвольте—развѣ общество, которое вы такъ громите, не имѣло-бы можетъ быть даже большаго права обратиться съ совершенно подобнымъ-же обвиненіемъ къ вамъ? Вы-то пророки чѣму его учите!

Какъ ни просто, разрѣшаетъ г. В. Ламанскій вопросы исторіи, но нужно думать, что и консерваторы, и либералы, не хуже г. Ламанскаго понимаютъ дѣло. Вѣдь въ томъ-то и заключается вопросъ, кому, что и какъ дѣлать; споръ консерваторовъ и либераловъ только въ этомъ и заключается. Но обыывая однихъ Подколесины—другихъ Обломовыми, г. В. Ламанскій не подумалъ о томъ, чѣмъ является онъ самъ. Надъ тѣмъ, что съ такою развязностію разрѣшилъ г. В. Ламанскій, думаютъ давно люди и люди неглупые, и никому изъ нихъ не приходило въ голову вычеркнуть изъ жизни консерваторовъ и либераловъ, какъ непригодныхъ болтуновъ, и предложить обществу благотворительныя занятія, начавъ съ помощи первымъ погорѣльцамъ!

То или другое состояніе общества зависитъ отъ массы такихъ сложныхъ условій, которыхъ не разрѣшить одной маниловской развязностію. «Будьте умны», «будьте добродѣтельны», «дѣлайте свое дѣло»—эти старья, пустыя фразы, проповѣдуются давно, какъ панацея противъ всѣхъ общественныхъ и личныхъ золъ, но до сихъ поръ они еще никого не излечили да видно и никогда не излечать. Въ эпоху «обличительной литературы» съ подобными фразами обращались къ чиновникамъ, теперь г. В. Ламанскій обращается къ обществу. Но, требуя, чтобы каждый дѣлалъ дѣло, г. В. Ламанскій спѣшитъ закончить свое воззваніе и воздерживается отъ подробностей. Это со стороны автора весьма благоразумно и во всякомъ случаѣ осторожно. Прежде чѣмъ государству или обществу дѣлать свое дѣло, нужно выяснитъ идейныя основы дѣла. Никогда еще Россія въ отношеніи выясненія основъ не находилась въ болѣе трудномъ положеніи. Споръ западниковъ и славянофиловъ, націоналистовъ и народниковъ, консерваторовъ и либераловъ не споръ о словахъ, это именно великій споръ объ основахъ. Западничество—есть цѣлая законченная программа, устанавливающая всѣ подробности внутреннихъ и международныхъ отношеній; такую-же законченную программу представляютъ собою славянофилы, такая-же программа имѣется и у націоналистовъ, народниковъ, консерваторовъ, либераловъ. Борьба нашихъ партій или точнѣе идейныхъ представителей того или другого направленія есть трудная и мучительная борьба за истину, которую каж-

дая партія отстаиваетъ, а не пустое и бессмысленное словоизверженіе, какимъ думаетъ изобразить ее г. В. Ламанскій. Моментъ этой идейной борьбы наиболѣе обострился въ настоящее время и если онъ недостаточно замѣтенъ въ печати, то можетъ быть тѣмъ сильнѣе обнаруживаетъ свое дѣйствіе на состояніе общественнаго духа и на общественной мысли, работающей напряженно, до болѣзненности. Г. В. Ламанскій, возмущаясь консерваторами и либералами, самъ говоритъ, что «охранители рошцутъ на либераловъ, которые все-де имъ испортили настолько, что они просто не знаютъ, съ чего имъ начать ихъ охранительныя исправленія; а либералы—на все махнули рукой и пребываютъ въ консервативномъ покоѣ: ничего-де не подѣлаешь». Странный публицистъ—самъ говоритъ и самъ себя не понимаетъ. Разгадка этого непостижимаго для г. В. Ламанскаго явленія въ томъ и заключается, что незакончившійся идейный споръ, мѣшающій общественной русской мысли остановиться на чемъ-нибудь одномъ, дѣйствуетъ парализующимъ образомъ на общественную волю и результатомъ этого является та бездѣятельность, на которую г. В. Ламанскій обрушивается. Если-бы русскій интеллектъ работалъ одинаково, и во всѣхъ русскихъ головахъ были-бы однѣ и тѣже мысли, конечно, знать было-бы легко. Но въ томъ-то и дѣло, что роды мысли самые трудные роды и въ настоящее время Россіи именно приходится переживать наиболѣе трудный моментъ общественнаго сознанія, какой ей еще не бывалъ извѣстенъ. О современномъ состояніи русской мысли настолько уже говорилось въ печати всѣхъ направленій, что не могъ-же г. В. Ламанскій не знать этого. Еще недавно имъ воспользовался г. Чичеринъ, чтобы на обѣдѣ городскихъ головъ сказать, что мы точно «разсыпанная храмина», по выраженію Петра Великаго, ни къ какому единству мысли и направленія не пришли; что созови насъ, обратись къ обществу за содѣйствіемъ и мы заголосимъ въ разсыпную, каждый что взбредетъ ему на ту пору на умъ, не поработавъ мыслию, не обмѣнявшись ею напередъ, не провѣривъ ее какъ слѣдуетъ, и, словно застигнутые врасплохъ, поднимемъ такой разноголосый хоръ совѣтовъ и мнѣній, что хоть уши затыкай».

Такое состояніе мысли вполне законно и возставать противъ него—значить въ сущности не понимать, что это неизбѣжный ростъ общества. Если о чемъ позволяется жалѣть, такъ не о томъ, что собранные вмѣстѣ мы «поднимемъ разноголосый хоръ совѣтовъ и мнѣній, хоть уши затыкай», а о томъ, что въ существующей печати намъ нѣтъ возможности столкнуться.

Наши общественныя направленія имѣютъ очень неполное и

даже неудачное представительство въ теперешней ежедневной печати. Общество не только выше и серьезнѣе печати, но и не всѣ направленія имѣютъ въ газетной печати своихъ представителей. Лучшей газетой располагаютъ славянофилы, которые въ г. Аксаковѣ имѣютъ дѣйствительно убѣжденнаго и добросовѣстнаго редактора серьезно относящагося къ своему дѣлу. Объ остальныхъ газетахъ и ихъ редакціяхъ сказать этого нельзя—всѣ онѣ ниже верховъ направленія, которое изображаютъ, и, гоняясь за массой пишутъ для «хвоста». Этотъ упрекъ больше всего заслуживаетъ «Новое Время». Изображая органъ нашихъ «національ-либераловъ», «Н. В.» даже и къ своимъ собственнымъ вопросамъ относится съ неизвинительной легкостію. Конечно, г. Суворинъ хорошо знаетъ свою «павловскую» публику, которой нужно давать «занимательное», но и Берне писалъ занимательно, остроумно писалъ и Гейне; если они и писали иногда для «дамъ», то во всякомъ случаѣ болѣе развитыхъ, образованныхъ и серьезныхъ, чѣмъ «дамы», для которыхъ пишетъ «Н. В.». Быть серьезнымъ не значитъ быть скучнымъ, но, думая только о томъ, чтобы быть веселымъ можно кончить «легкимъ поведеніемъ». И поведеніе «Новаго Времени» тѣмъ прискорбнѣе, что обвиненіе за него падаетъ на цѣлое направленіе, представительницей котораго является эта газета. Съ «національ-либералами» во многомъ можно не соглашаться, во многомъ ихъ направленіе можно считать вреднымъ, но въ основаніи, при всей своей исключительной буржуазности, оно есть продуктъ все-таки убѣжденія, а не шутловства, въ которое его превращаютъ.

Чисто «либеральное» направленіе изображается теперь. «Новостями», но они еще не усвоили себѣ цѣльности и единства и находятся въ моментѣ неустойчиваго равновѣсія. Даже составъ ихъ сотрудниковъ не представляетъ единства, такъ что и до сихъ поръ вы можете встрѣтить въ одномъ и томъ-же номерѣ сотрудниковъ, которыхъ очень трудно усадить рядомъ. Впрочемъ, это объясняется условіями самаго «либеральнаго» направленія, которое имѣетъ наибольшее число точекъ соприкосновенія съ опередившими его направленіями. Изъ московскихъ либеральныхъ газетъ ровностію, выдержанностію тона и цѣлостію отличаются «Русскія Вѣдомости».

«Современныя Извѣстія» —какой-то межеумокъ; не знаю есть-ли въ Россіи направленіе «Современныхъ Извѣстій» и можетъ-ли быть такое. Газета умѣетъ какъ-то соединить «націонализмъ» съ «народностію» и «либерализмъ» съ «консерватизмомъ», но не споримо, что газета эта отличается извѣстной своеобразностію и даже оригиналностію воззрѣній, лично свойственными ея редактору и несетъ его клеймо.

О «Московскихъ Вѣдомостяхъ» говорить нечего — они хорошо известны. Г. Суворинъ остроумно замѣчаетъ, что г. Катковъ составляетъ одну цѣлую партію и называетъ его *ораторомъ*. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ г. Суворинъ, г. Катковъ дѣйствительно одинъ; онъ кладетъ на «Московскія Вѣдомости» уже слишкомъ замѣтную и большую личную печать, отъ чего «М. В.» много проигрываютъ и за ними не чувствуется партія. Кроме того, логическая послѣдовательность г. Каткова придаетъ «охранительному» направленію одностороннюю крайность, которой нѣтъ въ такой стѣпени у сторонниковъ охранительнаго направленія.

Вообще на нашихъ газетахъ отражаются слишкомъ сильно личныя качества, свойства и даже темпераментъ ихъ редакторовъ или точнѣе ихъ издателей-редакторовъ. Это происходитъ оттого, что наши газеты не органы известныхъ общественныхъ и политическихъ партій, которыхъ у насъ и нѣтъ, а почти исключительно «предпріятія», на которыхъ неизбѣжно должны отражаться больше или меньше личныя свойства ихъ хозяевъ. Пока газеты будутъ у насъ личными предпріятіями, вполне зависящими отъ личныхъ способностей, таланта и ловкости предпринимателя-издателя, такой порядокъ едва-ли и можетъ измѣниться. Но, не смотря на подобный просторъ для лица, условія жизни въ послѣднія двадцать лѣтъ настолько заставили думать всѣхъ въ общественномъ направленіи, что каждый издатель-редакторъ не могъ и самъ лично не превратиться такъ-сказать въ продуктъ общественной мысли и въ частичку известнаго, выражаемаго его газетой направленія. Насколько современная печать стала болѣе общественной сравнительно-напримѣръ съ тѣмъ, чѣмъ она была при воцареніи Императора Александра II, объ этомъ конечно трудно судить тѣмъ, кто не помнитъ „Сѣверной Пчелы“ и „Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ времени императора Николая I.

Ростъ свершился неоспоримый и этимъ ростомъ мы обязаны все той-же печати, хотя по многимъ причинамъ она не могла обогнать общественное мнѣніе, какъ это было въ началѣ шестидесятихъ годовъ. Вотъ почему, не обвиняя современныхъ газетныхъ редакторовъ-издателей, приходится отмѣтить какъ фактъ, что теперешнія газеты ниже ихъ читателей.

Но вѣдь г. В. Ламанскій, обвиняя печать, думалъ не это. Онъ просто отрицалъ ее, и въ томъ, въ чемъ мы видимъ неизбѣжное условіе роста общественной мысли, можетъ быть и не особенно успѣшное, онъ видѣлъ простую трату времени на пустую болтовню и причину общественной апатіи. Къ сожалѣнію, а можетъ быть и не къ сожалѣнію, съ фактомъ жизни ничего не подѣлаешь, ибо у него есть своя неотразимая логика; а такъ какъ и сознаніе завл-

сить отъ того-же факта жизни, то публицистская неумѣлость г. В. Ламанскаго становится еще очевидѣе. Я напому г. В. Ламанскому ближайшіе факты и онъ, конечно, убѣдился, что временная заминка, которую отрицать нельзя, и запальчивые подъ-часъ газетные споры о вопросахъ, для г. В. Ламанскаго не представляющихъ никакого интереса, совершенно неустраними, какъ неизбежная работа мысли, вырабатывающая новое общественное созваніе. Конечно, не къ чести русскаго мышленія, что мы думаемъ нѣсколько туго и на эту медленность г. В. Ламанскій имѣетъ неотъемлемое право претендовать, но и только!

Недавно въ газетахъ былъ поднятъ вопросъ о дворянствѣ. Тогда-же почти всѣ газеты, независимо отъ ихъ направленія, высказались, что вопросъ о дворянствѣ есть вопросъ объ интеллигенціи. Казалось-бы спустя двадцать лѣтъ послѣ освобожденія поднимать вопросъ о дворянствѣ и ломать вновь изъ-за него копья ужь совсѣмъ не во времени, но вѣдь никто и не ломалъ копья, а только подвели ему окончательный итогъ, въ сущности даже не приписывая этому дѣлу особенной важности. Такъ-же поступили и «Московскія Вѣдомости», очень обѣдвившія тѣмъ, что имъ приписывали провозглашеніе «дворянской эры». То, что высказали «М. В.», могло казаться чѣмъ-то неожиданнымъ только для тѣхъ, кому не было ясно, что газета эта и не могла-бы сказать ничего другого. Замѣтивъ, что дворянство у насъ не есть привилегія происхожденія, «М. В.» ставятъ вопросъ: что-же такое русское дворянство?—и затѣмъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ такъ: «существенная черта дворянскаго сословія состоятъ въ томъ, что всѣ его члены юридически совершенно равны между собой. Послѣ отмены крѣпостнаго права и въ силу послѣдовавшихъ преобразованій, за дворянами не осталось никакихъ преимуществъ сравнительно съ другими неподатными сословіями. Удержалось только право дворянскихъ выборовъ, но оно принадлежитъ не дворянамъ поголовно, а только землевладѣльцамъ изъ дворянъ. Благодаря этому праву, которое есть болѣе тягло, чѣмъ выгода, помѣстное дворянство продолжаетъ и при новыхъ условіяхъ служить государству...» Затѣмъ «М. В.» говорятъ, что въ организаціи помѣстнаго дворянства нѣтъ ни высшего, ни низшаго дворянства и выраженіе «знатное дворянство» можно употреблять развѣ только для красоты слога. «Пока русское дворянство остается русскимъ дворянствомъ, неся свою историческую службу, въ нежѣ, повторимъ, нѣтъ ни знатнаго, ни незнатнаго дворянства», говорятъ «М. В.».

Итакъ, газета признаетъ въ дворянствѣ «цѣнный элементъ мѣстнаго управленія», но не отрицаетъ значеніе родовитости,

сводя весь вопросъ къ общественно-служебной способности, т. е. къ интеллигентности. Если даже крайній охранительный органъ сводить вопросъ о дворянствѣ только къ служилой способности и къ интеллигентному представительству, то, очевидно, что вопросъ этотъ слѣдуетъ считать оконченнымъ.

Но въ сущности въ этомъ разрѣшеніи нѣтъ никакого разрѣшенія. Если общественно-служебныя способности и интеллигентное содержаніе должны давать право на общественное значеніе, то очевидно, что мы будемъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, какъ бѣлка въ колесѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если общество бездѣтельно, въ смыслѣ умѣлости вести стройно свое собственное дѣло, и нужно дать ему интеллигентныхъ руководителей, значить, каждое изъ существующихъ у насъ направленій, изображаемыхъ нашими газетами, усматриваютъ выходъ только въ собственной непогрѣшимости, и мы остаемся при прежнихъ газетныхъ спорахъ. Но, съ другой стороны, если дворянство, какъ цѣнный элементъ мѣстнаго управленія, сводится и «Московскими Вѣдомостями» къ способностямъ и знанію, а вовсе не къ родовитости, то и ценою для выборной общественной службы устанавливаются сами собою способность, знаніе, общественная полезность.

Если перенести этотъ вопросъ на практическую почву и присмотрѣться къ тому, что дѣлается въ земствѣ, то станетъ еще яснѣе и очевиднѣе наше заключеніе. Припомню читателю хоть-бы пререканія и взаимныя обвиненія плиссельбургскаго земства, восходившія до судебного разбирательства. Напомню читателю и о книгѣ г. Ивановскаго: «Опытъ изслѣдованія дѣятельности органовъ земскаго самоуправленія въ Россіи», о которой говорилось въ «Дѣлѣ» въ прошедшемъ году. Г. Ивановскій думаетъ, что всѣ неудачи нашего земскаго самоуправленія происходятъ отъ его сословно-аристократической организаціи отъ перевѣса дворянской интеллигенціи. Изъ изслѣдованія г. Ивановскаго оказывается, что наше земство есть не самоуправленіе, а самоуправство небольшой кучки лицъ изъ привилегированнаго класса, вслѣдствіе громаднаго численнаго перевѣса въ земскихъ собраніяхъ дворянскаго представительства надъ крестьянскимъ. Число гласныхъ рассчитано по количеству земли, находящейся во владѣніи сословія и для дворянъ земельная норма для выбора гласныхъ понижена почти вдвое. Вслѣдствіе такого порядка, напр. въ 1870 г., дворянское сословіе въ 35 губерніяхъ, въ числѣ 565,674 чел., имѣло въ земствѣ 6,316 гласныхъ, а 38,418,727 крестьянъ имѣли 5,510 гласныхъ, т. е. въ 114 разъ меньше. Въ частныхъ случаяхъ эта ненормальность оказывается еще больше. Напримѣръ, въ Ланшевскомъ уѣздѣ, Казанской губ., 160 дворянъ обоюго пола имѣли

23 представителя, а 150,000 крестьянъ — 21 представителя; такимъ образомъ, въ дворянскомъ сословіи одинъ гласный приходится на 7 человекъ, а въ крестьянскомъ — на 7,145 человекъ. Если поэтому перевѣсъ дворянской интеллигенціи въ земствѣ не помогъ земскому самоуправленію, то очевидно, что причина этого заключается или въ томъ, что интеллигенція не удовлетворяла тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ къ ней «Московскія Вѣдомости», какъ къ «цѣнному элементу мѣстнаго управленія», или что существуютъ и еще причины, мѣшающія нашей земской гармоніи?

И вотъ мы снова въ колесѣ, которое такъ не нравится г. В. Ламанскому. Г. Ивановскій, напримѣръ, видитъ причины земскихъ неудачъ и неудачъ земскаго хозяйства въ сословно-аристократической организаціи земства, а мы думаемъ, что сословно-аристократическая организація тутъ не причемъ. Какъ ни странно, повидимому, а этого-же мнѣнія оказываются и «Московскія Вѣдомости» и «Русь». Двадцать лѣтъ, истекшія послѣ освобожденія, на столько уже поставили всѣ вопросы народно-земскаго хозяйства на экономическую почву, что сословность утратила всякое рѣшающее значеніе въ вопросахъ земскаго хозяйства. Если-бы заключеніе г. Ивановскаго было правильно, то ничего-бы не было проще, какъ указать на средство для излеченія земства. Стоило-бы только, чтобы правительство устранило въ земствѣ преобладаніе помѣстно-дворянскаго элемента. Теперь предположите, что это свершилось. Выиграетъ-ли, однако, что нибудь народно-земское управленіе, если въ немъ не будетъ дворянъ, и заправилами явятся богатѣйшіе изъ мужиковъ, купцы, кулаки, мірошды? И теперешняя неудовлетворительность земскаго хозяйства заключается вовсе не въ томъ, что заправилами являются дворяне, а въ томъ, какъ это показалъ г. Анучинъ въ своей объяснительной запискѣ, что заправили преслѣдуютъ исключительно личныя выгоды и ради ихъ и стремятся къ земской власти. Заправили дѣйствуютъ не какъ «дворяне», а какъ землевладѣльцы, фабриканты, купцы, однимъ словомъ — какъ экономическіе, а не сословные дѣятели. Для земца-дворянина, преслѣдующаго свои промышленныя цѣли, гораздо ближе купецъ, фабрикантъ и вообще подобный-же промышленникъ, связанный съ нимъ интересомъ торгово-промышленнымъ, чѣмъ дворянинъ, вздумавшій противодѣйствовать этому интересу. Это мы видѣли изъ приреканія, возникшаго въ Шлиссельбургскомъ земствѣ и въ частности между гг. Анучинимъ и Брылкинымъ. Вопросъ, слѣдовательно, сложнѣе и вовсе не такъ легко разрѣшимъ, какъ обыкновенно думаютъ.

Недавно въ газетахъ говорилось, что земство одной изъ южныхъ губерній представило въ министерство проектъ урегулированія переселеній. Теперь «Рус. Вѣд.» сообщаютъ, что въ этомъ земскомъ проектѣ говорится, между прочимъ, что удаленіе крестьянъ изъ данной мѣстности неизбежно влечетъ за собою запускъ полей, остановку работъ, дороговизну рабочихъ рукъ, сокращеніе производства хлѣбныхъ продуктовъ, черезъ что землевладельцы и помѣщики раззоряются, бросаютъ помѣстья и т. д. «Если вѣрить существованію такихъ проектовъ, замѣчаютъ «Русск. Вѣдомости», то очевидно, что въ нихъ рѣчь идетъ не о регулированіи свободнаго движенія, въ которомъ проявляется стремленіе народа къ выходу изъ положенія, часто отчаяннаго, а о закрѣпощеніи рабочей силы крупному землевладѣнію, о водвореніи на русской землѣ ирландскихъ порядковъ. Такое «регулированіе» приведетъ только къ тому, что чаще и чаще цѣлыя мѣстности должны будутъ прокармливаться за счетъ государства. Можно надѣяться, что мрачныя предсказанія, составляющія содержаніе означенныхъ проектовъ, не достигнутъ цѣли, что переселеніе не будетъ насильственно остановлено, а дождется, наконецъ, мѣръ регулированія, въ интересахъ переселенцевъ и въ пользу народнаго труда».

Въ приведенномъ случаѣ земскіе представители дѣйствовали конечно не какъ «дворяне», а какъ сельско-хозяйственные производители. Есть множество мѣстностей, напр. Богородицкій уѣздъ и часть Ефремовскаго, гдѣ надѣлы доходятъ до размѣра трехъ осьминниковъ и гдѣ самый плодородный годъ не насыщаетъ населенія. Крестьяне, втиснутые съ своими ничтожными надѣлами въ районы крупныхъ земельныхъ владѣній, съ хорошо организованной администраціей, волей-неволей дѣлаются наймитами и батраками, и запутываются наконецъ до того въ разныхъ обязательствахъ и неоплатныхъ долгахъ, что ищутъ спасенія въ переселеніи. Понятно, какъ къ подобному переселенію должны относиться владѣльцы земель, будутъ-ли то дворяне, или купцы, или арендаторы.

Комиссія, составлявшая земское положеніе, вовсе и не думала скрывать, что она желаетъ вручить представительство дворянству, какъ классу населенія болѣе развитому, образованному и привычному къ управленію. И конечно, еслибы преимущество дворянства заключалось только въ этомъ, то и говорить не о чемъ. Но мы видимъ, что рядомъ съ политическимъ представительствомъ, дворянство явилось въ земствѣ какъ и экономическій представитель, и по мѣрѣ того, какъ усложнялись обстоятельства сельскаго хозяйства и вообще экономическаго быта, эконо-

номическій факторъ росъ все сильнѣе и сильнѣе, и все труднѣе становилось обуздываніе его средствами власти земства. Сословная зависимость народа исчезла, но взамѣнъ ея явилась болѣе тяжкая зависимость, экономическая. Поэтому, если въ настоящее время является борьба, какъ въ Кинешемскомъ земствѣ, «дворянской» и «купеческой» партій («Недѣля» № 27), то это не борьба сословная купечества и дворянства, а борьба двухъ различныхъ экономическихъ факторовъ—промышленно-торговаго съ земледѣльческимъ, борьба, для которой есть основаніе въ самомъ земскомъ устройствѣ.

Земское управленіе, какъ только оно явилось, сразу-же стало на экономическую почву, уже въ силу одного земскаго бюджета. Тутъ-же обнаружилось, насколько земское хозяйство не зависитъ само отъ себя, а отъ общихъ причинъ, не только внутреннихъ, но даже и отъ международныхъ отношеній, волей неволей заставляющихъ Россію напрягать всѣ свои платежныя силы. Понятно, что на долю земскаго бюджета не могло оставаться много. И это немногое, и не всегда исправно получаемое, приходилось дѣлить на жалкія доли для удовлетворенія потребностей земства. Что-же удивительнаго, что медицинская часть земства плоха, что плохи и земскія школы и земскія дороги, что не существуетъ обезпеченія народнаго продовольствія и т. д. Изъ трудностей бюджетнаго положенія само собою возникли стремленія земства къ большому расширенію рамокъ своей хозяйственной дѣятельности, и въ этомъ стремленіи, можно сказать, только и заключалась исторія земства до сихъ поръ.

Я рекомендую вниманію г. В. Ламанскаго, записку гласнаго елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія, Н. А. Бошняка, напечатанную въ «Сборникѣ Херсонскаго Земства» (1882, № 4). Изъ этой записки, онъ между прочимъ, усмотритъ, насколько правильное развитіе земской дѣятельности зависитъ отъ того, что г. Ламанскій считаетъ «газетной болтовней». Чтобы впечатлѣніе «Записки» было полнѣе, я приведу одно «письмо въ редакцію» «Сибирской Газеты» (№ 24). Авторъ его прочелъ въ той-же газетѣ (№ 13) статью г. Червякова о Курганскомъ округѣ, и его поразилъ фактъ, что въ этомъ земледѣльческомъ эльдорадо есть крестьяне, которые къ концу года ѣдятъ покупной хлѣбъ.

«Если только этотъ фактъ вполнѣ достовѣренъ, говоритъ авторъ, то это показываетъ, что крестьянское хозяйство сильно пошатнулось въ Курганскомъ округѣ. Крестьянинъ покупаетъ хлѣбъ, стало быть, онъ съ осени продалъ не только излишекъ, а часть своего продовольствія — значить, его начинаетъ угнетать нужда. Это разъ. Далѣе, онъ покупаетъ хлѣбъ, слѣдовательно ему нужны

деньги, а это ставить его въ необходимость отдавать свой трудъ богачу. При такихъ условіяхъ, самое многоземелье можетъ сдѣлаться источникомъ разоренія для массы крестьянства: при обилии земель, при большомъ спросѣ на хлѣбъ со стороны мѣстныхъ заводовъ, наконецъ, при болѣе или менѣе правильномъ предложеніи рабочихъ рукъ, становится выгодной обработка земли наемнымъ трудомъ, — въ кулакахъ, которые воспользуются крестьянской нуждой, въ видахъ накопленія, недостатка не будетъ; а тамъ у насъ извѣстно, какъ затягивается петля на шею крестьянина.

«Думаешь, думаешь объ этомъ и вдругъ встаетъ неразрѣшимый вопросъ: почему-же это при среднемъ надѣлѣ въ 17,4 дес. на душу, курганскій крестьянинъ начинаеть бѣднѣть? И при такомъ надѣлѣ крестьянское хозяйство падаетъ! Уничтоженіе лѣсовъ, конечно, наноситъ громадный ущербъ краю, но напр., въ Ишимскомъ округѣ лѣса тоже сильно вырублены, однако-же даже въ нынѣшнемъ неурожайномъ году рѣдкость, чтобы крестьяне покупали хлѣбъ, развѣ вовсе не уродится хлѣбъ у кого. Гдѣ-же причина упадка? А что такой упадокъ имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, это несомнѣнный фактъ.

Оказывается, что въ большомъ селѣ Лебяжемъ 40 кузницъ, на которыхъ работаетъ 50 кузнецовъ; такихъ, которые работали бы въ собственныхъ кузницахъ, очень мало; большинство работаетъ на хозяевъ, которые потомъ развозятъ товаръ. Въ томъ-же селѣ занимаются и сѣдельнымъ промысломъ, — опять особые мастера, — и токарями. Обвиняютъ народъ въ пьянствѣ. Кулаки говорятъ—«вино дешево», и въ ихъ устахъ это понятно. Но мы знаемъ, что раньше вино было еще дешевле, наконецъ, вино и въ Ишимскомъ округѣ не дороже, однако безшабашныя пьяницы, если существуютъ, то какъ исключеніе, а не какъ общее явленіе, — какъ результатъ не социальна-экономической, а индивидуальной болѣзни въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова.

Что въ Сибири есть пролетаріатъ, это тоже фактъ общеизвѣстный и понятный: ежегодно Сибирь получаетъ изъ метрополіи отъ 10 до 15 тысячъ людей, болшею частью нравственно никуда негодныхъ и вполнѣ «двойко свободныхъ», т. е., свободныхъ отъ всякой собственности и отъ легальнаго *принужденія* работать. Понятно, что это тысячи ежегодно прибывающихъ — пролетаріи. Поэтому нисколько не удивить, что ссыльные бѣдствуютъ и становятся объектомъ эксплоатации, — это вполнѣ «въ порядкѣ вещей». Даютъ имъ, правда, землю, если они на родинѣ были крестьянами, но безъ лошади и имъ ничего другого не остается,

какъ сдать эту землю деревенскому богачу и, въ лучшемъ случаѣ, пойти къ нему-же въ работники, или, какъ въ Курганѣ, пойти на заводъ.

Вообще Курганскій округъ крайне интересенъ хотя-бы зачатками переселенческаго движенія въ Томскую губернію. Видно, въ экономической жизни округа что-то происходитъ, но что, какъ и почему? А это въ самомъ дѣлѣ страшная вещь: неужели-же русскій крестьянинъ какимъ-то фатумомъ обреченъ, по истеченіи извѣстнаго времени, попадать вѣчно изъ огня да въ полымя? Не далѣе, какъ 17 лѣтъ назадъ, мы видѣли 371 душу причислившихся въ Курганскій округъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи, и уже теперь начинается гнѣтъ кулаковъ, стѣсненіе въ землѣ и выселеніе. Въ 1846 г. начинается колонизація въ Курганскій округъ, а чрезъ 37 лѣтъ мы уже находимъ въ ней бѣдность и пролетаріатъ!

Вотъ вамъ, г. В. Ламанскій, «земская задача». Но попробуйте разрѣшить ее безъ «болтовни» газетной или словесной, вообще безъ широкаго обмѣна мыслей, однимъ молчаніемъ. Г. Бошнякъ, которому земскія дѣла гораздо яснѣе, чѣмъ г. В. Ламанскому вопросъ о печати, въ одномъ изъ параграфовъ своей записки прямо указываетъ какія условія препятствовали успѣшному развитію земскаго хозяйства. Что записка г. Бошняка не какое-нибудь фельетонное мнѣніе и заслуживаетъ серьезнаго вниманія, г. В. Ламанскаго можетъ убѣдить то, что херсонское губернское земское собраніе постановило: «а) записку г. Бошняка передать на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній и б) если эта записка не будетъ разсмотрѣна очереднымъ земскимъ собраніемъ до вызова свѣдущихъ людей отъ Херсонской губерніи,—въ комиссію статсъ-секретаря Каханова, и если такой вызовъ послѣдуетъ, то предложить земскимъ управамъ созвать для этого чрезвычайныя уѣздныя и губернское собранія и заключенія ихъ по запискѣ г. Бошняка сообщить свѣдущимъ людямъ». («Сборн. Херс. Зем.», 1883 г., № 1).

Невозможность обсужденія многихъ земскихъ вопросовъ зависитъ отъ того, какъ своимъ правомъ пользуются предсѣдатели уѣздныхъ и губернскихъ собраній. А образчикомъ этого можетъ служить недавній крупный скандалъ на курскомъ съѣздѣ мелкихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, сдѣланный г. Анненковымъ.

Скандалъ этотъ тѣмъ прискорбнѣе, что съѣздъ долженъ былъ прибѣгнуть къ вмѣшательству губернатора и прокурора.

Приведу только часть эпизода. На съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ г. Анненковъ не хотѣлъ допустить въ собраніе владѣльцевъ торговыхъ заведеній, хотя они фактически пользовались

правомъ съѣзда уже 20 лѣтъ. Пошли пререканія— съѣздъ утверждалъ, что этотъ вопросъ долженъ разрѣшить онъ, а г. Анненковъ доказывалъ, что онъ—и своею властію удалилъ 28 членовъ съѣзда.

Что-же это такое? А все тоже. Двадцать лѣтъ владѣльцы торговыхъ заведеній участвовали въ съѣздѣ и фактически установили свое право; но вотъ является мужественный человѣкъ, сразу уничтожаетъ практику двадцати лѣтъ и сводитъ земство къ первому дню его рожденія, точно нынче происходилъ первый земскій съѣздъ. Отчего-же это? Да оттого, во-первыхъ, что предсѣдатели съѣздовъ не выборные, а постоянные, а во-вторыхъ потому, что избиратели не имѣютъ никакой возможности знать, что и какъ дѣлаютъ гласные. Предсѣдатель большое лицо; онъ можетъ снять съ очереди всякій вопросъ и можетъ закрыть ротъ всякому недовольному. Ужь если, какъ напр., г. Анненкову, ничего не стоитъ удалить со съѣзда 28 членовъ, то что-же ему стоитъ сдѣлать собраніе нѣмымъ? Важные земскіе вопросы поэтому не обсуждаются нынче на собраніяхъ, а внѣ ихъ—если только они обсуждаются внѣ, да и внѣ-то они едва-ли могутъ обсуждаться, потому что по постановленію 1867 г. протоколы земскихъ собраній должны печататься въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ только для гласныхъ. Но вѣдь для гласныхъ, присутствующихъ при дебатахъ и въ нихъ участвующихъ, протоколы меньше всего нужны, а нужны они для избирателей, которые теперь совсѣмъ не знаютъ, что дѣлаютъ ихъ уполномоченные. Скрывшись изъ вида своихъ уполномоченныхъ, гласные стали безответственными и, пожалуй, даже несмѣняемыми, и ловкій предсѣдатель можетъ играть выборами, какъ искусный шахматный игрокъ. Что-же удивительнаго, что во многихъ земствахъ устроилось такое кумовство, что въ гласные выбираются всегда одни и тѣ-же и затѣмъ, не чувствуя надъ собою контроля и глаза избирателей, хозяйничаютъ какъ имъ хочется и какъ имъ выгодноѣе.

Ловкій шахматный ходъ этого рода былъ устроенъ недавно въ херсонскомъ уѣздномъ собраніи. Происходятъ выборы губернскихъ гласныхъ. Въ земской атмосферѣ носятся грозовыя тучи надъ головой предсѣдателя губернской управы г. Бѣлоусовича. Если онъ не будетъ избранъ въ гласные, то значить, не попадетъ и въ предсѣдатели. Но у г. Бѣлоусовича есть и друзья, и противъ грозовой тучи они искусно и незамѣтно буютъ громоотводъ. Начинаются выборы. Слѣдуетъ выбрать 14 человѣкъ; выбрано записками 9 и г. Бѣлоусовичъ не попалъ. Партіи начинаютъ волноваться и выставляютъ застрѣльщиковъ. Первымъ смѣльчакомъ является г. Скадовскій, выпалившій въ противниковъ такой фразой:

«Прежде, чѣмъ приступить къ выборамъ, я хотѣлъ-бы сдѣлать характеристику нѣкоторыхъ гласныхъ: есть такіе-то и такіе-то гласные (называетъ имена), которые во время собранія сидятъ въ клубной комнатѣ и играютъ въ «винтъ». На этотъ выстрѣлъ застрѣльщикъ противной стороны г. Журавскій отвѣчаетъ: «и я считаю долгомъ заявить, что обвиненія г. Скадовскаго столько же вѣрны, какъ и то, что онъ во время засѣданія сидитъ въ буфетѣ!» За первыми выстрѣлами охотниковъ начинается цѣлая перестрѣлка и среди нея наиболѣе явственно, точно пушечные выстрѣлы, раздаются возгласы: «Бѣлоусовичъ продалъ Херсонъ, стоя за переводъ губерніи въ Одессу». Это, такъ сказать, «политическая» подкладка баталіи, но, конечно, «Херсонъ» тутъ ни причемъ, а причину нужно искать въ какихъ-нибудь «ближайшихъ» интересахъ. Въ чемъ заключались они — изъ корреспонденцій не видно. Онѣ рисуютъ только картину битвы и способъ борьбы, ея тактику и военныя хитрости, чтобы провести выборы «своего» кандидата. И надо отдать справедливость тактическимъ способностямъ предсѣдателя. Какое тонкое знаніе всѣхъ условій успѣха и умѣнье ими пользоваться!.. Мы остановились на томъ моментѣ битвы, когда избраны только 9 гласныхъ, вмѣсто 14. Нужно еще пять. Опять арміи пускаются въ ходъ, пальба, перестрѣлка—арміи сходятся... въ результатѣ еще пять избранныхъ, но... въ числѣ ихъ опять нѣтъ г. Бѣлоусовича. Вліятельная партія, предводительствуемая предсѣдателемъ, смущается, поле битвы, очевидно, не за ней и ея военнначальникъ понимаетъ, что болѣе многочисленный противникъ не дастъ ему торжествовать въ открытомъ полѣ. Тогда онъ пускаетъ въ ходъ дипломатію и устраиваетъ нечто въ родѣ берлинскаго конгресса. Наполеонъ I смѣняется Бисмаркомъ. Предсѣдатель объявляетъ, что хотя пять человѣкъ, которые требовались и избраны, но за ними по числу шаровъ стоятъ гг. Бутовичъ, Бѣлоусовичъ и Соковнинъ. Собраніе въ недоумѣніи. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это заявленіе, когда всѣ 14 гласныхъ избраны. Общее молчаніе. Предсѣдатель видитъ, что его не принимаютъ и снова повторяетъ свое заявленіе, дѣлая удареніе на имени Бѣлоусовича. Недоумѣніе все еще продолжается, но, наконецъ, болѣе тонкіе начинаютъ, воинмать планъ диверсии, задуманной вождемъ: такъ какъ г. Бѣлоусовичъ находится за флагомъ въ числѣ трехъ ближайшихъ кандидатовъ, то стоитъ изъ числа четырнадцати избранныхъ тремъ отказаться и гг. Бутовичъ, Бѣлоусовичъ и Соковнинъ попадутъ въ гласные. Но кому отказаться, кому лечь жертвой на «общее» дѣло? кому идти добровольно на закланіе? Но вотъ среди сдержаннаго смѣха торжествующей партіи одинъ изъ избранныхъ заявляетъ, что онъ

отказывается «отъ предоставленной ему чести». Предсѣдатель спѣшитъ объявить: «Итакъ, за отказомъ такого-то, вступаетъ г. Бутовичъ, но за нимъ слѣдуютъ еще гг. Бѣлоусовичъ и Соковнинъ...» Я не стану больше вдаваться въ скучныя подробности этой мелкой игры, планъ ея вполне ясенъ читателю. Кончилось тѣмъ, что отказался, наконецъ, г. Бутовичъ и г. Бѣлоусовичъ попалъ въ гласные.

Всѣ эти средства мелки, потому что за ними скрываются мелкія дѣли. Не общественныя, не земскіе интересы, не интересы большинства руководятъ поведеніемъ предсѣдателей нашихъ земскихъ выборовъ; играютъ главную роль интересы лицъ, интересы болѣе мѣстныхъ кружковъ — и затѣмъ царить полнѣйшее неуваженіе ко всѣмъ инымъ интересамъ. И это неизбежно, когда у мысли нѣтъ даже привычки думать дальше и шире, находить и видѣть связь ближайшихъ причинъ съ причинами болѣе отдаленными. Школой настоящаго земскаго поведенія можетъ явиться практика жизни и большую неправду берутъ на себя тѣ органы печати, — не хочется назвать мнѣ «Новое Время», чтобы не были поняты мои слова иначе, но именно о немъ я думаю, — которые вѣчно твердятъ о неспособности нашего общества. Неужели вы думаете, что херсонскіе земцы, встрѣтившіе сдержаннымъ смѣхомъ воззваніе предсѣдателя къ избраннымъ гласнымъ, не понимаютъ, что и какъ нужно сдѣлать. Ну вотъ они и сдѣлали; негодный имъ человекъ не былъ избранъ; онъ попалъ и въ кандидаты, конечно, противъ ихъ желанія; а «самопожертвованія» предупредить или устранить не въ ихъ власти. Выборы повсюду и вездѣ составляютъ то больное мѣсто, надъ которымъ приходится задумываться очень серьезно. Посмотрите, что дѣлается въ Америкѣ, во Франціи, въ Германіи. Вопросъ о выборахъ не даромъ играетъ такую роль въ политическихъ судьбахъ Франціи, не даромъ Гамбетта думалъ измѣнить совершенно систему выборовъ и о томъ-же думаютъ и теперешніе французскіе вожди. Бисмарку не мало испортила крови система прусскихъ выборовъ. Наше земство находится еще въ примитивномъ положеніи и только еще начинаетъ выборную школу, состоя въ ея приготовительномъ классѣ. Но посмотрите, какія повадки обнаруживаются уже и въ приготовительномъ классѣ, только потому, что обуздывающій элементъ слишкомъ слабъ. Общественное мнѣніе требуетъ отъ земства, чтобы оно служило только земскому интересу и не уклонялось-бы въ сторону интересовъ сословныхъ, личныхъ, интересовъ партій, группъ, интересовъ купеческихъ, кулаческихъ, вообще въ сторону интересовъ сильныхъ противъ слабыхъ, интересовъ эксплуатирующихъ лицъ и кружковъ. И обще-

ственное мнѣніе право въ своемъ требованіи, ибо оно стоитъ всегда за правду и справедливость, оно всегда на сторонѣ угнетеннаго и слабого, всегда стремится возстановить равновѣсіе интересовъ, всегда на сторонѣ нравственныхъ принциповъ и потому всегда склонно требовать отъ представителей общественныхъ группъ «нравственнаго» поведенія. Слишкомъ оптимистическое въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе, склонное возлагать свои надежды на личную нравственность лица, взявшаго на себя общественную обязанность, впадаетъ въ большую ошибку. Происходить это, конечно, только отъ недостаточной зрѣлости нашего общественнаго мнѣнія и отъ общественной незрѣлости единицъ его составляющихъ. Мы преимущественно вращаемся въ области личныхъ чувствъ, въ которой больше дома, чѣмъ въ области идей, т. е. чувствъ общественныхъ. Но дѣльный рядъ опытовъ, хотя-бы даже въ послѣдніа двадцать лѣтъ, могъ убѣдить, что «личная доблесть», «личная честность» и другія подобныя имъ добродѣтели, какъ факторы моральной области, не могутъ разрѣшать практическихъ отношеній въ земской, политической, коммерческой, промышленной и всякой другой области отношеній, гдѣ дѣйствуетъ исключительно расудочный факторъ. Въ сей моментъ невысокаго идейнаго развитія, расчетъ долженъ быть основанъ не на дѣйствіи моральнаго принципа а на созданіи возможностей для его развитія. А возможности эти заключаются въ такъ сказать механическихъ средствахъ. И дѣйствительно, гораздо проще подчинить предсѣдателя сѣзда выборщиковъ волѣ избирателей, которую онъ долженъ собою олицетворять, чѣмъ требовать отъ него моральныхъ совершенствъ, которымъ иногда и взяться не откуда. Теперешніе предсѣдатели сѣздовъ и земскихъ собраній хотя и выборные, но не земскими представителями. Я думаю, что и самимъ предсѣдателямъ сѣздовъ проще и пріятнѣе быть обыкновенными смертными, жить и ошибаться, какъ и всѣ люди, чѣмъ являться безплотными олицетвореніями «идеи общественныхъ добродѣтелей» и быть какими-то далай-ламами отъ земства.

И вотъ мы снова у колеса, которое приводитъ въ недоумѣніе г. В. Ламанскаго и представляетъ для него такую неразрѣшимую задачу. А между тѣмъ, дѣло въ сущности очень простое. Общественное развитіе заключается только въ томъ, чтобы имѣть такіа привычки мысли, при которыхъ совершенно произвольно возникаетъ въ умѣ связь явленій, связь ближайшихъ причинъ съ причинами болѣе отдаленными. Такія привычки, конечно, не сваливаются съ неба; а такъ какъ онѣ вырабатываются жизнію, то и возмущеніе г. В. Ламанскаго на петербургское общество доказываетъ не непригодность ни къ чему полезному петербургскихъ

жителей, а только непригодность мышленія г. В. Ламанскаго для оцѣнки общественныхъ фактовъ. Наши общественные сборы постигаетъ вообще очень печальная судьба. Это правда. На памятникъ Лермонтову мы никакъ не можемъ собрать денегъ, не можемъ ихъ собрать и на памятникъ Глинки. Памятникъ Хмѣльницкому хотя и готовъ (кажется), но его нельзя поставить, потому что недостаетъ денегъ на фундаментъ. Предложите сборъ на памятникъ Скобелеву и его постигнетъ та-же судьба. А между тѣмъ рядомъ съ этими фактами «равнодушія» вы видите и такіе факты. Въ Вологдѣ на базарѣ останавливается обозъ переселенцевъ, все они въ лохмотьяхъ, полуобнаженные, желкіе, несчастные. Испитыя лица голодныхъ бабъ и дѣтей и мрачныя лица мужиковъ производятъ тяжелое впечатлѣніе. Вѣсть о несчастныхъ быстро облетѣла городъ и въ какіе-нибудь два часа бѣдняковъ снабдили и платьемъ, и бѣльемъ, и деньгами, и хлѣбомъ. Надо было видѣть, съ какими искреннимъ желаніемъ, безъ всякаго давленія, каждый давалъ что можетъ. Подобный-же случай повторился и въ нынѣшнемъ году съ переселенцами, застрявшими въ Тулѣ, потому что имъ не на что ѣхать дальше. Что за причина въ самомъ дѣлѣ, что именемъ Лермонтова или Пушкина и даже Скобелева не прошибеши насъ на пожертвованія, а голодныхъ переселенцевъ мы и накормимъ, и напоимъ, и дадимъ денегъ на дорогу? Причина все та-же. Не хуже-же мы, русскіе, французскіе, нѣмцы, англичанъ и американцевъ, то-же живые люди, и способны пожалуй больше ихъ на доброе и великодушное увлеченіе. И все-таки американцы на погорѣвшій Чикаго въ какой-нибудь часъ собираютъ милліоны, а мы на гутуевцевъ въ цѣлый мѣсяцъ собрали гроши. Или въ Гельсингфорсѣ умираетъ редакторъ газеты и его женѣ собираютъ въ какую-нибудь недѣлю 60 т. м. Попробуйте у насъ хоть грошъ собрать вдовѣ редактора или сотрудника газеты. Мы—люди чувства, а не мысли. Намъ нужно собственными глазами увидѣть сочащуюся рану, гибнущаго, раздавленнаго, умирающаго человѣка, намъ нужно погрузить руку въ человѣческое несчастіе, чтобы его почувствовать—и мы тогда способны на всякій великодушный порывъ, на всякое благородное увлеченіе. Но для памятника Лермонтову, Пушкину, Скобелеву, на помощь вдовѣ умершаго редактора политической газеты или на помощь несчастію, котораго мы не видимъ, нужны умственные привычки къ ассоціаціямъ такихъ идей, къ которымъ у насъ все и не воспиталось навыковъ. И въ самомъ дѣлѣ, какія ассоціаціи представленій возникаютъ у насъ при имени Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Добролюбова, Некрасова и другихъ общественныхъ дѣятелей.

Европеецъ и американецъ — человѣкъ политическаго и общественнаго развитія, онъ знаетъ чѣмъ, онъ одолженъ своимъ великимъ умомъ и великимъ общественнымъ дѣятелямъ, а мы даже о Потрѣ В. имѣемъ смутное понятіе и не знаемъ, что онъ для насъ сдѣлалъ. Конечно, можно всѣмъ этимъ возмущаться и бранить общество и печать. Но въдѣ одной неустрашимостію порицанія такихъ сложныхъ вопросовъ не разрѣшить. Вотъ, напримѣръ, на дняхъ у мирового судьи 21 участка судился опять Сергѣевъ. Этотъ Сергѣевъ за прошеніе милостыни былъ высланъ изъ Петербурга въ Шлиссельбургъ на 3 года (странное наказаніе!), но снова явился здѣсь, за что и былъ привлеченъ къ мировому. Сергѣевъ явился на судъ въ такомъ ужасномъ видѣ, что мировой судья, приговоривъ его къ 4-хъ-дневному аресту, купилъ ему платье на свои деньги. Теперь Сергѣевъ снова предсталъ на судъ и въ своемъ прежнемъ несчастномъ видѣ, потому что платье, подаренное судьей, онъ продалъ. И новый судья приговорилъ Сергѣева за прошеніе милостыни къ 4-хъ-дневному аресту. Ну и приговаривайте, точно Сергѣевъ станеть отъ этого богаче. Говорять, что одна благотворительница заявила мировому судѣ «готовность» взять Сергѣева на свое попеченіе; но въ той-же газетѣ сообщаютъ еще и слѣдующее: «Отчетъ о Сергѣевѣ обратилъ на себя вниманіе одного изъ участковыхъ попечителей общества попеченія о дѣтяхъ, которымъ о положеніи Сергѣева было заявлено въ послѣднемъ засѣданіи комитета общества, но повидимому комитетъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ничего существаннаго для облегченія участи несчастнаго мальчика». Разумѣется, если-бы комитетъ сдѣлалъ что нибудь, то Сергѣевъ не побирался-бы снова.

Для г. В. Ломанскаго это новый случай возмутиться равнодушіемъ Петербурга, занимающагося только «болтовней» и недѣлающаго никакого дѣла, новый случай разгромить Петербургъ. Охъ ужъ этотъ ужасный Петербургъ, отъ кого и за что только ему недостаетъ! А между тѣмъ Петербургъ такая сложная лабораторія, что прежде чѣмъ бранить — нужно ее изучить. Петербургъ зовутъ головой Россіи, но зовутъ его и шляпой. Въ дѣломъ — Петербургъ во всякомъ случаѣ умнѣе, тѣмъ думаетъ о немъ г. Аксаковъ и г. В. Ломанскій. Въ этомъ они могли убѣдиться еще разъ изъ гутуевской катастрофы. Оказывается, что островъ начинаетъ мало по малу отстраиваться, биржа Григорьева уже обнесена заново заборомъ и по-старому начинаетъ покрываться штабелями досокъ и кострами бревенъ, тутъ-же на скорую руку воздвигнута контора биржи. На Лоцманскомъ островѣ мѣсто пожарнища расчищается для возведенія лоцманскихъ хижинъ; возвышаются уже два, три сруба,

на которыхъ посланы уже новыя крыши. «Словомъ, говоритъ «Н. В.», въ непродолжительномъ времени все найдете по старому и прежняя скученность построекъ дастъ, при удобномъ случаѣ, новую и обильную пищу огню». Видите какой это удивительный городъ Петербургъ—взять все постарому, даже и «пища огню». Но вѣдь не на тысячу рублей собранныхъ «Н. В.» отстроились эти два острова и уже конечно не «воззванія» г. В. Ломанскаго соорудили постройки.

Чтобы показать читателю одну изъ удивительныхъ сторонъ Петербурга, я приведу нѣсколько «статистическихъ данныхъ» изъ «Отчета» петербургской думы. По переписи 1881 г. въ Петербургѣ считается 860 тыс. жителей, изъ нихъ избирателями были въ послѣдній разъ 17,751 ч. и избранныхъ 252 лица въ гласные отъ города. Такимъ образомъ такъ называемый Петербургъ, столица, громада почти съ миллионнымъ населеніемъ, сводится къ небольшой кучкѣ въ 17 т. человѣкъ, которую всю можно умѣстить въ одномъ домѣ Вяземскаго, а людей, управляющихъ судьбами этого милліона, въ одинъ этажъ этого дома. Понятно что большинство петербургскихъ жителей добродушно считаетъ «думой» только башню съ испорченными часами, которая красуется надъ серебрянными лавками на углу перинной линіи. И вотъ 843 т. петербургскихъ жителей, имѣющихъ такое ясное представленіе о петербургскомъ самоуправленіи, сидятъ по своимъ чердакамъ подваламъ, верхамъ, низамъ и даже бель-этажамъ Петербурга—довольные или недовольные—я не знаю,—но во всякомъ случаѣ увѣренные въ томъ, что случится-ли въ Петербургѣ голодъ, моръ, наводненіе, землетрясеніе, пожаръ, который-бы истребилъ половину Петербурга, а ужъ не говоря про такія мелочи, какъ дороговизна квартиръ, мяса, хлѣба, дровъ или отравленіе невской воды всякими нечистотами—дума никто не потревожитъ вопросомъ хорошо-ли ему или худо отъ землетрясенія, отъ квартирныхъ контрактовъ и разныхъ другихъ случайностей и мелочей, совокупность которыхъ составляетъ то, что называется удобствами и преимуществами петербургской жизни. Петербургскій человѣкъ уже ребенкомъ приучается видѣть весь міръ только въ четырехъ стѣнахъ квартиры, въ которой онъ растетъ. Въ ней онъ вырастаетъ большимъ и всѣ его петербургскіе городскіе интересы ограничиваются только квартирой: хороша-ли она, дурна-ли, высока или низка, дешева или дорога. Жить въ Петербургѣ значитъ думать только о своей квартирѣ и перемѣнять каждый годъ новую. Этотъ роковой законъ, сводящій всѣ интересы человѣка только къ его собственной квартирѣ, дѣлаетъ его равнодушнымъ ко всему, что-бы ни свершалось внѣ той лѣстницы, по которой онъ живетъ. Даже когда сдѣлается рядомъ пожаръ, пе-

тербургскій житель съ хладнокровіемъ и спокойствіемъ Катона выходитъ на улицу только для того, чтобы посмотрѣть, какъ горитъ, потому-что знаетъ, что его квартиру отстоятъ. Спрашивается, если Катонъ такъ спокоенъ, когда горитъ рядомъ, и у него возникаетъ единственный силлогизмъ — рядомъ горитъ, пожарные дѣйствуютъ хорошо, слѣдовательно у меня не загорится, — то какой-же силлогизмъ возможенъ у жителя Литейной, если горитъ на Гутуевскомъ островѣ?

Сдѣлавъ центромъ мірозданія свою собственную квартиру, петербургскій житель только для своего особняка и устраиваетъ свои «общественныя» отношенія и свои «общественныя» связи. Каждая квартира поэтому имѣетъ связь съ департаментомъ, палатой, конторой, съ какимъ-нибудь желѣзнодорожнымъ управленіемъ, вообще съ какимъ-нибудь «мѣстомъ», изъ котораго какъ изъ рога изобилія течетъ въ квартиру матеріальное благополучіе. Вотъ это то мѣсто и есть мѣсто въ природѣ для петербургскаго человѣка, оно для него точка опоры и прибѣжище въ нуждѣ и несчастіи, оно прокормитъ его въ молодости и не покинетъ его въ старости. Прежде, до освобожденія крестьянъ, такимъ «мѣстомъ» была только казенная служба, тогда, правда, и всякій человѣкъ былъ приписанъ къ «мѣсту». Теперь-же со свободой, съ желѣзными дорогами, банками, земствомъ и т. д. хотя и явилось болѣе «мѣсть», но въ то-же время намѣтилось и одно очень прискорбное явленіе, которое съ каждымъ днемъ и часомъ разрастается все больше и больше, выдвигая постоянно увеличивающуюся массу людей безъ всякой точки опоры, лишенныхъ всякой почвы и блуждающихъ въ пространствѣ, какъ изолированныя, оторванныя тѣла. И въ самомъ дѣлѣ, земство считаетъ своимъ только того, у кого есть земля, городъ своимъ того, у кого есть домъ, казенныя мѣста, желѣзныя дороги, телеграфы — тѣхъ, кто у нихъ служить — и каждый человѣкъ старается присосаться къ такому источнику жизни и упрочить себѣ положеніе. Но у кого нѣтъ земли, нѣтъ дома, нѣтъ мѣста, для того не существуетъ и никакого общественнаго «представительства», которое-бы считало его «своимъ». Этими новыми «изгоями» кишитъ Петербургъ и за нихъ уже давно и бесполезно ратуетъ печать. Поразительное явленіе было напечатано въ «Р. В.» Привожу его слово въ слово.

«Насъ просялъ заявить о нижеслѣдующемъ печальномъ прищѣрѣ безвыходнаго положенія, въ какомъ можетъ очутиться у насъ человѣкъ, получившій достаточное образованіе, но, совершенно случайно, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, въ теченіе болѣе чѣмъ года остававшійся безъ мѣста и занятій⁶ и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ такомъ именно безвыходномъ положеніи находится въ настоящее время извѣстный своими трудами по народному образованію г. Волженскій. Признанный за свои труды

достойнымъ занять мѣсто инспектора народныхъ училищъ, но не получившій его за отсутствіемъ вакантныхъ мѣстъ, г. Волженскій въ теченіи цѣлаго года не могъ найти себѣ какихъ-либо занятій, соответствующихъ его профессіи и образованію, и въ настоящее время находится въ самомъ безвыходномъ положеніи съ семьей, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію. Всякая посторонняя помощь, за отсутствіемъ у насъ вспомогательныхъ кассъ, откуда могло-бы быть выдано временное пособіе, будетъ принята съ благодарностью, и кто пожелалъ-бы оказывать такую помощь адресоваться по мѣсту жительства г. Волженскаго; Москва, Гивздинковскій пер., домъ Любечкова, кв. № 13.

Это фактъ московскій, но онъ настолько-же и петербургскій. Человѣкъ интеллигентнаго труда, достойный, извѣстный—оказывается ненужнымъ и лишнимъ и долженъ просить о подаваніи! Ужасно! Еще ужаснѣе средство, предлагаемое «Н. В.» противъ этого ужаса. Въ 2638 № газеты «народный учитель» говорятъ всѣмъ стремящимся въ Петербургъ, чтобы учиться: бросьте мысли о Петербургѣ, это болото, въ которомъ вы погребнетесь и пропадете отъ голода и не найдете ничего. Оставайтесь у себя дома, въ провинціи: «не лучше-ли хотя и съ меньшими средствами, но дѣлать больше тамъ, на мѣстѣ». Неужели это разрѣшеніе? Люди въ просвѣщеніи и знаніи ищутъ выхода, а имъ говорятъ—бросьте всѣ помислы объ ученіи и сидите на мѣстѣ, Значить университетъ, технологическій институтъ, институтъ путей сообщенія, горный, лѣсной, строительное училище—однимъ словомъ всѣ высшія заведенія Петербурга—ни о чемъ объ этомъ растущей провинціи думать не слѣдуетъ. Для кого-же они тогда? Или они уже не нужны для Россіи, не нужны намъ ни технологи, ни инженеры, ни учителя, ни профессора, ни промышленность, ни торговля, ни желѣзныя дороги, ни вообще образованіе и знаніе? Я возвращусь еще къ этой темѣ, ибо настоящая хроника вышла и безъ того длинна. А теперь—последнее слово г. В. Ламанскому и тѣмъ, кто думаетъ какъ и онъ—ихъ-же много. Положеніе г. Волженскаго и всѣхъ тѣхъ, къ кому съ совѣтомъ обращается «народный учитель»—вѣдь это цѣлая драма и драма далеко не личная. Она только потому и возможна, что у насъ не установился и не выяснился въ обществѣ взглядъ на одну изъ важнѣйшихъ сторонъ развитія народной, общественной и государственной жизни—отношеніе просвѣщенія къ общему росту страны. Между тѣмъ г. В. Ламанскій утверждаетъ, что разъяснять этотъ вопросъ значить «болтать пустяки» и что нужно только помогать погорѣльцамъ. И мою «хронику» г. В. Ламанскій обзоветъ «пустой болтовней». Но если все это пустяки, то будетъ-ли «злойбы дня» и послѣ помощи гутуевскимъ погорѣльцамъ подумать о г. Волженскомъ и о цѣломъ рядѣ явленій, создающихъ это поло-

женіе и создающихъ петербургскихъ «изгоевъ», не имѣющихъ точки опоры? Получивъ одобреніе г. Ламанскаго, я позволю себѣ предложить ему еще вопросъ. Если онъ разрѣшаетъ этому вопросу быть «злойю дня», то что-же и какъ дѣлать, чтобы впередъ избавить г. В. Ламанскаго отъ необходимости писать воззванія и памфлеты?

Н. В.

ЗАБОТЫ ГЛАДСТОНА.

(Политическая и социальная хроника).

Если для нѣкоторыхъ отраслей производства наступила «глухая пора», зато другія никогда, быть можетъ, не страдали безработицей менѣе, чѣмъ въ настоящее время. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ причислить ремесло почтеннаго мистера Марвуда. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, чрезъ его руки прошли всѣ дѣйствительныя или мнимыя дѣйствующія лица зловѣщей драмы, театромъ которой былъ Фениксъ-паркъ. Жозефъ Брэди, Даниэль Курлецъ, Михаэль Фэгонъ, Томасъ Кэтфрей, одинъ за другимъ появлялись у роковой доски. Послѣ всего этого можно-бы, казалось, считать задачу названнаго должностнаго лица оконченной, такъ какъ остальные «непобѣдимые» или не преслѣдовались за это преступленіе, а только за принадлежность къ тайному обществу, или-же успѣли поставить океанъ между собою и веревкою. Однако королевскому палачу предстояло еще новое дѣло.

Извѣстно, что Тимоти Келли, юноша лѣтъ 18-ти, обвинялся въ томъ, что принималъ въ убійствѣ Борка и Кавендиша неменьшее участіе, чѣмъ Жозефъ Брэди. Между тѣмъ, когда пришлось рѣшать предварительный вопросъ о томъ, находился ли нѣтъ Келли въ Фениксъ-паркѣ 6-го іюня, присяжные поставлены были въ сильное затрудненіе и объявили, что не находятъ возможнаго отвѣчать утвердительно. По мѣрѣ развитія судебныхъ преній, чашка вѣсовъ все болѣе и болѣе наклонялась въ сторону подсудимаго, а не въ сторону прокуратуры. Такъ защита заставила доносчика Фарреля сознаться, что онъ уже два раза являлся лже-свидѣтелемъ. Другой свидѣтель со стороны обвиненія, шляпникъ Глиннъ, оказался еще болѣе роковымъ для обвиненія; онъ категорически заявилъ, что Келли не находился въ группѣ людей, замѣченныхъ имъ въ паркѣ, за нѣсколько минутъ до совершенія убійства.

Садовникъ Гексли, правда, увѣрялъ, что замѣтилъ Келли въ упомянутой группѣ, но дѣло въ томъ, что Глиннъ хорошо зналъ

подсудимаго, между тѣмъ, какъ Гексли никогда его не видѣлъ; сверхъ того, онъ проходилъ по Фениксъ-парку задолго до убійства, то-есть въ такое время, когда ничего не побуждало его обращать особенное вниманіе на проходившихъ. Онъ взглянулъ на «непобѣдимыхъ» разсѣянно, какъ и на всѣхъ, кого встрѣчалъ, и, если затѣмъ способенъ былъ узнать Келли одиннадцать мѣсяцевъ спустя, то нельзя не замѣтить, что подобной силы памяти не встрѣчалось ни у кого, кромѣ садовника Гексли. Сверхъ того этотъ необыкновенный садовникъ проходилъ по саду не одинъ: онъ шелъ со своимъ знакомымъ. Чѣмъ-же объяснить то обстоятельство, что обвиненіе воздержалось отъ приглашенія этого пріятеля для подтвержденія показанія свидѣтеля? Оставалось показаніе другого доносителя, кучера Кэвенэга, но было доказано, что во время слѣдствія онъ показывалъ то на одно, то на другое изъ дѣйствовавшихъ лицъ драмы, такъ что явилось нѣкоторое основаніе недоувѣрять его утвержденіямъ, предположивъ даже, что онъ не грѣшилъ противъ добросовѣстности.

Такимъ образомъ, затрудненіе, испытанное присяжными, не было лишено основанія и они не могли бы дать иного отвѣта, кромѣ отрицательнаго.

Казалось-бы, что послѣ такого результата, оставалось только преклониться предъ нимъ и возвратитъ свободу тому, кого судьи его признали невиннымъ.

Однако, отвезенный обратно въ Кильменгемскую тюрьму, онъ былъ запертъ тамъ крѣпче прежняго и узналъ, что если первый составъ присяжныхъ объявилъ его невиннымъ, то озаботились составить второй, который былъ-бы болѣе расположенъ найти Келли виновнымъ.

Въ концѣ апрѣля Келли вернулся на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ томъ-же преступленіи. При видѣ этого молодого человека, которому едва минуло 18 лѣтъ и нѣжное сложеніе котораго дѣлало его физически неспособнымъ къ участію въ убійствѣ, упорство преслѣдованія становилось просто необъяснимымъ. Можно было подумать, что спасеніе Ирландіи и спокойствіе цѣлой имперіи зависѣли отъ жизни этого слабаго и болѣзненнаго ребенка. Но и на этотъ разъ всѣ усилія оказались напрасными; не появилось ни одного новаго неблагопріятнаго показанія, а свидѣтели защиты высказались яснѣе, чѣмъ когда-либо. Разногласіе оказалось только по одному пункту: утромъ 6-го мая Келли работалъ у своего хозяина Броуна; вернулся-ли онъ къ нему послѣ полудня за полученіемъ недѣльнаго заработка? Броунъ утверждаетъ, что онъ не приходилъ; нѣсколько товарищей подсудимаго говорятъ противное. За это-то противорѣчіе отчаянно ухватилось

обвиненіе. Съ другой стороны и защита выставила нѣсколько новыхъ свидѣтелей. Одинъ изъ нихъ заявилъ, что видѣлъ подсудимаго 6-го мая, въ 8 часовъ вечера, въ помѣщеніи одного общеста взаимнаго вспомошествованія, къ которому они оба принадлежали. Показаніе это было подтверждено предсѣдателемъ этого общества. Подтвердилъ его и секретарь, прочитавшій протоколъ засѣданія того вечера, въ которомъ значилось, между прочимъ и имя Келли въ числѣ присутствовавшихъ членовъ. Наконецъ выслушана была мать подсудимаго, Мэри Келли, видимо-подавленная горемъ и явившаяся свидѣтельствовать въ пользу сына.

Всѣ свидѣтельства, за исключеніемъ показаній доносителей, продолжали подтверждать невинность Келли въ дѣлѣ прямого участія въ преступленіи Фениксъ-парка. Но какой вѣсь могли имѣть показанія столькихъ гражданъ, рядомъ съ показаніями Кэри? Первые, по мнѣнію правительства, очевидно сговорились, чтобы спасти виновнаго. Что касается вторыхъ, то можно-ли подвергать сомнѣнію ихъ слова? Они слишкомъ боятся преслѣдованія за лжесвидѣтельство, чтобы исказить истину.

На другой день, засѣданіе началось рѣчью предсѣдателя, резюмировавшаго пренія. Блѣдный съ неподвижно устремленнымъ взоромъ, Кэли не безъ волненія и вздрагивая по временамъ, прослушалъ чтеніе, длившееся болѣе двухъ часовъ. Мѣстами оно превращалось въ обвинительный актъ. Хотя г. предсѣдатель и признаетъ, что «показанія если они не подтверждаются независимыми свидѣтелями, не считаются заслуживающими большаго вниманія и въ «судебной практикѣ» не принимаются во вниманіе, но въ то-же время предупреждаетъ присяжныхъ, что они могутъ и отклониться отъ обычая, не навлекая на себя нравственной отвѣтственности».

Присяжные удалились для размышленій о такомъ новомъ возрѣніи на правосудіе, а, возвратясь въ залу, объявили, что не могли придти ни къ какому соглашенію по поводу своего вердикта. На рукоплесканія публики предсѣдатель отвѣчаетъ угрозой велѣть очистить залу. Затѣмъ, обращаясь къ присяжнымъ: «Вы совѣщались только одинъ часъ. Не было примѣровъ рѣшенія, столь поспѣшно принятаго въ столь важномъ дѣлѣ. Вернитесь въ совѣщательную залу».

Раздается ропотъ; кто-то замѣчаетъ вслухъ, что присяжные, осудившіе Брэдди, совѣщались не болѣе 35-ти минутъ, и что предсѣдатель нашелъ это вполне правильнымъ. Между тѣмъ, по прошествіи 40 минутъ, старшина появляется снова въ залѣ засѣданія и снова объясняетъ, что всякое соглашеніе оказалось невозможнымъ. «Вы опять-таки слишкомъ торопились», заявляетъ пред-

сѣдатель. «Сдѣлайте новую попытку. — Но, возражаетъ старшина присяжныхъ, «это бесполезно. Мы до такой степени расходимся во мнѣніяхъ, что ни къ чему-бы не пришли и по прошествіи восьми-дневныхъ преній. — «Все равно, отвѣчаетъ предсѣдатель попытайтесь еще разъ». И въ ожиданіи результатовъ этой новой попытки, предсѣдатель, чтобы не терять времени, занимается другимъ уголовнымъ дѣломъ. Старшина присяжныхъ, занимавшихся дѣломъ Кэлли, не замедлилъ прервать его, объявивъ, что они менѣе чѣмъ когла-либо близки къ соглашенію. На этотъ разъ предсѣдатель, повидимому, расположенъ подчиниться необходимости, но прокуроръ настаиваетъ на новой попыткѣ. «Пусть будетъ такъ», говоритъ старшина, но въ такомъ случаѣ пусть сообщать намъ въ точности время показаній свидѣтелей Гэсли и Маъ Гована. Соглашаются и на это, но все напрасно: присяжные продолжаютъ упорствовать и, наконецъ, въ 4 часа, то-есть послѣ трехчасового совѣщанія, они возвращаются, умоляя предсѣдателя прекратить бесполезную попытку. О'Бриѣнъ рѣшается, наконецъ, уступить. Присяжные распущены. Кэлли сіяетъ и у него вырывается крикъ радости. Однако, жандармы уводятъ его, между тѣмъ какъ присутствовавшіе на судѣ бросаются къ выходамъ, чтобы сообщить объ исходѣ дѣла нетерпѣливой и оживленной толпѣ, тѣснящейся вокругъ зданія суда.

Что стануть дѣлать съ Кэлли? Будутъ-ли судить его позже, вмѣстѣ съ семью членами общества «непобѣдимыхъ», обвиняемыхъ въ участіи въ заговорѣ и подлежащихъ только каторгѣ? Или-же подвергнуть его перипетіямъ новаго уголовного процесса? Послѣднее, казалось, столь чудовищнымъ, что его считали наименѣе вѣроятнымъ, а между тѣмъ, оно-то и осуществилось.

Составили новый составъ присяжныхъ. Изъ какихъ элементовъ онъ состоялъ? Къ какимъ способамъ давленія прибѣгали для оказанія вліянія на его мнѣніа? Не знаю. Извѣстно только, что никакого новаго свѣта пролито не было, но тѣ-же доказательства казавшіяся столь недостаточными первымъ присяжнымъ, на этотъ разъ оказались убѣдительнымъ, а дважды оправданный Кэлли въ концѣ-концовъ былъ осужденъ.

II.

До послѣдней минуты ожидали, что, по крайней мѣрѣ, этотъ юноша, почти ребенокъ, будетъ помилованъ. Болѣзненность и крайняя молодость въ достаточной мѣрѣ оправдали-бы въ глазахъ публики такое милосердіе. Въ этомъ смыслѣ направлено было ходатайство къ ирландскому вице-королю и препровождены къ нему петиціи, покрытыя многочисленными подписями. Лордъ Спенсеръ

былъ неумолимъ. Онъ отвѣчалъ, что не видитъ никакой причины для нарушенія хода правосудія.

Казнь была назначена на 9 е іюня.

Когда совершилось правосудіе всѣ обнажили головы и па-ли на колѣна, между тѣмъ какъ съ разныхъ сторонъ раздался раздирающій душу вопль, тотъ странный и ужасный крикъ, который знакомъ всѣмъ, посѣтившимъ Ирландію. У ирландцевъ существуетъ общая интонація для выраженія отчаянія, у нихъ есть національный вопль отчаянія, на подобіе того, какъ у другихъ народовъ существуютъ пѣсни, выражающія радость и веселіе. Даже англичане признаютъ ирландскій крикъ отчаянія и дали ему крещеніе, назвавъ *Irish Wail*. Затѣмъ снова водворилось молчаніе, столь-же мрачное, какъ и прежде; всѣ продолжали стоять на колѣняхъ, какъ-бы приросли къ землѣ. Вдругъ какая-то женщина стала громко кричать: «Да будетъ проклятъ предатель Кэри!» При звукѣ этого имени всѣ поднялись съ колѣнъ. Тысячи голосовъ повторяли проклятіе, которое заключенный еще въ Кильменгэмѣ Кэри долженъ былъ слышать въ стѣнахъ своей камеры, такъ какъ въ теченіи четверти часа неутомимая въ своей ненависти толпа не переставала кричать: «Да будетъ проклятъ Кэри». Ничего предумышленного не было въ этомъ эпизодѣ, заставившемъ трепетать дублинскихъ жителей своею внезапностью и реальностью.

Мало-по-малу, вмѣшалась военная сила, было произведено нѣсколько арестовъ, и крики мщенія утихли. Толпа медленно разошлась предъ тѣсными рядами драгунъ и констэблей и молча направилась къ дому Кэлли, желая дать послѣдній знакъ сочувствія несчастной семьѣ.

Въ половинѣ девятого все снова было пустынно вокругъ Кильменгэма и тишина нарушалась только ударами застѹна. Послѣднее слово принадлежало могильщику, какъ то всегда бываетъ во всѣхъ драмахъ, разыгрывающихся на Зеленомъ Эрнѣ.

III.

Подводя итогъ дѣятельности Кэри, мы получаемъ по одному дѣлу «Непобѣдимыхъ» цифру шести труповъ. Я говорю шесть, потому что единственный помилованный изъ приговоренныхъ къ смерти, Патрикъ Делонэ, обязанъ помилованіемъ лишь скоротечной чахоткѣ, быстро разрушающей его и дѣлающей участіе Марвуда излишнимъ. Затѣмъ, остальные были приговорены къ каторжнымъ работамъ, срочнымъ или пожизненнымъ.

Рядомъ съ этимъ идетъ списокъ гражданъ, приговоренныхъ

къ денежнымъ пенямъ, за различныя провинности, въ томъ числѣ за уклоненіе отъ обязанностей присяжнаго. Эта обязанность, по-видимому, многимъ не по вкусу, если судить по числу тѣхъ, кто уклонился отъ явки или старался отказаться подъ самыми пустыми предлогами. На каждомъ засѣданіи, въ ту минуту, какъ председатель приступалъ къ переключкѣ присяжныхъ, одинъ заявлялъ, что долженъ спѣшить на похороны хорошаго знакомаго; другого увѣрилъ докторъ, что у него готовится какая-то болѣзнь; третій не находилъ въ себѣ достаточной опытности для исполненія обязанностей присяжнаго. Наконецъ были и такіе, которые, по принципу, не признавали смертной казни. Только послѣдніе получали увольненіе, что вполне понятно, если принять во вниманіе цѣль самого правительства — избавиться отъ подсудимыхъ. Число отсутствующихъ было достаточно значительно для того, чтобы общая сложность штрафовъ составила сумму въ цѣльмиліонъ. Объявляя объ окончаніи этой длинной судебной драмы, безжалостный, какъ и всегда, О'Бриэнъ возвѣстилъ, что штрафы отгнѣнены не будутъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что для председателя О'Бриэна подобныя процессы очень хороши. Послѣдній сдѣлалъ его членомъ королевскаго совѣта и если предположить, что ежегодно будетъ разбираться хотя одно такое дѣло, то можно составить себѣ понятіе о блестящей карьерѣ, ожидающей этого судью.

Изъ всѣхъ, игравшихъ роль въ этомъ дѣлѣ, наиболѣе облагодѣтельствованнымъ судьбою слѣдуетъ все-таки считать мистера Марвуда. Его популярность по ту и непопулярность по сю сторону канала св. Георгія общающъ сдѣлать изъ него дѣйствительно важную особу. Послѣдняя поѣздка его напоминала триумфальное шествіе. Во всѣхъ небольшихъ городахъ Англіи, гдѣ останавливался Марвудъ, отправляясь въ Дублинъ, у него бывали настоящіе приемы. Повсюду населеніе цѣлыми толпами сбѣгалось на его пути, чтобы позать руку, накинувшую петлю на шею Курлеца и Келли. Спокойно, и безъ надменности, съ улыбкою, которая можетъ назваться почти скромною, принимаетъ онъ это чествованіе. Добродушно бесѣдуетъ онъ о трудностяхъ и любопытныхъ особенностяхъ своего дѣла; съ снисходительнымъ видомъ передаетъ онъ, что за послѣднее время едва успѣвалъ справляться съ дѣломъ и, что въ Глазговѣ, напримѣръ, двумъ преступникамъ пришлось ждать, чтобы эта занятая особа удосужилась отправить ихъ на тотъ свѣтъ. Онъ высказывалъ также свое мнѣніе объ осужденныхъ по дѣлу Фениксъ-Парка, которыхъ ему пришлось вѣшать, и одобрительно отзывался объ ихъ поведеніи. Онъ согласился признать, что никогда не приходилось видѣть такого

мужества и неустрашимости предъ лицомъ висѣлицы, и констатироваль, что ни въ Англіи, ни въ Шотландіи не умѣютъ такъ умирать. Въ Ирландіи слово исполнителя приговоровъ проявляется въ иной формѣ, но съ неменьшею ясностью. Само собою разумѣется, кто онъ никогда не гуляетъ одинъ; его постоянно сопровождаютъ четыре полицейскіе агента, вооруженные заряженными револьверами. Какъ-то разъ, во время прогулки съ обычнымъ конвоемъ, толпа собралась на его пути, стала бросать въ него камнями и осыпать бранью. Ему съ трудомъ удалось укрыться въ наемномъ экипажѣ и поспѣшить вернуться въ Кильментэмъ.

IV.

«Тигръ не выдается на добычу съ большею яростью, чѣмъ англійскій парламентъ и англійская печать, когда они желаютъ раздавить ирландскаго патриота». Эти слова принадлежатъ католическому духовному сановнику, архіепископу Кэтельскому, Кроку, который при письмѣ послалъ сумму въ 50 фунтовъ стерлинговъ, жертвуемую милосерднымъ прелатомъ по подпискѣ, открытой съ цѣлю выраженія національнаго уваженія Парнеллю и вознагражденія «Ирландскаго политическаго папы», за подозрѣнія и нападки, предметомъ которыхъ онъ служилъ въ палатѣ общинъ.

Это письмо, въ связи съ пожертвованіемъ, и послужило поводомъ для пресловутаго циркуляра Льва XIII къ католическимъ ирландскимъ епископамъ, въ которомъ выражалось порицаніе и Кроку и Парнеллю. Какъ и слѣдовало ожидать, новый союзникъ встрѣченъ былъ въ Англіи съ восторгомъ. Онъ, можно сказать, упалъ съ неба, чтобы поддержать ее въ борьбѣ съ Ирландіей. Если-бы удалось оторвать отъ революціоннаго дѣла ирландское духовенство, то безнощадная борьба, разъединяющая въ теченіе столькихъ лѣтъ Англію и Ирландію, прекратилась-бы на вѣки.

Задача не была легка. Вожди ирландскаго народа всегда имѣли за собою громадную армію священниковъ, скорѣе расположенныхъ находить ихъ недостаточно энергичными, чѣмъ слишкомъ крайними. Въ такомъ-же положеніи находится и Парнелль. Можно видѣть изъ большихъ дублинскихъ процессовъ, однимъ изъ эпизодовъ которыхъ мы только что занимались, какимъ духомъ воодушевлено низшее духовенство. Брэди, Курлець, Келли и другіе поощрялись, поддерживались и получали нравственное содѣйствіе отъ священниковъ той самой столицы, гдѣ имѣетъ свое мѣсто-пробываніе умѣреннѣйшій и миролюбивѣйшій изъ ирландскихъ епископовъ, Макъ Кэбэ.

Дѣйствіе циркуляра 11-го мая не замедлило отзываться, и

прежде всего на судьбѣ подписки. Сборъ пожертвованій далъ уже богатые результаты. Одна епархія Крока прислала организаторамъ подписки около 70,000 франковъ, въ числѣ которыхъ заключались лейты болѣе чѣмъ 200 священниковъ. Можно было думать, что какъ скоро циркуляръ его святѣйшества сдѣлается известнымъ, всѣ эти духовные потребуютъ свои деньги обратно. Этого не сдѣлалъ никто. Напротивъ, тѣ, кто еще не успѣлъ подписаться, поспѣшили это сдѣлать. Во многихъ мѣстахъ произведены были враждебныя циркуляру демонстраціи и духовенство принимало въ нихъ участіе. На одномъ изъ собраній лондонскихъ ирландцевъ, депутатъ Гомерулеръ Жустевъ Макъ Кэрти убѣждалъ присутствующихъ оказать энергическое сопротивленіе тенденціямъ этого документа, цѣль котораго заключается въ «порожденіи» раздора между ирландскимъ духовенствомъ и ирландскимъ народомъ. На собраніи присутствовало нѣсколько священниковъ и они громко выражали свое одобреніе. Одинъ изъ нихъ высказалъ сожалѣніе по поводу ошибки, «сдѣланной папою». Вслѣдствіе того-же засѣданія, присутствующіе тутъ-же подписались на 3,000 франковъ въ пользу «Парнеллевскаго Фонда». Въ то-же время архіепископъ Крокъ, получившій изъ Ватикана заявленіе спеціальнаго порицанія, возвращался изъ Рима въ Кингстоунъ. Населеніе сдѣлало ему овацію и дало серенаду подъ окнами его дома. Архіепископъ вышелъ на балконъ и далъ почувствовать, что повліялъ на папу и заставилъ его вернуться къ болѣе благопріятному настроенію. На слѣдующій день, по возвращеніи въ мѣсто своего архіепископства, онъ былъ встрѣченъ восторженной толпою. По выходѣ изъ вагона ему былъ прочитанъ адресъ. Затѣмъ онъ направился къ собору, гдѣ бесѣдовалъ о своемъ свиданіи съ папою. «Его святѣйшество—искренній другъ Ирландіи и ограничивается порицаніемъ тайныхъ обществъ». Итакъ, святой отецъ измѣнилъ мнѣніе со времени циркуляра 11-го мая, направленнаго, главнымъ образомъ, противъ Парнелля и его подписки.

Фіаско было полное, такое-же полное, какъ полонъ былъ успѣхъ подписки. Напекій манифестъ лишь послужилъ ей рекламой и множество ирландофиловъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Шотландіи и Франціи, и не думавшихъ о подпискѣ, захотѣли принять въ ней участіе теперь, когда на нее обращали вниманіе, такъ что, немного дней спустя, комитетъ объявилъ, что надѣется собрать миллионъ, часть котораго пойдетъ на покрытіе ипотекъ, тяготящихся надъ имѣніями корыскаго депутата, а другая на поднесеніе «національнаго подарка» популярному трибуну. За-то лейтѣ св. Петра пришлось потерпѣть значительный ущербъ, послѣ злополуч-

наго манифеста. Въ Бальтиморѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, эта набожная подписка, питаемая главнымъ образомъ средствами ирландской колоніи, внезапно уменьшилась на 90 процентовъ.

V.

Послѣ неудачи этой попытки вопросъ остался менѣе рѣшеннымъ, чѣмъ когда-либо. Во всѣ времена говорилось, что для примиренія сердце неѣтъ лучшаго способа какъ примиреніе интересовъ, а для усмиренія ненависти—умиротвореніе желудковъ. Все это прекрасно, но какимъ образомъ этого достигнуть? Не въ рѣшеніяхъ чувствуется недостатокъ. Ихъ столько-же сколько лекарствъ противъ холеры. Только ни одно изъ нихъ не дѣйствуетъ. Гладстонъ, напримѣръ, также нашелъ средство, которое считала всолиѣ непогрѣшимымъ. Я разумѣю *land'act*. Три недѣли тому назадъ о немъ снова шла рѣчь въ нижней палатѣ. Лордъ К. Гамильтонъ дѣлалъ запросъ правительству, по поводу результатовъ той весьма важной части этого закона, которая касается покупки ирландскихъ фермъ ихъ арендаторами. Было доказано и правительство не опровергло этого факта, что, несмотря на данныя фермерамъ облегченія, не болѣе 1¼ процента пожелаали ими воспользоваться. Итакъ, неудача полнѣйшая.

Изъ всѣхъ предлагавшихся средствъ наиболѣе вѣскимъ остается эмиграція. Избавлять себя отъ людей, которые вамъ мѣшаютъ и отправлять ихъ за море—это рѣшеніе и просто и успокоительно. Въ апрѣлѣ текущаго года министерство, какъ было слышно, проектировало серьезныя мѣры, позволяющія значительному числу ирландцевъ удалиться изъ отечества въ теченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Мѣстность, которую имѣли въ виду, представляла самыя благоприятныя условія. На сѣверо-западномъ берегу Канады, вдоль желѣзнаго пути, принадлежащаго обществу Canadian Pacific Railway, тянется громадная еще, не тронутая колонизаціей территория, которая могла-бы быть раздѣлена между 30—40,000 ирландцевъ на участки отъ 150 до 160 десятинъ на каждый. Сюда-то отправили-бы несчастныхъ, которые рѣшатся на переселеніе, при помощи государства. Названное желѣзно-дорожное общество предложило перевезти, водворить переселенцевъ и даже ссудить имъ небольшой капиталъ, за авансъ въ миллионъ фунтовъ стерлинговъ, который сдѣлало-бы ему правительство, подъ обезпеченіемъ уплаты его поселенцами, въ будущемъ, при лучшихъ условіяхъ.

Правда на родинѣ О'Коннеля не 30—40,000 нищихъ, а несравненно болѣе; но если Англія будетъ продолжать присоединять новыя владѣнія съ тою-же энергіей, какъ то дѣлается съ нѣко-

торыхъ поръ, то у нея хватить мѣста для того, чтобы пріютить за далекими морями и все ирландское и даже многія другія населенія. Все, казалось, готово было для этого перваго опыта. Но англійское правительство, не имѣющее обычая привазывать къ себѣ сердца излишнею щедростью, поставило въ послѣднюю минуту затрудненіе, которое снова превратило все дѣло въ вопросъ. Оно потребовало, чтобы уплата его аванса была гарантирована канадскимъ правительствомъ. Но такъ какъ послѣднее отказалось, то и вся комбинація рушилась.

Другой опытъ, который начать было приводиться въ исполненіе, далъ результатъ хуже перваго. Въ послѣднихъ дняхъ іюня партія ирландскихъ эмигрантовъ высадилась въ Нью-Йоркѣ. Они принадлежали къ бѣднѣйшему слою населенія. Извлеченные изъ донегальскаго и лейтримскаго пріютовъ для бѣдныхъ, они были направлены въ Соединенные Штаты стараніями общественной благотворительности, въ распоряженіе которой Land'ast предоставилъ фондъ для поощренія эмиграціи. Но, высадившись на берегъ этимъ несчастнымъ, которымъ обѣщали менѣе жалкую жизнь въ болѣе гостепримной странѣ, пришлось разомъ лишиться и этой надежды. Не успѣли они ступить на берегъ, какъ имъ закричали: стой, назадъ! Вотъ какъ было дѣло. При извѣстіи объ ихъ прибытіи, общественное мнѣніе возмутилось противъ ввоза этихъ бѣдняковъ въ страну достаточно населенную, чтобы обходиться отнынѣ безъ иностранцевъ, и довольно консервативную, чтобы опасаться вторженія лишенныхъ всякаго имущества пролетаріевъ. Кабинету Вашингтона пришлось принять въ соображеніе эту тревогу и неудовольствіе. По обсужденію вопроса, отдать былъ приказъ посадить на суда и вернуть на родину всѣхъ эмигрантовъ, ступившихъ на американскую землю, и впредь не дозволять высаживаться и другимъ могущимъ прибыть впослѣдствіи. Трудно представить себѣ положеніе болѣе горькое, чѣмъ то, въ которомъ очутились эти бѣдняки, отталкиваемые подобно занумленнымъ страню, въ которой надѣялись найти счастье, и вынужденные возвращаться на родину, гдѣ знали только горе и нужду.

VI.

Гладстонъ давно уже таготится государственными трудами и не разъ говорилъ о передачѣ другимъ, болѣе мощнымъ плечамъ, слишкомъ тяжелой для него ноши. Не прошло мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова упомянулъ о своей отставкѣ. Но его партія не позволяетъ ему покидать поста, именно вслѣдствіе затрудненій нынѣшняго положенія вещей. Дѣйствительно, кромѣ ирландскаго вопроса, у кабинета много и другихъ заботъ.

Въ Англіи, какъ и въ Ирландіи, земледѣльческій вопросъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе настоятельнымъ. Проектъ аграрной реформы настойчиво требуется обѣими частями королевства, завидующими, повидимому, ирландскому Lan'act'у. Гладстонъ принужденъ поставить этотъ вопросъ впереди остальныхъ.

Большая часть затрудненій, встрѣчаемыхъ Гладстономъ, являются прямымъ результатомъ общаго положенія, выраженіемъ и слѣдствіемъ котораго слѣдуетъ считать и само министерство Гладстона и дальнѣйшее развитіе котораго совершалось съ тѣхъ поръ съ замѣчательною послѣдовательностью.

Въ рѣчи, произнесенной 30-го іюня, лордъ Салисбери критиковалъ нынѣшній кабинетъ, указывая на то, что самые противоположные элементы засѣдаютъ въ немъ 'бокъ-о-бокъ'. Онъ показывалъ какъ съ одной стороны радикалы, а съ другой виги сталкиваются безпрестанно и мѣшаютъ установленію равновѣсія въ министерствѣ. Что вѣрно относительно кабинета, вѣрно также и по отношенію къ министерству и вообще либеральному направленію.

Во главѣ радикальной фракціи выступаетъ «Pall Mall Gazette» и изъ чтенія этой газеты можно уже получить понятіе о разстояніи, отдѣляющемъ эту фракцію отъ старой вигійской партіи. Въ палатѣ общинъ и въ министерствѣ, самымъ выдающимся представителемъ ея является Чемберлэмъ. Къ искусству организатора партіи и ловкости руководителя выборами, онъ присоединяетъ самоувѣренность человѣка, чувствующаго, что ему дуется попутный вѣтеръ и полагающаго, что онъ можетъ ускорять рѣшенія. Онъ-то воспользовался недавно чествованіемъ Брайта въ Бирмингемѣ, чтобы начертить въ трехъ статьяхъ программу радикальной политики. Однимъ скачкомъ онъ дошелъ до всеобщей подачи голосовъ, до избирательныхъ коллегій, составленныхъ на основаніи принципа арифметической численности и до вознагражденія за исполненіе обязанностей народнаго представителя. Можно представить себѣ, какъ заволновались и завопили въ нѣкоторыхъ политическихъ кружкахъ, по объявленіи подобнаго плана кампаніи. Чемберлэнъ не смутился отъ этихъ криковъ и воплей и вернулся къ той-же темѣ на обѣдѣ въ кобденовскомъ клубѣ. Гнѣвъ старыхъ партій дошелъ до своего апогея. Стали упрекать Гладстона за-то, что онъ даетъ слишкомъ много воли радикализму. Въ остроумной карикатурѣ «Punch'a» первый министръ изображенъ былъ въ видѣ курицы, которая вывела утятъ. Растерявшаяся птица бѣгаетъ по берегу и зоветъ Чемберлэна, который вмѣстѣ съ молодымъ Морлеемъ, главнымъ редакторомъ «Pall Mall Gazette»,

весело и бодро плыветъ къ неизвѣстнымъ берегамъ. «Вернись, голубчикъ, вернись», кричитъ она;—«Боже мой, куда-же онъ?» Слѣдовало-бы остановить, но это очень трудно. Расширеніе избирательнаго права, организація избирательныхъ комитетовъ, обобщенное и сознающее себя избирательство, все это измѣнило условія власти, ставя ее въ концѣ-концовъ въ зависимость отъ массъ. Нынѣшняя Англія склоняется къ демократическимъ идеямъ и радикальному направленію, по той простой причинѣ, что большинство избирателей принадлежитъ къ среднему классу. Самыми многочисленными сторонниками настоящаго правительства, «спиннымъ столбомъ либеральной партіи», какъ называлъ ихъ Гладстонъ, являются нонконформисты, то-есть персоналъ многочисленныхъ сектъ, чуждыхъ или враждебныхъ господствующей церкви. Это честная утилитарная, презирающая прошлое и лишенная ходячихъ предразсудковъ буржуазія. Чемберленъ — истинный мастеръ въ дѣлѣ руководительства этими новыми общественными слоями. Гладстонъ менѣе искусенъ въ этомъ дѣлѣ. Послѣ пятидесятилѣтняго парламентскаго опыта и цѣлой жизни, проведенной въ иныхъ политическихъ условіяхъ, весьма естественно, что ему не по себѣ среди этихъ новыхъ сторонниковъ. Въ видахъ сопротивленія увлекающему его теченію, онъ пробѣгаетъ къ уловкамъ и слишкомъ тонкимъ доводамъ, недостойнымъ человека съ его авторитетомъ и дарованіями. Такъ недавно, на предложеніе сэра Джона Луббока, требовавшаго учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, онъ не сумѣлъ привести иного возраженія, кромѣ трудности выбора министровъ и важнаго неудобства, которое явилось-бы слѣдствіемъ увеличенія числа членовъ кабинета. Если самъ Гладстонъ не чувствуетъ влеченія къ новымъ тенденціямъ, то тѣмъ менѣе должна симпатизировать имъ старая вигійская партія, которая, сыгравъ роль передоваго отряда либерализма, вынуждена теперь тянуться за молодыми новобранцами радикальной партіи, подъ страхомъ быть отброшенной въ ряды консерваторовъ. Мы видѣли какія колебанія и отпоръ проявляли старыя либералы, когда нѣсколько времени тому назадъ нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ людей ихъ партіи, какъ, на примѣръ, Гошенъ, сочли своимъ долгомъ выйти изъ кобленовскаго клуба. Мотивомъ выхода было принятіе въ это общество Клемансо и избраніе Чемберлена. Другое, болѣе интересное явленіе представляетъ въ этомъ отношеніи полемика, театромъ которой является ежемѣсячный журналъ «The nineteenth Century». Оба полемиста занимаютъ равно значительное положеніе. Одинъ ихъ нѣкъ, лордъ Куперъ, исполнялъ должность ирландскаго лорда-лейтенанта, другой — Джорджъ Россель принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ ан-

гльскихъ фамилій. Первый одобряетъ реформы Гладстона: упраздненіе официальнаго характера протестантской церкви въ Ирландіи и новый аграрный законъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ, что этимъ и слѣдуетъ ограничиться, и не видитъ къ чему распространять эти мѣры на Англію. Изъ тому-же онъ не вѣритъ въ великое демократическое движеніе, о которомъ говорятъ, въ не обходимое преобразованіе учреждений страны. Онъ полагаетъ, что вигамъ не достаетъ только энергіи и болѣе горячаго почина. Россель восхищается прошлымъ вигизма, потому что виги были нѣкогда самыми ревностными сторонниками реформъ; но затѣмъ они уступали эту роль радикализму и съ тѣхъ поръ утратили свой *raison d'être*, какъ политическая партія. Со своими преобразованіями въ гомеопатическихъ дозахъ, они могутъ быть названы только одвою изъ формъ сопротивленія прогрессу и нисколько не лучше консерваторовъ. Англиканская церковь, палата лордовъ, земельная собственность, все это должно подвергнуться немедленной реформѣ. Ненужно полумѣръ. Человѣческое невѣжество, глупость и испорченность и безъ того съумѣютъ задержать слишкомъ быстрое улучшение. Необходимо довѣрять народу, между тѣмъ какъ виги смотрятъ на него съ недоувѣріемъ. Идеаль, по его мнѣнію, заключается не въ томъ, что принято называть государственною мудростью, а въ передачѣ управленія въ руки самихъ управляемыхъ. Изъ всего сказаннаго видно, какія направленія дѣлать между собою политическое вліяніе и тянуть въ разныя стороны руководящую волю перваго министра.

V.

Плохо увѣренный въ своемъ либеральномъ большинствѣ, Гладстонъ естественнымъ образомъ принужденъ падить консервативную оппозицію. Отсюда истекаютъ нѣкоторыя сдѣлки, проявляющіяся преимущественно въ области внешней политики. Отсюда исходитъ и «политика территориальныхъ присоединеній», въ которую Гладстонъ вовлекается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, вопреки противоположнымъ принципамъ, обусловившимъ его побѣду надъ Биконсфильдомъ. Впрочемъ, эта шовинистская политика имѣетъ сторонниковъ на всѣхъ скамьяхъ парламента. Нападая на колониальное честолюбіе Франціи, здѣсь только и мечтаютъ, что о новыхъ завоеваніяхъ.

Между тѣмъ какъ Гладстонъ постоянно готовъ идти на встрѣчу новымъ приключеніямъ, отъ него, повидимому, ускользаютъ опасности, грозящія владѣніямъ имперіи. Сегодня онъ направляетъ свои посыланія на Новую Гвинею, завтра онъ ухватится за территорію короля Коффа; а тѣмъ временемъ горизонтъ огра-

чается разомъ со всѣхъ сторонъ: въ Странѣ зулусовъ, въ Трансваалѣ, въ Странѣ базутосовъ, въ Австраліи, въ Индіи, въ Египтѣ. И этотъ, нѣкогда столь проницательный дѣятель оппозиціи, какъ бы ничего этого не примѣчаетъ. Все это пока еще только черныя точки; но онѣ растутъ съ каждымъ днемъ и нѣкоторыя могутъ превратиться въ весьма грозныя тучи. Индійскій вопросъ возникаетъ вновь, принося съ собою новое и серьезное усложненіе общему положенію вещей. Извѣстно, по какому случаю былъ представленъ индійскому законодательному совѣту проектъ закона, клонящійся къ подчиненію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, европейцевъ юрисдикціи индійскихъ судей, наравнѣ съ туземцами, причемъ этимъ судьямъ вѣбняется въ обязанность серьезное образованіе, пріобрѣтенное или на родинѣ, или же въ Англіи.

Не смотря на поддержку со стороны вице-короля лорда Рипона, этотъ законопроектъ, ставившій туземцевъ на равную ногу съ ихъ побѣдителями, вызвалъ громкіе протесты. 27-го іюня происходило собраніе, на которомъ всѣ должностныя лица изъ англичанъ, занимавшія административныя должности въ Индіи при консервативныхъ правительствахъ, явились вѣрнымъ отголоскомъ этихъ протестовъ; въ то-же время обостряется и враждебность индійцевъ противъ англійскаго господства. Съ одной стороны европейцы, проживающіе въ великой британской колоніи, громко требуютъ смѣщенія лорда Рипона и замѣны его менѣ либеральнымъ вице-королемъ; съ другой — индійцы, раздраженные этимъ отпоромъ вполне справедливымъ реформамъ, придираются къ малѣйшимъ случайностямъ и пользуются всякимъ поводомъ для указанія на пропасть, существующую между ихъ правами, расою и традиціями и правами и обычаями ихъ побѣдителей.

Казалось-бы завоеваніе Египта должно, повидимому, вполне удовлетворить правительство, первоначальные принципы котораго отвергаютъ всякаго рода завоеванія, исключая, впрочемъ, завоеванія свободы и цивилизаціи. Къ тому-же и дѣла тамъ не мало и дѣло это не можетъ считаться легкимъ. Извѣстно, что не все идетъ, какъ-бы слѣдовало въ этихъ краяхъ. Не говоря о блестящей суданской экспедиціи, усилія Англіи, направленныя къ цивилизованію долины Нила, до сихъ поръ принесли не много плодовъ. Соотечественники Араби-паши, какъ видно, отвергаютъ благодѣянія англійской цивилизаціи, а феллахи не довѣряютъ проектамъ конституціи и социальнаго возрожденія, введеннымъ покорителями.

Чтобы быть вѣрнымъ принципамъ своей прежней политики, политики чистыхъ рукъ, Гладстону оставалось-бы одно, въ виду этихъ неудачныхъ попытокъ: забрать пожитки и вернуть войска домой. Но если проницательность перваго министра пострадала

съ тѣхъ поръ, какъ онъ у кормила, то нравственное чувство его омрачилось еще болѣе. Впрочемъ, въ такомъ состояніи духа находится не онъ одинъ. Англія, очевидно, переживаетъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда понятіе о правѣ временно затмѣвается.

Засѣданіе палаты общинъ 11-го іюня остается незабвеннымъ. Оно должно было поразить въ самое сердце всѣхъ тѣхъ, кому дорога британская честь. Я разумѣю все то, что говорилось по поводу казни Сулеймана-Сами, въ Александріи. Не смотря на всю умѣренность, которую рѣшились соблюдать, пренія останутся прискорбными.

Несмыслаемымъ пятномъ останется для Гладстона то, что взваливъ на Араби всевозможныя преступленія и гнусности, первый министръ самъ освободилъ его отъ этихъ обвиненій; затѣмъ, вмѣсто того, чтобы имѣть мужество быть до конца послѣдовательнымъ, онъ нашелъ возможнымъ предоставить восточной мести простого подчиненнаго, между тѣмъ какъ даровалъ амністію главному начальнику, причемъ политическіе мотивы такого образа дѣйствій, что называется колютъ глаза.

Какъ извѣстно, 11-го іюня 1882 г. Сулейманъ-Сами командовалъ египетскимъ пѣхотнымъ полкомъ, составлявшимъ весь гарнизонъ Александріи. Когда началась рѣзня, Сулейманъ-Сами отдалъ приказъ солдатамъ не выходить изъ казармъ. Гражданскій губернаторъ Омаръ-Луфти, котораго можно справедливо подозрѣвать въ постоянныхъ сношеніяхъ съ хедивомъ, приказалъ Сулейману вывести полкъ только послѣ трехъ часовъ уличныхъ волненій и приказалъ привести войска, но безъ оружія, результатомъ чего было бы: или избіеніе ихъ бунтовщиками, которые приняли-бы такую слабость власти за поощреніе, или присоединеніе ихъ къ бунту. Вмѣсто того, Сулейманъ, по приказанію Араби, энергически вмѣшался въ дѣло и подавилъ мятежъ въ нѣсколько часовъ.

Защита предложила доказать эти факты юридически, но предложеніе ея было отвергнуто египетскимъ правительствомъ.

Почему-же? А потому, что Омаръ-Луфти состоитъ въ настоящее время военнымъ министромъ хедива, и что излишнія разъясненія компрометировали-бы не только бывшаго губернатора, но и самаго хедива. Послѣдній, если примѣнить къ нему изрѣченіе: *is fecit cui prodest*, есть истинный и единственный виновникъ рѣзни. Ему одному оказался выгоднымъ мятежъ 12-го іюня, въ томъ смыслѣ, что онъ вызвалъ вмѣшательство англійскаго правительства, которое въ ту пору еще колебалось относительно вооруженнаго вмѣшательства. Послѣ бомбардированія Александріи и когда Араби стануль всѣ свои войска въ свой укрѣпленный лагерь, невозможно отрицать того, что Сулейману-Сами было поручено при-

кривать отступление и, что онъ командовалъ арберггардомъ. При такихъ условіяхъ и съ точки зрѣнія строго-военной, Сулейманъ-Сами имѣлъ такое-же право сжечь Александрію, какое нѣкогда имѣли русскіе, когда жгли Москву. Допуская-же, что такое дѣйствіе должно быть наказуемо, наказывать слѣдовало только Араби, бывшаго тогда главнокомандующимъ. Амнистируя Араби, очевидно лишали себя права вѣнчать Сулеймана-Сами. Правда, хедивъ заявлялъ, что казненный самъ сознался въ своей виновности въ запискѣ, переданной имъ корреспонденту одной лондонской газеты и которая телеграфирована была въ Каиръ «на счетъ египетской казны». Однако, весьма вѣроятно, что это сознание было вырвано у Сулеймана-Сами лишь цѣною обѣщанія помилованія и наказанія только ссылкой, какъ то сдѣлано было по отношенію къ Араби.

А до тѣхъ поръ сомнительно, чтобы казнь Сулеймана-Сами помогла умиротворенію Египта. Это событіе столь-же несправедливое, какъ и неожиданное, вызвало сильное раздраженіе въ средѣ туземцевъ. Англійскіе патрули днемъ и ночью развѣзжаютъ по улицамъ Каира и Александріи. Принимаются серьезныя мѣры. Между тѣмъ волненіе растетъ, и съ минуты на минуту, ожидаютъ катастрофы. На стѣнахъ безпрестанно встрѣчаются прокламація со словами: «Мы отомстимъ за Сулеймана-Сами, жертву иностранца».

VIII.

Чѣмъ кончится это завоеваніе Египта, начавшееся столь зловѣщимъ образомъ бомбардировкою Александріи? Предсказывать, разумѣется, трудно. Не подлежитъ сомнѣнію только-то, что многіе, бывшіе наиболѣе горячими сторонниками, въ настоящее время совершенно охладѣли, а новая неожиданность послѣднихъ дней, едва-ли способна возратить утраченный энтузіазмъ. Я подразумѣваю ужасный элементъ только что появившійся на сценѣ, подъ именемъ холеры, и дѣйствіе котораго дало уже себя почувствовать жестокииъ образомъ.

Способъ, которымъ это бѣдствіе проникло на побережье Краснаго моря, не составляетъ болѣе тайны. Это будетъ для египтянъ еще лишній поводъ для благодарности тѣмъ, кто взялъ на себя устройство ихъ благополучія. Совершенно напрасно винили этихъ бѣдныхъ богомольцевъ, стремившихся въ Мекку. Настоящіе виновные—бомбейскіе негоціанты. Эти честные коммерсанты, терпя убытки, вслѣдствіе карантинна, наложеннаго на ихъ суда, пустили въ ходъ все свое вліяніе, чтобы добиться отмѣны этой мѣры, предписываемой самою элементарною осторожностью. Ходатайство

ихъ увѣнчалось успѣхомъ и англійскіе корабли, даже зараженные, могли отплыть изъ Индіи и прибыть въ Египетъ, не подвергаясь обычнымъ карантиннымъ препятствіямъ. Вотъ причина зла.

Холера появилась прежде всего въ Даміэтѣ, 25-го іюня. Египетское правительство, отвѣчая на тревоги, уже въ теченіи нѣсколькихъ дней волновавшія жителей, объявило, что усиленіе смертности зависитъ отъ появленія желудочно-кишечной воспалительной болѣзни. Въ тотъ-же день эпидемія появилась въ Мансурѣ, то-есть въ 60 километрахъ отъ мѣста, гдѣ возникла. Быстрота, съ которой подвигалось бѣдствіе, не позволила на долго скрыть серьезность опасности. До тѣхъ поръ тщательно скрывали ужасное возростаніе смертности въ Даміэтѣ. Но, опасаясь отвѣтственности, которую навлекло бы на себя дальнѣйшее умолчаніе, правительство рѣшилось сказать истину. Собравшійся на экстренное собраніе санитарный совѣтъ официально заявилъ о существованіи холеры, появленіе которой въ Даміэтѣ относилось, по крайней мѣрѣ, къ началу іюля.

Извѣстно, что большинство городовъ на Востока совмѣщаютъ въ себѣ самыя благопріятныя условія для быстрого развитія заразы. Въ Египтѣ, за исключеніемъ Александріи, ни въ одномъ городѣ нѣтъ стока для нечистотъ; вездѣ, какъ и въ Каирѣ, чрезъ весь городъ идетъ каналъ, который и служитъ пріемникомъ для всякаго рода отбросковъ; дома, стоящіе по берегу этого канала, перестаютъ быть обитаемыми въ жаркую пору. Ни въ одномъ городѣ, исключая Александріи и Каира, вода не фильтруется; кромѣ того, ея почти и нѣтъ въ мелководье. Исключая опять-таки Александрію, гдѣ европейская коммисія истрчиваетъ ежегодно около милліона на эти цѣли, ни одинъ городъ не поливается, не метется, не чистится. Въ Каирѣ, правда, имѣется спеціальныи бюджетъ для содержанія города, но онъ весь расходуется на аристократическіе кварталы. Даміэтта, хотя и стоитъ на берегу Нила и недалеко отъ моря, но находится въ самыхъ плохихъ санитарныхъ условіяхъ. Грязный каналъ перерѣзываетъ городъ; кругомъ тянутся рисовыя плантаціи, весьма благопріятныя для развитія болѣзненныхъ зародышей.

Что касается установленія профилактическихъ мѣръ, то Египетъ не представляетъ никакихъ для этого удобствъ. Здѣсь нѣтъ дорогъ; селенія на Дельтѣ скучены. Дорожка, межа, вотъ обычные пути сообщенія. Нечего и думать объ оцѣпленіи войсками цѣлой провинціи, какъ Горбіэхъ, и прекращенія движенія цѣлаго населенія. Потребовалась-бы для этого цѣлая армія. Да и то не спасло-бы, если принять въ расчетъ темпераментъ туземцевъ и тысячи способовъ для нарушенія санитарнаго кардона на боль-

шемъ разстояніи, которые создаются изобрѣтательностью заинтересованныхъ.

Слѣдовало думать объ ассенизаціи Египта ранѣе, и не дать развиться пагубнымъ условіямъ, доставившимъ такъ хорошо подготовленную почву для эпидеміи. Слѣдовало также заставить санитарный и карантинный совѣтъ принимать противъ идущихъ изъ Бомбея и Калькутты произведеній мѣры, болѣе соотвѣтствующія важности холерныхъ случаевъ, почти ежегодно встрѣчающихся въ англо-индійскихъ владѣніяхъ. Не худо было-бы также примѣнять эти мѣры и ко входамъ въ англійскіе порты, такъ, чтобы избавить отъ заразы, по крайней мѣрѣ, Европу. Между тѣмъ телеграммой изъ Ливерпуля, отъ 8-го іюля, намъ сообщаютъ, что два парохода, пришедшіе изъ Александріи, были допущены до свободнаго плаванія, послѣ краткаго санитарнаго осмотра.

Конечно, всего не предусмотрѣть. И гдѣ-же еще находить время думать о холерѣ, когда умъ занятъ Новою Гвинеей и ашантіями? Тѣмъ не менѣе нерадостное это будетъ вѣнчаніе зданія, для карьеры Гладстона.

Жина.

МѢСЯЦЪ У НѢМЦЕВЪ.

(Замѣтки и впечатлѣнія).

Тебя, о нѣмецъ, вспою!

I.

Хоть мнѣ, на этотъ разъ, приходилось оставлять отечество всего лишь на одинъ мѣсяцъ, путешествовать не для «освѣженія», ѣхать не въ «проклятый» Парижъ, не въ «легкомысленную» Вѣну, не въ гостепріимную Швейцарію, не въ модные курорты, биткомъ набитые интернаціональными «сливками» общества и кокотокъ, а въ скромную, мало извѣстную у насъ, лечебную «дыру», вдобавокъ архи-нѣмецкую, пріютившуюся въ горахъ Вальдека, — тѣмъ не менѣе, по совѣсти говоря, я былъ радъ и такой экскурсіи.

Конечно, «дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», но, согласитесь, что въ большомъ количествѣ даже и пріятный дымъ можетъ надоесть. Вотъ почему я не прочь былъ на время лишиться пріятнаго дыма, родныхъ пейзажей и, вѣчно раздражающихъ, слуховъ и сплетенъ — нужды нѣтъ, что оны иногда нелѣпы! — дополняющихъ обыкновенно у насъ газетныя извѣстія, и подышать другимъ воздухомъ, пожить хоть среди нѣмцевъ съ ихъ неизмѣннымъ — какъ думалось мнѣ — идолопоклонствомъ передъ Бисмаркомъ, колбасой, музыкой Вагнера, пивомъ, аккуратными и добросовѣстными чиновниками — этими подлинными «мальчишками въ штанахъ», сентиментальными женами и невозможными военными съ выпяченной грудью, обтянутыми икрами и тѣмъ самодовольно-наглымъ взглядомъ круглыхъ голубыхъ глазъ, которымъ щеголяетъ большинство будущихъ Мольтве. Повторяю, мнѣ улыбалась жизнь среди этихъ самыхъ нѣмцевъ, которыхъ наши патріоты Петербурга и Москвы, особенно Москвы, поносятъ при каждомъ случаѣ съ безпардонной отвагой, лишь только дѣло коснется о несомнѣнномъ превосходствѣ нашихъ нравовъ передъ нѣмецкими и подтвержденія поговорки: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть».

Когда, я взялъ билетъ и послѣ пререканій съ кондукторами и пассажирами, желавшими занять по нѣсколько мѣстъ, отыскалъ себѣ мѣсто въ вагонѣ и вышелъ на платформу, я испытывалъ радостное чувство школьника. То-же чувство я замѣтилъ на нѣкоторыхъ лицахъ. Въ этотъ теплый июньскій день уѣзжавшихъ было много и пестрая толпа провожающихъ стояла на платформѣ. Обыкновенно скучныя и безжизненныя лица русской публики, когда вы ее видите въ театрахъ и на гуляньяхъ, сегодня были нѣсколько веселѣй и праздничнѣй. Даже вотъ на этомъ, геморроидально-желтомъ, выбритомъ лицѣ пожилаго господина, фигура и обличье котораго вамъ ясно говорили о сидячей жизни, явилось подобіе человѣческой улыбки, давно затерянной между канцелярскими бумагами. Онъ, этотъ несчастный сидень, вся біографія котораго могла быть исчерпана: «исполнялъ волю пославшаго» — какъ-то разцвѣлъ, и въ своемъ темносѣромъ сьютѣ и сѣрой шляпѣ выглядѣлъ не такимъ серьезнымъ, солиднымъ и скучнымъ, какъ въ вицъ-мундирѣ. Эта толпа, ясный день и суета тронули и его...

— Вы куда?.. обратился къ нему изъ толпы молодой человѣкъ.

— За границу. Надо отдохнуть... Надоѣло... Двѣнадцать лѣтъ не бралъ отпуска...

— На долго?..

— Мѣсяца на два...

— Въ Парижѣ будете?.. проговорилъ господинъ и подмигнулъ глазомъ.

— Не знаю еще! лѣниво отвѣтилъ тотъ.—Быть можетъ...

— Ужъ навѣрное будете... Подъемные-то тамъ оставите... Нигдѣ, какъ тамъ!..

Молодой человѣкъ говорилъ громко; собесѣдникъ его очевидно былъ шокированъ и поспѣшилъ переменить разговоръ.

Въ одной изъ группъ необычное оживленіе: смѣхъ, говоръ, шутки, восклицанія. Это—французы. Они провожаютъ соотечественника, покончившаго дѣла въ Петербургѣ и возвращающагося рантьеромъ во Францію. Русскіе смотрятъ на нихъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ: развѣ такъ весело смѣются въ Петербургѣ?

Не вдалекѣ отъ меня молодой, красивый господинъ, въ модномъ дорожномъ костюмѣ, блестящій здоровьемъ и избыткомъ силъ. Напрасно старается онъ сохранить на своемъ лицѣ серьезное выраженіе, разговаривая съ высокой, сухопарой дамой, которая смотритъ на него съ какой-то затаенной тревогой въ глазахъ. Вся эта фигура, полная, круглая, съ небольшимъ брюшкомъ, это мясистое, откормленное лицо прожигателя жизни, эти круглые чувственные глаза, казалось, даютъ поводъ къ тревогѣ. Изъ обрив-

ковъ долетающаго разговора слышно, что это мужъ и жена. Онъ лебезитъ передъ ней, этотъ выходенный розовый экземпляръ ското-человѣка, а она недовѣрчиво смотритъ ревниво-жаднымъ взглядомъ на это красивое созданіе и что-то шепчетъ ему.

— Не болѣе двухъ мѣсяцевъ!.. вниательно говорить она.

— Конечно, конечно... Если-бы не катаррь... Сама знаешь, докторъ совѣтоваль—непремѣнно въ Карлсбадъ...

— Въ Парижъ поѣдешь?

Еще-бы не поѣхать!.. Еще какъ поѣдетъ! Но супругъ дѣлаетъ равнодушную гримасу и отвѣчаетъ:

— Едва-ли... Развѣ днѣ на три... И то, если средства позволятъ...

Она снова что-то говорить. Мнѣ кажется, что между ними идетъ разговоръ о деньгахъ. Онъ краснѣетъ и какъ-то особенно нѣжно цѣлуетъ эту длинную, сухую руку въ кольцахъ, которая, очевидно, располагаетъ средствами и содержитъ въ качествѣ мужа это откормленное животное. И веселая, счастливая улыбка невольно разливается широкой волной по лицу мужа въ то время, какъ лицо у жены становится серьезнѣй и печальнѣй...

Въ толпѣ пронесся шепотъ. Всѣ глаза повернулись къ дверямъ, откуда выходилъ высокій, плотный старикъ, сопровождаемый нѣсколькими лицами. Назвали извѣстное имя бывшаго свѣтила, уѣзжавшаго въ продолжительный заграничный отпускъ. Когда-то передъ этимъ старикомъ сгибались головы и спины гораздо ниже, чѣмъ теперь... Но и теперь всѣ сочли долгомъ взглянуть на него съ раболѣпнымъ выраженіемъ. «Кумиръ поверженный—все Богъ!» А бывший кумиръ, чувствуя, что на него обращено вниманіе, особенно привѣтливо раскланиваясь съ знакомыми, не спѣша направлялся къ вагону. Мой господинъ въ сѣромъ свѣтѣ такъ и замеръ въ низкомъ, почтительномъ поклонѣ, и лицо его совсѣмъ просвѣтлѣло, когда старикъ милостиво наклонилъ голову, чуть-чуть приподнявъ фетръ, точно въ этомъ поклонѣ скрывались живительные лучи, вызывающіе жизнь въ поблекшей канцелярской маргаритѣ. Онъ съ видомъ именинника посмотрѣлъ вокругъ, ослабилъ, точно котъ, которому почесали за ухомъ, и навѣрно запишетъ въ своей приходорасходной книжкѣ столь памятный случай, скрасившій ему день.

Опять въ толпѣ движеніе. На этотъ разъ вниманіе обращено на носилки, передъ которыми всѣ разступаются. Исхудалое, блѣдное лицо молодой женщины, съ заостренными чертами, слегка покачивается на подушкахъ, и слабая улыбка, казалось, рассчитываетъ на полуденное солнце, на горы, которые возвратятъ ей надежду жить, давно потерянную въ Петербургѣ. Сзади идутъ скром-

ные старики, по всей вѣроятности, отецъ и мать. На ихъ смущенныхъ лицахъ и надежды нѣтъ.

— Едва-ли доvezутъ! громко прозвучалъ чей-то голосъ среди внезапно наступившаго затишья.

Мнѣ показалось, что больная слышала эти жесткія слова, потому что улыбка вдругъ исчезла съ ея мертвеннаго лица и смѣнилась тѣмъ раздраженно-злымъ выраженіемъ, которое бываетъ у чахоточныхъ.

Носилки внесли въ вагонъ, но праздничное настроеніе этой публики было испорчено видомъ чахоточной.

— Возили-бы больныхъ отдѣльно! проговорилъ злобно какой-то старикъ;— а то они только отравляютъ путешествіе!

— Куда жъ ей дѣваться? возразилъ другой господинъ.

— Ну, устроили-бы спеціальныя поѣзда, что-ли, для умирающихъ!..

— Видно самъ чувствуетъ, что и ему паекъ на тотъ свѣтъ идетъ! замѣтилъ вполголоса кондукторъ, обращаясь къ смазчику, и очевидно возмущенный этимъ предложеніемъ.

Пробилъ второй звонокъ. Начались обычные поцѣлуи, прощанія, пожеланія.

— Смѣю надѣяться, ваше высокопревосходительство, что вы скоро поправитесь и вернетесь!.. проговорилъ, низко кланаясь, одинъ изъ провожавшихъ высокаго старика.

Его высокопревосходительство сморщился. Пожеланіе усерднаго почитателя было слишкомъ безтактно. Онъ долженъ былъ знать, что старику нельзя скоро поправиться.

— Дай Богъ, дай Богъ! кисло проговорилъ онъ, махая рукой и скрываясь въ вагонъ.

— Смотри-же! какъ-то безнадежно шепнула высокая дама прижимая къ себѣ красавца-мужчину который не скупился на обильные поцѣлуи, въ виду близости третьяго звонка.

— О, будь покойна, будь покойна! отвѣчалъ онъ, и стремительно бросился въ вагонъ, точно боясь, что поѣздъ уйдетъ безъ него.

Изъ окна вагона, радостный и веселый, онъ продолжалъ посылать воздушные поцѣлуи безъ всякой экономіи, рассчитывая, повидимому, хоть ими успокоить основательное подозрѣніе жены на счетъ его будущихъ пакостей.

— Экая счастливая парочка! проговорила какая-то старушка, любясь этими изліяніями со стороны.

II.

Въ нашемъ вагонѣ пассажировъ было порядочно, такъ что рассчитывать выспаться ночью было рисковано. Объ этомъ кажется, думалъ каждый изъ путешественниковъ, оглядывая своего сосѣда съ тайнымъ озлобленіемъ и спрашивая: «далеко-ли онъ ѣдетъ»? Не меньшую опасность для спокойствія ночи представляло еще и маленькое существо, вдругъ заявившее о своемъ существованіи въ темномъ углу вагона легкимъ пискомъ. Хотя молодая мать, принявшаяся укачивать ребенка, успѣла уже увѣрить своихъ несчастныхъ сосѣдокъ, что ея ребенокъ совсѣмъ тихій и никогда не плачетъ, тѣмъ не менѣе одинъ видъ этого тихаго ребенка и присутствіе разныхъ предметовъ, необходимыхъ при путешествіяхъ съ тихими и не тихими дѣтьми, заставило, было, многихъ пассажировъ искать мѣста въ сосѣднемъ вагонѣ, но они скоро вернулись съ извѣстіемъ, что вездѣ полно.

Поѣздъ тронулся. Всѣ стали оглядывать другъ друга. Въ нашемъ вагонѣ 2 класса публика ѣхала попроще: не было между нами ни отставныхъ министровъ, ни генераловъ, ни банкировъ, ни кокотовъ. Двѣ скромныя дамы, молодая женщина съ тихимъ ребенкомъ, объявившая къ общему неудовольствію, что идетъ до Ковно, французъ парикмахеръ съ супругой, да партія нѣмцевъ въ черныхъ сюртукахъ. Оказалось, что это партія служителей принца Гессенскаго, возвращавшагося въ этомъ-же поѣздѣ въ Германію... Кажется, эти нѣмцы нѣсколько шокировали еще одного спутника, моего визави, котораго судьба мнѣ послала въ ближайшіе сосѣди, высокаго господина, худого, какъ спичка, лѣтъ за пятьдесятъ, съ сѣдыми, жидкими волосами, длиннымъ, вытянутымъ лицомъ, цвѣта корельской березы, мрачнаго, ворчливаго, видимо взирающаго на меня съ неудовольствіемъ. Трудно было распознать, что это за птица: не то онъ походилъ на аптекаря, не то на профессора, отслуживающаго последнее пятилѣтіе, не то на какого-нибудь захолустнаго засѣдателя земскаго суда. Сперва я принялъ его за аптекаря, но когда онъ снялъ съ своей длинной шеи шелковый платокъ и обнаружилъ Станислава 2-й степени, то предположеніе мое поколебалось. Вѣрно какой-нибудь губернской чиновникъ! подумалъ я, въ полной увѣренности, что въ Лугѣ или Псковѣ мой сосѣдъ выйдетъ и лишить меня удовольствія слушать его воркотню и наблюдать его недовольные взгляды, которые онъ бросалъ на нѣмцевъ, восторженно бесѣдовавшихъ о диковинахъ и великолѣпіи, видѣнныхъ ими въ Москвѣ. Слѣдуетъ признаться, что отзывы нѣмцевъ были весьма лестны и могли удовлетворить самое требовательное чувство патріотизма, и сиди въ вагонѣ какой-нибудь ре-

портеръ, онъ навѣрное съ ближайшей-же станціи, посредствомъ телеграфа, познакомилъ-бы читающую публику съ этими отзывами иностранцевъ гораздо раньше, чѣмъ я. Они находили, что Россія богатѣйшая страна въ мірѣ, хоть и прикидывается бѣдной, что Москва прекрасна (чуть-чуть хуже Берлина) и что ѣхать тамъ, какъ нигдѣ въ мірѣ. По крайней мѣрѣ, рассказы никогда столько и такъ превосходно не ѣли, какъ въ Москвѣ. Правда, пиво тамъ не такъ хорошо, какъ въ Германіи — и это большой недостатокъ — но за-то воды такой, какъ въ Россіи, навѣрное нѣтъ нигдѣ. И, вспоминая эти подробности, они сладко причмокивали губами, вздыхали, что въ Гессенѣ такъ не ѣдятъ, и рассчитывали, что если ихъ, скромныхъ динстмановъ, такъ кормили, то какъ хорошо должны кушать люди болѣе высокихъ профессій и какъ обильна должна быть страна, производящая такое количество говядины, рыбы, пироговъ и разныхъ другихъ яствъ. Русскіе имъ тоже очень понравились — народъ ласковый, обходительный, послушный, имѣть твердые политическіе принципы, не то что французы (тутъ нѣмцы не могли удержаться, чтобъ не кольнуть французовъ и не пригрозить имъ Бисмаркомъ), уважаетъ и любитъ начальство всей душой. Съ такимъ народомъ можно чудеса дѣлать. Вообще, какъ видно было, нѣмцы находились подъ обаятельнымъ впечатлѣніемъ всего ими видѣннаго, скушаннаго и выпитаго, и всѣмъ восхищались, хотя и съ нѣскольکو исключительной точки зрѣнія, весьма понятной, впрочемъ, при ихъ профессіи. Конечно, и они не могли не замѣтить кое-какихъ темныхъ сторонъ нашей жизни — безъ этого нельзя; но что было пріятно слышать и свидѣтельствовало объ ихъ благодарномъ отношеніи къ нашему гостепріимству — это то, что и въ отзывахъ о темныхъ сторонахъ они не старались обобщать фактовъ, не накидывали густыхъ тѣней на сѣрыя точки, не дѣлали легкомысленныхъ приговоровъ. Такъ, наприимѣръ, они находили, что нѣкоторые русскіе живутъ грязновато, имѣютъ несовсѣмъ хорошую привычку поносить память чужихъ родителей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже посягать на неприкосновенность чужой фізіономіи. Одинъ изъ собесѣдниковъ при этомъ припомнилъ, какъ, было, его самого чуть не побилъ на улицѣ одинъ *plizeidienstmann*, но узнавъ, что онъ не здѣшній, а пріѣзжій нѣмецъ, много извинялся и предложилъ выпить вмѣстѣ шнапсъ.

«И мы выпили шнапсъ — пояснилъ рассказчикъ — и благодаря переводчику, русскому нѣмцу, дѣло разъяснилось къ полному моему удовлетворенію; я чуть не сдѣлался жертвой ошибки; меня приняли за другого, какого-то недобраго челоуѣка, залъзающаго

въ чужіе карманы... — Вездѣ такія ошибки легко могутъ бытъ!» добавилъ рассказчикъ...

Мой визави все хмурился, прислушиваясь къ громкому разговору сосѣдей и что-то ворчалъ подъ носъ .. Сперва онъ ворчалъ на кондуктора, зачѣмъ вагоны набиваются пассажирами, какъ сельдами, потомъ на ребенка, который со второй-же станціи сталъ довольно внушительно показывать силу своихъ легкихъ, къ отчаянію бѣдной матери, не перестававшей, однако, успокаивать всѣхъ насъ увѣреніями, что это онъ «такъ только», вначалѣ кричить, но что вообще онъ ребенокъ спокойный, такой спокойный, что другого такого спокойнаго и не сыскать. Особенно молодая мать старалась задобрить моего угрюмаго сосѣда, объясняя ему, что ребенокъ, вѣроятно, нездоровъ, потому такъ и кричитъ, но мой сосѣдъ оставался равнодушенъ къ этимъ объясненіямъ и даже на заискивающій вопросъ молодой матери: «любить-ли онъ дѣтей?», отвѣчалъ такимъ неопредѣленнымъ ворчаніемъ, что сконфуженная женщина поспѣшила отойти въ свой уголокъ и принялась съ большимъ усердіемъ уваживать младенца.

— И охота ѣздить съ дѣтьми воркнулъ сосѣдъ себѣ подъ носъ, когда дама отошла; — этотъ дьяволенокъ покоя не даетъ! Чортъ-бы его побралъ!

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ сурово спросилъ:

— Далеко ѣдете?

— Далеко.

— Не секретъ какъ далеко?

— За границу!

— Хмъ!.. И вы туда-же! проворчалъ онъ, точно недовольный, что я ѣду за границу;—для развлечения конечно... У насъ, дома, видно, скучно?.. Тамъ лучше?

— А вамъ все это интересно знать?

Старикъ посмотрѣлъ на меня внимательнымъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ, выцвѣтающихъ, но все еще живыхъ, острыхъ глазъ, и уже болѣе мягкимъ тономъ прибавилъ:

— Да вѣдь русскіе больше отъ баловства туда ѣздить... Некула имъ денегъ дѣваты!.. Ну и тамъ, видите-ли, воздухъ лучше! Дышать, молъ, свободнѣе, точно вездѣ, во всемъ мірѣ, не одна и та-же людская пакость! добавилъ онъ съ какимъ-то озлобленіемъ завятаго мизантропа, сердито потряхивая своей головой.

Онъ начиналъ меня занимать, этотъ мизантропъ со Станиславомъ на шеѣ, съ этимъ желто-блѣднымъ, угрюмымъ лицомъ, избороденнымъ морщинами, съ этими впалыми маленькими глазами надъ большимъ носомъ, придававшими его лицу нѣсколько птичій видъ. Что-то мрачное, безнадежное было въ тонѣ его голоса, во

взглядъ, и какая-то печать одиночества и безотрадной жизни лежала на всей этой худой, точно высохшей фигурѣ.

— Не всё, какъ вы говорите, для бальства ѣздить, началъ я.

— Еще хуже—тогда... Ѣдутъ учиться и, смотришь, вернутся недовольными... И безъ того...

Онъ не докончилъ и свирѣпо махнулъ рукой.

— Такъ что по вашему лучше за-границу не ѣздить?

— Не ѣздить... Я-бы совсѣмъ запретилъ выѣздъ за-границу!.. По крайней мѣрѣ, не было-бы соблазну...

— Очень ужъ рѣшительно...

— За то логично... А то теперь вотъ поѣдетъ человекъ за-границу и только себя раздражить. Пакость одна и выйдетъ...

— А вы вѣрно недалеко ѣдете?

— То-то и я ѣду за-границу! улыбнулся онъ.

— И не бойтесь заразы?

— Поздно... Я, слава богу, ничего теперь не боюсь! сказалъ онъ съ какимъ-то раздраженіемъ въ голосъ;—развѣ только боюсь, чтобы по ошибкѣ въ морду не дали гдѣ-нибудь и потому надѣлъ своего Станислава; все безопасно...

Я невольно разсмѣялся.

— И ни за что-бы не поѣхалъ, если-бъ не доктора... Посылаютъ непременно туда, въ хваленныя страны; тамъ, видите-ли, воды хорошія и воздухъ лучше, отдыхъ и все такое... Ну и ѣду... Какъ ни какъ, а человекъ животолюбивая скотина!

Онъ помолчалъ и, мотнувъ головой въ сторону нѣмцевъ, сказалъ:

— Вѣдь вотъ эти нѣмцы расхваливаютъ Россію съ своей лакейской точки зрѣнія, а переѣдутъ, бестѣи, границу, такъ посмотрите, что запоютъ! Такъ роспишутъ насъ своимъ Шарлоткамъ, что чудо! И то нехорошо, и то скверно. И всё эти пироги съ начинкой забудутъ, которыми объѣдались послѣ своей гороховой колбасы...

— Вы кажется не долюбливаете нѣмцевъ?..

— За что мнѣ любить ихъ или не любить... Чортъ съ ними!.. Всѣ хороши! А вѣдь воображаютъ...

— Что воображаютъ?

— Что они, видите ли, настоящіе люди, точно я не могу за двѣ марки отдубасить по ланитамъ голоднаго нѣмчика и еще за это данкенъ получить... У насъ, по крайней мѣрѣ, можно gratis мужика царануть...

— Ну, вы можете и на сдачу натолкнуться съ нѣмцами, несмотря на свой Станиславъ!

— Когда человѣка подведетъ съ голоду, какая тутъ сдача. Тутъ національности уравниваются. Вездѣ свинство что тамъ, что здѣсь, только подъ разными названіями...

— Но и въ свинствѣ есть степени! пробоваль я возразить.

Но онъ не обратилъ вниманія на мое возраженіе; его вдругъ точно прорвало и онъ заговорилъ торопливо, словно обрадовавшись, что нашелъ терпѣливаго слушателя.

Онъ злобно подсмѣивался надъ Европой, надъ ея порядками, и, между прочимъ, говорилъ:

— Человѣкъ до сихъ поръ остался подлымъ и трусливымъ животнымъ, хотъ и мнить себя свободнымъ... Гдѣ они, эти свободные люди?.. Вездѣ масса людей — рабочій скотъ, вѣчно живущій въ страхѣ передъ той или другой палкой... Это, пожалуй, и лучше, если взглянуть безъ предрассудковъ; по крайней мѣрѣ, въ этой скотской жизни, безъ надежды, безъ идеаловъ, безъ думъ въ этой вѣчной заботѣ о кускѣ есть хотъ относительное счастье не зная лучшаго.

— Такъ что страхъ спасительное лекарство? вставилъ я.

— Именно... И самое лучшее... Сперва, конечно, неприятно. а потомъ къ нему такъ привыкаетъ человѣкъ, что лучшаго ему и не надо... И всякій своимъ національнымъ свинствомъ хвалится еще вдобавокъ!.. Очень, молъ, хорошо... Мы первые люди!.. Ого, если хотите, и понятно... Свое-то свинство милѣе, потому что мы къ нему привыкли, и какъ-ни-какъ, а нами оно и держится... Посмотрите, какой счастливый народъ китайцы?.. Плодятся себѣ шельмы, какъ клопы, хотъ ихъ тамъ и порядкомъ таки пропадаетъ... Чѣмъ не жизни? Отличная... А у негровъ Африки, еще того лучше... Просто и ближе къ природѣ. Гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ... Вѣдь все равно она до сихъ поръ лучшей жизни не видѣла и правды этой самой, хваленой не нашла!.. Такъ лучше бросить ее и жить по-скотски... Лучше! добавилъ онъ съ энергическимъ жестомъ.

Я слушалъ эту безсвязную рѣчь, полную какого-то озлобленія и мрачнаго отчаянія, съ нѣкоторымъ изумленіемъ... Что это за странный поклонникъ скотства и теоріи страха... Кто онъ и какъ дошелъ до такихъ безотрадныхъ выводовъ?..

Ораторъ замѣтилъ, вѣроятно, мое изумленіе и продолжалъ:

— Вы вотъ, я вижу, на меня, какъ на маниака смотрите? Что, молъ, за чепуху городить этотъ старикъ... И вѣрно меня въ сотрудники (онъ назвалъ извѣстную московскую газету) сопричисли-

ли... Я, милостивый государь мой, собственнымъ опытомъ, шкурой своей дошелъ до этихъ принциповъ... То-же и я прежде легко-вѣренъ и молодъ былъ и юношамъ въ классѣ, во время учителя-ства своего, рисовалъ-съ перспективы правды, любви, прогресса, ну, а потомъ, какъ я самъ со своей-то правдой провалился и убѣдился, что эта правда вилами на водѣ писана и что человекъ готовъ пожрать человека, какъ звѣрь, — я больше дурака не играю... Довольно... Пусть другіе расписываютъ!..

Онъ умоляе и черезъ нѣсколько времени спросилъ:

— Вы, конечно, служите?

— Отчего конечно?

— Да что-жь болѣе дѣлать!.. Благородный человекъ служить, а мужичекъ работаетъ... Оно и выходитъ гармонія. Одни наблюдаютъ, распредѣляютъ и цотребляютъ, другіе производятъ! Я тоже политической экономіи пробовае! лукаво улыбнулся онъ.— Вы чиновникъ?

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно, на частной службѣ состоите?

— И на частной службѣ не состою.

— Такъ, значитъ, изволите жить на счетъ ренты?

Я сказае о своей профессіи.

Въ свою очередь, мой сосѣдъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ, но, показалось мнѣ, будто теперь взглядъ его значительно смягчился.

— Семейства, разумѣется, не имѣете?

— Имѣю.

— А гдѣ изволите работать? продолжалъ онъ допросъ.

Я отвѣтилъ.

Онъ снова посмотрѣлъ на меня долгимъ, внимательнымъ взглядомъ и совершенно серьезно проговорилъ:

— Видно, не скоро переведутся сумасшедшіе люди въ Россіи.

— Видно, не скоро! засмѣялся я.

— То-то и удивительно! какъ-то загадочно проворчалъ онъ; — кажется, давно-бы пора!..

— А вы чѣмъ занимаетесь? спросилъ я.

— А вы какъ думаете? Ваша профессія изощряетъ наблюдательность.

Я сказае ему, какъ я колебался между аптекаремъ, профессоромъ и чиновникомъ. Онъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Могли-бы всѣ профессіи перебрать и не ошиблись-бы... Всѣмъ былъ-съ, всякихъ занятій перепробовае, почти во всѣхъ вѣдомствахъ служилъ послѣ того, какъ съ большимъ успѣхомъ два факультета въ университетѣ прошелъ... Даже одно время на сце-

нѣ лицедѣйствовалъ вашъ покорный слуга, отставной коллежскій ассесоръ, а теперь вотъ по вольному найму въ частномъ банкѣ служу... Да и оттуда скоро выйду... Свинство!

Затѣмъ онъ вдругъ неожиданно прибавилъ:

— Если хотите, я пожалуй вамъ потомъ кое что занимательное расскажу изъ моей біографіи... Вамъ матеріалъ будетъ, а мнѣ развлеченіе. Все равно спать нельзя, да вдобавокъ этотъ дьяволенокъ навѣрное станетъ орать... А пока пойдемте-ка обѣдать. Къ Лутѣ подѣзжаемъ!

IV.

И онъ мнѣ рассказалъ, этотъ чудакъ, кое-какіе эпизоды изъ своей жизни, обильной всякими превращеніями. Въ другое, болѣе удобное, время я воспользуюсь рассказами и познакомлю читателя съ этой, дѣйствительно интересной и поучительной эпопеей, превратившій когда-то горячаго, вѣршаго въ добро и правду человѣка въ какого-то безнадежнаго маниака, дошедшаго до отчаянной философіи всеобщаго свинства, а теперь замѣчу только, что послѣ его рассказовъ, полныхъ мрачной ироніи, въ которыхъ даже не было ничего чрезвычайнаго (рассказчикъ, по собственному признанію, не героическаго склада человѣкъ) и героемъ которыхъ являлась самая простая, нетребовательная независимость, обыкновенно терпѣвшая фіаско при житейскихъ столкновеніяхъ, — я понялъ отчасти эту гартмановскую философію, видоизмѣненную и приспособленную русскимъ человекомъ, побывавшимъ въ разныхъ передѣлкахъ и слишкомъ побитомъ жизнью, чтобы трезво отнестись къ разнымъ явленіямъ и умѣть выяснять ихъ причины... Своя собственная уродливая философія явилась у него результатомъ собственной уродливой жизни, развила въ немъ какую-то ненависть ко всему тому, во что человѣкъ привыкъ вѣрить, на что надѣяться и безъ чего жизнь дѣйствительно стала-бы пустою и глупою шуткой. Дошелъ онъ до такой философіи, конечно, не сразу, а постепенно, и дошелъ до самой точки, упорно закрывая глаза на все то, что противорѣчило его мрачному взгляду на человѣчество, и съ какимъ-то ироническимъ злорадствомъ стараясь набросить тѣнь на свѣтлыя явленія человѣческой жизни.

Такіе экземпляры своеобразныхъ безбористныхъ, мрачныхъ и проповѣдниковъ свинства встрѣчаются, сколько кажется, только у насъ и не между одними стариками. Впрочемъ, мой страшный сосѣдь и не былъ [по лѣтамъ старикомъ. Ему было всего сорокъ два года, но на видъ это былъ совсѣмъ старикъ, большой, хилый, несчастный и, казалось, ему доставляло какое-то

особенное удовольствіе дѣлиться воспоминаніями своей неказистой жизни передъ незнакомымъ человѣкомъ. Передъ незнакомымъ, съ которымъ вы встрѣтились и развѣдетесь съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не встрѣчаться, удобнѣе и искреннѣе говорится... И онъ говорилъ, говорилъ цѣлый вечеръ и часть ночи, съ особеннымъ зорядствомъ напирая на торжество лжи. Лицемерія или какого-нибудь свинства, точно это доставляло ему удовольствіе, подтверждая его положенія... Въ вагонѣ кругомъ всѣ давно дремали, поклеывая носомъ изъ стороны въ сторону, а старикъ былъ не истощимъ въ своихъ разсказахъ, какъ будто изъ тысячи и одной ночи...

Наконецъ и я сталъ дремать... Но угрюмый мой сосѣдъ не спалъ; нѣсколько разъ открывая глаза, я видѣлъ это угрюмое лицо, освѣщенное блѣднымъ свѣтомъ луны, съ открытыми глазами, неподвижно устремленными въ открытое окно вагона. Подъ утро меня разбудилъ крикъ ребенка... Я открылъ глаза — смотрю и глазамъ не вѣрю. Сосѣдъ мой самымъ усерднымъ образомъ помогаетъ матери утѣшить ребенка и — слышу я — общается на ближайшей станціи сбѣгать за горячей водой, чтобы развести кашу... Я снова закрылъ глаза и во снѣ мнѣ чудится этотъ старикъ совсѣмъ не такимъ... Его ненужныя страданія кажутся какой-то нелѣпостью, жизнь его складывается совсѣмъ не такъ, а проще, разумнѣй, человѣчнѣй, и онъ снится мнѣ тихій, спокойный, безъ этой мертвенной блѣдности на изможденномъ лицѣ, съ любовью слушающій про хорошія людскія дѣла, съ надеждой глядящій впередъ и вѣрающій, что правда не звукъ пустой... И все кругомъ получило совсѣмъ другой видъ: все словно покрылось розовой дымкой чего-то хорошаго... Подъ ублаживающій стукъ колесъ быстро несущаго поѣзда мнѣ казалось, будто я ѣду среди цвѣтущихъ полей и деревень, купающихся въ зелени, съ чистыми свѣтлыми избами, съ большими роскошными школами, кишачими дѣтьми... И люди все снились веселые, бодрые, довольные...

Когда я проснулся, мы стояли въ Ковно... Сосѣдъ мой, по-прежнему угрюмый, иронически освѣдомился: «хорошіе ли я сны видѣлъ и не снилась-ли мнѣ бѣлая Арапія». Самъ онъ совсѣмъ не спалъ — не давалъ этотъ крикунъ, который, слава Богу, умирается... «А нѣмцы» — прибавилъ онъ — «превосходно, подлецы, спали. Легли другъ на дружку и заснули...»

— Вамъ, видно, завидно? засмѣялся я...

Наконецъ и Вержболово. Всѣ какъ-то оживились въ виду близости границы стали собираться. Опытные русскіе пассажиры тщательнѣе прятали въ карманы коробки съ папиросами, а нѣмцы, напротивъ, сложили ихъ отдѣльно и разсчитывали, сколько пфенинговъ при-

дется заплатить за провозъ. Мой «мизантропъ», хоть и старался казаться равнодушнымъ, но видимо ажитировался. Онъ первый разъ ѣхалъ за границу. Онъ спряталъ своего Станислава и спрашивалъ меня:

— Я думаю, эти нѣмцы станутъ копаться въ багажъ? Тоже Европа, а, поди, грубы эти нѣмцы?

— А вотъ увидите!.. отвѣчалъ я и прибавилъ: — не бойсь Европу ругаете, а Станислава теперь спрятали?..

— Что-жь изъ этого... За то тамъ розетку надѣну...

Онъ хотѣлъ разбѣнять въ Вержболово деньги, но я ему совѣтовалъ подождать до Эйдкунена.

— Да не все-ли равно?..

— Тамъ дадутъ больше, а здѣсь васъ надуютъ...

— Это почему-же? Потому что *здѣсь*, а не *тамъ*? Ну ужъ какъ вы хотите, а я здѣсь разбѣняю часть денегъ.

И онъ пошелъ мѣнять. Оказалось, что я былъ правъ. Въ мѣняльной конторѣ, въ Вержболовѣ, дали за 100 рублей 199 марокъ по курсу, а въ Эйдкуненѣ, рядомъ, по тому-же курсу, дали 201 марку и нѣсколько пфениговъ.

— Что, не повѣрили?

— Жиды проклятые! сердился мой спутникъ.

Поездъ остановился у Эйдкунена. Публика направилась въ таможенный залъ для осмотра багажа.

Съ переѣздомъ границы обыкновенно съ россиянами происходитъ метаморфоза... Этотъ важный видъ пропадаетъ; они какъ-то совѣютъ и дѣлаются дьявольски любезны, словно боясь, что иначе ихъ примутъ за русскихъ... А именно, по этой особенной любезности съ кельнерами вы тотчасъ узнаете русслага. Тамъ, на чужбинѣ, они словно мѣняютъ шкуру и всѣ эти отечественныя привѣтствія, обычныя до границы, куда-то исчезаютъ вплоть до возвращенія на родину.

Молодой, стройный нѣмчикъ чиновникъ, въ форменномъ сертукѣ съ иголочки, ходилъ между чемоданами и сундуками, выступая обтянутыми, длинными ногами, точно на пружинахъ, въ своей своеобразной прусской фуражкѣ и, не спѣша, безъ суетни, безъ шума, осматривалъ багажъ...

Мой сосѣдъ держался меня. Эта необыкновенная чистота и порядокъ по станціи, эти благообразные и добродушные трегеры въ чистыхъ блузахъ, эта скорая работа безъ крика и суетни видимо произвели на него впечатлѣніе.

— Имѣете-ли вы что заявить? Нѣтъ-ли у васъ табаку, чая?.. раздавался голосъ этого молодого нѣмчика около насъ.

— Фунтъ чаю... Двѣ сотни папирсы!.. проговорилъ мой со-
сѣдъ, доставая ключи.

Нѣмчикъ, взглянувъ на моего сосѣда, махнулъ головой и ото-
шелъ ко мнѣ.

Трегеры наклеили марки.

— И кончено? удивился мой спутникъ.

— Кончено... Пойдемте брать билеты и пиво пить.

— Однако скоро...

— Онъ не дуракъ, этотъ пружинный нѣмчикъ... Онъ сразу ви-
дитъ, что вы контрабандой не станете заниматься. Такъ къ чему
ему перерывать ваше бѣлье, платье и беспокоить по напрасну
себя и васъ. Хоть нѣмецъ и приобрѣлъ репутацію формалиста, но
онъ все-таки не станетъ воды въ ступѣ толочь, т. е. рыться у
васъ въ чемоданахъ, чтобы только досадить вамъ...

Старикъ воренулъ что-то въ отвѣтъ на мой дифирамбъ прус-
скимъ таможеннымъ чиновникамъ и мы, взявши билеты до Бер-
лина, пошли въ залу...

И здѣсь, какъ и тамъ, въ таможенной залѣ, все говорило о
другихъ нравахъ, о другихъ обычаяхъ и это различіе какъ-то
рѣзко кидалось въ глаза, особенно человѣку, первый разъ пере-
бравшему границу. Оно и понятно: всякая страна имѣетъ свои
особенности... Смотрю я, мой мизантропъ съ любопытствомъ озир-
ается вокругъ: и изумительная поворотливость кельнеровъ, и не-
дантический порядокъ у буфета, гдѣ двѣ, чисто одѣтыя, нѣмки ма-
стерски администрируютъ по части бутербродовъ, пива и кофе, и
добросовѣстность прислуги при сдачѣ, и этотъ машинистъ въ блу-
зѣ, спокойно потягивающій пиво рядомъ съ хорошо одѣтымъ гос-
подиномъ, и говоръ и оживленіе, несвойственныя нашимъ публич-
нымъ мѣстамъ, все это вмѣстѣ взятое, кажется, смущаетъ нѣ-
сколько моего угрюмаго продовѣдника свинства, хотъ онъ видимо
и старается казаться равнодушнымъ.

Русскаго языка совсѣмъ не слышно здѣсь, хотъ вы отлично
знаете, что половина всей публики—русскіе. Но мои соотечествен-
ники, по большей части, стараются говорить по-французски или
по-нѣмецки, хотъ и скверно, чтобы не объявляться русскими. Толь-
ко дамы, когда путаются въ счетахъ марокъ (а это вы увидите
неизбѣжно на каждахъ первыхъ заграничныхъ станціяхъ) вдругъ
оставляютъ иностранные языки и начинаютъ пугаться по-русски,
обличая самыя слабыя ариметическія способности. Нѣкоторый от-
тѣнокъ какой-то растерянности составляетъ тоже отличительный
признакъ русскихъ за границей, особенно попавшихъ туда въ первый
разъ. Англичанинъ всюду чувствуетъ себя какъ дома и даже не даетъ
себѣ труда ломать чужой языкъ, а воображаетъ, что его за его
'Дѣло', № 7, 1883 г. II.

деньги должны понять всюду; французъ рѣзко отличается своимъ видомъ и изяществомъ, хотя и чувствуетъ себя сиротливо въ чужой толпѣ; а русскіе какъ-то стираются въ толпѣ и робѣютъ даже передъ кельнерами или, наоборотъ, обращаютъ на себя вниманіе, фыркая и разыгрывая изъ себя грандсеньеровъ. Не даромъ еще давно одинъ русскій писатель замѣтилъ о соотечественникахъ за границей, что они громко говорятъ тогда, когда надо молчать, и молчатъ тогда, когда надо говорить...

Желтолицый, геморроидальный «сѣрый съютъ», двѣнадцать лѣтъ не бравшій отпуска, на три четверти потерялъ изъ своего важнаго замороженнаго вида. Онъ ходитъ, точно сконфуженный въ этой пестрой толпѣ, и съ такою любезностью проситъ кельнера подать ему пива, десятая доля которой тамъ, дома, была-бы совершенно достаточна для десятка его сослуживцевъ. Онъ выпилъ свой бокалъ, подошелъ къ букинисту, разсматриваетъ книжки и поспѣшно уходитъ, озираясь по сторонамъ... Нѣкоторыя названія смущаютъ его стыдливое чувство и здѣсь...

А молодое, красивое животное, успокоивавшее въ Петербургѣ свою жену, уже пристроилось къ красивой французкѣ, отъѣзжавшей на лѣто изъ Петербурга къ себѣ на родину; эта пара весело смѣется за бутылкой нѣмецкаго шампанскаго. Они, повидимому, познакомились, въ дорогѣ и оба довольны другъ другомъ... Навѣрное можно предсказать, что женѣ придется дорого заплатить за право вернуть супруга въ свои объятія...

Присѣвши у столика, бесѣдуютъ два русскіихъ банковскихъ артельщика за боками пива. Одинъ изъ нихъ, помоложе, замѣчаетъ — Чище нашего будетъ. Много чище!

— Тутъ еще что, а вотъ дальше увидишь, говоритъ другой, постарше, — кака у нихъ, у этихъ нѣмцевъ, братъ, чистота... Постройка въ деревняхъ не наша и народъ чище... Прямо сказать: наши передъ ними свиньями живутъ... Вотъ самъ поглядишь...

И говорившій, какъ видно бывалый артельщикъ, сталъ передавать товарищу свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ первой поѣздки въ Берлинъ, куда онъ отвозилъ закладные билеты Общества взаимнаго поземельнаго кредита.

Вошелъ станціонный швейцаръ со звонкомъ; прозвонивши, онъ сталъ перечислять города, куда отправляется поѣздъ. Публика хлынула изъ залы.

Отъ Эйдкунена до Берлина мы ѣхали вмѣстѣ съ «мизантропомъ» въ третьемъ классѣ. Вагоны третьяго класса у нѣмцевъ чисты и просторны; масса публики путешествуетъ обыкновенно въ третьемъ классѣ. Въ началѣ у насъ было довольно просторно, но станціи черезъ три, четыре стали прибывать пас-

сажиры, такъ-что, подъѣзжая къ Кенигсбергу, вагонъ былъ полонъ. Но мой спутникъ не обращалъ вниманія ни на тѣсноту, ни на табачный дымъ, волнами носившійся въ вагонѣ. Онъ то смотрѣлъ въ окно на мелькавшія мимо насъ деревни, то разглядывалъ станціи, чистота и порядокъ которыхъ дѣйствительно были въ глаза, то разсматривалъ публику, наполнявшую вагонъ (у насъ сидѣло много крестьянъ и солдатъ) и прислушивался къ этому непривычному, оживленному громкому говору и хохоту. Чѣмъ дальше подвигались мы отъ Эйдеуена, тѣмъ люднѣй и оживленнѣй было на станціяхъ. Пассажиры уходили и прибывали. Когда мы, наконецъ, пріѣхали въ Кенигсбергъ и на станціи внушительныхъ размѣровъ шумѣла огромная разношерстная толпа, газетчики выкрикивали нумера газетъ, кельнера съ лотьями предлагали бутерброды и пиво, а дѣвочки — цвѣты, и среди всей этой шумной толпы желѣзнодорожное начальство хладнокровно дѣлало свое дѣло, мой собесѣдникъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— И съ чего это такая толпа, такой шумъ... Сбѣсились нѣмцы, что-ли?

Изъ Кенигсберга нашими ближайшими сосѣдами были двое молодыхъ рабочихъ, обкуривавшіе насъ своими сигарами и нѣсколько смущавшіе моего спутника своими бесѣдами. Они возвращались въ Берлинъ, погостивши на родинѣ, по близости отъ Кенигсберга, и между прочимъ толково рассказывали о заработкахъ въ Кенигсбергѣ, о положеніи рабочихъ на тамошнихъ заводахъ и находили, что въ Кенигсбергѣ жить лучше; потомъ перешли къ экономической политикѣ Бисмарка. Одинъ оказался яркимъ защитникомъ, другой, напротивъ, порицалъ эту политику. Хотя они и горячились, но споръ ихъ не выходилъ изъ предѣловъ пріличія и не грозилъ окончиться ни дракой, ни крѣпкой руганью...

Мой «мизантропъ» вслушивался (онъ отлично зналъ нѣмецкій языкъ), хмурился и внимательно оглядывалъ этихъ чисто одѣтыхъ, краснощекихъ нѣмцевъ, не обращавшихъ на насъ никакого вниманія... Становилось поздно... Нѣмцы перестали спорить и собирались, видимо, прикурнуть; одинъ изъ нихъ попросилъ у меня огня и, между прочимъ, спросилъ издалека-ли мы ѣдемъ... Когда мы сказали, что изъ Петербурга, то онъ тотчасъ же сказалъ: «Ну вы дѣлаете далекое путешествіе; вамъ не грѣхъ и соснуть; особенно этому господину», прибавилъ онъ, указывая на моего сосѣда. И съ этими словами оба они встали и пересѣли на другія мѣста, очистивъ намъ скамейки. Такимъ образомъ, мы, благодаря этой любезности, могли проспять до самого Берлина.

Когда поѣздъ примчался къ центральной станціи на Фридрихштрассѣ гдѣ поѣзда отходятъ и приходятъ черезъ каждыя пять

минуть, принимая и выбрасывая, цѣлыя толпы пассажировъ, мой спутникъ былъ пораженъ этимъ оживленіемъ, шумомъ и многолюдіемъ... Мы спустились внизъ пить кофе; видъ этой огромной станціи со всеѣмъ ея превосходнымъ устройствомъ, съ ея кипящей жизнью снова заставилъ моего спутника сердито воскликнуть:

— И куда это всё ѣдутъ!..

Черезъ часъ мы прощались съ моимъ случайнымъ спутникомъ. Я ѣхалъ въ Кассель, а онъ въ Мариенбадъ. Крѣпко пожимаю мнѣ руку, этотъ старикъ на прощанье все-таки сказалъ:

— Все это отводъ глазъ, а въ сущности я остаюсь при своемъ мнѣніи...

— На счетъ необходимости свинства?

— Именно... Хоть то, что я видѣлъ, какъ будто и недурно, а въ сущности, если подумать, опять-таки свинство, только замаскированное... Если заглянуть туда, за кулисы, какъ люди живутъ...

— А вы загляните.. Ну, прощайте, желаю вамъ поправиться...

— Едва-ли!.. какъ-то угрюмо проворчалъ старикъ.

Раздался рѣзкій свистокъ. Поѣздъ тронулся и я еще разъ взглянулъ на этого російскаго мизантропа, уныло стоящаго среди волнуемой толпы.

«Пожалуй, зараза коснется и его, когда онъ заѣдетъ дальше, хоть онъ и хвастаетъ, что не боится больше ничего!» думалось мнѣ. И я, признаться, пожалѣлъ его отъ души. Да не посягаетъ онъ на меня, мой случайный спутникъ, если эти строки случайно попадутся ему на глаза!

IV.

Врачи, пославшіе меня въ Вильдунгенъ, могли только сказать, что веди его очень полевны, что онъ въ Германіи, но гдѣ именно и какъ туда попасть — объяснить не могли. «Въ Берлинѣ спросите», утѣшали меня. Я сталъ искать въ русскихъ справочныхъ книгахъ указаній о Вильдунгенѣ, но указанія на этотъ счетъ были такъ глухи, что мнѣ грозила опасность очутиться въ положеніи Митрофанушки. Спасибо нѣмецкому курсъ-буху, издаваемому прусскимъ почтовымъ вѣдомствомъ, онъ выручилъ меня; благодаря ему, я узналъ гдѣ Вильдунгенъ, какъ туда попасть и что стоитъ туда доѣхать, и еще разъ убѣдился, что нѣмецкіе справочныя книги и календари не врутъ, какъ русскіе. Съ ними вы можете смѣло пускаться въ путь, рассчитывая по нимъ время остановокъ на станціяхъ, часы прибытія и отхода поѣздовъ. Они васъ не выдадутъ.

Оказалось, что мнѣ придется ѣхать въ крошечное княжество Вальдекъ, но сосѣдству съ тѣмъ самымъ уголкою нѣмецкаго фатерланда, гдѣ патриархальная жизнь добраго стараго времени сохранилась долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстныхъ фатерландахъ, исключая развѣ Ганновера и Мекленбурга. Это тотъ самый Гессенъ, гдѣ въ недавнее еще относительно время гессенскіе курфюрсты занимались спеціально продажей крупныхъ и рослыхъ своихъ вѣрнопопавшихъ, партиями и поштучно, въ солдаты, въ чужія арміи (покупали преимущественно англичане, такъ-какъ платили хорошія деньги), посылая рослыхъ гессенцевъ пробовать въ чужомъ нру похмѣлья, а мелкихъ оставляя дома на разводъ и на уплату податей.

Если судьба приведетъ васъ, какъ меня, въ Кассель, прежнюю столицу Гессена, то вамъ покажутъ всѣ эти дворцы, римскія бани, картинныя голлерей, сады и монументы, устроенныя на счетъ нѣкогда процвѣтавшей торговли рослыми нѣмцами. Менѣе рослый гессенецъ-проводникъ (съ тѣхъ поръ, народъ измельчалъ), изъ чувства патриотизма, добросовѣстно умолчитъ объ источникахъ всѣхъ этихъ великолѣпій крошечнаго Гессена, и если вы неделикатно напомните ему о нихъ, то онъ не безъ задора отвѣтитъ: «мало-ли что въ старину было!» При этомъ, если онъ вдобавокъ узнаетъ, что вы не англичанинъ, не французъ, не голландецъ, то, чего добраго, еще подпуститъ какую-нибудь обидную шпильку. Поэтому, если не желаете огорчаться, оставляйте свои свѣдѣнія по нѣмецкой исторіи при себѣ. Это не лишнее. Побывавши въ Касселѣ, вы встаете съѣздите и въ Вильгельмсеге, отстоящій въ 10 минутахъ ѣзды отъ Касселя, и посмотрите этотъ роскошный дворецъ—плоды той-же торговли!—съ обширными садами, парками, фонтанами, затмѣвающимъ, по словамъ нѣмцевъ, версальскіе,—который въ послѣднее время сталъ извѣстенъ и за предѣлами Гессена, благодаря плѣненію Наполеона III, послѣ Седана. Могу засвидѣтельствовать, что мѣсто плѣненія было очень комфортабельное, которому могли-бы позавидовать не только плѣнники, но и масса людей, живущихъ на свободѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ добрыхъ гессенцевъ перестали продавать на убой, не спрашивая ихъ согласія, много утекло воды, и если вѣрять нѣкоторымъ дальновиднымъ политикамъ, именно съ этого самого времени въ Германіи, какъ и вездѣ, впрочемъ, все пошло къ худшему. Горы осѣли, дѣса порѣдѣли, рѣки обмелѣли, звѣри, рыбы и птицы стали плодиться меньше, въ умахъ пошла смута, люди стали несчастнѣе и начальство безпомощнѣе. Такая страна, какъ Гессенъ, давала хорошій случай провѣрить эти жалобы, такъ какъ именно Гессенъ отличался въ старое время особеннымъ счастьемъ,

о которомъ мечтаютъ политики. Могу достоверно сказать, что если добрые гессенцы, послѣ того, какъ Бисмаркъ скушалъ ихъ курфирста и сдѣлалъ Гессенъ нѣмецкой провинціей, быть можетъ и несовсѣмъ счастливы, то во всякомъ случаѣ не только не жалѣютъ о тѣхъ временахъ, когда и лѣса были гуще, и горы выше (и продажа гессенцевъ шла шибко), но даже съ гордостью ссылаются на свои законы, хвалятся своими школами и относительнымъ достаткомъ. Кассельскіе извозчики, быть можетъ, внуки этихъ самыхъ великорослыхъ «Михелей», съ которыми встарину, дѣлали столь выгодныя аферы, толкуютъ о политикѣ съ такой-же свободой какъ и кассельскіе журналисты. Хорошо это или дурно, счастье или несчастье, пусть сообразятъ политики.

Если-бы вы послушали господина Френке, извозчика, доставившаго меня съ желѣзнодорожной станціи въ Вильдунгенъ, какъ онъ всю дорогу просвѣщалъ меня и спутника моего, голландца, на счетъ дѣлъ своей родины, при чемъ ворчалъ на налоги и съ гордостью говорилъ, что онъ и самого Бисмарка не боится, если онъ, Френке, не нарушаетъ закона, — то вы, читатель, пришли-бы въ нѣкоторое смущеніе и задумались-бы на счетъ этихъ самыхъ нѣмцевъ, которыхъ мы такъ бранимъ у себя дома. По крайней мѣрѣ, такое чувство смущенія испыталъ я, слушая болтовню извозчика, въ то время, какъ экипажъ двигался по превосходному шоссе-рованному проселку, окаймленнымъ высокими тополями, мимо деревень съ приличными домами, въ виду синевы далекихъ горъ, озаренныхъ заходящимъ солнцемъ, словомъ среди пейзажа, совсѣмъ не напоминавшаго мнѣ далекой родины.

Особенно бахвалился Френке послѣ остановокъ у разныхъ кабацковъ, подъ предлогомъ дать вздохнуть бѣдной лошади. Я полагаю, что остановки эти были нужны болѣе для самого Френке, который въ каждомъ кабацкѣ нацѣживался пивомъ. Послѣ такихъ передышекъ, Френке, молодой, здоровый, красный вильдунгенецъ, громче и рѣшительнѣе высказывалъ свои мнѣнія, пощелкивая бичемъ въ воздухѣ.

— Что мнѣ Бисмаркъ, если я честный нѣмецъ и законъ исполняю! Наплевать мнѣ на Бисмарка, въ такомъ случаѣ! Онъ занимается своимъ дѣломъ, а я своимъ.

Слушая эти восклицанія подвыпившаго Френке, я все ждалъ, что вотъ-вотъ, откуда нибудь да объявится вдругъ прусская каска и поволокетъ нашего возницу въ кутузку за оскорбленіе начальства. Но никакой прусской каски не появлялось. Френке продолжалъ хвастать, и экипажъ тихо катился среди тополей, по берегу вьющейся рѣки, и справа и слѣва бѣгли нѣмецкіе города и деревни...

Черезъ часъ мы подымались въ гору, на которой, среди зелени, виднѣлся замокъ, а на лѣво—старинная церковь.

«Вотъ и Вильдунгенъ!» проговорилъ Френке, и скоро мы вѣхали въ узкую улицу стариннаго городка, повернули и направлись по широкой аллеѣ, обсаженной густыми липами, по бокамъ которой были гостинницы и дома въ услугамъ больныхъ. Эта аллея идетъ вплоть до самого источника.

О Вильдунгенѣ и о жизни въ немъ въ слѣдующій разъ.

Откровенный Писатель.

В. О. КОРШЪ.

(Некрологъ).

Вся печать уже высказалась о смерти Валентина Федоровича Корша и намъ невольно приходится говорить послѣдними. Нужно-ли повторять факты всѣмъ теперь извѣстные? Не думаемъ.

Глубоко гуманный, поклонникъ искусства, правды, справедливости и любви, этихъ вѣчныхъ и святыхъ началъ жизни, европейски образованный, начитанный, страстно любившій литературу, В. О. Коршъ, весь вѣкъ свой жилъ подъ гнетомъ преслѣдовавшей его какой-то роковой неудачи.

Коршъ былъ издателемъ или редакторомъ «Атenea», «Московскихъ Вѣдомостей», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Всемирной исторіи литературы», «Сѣвернаго Вѣстника» и «Заграничнаго Вѣстника»; извѣстность же его начинается съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ издавать «С.-Петерб. Вѣдомости». Газета эта имѣла одно время значительный успѣхъ, но, какъ извѣстно, Коршъ былъ принужденъ, до срока своего контракта, передать «С.-Петербургскія Вѣдомости». Сперва они попали къ г. Баймакову, а потомъ къ г. Комарову, въ рукахъ котораго и влчатъ свое печальное существованіе. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить фактъ, рѣдкій въ нашей издательской практикѣ: при передачѣ своихъ правъ г. Баймакову, получивъ за газету деньги, онъ подѣлился съ ближайшими сотрудниками, гг. Ватсономъ, Суворинымъ и Буренинымъ.

В. О. Коршъ былъ слишкомъ «все-человѣкъ», въ немъ не доставало того боевого элемента, который необходимъ въ наше терпкое время, требующее ясныхъ, руководящихъ и точныхъ идей, даю-

щихъ читателю точные отвѣты на его точные вопросы; онъ не былъ по своей природѣ боевымъ публицистомъ и политическимъ мыслителемъ и вотъ гдѣ надо искать причину того, не вполне опредѣленнаго положенія, которое занимали «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ журналистикѣ, Въ то время, какъ нѣкоторые считали ихъ слишкомъ либеральнымъ органомъ, извѣстная часть журналистики, напротивъ, считала ихъ слишкомъ блѣднымъ и недостаточно опредѣленнымъ. Отсюда нападки и полемика, очень огорчавшіе В. Ѳ. Корша, прикрывавшаго нерѣдко своимъ именемъ безтактныя выходки своихъ сотрудниковъ и принужденнаго часто лавировать среди отмедей бурнаго газетнаго плаванія. Въ послѣдніе годы жизни, когда В. Ѳ. Коршъ сталъ издавать «Заграничный Вѣстникъ», ему было, повидимому, не ясно, для кого онъ издаетъ и кто его читатель. Нося въ себѣ идеалъ общей правды и любви, В. Ѳ. Коршъ въ своемъ воображеніи создалъ такой-же идеалъ читателя, ищущаго истиннаго и всеобщаго просвѣщенія и эстетическаго, гуманнаго образованія; журналъ успѣха не имѣлъ.

Многолѣтняя упорная работа и неудачи послѣдняго времени сразили Валентина Федоровича. Онъ умеръ въ Гейдельбергѣ, въ больницѣ. Вся печать единодушно почитала въ лицѣ его лучша, благороднѣйша стремленія человѣческой природы, честнаго журналиста и одного изъ числа лучшихъ дѣятелей идеализма сороковыхъ годовъ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

Злая Воля. Пов. (Гл. XVIII—XXIII).	<i>В. І. Дмитріевой.</i>
Петръ на Олонцѣ. (Гл. V—VIII) (Окончаніе)	<i>В. Майнова.</i>
Приваловскіе милліоны. Ром. въ 5 ч. Часть третья. (Гл. XV—XVIII) и Часть четвертая (Гл. I—V) .	<i>Д. Сибиряка.</i>
На берегу океана. Стихотвореніе.	<i>Д. Михаловскаго.</i>
Президентъ. Разсказъ	<i>Карла Эмиля Францога.</i>
Французское духовенство наканунѣ переворота (Окончаніе)	<i>В. Денисова.</i>
Дикаря. Романъ. Часть первая (Гл. I—VI)	<i>Андрѣ Терье.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Московская беллетристика	<i>И. Х.</i>
Новости иностранной литературы .	<i>Л. М.</i>
Журнальныя замѣтки.	<i>М. П.</i>
Новыя книги	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Заботы Гладстона (Политическая и социальная хроника)	<i>Жика.</i>
Мѣсяцъ у нѣмцевъ (Путевыя впе- чатлѣнія)	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
В. Ѡ. Коршъ (Некрологъ).	

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

С.-Петербургъ. Большая Садовая. Противъ Гостиного Двора, № 12. (Бывшій А. И. Глазунова). Москва. Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

за последнее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

- Скобелевъ** какъ полководецъ. Историческій очеркъ, И. А. Чаяцева. Съ портретомъ, факсимиле, письмами и рѣчами Скобелева. Спб. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- Тинноръ**. Исторія испанской литературы. Перев. съ 4-го англійскаго издан. Т. I. М. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Зворъгъ, Эдгаръ**. Исторія новаго времени (XVI—XVIII ст.). Перев. подъ ред. и съ дополненіями проф. И. В. Луцицкаго. Т. I. Кіевъ. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 25 к.
- Философія XVII и XVIII в. въ сравненіи съ философіей XIX вѣка и отношеніе той и другой къ образованію**. С. С. Гогоцкій. Выпускъ II. Кіевъ. 1883. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 45 к.
- Средства къ подъему производительныхъ силъ Россіи**. Соч. Н. Новосельскаго. Спб. 1883. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Русскій толковый глоссоварный словарь**. Д. Кайгородовъ. Спб. 1883. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.
- Адаты кавказскихъ горцевъ**. Матеріалы по обычному праву сѣвернаго и восточнаго Кавказа. Выпускъ I. О. И. Леонтовичъ. Одесса. 1883. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.
- Привалъскій, Н. Ш.** Третье путешествіе въ Центральную Азію. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Съ картами и рисунками. Спб. Ц. 7 р., вѣс. за 8 ф.
- «Новая Земля»**. Этнографическій этюдъ князя Л. Ухтомскаго. Спб. 1883. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- «Кефиръ»**. (Бродило и напитокъ изъ коровьяго молока). В. Подвысоцкій. Изданіе 2-е, значительно измѣненное и дополненное. Кіевъ. 1883. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.
- Предупрежденіе послѣродовыхъ заботѣваній**. Изложеніе основаній и правилъ примѣненія акушерками противогнилостнаго метода при родахъ. Изданіе Физ.-Мед. общества, сост. при И. М. Университетѣ. М. 1883. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.
- Петербургскія сказки Мухи**. Спб. 1883. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Учебникъ зоологій**. Курсы приготовительный и систематическій. Для среднихъ учебн. заведеній. Составилъ Н. Сорокинъ. Съ 248 рис. въ текстѣ. М. 1883. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.
- «Слезо»**. Романъ Эберса. Перев. Э. К. Ватсонъ. Спб. 1883. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.
- «Нора»**. Драма Г. Ибсена. Перев. П. Вейнберга. Спб. 1883. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- «Демократія»**. Романъ изъ американской жизни. Перев. Д. Л. Михаловскаго. Спб. 1883. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- О костно-мышечномъ снарядѣ въ примѣніи къ физическому воспитанію**. 6

- популярныхъ лекцій. **Ө. П. Ландергъ.** Съ 57 рис. Спб. 1883. Ц. 1 р. 35 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- Боярская дума древней Руси.** В. Блужевскій. Изданіе 2-е. Спб. 1883. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- Русскій синтаксисъ.** Составилъ на основаніи изслѣдованій гг. Потебна, Милошича и Гейзе. **Н. Ватлинъ.** Для средн. учеб. заведеній. М. 1883. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.
- Броунъ-Новъ, К.** Еврейскій вопросъ. Должны-ли христіане преслѣдовать евреевъ. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Библиотека европейскихъ писателей и мыслителей, издаваемая В. В. Чуйко,** № 12. Фихте. Спб. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Волденъ, В.** Собраніе арифметическихъ задачъ (по Грубе). Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 13-е. Спб. Ц. 40 к., съ пер. 65 к.
- Гельвальдъ, Ф.** Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множествомъ иллюстрацій. Выходить выпусками. Всѣхъ выпусковъ будетъ 36. Ц. каждому 30 к., съ пер. 35 к. Подписка на все изданіе 9 р., съ перес. 11 р. Вышелъ вып. 23-й.
- Горшенинъ, А.** Шестнадцать дней на процессѣ кронштадтскаго банка и участіе въ немъ князя Д. Д. Оболенскаго. Спб. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
- Казанскій, І.** Наша родная рѣчь. Руководство къ изученію русскаго и славянскаго языковъ, приспособленное къ программѣ низшихъ учебн. заведеній. М. 1883. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Курціусъ, Э.** Исторія Греціи, т. П. (До конца пелопонесской войны). 2-е исправленное изданіе. М. 1883. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.
- Кохъ, Ричардъ.** Машинное дѣло на желѣзныхъ дорогахъ. Перев. А. Цитовичъ. Вып. III. Желѣзно-дорожныя мастерскія. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.
- Леонтьевъ, М. и Ячменовскій, М.** Русское слово, ч. I. Съ толкованіями для учениковъ. Варшава. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
- Шартенъ, Ф.** Современное международное право цивилизованныхъ народовъ Т. П. Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- Милославскій, П.** Основанія философіи какъ спеціальной науки. Т. I. Казань. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Hering, Fr.** Compendium глазныхъ болѣзней. Съ 37 рис. и одной хромолит. таблицей. Спб. 1883. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 2 р.
- Ритъ, А.** Руководство по хирургической анатоміи. Перев. съ франц. подъ ред. Лесгафта. Вып. II. Спб. 1883. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Черносъ, М.** Руководство къ разведенію кукурузы. Изд. 2-е, дополненное. Одесса. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Герасимовъ, М.** Элементарная анатомія, физиологія и гигиена. Съ рисунками. Изд. 2-е. Спб. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Клиппъ, М.** Азбука домашнего и домашней гигиены. Перев. съ нѣмца. **баронъ Н. А. Корфъ.** Спб. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Случевскій, М.** Застрѣльщики. Спб. 1883. Ц. 1 р.
- Тсонъ, Маркъ (Самуэль Клеменсъ).** Принцъ и Нищій. Историческій романъ для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рис. въ текстѣ. Перев. съ англ. Спб. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 60 к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазиномъ высылаются всѣ какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ-бы и къ-то ни было опубликованнымъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтового приѣма и отвѣтственнаго почтового учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ ведомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семикопѣчныхъ марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДѢЛО

въ 1883 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редацїи
Журнала «ДѢЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редацїя считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . .	16 » — »	9 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	17 » — »	10 »
» за границу . .	19 » — »	11 »

Издат. насл. Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА. За редактора В. П. ОСТРОГОРСКИЙ.

АВГУСТЪ.

1883.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 8

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ЗЛАЯ ВОЛЯ. Повѣсть. (Окончаніе).	В. І. Дмитріевой.
2. ПРЕЗИДЕНТЪ. Разсказъ. (Окончаніе).	Карла Эмиля Францога.
3. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И ФЕДЕРАЛИЗМЪ ВЪ ГЕРМАНИИ. (Гл. I—IV).	Л. Мечникова.
4. ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ. Романъ въ 5 ч. Часть четвертая. (Гл. VI—XVII)	Д. Сибиряна.
5. ДУМА. Стихотвореніе.	П. Ф. Якубовича.
6. ДИКАРКА. Романъ. (Окончаніе)	Андрэ Терье.
7. МИМОѢЗДОМЪ. Разсказъ.	Н. К. Бобылева.
8. ДВА РАЗСКАЗА I. Честь спасена. II. Уврѣза	Ф. Коппе.

(См. на оборотѣ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

9. Г. ГРОТЪ О ЛОГИКѢ. Обыкновеннаго Читателя.
10. НѢМЕЦКІЙ АКСАКОВЪ Б. Л.
11. ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ
12. НОВЫЯ КНИГИ:

Записки степняка. Очерки и рассказы А. Эртеля. Томы I и II. Спб. 1883.—Испытаніе. Романъ въ трехъ частяхъ. В. Крестовскаго (псевдонимъ). Спб. 1883. — Еврейскій вопросъ. Должны-ли христіане преслѣдовать евреевъ. Размышленія по поводу антиеврейскихъ безпорядковъ. К. Брон—кова. Спб. 1883.—Сильванусъ Томпсонъ. Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго Ф. Я. Капустина и В. Б. Струве, подъ редакціей доктора физики И. И. Борсмана. Изданіе И. И. Билибина. Спб. 1883 г.

13. ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ Н. В.

Обвиненіе «Юж. Краемъ» теперешней печати, будто-бы обходящей «на-сущные вопросы». — Недавняя исторія податнаго вопроса. — Какъ отнес-лось къ нему земство, высказавшееся за всеобщій подоходный на-логъ. — Почему земство и печать высказались такимъ образомъ. — Былъ-ли этотъ вопросъ новый даже въ 1871 г. — Чѣмъ кончились попытки земства въ уравниеніи платежей. — Новый проектъ подоходнаго налога, составленный нынѣшнимъ министерствомъ финансовъ, и его обращеніе къ мнѣніямъ компетентныхъ лицъ и учреждений. — Какимъ критеріемъ слѣдуетъ оцѣнять этотъ проектъ. — Сущность проекта, его слабыя и сильныя стороны. — Мѣсто, занимаемое предполагаемымъ подоходнымъ налогомъ въ ряду другихъ податныхъ обложеній.

14. СВОБОДА СОВѢСТИ ВЪ ВЕНГРИИ. Жикѧ.

15. НАУЧНАЯ ХРОНИКА А. М.

Выѣстимость черепа у преступниковъ. — Дѣворукость, какъ одинъ изъ признаковъ, заставляющихъ отнести преступника къ низшему антропо-логическому типу. — Особенности дѣтскаго характера, приближающія ребенка къ типамъ дикаря, съумасшедшаго и преступника. — Преобла-ніе физическихъ признаковъ, свойственныхъ организму типическаго преступника, между преступниками малолѣтними. — Физическія и нрав-ственныя аномаліи у дѣтей не преступныхъ. — Необходимость изолиро-вать дѣтей неисправимыхъ, напередъ обреченныхъ на преступленіе или съумасшествіе въ силу особенностей ихъ организаціи. — Противо-дѣйствуетъ-ли современная школа развитію преступленія? — Вліяніе окружающей среды.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

- 1) Объявленіе объ изданіяхъ редакціи журнала «Дѣло».
- 2) Объ изданіяхъ книгъ Помяловскаго, Милля и Гаршина.
- 3) Объ изданіяхъ книгъ Острогорскаго.
- 4) Отъ книжнаго магазина Мамонтова.

ДЪЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Ливедва, Невск. пр., д. № 8.

1883.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.

Гг. подписчикамъ, пользовавшимся разсрочкою подписныхъ денегъ и не сдѣлавшимъ условленныхъ взносовъ, высылка журнала прекращена, впредь до уплаты слѣдуемой суммы.

Доволено пензурою. С.-Петербургъ, 19-го Августа 1883 г.

ЗЛАЯ ВОЛЯ.

Повѣсть.

(Посвящается Алевтиту Александровичу Крушевской).

(Окончаніе).

XXIV.

«Эй, ухнемъ!»

— Нинка, знаешь, что я тебя хочу спросить? подошла однажды вечеромъ Вѣра къ сестрѣ. Нина сидѣла, дѣлала задачи, углубившись въ задачникъ Малинина и Буренина. При звукѣ голоса Вѣры она вся вздрогнула отъ неожиданности и взглянула на сестру. Съ того дня онѣ не говорили другъ съ другомъ почти ни слова.

— Ты что? переспросила она, не довѣряя своимъ ушамъ.

— Спросить я тебя хочу, продолжала Вѣра и, облокотившись на столъ, близко заглянула Нинѣ въ глаза. — Что-бы ты, напримѣръ, сказала обо мнѣ, если-бы я... человека убила?

Нина совсѣмъ растерялась отъ этого страннаго вопроса. Она, вытаращивъ глаза, смотрѣла на сестру, а та, въ свою очередь, глядѣла на нее, сощутивъ глаза и хихикая какимъ-то неприятнымъ, натянутымъ смѣхомъ. Она ждала отвѣта.

— Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь! выговорила наконецъ Нина, съ ужасомъ глядя на сестру, и быстро, чуть не опрокинувъ стола, встала съ мѣста.

— Почему? А ежели-бы сдѣлала? продолжала хихикать Вѣра.

— Нѣтъ, нѣтъ! почти вскрикнула Нина, протягивая руки впередъ, словно отгоняя отъ себя какой-то чудовищный призракъ. — Нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого, Вѣрка!

Въ глазахъ Вѣры блеснуло что-то загадочное, страшное, и она съ тѣмъ-же страннымъ смѣхомъ отошла въ сторону. Нина со страхомъ взглянула ей вслѣдъ и сѣла было снова за свой задачникъ, но цифры плясали у нея въ глазахъ, таблица умноженія вылетѣла изъ головы, — она перепутала всѣ задачи и бросила грифель. Сердце у нея заняло, — страшное предчувствіе закралось въ душу...

Цѣлый день ее мучило это предчувствіе. Она ничего не могла дѣлать; уроки не шли ей въ голову, работа валялась изъ рукъ. Изрѣдка она украдкой взглядывала на сестру, наблюдая за каждымъ ея движеніемъ; слѣдила за ней, когда та уходила изъ избы. «Куда она? Зачѣмъ? Пойти за нею?» мелькало у нея въ головѣ. Но Вѣра приходила, уходила снова, садилась за шитье и, повидимому, совсѣмъ забыла о своемъ странномъ вопросѣ. Нина совсѣмъ успокоилась. «Такъ, пошутила! Не можетъ этого быть...» И она принялась за задачи.

Ей теперь было пропасть дѣла. Она непременно хотѣла послѣ пасхи ѣхать въ городъ держать экзаменъ на учительницу. Сергѣй Васильевичъ по-прежнему любезно ей помогалъ готовиться, но Нина почему-то была съ нимъ только суховѣжлива и почти совсѣмъ перестала говорить о своихъ «проклятыхъ» вопросахъ. Она даже просто избѣгала этого, и когда самъ Сергѣй Васильевичъ, чтобы какъ-нибудь замать свою ошибку, начиналъ заговаривать съ нею о разныхъ отвлеченностяхъ, — она отмалчивалась или сейчасъ-же перемѣняла тему разговора. Она никакъ не могла забыть того дня, когда она пришла къ нему доверчиво съ своей тоской и своими соображеніями, а онъ грубо насмѣялся надъ ея завѣтными мыслями и равнодушно оттолкнулъ отъ себя ея протянутую за помощью руку. Своей чуткой душою Нина поняла сразу, что за человѣкъ былъ учитель — и совсѣмъ ушла въ себя, въ свой невидимый внутренній мірокъ. Повременамъ, вспоминая свои прежніе разговоры съ Сергѣемъ Васильевичемъ, она даже чувствовала на лицѣ своемъ жгучую краску стыда, а въ сердцѣ, — ѣдкую горечь разочарованія...

— Это онъ только смѣялся надо мной! думала она. — Онъ просто за дурачку меня считалъ. А самъ онъ вовсе не изъ такихъ... И я-то сдуру повѣрила...

И встрѣчаясь съ учителемъ она становилась молчаливою,

сосредоточенною, даже упрямую, Сергѣй Васильевичъ удивлялся:

— Неужто злится? Однако, она съ норовомъ дѣвочка, — и даже и не думай! Вѣдь эдакіе пустяки — и дуется до сикъ поръ. Чѣмъ-бы это ее расшевелить?

И учитель изъ кожи лѣзъ, чтобы цесарнуть дѣло по старому. Онъ и угождалъ Нинѣ всячески, и загадками началъ было опять говорить, и разочарованнымъ прикидывался, — Нина была непроницаема. Но Сергѣй Васильевичъ не унывалъ... «Ломается!» думалъ онъ.

А Нина въ простотѣ душевной и не замѣчала этихъ ухищреній. Ей было не до того, — она совсѣмъ закружилась, какъ въ водоворотъ. Семейныя неурядицы, внутреннія волненія и тревоги, будущій экзаменъ, — все это наполняло ее жизнь, не давая ей перевести духъ. А тутъ еще Андрюша съ своими отчаянными письмами, надъ которыми Нина тайкомъ плакала, проводя безъ сна долгиа ночи...

«Я теперь, Нинка, ни на что ужъ больше не надѣюсь, писалъ Андрей. — Теперь мнѣ одно осталось... молись за меня, — больше ничего. А впрочемъ, вѣтъ, — не нужно молиться!»

«Я теперь золь страшно, Нинка! говорилъ онъ въ другомъ письмѣ. — Я-бы всѣхъ исколотилъ, уничтожилъ, перегрызъ-бы горло всякому. — Вчера я избилъ мальчишку-ученика. Я былъ пьянъ, а онъ надо мной смѣялся. Развѣ это не обидно, Нинка? Вѣдь и онъ не лучше меня, и онъ такой-же мерзавецъ будетъ, какъ и я. И какая у него скверная рожа была въ это время! Онъ оскалилъ зубы, словно укусить меня собирался, а глаза у него совсѣмъ змѣиные стали. Зеленые, стоячіе, — какъ стеклянные... Скверные глаза! Я его взялъ и исколотилъ...»

Иногда Андрей просто начиналъ заговариваться... Его богатая фантазія вся цѣлкомъ ушла въ полнитофъ съ сивухой, — а оттуда выѣзала безобразными галлюцинаціями: онъ галопомъ несся за ту роковую черту, гдѣ кончается свѣтлая мысль и начинается мрачное, безпросвѣтное царство *delirii tremantis*.

«Страннаго челоуѣка я видѣлъ на дняхъ, Нина! У него не было головы... Ты не повѣришь? Ей-Богу! вмѣсто головы у него былъ какой-то грязный, красноватый комокъ... Я, было, сначала очень испугался, когда онъ подошелъ ко мнѣ ближе, — потомъ мы съ нимъ разговорились. Онъ сказалъ мнѣ, что безъ

головы гораздо лучше. И совсѣмъ не больно! При этомъ онъ даже попросилъ меня ощупать его комокъ. «Вотъ увидишь, говоритъ, какъ это отлично». Я, знаешь, очень долго не рѣшался, — потомъ пощупалъ. Ахъ, какъ это противно, — мнѣ даже тошно стало... Теплое, мокрое и липнетъ къ рукамъ... Я закричалъ отъ страха...»

«Человѣкъ безъ головы повадился ходить ко мнѣ каждый день. И знаешь, откуда онъ вылезаетъ ко мнѣ? Изъ аппарата. «Тра-та-та, тра-та-та...» я уже такъ и знаю, что это онъ. Сначала какъ будто лента ползетъ по валику, а потомъ, глядь, — онъ! И сейчасъ начнетъ кивать мнѣ своимъ безглазымъ, безносимъ, безротымъ комкомъ. И все меня манитъ, все зоветъ куда-то. Я только недавно замѣтилъ, что изъ комка у него сочится кровь. Красная такая, теплая, и отъ нея паръ идетъ... Меня всегда тошнитъ отъ этого запаха...»

Нина вся колодѣла отъ ужаса, читая эти сумасшедшія письма... Наконецъ Андрюшка даже и письма присылать пересталъ. Шла уже третья недѣля, какъ отъ него не было ни слуху, ни духу. Нина просто умирала отъ безпокойства.

Разливъ полой воды былъ въ самомъ разгарѣ. Всѣ балки, яруги, ложбинки яростно бушевали въ степи; Хоперь посинѣлъ и разлился пуще прежняго, затопивъ луку и лѣсъ. Въ Алмазово ни откуда не было ни проходу, ни проѣзду.

На третій день Пасхи вѣнзъ по Хопру шли плоты, и почти все село, пользуясь праздничнымъ временемъ, высыпало на берегъ посмотрѣть на борьбу людей съ водой.

День былъ яркій, солнечный, но въ воздухѣ еще чувствовалась замѣтная прохлада, пронзительной дрожью пробѣгавшая по тѣлу. Дулъ легкій вѣтеръ; въ непросохшихъ еще канавкахъ тихонько журчала вода. Веселый трезвонъ беспорядочными звуками разносился надъ селомъ; вѣтеръ то относилъ ихъ куда-то въ сторону, то снова приносилъ, словно играя ими. Небо мягко синѣло, на самомъ горизонтѣ переходя въ туманно-лиловые, блѣдые тоны. Обрывъ нестрѣлъ народомъ. Слышался глухой говоръ, звуки гармоники, смѣхъ, восклицанія.

А внизу бушевалъ Хоперь. Вода ревѣла; мутныя волны стремительно неслись впередъ, толкая одна другую, опрокидывая деревья, съ шумомъ разбиваясь о кручи. Попадая въ омуты и пробоины, вода воронкой наливала крутиться на одномъ мѣстѣ, словно злая на неожиданную преграду, потомъ

со свистомъ и ревомъ вырывалась на волю, — и тогда точно цѣлое стадо барановъ рассыпалось по рѣкѣ, ныряя и сверкая на солищѣ своими бѣлыми, пѣнистыми гривами.

— Идутъ, идутъ! вдругъ во все горло заоралъ парень въ яркой рубахѣ, забравшись на смальскую кручу, нависшую надъ водою.

Толпа разомъ притихла, и всѣ глаза съ тревогой и любопытствомъ устремились вверхъ до Хопру, туда, гдѣ сверкала желтая песчаная коса, упершаяся прямо въ воду. Изъ-за нея, среди наставшей тишины, уже явственно доносились буйные крики человѣческихъ голосовъ и отголоски пѣсень. Вотъ что-то мелькнуло — и скрылось снова; вотъ будто покраснѣлись флаги, вотъ уже показалась половина мачты — и, наконецъ, одинъ за другимъ, изъ-за сверкающаго мыса, вынырнула цѣлая флотилія плотовъ. На плотяхъ пестрѣли кучки мужиковъ, въ синихъ и красныхъ рубахахъ, съ длинными шестами въ рукахъ; на верхушкахъ мачтъ развѣвались яркіе лоскутья; крики плотовщиковъ сливались съ ревомъ воды.

— Ой, пронеси ихъ Господи! Самое здѣсь проклятое мѣсто... раздалось въ толпѣ, и тысячи глазъ съ безпокойствомъ и тайнымъ ужасомъ впились въ приближающіеся плоты.

Вотъ они все ближе и ближе подвигаются, — вотъ, наконецъ, совсѣмъ поровнялись съ обрывомъ. Вдругъ передовой плотъ приостановился, — словно задумался... потомъ рванулся впередъ, нырнулъ — и съ ужасающей быстротою завертѣлся на одномъ мѣстѣ. Гребцы засуетились на немъ, работая своими шестами; громадныя волны бились и ревели кругомъ, и по временамъ цѣлая туча бѣлой пѣны и сверкающихъ брызгъ совсѣмъ закрывала и плотъ, и гребцовъ отъ глазъ собравшихся на берегу зрителей.

— Го-ой-ой!.. Де-ржи!.. Налѣво!.. налѣво!.. Держи, держи на переваль!.. Ге-ей, гей!..

Вѣтеръ отнесъ въ сторону эти неистовые вопли. Нѣскольکو минутъ ничего нельзя было разобрать въ облакѣ пѣны, среди оглушительнаго рева напирющаго течения. Но вотъ волна рассыпалась тысячью брызгъ — и плотъ показался снова. Онъ продолжалъ крутиться на одномъ мѣстѣ, каждую минуту рискуя опрокинуться и исчезнуть въ зеленой, холодной пропасти. Плотовщики въ мокрыхъ рубахахъ, безъ шапокъ, старались повернуть плотъ съ заколдованнаго мѣста; красные

платки безпомощно мотались на жертахъ; отчаянная ругань доносилась до берега.

— Ча-во-жъ ты?.. Наваливай, реби... Эй-эй... Не зѣвай...

— Ну-ну-ну! Еще разикъ упрись... Дерни!

— О-о-ой, о-о-ой! стонали дружно гребцы, маширая всей грудью на шести.— Ухни...

Эй—ухъ...

Эй—ухъ...

Молодые—еще разъ!

Холостые—еще два...

Плоть трещала, мѣрно колыхаясь то въ ту, то въ другую сторону. Толпа замерла..

— Разъ-два,—дружно!

— Разъ-два,—сильно!

— Разъ-два-три—бери!.. Эге-ей, гай-гай-а-ай!

Раздался ужасающій ревъ, что-то оглушительно треснуло— и все завертѣлось, закружилось, застонало... Толпа, какъ одинъ человекъ, охнула...

Но въ эту самую минуту волны распахнулись, и плоты, вырвавшись изъ ревущей пропасти, плавно и невредимо понеслись внизъ, среди цѣлой толпы бѣлыхъ барашковъ.

— Молодцы! Урра! грянуло съ берега.

Плотовщики, побросавъ шести, снимали шапки, кланялись народу, потрясали полштофами, цѣловались между собою. Грянула плавная, бурлацкая пѣсня.

Какъ по Волгѣ-рѣкѣ, съ Нижня-Новгорода

Сорокъ два стружка, какъ стрѣла, летать...

Какъ на тѣхъ стружкахъ, на снаряженныхъ,

Молодыхъ гребцовъ сорокъ паръ сидятъ...

Съ берега подхватили... и надъ Хонромъ стройно, плавно раскатились заунывные переливы удадой, старинной дѣвн. И все слонно зацѣло вокругъ: и лѣсъ, и небо, и обрывистые берега...

Плоты уже были далеко и, наконецъ, совсемъ скрылись изъ виду за поворотомъ рѣки. Долго провожала ихъ глазами толпа, потомъ съ глухимъ говоромъ стала расходиться. Завизжала опять гармоника, посыпался смѣхъ, завязались шумные разговоры. Говорили, разумѣется, о плотахъ.

— Это Тришка Баклушинскій! Ловчакъ-парень... Не да-

ромъ 30 годовъ по Волгѣ съ караванами ходилъ. Ужь онъ проведетъ! слышалось въ толпѣ.

— И вѣдь удивительное, братецъ ты мой, дѣло! Ни разу онъ не проштрафился! Говорять, слово такое онъ знаетъ... Донской казакъ, слышь, его научилъ,.. говорили другіе.

Не слушая этихъ разнообразныхъ толковъ, глубоко задумавшись, шла Вѣра по Воровскому переулку. Только на минуту тамъ, на обрывѣ, ее охватило общее со всѣми чувство восторга и удивленія предъ отчаянной смѣлостью кучки людей, а теперь она снова шла одиноко, не смѣшиваясь съ этой чуждой для нея толпой и погрузившись въ свою страшную, завѣтную думу. Вдругъ до слуха ея явственно долетѣло, произнесенное кѣмъ-то, ея имя. Она вздрогнула, подняла голову и остановилась.

Передъ ней стояла цѣлая компанія веселыхъ, разряженныхъ, шелкающихъ смѣячки, бабъ и дѣвокъ. Среди нихъ выделялась особенно одна, одѣтая «по-городски», въ голубой наколкѣ, шумящемъ шелковомъ платьѣ, съ блестящими бусами на обнаженной шеѣ. Рядомъ съ ней, выпустивъ массивную цѣпочку по жилету и небрежно перебирая бѣлыя косточки дорогой «нѣмецкой» гармоникки, стоялъ волостной писарь.

Нѣсколько минутъ соперницы стояли молча, злобно глядя другъ на друга. Лукерья нахально улыбалась, высоко поднимая свой вздернутый носикъ; у Вѣры дрожали губы. Въ толпѣ сдержанно хихикали, съ нетерпѣньемъ ожидая скандала; волостной писарь нагло уставился Вѣрѣ въ лицо, посмѣиваясь и посвистывая...

— Видали, вы, дѣвушки, эту?.. звонко, на всю улицу, заговорила наконецъ Лукерья, указывая пальцемъ на Вѣру. — Вотъ она, безстыдница... Она съ чужими мужьями таскается... а ходостымъ, небось, и счету нѣтъ...

Всѣ захохотали, писарь ввернулъ непечатную остроу. Вѣра не могла вымолвить слова отъ бѣшенства: на нее было страшно взглянуть.

— Что молчишь, шлюха эдакая? Прикусила языкъ-то? продолжала Лукерья еще смѣльче и нахальнѣе. — Нѣтъ здѣсь дружка-то твоего? Некому видно заступиться-то? Подлая ты эдакая...

Лукерья вобрала въ себя воздуху и плюнула Вѣрѣ въ лицо. Толпа загикала, загоготала, засвистала; послышалась непечатная ругань... Вѣра бросилась къ Лукерьѣ...

Но вдругъ она остановилась, какъ вкопанная, схватившись за голову, закрывъ лицо руками. Потомъ подняла голову и обратилась къ Лукерѣ.

— Помни ты это... сдвоеннымъ, страшнымъ шепотомъ прохрипѣла она, уставившись на соперницу безумными, блуждающими глазами. — Помни! Кабы мнѣ не пришлось надъ тобой смѣяться... Будешь ты у меня въ ногахъ валяться, да руки мои цѣловать; будешь просить-молить, — да поздно...

И она пошла прочь. Видъ ея искажившагося лица былъ до того страшенъ, въ словахъ ея слышалась такая непримиримая ненависть, такая угроза, что веселая компанія на мигновение присмирѣла. Но Лукерья скоро опять звонко засмѣялась, за ней — другія, и вся эта пестрая гурьба, присвистывая, приплясывая, припѣвая, потянулась по селу, оглашая улицу веселымъ говоромъ.

Вѣра быстро шла къ дому. Она была блѣдна, какъ мертвецъ; ознобъ потрясалъ ея тѣло; зубы стучали. Она была близка къ обмороку...

— Змѣя, змѣя... шептали ея синія губы. — Отчего я не изуродовала ее тамъ на мѣстѣ? Погоди, — припомню я тебѣ эту обиду...

Подходя къ дому, она нѣсколько успокоилась. Грудь подымалась ровнѣе, только руки и ноги еще дрожали, какъ у пьяной.

Въ избѣ были гости — Сергѣй Васильевичъ и еще какой-то красивый, рослый брюнетъ, какъ оказалось потомъ — псаломщикъ изъ Крутояра. Они тоже только-что вернулись съ Хопра, и разговоръ шелъ о плотовщикахъ. Нина, въ бѣлой, расшитой кумачемъ рубашкѣ съ бѣлымъ-же фартукомъ, сидѣла напротивъ, сложивъ руки на колѣняхъ и серьезно поглядывая на всѣхъ своими грустными большими глазами. На столѣ, накрытомъ бѣлою скатертью, шумѣлъ самоваръ; Софья Петровна мыла стаканы, постоянно роняя на полъ то ложечку, то полотенце. Пономариха засѣдала тутъ-же, подпирая голову рукой и сочувственно качая головой. И гости, и хозяйка были замѣтно навеселѣ.

Вѣра бѣглымъ взглядомъ окинула всю эту компанію и, никому не кланаясь, быстро прошла за перегородку. Гости при ея входѣ неловко схватились было съ мѣстъ, но сейчасъ-же сконфуженно усѣлись опять. Нина почему-то вспыхнула.

— Да, замѣчательный народъ! началъ, минутой спустя, Сергѣй Васильевичъ, продолжая, очевидно, начатый разговоръ. — Смѣлость поразительная! Я просто удивляюсь этимъ людямъ. Вѣдь, можно сказать, что онѣкъ идетъ на обратную смерть; какое присутствие духа! Нужно, нужно: силу характера, чтобы смотрѣть прямо въ глаза опасности — и бороться съ нею...

— Ну, какой-же характеръ! Басомъ возражалъ пономарникъ. — Я такъ думаю, просто отчаянность надо имѣть, — больше ничего. Вотъ у насъ въ семинаріи былъ одинъ ученикъ... То-есть, никакого характера у него не было, и, можно сказать, совсѣмъ даже глупый паренъ былъ. Учился плохо, людей боялся, всѣ надъ нимъ глумились. И что-же? Была у него страсть въ бурю по Волгѣ ѣздить! Бывало, чуть вѣтеръ завылъ и по Волгѣ барашки пошли, — онъ сейчасъ лодочку маленькую и одинъ отправляется, Богъ его знаетъ куда... Какой-же тутъ характеръ? Человекъ тряпка-тряпкой былъ, а бури не боялся...

— Ну, да вѣдь еще-бы ему съ колокольни вздумалось прыгать! съострилъ Сергѣй Васильевичъ. — Дуракамъ законъ не писанъ... Я совсѣмъ о другихъ случаяхъ говорю...

— Вотъ у меня мужъ-покойникъ былъ! вмѣшалась пономариха. — Такъ вѣдь онъ какой смѣлый былъ! Одна у насъ свинья опоросилась... Злющая была, стерва, и почала поросятъ своихъ жрать. А приступить къ ней боялся! Прислонилась задомъ къ стѣнѣ и реветъ. Собрались мужики, и такъ и сажь, — бились, бились, — ничего не подѣлжютъ. А покойникъ и говорить: подожди, робя, я съ ней сдѣлаюсь. Схватилъ тулупъ овчинный, да какъ на нее кинется... такъ мы и ахнули! А онъ сидитъ на ней верхомъ, да и кричитъ: «небось, робя, хватай порося...»

Всѣ засмѣялись: драматическій рассказъ о пономарѣ, сражающемся со свиньей, вышелъ очень комиченъ. Даже Нина печально улыбнулась. Пономариха обидѣлась.

— Что вы смѣетесь? Ей-Богу не вру! Такъ вѣдь и укротили свинью...

Изъ-за перегородки вышла Вѣра и усталой походкой подошла къ столу. Она была все еще блѣдна и все пожималась, кутаясь въ бѣлый платокъ. Короткіе волосы ея крупными шелковистыми локонами сбѣгали на плечи.

— Ну-ка, налей мнѣ чайку, Нинка! обратилась она къ се-

стрѣ, садясь за столъ. — Озябла я... Что это вы тутъ о смѣлости говорили?

— Да вотъ, Сергѣй Васильевичъ... рассказывалъ, какъ шло... нѣсколько зашпиносъ, выговорила Нина.

Вѣра обернулась къ учителю и уставила на него свои огромные бездонные глаза. Учителю жутко стало отъ этого взгляда... онъ заерзалъ на мѣстѣ. Всѣмъ какъ-то стало неловко въ присутствіи Вѣры...

— Развѣ тутъ большая смѣлость нужна, чтобы плоты по Хопру провести? спросила Вѣра.

— Я думаю! отвѣчалъ Сергѣй Васильевичъ далеко не такъ развязно, какъ раньше.

— Какая-же это смѣлость? усмѣхнулась Вѣра. — Что вода-то шумить! Да пускай ее шумить! Коли умѣешь править — пройдешь, а не умѣешь — не ходи, — вотъ и все.

— Тутъ не одно умѣнье... возражалъ учитель. — Тутъ ловкости мало...

— Да ужъ и смѣлости много не надо! — На минутку захватить духъ, — а потомъ и нѣтъ ничего, и забыли... Вонъ они давеча прошли черезъ омутъ — и пѣсни заорали... Нѣтъ, вотъ ежели человѣкъ на такое дѣло идетъ, которое ему на вѣкъ останется, — вотъ это смѣлость.

— Да какое-же, напримѣръ, такое дѣло? съ недоумѣньемъ спросилъ учитель.

— Мало-ли! загадочно выговорила Вѣра и задѣвъ, словно про себя, прибавила: — вотъ ежели человѣка пойти убить...

— Ну, ужъ это... не сразу цапелся учитель... — это я не знаю... И притомъ, когда человѣкъ убійство совершаетъ, — онъ себя не помнитъ. Иначе какъ-же? Вонъ на войнѣ убиваютъ...

— Это вѣрно! подтвердилъ псаломщикъ авторитетно. — Въ это время человѣкъ все одно, что пьяный! Мнѣ одинъ солдатъ рассказывалъ, который на войнѣ былъ. Лѣзешь, говорить, впередъ, — и тутъ хоть отецъ родной попадись, — все одно! Ничего совершенно не соображаешь. Потому — въ одуреніи; слово-бы безъ памяти...

Вѣра и на псаломщика поглядѣла страннымъ взглядомъ.

— Война — дѣло другое, начала она. — Нѣтъ, а вотъ ежели человѣкъ постоянно думаетъ про это, постоянно... Да! И въ полной памяти... Ходить и думать: «пойду убью, пойду

убью...» Потомъ пойдетъ и убьетъ! И нежь приготовить, и обдумать все... А потомъ... «вѣ, ухнемъ...»

— Ну ужь... это зѣрство, а не смѣлость! возмущенъ Сергѣй Васильевичъ.

Вѣра тихо засмѣялась, — Нина, ася блѣдная, неподобная глядѣла на нее.

— И что она все про это говорить?... Ужь не задумала-ли чего? Господи, что это... Андрияша тамъ съума скодить, а эта здѣсь...» беспорядочно толкнулось въ ее головѣ.

Вѣра, между тѣмъ, дошла чай и опять ушла за перегородку. Всѣмъ снова вдохнулось свободнѣе.

Софья Петровна, въ присутствіи дочери окдѣывая какъ убитая, снова приналась за мѣтѣе чашекъ; последними шутиль съ пономарихой, прося ее разсказать еще что-либо про «свинью», Сергѣй Васильевичъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ Нинѣ.

— Ужасно страшная наша сестра! тихо сказалъ онъ, подсаживаясь къ ней.

— Да? машинально спросила Нина, а сердце у нея ниле и замирало отъ болѣзненного предчувствія какой-то страшной бѣды.

— Ну, а вы отчего такая печальная? продолжалъ учитель, близко наклонясь къ ней. — Вы точно сердитесь на кого-то. На меня, что-ли?

Отъ ждалъ отвѣта, тѣшело дыша и не сводя съ нея взгляда. Эта печальная дѣвушка, отъ которой вѣдало таковъ чистотой и невинностью, страшно волновала его. И такая она была сегодня хорошенькая въ этомъ бѣломъ передничкѣ и расшитой сорочкѣ! Сергѣй Васильевичъ глядѣлъ на ея толстую косу, золотистой змѣей скользавшую по спинѣ, на ея тихо вздымавшуюся, подъ полотномъ, грудь, на нѣжную пушистую щеку, по которой слабо игралъ блѣдный румянецъ, и думалъ: «Моя... моя...»

XXV.

F a t u m .

Вѣра долго не спалась въ эту ночь. Она часто вскрикивала во снѣ, металась, вскакивала и садилась, дико возмущаясь въ окружающую ее тьму. Дурсыра отъ нея не отходила.

Чуть Вѣра забудется и мысли начнутъ, путаться, — Лукерья тутъ какъ тутъ. Стоитъ, улыбается, пунцовая, пухлые губы шевелятся, голубые глаза смотрять дерзко и вызывающе. «Уйди, подлая!» хрипитъ Вѣра во снѣ и бросается въ обратительному призрѣму съ кулаками, въ принадлежкѣ бывшей злобы... Но Лукерья со смѣхомъ исчезаетъ, а Вѣра просыпается, вся облитая холоднымъ потомъ, съ часто и громко бьющимся сердцемъ. Она снова садится на кровать и съ ужасомъ оглядывается кругомъ. Тихинна и мракъ... Смертная тоска окхватываетъ Вѣру. — «Ахъ, стоюль она. Скорѣй-бы ужъ утро...» Она переворачивала горничную подушку и прищипала къ холодной сторонѣ щекою. На минуту ей дѣлалось легче, — глаза начинали слипаться. Какіе-то неясные образы безпорядочно плещутся мимо нея. Что-то шумить и блещеть... Это Хомеръ. Какіе-то кусты качаются кругомъ. Трава зеленая, высокая, — и въ ней одуванчики разсыпаны. Много, много! Вѣра все ихъ рветъ; все рветъ, вѣдуя кучу нарвала, а сама все дальше въ кусты идетъ. И вдругъ подъ кустами кто-то зашевелился... Вѣрѣ странно стало... Кто-бы это могъ быть? Она и хочетъ влезать туда, и боится. И чувствуетъ она, что у нея отъ самаго затылка до пятокъ — морозъ... Наконецъ она не вытерпѣла — взглянула... Изъ кустовъ показались голова... потомъ руки, — голыя, по-локоть въ края. На нее глянуло страшное, блѣдное лицо съ мертвыми глазами. — Тихина!.. «Гляди, — убить...» говорить она и страшно улыбается, протягивая къ ней свои окровавленные руки...

— Ай! задыхаясь, крикнула Вѣра — и очнулась.

— Вѣрка, Вѣрка, что ты? испуганно спрашивала ее разбуженная Нина.

Вѣра смолкла и притаилась. Нина позвала еще раза два, потомъ легла. Черезъ минуту послышалось ея ровное дыханіе. «Спать!»

Вѣра сѣла на постели, положивъ голову на руки. «Нѣтъ, не усну больше! Неужели всегда такъ бываетъ передъ этимъ?» Она вспомнила Тимошку. Спать-ли онъ теперь? — Вчера она видѣла его и опять приставала къ нему: «когда-же?». Онъ ничего не отвѣтилъ и скоро ушелъ, даже не поцѣловалъ ее на прощанье. «Боятся!» презрительно подумала Вѣра, и глупая ревность поднялась въ ея груди. Красивое, кохальное лицо

Лузерья снова мелькнуло у нея въ глазахъ. «Нѣтъ,—на все пойду, а изведу тебя... Тимошка не убьетъ,—я убью».

— Куда ты, Нинка? спросила Вѣра, уже послѣ обѣда, сестру, которая накидывала на голову платокъ. До этого времени она была молчалива и угрюма.

— Пойду куда-нибудь, отвѣчала Нина, у которой на сердцѣ тоже что-то шло.

— Не ходи, посиди со мной. Скучно что-то... проговорила Вѣра.

Нина осталась. Но Вѣра молчала, все пожимаясь и вздрагивая. Изрѣдка она безпокойно озиралась по сторонамъ и машинально хваталась за грудь, что-то ощупывая.

— Что это ты? спросила ее Нина.

— Холодно что-то на сердцѣ у меня, жаловалась Вѣра.

«Не пойду сегодня на Хоперь... думала она. Не хочется мнѣ нынче его видѣть.—Да вѣдь ждать будетъ... Всѣ глаза проглядитъ!»

У Вѣры навернулись на глаза слезы,—ей вдругъ до боли сталъ дорогъ и жалокъ Тимоха. «Господи, на что я его веду? Голубчикъ мой... радость ты моя, Тимоша... Лучше сама на себя все приму... иди къ Хоперю идишь. Такая ужъ видно доля моя горькая... А Лушка-то? То-то радоваться будетъ!.. Нѣтъ, не жить намъ съ ней вмѣстѣ на бѣломъ свѣтѣ. Либо я, либо она...»

Вѣра пошла къ постели. «Нѣтъ не пойду... Да вѣдь ждать станеть? Скажу—больна была... Нѣтъ, нельзя... Господи, хоть бы подольше вечеръ не приходилъ...»

Она легла на постель и закрыла глаза. «Лягу вотъ — и проспю... Можетъ, завтра...» Но ей не спалось. Ее все одолевала лихорадка, ознобъ потрясалъ тѣло. Она укрывалась шубой,—не помогаетъ. Она безпрестанно открывала глаза и съ безпокойствомъ глядѣла,—ушла-ли солнечная полоса съ противоположной стѣны или нѣтъ. «Можетъ, еще до вечера долго...» И она радостно глядела на полосу. Но чуть закроетъ глаза—чудится ей, что полоса ушла,—и она снова открывала глаза и смотрѣла. Пробовала къ стѣнѣ отвергиваться,—такъ и тянетъ поглядѣть назадъ. «Господи, что-же это за тоска... Хоть бы заснуть — и проспать весь вечеръ...» При мысли о вечерѣ ее просто ужасъ бралъ. Ей, наконецъ, захотѣлось, чтобы

онъ совсѣмъ не приходилъ. — Что будетъ этимъ вечеромъ съ нею... съ Тимохой? Вѣдь Тимоха на дняхъ сказала: «въ четвергъ убью...» — Волненіе ея все росло и росло съ каждой минутой; съ каждымъ часомъ.

За перегородкой Софья Петровна что-то рассказывала не-номарихѣ. Вѣра стала прислушиваться. Ей вдругъ стало ужа-сно жаль мать и Нину; небывалая нѣжность проникла въ ея сердце. — «Господи, они и не чувствуютъ! Что съ ними бу-детъ? Каково это будетъ для нихъ?»

Наконецъ, Вѣра нѣсколько забылась. Дыханіе ея стало ровнѣе; сердце билось мѣрно въ груди. Тревожныя видѣнія оставили ее,—она крѣпко заснула...

...И вдругъ ее точно кто-то толкнулъ: «вставай!» — Вѣра быстро вскочила и сѣла на постели, протирая заспанные глаза и съ пресонью ничего не понимая. «Господи, никакъ я про-спала?» думала она, сама еще хрошешко не сознавая,—за-чѣмъ ей нужно было непременно въ эту время проснуться.

Свѣтлая полоса давно ушла со стѣны; Нина зажегала свѣчку и собирала ужинать. Вѣра протерла глаза—и вдругъ вспомнила, зачѣмъ ей нужно было проснуться...

Она быстро поднялась на ноги и стала ужасно торопиться. Колѣна у нея дрожали, клятвѣ валилось изъ рукъ, — но все это она дѣлала безсознательно; словно помимо своей воли. Сердце ея ровно ничего не чувствовало,—точно одеревенѣло; въ головѣ ни одной мысли.

— Что-же ты ужинать-то? крикнула ей Нина, увидѣвъ, что она берется за ручку двери.

Вѣра остановилась и изумленно посмотрѣла на сестру.

— Ахъ, да! повяла она наконецъ. — Нѣтъ, я не стану... голова болитъ.

И она вышла на улицу. Розовый сумракъ окутывалъ село; издали доносились пѣсни. Вѣра, точно увлекаемая какою-то таинственной силой, шла впередъ; походя ногами въ грязь, не разбирая дороги. Вотъ и ярменскія избы огня нѣту... Но у плетня кто-то зашуршалъ,—и темная фигура вырисовалась на розовомъ фонѣ весеннихъ сумерекъ.

— Тимошка! слабо вскрикнула Вѣра и бросилась къ плетню.

Въ это самое время Лукерья, въ сообществѣ своей товарки, старинники-Потаньины, подъ хмѣльнымъ возвращалась

отъ писаря. Онѣ шли обнявшись, прилисывая и нескладно за-
тягивая пѣсни. Но пѣсня никакъ у нихъ не ладилась: онѣ
то одну начинали, то другую,—обрывали на полусловѣ и, оста-
новившись, принимались цѣловаться и безсвязно увѣрять другъ
другу въ любви. Потомъ опять, пошатываясь, пускались въ
путь и снова затягивали пѣсню.

Дуля бѣла, румяна,
За что любишь Ивана...

— Нѣтъ, стой, Панкратѣвна... Погоди! Смерть я тебя
люблю. А что другіе-прочіе,— это мнѣ наплевать. Говорять
я съ писаремъ гуляю... ну что-жь, ну и пуцай гуляю. У
меня, у самой мужъ распутный... Такъ или нѣтъ, Панкратѣ-
евна? слышался пьяный лепетъ.

— Это вѣрно, это что и говорить, визгливо подтверждала
Панкратѣвна.

Слышался звукъ мокрыхъ поцѣлуевъ и всхлипыванье.

— Ты сама посуди,—могу-ли я утерпѣть таперяча? Вѣдь
во мнѣ тоже сердце, а не камень. Оно у меня кровью все
изопшло.. Правильно я говорю,—а?

Я за те люблю Ивана,
Голова его кудрява...

На углу Воровскаго переулка подруги остановились и ста-
ли прощаться.

— Эхъ, загуляли мы съ тобой, Панкратѣвна! говорила
коснѣющимъ языкомъ Лукерья. — Страсть загуляли... И ей
Богу! А намъ надлевать! Вотъ еще! Приходи ко мнѣ завтра..

— Безпремѣнно приду, визгливо отзывалась старшиниха.—
Навѣщая и ты... Прощай! Да смотри, съ пьяныхъ глазъ-то
въ Хоперь не влопайся... шутила она.

— Толкуй! совсѣмъ пьянымъ голосомъ крикнула Лукерья.—
Ты за собой-то... гляди... а я дорогу знаю. Я не бо-звать
пьяна-то... А ты приходи...

Раздался поцѣлуй, — еще и еще... Пріятельницы расста-
лись.

Воровской переулокъ уже спалъ: огни давно погасли. Эта
мертвая тишина и сумракъ совсѣмъ ошеломили Лукерью
послѣ шума веселой компаніи и визгливой бесѣды съ старши-
нихой. Она шла, безпрестанно спотыкаясь и бормоча безсвяз-
ныя рѣчи. Буйный хмѣль шумѣлъ въ ея головѣ, бросая ее

изъ стороны въ сторону; она безпрестанно скользила по липкой грязи и раза два упала.

— А пьяна я... шибко пьяна... лепетала она. — Эдакая наливка, чтобъ ей... Страсть весело было у писаря!.. Чудесный мужчина... Не сравнять съ моимъ-то косолопымъ... И не слабы домой! Поди, сидить теперь, какъ сычъ... А мнѣ плевать... Я загуляла...

Ахъ-ти, — годова въ дегти...

— Подыме эдакіе... Жизнь мою загубили... Ежеди теперича сказать, — загуляла я... И что-жь? Наплевать, — больше никакихъ... Меня никто не осудить... Подыме! А что писарь у меня... ей Богу не осудятъ... Я не двѣка... А Тимошкѣ я плевать хотѣла...

Вотъ и дома! — Лукерья осторожно ошупала приступку и, держась за перила, занесла ногу на крыльцо. И въ эту самую минуту какая-то тѣнь шибко пробѣжала мимо крыльца, и среди невозмутимой тишины cereулка явственно послышался слабый женскій возгласъ.

Лукерья такъ и осталась на приступкѣ... — «А вѣдь это безпремѣнно *она*... Сейчас умереть... пронеслось въ ея головѣ. Ахъ, вы безстыжіе эдакіе... Ужь я пойду... пойду... я васъ, голубчиковъ, подкараулю. Ужь подкараулю...»

Въ головѣ Лукерьи даже прѣсвѣтлѣло. Она медленно спустила ногу съ крыльца и, пошатываясь, побрела по тому направленію, куда исчезла таинственная тѣнь. Она вся пылала отъ нетерпѣнія скорѣе «застать», «осрамить...» Вотъ она уже около плетня, тянувагося вокругъ пустынныхъ огородовъ, на которыхъ еще кое-гдѣ бѣлѣли полосы нерастаявшаго снѣга. Строенія потонули въ стущавшейся тѣмѣ; изъ-подъ обрыва доносился глухой шумъ и плескъ полой воды.

Лукерья вздрогнула и остановилась, — ей почудился шепотъ и поцѣлуи. Она прислушалась — и смѣло, охваченная злымъ торжествомъ, пошла на шепотъ.

А Тимофей и Вѣра, не предчувствуя бѣды, стояли опьяненные, жарко обнимая другъ друга. Они такъ измучились за весь этотъ страшный день, такъ наболѣло у нихъ сердце, что они, забывъ обо всемъ, вполнѣ отдались нахлынувшему на нихъ чувству. Они словно вновь полюбили другъ друга... Только разъ Тимофей вымолвилъ: «Вѣра, голубка моя... Руки

не поднимаются на это дѣло...» Но Вѣра прошептала «не нужно...» и заглушила слова его поцѣлуетъ. Все было забыто.

И вдругъ эта ненавистная женщина, о которой они старались забыть, явилась передъ ними. Они точно громомъ были поражены. Вѣра порывисто рванулась изъ объятій Тимохи; онъ замеръ; въ глазахъ его, неподвижно устремленныхъ на страшное видѣнье, свѣтился ужасъ.

— А, голубчики, испугались! торжествуя закричала Лукерья во весь голосъ.— Вотъ когда я васъ накрыла... Подъме вы эдакіе... Вотъ созову сейчасъ народъ,—пушай посмотреть!.. Да въ дубѣ васъ, океанныхъ... Кара...

Крикъ ея оборвался и замеръ въ тиши спящихъ огородовъ и переулка. Тимофей рванулся съ мѣста... Двѣ сильныя, холодныя, какъ ледъ, руки обвились вокругъ шеи Лукерьи. Она на минуту потеряла сознанье...

— Молчи, покуда... хрипѣлъ Тимофей. — Удавию на мѣстѣ...

Онъ уже совсѣмъ не помнилъ себя отъ злости, которая теперь вся разомъ поднялась въ его душѣ и заглушила въ немъ всякія человѣческія чувства.

Между тѣмъ Лукерья опомнилась и, забравъ въ себя воздуху, опять крикнула. Тяжелый ударъ кулака снова повалилъ ее на землю. Весь хмѣль вылетѣлъ изъ головы несчастной женщины; она вполне цѣпала свое положеніе среди этой туманной ноши, въ глухомъ мѣстѣ, съ глазу на глазъ съ своими врагами. Въ смертельной тоскѣ сплилась она подняться, хватывала Тимофея за руки, кусалась, визжала, — но каждый разъ снова падала на землю подъ ударами озвѣрѣвшаго мужа.

Растерявшаяся Вѣра кинулась бѣжать къ Тимофею.

— Пусти... не надо... будетъ... прошептала она, хватая его за полусубокъ.

— Уйди! прохрипѣлъ Тимофей, грубо оттолкнувъ Вѣру кулакомъ.

Тѣмъ временемъ Лукерья собрала съ духомъ и, выскользнувъ изъ рукъ Тимофея, бросилась въ сторону.

— Батюшки—помогите!.. удалецъ ей крикнуть.

Но крикъ этотъ жалобно пронесся въ спящемъ воздухѣ—и оборвался, замеревъ въ перехваченномъ горлѣ. Тимофей снова схватилъ ее за шею... Произошла короткая борьба. Слышалось хрипѣнье, стоны, скрипъ зубовъ... Потомъ все смолкло. Все

поплыло, все закружилось вокруг Лукерьи — и исчезло из ее глаз навсегда. Она вся содрогнулась, — вскрикнула, — и, выскользнув из рук Тимофея, тяжело повалилась на землю.

Тимофей неподвижно стоял над трупом. Может, еще жива... Вот вдрогнет! вот вскрикнет опять! НБЪ! Тимофей потрогал ее ногой, — Лукерья не шевелилась. Его вдруг пробрала дрожь...

— Иди же ты... Чего стала? грубо, со злоестью, проинтервал онъ, отглядываясь на Вѣру.

Вѣра, бывше полотно, съ синими губами, подошла къ Тимофею.

— Въ Хоперь ее... Бери за нори! Ну! скорѣй! шептала Тимофей.

Вѣра машинально, словно во снѣ, нагнулась и оцупала ноги покойницы. Невыносимое ощущение ужаса и отвращенія пронизало ее съ ногъ до головы. Она судорожно отдернула руку, — ее была лихорадка.

— Какого же ты чорта... прошипѣлъ Тимофей. — Бери что-ли!

Онъ замахнулся и ударилъ Вѣру. Вѣра простонала и покорно нагнулась къ трупу. Уцѣпившись руками за ноги, скользя по грязнымъ ботинкамъ, она съ трудомъ приподняла трупъ. Тимофей ей помогаль, тяжело дыша и стуча зубами. Вѣрѣ почудилось, что рука ея попала во что-то теплее, лижее... «это крови!» пронеслось у нея въ головѣ и она чуть было не выронила трупа. Но Тимофей снова толкнулъ ее вперед, — и оба, молча, понесли Лукерью подъ кручу.

Вшау ихъ обдало сыростью и ванахомъ воды. Вода глухо бурлила; подъ жбсомъ кто-то простоналъ. У Вѣры спиралось въ груди; дыханіе со свистомъ вылетало изъ ея сдвоеннаго горла. Дрожь смѣнилась невыносимымъ жаромъ; она чуть не падала. Нѣсколько разъ ей хотѣлось бросить все это, — бѣжать куда глаза глядятъ, забыть... Трупъ тянулъ ее книзу; руки горѣли отъ усталости.

— Стой...

Неужто кто-то идетъ? На обрывѣ будто показалась какаето-фигура; слышались шаги. Они остановились и замерли...

НБЪ! Это вѣтеръ прошумѣлъ. Они двинулись снова; Вѣра терзала сознание...

Вотъ они наконецъ подъ кручей. Надъ ними — туманное

небо, кое-гдѣ мигающее звѣздочками; подъ ними червѣй Хо-
перь. Больше идти некуда, — Вѣра и такъ по колѣно въ водѣ.
— Раскачивай...

Вѣра сдѣлала послѣднее, страшное усиліе, — искры посы-
пались у нея изъ глазъ. Тѣло съ мотающейся головой и
свѣспими руками грузно бухнулось въ воду... На минуту
мелькнула растрепанная коса, блѣдное лицо съ выкативши-
мися глазами — и затѣмъ все исчезло. Вода разступилась, гро-
мадные круги побѣжали по рѣкѣ, — и долго встревоженные
волны плѣскали въ берега.

Вѣра пошатнулась и чуть было сама не упала въ воду.
Золотистые одуванчики обступили ее со всѣхъ сторонъ; мяг-
кая, зеленая трава шумѣла вокругъ; пахло медомъ и липо-
вымъ цвѣтомъ... Она была въ обморокъ.

Когда Вѣра пришла въ себя, — кругомъ царилъ все та-же
туманная ночь и мертвая тишина. Надъ нею стоялъ Тимофей.
Страшная слабость сковала все ея тѣло; руки и ноги вяли;
хотѣлось отдохнуть.

— Вставай-же, — чего ты растанулась, словно сквозь сонъ
слышался ей голосъ Тимофея. — Давай руку — я тебя подыму...

Холодные, влажные руки дотронулись до ея плеча. Вѣра
вся вздрогнула, оттолкнула Тимофея и поднялась съ земли.

— Пойдемъ... Ежели спрашивать придуть, — говори: ни-
чего не знаю...

Вѣра не отвѣчала. Замолчалъ и онъ. Оба шли, молча, не
глядя другъ на друга. У каждаго было на умѣ, — скорѣй, какъ
можно скорѣй разстаться.

Дойдя до Ярыгинской избы, они такъ-же молча разошлись.
Тимофей, крадучись, перелѣзъ черезъ плетень и скрылся на
огородѣ, а Вѣра одна пошла домой.

Ею внезапно овладѣло какое-то полное равнодушіе ко
всему. Она шла не торопясь, еле подвигая ноги. Одно ее без-
покойно и раздражало: грязныя, выше колѣна мокрая юбка,
которыя облипали колѣна, путались между ногъ, неприятно
шуршали. Вода хлюпала и въ башмакахъ.

— Уснуть-бы, уснуть поскорѣе... вертѣлось въ головѣ.

Дойдя до своего дома она на минуту остановилась и въ
полузабытій прислонилась къ притолкѣ. Ее одолевалъ сонъ.
Но она боролась съ нимъ, больше по инстинкту, чувствуя,
что надо идти и лечь въ постель. «Ахъ, какъ хорошо-бы при-

лечь скорѣй. Мягкія, сухія подушки; теплое одѣяло... Вѣра сдѣлала нечеловѣческое усиліе—и съ трудомъ открыла свои спяющіеся глаза. «Ахъ, эта дверь»... Она пошевелила рукой—и вдругъ съ мгновенной дрожью поднесла ее къ глазамъ. Пальцы ея плохо двигались, словно связанные; кожа сморщилась и горѣла. Что это?—Всѣ руки ея были въ грязь, которая засохла и стянула кожу. «Боже мой, какъ это я была вымыта?» пробормотала Вѣра вслухъ и еще разъ поглядѣла на свои, обглѣпленные жесткой грязью, руки. Противный запахъ сала и сапожной кожи ударилъ ей въ носъ.

„Господи, вѣдь это башмаками пахнетъ... Вѣдь я все за ноги“...

Она съ силой отворила дверь и, спотыкаясь въ потьмахъ, побѣжала по сѣнямъ въ тотъ уголокъ, гдѣ стояла кадка съ водой. Наскоро отодвинувъ мокрый кружокъ, покрывавшій кядку, она, торопясь, принялась мыть руки, плеская на полъ и безпрестанно нюхая съ отвращеніемъ свои пальцы.—Щескъ воды и этотъ запахъ напомнили ей все... передъ нею мелькнула мотающаяся голова и тусклый взглядъ мертвыхъ глазъ...

— Кто тамъ? крикнула Нина, разбуженная вознею въ сѣняхъ и приотворяя дверь изъ избы.

— Это я, я, Нинка... прошептала Вѣра, замирая.—Упала въ грязь... всѣ руки вымазала. Ты потише...

Нина, зѣвая и потягиваясь, ушла въ избу. Вѣра послѣдовала за нею и, дойдя до своей постели, почти безъ чувствъ повалилась на нее.

XXVI.

Пучина.

На другой день Вѣра проснулась, очень поздно, съ тяжелой головой, со спутанными мыслями. Она долго лежала въ постели, закрывъ глаза и ничего не думая. Какіе-то неопредѣленные образы плыли предъ нею, причудливо переплетаясь съ дѣйствительностью, окружавшею ее. До нея смутно доносились возгласы дѣтей, голосъ Нины.

«Господи, какъ я долго спала! очнулась наконецъ Вѣра и открыла глаза.—Какіе страшные сны»... Она силилась припомнить и сообразить, что такое грезилось и безцоконно ее во снѣ? Что было вчера вечеромъ? Кажется, она какъ легла

послѣ обѣда, такъ и проспала до сихъ поръ. Ужасно крѣпко спала... Однако, какой-же это сонъ былъ? Вѣрѣ ужасно хотѣлось его вспомнить. Она помнитъ только, что ужасно гадко ей было. И такъ живо чувствовалось, — словно на яву.

Вѣра глядѣла тупо въ потолокъ, и мало по малу изъ памяти ея стали выплывать одна за другою разныя подробности. — Ночь... Хоперь... Вода плещеть... Она и Тимофей шли вдвоемъ и что-то несли, — тяжелое, холодное...

Вѣрой вдругъ овладѣлъ ужасъ. «Господи, неужели?»... Да вѣдь, это во снѣ она видѣла. Это сонъ... только сонъ... Вотъ только платье это... мокрое...

Она порывисто повернулась на другой бокъ и дрожащими руками ощупала свое, валявшееся въ ногахъ, платье... Платье было сырое; еще влажные комья земли кое-гдѣ налипли на немъ. Вѣра вся прохолодѣла и опустилась назадъ на подушки.

Да, это не сонъ! Это все вчера было... Они танцили ее. Сначала убиваи, — потомъ потащили и бросили въ воду. — Господи! Да вѣдь теперь ужъ всё про это узнали... Можетъ, и Тимофей теперь ужъ въ волостномъ сидитъ. Надо вставать, скорѣй какъ можно. Можетъ она не утонула...

Вѣра встала на постели и, сѣвша, стала одѣваться. Руки ея дрожали, плохо слушаясь; платье валялось на полъ. Надѣвая чулки, она замѣтила на своемъ плечѣ огромный синякъ. — Это онъ вчера ударилъ... Господи, и платье мокрое. Вѣдь сейчасъ узнають...

Вѣра дико оглядѣлась по сторонамъ, — въ избѣ никого не было. Осторожно, какъ кошка, холодѣя при каждомъ шорохѣ, она поспѣшно засунула платье подъ кровать. Потомъ, также озираясь, сдернула съ гвоздя другое, оборвавъ вѣшалку, и начала натягивать на себя. Она дѣйствовала почти безсознательно, проникнутая однимъ чувствомъ, что нужно только спѣшить...

Наскоро одѣвшись, она встала и прошлась по избѣ. Взглянула въ окно, — все тихо и безлюдно. День былъ пасмурный; моросиль мелкій дождь. Она перевела духъ и опустилась на лавку.

Между тѣмъ, у Ярыгиныхъ шла страшная суматоха. Молодуха, ушедши вчера въ гости, не пришла ночевать и не возвратилась до сихъ поръ. Сначала думали, что она заночевала у кого-либо изъ подругъ своихъ, но когда, уже около полудня,

къ нимъ пришла Панкратьевна и сообщила, что Лукерья вчера вмѣстѣ съ нею вышла отъ писаря и, прощаясь, звала ее къ себѣ нынче въ гости—домашніе обезпокоились не на шутку. Послали къ сосѣдямъ, ко всемъ ей знакомымъ—узнать, не почевала-ли у нихъ Лукерья,—ездѣ отвѣчали отрицательно. Тогда въ домѣ поднялся переполохъ. Дочери толки, предположенія; вслѣдъ стараясь по-своему объяснить это таинственное исчезновеніе, всякому хотѣлось себя успокоить,—а Лукерья все-таки не было.

— Родимые мои! кричала Панкратьевна:—Да видѣ я сама ее провожала, сама съ ней вмѣстѣ шла, разговаривала. Дочери мы до угла,—попрощались... «Заходи, говорю, завтра ко мнѣ»... Писни, голубушка моя, ишла во весь ягачокъ.—И еще и пошутыва съ нею эдакъ: гляди, молъ, двушка, въ шоловодѣ не влокайся... И она-то мнѣ эдакъ-же смѣшненько: «лицы, молъ, ты-то»...—Кимъ-то была, сердечная, даже каждаина...

— Ужь она и впрямь не забрела-ли? сказать что-то.—Время темное,—вода полая, долго-ли до грѣха?—Свалилась подъ гору—и поминай, какъ звали...

Изба Ярыгина напеленалась народомъ. Всѣ входили, выходили, ахали, сокрушались. Иванъ Никитичъ слушалъ эти толки молча, насупившись, и вдругъ страшная мысль молніей блеснула у него въ головѣ. Онъ весь перебѣжился въ лицѣ и молча вышелъ изъ избы на Тимохину половину.

Тимофей только что откуда-то вернулся и медленно разстегивалъ полушубокъ. При входѣ отца, онъ бросилъ на него тупой взглядъ и снова принялся за свое дѣло. Иванъ Никитичъ подошелъ къ нему.

— Гдѣ жена,—говори! быстро сказалъ онъ.

— А я почему знаю! угрюмо огрызнулся сынъ и, помочавъ немного, добавилъ:—шлялась-бы больше по писарямъ-то, сволочь эдакая...

Отецъ пристально и подозрительно поглядывалъ на Тимофея. Но ровно ничего нельзя было прочесть на этомъ угрюмомъ, апатичномъ лицѣ. У Ивана Никитича точно камень съ души свалился, и онъ вышелъ изъ избы.

Къ вечеру все село узнало о странномъ происшествіи.

— Вотъ чудеса-то, матушка ты моя! говорила пономариха, влетая въ избу и обращаясь къ Софѣ Петровнѣ.—Диво-диво!

нее, дуло, чужое! Ярыгинская молодка невѣсть куда дѣлась.

И пропала, и пропала, — а авадія жѣту...

Дело было въ туманѣ, и никто не замѣтилъ, какъ Вара при этомъ извѣстїи вся помертвѣла. Нины въ это время не было въ избѣ.

— Господи дивуду! Что же это за оказія? воскликнула Софья Петровна.

— Вотъ и, поди ты! Пьяная изъ достоей шла, да незна- чай, видно, въ полорожье и попала. Охъ, ужъ эта молодежь нынѣшняя! Достояла до этой водки крошчатой, — готова обмонать- ся. И какъ ужъ это дѣла не боится.

Пономариха, рассказывая это, совсѣмъ забыла, какъ въ позавчерашнее полу она начинала на свадьбу по тому, что ее отливала водой и обмывали коровьимъ навозомъ. Она увлеклась и съ жаромъ принялась громить развращеніе нынѣшней молодежи.

Вара не выдержала и вышла, изъ избы на дождь и сырость. Она вся горѣла.

Она переживала страшныя минуты. Въ ушахъ ея слышались какіе-то таинственные голоса; при каждомъ стукѣ, шорохѣ, звукѣ голоса, она вся вздрагивала и дико озиралась вокругъ. — «За мной»... Каждое лицо казалось ей подозрительнымъ; въ каждомъ взглядѣ чудилось ей недоверіе и намекъ. «Знають!» думала она, и холодныя поты крупными каплями выступали по ея тѣлу. Она боялась взглянуть кому-либо прямо въ глаза. Невольно ея обхватывала смертельная тоска. — «Господи! Слава-ба, чужие!» — слышала она въ воображеніи. И страшное лицо съ стеклянными глазами и кровавой пѣной у рта всакала въ ея воображеніи, похваляла улыбаясь ей стриптизомъ, мертвою улыбкой. Бывали минуты, когда она, въ правдѣ, умаломъ ратая, потота была, принудитъ похотѣе, слеза...

— Ушла! Выходи меня! Но скоро она приходила въ себя и опять заходила помыслить орудничала.

— Хоть бы, рассказать кому-нибудь — все бы веселее было. Нины какъ бы поспорби могла — пошла она своимъ распорядкомъ, сухими губами.

Но Нины не думалось вѣдате захватитъ не пришла! Она гостила у Настасьи Филипповны, которая что-то прихворнула, и еще ничего не знала о пронажѣ Ярыгинской невѣстки.

Къ утру слѣдующаго дня совсѣмъ было разведрилось и

даже стало сильно припекать, но къ полдню небо снова нахмурилось; съ запада надвинулись тучи, и въ стихшеи воздухъ отчетливо прощелся первый весенній громъ. Алмазовди набожно крестилась, радуясь ранней грозѣ. — «Къ урожаю! Пошли Господи!» шептали они, слѣдя за медленно и грозно подвигающейся тучей. Мало по-малу туча эта все росла, высылая вперед синевагы, съ узорчатыми краями, облачка, — и наконецъ облегла почти все небо. Солнце померкло, воздухъ стихъ, наступило зловѣщее безмолвіе. Искры только, среди мрака, извивались шаловливыя огнейныя змѣйки, да тамъ гдѣ-то, въ мрачной пучинѣ потемнѣвшаго неба, гудѣли глухіе раскаты грома.

Нинѣ что-то боснувалось сидѣть у Настасьи Филипповны. Тихая тоска осела ей сердце, — она захотѣла домой.

— Посиди, Антонинушка! просила ее Настасья Филипповна. — Гляди, гроза собирается... Куда спѣшить-то? Ты и то нѣне словно красно-солнышко: выглянешь, да и опять за тучку. Посиди!

Нина, скрѣпя сердце, осталась. Но ее такъ и подмывало домой. Она вертѣлась на мѣстѣ, вскакивала, опять садилась. Наконецъ не вытерпѣла.

— Нѣтъ, я пойду! вскочила она и почти съ мольбой въ голосъ прибавила. — Вы ужъ отпустите меня, Настасья Филипповна.

— Ну, сиди ужъ, Богъ съ тобой! се задрожавъ, сказала черничка. — Что дѣлать, — видно, случилось тебѣ съ душой, старухой. Иди съ Богомъ, голубушка.

Нина, пошуришь голосу, пошла. Въ дверяхъ еще разъ обернулась, поглядѣла и вышла.

Свѣжій воздухъ, послѣ духоты и одуряющаго запаха чина, подѣйствовалъ на нее возбуждающимъ образомъ. Ей стало немного легче, и она скоро пошла по улицѣ. Задрнула легкій вихрь, неслеста по крышамъ, покачивая еще голыя березки у стѣнъ избъ. Тучи съ легкимъ шумомъ пошла надъ самымъ селомъ. Вотъ сверкнулъ синій огонь, — подулъ вѣтеръ. Нина не успѣла завернуть за церковь, какъ страшный ударъ грома потрясъ ея сердце, и надъ собой разразился дѣльный ливень дружнаго, частаго дожда.

Нина подобрала платье и побѣжала вдоль села. Молодныя

косыя струи такъ и хлестали ее; молнія ея ослѣпляла, громъ непрерывно гремѣлъ надъ головою.

— Антонина! Никандровна, Антонина Никандровна! слышалась съесть гдѣ-то близко отъ нея, сквозь шумъ грозы.

Нина приостановилась и обернулась въ сторону зовущаго, стараясь хоть что либо разглядѣть сквозь частую сѣть дождя.

— Куда вы? продолжалъ голосъ. — Эдакій дождь... зайдите хоть на минуточку...

Наконецъ Нина разглядѣла Сергія Васильевича! Онъ до половины высунулся изъ своего отвореннаго настежь окна и манилъ ее войти.

Нина, не долго раздумывая, побѣдила въ себя, толкнула дверь и, вся красная, запыхавшаяся, мокрая, ворвалась въ комнату. Съ нея струились цѣлые потоки воды, пальто было все мокрое насквозь, платокъ сбился, косы распустились.

Сергій Васильевичъ смѣялся, глядя на нее.

— Ну дождь, ну дождь! твердила Нина, отряхиваясь и тяжело дыша.

— Однако и вы-то тоже... Ну, кто въ эдакую погоду ходить?... Дайте-ка, я вѣсь раздвну. Вѣдь ишь ты, ишь ты, — насквозь! говорилъ учитель, помогая ей раздваться. — Вотъ ужъ находите вы себѣ ежели не тифъ, то... что-нибудь въ родѣ...

Говоря это, онъ обнаруживалъ странное волненіе. Руки у него тряслись, голосъ звучалъ неровно. Наконецъ Нина кое-какъ разоблачилась отъ своихъ мокрыхъ одеждъ и усѣлась на стулъ. Лицо ея горѣло отъ усталости, но распущеннымъ волосамъ струились серебряныя капельки, — она отряхала ихъ, и бѣстѣящіе брилліи летѣли въ разныя стороны. Сергій Васильевичъ стоялъ противъ нея.

— Значитъ, вы на кого теперь похожи? На Ундину...

— Кто это — Ундина? изумленно вскинула на него глаза Нина.

— Это въ одной сказкѣ царевна такая есть... водяная. — Изъ рѣки она печально упала на землю, еще маленькая... Одинъ рыбакъ ее воспитать и вырастить, но ее все въ воду тапало, пока не явился красивый рыцарь и не женился на ней.

Нина вѣжательно слушала, устремивъ на него свои серьезные глаза.

— Ну и что-же? послѣ нѣкотораго молчанія спросила она.

Такъ эта царевна, — какъ ее? — Ундина, такъ она и осталась жить на землѣ?

— Нѣтъ, — Ее очень обидѣли на землѣ, раздарили ее покинуть, — и она, опять ушла въ свое рѣчище. Смотрите, а вы отъ меня не уйдите! недовко всмѣхаться еще.

Нина садумалась, глядя въ окно; ее каторжныя волосы еще шумѣли серебряннѣйшей ливенью.

Училищный сторожъ, топая и оставляя правннѣе слѣды сапоговъ на полу, внесъ кипящій салатъ.

— Ну, вотъ, когда вы и погрѣетесь! восклицалъ учитель, подходя къ столу. — Да что вы задумались? Скажите мнѣ, гдѣ вы изволили гулять? Опять небось двести-три копейки читать, — а?

— Нѣтъ, расфѣдно выговорила Нина. — У Настасьи Филипповны была...

— Ахъ, это у друзейннѣи своей. — Чтоже, Честна Минен читали?

Нина не отвѣчала. Сергѣй Васильевичъ опять сталъ перерѣдывать.

— Ахъ, да! Слышали, какое у насъ происшествіе? У Ярилина кошѣтка пропала.

— Пропала? Куда?

— Неизвѣстно. Вчера, говорятъ, вѣчеромъ, ольгннѣе шлялась по улицамъ, а сегодня пропала. Искать ее, вѣдѣть на найдутъ.

Нина вдругъ смертельно поблѣднѣла. Ее словно некому кокнуло въ сердце, — но она сама боялась дать себѣ отчетъ въ внезапно озарившей ее мысли. Ее потануло, окая домоу скорбе... Она встала, отворачиваясь къ окну,

— Куда же вы? встревоженна уннѣе налившица въ эту минуту. — Ну, дождитесь, какъ дождетъ дождя! Ей Богу, я васъ не пушчу... Садитесь и пейте...

— Ей Богу, я не хочу. Мнѣ надо скорее... лепетала Нина, а сама думала: «Пропала... вчера... Неужто? — Да, нѣтъ, это пустяки... Никогда, скоро не блудитъ».

Она схватила за пальто, ннѣе Сергѣй Васильевичъ брелъ силса къ ней.

— Ни за что, ни за что, возмннѣе говорннѣе она отнимая у нея пальто. — Ну куда вы? Ну посидите же... А вы, Ундина эдакая!

Нина опять опустилась на стулъ. Сергій Васильевич самъ наливаетъ ей въ блюдечко чай, суетится, старается ее заговорить... Нина сидитъ молча и, обжигая себя губами горячаясь, принялась пить, безпрестанно взглядывая въ окно. Учитель сидитъ рядомъ съ нею и думаетъ на все боку; изрядка, словно печально, дотрогиваясь до ея руки или волоса. Онъ тяжело дышитъ; на лицѣ его выступаютъ красныя пятна; возбужденіе его растетъ. Но Нина ничего этого не замѣчала, занятая одной мыслью и оцѣна дойти своей чай...

А дождь все шумѣлъ, выбивая крупную дробь по стекламъ. Все село словно зарысилось, мелко-бѣлится пологомъ; даже избу было не видать. По улицѣ бурно неслись; мутныя потоки; въ воздухѣ повѣяло пронзительной смелостью; такъ, что Сергій Васильевичъ принужденъ былъ плотно закрыть окна, рамы и даже, зачѣмъ-то задержавъ заглавья...

Нина то успокоивалась на минуту. (А где итъ и не можетъ быть!) — да снова ей оцѣдѣвала страшная тревога («Сейчасъ пойду, — все урядно... Вчера! Да... она, покуда пришла... И зачѣмъ она, руки мыла?»). А вмѣстѣ съ ея тревожными состояніемъ возрастало и волненіе Сергія Васильевича. Онъ толкался, и ходилъ по комнатамъ, то садился ренова; то калъ будто ждалъ заговорить и не рѣшался...

— Еще вамъ нею? и спросилъ онъ, и увидѣвъ нитю Нина опрокинула чашку; онъ...

— Нѣтъ, я больше не буду. Я пойду... Да, будетъ вамъ заматьея. Антонина Николаевна! воскликнулъ вдругъ учитель, подкоча къ ней...

Онъ самъ не узнавъ звука своего голоса, что данъ неприлично грубо и раздраженно заукалъ онъ. Учитель на минуту остановился, словно колеблясь. Сердце у него сжигало, дами разо, словно онъ ея прощастъ, дѣлать собирался, вѣдѣнъ аржали — и вдругъ онъ рѣшительно подкоча къ Нинѣ...

Она уже наклоняла на себя пальто. «Теперь» (или никогда...) пронеслось у Сергія Васильевича въ горло, и онъ нервнымъ движеніемъ выхватилъ у нея пальто и обхватилъ ее за талию...

Дѣвушка слабо и неловко встала и вранулась отъ него въ сторону...

— Да будетъ, — не лмайся... еще зѣва, прошепталъ учитель и съ силой подтолкнулъ ее къ себѣ. Руки Нины хрустну-

ли; жалобный стонъ вылетѣлъ изъ ея груди. Сергѣй Васильевичъ, блѣдный, съ блуждающими глазами, съ нервной, не то злой, не то смущенной улыбкой на губахъ, близко наклонился къ ея лицу.

— Милая... прошепталъ онъ, задыхаясь, и страстно подцѣловалъ ее.

Нина помыла все... Она дико вскрикнула и оттолкнула отъ себя учителя. Она печально задѣла по столу: чашки, ставан со звономъ попадали на полъ. Сергѣй Васильевичъ, пошатываясь, какъ пьяный, двинулся къ ней. Нина снова оттолкнула его, вся блѣдная, съ сверкающими глазами.

— Не подходите... не подходите... шептала она, проталкивая впередъ руки, и вдругъ страшно зарыдала.

Сергѣй Васильевичъ оторопѣлъ и остановился. Онъ немного пришелъ въ себя и изумленными глазами смотрѣлъ на преобразившуюся Нину.

Нина, все также закрываясь отъ рыданій, схватила свой платокъ и бросилась къ дверямъ. — «Будете вы прокляты... прокляты!» — вскрикнула она отчаянно и исчезла въ темныхъ облакахъ.

Сергѣй Васильевичъ долго стоялъ, какъ вкопанный, среди комнаты, словно ничего еще хорошевно не понимая. Но мало по малу мысль его прояснялась, — и вся предшествовавшая сцена со всеми ея отвратительными подробностями встала предъ нимъ. Учитель ахнулъ и схватился за голову.

— Что же это я! Воже мой... Фу, какую подлость я было сдѣлалъ, прошепталъ онъ съ отвращеніемъ.

Онъ подошелъ машинально къ двери и притворилъ ее, потомъ вернулся къ столу. На полу валялись осколки разбитой посуды; кончавшая гривью, смятая въ борьбѣ узенькая голубая ленточка видѣлась между ними. Кровь бросилась ему въ голову, и глухая краска стыда залила его щеки.

— Экая мерзость... До чего можетъ человекъ дойти... Въ первый разъ въ жизни... Ахъ, какой я мерзавецъ!... Это ужасно! Это ужасно!

Онъ съ омерзѣніемъ отшвырнулъ ногою осколки и принялся бѣгать по комнатѣ, стараясь заглушить въ себѣ внутреннюю боль. — Бѣгая взадъ и впередъ, онъ замѣтилъ ленточку и быстрымъ движеніемъ поднялъ ее.

— Это ея, пронеслось у него въ головѣ, и ему вспомни-

лось блѣдное, милое личико, сначала умоляющее, съ упрекомъ въ крохкихъ глазахъ, — потомъ грозное, оскорбленное, искаженное негодованіемъ. Чувство страстной личности стало сердце Сергія Васильевича, и онъ дорывисто прижалъ венчикъ къ губамъ.

— Милая.. дорогая.. Подлецъ я, больше ничего! Думалъ, что и ты такая-же, какъ и всѣ.. Господи, что она-то, она-то теперь думаетъ? «Будьте вы прокляты..» Поѣду завтра, узнаду ея въ ноги, вымою прощенье.. Жить я теперь безъ нея не могу.. И скорѣе, скорѣе подъ вѣнецъ.. Ниночка, милая.. Или сегодня побѣжать? Сейчасъ.. догнать, воротить, «прости, моль..» А то завтра, пораньше..

Онъ то хватался за пальто и начиналъ его застегивать на себя, то бросалъ снова — и снова принимался метаться изъ угла въ уголъ.

Выбѣжавъ отъ учителя, Нина почти безъ памяти побѣжала по селу. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, вѣтеръ рвалъ ея платье, разорванныя пучки безпорядочной толпой жеслись по темнѣющему небу. Нина, ничего не видя кругомъ ни ридая, бѣжала впередъ. Она еще никакъ не могла придти въ себя. Стыдъ, злоба, отчаяніе дунули ее. Она испытывала въ эту минуту почти то-же самое, что и въ тотъ роковой день, когда она узнала о паденіи Вары.. Только теперь волновавшія ее чувства были еще мучительнѣе, еще жутчѣе. Темная шитошерая пучина разомъ раскрылась предъ нею, и вся скрывавшаяся на днѣ ея грязь расплеснулась наружу.

XXVII.

Страшный день.

На утро слѣдующаго дня Алмазово проснулось въ ослѣпительномъ блескѣ солнца. Гроза пронеслась, не оставивъ слѣда; на небѣ не было ни одного облачка; лазурное и прозрачное, оно привольно раскинулось надъ землею. Воздухъ былъ необычайно тихъ и нѣженъ. Земля была еще влажная; по полямъ кое-гдѣ журчали узенькія струйки воды, — остатки вчерашнихъ бурныхъ потоковъ, но на косогорахъ совершенно уже просохло, и онѣ подернулись бархатной зеленью. И на деревьяхъ тоже допнуди коричневыми, блестящія почки и вы-

пуговиц на волю молоденькіе крохотныя листочки съ завзуренными краями. Не хотѣлось уходить въ душную избу, не хотѣлось оторваться отъ этого сверкающаго неба, отъ раздѣвающей земли. Молодежь, ребятняки, даже взрослые выспали на улицу послѣ обѣдни подышать воздухомъ, поспать перваго весенняго дождичка.

Только въ зашпалерованой квартирѣ было пасмурно и душно, а никто не выходилъ на улицу. Вѣра сидѣла, жеманно вдрагивая и озиралась, а Нина еще спала, какъ убитая. Софья Петровну чуть живую-нечивую вчера приволокли отъ соевдей, и она тоже не просыпалась. Пенюмарихи и ребятя ея не было въ избѣ; имъ не сидѣлось дома въ такую погоду. Мертвая тишина царила кругомъ.

Вѣра не спала всю ночь. На нее страшно было взглянуть, — до того она измѣнилась за это короткое время. Вывали мѣнуты, когда мысли у нея совершенно путались. Она начинала кивать кому-то, улыбаться, разговаривать. Потомъ, сконфушенная своимъ собственнаго голоса, вся замертвовавшия, вскакивала и бросалась въ уголъ. Но кругомъ все тихо. Вѣра снова приходила въ себя и, робко заглянувъ за дверь, въ сѣни, подварительно обшаривъ каждый уголокъ, садилась за прежнее мѣсто.

«Можетъ быть она тутъ гдѣ-нибудь спряталась... И ночью непремѣнно кто-то входитъ сюда. Я слышала, какъ скрипѣли дверь... Куда же лгать свое дѣло? Ахъ, да! подъ кроватью. Его надо куда-нибудь... въ Ходяръ вечеромъ бросить... Ахъ, кабы Тимошка-дуракъ чего не сдѣлалъ...»

— Лови, лови его... держи! раздалось вдругъ за окномъ и кто-то шибко промчался мимо ихъ избы.

Вѣра шарахнулась безъ памяти со стороны, — сердце ея перестало биться. «За мной... за нимъ...» не подумала, а скорѣи почувствовала она.

За окномъ все смолкло. Кровь мало-по-малу отлила отъ ея сердца, и она медленно отошла отъ печи, все еще держась за трудъ и неровно дышя. Колѣни ея подгибались, она уснула. Голова кружилась.

— Охъ, Господи! Какъ я испугалась... Что это такое причать? Кого ловили?

Она боялась взглянуть въ окно, выйти на улицу. Тамъ уже навѣрное знають... Но ее мучило желаніе узнать причи-

нѣло. Въ первый разъ въ голову ея пришла такая мысль, что она одна. Еще вчера около нея толпились добрый другъ, еще вчера она готова была божиться, что всѣ люди ея братья и друзья, а теперь... Все перепуталось въ ея головѣ при мысли: что-же теперь? Гдѣ они, настоящіе друзья, и гдѣ враги? Господи! До этого дня Нина и не думала, что у нея могутъ быть враги... Она всѣхъ одинаково любила, всѣхъ жаждала. Всякому готова была отдать свою жизнь, — а за что-же ее когда погубить, столкнуть въ грязь?.. Что она сдѣлала?

У Нины слезы навернулись на глаза. Глухое огляжаніе охватило ее при видѣ этой страшной тьмы, разстунувшейся предъ нею. Куда идти? Кому рассказать? Съ кѣмъ посоветоваться?

А свои-то? Никѣй стало еще кошмарѣе... Свои! Родная семья! Гдѣ-же это своя семья? Всѣ они чужіе другъ-другу. Вонъ мать... въ чуланѣ: вчера безъ памяти привелили. Отца и воевъ съ вѣтромъ въ полѣ не слышешь. Андрюшка билъ... одинъ реной, милый... и того измучили, растерзали въ нежъ «душу живу...» Нѣтъ теперь у нея и братья, Андрюшка... изумаслешій дьяница теперь занялъ его мѣсто...

А сестра? Вѣра? Вотъ она сидитъ молчаливая, угрюмая, и что творится въ ея душѣ — неизвестно. Она чужая для Нины; далеко ушла она отъ нея по своей дорожкѣ. И куда она пришла?

Нина вся встревожилась и вскакнула на сестру. «Подойти, спросить?» — Господи, да Нина всю-бы душу выложила предъ нею... Такъ-бы и кинулась, прижалась къ ней на грудь, подѣлилась съ нею своими мыслями, своими переживаниями. Богъ съ нею, что она согрѣшила, — Нина все забыла, все простила.

— Вѣрка! крикнула Нина, подбѣгая къ сестрѣ.

Вѣра бросила на нее пугливый, мутный взглядъ и какъ-то вся съежилась.

— Что тебѣ? резко спросила она.

— Ничего... такъ... остановилась Нина и пристально поглядѣла въ лицо сестрѣ.

«Что она такъ вздрогнула? Отчего она все будто прячется и оглядывается?»

И вдругъ ее озарило. Она вспомнила вторичное извѣстіе о пропадѣ Ярыгинской невестки, которое, совсѣмъ, было, вылетѣло у нея изъ головы.

— Вѣра! еще громче повторила она.

— Да что ты пристала... ну? съ какою-то трусливой злостью сказала та.

— Ты слышала... что у Ярыгиныхъ невѣстка пропала? сухо и быстро выговорила Нина.

Вѣра хотѣла что-то вымолвить... слова застряли у нея въ горлѣ.

— Это ты... это ты сдѣлала... сдавленнымъ шепотомъ выговорила Нина, отчетливо произнося каждое слово и сверкающими глазами глядя на сестру.

Вѣра ничего не отвѣчала и всѣмъ тѣломъ подалась къ окну. Она, можетъ быть, даже и не слышала вопроса.

— Да, ты, ты, ты... повторяла Нина, возвышая все болѣе и болѣе голосъ, и схвативъ Вѣру за рукавъ, съ силой дернула ее къ себѣ.

Въ эту минуту Вѣра обернулась къ ней лицомъ. Губы ея что-то шептали, въ выкатившихся глазахъ застыло выраженіе безумнаго ужаса,—она показывала Нинѣ въ окно.

Нина бросилась къ окну. По улицѣ, размахивая руками, бѣжала народъ.

Весь вчерашній день до глубокой ночи Ярыгины прождали Лукерью. Бабы то и дѣло выбѣгали на крыльцо и глядывались вдоль по переулку,—не идетъ-ли? Старикъ-Ярыгинъ сумрачный ходилъ по избѣ, безпрестанно глядя въ окна; всю ночь горѣлъ огонь на столѣ. Но Лукерьи не было. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнѣній въ томъ, что несчастная женщина зашла въ Хоперь и утонула. Даже равнодушный ко всему Тимошка вдругъ сталъ беспокоиться и поглядывать тревожно на двери. Не разъ, входя въ избу, онъ отрывисто спрашивалъ: «не пришла еще?» и, получивъ отрицательный отвѣтъ, опять куда-то исчезалъ.

— Тоскуеть... перешептывались бабы.—Ишь встрянулся... видно совѣсть-то заврала.

Около полудня сѣли завтракать. За столомъ сидѣли молча, словно удрученные одною печальною мыслью. Изрѣдка только малые ребята заводили споръ изъ-за ложекъ, но старшіе на нихъ цыкали—и дѣти умолкали. Дѣдъ Никита не завтракалъ и, сидя на прищечкѣ, зорко ко всему приглядывался, жуя губами и мигая вѣками. При появленіи Тимофея, онъ каждый разъ оборачивался къ нему и устремлялъ на него присталь-

ный, сверкающий взгляд. И теперь, когда всё сидѣли за столомъ, — онъ не сводилъ глазъ со внука. Какая-то странная дрожь нѣтъ-нѣтъ да и пробѣгала по его морщинистому коричневому лицу.

Завтракъ подходилъ къ концу. Иванъ Никитичъ положилъ ложку, утерся и, истово перекрестившись въ уголь, всталъ.

— Надо ноне въ волость сходить... буркнулъ онъ, ни къ кому не обращаясь и доставая съ полатей шапку.

Чья-то ложка сильно застучала о края блюда, но никто изъ присутствующихъ, занятыхъ ѣдою, этого не замѣтилъ. Одинъ дѣдушка еще внимательнѣе впился въ измѣнившееся лицо Тимофея, который тоже всталъ.

— Зачѣмъ? спросилъ Тимофей. Губы его замѣтно передергивались.

— Надоть объявить... сурово отвѣчала Ярыгинъ, не глядя на сына. — Грѣха чтобъ не вышло...

И онъ вышелъ изъ избы, на ходу застегивая поддевку.

Не успѣлъ Иванъ Никитичъ завернуть за уголь и направиться къ своему кабаку («зайду, выручку погляжу, — Мотька что-то баловать начинаетъ»), — какъ его чуть было не сшибъ съ ногъ стремительно несшійся куда-то десятникъ. Увидѣвъ Ивана Никитича, онъ пріостановился и наскоро снялъ шапченку.

— Никитичъ... ступай въ волость... Лукерью нашла! только выговорилъ онъ и затѣмъ стремительно помчался дальше по переулку.

Иванъ Никитичъ замѣтно поблѣднѣлъ и, миновавъ кабакъ, шибко зашагалъ къ волостному правленію.

Лукерья дѣйствительно наплась... На зорькѣ одинъ изъ крутояровскихъ обывателей поѣхалъ на затонъ поить лошадей. Спустивъ лошадей въ воду, онъ самъ, стоя на берегу, поглядывалъ кругомъ, и вдругъ вниманіе его остановилось на какомъ-то странномъ предметѣ, залутовавшемся въ прошлогоднихъ засохшихъ камышахъ и плавно колыхавшемся на тихой поверхности затона, по которой уже скользили розовый отблескъ разгорающейся зари. Что это за притча такая? Ужь не корова-ли чья влопалась въ затонъ и захлебнулась? Заинтересованный мужикъ подошелъ ближе и, осторожно ступая по скользкой отлогости, раздвинулъ камыши. Станный пред-

меть заколыхался, запырялъ, и среди легкой зыби разбуженной воды показалась человѣческая нога, обутая въ щегольской ботинокъ. Мужикъ больше и смотрѣть не сталъ; онъ зароралъ благимъ матомъ, побросалъ лошадей и во весь духъ пустился по селу, въ станovouю квартиру.

Еще не прошло и часа, какъ на мѣсто происшествія толпами стекался народъ полюбопытствовать на «смертвое тѣло». Позже прибылъ и становой во главѣ всѣхъ сельскихъ властей и понятыхъ. Выволокли тѣло... Какъ разъ на это время въ толпѣ случился алмазовскій мужичекъ, «пріѣхавшій въ Крутойяръ за виномъ, и сейчасъ-же призналъ въ утопленницѣ пропавшую третьяго дня ярыгинскую невѣстку. При этомъ алмазовецъ прибавилъ нѣсколько словъ, касающихся біографіи покойницы, изъ которой выяснилось, что покойница жила плохо съ мужемъ и онъ ее часто бивалъ... Мужичекъ немедленно былъ вытребованъ на станovouю квартиру; пошли допросы, полетѣли въ разныя стороны нарочные, заскрипѣли перья, — а къ полдню тѣло, подъ охраной полицейскихъ, сотскихъ и урядника, было доставлено въ алмазовскую волость, а становой обѣщалъ прибыть къ сумеркамъ, сдѣлавъ пока предписаніе какъ можно скорѣе «задержать» мужа покойницы...

Страшная вѣсть мигомъ облетѣла Алмазово. Всѣ оставили свои занятія и потянулись въ волость, гдѣ уже озабоченно сновали разныя полицейскіе чины и пахло уголовщиной... Тѣло лежало въ сѣняхъ, и около него торчали двое часовыхъ, отгоняя лѣзущую къ трупу публику.

— Вотъ ужъ становикъ пріѣдетъ.. Онъ вамъ дастъ! грозили они. — Сами, что-ли, въ острогъ захотѣли?

Любопытные съ испугомъ шарахались въ сторону, потомъ осмѣливались снова, — и снова слышалась крупная брань и угрозы «острогомъ»...

Сѣни, крыльцо, площадка передъ волостнымъ правленіемъ — такъ и кипѣли народомъ. Слышались разговоры, близко касавшіеся даннаго случая; раздавались восклицанія, припоминались разныя мелочи изъ жизни покойницы съ мужемъ, которыя раньше никому не приходили въ голову, а теперь ярко выплыли у всѣхъ въ памяти.

— Видали, дѣтки, свекоръ-то вышелъ? Бѣ-ѣлый, бѣлый, что твоя рубаха...

— Бають, Лукерья-то не своей смертью померла, — за

Тимошкой-то сотскіе съ понятными пошли. — Бають, у нея знаки на тѣлѣ оказываются...

— Молчи ты, дурица! слышался боязливый шепоть, и на неосторожную рассказчицу махали руками. — О, дура! Спаси Богъ—тамъ услышать,—да тебя по судамъ затаскають...

— Тамъ тебѣ такіе знаки окажутъ... Въ свидѣтели захотѣла?

Вся публика робко озиралась на волость,—и потомъ снова начинался глухой, сдержанный говоръ. Вспоминали угрозы Вѣры на берегу Хопра, въ тотъ день, когда плоты шли; вспоминали, какъ Тимофей неоднократно грозилъ женѣ «убью!» рассказывали многое-другое. Но все это говорилось вполголоса, съ оглядкой, изъ опасенія, кабы не попасть въ свидѣтели.

— Дѣло ихнее, — а намъ-то изъ-за чего по судамъ таскаться?..

Вдругъ толпа всколыхнулась... «Ведутъ, Тимошку ведутъ!» пронеслось надъ нею, и народъ, разступившись, пропустилъ въ волость кучку понятыхъ. Зрители толкались впередъ; задніе лѣзли на плечи передовымъ,—каждый старался поглядѣть на Тимофея.

Шумъ и восклицанія усилились... Но Тимошка ничего не видѣлъ и не слышалъ кругомъ. Онъ, бѣлѣ своей рубахи, шелъ, понуривъ голову, и страшное спокойствіе застыло на его лицѣ. Онъ какъ застылъ въ ту минуту, когда за нимъ пришли,—такъ и оставался... Онъ даже какъ будто и не изумился этому, и когда ему велѣли идти въ волость,—онъ покорно всталъ, надѣлъ полушубокъ и пошелъ, не вымолвивъ ни одного слова...

Къ вечеру по улицамъ села послышались зловѣщіе перебивы колокольчиковъ, и три земскія тройки взмыленныхъ лошадей во весь духъ подкатили къ крыльцу волостного, у котораго все еще гадѣли запоздавшіе зѣваки. Изъ тѣлѣжекъ и тарантаса грузно вывалились судебныя и полицейскія власти: становой съ письмоводителемъ, судебный слѣдователь, врачъ и затѣмъ прочая мелюзга, — незамѣтная, но всегда необходимая въ подобныхъ случаяхъ. Отъ лошадей валилъ паръ; ямщики переругивались, поправляя сбившіяся шлеи и сѣделки.

Въ окнахъ правленія замелькали огни; кто-то съ фона-

ремь мчался через сѣни. Въ сумеркахъ, заливавшихъ село, мелькали какія-то тѣни, слышался торопливый говоръ, шлепанье по грязи, фырганье лошадей. На крыльцо постоянно выбѣгали люди, перекликаясь въ темнотѣ; слышались торопливыя распоряженія на счетъ самовара, водки и закуски.

— Ты сбѣгай къ Никитичу! приказывалъ кто-то. — Попроси ты у него курицу, или утку, ну, тамъ яицъ, масла, — можетъ они пироги пекли...

— Слушаю-съ! отзывался въ отвѣтъ преисполненный готовностью голосъ.

— Да... Пстой-ка... Да скажи, что, моль, ихъ благородіе требуютъ. Въ кабакъ забѣги, — насчетъ водки. Безпремѣнно, моль, — ихъ благородіе приказали...

— Слушаю-съ...

Съ того момента, когда Вѣра увидѣла въ окно бѣгущую толпу, она совершенно потерялась. Всякое присутствіе духа оставило ее, а повременамъ оставляло даже и сознаніе. Она всѣмъ существомъ своимъ почувствовала роковую неизбежность возмездія за преступленіе, цѣною котораго она хотѣла купить свое счастье, — и теперь, въ виду этого возмездія, у нея осталось только одно желаніе, была одна мысль, — уйти, бѣжать, спрятаться куда-нибудь... И она бросилась-было стремглавъ къ двери, опрокинувъ столъ, чуть не сбивъ съ ногъ сестру. Но Нина остановила ее на порогѣ; тогда Вѣра упала на колѣни предъ нею и, ломая руки, хватая сестру за платье, замирающимъ отъ ужаса голосомъ умоляла ее о спасеніи...

— Это за мной... за мной! Это я убила... Нина, спрячь меня, спаси меня! Нина,пусти меня, — я убѣгу... лепетала она, ползая предъ Ниной на полу.

Нина была совсѣмъ убита и не знала, что дѣлать. Теперь она уже не сомнѣвалась въ виновности сестры и въ первую минуту потерялась... Страшная жалость къ Вѣрѣ охватила всю ее; ужасъ сестры сообщился и ей. Она металась по избѣ, подбѣгала къ окнамъ и заглядывала на улицу; сердце у нея замирало... Вѣдь каждую минуту могутъ войти и застать ихъ въ такомъ видѣ... Надо что-нибудь придумать... Можетъ быть, еще это просто пустая тревога...

— Господи, что мнѣ дѣлать? въ тоскѣ восмицала Ни-

на. — Вѣра! подбѣгала она къ сестрѣ. — Да успокойся ты, — ну, ложись въ постель, я тебя покрою. Я скажу, что тебя нѣту дома, что ты нездорова... Да ну-же, Вѣра! Скорѣй!

Она почти со злостью тащила сестру къ постели, раздѣвала ее, укутывала, въ то-же время безпрестанно подбѣгая къ окну — не идутъ-ли?

— Ну вотъ видишь, никого нѣту... Ты лежи и не подавай виду... лихорадочно шептала она. — И молчи, молчи... Я за тебя буду говорить... Я никому не скажу... Ты только лежи смирно... Слышишь?

Нина въ эту минуту готова была даже принять на себя преступленіе Вѣры... Она такъ волновалась, какъ будто убійство было совершено не Вѣрой, а ею, Ниной; ей стало казаться, что и придутъ не за сестрою, а за нею.

Вѣра во всемъ ей подчинилась. Она совсѣмъ потеряла волю и власть надъ собою. Она, повинаясь приказаніямъ сестры, раздѣвалась, ложилась, укутывалась; она потеряла даже способность говорить и только смотрѣла на Нину умоляющимъ безумнымъ взглядомъ.

Нина, между тѣмъ, уложивъ сестру, отперла дверь и опять побѣжала къ окну. На улицѣ никого не было; даже ребята, игравшіе въ горѣлки, куда-то скрылись. Въ головѣ Нины былъ цѣлый хаосъ: она чувствовала себя какъ въ аду. То она подходила къ Вѣрѣ, то принималась глядѣть на улицу, то брала съ полки Священную исторію или ариметику и принималась читать... Но буквы уплывали изъ ея глазъ, — она ничего не понимала и бросала книжку. Вспомнила, что еще не ѣла сегодня и полѣзла въ печь. Достала щи, отрѣзала хлѣба и машинально зачерпнула ложкой... Но сейчасъ-же бросила и ложку, и хлѣбъ и снова принялась бѣгать по избѣ.

Въ снѣгахъ заскрипѣли половицы. Нина сначала смертельно поблѣднѣла... потомъ горячее пламя разлилось по ея лицу, охвативъ и уши, и шею. Воняла пономариха, вся красная, запыхавшаяся отъ избытка чувствъ.

— Ахъ, Антонинушка, какія тамъ дѣла-то дѣлаются! затараторила она. — Вѣдь Лукерью-то напли... Въ Крутойровскомъ затонѣ! Право-слово!

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Нина, сама не понимая, что она говоритъ, и глядя на постель, гдѣ нервно шевелилась Вѣра.

— Вотъ тебѣ крестъ... Сейчасъ привезли... Побѣгу въ волость—поглядѣть...

Нина не сводила глазъ съ постели, — сердце ея не билось... Пономариха пошарила что-то за перегородкой и исчезла съ восклицаніями. Черезъ минуту Нина увидѣла въ окно, какъ она, размахивая руками и что-то крича, вмѣстѣ съ другой бабой помчалась по селу.

Нина схватилась за сердце и съ трудомъ передохнула. Потомъ подошла къ сестрѣ.

— Ты спишь? тяжело дыша спросила она ее. Вѣра не отвѣчала.

Часы тянулись мучительно. Нинѣ вдругъ страстно захотѣлось, чтобы скорѣе наступила ночь. Ночь, казалось ей, все покроетъ, все уничтожитъ.

— Господи, когда-же это? въ тоскѣ шептала она. «Яко тать къ нощи...» подумалось ей вдругъ. Въ избу вошла Софья Петровна, блѣдная, всключенная, охающая съ похмѣлья, и жадно принялась пить воду изъ ковша. Въ первый разъ Нина почувствовала нѣчто въ родѣ презрѣнія и ненависти къ этой жалкой женщинѣ, называвшейся ея матерью.

— Ей все равно... только-бы косушка была. Правду Андрюшка-то говорилъ... мелькнуло у нея. Софья Петровна обратилась-было къ дочери съ какимъ-то вопросомъ, но, не получивъ отвѣта, ушла.

Но, слава Богу, тѣни стали длиннѣе и заняли уже половину. Вотъ они уже покрыли собою противоположныя избы; вотъ мелькнули на крышахъ послѣдніе отблески огненного заката, вотъ легкій сумракъ заволокъ безоблачное небо и тихо спускался на землю... Вечеръ! Нина прильнула къ стеклу... Она слышала звуки колокольчика, видѣла, какъ кучки народа съ глухимъ говоромъ шли мимо ихъ квартиры... Прибѣжали пономарихины ребятишки и бросились-было къ Нинѣ съ разсказами о томъ, какъ Сенька повалилъ Дашку и она орада, какъ кто-то изловилъ воробья и т. д., но Нина отклонила ихъ отъ себя, и набѣгавшіеся за день дѣти, забравшись на полаты, немедленно заснули. Въ избѣ совсѣмъ уже стемнѣло, когда наконецъ явилась пономариха.

— Своими глазами видѣла... съ гордостью объявила она. — Становой уже пріѣхалъ съ дохтуромъ, завтра потрошитъ бу-

дуть. Тимошку взяли... Каково отцу, матери-то теперича? И ведутъ его связаннаго...

Пономариха ушла за перегородку. Вниманіе Нины было приковано къ постели Вѣры.

«Слышать, или нѣтъ?»

И вдругъ вся эта груда шубъ и платьевъ, которыми Нина укутала сестру, зашевелилась... Вѣра поднялась на постелѣ и сѣла.

— Тимошку взяли... выговорила она медленно. И, поднявшись, пошла къ двери. Нина бросилась за нею.

— Куда ты, куда? шептала она, хватая Вѣру за ея плающую руки.

— Куда? Никуда, сурово отвѣчала Вѣра.—А завтра пойду... Пойду—и все скажу...

Она гордо выпрямилась. Предъ Ниной стояла прежняя Вѣра—не та, которая давеча въ припадкѣ безумнаго страха металась предъ нею, на колѣняхъ, умоляя ее «спрятать», — а рѣшительная, спокойная, безстрашная Вѣра.

— погоди... Что ты дѣлаешь? говорила Нина.

Но сестра отстранила ее отъ себя. И чѣмъ дальше, тѣмъ спокойнѣе она становилась. У нея съ души точно постепенно сваливался какой-то громадный, тяжелый камень.

— Пусти, Нина.. Замолчи! Я пойду... вмѣстѣ мы съ нимъ грѣхъ сдѣлали,—вмѣстѣ и отвѣтъ держать, сказала она громко и отчетливо.

XXVIII.

Къ развязкѣ.

Сякующее, веселое утро снова занялось надъ Алмазовымъ. Оно позолотило вершины деревьевъ, крыши домовъ, крестъ на колокольнѣ, всюду разсыпало сверкающіе брилліанты и, улыбаясь, заглянуло въ тихія воды Хоупра. Жаворонки высоко плавали въ воздухѣ, напѣвая свои нѣжныя пѣсенки, воробьи задорно чирикали, шаловливо, словно вырвавшіеся на свободу школьники, перескакивая на одной ножкѣ съ мѣста на мѣсто, ласточки, только-что пробудившись, чистили свои бѣлыя манишки и вели между собою шумный разговоръ. Во дворахъ орала скотина, просясь скорѣе на выгонъ; визгливо скрипѣли отворяемыя ворота. Село наполнялось шумомъ и суетою хлопотливаго весенняго дня.

А въ волостномъ правленіи въ эту минуту начиналась драма. Въ главной комнатѣ правленія, гдѣ стояли шкафы съ дѣлами и находилось зеркало, уже толпились люди. Письмоводитель слѣдователя раскладывалъ на столѣ бумаги и перья; урядникъ, присѣвъ на корточкахъ у топившейся печки, торопливо курилъ махорку, безпрестанно отплеиваясь; волостной писарь весь превратился въ восклицательный знакъ и имѣлъ такой видъ, какъ-будто каждую минуту, сломя голову, готовъ былъ летѣть по предписанію начальства. Тутъ-же толпились сотскіе съ бляхами, десятники съ испуганными фізіономіями и, наконецъ, кучка понятыхъ. Иные изъ нихъ позѣвывали, очевидно скучая; другіе вполголоса толковали о будущихъ полевыхъ работахъ, о посябахъ и недоимкахъ. Въ сосѣдней комнатѣ, за дрожанцею перегородкой, на большомъ столѣ, лежало тѣло Лукеры; около него суетился земскій докторъ въ клеенчатомъ фартукѣ, приготовляя анатомическій наборъ. Кое-кто изъ понятыхъ, осторожно покашливая, придвигался къ двери и съ любопытствомъ поглядывалъ за перегородку, но сейчасъ-же отскакивалъ и отходилъ опять на старое мѣсто, крестясь и отплеиваясь. И было отчего: тѣло несчастной женщины представляло ужасный видъ. Лицо ея было неузнаваемо... на вискѣ чернѣло огромное пятно, ротъ былъ полуоткрытъ и запекся кровью, правый глазъ совсѣмъ вышелъ изъ орбиты и висѣлъ на щекѣ, очевидно выбитый ударомъ кулака. На шеѣ вздулись багровыя полосы. Позеленѣвшая кожа была усыяна синими трупными пятнами и кровоподтеками.

— Убіеніе—безъ сомнѣнія, пробормоталъ докторъ, съ напиромъ въ зубахъ подходя къ труну и засучивая рукава.

Часамъ къ двѣнадцати явился становой, ночевавшій на въѣзжѣ дворѣ; за нимъ вскорѣ прибылъ и слѣдователь. Оба зѣвали, хмурились, очевидно еще не выспавшись хорошенько, и невѣстно зачѣмъ то и дѣло поглядывали на часы.

— Сколько на вашихъ, Иванъ Александрычъ?

— И-о-ахъ... зѣваль становой. — У меня безъ пяти двѣнадцать. Пора, я думаю!

Подъ окна стали набираться народъ; любопытные осмѣливались даже влѣзть въ правленіе. Но урядникъ немедленно выталкивалъ ихъ въ сѣни, и они сконфуженно исчезали. Слѣдователь приказалъ вызвать свидѣтелей; докторъ съ окровавленными руками пропелъ чрезъ правленіе.

— Ну что? спросили его въ одинъ голосъ становой и слѣдователь.

— Асфиксія... лаконично бросилъ имъ докторъ, исчезая снова за перегородку.

Становой промычалъ и почему-то покрасѣлъ. Слѣдователь приказалъ привести убійцу... Въ правленіи произошла суматоха. Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ загромыкали тяжелые сапоги сотскихъ, и въ избу ввели Тимофея.

Онъ былъ такъ-же равнодушно-спокоенъ, какъ и вчера. Въ глазахъ его нельзя было прочесть ни одной мысли, губы крѣпко сжаты. Ни одинъ мускуль лица не двигался... Невозмутимо подошелъ онъ къ столу и остановился, потупивъ глаза въ землю. Въ правленіи водворилась глубокая тишина, — начался допросъ.

При первыхъ звукахъ голоса слѣдователя, Тимофей пошевелился и поднялъ голову.

— Я убилъ... Моя вина... выговорилъ онъ глухо и больше не сталъ отвѣчать.

Потянулись свидѣтели... выяснялись все новыя и новыя факты, перья нѣжно бѣгали по бумагѣ. Слѣдователь снова обернулся къ неподвижно стоявшему Тимофею.

— Тимофей Ярыгинъ... у васъ была любовница?

Тимофей замѣтно вздрогнулъ и промолчалъ.

— Ваша любовница не принимала никакого участія въ убійствѣ?

— Нѣту... угрюмо вымолвилъ наконецъ парень. — Сказалъ: мой грѣхъ, — меня одного и судите. Она не виновата...

Но онъ не успѣлъ еще договорить, какъ въ сѣняхъ послышалась воня, топотъ, шумъ. Слышался голосъ урядника: «Куда лѣзешь, — нельзя!» — какія-то восклицанія, борьба. И затѣмъ въ правленіе, съ крикомъ «пустите!» — ворвалась Вѣра.

Она была блѣдна; волосы ея въ безпорядкѣ разметались по плечамъ, глаза дико блуждали. Вбѣжавъ, она на минуту остановилась, оглядѣлась по сторонамъ и, увидѣвъ Тимофея, кинулась прямо къ нему.

— Голубчикъ ты мой!.. Родимый!

Угрюмые глаза Тимофея свернулись, по лицу пробѣжала судорога. Онъ двинулся къ Вѣрѣ навстрѣчу. Въ народѣ, толпившемся вокругъ, произошло движеніе...

— Господинъ слѣдователь! кричала между тѣмъ Вѣра во

весь голосъ.—Пишите, — я ее убѣла... Онъ не виноватъ, — я его подговаривала... Я ему въ уши пѣла: «убей, убей!» Пишите все по правдѣ...

Въ виду полного сознанія преступниковъ, слѣдствіе не тянулось долго. Лукерью приказали склонить, а Тимофея и Вѣру заковали въ кандалы и увезли въ уѣздный острогъ...

Землемѣрова семья долго не могла оправиться отъ разразившагося надъ нею удара. Софья Петровна посѣдила въ одну ночь и вдругъ какъ-то странно опустилась и присмирѣла. Она бросила даже пить и ударилась въ богомолье, цѣлыя ночи простаивая на колѣнахъ и беззвучно рыдая. Образъ несчастной дочери съ нѣмымъ укоромъ въ глазахъ неотступно преслѣдовалъ ее. И во снѣ, и на яву—все мерещилась Софьѣ Петровнѣ одна и та-же картина... Темная, мрачная тюрьма, кандалы, солдаты съ ружьями,—а среди всего этого она, Вѣра, блѣдная, несчастная, можетъ быть больная. И Софья Петровна принималась рыдать, рыдать безъ удержу, безъ остановки. Жгучая жалость къ дочери, которую она когда-то гнала и проклинала, проснулась въ ея сердцѣ, и сердце разрывалось на части... Странныя мысли шевелились въ ея еще не въ конецъ отуманенномъ водкой мозгу. Чудилось ей, что въ этомъ страшномъ грѣхѣ, упавшемъ на голову дочери, — не одна она виновата...

Нина не отходила отъ матери. Она и утѣшала ее, и сама плакала вмѣстѣ съ нею. Злобное чувство, часто шевелившееся въ послѣднее время въ ея сердцѣ противъ матери, растаяло, разсѣялось безъ слѣда. Она снова любила и жалѣла свою несчастную мать.

— Будетъ вамъ, мамаша! говорила она.—Слезами не можешь. Лучше-бы намъ съ вами собраться, да и съѣздить въ городъ, навѣстить Вѣрку. Я спрашивала Настасью Филипповну,—она говоритъ, что роднымъ можно,—пускаютъ...

— Вотъ подожди,—отецъ прійдетъ... отвѣчала Софья Петровна.

Нина такъ взволновалась въ тотъ страшный день, когда ей пришлось «прятать» Вѣру отъ правосудія, что послѣдующія событія—сознаніе Вѣры, арестъ ея, отъѣздъ ея въ острогъ съ двумя полицейскими солдатами по бокамъ,—подѣйствовали на

нее гораздо слабѣе. Она какъ-то устала... она уже ждала этого и даже не проронила ни одной слезинки въ то время, когда Вѣра въ послѣдній разъ кивнула ей головой и вслѣдъ за тѣмъ тележка медленно тронулась по селу, исчезая въ ослѣпительномъ блескѣ весенняго солнца. Только послѣ Нинѣ очень часто въ ночной тиши мерещилось это блѣдное, строгое лицо съ огромными черными глазами, обведенными синевою и сверкающими непреклонною рѣшимостью, и у дѣвушки сжималось сердце отъ жгучей боли. Но приходилъ день полный заботъ, — и блѣдный образъ ступшевывался... Нинѣ такъ много было дѣла, что совсѣмъ некогда было предаваться бесплодной печали и тосковать о прошломъ. Она даже нарочно старалась забыть, не растравлять сердца понапрасну жгучими воспоминаніями...

— Вотъ, мамаша, выдержу я экзамень на учительницу, — заживемъ мы съ вами! весело старалась она отвлечь мать отъ мрачныхъ мыслей. — Уѣдемъ изъ Алмазова, поселимся въ какой-нибудь деревушкѣ... Я буду дѣтей учить, а вы хозяйствуйте. Корову купимъ, — свое молоко будетъ. Огородъ разведемъ, двѣты будемъ сажать, — хорошо?..

Софья Петровна начинала улыбаться сквозь слезы на веселую болтовню дочери... Но сейчасъ-же снова глаза у нея начинали мигать, губы подергивались, — и она снова пускалась въ слезы.

— Одна только ты у меня осталась... шептала она, рыдая и обводя глазами опустѣвшую избу. — Больше никого... всѣ всѣ Богъ знаетъ куда разстрялись. Бабушка умерла, Андрюша — слыхомъ не слыхать, Вѣра... Ты, ты только одна...

При имени Андрюши напускаемая веселость Нины обыкновенно разлеталась, какъ дымъ, и ямочки на щекахъ пропадали. — Да! Андрюша... Вотъ уже другой мѣсяцъ отъ него ни одной строчки. Что съ нимъ? Гдѣ онъ? Отчего не пишетъ?.. Можетъ быть, съ нимъ еще хуже что либо стряслось. Кабы знать, — ужъ лучше...

И Нина письмо за письмомъ посылала на станцію Карамышъ, телеграфисту Андрею Новикову, а отвѣта все-таки не было. Страшное безпокойство томило дѣвушку: повременамъ она терялась...

Въ концѣ мая, какъ снѣгъ на голову, явился Никандръ Васильевичъ. Рвзумѣется, ему было уже все извѣстно о Вѣ-

рѣ, и первымъ долгомъ онъ накинулся съ бранью на жену, осыпая ее попреками.

— Чего, старая вѣдьма, смотрѣла? Я на тебя надѣялся, тебѣ дѣтей поручилъ. А тебѣ тутъ и горя нѣту, — дѣлай что хошь. Совѣсть пропала... Вотъ и допьянствовалась... Дѣтей избаловала, изуродовала, — куда они всѣ идутъ?

Софья Петровна молча плакала. А между тѣмъ и она въ свою очередь могла-бы наговорить въ отвѣтъ Никандру Васильевичу.

О Вѣрѣ Никандръ Васильевичъ и слышать не хотѣлъ. Разъ какъ-то жена при немъ заикнулась было: «что-то она теперь, сердечная?..» Но землемѣръ такъ на нее крикнулъ, что Софья Петровна прикусила языкъ и больше не осмѣливалась упоминать при мужѣ имя преступной дочери.

— Не смѣй никогда при мнѣ говорить про нее, пылая гнѣвомъ, говорилъ Никандръ Васильевичъ. — Я отъ нея отрекся, — не дочь она мнѣ... Жалко, что меня объ эту пору дома не случилось, я бы ее своими руками задушилъ... Не бытъ-бы ей живой; самъ на каторгу пошелъ-бы, а ужъ ей-бы не спустилъ...

Первые дни своего пребыванія дома онъ ходилъ злой, рвалъ и металъ на всѣхъ, ко всѣмъ придирался, и его зычный голосъ съ утра до ночи оглашалъ избу. Но потомъ и онъ присмирѣлъ. Говорить сталъ тихо, безъ брани, съ Ниной обращался ласково, и все ходилъ взадъ и впередъ большими шагами, погруженный въ мрачную думу. Гнетущая пустота и уныніе избы подѣйствовали и на него... Нина осмѣлилась съ нимъ разговаривать.

— Папаша, не слыхали вы про Андришку?

— А что тебѣ?

— Да вотъ не пишеть онъ... Два мѣсяца ужъ прошло, а я отъ него ничего не слышу...

Никандръ Васильевичъ нѣсколько разъ молча прошелся по избѣ.

— Негодяй онъ, твой Андришка-то... выговорилъ онъ наконецъ. — Писали мнѣ... Слышалъ я... Хорошій тоже вѣста! Спился съ кругу — больше ничего. Недѣли двѣ тому назадъ получилъ я письмо отъ начальника станціи... «Смылъ вагъ, пишеть, въ настоящее время уволенъ отъ должности и лежить въ больницѣ, въ бѣлой горячкѣ. Держать его больше

нѣтъ силъ. Пренебрегаетъ обязанностями, неаккуратенъ, дерзокъ и вдобавокъ сильно зашибаетъ. Мы, говоритъ, изъ-за него выговоръ получили, потому, нѣсколько разъ путалъ телеграммы, изъ-за чего на линіи чуть было не случилось несчастія...» Хороши дѣти! Я за него распинался, просилъ,— и что-же?.. «Сожалѣемъ, говорятъ, но просьбы ваши исполнить больше не можемъ».

Никандръ Васильевичъ мрачно задумался и снова зашагалъ. Нина замолчала; сердце у нея было болѣзненно. «Въ больницѣ... можетъ быть, умеръ?»

— Попаша, я съ вами поговорить хочу! подошла она въ другой разъ къ отцу.— Дайте мнѣ денегъ немного, я придумаю такъ устроить: осенью я поѣду держать экзаменъ на сельскую учительницу; можетъ быть и мѣсто скоро получу. Какъ-же въ это время мамаша одна останется? Такъ вотъ я и думаю: переѣдемъ мы съ нею вмѣстѣ въ городъ и покуда поживемъ тамъ...

Никандръ Васильевичъ поглядѣлъ на дочь и задумался.

— Дѣлайте, что хотите... выговорилъ онъ наконецъ, махнувъ рукою.

Въ виду послѣднихъ событій, онъ совсѣмъ упалъ духомъ. Прикрывать было не на когѣ, — да и не хотѣлось, и Никандръ Васильевичъ горько сознавалъ, что его пора прошла. Что-то жгучее помимо его воли сосало ему сердце, и накануне своего отъѣзда онъ, сильно гдѣ-то подкутивъ, высказался...

— Эхъ дѣти, дѣти... говорилъ онъ, сидя за столомъ передъ косушкой водки. — Думалъ я, что ежели не мнѣ, такъ вамъ будетъ легче на свѣтѣ, аны вышло не то. На кой чортъ она, и наука эта самая? А все графъ, покойникъ, царство ему небесное... Вздумалось ему человѣку добро сдѣлать— и послалъ въ Питеръ. Учись молъ, да спасибо сказывай. И вышло на чортовъ клинъ—ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ... Не въ примѣръ-бы ужъ лучше было: отпустилъ-бы онъ меня на волю, даль-бы надѣлъ хороній—и жить-бы я себѣ вѣкъ мужикомъ. И глядишь—прожилъ-бы!

Уѣзжая, Никандръ Васильевичъ оставилъ дочери 25 р. и сказалъ, что чрезъ мѣсяцъ вышлетъ еще столько-же. «Только ужъ ты смотри еще»... прибавилъ онъ.

Нинѣ теперь было дѣла пропасть. Нужно было и гото-

ваться, и въ дорогу собираться, и долги уплачивать, и мать развлекать. Но Нина въ этихъ мелкихъ хлопотахъ не теряла бодрости и всюду поспѣвала. Одно только томилъ и сокрушало ее—неизвѣстность насчетъ брата. Что съ нимъ будетъ? Тоска!

Алмазовскіе обыватели, всѣ друзья-пріатели Нины и сосѣди, узнавъ, что «землемѣровы» собираются уѣзжать изъ села, съ утра до ночи осаждали кономарихину избу. Они вздыхали, качали головами, сожалѣли о своей «желанной» Антонинушкѣ; нѣкоторые упрашивали даже остаться.

— Живи... Чего ты отъ насъ собралась? Да ей-Богу! Мы нешто тебя покинули-бы... Да ты-бы у насъ во-какъ жила, ровно у Христа за пазухой...

— Да вѣдь у васъ, у самихъ нѣту! возражала Нина, смѣясь.

— Господь съ тобою, родная! обижались на это ея пріатели.—Да что ты это? Нешто можно! Много-ли тебѣ надѣтьто? Ноне у Ершила, завтра у меня,—неужто мы те хрестяне? Жила-бы себѣ и мать-то прокормила. Тебѣ не жалко; ты у насъ Христова-невѣста, незамужница. Вонъ живетъ-же Филипповна-то, славу Богу. Ни въ чемъ ей отказу... Вонъ сестрица твоя, Богъ съ нею, не такова, слова нѣтъ—другой ей и почетъ. На грѣхъ пошла...

— Нѣтъ ужъ, голубчики,—уѣду... прерывала Нина, заминная больно-кольнувшій ее въ сердце разговоръ о сестрѣ.— Не хочу даромъ хлѣбъ вашъ ѣсть—чѣмъ я вамъ за него отплачу? Я бы и сама съ вами не разсталась, да что-же дѣлать... А можетъ, увидимся; можетъ Богъ приведетъ учительницей у васъ служить...

— Эка ты какая! Говоримъ тебѣ, живи! Ты человѣкъ Божій; ты намъ по сердцу. Какъ мы безъ тебя останемся? И за ребятами кое приглядѣть, и хвораго навѣстить—все у насъ ты одна. Филипповна старенька стала, а ты ужъ за это взялась, такъ намъ-бы и неохота съ тобой разставаться. Останься...

— А ежели тебѣ при школѣ охота, виѣшался въ разговоръ мужичекъ-Егоръ, котораго Нина выходила отъ тифа, — такъ скажи слово—мы сейчасъ это дѣло оборудуемъ. Сейчасъ приговоръ составимъ,—этого учителя долой, а тебя на мѣсто его. Вотъ и ладно будетъ...

Но Нина отказалась наотрѣзъ. Ее очень трогали эти просьбы, и была минута, когда она готова была согласиться... Но тутъ-же она подумала, что остаться въ сущности будетъ нечестно, что она почти даромъ будетъ ѣсть мірской, трудовой хлѣбъ—и рѣшила ѣхать. Предложеніе Егора занять мѣсто Сергѣя Васильевича она тоже отклонила. «Вѣдь это подлость!» мелькнуло у нея въ головѣ, и густая краска залила ея лицо при воспоминаніи о томъ, какую въ свою очередь подлость хотѣлъ сдѣлать учитель.

Она теперь очень рѣдко вспоминала объ этомъ. Среди хлопотъ своихъ и всѣхъ этихъ тревоженій, наполнявшихъ ея жизнь въ послѣднее время, образъ Сергѣя Васильевича совершенно вытѣснился изъ ея головы. Мелькомъ, впрочемъ, она слышала, что учитель теперь повадился каждый праздникъ ѣздить въ Крутояръ и что, слышно, онъ сильно льнетъ къ племянницѣ главнаго винокура.

— Нескладна она изъ себя, за то сирваная дѣвка. Приданое большое за ней, толковали въ селѣ.—Потому онъ, винокуръ-то, не одну, можетъ, тыщу въ карманъ положилъ. У князя денегъ много... А ему, учителю-то, это и на руку. Парень отощалъ, — ни за собой, ни передъ собой ничего нѣту. Изъ лица смазливый, вотъ и ластится къ дѣвкѣ. А она къ тому-же и съ придурью...

Нина и слушала, и нѣтъ эти толки. Они ее мало интересовали. Гораздо чаще она задумывалась теперь о себѣ, о своей будущности. Какъ она устроится? Какъ пойдетъ ея новая жизнь съ новыми людьми, при новой обстановкѣ? И найдеть-ли она наконецъ то дѣло, которое помогло-бы ей облегчить суровую участь этихъ бѣдныхъ, сѣрыхъ людей, которые такъ ее любятъ неизвѣстно за что и которымъ она, въ свою очередь, поклялась отдать свою маленькую, ничтожную жизнь?..

Дни тянулись за днями, тоскливо, однообразно. Двемъ Нина стряпала, разговаривала съ матерью, просматривала свои учебники, а вечеромъ выходила погулять и долго простаивала на берегу Хопра, глядя на одиноко играющую звѣздочку. Соловьи выдѣлывали свои вычурныя трели, Хоперъ таинственно плескался внизу, пахло черемухой и сиренью. Цѣлый рой мыслей толпился въ головѣ Нины. И чудилось ей, что она тихо-тихо отдѣляется отъ земли и несется надъ землею въ ту загадочную даль, которая синѣетъ тамъ, за дремлющими

вершинами лѣса. Земля исчезаетъ въ розовомъ сумракѣ; сладко засыпаетъ небо. И цѣлый міръ открывается предъ Ниной; развертываются поля, лѣса, рѣки. Всюду раскиданы такія-же, какъ Алмазово, села съ сѣрыми крышами, съ унылыми гумнами и безмолвными вѣтрянками. Много-много ихъ, этихъ деревушекъ... и живутъ въ нихъ такіе-же сѣрые простые люди, — и бьются такъ-же день-деньской, и мучаются, и грызутся и стонуть...

И хочется Нинѣ остановиться и крикнуть, — крикнуть на весь міръ, такъ, чтобы земля проснулась, чтобы всколыхнулся растревоженный воздухъ — и далеко-далеко разнесся-бы во всѣ четыре стороны ея страстный призывъ: «Скорѣй-скорѣй сюда, скорѣй на помощь этимъ людямъ идите всѣ вы, сильные, могущественные, добрые. Гдѣ вы, откликнитесь... Скорѣе, скорѣе...»

Нина только что пришла отъ Настасьи Филипповны, какъ въ избу вошелъ волостной разсылный съ почтовой книжкой и какимъ-то большимъ пакетомъ въ рукахъ.

— Здорово живете, барышня! Вотъ письмецо вамъ есть, черезъ волость. Пятый день валяется, — думали сами зайдете. Получите, да распишитесь.

Нина съ страннымъ трепетомъ приняла изъ рукъ разсылнаго огромный пакетъ, обклеенный множествомъ марокъ съ большою печатью посрединѣ.

«Отъ кого это?»

Рука была не Андрюшина...

— Ужъ и жара, ужъ и парить! жаловался разсылный, пока Нина росписывалась. — Вы ужъ, барышня, за труды пожалуйте, пойду, выпью за ваше здоровье.

Проводивъ его, Нина съ тѣмъ-же замираніемъ сердца взялась за пакетъ.

«Ужъ вѣрно съ Андрюшей что-нибудь...» мелькнуло въ ея головѣ.

Дрожащими руками она разорвала конвертъ. Изъ него посыпалось нѣсколько мелко-исписанныхъ листовъ... Но Нина ихъ не подбирала: ея глаза приковались къ телеграфному бланку, на которомъ четко было написано:

«Милостивая государыня! Съ прискорбіемъ честь имѣю извѣстить васъ, что братъ вашъ, Андрей Никандръчъ, скон-

чался въ ночь съ 24 на 25 мая. До того они находились въ Карамышской больницѣ отъ разстройства ума и начали было уже поправляться. 20-го мая выписались, были у насъ на станціи и разговаривали со мной. Ничего такого замѣтно не было, даже ни одной рюмки не пили. Говорили о сестрѣ, т. е. о васъ, и высказывали желаніе вскорости съ вами свидѣться. Больше ничего. А 24 мая, въ 2 часа ночи, когда шель товарный поѣздъ, они бросились подъ вагоны... Согласно желанію вашего брата, которое онъ неоднократно мнѣ высказывалъ передъ смертью, пересылаю вамъ его письменныя замѣтки...»

Нинѣ сдѣлалось лурно.

Пасмурный сентябрьскій день. Моросить мелкій дождичекъ. Небо сплошь заволочлось сизой пеленою. И село, и избы, и лѣсъ—все сѣро кругомъ. Воздухъ тихъ и неподвиженъ; слышно только непрерывное шуршанье дождя по крышамъ и листьямъ деревъ, да съ Хопра особенно отчетливо и звонко несется гоготанье гусей.

У пономарихиной избы стоитъ телѣжка, запряженная парой лошадей. Лошади недовольно фыркаютъ подъ дождемъ и понуро жмутся одна къ другой, махая мокрыми гривами и хвостами. Дядя Егоръ, въ длинномъ до пятъ, коричневомъ зипунѣ, съ кнутомъ въ рукѣ, ходитъ вокругъ, безпрестанно поглядывая на окна. То полстъ на телѣгѣ подтычетъ, то супонь поправитъ, то потыкаетъ неизвѣстно для чего лошадь кнутомъ въ брюхо. А на крыльцѣ все нѣтъ никого...

Въ избѣ идетъ прощанье. Нина, совсѣмъ одѣтая, съ покраснѣвшимъ отъ слезъ носомъ, сидитъ на лавкѣ; Софья Петровна суетится съ какими-то коробочками и узелками. Изба полнымъ-полна народомъ. Это все пациенты Нины и друзья пришли провожать свою Антонинушку. Нѣкоторыя бабы плачутъ.

— И куда ты ѣдешь? Богъ вѣсть, какъ въ чужихъ людяхъ-то покажется...

Нина то чуть не въ сотый разъ начинаетъ цѣловаться съ мужиками и бабами, то, рыдая, снова садится на лавку. Можетъ быть, навѣкъ приходится разставаться съ этимъ селомъ, гдѣ она провела свое дѣтство; можетъ, никогда не увидитъ

она больше этихъ дорогихъ ей людей... Кто знаетъ, что ждетъ ее тамъ?..

Глухая тоска разрывала на части сердце Нины.

Дядя Егоръ постучалъ въ окно кнутовищемъ.

«Пора, лошади взмокли...»

Нина поднялась и начала молиться. За нею и всѣ... Потомъ снова слезы и поцѣлуи, и, наконецъ, вся гурьба вышла на крылечко.

— Прощайте, родимые... обернулась еще разъ Нина, захлебываясь отъ слезъ.— Не забуду я васъ никогда... Прощайте, живите... Голосъ ея оборвался.

— Дай Богъ тебѣ счастливо... И мы тебя не забудемъ. Чуть-что, опять къ намъ... слышались голоса.

— А то бы осталась... прибавила еще разъ вдова Анна, пригорюнившись.

Пономарихины ребятишки тоже ревѣли... Наконецъ, кое-какъ усѣлись. Дядя Егоръ утыкалъ какъ слѣдуетъ сѣно кругомъ, поправилъ полсть и, хорошенько укрывъ путешественницъ рогожей.

«Ну вотъ, теперъ гоже! Не промочить...»

— Вонъ съ этой стороны-то, Егоръ... А-и-и-ихъ! крикнулъ кто-то изъ толпы и бросился самъ поправлять рогожу.

Готово. Дядя Егоръ взобрался на облучекъ, усѣлся и снялъ шапку. «Господи, благослови...» Народъ тоже крестился.

— Ну, трогай. Добрый путь... Будьте здоровы...

— Прощай, родимая... Благослови тебя, Господь! Насъ не забывай...

Лошадки радостно и бодро тронулись. Блѣдное личико Нины еще разъ мелькнуло сквозь сѣть мелкаго, досаднаго дождя, и затѣмъ телѣжка потонула въ туманной мглѣ... Скучно и тоскливо стало на душѣ...

Народъ медленно сталъ расходиться.

XXIX.

З а к л ю ч е н і е.

Прошло полтора года.

Въ сентябрѣ, въ уѣздномъ городѣ Прихонерскѣ открылись засѣданія IV отдѣленія губернскаго окружнаго суда. Въ эту сессию засѣданія общались быть особенно оживленными, потому

что къ слушанію предназначалось очень интересное дѣло объ убійствѣ, надѣлавшемъ шуму полтора года тому назадъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ прихоперская публика ожидала открытія засѣданій...

Наконецъ, желанный день насталъ. Съ утра къ широкимъ воротамъ такъ называемаго земскаго двора стали съѣзжаться экипажи; на подъѣздѣ толпился народъ. Единственная большая зала мирового съѣзда буквально кишѣла самою разнообразною публикой. Тутъ присутствовали въ полномъ составѣ весь прихоперскій бо-мондъ, шныряли представители судебной власти, робко жались къ стѣнкѣ мужики въ тулупахъ, пріѣхавшіе на базаръ продавать пшеницу... Въ залѣ гулъ стоялъ отъ разговоровъ, смѣха, восклицаній,—словно громадный пчелиный рой неожиданно налетѣлъ сюда и поселился здѣсь хозяйничать. Всюду шли оживленные толки; въ углахъ составлялись небольшія группы, завязывались споры. Особенно весело было въ переднихъ рядахъ, гдѣ сосредоточилось преимущественно дамское общество. Тамъ былъ смѣхъ, шелестъ кружевъ и шелка; тамъ сыпался сдержанный говоръ кавалеровъ, обильно уснащавшихъ рѣчь свою комплиментами, журчалъ нѣжный лепетъ дамъ, раскатывался жирный хохотъ уѣздныхъ бонвивановъ.

Наконецъ, въ залѣ произошло движеніе, всегда предшествующее открытію засѣданія; загремѣли стулья, всѣ спѣшили садиться на мѣста. Звякнули ружья; въ боковыя двери за рѣшеткой, отдѣлявшей публику отъ суда, ввели преступниковъ. Всѣ взоры жадно впились въ вошедшихъ...

Впередъ вошла Вѣра и, не торопясь, заняла свое мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Она вся была въ черномъ; большой черный платокъ скрывалъ ея лицо. Рядомъ съ нею помѣстился Тимофей въ арестантскомъ зипунѣ. Тысячи глазъ съ любопытствомъ устремились на него, словно ища на немъ слѣдовъ крови, словно желая разгадать въ его лицѣ тайну совершеннаго имъ преступленія. Но, къ великому разочарованію многихъ, преступникъ не представлялъ изъ себя ровно ничего особеннаго. Обыкновенный деревенскій паренъ, высокій, широкоплечій; русые кудрявые волосы, открытые сѣрые глаза, блѣдное, нѣсколько утомленное лицо. Равнодушно поглядывалъ онъ вокругъ,—и только разъ, одинъ разъ, въ глазахъ его мелькнула жизнь. Это было тогда, когда онъ взглянулъ на свою подругу...

— Судъ идетъ! отчетливо пронеслось въ залѣ. Снова маленькая суматоха... Судьи разсаживались, сморкаясь и перешептываясь; защитникъ протиралъ свои очки, въ то-же время стараясь принять картинную позу; товарищъ прокурора казался непоколебимымъ во всемъ величїи своей черной, безукоризненно сшитой пары и бѣлоснѣжнаго бѣлья съ золотыми запонками. Въ залѣ воцарилась тишина, только у входа происходила какая-то возня и слышалась сдержанная ругань.

Началось чтеніе обвинительнаго акта. Предъ публикой, деталь за деталью, фактъ за фактомъ, постепенно развертывалась страшная драма. И отъ сухого изложенія драма эта не только не теряла, но даже выигрывала, потому что воображенію предоставлялся полный просторъ. Печальное дѣтство среди пьяной семьи... безвѣтная молодость... семейныя сцены... дивное безобразіе окружающей жизни... Потомъ любовь, всплывшая пожаромъ, мечты о волѣ и счастья вдвоемъ, тихія, лѣтнія ночи на Хопрѣ, — и вотъ все разомъ оборвалось, разсѣялось, какъ дымъ. Суровый отецъ, грозящій сыну «поркой», если не послушается; немилая-постылая жена—и, наконецъ, страшная, темная ночь, подъ покровомъ которой влюбленные рѣшились наперекоръ судьбѣ добыть себѣ счастье...

Когда чтеніе кончилось, вся публика, какъ одинъ человекъ, перевела дыханье. Зрители словно отъ страшнаго сна проснулись.

Въ это время Вѣра, до сихъ поръ сидѣвшая неподвижно, пошевелилась. Душно ей, что-ли, стало, неловко-ли такъ сидѣть, но она выпрямилась и порывистымъ движеніемъ откинула платокъ за плечи. Темныя шелковистыя кудри волной вырвались изъ-подъ платка и рассыпались по спинѣ, на щекахъ чуть алѣлся легкій румянецъ, черныя, жгучіе глаза горѣли. Когда прежде Вѣра не была такъ хороша, какъ въ этотъ печальный день...

По залѣ пронесся шепотъ.

А Вѣра, между тѣмъ, гордо поднявъ голову, презрительно оглянулась на публику. Въ ея красивыхъ глазахъ мелькнуло что-то неувидимое... не то насмѣшка, не то ненависть... и она снова отвернулась.

Начался допросъ. Подсудимые отказались отвѣчать... Вызвали свидѣтелей, — и предъ публикой потянулась цѣлая вереница мужиковъ и бабъ, въ дырявыхъ полушубкахъ и щеголь-

скихъ поддевахъ, съ добродушными, загорѣлыми лицами, словоохотливыхъ, но не краснорѣчивыхъ. Среди этой сѣрой толпы выдѣлялось двѣ-три фигуры «почище», съ рѣчью на манеръ городской, съ претензіей на остроуміе, отзывавшееся кабакомъ и мелочной лавочкой. Но особенно сильное впечатлѣніе произвели показанія отца подсудимаго и самъ онъ. Нѣсколько разъ предсѣдатель принужденъ былъ его останавливать. Онъ то принимался проклинать Вѣру, погубившую его сына,—то обращался въ сторону подсудимыхъ и подымалъ кулакъ... Когда прокуроръ, при допросѣ, вымолвилъ: «вашъ сынъ»—старикъ весь затрясся и поблѣднѣлъ.

— Не сынъ онъ мнѣ, ваше благородіе! глухо перебилъ онъ прокурора. — Не сынъ, а врагъ лютой... Проклять во вѣки-вѣковъ, аки Каинъ-братоубивецъ...

Онъ опять погрозилъ кулакомъ... Его поспѣшили удалить.

За нимъ выкатилась толстенъкая, вся укутанная платками, Панкратьевна и въ сотый разъ рассказала о томъ, какъ она съ покойницей была у писаря въ гостяхъ, какая наливка подавалась, какъ покойница («царство ей небесное!») захмѣлѣла и она попла ее провожать, какія онѣ пѣсни пѣли и т. д. Ея разсказы возбудили въ публикѣ смѣхъ. Потомъ появился мужичекъ, нашедшій въ затонѣ тѣло; волостной писарь, слышавшій угрозы Вѣры... Свидѣтели такъ и чередовались одинъ за другимъ. Въ числѣ ихъ не было только матери Вѣры, да сестры. Первая числилась умершею въ январѣ текущаго года, а вторая—выбывшею неизвѣстно куда изъ села Токарихи, гдѣ она находилась въ учительницахъ. Ни одного близкаго Вѣрѣ человѣка не явилось на судъ...

Засѣданіе длилось съ небольшими перерывами до глубокаго вечера. Судъ спѣшилъ кончить, не откладывая на другой день. Допросъ свидѣтелей былъ оконченъ еще до свѣчей...

— Вы представить себѣ не можете, какъ намъ нужно спѣшить! говорилъ во время перерыва товарищ прокурора кому-то изъ публики.—Къ 28 сентября нужно кончить всѣ дѣла,—а у насъ 13 кражъ, 2 поджога, 3 покушенія на убійство и вотъ это убійство... Это ужасъ! Деморализація полная... Первобытная чистота крестьянскихъ нравовъ упадаетъ...

— Неурожаи! вздохнувъ, воскликнулъ собесѣдникъ.

Подсудимые все время слушали свидѣтельскія показанія съ самымъ равнодушнымъ видомъ. Изрѣдка, впрочемъ, у Вѣры

на лицѣ скользило нѣчто въ родѣ усмѣшки, да одинъ разъ она вспыхнула заревомъ и бросила быстрый взглядъ на Тимофея. Это было въ ту минуту, когда Ярыгинская сноха, Алена, пустилась рассказывать о томъ, что она «своими глазами видѣла, какъ они съ Тимошкой на задворкахъ обнимались»...

Ровно въ половинѣ 9-го товарищъ прокурора началъ свою обвинительную рѣчь. Слова текли плавно, съ приличнымъ отгѣнкомъ напускного жара. Говорилось, разумѣется, о растлѣніи патріархальныхъ нравовъ русскаго крестьянства, о торжествѣ злой воли надъ законами нравственности, «нравственности, но не правосудія, господа присяжные! — Правосудіе не дремлетъ, высоко держа въ своей карающей десницѣ мечъ возмездія»!.. Было и грандіозное сравненіе (по Эспинасу) общества съ организмомъ, а преступника — съ членомъ этого организма, пораженнымъ гангреной, — «гангреной, г-да присяжные, — страшной болѣзью, отъ которой можно избавиться только энергическимъ отсѣченіемъ пораженнаго члена... Рубите-же, г-да присяжные, смѣлѣе... Рубите, — и вы спасете организмъ отъ вѣрной смерти»... А въ заключеніе товарищъ прокурора потребовалъ для подсудимыхъ самой строгой кары, — и, граціозно отирая вспотѣвшій лобъ платкомъ, съ видомъ побѣдителя опустился на свое кресло...

Рѣчь эта была встрѣчена одобреніемъ. Прокуроръ самодовольно озирался по сторонамъ, но онъ не видѣлъ въ массѣ этихъ улыбающихся лицъ, — съ какою ненавистью глядѣли на него два жгучихъ, черныхъ глаза...

Защитникъ говорилъ вяло и плохо. Онъ безпрестанно не то икалъ про себя, не то отхаркивался, отчего многія слова уходили обратно ему въ горло, не коснувшись слуха публики и присяжныхъ. Присяжные даже позѣвывать начали, а въ публикѣ поднялась возня и шорохъ.

Когда рѣчь защитника кончилась, въ залѣ пронесся радостный вздохъ.

— Ну, слава тебѣ Господи, — кончилъ! прошепталъ кто-то довольно громко. Впрочемъ и самъ защитникъ, кажется, былъ очень доволенъ тѣмъ, что онъ «кончилъ». — Онъ сидѣлъ съ видомъ человѣка, исполнившаго долгъ свой, и всей фигурой своей, казалось, говорилъ: «вѣдь это только для проформы, господа, — все равно осудятъ»...

Слово осталось за подсудимыми. Тимофей, на вопросъ пред-

сѣдателя, угрюмо покачалъ головой и остался на своемъ мѣстѣ; Вѣра-же порывисто поднялась со скамьи и заговорила...

— Господа судьи! пронесся въ залѣ ея громкій, грудной голосъ.—Можетъ, и правда, какъ здѣсь говорили, что виноватѣй насъ во всемъ свѣтѣ нѣту,—только вѣдь все-таки и мы тоже, какъ и прочіе, жить хотѣли, если-бы судьба вышла... А коли нѣту намъ воли,—и за грѣхъ свой мы готовы отвѣтить; только судите по закону и по правдѣ...

Голосъ ея оборвался. Она тяжело переводила духъ, словно хотѣла еще что-то высказать,—но мыслей было такъ много въ ея пылавшей головѣ, такой горечью кипѣло ея сердце, что она не могла больше говорить и опустилась на скамью. Кто-то любезно предложилъ ей воды...

Въ первомъ часу ночи присяжные удалились для совѣщаній. Въ залѣ словно проснулись; слышался говоръ, смѣхъ, раздавались восклицанія. Кто хвалилъ прокурорскую рѣчь, кто защищалъ подсудимыхъ, кто просто потягивался, высказывая желаніе «выпить и закусить»... Въ одномъ мѣстѣ даже составлялось пари—оправдаютъ или не оправдаютъ?

Словно громадный пчелиный улей жужжала зала суда, но торжественный возгласъ «судъ идетъ!» — разомъ укротилъ нестройный гулъ и плескъ сотни голосовъ... Все смолкло разомъ. Вѣра замѣтно поблѣднѣла, устремивъ глаза на присяжныхъ; Тимофей-же попрежнему оставался невозмутимымъ. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его словно застывшемъ лицѣ...

— Да, виновны!.. отчетливо раздалось среди гробовой тишины.

Началось чтеніе приговора... «Тимофею Ярыгину... такъ-какъ совершилъ преступленіе по заранѣе обдуманному намѣренію... и дѣйствовалъ въ полномъ сознаніи... 6 лѣтъ каторжной работы... вѣчное поселеніе въ не столь отдаленныхъ мѣстахъ Сибири... Вѣрѣ Новиковой... какъ подстрекательницѣ и сообщницѣ... 4 года... и потомъ вѣчное поселеніе...»

Больше ничего не было уже слышно... Гангренозные члены, по картинному сравненію г. прокурора, были отсѣчены...

Въ публикѣ кто-то ахнулъ,—это одна барыня сожалѣла о проигранномъ пари. Прокуроръ, съ видомъ человѣка, исполнившаго долгъ свой, укладывалъ бумаги въ портфель; защитникъ со шляпой въ рукѣ жестикулировалъ въ боковыхъ дверяхъ предъ однимъ изъ присяжныхъ. Гремѣли стулья...

Въ это время Вѣра съ высоко подымавшеюся грудью обернулась къ Тимофею. Лицо ея пылало, глаза горѣли.

— Въ Сибирь, Тимоша... выговорила она, глядя на парня.

— И въ Сибири люди живутъ, голубка! такъ-же тихо отвѣчалъ ей Тимофей. Въ безстрастныхъ глазахъ его снова свернула любовь и надежда... Вѣра усмѣхнулась... — Въ Сибирь, такъ въ Сибирь, — можетъ, тамъ наше счастье... Пойдемъ!..

Она гордо подняла голову... Ружья звякнули.

Публика гурьбой валила изъ залы. Въ дверяхъ была давка.

В. Дмитріева.

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Разсказъ

Карла Эмиля Францова.

(Окончаніе).

Бергеръ вышелъ изъ зала суда и, быстро сбѣжавъ съ лѣстницы, направился по длинному корридору къ квартирѣ президента. Но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ знакомой двери, шаги его становились все медленнѣе и медленнѣе.

— Тяжело нести такое извѣстіе, пробормоталъ онъ, останавливаясь и жадно вдыхая холодный осенній воздухъ врывавшійся черезъ отворенное окно.

Вдругъ дверь въ концѣ корридора отворилась и изъ нее быстро вышелъ Дернегъ. Всегда беззаботный и веселый старикъ былъ на этотъ разъ сильно возбужденъ.

— Вы вѣроятно идете съ тѣмъ-же извѣстіемъ, заговорилъ онъ, подходя къ Бергеру;—я тоже счелъ своимъ долгомъ сообщить президенту объ... г-мъ!.. какъ-бы помягче выразиться?.. объ этомъ, нельзя сказать чтобъ удачномъ приговорѣ... Ахъ, что это за прекрасный человекъ! Какое тонкое чувство справедливости! Повѣрите-ли? Онъ чуть въ обморокъ не упалъ при моемъ сообщеніи! Ну, право, личное несчастіе не могло-бы сильнѣе поразить его. Пожалуйста, не говорите съ нимъ объ этомъ дѣлѣ; онъ и безъ того ужасно разстроенъ...

— О будьте покойны, отвѣчалъ адвокатъ и поспѣшиль раскланяться.

-- Опоздалъ, думалъ онъ съ досадою;—ему пришлось услышать эту вѣсть отъ чужого!

Зендлингенъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками, и не шевельнулся при входѣ друга. Бергеръ остановился у порога и долго не рѣшался заговорить.

— Вѣдь мы и не ждали ничего другого, Викторъ, сказала онъ наконецъ, тихонько дотрагиваясь до его плеча.

Зендлингенъ опустилъ руки и выпрямился.

— Плохое утѣшеніе! вскричалъ онъ почти гнѣвно, но тотчасъ-же снова опустилъ голову и едва слышно прошепталъ: — рассказывай!

Бергеръ передалъ ему обо всемъ, что произошло на судѣ, пропустивъ только отзывъ Викторины объ отцѣ.

— Сегодня-же пошлю кассационную жалобу, заключилъ онъ свой рассказъ.— Я надѣюсь, что будетъ назначенъ новый разборъ дѣла и, ужь во всякомъ случаѣ, высшій судъ смягчить приговоръ.

— Ты въ этомъ такъ твердо увѣренъ? съ горечью переспросилъ Зендлингенъ.

— Еще-бы! Должны-же мы хоть на столько-то вѣрить въ справедливость высшаго суда имперіи! Къ тому-же дѣло произвело сенсацию и общественное мнѣніе будетъ на сторонѣ подсудимой.

— Тѣмъ хуже! возразилъ Зендлингенъ.— Горе тому, за кого выскажется теперь общественное мнѣніе! Въ Вѣнѣ расположены принимать его за голосъ самой революціи. Къ тому-же министръ занятъ мыслию искоренить дѣтоубійство при помощи двухъ-трехъ висѣлицъ, а тутъ еще преступница изъ образованной среды—такого случая не скоро дождешься и, боюсь, онъ не захочетъ пропустить его.

— Ты слишкомъ мрачно смотришь на дѣло, сказала адвокатъ.

— Можетъ быть! Трудно въ моемъ положеніи смотрѣть иначе. Я не могу надѣяться, Георгъ! О, что мнѣ дѣлать?

— Ничего пока. Надо подождать окончательнаго рѣшенія; она придетъ не позже какъ черезъ два мѣсяца.

— Но каково ей ждать два мѣсяца! вскричалъ Зендлингенъ, ломая руки.— Каково сидѣть въ тюремной камерѣ безъ свѣта и воздуха, наединѣ съ ужасными воспоминаніями и ничего не видѣть впереди кромѣ висѣлицы. Да она съ ума сойдетъ или умретъ раньше чѣмъ придетъ этотъ приговоръ!

— Я буду часто навѣщать ее,—старался успокоить его Бергеръ. Наши филантропки тоже не упустятъ случая испытать силу своего краспорѣчія, хотя, по моему, онѣ могутъ только вытянуть душу у бѣдной дѣвушки.

— Да, да! съ живостью возразилъ Зендлингенъ.— Эти добродѣтельныя ханжи замучать ее своей напускной набожностью. Я долженъ терпѣть ихъ вторженіе въ тюрьмы, такъ какъ министръ имъ сильно покровительствуетъ, но въ ея камеру я не допущу никого, кромѣ моей старой Бригиты, единственнаго добраго существа между ними.

— Твоей экономки? Это невозможно, Викторъ, возразилъ адвокатъ.

— Почему-же?

— Она можетъ догадаться. Викторина похожа на тебя...

— Да?

— Очень похожа! А Бригита такъ хорошо тебя знаетъ, что ей будетъ вовсе не трудно догадаться...

— Ну такъ чтожь? перебилъ его Зендлингенъ;— она не болтлива... Къ тому-же, рано или поздно, все равно догадается. Вѣдь не могу-же я не навѣстить своей дочери?

— Какъ? Да ты съ ума сошелъ, Викторъ!

— Не спорь! Во всемъ остальномъ я готовъ слѣдовать твоимъ совѣтамъ Георгъ, только не въ этомъ.

— Подъ какимъ-же предлогомъ ты къ ней явишься? Развѣ ты навѣщалъ другихъ заключенныхъ?

— Не навѣщалъ, но ее навѣщу. Она моя дочь и я не могу покинуть ее.

— И ты публично заявишь, что она твоя дочь?

— Да заявлю, и безъ всякихъ колебаній, но только когда придетъ на то время. А увижу я ее сегодня-же.

— Ты не сдѣлаешь этого, Викторъ! Пожалѣй ее; такое внезапное открытіе...

— Приготовь ее. Могу подождать до завтра, но никакъ не болѣе. Свиданье необходимо для насъ обоихъ.

Бергеръ былъ въ величайшемъ затрудненіи; онъ живо представлялъ себѣ, какими словами встрѣтитъ Викторина отца, а между тѣмъ не находилъ доводовъ, чтобы удержать Зендлингена отъ задуманнаго посѣщенія.

— Подожди хоть немного, упрощивалъ онъ его.— Она такъ больна, такъ разбита... малѣйшее волненіе можетъ окончательно подкосить ее.

Зендлингенъ поколебался.

— Хорошо, сказалъ онъ;— я не буду говорить съ ней, но увижу ее все-таки завтра-же. Миѣ необходимо ревизовать

тюрьму; я войду въ ея камеру вмѣстѣ съ смотрителемъ и даю тебѣ слово, что ничѣмъ не выдамъ себя.

Печально возвращался Бергеръ домой. Зендлингенъ былъ для него болѣе чѣмъ другомъ; его сердце разрывалось отъ жалости при мысли объ ужасномъ положеніи, въ одни сутки превратившемъ такого смѣлаго и рѣшительнаго человѣка въ безпомощнаго ребенка. Особенно пугалъ его послѣдній разговоръ и этотъ внезапный переходъ отъ полнаго отчаянія къ чрезмѣрной, почти геройской рѣшимости.

— Неужели-же нѣтъ никакого выхода? вскричалъ Бергеръ, останавливаясь у своего стола. Положимъ, моя жалоба подѣйствуетъ, смерть будетъ замѣнена вѣчнымъ заключеніемъ или хоть двадцатилѣтнимъ—развѣ это спасетъ ихъ? Викторина не переживетъ и пяти лѣтъ!—А если устроить бѣгство? Гдѣ нибудь, въ далекой странѣ, она могла-бы еще оправиться и жить счастливо...

«Господи! я самъ кажется съ ума схожу! вдругъ перебилъ онъ себя. Развѣ Викторъ согласится на бѣгство, если совѣсть не позволила ему даже предсѣдательствовать? А если-бы отчаяніе и довело его до такого рѣшенія, я-то самъ не долженъ-ли удержать его?»

Чтобы отдѣлаться отъ бесплодныхъ мыслей, Бергеръ схватилъ выписки изъ дѣла и различныя замѣтки, составленныя имъ для кассационной жалобы, и принялся перечитывать ихъ одну за другою. Средство это подѣйствовало; мысль мало-по-малу сосредоточилась на подробностяхъ процесса.

— Я не могу найти выхода, рѣшилъ онъ; — такъ постараюсь-же по крайней мѣрѣ предотвратить самое ужасное.

Онъ приказалъ никого не впускать къ себѣ, заперся въ кабинетѣ и углубился въ работу. Постепенно имъ овладѣло одушевленіе, перо забѣгало по бумагѣ, явилась увѣренность, что его доводы неотразимы и поколеблять даже предубѣжденныхъ судей. Не отрываясь, просидѣлъ онъ за своимъ письменнымъ столомъ до поздняго вечера и когда взглянулъ на часы, стрѣлка показывала десять. Онъ опоздалъ въ тюрьму и это огорчило его, но дѣлать было нечего, и онъ рѣшилъ навѣстить Зендлингена.

На его звонокъ вышла Бригита. Круглое лицо достойной фрейлейнъ было очень блѣдно и свѣча дрожала въ ея рукѣ.

— Что случилось? вскричалъ адвокатъ едва взглянувъ на нее.

— Ничего, ровно ничего! увѣряла она, хотя руки ея такъ дрожали, что она принуждена была поставить свѣчу на столъ. — Онъ вышелъ и не возвращается, ну и мало-ли что дѣзеть въ голову глупой старухѣ, проговорила она, вытирая хлынувшія слезы.

— Ну, полно; чего вы нюни распустили? съ дружеской фамильярностью проговорилъ Бергеръ, чтобы ободрить ее. Но предчувствіе чего-то недобраго такъ сдавило ему горло, что голосъ задрожалъ, и Бригита едва могла понять продолженіе рѣчи:

— Развѣ онъ не могъ пойти къ знакомымъ и остаться тамъ ужинать? Не обязанъ-же онъ заранѣе докладывать вамъ о своихъ намѣреніяхъ... Онъ вѣроятно у Дернега...

— Нѣтъ! пролепетала она всхлипывая; — тамъ его нѣтъ... и ни у кого изъ знакомыхъ... Францъ вездѣ побывалъ; къ вамъ заходилъ три раза... и теперь бѣгаетъ по улицамъ...

— Пустяки! вскричалъ адвокатъ и, усадивъ свою плачущую собесѣдницу, взялъ ее за руки.

— Ну, поговоримъ серьезно, фрейлейнъ Бригита, какъ благородные люди... Когда онъ вышелъ?

— Часовъ въ семь... къ обѣду онъ не прикоснулся и тотчасъ-же взялъ шляпу и вышелъ... Господинъ Георгъ, вскричала она умоляющимъ голосомъ, — скажите мнѣ, ради Бога, что случилось вчера въ судѣ?

— Ничего! что могло тамъ случиться?

Она покачала головой.

— Не обманете вы меня! Изъ Вѣны онъ пріѣхалъ такимъ какъ всегда, это здѣсь съ нимъ случилось несчастье. Я сначала думала, что онъ заболѣлъ, а теперь знаю, что у него горе... больше горе... Ради Господа Бога, господинъ Георгъ, скажите мнѣ всю правду!

— Будьте благородны, фрейлейнъ Бригита, упрасивалъ адвокатъ. Викторъ дѣйствительно болѣвъ... сердце... и нервы тоже...

— Нѣтъ! нѣтъ! отрицала она. — Я догадываюсь, въ чемъ тутъ дѣло!

— О чемъ-же вы догадываетесь?

— Тамъ дѣлается что-то, отъ чего ему нѣтъ покоя, сказала она, указывая рукою въ сторону тюрьмы.

Бергеръ вздрогнулъ.

— Почему вы знаете?

— Вижу по поступкамъ. Слушайте только... Она утерла глаза энергическимъ движеніемъ человѣка, твердо рѣшившагося не давать воли слезамъ.—Послушайте!.. Вхожу я сегодня въ кабинетъ, позвать его къ обѣду, а онъ стоитъ передъ письменнымъ столомъ и роется въ ящикахъ. «Что вы ищете, баронъ?» спрашиваю его. Онъ ничего не отвѣтилъ и выслалъ меня изъ комнаты. Минуть черезъ двадцать вхожу опять, — онъ все еще роется. «Не видали-ли, спрашиваетъ, старыхъ ключей, которые остались отъ моего предшественника?» — «Какъ-же, говорю, видѣла; отъ дверей и мебели?»—Нѣтъ, говорить, отъ калитки... да и замолчалъ, озирается такъ... точно проговорился въ чемъ. «Отъ какой, спрашиваю, калитки?» Онъ пробормоталъ что-то непонятное и велѣлъ уходить; «супъ, молъ, подождеть». Я это рассказываю Францу, а онъ и догадался. «Можетъ, говорить, ему нужны ключи, что въ шкапу на верхней полкѣ лежать». Досталъ это онъ ихъ; большая такая связка, и всѣ ржавые прержавые...

— Что-же дальше? нетерпѣливо подгонялъ ее Бергеръ.

— Принесла я ему эти ключи; цѣлая связка ихъ и на каждомъ билетикъ съ надписью. Онъ ихъ сталъ перебирать, а руки такъ и дрожать, такъ, дрожать... Наконецъ, схватилъ одинъ ключъ, обрадовался. «Вотъ этотъ», говорить, и положилъ его въ карманъ. Тутъ онъ повернулся и замѣтилъ, что я не ушла. Ахъ, Господи! какими онъ глазами на меня посмотрѣлъ! Никогда не забуду! Боязливими такими, да злыми! «Вы тутъ чего подсматриваете?» говорить. Такъ и сказалъ: «подсматриваете», а вѣдь онъ меня пятнадцать лѣтъ знаетъ, господинъ Георгъ!

— Больной человѣкъ, съ него нельзя взыскивать! успокоивалъ ее Бергеръ;— что-же дальше?

— Сѣли за столъ. Онъ, вы знаете, никогда больше одного стакана бордо не пилъ, а тутъ выпилъ цѣлыхъ три, съѣлъ ложки двѣ супу и вышелъ изъ-за стола. Я и говорю Францу... Ну, да этого вы слушать не захотите, господинъ докторъ; лучше я вамъ расскажу, что дальше было. Господи Боже мой!..

— Говорите, говорите!

— Минуть черезъ десять слышимъ мы въ передней шаги и дверь хлопнула, вышелъ, значить, по такой-то погодѣ! Немного погода, подходит ко мнѣ Францъ и шепчетъ: «Онъ,

говорить, по двору ходить!» Я такъ и обомлѣла: что ему, думаю, на дворъ нужно? Пошли мы въ спальню; изъ окна, вы знаете, весь дворъ видѣнъ. Баронъ ходитъ около тюремной стѣны, какъ-будто ищетъ чего-то. Дождикъ накрапываетъ и темнѣло уже, а все-таки можно было разглядѣть, какъ онъ около калитки остановился и озирается во всѣ стороны. На окна посмотрѣлъ тоже. Всѣ служащіе уже разошлись, только мы съ Францомъ и видѣли, какъ онъ вынулъ изъ кармана ключъ и сталъ отпирать калитку. Долго онъ около нея возился, наконецъ отперъ и тотчасъ-же опять заперъ, точно по-пробовать хотѣлъ: тотъ-ли ключъ. Что вы на это скажете, господинъ Георгъ?

— Это та калитка, черезъ которую съ вашего двора можно пройти на тюремный?

— Та самая, маленькая такая....

— Ну, что-же дальше?

— Послѣ того вышелъ онъ на главную площадь и, кажется, къ вамъ собирался. Францъ за нимъ издали подсматривалъ. Г. баронъ перешелъ, было, площадь, потомъ вдругъ повернулъ назадъ, къ дому, только не съ нашей стороны подошелъ, а съ тюремной и остановился передъ воротами. Францъ говорить: «съ четверть часа простоялъ!» Потомъ вернулся на площадь и опять обошелъ вокругъ дома, да такъ до трехъ разъ.

— И опять остановился у тюремныхъ воротъ, медленно произнесъ Бергеръ, какъ-бы говоря самъ съ собою.

— Почему вы знаете?

— Онъ, можетъ быть, и теперь тамъ стоитъ, сказалъ Бергеръ. Фраза невольно сорвалась съ его языка; ему живо представился его несчастный другъ въ темнотѣ и подъ дождемъ, одиноко стоящій передъ тюремными воротами.

— Теперь стоитъ?! Господи Боже мой! — Фрейленъ Бригита въ ужасѣ перекрестилась. — Пойдемте, посмотримъ! Вотъ только большой платокъ накину... Сами видите, что моя правда! Вѣрно несчастье случилось въ тюрьмѣ; тамъ что-нибудь несправедливое сдѣлали, вотъ онъ и мучится, потому-что онъ не можетъ выносить неправды.

— Потому что онъ не можетъ выносить неправды.. машинально повторилъ Бергеръ. — Онъ съ-ума сошелъ! мелькнуло въ то-же время въ его головѣ. Эта мысль заставила его стря-

нуть съ себя странное оцѣпенѣніе, овладѣвшее имъ подъ вліяніемъ разсказа Бригиты.

— Оставайтесь дома! распорядился онъ. — Положитесь на меня, я найду Виктора и приведу къ вамъ. Въ какомъ мѣстѣ оставилъ его Французъ?

— Старикъ оплошалъ, пожаловалась Бригита. — Когда г. баронъ въ третій разъ вернулся на площадь, онъ къ нему подошелъ и сталъ звать домой. Г. баронъ очень разсердился и прогналъ его, а потомъ закричалъ ему вслѣдъ, что идетъ къ Дернегу. Только тамъ онъ не бывалъ...

— Ну, успокойтесь фрейлейнъ Бригита, до свиданія!

Онъ вышелъ и сталъ спускаться съ лѣстницы; она свѣтила ему съ верхней площадки.

— Не падайте духомъ! крикнулъ ей Бергеръ, оборачиваясь въ послѣдній разъ. Однако и самъ Бергеръ нуждался въ ободреніи. По дорогѣ къ тюрьмѣ ему каждое мгновеніе казалось, что вотъ-вотъ онъ увидитъ блѣдную фигуру своего друга. Но два фонаря, укрѣпленные по сторонамъ тюремныхъ воротъ, не освѣщали ничего, кромѣ грязной мостовой, растрескавшейся штукатурки на стѣнѣ да блестящей отъ дождя желѣзной обивки воротъ. Бергеръ сталъ прислушиваться, но кругомъ раздавался только мѣрный стукъ дождевыхъ капель да шумъ голыхъ деревьевъ на городскомъ валу, подъ порывами ночнаго вѣтра.

— Викторъ!

Изъ сторожевой будки у воротъ выглянулъ на мгновеніе овябшій часовой, прятавшійся тамъ отъ непогоды и, проворчавши какое-то бранное слово, снова скрылся, крѣпче кутаясь въ промокшій плащъ.

Бергеръ перевелъ дыханіе. Ему показалось, было, что въ темнотѣ, за освѣщеннымъ пространствомъ, стоитъ бѣдный сумасшедшій и смотритъ на ворота, за которыми сидитъ его дочь. Но площадь была пуста. На душѣ молодого человѣка стало еще мрачнѣе. Онъ медленно отошелъ отъ тюрьмы, обогнулъ домъ, перешелъ площадь и быстро направился по первой попавшейся улицѣ, все ускоряя шаги, точно онъ долженъ былъ куда-то поспѣть во-время, чтобы предупредить готовящееся несчастіе.

Улицы были пусты, только вѣтеръ разгуливалъ по нимъ, донося до слуха Бергера тѣ неопредѣленные, глухіе звуки,

которые слышатся только въ ночной тишинѣ и пугаютъ чело-
вѣка, какъ гелось смерти, заглушенный днемъ шумомъ и суетою жизни.

На рыночной площади ему пришлось остановиться и оглядѣться, чтобы выбрать направленіе. Въ углубленіи большаго монумента дремалъ ночной сторожъ; Бергеръ былъ въ нерѣшимости: растолкать-ли его и распросить, или оставить въ покоѣ?

Вдругъ изъ сосѣдней улицы на площадь вышла человѣческая фигура, медленно и согнувшись пробиравшаяся подлѣ домовъ.

Неужели это Францъ? Трудно было разсмотрѣть при слабомъ свѣтѣ фонарей, мерцавшихъ въ туманѣ. Фигура приближалась; она шла какъ-то нерѣшительно, безпрестанно оставаясь и заглядывая во всѣ углы и ворота. Вотъ она выпрямилась, проходя подъ однимъ изъ фонарей, и Бергеръ дѣйствительно узналъ стараго слугу.

«Точно вѣрный песь, потерявшій своего господина», подумалъ адвокат и поспѣшилъ на встрѣчу.

— Вы не видѣли его?! съ крикомъ бросился къ нему Францъ.

— Успокойся, старина, будемъ искать вмѣстѣ, предложилъ Бергеръ.

— Нѣтъ, порознь! возразилъ Францъ;— вы въ нижнемъ городѣ, а я въ верхнемъ... Нельзя терять ни минуты.

Бергеръ не сталъ спорить и пошелъ внизъ по широкой улицѣ, ведшей къ рѣкѣ. Здѣсь находилось большинство увеселительныхъ заведеній города и, несмотря на поздній часъ, было свѣтло и шумно. Нѣсколько разъ ему приходилось уступать дорогу пьянымъ кутиламъ или разряженнымъ женщинамъ, задѣвавшимъ его своими юбками. Онъ шелъ впередъ. Улица сужилась и потемнѣла; впереди, по одному съ нимъ направленію, но гораздо медленнѣе, двигался какой-то огонекъ. Бергеръ догналъ его; лакей съ большимъ фонаремъ въ рукѣ шелъ впереди, освѣщая дорогу маленькому, сухому господину, который очень бодро и даже весело, несмотря на непогоду, смѣнилъ ножками подъ огромнымъ дождевымъ зонтикомъ.

Бергеръ узналъ вице-президента и хотѣлъ молча пройти мимо, но тотъ окликнулъ его.

— А, господинъ докторъ! что это вы бѣгаете такъ поздно по улицамъ? Мнѣ сегодня удача! хе! хе! хе! Не болѣе какъ пять минутъ тому назадъ я видѣлъ президента, а теперь...

— Вы видѣли его?

— Васъ это удивляетъ?.. Меня также... Только что я вышелъ отъ моего зятя, совѣтника финансовъ, какъ встрѣтилъ президента. Я хотѣлъ остановить его, чтобы сообщить новость... Кстати, г. Бергеръ, можете меня поздравить! Хотя вы и очень сердили меня утромъ, чрезвычайно сердили, но я вамъ прощаю на радостяхъ: у меня родился внукъ. Прекрасный ребенокъ и какъ кричить!..

— Гдѣ вы видѣли президента?

— Около Вурстгассе... Но что съ вами? У васъ такой разстроенный видъ!.. И этотъ не слушаетъ! Что съ ними такое?

Бергеръ былъ уже далеко. Не попрощавшись съ вице-президентомъ, онъ бросился по указанному направленію и скоро очутился въ узкой, грязной улицѣ, населенной носильщиками и матросами. Она круто спускалась къ рѣкѣ и заканчивалась кабакомъ, обычнымъ мѣстомъ увеселенія всѣхъ жителей Вурстгассе. И теперь еще въ его окнахъ свѣтился огонь и слышались пѣсни и хохотъ собравшейся компаніи.

Узкій мостикъ для пѣшеходовъ былъ перекинутъ надъ быстрой и мутной рѣкой, шумѣвшей отъ половодья.

Дойдя до берега, Бергеръ остановился въ нерѣшимости. Мостикъ имѣлъ въ ширину не болѣе двухъ шаговъ; его перила подгнили; скользкія доски шатались; на противоположномъ концѣ слабо свѣтился одинокій фонарь, то вспыхивая, то едва мерцая. Мѣсто было пустынно и мрачно; Бергеръ не двигался, не зная, идти-ли ему впередъ или вернуться домой.

Вдругъ слабый крикъ вырвался изъ его груди: на мосту появился человекъ, котораго онъ готовъ былъ принять за Зендлингена, еслибъ не боялся, что напряженные нервы снова обманываютъ его. Человекъ приближался медленными, невѣрными шагами, держась за перила. Фонарь вспыхнулъ и освѣтилъ на мгновенье длинный плащъ и сѣрую шляпу. Бергеръ не сомнѣвался болѣе.

Онъ хотѣлъ закричать, но слово вылетѣло едва слышнымъ звукомъ, какъ въ кошмарѣ. Онъ хотѣлъ броситься впередъ и

остался на мѣстѣ, пораженный видомъ своего друга. Зендлингенъ не слышалъ ничего и, остановившись шагахъ въ десяти отъ Бергера, прислонился грудью къ периламъ и, наклонясь, смотрѣлъ внизъ на бушующую рѣку.

Прошло нѣсколько секундъ; фонарь снова вспыхнулъ на мгновенье. Бергеръ видѣлъ, или ему показалось, что Зендлингенъ, съ вытянутыми впередъ руками, перевѣшивается черезъ перила.

— Викторъ!

Въ два прыжка Бергеръ былъ около друга и обхватилъ его руками.

— Георгъ! странно прозвучало ему въ отвѣтъ и никто не взялся-бы рѣшить, что слышалось въ этомъ крикѣ: молились о помощи или неудовольствіе за неожиданную помѣху?

Бергеръ почувствовалъ какъ тѣло, вздрагивавшее въ его рукахъ, вдругъ стало неподвижно и тяжело какъ трупъ; Зендлингенъ упалъ въ обморокъ...

Черезъ минуту въ окно кабака на набережной такъ сильно постучали, что одно изъ стеколъ разлетѣлось въ дребезги. Хозяинъ и посѣтители выскочили на стукъ съ громкой брабью, съ твердымъ намѣреніемъ намять бока запоздалому пьяницѣ, но тотчасъ-же смолкли, увидя блѣднаго человѣка съ странной пошей на рукахъ. Хозяинъ, узнавшій безчувственное лицо, шепнулъ его имя гостямъ, и полупьяные, ночные засѣдатели кабака почтительно окружили больного и стояли тихо, почти благоговѣнно, какъ въ церкви.

Зендлингенъ лежалъ на скамьѣ, безъ всякихъ признаковъ жизни: дыханія не было замѣтно, и водка, которой натерли ему грудь, не оказала никакого дѣйствія. Пришелъ врачъ для блѣдныхъ, позванный однимъ изъ матросовъ, и своими эссенціями добился того, что больной наконецъ открылъ глаза. Но взглядъ былъ дикъ и безсмысленъ, а съ блѣдныхъ губъ стали срываться странные слова.

— Надо поскорѣе снести его домой, сказалъ врачъ;— у него начинается нервная горячка.

Изъ ближайшаго госпиталя достали носилки, старательно уложили на нихъ больного и понесли скорымъ шагомъ. Врачъ и Бергеръ шли подлѣ.

На рыночной площади они наткнулись на Франца.

— Умерь! вскричалъ онъ. Но узнавши, что только боленъ, ни слова не говоря, поспѣшилъ домой.

Когда принесли больного, тамъ все уже было готово къ его приему, послана постель и приглашенъ домашній врачъ.

— Болѣзнь очень серьезна, сообщилъ онъ адвокату, послѣ осмотра больного.— Лихорадочное состояніе и бредъ... Я приписываю это усиленной работѣ въ Вѣнѣ, а можетъ быть помогла и простуда.

Бергеръ молчалъ, раздумывая о томъ, не слѣдуетъ-ли сообщить врачу объ истинной причинѣ болѣзни?

Человѣку постороннему слова Зендлингена могли казаться горячечнымъ бредомъ, но Бергеръ зналъ, что не бредъ заставляетъ его рыдать, зарывши лицо въ подушки. Физическія послѣдствія ночнаго скитанья подъ дождемъ и бурей только лишили несчастнаго всякаго самообладанія и не позволяли скрывать своего безпомощнаго отчаянія.

У постели больного остались только Бергеръ и домашній врачъ, такъ-какъ Франца услали въ аптеку.

Зендлингенъ подозвалъ Бергера.

— Уйди, Георгъ! проговорилъ онъ съ большимъ смущеніемъ;— развѣ ты не понимаешь, какъ мнѣ тяжело тебя видѣть?

Врачъ покачалъ головою; слова показались ему совершенно безумными, но Бергеру они были слишкомъ понятны.

Онъ вышелъ и сѣлъ въ передней, передъ его глазами носилась картина уединеннаго мостика слабо освѣщеннаго мигающимъ фонаремъ, надъ бурной рѣвкой.

Пришелъ Францъ съ лекарствомъ, и Бергеръ попросилъ его вызвать доктора.

— Я долженъ сообщить вамъ, сказалъ онъ послѣднему, что съ президентомъ случилось большое несчастье. Вы конечно безсильны помочь въ этомъ, но вы можете дать чегонибудь успокоительнаго, мнѣ кажется, что теперь сонъ для него всего нужнѣе.

Докторъ не предложилъ никакого вопроса.

— Пожалуй, вы и правы, сказалъ онъ послѣ небольшого молчанія, — къ счастью я захватилъ съ собою усыпляющее средство.

Онъ ушелъ въ комнату больного и минутъ черезъ десять позвалъ Бергера. Зендлингенъ спалъ глубокимъ сномъ, по

всей вѣроятности безъ сновидѣній, такъ-какъ черты лица его были спокойны.

— Сколько времени проспигь онъ? спросилъ Бергеръ.

— До полудня, а можетъ быть и дольше. Когда проснется, можно будетъ рѣшить, не есть-ли это начало серьезной болѣзни.

Докторъ вышелъ, а Бергеръ отправился въ тюрьму.

— Какъ здоровье Липпертъ? спросилъ онъ смотрителя, встрѣтясь съ нимъ въ воротахъ.

— Несчастная дѣвушка! отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами;— не долго ей жить, да оно и къ лучшему!

— Она серьезно заболѣла?

— Нѣтъ, все по старому, но врачъ говорилъ вчера, что будь у нея какія-нибудь надежды и охота жить, она, можетъ быть, еще и поправилась-бы. А теперь сгорить какъ свѣча... Кстати, вы подаете таки кассационную жалобу?

— Конечно.

— Какъ знаете... Но только, по-моему, напрасный трудъ; она умретъ раньше, чѣмъ придетъ отвѣтъ.

— Боже сохрани! вскричалъ Бергеръ.

Разстроенный вошелъ онъ къ Викторинѣ.

Та лежала на постелѣ и при входѣ посѣтителя котѣла приподнятся, но тотъ удержалъ ее.

— Какъ вы себя чувствуете? пробормоталъ Бергеръ, пожимая ея руку.

— Хорошо, сказала она тихонько;— скоро будетъ совсѣмъ хорошо.

Онъ понялъ, на что намекала она.

— Бѣдное дитя мое, сказалъ онъ;— вы такъ молоды, почему не хотите вы надѣяться?

— На что мнѣ надѣяться?

— На лучшее будущее. Я уже составилъ кассационную жалобу и сегодня-же пошлю ее; вы навѣрное будете помилованы.

— Это было-бы ужасно, сказала она.—Я умоляла васъ не подавать жалобы, но вы не послушали. Я не сержусь, впрочемъ; въ васъ говорило состраданіе, а можетъ быть и чувство справедливости. Теперь мнѣ все равно; я проживу такъ мало, что, во всякомъ случаѣ, не выйду живая изъ камеры. Я знаю это со вчерашняго дня.

— Докторъ не долженъ былъ говорить вамъ такихъ вещей! вскричалъ Бергеръ.

— Наоборотъ, онъ былъ очень добръ ко мнѣ. Развѣ не лучше знать правду хоть для того, что-бы не бояться палача? Но докторъ не хотѣлъ говорить, слова вырвались у него нечаянно. Онъ уговаривалъ меня ободриться, надѣяться, вотъ какъ вы обыкновенно... «Иначе, сказалъ онъ, вы пропади, медицина бессильна внушить вамъ желаніе жить, а при такомъ упадкѣ духа вы будете своимъ собственнымъ палачемъ». Онъ очень испугался, когда я поблагодарила его за такое извѣстіе, какъ за величайшее благодѣяніе... Потомъ, по его-же просьбѣ, ко мнѣ приходилъ священникъ и тоже уговаривалъ, но только...

Она глубоко вздохнула и задумалась.

— Я хочу вѣрить, заговорила она послѣ нѣкоторой паузы.— Хотя трудно вѣрить въ Божью справедливость послѣ такой жизни, какъ моя... но теперь я хочу... вѣрить. Пасторъ могъ сказать только, что справедливость наступитъ тамъ, на небесахъ. Онъ говорилъ очень убѣдительно и я стараюсь вѣрить, но вѣдь отъ этого мнѣ смерть становится еще желаннѣе, а жизнь отвратительнѣе. Тамъ есть еще надежда, а тутъ...

— Надѣюсь, пасторъ Ронъ не хотѣлъ внушить вамъ такихъ мыслей, вскричалъ адвокатъ;—вы не такъ его поняли.

— Нѣтъ, возразила она;—я старалась понять его и поняла все, кромѣ одного... вопроса, на которомъ онъ, правда, всего больше настаивалъ.

— Что-же это такое?

— Онъ спрашивалъ, нѣтъ-ли на свѣтѣ кого-нибудь, для кого моя жизнь была-бы дорога? Я отвѣчала, что нѣтъ. Тогда онъ спросилъ меня объ... вы знаете объ чемъ... Я не хочу говорить объ этомъ ненавистномъ предметѣ.

— Нѣтъ! вскричалъ адвокатъ, блѣднѣя, умоляю васъ, будемъ говорить... Онъ спросилъ о вашемъ отцѣ?

Она наклонила голову и легкая краска разлилась по ея блѣднымъ щекамъ.

— Что-же вы отвѣчали ему?

— То, что я и вамъ говорила, сказала она приподнявшись:—Я не знаю его, но если-бы знала, то могла-бы только ненавидѣть и презирать человѣка, погубившаго мою мать!

Она произнесла эти слова съ такой энергіей и силой, которыхъ трудно было ожидать отъ нея; затѣмъ она снова безсильно опустилась на постель.

— И вы остались при своемъ, не смотря на всѣ убѣжденія Рона, потому что онъ конечно внушалъ вамъ, что передъ... что въ вашемъ положеніи должно прощать, а не ненавидѣть, что тотъ, кто надѣется на милосердіе Божіе, долженъ самъ прощать обиды.

— Да! отвѣчала она;—онъ говорилъ мнѣ все это, но вѣдь это одни пустыя слова

— Не сердитесь, снова заговорилъ Бергеръ послѣ нѣкотораго молчанія;—что я настаиваю на такомъ непріятномъ для васъ предметѣ. Но позвольте мнѣ предложить вамъ еще одинъ вопросъ: что, если этотъ человѣкъ былъ несчастенъ? Что, если ему пришлось противъ собственной воли нарушить свой долгъ относительно вашей матери?

— Этого не могло быть, отвѣчала она.

— Вы такъ думаете?

— Я это знаю.

— Знаете? съ удивленіемъ переспросилъ Бергеръ;—такъ вы его знаете?

— Я знаю, что у него за сердце и характеръ, и этого съ меня достаточно, хотя мнѣ не извѣстно ни его имя, ни положеніе и я не знаю даже живъ онъ, или умеръ. Впрочемъ, до этого мнѣ и дѣла нѣтъ; для меня онъ никогда не жилъ!

— Вы читали его письма, или ваша мать рассказывала вамъ о немъ?

— Да, мать! И то, что она, такая добрая, говорила о немъ съ ненавистью, доказываетъ, какой онъ былъ дурной человѣкъ. Она только одинъ разъ и говорила со мной о немъ, когда я попросила ее объяснить мнѣ, почему многіежимаютъ плечами, говоря о ней и о моемъ положеніи. Я была уже достаточно велика, чтобы понимать, и она отвѣтила на мой вопросъ... О немъ она сказала: «Если-бы онъ былъ легкомысленъ или слабъ, я могла-бы простить ему, но я никогда не встрѣчала человѣка, который смотрѣлъ-бы на вещи такъ серьезно, обдумывалъ каждый свой поступокъ. Онъ покинулъ меня на позоръ изъ безграничнаго эгоизма, по холодному обдуманному расчету, какъ помѣху для своей карьеры». Вы

видите, онъ былъ еще хуже, чѣмъ тотъ человѣкъ, который меня погубилъ.

— Нѣтъ! въ сильнѣйшемъ волненіи вскричалъ адвокатъ.

— Что? спросила она такимъ тономъ, какъ будто не слышала громкаго восклицанія адвоката.

— Вы несправедливы къ нему.

Она пожала плечами.

— Несправедлива? Почему вы знаете? Развѣ вы знакомы съ нимъ?

Онъ не находилъ, что сказать.

— Нѣтъ незнакомъ, пробормоталъ онъ наконецъ.

— Такъ почему-же вы возражали съ такой увѣренностью?

— Потому что... потому что несчастье часто дѣлаетъ несправедливымъ.

— А! Понимаю! сказала она съ горечью.—И вы, и вы тоже не считаете возможнымъ вѣрить моей матери, потому только, что ее обмануль негодяй!

— Ахъ нѣтъ! нѣтъ! поспѣшилъ онъ увѣрить ее.—Я знаю, что ваша мать была благороднѣйшая изъ женщинъ; вѣдь я читалъ ея письма къ вамъ...

Онъ спросилъ, не принести-ли ей книгъ? Она отказалась и онъ вышелъ изъ камеры.

— Викторъ не долженъ ее видѣть, думалъ Бергеръ; — надо, во что бы то ни стало, помѣшать ихъ свиданію!

Но почти тотчасъ-же ему пришлось удостовѣриться, что помѣшать этому невозможно.

Когда онъ проходилъ по площади, одно изъ оконъ квартиры президента отворилось и изъ него высунулась фрейлейнъ Бригита.

— Идите скорѣй сюда, господинъ Георгъ! кричала она, махая руками въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

Онъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, она бросилась ему на встрѣчу.

— Самъ Богъ послалъ васъ, всхлипывала она, хватая его руки.—Мы не знаемъ, что дѣлать! Онъ хочетъ куда-то идти! Ужъ одѣвается! Не знаемъ, что ему вздумалось. Сейчасъ у него сидѣлъ пасторъ Ронъ и мы еще радовались, что они такъ спокойно разговариваютъ, а тутъ вдругъ собрался уходить. Это у него горячка вернулась, но не можемъ-же мы связать его!

Бергеръ вошелъ въ спальню. Зендлингенъ одѣвался при помощи Франца; завидя входящаго, онъ сильно покраснѣлъ и замахалъ руками.

— Это они позвали тебя! Совершенно напрасно; ты меня не удержишь! закричалъ онъ въ нетерпѣннѣи.

Бергеръ сдѣлалъ знакъ Францу, чтобы тотъ вышелъ, и, взявъ за руки Зендлингена, сталъ пристально всматриваться въ него. Лицо больного было очень блѣдно, но глаза не имѣли лихорадочнаго блеска и въ нихъ не замѣчалось того страннаго выраженія, которое беспокоило Бергера наканунѣ.

— Куда ты идешь? спросилъ онъ.

— Къ Викторинѣ.

— Это невозможно!

— Это необходимо! настойчиво вскричалъ Зендлингенъ. — Я съ ума сойду, если не увижу ее! Когда я проснулся, продолжалъ онъ, понижая голосъ, — то почувствовалъ какъ опять возвращается вчерашнее отчаянiе... Тутъ я услышалъ голосъ Рона въ сосѣдней комнатѣ и приказалъ впустить его. Мнѣ просто захотѣлось кого-нибудь видѣть. Я боялся самого себя...

— Ты спрашивалъ Рона о Викторинѣ?

— Нѣтъ, онъ самъ рассказалъ о своемъ разговорѣ съ нею и передалъ мнѣнiе доктора, что она умретъ отъ упадка духа, отъ простого отсутствiя желанiя жить, потому что у нея нѣтъ ни одного близкаго существа на землѣ. Ты представишь себѣ не можешь, какъ подѣйствовали на меня эти слова. Мнѣ стало еще больше, еще ужасше, а между тѣмъ я, право, готовъ былъ броситься на колѣни передъ Рonomъ. Онъ, самъ того не зная, указалъ мнѣ цѣль. Я знаю теперь, для чего надо жить.

Бергеръ молчалъ, раздумывая: долженъ-ли онъ сказать ему правду?

— Подумай еще! попросилъ онъ, чтобы выиграть время; — что, если ты выдашь себя служащимъ?

— Не выдамъ! А еслибы и такъ? Неужели ты не понимаешь, что въ моемъ положенiи нельзя заботиться о себѣ.

— Но развѣ ты спасешь ее своимъ посвѣщенiемъ?

— Я сдѣлаю, что могу. Измѣнить положенiе не въ моихъ силахъ, но, быть можетъ, мнѣ удастся спасти свою дочь отъ отчаянiя. Я скажу ей: живи для своего отца, какъ я живу

для тебя и, можетъ быть, эта мысль подвѣствуетъ на нее такъ-же благотворно, какъ подвѣствовала на меня... О, если-бы ты зналъ, Георгъ, какъ ужасна была эта ночь...

Онъ остановился, вздрагивая отъ ужаса.

Онъ протянулъ руку къ звонку. Бергеръ удержалъ его.

— Погоди еще хоть часъ, попросилъ онъ; — я вижу, что невозможно удержать тебя, но позволь мнѣ сперва хоть поговорить съ нею, приготовить ее.

— Зачѣмъ? Я и самъ заговорю съ нею какъ можно осторожноѣе.

— Ты слишкомъ возбужденъ! Уступи мнѣ хоть въ этомъ! Ты обѣщаль вчера.

— Хорошо, ступай! Но не задерживай меня ни минуты долѣе.

Бергеръ обѣщаль и ушелъ.

Смотритель былъ видимо удивленъ, когда Бергеръ вторично потребоваль пропуска въ камеру. Сама Викторина встрѣтила его вопросительнымъ взглядомъ. Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руки.

— Выслушайте меня, заговорилъ онъ; — я сказалъ вамъ неправду, хоть и съ самыми лучшими намѣреніями, но ложь всегда останется ложью. Я знаю вашего отца, знаю лучше, чѣмъ самого себя!

— Какъ? Вы его знаете?

— Онъ—мой лучший другъ. Цѣлыхъ десять лѣтъ онъ дѣлится со мною всякой мыслью, всякимъ чувствомъ.

— Вашъ другъ? Этого быть не можетъ. Не вы ли говорили мнѣ, что онъ, вѣроятно, живетъ въ Буковинѣ?

— Я не зналъ тогда ничего самъ. Онъ живетъ здѣсь, и такихъ хорошихъ, благородныхъ людей, какъ онъ, очень мало на свѣтѣ.

— Быть не можетъ, прошептала она, отвертываясь.

— Викторина! вскричалъ онъ; — неужели вы считаете меня способнымъ обманывать васъ въ такомъ дѣлѣ и такимъ образомъ? Вѣдь это было-бы величайшей низостью! Клянусь вамъ, Викторина, я не знаю человѣка лучше его!

— Такъ, стало быть, лгала моя мать? вскричала она, выпрямаясь. — Неужели я должна вѣрить вамъ болѣе, чѣмъ матери?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бергеръ, ваша мать говорила правду.

Онъ дѣйствительно покинулъ ее, но не по слабости, не по легкомыслию и конечно не изъ холоднаго расчета. Онъ дѣйствовалъ по принужденію, не постороннему, а внутреннему, наложенному на него его воспитаніемъ, убѣжденіями — словомъ всѣмъ его существомъ, какимъ оно было тогда. Къ тому-же онъ былъ подавленъ стеченіемъ такихъ несчастныхъ обстоятельствъ, что нужна была нечеловѣческая сила, чтобы противостоятъ имъ. Я убѣжденъ, что никто — да и я самъ — не оказался-бы сильнѣе на его мѣстѣ. Никто, Викторина!..

— Мать думала иначе, возразила она. — А какое оправданіе найдете вы тому, что онъ ни разу не позаботился о своемъ ребенкѣ?

— Онъ не зналъ о вашемъ существованіи! вскричалъ Бергеръ; — я готовъ чѣмъ угодно поклясться въ этомъ. Если-бы онъ случайно узналъ, что у него есть дитя, онъ не успокоился-бы, пока не защитилъ его отъ всѣхъ невзгодъ. И долгъ и чувство побудили-бы его къ этому. У него нѣтъ другихъ дѣтей, Викторина, и онъ былъ-бы счастливъ, если-бы имѣлъ возможность сдѣлать для своей дочери все то хорошее, чего не могъ уже сдѣлать для ея матери.

Онъ замолчалъ, пересиливая волненіе; она тоже молчала.

— Подумайте, Викторина, снова заговорилъ онъ; — что долженъ испытывать благородный человѣкъ, внезапно узнавшій, что ребенокъ его живъ, что онъ находится въ такомъ ужасномъ положеніи и что въ то-же время онъ ничего не можетъ сдѣлать для его спасенія?

Она молчала, но ея лицо оставалось неподвижно, какъ будто она не слышала его рѣчи.

— Говорите-же! Отвѣчайте мнѣ! умолялъ онъ.

— Что-же мнѣ сказать вамъ? проговорила она. — Если онъ дѣйствительно страдаетъ, тѣмъ лучше.

— Тѣмъ лучше?

— Да! да! подтвердила она со страстью. — Мы обѣ, я и мать, мы выстрадали изъ-за него гораздо больше.

— Неужели и за свои страданія вы обвиняете его-же? Справедливо-ли это, Викторина?!

— Да, справедливо! Если-бы онъ не поступилъ такъ подло съ моей матерью, развѣ я была-бы теперь здѣсь?..

Бергеръ сдѣлалъ попытку сказать что-то въ его защиту.

— Я не хочу ничего слушать! нетерпѣливо прервала его молодая дѣвушка; — мнѣ нѣтъ до него никакого дѣла! Я не позволю вамъ отнять у меня моей ненависти; онъ вполне заслужилъ ее.

— Заслужилъ! Да, конечно. Но жизнь была-бы невыносима, еслибы жестокою цѣпью преступленій и наказаній не прорывали иногда великодушныя чувства и самоотверженные поступки. Вы лучше всякаго другого можете понять это, бѣдное дитя мое! Сдѣлайте такой поступокъ, простите несчастнаго!

Она молчала.

— Не можете? спросилъ онъ послѣ долгаго ожиданія.

— Онъ самъ послалъ васъ ко мнѣ съ этой просьбой? спросила она, уклоняясь отъ отвѣта.

— Нѣтъ. Онъ и не подозрѣваетъ о вашей ненависти къ нему; я, самъ нашелъ нужнымъ приготовить васъ къ его посѣщенію.

— Но я не хочу его видѣть! Мнѣ будетъ слишкомъ тяжело; помѣшайте этому свиданію, если можете! просила Викторина.

— Не могу! Я пытался уже. Онъ придетъ къ вамъ и его рассудокъ, а можетъ и самая жизнь, зависить отъ того, какъ вы его примите.

— Не взваливайте на меня такой отвѣтственности! вскричала она со слезами. — Я не могу простить его, но я не хочу ничьей смерти. Скажите ему все, что хотите, скажите даже, что я прощаю, только удержите его отъ посѣщенія. Умоляю васъ!

— Не смѣю больше настаивать и постараюсь исполнить ваше желаніе, печально сказалъ Бергеръ и вышелъ изъ камеры. Черезъ пять минутъ онъ былъ у Зендлингена.

— Она знаетъ все, кромя твоего имени и званія, сообщила онъ ему; — видѣть тебя она не желаетъ... боится волненія...

Бергеръ опасался взрыва отчаянія, но ошибся. Правда, выраженіе боли пробѣжало по лицу президента, но голосъ былъ спокоенъ.

— Она не хочетъ видѣть человѣка, заставившаго страдать ея мать, сказалъ онъ. — Я догадался по твоему растерянному виду, но это не пугаетъ меня. Я предчувствую, что мнѣ удастся то, что не удалось чужому.

Онъ надѣлъ шляпу, взялъ палку и сошелъ съ лѣстницы, опираясь на руку Бергера. На улицѣ его шаги стали тверже, энергія придала ему силы и голосъ почти не дрожалъ, когда онъ приказывалъ надзирателю отворить камеру Викторины Липпертъ.

Звукъ отпираемой двери заставилъ заключенную чуть-чуть повернуть голову. Надзиратель счелъ долгомъ предупредить ее о важномъ посѣтителѣ:

— Господинъ президентъ, баронъ Зендлингенъ, сообщивъ онъ ей въ полголоса—инспекція камеръ. Встаньте!

Онъ почтительно выступилъ въ корридоръ и, пропустивъ президента, заперъ за нимъ дверь.

Они остались одни.

Викторина встала, какъ приказалъ ей надзиратель; мелькомъ взглянувъ на высокаго посѣтителя, она опустила глаза. Подобныя инспекціи случались уже не разъ: являлся чиновникъ и задавалъ нѣсколько краткихъ вопросовъ: — «Не имѣете-ли какихъ-нибудь жалобъ? Не желаете подать прошеніе?» Она и теперь ожидала подобныхъ-же вопросовъ, намѣреваясь отвѣтить, по обыкновенію, отрицательно. Но посѣтитель молчалъ. Викторина съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— О, Боже! вскричала она, падая на постель и закрывъ лицо дрожащими руками.

Она сразу узнала, кто этотъ человѣкъ. Въ камерѣ царствовалъ полумракъ; онъ стоялъ у двери съ опущенной головой и разглядѣть его лицо не было возможности.

Она и никогда не могла понять, какъ и почему узнала его. Вѣроятно его выдала убитая поза обвиняемаго передъ своимъ судьей.

При ея восклицаніи, онъ поднялъ голову и приблизился.

— Викторина! позвалъ онъ ее. Она не услышала, такъ тихо прозвучало это имя.

— Дитя мое! проговорилъ онъ страстнымъ шопотомъ и бросился къ ней.

Она вскочила, устремивъ на него широко раскрытые глаза и вытянула впередъ руки, какъ будто желая оттолкнуть его, защититься. И опять какое-то непонятное чувство внезапно сжало ее сердце. Ей вдругъ показалось, что лицо, на которое она смотрѣла въ первый разъ въ жизни, какъ-то загадочно знакомо ей, точно она видѣла его давно, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.

Она не догадалась, что ее поразило сходство съ ея собственнымъ образомъ; въ ту минуту, это смутное ощущеніе показалось ей какимъ-то откровеніемъ природы, голосомъ крови, внезапно обезоружившимъ ее. Или, быть можетъ, ее тронула печаль, написанная на этомъ лицѣ, и мольба, съ какой смотрѣли на нее эти глаза. Она не отдавала себѣ отчета въ собственныхъ ощущеніяхъ, но ея страстная ненависть, то единственное земное чувство, съ которымъ она еще не хотѣла расстаться, вдругъ куда-то исчезло изъ ея сердца, точно растаяло.

— Я не могу! не могу! повторяла она, еще продолжая защищаться и внезапно, какъ-бы движимая посторонней силой, бросилась къ нему на грудь.

Онъ прижалъ ее къ себѣ и покрылъ поцѣлуями и слезами. Потомъ посадилъ ее на колѣни, положилъ ея голову на свою грудь и оба не говорили ни слова; только слезы текли по ихъ щекамъ.

Когда, спустя часъ, Зендлингенъ вышелъ въ корридоръ, гдѣ съ мучительнымъ нетерпѣніемъ поджидалъ его Бергеръ, лицо его было печально, но въ немъ сквозило какое-то торжественное спокойствіе. Онъ отдалъ надзирателю нѣсколько распоряженій относительно заключенной и, взявъ подъ руку адвоката, увелъ его къ себѣ, чтобы рассказать ему по дорогѣ о томъ, что произошло у него съ дочерью.

— Что-же ты думаешь теперь дѣлать? спросилъ его въ заключеніе Бергеръ.

— Пока всего важнѣе поддержать ея силы. Я переведу ее въ больничную камеру и на улучшенную пищу.

— Но и въ больничной камерѣ тебѣ нельзя будетъ часто навѣщать ее, замѣтилъ адвокатъ.

— Конечно нельзя; это слишкомъ опасно. Но я всегда могу послать къ ней Бригиту, какъ члена филантропическаго общества, и никому не покажется страннымъ, что ее заинтересовала приговоренная къ смерти.

— Никому, кромѣ самой Бригиты, возразилъ адвокатъ.

— Я сегодня-же самъ расскажу ей всю правду.

— Что ты? подумай! вскричалъ Бергеръ;—она честная и преданная женщина, но можно-ли поручиться за ея молчаніе?

— Мнѣ кажется... Во всякомъ случаѣ, не остается другого выбора. Заботы доброй, честной женщины всего необхо-

димѣ теперь для Викторины. Къ тому-же Бригита мнѣ и послѣ понадобится.

— По окончаніи срока заключенія? спросилъ адвокатъ. Зендлингенъ остановился и посмотрѣлъ на друга; въ его взглядѣ снова мелькнуло вчерашнее выраженіе отчаянія.

— Гмъ... Заключенія... пробормоталъ онъ нерѣшительно. Едва-ли.. Я не обольщаюсь несбыточными надеждами, Георгъ, и заранѣе приготавливаюсь къ самому худшему. Но именно, въ этомъ худшемъ случаѣ, нельзя будетъ обойтись безъ Бригиты.

— Въ худшемъ случаѣ? съ недоумѣніемъ спросилъ адвокатъ. Отвѣта не послѣдовало.

Онъ повторилъ вопросъ.

— Послушай, тихо сказалъ Зендлингенъ;—есть вещи, о которыхъ не слѣдуетъ говорить ни съ кѣмъ, даже съ самимъ собою. Онѣ не обсуждаются заранѣе, а просто дѣлаются, когда является необходимость.

Бергеръ схватилъ его за руку.

— Ты не сдѣлаешь ничего противнаго чести Викторины? вскричалъ онъ.

— Смотря потому, что ты понимаешь подъ честию. Люди часто называютъ этимъ именемъ...

Зендлингенъ не докончилъ фразы.

— Готова у тебя кассационная жалоба? перемѣнилъ онъ разговоръ

— Да, остается только переписать.

— Принеси ее мнѣ, я хотѣлъ-бы просмотрѣть.

— Съ удовольствіемъ, я сейчасъ-же схожу за ней.

— Нѣтъ, лучше отложимъ до вечера.

Когда Бергеръ пришелъ вечеромъ, глаза отворившей ему Бригиты оказались заплаканными, но тѣмъ не менѣе, все лицо доброй фрейлейнъ сіяло отъ внутренняго довольства.

— Я видѣла ее, шепнула она адвокату;—это ангелъ Божій и въ сто разъ чище многихъ людей, хвальныхся добродѣтелью. Я говорила ей о господиѣ баронѣ; кто-же знаетъ его лучше меня? Она все молчала и плакала, и я тоже не могла не плакать. Но теперь все пойдетъ хорошо. Господь Богъ не допуститъ ничего худаго.

Она опять всплакнула. Бергеръ пожалъ ей руку и вошелъ въ кабинетъ президента.

Они тотчасъ-же принялись за работу и спокойно, основательно, какъ самый обыкновенный дѣловой документъ, просмотрѣли пунктъ за пунктомъ всю кассационную жалобу.

Зендлингенъ предлагалъ нѣкоторыя поправки, дѣлалъ замѣчанія чисто юридическаго характера и при этомъ ни словомъ, ни жестомъ не выдавалъ своего внутренняго состоянія. Только когда работа была кончена и Бергеръ сложилъ бумагу, лицо его снова приняло страдальческое выраженіе и онъ какъ-бы невольно протянулъ руку къ бумагѣ.

— Ты хочешь еще разъ просмотрѣть ее? спросилъ Бергеръ.

— Нѣтъ... протянутая рука бессильно упала на колѣни. — Все это напрасный трудъ .. Моя судьба уже рѣшена.

— Что ты?! вскричалъ адвокатъ.—Какъ ни близка тебѣ судьба дочери, все-же ты не долженъ говорить такимъ образомъ!

— Я говорю только о своей судьбѣ.

Опять какая-то тайна... Но на этотъ разъ Бергеръ рѣшился добиться объясненія.

— Ты говоришь загадками... началъ онъ, но Зендлингенъ тотчасъ-же перебилъ его.

— Я ничего такъ не желаю, какъ навѣки оставить эту загадку безъ рѣшенія... Ничего лучшаго не можешь и ты пожелать мнѣ, Георгъ. Спокойной ночи, и тысячу разъ благодарю тебя за все.

Прошло шесть недѣль со времени отсылки кассационной жалобы, и уже приближались рождественскіе праздники.

Высшій судъ вытребовалъ акты процесса Викторины Липпертъ и съ тѣхъ поръ не сдѣлалъ ни одного запроса, не прислалъ ни одной строчки, по которой можно было-бы судить о ходѣ дѣла.

Бергеръ каждый день заходилъ къ президенту и на свой краткій вопросъ получалъ такой-же отвѣтъ: «ничего новаго». Друзья мало говорили между собою, такъ-какъ Зендлингенъ видимо избѣгалъ упоминать о поглощавшемъ ихъ предметѣ. Онъ съ лихорадочной поспѣшностью просматривалъ каждое утро вѣвскую почту и, не найдя ничего, вздыхалъ съ видимымъ облегченіемъ. Когда Бергеръ замѣчалъ это, у него сжи-

малось сердце при мысли, что несчастный отецъ предпочитаетъ всѣ муки неизвѣстности ужасу послѣдняго рѣшенія. Но онъ ошибался: Зендлингенъ дѣйствительно радовался отсрочкѣ, но только потому, что она давала время оправиться его блѣдной дочери.

Здоровье Викторины дѣйствительно улучшалось съ каждымъ днемъ. Слабость уменьшалась, взглядъ становился живѣе и тверже, блѣдное лицо теряло свой мертвенный оттѣнокъ. Тюремный врачъ положительно гордился своей пациенткой, но его другъ, пасторъ Ронъ, несмотря на свое добродушіе, насмѣшливо улыбался, слушая повѣствованіе объ удачномъ леченіи такого труднаго случая. Онъ отлично зналъ, что Викторина поправляется не отъ докторскихъ капель или улучшенной пищи, а только благодаря тому новому настроенію, которое онъ сумѣлъ внушить ей своими бесѣдами. Она уже не призывала смерти и видимо радовалась той искренней увѣренности, съ которой Ронъ говорилъ объ отмѣнѣ приговора. Когда, однажды, онъ возобновилъ свое увѣщаніе не отвращать сердца отъ человѣка, хоть и неизвѣстнаго ей, но тѣмъ не менѣе близкаго, она съ чувствомъ отвѣчала ему:

— Я отъ всего сердца простила отцу и, если судьба дозволитъ, буду ему когда-нибудь хорошей дочерью.

Добрый пасторъ былъ чрезвычайно обрадованъ такимъ отвѣтомъ: очевидно его наставленія упали на добрую почву.

Истины не подозрѣвалъ никто. Ежедневныя свиданія фрейлейнъ Бригиты съ приговоренной и еженедѣльные посѣщенія самого президента, правда, обратили на себя вниманіе. Но поведеніе Зендлингена ни на волосъ не выходило изъ предѣловъ закона. Липпертъ имѣла улучшенную пищу и хорошую камеру въ отдѣленіи для больныхъ, но на это могла рассчитывать каждая заключенная, которую докторъ объявилъ-бы чрезвычайно опасной. Никакихъ другихъ отступленій отъ общихъ тюремныхъ правилъ въ ея пользу не допускалось, и самъ президентъ отклонилъ просьбу пастора о какой-то незначительной льготѣ, на которую согласился даже тюремный смотритель.

За три дня до рождественскихъ праздниковъ, войдя по обыкновенію къ своему другу, Бергеръ засталъ его за чтеніемъ только что полученнаго письма.

— Изъ Вѣны? спросилъ Бергеръ.

— Вѣнская почта еще не приходила;—это изъ П. отъ

президента, на мѣсто котораго я назначень. Онъ просить меня прїѣхать теперь-же, не дожидаясь срока, такъ-какъ болѣзнь заставляетъ его спѣшить на югъ.

— Ахъ, да! вскричалъ Бергеръ, — мы и забыли совсѣмъ объ этомъ переселеніи.

— Я не забылъ, мрачно отвѣчалъ Зендлингенъ, — но тутъ я ничѣмъ не могу помочь.

— Да, конечно, замѣтилъ Бергеръ, — отказаться отъ такого повышенія...

— Ахъ! полно! нетерпѣливо прервалъ его Зендлингенъ. — Да я съ радостью принялъ-бы пониженіе, хоть до должности тюремнаго смотрителя здѣсь въ Б. Но теперь уже поздно отъказываться.

— И ты дѣйствительно поспѣшишь отъѣздомъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Это не входитъ въ мои обязанности. До конца февраля я останусь здѣсь, а къ тому времени ужъ, конечно, придетъ рѣшеніе.

-- А если нѣтъ?

— Не можетъ быть. И къ чему намъ воображать себѣ лишнія затрудненія, когда и существующихъ совершенно достаточно?

Зендлингенъ замолчалъ и углубился въ лежавшую передъ нимъ бумагу. Бергеръ смотрѣлъ въ окно, прискивая предлогъ вновь завязать оборвавшійся разговоръ.

— Ты не имѣешь никакихъ свѣдѣній изъ Вѣны? рѣшился онъ задать вопросъ.

— Никакихъ! Да и отъ кого могу я имѣть ихъ? отвѣчалъ Зендлингенъ, не поднимая головы.

— Отъ кого! У тебя столько связей въ Вѣнѣ! Ты могъ-бы, напримѣръ, частнымъ образомъ спросить своего зятя, члена высшаго суда.

— Но подь какимъ предлогомъ? Какой интересъ можетъ представлять для меня какая-нибудь Викторина Липпертъ? Не слѣдуетъ внушать подозрѣній: это было-бы опасно въ виду будущаго.

Бергеръ не возражалъ; опять наступило долгое молчаніе, прерванное стукомъ въ дверь.

— Изъ высшаго суда, лично г-ну президенту, доложилъ вошедшій чиновникъ регистратуры, подавая большой запечатанный конвертъ.

Чиновникъ ушелъ. Зендлингенъ вскрыль конвертъ, и Бергеръ замѣтилъ, какъ съ первыхъ-же строкъ онъ поблѣднѣлъ, и рука, державшая бумагу, задрожала.

— Что это такое? Не можетъ быть, чтобъ приговоръ: тотъ не былъ-бы адресованъ лично тебѣ! вскричалъ Бергеръ. — Читай.

Это не былъ приговоръ, и тѣмъ не менѣе содержаніе бумаги имѣло для дѣла рѣшающее значеніе.

Какъ и слѣдовало ожидать, высшій судъ обратилъ серьезное вниманіе на отдѣльное мнѣніе Дернега, утверждавшаго, что убійство было непредназначенно и совершено подъ влияніемъ аффекта, въ полубесознательномъ состояніи. Этому взгляду на дѣло противорѣчили показанія графини и стараніе преступницы скрыть свою беременность. Правда, на слѣдствіи горничная графини показала, что Викторина дѣлала это при ея помощи и по ея совѣту, съ единственной цѣлью дожидаться пріѣзда графа, отъ котораго ждала спасенія, но на судѣ свидѣтельница отказалась отъ своихъ первоначальныхъ показаній. Несмотря на такое противорѣчіе, она была допущена къ присягѣ, что и послужило главнымъ основаніемъ для кассационной жалобы. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, высшій судъ поручаетъ президенту Зендлингену новымъ и подробнымъ допросомъ свидѣтельница выяснить, по возможности, истину. Если-же многочисленныя обязанности помѣшаютъ ему лично заняться этимъ дѣломъ, то онъ можетъ поручить его второму вице-президенту, барону Гофе. Вернеръ-же и остальные судьи, участвовавшіе въ процессѣ, не должны принимать въ допросѣ никакого участія.

— Что ты намѣренъ дѣлать? спросилъ Бергеръ, окончивъ чтеніе.

Президентъ не отвѣчалъ и молча смотрѣлъ передъ собою.

— Дѣло очень важно, продолжалъ адвокатъ.—Искусный судья конечно сумѣетъ уличить горничную во лжи и добиться отъ нея правды, но только не семидесятилѣтній Гофе, который почти выжилъ изъ ума и только дотягиваетъ до пенсіи. Какъ ты поступишь, Викторъ?

— Я еще не знаю, пробормоталъ тотъ — дай подумать.

— Обсудимъ вмѣстѣ, просилъ Бергеръ, — вѣдь отъ этого зависитъ рѣшеніе всего дѣла.

Зендлингенъ молчалъ.

— Извини, Георгъ, если я попрошу тебя уйти, сказалъ онъ наконецъ,—ты не можешь помочь мнѣ: это дѣло моей совѣсти.

Положеніе было то-же, что и передъ судомъ. По буквѣ и смыслу законовъ, отецъ такъ-же мало могъ участвовать въ слѣдствіи по дѣлу дочери, какъ и въ судѣ надъ нею. Но на этотъ разъ Бергеръ горячо желалъ, чтобы Зендлингенъ взялъ на себя допросъ.

— Отмѣна или утвержденіе приговора прямо зависятъ отъ показаній этой лгуньи, думалъ онъ, возвращаясь къ себѣ,—а если предоставить допросъ Гофе, Викторина умретъ... умретъ теперь, когда въ ней возбудили жажду жизни и заставили надѣяться!..

Онъ старался отогнать отъ себя ужасную картину, но она упорно стояла передъ его глазами.

Въ сумерки, собираясь выйти изъ дому, Бергеръ столкнулся въ своей передней съ фрейлейнъ Бригиттой. Хорошая старушка была въ страшномъ возбужденіи.

— Приговоръ, что-ли, пришелъ? задала она ему вопросъ.— Онъ опять сталъ совсѣмъ такой-же, какъ въ день суда. Даже ключъ опять розыскалъ.

Бергеръ старался успокоить ее.

— Приговоръ еще не пришелъ, говорилъ онъ.

— А я, было, думала, что уже пришелъ. Вхожу я къ нему нынче, а онъ ключъ изъ стола вынимаетъ.

— Какой ключъ?

— Да вы-же знаете—отъ дверей на тюремный дворъ. И опять, какъ тогда, на меня разсердился, зачѣмъ я его съ этимъ ключемъ застала. Ну, не странно-ли это?

— Вѣроятно простая случайность, сказалъ Бергеръ; — и пойду съ вами.

— Не приметъ! Опять залерся, какъ тогда, и приказалъ всѣмъ отказывать.

Поговоривъ еще немного о странностяхъ президента и о своей любимицѣ, Викторинѣ, фрейлейнъ Бригитта ушла, очень мало успокоенная.

Бергеръ и самъ былъ въ сильной тревогѣ. Незвѣстность насчетъ намѣреній президента долго не давала ему заснуть въ эту ночь. Обстоятельство съ ключемъ тоже приходило ему въ голову: совпаденіе было, дѣйствительно, очень странно, хотя, съ

другой стороны, трудно было заподозрить въ противузаконныхъ намѣреніяхъ человѣка, отказавшагося спасти свою дочь, когда онъ могъ сдѣлать это совершенно безнаказанно.

На слѣдующее утро, направляясь къ президенту, Бергеръ встрѣтилъ барона Гофе. Свѣдой старикъ медленно двигался, опираясь на палку, и казался въ большомъ смущеніи.

— Ахъ, какое тяжелое порученіе даетъ мнѣ президентъ, пожаловался онъ Бергеру.— Вамъ это будетъ интересно: вѣдь, вы были защитникомъ въ дѣлѣ... И старикъ принялся рассказывать ему о порученіи.

— Это, дѣйствительно, очень серьезное и важное дѣло, сказалъ Бергеръ, когда тотъ кончилъ.

— Вотъ я тоже самое говорю, подхватилъ старикъ плаксивымъ голосомъ.— Такая отвѣтственность, при моихъ головныхъ боляхъ! А дѣло еще такое щекотливое, потому—сами разсудите: или эта горничная говорила правду, и тогда всякій допросъ излишенъ, или она солгала подъ присягой, и тогда она должна быть очень хитрая и продувная бестія. А что я подѣлаю съ продувной бестіей женскаго пола, любезный докторъ? При головной то боли?

— Говорили вы объ этомъ президенту? спросилъ адвокатъ.

— Какъ-же, какъ-же, дѣлалъ полчаса рассказывать я ему и о головной боли, и вообще о своемъ положеніи, но онъ остался при своемъ: «Вы, говоритъ, обязаны вести это дѣло, постарайтесь справиться съ силами!» А какія тутъ силы, когда семьдесятъ лѣтъ за плечами? До свиданья, любезный другъ! Это очень, очень трудное порученіе!

Адвокатъ проводилъ глазами старика, медленно двигавшагося по тротуару.

— И въ такія-то руки, думалъ онъ въ отчаяніи, Викторъ отдастъ судьбу дочери и свою собственную! Онъ почувствовалъ, что въ эту минуту не въ силахъ говорить съ Зендлингенемъ, и вернулся къ себѣ домой. Послѣ обѣда тотъ самъ зашелъ къ нему.

— Ты уже знаешь, конечно, о моемъ рѣшеніи? спросилъ онъ.

— Да, знаю, отвѣчалъ Бергеръ,—и не буду затѣвать бесполезнаго спора, хотя сильно сомнѣваюсь, должно-ли чувство долга до такой степени перевѣшивать всѣ другія человѣческія чувства. Я хочу только предложить тебѣ одинъ вопросъ, ко-

торый сильно занимаетъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я встрѣтилъ Гофе. Какъ ты думаешь: должна-ли вѣрность буквѣ закона стоять выше права и справедливости? Ты не хочешь взять на себя допросъ свидѣтельницы, потому что законъ за-прещаетъ отцу вести слѣдствіе по дѣлу дочери, и ты-же взваливаешь эту трудную задачу на человѣка, неспособнаго отличить лжи отъ правды, на старика, который впалъ почти въ дѣтство. Дѣйствуя по буквѣ закона, не погрѣшаешь-ли ты въ данномъ случаѣ противъ права и той простой справедливости, которая живетъ въ душѣ каждаго человѣка?

— Ты могъ-бы и не говорить мнѣ этого, мрачно отвѣтилъ Зендлингенъ.—Я все обдумалъ и остаюсь при своемъ мнѣніи.

На слѣдующее утро, выходя изъ залы судебныхъ засѣданій, гдѣ онъ защищалъ одно незначительное дѣло, Бергеръ опять встрѣтился съ Гофе. На этотъ разъ старикъ былъ очень веселъ.

— Ну, что? уже начали допросъ? спросилъ его адвокатъ.

— Какое началъ! Я уже покончилъ съ нимъ и, представьте, даже голова не болитъ. Впрочемъ, и труда особеннаго не понадобилось: я тотчасъ-же узналъ правду.

— Да? Ну, расскажите, что-же вы открыли.

— Вамъ, какъ защитнику, это едва-ли понравится, дружески усмѣхнулся старикъ, беря руку Бергера.—Впрочемъ, теперь вамъ должно быть все равно; вы прекрасно исполнили свой долгъ, и отнынѣ вамъ незачѣмъ интересоваться этой отвратительной женщиной. Такъ молода и уже испорчена до мозга костей,—это удивительно!

— Кто?

— Липпертъ, конечно. Свидѣтельница рассказала о ней такія исторіи, что, право-же, старая казарменная стѣна—и та покраснѣла-бы. У меня секретарь совсѣмъ молодой человѣкъ, такъ повѣрите-ли? мнѣ совѣстно было заставлять его слушать и записывать всѣ эти гадости. Вообразите себѣ: еще до по-ступленія въ замокъ эта Липпертъ имѣла уже съ дюжину любовниковъ, семнадцати-то лѣтъ! А какія исторіи рассказывала она горничной! Ну, право, Боккачіо, по сравненіи съ ней, покажется скромнѣйшимъ монахомъ.

— Ложь! клевета! не выдержалъ Бергеръ, вырывая свои руки изъ рукъ старика.

— Ахъ, какой вы, право! Ну, съ чего-бы этой горничной

лгать? Вы думаете, что это пройдоха? Вовсе нѣтъ: предобродушное и при томъ глуповатое созданіе. Ужь я знаю людей—повѣрьте мнѣ! Она подробно рассказала, какъ эта Липперть заранѣе составила цѣлый планъ завлечь графа, и потомъ...

— Ложь все это отъ перваго до послѣдняго слова!

— Опять ложь! Хорошенькое личико вашей клиентки возбудило въ васъ состраданіе, но, повѣрьте, она его не заслуживаетъ. Это хладнокровная интриганка и злодѣйка. Она рассчитала: удастся завлечь графа и женить его на себѣ—хорошо, а не удастся—убью ребенка и найду себѣ другое мѣсто.

— Хоть объ одномъ подумайте! вскричалъ адвокатъ. — Если бы Липперть была такая расчетливая, ну стала-бы она повѣрять свои планы какой-нибудь горничной? .

— Это случается, возражалъ старикъ; — нерѣдко самыя закоренѣлыя преступники возьмутъ да все и выболтаютъ какому-нибудь свидѣтелю. Напримѣръ...

— Потомъ, перебилъ его адвокатъ,—если Липперть дѣйствовала по плану, не естествененъ-ли былъ-бы такой расчетъ: не удастся сдѣлаться графиней,—добьюсь хоть хорошаго обезпеченія, а для этого мнѣ выгоднѣе не убивать ребенка, а, наоборотъ, старательно его воспитывать?

— Представьте, любезный другъ, что это-же соображеніе и намъ пришло въ голову, сказалъ старикъ,—то есть не мнѣ собственно, а моему секретарю,—онъ очень проникательный молодой человекъ.—Но свидѣтельница все объяснила, хоть и колебалась сначала; пришлось нѣсколько разъ переспрашивать ее. Доброй дѣвушкѣ не хотѣлось обвинять Липперть, но мы добились правды...

Онъ замолчалъ.

— Чего-же вы добились? спросилъ Бергеръ.

— Не знаю, говорить-ли? Вы такъ раздражительны.

— Говорите!

— Съ условіемъ: не сердиться. Вещь дѣйствительно ужасная. Подумайте только: у этой молоденькой дѣвочки была манія дѣтубійства. Еще до приѣзда графа, она нѣсколько разъ говорила свидѣтельницамъ: «Какъ увижу маленькаго ребенка, такъ руки и чешутся!» Не правда-ли, ужасно?

— Дѣйствительно ужасно, что вы могли повѣрить такой грубой связкѣ, специально для васъ выдуманной этой клятвопреступницей!

Старикъ укоризненно покачалъ головою.

— Такъ и зналъ, что опять разсердитесь, Тома вы невѣрный! сказалъ онъ улыбаясь.— Ну, скажите на милость: зачѣмъ ей выдумывать такія страшныя вещи?

— Зачѣмъ! а графиня?

— Съ вами, просто, говорить нельзя, разсердился наконецъ Гофе.— У меня даже голова начинаетъ болѣть... Вы готовы теперь обвинить графиню въ подстрекательствѣ къ ложнымъ показаніямъ! Нѣтъ, ужъ извините, изъ того, что вы либералъ или радикалъ, еще не слѣдуетъ, что каждая графиня преступница. Ужъ не намѣрены-ли вы начать дѣло о ложномъ показаніи подъ присягой?

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ адвокатъ.

— Ахъ, Господи! заволновался старикъ,—вы и меня еще запутаете. Я не долженъ былъ рассказывать вамъ всѣхъ этихъ подробностей.

— Не безпокойтесь! Развѣ вы забыли, что адвокатъ имѣетъ право просматривать акты слѣдствія? Я узналъ-бы эти подробности нѣсколькими часами позже,—вотъ и все.

— Не понимаю я, что вамъ за охота изъ-за такой негодной твари обвинять порядочную дѣвушку въ ложномъ показаніи и дѣлать неприятности графинѣ. Вы еще и не знаете, какова эта Липпертъ! О самомъ-то лучшемъ я, слава Богу, умолчалъ.

— Неужели?

— Да! да! только ужъ увольте, ничего я вамъ больше не скажу—можете прочесть въ протоколѣ! Совсѣмъ вы мнѣ день испортили! Ну, да Богъ съ вами, я на васъ не сержусь: въ васъ жалость говорить, только напрасно! Свидѣтельница показала одну правду,—это мое убѣжденіе. Я такъ и въ протоколъ записалъ.

— Да? Неужели?

— Въ самыхъ лестныхъ для нея выраженіяхъ. Я, по чистой совѣсти, обязанъ былъ это сдѣлать.

— Если такъ, вскричалъ Бергеръ внѣ себя отъ гнѣва:—на вашей совѣсти будетъ лежать убійство!

Эти жестокия слова вырвались у него совершенно помимо воли.

Старикъ всплеснулъ руками, его лицо передернулось, и на глазахъ выступили слезы.

— Что я вамъ сдѣлалъ? заговорилъ онъ, чуть не плача. — Я васъ считалъ добрымъ человѣкомъ, а вы говорите мнѣ такія вещи!

— Простите, опомнился Бергеръ, беря его за руку. — Я не хотѣлъ огорчить васъ; вы дѣйствительно невиноваты. Но, умоляю васъ, подумайте хорошенько, прежде чѣмъ выпустить изъ рукъ этотъ протоколъ!

— Я уже отдалъ его президенту.

— Что онъ сказалъ?

— Ничего не сказалъ. Молча взялъ бумагу и отпустилъ меня. Мнѣ показалось, что онъ былъ разсерженъ чѣмъ-то постороннимъ.

— Потребуйте протоколъ назадъ и еще разъ повторите допросъ. Дѣло очень важно: отъ него зависитъ жизнь человѣка. Ваша правдивая свидѣтельница до того запуталась теперь въ противорѣчійхъ, что вовсе не трудно будетъ вывести ее на чистую воду.

— И все это сдѣлано, и всѣ противорѣчія она объяснила мнѣ самымъ лучшимъ образомъ, плаксиво увѣрялъ старикъ.

— Не могла она объяснить ихъ. Припомните только все ея поведеніе. На слѣдствіи, тотчасъ послѣ потери мѣста, она изображала Викторину невиннымъ, безпомощнымъ ребенкомъ, скрывавшимъ беременность по ея совѣту и при ея помощи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на судѣ она утверждаетъ, что не была повѣренной Викторины и такъ-же мало знала о ея беременности, какъ и всѣ въ замкѣ. Передъ этимъ она снова попала въ милость у графини...

— Охъ, эти адвокаты! вскричалъ Гофе, — все-то они извращаютъ! Графиня погорячилась, правда, а потомъ загладила свою несправедливость къ бѣдной дѣвушкѣ, но къ показаніямъ это не имѣетъ никакого отношенія. На слѣдствіи свидѣтельница, изъ жалости, старалась спасти преступницу; на судѣ же, передъ крестомъ и евангеліемъ, она раскаялась и показала истину.

— Но если ея сегодняшнія показанія вѣрны, то на судѣ она лгала. Тамъ она не была повѣренной Викторины, теперь опять сдѣлалась; тамъ она не знала ничего, теперь знаетъ мельчайшія подробности!

— Мой секретарь уже обратилъ на это вниманіе, сказалъ старикъ съ гордостью. — Я уже говорилъ вамъ, что это очень

проницательный молодой человек! Но свидетельница все объяснила самым естественным образом: женская стыдливость помѣшала ей рассказывать такія грязныя подробности передъ публикой. Какъ видите, мы все предусмотрѣли, и вы напрасно беспокоитесь

— Напрасно! Адвокатъ глубоко вздохнулъ. — Прощайте, сказалъ онъ коротко и повернулся, чтобы уйти.

Старикъ позвалъ его.

— Вы все еще сердитесь на меня? спросилъ онъ со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ...

— Ну, спасибо! Я тоже не сержусь на васъ, хотя... если бы дѣло не было такъ ясно, я чувствовалъ-бы себя очень дурно отъ вашихъ необдуманныхъ словъ. У меня и теперь не совсѣмъ спокойно на душѣ. Завтра сочельникъ, ко мнѣ приходятъ мои дѣти и внуки поздравить меня съ праздникомъ. Вотъ я и боюсь, что въ эту радостную минуту мнѣ придетъ на мысль: «Ну, а что, Гофе, если ты убійца!» Вѣдь я не убійца, любезный Бергеръ—не правда-ли? Вы берете назадъ свои слова?

— Нѣтъ, вы не убійца, г. Гофе, сказалъ Бергеръ, смотря на жалкаго, дряхлаго старика, отираващаго дрожащими руками свои слезящіеся глаза. — «Какая жалкая трагикомедія жизни!» подумалъ онъ про себя

Бергеръ поспѣшилъ домой. Сегодня, какъ нарочно, у него было пропасть неотложныхъ дѣлъ и не оставалось ни минуты, чтобы зайти къ президенту. Онъ послалъ ему записку съ вопросомъ: можно-ли застать его вечеромъ, чтобы вмѣстѣ прочесть протоколь, и очень удивился, когда посланный возвратился съ бумагами и коротенькой запиской Зендлингена: «прочи сейчасъ-же и черезъ два часа возврати мнѣ протоколь; онъ долженъ быть отосланъ сегодня-же».

— Странная поспѣшность, подумалъ Бергеръ и принялся за чтеніе. «Проницательный молодой человекъ» былъ, видимо, не чуждъ писательства и ужъ во всякомъ случаѣ прочесть не мало сенсаціонныхъ романовъ. Печатлѣніе серьезности ужасныхъ фантазій горничной сильно нарушалось тѣмъ цвѣтистымъ слогомъ, которымъ онѣ были записаны. Еще успокоительнѣе подѣйствовало на адвоката то «самое худшее», о чемъ Гофе не хотѣлъ сказать ему. Разболтавшаяся свидетель-

ница добавила, что Викторина неоднократно сообщала ей, будто она нѣсколько разъ рожала и всегда убивала дѣтей тотчасъ по рожденіи. Эта нелѣпость заранѣе опровергалась, какъ докладомъ врача, лечившаго Викторину послѣ родовъ, такъ и ея предшествующей жизнью, о которой имѣлись свѣдѣнія въ актахъ.

— Нѣтъ худа безъ добра, подумалъ адвокатъ. Возвращая протоколъ, онъ обратилъ вниманіе Зендлингена на массу нелѣпостей въ показаніи горничной, но тотъ только покачалъ головою.

— Всему здѣсь написанному они не повѣрятъ, положимъ, сказалъ онъ, — но не слѣдуетъ ожидать отъ нихъ и слишкомъ строгой разборчивости. Притомъ чувствительныя завѣренія Гофе въ правдивости свидѣтельницы не останутся безъ вліянія.

— И ты все-таки пошлешь протоколъ?

— А какъ-же иначе?

— Нельзя-ли начать преслѣдованіе за ложное показаніе подъ присягой?

— Нѣтъ, сказалъ Зендлингенъ, — это будетъ напраснымъ замедленіемъ.

Бергеръ опустилъ голову.

— Итакъ, она должна погибнуть?

— Не безпокойся, она не погибнетъ! произнесъ Зендлингенъ съ какою-то особенной торжественностью, произведшей сильное впечатлѣніе на Бергера.

«Я не знаю, что онъ намѣренъ дѣлать, но навѣрное сдѣлаетъ только хорошее», думалъ тотъ, возвращаясь домой.

Рождественскіе праздники прошли; наступилъ новый, 1853 годъ, — одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ для Австріи. Реакціонный союзъ между церковью и государствомъ становился тѣснѣе и давалъ о себѣ знать все болѣе и болѣе тяжелымъ гнетомъ. Печальные слухи передавались изъ устъ въ уста, пугая мирныхъ гражданъ: въ итальянскихъ провинціяхъ готовится возмущеніе, въ Венгріи открытъ заговоръ; въ Прагѣ существуетъ тайное славянское общество, къ которому пристали также чехи... Никто не зналъ ничего опредѣленнаго обо всѣхъ этихъ заговорахъ и возмущеніяхъ, которые, навѣрное, на девять десятыхъ были миеомъ. Но строгія мѣры правительства были

дли всѣхъ реальностью слишкомъ несомнѣнной. У полиціи повсюду было по-горло работы, не бездѣйствовали и суды.

Земскій судъ въ Б. тоже принужденъ былъ принять участіе въ такого рода дѣятельности. Полиціи вздумалось открыть слѣды противуправительственныхъ замысловъ въ средѣ славянъ, изъ которыхъ состояло рабочее населеніе этого фабричнаго города, и тридцать человекъ было арестовано и предано суду.

Президентъ самъ руководилъ слѣдствіемъ, выбравъ себѣ въ помощники Дернега, хотя онъ зналъ, что такой составъ слѣдователей очень непріятенъ министру. Ни его, ни Дернега ни въ какомъ случаѣ нельзя было причислить къ либераламъ, еще менѣе къ радикаламъ, но въ то время всѣ отрасли общественной дѣятельности старательно очищались отъ людей съ самостоятельнымъ характеромъ и твердыми убѣжденіями. Само собой понятно, что такіе люди всего менѣе могли быть терпимы при веденіи политическихъ процессовъ, такъ какъ въ Вѣнѣ думали, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благѣ государства, строгое соблюденіе формы при слѣдствіи и судѣ можетъ быть только вредно; что-же касается Зендлингена, то онъ придерживался того мнѣнія, что обычныя гарантіи правильности судопроизводства такъ-же необходимы въ политическомъ процессѣ, какъ и въ каждомъ другомъ.

Съ чрезвычайной, почти лихорадочной энергіей взялся онъ за дѣло рабочихъ, заранѣе предвидя, что эти бѣдные, невѣжественные люди заслуживаютъ не наказанія, а сожалѣнія. Къ тому-же такая дѣятельность отвлекала его мысли отъ личнаго горя и облегчала мучительное ожиданіе приговора.

Слѣдствіе началось передъ Рождествомъ, а къ новому году предполагаемая невинность подсудимыхъ была для Зендлингена уже доказана.

Эти безграмотные ткачи, кузнецы и дровосѣки, никогда не бывавшіе ни въ какой школѣ и не знающіе другихъ молитвъ, кромѣ «Отче нашъ», обвинялись въ государственной измѣнѣ... Зендлингенъ и Дернегъ до поздней ночи производили допросы и такъ сиѣпили закончить слѣдствіе, что не пріостановили его даже на время рождественскихъ праздниковъ.

Такимъ образомъ, вечеромъ въ Крещеніе, Зендлингенъ сидѣлъ въ своемъ бюро и допрашивалъ стараго дровосѣка, атлетическаго тѣлосложенія, съ угрюмымъ лицомъ и длинными сѣдыми волосами. Его звали Иванъ Новирокъ. Полиція аттеста-

вала старика какъ особенно опаснаго, но Зендлингену онъ показался такимъ-же невиннымъ, какъ и остальные.

— Почему не ходишь ты къ исповѣди? задалъ президентъ послѣдній вопросъ. — Какойнибудь ударъ въ жизни, вѣроятно, пошатнулъ въ тебѣ вѣру?..

— Ты говоришь: ударъ. Нѣтъ, не ударъ, добрый господинъ, а вся моя жизнь! Съ такой долей, какъ моя, не надо-бы родиться на свѣтъ! Меня нашли подъ новый годъ, потому и назвали Новирокъ, и выросъ я въ домѣ для подкидышей... Горькая это была жизнь, и я всегда потомъ думалъ, что самый большій злодѣй тотъ, кто рождаетъ дѣтей, а потомъ бросаетъ ихъ, какъ щенятъ. Какъ ты полагаешь, господинъ?

Президентъ только еще ниже наклонилъ голову.

— Такъ вотъ я и соблюдалъ себя, продолжалъ рабочій, — хоть и не легко подь-часъ было. Не знаю, какъ богатымъ, а бѣдному это трудно, очень трудно. Дождался я, наконецъ, заработка по четыре гульдена въ недѣлю и посватался за честную дѣвушку—прачку по ремеслу. Она пошла за меня и черезъ годъ родила мнѣ дочку. Хорошее это было время, только не долго тянулось оно. Скоро жена начала хворать, перестала работать. Нуждались мы очень, но все-же-таки кое-какъ жили. Еще хуже стало, когда она умерла. Товарищи звали меня съ собой на Дунай. «Тамъ, говорили мнѣ, на плотать жалованья вдвое больше чѣмъ здѣсь, а тебѣ, какъ хорошему работнику, дадутъ и второе». Я не рѣшался идти, чтобъ не оставить безъ призора дочку. Ей, правда, шелъ всего четырнадцатый годъ, но очень ужъ была она красива, а на свѣтѣ есть безсовѣстные люди, что не пожалѣютъ и ребенка! Чтобы не разставаться съ ней даже на недѣлю, я пересталъ ходить съ плотами и нанялся поденщикомъ въ одинъ литейный дворъ. Только эту работу зналъ я плохо и получалъ мало; дочка бѣдная тоже старалась: шила дни и ночи, а все-же мы часто голодали...

Старикъ остановился и замолчалъ. Слышались только его тяжелые вздохи.

— Что-же дальше? спросилъ наконецъ Зендлингенъ.

— Дальше, добрый господинъ, пришло мое смертное горе, и я-же самъ накликалъ его своею глупостью. Правда, если разобрать хорошенько,—можетъ, и не я одинъ буду виновень,

да съ нимъ, съ Богомъ, трудно тягаться... Уговорилъ меня товарищъ уйти на заработки, всего на одно лѣто. Соблазнилъ я большимъ заработкомъ и собрался въ дорогу. Ганкѣ — моей дочкѣ—минуло шестнадцать, а хороша она была, господинъ, какъ роза алая. Передъ уходомъ разсказалъ я ей свою жизнь, всякія свои мысли и пригрозилъ на прощанье: «Веди себя честно, дочка, а то приду осенью—убью тебя и самъ въ воду брошусь на самомъ глубокомъ мѣстѣ!» Она расплакалась и клялась жить честно, а когда я пришелъ осенью...

Голосъ старика оборвался.

— Можеть, припомните, господинъ, Ганку Новирокъ?.. Это случилось тутъ въ домѣ! Семь лѣтъ ужъ прошло съ тѣхъ поръ.

— Припоминаю, сказалъ Зендлингенъ, подумавъ, — Ганка Новирокъ умерла въ тюрьмѣ во время слѣдствія.

— Она удавилась наканунѣ суда, прошептала старикъ.— А судилась за убійство ребенка...

Опять наступило молчаніе: и судья, и подсудимый погрузились въ свои мрачныя думы.

— Слѣдователь, который допрашивалъ меня тогда, чуть не приказалъ отправить меня въ сумасшедшій домъ, когда я сказалъ ему, что еще неизвѣстно, кто изъ насъ двоихъ больше виноватъ въ этомъ убійствѣ... Вотъ еслибъ ты, милостивый господинъ, разобралъ гдѣ тутъ правда, я сказалъ-бы тебѣ великое спасибо...

Президентъ молчалъ.

— Старайся не думать объ этомъ, бѣдный человекъ, сказалъ онъ наконецъ:—никто не можеть рѣшить такого вопроса.

Рабочій покачалъ головою.

— Ты могъ-бы рѣшить, хоть и трудно оно, конечно. Видишь-ли, въ чемъ дѣло? Ее соблазнилъ безъ меня одинъ торговецъ. Когда я пришелъ, она мнѣ ничего не сказала, боялась тѣхъ словъ, что я сказалъ на прощанье, и изъ-за нихъ-же она убила ребенка, а потомъ и себя. Я навѣрное знаю, что тѣхъ моихъ словъ она больше боялась, чѣмъ наказанья. Все это...

Ихъ прервали: вошелъ разсылный и подаль письмо. Зендлингенъ узналъ почеркъ своего зятя, члена высшаго суда, и оставилъ пакетъ нераспечатаннымъ.

«Вѣроятно, запоздалое поздравленіе съ новымъ годомъ», подумалъ онъ и сдѣлалъ дровосѣку знакъ продолжать.

— Все это, господинъ, противъ меня говорить, но можно повернуть и противъ Него. Я могъ-бы сказать Ему: «Мнѣ нельзя было не остеречь свое дитя строгими словами, а Ты почему-же не берегъ ее, пока я ходилъ на заработки? Ганка вѣдь Твое дитя, также какъ и мое. Если-же Ты не хотѣлъ, зачѣмъ было творить насъ—ее и меня?» Видишь, господинъ, что могъ-бы я сказать Ему!

— И ты думаешь, что былъ-бы правъ? вскричалъ Зендлингенъ.

— А кто его знаетъ, проговорилъ старикъ. — Если-бы я заговорилъ—и Онъ не молчалъ-бы! Онъ могъ-бы сразу уничтожить меня однимъ вопросомъ: «Зачѣмъ же ты уходилъ? Зачѣмъ не берегъ свою дочь? У меня дѣтей видимо-невидимо, а тебѣ, глупцу, дано было только одно дитя, тебѣ и было заботиться о немъ. Ты скажешь, что ты ушелъ, чтобы для нея-же что-нибудь заработать. Полно, такъ-ли? Не думалъ-ли ты и о себѣ тоже. Вѣдь думалъ. Ну, а отцу это великій грѣхъ, а тебѣ особенно. Я остерегалъ тебя и твоею жизнью, и тѣмъ страхомъ, который посылалъ въ твое сердце... Зачѣмъ-же ты Меня не слушался? Съ голоду вы и здѣсь не умерли-бы!» Видишь, господинъ, что могъ-бы Онъ отвѣтить мнѣ, и былъ-бы правъ, потому что отецъ не долженъ ни минуты думать о себѣ, когда дѣло идетъ о его ребенкѣ.. Не такъ-ли, господинъ?

— Да, такъ! подтвердилъ Зендлингенъ.

— Вотъ я и думаю иной разъ: «Тебѣ все-таки слѣдовало-бы пойти на исповѣдь!»... Какъ посоветуешь, господинъ?

Зендлингенъ старался найти отвѣтъ, который успокоилъ-бы это темное, измученное сердце, но не находилъ его. Онъ попытался только смягчить сознание виновности, порожденное чрезвычайно чуткой совѣстью, глубоко поразившей Зендлингена въ этомъ невѣжественномъ крестьянинѣ. Не прощеніе онъ обѣщаль рабочему, а скорое освобожденіе. Но старикъ не былъ этимъ удовлетворенъ. «Добрый господинъ» не рѣшилъ его страннаго «спора» съ «Нимъ», и, возвращаясь въ тюрьму, онъ поблагодарилъ его только «за ласку».

Оставшись одинъ, Зендлингенъ вскрылъ письмо, намѣреваясь наскоро пробѣжать его, но тотчасъ-же понялъ свою

ошибку. Съ каждой прочитанной строкой его лицо становилось все серьезнѣе и серьезнѣе.

— Этого еще не доставало! пробормоталъ онъ.

Графъ сообщалъ о своемъ разговорѣ съ министромъ юстиціи, выразившимъ сильное негодованіе на поведеніе Зендлингена. «Онъ прямо сказалъ тебѣ, говорилось въ письмѣ,—что не желаетъ, чтобы ты и Дернегъ участвовали въ политическихъ процессахъ, и, несмотря на это, при первомъ-же представившемся случаѣ, ты берешься за слѣдствіе по дѣлу рабочихъ и, отказавшись за недосугомъ отъ допроса одной свидѣтельницы, порученнаго тебѣ высшимъ судомъ, находишь теперь время лично выслушивать десятки подсудимыхъ. Послѣ лестнаго вниманія, еще такъ недавно оказаннаго тебѣ министромъ, твое открытое сопротивленіе его волѣ не могло не оскорбить его. Берегись, Викторъ! Ты ставишь на карту всю свою будущность. Я предостерегаю тебя не въ первый, но, кажется, въ послѣдній разъ. Если ты сегодня-же не передашь дѣла Вернеру и не извѣстишь меня о томъ телеграммой, то завтра долженъ будешь сдѣлать это по приказу министра, а если и тогда не уступишь, то самъ можешь предсказать послѣдствія. Я не охотникъ до трагическихъ словъ, и ты, конечно, повѣришь мнѣ...»

Дѣло было ясно: если Зендлингенъ не передастъ рабочихъ инквизиціонному суду Вернера, то будетъ смѣщенъ, и именно теперь, когда, ради дочери, ему казалось необходимымъ оставаться на мѣстѣ.

Въ нерѣшительности возвращался онъ домой и очень обрадовался, заставъ у себя Бергера.

— Не будемъ преувеличивать, сказалъ адвокатъ, прочитавъ письмо: — министръ не имѣетъ права дать тебѣ такого приказа, а поступить противъ закона не рѣшится. Онъ долженъ наблюдать за правильностью судопроизводства въ округѣ, назначеніе-же тѣхъ или другихъ слѣдователей въ каждомъ данномъ дѣлѣ зависитъ отъ тебя одного.

— А если рѣшится? спросилъ Зендлингенъ.—Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что это очень возможно.

Бергеръ задумался: въ такое время, дѣйствительно, все было возможно. Печально разстались друзья въ этотъ вечеръ...

На другой день, когда адвокатъ сидѣлъ у себя за спѣшной работой, къ нему вбѣжалъ Францъ съ извѣстіемъ, что

съ господиномъ барономъ опять случилось несчастье. Онъ вернулся изъ должности блѣдный, какъ смерть, и велѣлъ тотчасъ же бѣжать за Бергеромъ.

— Смертный приговоръ, думалъ тотъ, спѣша къ президенту, — телеграмма объ отставкѣ не поразила-бы такъ Виктора.

— Ну, что... отставка? спросилъ онъ, входя въ кабинетъ своего друга.

— Нѣтъ, хуже! прошепталъ тотъ чуть слышно.

— Приговоръ? какой?

Отвѣтъ ясно читался на лицѣ Зендлингена. Однако, Бергеръ съ лихорадочной торопливостью схватилъ лежавшую на столѣ бумагу и пробѣжалъ мотивировку суда, почти не понимая ея. «Смерть чрезъ повѣшеніе» — стояло въ концѣ.

Собравшись съ силами, Бергеръ подошелъ къ другу и приподнял его голову, но, заглянувъ ему въ лицо, не нашелъ ни одного слова утѣшенія...

Онъ постоялъ еще нѣсколько минутъ у окна и вышелъ изъ комнаты, пробормотавъ:

— Зайду послѣ...

Въ сумерки онъ получилъ записку отъ Зендлингена, съ просьбой приготовить къ завтрашнему утру прошеніе о помилованіи, до тѣхъ-же поръ оставить его одного.

Это поразило Бергера. Даже еслибы Викторина была только его клиенткой, а не дочерью Зендлингена, онъ и то подалъ-бы прошеніе, но безъ надежды на успѣхъ.

Подобныя прошенія адвокатовъ доходятъ по назначенію вмѣстѣ съ мнѣніемъ высшаго суда, которымъ государь почти всегда руководствуется. Случались, правда, исключенія, но такія рѣдкія, что возлагать на нихъ надежду было-бы безуміемъ.

— Викторъ знаетъ все это не хуже меня, почему-же желаетъ онъ такой безнадежной попытки? спрашивалъ себя Бергеръ, отправляясь на слѣдующій день къ Зендлингену.

— Г. баронъ еще въ должности, сообщилъ ему Францъ, — и просилъ васъ подождать или назначить часъ, когда васъ можно застать вечеромъ.

— Такъ онъ занимается?

— Допрашиваетъ рабочихъ съ самаго утра; не заходилъ даже завтракать.

Бергеръ вспомнилъ, что не видалъ Викторины уже цѣлую недѣлю, и рѣшилъ навѣстить ее.

— Я приду черезъ часъ, сказалъ онъ, — схожу пока въ тюрьму... Что съ вами, Францъ? Какой у васъ странный видъ!

Старикъ, дѣйствительно, смотрѣлъ загадочно и шевелилъ губами.

— Извините, г. докторъ, вы идете къ ней? спросилъ онъ.

— Къ кому?

— Къ нашей барышнѣ, къ Викторинѣ? Отъ меня не зачѣмъ скрываться.

— Какъ? Съ какихъ поръ?

— Съ какихъ поръ я знаю-то? Со вчерашняго вечера. Самъ все сказалъ... Господи, какіе ужасы! Только онъ увидитъ, что во мнѣ не ошибся... Вы просили за меня, г. докторъ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, самъ надумалъ, сказалъ Францъ съ гордостью, но тотчасъ-же лицо его приняло умоляющее выраженіе. — А нельзя-ли мнѣ поведать ее? Бригитта ходитъ. Конечно, она женщина...

— Нельзя ни въ какомъ случаѣ! И если вы попытаетесь...

— Нѣтъ, что вы, г. докторъ?! Я только посоветовался. А ужъ другую мою просьбу вы исполните.

— Что такое? говорите короче!

— Поклонитесь отъ меня нашей барышнѣ. Такъ и скажите: старый Францъ, молъ, кланяется своей барышнѣ и проситъ не горевать, а надѣяться на Бога.

Бергеръ общалъ и пошелъ въ тюрьму. Въ корридорѣ онъ встрѣтился со зрителемъ.

— Что, правда? спросилъ тотъ улыбаясь. — Удивительныя вещи случаются въ этомъ дѣлѣ!

— О чемъ вы говорите?

— О Липпертъ; вѣдь вы къ ней идете? Мнѣ теперь вспомнить совѣстно, что я отговаривалъ васъ подавать кассационную жалобу, которая имѣла такой прекрасный успѣхъ. Я вѣдь отъ всей души желаю добра этой бѣдняжкѣ.

— Какой успѣхъ?! Ничего не понимаю!

— Развѣ она не помилована? Еще вчера, должно быть, пришелъ приговоръ! А вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Удивительно! По крайней мѣрѣ, въ тюрьмѣ всѣ говорятъ объ этомъ, хоть я не знаю откуда пошелъ слухъ. И у Линпертъ такой радостный видъ съ самаго утра, что невольно думается, не сообщили-ли ей г. президентъ о помилованіи.

Бергеръ пожалъ плечами и пошелъ дальше.

Викторина радостно бросилась ему на встрѣчу.

— Какъ мнѣ благодарить васъ! вскричала она, хватая его руку.

Онъ отступилъ почти въ ужасѣ.

— Благодарить?.. За что?

— О! Я знаю, сказала она тихонько, бросая взглядъ на дверь. — Отецъ сказалъ мнѣ, хотя это еще и не официально. Онъ получилъ частныя извѣстія, о которыхъ слѣдуетъ пока молчать. Но кому-же обязана я этимъ, какъ не вамъ?

— Не знаю, сказалъ Бергеръ, колеблясь, — я нѣсколько дней не видалъ Виктора, былъ очень занятъ. Такъ онъ получилъ извѣстіе?

— Да, отличное извѣстіе: высшій судъ меня помиловалъ! Предварительное заключеніе будетъ затчено въ наказаніе. Черезъ нѣсколько недѣль я буду совсѣмъ свободна!

— Совсѣмъ свободна!.. Черезъ нѣсколько недѣль! повторилъ онъ за ней и чувствовалъ, какъ вся кровь прилила ему къ сердцу. — Съума что-ли онъ сошелъ? мелькнуло у него въ головѣ. — Что онъ дѣлаетъ съ нею? И съ какою цѣлью?

— Господи! вскричала она, взглянувъ на него, — какъ вы поблѣднѣли! И какіе у васъ страшные глаза!.. Вы получили другія извѣстія?! Онъ ошибся?! Господи, неужели? Неужели смерть?! Теперь... теперь...

Она запаталась. Онъ взялъ ее за руки и подвелъ къ скамьѣ.

— Я не получалъ никакихъ извѣстій, промвнесъ онъ по возможности твердо. — Меня поразила неожиданность... я ничего не знаю, но вы можете, конечно, вѣрить ему.

— Не правда-ли? — Она съ облегченіемъ вздохнула. — Мнѣ теперь нечего бояться? Опасность прошла?.. А какъ вы нану-гали меня!

— Простите! Успокойтесь... Онъ схватился за шляпу.

— Какъ! вы уже уходите! вскричала она, — а я даже не успѣла хорошенько поблагодарить васъ!

— Не за что! вскричалъ онъ, но, тотчасъ-же опомнившись, ласково добавилъ: «до свиданья» — и поспѣшилъ къ президенту.

— Вы и десяти минутъ не ходили, встрѣтилъ его удивленный Францъ.—Баринъ еще въ должности. А передали мой поклонъ?

Бергеръ не слушалъ. Онъ вырвалъ изъ своей книжки клочекъ бумаги и написалъ нѣсколько словъ Зендлингену.

— Отнесите барону, приказалъ онъ кратко.

— Господи! что такое случилось? вскричалъ Францъ.

— Ровно ничего! ступайте скорѣе!

Старикъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ президентомъ. Тотъ началъ съ того-же вопроса.

— Ничего! отвѣчалъ Бергеръ, —но я не буду имѣть ни минуты покоя, пока не поговорю съ тобою о томъ, что ты сказалъ Викторинъ... Что ты дѣлаешь съ нею?!.. Какъ можешь ты?!

Зендлингенъ опустилъ глаза.

— Такъ нужно... началъ онъ, колеблясь, и замолчалъ.

— Нужно было обмануть ее?.. Не понимаю! Зачѣмъ-же? Меня пугаетъ это, Викторъ!.. Скажи по крайней мѣрѣ — съ какою цѣлью?

— Я боялся, что до нея дойдетъ извѣстiе о приговорѣ. Она-бы не вынесла, и я хотѣлъ во что-бы-то ни стало предотвратить такое несчастье.

— Неправда! вскричалъ Бергеръ.—Прости за рѣзкость, но я имѣю на нее право. Если ты не считаешь меня достойнымъ своего довѣрiя или почему-бы-то ни было не можешь быть откровеннымъ, то скажи это прямо, а пустая увертки со мною не достойны тебя. Здѣсь, какъ и вездѣ, не принято сообщать о смертномъ приговорѣ иначе какъ официальнымъ путемъ; къ тому-же и судъ, и тюрьма находятся въ твоемъ вѣдѣнiи, ты могъ принять всѣ предосторожности.

— Ты несправедливъ ко мнѣ, возразилъ Зендлингенъ, попрежнему неувѣреннымъ тономъ,—мнѣ нечего скрывать отъ тебя въ этомъ случаѣ. Когда я пришелъ къ ней сегодня, она была печальнѣе обыкновеннаго, кажется, что-то предчувствовала... мнѣ пришло въ голову: не дошелъ-ли до нея слухъ?.. Это бываетъ, несмотря на всѣ предосторожности... Желалъ ободрить ее, я,—такъ, бессознательно—сказалъ ей о помилованiи, а при видѣ ея радости, у меня не хватило духу взять

назадъ или замять мои слова. Вотъ и все, закончилъ президентъ.

Оба помолчали съ минуту.

— Не хочу упрекать тебя, сказалъ Бергеръ,—ты и самъ, конечно, видишь, какія послѣдствія будетъ имѣть твой поступокъ.

Президентъ молчалъ.

— Плохія послѣдствія, Викторъ, продолжалъ тотъ.—Она боялась самаго худшаго и даже съ долгимъ тюремнымъ заключеніемъ примирилась-бы съ радостью. Теперь-же все, что будетъ достигнуто просьбой о помилованіи, поразитъ ее какъ тяжелый ударъ. Вѣдь даже въ лучшемъ случаѣ...

— Я знаю все это, прервалъ президентъ,—но теперь уже дѣло сдѣлано и измѣнить нельзя.

— Такъ будемъ говорить о томъ, что можно измѣнить... Ты желаешь, чтобы я подалъ прошеніе о помилованіи?

— Да; готово оно?

— Даже не начато. Я, конечно, напишу его, но ты знаешь, такъ-же хорошо, какъ и я что это совершенно бесполезно.

— Однако, за четыре года своего царствованія, императоръ уже въ десяти случаяхъ произнесъ помилованіе вопреки мнѣнію высшаго суда. Это все-таки даетъ надежду.

— Схватиться за такую надежду можно-бы только въ томъ случаѣ, если-бы не было никакой другой, но, къ счастью, мы не въ такомъ положеніи. Ты долженъ ѣхать въ Вѣну, явиться къ императору, изложить ему всю правду и просить о помилованіи. Я понимаю, что этотъ шагъ будетъ труденъ, но ты долженъ, Викторъ.

— Долженъ-ли? Если есть надежда на помилованіе, то оно можетъ быть дано и по твоему прошенію.

— *Можетъ быть!* только можетъ быть! А по твоей просьбѣ *навѣрное*; уже этого одного достаточно, чтобы ѣхать! Потому: самое большее чего можетъ достигнуть моя просьба, это вѣчнаго тюремнаго заключенія, а твоя—кратковременнаго. Неужели, зная все это, ты еще колеблешься?

Президентъ отвернулся и молчалъ.

— И завтра-же, Викторъ... Время дорого!

Тотъ продолжалъ молчать.

— Какъ мнѣ понять тебя? вскричалъ адвокатъ въ сильнѣйшей тревогѣ.—Ты *не хочешь*, что-ли?

— Я поѣду, но потомъ... позднѣе, пробормотать президентъ.

— Когда?

— Какъ только получится отвѣтъ на твое прошеніе.

— Что ты! Опомнись! нельзя терять ни минуты. Увѣрень-ли ты, что тогда не будетъ слишкомъ поздно? Въмѣстѣ съ отказомъ на мое прошеніе, придетъ приказъ объ исполненіи приговора. Увѣрень-ли ты, что будешь тогда еще на мѣстѣ? что приказъ попадетъ въ твои руки? что успѣешь съѣздить въ Вѣну?! Опомнись!.. опомнись!..

Адвокатъ кричалъ все это въ сильнѣйшемъ возбужденіи и, наконецъ, остановился, истощенный и страшно утомленный. Но онъ рѣшился не отставать, не добившись своего и, переведа духъ, хотѣлъ уже продолжать, когда президентъ произнесъ:

— Ты убѣдилъ меня: я поѣду въ Вѣну раньше чѣмъ получится отвѣтъ на твое прошеніе.

— А ты все-таки на немъ настаиваешь?

— Я прошу тебя. Вѣдь повредить оно не можетъ ни въ какомъ случаѣ, а между тѣмъ мы выиграемъ время. Я не могу ѣхать въ Вѣну, не окончивъ слѣдствія по дѣлу рабочихъ. Тутъ тоже нельзя терять ни минуты: не нынче такъ завтра меня и Дернега постараются сдѣлать безвредными, но мы надѣемся, что еще успѣемъ доказать полную невинность обвиняемыхъ.

— Ты получилъ телеграмму министра?

— Да, и очень рѣшительную, хотя ей придана форма просьбы передать дѣло Вернеру.

— На приказы у него большая охота, да не хватаетъ смѣлости. Что же ты отвѣтилъ ему?

— Отказалъ, ссылаясь на сложность слѣдствія, которое такъ далеко зашло, что перемѣна слѣдователей поведетъ къ безчисленнымъ затрудненіямъ, тогда какъ интересы правосудія требуютъ возможно скорѣйшаго доказательства виновности или невинности подсудимыхъ.

— Когда вы надѣетесь окончить слѣдствіе?

— Дней черезъ десять.

— Такой срокъ я могу тебѣ дать. Отвѣтъ на просьбу придетъ не раньше трехъ недѣль. Ну, до свиданья! А ты и старика посвятилъ въ тайну? замѣтилъ Бергеръ, пожимая руку друга.

— Онъ будетъ молчать.

— А все-таки лишній свидѣтель! Ну, да не хочу больше бранить тебя. До свиданья...

Прошло еще двѣ недѣли, и январь уже приближался къ концу, а слѣдствіе надъ рабочими все еще тянулось.

Это чрезвычайно беспокоило Бергера. Его просьба о помилованіи была давно послана и могла дойти до императора, а между тѣмъ каждый разъ, когда заходила рѣчь о поѣздкѣ въ Вѣну, Зендлингенъ есылался на невозможность оставить дѣло. Его борьба съ министромъ приняла тѣмъ временемъ очень странную форму. Это былъ рядъ стычекъ, иногда довольно грубыхъ, на всѣхъ околныхъ путяхъ, а прямыя шаги избѣгались.

— Манера специально австрійская, говорилъ съ горькой улыбкой Бергеръ.

Вслѣдъ за «просьбой», министръ прислалъ рѣзкій и лаконическій приказъ передать дѣло рабочимъ Вернеру. Зендлингенъ снова, въ краткихъ словахъ, повторилъ свой первый отвѣтъ и былъ убѣжденъ, что отставка неминуема. И дѣйствительно, отъ министра пришло грозное посланіе съ обѣщаніемъ «дальнѣйшихъ послѣдствій», которыя должны были обрушиться на Зендлингена за неповиновеніе; но никакой молніи за этимъ громомъ не послѣдовало. За то начались мелкія преслѣдованія, которыми надѣялись доѣхать судей и затруднить слѣдствіе. Если, на примѣръ, они вносили предложеніе о прекращеніи дознанія, относительно того или другаго изъ обвиняемыхъ, прокуроръ тотчасъ-же находилъ препятствія и прибѣгалъ къ помощи высшаго суда, который немедленно становился на его сторону. При этомъ полиція проявляла пожирающую дѣятельность и ежедневно заваливала судей новыми доказательствами преступной дѣятельности обвиняемыхъ, которыхъ приходилось опять допрашивать, несмотря на полную увѣренность въ здорности открытій.

Тѣмъ энергичнѣе старался Бергеръ положить конецъ такому ненужному мученію, но по-прежнему безуспѣшно. Въ послѣдній день января Зендлингенъ опять сказалъ Бергеру:

— Время не ушло, прошеніе еще не передано государю. Бергеръ хотѣлъ уже уйти, какъ дверь съ шумомъ отворилась

и Вернеръ почти вбѣжалъ въ комнату, махая надъ головою большимъ пакетомъ.

— Г-нъ президентъ! кричалъ онъ внѣ себя отъ радости,— я только что получилъ!.. сейчасъ получилъ!.. я назначенъ вашимъ преемникомъ... вотъ декретъ!

Зендлингенъ поблѣднѣлъ, но сохранилъ наружное спокойство, тогда какъ Бергеръ не могъ удержаться и злобно взглянулъ на маленькаго человѣчка.

— Поздравляю васъ, сказалъ президентъ.—А когда вступаете вы въ должность?

— 22-го февраля. Я чрезвычайно доволенъ! Такое назначеніе, конечно, давно заслужено, но, пока не имѣешь въ рукахъ бумаги, ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ. А вы, г. президентъ, не въ претензіи на меня, не правда-ли?

Вмѣсто отвѣта, Зендлингенъ улынулся и протянулъ ему руку.

— Я такъ и зналъ! вскричалъ счастливецъ.—Какое вамъ до этого дѣло? Вы все равно должны были оставить Б., чтобы занять болѣе высокій постъ, или...

Онъ колебался.

— Гмъ! гмъ!.. Думать противное было-бы безуміемъ. Такому человѣку, какъ вы, не даютъ отставки. Вѣдь вы не имѣли извѣстія о перемѣнѣ назначенія?

— Нѣтъ.

— Я такъ и зналъ. Спокойной ночи, господа, спѣшу къ женѣ.

И онъ выбѣжалъ изъ комнаты мелкой рысцой.

— Декретъ присланъ прямо на его имя, замѣтилъ Зендлингенъ,—а меня даже не извѣстили о назначеніи преемника. Это небывалая вещь и прямо говорить объ отставкѣ.

— А я такъ остаюсь при своемъ мнѣніи, что все это не болѣе, какъ проявленіе нашей отечественной грубости, сказалъ Бергеръ.—Щипки изъ-за угла и булавочные уколы—на это у нихъ хватаетъ смѣлости, но никогда не повѣрю, чтобы они могли рѣшиться на крупный шагъ.

— Рѣшатся, спокойно возразилъ Зендлингенъ,— но въ моемъ положеніи мнѣ это рѣшительно все равно. Я только испугался на минуту, когда подумалъ, что придется тотчасъ же сдать должность Вернеру.

— Понятно! вскричалъ Бергеръ.—Было-бы ужасно досадно

выдать ему рабочихъ, несмотря на всѣ принесенныя ради нихъ жертвы.

Президентъ опустилъ глаза, избѣгая взгляда Бергера.

Черезъ два дня, въ праздникъ Срѣтенья, когда, по сохранившемуся кое-гдѣ обычаю, знакомые посылаютъ другъ другу подарки, Зендлингенъ получилъ отъ министра сюрпризъ, въ видѣ приказа передать 22-го февраля должность Вернеру. «Дальнѣйшія-же относительно васъ распоряженія будутъ вамъ сообщены впослѣдствіи», заканчивалось посланіе.

На этотъ разъ даже Бергеръ не сомнѣвался, что смѣлость, необходимая для отставки Зендлингена, наконецъ нашлась. Никакихъ «дальнѣйшихъ распоряженій» не требовалось, если бы не было отмѣнено назначеніе въ II.

Новость быстро распространилась по городу и всюду вызвала сильнѣйшее возбужденіе. Баронъ Дернегъ, человекъ съ состояніемъ, рѣшилъ подать въ отставку; многіе изъ членовъ судебного вѣдомства выражали сожалѣніе, что забота о семьѣ не позволяетъ имъ послѣдовать его примѣру. Вечеромъ того же дня, почетнѣйшіе граждане города собрались на совѣщаніе объ оваціи въ честь президента и рѣшили поднести ему адресъ и устроить прощальный банкетъ.

На самого Зендлингена приказъ не произвелъ, казалось, ни малѣйшаго впечатлѣнія.

— Я давно привыкъ къ мысли объ отставкѣ, замѣтилъ онъ Бергеру.

— Но что-же ты думаешь дѣлать? спросилъ адвокатъ.

— Поселюсь въ Грацѣ, отвѣчалъ Зендлингенъ, такимъ тономъ, какъ будто это было уже давно принятое рѣшеніе.

На слѣдующее утро въ столичныхъ газетахъ появились частныя телеграммы изъ Б. объ отставкѣ Зендлингена. На этотъ разъ, точно по уговору, газеты объявили извѣстіе объ отставкѣ совершенно невѣроятнымъ и принялись горячо защищать «строгое, но справедливое правительство, которымъ пользуется Австрія», отъ подозрѣнія, будто оно способно произвольно смѣстить добросовѣстнаго судью, украшеніе науки и своего званія, извѣстнаго къ тому-же своей непоколебимой преданностью консервативнымъ принципамъ. Болѣе рѣшительное выраженіе своего мнѣнія было немислимо, и публика отлично поняла маневръ. Имя Зендлингена было на всѣхъ устахъ, и процессъ рабочихъ сталъ предметомъ толковъ, сперва въ сто-

лицѣ, а потомъ и во всей странѣ. На президента посыпались письма и телеграммы съ выраженіемъ сочувствія, и если-бы въ его измученной душѣ было мѣсто для радостныхъ ощущеній, онъ могъ-бы теперь высоко поднять голову. Бергеръ нисколько не преувеличивалъ, говоря, что вся страна заявила въ эти дни Зендлингену, что она дорожить имъ. Но онъ не обращалъ ни на что вниманія и съ безнадежнымъ упорствомъ продолжалъ свою Сизифову работу по слѣдствію, при безчисленныхъ помѣхахъ со стороны полиціи и прокуратуры.

Вдругъ, дней черезъ пять послѣ начала газетной агитаціи, полиція исчезла со сцены, и Зендлингенъ былъ очень удивленъ, не найдя на своемъ столѣ ни одного доноса. Сперва онъ приписалъ это простой случайности, но когда на второй и на третій день не пришло даже простаго обвиненія въ нехожденіи къ исповѣди, всякое сомнѣніе прекратилось. Въ то-же время замолкла и прокуратура, и слѣдствіе пошло какъ по маслу.

— Ихъ смѣлость начинаетъ пропадать, а скоро отъ нее и слѣда не останется, говорилъ Бергеръ своему другу.—Я слышалъ, что фрейлейнъ Бригитта завтра выѣзжаетъ.—Удержи ты ее хоть на нѣсколько дней! Зачѣмъ заставлять старуху дѣлать такой крюкъ и ѣхать въ П. на Грацъ?

— Ты шутишь, возразилъ президентъ и остался при своемъ рѣшеніи.

Бергеръ пошелъ проститься съ фрейлейнъ Бригиттой и засталъ старушку за книгой, которую она быстро захлопнула.

— Я помѣшалъ вамъ, сказалъ Бергеръ.—Что это вы читали?

— О, ничего! Одинъ романъ, отвѣчала она поспѣшно.

Между тѣмъ, книга, о которой шла рѣчь, соскользнула со стола и упала къ ногамъ Бергера. Онъ поднялъ ее и развернулъ: это была французская грамматика.

— Что это фрейлейнъ! вскричалъ онъ съ удивленіемъ.— Вы вспомнили свою юность и изучаете французскій языкъ?

Старушка покраснѣла и смутилась, точно ее поймали на преступленіи.

— Я слышала, пробормотала она,—что тамъ т рудно обойтись съ однимъ нѣмецкимъ.

— Въ Грацѣ-то? Бергеръ захохоталъ.—Кто это позволилъ себѣ такъ подшутить надъ вами? Успокойтесь, фрейлейнъ: съ

французами города Граца вы отлично объяснитесь безъ всякой грамматики.

Онъ пожалъ ей руку, пожелалъ счастливаго пути и вышелъ изъ комнаты, продолжая смѣяться.

Въ городѣ, между тѣмъ, шли дѣятельныя притотворенія къ оваціи, которой намѣревались придать небывалыя размѣры.

Главный распорядитель праздника, первый банкиръ города, положительно терялъ голову и рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству Бергера.

— Меня осаждаютъ со всѣхъ сторонъ, жаловался онъ, — а президентъ молчитъ. Мнѣ необходимо знать, согласенъ-ли онъ присутствовать на банкетъ и факельцугъ? Вчера онъ былъ у меня, но едва я упомянулъ о праздникѣ, онъ тотчасъ-же свернулъ разговоръ на наши дѣла.

— На какія дѣла? спросилъ Бергеръ.

— Я думалъ — вы знаете. Онъ продаетъ австрійскія бумаги и покупаетъ вмѣсто нихъ французскія, англійскія и голландскія, а также желаетъ имѣть часть золотомъ.

— Зачѣмъ ему это? вѣдь онъ остается въ Австріи! удивился Бергеръ.

Банкиръ улыбнулся.

— Президентъ не довѣряетъ прочности нашего государственнаго кредита, сказалъ онъ. — Впрочемъ, послѣ всего, что съ нимъ случилось, такой пессимизмъ довольно понятенъ.

Бергеръ согласился съ банкиромъ и не упоминалъ Зендлингену объ этомъ предметѣ. Относительно оваціи онъ добился удовлетворительнаго отвѣта: президентъ далъ согласіе и на банкетъ, и на факельцугъ, и празднество было назначено на 21-е февраля. Извѣстіе тотчасъ-же дошло въ Вѣну и было должнымъ образомъ оформлено газетами.

Слѣдствіе, между тѣмъ, было закончено, и 16-го февраля рабочіе получили свободу. Прямо изъ тюрьмы они всей толпой пришли къ президенту, и Иванъ Новирокъ произнесъ благодарственную рѣчь отъ лица своихъ товарищей.

— Мы желаемъ тебѣ, говорилъ онъ, — всякаго счастья и легкаго сердца... Какъ тебѣ, такъ и всѣмъ, кого ты любишь. Изъ нашихъ пожеланій, правда, мало толку, а дать тебѣ мы ничего не можемъ, хоть и рады-бы пролить за тебя кровь. Ты знаешь, господинъ, что даже на молитвы мы не щедры, если только помнишь, что я говорилъ тебѣ... А все-таки, думаешь,

можетъ тебѣ быть отъ насъ польза, и просимъ тебя: вспоминай о насъ, когда будетъ тяжело на сердцѣ. Скажи себѣ тогда: «я высвободилъ этихъ людей изъ бѣды и сдѣлалъ для нихъ все, что могъ», и тебѣ станетъ легче. Потому что лучшаго утѣшенія, думается мнѣ, и на свѣтѣ нѣтъ, какъ сказать себѣ такія слова. Ты добрый и честный человѣкъ и дѣлаешь только хорошія дѣла, а до худыхъ никогда не коснешься... Слабѣе же тебѣ; прощай и будь здоровъ...

— Прощайте, добрые люди, отвѣчалъ президентъ и отпустилъ ихъ.

17-го февраля Зендлингенъ долженъ былъ, наконецъ, выѣхать съ утреннимъ поѣздомъ въ Вѣну.

Еще съ вечера онъ далъ Бергеру такое торжественное обѣщаніе, что тотъ совершенно успокоился, и былъ пораженъ, когда, зайдя передъ обѣдомъ въ присутствіе, случайно узналъ, что президентъ находится въ сосѣдней комнатѣ.

Бергеръ бросился къ нему.

— Ты еще не уѣхалъ! вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ.

— Это оказалось выше силъ моихъ, отвѣчалъ Зендлингенъ чуть слышнымъ голосомъ.

У Бергера выступилъ холодный потъ.

— Знаешь, что это единственное спасенье, и не можешь! Что за жадная трусость! кричалъ онъ.

— Не трусость, такъ-же тихо возразилъ Зендлингенъ; — если бы я былъ трусомъ, то ужъ давно побывалъ-бы у императора.

— Это какіе-нибудь софизмы, которыми ты стараешься заглушить голосъ совѣсти, говорилъ Бергеръ, ломая руки. — Самъ знаешь, Викторъ, какъ больно мнѣ такъ говорить съ тобою, но нѣтъ другого выбора. Вѣдь нельзя-же оставить...

Вошелъ канцеляристъ и подаль Зендлингену два письма. Одно изъ нихъ было за печатью министра.

— Вѣроятно, отставка, сказалъ Зендлингенъ, вскрывая конвертъ, но, пробѣжавъ глазами бумагу, онъ презрительно улыбнулся и подаль ее Бергеру.

Министръ напоминалъ Зендлингену, что, въ силу назначенія, состоявшагося въ ноябрѣ прошлаго года, онъ долженъ къ первому марта прибыть въ П., для принятія должности.

— Вотъ видишь, сказалъ Бергеръ, — что и мы, либералы,

можемъ иногда пригодиться со своими газетами. Кто-же, какъ не мы, заставилъ министра обратиться вспять?

— Посмотримъ, что пишетъ зять, сказалъ Зендлингенъ, распечатывая второе письмо.— Ты правъ, добавилъ онъ, пробѣжавъ первыя строчки.— Слушай:

«Говоря по правдѣ, писалъ графъ, — ты не заслуживаешь, чтобы я поздравилъ тебя съ избавленіемъ отъ опалы, которую ты самъ-же вызвалъ своимъ легкомысліемъ. Нельзя не признать, что министръ выказалъ по отношенію къ тебѣ безграничное долготерпѣніе, такъ какъ, кромѣ неприятностей непосредственно отъ тебя, ему пришлось еще вынести нападки жидовъ и либераловъ нашей прессы, которая такъ усердно занималась тобою послѣднее время. Прошу не сомнѣваться, однако, что если ты остался на мѣстѣ, то никакъ не благодаря этимъ нападкамъ, а наоборотъ, несмотря на нихъ...»

— Оно и видно! иронически вставилъ Бергеръ.

«Въ сущности, министръ никогда не имѣлъ серьезнаго намѣренія прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ и все время выражалъ гораздо болѣе раздраженія, чѣмъ въ дѣйствительности чувствовалъ», продолжалъ читать Зендлингенъ. «Онъ хотѣлъ только напугать тебя, и ты не будешь, конечно, претендовать на него за эту маленькую месть...»

— Неужели твой зять не понимаетъ, что такое оправданіе хуже всякой брани? вскричалъ Бергеръ.— А еще судья и считается умнымъ человѣкомъ! Я всегда говорилъ...

Болѣзненный крикъ Зендлингена заставилъ его остановиться.

— Что? что такое? спрашивалъ Бергеръ и, не добившись отвѣта, вынулъ письмо изъ дрожащихъ рукъ друга.

«Когда думаешь ты выѣхать?»— писалъ графъ на послѣдней страницѣ.— «Твоему нѣжному сердцу едва-ли пріятна послѣдняя обязанность, которую остается выполнить на старомъ мѣстѣ. Впрочемъ, казнь женщины, да еще такой молодой, всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе, и я совѣтывалъ-бы предоставить Вернеру, не зараженному твоей чувствительностью, распорядиться печальной церемоніей...»

Листокъ выпалъ изъ рукъ Бергера.

— Ахъ, Викторъ... пробормоталъ онъ.

— Молчи! простоналъ Зендлингенъ, задыхаясь.— Ненужно упрековъ...

Бергеръ замолчалъ.

— Приказъ придетъ завтра? тихо спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Онъ, вѣроятно, уже пришелъ, отвѣтилъ Зендлингенъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, чтобы оправиться.—Входящіе приказы сперва записываются въ регистръ.

Онъ позвонилъ и велѣлъ подать себѣ всѣ бумаги, приходшія съ утренней почтой. Между ними, дѣйствительно, оказалась роковая бумага, извѣщавшая земскій судъ о томъ, что, вслѣдствіе отказа на просьбу о помилованіи, смертный приговоръ надъ Липпертъ вступаетъ въ силу и долженъ быть выполненъ въ теченіи восьми дней.

— Упреки излишни, сказалъ адвокатъ,—но нужно дѣйствовать. Ты тотчасъ-же, по телеграфу, испросишь у императора аудіенцію на 19-е число и поѣдешь въ Вѣну.

— Вѣроятно поѣду, нерѣшительно произнесъ Зендлингенъ.

— Я заставлю тебя ѣхать! вскричалъ Бергеръ. -- Передъ вечеромъ я зайду къ тебѣ.

Придя вечеромъ,—Бергеръ засталъ уже отвѣтъ на телеграмму: аудіенція была дарована. Но Зендлингенъ казался совершенно растеряннымъ.

— Я трусливѣе чѣмъ думалъ, бормоталъ онъ, какъ-бы говоря самъ съ собою.—Рѣшеніе было твердо, а не хватаетъ духу... надо ѣхать...

Бергеръ ничего не понялъ, но не сталъ разспрашивать.

— Такъ ты ѣдешь?

— Ёду, отвѣчалъ Зендлингенъ, и на слѣдующее утро дѣйствительно уѣхалъ.

— Вѣна! прокричалъ кондукторъ.

Поѣздъ пошелъ тише и, наконецъ, остановился.

На вокзалѣ замѣчалось какое-то особенное волненіе; люди, съ встревоженными лицами, о чемъ-то оживленно говорили, спорили, распрашивали. Полицейскіе, которыхъ было гораздо болѣе обыкновеннаго, съ озабоченнымъ видомъ ходили по платформѣ, приглашая собравшіяся группы разойтись.

Зендлингенъ прошелъ, ничего не замѣчая, позвалъ извозчика и почти машинально произнесъ названіе гостинницы, въ которой обыкновенно останавливался. Весь день

но въ бреду, не видя и не слыша ничего вокругъ; страшныя картины носились передъ его закрытыми глазами, и нѣсколько разъ онъ вскакивалъ и бросался къ дверямъ своего купе. Ему казалось тогда, что Викторина въ эту самую минуту узнала о готовящейся казни, и у него являлось немедленное желаніе быть около нее, защищать ее...

— Назадъ! назадъ! кричалъ онъ, но, опомнившись, снова сѣлся на мѣсто и погружался въ свой кошмаръ.

Въ такомъ-же туманѣ ѣхалъ онъ и теперь по улицамъ Вѣны, не обращая вниманія на ихъ необычайное оживленіе. Казалось, всѣ окраины города спѣшили къ центру; по мостовой двигалась вереница экипажей, проходили полицейскіе патрули и вооруженные отряды, а на гласисѣ стоялъ цѣлый батальонъ. Зендлингенъ очнулся только тогда, когда извозчикъ остановился у подъѣзда отеля. Прислуга бросилась помогать посетителю выйти изъ экипажа, самъ хозяинъ поспѣшилъ ему навстрѣчу, почтительно раскланиваясь.

— Г. президентъ! вскричалъ онъ, — комната № 7 къ вашимъ услугамъ. А что вы думаете объ этомъ несчастіи? Я до сихъ поръ не могу опомниться!

— О какомъ несчастіи? спросилъ Зендлингенъ.

— Неужели не знаете? вскричалъ удивленный хозяинъ.— Не знаете о покушеніи на жизнь его величества? Сегодня на гласисѣ одинъ венгерецъ нанесъ его величеству рану кинжаломъ въ затылокъ, и если-бы не присутствіе духа мясника... Что съ вами? оборвалъ онъ вдругъ свой разговоръ и бросился къ президенту. Тотъ зашатался и безъ чувствъ упалъ къ нему на руки.

На другой день, однако, Зендлингенъ уже съ утра былъ на ногахъ и отправился въ канцелярію кабинета, чтобы получить точныя свѣдѣнія о здоровіи императора. Ему сообщили тамъ то-же самое, что уже было во всѣхъ газетахъ: рана не опасна, но доктора предписали его величеству абсолютный покой въ теченіи трехъ недѣль. Высочайшія права, за это время, останутся безъ примѣненія, такъ какъ никто изъ принцевъ назначенъ намѣстникомъ не будетъ.

Изъ канцеляріи Зендлингенъ заѣхалъ къ министру и, передъ вечеромъ, послалъ Бергеру телеграмму слѣдующаго содержанія: «Успѣхъ почти достигнутъ. Получена отсрочка до выздоровленія извѣстной особы. Завтра буду обратно.»

Это была первая ложь, написанная его рукою. Возвратясь въ отель, онъ засталъ у себя графа К., своего зятя. Тать заходилъ уже въ третій разъ и теперь осмыслить его дружескими упреками за неосторожность.

— «Побывала ли ты, Нико, вранней мѣрѣ, у доктора?» спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Зендлингенъ.

— Это просто непростительно! вскричалъ графъ; — когда меня призвали къ тебѣ вчера вечеромъ, я не такъ встревожился припадкомъ, какъ общей переменной въ твоей наружности. Ты действительно боленъ; Викторъ и занятъ мѣсяцы состарился на 20 лѣтъ! Тебѣ необходимо завтра же съѣздить къ Опольцеру.

Зендлингенъ поблагодарилъ; но заявилъ, что онъ долженъ въ эту же ночь возвратиться въ Б., такъ какъ остающагося двухъ дней едва хватитъ на передачу дѣлъ. Зато 22-го, окончательно отдѣлавшись отъ хлопотъ, онъ возвратится на болѣе продолжительное время и тогда уже займется поправленіемъ своего здоровья.

Графъ увезъ его въ себя, и Зендлингенъ провелъ вечеръ въ кругу родныхъ, былъ разговорчивъ, даже шутилъ и, улыбаясь, принялъ приглашеніе на семейный обѣдъ 22 февраля.

Погода стояла отвратительная; съ утра валить пустой снѣгъ; ночной поѣздъ, съ которымъ возвращался Зендлингенъ, долженъ былъ нѣсколько разъ останавливаться, дожидаясь расчистки пути. Онъ пришелъ въ Б. на четыре часа позже обыкновеннаго; тѣмъ не менѣе, выйдя изъ купе, Зендлингенъ увидѣлъ передъ собою Бергера.

— Какъ онъ ждетъ меня! подумалъ Зендлингенъ; а я не посмѣю взглянуть ему въ глаза!

Но тотъ отъ радости ничего не замѣтилъ.

— Я уже считалъ все потеряннымъ, говорить бѣдѣ обнимаемая Зендлингена, и помчался бы къ тебѣ, (потчасъ же послѣ извѣстія о покушеніи, если бы не задержали дѣла. Можешь представить себѣ послѣ этого, какъ меня обрадовала твоя телеграмма!

Они подошли къ санямъ Бергера, ожидавшимъ около вокзала.

— Домой! крикнулъ Бергеръ кучеру.

— Зачѣмъ? спросилъ Зендлингенъ.

— Да больше тебѣ некуда дѣваться. — Развѣ ты забылъ, что твоя квартира уже необитаема? Мебель забрали покупщики, вещи упакованы; гдѣ-же ты поселишься, какъ не у меня?

— Я велѣлъ Францу взять номеръ въ отелѣ X.

— А я запретилъ ему брать. На эти нѣсколько дней мнѣ хочется имѣть тебя въ своемъ полномъ распоряженіи.

Зендлингенъ поблѣднѣлъ.

— Это невозможно, Георгъ! вскричалъ онъ;—прошу тебя, не настаивай; я непременно остановлюсь въ отелѣ.

— Ты такъ трагически взглянулъ на меня, сказалъ Бергеръ, нерѣшительно улыбаясь, что поневолѣ приходится отказаться отъ этого плана. — Въ отелѣ! приказалъ онъ кучеру.—Ну, а теперь рассказывай, кто далъ тебѣ отсрочку?

— Эрцгерцогъ Максимилианъ! поспѣшно отвѣтилъ Зендлингенъ;—я имѣлъ вчера у него аудіенцію.

— Развѣ онъ назначенъ намѣстникомъ? Въ газетахъ объ этомъ не было ни слова.

— Это не официально... Приказъ Вернеру объ отсрочкѣ казни придетъ послѣ завтра... Мнѣ придется пробыть въ Вѣнѣ до выздоровленія императора, такъ какъ окончательнаго рѣшенія эрцгерцога принять не можетъ.

— А я въ твое отсутствіе буду заботиться о Викторинѣ, сказалъ Бергеръ, пожимая руку друга; и перевелъ разговоръ на приготовленія къ завтрашнему торжеству.

Широкая фізіономія хозяина отеля побагровѣла отъ радости, когда Зендлингенъ заявилъ о своемъ желаніи остановиться у него.

— Какая честь! воскликнулъ онъ въ упоеніи;—г. президентъ будетъ принимать факельцугъ съ моего балкона!

— Еще-бы! вздохнулъ Бергеръ;—и эта честь похищена у меня.

Онъ уѣхалъ и обѣщалъ прислать Франца, который дожидался на его квартирѣ.

Черезъ полчаса старикъ явился, сіяя отъ удовольствія, но когда, спустя нѣсколько минутъ, онъ вышелъ изъ комнаты президента и отправился къ Бергеру за чемоданами, его лицо было блѣдно и подергивалось судорогами.

Зендлингенъ немедленно отправился въ судъ, гдѣ уже дожидался Вернеръ, и они тотчасъ-же принялись за работу. Сперва началась передача дѣлъ гражданскаго отдѣленія.

Задача была не трудная, но новый президентъ страшно затягивалъ дѣло, стремясь, по обыкновенію, составить, при каждомъ удобномъ случаѣ, хоть маленькій протоколъ, чтобы имѣть возможность лишній разъ подписаться: «Вернеръ, президентъ».

Было уже около десяти часовъ вечера, когда работа была окончена и Дернегъ, помогавшій при сдачѣ, взялъ съ Вернера слово быть на завтра по-проворнѣе.

— Жители Б. разорвутъ васъ на части, пригрозилъ онъ, смѣясь;—если вы завтра не освободите во время героя торжества.

Остатокъ вечера Зендлингенъ провелъ съ Бергеромъ. Они говорили о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ покушенія 18-го февраля, о политическомъ положеніи страны, говорили о завтрашнемъ праздникѣ, но имя Викторины не было ни разу упомянуто въ этотъ вечеръ.

Въ восемь часовъ утра, Зендлингенъ, не смыкавшій глазъ всю ночь, услышалъ звуки военной музыки; въ ту-же минуту Францъ постучался въ его дверь.

Старикъ былъ крайне разстроенъ.

— Цора одѣваться, сказалъ онъ... Впрочемъ, вы вѣдь еще и не отдыхали...

— И ты тоже, Францъ.

— Ну, обо мнѣ что толковать... Вотъ, если вы свалитесь съ ногъ... Ахъ, хоть-бы завтрашняя ночь пришла скорѣе.

— А тамъ будь, что будетъ!

— Да—будь, что будетъ.

Музыка приближалась, сливаясь съ криками и гуломъ толпы. Шествіе остановилось передъ домомъ. «Да здравствуетъ Зендлингенъ!» раздавался чей-то громкій голосъ и тысячное эхо подхватывало крикъ. Потомъ все стихло и послѣ короткой паузы музыка сыграла увертюру и затѣмъ хоръ.

Зендлингенъ одѣлся и, спустившись въ залу отеля, подошелъ къ открытому окну и раскланялся. Крики возобновились съ удвоенной силой, сливаясь въ одинъ громкій гулъ. «Слава»... «На здарь!» прорывались возгласы чешскихъ рабочихъ. Неподвижно смотрѣлъ онъ на громадную толпу, и вдругъ яркая краска залила его блѣдное лицо. Несчастный человѣкъ поднималъ руку, какъ-бы защищаясь, но толпа поняла этотъ жестъ иначе.

— Тихе, тихе! молчите! крикнули сотни голосовъ, и

все затихло въ ожиданіи. Зендлингенъ понялъ, что отъ него ждуть рѣчи; онъ покорно произнесъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ фразъ, снова раскланялся и быстро отошелъ отъ окна.

— Скорѣй мою шляпу! приказалъ онъ слугѣ и когбѣ ускользнуть съ задняго хода, но было уже поздно; въ приемной одея, одна за другой, начали появляться депутаціи.

Члены комитета, устроившаго митингъ, принесли адресъ, въ которомъ жители Б. благодарили отъѣзжающаго. Ораторомъ депутаціи былъ избранъ банкиръ.

— Нашъ городъ насчитываетъ сто тысячъ жителей, а на этомъ адресѣ стоитъ пятьдесятъ тысячъ подписей, сказалъ онъ, указывая на огромный фоліантъ, который двое слугъ положили на столъ. — Такія цифры говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ о томъ глубокомъ сожалѣніи, съ которымъ жители Б. расстаются со своимъ президентомъ. Они цѣнятъ въ васъ опору правосудія, образцоваго судью, доказавшаго на дѣлѣ свою полную готовность скорѣе пожертвовать всею, лично дорогимъ для себя, чѣмъ дозволить малѣйшее нарушение справедливости.

Эти похвалы были видимо неприятны Зендлингену, и онъ дѣлалъ надъ собою усилія, чтобы не прервать оратора. Когда пришлось произнести въ отвѣтъ нѣсколько благодарственныхъ словъ, его голосъ дрожалъ, и обрывался.

Присутствующіе остались очень довольны, такъ какъ приписали это волненію, вызванному ихъ адресомъ. Даже Бергеръ былъ того же мнѣнія; Зендлингенъ отоввадь его въ сторону.

— Умоляю тебя, шепнулъ онъ ему, — постарайся положить конецъ этимъ мученьямъ. Сколько депутацій придется еще принять?

— Восемьнадцать, сказалъ Бергеръ.

— Что?!..

— Нельзя иначе. Мы не имѣемъ никакого права гнать людей! Не пугайся, впрочемъ, я и такъ ужъ довелъ до минимума число рѣчей, которыя тебѣ придется выслушать. Сейчасъ явятся муниципальныя власти дорода, а потомъ шестнадцать депутацій, отъ общественныхъ и благотворительныхъ учреждений выразятъ тебѣ свои чувства черезъ одного, сообща избраннаго оратора. Восемьнадцатую депутацію мож-

но и отослать, если хочешь; это—рабочіе и между ними нѣкоторые изъ освобожденныхъ.

— Ихъ-то я непременно приму, сказалъ Зендлингенъ; но остальныхъ... Впрочемъ, покоримся! Пригласи старшинъ города.

Они явились подъ предводительствомъ бургомистра и поднесли президенту дипломъ на званіе почетнаго гражданина и постановленіе общиннаго совѣта о переименованіи одной изъ улицъ, прилегающихъ къ зданію судебныхъ учреждений, изъ Крейцгассе въ Зендлингенгассе.

Прошло десять часовъ, когда почетные представители наконецъ удалились, и Бергеръ позвалъ рабочихъ.

Вошли десять стариковъ; передній—Иванъ Новирокъ—шелъ, по славянскому обычаю, хлѣбъ и соль въ носеребрянной солонкѣ.

— Если ты думаешь, добрый господинъ, что эта посуда серебряная, заговорилъ Новирокъ, подавая солонку, то очень ошибаешься; она и вмѣстѣ съ хлѣбомъ стоитъ всего-на-всего пять гульденовъ, да въ то еще продавецъ вѣрно обманулъ насъ на нѣсколько грошей. Ты и подумаешь пожалуй: «какъ имъ не стыдно подносить мнѣ такой пустой подарокъ!» А я тебѣ скажу на это: въ пяти гульденахъ триста крейцеровъ и эти триста крейцеровъ внесли, въ послѣднюю субботу, послѣ расчета, триста рабочихъ, по одному крейцеру каждый, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе. Услыхавши объ этомъ, ты конечно будешь дорожить нашей солонкой и поставишь ее на свой столъ. Она будетъ радовать твое сердце, какъ подарокъ бѣдныхъ людей, которымъ ты сдѣлалъ добро.

Отпустивши рабочихъ, Зендлингенъ воспѣшивъ въ судѣ, но и тутъ же обошлось безъ юваций. Его встрѣзши всѣ члены суда, и поднесли альбомъ съ славварельными изображениями зданія и портретами всѣхъ слушающихъ. Поломъ Дернагъ произнесъ рѣчь.

— На этомъ самомъ мѣстѣ, сказалъ онъ, между прочимъ, вы произнесли однажды слова, которыя всего лучше изображаютъ васъ самихъ: «Я никогда не былъ слѣпымъ поклонникомъ принципа: *Fiat justitia et pereat mundus*». Только мы, судьи, обязаны исполнять свой долгъ и дѣйствовать по закону, хотя-бы при этомъ разрывалось наше собственное сердце». Такъ говорили вы, и доказали на дѣлѣ всю силу своего убѣжденія...

Онъ хотѣлъ подробнѣе развить свою мысль, но, взглянувъ на Зендлингена, поспѣшилъ закончить рѣчь нѣсколькими словами.

«У него, кажется, опять начинается припадокъ его болѣзни», подумалъ онъ.

Зендлингенъ, однако, быстро оправился и вмѣстѣ съ Дернегомъ и Вернеромъ принялся за работу.

Начали съ тюрьмы: сперва была провѣрена касса, потомъ перешли къ спискамъ заключенныхъ. Число содержащихся въ больницѣ привело Вернера въ положительное негодование.

— Нашъ докторъ былъ-бы на мѣстѣ при какомъ-нибудь филантропическомъ учрежденіи, но никакъ не въ тюрьмѣ! вскричалъ онъ. — Чуть съ подсудимымъ случится насморкъ, его уже переводятъ въ больницу! Вотъ хоть-бы Линпертъ! Съ 9 ноября она въ больничномъ отдѣленіи, а между тѣмъ, взгляните на слѣдующую графу, и вы увидите, что уже съ половины декабря она числится выздоравливающей. Я спрашиваю васъ, господа, если въ этомъ какой-нибудь смыслъ? Цѣлыхъ два мѣсяца здоровая арестантка содержится какъ больная, развѣ это не безпорядокъ?

— Докторъ въ этомъ случаѣ гораздо компетентнѣе васъ, возразилъ Дернегъ;—онъ специалистъ, а мы тутъ ровно ничего не понимаемъ.

Зендлингенъ молчалъ, углубившись въ какую-то бумагу.

— Я ни слова не говорю противъ его познаній, настаивалъ Вернеръ;—но онъ слишкомъ мягокъ, господа!.. слишкомъ мягокъ! Остановимся на этомъ конкретномъ фактѣ. Здоровая арестантка,—или, пожалуй выздоравливающая, — цѣлыхъ два мѣсяца содержится какъ больная и на нее ежедневно тратится двадцать лишнихъ крейцеровъ. Съ половины декабря это составитъ четырнадцать гульденовъ! Нужно быть экономнѣе, господа! Ну, стоитъ-ли эта женщина такихъ денегъ?

— Человѣческая жизнь дороже! вскричалъ Дернегъ.

— Да и я не извергъ и ничего безчеловѣчнаго не предлагаю, но экономія должна соблюдаться, господа. Къ тому же эта особа приговорена къ смертной казни, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы она была помилована. Впрочемъ, при осмотрѣ тюрьмы, мы лично удостовѣримся, больна-ли она. Идемте, господа!

Вмѣстѣ со зрителемъ они быстро обошли общія каме-

ры, но въ первой-же больничной палатѣ Вернеръ принялся за формальный допросъ пациентовъ, не обращая вниманія на протесты Дернега, утверждавшаго, что такая процедура вовсе не относится къ сдѣлѣ должности.

— Этимъ вы займетесь завтра, г. Вернеръ! вдругъ вмѣшался молчавшій до сихъ поръ Зендлингенъ.—Вы мой пріемникъ, а не ревизоръ! добавилъ онъ строгимъ тономъ.

— Извините... Вы правы, вы совершенно правы... забормоталъ испуганный Вернеръ.—Я глубоко уважаю васъ и не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оскорбить... Идите домой.

Остальныя палаты были пройдены безъ остановокъ, пока не дошли до одиночныхъ камеръ для большихъ женщинъ. Вернеръ просмотрѣлъ списокъ.

— Такъ эта Липпертъ еще имѣетъ отдѣльную камеру! Г. оберъ-президентъ! обратился онъ умоляющимъ тономъ къ Зендлингену; — дозвольте остановиться на минуту; этотъ случай меня положительно безновоятъ... необходимо удостовѣриться...

— Если вамъ такъ хочется... проговорилъ Зендлингенъ, и они вошли въ камеру.

Викторина сидѣла за своимъ столикомъ и читала библію. Яркая краска залила ея лицо, когда она узнала посѣтителей.

«Они пришли освободить меня», мелькнуло въ ея умѣ. Она поднялась имъ на встрѣчу съ блестящими глазами, дрожа отъ радостнаго волненія.

Опасность удесятерила силы Зендлингена. Еще утромъ, выслушивая хвалебныя рѣчи ораторовъ, онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, не имѣя силы скрыть своего волненія, но въ эту минуту ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ, хотя онъ чувствовалъ, что сердце готово остановиться въ груди отъ ужаса.

— Сами видите, господа! громко вскричалъ Вернеръ; — румяна, здорова и не думаетъ лежать въ постели... Хороша больная!.. Сегодня-же переведите ее въ общую камеру!

Викторина поблѣдѣла и тихо вскрикнула, но Вернеръ не слышалъ плача. Онъ былъ уже въ корридоръ, а за нимъ послѣдовали остальные.

— Скажите сами, господинъ оберъ-президентъ, похожа-ли она на больную? обратился Вернеръ къ Зендлингену.

— Обь этомъ слѣдуетъ спросить врача, вмѣшался Дернегъ.

— Нѣтъ надобности его спрашивать, сказалъ Зендлингенъ, съ легкой дрожью въ голосъ. — Приговоръ надъ ней утвержденъ, она будетъ казнена черезъ нѣсколько дней.

— Ахъ бѣдняжка! вскричалъ Дернегъ;—я ничего не зналъ обь этомъ.

— Нашли кого казнить! вскричалъ Вернеръ. — По моему, эта казнь будетъ совершенно справедлива и посаужить прекраснымъ устрашающимъ примѣромъ для другихъ...

— Когда будетъ казнь? прервалъ его Дернегъ.

— Не позже 25-го февраля, отвѣчалъ Зендлингенъ. — Приговоръ пришелъ 17-го... Я согласенъ съ вами, обратился онъ къ Вернеру, что она имѣетъ здоровый видъ, но куда вы переведете ее? У насъ нѣтъ особой «черной комнаты» для приговоренныхъ къ смерти, и до сихъ поръ ее замѣняла обыкновенно та или другая изъ одиночныхъ камеръ на больничномъ отдѣленіи.

— Вы, какъ всегда, совершенно правы, съ жаромъ подтвердилъ Вернеръ. — Всего практичнѣе будетъ, вѣжуда не переводить ее. 23-го я объявлю ей приговоръ, а 24-го можетъ совершиться казнь.

— Теперь мы кончили съ тюрьмой и можемъ возвратиться въ канцелярію суда самой кратчайшей дорогой, сказалъ Зендлингенъ.

Изъ корридора женскаго отдѣленія больницы они прямо вышли на дворъ, и смотритель отперъ, упомянутую выше, маленькую дверь въ стѣнѣ.

— Я передамъ вамъ ключъ отъ этой двери, сказалъ Зендлингенъ Вернеру;—мой предшественникъ велѣлъ прохѣзять ее для удобства наблюдения за тюрьмою.

— Это было въ высшей степени практично съ его стороны, сказалъ Вернеръ.

— Но едва ли безопасно, замѣтилъ Дернегъ. — Дверь не особенно прочна и выходитъ на частный дворъ.

— Пустяки! засмѣялся Вернеръ. — Во-первыхъ, только корридоръ женскаго больничнаго отдѣленія непосредственно сообщается съ дворомъ, а чтобы проникнуть въ этотъ корридоръ, арестанту пришлось-бы разломать двѣ или три двери внутри тюрьмы. Во-вторыхъ, откуда арестанту знать, что эта

дверь выводить на частный дворъ и за ней не стоитъ вооруженной стражи? Нѣтъ, нѣтъ, это очень практичная выдумка, и я намѣренъ часто ею пользоваться.

Было уже очень поздно, яркая иллюминація давно освѣщала городъ, когда передача была окончена, и Вернеръ подписалъ общій протоколъ.

Едва успѣлъ Зендлингенъ доѣхать до отеля и переодѣться, какъ вдали показался факельдугъ, извиваясь огненной змѣей по улицамъ города.

Передъ отелемъ шествіе остановилось, и люди, несшіе факелы, выстроились такимъ образомъ, чтобы составить огненный вѣнзель героя праздника. Зендлингенъ вышелъ на балконъ вмѣстѣ съ Бергеромъ и нѣсколькими друзьями. Снизу доносились непрерывные перекаты заздравижъ воспла-совъ.

Глаза Бергера радостно блестя.

— Не каждому удается пережить такое мгновеніе, шепнулъ онъ другу. Человѣкъ, заслужившій столько любви, можетъ быть названъ счастливымъ, несмотря ни на что!

Зендлингенъ не возражалъ; но черезъ минуту тихонько спросилъ:

— Нельзя-ли мнѣ уйти въ комнату?

— Нѣтъ еще! Но ты положительно неблагодаренъ къ своей судьбѣ, Викторъ, сказалъ Бергеръ, съ упрекомъ качая головою.

Когда процессія двинулась, они сѣли въ сани и поѣхали въ ратушу; гдѣ должны были собраться участники банкета. Городъ былъ ярко иллюминированъ и, несмотря на рѣзкій ледяной вѣтеръ, крутившій хлопьями снѣга, по улицамъ двигались толпы народа.

Зала была полна, когда Зендлингенъ и Бергеръ вошли въ залу. Начались рѣчи, тосты... Герой торжества отвѣчалъ на нихъ самыми краткими изьявленіями благодарности, но никто не былъ въ претензіи; его больной, усталый видъ служилъ для него лучшимъ изьявленіемъ.

— Видно по лицу, сколько онъ выстрадалъ за послѣднее время, говорили присутствующіе. — Эта борьба сломила его силы на долгіе годы!

Часовъ въ одиннадцать Зендлингенъ оставилъ залу; Дернеръ и Бергеръ провожали его. Подъѣзжая къ вокзалу, они услы-

хали первый сигналъ къ отходу поѣзда и поспѣшили проститься. Молча, съ мокрыми отъ слезъ глазами, обнявъ Зендлингенъ друга и сѣлъ въ вагонъ, гдѣ его уже дожидался Францъ. Они еще кивали изъ окна, когда поѣздъ тронулся и пошелъ все быстрѣе и быстрѣе въ снѣжную мглу.

Дернегъ возвратился въ ратушу, Бергеръ пошелъ домой.

... Это было на слѣдующее утро, часовъ въ девять. Бергеръ только-что успѣлъ сѣсть за столъ и приняться за работу, какъ въ дверь громко застучали и въ комнату вбѣжалъ одинъ изъ служащихъ при судѣ.

— Г. Бергеръ! заговорилъ онъ, едва переводя духъ; — пожалуйте къ г-ну Вернеру... Викторина Липпертъ убѣжала нынче ночью... Г. президентъ просить васъ къ себѣ...

— Убѣжала?!

— Или ее увели! продолжалъ служащій; — никто ничего не понимаетъ; одни говорятъ, что была помощь, другіе — что нѣтъ... Г. президентъ надѣется, что вы дадите ему какія-нибудь разъясненія

— Хорошо, пробормоталъ Бергеръ; — я... я ничего не знаю, но сейчасъ приду...

Вѣстовой ушелъ, но Бергеръ еще долго не двигался съ мѣста.

«Несчастный! подумалъ онъ. Теперь я все понимаю!» Онъ дѣйствительно понялъ, почему Зендлингенъ не хотѣлъ ѣхать въ Вѣну, зачѣмъ открылъ онъ свою тайну Бригитѣ и Францу, понялъ даже, почему онъ не захотѣлъ дожидаться экстреннаго поѣзда, а поѣхалъ съ почтовымъ, останавливающимся на всѣхъ маленькихъ станціяхъ.

Съ ближайшей можно было въ полчаса вернуться обратно.

Тамъ ихъ ждали лошади, думалъ онъ; они вышли съ поѣзда, вернулись въ городъ, освободили заключенную и опять выѣхали...

Въ эту минуту Викторъ вѣроятно подѣзжалъ къ Вѣнѣ, а она, подъ охраною Франца, спѣшитъ за-границу, гдѣ ее ждетъ Бригита... И кому придетъ въ голову, что преступленіе совершено тѣмъ самымъ человѣкомъ, котораго вчера еще тысячи голосовъ прославляли, какъ опору закона?!

Бергеръ вспомнилъ, наконецъ, что его ждетъ Вернеръ, и

направился къ зданію суда. У крыльца онъ столкнулся съ выходящимъ оттуда Гофе, который дослужился наконецъ до своей пенсіи и уже нѣсколько недѣль проживалъ на покой.

— Что вы на это скажете? вскричалъ старикъ. — До меня оно, слава Богу, не касается, но я пошелъ изъ любопытства посмотреть на Вернера, онъ въ отчаяніи!

Гофе былъ видимо очень доволенъ; новаго президента онъ ненавидѣлъ, насколько дозволяло ему добродушіе.

— При Зендлингенѣ ничего подобнаго не случилось-бы, добавилъ онъ.

— Пустяки! возразилъ Бергеръ; — какъ-бы ни было плохо новое управленіе, не могли-же его недостатки проявиться въ первую-же ночь!

— Гмъ... гмъ!.. я очень радъ, что она убѣжала не раньше. Случись это въ предыдущую ночь, для нашего Зендлингена былъ-бы отравленъ вчерашній праздникъ. Не думайте, однако, что я злорадствую! Напротивъ, я тотчасъ-же... ха! ха! ха! подаль Вернеру прекраснѣйшій совѣтъ... ха! ха! Старикъ смѣялся до слезъ.

— Совѣтъ касается васъ, любезный Бергеръ!

— Меня!

— Да, именно... Распросите-ка хорошенько, говорю я Вернеру, доктора Бернера и навѣрное узнаете всѣ тайны. Онъ ею такъ интересуется, говорю. Меня самого, вице-президента Гофе, назвалъ изъ-за нее убійцей... ха! ха! ха! Видите, любезный другъ, зачѣмъ вы меня тогда обижали? — вотъ я и отомстил!

Бергеръ поблѣднѣлъ.

— Такими вещами не шутятъ! вскричалъ онъ.

— Ну, что за бѣда, милый мой, успокоивалъ старикъ. — Къ тому-же я искренно совѣтовалъ Вернеру спросить васъ формально, подъ присягой. Конечно, я нисколько не подозреваю васъ, а все-таки вы можете больше рассказать о ней, чѣмъ другіе. Нашъ красный якобинецъ Дернегъ говорить, правда, что прежде, чѣмъ приводить къ присягѣ, не мѣшаетъ спросить у васъ, знаете-ли вы хоть что-нибудь? А я ему возразилъ, что маленький протокольчикъ никогда не повредитъ, а въ Вѣнѣ, между тѣмъ, увидать, что Вернеръ старается! Ну, прощайте, мой милый, прощайте!

Онъ ушелъ.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Бергеръ имѣлъ чрезвычайно смущенный и разстроенный видъ. Возможность быть допрошеннымъ подъ присягой ему и въ голову не приходила. Можетъ-ли онъ по совѣсти сказать, что не имѣетъ ни на кого подозрѣнія? Можетъ-ли сдѣлаться клятвопреступникомъ?

«Что мнѣ дѣлать?» спрашивалъ онъ себя въ отчаяніи.

Въ корридорѣ, ведущемъ въ кабинетъ президента, стояли тюремные надзиратели.

Бергеръ вошелъ въ кабинетъ. Кромѣ самого президента, тамъ находились еще баронъ Дернегъ и смотритель тюремъ. За отдельнымъ столомъ, на которомъ стояло Распятіе и двѣ свѣчи, сидѣлъ писецъ.

— Наконецъ-то! вскричалъ Вернеръ, завидя входящаго. Малешкій старичекъ былъ въ чрезвычайномъ возбужденіи. — Мы васъ давно ждемъ... нельзя терять ни минуты... Зажгите же свѣчи! приказалъ онъ писцу.

— Да узнайте-же прежде, можетъ-ли изъ этого что-нибудь выйти! вскричалъ Дернегъ. — Знаете-ли вы что-нибудь о побѣгѣ? обратился онъ къ адвокату.

— Ничего.

— Ну вотъ, видите! Съ такимъ-же успѣхомъ вы можете переспросить всѣхъ членовъ судебнаго вѣдомства, которые когда-нибудь говорили съ бѣжавшей; и обо, всякомъ составитъ по протоколу. А время уходитъ!

Вернеръ стоялъ въ нерѣшимости.

— Но вѣдь докторъ былъ за защитникомъ, сказалъ онъ, — а начальство въ Вѣнѣ...

— Должно видѣть ваше стараніе, доложилъ Дернегъ, но изъ пустыхъ протоколовъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ смысла, оно этого не увидитъ!

— Говорили-ли съ вами что-нибудь извѣстныхъ родственниковъ? снова обратился онъ къ адвокату.

— Ничто.

— Я такъ и думалъ! У нея и родственниковъ-то нѣтъ; мать давно умерла, отецъ, если и живъ, никогда о ней не заботился... Извините, г. президентъ, но право-же у васъ есть дѣло важнѣе, чѣмъ приводить Бергера къ присягѣ. Уже три часа, какъ открытъ побѣгъ, а вы не дали еще знать въ Вѣну и, не телеграфировали на границу...

Еще нѣсколько секундъ Вернеръ продолжалъ терзать ад-

воката своими нервнѣтательными взглядами на зажженные восковые свѣчи.

— Загасите свѣчи! приказалъ онъ наконецъ шлоцу. — Помогите же мнѣ, К. Дернегъ, составить заявление о побѣгѣ Боже! До чего я дожилъ!

Они принялись за работу. Бергеръ подошелъ къ термометру.

— Какъ это случилось? спросилъ онъ.

— Просто ума не приложу! отвѣчалъ тотъ. — Ни часовые, ни надзирательницы во всю ночь не слышали ни одного подозрительнаго звука. Сегодня утромъ ей принесли, по обыкновенію, завтракъ и тогда только увидали, что камера пуста. Замки отъ калитки на дворѣ президента, отъ двери корридора и отъ ея камеры всѣ поломаны изнутри какими-нибудь крючкомъ или отмычкой. Вотъ это-то всего и удивительнѣе! У самой Липпертъ не могло хватить силы сломать замки, тутъ нужна рука мушны, а между тѣмъ я не могу заподозрить никого изъ служащихъ въ тюрьмѣ, да къ тому-же, въ женское отдѣленіе больницы невозможно пройти иначе, какъ черезъ дверь, которая на ночь запирается и ключъ приносится мнѣ. Не могло быть помощи и снаружи, потому что замки изломаны изнутри. Просто уму невозможно; допустимъ даже, что у Липпертъ хватило силы сломать замки, все-таки непонятно, какъ узнала она о тайномъ ардѣ и откуда взяла отмычку? Кроме насъ, г-жа Липпертъ, президентъ Вендингеръ, его экономка, священникъ и докторъ. Кого-же изъ этихъ лицъ можно заподозрить, не сойдя предварительно съ ума? Впрочемъ, отъ такого побѣга не трудно и погнаться.

— Дѣло, дѣйствительно, чрезвычайно загадочно, сказалъ Бергеръ.

Для него оно было довольно ясно. Двери были открыты ключами, имѣвшимися у президента, на замки сломаны — нарочно, чтобы отклонить подозрѣніе; какъ на служащихъ въ тюрьмѣ, такъ и на кого-бы то ни было внѣ тюрьмы. Тѣмъ временемъ, объявленія о побѣгѣ были написаны, при чемъ у Дернега завязался горячій споръ съ Вернеромъ. Первый настаивалъ, чтобы приездъ полиціи былъ православъ по телеграфу на всѣ границы. Вернеръ же утверждалъ, что это чинная мода, которой онъ не нахвренъ слѣдовать. Отъ страха бьющимся сердцемъ, адалъ Бергеръ исхода спора и вдох-

нулъ свободно, когда Вернеръ рѣшительно заявилъ, что ни на волосъ не отступитъ отъ обычной формы.

— Напечатанъ объявленіе о побѣгѣ въ городскомъ листкѣ, разослать его полици, копію отправимъ въ Вѣну и ничего болѣе,—никакихъ телеграммъ! И какъ такая особа можетъ отправиться за-границу? Гдѣ возьметъ она денегъ?

Придя къ этому мудрому рѣшенію, маленькій человекъ снова потерялъ присутствіе духа и въ азитаціи забѣгалъ по комнатамъ.

— Я совершенно невиненъ, господа, неправда-ли? Но какъ посмотреть министръ на такое начало мѣся президентской дѣятельности? Хоть-бы Зендлингенъ поклоноталъ за меня! Какъ вы думаете, г. докторъ, захочетъ онъ замолвить словечко обо мнѣ министру?

— Конечно! Вы-бы написали ему, посоветовалъ Бергеръ.

— Сейчасъ-же напишу! Сейчасъ-же, не теряя ни минуты, засуетился Вернеръ.

Бергеръ и Дернегъ раскланялись...

На другой день адвокатъ получилъ отъ Зендлингена письмо и, разорвавъ дрожащими руками конвертъ, прочелъ слѣдующее:

«Я знаю, ты недоволенъ мною, но прошу тебя объ одномъ: надѣйся, что настанетъ часъ, когда я снова заслужу все твое уваженіе. Первый шагъ къ тому я сдѣлалъ уже вчера, отказавшись навсегда отъ государственной службы. Не сомнѣваюсь, что, при первой-же возможности, у меня хватитъ силы сдѣлать и слѣдующій шагъ. Пожелай вмѣстѣ со мною, чтобы мнѣ не пришлось слишкомъ долго ждать.

Прощай, Георгъ, прощай навсегда. Викторъ».

Долго смотрѣлъ Бергеръ на эти строчки; его губы вздрагивали, а сердце болѣзненно ныло.

— Счастливаго пути, Викторъ! Ты честный, хорошій человекъ, шепталъ онъ, сжигая письмо. По его щекамъ катились слезы.

Прошло три года. Яркое юньское солнце свѣтило надъ рейнской долиной, припекая снѣлымъ виноградъ, лѣвившійся по скалистымъ склонамъ холмовъ. Внизъ по рѣкѣ спускался пароходъ, старательно прикрывъ бѣлымъ полотномъ свою па-

лубу, на которой весело болтали пассажиры. Нельзя быть мрачнымъ среди рейнскихъ береговъ! Есть на свѣтѣ виды, гораздо величественнѣе, но нѣтъ такихъ, которые вызывали-бы болѣе радостное настроеніе. Это живо почувствовали Бергеръ и его товарищъ, извѣстный вѣисскій адвокатъ, когда сѣли на пароходъ въ Майнцѣ. Они ѣхали въ Лондонъ, въ качествѣ погнрренныхъ отъ одного крупнаго плавильнаго завода, находившагося близъ Б.

Пароходъ плылъ все дальше и дальше, и тѣмъ ниже спускалось солнце; тѣмъ площе и однообразнѣе становились берега, тѣмъ чаще попадались фабрики. Въ сумерки, подъ Дюссельдорфомъ, многочисленные заводы освѣтили рѣку красноватымъ пламенемъ своихъ доменныхъ печей. Это напомнило путешественникамъ объ ихъ цѣли; разговоръ принялъ цѣловый характеръ и перешелъ, понемногу, на внутреннюю политику. Критиковали отечественные порядки, бранили, особенно видныхъ, защитниковъ реакціи.

— Однако, сказать вѣнецъ;—болѣе тупого педанта, чѣмъ вапшъ президентъ Вернеръ, съ которымъ я имѣлъ неудовольствіе недавно познакомиться, мнѣ еще не случалось встрѣчать. Вотъ его предшественникъ, Зендлингенъ былъ совсѣмъ другой человекъ.

— Да, совсѣмъ другой! согласился Бергеръ, глубоко вздохнувъ.

— Вернеры остаются, а Зендлингены уходятъ, продолжалъ вѣнецъ;—и ихъ не только не удерживаютъ, а еще выталкиваютъ. По крайней мѣрѣ, всѣ убѣждены, что истинной причиной отставки Зендлингена была вовсе не официально объявленная болѣзнь сердца, а столкновение съ министромъ.

— Мнѣ кажется, что на этотъ разъ общественное мнѣніе несовсѣмъ право, сказалъ Бергеръ.

— А я такъ увѣренъ, что эти слухи совершенно справедливы, возразилъ вѣнецъ;—иначе, зачѣмъ-бы Зендлингенъ отказался отъ пенсіи и навсегда покинулъ Австрію? Даже его родственники не знаютъ, куда онъ скрылся. Вотъ, вы были съ нимъ близки, а знаете-ли вы его адресъ?

— Нѣтъ!

— Графъ К. думаетъ, что онъ умеръ гдѣ-нибудь, во время путешествія.

Бергеръ не отвѣчалъ; онъ здругъ-замокъ и гвесь вечеръ былъ разсіявъ.

На слѣдующій день, раннямъ утромъ, пароходъ остановился у мѣстной деревушки, лежащей на границѣ Голландіи. На палубу взошли таможенные сторожа и принялись за осмотръ чемодановъ. Съ багажомъ пассажировъ они поковыляли въ двѣ-три минуты, заче четыре большіе ящика, которые безъ капитанъ, задали имъ не мало хлопотъ. Они были наполнены женскими платьями, бѣльемъ, различными матеріями, которыя приходилось вытѣривать и подѣлывать, чтобы опредѣлить размеры пошлины.

— Мы опоздаемъ къ побѣду, въ Арнгеймъ, сказала Бергеръ; — а намъ необходимо завтра же быть въ Лондонъ.

— Извините, господа, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы съ женскими тряпками было столько хлопотъ, сказалъ капитанъ. Я наверстаю время, прибавивъ ходу, добавилъ онъ, въ видѣ успокоенія.

Вы, вѣроятно, выдаете замужъ свою дочь, г. капитанъ? замѣтилъ кто-то изъ пассажировъ.

— Я, слава Богу, даже не женатъ, возразилъ капитанъ. И везу эти вещи для одного соотечественника, г. Тессенау.

— Тессенау? имя показалось знакомымъ Бергеру, но онъ не могъ припомнить, когда и гдѣ слышалъ или читалъ его.

— Это семейство, живущее въ замкѣ Остердаль, около Гюссена, послѣдней станціи передъ Арнгеймомъ. Прекрасные люди! И я никакъ не могъ отказать имъ въ услугѣ, сказалъ капитанъ.

— А мы должны за это страдать! усмѣхнулся вѣнскій адвокатъ. — И зачѣмъ имъ понадобилось столько тряпья?

— Это приданное дочери, заказанное въ Кельв; меня просили захватить его для скорости. Свадьба назначена на послѣ завтра.

— Такъ фрейлейсъ Тиссенау выводитъ замужъ?

— Да, дочь старика. Она вдова, но недовѣтъ еще молоденькая; лѣтъ двадцати двугъ, не болѣе. И какая красивая! еобщалъ словоохотливый капитанъ. — Между тѣмъ таможенные окончили работу и получили деньги. Пароходъ пошелъ дальше ускореннымъ ходомъ, но это не успокоило вѣнца; онъ все боялся опоздать, каждая пять минутъ поглядывалъ на часы и безпрестанно заглядывалъ въ путеводитель.

Еще сильнѣе волновался Бергеръ, но совсѣмъ по другой причинѣ.

— Это они! засѣла ему въ голову странная мысль, которую онъ тотчасъ-же опровергалъ.—Мало-ли на свѣтѣ стариковъ съ дочерьми? Вѣдь я ничего про нихъ другого не знаю! Но неопредѣленное предчувствіе продолжало беспокоить его и онъ рѣшился наконецъ спросить капитана.

— Я когда-то знавалъ одно семейство Тессенау, сказалъ Бергеръ;—и былъ-бы очень радъ съ нимъ встрѣтиться. Вы говорили, кажется, что они нѣмцы?

— Да, изъ Баваріи, отвѣчалъ капитанъ.—Они, вѣроятно, ваши соотечественники.

— Нѣтъ, я австріецъ.

— Такъ должно быть ваши діалекты очень сходны. Г. Тессенау говоритъ точь въ точь какъ и вы, хотя онъ несомнѣнно баварецъ, потому что это мнѣ говорилъ его будущій зять, г. Вейденъ.

— Кто онъ такой?

— Прекрасный человѣкъ, не молодой ужъ—лѣтъ подь сорокъ. Онъ служитъ директоромъ копей на Явѣ. Въ Аригеймъ пріѣхалъ въ отпускъ къ своему брату да и влюбился въ дочь г. Тессенау. Сначала, должно быть дѣло шло плохо; по крайней мѣрѣ, отправляясь на пароходѣ въ Гюиссенъ или обратно, онъ былъ всегда такъ печаленъ, но потомъ, очевидно, все уладилось, и послѣ завтра свадьба...

— Г. Вейденъ опять возвращается на Яву?

— Да, черезъ мѣсяць, когда кончится срокъ его отпуска. Молодая жена, конечно, ѣдетъ съ нимъ, и даже старикъ не хочетъ разстаться съ дочерью.

— Развѣ у него нѣтъ другихъ дѣтей? продолжалъ спрашивать Бергеръ.

— Никого нѣтъ. Они съ дочерью жили до сихъ поръ совсѣмъ одни съ старой экономкой и слугою... Да если вы такъ интересуетесь этой семьей, такъ будьте около меня, когда мы пристанемъ къ Гюиссену. Слуга навѣрное придетъ на пристань, а, можетъ быть, и самъ г. Тессенау подѣдетъ за вещами.

— А какъ зовутъ слугу?

Голосъ Бергера дрогнулъ при этомъ вопросѣ.

— Францемъ.—Капитанъ не обратилъ вниманія на то, какъ

поблѣднѣлъ его собесѣдникъ и какъ быстро отвернулся онъ при этомъ имени.

Пароходъ давно оставилъ рѣку и шель по каналу. По обѣимъ сторонамъ тянулся однообразный, чисто голландскій ландшафтъ: прекрасно обработанныя поля, изрѣзанныя узкими каналами, и зеленыя пастбища, на которыхъ видѣлся скоть.

— Вотъ и Гюиссенъ, сказалъ капитанъ, указывая на видѣвшуюся вдали группу построекъ.— Посмотримъ, кто стоитъ на пристани. Такъ и есть, слуга Тессенау! Взгляните-ка, знаете-ли вы его? И капитанъ протянулъ Бергеру подворную трубу.

— Совершенно незнакомый человѣкъ, сказалъ Бергеръ, посмотрѣвъ съ минуту.— Я зналъ, очевидно, совсѣмъ другихъ Тиссенау.

Онъ спустился въ каюту и не выходилъ изъ нея, пока Гюиссенъ не остался далеко позади.

На пристани стоялъ Францъ.

Черезъ недѣлю, устроивши дѣла въ Лондонѣ, Бергеръ возвращался той-же дорогой. Онъ хотѣлъ сперва сдѣлать объѣздъ на Кале и Дувръ, но на лондонскомъ вокзалѣ его охватило такое неодолимое желаніе еще разъ повидаться съ другомъ, что на слѣдующій день онъ очутился въ Арнгеймѣ и нанялъ лошадей въ Остердаль.

Только дорогой, когда до замка оставалось не болѣе получаса, у Бергера опять явилось то-же чувство, которое, недѣлю тому назадъ, помѣшало ему остаться на палубѣ парохода. Онъ спрашивалъ себя: не эгоизмъ-ли заставляетъ его искать свиданья, по всему вѣроятію, тяжелаго и непріятнаго для Зендлингена? Тотъ, очевидно, не желалъ съ нимъ встрѣчаться, иначе, извѣстилъ-бы о своемъ мѣстопребываніи. А Викторина? Не будетъ-ли безчеловѣчной грубостью напоминать ей о тяжеломъ прошломъ, именно теперь, когда для нее начинается новая жизнь?

Изъ-за деревьевъ показалась уже крыша маленькаго замка, когда Бергеръ окончательно рѣшилъ, что его визитъ невозможенъ.

— Назадъ, въ Арнгеймъ! крикнулъ онъ кучеру. Тотъ долго не понималъ, и когда адвокатъ растолковалъ ему, наконецъ, свое желаніе, тотъ покачалъ головой, указалъ на лошадей и пожевалъ губами.

Бергеръ понялъ, что кучеръ не соглашается ѣхать обратно, не накормивъ усталыхъ животныхъ. Онъ приказалъ ѣхать не въ замокъ, а въ какую-нибудь ближайшую гостинницу.

Экипажъ подѣхалъ еще ближе къ замку и остановился около хорошенькой гостинницы, выстроенной у входа въ тополевою аллею, ведущую къ жилищу Зендлингена. Хозяйка предложила посѣтителю закусить и принялась накрывать маленький столикъ на открытомъ воздухѣ. Бергеръ вошелъ въ комнату. Раскаяніе за безразсудную поѣздку росло въ немъ съ каждымъ мгновеньемъ, и онъ очень боялся теперь, чтобы его не увидалъ кто-нибудь изъ обитателей замка.

— Зачѣмъ я пріѣхалъ? повторялъ онъ, рассказывая вѣдь и впередъ по комнатѣ.—О чемъ сталь-бы я говорить съ Зендлингеномъ? Ужъ не упрекать-ли за то, что у него не хватило мужества на второй шагъ, о которомъ говорилось въ письмѣ?..

Ахъ! если-бъ я былъ уже въ Аренгеймъ!

Онъ подошелъ къ окну и тоскливо посматривалъ на медленные движенія кучера, распрягавшаго лошадей.

Молодая, круглолицая хозяйка заговорила съ нимъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. Кучеръ сообщилъ ей, что господинъ намѣревался посѣтить замокъ. Очень жаль, что онъ передумалъ; она болѣе года служила тамъ горничной и отлично знаетъ господъ Тессенау; это—добрые, хорошіе люди и, навѣрное, были-бы очень рады старому знакомому.

— Я вовсе не знакомъ съ г. Тессенау, сказалъ Бергеръ, надѣясь прекратить распросы.

— Неужели? удивилась хозяйка.—Такъ вы пріѣхали, вѣроятно, покупать замокъ? Ужъ многіе навѣдывались, но г. Тессенау передалъ имѣніе своему зятю, а тотъ уступилъ его брату, г. Вейдену. Черезъ двѣ недѣли они отправляются въ Батавію и берутъ съ собою экономку, фрейлейнъ Бригиту и нѣмецкаго слугу. Вы, можетъ быть, все-таки желаете осмотрѣть замокъ? Я бы провела васъ.

Но прежде чѣмъ Бергеръ успѣлъ отвѣтить, хозяйка подбѣжала къ окну.

— Вотъ и они сами! Пожалуйте, пожалуйста скорѣе, кричала она Бергеру.

Тотъ отошелъ въ глубь комнаты, но все-таки успѣлъ разсмотрѣть проѣзжающихъ. Зендлингенъ показался ему свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ въ послѣднее свиданіе; только волосы со-

вершенно побѣдили. Но въ молодой, цвѣтущей женщинѣ, сидѣвшей съ нимъ рядомъ, онъ никогда не узналъ-бы своей несчастной клиентки, если-бы встрѣтилъ ее при другихъ обстоятельствахъ. Она улыбалась и говорила что-то стѣтному бѣлокурому человѣку, сидѣвшему напротивъ.

Стукъ колесъ замолкъ, экипажъ остановился передъ гостинницей.

— Какая честь! Это они ко мнѣ пожаловали! восклицала трактирщица. Бергеръ страшно поблѣднѣлъ, но въ слѣдующее мгновеніе колеса снова застучали.

— Только Францъ слѣзъ, сказала разочарованная хозяйка.— Здравствуйте, Францъ! Не хотите-ли стаканчикъ вина?

— Нѣтъ, послышался знакомый голосъ, я зашелъ только попросить васъ побывать въ замкѣ; къ вамъ есть какое-то дѣло. Впрочемъ, разъ ужъ я здѣсь...

Дверь отворилась.

— Такъ дайте стаканчикъ... началъ Францъ и вдругъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и отступилъ назадъ.

— Боже мой! воскликнулъ онъ.

— Здравствуйте, Францъ, сказалъ Бергеръ, самъ очень блѣдный.— Чего же вы испугались? Я хочу только...

— Предупредить насъ? вскричалъ старикъ, приближаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.— Все открыто?!

— Не понимаю, о чемъ вы говорите, сказалъ Бергеръ, указывая глазами на хозяйку, съ любопытствомъ слѣдившую за страннымъ поведеніемъ гостей. — Я очень радъ васъ видѣть, добавилъ онъ, и тотчасъ-же ѣду далѣе.

— Я попрошу васъ, Мари, оставить насъ на минуту, сказалъ Францъ, обращаясь къ хозяйкѣ.— Мнѣ нужно поговорить съ... съ моимъ старымъ знакомымъ.

— Такъ вы знакомы? А онъ сейчасъ говорилъ мнѣ, что не знаетъ васъ! вскричала она съ укоризной и вышла изъ комнаты.

— Она будетъ подслушивать за дверью, шепнулъ Бергеръ; — сядте поближе, Францъ!

— Ахъ, какъ вы меня испугали! заговорилъ старикъ, усѣвшись рядомъ съ адвокатомъ.— Такъ ничего неизвѣстно? Слава Богу! По правдѣ говоря, я только по глупости все пугаюсь, потому что баронъ такъ хорошо все устроилъ, что ничего не

можетъ открыться. Даже ключи были заказаны не въ Б., а присланы изъ Дрездена, гдѣ Бригита...

— Молчите! прервалъ его адвокатъ;—я не хочу ничего знать объ этомъ... Скажите лучше, какъ чувствуетъ себя Зендлингенъ?

— Первое время не ѣлъ и не спалъ, хуже чѣмъ въ Б., а потомъ утѣшился понемногу, глядя какъ разцвѣла и повесѣла наша бѣдняжка. Потомъ случилась исторія съ голландцемъ, и у насъ все опять затуманилось, да слава Богу все кончилось благополучно. Голландцу сказали всю правду, и о барышнѣ тоже; что она родилась не въ законномъ бракѣ, а только здѣсь усыновлена и что она не вдова... все рассказали.

— Что-же онъ?

— О! онъ поступилъ, какъ великодушный, благородный человекъ; женился на барышнѣ и сдѣлалъ ее счастливой. Теперь мы всѣ ѣдемъ въ Батавію и дай Богъ, чтобы съ нами не случилось больше несчастій!

— Аминь! закончилъ Бергеръ. Прощайте, Францъ!

— Такъ вы не зайдете въ замокъ?

— Нѣтъ! и, прошу васъ, не говорите Виктору о моемъ посѣщеніи, пока не выѣдете въ Батавію. А тогда; скажите ему, что я всегда буду вспоминать о немъ съ любовью и уваженіемъ. Съ уваженіемъ, Францъ, запомните это слово!

Онъ пожалъ руку слуги, сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ обратно въ Аригеймъ.

Черезъ три недѣли, жаркимъ августовскимъ днемъ, австрійскій министръ юстиціи сидѣлъ въ кабинетѣ и совѣщался о чемъ-то съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ, когда вошелъ слуга и подалъ визитную карточку.

— Зендлингенъ! прочелъ министръ.—Вотъ неожиданность! Извините, обратился онъ къ чиновнику, я долженъ сейчасъ же принять его.

Тотъ удалился и Зендлингенъ вошелъ въ комнату. Онъ былъ блѣденъ, но въ выраженіи лица читалось безповоротная рѣшимость.

Министръ поднялся на встрѣчу посѣтителю и съ любезной улыбкой протянулъ ему руку.

— Добро пожаловать! вскричалъ онъ.—Надѣюсь, что вы совершенно оправились и снова вступите на службу?

— Нѣтъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ Зендлингенъ.—Извините, если я не приму вашей руки; черезъ мину-ту вы могли-бы раскалться, что протянули ее. Я возвратился не затѣмъ, чтобы снова занять мѣсто судьи, а наоборотъ, чтобы выдать себя правосудію и понести заслуженное наказаніе.

Министръ отступилъ въ смущеніи.

«Онъ сошелъ съ ума», мелькнуло у него въ головѣ.

Зендлингенъ понялъ его движеніе.

— Не пугайтесь, я въ здоровомъ разсудкѣ и заявляю вамъ, что злоупотребилъ своей властью и освободилъ изъ тюрьмы, при помощи казеннаго ключа, приговоренную къ смерти, наканунѣ исполненія приговора. Потомъ я же устроилъ ея бѣгство за границу.

Министръ продолжалъ смотрѣть на него съ недоумѣніемъ.

— Что вы рассказываете? пробормоталъ онъ, — это невозможно!

— Я понимаю, что вамъ кажется невозможнымъ, чтобы судья съ незапятнаннымъ прошлымъ могъ совершить такое преступленіе. Но я совершилъ его и освободилъ Викторину Липпертъ, въ ночь съ 23-го на 22-е февраля 1853 года.

— Припоминаю, пробормоталъ министръ; — она бѣжала какимъ-то загадочнымъ образомъ. Но, вы!.. Затѣмъ, вамъ было освобождать ее?

— Она моя незаконная дочь.

— Ваша дочь? Ужасно!.. Но я не могу повѣрить, что-бы вы... вы были преступникомъ!

Онъ пристально посмотрѣлъ на Зендлингена.

«Нѣтъ, онъ не сумасшедшій», рѣшилъ онъ про себя.

— Позвольте рассказать вамъ подробности.

Министръ выразилъ согласіе и указалъ на стулъ, но Зендлингенъ остался на ногахъ. Спокойнымъ, монотоннымъ голо-сомъ рассказалъ онъ о происхожденіи Викторины, о томъ, какъ онъ открылъ, что она его дочь, какъ колебался: взять-ли ему на себя предсѣдательство въ судѣ или нѣтъ.

— Въ тотъ разъ, продолжалъ Зендлингенъ,—чувство дол-га побѣдило; я не предсѣдательствовалъ и ее приговорили къ смертной казни. Этотъ приговоръ былъ судебнымъ убій-

ствомъ, въ полномъ смыслѣ слова, и у меня явилась мысль, что подобное беззаконіе можетъ быть исправлено только беззаконіемъ-же. Я розыскалъ ключи отъ тюрьмы и нѣсколько часовъ жилъ мыслию освободить свою дочь, но потомъ чувство долга... или нѣтъ—вѣрнѣе—мой эгоизмъ взялъ верхъ. Я уже тогда предчувствовалъ, что свершая преступленіе, мнѣ не избѣгнуть часа, который насталъ вотъ теперь, и мысль окончить жизнь преступникомъ показалась мнѣ ужасной... Но голосъ совѣсти кричалъ: «Ты допускаешь убить свое дитя!» и въ ту минуту самоубійство представилось мнѣ единственнымъ выходомъ. Что помѣшало въ послѣднее мгновеніе, случай или недостатокъ рѣшимости—я до сихъ поръ не могу себѣ выяснитъ. Я остался жить, увидѣлся съ дочерью и голосъ крови заговорилъ во мнѣ громче всего другого. Взвѣсивши наше положеніе, я увидѣлъ, что спасенія для насъ обоихъ быть не можетъ, что одинъ изъ насъ долженъ погибнуть и что погибну я. Твердо рѣшившись освободить ее, и затѣвъ искупить свое преступленіе, я не хотѣлъ, однако, нарушать закона прежде, чѣмъ меня не принудитъ къ тому безусловная необходимость. Я отказался отъ допроса свидѣтельница, показаніямъ которой высшій судъ придавалъ рѣшающее значеніе. Смертный приговоръ былъ утвержденъ не надъ дочерью, а надо мною самимъ, и безусловная необходимость, наконецъ, наступила. Отвѣта на просьбу о помилованіи я дожидался только потому, что приготовленія къ побѣгу не были еще окончены. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось доказать невинность, несправедливо обвинявшихся, политическихъ преступниковъ.

— Я помню,—дѣло рабочихъ! сказалъ министръ.

Онъ все еще былъ ошеломленъ и съ трудомъ слѣдилъ за разговоромъ Зендлингена.

— Я одного не понимаю, замѣтилъ онъ;—почему не открылись вы мнѣ, или не попросили помилованія у монарха?

— По двумъ причинамъ, отвѣчалъ Зендлингенъ.—Я всегда считалъ величайшей несправедливостью, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣшать долженъ-бы одинъ законъ, богатые и знатные пользуются снисхожденіемъ, и только къ бѣднымъ наказаніе прилагается по всей строгости. Мысль просить о подобномъ снисхожденіи для себя самого, была мнѣ въ высшей степени отвратительна...

— Какое тонкое чувство справедливости! вскричалъ министр. — Послѣ этого, ваша судьба кажется мнѣ...

Онъ замолчалъ.

— Трагической! дополнилъ Зендлингенъ;—это вѣрно... Не хочу, однако, изображать себя лучшимъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Я имѣлъ еще другое основаніе не просить помилованія. Какъ вы думаете, ваше превосходительство, какой результатъ имѣла-бы моя просьба?

— Конечно, помилованіе!

— Да, вмѣсто смерти пожизненное или двадцатилѣтнее заключеніе! Одно объявленіе о такомъ помилованіи могло-бы убить эту слабую, больную дѣвочку и ужь, во всякомъ случаѣ, она не перенесла-бы даже пятилѣтняго заключенія. Я былъ убѣжденъ въ этомъ, совершенно убѣжденъ, а между тѣмъ...

Онъ понизилъ голосъ, какъ-бы стыдясь своего признанія.

— ... А между тѣмъ, получивши окончательное утвержденіе приговора, я струсилъ, во мнѣ заговорилъ эгоизмъ, и я поѣхалъ въ Вѣну; это было 18-го февраля...

— День покушенія! вскричалъ министр. — Какое несчастное стеченіе обстоятельствъ!..

— Я возвратился въ Б., продолжалъ Зендлингенъ, — и освободилъ свою дочь. Подробности побѣга, насколько они касаются меня одного, я расскажу передъ судомъ.

— Вы имѣли помощниковъ между служащими?

— Нѣтъ, не имѣлъ! Я надѣюсь, что ваше превосходительство мнѣ повѣритъ, хотя я не могу представить иныхъ доказательствъ, кромѣ моего честнаго слова... слова преступника!

— Я вѣрю вамъ, сказалъ министр.—Вы отвезли дѣвушку за границу?

— Я отправилъ ее въ безопасное мѣсто, а самъ вернулся въ Вѣну, подалъ въ отставку и отказался отъ пенсіи.

— Понимаю!.. А потомъ послѣдовали за дѣвушкой?

— Да, я поселился съ нею и старался быть хорошимъ отцомъ. Судьба благопріятствовала мнѣ; моя дочь замужемъ за честнымъ человѣкомъ и навсегда покинула Европу. Теперь мнѣ остается только исполнить то, на что я рѣшился съ самаго начала, и просить васъ, высшаго хранителя правосудія этой страны, предать меня суду.

Зендлингенъ замолчалъ; министр не находилъ словъ для отвѣта и въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ужасно! проговорилъ онъ, останавливаясь; — сколько пришлось вамъ вынести!

— Да! отвѣчалъ Зендлингенъ, страшнаго много... но теперь самое худшее миновало... Моя дочь въ безопасности и моя совѣсть скоро успокоится... Куда прикажете мнѣ явиться, ваше превосходительство?

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи! вскричалъ министръ. — Не можетъ, по тысячѣ причинъ!

— Ваше превосходительство!..

— Невозможно!

— Это и возможно и должно быть! Я имѣю право!

— Но подумайте! вскричалъ министръ, — какой страшный ударъ былъ-бы нанесенъ достоинству правосудія!.. Бывшій президентъ — на скамьѣ подсудимыхъ! Человѣкъ съ вашимъ именемъ! Да это былъ-бы неслыханный скандалъ! Что скажутъ газеты?

— Онѣ скажутъ, что даже въ число судей, къ которымъ я принадлежалъ когда-то, попадаютъ иногда недостойные люди. Но они увидятъ въ тоже время, что правосудіе не падаетъ такихъ людей, и совершенно успокоятся.

— Но вы не заслуживаете наказанія! Взвѣсивши все, что вы выстрадали, надо быть безчеловѣчнымъ, чтобы не сказать: если этотъ человѣкъ и согрѣшилъ, то онъ уже съ избыткомъ искупилъ свой грѣхъ.

— Такъ вы отказываете мнѣ въ справедливости?

— Это было-бы несправедливостью! Идите съ миромъ, баронъ, и возвращайтесь къ своей дочери.

— Я не могу. Совѣсть замучитъ меня! Если вы откажете мнѣ въ судѣ, я самъ публично обвиню себя!

— Боже васъ сохрани! Этого еще не доставало!

Министръ приблизился къ Зендлингену.

— Я прошу васъ, заговорилъ онъ внушительнымъ тономъ, — не наносите удара тому учрежденію, которое когда-то гордилось вами.

— Я не могу, ваше превосходительство! перебилъ его Зендлингенъ. Если вы не исполните добровольно своей обязанности, я долженъ буду принудить васъ судить меня.

— Это ваше послѣднее слово?

— Мое послѣднее слово!

«Онъ просто фанатикъ какой-то! Что мнѣ съ нимъ дѣлать?» думалъ министръ, снова принимаясь ходить по комнатѣ.

— Г. баронъ, заговорилъ онъ—вы вынуждаете правительство на самозащиту, и я заранѣе предупреждаю васъ, что если вы обвините себя, я объявлю васъ сьумасшедшимъ. Мнѣ всякій повѣритъ, не сомнѣвайтесь въ этомъ!

— Сильно сомнѣваюсь, отвѣчалъ Зендлингенъ;—я приму мѣры, чтобы не могло возникнуть вопроса о состояніи моихъ умственныхъ способностей... Въ послѣдній разъ, спрашиваю васъ, ваше превосходительство: въ какой судъ прикажете мнѣ явиться?

Министръ молча ходилъ по комнатѣ, беспомощно разводя руками; вдругъ у него блеснула счастливая мысль.

— Хорошо! вскричалъ онъ;—дѣлайте, что хотите, но и мы тоже исполнимъ свой долгъ. Вы, конечно, не пожелаете сообщить, гдѣ находится теперь ваша дочь?

Зендлингенъ не отвѣтилъ, но страшно поблѣднѣлъ.

— Не пожелаете? Ну, а мы разыщемъ ея мѣстопробываніе, хотя-бы это стоило намъ сотенъ тысячъ и пришлось поднять на ноги полицію всего земнаго шара! Затѣмъ, мы потребуемъ ея выдачи! Нѣтъ на свѣтѣ правительства, которое отказалось-бы отдать въ руки правосудія убійцу, приговоренную законнымъ судомъ своей страны, и тогда мы ее повѣсимъ. Теперь рѣшайте сами, будетъ это сдѣлано или нѣтъ!..

Смертельная блѣдность покрыла лицо Зендлингена, и дрожь пробѣжала по его членамъ. Тяжелое молчаніе длилось минутъ пять.

— Я сдаюся, ваше превосходительство, тихо произнесъ Зендлингенъ. Да проститъ вамъ Богъ то, что вы со мной сдѣлали.

— Охотно беру на свою душу такой грѣхъ! вскричалъ обрадованный министръ.—Я вѣдь только возвращаю дочери ея отца! Желаю вамъ всего хорошаго, любезный баронъ!

Зендлингенъ молча поклонился и вышелъ, не принявъ протянутой ему руки.

Черезъ три дня Бергеръ получилъ отъ Зендлингена письмо помѣченное Триэстомъ. Изложивъ вкратцѣ содержаніе своего разговора съ министромъ, онъ заканчивалъ слѣдующими словами:

«Меня лишили возможности искупить свое преступленіе, а жить преступникомъ я не могу и потому умираю. Когда ты получишь это письмо, все будетъ кончено. Сообщи о моей смерти дочери, но скрой отъ нея правду, это будетъ не трудно, при томъ способѣ, который я выбралъ. Не забудь также Франца. Мнѣ стоило большаго труда отдѣлаться отъ него; онъ дожидается меня теперь въ Кельнѣ».

«Прощай, дорогой другъ, и не жалѣй обо мнѣ! Ты спросилъ меня однажды: неужели нѣтъ всепримиряющаго выхода изъ нашего положенія? Не знаю, возможенъ-ли былъ другой, лучший выходъ, но и теперь всѣ получать должно. Моя дочь счастлива, законъ тоже удовлетворенъ, ибо нельзя искупить преступленія цѣною болѣе дорогой, чѣмъ жизнь. А я?—я спасъ свою дочь, честно расплатился со всѣми долгами и нахожу теперь вѣчное успокоеніе—я тоже удовлетворенъ!..»

«Прощай! тысячу разъ благодарю тебя!»

«Викторъ».

Едва успѣлъ, потрясенный до глубины души, Бергеръ дочитать письмо, какъ въ комнату вошелъ его помощникъ съ газетою въ рукѣхъ.

— Читали вы о Зендлингенѣ? спросилъ онъ, подавая листокъ.

«Изъ Венеціи получено по телеграфу печальное извѣстіе о смерти барона Зендлингена, одного изъ выдающихся людей Австрійской имперіи», сообщала газета. «Онъ ѣхалъ прошедшей ночью изъ Триеста въ Венецію на пароходѣ Лойда; позднимъ вечеромъ, покойный прогуливался по палубѣ и съ тѣхъ поръ никто не видалъ его. По всему вѣроятію, онъ слишкомъ близко подошелъ къ борту и, вслѣдствіе внезапнаго головокруженія, упалъ въ море. О самоубійствѣ не можетъ быть и рѣчи. Капитанъ парохода, съ которымъ Зендлингенъ долго разговаривалъ вечеромъ, сообщаетъ, что покойный въ этотъ вечеръ, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Онъ не оставилъ семьи, но извѣстіе объ его кончинѣ вызоветъ живѣйшее сожалѣніе во всѣхъ, кто зналъ этого достойнаго человека, и его сограждане будутъ долго чтить его память».

Бергеръ закрылъ лицо руками.

Національное единство и федерализмъ въ Германіи.

I.

Средневѣковая Европа не знала ни принципа національности, ни даже—государственности, въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова; ея политическая жизнь слагалась, главнѣйшимъ образомъ, на федеративныхъ основаніяхъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, политическою жизнью въ это время жило исключительно одно только землевладѣльческое сословіе, титулованное въ военно-іерархическомъ порядкѣ. Очень часто случалось, что одинъ и тотъ-же феодалъ, въ одно и то-же время, получалъ ленные участки отъ герцоговъ или государей разныхъ странъ, а слѣдовательно, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, долженъ-бы былъ считаться принадлежащимъ одновременно къ разнымъ національностямъ. Землевладѣльцы французскіе, германскіе, итальянскіе собирались на общіе сеймы, выбирали со-обща императоровъ или иныхъ верховныхъ вождей, обсуждали общіе интересы, заключали временные или постоянные союзы между собою, и т. п.

Хотя городскіе и ремесленные союзы не составляли такого общаго правила, какъ эти аристократическія федеративныя группы, но и они встрѣчались нерѣдко; и въ нихъ, точно такъ-же, федеративное начало являлось рѣшительно преобладающимъ надъ началомъ государственнымъ и національнымъ. Достаточно при-помнить хоть-бы только знаменитую Ганзу, считавшую своими дѣятелями и полноправными членами одно время нашъ Псковъ и Новгородъ. Повидимому, этнографическая однородность нисколько не способствовала возникновенію подобныхъ городскихъ союзовъ, обуславливаемыхъ болѣе всего соображеніями эко-

номическими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическими, такъ какъ послѣднія, во всѣ времена, неизбѣжно играютъ, болѣе или менѣе, важную роль въ дѣлѣ производства и распредѣленія богатствъ. Въ Италіи, гдѣ муниципально-федеративная жизнь разцвѣла наиболѣе продолжительнымъ и пышнымъ цвѣтомъ, мы наблюдаемъ то знаменательное явленіе, что именно сосѣдніе города, гдѣ народонаселеніе вполне одноплеменное, исповѣдующее одну и ту-же римско-католическую религію и говорящее однимъ и тѣмъ-же нарѣчіемъ, не только не состоятъ въ союзѣ между собою, а даже проводятъ большую часть времени въ непримиримой взаимной враждѣ, въ то время, какъ помощниковъ и союзниковъ себѣ они ищутъ у иноплеменныхъ и, иногда даже, у иновѣрныхъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ, явленіе это, конечно, легко можетъ быть объяснено фактомъ торговой или промышленной конкуренціи между сосѣдами; но въ исторіи хоть-бы однихъ тосканскихъ республикъ мы находимъ множество и такихъ примѣровъ, гдѣ ни торговаго, ни промышленнаго соперничества между сосѣдами нѣтъ, а они все-же не вступаютъ въ союзъ, а напротивъ, ожесточенно грызутся между собою, переходя изъ гвельфскаго лагеря въ гибеллинскій, или наоборотъ, безо всякихъ разумныхъ причинъ, просто на зло сосѣду.

Что касается до крестьянства, то оно повсюду было слишкомъ подавлено въ средніе вѣка, а потому и неудивительно, что во всей западно-европейской исторіи мы встрѣчаемъ только единственный примѣръ федераціи или союза крестьянскихъ общинъ, а именно, въ швейцарскихъ горахъ, вокругъ живописнаго и неприступнаго озера четырехъ кантоновъ. На основаніи одного примѣра, конечно, никакихъ обобщеній дѣлать нельзя, тѣмъ болѣе, что этотъ союзъ швейцарскихъ горныхъ общинъ поневолѣ долженъ былъ ограничиться очень тѣснымъ территоріальнымъ пространствомъ. Но и на этомъ примѣрѣ мы опять таки можемъ видѣть, что условія національности, единовѣрія, единоплеменности и единоплеменности не играютъ, въ дѣлѣ возникновенія такихъ союзовъ, существенной роли. Это прямо явствуетъ уже изъ той легкости, съ которою въ члены швейцарскаго союза были допущены разноплеменные романскія, франко-бургундскія и итальянскія общины, между тѣмъ какъ вполне единоплеменные съ ними баденскіе, баварскіе или виртембергскіе крестьяне навсегда остались исключенными изъ него, въ силу чисто-политическихъ условій.

Понятіе національности въ западно-европейской исторіи является вовсе не какъ нѣчто первоначальное, естественное или стихійное. Оно развивается исподволь и въ строго оформлен-

номъ, нѣсколько законченномъ своемъ видѣ является только въ позднѣйшіе вѣка, да и то далеко не повсемѣстно. Въ дѣлѣ возникновенія принципа или идеи національности, Франція несомнѣнно играетъ первенствующую роль и надолго опережаетъ собою всѣ другія страны и государства Европы. На примѣрѣ французской исторіи мы явственно замѣчаемъ, что развитіе идеи національности совершается преимущественно на политической почвѣ и идетъ рука объ руку съ развитіемъ государственности. Нельзя утверждать, конечно, будто естественныя условія не играютъ въ этомъ дѣлѣ вовсе никакой роли; но легко замѣтить, что изъ естественныхъ условій, для историческаго развитія идеи національности и государственности, особенно важными оказываются территоріальныя или географическія, которыми въ значительной степени опредѣляется, во-1-хъ, основной строй національнаго труда; во-2-хъ, характеръ отношеній обособившагося народа къ своимъ сосѣдямъ. Условія же одноплеменности (этнографическія и лингвистическія) уходятъ вовсе на задній планъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время понятіе *французъ* выражаетъ собою такую категорію человѣчества, которая легко можетъ быть опредѣлена этнографически и даже антропологически; но категорія эта, тѣмъ не менѣе, обособилась, развилась и выросла, подъ вліяніемъ чисто политическихъ и экономическихъ условій, сплотившись изъ элементовъ, совершенно разнородныхъ, и притомъ еще такихъ, которые въ значительномъ большинствѣ случаевъ имѣли ровно столько-же шансовъ сдѣлаться вовсе не французами, а нѣмцами, англичанами, испанцами или итальянцами, если-бы они попали въ инныя условія. Нынѣшній нотаріусъ изъ Руана, или нормандскій крестьянинъ недаромъ слынутъ за типичнѣйшихъ представителей извѣстнаго отдѣла французской національности; а между тѣмъ, они легко могутъ оказаться законнѣйшими потомками какого-нибудь безвѣстнаго предка, завоевывавшаго Англію съ Вильгельмомъ - Завоевателемъ и тамъ основавшаго аристократическій англійскій родъ. О бретонцахъ и вандейцахъ я уже и не говорю; точно также обхожу молчаніемъ всю восточную окраину, отъ Дижона и Безансона, населенную офранцуженными бургундами и франконцами. Но на всемъ юго-западѣ Франціи мы встрѣчаемъ бискайскую народность, въ большинствѣ случаевъ уже гнушающуюся своего областного названія Guascon и давно позабывшую, что самое это имя вполне тоже-ственно съ тѣмъ, которое по другую сторону пиринейскихъ горъ произносится Vasco (Баскъ) и которое принадлежитъ народу, совершенно справедливо считающему себя однимъ изъ краеугольныхъ

столповъ испанской національности и монархіи. А на юго-востоѣ, каталонская народность, отъ Аликанте до Нарбонны, нераздѣленная низкими естественными границами, распалась точно также на двѣ части, говорящія еще и до сихъ поръ однимъ и тѣмъ-же языкомъ; тѣмъ не менѣе, сѣверная изъ этихъ двухъ частей считаетъ себя французскою и готова проливать кровь за честь и величіе французской національности точно съ такимъ-же рвеніемъ, съ какимъ южная ея половина готова проливать ее за величіе испанскаго знамени.

Перебравши, одну за одну, всѣ составныя части нынѣшней единой и нераздѣльной французской націи, мы очутимся лицомъ къ лицу съ небольшою центральною группою, ведущею свой родъ отъ ороманившихъ галльскихъ предковъ, перемѣшанныхъ въ разныхъ пропорціяхъ съ германскими франками. На первый разъ, легко можетъ показаться, что эта центральная группа и составляетъ истинное историческое ядро нынѣшней французской народности. Но это можетъ показаться только на первый взглядъ. Легко убѣдиться, однако-же, что парижане временъ Гуго Капета также мало были похожи на нынѣшнихъ французовъ, какъ и бургондцы Карла Смѣлаго или какъ каталонцы временъ донъ-Хойма арагонскаго... Дѣло въ томъ, что въ началѣ среднихъ вѣковъ не существовало ни самаго понятія національности, ни представленія о Франціи или о французяхъ; не существовало французскаго языка, ни множества иныхъ этнографическихъ атрибутовъ французской народности. Существовали только извѣстныя территоріальныя условія, которыя, при тогдашнемъ несовершенствѣ путей сообщенія, давали возможность извѣстной группѣ городскихъ и феодальныхъ союзовъ изолироваться отъ остальной Европы, выйти изъ-подъ зависимости отъ папы и отъ цезаря, носившаго титулъ главы священной имперіи, именуемой, правда, германскою, но только потому, что вся историческая Европа того времени, за изытіемъ восточныхъ славянъ, была германскою. При этой изолированности, весьма естественно, что нѣсколько мѣстныхъ феодаловъ пытаются захватить въ свои руки наслѣдіе цезарей, т. е. приобрѣсти себѣ верховную власть надъ болѣе или менѣе обширнымъ кругомъ аристократическихъ и городскихъ федерацій. При неизмѣни въ то время постоянныхъ армій, смѣльчаки эти, очевидно, не могли ожидать успѣха только отъ военной силы. Успѣвали, въ болѣе или меньшей степени, только тѣ изъ нихъ, которые искусно сумѣли заинтересовать массы дѣятельнаго народонаселенія въ своемъ династическомъ предпріятіи. Отсюда вытекаетъ, замѣчаемое уже у первыхъ капетинговъ, стремленіе обуздывать права феодаловъ надъ

подвластными имъ земледѣльческими общинами; а при первыхъ Валуа, этотъ демократическій характеръ королевской власти во Франціи обозначился уже такъ рѣшительно, что короли, не стѣсняясь, декретируютъ отмѣну крѣпостныхъ правъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ крестьянъ, которые захотятъ выкупить свою свободу за извѣстную плату, вносимую ими въ королевскую казну.

Заинтересовавъ, такимъ образомъ, въ свою пользу массы угнетеннаго населенія, городского и сельскаго, французскіе короли, не гнушаясь дѣйствовать и насиліемъ, когда къ тому представлялся удобный случай, скоро значительно расширяютъ свои владѣнія въ ущербъ феодальнымъ, а затѣмъ и городскимъ федераціямъ. Владѣть обширною территорією невозможно на такихъ основаніяхъ, на какихъ помѣщикъ владѣетъ своею вотчиною; а потому королевское владѣніе принимаетъ очень скоро чисто-политическій характеръ, т. е. сводится къ праву взиманія извѣстныхъ податей и рентъ и къ праву юрисдикціи, которое, однакоже, и въ самой Франціи, только въ позднѣйшіе вѣка начинаетъ утрачивать рѣшительно свой прежній феодальный характеръ. Сообразно съ этимъ перерожденіемъ феодальнаго права въ королевское, утрачивается и прежній вотчинный характеръ управленія, т. е. возникаетъ государственность, естественно и неуклонно стремящаяся къ бессловности, первоначально въ смыслѣ равной зависимости всѣхъ отъ воли и власти короля.—Такимъ-то образомъ, между подданными одного короля возникаетъ объединеніе, основанное на началѣ, совершенно несуществовавшемъ въ средніе вѣка. Начало это можетъ быть названо чисто-государственнымъ тамъ, гдѣ объединеніе ограничивается однѣми политическими сферами. Но во Франціи дѣло шло не такъ: покончивъ свою завоевательную роль, королевская власть административнымъ и не административнымъ путемъ оказываетъ глубокое и очень существенное воздѣйствіе на общественную жизнь и даже на этнографическій бытъ своихъ подданныхъ. Послѣднему особенно способствуетъ система постоянныхъ ссылокъ, вызывающая частое передвиженіе значительныхъ массъ молодого и здороваго народонаселенія по всѣмъ частямъ королевства.

Конечно, самая относительная ограниченность французской территоріи немало облегчала объединительную задачу. Тѣмъ не менѣе, недалеже какъ во времена Генриха IV-го, весь нѣжнѣйшій французскій югъ, т. е. вся территорія наваррской короны, дающая теперь наиболѣе типичныхъ и выдающихся представителей французской національности, состоитъ еще въ переходномъ положеніи, т. е. имѣетъ равную вѣроятность выработать изъ себя са-

мостоятельную бискайско-каталонскую національность, применить къ Испаніи, или же поглотиться въ морѣ французской народности (что и случилось въ дѣйствительности). — Во времена регентства Ришелье, и еще окончательно при Людовикѣ XIV, политическая сторона дѣла объединенія можетъ уже считаться совершенною вполнѣ.

Ненужная объединительная виртуозность Людовика XIV-го, обнаруживающаяся, напримѣръ, въ избиеніяхъ севенскихъ гугенотовъ и т. п., является какъ-бы естественнымъ плодомъ его сознанія, что вѣковая задача его предшественниковъ уже исполнена, что онъ уже не видитъ далѣе дѣйствительно національнаго дѣла въ томъ направленіи, въ которомъ его влечетъ унаслѣдованная традиція. Усмотрѣть новое примѣненіе силы, исторически сосредоточившейся въ его рукахъ — на это не хватаетъ геніальности ни у него самого, ни у его ближайшихъ преемниковъ...

Дальнѣйшее слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Если послѣдующія событія и не вывели Францію на совершенно новый путь; то онѣ все-таки очистили ее отъ всякаго рода историческихъ наростовъ, вовсе нешедшихъ къ цѣли и накопившихся въ теченіи долгихъ вѣковъ безсознательной исторической работы. Источивъ на этомъ свою собственную изобрѣтательность, тогдашніе господствующіе классы передали дѣло въ наполеоновскія руки. А этотъ «баловень судьбы» слишкомъ на пятнадцать лѣтъ успѣлъ обольстить Францію заманчивою перспективою разнести по всему просвѣщенному міру выработанныя и мелѣея имъ начала національнаго могущества и единства.

II.

Войны Наполеона I-го застали Германію въ тотъ моментъ, когда она еще не успѣла вполнѣ очнуться, а тѣмъ менѣе отдохнуть отъ реформаціоннаго погрома. Жизнь нѣмецкихъ народностей не была еще приурочена ни къ какому общему началу или легкому условному руководящему принципу. Священная имперія, представлявшая нѣкогда главный оплотъ средневѣковаго общеевропейскаго федерализма, слишкомъ очевидно переживала самое себя. Исполнивъ уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ свою главную историческую задачу—освобожденіе романо-германскаго міра изъ подъ невыносимаго теократическаго ига папы, — она, уже со временъ Карла V-го, радикально измѣняетъ своему призванію, вступающая въ малодушный и бессмысленный союзъ съ ею-же униженною римскою куріею.

Безсильная въ военномъ и финансовомъ отношеніи, Австрія

начала нынѣшняго столѣтія скорѣе напоминаетъ собою обветшалый музей готическихъ древностей, чѣмъ живую функцію народной и политической жизни. Она, правда, фактически еще сохраняетъ нѣкоторую пальму первенства въ обновленномъ нѣмецкомъ союзѣ; но, повидимому, она и сама очень хорошо сознаетъ, что и этимъ призрачнымъ своимъ величіемъ она обязана на своей собственной состоятельности, а той повальной политической спячкѣ, въ которую впала Германія, обезкровленная продолжительной войною. Отсюда ея ребяческій, суевѣрный страхъ передъ малѣйшимъ признакомъ пробужденія или обновленія. Осужденная разноплеменностью своего состава всегда отставать на томъ пути національно-государственного объединенія, который былъ распространенъ наполеоновскими побѣдами и войнами на всю Европу, она не находитъ въ себѣ достаточно жизни и силъ, чтобы вести Германію по самостоятельному федеративному пути, указываемому ей историческими традиціями. Знаменитѣйшіе ея государственные люди: пресловутый Меттернихъ и самъ, преждевременно состарившійся, Францъ I, обладавшій несомнѣнно большимъ политическимъ смысломъ, чѣмъ его самодовольный министр—изъ этой разноплеменности не умѣютъ почерпнуть ничего, кромѣ грошеваго макьявелистическаго принципа: *divide et impera*, позволяющаго имъ, съ грѣхомъ пополамъ, коротать свой историческій вѣкъ, натравливая хорватовъ на итальянцевъ, нѣмцевъ на чеховъ, католиковъ на протестантовъ и т. п.

Единственнымъ спасеніемъ для подобной Австріи, конечно, могло быть только совершенно подобное-же органическое безсиліе всѣхъ ея естественныхъ соперниковъ. Начиная съ самаго вѣнскаго конгресса, элементарный инстинктъ государственнаго самосохраненія подсказываетъ ей ту жалкую и неблагоприятную роль, которую она и разыгрывала въ теченіи цѣлаго полустолѣтія, до скандальной катастрофы подъ Садовой, — роль, которая очень вѣрно можетъ быть характеризована извѣстной народной поговоркой о собацѣ на снѣгѣ: «сама не ѣстъ и другимъ не даетъ». Не имѣя вѣры сама въ возможность собственнаго возрожденія и обновленія, она сосредоточиваетъ всѣ свои помыслы и послѣдній остатокъ силъ, чтобы помѣшать другимъ нѣмецкимъ правительствамъ выйдти изъ того безпомощнаго и непривлекательнаго положенія, въ которомъ ихъ застаетъ начало нынѣшняго столѣтія. Къ счастью для Германіи и, быть можетъ, для всей Европы, у нея не хватаетъ силъ на то, чтобы принудить южные и юго-западные германскіе дворы вырвать у своихъ подданныхъ тѣ относительныя блага, которыми ихъ надѣлило французское нашествіе или французское вліяніе... Какъ бы то ни было, мертвенный, безусловный застой,—или, выражаясь

дипломатическимъ языкомъ, — возвращеніе къ *statu quo ante bellum*, по возможности на вѣчное время впредь, былъ открытымъ девизомъ австрійской политики для всей Германіи, и чуть-только какой-либо изъ внѣ-германскихъ властителей Германіи позволялъ себѣ хоть малѣйшую уступку въ пользу неотложнѣйшихъ требованій времени, Меттернихъ самъ, или кто-либо изъ его пособниковъ, тотчасъ-же строчилъ на него доносъ императору Александру I-му, увѣряя его, будто рушатся священнѣйшія основы, разнудываются неукротимыя страсти и бѣшеная демагогія грозитъ потопить весь просвѣщенный міръ въ кровавыхъ потокахъ.

Правда, большинство нѣмецкихъ властителей, крупныхъ и мелкихъ, того времени вовсе не отличались смѣлыми новаторскими стремленіями и, едва-ли не за единственнымъ исключеніемъ Саксенъ-Веймарскаго, не могли подавать поводовъ къ такимъ преувеличеннымъ страхамъ и жалобамъ. Но главнѣйшая бѣда заключалась въ томъ, что этотъ пресловутый *statu quo* самъ по себѣ былъ неспособенъ къ дальнѣйшему историческому употребленію. Благодаря разнообразію политическихъ условій въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы попытались набросить здѣсь, хотя-бы только въ бѣглыхъ чертахъ, общій очеркъ этого *status quo*. Замѣтимъ только, что политическій бытъ страны представлялъ пестрый и разнокалиберный сборъ отжившихъ средневѣковыхъ учреждений, давно утратившихъ всякое содержаніе и даже по формѣ несовмѣстимыхъ, съ требованіями новѣйшаго времени. За исключеніемъ нѣкоторыхъ южныхъ государствъ, гдѣ рядъ освободительныхъ реформъ былъ осуществленъ болѣе или менѣе непосредственно французскимъ завоеваніемъ, германская общественная жизнь покоилась всецѣло на средневѣковыхъ основаніяхъ. Крѣпостное право существовало въ нѣкоторыхъ имперскихъ областяхъ во всей своей ненарушимости, и даже въ Пруссіи крестьяне восточныхъ провинцій были освобождены на скорую руку въ 1806 г., благодаря умной и просвѣщенной политикѣ Штейна, и благодаря тому печальному обстоятельству, что страна была болѣе чѣмъ на двѣ трети уже наводнена французами и самые непредусмотрительные политики могли ожидать, что народъ, вмѣсто сочувственнаго отзыва на правительственный призывъ къ освобожденію отечества отъ чужеземныхъ враговъ, воспользуется удобною минутою для другой цѣли.

Полнѣйшая сословность господствовала вездѣ. Земская аристократія, мелкая и крупная, гордась своимъ невѣжествомъ и презрѣніемъ ко всякому труду, тяжелымъ бременемъ лежала на

бюджетъ и въ тоже время препятствовала развитію промышленной и торговой дѣятельности. Въ странахъ католическихъ, многочисленное черное и бѣлое духовенство пользовалось, наравнѣ съ дворянствомъ, привилегіями и покровительствомъ власти, въ ущербъ непривилегированному городскому, а еще болѣе крестьянскому сословію, рѣшительно изнемогавшему подъ бременемъ всякаго рода притѣсненій, бюрократическаго, военнаго и сословнаго, и всякаго рода поборовъ и податей. Нѣмецкія королевства, курфиршества и великія герцогства (за вышепомянутыми немногими исключеніями на французской окраинѣ) управлялись не на государственномъ, а на старомъ вотчинномъ основаніи, такъ недавно еще позволявшемъ мелкимъ властителямъ продавать цѣлые полки своихъ подданныхъ на убой. Правда, со времени вѣнскаго конгресса, мы уже не видимъ примѣровъ подобной огульной продажи людей, но только потому, что къ ней не представлялось уже удобныхъ случаевъ; самыя-же начала, на которыхъ покоился подобный строй, нетолько открыто проповѣдывались на университетскихъ кафедрахъ, но возводились въ единую спасительную и единую разумную теорію человѣческаго общежитія, которая и выдавалась за «возрожденіе государственныхъ наукъ». Знаменитая книга фонъ-Галлера: *Restauration der Staatswissenschaft*, вышедшая въ 1816 г., пользовалась, какъ извѣстно, нарочитымъ покровительствомъ всемогущаго Меттерниха.

Въ Германіи не было, однако-же, недостатка въ государственныхъ людяхъ, которые смотрѣли трезвымъ взглядомъ на положеніе дѣлъ и понимали очень хорошо, что, несостоятельное само по себѣ, оно неизбежно должно привести къ печальнымъ невгодамъ въ такую тревожную годину, какъ та, которая переживалась западною Европою въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Не говоря уже о такихъ научныхъ знаменитостяхъ, какъ Александръ Гумбольдтъ или философъ Фихте, о людяхъ кабинетныхъ, какъ напримѣръ Арндтъ, такъ тяжело поплатившійся впоследствии за свой идеалистическій патріотизмъ, — въ чисто правительственныхъ сферахъ, среди людей дѣйствія, мы встрѣчаемъ немало свѣтлыхъ личностей, въ родѣ генерала фонъ-Гнейзенау, Бинке, Эйхорна и др., составлявшихъ болѣе или менѣе тѣсно сплоченный кружокъ, группировавшійся, по легко понятнымъ причинамъ, вокругъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма III. Наиболѣе замѣчательной личностью этой группы остается все-же саксонецъ Штейнъ, оставившій по себѣ добрую и честную память на страницахъ нѣмецкой исторіи этого времени. Изъ его недавно изданной біографіи и изъ его обширной переписки съ сочувственными ему государственными людьми Пруссіи,

мы узнаемъ сколько упорнаго труда, сколько неутомимой энергіи было имъ затрачено на то, чтобы побороть ту паническую боязнь всякаго народнаго оживленія и новшествъ, которыми страдали власть имущія сферы Германіи въ это время. «Не буйные демагогическіе инстинкты, не слѣпая подражательность иностранцамъ», твердитъ Штейнъ на всевозможные лады, «заставляютъ народы Германіи желать улучшенія своей участи. Невыносимо для взрослога человѣка лежать запутаннымъ въ пеленкахъ, рассчитанныхъ на его дѣтскій ростъ, и если вы предусмотрительно во время не распеленаете его, ему останется либо задохнуться, либо самому порвать тѣснящіе его пути». — Пророчество его не остается пророчествомъ Кассандры уже потому, что оно очень скоро сбылось. Но только въ 1806 г., послѣ того какъ катастрофа уже разразилась, и когда Пруссія Фридриха Великаго была наканунѣ конечной гибели, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился, наконецъ, принять услуги этого человѣка, котораго онъ зналъ уже давно, но котораго чуждался потому, что считалъ его «за геніальнаго и эксцентрическаго человѣка». (Таковы его подлинныя слова; см. Perts's «Stein's Leben»).

Мѣрки гѣніальности очень растяжимы и неопредѣленны; а потому мы и не станемъ останавливаться надъ обсужденіемъ того, могъ-ли Штейнъ, не отличавшійся ни возвышенностью своихъ идеаловъ, ни особенною глубиною своихъ общественныхъ и политическихъ воззрѣній, предъявлять какія-нибудь права на названіе геніальнаго человѣка. Что-же касается до его «эксцентричности», то она исключительно состояла въ томъ, что, вращаясь въ служебныхъ сферахъ, онъ вполне честно и искренно относился къ положенію и мѣрилъ его не на низкій аршинъ честолюбія и личной выгоды.

По глубокому убѣжденію Штейна, которому онъ оставался вѣренъ до конца своихъ дней, вопросъ жизни и смерти для Германіи состоялъ въ своевременномъ переходѣ къ иной правительственной системѣ. Въ положительной сторонѣ своей программы онъ выказывалъ не геніальность, а тотъ нѣмецкій здравый смыслъ, который не любитъ скользить по поверхности вещей и не гоняется за обольстительной, въ своей кажущейся щеголеватой простотѣ, формулою. Штейнъ не былъ однимъ изъ тѣхъ французоѣдовъ, которыми кишмя кишѣли тогда всѣ сферы и слои германскаго народонаселенія и общества; но въ то-же самое время онъ и не увлекался соблазнительнымъ примѣромъ Франціи до потери способности критическаго отношенія къ окружавшей его дѣйствительности. Съ пронизательностью, дѣлающею честь его практическимъ способностямъ, онъ понималъ, что Германія со своимъ федеральнымъ

прошлымъ осуждена навѣки отставать отъ своей зарейнской сосѣдки, если она устремится по ея проторенному пути національно-государственнаго объединенія. На примѣрѣ рейнскихъ областей онъ успѣлъ убѣдиться, что плоды наполеоновской централизаціи, будучи пересажены на нѣмецкую почву, неизбѣжно перерождаются на ней и являются, въ концѣ концовъ, нестойкими издержекъ своего насажденія. По его мнѣнію, Германія могла и была должна, оставаясь вѣрною своему историческому прошлому, вдохнуть въ свои обносившіяся формы новый смыслъ и начать преобразованіе своего политическаго организма съ его естественной ячейки, т. е. съ общины. «Если община такъ устроена», писалъ онъ въ 1818 г., развивая въ дружеской перепискѣ эту излюбленную основу давно задуманныхъ имъ реформъ, «что она даетъ случай обывателю къ постоянному живому и свободному участію въ общественныхъ дѣлахъ, то она становится ближайшимъ источникомъ любви къ отечеству; она неразрывными узами привязываетъ обывателя къ его домашнему очагу, къ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ его молодости. Она даетъ твердую и реальную почву лучшимъ его стремленіямъ, служитъ лучшею практическою школою для истинной свободы вызывая его каждый день и каждый часъ къ здоровой общественной дѣятельности, она не даетъ ему замкнуться въ своемъ личномъ или семейномъ эгоизмѣ и пріучаетъ его любить и цѣнить своихъ согражданъ».

Само собою разумѣется, что при такихъ возрѣніяхъ Штейнъ не могъ увлекаться французскимъ якобинствомъ, обращавшимъ общину въ низшую административную инстанцію, въ прихожую подъ-префекта. По мнѣнію прусскаго министра, спасеніе Германіи могло заключаться единственно въ здоровой и разумной организаціи общинныхъ учрежденій, покоящихся на широкомъ выборномъ основаніи; общинная-же организація эта должна была пополняться учрежденіемъ областныхъ собраній (*Provincialstände*), вѣдающихъ исполнѣ самостоятельно дѣла, касающіяся самоуправленія болѣе или менѣе обширнаго круга общинъ; наконецъ, общее собраніе или сеймъ должно было вѣнчать это зданіе, котораго разрозненные элементы имѣлись въ наличности въ быту всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, но гнили бесплодно подъ спудомъ вѣками накопившагося на нихъ мусора.

Штейну не удалось осуществить этого грандіознаго преобразованія; вскорѣ ему пришлось и вовсе оставить свой министерскій портфель и даже самую Пруссію, получивъ отъ Фридриха-Вильгельма III оскорбительное посланіе, изъ котораго мы приводимъ нижеслѣдующія заключительныя строки: «Признаюсь, я встрѣтилъ васъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Я

зналъ, что вы думашій и талантливый человекъ, но я полагалъ, что вы принадлежите къ разряду тѣхъ людей, которые цѣнятъ только *свое* мнѣніе и только его считаютъ за истину; а это никуда не годится для практическаго дѣятеля, которому на каждомъ шагу приходится примѣняться къ людямъ и къ событіямъ и который, при отсутствіи извѣстной эластичности, легко можетъ попасть въ просакъ... Къ прискорбію своему, я теперь убѣдился, что я не только не заблуждался на вашъ счетъ, но что вы еще къ тому-же упрямый, несговорчивый человекъ и непокорный слуга государству, самонадѣянно полагающійся только на свою личную гениальность и на свой талантъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ своихъ страстей и капризовъ... Повѣрьте, мнѣ очень больно, что вы даете мнѣ поводъ высказать вамъ это; но такъ какъ вы выдаете себя за цѣнителя истины пуще всего, то я и счелъ себя обязаннымъ высказать вамъ свое мнѣніе откровеннымъ нѣмецкимъ языкомъ. Къ этому прибавлю еще только, что если вамъ не угодно будетъ измѣнить ваше непочтительное и неприличное поведеніе, то государство не можетъ дальше рассчитывать на ваши услуги».

Съ этимъ изгнаніемъ Штейна изъ Пруссіи, которая, по всеобщему признанію, обязана главнѣйшимъ образомъ ему своимъ возрожденіемъ послѣ іенскаго погрома, политическая роль его однакоже не кончается вовсе. Послѣ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы, Фридрихъ-Вильгельмъ III снова пригласилъ на свою службу отставленнаго имъ такъ безцеремонно министра, обнародовавъ въ то-же время обѣщаніе даровать Пруссіи хартію, по окончаніи войны. Впрочемъ и новое министерство Штейна въ Пруссіи не дало желаннаго результата; тѣмъ не менѣе, Штейнъ до конца своихъ дней не переставалъ быть вдохновителемъ того кружка, къ которому принадлежали безъ изыатія всѣ лучшіе прусскіе государственные люди того времени: Гнейзенау, Гумбольдъ, Бинке, и видамъ котораго государственный канцлеръ Гарденбергъ поставлялъ себѣ за честь служить насколько ему позволяли крутыя обстоятельства, разстроенное здоровье и собственная безхарактерность.

Во время своей опалы, Штейнъ не удалился на авентинскій холмъ и не принялся «сажать капусту какъ Гораций». Общественныя дѣла Германіи возбуждали въ немъ слишкомъ живой и искренній интересъ и онъ не чувствовалъ себя способнымъ изолироваться, уйти въ себя. Въ промежуткѣ, между возстановленіемъ Пруссіи и новымъ ея пораженіемъ, Штейнъ посвящаетъ себя общегерманскимъ дѣламъ и даетъ новое развитіе своему проекту переустройства германскаго союза. Въ этомъ отношеніи Штейнъ не вдается въ мечты о германскомъ національ-

но-государственномъ объединеніи подъ прусскою казарменною или подъ австрійскою феодальною гегемоніею. И та и другая равно претятъ ему, да и самая идея единства по французскому образцу не представляется для него соблазнительною на обще-германской почвѣ. И въ своемъ проектѣ союзнаго переустройства, Штейнъ оказывается вѣрнымъ своему основному положенію что Германія своимъ историческимъ прошлымъ гораздо болѣе подготовлена къ тому, чтобы начать новую общественную жизнь на исконныхъ своихъ федеративныхъ началахъ. Впослѣдствіи, правда, онъ отказался отъ этого, своего основнаго, положенія и пришелъ къ сознанию необходимости возсоздать на мѣсто союзной Германіи новую нѣмецкую имперію. Это отступничество, вызванное въ немъ печальными событіями послѣдующихъ лѣтъ, имѣетъ для насъ очень мало значенія; тогда какъ первый его проектъ о созданіи союзнаго государства Германіи, въ которомъ руководящая роль была бы раздѣлена между Австріею, Пруссіею, Баваріею и Вюртембергомъ и органомъ котораго служило-бы собраніе изъ представителей всѣхъ княжествъ и городовъ, осталось не безъ историческаго вліянія на судьбы нѣмецкаго отечества вообще. На вѣнскомъ конгрессѣ проекты Штейна, конечно, не преминули разбиться объ оппозицію Меттерниха и его клеветовъ; но нѣкоторыя его мысли, высказанныя тамъ, произвели тѣмъ не менѣе извѣстное впечатлѣніе. Конечно, его вліянію, слѣдуетъ приписать, что въ союзный актъ, составленный вообще съ поразительнымъ въ подобномъ дѣлѣ легкомысліемъ и небрежностью, былъ включенъ и знаменитый параграфъ 13-й, которымъ постановлялось, что каждый германскій владѣтель даетъ извѣстную реформу, сообразную съ мѣстными условіями и духомъ времени.

III.

«Постановленія вѣнскаго конгресса тоже, что Библия», долго говорилось въ нѣмецкихъ правительственныхъ сферахъ, «можете ссылаться на нихъ; можете толковать ихъ на разные лады; но измѣнить въ нихъ хотя-бы одну букву не можетъ никто: это было-бы почти кощунствомъ».

Мы здѣсь не станемъ, конечно, вдаваться въ обзоръ этихъ постановленій, которыми на безконечное, или по крайней мѣрѣ на неопредѣленное, время впредь регулировалась жизнь отъ 50 до 70 милліоновъ нѣмецкаго населенія. Замѣтимъ только, что, съ формальной стороны, постановленія эти поражаютъ насъ прежде всего своимъ исключительно дипломатическимъ характеромъ; т. е. что онѣ задуманы и средактированы такъ, какъ будто вся Герма-

ніа представляетъ одинъ парадный залъ, въ которомъ дипломаты разныхъ нѣмецкихъ народностей проводятъ всю свою жизнь въ томъ, что говорятъ другъ другу утонченнѣйшія колкости или вѣжливо подставляютъ одинъ другому ножку, обутую въ бѣлый шелковый чулокъ и въ изящный башмакъ съ драгоценною бриліантовою пряжкой. Съ существенной-же стороны онѣ легко могутъ быть сведены къ одному основному положенію: народы и властители Германіи отдаются безрочно подъ строжайшій надзоръ Священной Имперіи, т. е. Меттерниха, который по своему усмотрѣнію, будетъ обрушивать всѣ, имѣющіеся въ союзныхъ арсеналахъ, громы на тѣхъ или на того, кто заслужитъ его неодобреніе.

Но, увы! старикъ Сатурнъ не изъявилъ согласія сдать свою косу въ меттерниховскую консерваторію; да и дюжему нѣмецкому народу нельзя было не проснуться отъ сна при громѣ сраженій подъ Аустерлицемъ, Іеною или Лейпцигомъ, при крикахъ французскихъ солдатъ, говорившихъ на другомъ языкѣ новыя, но легко понятныя рѣчи. Какъ-бы ни былъ крѣпокъ сонъ добродушнаго Ганса, его все равно разбудили-бы сборщики податей, обшаривавшіе его избу, чтобы убѣдиться, не залежался ли въ ней какой-нибудь грошъ, необходимый на пополненіе вѣчно скудѣющей казны; разбудили-бы чиновники или вербовщики, пришедшіе тащить самаго Ганса на поле чести въ качествѣ рекрута или ополченца.

Въ масѣ народонаселенія, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, первымъ чувствомъ при пробужденіи является слѣпая, стихійная ненависть къ чужому, пришедшему ни вѣсть съ чего и зачѣмъ нарушить обыденное теченіе ихъ тяжелой труженнической жизни. Нельзя, однако, не замѣтить, что это стихійное чувство слѣпой вражды къ чужеземцамъ доходило до своего апогея не въ крестьянскомъ населеніи, а въ интеллигентной средѣ, къ которой принадлежалъ и извѣстный учитель гимнастики Фридрихъ Янъ, прославившійся на всю Европу своимъ французоѣдствомъ, переходившимъ даже за Геркулесовы столбы безумія. Янъ предлагалъ вдоль всей французской границы развести непроходимый лѣсъ, населенный зубрами и хищными звѣрями. Высокій и красивый, съ густою, длинною бородою, онъ производилъ обыкновенно очень сильный эффектъ на своихъ слушателей и первый придумалъ тотъ фантастическій черный бархатный нарядъ, въ родѣ венгерки съ бранденбургскими, который, неизвѣстно почему, былъ мундиромъ всѣхъ, мечтавшихъ о *Teutschthum*'ѣ. А такими мечтателями скоро стали студенты, преимущественно сѣверныхъ, протестантскихъ университетовъ. Извѣстно, что еще во время войны нерѣдко цѣлые факультеты, со всѣми слушателями и съ полнымъ составомъ профессо-

ровъ во главѣ, образовывали волонтерскіе отряды, одушевленные непритворною и страстною готовностью умереть за отечество. Настроеніе это, конечно, не могло мгновенно пройти тотчасъ, по прекращеніи военныхъ дѣйствій. Представленіе о «*Teutschthum*», объ общемъ нѣмецкомъ отечествѣ, стало какъ-бы неотъемлемою принадлежностью всего, что было живого и дѣятельнаго въ многочисленномъ населеніи нѣмецкихъ университетовъ. Политически, стремленіе это не имѣло въ себѣ рѣшительно ничего опредѣленнаго и оформленнаго. Въ противоположность къ обидѣвшимся ихъ французамъ, саксонцы и швабы, пруссаки и баварцы, и т. д. почувствовали, что между всѣми ими существуетъ какая-то органическая взаимная связь, но въ чемъ собственно состоитъ она и къ какимъ ближайшимъ практическимъ результатамъ должна она привести — надъ этимъ задумывались очень немногіе и очень мало.

Ученые профессора вдавались въ глубокомысленныя и тяжело-вѣсныя историческія и археологическія разслѣдованія; кропотливо добирались черезъ Карла Великаго и Фридриха Барбароссу до германцевъ тацитовскихъ временъ и восторженно умилялись передъ ихъ добродѣтелью. Живая и пылкая молодежь, относясь почтительно къ ихъ тяжеловѣснымъ трудамъ, довольствовалась для себя, болѣе общедоступною, романтической и поэтической стороною дѣла. Все, что находилось въ поэтическихъ преданіяхъ или въ современномъ народномъ быту колоритнаго, живописнаго, способнаго возбуждать природную нѣмецкую мечтательность, жадно хваталось на лету аристократическими и демократическими сферами. Выработывалось общее мистическое и фантастическое настроеніе, положившее такой характерный отпечатокъ на литературныя произведенія того времени. Само собою разумѣется, что на этой общей почвѣ могли произрастать цвѣты, очень разнообразныя по своему благоуханію и по окраскѣ. Тамъ, гдѣ движеніе не встрѣчало себѣ никакихъ препятствій, — какъ это, бывало въ нѣмецкомъ югѣ, унаслѣдовавшемъ отъ наполеоновскаго вестфальскаго королевства болѣе или менѣе либеральныя государственныя учрежденія, — настроеніе это переходило въ мистическій диллетантизмъ, въ безсмысленное увлеченіе средне-вѣковыми фантазіями и идеалами, ради которыхъ ученые и государственные люди, вродѣ, напримѣръ, Адама Мюллера, Ярке или поманутаго ф. Галлера, и почтенные художники, въ родѣ Корнелиуса и Офербека, рожденные и воспитанные въ протестантизмѣ, слѣшили отречься отъ злоученій Лютера и Цвингли, чтобы полнѣе вкусить всю прелесть варварскаго мировоззрѣнія первыхъ вѣвовъ господства германскихъ дикарей на развалинахъ классическаго Рима. Само собою разумѣется, что въ этомъ ви-

дѣ, вышепомянутое настроеніе не представляло ничего предосудительнаго или опаснаго, даже съ точки зрѣнія князя Меттерниха и его стремленій къ возрожденію вождѣльнаго *statu quo ante bellum*. Но движеніе, имѣвшее своею точкою отправленія патріотическую ненависть къ чужеземному врагу, весьма естественно не могло сосредоточиться на одномъ германскомъ югѣ, Тамъ оно, во-первыхъ, не встрѣчало того слѣпнаго полицейскаго гнета, который главнѣйшимъ образомъ и придавъ ему извѣстное живое политическое направленіе; во вторыхъ, тамъ эти самыя французы, принесшіе съ собою освобожденіе крестьянъ, отбѣну стѣснительныхъ или унижительныхъ сословныхъ привилегій и другихъ прискорбныхъ остатковъ средневѣковой неурядицы,—вовсе не представлялись такими извергами рода человѣческаго, чтобы отъ нихъ слѣдовало скрываться въ непробудную глушь лѣсовъ «Turnfater'a» Яна или феодальнаго мракобѣсія «реставратора государственныхъ наукъ» Галлера (который—замѣтимъ кстати—былъ вольный швейцарецъ по происхожденію, воспитанный въ республиканскомъ и протестантскомъ Бернѣ). Выше мы уже замѣтили, что это увлеченіе «*Teutschthum'*омъ» и средними вѣками охватило собою по преимуществу учащіяся, учащіе и пишущіе слои нѣмецкаго общества. На югѣ-же вообще, по крайней мѣрѣ, по сравненію съ нѣмецкимъ сѣверомъ, учились и писали очень мало. Не говоря уже объ Австріи, гдѣ до 1848 года наука ограничивалась почти исключительно медициною и нѣкоторыми техническими отраслями, гдѣ литературѣ представлялось только забавлять публику, невходя изъ тѣсныхъ предѣловъ будуарной жизни *), но и въ относительно свободной Баваріи, университеты не имѣли того общественаго значенія, которое они, съ эпохи реформации, успѣли приобрѣсти въ протестантскихъ государствахъ и областяхъ.

Конечно, и на протестантскомъ сѣверѣ этотъ романтическій патріотизмъ не былъ застрахованъ отъ возможности перерожденія въ тотъ мистическій шетизмъ, который, по своему нравственному и историческому значенію, мало чѣмъ отличался отъ католицизма ново-обращенныхъ Галлера или Офербека. Литературнымъ органомъ этой средневѣковой партіи сѣверной Германіи, считывавшей очень много ревностныхъ приверженцевъ среди прусской, ганноверской и саксонской аристократіи и имѣвшей во главѣ прусскаго наслѣднаго принца, служилъ берлинскій «*Wochenblatt*». Но за то въ многочисленныхъ массахъ молодежи настроеніе это приняло совершенно иной характеръ.

*) См. интересныя замѣтки о нѣмецкой литературѣ и публицистикѣ въ «*Reptilienfond*» Вутгге.

Уже въ 1815 г., въ своей замѣчательной рѣчи на торжественномъ актѣ, при открытіи берлинскаго университета, знаменитый профессоръ и философъ Фихте подаль своимъ слушателямъ мысль основать общее студенческое братство, безъ различія факультетовъ, университетовъ и народностей, которое имѣло-бы цѣлью способствовать тѣлесному, умственному и нравственному развитію каждаго изъ своихъ членовъ. Мысль эта была съ жаромъ подхвачена пылкою молодежью, въ числѣ которой не мало было такихъ, которые только-что успѣли вернуться съ поля сраженія. Возможность повторенія печальныхъ событій перваго пятнадцатилѣтія нынѣшняго вѣка была для каждаго слишкомъ ясна. «Укрѣплять свое тѣло гимнастикой, душу—добродѣтелью, а умъ—наукою, чтобы выработать изъ себя людей, способныхъ служить отечеству на всякомъ поприщѣ»—стало девизомъ того студенческаго «*Virtu-schenschaft*», которое очень скоро развилось по всей Германіи и дѣйствительно много способствовало распространенію и развитію идеи германскаго національнаго объединенія. Бурши, слѣдуя за господствующимъ тогда теченіемъ, не замедлили, конечно, избрать своимъ штандартомъ красивое трехполосное знамя (красное и черное съ золотомъ) Фридриха Барбароссы и облечься въ придуманный Яномъ театральный «тейчтумскій» мундиръ. И здѣсь, какъ во всякомъ начинающемся броженіи, не могли обойтись безъ смѣшныхъ мелочей и преувеличеній; но сущность дѣла была все-таки почтенною и серьезною. Какъ-бы ни были, порою, ребячески и мечтательно-прекраснодушны представленія о добродѣтели нѣмецкихъ буршей, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «*Tugendbund*'ы» оказали въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія германской молодежи очень цѣнную услугу, отвлекая ее отъ пошлости и дразгъ, направляя ея мысль на нѣкоторые вопросы, дѣйствительно заслуживающіе вниманія и обсужденія. Самыя «*Turnverein*'ы» (гимнастическія собранія), кромѣ непосредственной пользы, которую они оказывали въ гигиеническомъ отношеніи, приучали германскую молодежь къ сближенію, чуждому кружковой исключительности и замкнутости, осваивали ее съ формами общечитія и способствовали обмѣну идей. Глубокая религіозность, болѣе или менѣе восторженная и мистическая, но чуждая ритуалистической нетерпимости (такъ какъ въ союзъ вступали молодые люди разныхъ вѣроисповѣданій), считалась необходимою основою буршесвой добродѣтели. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ устава было запрещеніе заниматься политикою, требующей умственной зрѣлости, непредполагавшейся въ наличности у юношей, еще не сошедшихъ со школьной скамьи.

При такихъ условіяхъ, это движеніе нѣмецкой молодежи не

могло, казалось-бы, возбуждать ничьихъ опасеній и порицаній. Престарѣлый Фихте не затруднился принять его подѣ свое покровительство. Правда, онъ скоро умеръ, и кафедра философіи въ берлинскомъ университетѣ была занята еще болѣе знаменитымъ Гегелемъ. Не станемъ спорить о томъ, революціонный или реакціонный смыслъ имѣла философія Гегеля, такъ какъ въ пользу и того и другого воззрѣнія легко можно привести цѣлыя страницы очень уважительныхъ аргументовъ и цитаты. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самъ великій философъ, чуть только онъ спустился съ трансцендентальныхъ своихъ высотъ, оказывался зауряднѣйшимъ филистеромъ, въ самомъ пошломъ и непривлекательномъ значеніи этого слова. Конечно, въ воспитательномъ отношеніи, этотъ чиновникъ философскаго вѣдомства, замкнутый въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета, не могъ замѣнить для своихъ слушателей общительнаго и добраго Фихте. За то большая часть профессоровъ, какъ берлинскаго, такъ и другихъ сѣверо-германскихъ университетовъ, отнеслась вообще сочувственно къ этому движенію, которое, однако-же, на первыхъ-же порахъ, возбудило подозрительность Меттерниха. Въ самой Пруссіи, «буршество» тоже встрѣтило неблагорасположеніе могущественной партіи, главными столпами которой были генералы, въ родѣ стараго рубака Блюхера, пользовавшагося со времени сраженія при Ватерлоо очень большимъ вліяніемъ и популярностью въ высшемъ обществѣ, берлинскаго полиціймейстера князя Витгенштейна и т. п.

Центромъ студенческаго движенія сталъ не Берлинъ, а Іена, гдѣ профессора: Луденъ, издатель журнала «Немезида», Ожель, издатель «Изаиды», и нѣкоторые литераторы, въ томъ числѣ Виландъ, сынъ поэта, не ограничились однимъ платоническимъ сочувствіемъ, но и оказали дѣятельную поддержку организаціи «*Burschenthum*'а». Примѣру Іены очень скоро послѣдовала Гиссенъ, гдѣ профессоръ Снель и братья Фолланиусъ явились инициаторами этого дѣла, не представлявшаго ни по формѣ, ни по сущности своей рѣшительно ничего предосудительнаго.

1817 годъ выдался въ большей части Германіи крайне неурожайный и бѣдственный; тѣмъ не менѣе, нѣмецкіе протестанты рѣшили отпраздновать осень, съ особенной торжественностью, трехсотлѣтній юбилей Лютера, выпадавшій именно въ этомъ году. Іенскіе бурши съ своей стороны увидѣли въ этомъ событіи удобный случай выступить въ первый разъ корпоративно передъ общественнымъ мнѣніемъ. 18-го октября они устроили въ Вартбургѣ, близъ Эйзенаха, «*Studentenfrieden*», на который, въ качествѣ гостей, были приглашены студенты и профессора всѣхъ протестантскихъ университетовъ Германіи. Собраніе было чрезвычайно

многолюдное и торжественное; господствовалъ, приличный случаю, восторженный и религиозный тонъ. Только къ вечеру, когда официальная сторона дѣла была уже покончена, студентъ Масманъ, ревностный членъ «Turnverein'a», предложилъ, по примѣру Лютера, сжегшаго папскую буллу, устроить новое *auto-da-fe* и предать огню то, что отравляетъ жизнь германскихъ народовъ. Многіе возстали противъ этой ребяческой продѣлки, но нѣсколько молодыхъ людей устроили, тѣмъ не менѣе, на-скоро костеръ и стали бросать въ него экземпляры книгъ, вызывавшихъ особенное неблагоприятное расположеніе лучшей части германскаго общества. Въ заключеніе спектакля, къ книгамъ присоединили, въ качествѣ символовъ неневиданныхъ порядковъ: привязную косичку гессенскихъ гренадеръ, палку австрійскаго капрала и перевязь прусскаго барабанщика. Затѣмъ собраніе вполнѣ миролюбиво разошлось, а профессоръ Окенъ издалъ черезъ нѣсколько дней добавочный иллюстрированный листокъ своей «Изиды», въ которомъ подробно описывалось вартбургское празднество, объяснялось символическое значеніе его послѣдняго акта и заявлялись крайне умѣренные пожеланія различныхъ благъ для Германіи, триста лѣтъ тому назадъ уже провозгласившей права человѣческой мысли.

Обиженные на вартбургскомъ празднествѣ авторы принадлежали по большей части къ самымъ вліятельнымъ имперскимъ и внѣ-имперскимъ правительственнымъ кружкамъ. Въ числѣ ихъ находился и извѣстный Генцъ, литературный фактотумъ Меттерниха. Со своей стороны, публицисты берлинскаго «*Wochenblatt'a*» не замедлили возопить о томъ, что наступило наконецъ, давно предсказываемое ими, время противупublicенныхъ инстинктовъ и страстей, съ отчаяніемъ вопрошая: неужто-же и теперь не будетъ положенъ силою предѣлъ этимъ оргіямъ, на которыхъ «одичалые профессора съ толпою бѣснующихся школяровъ» продѣлываютъ публично всѣ ужасы и безчинства валпургіевой ночи?

Вопли эти достигли своей цѣли. На добродушнаго и образованнаго великаго герцога веймарскаго Карла Августа посыпались упреки и угрозы со всѣхъ сторонъ, сопровождаемыя формальными требованіями наказать примѣрно всѣхъ, принимавшихъ участіе на вартбургскомъ праздникѣ, подвергнуть университеты строжайшему надзору на будущее время и отмѣнить господствующіе въ его странѣ либеральныя постановленія о печати. Добавочный листокъ «Изиды», о которомъ только-что было говорено, былъ конфискованъ и истребленъ такъ тщательно, что и до сихъ поръ записные библіофилы Германіи съ трудомъ могли раздобыть по баснословно дорогой цѣнѣ одинъ или два его экземпляра.

IV.

Послѣ описаннаго выше скандала, буршество и «Turnverei»ны» были объявлены какъ-бы стоящими внѣ закона въ большей части нѣмецкихъ государствъ. Ближайшимъ результатомъ, какъ и слѣдовало ожидать, явилось то, что молодежь стала, вмѣсто открытыхъ союзовъ, ставившихъ себѣ за правило не мѣшаться въ политику, не обогативъ предварительно свой умъ нѣкоторымъ запасомъ книжнаго знанія и житейскаго опыта, принялась за организацію тайныхъ обществъ съ болѣе или менѣе политическимъ характеромъ... Разныя комисіи, которыя съ этихъ поръ почти непрерывно работали въ разныхъ германскихъ мѣстностяхъ, очень мало уяснили, съ чисто исторической точки зрѣнія, характеръ и стремленія обществъ, возникшихъ такъ-сказать на развалинахъ фиктескаго «буршентума». Только за послѣднее время, въ нѣмецкой литературѣ начинаютъ появляться записки и признанія нѣкоторыхъ, теперь уже престарѣлыхъ или умершихъ лицъ, бросающіи новый свѣтъ на эту эпоху внутренней германской исторіи. Таковы, напримѣръ, записки Г. Лео Ф. Мюнха и отчасти изданныя К. Менцелемъ «Denkwürdigkeiten» Вольфганга Менцеля, котораго Берне разславилъ за отчаяннаго «французоѣда»... Впрочемъ, и изъ этихъ источниковъ мы еще не можемъ составить себѣ вполне точнаго понятія объ этихъ тайныхъ обществахъ, изъ которыхъ инныя, носившія названія «*стрыл*», повидимому, немного отделились отъ открытой программы іенскаго буршентума, чѣмъ и возбудили выдѣленіе изъ себя болѣе радикальнаго кружка, подъ названіемъ «*черныхъ*», группировавшагося главнѣйшимъ образомъ въ Гиссенѣ, вокругъ уже помянутаго профессора Карла Фолленіуса. Профессоръ этотъ обладалъ, какъ видно, чисто юношескою наивностью и экзальтаціею; такъ напр., онъ серьезно готовился въ одну изъ годовщинъ лейпцигской битвы, на самомъ полѣ кроваваго сраженія, торжественно провозгласить свободу и объединеніе германской націи, совершенно не допуская мысли о томъ, что подобная выходка не могла его привести ни къ чему дальше ближайшей саксонской тюрьмы. Что удержало почтеннаго профессора отъ исполненія его намѣреній—мы не умѣемъ сказать. О другихъ обществахъ мы знаемъ и того меньше. Существовали какіе-то «*безусловные*» (die Unbedingten), пользовавшіеся репутаціею слишкомъ крайнихъ даже въ «*черныхъ*» кружкахъ; а за ними, въ еще большемъ мракѣ, выступаютъ «*die Haarscharfen*» (острые какъ волосы)...

Впрочемъ, всѣ эти подраздѣленія принадлежатъ уже болѣе позднему времени и возникли только тогда, когда борьба противъ буршества сильно обострилась. Вартбургскій праздникъ былъ толь-

ко сигналомъ или, по большей мѣрѣ, началомъ этой борьбы. Строжайшее слѣдствіе, наряженное надъ іенскимъ университетомъ, не открыло рѣшительно ничего, кромѣ того, что германская молодежь не сочувствовала стремленіямъ гофрата Шмальца или генерала Кампца. По всей вѣроятности, дѣло это кануло-бы совершенно въ Лету, не заслуживъ даже упоминovenія на страницахъ историческаго очерка, еслибы не особенное усердіе нѣкоего молдавалахскаго боярина, князя Стурдзы. Его «*Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne*», отпечатанный всего въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ, и представленный собравшимся на конгрессъ въ Аахенѣ, изображалъ это, будто-бы «дѣйствительное», положеніе Германіи самыми мрачными красками. Почтенный князь тщательно собиралъ всѣ клеветы и ужасы, распускавшіеся, на счетъ «тейчтумцевъ» вообще и въ частности вартбургскаго праздника, публицистами пошиба Генца или Коцебу; онъ разукрашивалъ ихъ плодами своего южнаго воображенія и приходилъ къ заключенію, что цивилизаціи въ Европѣ грозитъ неминуемая опасность отъ нѣмецкихъ якобинцевъ, гораздо болѣе страшныхъ, чѣмъ французскіе; послѣдніе, по свойственному ихъ націи легкомыслію, только играютъ со свободою, между тѣмъ, какъ особенность нѣмецкаго характера заключается, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы все, даже глупости, дѣлать основательно и обстоятельно.

Содержаніе брошюры не долго оставалось тайною для нѣмецкаго общества; оно встрѣтило единодушнымъ презрѣніемъ и негодованіемъ произведеніе молдавалахскаго князя. Іенскій университетъ отправилъ къ Стурдзѣ депутатами графа Бахгольца и Келлера, чтобы потребовать отъ него объясненій или удовлетворенія. Стурдза отвѣчалъ, что онъ удовлетворенія дать не можетъ, потому что брошюра писана имъ по заказу. Депутаты съ тѣмъ и оставили его, такъ какъ «отъ машины, думающей, пишущей и продающей свои произведенія на заказъ, никакое удовлетвореніе, дѣйствительно, немисливо» *).

Докладъ Стурдзы былъ переданъ, по приказанію Александра I, Меттерниху, который, по всей вѣроятности, и былъ главнымъ антрепренеромъ молдавалахской «*Denk-Schreib- und Handelsmaschine*». Канцлеръ священной имперіи, тѣмъ не менѣе, сдѣлалъ видъ, что онъ и самъ до крайности перепуганъ этою картиною. Тутъ-же было рѣшено принять немедленно необходимыя мѣры, чтобы общими силами благомыслящихъ правительствъ своевременно обуздать разрушительныя стремленія тевтонскихъ якобинцевъ. Въ

*) L. Stacke «*Deutsche Geschichte*», Bielefeld und Leipzig, 1831 г.

устахъ такого человѣка, какъ Меттернихъ, это обѣщаніе, конечно, не могло считаться пустою фразою.

Не успѣло еще улетѣть возбужденіе, вызванное докладомъ Стурдзы въ различныхъ слояхъ германскаго общества, какъ іенскій профессоръ Луденъ взволновалъ его другимъ, случайно сдѣланнымъ имъ открытіемъ. Въ своей «Немесидѣ» онъ напечаталъ рядъ документовъ, неоставившихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и извѣстный комизъ Коцебу пишетъ тоже по заказу да еще и сбываетъ на иностранные рынки не только продукты своего собственнаго пера, но заодно и нѣкоторыя государственныя тайны, которыя доверяются ему, въ силу его офиціознаго положенія. Коцебу давно уже былъ ненавистенъ буржуазному и либеральной части германскаго общества.

23 марта 1819 г., восемнадцати-лѣтній студентъ богословія іенскаго университета, Карлъ Зандъ явился къ Коцебу, въ Мангеймѣ, съ тѣмъ, чтобы передать ему какое-то письмо. Пока гофратъ распечатывалъ его, Зандъ вытащилъ изъ подъ одежды кинжалъ и закололъ Коцебу; затѣмъ, нанеся самому себѣ ударъ въ грудь тѣмъ-же кинжаломъ, онъ выбѣжалъ на улицу, сталъ на колѣни и произнесъ громко молитву; онъ благодарилъ Всевышняго за смерть, которою онъ оплачиваетъ избавленіе отечества отъ измѣнника и предателя. Послѣ этого онъ нанесъ себѣ еще нѣсколько ранъ, но всѣ онѣ оказались несмертельными. Зандъ былъ вынесенъ въ тюрьмѣ и публично обезглавленъ палачемъ въ томъ-же Мангеймѣ, въ концѣ мая слѣдующаго года. Трагическое событіе это не могло не вызвать сильнаго потрясенія въ патриархальномъ нѣмецкомъ городкѣ, а также и въ Іенѣ, гдѣ многіе знали Занда за прилежнаго студента, отличавшагося религіознымъ настроеніемъ.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ убійства Коцебу, въ Швальбахѣ аптекарскій ученикъ Ленингъ сдѣлалъ неудачное вооруженное нападеніе на нассаускаго президента фонъ-Поель. Покушеніе это, приписывали тоже политическому возбужденію, хотя еще не доказано, что оно, не имѣло другого основанія. Вдобавокъ ко всему, на югѣ, католики принялись избивать евреевъ при крикѣ: «*сена! сена!*», который былъ принятъ за политическій лозунгъ, и вертеMBERGскій король обратился съ тайною просьбою о помощи въ союзный сеймъ, говоря, что онъ самъ, будучи связанъ извѣстными порядками, не можетъ отвѣчать за спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ.

Союзный сеймъ, которому вѣнскимъ конгрессомъ было ввѣрено верховное руководство судьбъ германскихъ народовъ, съ самаго своего основанія не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Правда, еще въ 1817 г. гессенцы жаловались ему на своего кур-

фюрста, предписавшаго, чтобы всѣ владѣльцы удѣльныхъ и государственныхъ имуществъ, купившіе ихъ во время французскаго нашествія, возвращали эти имущества ему безвозмездно. «Сеймъ не можетъ отказать угнетеннымъ подданнымъ въ ихъ законной просьбѣ», писали гессенцы, «онъ докажетъ, что Германія для того купила себѣ кровью своихъ народовъ освобожденіе отъ чужеземнаго ига, чтобы въ ней господствовали право и порядокъ, а не насилие и произволъ».—И сеймъ, точно, заявилъ неодобреніе курфюрсту, но не нашелъ нужнымъ вмѣшаться основательнѣе въ это дѣло. Съ тѣхъ поръ народы Германіи не слыхали о сеймѣ уже ровно ничего.

Такому писателю, какъ Генцъ, достаточно было и половины вышеупомянутыхъ событій, чтобы, на основаніи ихъ, нарисовать такую картину современнаго положенія Германіи, передъ которою совершенно блѣднѣлъ «мемуаръ» князя Стурдзы. Дѣйствительно, общественное мнѣніе всюду было возбуждено, и благоразумнымъ публицистамъ, какъ, наприм., Герресу, писавшему въ «*Wage*» (издававшихся подъ редакцію Берне), ни самому Берне, ни даже всѣми уважаемому Арндту, нелегко было успокоить его и привести къ болѣе спокойному отношенію въ дѣйствительности. Сеймъ былъ сильно занятъ въ эту минуту обсужденіемъ собственнаго своего положенія, такъ-какъ многочисленныя прорѣхи въ его органическихъ уставахъ успѣли уже обнаружиться и дѣлали его не только лишнею и никому ненужною спицею въ нѣмецкой колесницѣ, но почти вовсе лишали его даже возможности дальнѣйшаго существованія. Тѣмъ не менѣе, Меттернихъ, на этотъ разъ за-одно съ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Бернсторфомъ, порѣшили отложить на этотъ разъ всякія другія дѣла, чтобы созвать въ Карлсбадѣ конференцію изъ десяти министровъ главныхъ нѣмецкихъ государствъ, которой и было поручено выработать мѣры для успокоенія Германіи. Мелкія владѣнія, представители которыхъ не были допущены на конференцію въ Карлсбадѣ (въ августѣ 1819 г.), обязаны были, тѣмъ не менѣе, подчиниться ея рѣшенію.

Выше уже мы имѣли случай упомянуть о пресловутомъ 13 параграфѣ союзнаго акта. Параграфъ этотъ, съ самаго же начала существованія обновленнаго союза, подалъ поводъ къ весьма серьезнымъ затрудненіямъ, которыя требовалось устранить во что-бы-то ни стало. Прежде всего, постановленіе это невозможно было примирить съ тѣми требованіями о возвращеніи къ *statu quo ante bellum*, которыя были очень рѣшительнымъ лозунгомъ Меттерниховской политики. Генцъ офиціозно заявлялъ, что злополучный параграфъ этотъ былъ вклю-

чень въ союзный актъ противъ воли Франца I, котораго уступчивость не пойдетъ дальше пассивнаго согласія на провозглашеніе этого принципа. Было очевидно, что Меттернихъ не допуститъ нѣмецкихъ государей до исполненія этого постановленія, которое однако-же было желательнѣе съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ уже потому, что провозглашеніемъ извѣстныхъ реформъ въ своихъ государствахъ они снимали съ себя значительную долю отвѣтственности передъ сеймомъ и обеспечивали себѣ нѣкоторую независимость противъ меттерниховскихъ притязаній. Наконецъ, параграфъ этотъ возбуждалъ надежды германскихъ народовъ, волновалъ умы и вызывалъ вопросы и даже формальныя заявленія, на которыя необходимо было дать положительный или отрицательный отвѣтъ. — Приверженцы Меттерниха видѣли верхъ дипломатическаго искусства своего патрона въ томъ, что онъ поручилъ выработать окончаніе соглашенія, по поводу параграфа 13-го союзаго договора, той самой карлсбадской конференціи, которая была созвана по случаю только-что упомянутыхъ тревожныхъ событій и программа которой состояла изъ нижеслѣдующихъ пунктовъ: 1) ограниченіе свободы печати, на основаніи того параграфа союзаго акта, которымъ постановлялась, что свобода слова должна быть обезпечена на всей союзной территоріи однообразными постановленіями и учрежденіями (а это, по толкованію все того-же безсмѣннаго и незамѣннаго Гёнда, должно было означать, что имперскій цензурный уставъ долженъ быть распространенъ на всю остальную Германію); 2) принятіе дѣятельныхъ мѣръ къ прекращенію волненій и безпорядковъ въ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ; 3) учрежденіе центральной комиссіи (въ Майнцѣ) для разоблаченія демагогическихъ корней и революціонныхъ нитей и для ихъ искорененія и пресѣченія; 4-мъ стоялъ уже поминутый пунктъ о реформахъ; 5-мъ и заключительнымъ пунктомъ являлось постановленіе о временныхъ мѣрахъ къ обезпеченію исполненія рѣшеній и приговоровъ майнцской рознскной комиссіи.

Конечно, самое включеніе вопроса о параграфѣ 13-мъ въ число пунктовъ карлсбадской программы должно уже было служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что на него вослѣдуетъ отвѣтъ, вполне сообразный съ стремленіями вѣнскаго кабинета. Тѣмъ не менѣе, въ этой хитрости Меттерниха нельзя не видѣть одного изъ тѣхъ, совершенно ненужныхъ проявленій макиавелизма, которымъ Меттернихъ и стяжалъ себѣ, главнѣйшимъ образомъ, репутацію геніальнаго дипломата, несмотря на то, что всѣ его политическія измышленія и созданія заканчивались обыкновенно очень быстрымъ и очень рѣшительнымъ

fiasco, и что онъ даже актовъ вѣнскаго конгресса не сумѣлъ проредактировать въ такой формѣ, которая изобличала-бы въ немъ дѣйствительное пониманіе дѣлъ и близкое знакомство со сложными пружинами и выитками политическаго механизма. На этотъ разъ было очевидно, что карлсбадская конференція не имѣла никакихъ полномочій на то, чтобы отиѣнить хотя одну югу изъ тѣхъ постановленій, которыя были рѣшены на вѣнскомъ конгрессѣ союзными государями всей Европы. Комментаріи-же, которыми эта, въ высшей степени непопулярная конференція, не преминула, конечно, затемнить чрезвычайно ясный и положительный смыслъ злополучнаго 13-го § союзнаго устава, не могли имѣть даже и того авторитета, которымъ пользовались толкованія самой союзной канцеляріи, пояснявшей уже неоднократно разнымъ государямъ Германіи, что этотъ 13 параграфъ «долженъ быть понимаемъ въ духѣ времени и въ монархическомъ своемъ смыслѣ», или, что подъ словомъ реформа отнюдь не слѣдуетъ разумѣть хартію, въ родѣ французской или англійской, и что въ Германіи слово это можетъ быть примѣнимо только къ тѣмъ сословнымъ учреждениямъ, которыя существовали тамъ уже въ средніе вѣка».—Но бѣда была въ томъ, что эти средневѣковыя учрежденія давно уже успѣли развалиться и возстановить ихъ въ ихъ первоначальномъ видѣ было такъ-же не въ силахъ человѣческихъ, какъ невозможно было заставить образованныхъ людей снова вѣрить въ колдуновъ и вѣдьмъ.

За-то, по всѣмъ другимъ вѣдомствамъ, результаты карлсбадской конференціи были очень ощутительны и реальны. Майнцская коммисія принялась за свое дѣло съ рвеніемъ, ежечасно подстрекаемымъ предписаніями союзной и имперской канцеляріи. Сообщниковъ Занда, правда, она не открыла, но за-то съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ набросалась на всѣхъ, имѣвшихъ несчастіе чѣмъ-нибудь обратить на себя ея вниманіе. «*Tugendater*» Янгъ, ни въ чемъ не виновный, былъ сосланъ подѣ строгій полицейскій надзоръ; профессора смѣнялись и ссылались десятками; студенты приговаривались къ долготѣнному тюремному заключенію за имѣніе у себя трехцвѣтной ленточки или иного вещественнаго знака платоническаго воздыханія по Тейтхуму. Всего болѣе раздраженія, даже въ солидныхъ сферахъ, возбудили ничѣмъ немотивированныя, преслѣдованія боннскаго профессора Арихта, лишеннаго катедры за свою близость съ Штейномъ, и отставка извѣстнаго и всѣми уважаемаго берлинскаго богослова де-Ветте, осмѣливагося написать къ матери Карла Занда письмо... .Вскорѣ майнцская коммисія эта приобрѣла себѣ такое всеобщее неблагорасположеніе, что сколько-нибудь дорожащіе общественнымъ мнѣніемъ чиновники рѣшительно отказывались въ ней служить. Приходилось поне-

вогѣ пополнять составъ людьми очень сомнительной нравственности; а это уронило ее окончательно въ глазахъ не только общественнаго мнѣнія, но и нѣкоторыхъ германскихъ правительствъ, которыя собственной инициативою стали, наконецъ, смягчать произносимые ею драконовскіе приговоры или даже и вовсе отказывались исполнять ихъ, несмотря на принужденія союзнаго совѣта. Въ результатъ повсюду получалось такое напряженное и тревожное внутреннее состояніе, что русскій посланникъ Головкинъ писалъ о Германіи этого времени: «она скорѣе похожа на поле битвы, приготовленное для новаго французскаго нашествія, чѣмъ на мирный союзъ одноплеменныхъ государствъ или на оплотъ Австріи». (Martens *«Recueil des traités conclus par la Russie»*, IV, 1, 272).

V.

Взваливая дѣятельность всѣми ненавидимой майнцкой коммисіи на отвѣтственность прусскаго правительства, Меттернихъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду заблаговременно скомпрометтировать ее въ глазахъ тейчтума. Самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III не выказывалъ, правда, къ нему особенной нѣжности, но тейчтумъ, силою историческихъ обстоятельствъ, былъ принужденъ возлагать на Пруссію всѣ свои надежды. Если-же коварный канцлеръ сознательно этой цѣли не имѣлъ, то должно предположить, онъ достигалъ ее по счастливому для него и для Австріи стеченію судебъ, или просто по вдохновенію.

Вѣнскій конгрессъ создалъ для Пруссіи точно такое-же двухсмысленное и невыносимое положеніе, какъ и для Сардиніи. Оба эти королевства одинаково не могли долго устоять на томъ узкомъ и скользкомъ утесѣ, на который ихъ поставилъ обще-европейскій ареопагъ, и по обѣ стороны котораго были пропасти. Малѣйшее уклоненіе вправо неизбежно должно было обратить сардинскаго и прусскаго королей въ послушныхъ австрійскихъ префектовъ, лишить ихъ значенія независимыхъ государей и привести, въ концѣ концовъ, даже къ потерѣ *de jure* политической самостоятельности. Уклониться влево—значило идти на встрѣчу тѣмъ народнымъ стремленіямъ, которыя, въ Италіи, какъ и въ Германіи, еще только начинали назрѣвать, смутно и неопредѣленно, пока не отлились, наконецъ, на нашихъ глазахъ, въ законченную форму національнаго объединенія.

Относительно Пруссіи, положеніе это, въ значительной степени, усложнялось еще нѣкоторыми такими условіями, которыя вовсе не существовали въ Италіи и которыя, казалось-бы, дѣлали для

Пруссія совершенно обязательнымъ этотъ второй путь, отнимая у даже самую возможность выбора.

Пруссія Фридриха Великаго, прямая наследница двухъ рыцарскихъ орденовъ, представляется скорѣе военною колоніею нѣмецкихъ выходцевъ въ эстонскихъ, ливонскихъ, полуславянскихъ и чистославянскихъ земляхъ, — плодомъ стихійнаго нѣмецкаго «*Drang nach Osten*», — чѣмъ союзнымъ нѣмецкимъ государствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ея распространенію въ этомъ направленіи былъ положенъ Россіей строго опредѣленный предѣлъ, ей оставалось только отнять у Австріи себѣ мѣсто въ германской семьѣ, или-же вовсе перестать существовать; потому-что военное государство, лишенное возможности съ кѣмъ-бы то ни было воевать, представляется невозможнымъ на долгое время историческою бессмыслицею. Къ тому-же ея прежнее военное могущество было разрушено въ конецъ французскимъ нашествіемъ; два раза уже, въ промежуткѣ меньше чѣмъ десяти лѣтъ, она исчезала вовсе съ политической карты Европы. Правда, въ концѣ концовъ, она вышла, если и не побѣдительною изъ тяжелой борьбы, то по крайней мѣрѣ безъ территориальныхъ потерь и даже еще съ очень уважительною прирѣзкою. Но это было не собственными силами сдѣланное приобрѣтеніе, а произвольный даръ; даръ, къ тому-же, очень сомнительный, съ точки зрѣнія прусскаго государственнаго самосохраненія. Вновь присоединенныя рейнскія провинціи, съ ихъ независимымъ крестьянскимъ народонаселеніемъ и развитіемъ промышленныхъ городовъ, давно уже отвыкшія отъ порядковъ, которые еще всецѣло сохранялись на берегахъ Одера и Шпре, приносили съ собою новыя требованія. По заключеніи мира, финансы Фридриха-Вильгельма III были въ такомъ печальномъ положеніи, что даже ружей и пушекъ не на что было купить. Страна была разорена въ конецъ, а по старой поговоркѣ французскихъ крестьянъ, «тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, и самъ король теряетъ свои права». Арміи тоже не было, и даже такіе люди, какъ Шарнгорстъ, фонъ-Бойенъ и Гнейзенау, подчасъ опускали руки, не зная, какими путями и на какихъ началахъ возсздасть эсь-непобѣдимую прусскую армію.

Послѣдній, т. е. Гнейзенау, который по праву долженъ считаться основателемъ военнаго могущества современной «берлинской» имперіи, не разъ говорилъ, что существованіе Пруссіи станетъ возможнымъ и обеспеченнымъ только тогда, когда она достигнетъ первенства въ своихъ государственныхъ учрежденіяхъ, народномъ образованіи и въ военномъ дѣлѣ. Впрочемъ, даже и тѣ рубаки, которые одно только военное могущество считаетъ альфою и омегою, основою и конечною цѣлью всякаго историческаго величія, должны были понимать, что при тогдашнемъ раззорѣ

прусскихъ финансовъ не могло быть и рѣчи о воссозданіи сколько-нибудь уважительной вооруженной силы. Приходилось, слѣдовательно, начинать съ улучшенія экономическихъ условій народнаго быта; а это было, въ свою очередь, немислимо при томъ хаосѣ внутреннихъ учрежденій, который одинаково давилъ и промышленное и умственное развитіе страны. Откровенно-же рѣшившись выступить на новую дорогу, т. е. принявшись основательно за устройство собственныхъ своихъ дѣлъ, Пруссія естественно становилась-бы средоточіемъ и опорой всей лучшей, и наиболѣе зрѣлой, части обще-германскаго общества, которое оказало-бы ей неоцѣненную услугу уже тѣмъ однимъ, что парализовало-бы противодѣйствіе, которое Пруссія встрѣчала на каждомъ шагѣ, со стороны своихъ соперниковъ и сосѣдей.

Сотни мелочныхъ подробностей политическаго и хозяйственнаго быта Пруссіи почти насильно толкали ее на эту дорогу. Достаточно вспомнить, напримѣръ, что, при новомъ ея территоріальномъ состояніи, окранны ея соприкасались съ границами двадцати-восьми (!) различныхъ государствъ, владѣльцы которыхъ, нерѣдко даже въ ущербъ экономическому развитію собственныхъ своихъ странъ, спѣшили пополнить свою, вѣчно пустыющую, казну поборами съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, съ путешественниковъ и т. п. Обстоятельства показали очень скоро, что, при такомъ порядкѣ вещей, сколько-нибудь правильное экономическое развитіе Пруссіи было немислимо. Такимъ образомъ, ей пришлось, среди самого разгара реакціи, приступить къ устройству таможеннаго союза, который разыгралъ такую существенную роль въ ея дальнѣйшемъ возвелеченіи. Тѣ трудности, которыя она встрѣтила при осуществленіи этого, перваго своего, обще-германскаго предпріятія, не существовали-бы вовсе, еслибы она сама-же не взлелѣяла ихъ своимъ политическимъ шатаніемъ и если-бы она такъ-же ясно понимала свое положеніе, какъ понимали его за нее ея враги, глѣзшіе изъ кожи вонъ, чтобы втѣпнуть ее въ злополучную майндскую комиссію.

Повидимому, было время, когда и самъ Фридрихъ-Вильгельмъ III, при всей нерѣшительности своего темперамента, при утомленіи, которое выработалось въ немъ, вслѣдствіе пережитыхъ невзгодъ, понималъ это точно также. По крайней мѣрѣ, мы уже знаемъ, что онъ, не дожидаясь вѣнскаго конгресса, передъ началомъ новой войны противъ французовъ, вторично вытѣснившихъ его изъ Берлина, собственною инициативою общалъ своимъ подданнымъ, тотчасъ-же по заключеніи мира, приступить къ пересозданію государственнаго быта своей страны, на новыхъ основаніяхъ (22 мая 1815 г.). Мы дѣйствительно ви-

димъ, что, даже раньше заключенія парижскаго мира, король (въ сентябрѣ того-же года) поручаетъ своему канцлеру Гарденбергу, этому недосяженному племянцу штейнбовскаго гнѣзда, приступить къ предварительнымъ работамъ по исполненію этого обѣщанія. Это распоряженіе возбуждаетъ цѣлую бурю въ аристократическихъ и придворныхъ кружкахъ. Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, князь Витгенштейнъ, генералъ фонъ-Кнейзебекъ, не считая господъ въ родѣ Бюлова, Шукмана и мн. др., употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы удержать его отъ рѣшительнаго шага. Зная религиозное настроеніе короля, они заручаются содѣйствіемъ епископа Эйлерта. Когда король возражаетъ, что онъ имѣетъ привычку всегда держать однажды данное слово, Эйлертъ пишетъ ему: «этими нечего смущаться; в. в. поступили какъ мудрый и добрый отецъ семейства, который, въ день именинъ или иного торжественнаго семейнаго праздника, хочетъ порадовать своихъ дѣтей заманчивымъ обѣщаніемъ; а потомъ исподволь приводитъ ихъ къ тому, что они сами забываютъ о немъ». Когда и подобные аргументы оказались недостаточными, то противники реформъ прибѣгли къ болѣе вѣрной тактикѣ, заключавшейся въ томъ, чтобы, непротиворѣча королю, оттягивать на неопредѣленное время исполненіе его намѣреній. Въ этихъ видахъ, прежде всего, очень удачно былъ устраненъ изъ Берлина Гумбольдъ, назначенный посланникомъ въ Лондонъ. Этому не мало способствовалъ самъ Гарденбергъ, не имѣвшій за душою рѣшительно ничего, кромѣ добрыхъ намѣреній, и боявшійся, вполне основательно, что его собственный блескъ можетъ очень много потерять отъ сосѣдства такого первокласнаго свѣтила, какъ авторъ «Космоса».

Такимъ образомъ, удалось задѣлать дѣло до 1817 г., не сдѣлавши рѣшительно ничего. Наконецъ, были назначены три комиссара, которымъ поручено было объѣздить всѣ области Прусскаго королевства для того, чтобы изъ изученія мѣстныхъ условій собрать матерьялъ, на основаніи котораго предполагалось выработать окончательный проектъ задуманныхъ преобразованій. Комиссары эти очутились въ рейнскихъ провинціяхъ, которыя, до своего присоединенія къ Пруссіи, успѣли уже перебыть въ составѣ ста (буквально) различныхъ государствъ,—какъ въ лѣсу. Изъ своей поѣздки они не только не вывезли никакихъ прочныхъ основъ, но пришли сами, напротивъ, къ тому заключенію, что рейнскія и саксонскія земли состоятъ съ коренною Пруссіею только въ чисто внѣшней связи и что, при дарованіи имъ земскаго самоуправленія, между восточною и западною половиною королевства не замедлитъ обнаружиться антагонизмъ, вредный съ точки зрѣнія административнаго преуспѣянія... Между тѣмъ, насту-

пало время карлсбадской конференціи, и Меттернихъ воспользовался поводомъ короля въ Тешницъ, чтобы лично уговорить его принять подъ свой покровъ майницкую комиссію. Когда Фридрихъ-Вильгельмъ вмѣстѣ съ Гарденбергомъ снова возвратился въ Берлинъ, дѣло было уже сдѣлано. На упреки своихъ политическихъ друзей, прусскій канцлеръ возражалъ, что онъ считалъ верховъ дипломатическаго искусства согласиться на Меттерниховскія требованія, такъ какъ иначе онъ могъ лишиться мѣста, а съ его отставкою, приверженцы преобразованій потеряли-бы самую надежную свою опору въ правительствѣ. Изъ тѣхъ-же макиавелическихъ видовъ, все еще интриговавшій противъ вернушагося изъ Англии Гумбольдта, Гарденбергъ согласился на назначеніе ему въ помощники дѣятельнаго реакціонера фонъ-Фосса. Такимъ людямъ, какъ Гумбольдъ, генералъ фонъ-Байенъ, одинъ изъ героевъ отечественной войны, фонъ-Бойе и друг., не оставалось ничего, какъ выходить въ отставку. Этотъ оборотъ дѣлъ вызвалъ общее неудовольствіе въ странѣ. Общественное мнѣніе громко требовало отдачи подъ судъ министра фонъ-Бернсторфа, подписавшаго отъ лица Пруссіи постановленія карлсбадской конференціи. Среди «тейтумцевъ» сталъ обнаруживаться неблагоприятный для Пруссіи поворотъ въ пользу Вюртемберга и Баваріи. Ученые этого лагеря стали недвусмысленно поговаривать о томъ, что, по новѣйшимъ историческимъ и этнографическимъ изслѣдованіямъ, вовсе не на холодныхъ берегахъ Шпре, гдѣ смѣшанное народоваселеніе и солдатская выправка, слѣдуетъ искать представителей истиннаго германства, что восприимчивые и живые баварцы и вюртемберцы, котомки алеманновъ, гораздо доступнѣе пруссаковъ великому національному стремленію и что они основаніемъ рейнскаго союза блистательно доказали свою способность разумно и практически примирить требованія германской самобытности съ общечеловѣческими задачами новѣйшаго времени...

Совершенно неожиданно прусскій король издалъ свой указъ 17 января 1890 г., которымъ постановлялось, что ближайшій государственный заемъ не будетъ заключенъ иначе, какъ съ согласія собранія государственныхъ чиновъ, а потому въ Берлинѣ учреждается тотчасъ-же специальная комиссія, подъ предѣтельствомъ наследнаго принца, которой поручается выработать и подвергнуть на королевское благоусмотрѣніе соотвѣтствующій задуманному преобразованію законопроектъ.—

Германская жизнь разсматриваемая нами времени представляеть такіа усложненія и такіа хитросплетенія самыхъ противурѣчивыхъ условий, что по отношенію къ ней очень трудно оказы-

вастся соблюдать элементарное требованіе исторической перспективы, т. е. принимать ея явленія не въ томъ значеніи, въ которомъ онѣ представлялись-бы намъ теперь, а въ томъ, которое они дѣйствительно имѣли для своихъ современниковъ. Работа эта принудила-бы насъ вдаваться въ такое подробное изложеніе событій, которое было-бы совершенно неумѣстно въ бѣгломъ журнальномъ очеркѣ. Наша цѣль была показать читателю, въ возможно сжатой и конкретной формѣ, какимъ образомъ Пруссія начала свое существованіе, возобновленное вѣнскимъ конгрессомъ, и въ этомъ ея начинаніи прослѣдить тотъ зародышный пузырекъ, изъ котораго развилось ея позднѣйшее могущество.

Разсказанное выше, позволяетъ намъ утверждать, что первое свое десятилѣтіе эта обновленная Пруссія проводитъ въ какихъ-то непонятныхъ попыткахъ бѣжать куда-то въ сторону или вспять отъ того пути, на который наталкиваютъ ее сами событія. Логика событій всегда сильнѣе упорства людей; а потому, въ концѣ концовъ, и Пруссія приводится постоянно къ исполненію того, что требуется отъ нея обстоятельствами. Но изъ этого разногласія между логикою событій и произволомъ людей вытекають тысячи противурѣчій, то трагическихъ, то смѣшныхъ, всегда однакожь равно утомительныхъ для читателя и для писателя. задумавшаго сосредоточить свой интересъ на такихъ не блестящихъ эпохахъ. Противурѣчія эти достигаютъ своего апогея въ томъ, что Пруссія, располагая такимъ контингентомъ людей, если не гениальныхъ, то во всякомъ случаѣ очень почтенныхъ, какъ Гумбольдтъ, Штейнъ, Арндтъ, Гнейзенау и мн. др., руководится чревоущаніями разныхъ эмпириковъ;—что на естественный путь преобразованій, намѣченный добровольно ея королямъ еще въ 1815 г., она вступаетъ не иначе, какъ пробуждавъ бесплодно цѣлмыхъ восемь лѣтъ по всякимъ непригляднымъ дебрямъ и давъ себя протащить подъ кавдинскими фурулами карлсбадской конференціи и майнской комиссіи;—что, въ эпоху наипущаго разгара германской реакціи, она созываетъ (въ 1823—4 гг.) первыя свои представительныя собранія;—что она одновременно отдаетъ существующіе въ наличности свои университеты и школы подъ полицейскую опеку кураторовъ и создаетъ новые университеты, въ нѣсколько лѣтъ достигающіе общеевропейской извѣстности, благодаря просвѣщенному управленію Альтанштейна, заботливо охранявшаго ихъ отъ всякаго посторонняго наукѣ вмѣшательства;—что она, въ своемъ новорожденномъ представительствѣ, отводитъ чудовищное мѣсто средневѣковымъ сословнымъ привилегіямъ и въ тоже время, наноситъ своимъ новымъ военнымъ уставомъ всякой сословности такіе удары, которые стоятъ французской «*décla*

raison de l'homme»;—что она преслѣдуетъ за имѣніе въ карманѣ трехцвѣтной кокарды, символизирующей объединеніе Германіи, а сама фактически создаетъ это объединеніе на конкретной почвѣ таможеннаго союза;—что она сажаетъ въ тюрьму издателя, Ульриха фонъ-Гуттена, перепечатавшаго протестантскій памфлетъ противъ папъ, но поощряетъ лекціи Баура, основателя христіанской экзегатики...

Такия эпохи не характеризуются однимъ общимъ словомъ, Чтобы выжать изъ нихъ какое-нибудь поученіе, ихъ надо разсматривать въ микроскопъ...

Л. Мечниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ.

Романъ.

Посвящается М. Я. А—ной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VI.

Надежда Васильевна, послѣ Рождества, почти все время проводила въ своей комнатѣ, откуда показывалась только къ обѣду, да еще когда ходила въ кабинетъ отца. Комната дѣвушки съ двумя окнами выходила въ садъ и походила на монашескую келью по своей скромной обстановкѣ: обтянутыя пестрымъ ситцемъ диванчикъ у одной стѣны, четыре стула, желѣзная кровать въ углу, комодъ и шкафъ съ книгами, письменный столъ, маленькій рабочій столикъ съ швейной машиной—вотъ и все. Дѣвушка очень любила эту комнатку, потому что могла оставаться въ ней одна, сколько ей было угодно. Но чтобы имѣть право на такую роскошь, какъ отдѣльная комната, Надеждѣ Васильевнѣ пришлось выдержать ту мелкую борьбу, какая вѣчно кипитъ подъ родительскими кровлями: Марья Степановна и слышать ничего не хотѣла ни о какой отдѣльной комнатѣ, потому—для чего дѣвкѣ отдѣльная комната, какія у ней такія важныя дѣла?.. «Въ книжку-то читать можно по всѣмъ комнатамъ»,—ворчала старая раскошница. Всѣ раскошничьи богатые дома устроены по одному плану: всѣ лучшія комнаты остаются, въ качествѣ парадныхъ покоевъ, пустыми, а семья жметса въ двухъ-трехъ комнатахъ. У самой есть хоть спальня, а дѣти обыкновенно перебиваются кое-какъ.

Отдѣльная комната для старшей дочери была самымъ обиднымъ новшествомъ для Марьи Степановны и, какъ бѣльмо,

всегда мозолила ей глаза. Она никогда не заглядывала сюда, какъ и на половину мужа. У Вѣрочки не было своей комнаты, да она и не нуждалась въ ней, околавываясь по всему дому.

За послѣднія три недѣли Надежда Васильевна слишкомъ много пережила въ своей комнатѣ и была несказанно счастлива уже тѣмъ, что могла въ такую критическую минуту оставаться одна. Она сильно измѣнилась и похудѣла; глаза смотрѣли тревожнымъ взглядомъ, въ движеніяхъ чувствовалась усталость. Дѣвушка не могла даже заниматься попрежнему, и раскрытая книга оставалась недочитанной, начатая работа валялась изъ рукъ. Только одна машина все чаще и чаще постукивала далеко за полночь, и Марья Степановна, прислушиваясь къ этой ночной работѣ, не могла надвинуться, что за „охота прицала дѣвкѣ къ шитью“... Хитрая старуха раза два пробиралась на босу ногу къ комнатѣ Надежды Васильевны, чтобы подсмотрѣть въ замочную скважину, что такое могла шить дочь; но эти вылазки остались безъ успѣха, потому что двери были заперты на замокъ и замочная скважина была задвинута мѣдной накладкой.

— Ужь больно сторожится чего-то! ворчала старуха, пробираясь во свояси.—А все-же ужь лучше дѣвкѣ шить, чѣмъ въ книжку за-дарма смотрѣть... Можетъ, за умъ взялась наша Надежда Васильевна. Будетъ дурить-то въ самомъ дѣлѣ... Можетъ, оттого и счастья Господь не посылаетъ, что больно ужь мудрять съ отцомъ-то. Не умѣла ловить Привалова-то, такъ подожди-ка другого-то женишка: ой, не сладко въ кристовыхъ-то невѣстахъ отсиживаться!..

Какъ удивилась-бы Марья Степановна, если-бы увидѣла работу дочери: много прибавилось-бы безсонныхъ ночей въ ея жизни. Горюливо кроились эти маленькія рубашечки—распашонки, дѣтскія простыньки и весь несложный комплектъ дѣтскаго бѣлья; дрожащая рука выводила неровный повъ, и много-много разъ облита была вся эта работа горькими дѣвичьими слезами. Сколько страха за неизвѣстное будущее было пережито за этой работой, сколько тяжелого горя... А вмѣстѣ съ работой крѣпла и росла рѣшимость идти и сказать отцу все, пока не открылось критическое положеніе дѣвушки само собой.

— Чего-же мнѣ бояться? тысячу разъ задавала себѣ вопросъ

Надежда Васильевна.—Я совершеннолѣтняя и могу располагать собой...

Иногда въ головѣ дѣвушки мелькала предательская мысль: уйти изъ отцовскаго дома потихоньку; но противъ такого бѣгства возмущалась ея простая, открытая душа. Зачѣмъ еще этотъ обманъ, когда и безъ того днемъ раньше—днемъ позже все будетъ открыто? Лучше ужъ прямо принять все на свою голову и съ покойной совѣстью оставить отцовскій домъ. Нѣсколько разъ Надежда Васильевна выходила изъ своей комнаты съ твердой рѣшимостью сейчасъ-же объясниться съ отцомъ, но у ней опускались каждый разъ руки, начинали дрожать колѣни, и она возвращалась опять въ свою комнату, чтобы снова переживать свои тайныя муки. А сколько было проведено бессонныхъ ночей, сколько пролито слезъ...

Наконецъ, дѣвушка рѣшилась объясниться съ отцомъ. Она надѣла простенькое коричневое платье и пошла въ кабинетъ къ отцу. По дорогѣ ее встрѣтила Вѣрочка. Надежда Васильевна молча поцѣловала сестру и прошла на половину отца; у ней захватило дыханіе, когда она взялась за ручку двери.

— Это ты, Надя? спросилъ Василій Назарычъ, не отнимая головы отъ какой-то работы.

— Да, я, папа.

— Что это съ тобой: ты больна серьезно? спрашивалъ Василій Назарычъ, ласково цѣлуя дочь.—Ну, садись...

— Нѣтъ, я здорова... мнѣ лучше.

Наступила короткая пауза; старикъ тяжело повернулся въ своемъ креслѣ, его точно кольнуло какое-то тяжелое предчувствіе.

— Что-нибудь случилось, Надя?.. спросилъ онъ, тревожно заглядывая въ глаза дочери.

— Ничего особеннаго не случилось, папа, кромѣ того, что я пришла къ тебѣ...

Дѣвушка осмотрѣла кругомъ комнату, точно заранѣе прощаясь съ дорогими стѣнами, а потомъ остановила глаза на отцѣ. Этотъ пристальный, глубокій взглядъ, полный какой-то загадочной рѣшимости, окончательно смутилъ Василья Назарыча, и онъ мерзвительно потерялъ свое колѣно.

— Папа, заговорила Надежда Васильевна, опускаясь на ближайшій стулъ, — я думаю теперь вотъ о чемъ... Почему несправедлива къ людямъ природа: однимъ даетъ физическую

силу, другимъ физическую слабость... Почему всякая бѣда всей своей тяжестью ложится прежде всего на женщину? Почему женщина, устраненная отъ всякой общественной дѣятельности, даже у себя дома не имѣетъ своего собственнаго угла, и ее всегда могутъ выгнать изъ дому отецъ, братья, мужъ, наконецъ, собственные сыновья? Почему въ семьѣ, гдѣ только и можетъ жить женщина, съ самаго рожденія она поставлена въ неволю? То, что мужчинамъ прощается, какъ шалость, губить женщину навсегда... Посмотри, какая безграничная разница въ положеніи братьевъ и сестеръ въ семьѣ... Развѣ все это справедливо, папа?

— Я что-то не пойму хорошенько тебя сегодня, проговорилъ Василій Назарычъ.—Къ чему ты это ведешь?

— А вотъ къ чему, папа...

Надежда Васильевна тяжело перевела духъ и какъ-то испуганно посмотрѣла на отца, на доброе выраженіе его лица: ей стало невыносимо тяжело.

— Положимъ, въ богатомъ семействѣ есть сынъ и дочь, продолжала она дрогнувшимъ голосомъ.—Оба совершеннолѣтніе... Сынъ встрѣчается съ такой дѣвушкой, которая нравится ему и не нравится родителямъ; дочь встрѣчается съ такимъ человѣкомъ, который нравится ей и котораго ненавидятъ ея родители. Сынъ приживаетъ съ этой дѣвушкой ребенка... Какъ посмотреть на это отецъ и мать?

— Конечно, не похвалять! Развѣ хорошо обмануть дѣвушку?

— Нѣтъ, слушай дальше... Дочь приживаетъ ребенка, потому что ей нельзя было выйти замужъ. Что теперь происходитъ? Сыну родители простятъ даже въ томъ случаѣ, если онъ не женится на матери своего ребенка, а просто выброситъ ей какое-нибудь обезпеченіе. Совсѣмъ другое дѣло дочь съ ея ребенкомъ... На нее обрушивается все: гнѣвъ семьи, презрѣніе общества. То, что для сына является только неприятностью, для дочери вѣчный позоръ... Развѣ это справедливо?

— Мудреную ты мнѣ загадку загадываешь... измѣнившимся, глухимъ голосомъ проговорилъ Василій Назарычъ.— Сынъ съ собой ничего не принесетъ въ отцовскій домъ, а дочь...

— Это еще хуже, папа: сынъ броситъ своего ребенка въ чужую семью, и этимъ подвергаетъ его и его мать всей тя-

жести отвѣтственности... Дочь, по крайней мѣрѣ, уже своимъ позоромъ выкупаетъ часть собственной вины; а сколько она должна перенести чисто физическихъ страданій, сколько заботъ и трудовъ, пока ребѣнокъ подростетъ!.. Почему родители выгонять родную дочь изъ своего дома, а сына простятъ?

— Дѣвушки знаютъ, что ихъ ждетъ, и поэтому должны беречь себя...

— Нѣтъ, папа, это несправедливость, ужасная несправедливость...

— Да въ чему ты это говоришь-то? какъ-то застоналъ Василій Назарычъ и, взглянувъ на мертвенную блѣдность, разлившуюся по лицу дочери, онъ понялъ или, вѣрнѣе, почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ страшную истину.

— Эта дочь богатыхъ родителей—я...

— Ты... ты... ты... бессмысленно зашепталъ старикъ; у него въ глазахъ пошли яркіе круги и онъ застоналъ.

— Раньше я не рѣшалась сказать тебѣ всего... мнѣ было жаль убить тебя своимъ признаніемъ...

— А себя?! Себя.. О, Господи.. Боже!.. Себя тебѣ не жаль!! неистово закричалъ старикъ, съ глухими рыданіями хватаясь за свою сѣдую голову.

— Я не раскаиваюсь, папа...

Бахаревъ налитыми кровью глазами посмотрѣлъ на дочь, вскочилъ съ кресла и хриплымъ голосомъ прошепталъ:

— У меня нѣтъ больше дочери... Мнѣ остается позоръ... Господи!.. этого еще одного и не доставало!! Нѣтъ больше у меня дочери!.. Понимаешь: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ дочери...

— Я это знала... я сейчасъ ухожу...

— Нѣтъ, ты не уйдешь... О, Господи! Надя, Надя!.. И кто тебя обманулъ?! Кто?..

— Меня никто не обманывалъ... прошептала дѣвушка, закрывая лицо руками; сквозь бѣлые пальцы закапали крупные капли слезъ.

— Подлецъ! Честные люди такъ не дѣлаютъ... Подлецъ онъ, подлецъ... захотѣлъ посмѣяться надъ моими сѣдыми волосами... надъ моею старостью.

— Папа, ты напрасно выводишь изъ себя: вѣдь отъ этого не будетъ лучше. Если ты хочешь что-нибудь сказать мнѣ на прощанье, говоримъ спокойно...

— На прощанье?! Спокойно?! Боже мой... Нѣтъ ты ни-

куда не уйдешь... я живую замурую тебя въ четыре стѣны, и ты не увидишь свѣта божьяго... На прощанье! Хочешь развѣ, чтобы я тебя проклялъ на прощанье?.. И проклянута... Будь ты проклята, будьте вы оба прокляты!..

Надежда Васильевна чувствовала, какъ надъ ея головой наклонилось искаженное гнѣвомъ лицо отца, какъ сжимались его кулаки, какъ дрожало все его тѣло, и покорно ждала, когда онъ схватитъ ее и вышвырнетъ за порогъ.

— Послушай, папа... я никогда и ни о чемъ не просила тебя, заговорила она, и чарующая нѣжность зазвенѣла въ ея дрожащемъ голосѣ.—Мы расстаемся, можетъ быть, навсегда... Еще разъ прошу тебя,—успокойся...

Этотъ полный мольбы и нѣжности голосъ заставилъ старика немного опомниться: онъ такъ любилъ слушать голосъ своей дочери... Звуки этого голоса унесли его въ счастливое прошлое. Ему припомнилось именно теперь, какъ, маленькой дѣвочкой, Надя лежала при смерти и какъ онъ горько рыдалъ надъ ея дѣтской кроваткой. Зачѣмъ она не умерла тогда, въ ореолѣ своей дѣтской невинности?.. Потомъ, когда ей было двѣнадцать лѣтъ, она упала съ экипажа и попала подъ лошадь. Какъ тогда у него дрогнуло сердце, когда онъ увидѣлъ поблѣднѣвшее отъ страха дѣтское личико и жалко цѣплявшіяся за землю ручки... Колесо готово уже было раздавить маленькое дѣтское тѣлце, какъ онъ съ силой, какую даетъ только отчаяніе, однимъ движеніемъ перевернулъ тяжелый экипажъ, и дѣвочка осталась цѣла и невредима... Зачѣмъ не раздавило ее тогда этимъ колесомъ, чтобы сохранить честь всего дома и избавить ее отъ вѣчнаго позора?..

Бахаревъ опустился въ свое кресло, и сѣдая голова безсильно упала на грудь; припадокъ бѣшенства истощилъ послѣднія силы, и теперь хлынули безсильныя старческія слезы.

— Папа, милый... прости меня! вскрикнула она, вѣдаясь на колѣни передъ отцомъ. Она не испугалась его гнѣва, но эти слезы отняли у ней послѣдній остатокъ энергіи, и она съ дѣтской покорностью припала своей русой головой къ отцовской рукѣ.—Папа, папа... Вѣдь я тебя вижу, можетъ быть, въ послѣдній разъ! Голубчикъ папа, милый папа...

Въ припадкѣ невыразимой жалости и нѣжности, она цѣловала полы его платья. Въ кабинетѣ на минуту воцарилось тяжелое молчаніе.

— Папа... я ни въ чемъ никогда не обманывала тебя... Я молилась на тебя... И теперь я все та-же. Я ничего никому не сдѣлала дурного, кромѣ тебя.

— Отчего же ты не хотѣла выйти замужъ? Или онъ не хочетъ жениться на тебѣ?..

— Папа, я сама не хочу выходить замужъ...

— Почему?

— Если человѣкъ, которому я отдала все, хорошій человѣкъ, то онъ и такъ будетъ любить меня всегда... Если онъ дурной человѣкъ—мнѣ-же лучше: я всегда могу уйти отъ него, и моихъ дѣтей никто не смѣетъ отнять отъ меня!.. Я не хочу жи, папа... Мнѣ будетъ тяжело первое время, но потомъ все это пройдетъ. Мы будемъ жить хорошо, папа... честно жить. Ты увидишь все и простишь меня.

Бахаревъ молчалъ. Мертвенная блѣдность покрыла его лицо, онъ какъ-то болѣзненно выпрямился и молча указалъ дочери на дверь.

VII.

Время отъ святокъ до масленицы, а затѣмъ и покаянные дни великаго поста для Привалова промелькнули, какъ длинный сонъ, отъ котораго онъ не могъ проснуться. Волею-неволею, онъ втянулся въ жизнь уѣзднаго города, въ его интересы и злобы дня. Иногда его начинала сосать тихая безотчетная тоска, и онъ хандрить по нѣсколько дней сряду.

— А вы слышали нашу новость? спросила его въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ Хина.

— Какую?

— Надежда-то Васильевна ушла.

— Какъ ушла?

— Да очень просто: взяла да и ушла къ брату... Весь городъ объ этомъ говорить. Рассказываютъ, что тутъ разыгрался цѣлый романъ... Вы вѣдь знаете Лоскутова? Представьте себѣ, онъ давно уже былъ влюбленъ въ Надежду Васильевну, а Зося Ляховская была влюблена въ него... Романъ, настоящій романъ! Помните тогда этотъ балъ у Ляховскаго и болѣзнь Зоси? Мнѣ сразу показалось, что тутъ что-то кроется, и вотъ вамъ разгадка: теперь весь городъ знаетъ.

— Мало-ли что болтаютъ иногда, замѣтилъ Приваловъ.

— Ну, ужъ извините, я вамъ голову отдаю на отсѣченіе, что все это правда до послѣдняго слова. А вы слышали, что Василій Назарычъ уѣхалъ въ Сибирь? Да... Досталъ гдѣ-то денегъ и уѣхалъ, вмѣстѣ съ Шелеховымъ. Я заѣзжала къ нимъ на-дняхъ: Марья Степановна совсѣмъ убита горемъ. Вѣрочка плачетъ... Какъ хотите: скандалъ на цѣлый городъ, раззоренье на носу, а тутъ еще дочь невѣста на рукахъ.

Эти извѣстія какъ-то разомъ встряхнули Привалова, и онъ сейчасъ-же отправился къ Бахаревымъ. Дорогой онъ старался еще себя увѣрить, что Хина переврала добрую половину и прибавила отъ себя; но достаточно было взглянуть на убитую физиономію Луки, чтобы убѣдиться въ печальной истинѣ.

— Улетѣла наша жарь-птица... прошепталъ старикъ, помогая Привалову раздѣться въ передней; на глазахъ у него были слезы, руки дрожали. — Василій Назарычъ уѣхалъ на пріиски; ужъ недѣлю почитай. Дождутъ—не дождутъ по послѣднему зимнему пути...

Въ гостиной, на половинѣ Марьи Степановны, Привалова встрѣтила Вѣрочка. Она встрѣтила его съ прежней ледяной холодностью, чего ужъ, кажется, никакъ нельзя было-бы ожидать отъ такой кисейной барышни. Марья Степановна приняла его такъ-же холодно и жаловалась все время на головную боль.

— А я думала, что ты въ Питеръ уѣхалъ, какъ-то обидно-равнодушно проговорила она:—Костя чего-то писалъ...

Старый Бахаревскій домъ показался Привалову могилой или, вѣрнѣе, домомъ, изъ котораго только-что вынесли дорогого покойника. О Надеждѣ Васильевнѣ не было сказано ни одного слова, точно она совсѣмъ не существовала на свѣтѣ. Приваловъ въ первый разъ почувствовалъ, съ болью въ сердцѣ, что онъ чужой въ этомъ старомъ домѣ, который онъ такъ любилъ. Проходя по низенькимъ, уютнымъ комнатамъ, онъ съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ надѣялся встрѣтить здѣсь Надежду Васильевну, какъ это бываетъ послѣ смерти близкаго человѣка.

Старая любовь, какъ брошенное въ землю осенью зерно, долго покрытое слоємъ зимняго снѣга, опять проснулась въ сердцѣ Привалова... Онъ сравнилъ настоящее, какимъ жилъ, съ тѣми фантазіями, которыя вынашивалъ въ груди какихъ-нибудь полгода назадъ. Какъ все было и глупо, и обидно въ

этомъ счастливомъ настоящемъ... Приваловъ въ первый разъ почувствовалъ нравственную пустоту и тяжесть своего тепершняго счастья, и самъ испугался своихъ мыслей.

Въ этомъ скверномъ расположеніи духа, которое переживалъ Приваловъ, только первое письмо Веревкина, которое онъ прислалъ изъ Петербурга, нѣсколько утѣшило его. Nicolas писалъ, что его подозрѣнія относительно дядюшки дѣйствительно оправдались: послѣдній раскинулъ настоящую паутину и уже готовился запустить свою лапу, какъ онъ, т. е. Веревкинъ, явился самымъ неприятнымъ сюрпризомъ и сразу разстроилъ все дѣло. Веревкинъ подробно описывалъ свои хлопоты, оффиціальныя и домашнія: какъ онъ дѣлалъ визиты къ сильнымъ міра сего, какъ его водили за носъ и какъ онъ, въ концѣ концовъ, добился-таки своего, пуская въ ходъ все свое нахальство, приобрѣтенное долголѣтней провинціальной практикой. Въ концѣ письма стояла приписка, что дѣломъ о Шатровскихъ заводахъ заинтересовалась одна очень вліятельная особа, которая будетъ имѣть большое значеніе, когда дѣло пойдетъ въ сенатъ. «Сначала», писалъ Веревкинъ, — «я бродилъ какъ въ потьмахъ, но теперь поосмотрѣлся: вездѣ люди вездѣ человѣки. Дастъ Богъ, учинимъ знатную викторію... А дядюшку смажемъ по всѣмъ правиламъ искусства: не суйся въ калачный рядъ съ суевнымъ рыломъ».

Нынѣшній постъ четверги Агриппины Филиппьевны заставляли говорить о себѣ положительно весь городъ, потому-что на нихъ фигурировалъ Приваловъ. Многіе нарочно пріѣзжали за тѣмъ только, чтобы взглянуть на этотъ феноменъ и порадоваться счастью Агриппины Филиппьевны, которая такъ удивительно счастливо пристраивала свою младшую дочь. Что Алла выходитъ за Привалова—въ этомъ могли сомнѣваться только завзятые дураки.

Вотъ на одномъ изъ такихъ четверговъ и произошелъ маленькій случай, имѣвшій неисчислимыя послѣдствія. Публики было особенно много: адвокаты, инженеры, какой-то заѣзжій пѣвецъ, много дамъ; Приваловъ, конечно, былъ тутъ-же, и всѣ видѣли своими глазами, какъ онъ перевертывалъ страницы нотъ, когда Алла исполняла свою сонату. Хіонія Алексѣевна была особенно въ ударѣ и развернулась; французскія фразы такъ и сыпались съ ея языка, точно у ней ротъ былъ начиненъ ими. Въ своемъ увлеченіи, Хіонія Алексѣевна даже не

обратила вниманію на то, что Агриппина Филиппьевна давно перестала улыбаться и тревожно подняла брови кверху.

Въ самомъ разгарѣ вечера, когда Хіонія Алексѣевна только-что готовилась поднести ко рту ложечку клубничнаго варенья, Агриппина Филиппьевна отозвала ее немного въ сторону и въ полголоса замѣтила:

— Хіонія Алексѣевна, вы-бы оставили вашъ французскій языкъ...

Хіонія Алексѣевна въ первую минуту подумала, что она слышалась, и даже улыбнулась начатой еще за вареньемъ улыбкой, но вдругъ ей все сдѣлалось ясно, ясно, какъ день... Она задрожала всѣмъ тѣломъ отъ нанесеннаго ей оскорбленія и едва могла только спросить:

— Т. е. какъ это: *мой французскій языкъ?*..

— А такъ... Вы меня ставите въ неловкое положеніе: всѣ смѣются надъ вашимъ произношеніемъ...

— Я?! ставлю *васъ*?! въ неловкое положеніе?!? Всѣ смѣются надъ моимъ произношеніемъ?!? И это говорите, мнѣ вы... Агриппина Филиппьевна?!?

— Душечка, Хіонія Алексѣевна, пожалуйста, не сердитесь на меня... попробовала было подсластить поднесенную пилюлю Агриппина Филиппьевна, но было уже поздно: все было кончено!

Я, право, не знаю, какъ описать, что произошло дальше. Въ первую минуту Хіонія Алексѣевна покраснѣла и гордо выпрямила свой станъ; въ слѣдующую за этимъ минуту она вернулась въ гостиную, преисполненнымъ собственнаго достоинства жестомъ достала свою шаль со стула, на которомъ только-что сидѣла, и, наконецъ, не простившись ни съ кѣмъ, величественно поплыла въ переднюю, какъ смертельно оскорбленная королева, которая великодушно предоставила оскорбителей мукамъ ихъ собственной совѣсти.

«Мое произношеніе шокируетъ Агриппину Филиппьевну!» — вотъ мысль, которая, какъ капля сѣрной кислоты, жгла мозгъ Хіоніи Алексѣевны, когда она ѣхала отъ Веревкиныхъ до своего домика.

«Она думаетъ, что если Антонида Ивановна сдѣлалась любовницей Привалова, такъ мнѣ можно дѣлать всевозможныя оскорбленія», съ логикой оскорбленной женщины разсуждала далѣе Хіонія Алексѣевна, ломая руки отъ бессильной злости.

«Мужъ — шулеръ, сынъ — дровокать, дочь — содержанка, сама изъ забвенныхъ рижскихъ нѣмокъ, которыхъ по тринадцати на дюжину кладутъ!» — вотъ общій знаменатель, къ которому сводились теперь мысли Хіоніи Алексѣевны относительно фамиліи Веревкиныхъ.

VIII.

Именно послѣ этого разрыва все пошло какъ-то не по-прежнему, между Приваловымъ и Антонидой Ивановной, начиная съ самаго мѣста дѣйствія, которое сѣзвилось на половину. Гостиная Хины была теперь закрыта, въ клубѣ показываться было не совсѣмъ удобно, чтобы не вызвать озлобленную Хину на какую-нибудь отчаянную выходку. Однако, Антонида Ивановна раза два ѣздила туда, точно затѣмъ только, чтобы поддразнить Хину. Половодова теперь играла въ опасную игру, и чѣмъ больше представлялась опасность, тѣмъ сильнѣе она доставляла ей удовольствіе. Это была какая-то бѣшеная скачка за сильными ощущеніями. Для Антониды Ивановны сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ потребности ставить Привалова изъ одного критическаго положенія въ другое. Замѣчательно было то хладнокровіе, съ какимъ она распутывала всѣ затрудненія, какія создавала собственными руками. Если Приваловъ протестовалъ, это вызывало цѣлую бурю упрековъ, колкостей и насмѣшекъ.

— Ты трусъ! нѣсколько разъ говорила она ему съ вызывающей улыбкой, подталкивая на какую-нибудь рискованную выходку.

Раза два Антонида Ивановна удерживала Привалова до самаго утра. Александръ Павлычъ кутилъ въ «Магнитѣ» и возвращался уже засвѣтло, когда Приваловъ успѣвалъ уйти. Въ третій разъ такой случай чуть не разразился катастрофой. Антонида Ивановна предупредила Привалова, что мужа не будетъ дома всю ночь, и опять задержала его. Въ серединѣ ночи вдругъ послышался шумъ подѣхавшаго экипажа и звонокъ въ передней.

— Это Александръ!.. вскрикнула Антонида Ивановна.

Положеніе Привалова оказалось безвыходнымъ: изъ передней уже доносился разговоръ Половодова съ лакеемъ. По тону его голоса и по растягиванію словъ можно было заклю-

читать, что онъ явился домой навеселѣ. Приваловъ стоялъ посрединѣ комнаты, не зная, что ему дѣлать.

— Что-же ты стоишь такимъ дуракомъ? шепнула Антониды Ивановна и вытолкнула его въ сосѣднюю комнату.— Сиди здѣсь... онъ пьянъ и скоро заснетъ, а тогда я тебя успѣю выпустить.

Пока Половодовъ шелъ до спальни, Антониды Ивановна успѣла уничтожить всѣ слѣды присутствія посторонняго чело-вѣка въ комнатѣ и сдѣлала видъ, что спитъ. Приваловъ очутился въ самомъ скверномъ положеніи, какое только можно себѣ представить. Онъ попалъ на какое-то кресло и сидѣлъ на немъ, затаивъ дыханіе; кровь прилила въ голову, и колѣни дрожали отъ волненія. Онъ слышалъ, какъ Половодовъ нетвердой походкой вошелъ въ спальню, поставилъ свѣчу на ночной столикъ и, не желая тревожить спавшей жены, осторожно началъ раздѣваться.

— Ты не спишь? осторожно проговорилъ Половодовъ, когда жена открыла глаза.

— Нѣтъ, не сплю, какъ видишь... сухо отвѣчала Антониды Ивановна.

— А я, Тонечка, сейчасъ отъ Ляховскаго.

— Оно и видно, что отъ Ляховскаго...

— Ей-Богу, Тонечка, не лгу!

— Я тебя не заставляю божиться... Къ чему?

— Ну вотъ... ты ужъ и разсердилась... А я тебя люблю.

— Вѣрю... Вѣроятно, сейчасъ только изъ «Магнита?»

— На минуточку, дѣйствительно, заѣзжалъ... на одну минуточку, Тонечка. Даже не снималъ пубы...

Наступила пауза; Половодовъ щелкнулъ пальцами и покрутилъ съ самодовольной улыбкой своей головой.

— А ты у меня умница, Тонечка...

— Мерсі...

— Нѣтъ, серьезно: умница... Знаешь новость?.. Ну, да это все равно!.. Хе-хе... Дѣло-то, пожалуй, и не въ этомъ...

— А въ чемъ?

— Ты сослужила намъ золотую службу, Тонечка...

— Какую службу?..

Половодовъ нѣсколько времени улыбался, а потомъ заговорилъ въ полголоса:

— Помнишь, я тебя просилъ устроить такъ, чтобы Привалову у насъ не было скучно?

— Ну?

— Теперь, знаешь, какіе слухи по городу ходять... Ха-ха!.. Сегодня мнѣ одинъ дуракъ довольно прозрачно намекнулъ... Ей-Богу!.. Понимаешь, подозрѣваютъ тебя въ близкихъ отношеніяхъ къ этому дураку, Привалову... Ха-ха... Ужъ я хохоталь-хохоталь, когда остался одинъ... Вѣдь это, голубчикъ, получается цѣлая пѣса...

— Право, мнѣ надоѣло слушать твои глупости!..

— Нѣтъ, не глупости... Ха-ха!.. Нѣтъ, какого дурака Приваловъ-то разыгралъ... а?.. Вѣдь онъ сильно приударилъ за тобой, я знаю и не претендую. А какъ-сія исторія совершилась... Ты помнишь своего-то дядюшку, Оскара Филиппыча? Ну, я отъ него сегодня телеграмму получилъ...

— Оставь, пожалуйста... Право, мнѣ не интересно слушать про ваши дѣла. У меня голова болитъ...

— Нѣтъ, ты слушай... Если-бы Приваловъ уѣхалъ нынче въ Петербургъ, все-бы дѣло наше вышло пвахъ: и мнѣ, и Ляховскому, и дядюшкѣ—шахъ и мать былъ-бы. Помнишь, я тебя просилъ въ послѣдній разъ—во-что-бы-то ни стало отговорить Привалова отъ такой поѣздки, даже позволить ему надѣяться... Ха-ха!.. Я не интересуюсь, что между вами тамъ было, только онъ остался здѣсь, а вмѣсто себя послалъ Nicolas... Ну и просолилъ все дѣло!

— Ничего не понимаю... Да и ты самъ не знаешь, что болтаешь съ пьяна!

— Нѣтъ, знаю, голубчикъ... Вѣдь ты умница!.. Nicolas еще можетъ намъ пакостить, ну, тогда другую механику подведемъ... На выдумки природа таровата!..

IX.

Когда мы бываемъ больны или дѣлаемъ очень большія глупости, является непреодолимое желаніе уйти куда-нибудь подалее, точно съ переменною мѣста мы можемъ избавиться и отъ нашихъ недуговъ, и отъ надѣланныхъ глупостей. Приваловъ сдѣлалъ такъ-же, какъ дѣлаютъ многіе другіе въ его положеніи: на другой-же день, послѣ невольнаго подслушаннаго разговора Половодовыхъ, онъ уѣхалъ въ Гарчики, точно убѣгая отъ преслѣдовавшихъ его воспоминаній. Вторая страница

любви закрылась для него такъ-же неожиданно, какъ и первая, съ той разницей, что не оставляла за собою даже тоски, а только осадокъ злой и тяжелой горечи.

Гарчики были выстроены, какъ строятся всѣ русскія села, т. е. въ одну широкую улицу, выходившую къ рѣкѣ задрами. Отсутствіе лѣса положительно портило весь видъ на село, который могъ быть очень красивымъ, особенно откуда нибудь съ прикрутости, когда предъ глазами развертывалась широкая, волнистая панорама съ десяткомъ деревень, разсажавшихся по теченію Узловки и Лалетинки въ самомъ картинномъ порядкѣ. Издали Гарчики казались грязнымъ, бурымъ пятномъ, изъ котораго выдѣлялась только бѣлая церковь съ зеленой крышей, да новое зданіе земской школы. Теперь, конечно, вся картина была засыпана снѣгомъ, изъ-подъ котораго деревни выдѣлялись небольшими бугристыми наростами, пускавшими струйки синяго дыма. На горизонтѣ синѣлъ Лалетинскій боръ, сохранившійся здѣсь среди общаго истребленія лѣсовъ какимъ-то чудомъ; отъ деревни къ деревнѣ тянулись темными нитями избитые проселки, занесенные сугробами снѣга, изъ котораго едва торчали покосившіяся вѣхи.

Приваловъ долго спалъ на другой день, когда пріѣхалъ въ Гарчики. Онъ останавливался всегда у сельскаго старосты, Дорофея, пятистѣнная изба котораго выходила въ переви. Какъ всѣ избы богатыхъ мужиковъ, Доронина изба дѣлилась широкими сѣнями на двѣ половины; въ передней половинѣ жилъ самъ Дороня, а задняя, служившая для парадныхъ случаевъ, была отдана Привалову. Теперь въ передней избѣ, гдѣ на полу возились съ кошкой два бѣлоголовыхъ мальчика, на лавкѣ сидѣлъ толстый, приземистый старикъ въ синемъ суконномъ кафтанѣ купеческаго покроя; его круглое, рябое лицо съ толстымъ носомъ и маленькими сѣрыми глазами отличалось самымъ добродушнымъ выраженіемъ, переходившимъ въ веселую улыбку каждый разъ, когда старикъ начиналъ говорить. Маленькая бородка клинышкомъ и русые кудрявые волосы едва сквозили пробивавшейся сѣдью. Это былъ тотъ самый Илья Гаврилычъ Нагибинъ, который завѣдывалъ постройкой приваловской мельницы и который заслужилъ такое презрѣніе со стороны Хіовіи Алексѣевны, какъ прасоль.

— Спитъ еще? спрашивалъ въ полголоса хозяинъ дома, Дорофей, входя въ избу съ новой уздой въ рукахъ.

— Спать... Умаялся съ дороги-то. Пусть его отдохнетъ... Анисья-то третій самоваръ наставляеть,—все дожидаемъ, когда проснется.

— А Капитонъ на мельницѣ?

— Тамъ... На свѣту ушелъ, надо-бы прийти ужъ теперь. Дороня распоясался, снялъ новый армякъ и ушелъ за перегородку, гдѣ, у топившейся печи, гремѣла горшками его жена, Анисья. По наружности, Дороня принадлежалъ къ новому типу молодыхъ мужиковъ, которые держатъ себя съ большой солидностью, занимаютъ выборныя должности до времени, чтобы потомъ выльзти въ «настоящіе люди». Молодое лицо Дорони съ бѣлокурой бородкой и карими глазами, глядѣло всегда серьезно, съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ задумчивости, какая свойственна людямъ идеи. Говорилъ онъ не торопясь, съ разстановкой, улыбался рѣдко, и то въ видѣ особеннаго снисхожденія, и вообще держалъ себя въ большомъ «аккуратѣ». Въ качествѣ грамотнаго, серьезнаго мужика, Дороня служилъ второе трехлѣтіе сельскимъ старостой.

— Такъ онъ совсѣмъ сюда пріѣхалъ? спрашивалъ Дорофей, появляясь изъ-за перегородки въ одной рубахѣ.

— Совсѣмъ, сказывается.

— Скушно ему въ деревнѣ покажется, точно про себя замѣтилъ Дорофей.

— Покажется, такъ въ городъ уѣдетъ.

— Извѣстно, господское дѣло... Попа Савела даве встрѣтилъ. Говорить, заверну барина повидать.

— Сходить, провѣдать уже... проговорилъ Нагибинъ, поднимаясь съ лавки.—Чась десятый, поди, на дворѣ.

Старикъ, развалистой стариковской походкой, вышелъ въ сѣни и на ципочкахъ подкрался къ двери въ заднюю избу. Онъ слегка кашлянулъ, не рѣшаясь постучать.

— Это ты, Илья Гаврилычъ? послышался голосъ Привалова.

— Я самый...

— Зачѣмъ меня не разбудилъ, какъ я просилъ?

— Пожалялъ, Сергѣй Александрычъ... Притомились тоже съ дороги-то, оно любопытно было отдохнуть.

— Даже очень любопытно, когда до обѣда проспалъ.

— Ничего, торопиться некуда. Все успѣется, Сергѣй Александрычъ... Прикажете насчетъ самоварчика?

Въ задней избѣ, около самовара, скоро собралось цѣлое об-

щество. Кромѣ Нагибина и Дорофея, сюда пришелъ Капитонъ, котораго Нагибинъ величалъ «анжинеромъ», а за ними прибрелъ о. Савелій. Капитонъ, молодой человекъ, купеческаго склада, съ длиннымъ румянымъ лицомъ и промасленными волосами, въ «спинджакѣ» и высокихъ сапогахъ, очень походилъ на Дорофея и по складу характера, и особенно по манерѣ себя держать: онъ больше отмалчивался, и если отвѣчалъ, то по возможности кратко. Отецъ Савелій являлся полной противоположностью этихъ двухъ человекъ: его птичье, смуглое, изрытое оспой лицо отличалось необыкновенной подвижностью, а маленькіе, черные, какъ угли, глаза безпокойно и насмѣшливо перебѣгали съ предмета на предметъ. Говорилъ о. Савелій груднымъ теноркомъ и постоянно смѣялся неприятнымъ, ядовитымъ смѣшкомъ. Неприятное впечатлѣніе усиливала несчастная привычка о. Савелія носить яркіе подрясники и постоянно сосать дешевыя, копѣчныя сигарки. Дорофей и Капитонъ не долюбливали этого попа „Савела“ и нѣсколько разъ пытались поднять его на смѣхъ, но бойкій попикъ не только «отвѣдался» отъ нихъ, а еще, съ замѣчательной изворотливостью, изъ осаднаго положенія переходилъ въ наступательное. Нагибинъ, по своему добродушію, соблюдалъ полнѣйшій нейтралитетъ.

Изда, которую занималъ Приваловъ, тремя небольшими окнами выходила въ огородъ. Недавно выдѣланныя новыя стѣны не успѣли еще завянуть и сильно отдавали смолой; лавокъ не полагалось, а ихъ замѣняли вѣнскіе стулья; печка была выложена купленными при случаѣ изразцами. Вещи Привалова еще лежали въ углу, куда ихъ свалилъ вчера Ипать. У дверей, на стѣнкѣ, висѣли тульской работы ружье Капитона и «саквожикъ» Нагибина. Постель Привалова стояла въ углу, у самаго входа и была задрапирована занавѣской изъ дешеваго, линючаго ситца, купленнаго Дорофеемъ «въ городу», на дешевкѣ. Въ переднемъ углу стоялъ новенькій ломберный столъ, и Анисья торжественно водрузила на немъ кипѣвшій самоваръ. Нагибинъ разливалъ чай; возлѣ него сидѣлъ Капитонъ, заложивъ ногу на ногу; Дорофей стоялъ у притоки, а о. Савелій бѣгалъ съ своей сигарой по комнатѣ.

— Ну, такъ у васъ, значить, никакихъ новостей нѣтъ? говорилъ Приваловъ, допивая второй стаканъ.

— Какія у насъ новости, Сергій Александрычъ... Дерев-

ня—деревня и есть, отвѣчалъ за всѣхъ Нагпобинъ.—Всѣ около вашей меленки толкѣмся, какъ комары въ вѣдро надъ болотомъ. Такую задачу задали на всю волость: веѣмъ работы по горло будетъ. Вечоръ третій вѣнецъ поставили.

— А плотина?

— И плотина подвигается... До полои воды поспѣть надо съ плотиной управиться, а послѣ, пожалуй, послае не возьметъ.

Сейчасъ послѣ чая всѣ отправились на строящуюся мельницу. Отецъ Савелій не захотѣлъ отставать отъ другихъ. Мѣсто для мельницы было выбрано сейчасъ за селомъ, вверхъ по р. Лалетинкѣ, гдѣ ея теченіе точно было сдавлено двумя сланцевыми скалами, образовавшими что-то въ родѣ каменныхъ воротъ. Для устройства мельничнаго пруда оставалось только связать эти скалы плотиной.

Теперь, издали, можно было разслышать, какая горячая работа кипѣла у каменныхъ воротъ. Въ воздухѣ поднимался бѣглый звукъ рубившихъ мерзлое, крѣпкое дерево топоровъ, точно шла жестокая перестрѣлка; десятки пилъ, съ подавленнымъ жужжаньемъ, рѣзали толстыя бревна, взмощенные на высокихъ козлахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у будущей плотины долженъ былъ устроиться шлюзъ, двѣ артели рабочихъ вбивали сваи; въ морозномъ воздухѣ рѣзкимъ окрикомъ вставалъ пригѣвъ «Дубинушки», и эта трудовая пѣсня широкой волной катилась по всей деревнѣ. Весь берегъ рѣки былъ заваленъ правильными квадратами только-что напиленныхъ досокъ, кучами бутоваго камня, бревнами и всевозможнымъ мусоромъ, какой набирается около построекъ. Нѣсколько десятковъ крестьянскихъ подводъ стояли тутъ-же, однѣ съ бревнами, другія порожнякомъ. Снѣгъ былъ вытоптанъ и перемѣшался съ комками грязи, стружками и клочьями сѣна, которое оставалось послѣ кормежки отдохавшихъ лошадей. На лѣвомъ берегу выросъ громадный сарай для матеріаловъ, «боявшихся» воды; въ другомъ стоялъ совсѣмъ готовый бревенчатый срубъ главнаго корпуса мельницы, а рядомъ съ нимъ—другой, значительно меньше по величинѣ. Этотъ послѣдній предназначался для маленькаго флигелька, въ которомъ Приваловъ думалъ жить самъ.

Глядя на эту картину кипѣвшей работы, Приваловъ почувствовалъ пріятное оживленіе: его завѣтная мечта, наконецъ,

получала свое реальное осуществленіе пока хоть въ этой безпорядочной массѣ камня, дерева и трудовой суетни сотенъ рабочихъ.

— Вонъ какъ поворачиваютъ, только шумъ стоитъ... умилился Нагибинъ.

Сначала осмотрѣли плотину, гдѣ человѣкъ пятьдесятъ женщинъ производили затолчку свѣжей, разогрѣтой глины. Приходилось, въ видахъ скорѣйшей постройки, нагрѣвать мерзлую землю кострами, а потомъ уже свозить ее на плотину, гдѣ ее утрамбовывали правильными слоями. Нижняя часть шлюза была почти совсѣмъ готова: положенъ былъ уже мертвый брусъ подъ вешняки, т. е. запоры, которые отворяются только весной, въ полную воду; теперь заколачивали сваи подъ сливъ, при помощи котораго ненужная вода будетъ выпускаться изъ пруда. Рядомъ строился водяной ларь, изъ котораго вода будетъ падать прямо на водяное колесо—главный двигатель всего мельничнаго механизма.

— А не размоетъ нашу плотину? спрашивалъ Приваловъ, тыкая землю палкой.

— Ничего, захряснетъ, Сергѣй Александрычъ, отвѣчалъ Нагибинъ

Нижняя часть мельничнаго корпуса была готова совсѣмъ; на нее теперь ставили изъ толстыхъ бревенъ первые вѣнцы. Двѣ вятскіе артели работали дружно и споро, какъ умѣютъ работать только одни вятскіе плотники. Толстый артельщикъ въ гарусной цвѣтной опояскѣ весело поздоровался съ Приваловымъ и толково объяснилъ весь ходъ работъ, приговаривая къ каждому слову поговорку «баить».

— А флигелекъ скоро мнѣ поставите? спрашивалъ Приваловъ разбитнаго подрядчика.

— Сгношимъ, баить, живой рукой. Ну, ребятки, помѣшивай...

— Къ осени все поспѣетъ?

— Управимся, баить. Все наладимъ...

Молчаливый Капитонъ какъ-то неохотно показывалъ работы, точно это ему было неприятно. За то старикъ Нагибинъ выбивался изъ послѣднихъ силъ, чтобы показать все дѣло «какъ на ладонкѣ». Отецъ Савелій и Дорофей изображали публику, глядя на все съ безучастіемъ совершенно чужихъ людей.

— А вы какъ находите постройку? обратился Приваловъ къ о. Савелію.

— Ничего... засмѣялся о. Савелій, хитро моргая своими черными глазками.— Вотъ что вамъ скажетъ поляя вода...

— Вы думаете, что пронесетъ плотину?

— Можетъ быть, и не пронесетъ... Я вѣдь такъ сказалъ.

Отецъ Савелій былъ большой чудакъ и любилъ выражаться иносказательно, такъ что съ перваго раза трудно было угадать, говорить онъ серьезно или шутить.

Приваловъ остался доволенъ работой. Если что-нибудь неожиданно не нарушить хода постройки, мельница поспѣетъ къ осени, какъ разъ къ тому времени, когда хлѣбъ будетъ снятъ съ поля. Эта послѣдняя мысль доставляла Привалову большое удовольствіе, и онъ сегодня почувствовалъ себя особенно хорошо, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть спокойна. Вечеромъ онъ долго просматривалъ свои планы и смѣты построекъ; расходы, какъ это случается при всѣхъ постройкахъ, нѣсколько превышали первоначальную раскладку, но получившаяся разница не составляла пока особенно чувствительной цифры. Нагибинъ наблюдалъ все время за занятіями Привалова и нѣсколько разъ принимался вздыхать и крестить ротъ.

— Что такъ тяжело вздыхаешь, Илья Гаврилычъ? спрашивалъ Приваловъ, отрываясь отъ работы.

— Да такъ-съ... Разное такое на умъ приходитъ, ну, и вздыхаешь. Василиій-то Назарычъ, сказывалъ давѣ Ипать, уѣхалъ на приски съ Шелеховымъ?

— Да, уѣхалъ.

— Сказываютъ, больно старикъ скудался на счетъ денегъ-то. Видно, гдѣ-нибудь добылъ таки, ежели на приски угналъ.

— Вѣроятно, добылъ.

Привалова неприятно кольнула мысль, что онъ даже не зналъ, гдѣ и какъ досталъ денегъ старикъ Бахаревъ. Онъ протисился съ нимъ мелькомъ и напрашиваться на нѣкоторыя щекотливыя объясненія не имѣлъ никакого права.

X.

Съ Нагибинымъ Приваловъ познакомился по рекомендаціи Бахарева. Старикъ съ перваго раза понравился Привалову и принесъ ему много пользы, потому что самъ, въ качествѣ

хлѣбнаго торговца, зналъ хлѣбную торговлю во всѣхъ подробностяхъ. Жилъ Нагибинъ въ Узлѣ, на краю города, въ маленькомъ домикѣ, гдѣ все до послѣдняго гвоздя было пропитано скромнымъ, но крѣпкимъ довольствомъ, какъ умѣютъ жить торговцы средней руки. Въ низенькой уютной «комнаткѣ», за неизмѣнно кипѣвшимъ самоваромъ, было проведено много часовъ въ разговорахъ на одну и ту же тему—о хлѣбной торговлѣ. Нагибинъ прошелъ тяжелую школу, начавъ съ «мальчика» у такого-же прасола, какимъ впоследствии сдѣлался самъ. Хлѣбные уѣзды, бойкія торговыя мѣста, гдѣ сосредоточивалась хлѣбная торговля, всѣ распорядки, обычаи, секреты и мелкія и крупныя плутни хлѣбной торговли Нагибину были извѣстны, какъ свои пять пальцевъ—не даромъ онъ сумѣлъ сколотить себѣ кругленькій капиталчикъ про черный день. Конечно, онъ не поднимался надъ уровнемъ другихъ прасоловъ ни оригинальностью своихъ предприятий, ни широтой замысловъ, но въ немъ было незамѣнимое, золотое качество. это былъ глубоко честный человѣкъ, честный не головной честностью, а по своей прямой натурѣ. Кромѣ этого, Нагибинъ отличался какой-то почти дѣтской застѣнчивостью и точно стыдился своего богатства, нажитаго многолѣтнимъ тяжелымъ трудомъ. Онъ и жилъ такъ, какъ живутъ мелкіе прасолы, хотя смѣло могъ записаться во вторую и даже въ первую гильдію.

— Нѣтъ, ужъ это намъ не къ лицу, гильдія-то, скромно отвѣчалъ Нагибинъ, когда Приваловъ заговорилъ о гильдіи.— Прожили, слава Богу, вѣкъ, теперь ужъ о другомъ надо думать-то...

— О чемъ-же о другомъ?

— Какъ о чемъ? О грѣхахъ своихъ... Да! А вы какъ-бы думали? Сколь ни живи, сколь ни грѣши, а отъ своего конца не уйдешь. Скажется совѣсть-то, завсегда скажется! Все припомнишь, до ниточки: гдѣ покривилъ душой, гдѣ обманулъ, гдѣ обидѣлъ... Вотъ взять хоть меня: кажется ужъ, ни чѣмъ не обиженъ отъ Господа Бога, всѣмъ доволенъ, а какъ раздумаешься, какъ раздумаешься о своей-то неправдѣ—и конца нѣтъ!

Въ Нагибинѣ Приваловъ встрѣтилъ пердаго и единственнаго человѣка, который открыто говорилъ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ счастливый человѣкъ и что ему рѣшительно больше ничего не нужно, кромѣ «души». Съ этой послѣдней точ-

ки зрѣнія Нагибинъ и посмотрѣлъ на всѣ планы Привалова. Они взаимно поняли другъ друга, хотя никакихъ особенно чувствительныхъ объясненій не происходило и всѣ разговоры сводились обыкновенно на дѣловую почву. Вѣдь Приваловъ тоже заботился о «душѣ», хотя это и происходило въ другой формѣ и высказывалось совсѣмъ другимъ языкомъ.

Съ Нагибинымъ Приваловъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ Зауралье, гдѣ они осмотрѣли до десятка разныхъ мѣстъ подь мельницу, пока не остановились на Гарчицахъ. Преимущество послѣдняго мѣста заключалось, разъ, въ томъ, что р. Лалетинка представляла всѣ удобства для постройки мельницы, мѣсто было точно «на заказъ», какъ говорилъ Нагибинъ; второе, — Гарчики были расположены въ центрѣ хлѣбныхъ уѣздовъ, и, въ-третьихъ, предвидѣлась въ отдаленномъ будущемъ возможность, что именно черезъ эти мѣста когда-нибудь пройдетъ линія сибирской желѣзной дороги. «Ужъ мѣстечко—одно слово», — говорилъ Нагибинъ: — «и думать, такъ не придумать лучше»...

Когда мѣсто было подыскано, вопросъ оставался за строителемъ предполагаемой мельницы. Приваловъ уже обращался къ двумъ-тремъ ученымъ техникамъ, но не рѣшался пока, на комъ ему остановиться окончательно.

— Ваши анжинеры, обыкновенно, всему обучены, уклончиво говорилъ Нагибинъ: — Это ужъ точно што... А есть, Сергѣй Александрычъ, у меня человѣчекъ одинъ на примѣтѣ. Такъ онъ, изъ мастеровыхъ. Не здѣшній. Можетъ, про Никиту Евграфыча Середкина слыхивали? Ну, изъ нашихъ мучниковъ, богатый. Такъ Середкинъ-то надумалъ строить себѣ мельницу, да этого самаго человѣчка и вывезъ въ нашу сторону. Ужъ гдѣ онъ его отыскалъ—не могу вамъ сказать. Только мельницу они оборудовали на всѣ руки: заглядѣнье, а не мельница.

— Что-же, я не прочь, пригласимъ человѣчка, Илья Гаврилычъ, соглашался Приваловъ.

— Только дѣло-то вотъ въ чемъ, объяснялъ Нагибинъ: — этотъ человѣчекъ-отъ—мѣщанинъ и какъ есть совсѣмъ неграмотный... Ей-Богу!.. Какъ есть темный человѣкъ.

— Какъ-же онъ строилъ мельницу? Вѣдь нужно и планъ составить, и смѣту, и проекты.

— Вотъ тутъ задача вся: безъ всякихъ плантовъ стро-

ить. Право... Память у него—какъ топоромъ зарубить каждое слово. Вамъ это сумлительно покажется, такъ вы спросите хоть кого изъ узловскихъ мучниковъ про середкинскую мельницу.

При всемъ желаніи повѣрить Нагибину, Приваловъ становился въ тупикъ предъ безграмотностью строителя середкинской мельницы.

— А то мы еще лучше вотъ что съ вами сдѣлаемъ, предлагалъ Нагибинъ:—сѣздитесь каеъ-нибудь на середкинскую мельницу... Ей-Богу! Вѣрнѣе будетъ, когда своими глазами все увидите да и съ человѣчкомъ поговорите. Онъ теперь у Середкина всей мельницей пятый годъ заправляетъ, двѣ тысячи жалованья беретъ.

Этотъ „человѣчекъ“ и былъ знакомый уже намъ Капитонъ Телкинъ.

По наведеннымъ справкамъ относительно Телкина, слова Нагибина оправдались вполнѣ. Этотъ самородокъ сразу приобрѣлъ себѣ громкую репутацію въ средѣ хлѣбныхъ тузовъ. Чтобы окончательно провѣрить всѣ собранныя свѣдѣнія, Приваловъ нарочно сѣздалъ на середкинскую мельницу, гдѣ и познакомился съ самимъ Телкинымъ. Мельница понравилась Привалову, но самъ самородокъ произвелъ на него на первый разъ неопредѣленное впечатлѣніе. Только познакомившись съ Телкинымъ ближе, Приваловъ привыкъ къ этой сосредоточенной, скрытной натурѣ. Мельничное дѣло самородокъ зналъ въ совершенствѣ, въ чемъ Приваловъ могъ убѣдиться изъ дѣловыхъ разговоровъ съ нимъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, Приваловъ согласился во всемъ довѣриться Телкину, тѣмъ болѣе, что хозяйственный надзоръ за постройкой оставался въ рукахъ такого вѣрнаго человѣка, какимъ былъ Нагибинъ.

— Ужь будьте покойны: въ лучшемъ видѣ все оборуемъ, увѣрялъ Привалова старикъ. — Оно конечно, Капитонъ-то не разговорчивъ, словесности въ немъ нѣтъ настоящей, да за-то голова-то у него золотая. Пусть его молчитъ, лишь дѣлобы свое сдѣлалъ... Другой наговорить съ три короба, а какъ до дѣла,—не я, слышь!..

Обстоятельства, сложившіяся для Привалова въ такую неожиданную комбинацію, оторвали его отъ дѣла на нѣсколько мѣсяцевъ, когда онъ ни разу не успѣлъ заглянуть на свою мельницу, откладывая повѣзку, за разными предлогами, день

за день. За то теперь онъ вполне могъ наверстать столько потраченного даромъ времени. Къ его счастью, онъ вырвался на мельницу какъ разъ въ самый критическій моментъ, когда начиналась горячая постройка. Раньше шли только подготовительныя работы, а теперь уже начиналось настоящее горячее дѣло, требовавшее хозяйскаго глаза. Приваловъ былъ радъ этой дѣловой атмосферѣ, въ которую онъ могъ уйти съ головой, оставивъ далеко назади всѣ свои тяжелыя воспоминанія. Эта встрѣча съ Нагибинымъ, самородкомъ, Дорофеемъ и попомъ Савеломъ уже сразу какъ-то встряхнула его, точно онъ проснулся отъ какого-то смутнаго сна.

ХІ.

Дороня былъ типомъ «новаго мужика». Сосредоточенная и расчетливая натура до крайности, онъ ждалъ только подходящаго случая, чтобы «стать на настоящую точку». Это была та сила, которая страшнѣе всякихъ другихъ золь, какія сыпались на деревню извнѣ. Свое домашнее зло, какъ скрытая болѣзнь, въ сто разъ хуже наружныхъ язвъ, которыя у всѣхъ на виду. Городской человѣкъ, во всякомъ случаѣ, наживается и рветъ куши только при благоприятныхъ обстоятельствах: нѣтъ сплоченной организаціи, нѣтъ системы. Даже такіе дѣлцы, какъ Ляховскій, при всей своей послѣдовательности, ничего не стоили рядомъ съ тысячами такихъ «становящихся на точку» мужиковъ, какимъ являлся Дороня. Посторонній человѣкъ сорвалъ свое, взялъ кушъ и ушелъ, а свой человѣкъ всегда останется дома, завяжетъ всю деревню узломъ и будетъ безконечно сосать своего брата мужика.

Интересно было наблюдать Дороню, какимъ онъ являлся въ домашней жизни, гдѣ всѣ отличительныя черты этого новаго типа проявлялись съ особенной рельефностью. Самъ онъ мало работалъ черную крестьянскую работу, замѣняясь разными «нужными» человѣчками, т. е. бѣдными мужиками, которые отработывали десятиницей полученные отъ Дорони въ трудную минуту пятаки. Но отъ крестьянской работы Дороня все-таки не отставалъ, потому что земля еще держала его, какъ она держитъ всякаго крестьянина, хотя онъ видимо тяготился своимъ крестьянствомъ, которое совѣмъ не отвѣчало роившимся въ его головѣ планамъ. Приваловъ часто пробо-

валь разговориться съ Дороней, который обладалъ замѣчательной способностью запутывать свою мысль до бессмыслицы, точно онъ плелъ какое-то мудреное кружево. Съ языка Дорони не сходили ничего не выражавшія словечки, которыми онъ отдѣлывался во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ: «пожалуй», «оно похоже» и т. д. Разговоры съ Дороней кончались обыкновенно ничѣмъ. Тѣмъ не менѣе, Приваловъ не могъ не чувствовать, что къ нему лично Дороня относится съ специально мужицкимъ презрѣніемъ, какъ къ совсѣмъ несуразному барину, который захотѣлъ тягаться съ мужикомъ, т. е. въ данномъ случаѣ захотѣлъ помѣшать ему, Доронѣ, стать на точку.

— Это прежде, оно точно, деревенскіе мужики были даже очень просты, резонировалъ Нагибинъ. — А по новѣйшимъ временамъ... хе-хе!.. Въ сапожкахъ деревня-то похаживаетъ!.. Да-съ... Это только одна видимость, что онъ мужикъ, а расковырай-ко его, да у него въ башкѣ-то такіе узоры нарисованы, что только на-поди. Туго нонче и по деревнямъ живутъ.

— А кто испортилъ мужиковъ? спрашивалъ Приваловъ.

— Извѣстно, кто: мы-же, грѣшные... Наша-то, купеческая, наука—извѣстная: не любимъ гдѣ плохо лежитъ,—вотъ мужикъ и остребенился по деревнямъ. Недалеко ходить, взять хоть Доронию: развѣ это мужикъ, ежели разобрать по настоящему?

Нерѣдко Приваловъ навѣщалъ попа Савела. Поповскій домикъ стоялъ напротивъ церкви и внутри представлялъ изъ себя рядъ совершенно пустыхъ комнатъ. Попъ Савель жилъ какъ птица Божія и каждый вечеръ съ своей злой улыбкой говорилъ: «Вотъ, слава Богу, и день прошелъ...» Онъ кончилъ духовную академію блестящимъ образомъ, но въ жизни ему страшно не повезло, начиная съ того, что жена у него умерла черезъ годъ, а потомъ и пошла та исключительная жизнь, какою живутъ молодые попы-вдовцы. Когда-то веселый и беззаботный, магистръ богословія быстро покатился по той наклонной плоскости, которая приводитъ такихъ академикомъ неудачниковъ въ сельское захолустье, гдѣ они обыкновенно кончаютъ чисто поповскимъ запоемъ. Попъ Савель быстро шелъ по этой избитой дорожкѣ: служилъ профессоромъ семинаріи, потомъ былъ городскимъ моднымъ священникомъ, потомъ смотрителемъ духовнаго училища, — вездѣ умѣлъ со всѣми разсориться и кончилъ тѣмъ, что, махнувъ на все ру-

кой, убрался въ деревенскую глушь—искать обновленія среди «чистыхъ сердцемъ». Но и въ деревнѣ попъ Савель ни съ кѣмъ не могъ поладить: сельскіе попы ненавидѣли его за непрактичность, потому что Савель не хотѣлъ унижать себя сборами съ крестьянъ и прекратилъ плату за требы; богатые мужики не долюбивали Савела за его непокладность и «вострый языкъ», рядовые мужики не понимали своего пастыря и относились къ нему съ крайнимъ недоверіемъ.

Чтобъ существовать чѣмъ-нибудь, попъ Савель разсчитывалъ на хозяйство, потому что причту отведено было въ Гарчикахъ очень порядочное количество отличной земли. Но и здѣсь онъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско, потому что въ этой богатой черноземной полосѣ работать чужими руками почти невозможно. Мужика въ страдную пору не купишь ни за какія деньги. Оставалось или нанимать, для обработки земли, башкиръ, или держать «строшныхъ», или вести дѣло помощами, какъ его ведутъ другіе попы. Хозяйничать помощами попъ Савель не хотѣлъ, потому что опять нужно всёмъ кланяться и ставить себя въ извѣстную экономическую и нравственную зависимость отъ своихъ прихожанъ; нанимать «строшныхъ», т. е. годовыхъ рабочихъ на срокъ, не было никакого расчета, — такимъ строшнымъ въ теченіи восьмимѣсячной зимы рѣшительно нечего было дѣлать въ поповскомъ домѣ, гдѣ самъ попъ Савель умиралъ отъ бездѣйствія. Оставались башкиры. Они исправно являлись каждую зиму къ чудаку-попу, выбирали задатки и исчезали; на слѣдующій годъ являлись другіе башкиры и продѣлывали съ «бачкой» точно такую-же штуку. Въ концѣ концовъ, попъ Савель махнулъ рукой на свое хозяйство, распродалъ лошадей и весь хозяйственный скарбъ и зажилъ отчаянной холостой жизнью, какъ отпѣтый бурсакъ, которому все ни по-чемъ. Въ поповскомъ домѣ, въ общечеловѣческомъ смыслѣ, была обитаема только одна комната, гдѣ стояли—продавленный диванъ, служившій кроватью, нѣсколько стульевъ, столъ передъ диваномъ и комодъ безъ замковъ. Въ другихъ комнатахъ царствовала библейская мерзость запустѣнія.

Внѣшній человекъ, человекъ для міра, въ попъ Савель умеръ, но не такъ легко было похоронить внутренняго человека. Даже водка здѣсь была безсилна, особенно въ безконечные зимніе вечера, когда попъ Савель оставался въ сво-

емъ домъ, какъ крыса въ пустой церкви. Для времяпрепровождения, вѣрнѣе — для убіенія времени, попъ Савель обложился классиками и короталъ цѣлыя ночи за греческими и латинскими авторами. Привычка — великое дѣло, и даже такая жизнь мало-по-малу затянула попа Савела: онъ вошелъ во вкусъ своего одиночества и почти не скучалъ.

Вотъ къ этому-то попу Савелу Приваловъ и ходилъ въ минуты унынія, чтобы убить время и немного развлечься. Попъ Савель былъ настолько обязателенъ, что уступалъ гостю половину дивана и выставялъ графинъ водки.

— И пити—вмерти, и не пити — вмерти, такъ лучше-жь пити и вмерти, говорилъ попъ Савель каждый разъ, наливая рюмки.

Разговоры обыкновенно вертѣлись около мельницы и деревни.

— Прогорите вы съ своей мельницей, говорилъ попъ Савель, хлопая рюмку за рюмкой.

— Отчего такъ?

— Совсѣмъ не господское дѣло... пороху не хватитъ, выдержки. Вы вотъ думаете, что построили мельницу, стала она вамъ молотъ по пятисотъ мѣшковъ въ сутки — и дѣло въ шляпѣ! Какъ-бы не такъ... Дѣло въ томъ, чтобы завести въ хозяйствѣ извѣстный *духъ*; тогда хоть на ручныхъ жерновахъ мелите — все сойдетъ. Я вотъ на этомъ самомъ и прогорѣлъ...

— Т. е. какой-же такой духъ заводить?

— Какой духъ? А вотъ такой-же... Теперь вы къ мужику идете со всякими хорошими мыслями, а онъ къ вамъ задомъ поворачивается и будетъ надувать на каждомъ шагу. Это ужъ вѣрно: чѣмъ вы лучше къ мужику, тѣмъ онъ хуже къ вамъ. Я это на собственной своей шкурѣ испыталъ... Да-съ!.. А нужно такъ дѣлать, какъ кулаки: драть съ мужика три шкуры, тогда онъ къ вамъ со всякимъ почтеніемъ. Дескать, обстоятельный баринъ! Ей-Богу... Посмотрите, какъ мужики относятся къ мірошдамъ. Вѣдь, въ сущности, ничѣмъ, кажется, необъяснимое противорѣчіе: люди могутъ уважать человѣка только тогда, когда онъ съ нихъ всю шкуру спустить, — а между тѣмъ это противорѣчіе объясняется самымъ простымъ образомъ, если мы посмотримъ на каждого мужика, какъ на того-же кулака, только въ возможности. Оно такъ и есть: каждый му-

жикъ—кулакъ въ душѣ и потому уважаетъ всякаго кулака. уважаетъ потому, что самъ ему завидуетъ.

— Мы и постараемся воспользоваться этими кулацкими стремленіями мужика...

— Ну, это дудки!.. Благодарности захотите отъ мужика, признательности... Душа не поворотится сдирать кожу съ живого человѣка. Для этого нужно быть Дороней... Вотъ чловѣкъ-то уродился,—ему и книги въ руки! Какъ онъ на вашу мельницу косится,—какъ чортъ на ладонь... Ха-ха!.. Не по губѣ она ему пришлась. Бойся, что «на точку» помѣшаетъ ему стать. Я какъ-то нахваливаю ему вашу мельницу, а онъ: «барская денежка дика...» Понимаете?

Въ этихъ разговорахъ время бѣжало незамѣтно и такъ-же незамѣтно выпивалась водка. Толковали о мельницѣ, о хлѣбной торговлѣ, о насажденіи кустарныхъ промысловъ, о профессиональныхъ школахъ. Попъ Савель то восхищался планами Привалова, то впадалъ въ свое ожесточенное настроеніе духа и начиналъ все критиковать и осмѣивать. Иногда разговоръ заходилъ о литературѣ или общественныхъ дѣлахъ. И здѣсь, какъ вездѣ, попъ Савель видѣлъ только однѣ отрицательныя стороны.

— Значить, жить вообще не стоить? спрашивалъ Приваловъ.

— То есть какъ вамъ сказать... Если разобрать, такъ не стоить, а болтаемся, потому что силы воли не хватаетъ умереть.

На сцену выступила опять философія Шопенгауэра, но въ рукахъ попа Савела она получала самый ядовитый, ироническій характеръ. Это было не научное отчаяніе, а крикъ чловѣка, котораго живьемъ замуровали въ подземелье.

Странно, что Привалову эти бесѣды теперь доставляли удовольствие, точно утишали ту боль, какая начинала сосать его. Самобичеваніе попа Савела отвѣчало его внутреннему настроенію. Онъ уходилъ изъ поповскаго дома какъ-то спокойнѣе и спалъ каждый разъ крѣпкимъ сномъ. Это сближеніе Привалова съ попомъ Савеломъ не нравилось Нагибину. Старикъ начиналъ коситься. Его смущало больше всего то, что Приваловъ приходилъ отъ попа всегда навеселѣ, съ красными глазами.

— Охъ, грѣха-бы не вышло! думалъ про себя Нагибинъ.— Совсѣмъ обошелъ его этотъ Савель.

Въ деревнѣ, какъ на парходѣ, люди сближаются особенно скоро. Присутствіе Нагибина скоро сдѣлалось для Привалова необходимою. Когда старику случалось уѣзжать на нѣсколь-ко дней въ городъ, онъ скучалъ о немъ. Да и нельзя было не скучать о такомъ славномъ, покладистомъ старикѣ, который всегда дышалъ неизмѣннымъ добродушіемъ и всегда готовъ былъ слушать Привалова сколько угодно. По вечерамъ, за простывшими стаканами чая велись тихія бесѣды о строи-вшейся мельницѣ и будущей хлѣбной торговлѣ. Приваловъ по-вѣрялъ старику свои задушевные мысли и планы о томъ, какъ около мельницы выростутъ—образцовая сельско-хозяйственная ферма, скотный дворъ, кустарныя мастерскія и т. д.

— Дай Богъ, дай Богъ! соглашался Нагибинъ. — Только-бы вотъ намъ меленку-то нашу наладить... Оно ужъ около меленки-то все-бы и образовалось, какъ чему- слѣдуетъ. Эхъ, какъ-бы намъ поспѣть къ сентябрю-то, къ самому умолоту! Уйму денегъ загребли-бы, Сергѣй Александрычъ. И мужику легче не въ примѣръ было-бы: все-же ближе вести хлѣбъ къ намъ, чѣмъ на другія прочія мельницы. Ну, если ваша такая милость будетъ, копѣечкой другой подешевле можно пустить супротивъ другихъ...

— Пустимъ дешевле, Илья Гаврилычъ.

Телкинъ и Дороня держались поодаль. Приваловъ не могъ отдѣлаться отъ джелеаго, неловкаго чувства въ ихъ присутствіи; ихъ молчаніе давило его и стѣсняло. Впрочемъ, они и между собой разговаривали мало, какими-то полусловами, хотя отлично понимали другъ друга. Въ ихъ глазахъ Приваловъ по-прежнему оставался чудакомъ—баринномъ, который самъ не знаетъ, куда ему дѣваться съ отцовскими денежками. Даже Анисья—и та смотрѣла на своего жильца немного сверху, хотя сама по себѣ была самая забитая бабенка, работавшая какъ двужилъная лошадь. Можно было только удивляться, какъ она еще выносила свою каторжную жизнь. Вставала она на свѣту, т. е. въ два часа утра, и колотилась вплоть до десяти часовъ вечера, когда всѣ ложились спать. Она успѣвала убрать скотину, повернуть все хозяйство, настрять, прибрать и накормить ребятиншекъ и еще находила время услужить барину съ другими жильцами. Это было какое-то живое колесо, не знавшее усталости, — живое воплощеніе бабьей крестьянской доли. Иногда, впрочемъ, выбившись изъ силъ, Анисья садилась

куда-нибудь на крылечко, съ пряжей, и тянула грустную, монотонную пѣсню, походившую на причитанье по покойникѣ.

— Тяжело тебѣ достается, Анисья? спрашивалъ Приваловъ.

— Какое тяжело, баринъ... Какая это наша работа... только время задарма тратимъ. Вотъ ужъ, лѣто настанетъ,—тутъ наша-то бабья мука мученическая будетъ, а это што...

— Прежде-то тебѣ легче было, когда одной семьей со стариками жила?

— Нѣтъ тяжелѣе не въ примѣръ... Теперь я знаю хошь то, што на себя роблю, а тамъ на другихъ. У себя-то я сама большая, сама маленькая, окромя мужа никто пальцемъ не смѣетъ шевельнуть, а какъ за свекромъ жила, такъ день-то денской по дому колесомъ ходишь, ночь съ ребятами маешься, а тутъ тебя еще золовка да свекровь, похода, точать.

XII.

Жизнь въ деревнѣ тянулась изо-дня въ день, съ тѣмъ убійственнымъ однообразіемъ, какъ она тянется только въ деревнѣ. Такъ гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ сочится вода, падающая капля за каплей. Въ теченіи зимы всѣ интересы сосредоточились около приваловской мельницы, которая давала работу сотнямъ людей. Появленіе самого хозяина навремя оживило картину, но потомъ все опять вошло въ свою колею.

Апрѣль мѣсяцъ стоялъ въ половинѣ; земля зачернѣла проталинами, хлынули по рытвинамъ ручьи, и по поднизямъ зашвѣжѣла первая весенняя вода, перемѣшанная съ почернѣвшимъ снѣгомъ и землей.

Работы по устройству плотины для мельницы были кончены, и ждали только перваго вала, который разобьетъ ледъ на рѣкѣ и пронесетъ самую тальную воду; корпусъ мельницы тоже былъ готовъ и даже покрытъ желѣзной крышей. Оставалось докончить внутреннюю отдѣлку и поставить мельничный механизмъ. Крестьяне, которые работали при постройкѣ мельницы, отказались продолжать работы, потому-что наступила своя рабочая пора.

— Ужъ это мужичье: точно взбѣленятся по веснѣ, говоритъ Нагибинъ.—Никакими ты деньгами не удержишь ихъ... Да оно, ежели разсудить, и не разсчитать имъ чужимъ дѣломъ

теперь заниматься, когда свое горитъ. Лѣто-то наше короткое, а всю холодную и голодную зимушку кормить.

— Какъ-же мы безъ рабочихъ останемся на лѣто? спрашивалъ Приваловъ.

— Съ заводовъ народу нагонимъ, Сергѣй Александрычъ... Тамъ народъ безземельный, — ему што: весна такъ весна, все едино. Однимъ словомъ, несуразный народъ: помани его рублемъ, онъ и пошелъ; гдѣ дороже дали, тамъ онъ и слуга. Нѣтъ, крестьянина рублемъ-то не собьешь: онъ обѣими руками за землю держится...

Миновала и Пасха, послѣдній крестьянскій отдыхъ предъ страдой. Приваловъ ходилъ въ церковь, и ему пріятно было стоять именно въ этой простой деревенской церкви, гдѣ народъ молился отъ всего сердца, молился простой крестьянской молитвой, отъ которой вѣяло трудомъ и заботой.

— Завтра набѣжить съ горъ паводокъ, задумчиво говорилъ Телкинъ, однажды вечеромъ, поглядывая въ окно избы на потухавшую на западѣ розовую зарю.

— Почему вы такъ думаете? удивился Приваловъ.

— Примѣты естъ... Земля дала паръ, а теперь заолодѣло: это вода съ горъ идетъ. Вѣтеръ-то раньше ея бѣжить...

Дѣйствительно, на другой день набѣжалъ паводокъ: рѣка надулась, вода выступила изъ береговъ, и распухшій дряблый ледъ тронулся. Вся деревня высыпала на берегъ смотрѣть, какъ играетъ вешняя вода. Лалетинка, маленькая рѣченка въ обыкновенное время, теперь превратилась въ большую рѣку, которая пѣнилась около новой плотины и съ ревомъ бросалась по открытому плёзу. Главный валъ прошелъ въ три дня, а затѣмъ вода начала спадать: наступила пора запереть рѣку. Рано утромъ сотни людей собрались около приваловской мельницы, покрывъ весь берегъ живой, колыхавшейся толпой.

— Помолобствуемъ, Сергѣй Александрычъ, говорилъ Нагибинъ за нѣсколько дней. — Это не такое дѣло, чтобы начинать его безъ божьяго благословенія... Вода она, конечно, вода, а все-таки и она требуетъ молитвы. Вонъ баринъ Трубинъ, когда ставилъ мельницу, не хотѣлъ служить молебна, а какъ вода навалилась — плотину и пронесло. Оно все вѣрнѣе съ божьимъ-то благословеньемъ, да и мужичкамъ не такъ сумнительно будетъ, потому около этихъ мельницъ, въ добрый часъ будь сказано, она пошаливаетъ.

— Кто—она? спросилъ Приваловъ.

— Извѣстно, кто... неохотно отвѣчалъ Нагибинъ...—Вы, конечно, этому не вѣрите, а въ водѣ всегда нечисть заведется, ежели не освятить...

Часовъ въ десять, отъ церкви, съ колокольнымъ звономъ, тронулась торжественная процессія къ плотинѣ; Нагибинъ и Телконъ шли съ хоругвями; подняли икону тихвинской Божіей Матери. Приваловъ, въ качествѣ хозяина, встрѣтилъ крестный ходъ передъ самой плотинной; народъ стоялъ безъ шапокъ, въ торжественномъ молчаніи. Торопливо откладывались широкіе кресты, вездѣ мелькали склонявшіяся головы; этотъ молившійся народъ походилъ на созрѣвшую ниву, на которой колосья гнулись подъ напоромъ вѣтра.

Попъ Савель, въ старенькой ризѣ, торопливо отслужилъ молебенъ и обошелъ всю плотину, окропляя водой возведенныя постройки. Наступилъ моментъ заперать воду...

— Спускай почвенные запоры! скомандовалъ Телкинъ рабочимъ, вторыя держали запоры.

Десятки рабочихъ суетливо, съ безтолковымъ крикомъ кинулись къ шлюзу и благополучно спустили въ воду четыре нижнихъ почвенныхъ запора. Вода точно удивилась, встрѣтивъ эту преграду, и съ пѣной закружилась около плотины, ударивъ въ берегъ вспѣнной волной. За почвенными запорами были спущены верховые, и прудъ былъ готовъ. Къ вечеру вода разлилась широкой полосой по обѣимъ берегамъ, а къ утру можно было видѣть ординаръ водяного уровня. Плотина выдержала самый сильный напоръ воды, и попъ Савель первый поздравилъ Привалова съ счастливымъ началомъ, прибавивъ:

— Дай Богъ, дай Богъ... Хорошо то, что хорошо кончается.

Все кругомъ прониклось трудовой радостью начинавшагося крестьянскаго лѣта. Снаряжались сабаны и бороны, припоминались разныя примѣты относительно урожая. Только одинъ Ипать оставался совершенно лишнимъ человѣкомъ въ этой общей работѣ и по цѣлымъ днямъ спалъ, какъ сурокъ.

— На что вы его сюда привезли, Сергѣй Александрычъ? спрашивалъ Нагибинъ.—Ужъ лучше-бы ему въ городу боченки-то катать, а то здѣсь только мѣшаетъ всѣмъ.

XIII.

Весна вышла дружная; быстро стаяли послѣдніе остатки снѣга, лежавшаго по низинамъ и глубокимъ оврагамъ; около воды выспала первая зеленая травка, и, насколько кругомъ хваталъ глазъ, все покрылось черными заплатами только что поднятыхъ пашень, перемѣшанныхъ съ желтыми квадратами отдохавшей земли и зеленѣвшими озимями. Надъ пашней давно звенѣлъ жаворонокъ, и въ черной землѣ копались серьезные грачи. Сѣвы шли своимъ чередомъ.

Приваловъ въ эту горячую пору успѣлъ отдѣлать вчернѣ свой флигелекъ въ три окна, куда и перешолъ въ началѣ мая; другую половину флигеля пока занимали Телкинъ и Нагибинъ. Работа по мельницѣ приостановилась, пока не были подысканы новые рабочіе. Свободное время, которое теперь оставалось у Привалова, онъ проводилъ на поляхъ, присматриваясь къ крестьянскому хозяйству на мѣстѣ.

Однажды, въ половинѣ мая, когда Приваловъ, усталый, прибрелъ съ полей въ свой флигелекъ, Нагибинъ торопливо догналъ его и издали еще кричалъ:

— Сергѣй Александрычъ, Сергѣй Александрычъ .. Слышали новость?

— Какую?

— Вечоръ на Лалетинскія воды привезли Ляховскаго за-
мертво ..

— Какъ-такъ?

— А такъ!.. Безъ языка, и правая половина вся отнялась. Этакая бѣда, подумаешь, стряслась!.. Дочь-то только-только поправилась, а тутъ и самъ свернулся... И дохтура съ собой привезли, Бориса Григорыча. Вы-бы съѣздили его провѣдать, Сергѣй Александрычъ!

— Пожалуй... нерѣшительно согласился Приваловъ.— Мнѣ его давно нужно увидетьъ.

На другой день, у приваловскаго флигелька стояла плетевка, въ какихъ ѣздятъ по всему Уралу, заложенная парой костлявыхъ киргизовъ. На возлахъ сидѣлъ кучеромъ гарчиковскій мужикъ Степанъ, отбившійся, по скудоумію, отъ земли и промышлявшій около господъ. Когда плетевка, покачиваясь на своихъ гибкихъ рябиновыхъ дорогахъ, бойко покатила по извилистому проселку, мимо безконечныхъ полей, Приваловъ

въ первый еще разъ испыталъ то блаженное чувство покоя, какому завидовалъ въ другихъ. Ему все нравилось кругомъ: и вспаханныя поля, и всходившія озими, и эта мягкая, какъ покрытая войлокомъ, черноземная проселочная дорога, и дружный бѣгъ сильныхъ киргизовъ, и даже широкая заплатанная спина Степана, который смѣшно дергалъ локтями въ ныркахъ и постоянно поправлялъ на головѣ рваную баранью шапченку. Здоровое чувство охватило Привалова, и онъ даже пожалѣлъ Ляховскаго. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ его передъ масляницей; старикъ чувствовалъ себя бодро и строилъ планы будущаго.

— Вотъ тебѣ и Лалетинка, проговорилъ Степанъ, когда плетенка бойко вскатилась на послѣдній пригорокъ.

Внизу, подъ пригоркомъ, рѣка Лалетинка дѣлала широкій выгибъ, подмывая крутой, песчаный берегъ, поросшій молодымъ соснякомъ; на широкомъ и низкомъ мысу высыпало около сотни крестьянскихъ избъ, точно онѣ сушились на солнечной пригрѣвѣ. Издали можно было различить деревянное зданіе курзала надъ желѣзнымъ ключемъ, длинную веранду, гдѣ играла во время лечебнаго сезона музыка и гуляли больные. длинное и неуклюжее зданіе номеровъ для прѣзжающихъ больныхъ. По берегу рѣки, справа, было выстроено до десятка плохонькихъ ваннъ, затянутахъ сверху новой парусиной. Видъ на всю деревню былъ очень красивъ, хотя курзаль еще былъ пустъ, потому что большинство больныхъ собиралось на воды только къ концу мая. Когда плетенка подкатилась къ подъѣзду номеровъ для прѣзжающихъ, съ поднятымъ флагомъ на крышѣ, изъ оконъ второго этажа выглянуло на Привалова нѣсколько блѣдныхъ, болѣзненныхъ лицъ. Въ числѣ другихъ выглянулъ и докторъ Хлюдинскій, который завѣдывалъ водами. Приваловъ пробѣжалъ глазами въ передней номеровъ черную доску, гдѣ были записаны фамиліи жильцовъ, и оставилъ: пять номеровъ подъ-рядъ были подписаны одной фамиліей Ляховскаго.

— Вамъ кого-съ? спрашивалъ корридорный въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

— Доктора Сараева можно видѣть?

— Сейчасъ-съ, я доложу...

Корридорный черезъ минуту вернулся въ сопровожденіи

самого доктора, который съ улыбкой посмотрѣлъ на смятый дорожный костюмъ Привалова и пожалъ ему руку.

— А я провѣдать пріѣхалъ васъ, проговорилъ Приваловъ, входи въ номеръ доктора.

Въ маленькой комнатѣ, которую докторъ занималъ въ нижнемъ этажѣ, царилъ тотъ беспорядокъ, какой привозятъ съ собой всѣ путешественники: въ углу стоялъ полуоткрытый чемоданъ, на стѣнѣ висѣло забрызганное дорожной грязью пальто, на окнѣ разложены были хирургическіе инструменты и стояла раскрытая коробка съ табакомъ. Въ первое мгновеніе Приваловъ едва замѣтилъ молодую, блондинку, съ остриженными подъ гребенку волосами, которая сидѣла въ углу клеенчатого дивана. Когда она съ улыбкой поклонилась, Привалову показалось, что онъ гдѣ-то видалъ это худенькое восковое лицо съ тонкимъ профилемъ и большими темными глазами.

— Не узнаете, Сергѣй Александровичъ? спросилъ знакомый женскій голосъ.

— Софья Игнатьевна!.. Ужели это вы? удивился Приваловъ.

— Какъ видите... Состарилась, не правда-ли?.. Должно быть, хороша, если даже знакомые не узнаютъ, говорила Зоя, съ завистью больного человѣка разсматривая здоровую фигуру Привалова, который точно внесъ съ собой въ комнату струю здороваго деревенскаго воздуха.

— А мы недавно о васъ говорили здѣсь, Сергѣй Александровичъ, сказалъ докторъ. — Вотъ Софья Игнатьевна очень интересовалась вашей мельницей.

— Да, да... съ живостью подтвердила дѣвушка слова доктора. — И не одной мельницей, а вообще всѣмъ нашимъ предприятиемъ, о которомъ, къ сожалѣнію, я узнала только изъ третьихъ рукъ.

— Я не зналъ, Софья Игнатьевна, что васъ могла такъ заинтересовать моя мельница.

— Нѣтъ, мы все-таки интересуемся вашей мельницей, отвѣчалъ докторъ. — И даже собирались сдѣлать вамъ визитъ... Вотъ только насъ задерживаетъ нашъ больной.

— А мнѣ можно будетъ видѣть Игнатія Львовича? спросилъ Приваловъ. — Я пріѣхалъ не по дѣлу, а просто навѣстить больного.

— Папа будетъ вамъ очень радъ, отвѣтила Зося за доктора.—Только онъ ничего не говоритъ пока, но всѣхъ узнаетъ отлично... Ему было немного лучше, но дорога испортила.

Когда докторъ вышелъ изъ номера, чтобы провѣдать больного, дѣвушка заговорила:

— Вѣдь папѣ совсѣмъ было лучше, и онъ могъ уже ходить по комнатамъ съ костылями, но тутъ подвернулся этотъ Альфонсъ Богданъчъ. Вы, вѣроятно, видали его у насъ? Что произошло между ними—не знаю, но съ папой вдругъ сдѣлался параличъ...

— Если вы желаете навѣстить больного, онъ будетъ вамъ радъ, заявилъ докторъ, появляясь въ дверяхъ.

Черезъ два номера, по обитой ковромъ двери, Приваловъ узналъ помѣщеніе больного. Стѣны номера и весь полъ были покрыты ташкентскими коврами; слабая струя свѣта едва пробивалась сквозъ драпировки оконъ, выхватывая изъ наполнявшаго комнату полумрака что-то бѣлое, что лежало на складной американской кровати, какъ узелъ вычищеннаго бѣлья. Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ эфира и какого-то пахучаго спирта. Докторъ осторожно подвелъ Привалова къ креслу, которое стояло у самой кровати больного, рядомъ съ ночнымъ столикомъ, заставленнымъ аптечными банками и флаконами. Только теперь Приваловъ разсмотрѣлъ голову больного, обернутую чѣмъ-то бѣлымъ: глаза были полуоткрыты, ротъ неприятно скошенъ на сторону. Слабое движеніе лѣвой руки— вотъ все, чѣмъ больной могъ заявить о своемъ человѣческомъ существованіи.

— Папа, какъ ты себя чувствуешь? спрашивала дѣвушка, заходя къ отцу съ другой стороны кровати. — Сергѣй Александръчъ нарочно пріѣхалъ, чтобы навѣстить тебя...

Слабое движеніе руки, жалко опустившейся на одѣяло, было отвѣтомъ, да глаза раскрылись шире, и въ нихъ мелькнуло сознаніе живого человѣка. Приваловъ посидѣлъ около больного съ четверть часа; докторъ сдѣлалъ знакъ, что продолженіе этого безмолвнаго визита можетъ утомить больного, и всѣ вышли осторожно изъ комнаты. Когда Приваловъ началъ прощаться, дѣвушка проговорила:

— Вы куда-же? Нѣтъ, мы васъ оставимъ обѣдать... И не думайте отказываться: по-деревенски, безъ церемоній.

Обѣдъ былъ поданъ въ номерѣ, который замѣнялъ прием-

ную и столовую. Къ обѣду явились пани Марина и Давидъ. Приваловъ смутился за свой деревенскій костюмъ и пожалѣлъ, что согласился остаться обѣдать. Ляховская отнеслась къ гостю съ той безсодержательной свѣтской любезностью, которая ничего не говоритъ. Чтобы попасть въ тонъ этой дамы, Привалову пришлось собрать весь запасъ своихъ знаній большого свѣта. Эти тротательныя усилія по возможности раздѣлялъ докторъ, и они вдвоемъ едва тащили на себѣ тяжесть свѣтскаго ига.

— Какимъ вы богатыремъ смотрите среди насъ, откровенно замѣтила Зося, обращаясь къ Привалову въ серединѣ обѣда. — Мы всѣ рядомъ съ вами просто жалки: мама несомнѣно здорова, Давидъ, какъ всегда, докторъ тоже какой-то желтый весь, о мнѣ и говорить нечего... Я вчера взглянула на себя въ зеркало и даже испугалась: чистая восковая кукла, которая завалилась въ магазинѣ.

— Будемъ, по примѣру Сергѣя Александрыча, надѣяться на цѣлебную силу деревенскаго воздуха, проговорилъ докторъ.

Приваловъ вздохнулъ свободнѣе, когда, наконецъ, обѣда кончился, и онъ могъ распрощаться съ этимъ букетомъ чающихъ движеній воды.

— Если вы захотите осмотрѣть мою мельницу, Софья Игнатьевна, говорилъ Приваловъ, прощаясь съ дѣвушкой:—я буду очень счастливъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, Сергѣй Александрычъ, весело отвѣчала Зося, встряхивая головой:—вотъ мы съ докторомъ прикатимъ къ вамъ.

XIV.

Мы должны вернуться назадъ, къ концу апрѣля, когда Ляховскій начиналъ поправляться и бродилъ по своему кабинету при помощи костылей. Трехмѣсячная болѣзнь принесла съ собою много упущеній въ хозяйствѣ, и теперь Ляховскій старался наверстать даромъ пропущенное время. Онъ рано утромъ поджидалъ Альфонса Богданыча и впередъ закипалъ гнѣвомъ по поводу разныхъ щекотливыхъ вопросовъ, которые засѣли въ его головѣ со вчерашняго дня.

Наконецъ дверь скрипнула, и на порогъ показался самъ Альфонсъ Богданычъ съ кипой бумагъ въ старомъ портфелѣ.

— Надѣюсь, драгоцѣнное здоровье Игнатія Львовича совсѣмъ поправилось? льстиво заговорилъ управляющій, съ низкимъ поклономъ занимая свое обычное мѣсто за письменнымъ столомъ.

— Да, вы можете надѣяться... сухо отвѣтилъ Ляховскій. — Можетъ быть, вы надѣялись на кое-что другое, но Богу было угодно поднять меня на ноги... Да! Можетъ быть, кто-нибудь ждалъ моей смерти, чтобы завладѣть моими деньгами, моими имѣньями... Ну, сознайтесь Альфонсъ Богданычъ, у васъ вѣдь не дрогнула-бы рука обобрать меня? О, по лицу вижу, что не дрогнула-бы... Вы-бы стащили съ меня савань... Я это чувствую, чувствую!.. Вы бы пустили по міру и пани Марину, и Зосю... О-о!.. Прошу васъ, не отпирайтесь: совершенно напрасно... Да!

Альфонсъ Богданычъ улыбнулся. Да, улыбнулся въ первый разъ, улыбнулся спокойной улыбкой совсѣмъ независимаго человѣка и такъ-же спокойно посмотрѣлъ прямо въ глаза своему патрону... Ляховскій былъ пораженъ этой дерзостью своего всецѣлѣйшаго слуги и готовъ былъ разразиться цѣлымъ потокомъ проклятій, но Альфонсъ Богданычъ предупредилъ его однимъ жестомъ: онъ съ прежнимъ спокойствіемъ раскрылъ свой портфель, порылся въ бумагахъ и досталъ оттуда свѣженъе объявленіе, отпечатанное на листѣ почтовой бумаги большого формата.

— Вотъ... коротко проговорилъ онъ, подавая объявленіе Ляховскому.

Отнеся бумагу далеко отъ глазъ, Ляховскій быстро пробѣжалъ глазами объявленіе, которое гласило: «Торгово-промышленная компанія А. Б. Пуцилло-Маляхинскаго Компанія имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что она, на вновь открыхъ заводахъ: винокуренныхъ, кожевенныхъ, свѣчныхъ и мыловаренныхъ, принимаетъ всевозможные заказы, ручаясь за добросовѣстное выполненіе оныхъ и, въ особенности, за ихъ своевременность. Заводы расположены въ Западной Сибири, главный складъ и контора компаніи помѣщаются въ г. Узлѣ, по Соборной улицѣ, въ домѣ А. Б. Пуцилло Маляхинскаго». Подъ объявленіемъ стояла полная подпись: «А. Б. Пуцилло Маляхинскій». Ляховскій три раза прочелъ объявленіе, почесалъ себѣ лобъ, заглянулъ на оборотную сторону бумаги и наконецъ проговорилъ:

— Не знаю... Совѣмъ не слыхалъ такой компаніи!.. Что это за Пуцилло-Маляхинскій? Вѣроятно, какой-нибудь аферистъ?.. Совѣмъ незнакомая фамилія.

— Можетъ быть почтеннѣйшему Игнатію Львовичу угодно будетъ припомнить эту фамилію? съ прежней улыбкой проговорилъ Альфонсъ Богданычъ. — Когда-то Игнатій Львовичъ зналъ эту фамилію...

— Нѣтъ, не помню!

— Мой дѣдъ по отцу былъ Пуцилло, а мой дѣдъ по матери Маляхинскій, проговорилъ Альфонсъ Богданычъ.

Ляховскій сдѣлалъ большіе глаза, раскрылъ ротъ и безсильно опустился въ свое ободранное кресло, схватившись обѣими руками за голову. Въ этой умной головѣ теперь колесомъ вертѣлась одна мысль:

«Пуцилло-Маляхинскій... Пуцилло-Маляхинскій... Пуцилло-Маляхинскій».

— Вы меня обокрали, Альфонсъ Богданычъ... прошептала убитымъ голосомъ Ляховскій. — Каждый гвоздь на вашихъ заводахъ мой... Понимаете: вы меня пустили по міру!!..

— Нѣтъ, зачѣмъ-же, Игнатій Львовичъ... Я вашего ничего не тронулъ, а если что имѣю, то это плоды долготѣтнихъ сбереженій.

— Плоды долготѣтнихъ сбереженій?! Ха-ха! дико захоталъ Ляховскій, закидывая голову. — Вѣрнѣе: плоды долготѣтнаго систематическаго грабежа...

— Вы ошибаетесь, Игнатій Львовичъ, невозмутимо продолжалъ Альфонсъ Богданычъ: — Вы изъ ничего создали колоссальныя богатства въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Я не обладаю такими счастливыми способностями и долженъ быть употребить десятки лѣтъ для созданія собственной компаніи. Намъ, надѣюсь, не будетъ тѣсно, и мы будемъ полезны другъ другу, если этого, конечно, захотите вы... Все зависитъ отъ васъ...

— Скажите мнѣ одно, спрашивалъ Ляховскій: — какъ вы успѣли выстроить всѣ эти заводы, когда все время находились неотлучно при мнѣ? Кто строилъ всѣ эти заводы?..

— Какъ кто? По матери у меня остались два племянника Маляхинскихъ и по отцу у меня три племянника Пуцилло... Молодые люди кончили отлично курсъ въ высшихъ заведе-

ніяхъ и постройкой заводовъ только отплатили мнѣ за то воспитаніе, которое я далъ имъ.

— У васъ пять племянниковъ?!

— И одна племянница... Очень милая дѣвушка, Игнатій Львовичъ! И какія завидныя способности: говорить на трехъ языкахъ, рисуетъ...

— Довольно, довольно... Вѣрю!..

Ляховскій чувствовалъ, какъ онъ проваливается точно въ какую-то пропасть. Вѣдь всѣ дѣла были на рукахъ у Альфонса Богданыча, онъ все на свѣтѣ зналъ, вездѣ поспѣвалъ во-время, и вдругъ Альфонса Богданыча не стало... Кого Ляховскій найдетъ теперь на его мѣсто? Вдобавокъ, онъ самъ не могъ работать по-прежнему. Фамилія Пуцилло-Малыхинскій придавила Ляховскаго, какъ гора. Впереди — медленное раззореніе...

Вечеромъ съ нимъ слѣбался ударъ.

XV.

Публика начала сбѣзжаться на воды только къ концу мая. Конечно, только половину этой публики составляли настоящіе больные, а другая половина ѣхала просто весело провести время, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ жизнь въ пыльныхъ и душныхъ провинціальныхъ городахъ не представляетъ ничего привлекательнаго.

— Господа... mesdames, пользуйтесь воздухомъ! кричалъ докторъ Хлюдзинскій съ утра до вечера, торопливо перебѣгая отъ одной группы къ другой. — Отъ воздуха зависятъ все, mesdames!.. Посмотрите на Ляховскихъ: отца привезли за-мертво, дочь была совершенно прозрачная, а теперь Игнатій Львовичъ катается въ своемъ креслѣ, а Софья Игнатьевна разцвѣла, какъ ширазская роза!.. Да, mesdames... А все отчего: Софья Игнатьевна вполне пользуется всѣми благами деревенскаго воздуха, и розы на ея щекахъ служатъ лучшимъ доказательствомъ ея благоразумія.

Какъ на всѣхъ другихъ водахъ, знакомства здѣсь сводились съ поразительной быстротой, и все общество быстро распалось на свои естественныя группы: на аристократію, буржуазію и разночинцевъ. Конечно, во главѣ аристократіи стояли Ляховскіе, а Зося явилась львицей сезона и поэтому заслу-

жила откровенную ненависть всѣхъ дамъ и дѣвиць сезона. Въ этой ненависти всѣ разнородные элементы соединились въ одно сплоченное цѣлое, и когда Зося по вечерамъ являлась въ танцевальной залѣ курзала, ее встрѣчали цѣлый строй холодныхъ и насмѣшливыхъ взглядовъ. Мы должны сказать, что въ числѣ лечившихся дамъ была и наша уважаемая Хіонія Алексѣевна. Здоровье Anatole'я требовало серьезнаго поправленія, потому что слишкомъ раннее знакомство съ требованіями человѣческой природы, удовлетворявшимися по пивнымъ и *cabinets particuliers* трактировъ съ арфистками, отозвалось очень невыгодно на неокрѣпшемъ организмѣ. Хіонія Алексѣевна, какъ примѣрная мать, рѣшилась еще разъ пожертвовать собой для сына и отправилась съ нимъ на воды. Сама Хіонія Алексѣевна явилась сюда съ утомленнымъ лицомъ и разбитымъ сердцемъ: ея высухшее тѣло требовало тоже отдыха, и она бродила по курзалу съ самымъ меланхолическимъ видомъ. Собственно говоря, она ни чѣмъ не была больна, а только чувствовала потребность немножко разсѣяться. Оставаться въ Узлѣ, на развалинахъ погибшей пансіонской дружбы, было выше даже ея силъ, и она рѣшилась отдохнуть на лонѣ природы. Но этотъ отдыхъ продолжался всего одинъ день, а когда Хіонія Алексѣевна показалась въ курзалѣ—она сразу попала въ то пестрое теченіе, въ которомъ барахталась всю свою жизнь. Въ обособленіи членовъ на группы Хіонія Алексѣевна, конечно, приняла самое дѣятельное участіе и повела глухую борьбу противъ аристократическихъ привилегій, т. е. противъ Зоси Ляховской, за которой больная молодежь ходила толпой. Раньше она занималась «этой дѣвчонкой» только между прочимъ, а теперь принялась за работу вполне серьезно.

— Нѣтъ, я ей покажу, этой дѣвчонкѣ! рѣшила Хіонія Алексѣевна, закидывая гордо свою голову.—Она воображаетъ, что если у отца милліоны, такъ и лучше ея нѣтъ на свѣтѣ...

Началась настоящая травля. Заплата преслѣдовала Зосю по пятамъ и, наконецъ, добилась того, что та обратила на нее вниманіе.

— Скажите, пожалуйста, за чтò ненавидитъ меня эта дама? спрашивала Зося доктора Сараева, указывая на Хину.—Она просто какъ-то шипитъ, когда увидитъ меня... У ней дѣлается такое страшное лицо, что я не шутя начинаю бояться ея. А мѣжду тѣмъ, я рѣшительно ничего ей не сдѣлала.

Докторъ только пожалъ плечами, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой философъ разрѣшить всѣ тайны дамскихъ симпатій и антипатій? Объяснять Зосѣ, что Заплатаина преслѣдуетъ Зося за ея богатство и красоту, — докторъ не рѣшался, предоставляя Зосѣ своимъ умомъ доходить до корня вещей.

Потомъ Зосѣ случилось уловить какую-то саркастическую французскую фразу, произнесенную Хіоніей Алексѣвной.

— О, да она еще говорить по-французски, и довольно порядочно! удивилась про себя дѣвушка, оглядываясь на сердитую даму.

Наконецъ имъ привелось заговорить. Сначала онѣ обмѣнялись сухими, почти враждебными фразами, но потомъ ихъ бесѣда приняла болѣе мирный характеръ.

Хина въ самыхъ живыхъ краскахъ очертила собравшуюся на воды публику и заставила хохотать свою юную собесѣдницу до слезъ: затѣмъ послѣдовалъ рядъ портретовъ общихъ знакомыхъ въ Узлѣ, причемъ Бахаревымъ и Веревкинымъ досталось прежде всего. А когда Заплатаина перешла къ изображенію «гордеца» Половодова, Зося принялась хохотать, какъ сумасшедшая, и кончила тѣмъ, что могла только махать руками.

— Странно, я встрѣчаю въ васъ первую женщину, съ которой нельзя соскучиться, говорила Зося, все еще продолжая вздрагивать всѣмъ тѣломъ отъ душившаго ее смѣха.

— А я?.. Я задыхаюсь въ обществѣ этихъ Веревкиныхъ, Бахаревыхъ и Половодовыхъ, въ свою очередь откровенничала Хина. — Развѣ наши дамы могутъ что-нибудь понимать, кромѣ своихъ тряпокъ?..

Докторъ Сараевъ давно розыскивалъ Зося и не мало былъ удивленъ, когда нашелъ ее въ обществѣ Заплатиной, съ слѣдами слезъ на глазахъ.

— До свиданія, милѣйшая Хіонія Алексѣвна! проговорила Зося, пожимая руку своей собесѣдницы. — Не правда-ли, мы еще увидимся съ вами?

— Я удивляюсь, Зося, вашей неразборчивости въ выборѣ вашихъ новыхъ знакомыхъ, строго замѣтилъ докторъ, когда они шли въ номера.

— Ахъ, если-бы вы слышали, какъ она смѣшно рассказываетъ!.. Ха-ха... Вѣдь это воплощенный ядъ!.. Нѣтъ, это такой рѣдкій экземпляръ дамской породы... Она меня просто уморила, докторъ!..

Хіонія Алексѣевна владѣла счастливой способностью выжмать какія угодно обстоятельства въ свою пользу. Неожиданное знакомство съ Зосей подняло въ ея головѣ цѣлый ворохъ проектовъ и плановъ. Теперь Зося была не просто гордая дѣвчонка, а совмѣщеніе всѣхъ человѣческихъ достоинствъ: красоты, ума, доброты, веселья, находчивости, остроумія, а главное—эта дѣвица была настоящая аристократка, до которой далеко всѣмъ этимъ Nadine Бахаревымъ, Алламъ, Аннамъ Павловнамъ и tutti quanti. Заплатина упивалась аристократическимъ происхожденіемъ Зоси, какъ раньше преклонялась предъ магической силой приваловскихъ милліоновъ. Однимъ словомъ, Зося являлась въ глазахъ Хіоніи Алексѣевны идеаломъ молодой дѣвушки.

— У васъ, *mon ange*, каждое мимолетное движеніе—цѣлая исторія, объясняла Хина Зосѣ ея совершенства.—Даже въ самыхъ недостаткахъ сказывается кровь, порода.

А прибавьте къ этому еще то, что Зося была единственной наслѣдницей богатствъ Ляховскаго! У Заплатиной кружилась даже голова, когда она про себя перечисляла различныя статьи этого богатства. Для кого курились винокуренные заводы по всему Зауралью? Для кого паслись въ киргизской степи стада барановъ, изъ которыхъ послѣ топили сало, дѣлали мыло и свѣчи? Для кого работали кожевенные и стеклянные заводы? Для кого совершались милліонныя торговыя операціи? Для кого качались богатѣйшіе урожаи на тысячахъ десятинъ, купленныхъ за безцѣнокъ?

Заплатина не могла не чувствовать собственнаго ничтожества рядомъ съ этими дарами фортуны. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь пополнить свои недостатки, почтенная женщина обратила свое вниманіе на Привалова, который въ ея разсказахъ являлся какой-то частью ея собственнаго существованія. Какъ-бы удивился самъ Приваловъ, если-бы услышалъ, какъ Хина распиналась за него предъ Зосей. Во-первыхъ, онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ сказочныхъ принцевъ, которые сначала являются безъ королевства, а потомъ, преодолевая тысячи препятствій, добиваются своихъ наслѣдственныхъ правъ. Хина сьумѣла придать исторіи наслѣдства Привалова самый заманчивый характеръ, а его самого надѣлила такими достоинствами, какія оставались незамѣтны только благодаря его скромности. Во-вторыхъ, мельница Привалова и его хлѣбная

торговля служили только началомъ осуществленія его геніальныхъ плановъ,—вѣдь Приваловъ былъ герой и, въ качествѣ такового, сдѣлаетъ чудеса тамъ, гдѣ люди въ теченіи тысячи лѣтъ только хлопали ушами. Заплата тонко намекнула Зосѣ, что мельница и хлѣбная торговля служатъ только прикрытіемъ тѣхъ социальныхъ задачъ, которыя взялся осуществить Приваловъ. Да, это былъ социалистъ и очень опасный человѣкъ, хотя никто этого и не подозрѣваетъ, благодаря его тонкой скромности. Новый Приваловъ, котораго Хина создавала своей слухательницѣ, увлекалъ рассказчицу, и она сама начинала вѣрить собственнымъ словамъ.

— Да, онъ не походитъ на другихъ, задумчиво говорила Зося.

— Конечно!.. Это, *mon ange*, необыкновенный человѣкъ.

— Скажите, онъ, вѣдь, кажется, былъ влюбленъ въ Надежду Васильевну? неожиданно спросила Зося.

Хина немного смутилась въ первое мгновеніе, но сейчасъ же побѣдоносно вышла изъ своего затруднительнаго положенія.

— Могу васъ увѣрить, что серьезнаго ничего не было... Просто были дѣтскія воспоминанія; затѣмъ, сама Надежда Васильевна все время держала себя съ Приваловымъ какъ-то ужъ очень двусмысленно; наконецъ, старики Бахаревы помѣшались на мысли непремѣнно имѣть Привалова своимъ зятемъ. Вотъ и все!..

Зося снизошла до того, что сдѣлала визитъ Заплатиной въ ея маленькую избушку, гдѣ пахло курами и телятами. Заплата, конечно, постаралась не остаться въ долгу и черезъ два дня заявила, въ своемъ лучшемъ шелковомъ платьѣ, къ Ляховскимъ. Все шло отлично, пока Хіонія Алексѣевна сидѣла въ комнатѣ Зоси, но когда она показала въ столовой, ей пришлось испытать сразу двѣ непріятности. Во-первыхъ, пани Марина приняла Хину съ ея французскимъ языкомъ съ такой леденящей любезностью, что у той заскребли кошки на сердцѣ; во-вторыхъ, Давидъ, отлично знавшій Хіонію Алексѣевну по общественному клубу, позволилъ себѣ съ ней такія фамильярности, какихъ она совсѣмъ не желала для перваго визита. Такъ, этотъ молодой человѣкъ очень искусно подставилъ ей свои длинные ноги, когда Хина хотѣла любезно подать хозяйкѣ какую-то ложечку со стола; бѣдная женщина

потеряла равновѣсіе и готова была растянуться на полу, если бы тотъ-же Давидъ не схватилъ ее на-лету за талію. Въмѣсто строгаго выговора Давиду и извиненія съ его стороны, послѣдовалъ самый обидный взрывъ общаго смѣха. Хина не успѣла еще оправиться отъ перваго оскорбленія, какъ Давидъ успѣлъ подсыпать ей на бутербродъ перцу, и несчастная женщина должна была чихать до слезъ для общаго удовольствія. Другой на мѣстѣ Хіоніи Алексѣвны сейчасъ-же оставилъ-бы эту гостепримную кровлю, но она разсудила нѣсколько иначе, потому что развѣ можно сердиться на дураковъ... Выходки Давида были обращены въ милую шутку, и такимъ великодушіемъ была тронута даже сама пани Марина.

Однако, этотъ визитъ омрачилъ счастливое настроеніе Заплатиной, и она должна была, изъ чувства безопасности, прекратить свои дальнѣйшія посѣщенія Ляховскихъ. Да кромя того, ей совсѣмъ не нравилось смотрѣть на презрительное выраженіе лица, съ которымъ встрѣтилъ ее самъ Игнатій Львовичъ, хотя ему, какъ больному, можно было многое извинить; затѣмъ натянутая любезность, съ какой обращался къ ней докторъ, тоже шокировала покорную приличіямъ свѣта натуру Хіоніи Алексѣвны. Зося, конечно, относилась къ ней хорошо, но она не хотѣла ронять своего достоинства въ глазахъ этой дѣвушки, благодаря неприличному поведенію остальныхъ членовъ семьи.

У Хіоніи Алексѣвны блеснула счастливая мысль.

— Я удивляюсь, *mon ange*, говорила она однажды Зосѣ:— что вамъ за охота похоронить себя лѣтомъ въ четырехъ стѣнахъ, когда вы имѣете полную возможность устроиться совершенно иначе, какъ восточная царица... Да!..

Зося пила кумысъ, который ей привозили башкиры откуда-то изъ подъ Краснаго Луга. Вотъ отлично было-бы пожить жизнью этихъ номадовъ, а для этого стоило только поставить свою палатку около башкирскихъ кошей. Палатку можно устроить на тѣкинскій образецъ: снаружи обить бѣлымъ войлокомъ, а внутри убрать все бухарскими коврами. Это будетъ прелестно!.. Можно создать всю обстановку во вкусѣ кочевниковъ, до послѣдняго гвоздя. А какъ это будетъ оригинально! Какія *parties de plaisir* можно будетъ тамъ устраивать... Одно удовольствіе—провести полтора мѣсяца въ такой палаткѣ, буквально на лонѣ природы, среди дикихъ сыновъ степей —

одно такое удовольствіе чего стоило. Зося расцѣловала Хіонію Алексѣевну и ухватила обѣими руками за оригинальную выдумку.

— Только я попрошу васъ объ одномъ, говорила Заплата: — выдайте, *mon ange*, все за собственное изобрѣтеніе... Мнѣ кажется, что ваши предубѣждены противъ меня и могутъ не согласиться, если узнаютъ, что я подала вамъ первую мысль.

— Хорошо, но съ условіемъ: мы будемъ жить вмѣстѣ... Не правда-ли?..

Хина подомалась для порядку и въ концѣ концовъ изъявила свое согласіе. Такимъ образомъ, ей незачѣмъ будетъ являться съ визитами къ Ляховскимъ, и она будетъ имѣть совершенно самостоятельное значеніе. А тамъ будетъ, что будетъ...

Проектъ Зоси былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ, особенно докторомъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, чего-же лучше: чѣмъ безтолково толочься по курзалу, полезнѣе въ тысячу разъ получать всѣ блага природы изъ первыхъ рукъ.

Немедленно былъ посланъ въ Троицкъ, какъ на ближайшій мѣнновой дворъ, особенный нарочный, съ порученіемъ приобрѣсти четыре кибитки: одну для Зоси, одну для конюховъ, одну для женской прислуги и одну на всякій случай, т. е. для гостей. Черезъ недѣлю нарочный вернулся; немедленно было выбрано мѣсто подъ кибитки, и блестящая затѣя получила свое реальное осуществленіе. Мѣсто, гдѣ раскинулись палатки, было восхитительно: на высокомъ берегу безымянной рѣчущки, въ двухъ шагахъ отъ гѣнистой березовой роши; кругомъ волновалась густая зеленая трава, точно обрызганная милліонами пестрыхъ лѣсныхъ цвѣточковъ. Башкирское кочевье оживляло ландшафтъ. Около дыривыхъ, ободранныхъ кошей суетилась подвижная полунагая толпа ребятъ, денно-ночно работали женщины, эти безотвѣтныя труженицы въ духѣ добрыхъ азіятскихъ нравовъ, и вѣчно ничего не дѣлали сами башкиры, попивая кумысъ и разъѣзжая по окрестностямъ на своихъ мохноногихъ лошадавахъ; по ночамъ около кошей горѣли яркіе огни, и въ тихомъ воздухѣ таяла и стыла башкирская монотонная пѣсня, рассказывавшая про подвиги башкирскихъ богатырей, особенно о знаменитомъ Салаватѣ. Верстахъ въ десяти, на горизонтѣ, темнѣли избы деревни Красный Лугъ.

Благодатная Башкирія дышала здѣсь всѣми своими красотами.

XVI.

Жизнь въ кошахъ быстро возстановила здоровье Зоси. Она все время проводила на воздухѣ; нарочно были приведены изъ Узла Тѣкэ и Батырь. Зося любила устраивать длинныя прогулки верхомъ, въ обществѣ доктора. Хіонія Алексѣевна пыталась, было, принять участіе въ этихъ прогулкахъ; хотя совсѣмъ не умѣла ѣздить верхомъ, все-таки, однажды, она совсѣмъ рѣшилась-было преодолѣть свой институтскій страхъ къ осѣдланной лошади и даже, при помощи Ильи, взобралась на Батыря, но при первой легкой рыси, комомъ, какъ застрѣленная птица, свалилась съ сѣдла и даже слегка повихнула ногу. Оставалось покориться судьбѣ и сидѣть въ кошѣ, пока Зося гарцевала на своемъ иноходцѣ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ докторъ и Зося подѣхали къ самымъ Гарчикамъ.

— Вонъ мельница Привалова, указаль докторъ на ширскій прудъ и строившуюся мельницу. — Если хотите, можемъ сдѣлать визитъ Сергѣю Александрычу?

— Съ удовольствіемъ, согласилась Зося.

Они нашли Привалова на мѣстѣ строившейся мельницы. Онъ вылѣзъ откуда-то изъ нижняго этажа, въ плисовой поддевкѣ и шароварахъ; ситцевая рубашка-косоворотка красиво охватывала его широкую шею. На головѣ былъ надвинутъ какой-то картузь. Когда Зося протянула ему руку, затынутую въ сѣрую шведскую перчатку съ лакированнымъ раструбомъ, Приваловъ съ улыбкой отдернулъ назадъ свою уже протянутую ладонь.

— Боюсь испортить вамъ перчатку, Софья Игнатьевна, добродушно проговорилъ онъ, но Зося настояла и пожала его грязную широкую ладонь.

— А мы пріѣхали съ специальной цѣлью мѣшать вамъ, смѣялась дѣвушка, граціозно перекидывая шлейфъ своей амазонки черезъ лѣвую руку. — Вы намъ покажете всѣ свои подвиги...

Приваловъ повелъ гостей показывать мельницу, и Зося въ своей амазонкѣ лазила по всѣмъ угламъ мельничнаго корпуса,

внимательно разсматривая всѣ подробности производившихся работъ.

Въ маленькомъ флигелькѣ на скорую руку устроенъ былъ чай. Нагибинъ собственноручно «наставилъ» самоварчикъ и не безъ эффекта подаль его на столъ.

За чаемъ, когда Зося наливала стаканы въ качествѣ хозяйки, докторъ не безъ ловкости навелъ разговоръ на земледѣліе, а потомъ перешелъ къ хлѣбной торговлѣ и мельницѣ. Приваловъ сначала отдѣлывался общими фразами, но потомъ разговорился. Ему нравилось, что Зося интересуется его мельницей и съ такимъ вниманіемъ слушаетъ его объясненія. Дѣвушка сдѣлала нѣсколько вопросовъ, которые показывали, что она относится къ дѣлу не съ празднымъ любопытствомъ, а съ чистосердечнымъ желаніемъ понять все. Пока Приваловъ говорилъ, Зося внимательно разсматривала выраженіе этого загорѣлаго, добродушнаго лица; открытый взглядъ варихъ глазъ, что-то увѣренное и спокойное въ движеніяхъ — произвели сегодня на Зосю то впечатлѣніе, которое было подготовлено разсказами Хины. Въ глазахъ Зоси Приваловъ сегодня дѣйствительно былъ героемъ, какъ человѣкъ, который рѣзко выдался изъ среды другихъ.

— Я буду ждать васъ, Сергѣй Александровичъ, говорила Зося на прощаньи.—Пріѣзжайте прямо въ кошъ,—это два часа ѣзды отъ вашей мельницы.

Когда докторъ и Зося крупной рысью тронулись по дорогѣ въ Красный Лугъ, Нагибинъ проговорилъ:

— Эко, Господи, какихъ лошадей, подумаешь, добудутъ... И ловко барышня ѣздитъ. Смѣла, нечего говорить!

Этотъ визитъ напомнилъ Привалову о той жизни, отъ которой онъ отказался. Зося ему нравилась.

Черезъ три дня Приваловъ на гнѣдомъ киргизѣ ѣхалъ по дорогѣ въ Красный Лугъ. Онъ нарочно ѣхалъ тихо, чтобы полюбоваться развертывавшимися кругомъ красотами. Овсы нынче встали необыкновенно дружно; пшеница уже трубилась, выгоняя свою матовую зелень, на которой отдыхалъ глазъ. День былъ горячій; накаленный воздухъ переливался прозрачными волнами; надъ безконечными нивами нависла кружившая голову испарина. Въ травѣ звонко ковали кузнечики; гдѣ-то тануль свою скрипучую пѣсню коростель. Изъ придорожной травы, покрытой мелкой пылью, то-и-дѣло взле-

тали, какъ ракеты, маленькія птички и быстро исчезали въ воздушномъ пространствѣ. На горизонтѣ, со стороны Ладетинскихъ водъ, медленно ползло грозовое облачко, и можно было разсмотрѣть косую полосу дождя, которая орошала нивы; другая сторона неба была залита ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ,—глазамъ было больно смотрѣть. Приваловъ думалъ о томъ, что какъ хорошо было-бы, если-бы дождевая тучка прокатилась надъ пашнями гарчиковскихъ мужиковъ; всходы нуждались въ дождѣ, и попъ Савель служилъ ужъ два молебна; даже поднимали иконы на поля. Эти сельско-хозяйственные мысли были, какъ птицы, испугнуты неожиданно шарахнувшейся лошадыю: подъ самыми ногами промелькнулъ большой заяцъ, легкими прыжками ускакавшій въ овесъ.

— Нехорошій знакъ... вслухъ подумалъ Приваловъ и замѣялся собственному суевѣрію. — Зачѣмъ я ѣду? подумалъ онъ въ слѣдующую минуту и даже остановилъ лошадь.

Съ пригорка, на которомъ теперь стоялъ Приваловъ, вдали можно было разсмотрѣть мельничный прудъ, а впереди, на берегу рѣчки, дымилась башкирскіе коши... «Если поѣдешь направо—самъ будешь сытъ, конь голоденъ; поѣдешь налѣво—конь будетъ сытъ, самъ будешь голоденъ; а если поѣдешь прямо—не видать тебѣ ни коня, ни головы»,—припомнились Привалову слова какой-то дѣтской сказки, и онъ поѣхалъ прямо на дымокъ кошей. Лошадь, выгнувъ свою оленью шею, неслась быстрымъ ходомъ; она почувала пасшійся на травѣ табуны башкирскихъ лошадей и раздула ноздри.

Подъѣзжая къ пригорку, на которомъ стоялъ бѣлый кошъ Ляховской, Приваловъ издали замѣтилъ какую-то даму, которая смотрѣла изъ-подъ руки на него. «Ужъ ни пани-ли Марина?» подумалъ Приваловъ. Каково было его удивленіе, когда въ этой дамѣ онъ узналъ свою милую хозяйку, Хіонію Алексѣевну. Она даже сдѣлала ему ручкой.

— Какими судьбами, Хіонія Алексѣевна? спрашивалъ Приваловъ, передавая своего киргиза подошедшему Ильѣ.

— Ахъ, не спрашивайте, пожалуйста! жеманно отвѣчала Хіонія Алексѣевна, краснѣя какъ инстигутка.—Вы знаете мой проклятый характеръ... Послѣ вашего отъѣзда мой Anatole захворалъ, докторъ посовѣтовалъ ѣхать на-воды, — вотъ я и отправилась. У меня ужъ такой характеръ: все для дѣтей!.. А здѣсь встрѣчаю Софью Игнатьевну... случайно познакомились...

Зося была немного больна и приняла Привалова внутри коша, гдѣ можно было сидѣть только на низенькихъ диванчикахъ, поджавъ ноги. Хозяйка была занята прирученіемъ степнаго сокола, который сидѣлъ предъ ней на низенькой деревянной подставкѣ и каждый разъ широко раскрывалъ ротъ, когда она хотѣла погладить его по дымчатой спинѣ.

— Видите, какой степнякъ-недотрога, говорила Зося, отдергивая руку. — Третій день съ нимъ мучусь... Всѣ руки мнѣ исклевалъ.

Она показала Привалову свои руки, покрытыя шрамами и кровавыми царапинами.

— А вамъ для чего его приручать? полубопытствоваль Приваловъ, съ удивленіемъ осматривая окружавшую его обстановку.

— Когда привыкнетъ, буду вынашивать, а потомъ вы примете участіе въ соколиной охотѣ, которую мы постараемся устроить въ непродолжительномъ времени. Это очень весело... Мнѣ давно хотѣлось побывать на такой охотѣ.

— Да, это будетъ очень интересно, согласился Приваловъ, пробую погладить сокола.

— Я понимаю именно такую охоту, говорила Зося. — Это совсѣмъ не то, что убивать птицу изъ-подъ собаки... Охота съ ружьемъ — бойня. А здѣсь есть рискъ, есть опасность.

Въ своей полувосточной обстановкѣ Зося сегодня была необыкновенно эффектна. Одѣтая въ простенькое лѣтнее платье, она походила на дорожную картину, вставленную въ пеструю раму бухарскихъ ковровъ. Эта смѣсь европейскаго съ средне-азіятскимъ была поразительно-оригинальна, и Приваловъ все время, пока сидѣлъ въ кошѣ, чувствовалъ себя не въ Европѣ, а въ Азіи, въ этой чудной странѣ поэтическихъ грезъ, волшебныхъ сказокъ, опяняющихъ фантазій и чудныхъ красавицъ. Даже эта пестрая смѣсь выцвѣтшихъ красокъ на коврахъ настраивала мысль поэтическимъ образомъ.

Хіонія Алексѣевна, въ качествѣ дуэньи, держала себя съ свромнымъ достоинствомъ и дѣлала серьезное лицо, когда Зося начинала хохотать. Она быстро дала понять Привалову, что здѣсь она свой человекъ.

— А все-таки, знаете, Сергѣй Александрычъ, я иногда страшно скучаю, говорила Зося, когда Хина вышла изъ коша. —

Вѣчное бездѣлье, вѣчная пустота... Ну, скажите, что будетъ дѣлать такая барышня, какъ я? Вѣдь это прозябаніе, а не жизнь. Такъ что даже всѣ удовольствія отравлены сознаниемъ собственной ненужности.

— Работу можно найти, если захотѣть.

— Т. е. можно обмануть себя призракомъ работы: открыть какую-нибудь швейную мастерскую, устроить школу, поступить на курсы... А если я ни перваго, ни втораго, ни третьяго не желаю? Мнѣ нуженъ такой трудъ, который-бы поглощалъ меня всю, безъ котораго я не могла-бы существовать. Я понимаю политическихъ дѣятелей, понимаю всѣхъ этихъ борцовъ за идею. Вотъ вы, напримѣръ, сидите на своей мельницѣ, и никуда васъ не тянетъ, ни что вамъ не напоминаетъ, что каждый прожитый день—тяжелое обвиненіе противъ васъ въ собственной ничтожности. Знаете, я думала о вашихъ планахъ нѣсколько разъ... Если-бы вы не открыли этой Америки раньше меня, я занялась-бы этой хлѣбной торговлей. Извѣстная цѣль впереди дѣлаетъ человѣка счастливымъ.

— Но, вѣдь, вы знаете, что моя Америка открыта не мной и раньше меня?

— Знаю... знаю... Но важно вотъ что: всѣ убѣждены въ справедливости извѣстной идеи, создается рядъ попытокъ ея осуществленія, но потомъ идея незамѣтно гложетъ и теряется; вотъ и важно, чтобы явился именно такой человѣкъ, который стряхнулъ съ себя всѣ предубѣжденія и оживилъ идею. Помните Темиръ-Ленка, который наблюдалъ муравья, сорокъ разъ поднимавшагося съ зерномъ въ гору и сорокъ разъ сваливавшагося полъ гору? Вѣдь въ сорокъ первый разъ онъ встацилъ-таки свое зерно.

— Мнѣ кажется, что вы меня не такъ поняли, Софья Игнатьевна, заговорилъ Приваловъ:—Для осуществленія моихъ плановъ нуженъ не одинъ человѣкъ, не два, а сотни и тысячи людей... Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что эта тысяча явится и сдѣлаетъ то, чего мы съ вами не успѣемъ или не сумѣемъ.

— Мы съ вами?

— Отчего-же вамъ не работать въ томъ-же направленіи, но совершенно самостоятельно? Всѣ средства въ вашихъ рукахъ.

— А сознание-то своей негодности, которое тянетъ, точно

привязанная къ ногѣ гири?.. Нѣтъ, я сегодня положительно хандрю и, вѣроятно, успѣла вамъ надобѣсть съ своимъ я.

При посредствѣ доктора, между Зосей и Приваловымъ завязались полудружескія отношенія. Приваловъ начиналъ ѣздить въ коши все чаще и чаще; ему нравилось общество Зоси, которая держала себя просто и непринужденно, хотя иногда и капризничала, по своему обыкновенію. Однимъ изъ такихъ капризовъ Зоси было непремѣнное желаніе познакомиться съ попомъ Саведомъ, о которомъ она много слышала отъ Привалова. Въ одно прекрасное утро Приваловъ и поппъ Савель верхами пріѣхали въ коши, и Зося осталась въ восторгѣ отъ оригинальнаго попа, который забавлялъ ее своимъ ядовитымъ, озлобленнымъ умомъ. Странную картину представлялъ теперь кошъ Зоси, гдѣ, на мягкомъ букарскомъ коврѣ, поджавъ ноги, сидѣлъ поппъ Савель, а Зося учила его играть въ домино.

— Что-же, вы такъ и думаете пропадать въ сельскихъ попахъ? спрашивала Зося своего оригинальнаго гостя.

— Нѣтъ... Уйду въ монахи!..

— Да-а... задумчиво протянула Зося. — А пока вы еще не отрѣшились отъ нашего грѣшнаго міра, завертывайте ко мнѣ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Александровичемъ.

XVII.

Зося не обманывала Привалова: на нее дѣйствительно находили минуты тяжелаго сплина, и она по цѣлымъ часамъ оставалась неподвижной. Эти припадки тоски очень беспокоили доктора, но что онъ могъ подѣлать противъ нихъ?

Однажды, когда Зося въ минуту сплина лежала блѣдная и равнодушная на своей постели, въ кошъ стремглавъ вбѣжала Хіонія Алексѣевна.

— „Гордецъ“ ѣдетъ... Гордецъ!.. кричала она, размахивая руками.

— Вѣроятно, вы ошиблись? равнодушно спросила дѣвушка.

— Ужь извините... Да я гордеца за сто версть узнаю: точно вяленая рыба сидитъ на лошади, и ноги болтаются, какъ палки.

— Вы куда это, Хіонія Алексѣевна? остановила Зося, когда Заплата направилась къ выходу.

— Какъ куда? Вы думаете, я останусь здѣсь, чтобы любоваться на вашего гордеца?.. Ну, ужъ извините, этого никогда не будетъ!.. Я бѣдная женщина, но я тоже имѣю свою гордость.

Черезъ минуту въ кошъ вошелъ Половодовъ. Онъ съ минуту стоялъ въ дверяхъ, отыскивая глазами сидѣвшую неподвижно дѣвушку, потомъ подошелъ къ ней, молча поцѣловалъ блѣдную руку и молча поставилъ предъ ней на маленькую скамеечку большое яйцо изъ голубого атласа на серебряныхъ ножкахъ.

— Я не ожидалъ встрѣтить васъ такой печальной, Софья Игнатьевна, проговорилъ онъ, опускаясь прямо на полъ турецки.—Я пришелъ утѣшить васъ... какъ ребенка, который обжегъ палець.

— Благодарю...

Зося подавила серебряную застежку и открыла яйцо: на днѣ, на бѣлой атласной подушечкѣ, спалъ, какъ ребенокъ, кропечный медвѣжонокъ съ чернымъ пушистымъ рыльцемъ и немного оскаленными мелкими зубами. Дѣвушка тихо вскрикнула отъ удивленія и молча пожала руку Половодова, этого стараго неизмѣннаго друга, который былъ всегда одинаковъ съ нею. Его ухаживанія не надоѣдали Зосѣ, потому что Половодовъ умѣлъ разнообразить свое поведеніе. Настоящій подарокъ былъ *chef-d'oeuvre* омъ его изобрѣтательнаго ума, и Зося понимала, что никто другой не придумалъ-бы такого сюрприза. Половодовъ остался очень доволенъ впечатлѣніемъ своего подарка, который онъ обдумывалъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, когда сидѣлъ въ Узловско-Моховскомъ банкѣ за кипами разныхъ банковыхъ дѣлъ.

— Вы, вѣроятно, пріѣхали съ новостями? спрашивала Зося, вынимая медвѣженка изъ яйца; онъ нѣсколько разъ сладко зѣвнулъ и лѣниво посмотрѣлъ кругомъ блестящими синими глазами.—Ахъ, какой смѣшной бутусъ!..

Пока Зося дурачилась съ медвѣжонкомъ, который то лизалъ ей руки, то паропалъ толстыми лапами, Половодовъ успѣлъ выгрузить весь запасъ привезенныхъ изъ Уала новостей, которыхъ было очень немного, какъ всегда. Если зимой провинція скучаетъ отчаянно, то лѣтомъ она буквально задыхается отъ скуки.

— И только? усталымъ голосомъ спрашивала Зося, когда Половодовъ кончилъ свое повѣствованіе.

— Нѣтъ, есть еще... нерѣшительно проговорилъ Половодовъ. — Только вы сегодня, кажется, не въ такомъ расположеніи духа, чтобы выслушать меня съ надлежащимъ вниманіемъ.

— Нѣтъ, я буду васъ слушать, съ капризными нотками въ голосѣ отозвалась Зося; она любила командовать надъ этимъ обожателемъ и часто съ истинно женской жестокостью мучила его своими безчисленными капризами.

— Послушайте, Софья Игнатьевна... тихо заговорилъ Половодовъ опуская голову. — Я буду говорить съ вами какъ вашъ старшій, самый лучший другъ...

— О, нѣтъ, что хотите, только, пожалуйста, избавьте меня отъ вашего дружескаго участія!.. какъ-то застонала дѣвушка.

— Вы не хотите меня понять, Софья Игнатьевна...

Зося молчала; она слышала, какъ Половодовъ нервно хрустнулъ своими пальцами,—это была одна изъ его мѣщанскихъ привычекъ, о которой въ минуты волненія онъ забывалъ.

— Вы знаете, Софья Игнатьевна, что я поклоняюсь женщинамъ, проговорилъ Половодовъ съ тѣми задухевными нотками въ голосѣ, какими онъ умѣлъ пользоваться въ критическую минуту.—Это мой культъ... Но я поклоняюсь женщинамъ не за одну красоту, нѣтъ, этого еще мало, а главнымъ образомъ за то, что женщина—великая сила!.. Посмотрите, какихъ мы глупостей не надѣлаемъ для любимой женщины!.. Самыя трезвыя и черствыя натуры теряютъ голову и удивляютъ міръ своими юношескими увлеченіями. Помните того французскаго адвоката, который въ каждомъ процессѣ спрашивалъ: —«Гдѣ женщина?» Вѣдь это великая истина, которая такъ-же справедлива, какъ то, что мы всѣ родимся отъ женщины. Если-бы дѣло шло о сравненіяхъ, я сравнилъ-бы вліяніе женщины съ той скрытой теплотой, которая, по ученію физики, спаяваетъ малѣйшіе атомы матеріи и двигаетъ мірами...

Зося молчала.

— Я знаю васъ, Софья Игнатьевна, съ дѣтства, и вы знаете, что я съ дѣтства люблю васъ, глухо продолжалъ Половодовъ, еще ниже опуская свою голову.—Вы царапали ме-

ня, какъ котенокъ, но если-бы вы били меня хлыстомъ, — я цѣловаль-бы ту руку, которая поднимала на меня хлысть. Для меня вы идеаль женской красоты... и, кромѣ того, вы очень умны... и энергичны. Конечно, всякій можетъ увлекаться, всякій — неизбежная жертва ошибокъ, но, когда почва уходитъ изъ подъ вашихъ ногъ, когда все кругомъ начинаетъ колебаться, человѣка спасаетъ вѣра. Именно такъ я всегда вѣровалъ въ васъ.

— Вы дѣлаете такое странное вступленіе, точно меня сейчасъ, по меньшей мѣрѣ, повѣсятъ, нетерпѣливо проговорила она. — Не дѣлайте изъ меня жертву вашихъ ораторскихъ приемовъ...

— Хорошо, я постараюсь быть краткимъ, сухо отвѣтилъ Половодовъ, дѣлая безстрастное лицо. — Знаете-ли вы, Софья Игнатьевна, что вы наканунѣ разоренія? Нѣтъ? И понятно, потому что этого не подозреваетъ и самъ Игнатій Львовичъ... Этотъ Пуцилло-Маляхинскій такъ запуталъ всѣ дѣла Игнатія Львовича...

— Какой Пуцилло-Маляхинскій? Ахъ, да, я все забываю: Альфонсъ Богданчъ... Такъ-бы и говорили!

— Въ томъ-то и дѣло, что Альфонса Богданчыча нѣтъ больше, а есть Пуцилло-Маляхинскій, который, какъ мертвый грибокъ, выросъ на развалинахъ вашего богатства. Я говорилъ съ вашимъ новымъ управляющимъ и самъ просматривалъ конторскіе отчеты и смѣты: всѣ дѣла запущены до безобразія, и, въ случаѣ ликвидаціи, дай Богъ свести концы съ концами. Конечно, за Игнатія Львовича стоитъ его собственное имя, но вы представьте себѣ такой случай, что послѣ перваго параличнаго удара послѣдуетъ второй... Въ торговомъ мірѣ богатство — это мыльный пузырь, который разлетается мгновенно радужными брызгами. Вѣдь раззорился-же старикъ Бахаревъ, раззорились многіе другіе отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ...

— Все это хорошо и очень убѣдительно, но я не понимаю одного: причемъ тутъ именно я?

— Позвольте... Вы, вѣдь, знаете про приваловскую опеку и слышали, что Nicolas началъ въ Петербургѣ противъ насъ, опекуновъ, процессъ? Хорошо. Дѣло это крайне запутанное, такъ что мы останемся въ отвѣтѣ за всѣ упущенія, которыя

были надѣланы по опеку въ теченіи двадцати лѣтъ. У насъ была одна надежда... но она лопнула. Теперь предстоитъ скандальный процессъ, который можетъ кончиться обвиненіемъ въ мошенничествѣ, т. е. ссылкой не въ столь отдаленныя мѣста Сибири. Подумайте, какъ будетъ вашъ полубольной отецъ фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ... Ему не перенести такого позора, и если онъ не умретъ до суда, то умереть во время самого суда.

— Слѣдовательно, вы думаете, что какими-то путями я могу спасти васъ?..

— О, нѣтъ... тысячу разъ нѣтъ, Софья Игнатьевна!.. горячо заговорилъ Половодовъ. — Я говорю о вашемъ отцѣ, а не о себѣ... Я не левъ, а вы не мышъ, которая будетъ разгрызать опутавшую льва сѣть. Дѣло идетъ о вашемъ отцѣ и о васъ, а я остаюсь въ сторонѣ. Вы любите отца, а онъ, по старческому упрямству, всѣхъ тащить въ пропасть вмѣстѣ съ собой. Еще разъ повторяю: я не думаю о себѣ, но отъ васъ вполне зависитъ спасти вашего отца и себя...

— Именно? какъ-то равнодушно проговорила Зося.

— Гмъ... замаялся немного Половодовъ, потомъ нетвердымъ голосомъ проговорилъ:—Выходите за этого Привалова...

Зося нѣсколько мгновеній молчала, а потомъ, взглянувъ въ глаза Половодову, тихо проговорила:

— А если я... люблю *этого* Привалова, котораго вы считаете дуракомъ?

— Тѣмъ лучше для васъ... машинально отвѣтилъ Половодовъ, не вѣря собственнымъ ушамъ.

Д. Сибирякъ.

(Конецъ четвертой части).

ДУМА.

Мозгъ опьянѣлъ отъ долгой муки; въ жилахъ
Течеть не кровь—ключемъ бунтуется желчь,
И вѣра пылая ироніей холодной
Убита вѣроломно. Какъ скупцы,
За девятю мы бережемъ замками
Мечты завѣтныя, и есть онѣ, иль нѣтъ,—
Ни другъ, ни врагъ не знаетъ, ни хозяинъ!
И часто жгучее находимъ мы блаженство
(А послѣ плачемъ въ тишинѣ полночной),—
Безмысленно терзая, безъ нужды
И безъ того истерзаннаго друга:
Незримые толпѣ, но вѣрные удары
Въ бодрое сердце нанося, бросаю
Слова вражды, безумныя слова...
Въ душѣ любя тепло и безгранично...
О, для чего? Кто мнѣ отвѣтитъ, кто?

Иль мало горя намъ, даваемого жизнью,
Иль мало крови, сердца теплой крови
Змѣей сомнѣнья выпито? Иль мало
Давиль насъ гнетъ неволи и нужды,
Мгновеній лучшихъ отнялъ невозвратно?..

Другъ милый мой!—наединѣ съ собой
Даю тебѣ вѣжвѣйшее названье...
Безцѣнный другъ! взгляни впередъ, кругомъ,
Въ больное сердце загляни: уходитъ
За годомъ годъ, слабѣютъ жизни силы...
Все ближе ночь безъ проблеска зари,
Все гуще мракъ и кругъ друзей тѣснѣе...
Все холоднѣй въ душѣ и безнадежнѣй...

О, неужли-жь нигдѣ спасенья нѣтъ?!
Ужѣли нѣтъ? ужѣли невозможно,
Смиривъ гордыню, сбросить маски съ лицъ
И вырвать ложь-чудовище изъ сердца:
Заплакать громко-громко, безъ стыда,
Пожать другъ другу крѣпко-крѣпко руки—
И выйти въ путь на трудъ упорный?..

1883 г.

П. Якубовичъ.

ДИКАРКА.

Романъ Андрэ Терье.

Часть вторая.

I.

Отдѣленная отъ Обрива однимъ изъ самыхъ богатыхъ лѣсныхъ участковъ кантона, деревня Руэль находится у самаго входа въ долину, врѣзываясь клиномъ въ Монтавуарскій лѣсъ, который съ трехъ сторонъ окружаетъ ее амфитеатромъ поросшихъ лѣсомъ склоновъ. Въ концѣ единственной улицы и нѣсколько въ сторонѣ отъ нея стоитъ древнѣйшій замокъ, приземистое, квадратное строеніе съ высокою черепичатою крышею, съ заросшимъ травомъ дворомъ и съ двумя башенками въ видѣ голубятенъ. Жилые покои его не особенно комфортабельны. Въ комнатахъ нижняго этажа зимою царствуетъ ледяной холодъ, а лѣтомъ—сырая, затхлая атмосфера. Когда дуетъ западный вѣтеръ, онъ съ жалобнымъ воемъ врывается въ переднюю и поетъ свои заунывные пѣсни вдоль лѣстницъ и корридоровъ. Въ верхнемъ этажѣ комнаты нѣсколько болѣе удобобитаемы, но видъ, открывающійся изъ ихъ оконъ, далеко не живописенъ; передъ домомъ тянется садъ, окаймленный рядами малорослыхъ грабинъ, съ цвѣтниками, гдѣ дико разросшаяся зелень глушитъ послѣдніе цвѣты; за этимъ садомъ, видѣнъ другой, фруктовый, въ которомъ обросшіе мохомъ яблони приносятъ плоды только въ три года разъ, а дальше, зеленѣетъ узкая болотистая луговина, въ концѣ которой, у самой опушки лѣса, находится маленькій прудъ.

Одинъ видъ этого пруда, который не даромъ прозвали Унылымъ прудомъ, уже способенъ навести тоску. Высокій камышъ, охватившій его шелестящимъ поясомъ со всѣхъ сторонъ, съ каждымъ годомъ все дальше подвигается къ серединѣ. Благодаря илистому дну, небольшая площадь стоячей воды, выглядывающая между листьями различныхъ водяныхъ растений, приобретаетъ тусклый, свинцовый колоритъ. Вокругъ, подъ вѣчною тѣнью высокихъ деревьевъ, растетъ мало цвѣтовъ.

Тѣмъ не менѣе, Адриенна рѣшила провести въ этой уединенной, унылой мѣстности свой медовый мѣсяцъ,—частью на зло обривскимъ жителямъ, частью вслѣдствіе соображеній чисто эгоистическаго свойства. Она хотѣла всецѣло обладать Франсисомъ и вдали отъ докучливаго любопытства наслаждаться осеннимъ разцвѣтомъ любви. Страсть, загорающаяся поздно у такихъ пламенныхъ и сосредоточенныхъ женщинъ, какъ мадамъ Лебретонъ, поглощаетъ все существо ихъ и обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше была подавлена. Эта уроженка лангрскихъ горъ, съ холодною внѣшностью и горячимъ сердцемъ, таила въ глубинѣ души неутолимую жажду нѣжности и привязанности, доведенную до крайнихъ предѣловъ восемнадцатилѣтнимъ воздержаніемъ. Поэтому одиночество, которое ожидало ихъ въ Руэлѣ, не пугало ее; она желала-бы, если возможно, сдѣлать его еще болѣе полнымъ и абсолютнымъ, увѣренная, что Франсисъ Помрѣ такъ-же страстно желаетъ этого уединенія, какъ и она сама; она не замѣтила ни гримасы, ни сдержанной улыбки лѣсничаго, когда онъ въ первый разъ посѣтилъ ихъ новую резиденцію.

Адриенна употребила всѣ усилія, чтобы по возможности украсить старый замокъ. Въ теченіе всего сентября мѣсяца въ немъ кипѣла работа, и хотя окружающая мѣстность, по необходимости, сохраняла свой прежній характеръ, зато внутренность замка теперь невозможно было узнать.

Въ день св. Михаила, послѣ восьмидневнаго путешествія, прогостивъ нѣсколько дней въ маленькомъ городкѣ, гдѣ жило семейство Помрѣ, молодые окончательно водворились въ замокъ. Адриенна убѣждала своего мужа подать въ отставку и онъ безъ сожалѣнія отказался отъ карьеры лѣсничаго, находя, что теперь у него будетъ достаточно хлопотъ и со своими собственными лѣсами. Дениза, разумѣется, вмѣстѣ съ ними поселилась въ Руэлѣ.

Въ первое время одна мысль объ этомъ бракѣ приводила ее въ негодованіе, и она повторяла всѣмъ и каждому, что ненавидитъ Франсиса Помрэ, но затѣмъ, безъ всякой видимой причины, въ настроеніи ея вдругъ наступилъ одинъ изъ тѣхъ рѣзкихъ поворотовъ, которые были свойственны ея своенравной натурѣ, сотканной изъ противорѣчій и неожиданныхъ порывовъ. Теперь она, повидимому, была въ восторгѣ отъ семейной обстановки, въ которую попала, и разыгрывала въ обществѣ молодыхъ супруговъ роль наивной дѣвочки. Нерѣдко, по вечерамъ, послѣ обѣда, когда они всѣ сидѣли въ гостиной, въ которой въ это время еще не зажигались свѣчи, Дениза часто принималась тормашить самого Франсиса къ немалому удовольствію мадамъ Помрэ, которой пріятно было видѣть, что ея неукротимая Дикарочка начинаетъ относиться дружелюбно къ тому человѣку, на котораго еще недавно смотрѣла, какъ на врага. Въ то время, какъ онъ преспокойно курилъ, сидя на диванѣ, Дениза вскакивала къ нему на колѣни, вырывала у него изо-рта сигару и выбрасывала ее за окно; затѣмъ, стараясь подражать лепету маленькой дѣвочки, она говорила Франсису, что и онъ тоже ея папаша, что она не оставитъ его въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не поклянется, что будетъ любить свою дочку и никогда не станетъ ее бранить. Когда онъ исполнялъ ея желаніе, она прибавляла:

— Ахъ, какой вы милый! Дайте-же я васъ за это поцѣлую.

И, опершись локтями на плечи Франсиса, она обѣими руками брала его за бороду и звонко поцѣловала его въ обѣ щеки.

Иногда, когда онъ не могъ удержаться отъ суроваго порицанія, дѣло кончалось бурною сценою и слезами. Дениза топала ногою, выбѣгала, хлопнувъ дверью, и на другой день пропадала съ утра до ночи. Она убѣгала въ лѣсъ, въ которомъ знала всякую тропинку, не хуже самыхъ старыхъ дровосѣковъ, и, чтобы отвести душу, принималась бродить гдѣ попало; дружилась съ бродячими башмачниками, фабриковавшими здѣсь деревянные башмаки, съ угольщиками, словомъ—со всѣмъ людомъ, обитавшимъ и попадавшимъ въ лѣсу; завтракала картофелемъ, который пекла въ золѣ какой-нибудь незатѣйливой печки, вмѣсто десерта закусывала орѣхами, набранными въ лѣсной чащѣ, и возвращалась домой

только къ ночи, растрепанная, въ изодранныхъ башмакахъ, съ разстегнутымъ лифомъ, съ обтрепанной юбкой, принося съ собою острый запахъ лѣсныхъ растений. Глаза ея горѣли, ноздри расширялись, всею своею фігурою и походкою она невольно напоминала лѣсную нимфу. Казалось, какъ будто всѣ дикіе инстинкты, вся страсть къ бродяжничеству, развившіяся въ цѣломъ рядѣ поколѣній дровосѣковъ, отъ которыхъ она происходила, сосредоточились въ ней и вдругъ съ неудержимою силою прорывались наружу. Однажды, въ сторонѣ лѣсной опушки, слышались звуки бѣшенаго галопа, и вскорѣ изъ-за деревьевъ показалась Дикарка верхомъ на молодой коровѣ, которую она встрѣтила на одной изъ лѣсныхъ лужаекъ. Схватившись за молодые рога испуганнаго животного, прищипывая его своими каблуками и таща за собою приставшія къ платью цѣпкія вѣтви ежевики и жимолости, она пронеслась галопомъ по единственной улицѣ Руэля, къ величайшему ужасу крестьянъ, и остановилась только тогда, когда, вся красная и запыхавшаяся, прискакала на дворъ зѣмка, гдѣ обезумѣвшая отъ страха корова въ изнеможеніи грохнулась на землю.

Послѣ такихъ мальчишескихъ выходовъ, она обыкновенно въ теченіи двухъ часовъ не выходила изъ гостинной, сидѣла, забившись въ уголь дивана, подобравъ подъ себя ноги, запустивъ одну руку въ свои рыжіе волосы, и, прищурившись, слѣдила за малѣйшимъ движеніемъ Франсиса Помрѣ. Ему становилось неловко подъ этимъ неотвязнымъ, пытливымъ взглядомъ, въ которомъ, по временамъ, вспыхивала злорадная усмѣшка; взглядъ этотъ раздражалъ его, и онъ начиналъ желать, чтобы ей опять пришла фантазія убѣжать въ лѣсъ, хотя-бы это повлекло къ какимъ-нибудь новымъ эксцентрическимъ подвигамъ. Безпрестанно проклиная этого маленькаго дьявола, который вносилъ смуту въ покойную жизнь зѣмка и приводилъ всѣхъ въ отчаяніе, Франсисъ, тѣмъ не менѣе, невольно поддавался непонятному для него самому обаянію Дикарки. Онъ находилъ въ ней какую-то типическую свѣжесть, напоминавшую дикіе яблоки, которые она ѣла въ тотъ день, когда онъ встрѣтилъ ее въ первый разъ. Подъ вліяніемъ этихъ противоположныхъ ощущеній, онъ возмущался ея слишкомъ свободными манерами и тою опасною фамилляр-

ностью, которая устанавливалась между нею и людьми, работавшими въ лѣсу.

Однажды, послѣ обѣда, замѣтивъ, что молодая дѣвушка, бродившая нѣсколько времени около пруда, направилась по дорогѣ, которая вела къ просѣкѣ, гдѣ производилась рубка лѣса, онъ отправился за нею. Не успѣвъ пройти и ста шаговъ, онъ увидѣлъ, какъ она съ ловкостью кошки взбиралась по крутому откосу и затѣмъ исчезла въ чащѣ. Быть можетъ, благодаря чутью, свойственному животнымъ и дикарямъ, она догадалась, что за нею слѣдятъ, и захотѣла сбить съ толку погоню; во всякомъ случаѣ, сдѣлавъ нѣсколько зигзаговъ, она дѣйствительно вскорѣ ускользнула отъ бывшего лѣсничаго. Однако, для того-ли только, чтобы подразнить своего черезчуръ любопытнаго отчима или прямо на зло ему, ея высокій сопрано, отъ времени-до-времени, разлавался среди лѣсной тишины, и изъ глубины какого-нибудь оврага или изъ непроходимой чащи кустовъ доносилось вызывающее: «ау!» какъ будто сигналъ, подаваемый Дикаркою какой-нибудь таинственной личности, ожидавшей ее въ лѣсу.

Прошагавъ съ полчаса почти наугадъ, руководимый иногда страннымъ крикомъ Денизы, которая подражала то дрожащему крику удода, то унылому возгласу кукушки, Франсисъ вышелъ, наконецъ, на вырубку, занимавшую два склона ущелья, по которому протекалъ ручей, сверкавшій мѣстами сквозь зелень какимъ-то особеннымъ, синеватымъ блескомъ. На разстояніи двухъ сотъ шаговъ отъ лѣса расположились башмачники. Рабочіе только-что отпаужинали и расхаживали по близости; одинъ изъ нихъ, растянувшись на кучѣ сухого папортника, спалъ. Въ то время, какъ Франсисъ оглядывалъ вырубленное пространство, Дениза, съ развѣвающимися по воздуху волосами, также вышла изъ лѣса. Она не замѣтила своего отчима, или-же, по крайней мѣрѣ, не обращала особеннаго вниманія на его присутствіе, такъ какъ продолжала идти по направленію къ шалашу рабочихъ.

Поровнявшись съ дремавшимъ башмачникомъ, она нѣсколько мгновений смотрѣла на него, потомъ порылась въ карманѣ и запустила въ спящаго горстью желудей. Онъ вскочилъ, потянулся и поднялся на ноги, привѣтствуемый дружнымъ смѣхомъ товарищей. Это былъ красивый парень, лѣтъ двадцати, хорошо сложенный, съ веселымъ, добродушнымъ ли-

цомъ и пробивающейся русой бородкой. Между нимъ и молодой дѣвушкой завязался оживленный разговоръ. Они бесѣдовали, какъ два товарища, жестикулируя и по временамъ заливаясь громкимъ смѣхомъ. Эта фамиллярность необыкновенно раздражала Франсиса; онъ вышелъ и сердито крикнулъ:

— Дениза!

Она на половину повернула голову въ его сторону и невозмутимо продолжала разговоръ.

— Бьюсь объ закладъ, что да! воскликнула она, наклоняясь къ башмачнику.

— Бьюсь объ закладъ, что нѣтъ! возразилъ послѣдній...— Что дадите, коли выйдетъ моя правда?

— Хорошенькій ножикъ, что у меня въ карманѣ... А вы?

— Пару самыхъ лучшихъ башмаковъ изъ букового дерева.

Онъ протянулъ ей свою широкую, мозолистую руку, и она ударила по ней безъ церемоніи, по-товарищески.

— Ну, теперь за вами очередь, барышня! сказалъ онъ смѣясь.

Ударивъ тихонько по ея маленькой смуглой ручкѣ, парень удержалъ ее въ своихъ толстыхъ пальцахъ, крѣпко потрясъ ее и воскликнулъ:

— Что обѣщано, то обѣщано! Отъ слова, чуръ, не отпираться!

Франсисъ быстрыми шагами направился къ собесѣдникамъ.

— Дениза! повторилъ онъ такимъ тономъ, который не допускалъ возраженія; — подите сюда, мнѣ нужно съ вами поговорить!

Она повела плечами, какъ дѣлаютъ капризные дѣти, кивнула головой башмачнику и на нѣкоторомъ разстояніи послѣдовала за Франсисомъ, который съ недовольною миною снова направился къ лѣсу.

Они пошли по каменистой тропинкѣ, усыпанной сухими листьями, и нѣкоторое время не говорили ни слова. Вдругъ Франсисъ Помре обернулся къ молодой дѣвушкѣ, которая шла за нимъ, щелкая орѣхи.

— Дитя мое, началъ онъ рѣзкимъ тономъ; — вы усвоили

себѣ въ обращеніи съ этими людьми такія манеры, которыя неприличны ни вашему возрасту, ни вашему положенію.

Она искоса взглянула на него съ насмѣшливой, вызывающей улыбкой.

— Да вамъ-то до этого какое дѣло? спросила она.

— Женившись на вашей матери, я считаю себя отвѣтственнымъ за ваши поступки и имѣю право положить конецъ этимъ неумѣстнымъ фамиллярностямъ.

— Когда я фамиллярна съ вами, это вамъ надоѣдаетъ, когда вы видите, что я фамиллярна съ другими, вы сердитесь... Вы ничѣмъ не довольны!.. Не могу-же я жить, какъ ежъ; нужно-же, чтобы и у меня были друзья.

— Ваша мать васъ любитъ; мнѣ кажется, что этого достаточно.

— Моя мать любитъ только васъ и на все смотритъ вашими глазами... Для васъ этого можетъ быть достаточно, но для меня--нѣтъ!

Она встряхнула головой, скрестила руки на груди и съ сердцемъ подбрасывала ногою сухіе листья.

— Наконецъ, вѣдь вы ужъ не ребенокъ, продолжалъ Франсисъ; — вамъ болѣе семнадцати лѣтъ; въ ваши годы молодая дѣвушка не должна пожимать руку двадцатилѣтнему парню, хотя-бы онъ былъ башмачникъ.

— Вотъ какъ! воскликнула она, заливаясь смѣхомъ и взглянувъ на него искоса; — стало быть, вы уже не считаете меня пансіонеркой, на которую не стоитъ обращать вниманія?.. Что-жь, хорошо, что я хоть этого добилаь...

— Пока вы будете на моемъ попеченіи, я не потерплю, чтобы вы рыскали по лѣсу и водили дружбу съ этими людьми.

— Еще одно слово, и я тотчасъ-же вернусь къ нимъ! воскликнула она вызывающимъ тономъ, отступая на нѣсколько шаговъ.

— Этого я не позволю! возразилъ онъ, стиснувъ зубы... Съ этими словами онъ крѣпко схватилъ ее за руку и потащилъ за собою.

— А, такъ вотъ какъ вы дѣйствуете! крикнула она, вся вспыхнувъ и упираясь изо-всѣхъ силъ; — хорошо-же, увидимъ, чья возьметъ!

Она сопротивлялась съ такою силою, что онъ принужденъ былъ схватить ее за обѣ руки, чтобы парализовать ея усилія.

Нѣсколько мгновений они боролись молча; она выбивалась съ бѣшеной энергіей, онъ старался держать ее еще крѣпче. При этомъ его волновали самыя противоположныя чувства: досада, гнѣвъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то новое ощущеніе, которое возбуждало его и лишало хладнокровія. Понявъ, наконецъ, что сила не на ея сторонѣ, молодая дѣвушка, въ припадкѣ безсильной злобы, вдругъ нагнулась и укусила руку своего противника.

Вскрикнувъ отъ боли, Франсисъ выпустилъ Денизу. Она укусила его до крови. Вдругъ она увидѣла окровавленную руку и поблѣднѣла. На глазахъ ея выступили слезы. Она снова бросилась къ Франсису и на этотъ разъ губы ея поцѣловали то мѣсто, гдѣ виднѣлись слѣды ея рѣзцовъ, отмѣченные алыми капельками

— Простите! прошептала она умоляющимъ тономъ. — Вамъ очень больно?.. Простите!

Въ то-же время она обтирала своимъ платкомъ укушенную руку.

Франсисъ почувствовалъ, какъ что-то сдавило его пересохшее горло, и отвернулся.

— Ничего, ничего, сказалъ онъ, отдергивая руку; — пойдите домой.

— Нѣтъ, прежде скажите, что вы на меня не сердитесь.

— Успокойтесь... я не сержусь.

— Ну, а теперь докажите, что вы мнѣ простили и поцѣлуйте меня.

Она положила обѣ руки на его плечи и, приподнявшись на ципочки, смиренно протянула ему губы.

— Нѣтъ! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, отстраняясь, отъ нея.

Она взглянула на него съ любопытствомъ своими золотистыми глазами, въ которыхъ вспыхнулъ ироническій огонекъ. Въ тотъ-же день, въ сумерки, мадамъ Помрэ возвращалась домой изъ деревни. Близъ опушки лѣса, она увидѣла одѣтую въ лохмотья женщину, которая шла къ ней на встрѣчу, сгорбившись подъ вязанкою хвороста; когда женщина эта остановилась, чтобы передохнуть, присѣвъ на кочку, около дороги, Адриенна узнала въ ней Манетту Тренкесъ. Она имѣла еще

болѣе жалкій видъ, чѣмъ обыкновенно, подойдя къ ней ближе, мадамъ Помрѣ замѣтила, что Манетта беременна.

— Здравствуйте, милая барыня, запѣла Манетта своимъ обычнымъ плаксивымъ голосомъ;—здравствуйте мадамъ Лебретонъ... то-бишь, мадамъ Помрѣ... Ужь вы меня извините, я все еще не могу привыкнуть къ вашему новому имени... Все-ли вы въ добромъ здоровьи, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхали отъ насъ?

— Благодарю васъ, отвѣтила Адриенна, раскрывая свое портмонеэ и кладя серебряную монету въ красную руку Манетты;—ну, а вы какъ поживаете?

— Да вотъ, какъ видите, добрая барыня, захныкала Манетта, опуская глаза и посматривая на свою округлившуюся талью;—все по-прежнему, въ нуждѣ по горло; не везетъ намъ ни въ чемъ! . А здоровье вашего супруга?.. Да, впрочемъ, незачѣмъ мнѣ и спрашивать о немъ... я только-что встрѣтила его; онъ прогуливался въ лѣсу съ мадмуазель Денизой. Да какая она у васъ стала большая, совсѣмъ невѣста!.. Оба они молодые; со стороны-то глядя, ни-дать ни-взять, новобрачные. Признаться, я даже подумала, собирая хворостъ: видно мадамъ Помрѣ ужь очень довѣряетъ своему мужу, если позволяетъ ему бѣгать этакъ по лѣсу съ молоденькой дѣвушкой!

— Стыдитесь, Манетта! воскликнула Адриенна съ негодованіемъ. — Должно быть у васъ у самой худое на умѣ, оттого вы и людей любите чернить.

— Напрасно гнѣваться изволите, сударыня, продолжала Манетта, поднимаясь и поправляя на спинѣ вязанку. — Вѣдь барышня-то ему чужая, не правда-ли?... И годами-то онъ немного старше ея, а вы вѣдь сами знаете, мадамъ Лебретонъ, -- то бишь, мадамъ Помрѣ, — мужчины всѣ на одинъ ладъ, довѣряться имъ никогда не слѣдуетъ... Я въ этомъ убѣдилась горькимъ опытомъ... А впрочемъ, воля ваша; до меня это дѣло не касается, не правда-ли?..

— Прощайте! рѣзко прервала ее Адриенна и быстрыми шагами направилась къ замку, между тѣмъ какъ Жанетта продолжала свой путь, крихтя и задыхаясь подъ тяжестью своей ноши.

Коварные намеки Жанетты до такой степени взволновали мадамъ Помрѣ, что она въ тотъ-же вечеръ съ негодованіемъ

передала ихъ Франсису, какъ образчикъ недоброжелательнаго отношенія къ нимъ обривскихъ жителей.

— Вѣдь существуютъ-же на свѣтѣ такіе злые люди, которые не стыдятся выдумывать подобныя низости!... Но успокойся, прибавила она, протягивая мужу обѣ руки;—я не ревнива, и ужь конечно, не бѣдная моя дикарочка внушитъ мнѣ когда-нибудь такія недостойныя подозрѣнія.

Франсисъ невольно покраснѣлъ; довѣрчивыя слова жены смутили его до глубины души. Онъ рѣшился воспользоваться случаемъ и потребовать удаленія Денизы.

— Хотя подобная клевета вполне достойна презрѣнія, сказала онъ;—тѣмъ не менѣе намъ-бы не слѣдовало подавать къ ней поводъ, и я полагаю, что было-бы благоразумнѣе отослать Денизу въ ея монастырь... Она совсѣмъ не по лѣтамъ самостоятельна и сумѣла создать себѣ здѣсь такой бродячій образъ жизни, который можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ, какъ для нея самой, такъ и для насъ... Не даѣе какъ сегодня я видѣлъ, какъ она безъ всякой церемоніи пожимала руку одному молодому башмачнику, съ которымъ, мнѣ кажется, у нея установились черезъ-чуръ ужь фамиллярныя отношенія... По моему мнѣнію, два года строгаго надзора могли-бы принести ей только пользу.

Адриенна безъ труда согласилась на это предложеніе и въ тотъ-же день было рѣшено, что она отвезетъ Дикарку въ Sacré - Coeur въ первыхъ числахъ ноября. Когда о рѣшеніи этомъ было объявлено Денизѣ, она, противъ всякаго ожиданія, не стала протестовать, а ограничилась лишь тѣмъ, что пожала плечами, нахмурилась и ни съ кѣмъ не говорила. Только на другой день, встрѣтившись съ Франсисомъ лицомъ къ лицу на лѣстницѣ, она загородила ему дорогу и сказала, глядя ему прямо въ лицо:

— Ну что, добились своего? Радуетесь теперь?

— Радуюсь чему? спросилъ онъ, притворяясь, что не понимаетъ.

— Тому, что отдѣлались отъ меня, заставивъ отослать меня въ Sacré-Coeur...

— Это дѣлается для вашей-же пользы, и при томъ рѣшеніе, принятое вашею матерью, нисколько отъ меня не зависѣло.

— Къ чему лицемерить... Я отлично знаю, что обязана своимъ изгнаніемъ вамъ... Но это вамъ даромъ не пройдетъ.

Съ этими словами она удалилась, окинувъ его гнѣвнымъ взглядомъ, и заперлась въ своей комнатѣ.

Впрочемъ, наканунѣ отъѣзда, она какъ будто успокоилась и примирилась съ мыслью о предстоящемъ ей заточеніи. Къ ней вернулась прежняя безпечная, шумная веселость, и въ то утро, когда нужно было уѣзжать, когда чемоданъ ея уже былъ уложенъ въ экипажъ, въ которомъ она должна была усѣсться съ матерью, она спокойно вышла на дворъ и, дожидаясь отъѣзда, стояла возлѣ мадамъ Помрѣ, которая на прощанье цѣловалась съ мужемъ.

— Ну пойди-же, поцѣлуй и ты его, Дикарочка, сказала Адриенна.

— Прощайте, проговорилъ Франсисъ, — прщайте, дитя мое, будьте прилежны и ведите себя благородно.

Онъ протянулъ ей руку, но Дениза, казалось, не замѣтила этого; въ то время, какъ Адриенна давала послѣднія приказанія слугамъ, она бросилась ему на шею, и Франсисъ, ошеломленный такимъ неожиданнымъ порывомъ, почувствовалъ, какъ двѣ горячія губы страстно прильнули къ его губамъ.

Затѣмъ Дениза, не глядя на него, прошептала: — До свиданія! и вскочила въ экипажъ.

II.

Черезъ недѣлю Адриенна вернулась, помѣстивши Денизу въ Sacré-Coeur. Она спѣшила возвратиться въ Руэль, чтобы всецѣло отдаться супружескому счастью, которое она купила цѣною столькихъ непріятностей. Тотчасъ послѣ ея возвращенія зима возвѣстила о своемъ приближеніи рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, который окончательно огодилъ буковыя деревья въ сосѣднемъ лѣсу. Журчанье ручьевъ умолкло, ледъ сковалъ камыши унылаго пруда. Вѣтви деревьевъ засверкали инеемъ; среди синеватой бѣлизны замерзшаго лѣса выступали только побурѣвшіе, крѣпко державшіеся на вѣткахъ, листья дубовъ. Вскорѣ небо покрылось тучами и повалилъ снѣгъ. Въ омрачившемся воздухѣ закружились мелкіе, частые хлопья и на другой день жители Руэля, проснувшись утромъ, увидѣли, что лѣса и поля покрыты густою бѣлою пеленою. Дороги исчезли, въ узкой долинѣ царила глубокая тишина; на нѣсколько недѣль прекратилось почти всякое сообщеніе между деревнею и остальнымъ міромъ.

Это время года, когда вся жизнь, вся теплота сосредоточивается въ небольшомъ пространствѣ, когда люди жмутся другъ къ другу и тщательно преграждаютъ доступъ холоду, — справедливо считается временемъ интимной семейной жизни. Такого мнѣнія держалась и мадамъ Помрэ; она не особенно негодовала на суровую зиму, которая совершенно уединила ихъ домъ и давала ей возможность всецѣло сосредоточить свою нѣжность на Франсисѣ. Въ высокой, уютной комнатѣ, которая сдѣлалась главною резиденціею молодыхъ супруговъ, круглый день пылалъ яркій огонь. Они почти не выходили отсюда, и вечеромъ, когда прислуга удалялась, Адриенна сама наливала Франсису чай, ухаживала за нимъ и баловала его. Она не скупилась на вниманіе и осыпала имъ мужа съ неблагоразумною щедростью, не подозрѣвая, что всѣ эти мелкія нѣжности, всѣ эти любовныя конфеты слишкомъ скоро приѣдаются мужчинамъ. Даже страсть, расточаемая въ такомъ изобиліи, быстро ведетъ къ пресыщенію, если не поддерживается, не освѣжается прочною сердечною привязанностью. Въ сердцѣ Адриенны эта привязанность, правда, существовала, но испытываль-ли ее въ такой-же степени Франсисъ, это было крайне сомнительно. Его чувство къ Адриеннѣ возникло и развивалось на почвѣ чисто инстинктивныхъ, эгоистическихъ побужденій, — честолюбивыхъ помысловъ, празднаго любопытства, любовныхъ порывовъ, объяснявшихся отсутствіемъ всякаго другого развлеченія; эти чувства въ первое время были простою прихотью, которой онъ и самъ не придавалъ серьезнаго значенія, и только внѣшнія условія привели его къ мысли о бракѣ. Любовь Франсиса походила на скороспѣлое деревцо, которое истощаетъ весь скудный запасъ своихъ соковъ на произведеніе цвѣтовъ, а затѣмъ сохнетъ и погибаетъ, будучи не въ силахъ принести плодовъ.

У Адриенны, наоборотъ, страсть, такъ поздно вырвавшаяся наконецъ наружу, находилась въ періодѣ полнаго развитія. Новобрачная отдавалась ей съ беззавѣтною необузданностью. Сладострастная атмосфера, которую она создавала вокругъ Франсиса, очень скоро стала казаться послѣднему душною и снотворною. Любовный пылъ, пробужденный въ немъ желаніемъ восторжествовать надъ страхами и сомнѣніями набожной молодой вдовушки, охладѣлъ послѣ первой-же побѣды. Чувственные инстинкты его, воспламененные въ первое время

пикантною смѣсью преувеличенной стыдливости и жгучей страстности, очень скоро притупились. Не прошло и трех мѣсяцевъ, какъ Франсисъ, охладѣвшій и протрезвившійся, уже сожалѣлъ, что промѣнялъ свободу на это скучное существованіе раба, закованнаго въ золотыя цѣпи; онъ упрекалъ себя за то, что соблазнился перспективою богатства, и съ тоскою спрашивалъ себя, какъ ему удастся честно нести свой крестъ до конца, безъ тщетныхъ попытокъ порвать эти неразрывные узы, приковывавшіе его къ женщинѣ, которая лѣтъ черезъ десять, а можетъ быть и раньше, будетъ уже старухой. — А между тѣмъ бѣдная Адриенна дѣлала все, что только было возможно, чтобы удержать бѣгущую молодость и отдалить приближавшійся періодъ увяданія. Она заботилась о своемъ туалетѣ, прибѣгала ко всѣмъ уловкамъ женскаго кокетства, выбирая для своихъ нарядовъ отдѣлки изъ яркихъ лентъ и цвѣтныхъ кружевъ, которыя должны были придавать ей весеннюю свѣжесть молодой новобрачной. Но спѣлый плодъ, подрумяненный осеннимъ солнцемъ, кажется еще болѣе зрѣлымъ, если окруженъ зелеными листьями. Розовые и бѣлые наряды еще рѣзче отбѣняли первые признаки наступающей осени. Франсисъ находилъ даже, что выразительное лицо его жены подурнѣло послѣ свадьбы: строгая линія черныхъ бровей выступила еще рѣзче, смуглое лицо стало еще темнѣе, правильныя, нѣсколько рѣзкія черты его приняли какое-то жесткое выраженіе. Ни одно изъ средствъ, рекомендуемыхъ модными журналами, не въ состояніи было ни изгладить слѣдовъ неумолимаго времени, ни подогрѣть охладѣвшаго пыла молодого мужа. Проведя цѣлый день въ абсолютной праздности, зѣвая надъ какой-нибудь книгою и выкуривая сигару за сигарой, Франсисъ съ ужасомъ ожидалъ наступленія вечера и начиналъ даже сожалѣть о своей скромной одинокой постели въ деревенской гостинницѣ, гдѣ онъ, бывало, такъ мирно засыпалъ послѣ утомительной прогулки по лѣсу. Просыпаясь утромъ, онъ видѣлъ возлѣ себя подъ кокетливымъ чепчикомъ изъ цвѣтныхъ бантиковъ и темныхъ кружевъ задумчивое, строгое лицо Адриенны, которое утратило въ его глазахъ всякую прелесть, и невольно вспоминалъ о Дикаркѣ, объ этомъ лѣсномъ яблочкѣ, который вносилъ съ собою въ домъ свѣжее, опьяняющее благоуханіе молодости.

Мало-по-малу онъ сталъ пользоваться всевозможными пред-

логами, чтобы спать отдѣльно, въ комнатѣ, которую называлъ своимъ рабочимъ кабинетомъ. Адриенна была слишкомъ проницательна и слишкомъ серьезно относилась къ своему собственному чувству, чтобы не замѣтить этого охлажденія, какъ ни старался Франсисъ обставить его ловкими предлогами. Въ первую минуту, это открытіе по-дѣйствовало на нее, какъ грубый ударъ, направленный противъ высшаго ея счастья; затѣмъ она старалась обмануть себя; такая рѣзкая перемѣна невозможна; человекъ, такъ страстно любившій ее нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не могъ внезапно перейти къ равнодушію... Быть можетъ, Франсисъ нездоровъ, утомленъ; но, чтобы счастье ихъ такъ быстро его пресытило, — это невозможно. Къ несчастію, здоровье Франсиса было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, спалъ восемь часовъ сряду; словомъ, объяснять его холодность болѣзненнымъ состояніемъ было крайне трудно. Къ тому-же, во всемъ его поведеніи, въ его взглядѣ, въ манерѣ говорить было что-то особенное, въ чемъ не можетъ ошибаться любящая женщина...

Адриенна умѣла сдерживаться. Она затаила въ себѣ свои опасенія, свои подозрѣнія, свое горе и, ничѣмъ не обнаруживая ихъ, съ болью въ сердцѣ наблюдала за мужемъ. Такъ какъ она не жаловалась и никогда не обращалась къ нему съ упрекомъ, то Франсисъ убѣдилъ себя, что она ничего не замѣчаетъ, и, освободившись отъ опасенія оскорбить ее своею холодностью, сталъ стѣсняться еще меньше.

Однажды утромъ они сидѣли за завтракомъ; горничная удалилась, поставивъ на столъ кофе. Деревья, освободившіяся отъ своего снѣговаго савана, снова выступали черною сѣтью на бѣломъ фонѣ лѣсной почвы; дубы поднимали къ небу свои узловатые, могучіе сучья, буки отличались отъ нихъ своею гладкою, блестящею корою и изобиліемъ гибкихъ, спускавшихся книзу вѣтвей. Прудъ дымился, какъ кипящій котелъ; кое-гдѣ на поляхъ, слой быстро таявшаго подъ дождемъ снѣга становился до такой степени тонкимъ, что сквозь него просвѣчивала нѣжная зелень луговъ или бурая поверхность пашень. Дождь лилъ не переставая; со всѣхъ сторонъ слышались плескъ и журчанье воды; стекла въ рамахъ какъ будто обильвались слезами; изъ кровельныхъ желобовъ вода потока-

ми низвергалась на вымощенный дворъ; въ воздухѣ, казалось, стояло непрерывное рыданье.

Выпивъ свой кофе, Франсисъ машинально всталъ; не зная что съ собою дѣлать, онъ переходилъ отъ стола къ окну; приподнявъ уголь гардины, онъ смотрѣлъ въ окно, насвистывая потихоньку какой-то мотивъ, старался подавить зѣвоту и съ тоскою спрашивалъ себя, какъ онъ проведетъ этотъ длинный дождливый день. Адриенна сидѣла на креслѣ, возлѣ камина, подперши голову рукою, сдвинувъ брови, и молча наблюдала пасмурную мину и нетерпѣливыя движенія мужа. Уставъ наконецъ слоняться изъ угла въ уголь, словно волкъ въ своей клѣткѣ, Франсисъ съ рѣшительнымъ видомъ вынулъ изъ кармана портсигаръ и направился къ двери.

— Ты уходишь? спросила вдругъ Адриенна, въ то мгновеніе, когда онъ осторожно раздвигалъ занавѣсъ.

— Я пойду курить.

— Останься, я разрѣшаю тебѣ курить здѣсь... Приотвори окно, вотъ и все.

— Это невозможно, ты видишь, что дождь ударяетъ прямо въ окна и наводнитъ всю комнату.

— Ну что-жь, закуривай все-таки свою сигару; мнѣ пріятнѣе переносить табачный дымъ, чѣмъ остаться одной... Мы откроемъ окно, когда прекратится дождь.

— Не похоже, чтобы онъ скоро прекратился, замѣтилъ онъ, съ сожалѣніемъ поглядывая на ручку двери.

— Ничего, кури здѣсь... прошу тебя!

Лишившись единственнаго предлога, Франсисъ опустилъ приподнятую портверу и взялъ сигару, невольно обнаруживъ свою досаду нетерпѣливой гримасой и пожатиемъ плечъ. Онъ позабылъ о зеркалѣ, висѣвшемъ какъ разъ противъ того кресла, на которомъ сидѣла Адриенна. Въ этомъ зеркалѣ съ фотографическою точностью отразились злобный взглядъ и гнѣвное движеніе плечъ. Мадамъ Помрѣ увидѣла всю эту нѣмую пантомиму, какъ будто при свѣтѣ молніи, и вздрогнула.

— Франсисъ, сказала она;—вы меня уже не любите!

Франсисъ, закуривавшій въ это мгновеніе сагару, обернулся, покраснѣлъ и взглянулъ на жену, стараясь улыбнуться.

— Какой вздоръ!.. Я не люблю тебя?.. Изъ чего ты это заключаешь?

— Изъ всего... До сихъ поръ я, правда, ни на что не жаловалась; но неужели вы думаете, что я не замѣчаю, какъ вы ко мнѣ относитесь?.. Я наблюдаю, обдумываю свое положеніе, и думы мои, увѣряю васъ, невеселыя.

Оборотъ, которой принималъ разговоръ, повидимому, крайне смущалъ его; онъ усиленно курилъ, какъ-будто желая скрыть за облакомъ дыма свою встревоженную, сконфуженную физиономію.

— Мнѣ кажется, пробормоталъ онъ,—ты просто ко мнѣ придираешься. Какія у тебя обвиненія противъ меня? Въ чемъ ты можешь меня упрекнуть?

— Ни въ чемъ... Если вы сами считаете себя безупречнымъ, я умолкаю... Но я невольно припоминаю старое, сравниваю, и сравненіе настоящаго съ прошлымъ говорить не въ вашу пользу.

— Все это чрезвычайно неопредѣленно, воскликнулъ онъ съ усмѣшкой;—я-бы былъ тебѣ крайне обязанъ, если-бы ты дала мнѣ возможность отвѣчать на обвиненіе, сформулированное болѣе ясно... Въ чемъ заключается мое преступленіе? Развѣ я не живу неразлучно съ тобою? Развѣ я подавалъ тебѣ когда-нибудь хоть малѣйшій поводъ къ ревности?.. Да говори-же наконецъ! крикнулъ онъ, раздражаясь при видѣ невозмутимаго спокойствія Адриенны.

— Вспомните только, чѣмъ вы были для меня въ Обри-вѣ!.. Тогда вы не спѣшили избавиться отъ моего общества, не торговались изъ за cadaго часа, какъ теперь, не давали мнѣ чувствовать, что жертвуете мнѣ свое время, какъ милостыню!

— Какъ это все преувеличено!.. Милая моя, продолжалъ онъ съ досадою бросая въ каминъ свою сигару, -- вѣдь ты уже не сантиментальная дѣвочка, а разсудительная женщина... Позволь мнѣ поговорить съ тобою, какъ съ человѣкомъ благоразумнымъ...

— Я васъ слушаю, прервала она его саркастическимъ тономъ.—Посмотримъ, какъ вы мнѣ докажете, что женщины, хотя-бы въ моихъ лѣтахъ, могутъ обходиться безъ любви и привязанности.

— Моя привязанность къ вамъ нисколько не измѣнилась, возразилъ Франсисъ.--Что-же касается любви, или, говоря точнѣе, страсти, то вѣдь страсть, милый другъ, какъ и силь-

ныя грозы, скоро стихаетъ. Да, впрочемъ, въ семейной жизни она скорѣе вредна, чѣмъ полезна... Повѣрь мнѣ, самый лучший залогъ счастья—это прочная дружба, основанная на взаимномъ уваженіи и довѣріи.

Онъ долго говорилъ на эту тему, восхваляя спокойныя привязанности и умѣренныя чувства. Онъ самъ себя слушалъ и восхищался, съ какою красивою правильностью его закругленныя, размѣренныя фразы слѣдовали другъ за другомъ. Вдругъ потокъ его краснорѣчія былъ прерванъ взрывомъ гнѣва. Адриенна вскочила, дрожа отъ негодованія.

— Всѣ эти прекрасныя фразы вы должны-бы были преподнести мнѣ въ Обривѣ, прежде чѣмъ броситься къ моимъ ногамъ!.. Тогда вы твердили другое; вы обѣщали мнѣ безконечное обожаніе и вѣчно юную, неистощимую любовь... Боже, Боже! воскликнула она, ломая руки,—съ тѣхъ поръ не прошло и шести мѣсяцевъ, а эта страсть, которой и конца не предвидѣлось, износилась скорѣе, чѣмъ платье, которое было на мнѣ въ тотъ день!.. Вы спрашиваете, какія у меня противъ васъ обвиненія? . Вотъ они мои обвиненія: вы обманули меня, вы лгали передо мною!.. Если вы дѣйствительно думали въ то время такъ, какъ думаете теперь, то тогда и говорить объ этомъ слѣдовало, а не теперь... Это возмутительно!

— Адриенна! воскликнулъ онъ голосомъ, которому старался придать отеческое выраженіе;—прошу васъ, будьте благоразумны, смотрите на вещи хладнокровно... И тогда, точно такъ-же, какъ теперь...

— Нѣтъ, прервала она опять;—не продолжайте оправдываться!.. Позвольте мнѣ хоть думать, что въ Обривѣ вы не играли со мною жестокой комедіи.. Позвольте мнѣ вѣрить, что вы хоть на минуту любили меня... Безъ этой вѣры я была-бы слишкомъ глубоко несчастна!

При послѣднихъ словахъ, на большихъ, темныхъ глазахъ ея показались слезы, и грудь заколебалась отъ рыданій, между тѣмъ какъ на дворѣ проливной дождь по прежнему съ яростью барабанилъ въ стекла.

Франсисъ, которому стало жаль ея, дѣлалъ все, что только могъ, для того, чтобы успокоить эту внезапную бурю, разразившуюся слезами; онъ подошелъ къ женѣ, нѣжно жаль ей руки, уговаривалъ ее тихимъ голосомъ, какъ ребенка, котораго хотятъ усыпить, и повторялъ на всевозможные лады, что

она его дурно поняла, что онъ любить ее все такъ-же искренно, какъ и прежде... словомъ — миръ былъ заключенъ, и ссора на этотъ разъ была кое-какъ улажена. Но послѣ жесткихъ словъ, которыя были произнесены съ обѣихъ сторонъ и о которыхъ позабыть было трудно, прежнія интимныя отношенія уже не могли вернуться. Даже въ самыя благопріятныя минуты любовь ихъ не проявлялась съ неподдѣльной искренностью первыхъ дней. Между новобрачными, сошедшими шесть мѣсяцевъ тому назадъ, начинала раскрываться пропасть, которая съ каждымъ днемъ становилась глубже. Довѣрія между ними уже не существовало, такъ какъ обѣ стороны нанесли другъ другу глубокія, чувствительныя раны, которыя не заживаютъ, а напротивъ, со временемъ растрavляются все болѣе и болѣе. Несмотря на сохранившуюся еще любовь, Адрианна не могла примириться съ мыслью, что мужъ не вполне достоинъ ея уваженія. Франсисъ чувствовалъ, что опустился въ ея глазахъ, а сознаніе это унижало и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздражало его.

Въ отношеніяхъ супруговъ наступила новая фаза; любовь ихъ была подвержена приливамъ и отливамъ; нѣжности смѣнялись бурными сценами. Но даже въ часъ перемирія они тщетно старались забыть о прошломъ; въ глубинѣ души у каждаго таились заднія мысли, которыя отравляли всякое наслажденіе. Адрианна подозрѣвала, что Франсисъ ставитъ ей въ упрекъ ея годы, а послѣдній воображалъ себѣ, что жена его въ глубинѣ души считаетъ его за человѣка, рѣшившагося на этотъ бракъ по расчету. По временамъ, взгляды ихъ встрѣчались, какъ-будто оба желали прочесть другъ у друга въ глазахъ безмолвный упрекъ. Это обоюдное недовѣріе леденило ихъ подѣлу и заглушало всякій страстный порывъ въ самый моментъ его зарожденія. Въ попыткахъ ихъ вернуться къ прежней близости каждый разъ проглядывало что-то ненормальное, звучавшее болѣзненно рѣзко, какъ лопнувшая пружина. Они сами это замѣчали, раздражались и снова обмѣнивались горькими упреками.

Адриенну, разумѣется, жестоко поразила эта быстрая развязка. Для такой пламенной, сосредоточенной натуры, подобныя разочарованія въ любви сопряжены съ серьезными страданіями. Изъ гордости она сдерживалась, чтобы не обнаруживать терзавшаго ее горя, а это постоянное нравственное

усиліе болѣзненно отзывалось на ея нервномъ организмѣ. Мало-по-малу здоровье ея разстроилось. Вызванный изъ Лангра врачъ, объясняя Франсису болѣзнь его жены, глубокомысленно процитировалъ ему какое-то древнее изреченіе Гиппократа и вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовалъ устранять отъ мадамъ Помрѣ всякій поводъ къ нравственнымъ потрясеніямъ, въ особенности-же беречь ея нервы, которыя у нея чувствительны до крайности.

Когда Адриенна узнала, что она дѣйствительно больна, она затосковала еще пуще. Ее мучила мысль, что эта болѣзнь еще болѣе состаритъ ее въ глазахъ Франсиса и сдѣлаетъ его совершенно къ ней равнодушнымъ; а такъ какъ одно изъ проявленій этого недуга заключается въ наклонности преувеличивать малѣйшую неприятность, то бѣдная женщина, понятно, то и дѣло поддавалась приступамъ самого мрачнаго настроенія, которые еще болѣе омрачили и безъ того уже тяжелую нравственную атмосферу, господствовавшую въ Руэлѣ.

Надо отдать справедливость Франсису Помрѣ; онъ велъ себя въ это трудное время, какъ заботливый, внимательный мужъ. Подъ вліяніемъ-ли угрызенія совѣсти, или по чувству великодушія, — какъ-бы то ни было, онъ старался заставить Адрианну забыть о буряхъ, которыя нарушили спокойствіе ихъ семейной жизни.

Несмотря на всѣ эти нѣжныя заботы, здоровье Адриенны не поправлялось. Устроили новую консультацию, и доктора порѣшили, что мадамъ Помрѣ необходимо въ концѣ іюня ѣхать въ Пломбьеръ и пользоваться тамошними водами, которыя навѣрно подѣйствуютъ благотворно на ея здоровье. Она съ радостью привѣтствовала надежду, которую открывали передъ нею въ будущемъ, и энергично принялась за приготовленія къ отъѣзду. Франсисъ объявилъ, что будетъ сопровождать жену въ Вогезы, но та самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивилась этому плану.

— Нѣтъ, другъ мой, сказала она мужу, — я тебѣ очень благодарна, но я ужъ не ребенокъ, могу пуститься въ дорогу одна и вообще привыкла дѣйствовать самостоятельно... Я возьму съ собою свою горничную, а если почувствую потребность въ болѣе веселомъ обществѣ, то напишу въ Sacré-Coeur, чтобы мнѣ прислали мою Дикарку... Тебѣ необходимо остаться въ Руэлѣ. Вспомни, что вѣдь я пробуду тамъ до конца

осени, а теперь какъ разъ время жатвы; мнѣ-бы очень хотѣлось, чтобы ты, вмѣсто меня, присмотрѣлъ за полевыми работами въ нашемъ обривскомъ имѣніи...

Франсисъ подчинился этому рѣшенію. Онъ отвезъ жену въ Лангръ, усадилъ ее въ вагонъ, который долженъ былъ довести ее до станціи Альвилье-Пломбьеръ, послѣ заботливыхъ наставленій и нѣжныхъ прощальныхъ объятій, проводилъ глазами уносившійся поѣздъ, сѣлъ въ свой экипажъ и вернулся къ обѣду въ Руэль.

Когда онъ, на слѣдующее утро, проснулся и вспомнилъ, что остался одинъ въ этомъ большомъ, безмолвномъ домѣ, ему на мгновеніе показалось, какъ-будто онъ снова превратился въ холостяка. На душѣ было какъ-то особенно весело, но о причинахъ этого веселія онъ не счелъ нужнымъ задумываться. Онъ всталъ, на-скоро позавтракалъ и поспѣшилъ въ лѣсъ. Онъ весело бродилъ по лѣснымъ дорогамъ и тропинкамъ, какъ вырвавшійся на волю школьникъ, который пріѣхалъ въ отпускъ и можетъ беззаботно предаваться удовольствіямъ, не смущаясь непріятною перспективою предстоящихъ уроковъ. На слѣдующій день онъ дошелъ до Обрива, присмотрѣлъ за косарями, работавшими на лугахъ, перекидывался шутками съ женщинами, ворошившими сѣно, и вернулся домой голодный. Подъ салфеткой своего прибора онъ нашелъ два письма: первое, со штемпелемъ Пломбьера, увѣдомляло его о благополучномъ прибытіи Адриенны; второе, украшенное символическимъ изображеніемъ пылавшаго сердца съ крестомъ, оказалось изъ дижонскаго монастыря Sacré-Coeur и было исписано каракулями, походившими на музыкальныя ноты.

Вотъ, что писала ему Дикарка:

«Я спрашивала себя, какъ начать это письмо,—называть ли васъ «папашей» или «милостивымъ государемъ». Первое обращеніе вы, конечно, сочли-бы за слишкомъ фамильярное, а второе показалось мнѣ уже черезъ-чуръ торжественнымъ; поэтому я рѣшилась обойтись вовсе безъ обращенія. Отъ матери я узнала, что вы теперь одиночествуете въ Руэль, увѣрена, что вамъ ужасно скучно, и пишу это письмо только для того, чтобы немного развлечь васъ. Пишу я его потихоньку и отсылаю при посредствѣ одной воспитанницы, которая завтра покидаетъ заведеніе, вотъ счастливица-то! — Мнѣ хотѣлось сказать вамъ, что я уже не сержусь на васъ и часто о

васъ думаю. Когда пойдете въ лѣсъ и попадете на вырубку, гдѣ мы съ вами въ послѣдній разъ встрѣтились, поклонитесь, пожалуйста, отъ меня нашимъ друзьямъ, башмачникамъ... Ахъ да, есть у меня къ вамъ еще одно порученіе: пожалуйста, пойдите въ мою комнату и поройтесь въ первомъ ящикѣ моего комода; вы найдете тамъ книгу въ синей оберткѣ, *Историю прекрасной Мелузины*; прошу васъ передать ее фермеру изъ Крилье, у котораго я брала ее читать... Затѣмъ цѣлую ту руку, которую укусила, и свидѣтельствую вамъ самое нижайшее почтеніе.»

Денизъ.

Франсисъ нашелъ это письмо дерзкимъ и неумѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе, оно цѣлый вечеръ не выходило у него изъ головы и невольно заставляло его думать о пансіонеркѣ, слушающей въ Sacré-Coeur. Разгадать характеръ этой Дикарки, казалось, было такъ-же трудно, какъ разобрать каракули ея письма. Не легко было, на примѣръ, рѣшить, были-ли ея странныя выходки сознательны и предумышленны, или-же на нихъ слѣдовало смотрѣть, какъ на инстинктивные порывы бессознательной, стихійной природы? Во всякомъ случаѣ, это было опасное существо; и Франсисъ невольно радовался при мысли, что она не въ Руэлѣ. Онъ съ презрительной миной зажегъ ея письмо, закурилъ имъ сигару и легъ спать. Но утромъ, едва успѣвъ встать съ постели, онъ уже взялъ ключъ отъ двери, находившейся противъ его рабочаго кабинета, и въ первый разъ вошелъ въ комнату Денизы.

Вся обстановка въ этой комнатѣ вполне гармонировала съ эксцентрическими нарядами и странными манерами обитавшей здѣсь жилицы. Окна выходили въ лѣсъ. Стѣны были украшены множествомъ дешевыхъ картинокъ изъ Эпиналя, раскрашенныхъ яркими красками и изображающихъ *Дамона и Генриетту*, дѣвъ мудрыхъ и дѣвъ неразумныхъ. На мраморной доскѣ камина была разложена коллекція всякихъ, принесенныхъ изъ лѣса, предметовъ, которые свидѣтельствовали о вкусахъ и наклонностяхъ молодой дѣвушки; тутъ были сорочки и ослиныя гнѣзда, оленины рога, грабиновыя вѣтки съ обвившимися вокругъ нихъ и слившимися съ ихъ деревомъ побѣгами жимолости, большія желтыя бабочки съ черными полосами на крыльяхъ, оканчивавшихся остроконечными хвостиками. Среди всѣхъ этихъ бездѣлушекъ, напоминавшихъ фетиши, собранные

въ хижинѣ дикаря, стояла бамбуковая кровать съ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ. Франсисъ выдвинулъ указанный въ письмѣ ящикъ. Его обдало характеристическимъ женскимъ запахомъ, къ которому примѣшивалось благоуханіе мяты и медуницы. Чего только не было въ этомъ ящикѣ? Полинявшіе банты, шпильки для волосъ, старыя перчатки, истрепанныя книги, разорванныя шемизетки, бѣлыя юбки съ зелеными пятнами отъ травы, — все это было свалено сюда кое-какъ, въ невообразимомъ безпорядкѣ.

Вчерашнее письмо и посѣщеніе этой комнаты снова воскресили въ его памяти оригинальный, волновавшій ея образъ Денизы съ ея мальчишескими ухватками, гибкимъ, какъ у дикой козы, станомъ и блестящими глазами. Теперь этотъ образъ преслѣдовалъ его, какъ полузабытый, слышанный гдѣ-то мотивъ, который вдругъ прозвучитъ въ вашей головѣ и затѣмъ съ неотступною назойливостью жужжитъ въ ушахъ и день и ночь.

Лѣто было въ полномъ разгарѣ; лѣсъ сіялъ во всемъ своемъ великолѣпнн; всюду шелестѣла роскошная зелень, красовались яркіе цвѣты; въ воздухѣ пахло жимолостью и бирючиной. Въ лѣсной чащѣ томно ворковали горлицы и страстный призывъ ихъ будилъ чувственный отголосокъ въ сердцѣ Франсиса. Въ сумерки онъ вернулся въ замокъ, ошеломленный, усталый, но съ такими возбужденными нервами, что долго не могъ заснуть.

Такимъ образомъ прошло двѣ недѣли. Однажды вечеромъ, когда онъ только что окончилъ обѣдъ, сидѣлъ у окна и смотрѣлъ, какъ надъ лѣсомъ одна за другою разгораются звѣзды, на дорогѣ послышался стукъ колесъ, затѣмъ позвонили у воротъ и до слуха его достигли возгласы изумленія, раздававшіеся въ передней. Въ то мгновеніе, когда онъ поднимался съ кресла, чтобы выглянуть въ окно, дверь растворилась и въ комнату вошла кухарка, видимо встревоженная.

— Что случилось? нетерпѣливо воскликнулъ Франсисъ.

— Баринъ, мадмуазель Дениза приѣхала.

— Да, это я! закричалъ пронзительный голосокъ, и кухарка, посторонившись, пропустила въ комнату Дикарку.

— Вы?

Франсисъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ приподнял колапакъ, надѣтый на лампу, и съ изумленіемъ смотрѣлъ на

Денизу, которая стояла передъ нимъ, скрестивъ руки. Но какъ она перемѣнилась!.. Восьми мѣсяцевъ было достаточно, чтобы произвести въ ней ту удивительную метаморфозу, которая совершается у дѣвушки между шестнадцатью и восемнадцатью годами. вмѣсто неуклюжаго подростка, уѣхавшаго въ ноябрѣ изъ Руэля, Помрѣ увидѣлъ передъ собою высокую, красивую дѣвушку съ стройной тальей, прекрасно сложенную. Плечи расширились и закруглились, развившаяся грудь приподнимала лифъ чернаго шелковаго платья, неправильныя черты изгладились, цвѣтъ лица былъ ослѣпительно свѣжій, роскошныя рыжіе волосы слегка потемнѣли; подобранные на затылкѣ въ видѣ шиньона, они своею массою, казалось, оттягивали назадъ эту сіявшую молодостью головку съ алыми губами, полураскрытыми отъ вызывающей улыбки, съ трепещущими ноздрями, съ сверкающими глазами.

— Вы? повторилъ Франсисъ, не приходя еще въ себя отъ изумленія.

— Да, сказала Дениза съ притворною увѣренностью, которая не совсѣмъ гармонировала съ ея дрожащимъ голосомъ; — я умирала тамъ отъ скуки и наконецъ-таки добилась, что меня исключили. Меня не хотѣли даже оставить до возвращенія мамы.

— И вы вернулись одна? строго спросилъ Помрѣ.

— О, нѣтъ, успокойтесь, отвѣчала она съ иронической усмѣшкой; — меня провожала сестра-послушница, которая передастъ вамъ письмо отъ настоятельницы... Да, кстати, вѣдь она все еще въ передней, и я думаю, что ее нужно будетъ накормить ужиномъ... Увѣрю васъ, что она его заслужила!

III.

— Теперь, прошу васъ, объясните мнѣ, какимъ образомъ и за что вы заставили исключить себя изъ *Sacré-Coeur*... Я не хотѣлъ подвергать васъ унижительному допросу въ присутствіи «сестры», но теперь она уѣхала и я желалъ-бы узнать подробности этого приключенія, о которомъ обязанъ увѣдомить вашу мать.

При этомъ Франсисъ съ напускною серьезностью развертывалъ и снова складывалъ письмо настоятельницы. Дѣло происходило за завтракомъ, на другой день послѣ приѣзда Де-

низы, и кромѣ нихъ никого не было въ столовой. Дениза сидѣла, безцеремонно облокотившись на скатерть и ѣла вишни съ самымъ невозмутимо-спокойнымъ выраженіемъ лица. Она устремила на Франсиса свои большіе, блестящіе глаза и отвѣтила:

— Мнѣ казалось, что все происшествіе въ подробности рассказано въ письмѣ мадамъ де-Линьякъ.

— Настоятельница только упоминаетъ о неповиновеніи, о возмутительномъ скандалѣ, послѣ котораго ей невозможно держать васъ въ своемъ заведеніи!... Надѣюсь, однако, что она преувеличиваетъ.

— Нѣтъ, не особенно... Съ точки зрѣнія пансіонскаго начальства, я совершила уголовное преступленіе, тѣмъ болѣе, что оно было предумышленное. Да вотъ, судите сами: — я считаюсь дурной ученицей, но за то отличаюсь смѣлостью и хорошею памятью, поэтому всякій разъ, когда нужно было декламировать публично какіе-нибудь стихи или привѣтствіе, начальница пускала въ ходъ мои таланты. Въ прошлое воскресенье, въ нашемъ монастырѣ готовилось блестящее празднество въ честь его преосвященства: завтракъ, музыка, декламация избранныхъ стихотвореній. На мою долю выпала самая эффектная пьеса, басня Лафонтэна, «Мельникъ, его сынъ и осель», которою я всегда производила фуроръ. Бѣда только въ томъ, что въ баснѣ этой есть престранная строфа, въ которой дѣтина, усѣвшійся на осла, сравнивается съ епископомъ. «Вы понимаете, дитя мое, сказала мнѣ настоятельница, потупивъ взоръ; — господинъ де-ла-Фонтэнъ позволялъ себѣ иногда слишкомъ вольное выраженіе, а въ присутствіи его высокопреосвященства такой намекъ былъ-бы крайне неприличенъ; вы замѣните слово «епископъ» словомъ «вельможа»... не забудьте-же!..» Прекрасно! Наканунѣ торжества устраиваютъ репетицію на эстрадѣ, и я декламирую съ цензурною поправкою: «преважно, какъ вельможа». Меня осыпаютъ комплиментами: — «Превосходно, восхитительно! его высокопреосвященство будетъ въ восторгѣ!..» Настаетъ торжественный день. Сѣзжается многочисленная, знатная публика: три епископа, десятокъ отцовъ-іезуитовъ и цѣлая орава священниковъ. Въ промежутокъ между двумя фортепьянными пьесами меня толкаютъ въ плечо, я выхожу на самый край эстрады, дѣлаю реверансъ и начинаю. Все идетъ прекрасно;

вы-бы послушали, какъ усердно всѣ эти толстыя, бритыя губы шептали «браво!..» Но вотъ дѣло доходить до завѣтнаго пассажа; я перевожу дыханіе, обращаюсь къ тремъ епископамъ и, подчеркивая каждое слово жестомъ, взглядомъ и голосомъ, прямо кидаю имъ въ лицо знаменитое двустишіе:

И вотъ, нашъ шалопай, преражно, какъ епископъ,
Усѣвшись на осла, пустился снова въ путь...

— Гробовое молчаніе; епископы и глазомъ не моргнули; только нашъ, дижонскій, наклонился къ настоятелю и шепнулъ ей что-то на ухо, послѣ чего она молча возвела глаза къ небу. А я продолжаю, не смущаясь, и оканчиваю среди всеобщаго ледяного молчанія... Въ тотъ-же вечеръ, послѣ публичнаго порицанія, мнѣ приказали уложить свои вещи, а на другое утро меня вышвырнули за дверь, какъ негодную овцу. Божественное правосудіе было удовлетворено... да и я не меньше, потому-что только того и добивалась, чтобы меня исключили.

— А позвольте узнать, почему вы этого добивались? спросилъ Франсисъ, который во время разсказа не могъ удержаться отъ улыбки.

— А ужъ это мое дѣло, процѣдила она сквозь зубы.—Во-первыхъ, у меня была тоска по родинѣ...

— Адриенна будетъ очень недовольна, продолжалъ онъ, стараясь говорить какъ можно строже; — я напишу ей, что вамъ невозможно здѣсь оставаться... У меня нѣтъ никакой охоты брать на себя отвѣтственность надзора за вами.

Она встала, подошла къ окну и начала барабанить по стекламъ. Съ своего мѣста Франсисъ видѣлъ, какъ на свѣтломъ фонѣ окна рисовалась роскошная масса ея волосъ и изящная, волнообразная линія ея фигуры.

— Нельзя сказать, чтобы вы были любезны, отвѣтила она, не оборачиваясь.

Въ голосѣ ея слышалась дрожь, которая составляла странный контрастъ съ увѣренною, нѣсколько рѣзкою интонаціею, звучащею въ немъ съ минуту тому назадъ.

Помрѣ тотчасъ смягчился. Онъ сталъ упрекать себя за то, что обошелся съ нею такъ сурово, всталъ со стула и подошелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Дорогая Дениза, началъ онъ;—долгъ повелѣваетъ мнѣ не любезности вамъ оказывать, а говорить съ вами такъ, какъ

говорила-бы на моемъ мѣстѣ ваша мать, если-бы она была здѣсь...

— Я понимаю, прервала она, поворачиваясь къ нему; — вы хотите быть мнѣ отцомъ... А я вамъ говорю, что эта роль совсѣмъ вамъ не пристала; ну, право, совсѣмъ, совсѣмъ не пристала!..

— Пристала-ли она мнѣ, или нѣтъ, я буду выполнять ее, пока ваша мать не возьметъ васъ къ себѣ... А до тѣхъ поръ вы, надѣюсь, будете вести себя спокойно и выходить возможно рѣже.

— Вы меня сажаютъ подъ арестъ... на хлѣбъ и на воду!

Произнеся эти слова съ ироническою торжественностью, она тихо засмѣялась, и отъ этого смѣха у нея блеснули искорки въ глазахъ, обнаружались бѣлые зубы и на щекахъ появились ямочки.

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго! воскликнулъ Франсисъ, начинавшій раздражаться.

— Я смѣюсь надъ одною мыслью, которая пришла мнѣ въ голову во время вашей проповѣди.

Она уставилась на лѣвую руку своего собесѣдника и вдругъ воскликнула, перемѣняя разговоръ:

— Вотъ здѣсь, здѣсь я васъ укусила!

Съ этими словами она положила свой палецъ на то мѣсто, которое указывала, и нѣсколько мгновений оба стояли неподвижно; наконецъ Франсисъ схватилъ руку дѣвушки, касавшуюся его руки.

— Повѣрьте, дитя мое, продолжалъ онъ почти растроганнымъ голосомъ; — что всѣ мои слова имѣли въ виду только одно—вашу собственную пользу.

Она снова расхохоталась.

— Вы говорите ни дать, ни взять, какъ священникъ, который исповѣдовалъ насъ въ *Sacré-Coeur*: — «Все, что я вамъ говорю, дочь моя, направлено къ спасенію души вашей».

Она съ комическимъ смиреніемъ потупила глаза, покачивала головою и придавала лицу своему постное выраженіе.

— Ну, хорошо, прибавила она, медленно освобождая свою руку, — я удалюсь въ свою комнату; прикажете въ строгости исполнить ваши распоряженія?

— Дѣлайте, что хотите, сказалъ онъ съ досадою; — я не намѣренъ состоять при васъ въ должности тюремщика.

— И прекрасно дѣлаете!.. У всякаго довольно хлопотъ, чтобы усмотрѣть за собой... Покойной ночи!

Она вышла съ высоко поднятой головой, съ улыбкою на губахъ, а Помрѣ, напротивъ, пришелъ въ отвратительное настроеніе духа и былъ крайне недоволенъ собою. Онъ тотчасъ сѣлъ писать къ Адриеннѣ, чтобы рассказать ей о неожиданной катастрофѣ и посоветовать ей вызвать Денизу къ себѣ, въ Пломбьеръ, пока не окажется возможность помѣстить ее въ какой-нибудь другой пансіонъ; но, потому-ли, что онъ боялся слишкомъ встревожить жену, или просто потому, что былъ не въ ударѣ писать, только письмо вышло несравненно менѣе убѣдительное, чѣмъ если-бы онъ написалъ его до завтрака; строгость его постепенно испарилась, обвиненія неволькою смягчались разными соображеніями и сомнѣніями, а выводъ клонился къ снисхожденію.

Въ ожиданіи отвѣта мадамъ Помрѣ, Дениза устроилась въ замкѣ по-прежнему. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на наставленія Франсиса, она тотчасъ вернулась къ прежнимъ привычкамъ и начала съ того, что замѣнила длинное пансіонское платье своимъ излюбленнымъ, причудливымъ и довольно первобытнымъ туалетомъ, въ которомъ главную роль играли короткія юбки, длинныя чулки, доходящія до половины бедра, и грубая соломенная шляпа, большею частью откинутаая на спину. Въ этомъ нарядѣ, который придавалъ ей мальчишескій видъ, она отправлялась въ лѣсъ и обыкновенно возвращалась только къ обѣду. Этотъ образъ жизни представлялъ ту выгоду для Франсиса, что позволялъ ему проводить большую часть дня среди относительнаго спокойствія, въ которомъ онъ положительно нуждался. Сосѣдство этой красивой молодой дѣвушки производило на него странное, подавляющее впечатлѣніе. Какъ скоро она покидала домъ, ему дышалось нѣсколько легче, но зато, въ силу какого-то страннаго противорѣчія, время тянулось медленнѣе, день казался ему безконечнымъ, и онъ рѣшительно не зналъ, чѣмъ заняться, не чувствуя себя способнымъ ни сѣсть за серьезную книгу, ни приняться за работу. Бросивъ попытку найти полезное препровожденіе времени, онъ проводилъ день въ абсолютной ираздности, лежалъ въ саду, подъ тѣнью грабинъ, и курилъ сигары. Но сквозь облака и кольца дыма онъ видѣлъ все ту-же Денизу, мысли его безпрестанно кружились около нея. Онъ думалъ о

ея загадочномъ характерѣ, то злобною, скрытною и грубою, то смѣлою, великодушною и даже нѣжною. Ему казалось, что подъ всѣми ея странностями кроется горячее чувство, и что онъ, онъ самъ, зажегъ его въ сердцѣ странной дѣвушки. Это открытіе въ одно и то-же время и пугало его и доставляло ему удовольствіе. Пока онъ лежалъ, погруженный въ эти опасныя мечты, тѣни становились длиннѣе въ руэльской долинѣ, солнце опускалось за монтавуарскій лѣсъ и вдругъ въ корридорахъ замка звонко раздавался голосъ Дикарки, которая уже возвращалась изъ лѣса и расплывалась, поднимаясь въ свою комнату. Сердце Франсиса начинало усиленно биться, и онъ, съ нетерпѣливымъ безпокойствомъ, поджидалъ обѣденнаго часа, когда они сходились въ обширной столовой.

Странное зрѣлище представляли эти обѣды. Въ началѣ, Франсисъ всегда пытался прикидываться суровымъ и ворчливымъ, но подъ конецъ непременно становился любезнымъ и даже внимательнымъ. Начиналъ онъ съ того, что спрашивалъ Денизу равнодушнымъ презрительнымъ тономъ, какъ она провела день, на что обыкновенно получалъ дерзкій отвѣтъ:— Какое ему до этого дѣло? Она на столько къ нему внимательна, что избавляетъ его отъ своего присутствія, а онъ еще жалуется! Ужъ кажется она-то его ничѣмъ не стѣсняетъ!.. На этомъ разговоръ обрывался: нѣкоторое время слышенъ былъ только стукъ вилокъ. Объ Адриеннѣ говорили рѣдко; казалось, какъ будто обоимъ неприятно было упоминать ея имя и касаться ея личности во время ихъ разговоровъ.

Однажды, когда Дениза вернулась позднѣе обыкновеннаго, и Франсисъ сѣлъ за столъ, не дожидаясь ея, онъ сказалъ ей самымъ ворчливымъ тономъ:

— Вы-бы хоть старались приходите домой къ обѣденному времени... Желалъ-бы я знать, что вы дѣлаете по цѣлымъ днямъ въ лѣсу?

— Мнѣ тамъ весело, отвѣтила она сухо;—и тамъ я, по крайней мѣрѣ, никому не въ тягость.

— Что-же васъ веселитъ въ лѣсу?

— Да все: растенія, животныя, люди.

— Въ особенности люди! замѣтилъ онъ насмѣшливо.

— А отчего нѣтъ?.. Я не горда и, признаюсь вамъ откровенно, мнѣ весело въ ихъ обществѣ.

— Во всякомъ случаѣ, это общество не вполнѣ подходящее для молодой и... хорошенькой дѣвушки.

Она пожала плечами.

— Вотъ какъ, вы находите меня хорошенькою... какъ вы добры!

Она встала изъ-за стола, подошла къ зеркалу и, поднявъ руки кверху, закинувъ голову назадъ, стала приводить въ порядокъ свою прическу, поправлять гребень... Онъ также поднялся съ мѣста и, самъ не зная для чего, приблизился къ ней.

Она не видѣла его, но какъ-то инстинктивно почувствовала его приближеніе, быстро повернулась и, смѣривъ его вызывающимъ взглядомъ, воскликнула:

— Чего вамъ еще нужно? Теперь, пожалуй, еще найдете какой-нибудь изъянъ въ моей прическѣ?

Озадаченный этой неожиданной выходкой, онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, зажегъ сигару и снова сѣлъ на свое мѣсто. Неловкое молчаніе снова воцарилось въ столовой, гдѣ вскорѣ сдѣлалось уже такъ темно, что можно было различить только неясныя очертанія молодой дѣвушки, сидѣвшей на подоконникѣ, и двѣ блестящія точки въ ея большихъ, широко раскрытыхъ глазахъ. Затѣмъ, когда уже окончательно стемнѣло, они разошлись по своимъ комнатамъ, сухо пожелавъ другъ другу добраго вечера.

Франсисъ съ нервнымъ беспокойствомъ ожидалъ отвѣта Адриенны; онъ удивлялся, что такъ долго не получаетъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ ожидалъ его не безъ тайнаго страха. Однажды утромъ, наконецъ, почтальонъ, встрѣтивъ Франсиса на большой дорогѣ, вручилъ ему письмо со штемпелемъ Пломбьера. Онъ медленно разорвалъ конвертъ, пробѣжалъ четыре исписанныя страницы и вздохнулъ свободно. Адриенна не соглашалась на его планъ отправить къ ней Денизу. Отель, въ которомъ она остановилась, былъ переполненъ, а такъ какъ она жила въ очень тѣсной обстановкѣ, то ей было-бы невозможно помѣстить дочь въ своей собственной комнатѣ. Къ тому-же она цѣлый день была занята своимъ леченіемъ и была-бы не въ состояніи наблюдать за этимъ неукротимымъ ребенкомъ, который въ Пломбьерѣ, среди пестраго общества купальщиковъ, рисковалъ-бы встрѣтить болѣе серьезныя опасности, чѣмъ въ руэльскомъ лѣсу. Въ виду этого, она полага-

лась во всемъ на Франсиса и просила его потерпѣть до тѣхъ поръ, пока доктора не разрѣшатъ ей вернуться.

Съ этого дня Дикарка вдругъ сдѣлалась домохозяйкою и почти вовсе отказалась отъ своихъ бродячихъ экспедицій въ лѣсу. Казалось, она серьезно рѣшилась взять на себя роль хозяйки дома, естественно выпадавшую на ея долю послѣ отъѣзда мадамъ Помре. Она раздавала приказанія прислугѣ, заботилась о кухнѣ, рылась во всѣхъ шкафахъ, разъ по двадцати въ теченіе дня забѣгала въ комнату, гдѣ сидѣлъ Франсисъ, чтобы посмотрѣть, все-ли тамъ въ порядкѣ. Она попадалась ему на каждомъ шагу, суетясь и бѣгая по всему дому съ развѣвающимися волосами, съ подобраннымъ платьемъ, съ изящнымъ фартучкомъ, приколотымъ къ лифу, съ обычной своеобразной, дерзкой улыбкой въ глазахъ и на губахъ. Прятавшаяся въ лѣсу дикарка, беспорядочная, необузданная пансіонерка, превратилась въ хозяйку, правда, въ хозяйку фантастическую, болѣе усердную, чѣмъ полезную, наполнявшую весь домъ шелестомъ своихъ юбокъ, не умолкающимъ стукомъ каблучковъ и беспокойной, лихорадочной, безцѣльной суетней. Начиная съ этого времени, столовая и курильная, благодаря ей, всегда были украшены букетами цвѣтовъ, такъ что къ вечеру у Франсиса непременно разбалчивалась голова. За завтракомъ и за обѣдомъ она пичкала его сладкими блюдами, полагая, по своему пансіонерскому вкусу, что лучше пирожнаго нѣтъ ничего на свѣтѣ. Суетливая дѣятельность импровизованной хозяйки то раздражала, то забавляла Франсиса, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ невольно поддавался тому обаянію, которое распространяла вокругъ себя эта своенравная дѣвушка. Теперь приходилось оставаться съ нею наединѣ не только по вечерамъ, какъ прежде, а во всякое время дня, и очарованіе принимало все болѣе и болѣе опасный характеръ. Онъ самъ начиналъ чувствовать себя въ положеніи звѣря, котораго охотники оцѣпили облавою и который чувствуетъ, что цѣпь эта стягивается вокругъ него все болѣе и болѣе. Сознывая, что сила сопротивленія начинаетъ покидать его, но твердо рѣшившись честно бороться до конца, онъ сталъ скрываться и въ свою очередь избѣгалъ сидѣть дома. Онъ уходилъ съ самаго утра и по цѣлымъ часамъ бродилъ въ лѣсу. Во время этихъ вынужденныхъ прогулокъ, онъ читалъ самому себѣ назидательныя проповѣди и энергично повторялъ, что поддаться искушенію при подобныхъ условіяхъ значило-

бы запятнать себя самым гнусным предательствомъ. Но чѣмъ болѣе онъ старался внушить себѣ всѣ эти высоко нравственныя соображенія, тѣмъ болѣе мысль его сосредоточивалась на соблазнительной опасности его положенія; вмѣстѣ съ представленіемъ о возможности искушенія, передъ глазами его каждый разъ воскресалъ очаровательный образъ искусительницы. Среди мертвой тишины безмолвнаго лѣса, эта неотвязная мысль принимала все болѣе угрожающіе размѣры, и пылающее солнце, пронизывавшее своими золотыми стрѣлами неподвижную листву, еще сильнѣе разжигало его воображеніе.

Однажды, въ жаркій ясный день, — дѣло было послѣ полудня, — эта лихорадочная потребность въ движеніи привела его къ истоку рѣчки Ожоны. Убѣгая отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, онъ спѣшилъ добраться до тѣнистой ложины, которая слыветь у окрестныхъ жителей подъ именемъ Ожонскаго оврага. Это — уединенное мѣстечко, далекое отъ всякаго человѣческаго жилища; узкій горизонтъ почти совершенно замѣнутъ здѣсь густымъ лѣсомъ, покрывающимъ оба склона ущелья и разступающимся лишь настолько, чтобы пропустить въ оврагъ узкій ручеекъ. Пробиралась по каменистому ложу между ивами и ольхами, неглубокая, зарождающаяся рѣчка вдругъ расширяется посреди отлогихъ, поросшихъ травю береговъ и образуетъ небольшой резервуаръ, нѣчто въ родѣ высѣченнаго въ скалѣ бассейна, надъ которымъ зеленныя вѣтви сплетаются, какъ руки, простертыя другъ къ другу съ противоположныхъ береговъ. Въ этомъ зеленомъ гротѣ тишина нарушается только журчаніемъ Ожоны да изрѣдка быстрымъ полетомъ ледешника, который проносится надъ самою поверхностью воды, разсѣкая ее концами своихъ блестящихъ крыльевъ. Все располагаетъ здѣсь ко сну, — мягкій мохъ, который, какъ роскошное ложе, стелется у подножія буковъ и убаюкивающій ропотъ бѣгущей рѣчки; ничто не рѣжетъ глазъ, только кое-гдѣ небольшіе бѣлые цвѣточки бѣлзора нарушаютъ однообразный колоритъ темной зелени, на которой взоры невольно отдыхаютъ послѣ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта.

Изнемогая отъ жары и усталости, Франсисъ остановился у подножія одного изъ склоновъ оврага, шагахъ въ двадцати отъ ручья, прозрачная поверхность котораго разстиралась передъ его глазами; растянувшись между двумя кустами орѣшника, среди пушистаго моха, и протянувъ ноги подъ зелеными листья-

ми густаго папоротника, онъ задремалъ. Долго дремалъ онъ такимъ образомъ, какъ вдругъ былъ разбуженъ шелестомъ листьевъ. Не двигаясь, онъ раскрылъ глаза. Солнце скрылось за лѣсомъ, въ оврагѣ начинало смеркаться. Сквозь промежутки между вѣтвями кустарника, какъ сквозь бойницы, виднѣлась рѣчка; на противоположномъ берегу ея онъ замѣтилъ женскую фигуру и узналъ въ ней Дикарку.

Она медленно приближалась къ ручью. Дойдя до самой воды, она утѣлась на берегу и стала разуваться, съ беззаботнымъ равнодушіемъ привычной обитательницы лѣса, которая увѣрена, что по близости нѣтъ ни души; затѣмъ, отойдя нѣсколько далѣе, вверхъ по теченію рѣчки, она перешла ее въ бродъ и остановилась неподалеку отъ того орѣшника, за которымъ скрывался Франсисъ. Здѣсь она бросила въ траву обувь, которую держала въ рукахъ, вынула изъ головы гребень, встряхнула своими роскошными, вьющимися волосами и опустила въ воду концы пальцевъ, какъ будто для того, чтобы испытать ея свѣжесть. По всему было видно, что Дениза не въ первый разъ приходитъ въ Ожонскій оврагъ; мѣсто ей, видимо, было знакомо, и всѣ ея приготовления показывали, что она собралась купаться въ этотъ томительно-жаркій день, вполне увѣренная, что по близости нѣтъ рѣшительно никого. Въ головѣ Франсиса промелькнула мысль о необходимости обнаружить свое присутствіе или, по крайней мѣрѣ, потихоньку удалиться, а между тѣмъ онъ не двигался. Какое-то развратное, сладострастное любопытство приковывало его къ мѣсту.

Молодая дѣвушка снова скрылась за группою ольхъ, и только движеніе вѣтокъ и шуршанье листьевъ обнаруживали ея присутствіе. Теперь для Франсиса какъ разъ наступила благопріятная минута, чтобы бѣжать, если въ немъ сохранилась хоть искра благородства и силы воли. Онъ уже приподнялся на локтѣ, отыскивая глазами направленіе, по которому удобнѣе всего было удалиться, какъ вдругъ вѣтви снова раздвинулись и на лужайкѣ появилась Дениза.

Въ первое мгновеніе онъ даже не рассмотрѣлъ ея. Что-то ослѣпительно бѣлое показалось въ зеленой рамкѣ кустарника, потомъ послышался громкій плескъ воды и въ воздухѣ засверкали тысячи мелкихъ капель.

Франсисъ машинально закрылъ глаза; когда онъ раскрылъ

ихъ снова, надъ всколебленною поверхностью бассейна виднѣлась только голова Дикарки и ея волнистые волосы, приподнятые теченіемъ воды. Дѣвушка съ наслажденіемъ вдыхала въ себя влажный, свѣжій воздухъ; ноздри ея расширялись, глаза свѣтились въ полумракѣ, царившемъ подъ нависшими зелеными вѣтвями. По временамъ, она окунала въ воду лобъ съ граціознымъ движеніемъ купающейся птички, или, схватившись обѣими руками за какой-нибудь корень, вытягивалась во всю длину и давала теченію приподнять себя. Круглыя, подернутыя мелкою рябью волны, переплетенныя лентами водорослей, цѣломудренною пеленою прикрывали наготу купальщицы; вода тихо ласкала ея шею и подбородокъ, только изрѣдка открывая полную руку или круглое плечо...

Купанье продолжалось около четверти часа; затѣмъ Дениза вышла на берегъ и усѣлась въ травѣ. Вся фигура ея въ этой обстановкѣ напоминала образъ мифологической нимфы. Кусокъ неба, видѣвшійся между потерявшими свою прозрачность листьями, принялъ оттѣнокъ темной бирюзы; вода, уже потемнѣвшая тамъ, гдѣ воцарилась тѣнь, мѣстами отражала ровную синеву небеснаго свода, и эти яркія лазуревыя пятна еще рѣвче выступали среди темной зелени травы. Въ этой рамкѣ изъ побурѣвшей листвы, бархатнаго газона и голубой воды, особенно эффектно рисовалась ея головка съ роскошными рыжими кудрями. Дениза медленно направилась къ группѣ ольхъ, гдѣ она оставила свою одежду и скрылась за ихъ густою зеленью. Нѣсколько времени спустя, она снова появилась, уже совершенно одѣтая, и безопасно застегивала лифъ, встряхивая еще не успѣвшими просохнуть волосами.

Вдругъ легкій стукъ обсыпавшихся каменьевъ и шелестъ листьевъ заставили ее вздрогнуть. Вѣроятно, Франсисъ рѣшился, наконецъ, уйти или, быть можетъ, просто сдѣлалъ неосторожное движеніе. Какъ-бы то ни было, этотъ внезапный и необычайный шумъ доказывалъ, что по близости есть живое существо. Молодая дѣвушка подняла голову, покраснѣла и, вслѣдъ затѣмъ, не задумываясь, взбѣшенная одною мыслью, что кто-нибудь могъ подстеречь ее, бросилась къ тому мѣсту, откуда послышался шумъ; раздвинула вѣтви кустовъ и очутилась лицомъ къ лицу съ Франсисомъ.

— Вы! крикнула она сдавленнымъ отъ гнѣва голосомъ;
— вы были здѣсь?

Она поблѣднѣла и задышалась; отъ изумленія, стыда и негодованія губы ея дрожали и грудь судорожно колыхалась подъ полурасстегнутымъ лифомъ.

Франсисъ, застигнутый въ распахъ и смущенный сознаниемъ гнуснаго поступка, бормоталъ банальныя извиненія, глядя на искаженное гнѣвомъ лицо дѣвушки.

— Это низость! продолжала она, задыхаясь отъ ярости, между тѣмъ какъ слезы катились изъ ея глазъ.

Въ изнеможеніи прислонилась она къ стволу дерева, дрожа какъ въ нервномъ припадкѣ.

Франсисъ не на шутку струсиль, увидѣвъ ее въ такомъ состояніи, и не зналъ, что дѣлать для того, чтобы хоть немного успокоить ее. Вдругъ въ головѣ его промелькнула скверная и не великодушная мысль... Она его любила; онъ убѣдился въ этомъ уже давно. Почему-бы ему не воспользоваться, ради ея успокоенія, этой наивной страстью, которая росла и разгоралась на его глазахъ, въ то время, какъ онъ дѣлалъ видъ, что отталкиваетъ ее?.. Онъ снова устремилъ на Денизу свой ласкающій, нѣжный взглядъ и, наклоняясь къ ней, прошепталъ:

— Простите, простите меня, обожаемое, дорогое дитя!

Эти простые слова любви подѣйствовали на Денизу, какъ волшебное заклинаніе. Она вскрикнула, кинулась къ Франсису, обвила его шею руками и, рыдая, прильнула къ груди его своей влажной головой.

IV.

Мѣсяцъ прошелъ послѣ приключенія въ Ожонскомъ оврагѣ. Дениза и Франсисъ вполголоса бесѣдовали, сидя послѣ обѣда въ комнатѣ, служившей кабинетомъ и курильней. Дѣло было въ августѣ и въ комнатѣ было уже настолько темно, что невозможно было разглядѣть лица собесѣдниковъ. Видны были только смутныя очертанія ихъ фигуръ. Силуэтъ Денизы, ходившей взадъ и впередъ по комнатѣ, то исчезалъ во мракѣ, то рисовался на свѣтломъ фонѣ окна. Молодая дѣвушка ходила, скрестивъ на груди руки, опустивъ голову, и только глухой шумъ ея шаговъ нарушалъ тишину спящаго дома.

— Да, завтра въ три часа она вернется, сказалъ Франсисъ, бросая сигару и откидываясь въ уголь дивана.

— Завтра! повторила Дениза, как печальное эхо; — уже завтра!.. О, Франсись, что-же намъ дѣлать, что предпринять?

— Мы останемся здѣсь... Пьеръ одинъ поѣдетъ въ Лангръ съ экипажемъ; онъ скажетъ, что теперь самое горячее время жатвы и что намъ невозможно было покинуть Руэль.

— Это только оттянетъ встрѣчу на нѣсколько часовъ, но ничуть не измѣнитъ положенія, продолжала она, пожимая плечами. — Во всякомъ случаѣ, придется съ нею увидѣться, говорить, дѣловаться при встрѣчѣ... Я воображала, что день ея возвращенія не настанетъ никогда, а теперь вдругъ—завтра... Нѣтъ, я не въ состоянїи буду взглянуть ей въ лицо!

— Бѣдная Дениза, началъ Франсись, съ смущеннымъ видомъ...

Она тотчасъ прервала его, подбѣжала къ нему, положила ему на плечи руки, и стараясь заглянуть въ его глаза своими блестящими глазами, спросила страстнымъ шопотомъ:

— Ты меня любишь?

— Какъ ты можешь объ этомъ спрашивать!

— Любишь ли ты меня больше всего на свѣтѣ... такъ, какъ я тебя люблю... какъ я полюбила тебя съ перваго-же дня, тамъ въ Обривѣ, подъ яблоней?.. Въ этотъ день я всѣмъ сердцемъ отдалась тебѣ; ты вѣдь уже знаешь это; а теперь я повторяю тебѣ то-же самое, чтобы ты понялъ разъ навсегда, что я полюбила тебя не по прихоти, не вслѣдствіе минутной вспышки... Ни приличія, ни мать,—ничто не могло мнѣ помѣшать отдаться тебѣ вполне. Въ подобныхъ случаяхъ я неспособна разсуждать или взвѣшивать свои чувства... Я отдаюсь беззавѣтно, всецѣло... Любишь-ли и ты меня такую любовью?

— Ну, да... ну, да, конечно, отвѣтилъ онъ, внутренно уже пугаясь восторженныхъ порывовъ Денизы.

— Въ такомъ случаѣ, продолжала она, страстно сжимая его руки; — въ такомъ случаѣ—бѣжимъ!.. Уйдемъ отсюда завтра-же, рано утромъ.

Его такъ и передернуло.

А?... Что? всполошился онъ.— Полно, голубушка, успокойся и постарайся взглянуть на дѣло хладнокровнѣе.

— Я вижу его въ томъ свѣтѣ, въ какомъ оно дѣйстви-

тельно представляется... Мы дрожимъ при одной мысли о ея возвращеніи... Насколько-же будетъ ужаснѣ наше положеніе, когда она очутится здѣсь, между нами... Нѣтъ, милый, уйдемъ!.. Вѣдь она мнѣ не родная мать, а тебѣ она теперь не жена... Теперь ты мой.

— Но вѣдь это ребячество! воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

— Во-первыхъ, планъ твой неисполнимъ... и, наконецъ, это просто жестоко.

— Еще болѣе жестоко оставаться здѣсь и продолжать ее обманывать.

— Куда-же-бы мы поѣхали?

— Да не все-ли равно — куда?.. Если хочешь, — за границу...

— За границу? повторилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой; — а чѣмъ-бы мы стали тамъ жить?.. Ты, должно быть, не знаешь, что все въ этомъ домѣ принадлежитъ Адриеннѣ.

Послѣ минутнаго размышленія, она снова подняла голову и продолжала съ безпощадной логикой:

— Тѣмъ болѣе намъ не слѣдуетъ здѣсь оставаться... Я буду работать, ты—тоже... Мы оба молоды и здоровы; была-бы добрая воля, а трудомъ мы всегда съумѣемъ прожить.

Онъ сидѣлъ, словно опущенный въ воду. Всѣ эти возвращенія, которыми она осыпала его съ назойливостью ребенка, не сомнѣвающегося ни въ чемъ, не только не увлекали, но даже раздражали его. Каждое слово Дикарки дѣйствовало на него, какъ душъ изъ ледяной воды, отъ котораго у него вся кровь застывала въ жилахъ. Покинуть комфортабельную обстановку руэльскаго дома, чтобы, очертя голову, кинуться на встрѣчу неизвѣстному будущему... зарабатывать свой хлѣбъ трудомъ... въ двадцать пять лѣтъ начать съизнова борьбу за существованіе, не имѣя иныхъ ресурсовъ, кромѣ своихъ рукъ и любви Денизы... Все это прекрасно въ романахъ, но смѣшно и безумно въ дѣйствительности. При одномъ представленіи о подобной перспективѣ у него по всему тѣлу пробѣгали мурашки. Его тщеславное самолюбіе, любовь къ роскоши, культъ безупречной внѣшности и соблюденія приличій,—всѣ предрасудки пошлой буржуазной морали, которую онъ всосалъ съ молокомъ матери, возмущались при одной мысли о безразсудномъ планѣ, который предлагала Дикарка.

Въ комнатѣ совершенно стемнѣло, такъ что Дениза уже совсѣмъ не могла разглядѣть лица Франсиса. Встревоженная его молчаніемъ, она подсѣла къ нему и, крѣпко обнявъ его, нѣжно прошептала:

— Не правда-ли, милый мой, мы уѣдемъ сегодня ночью?..

— Прости меня, дорогая Дениза, сказалъ онъ, наконецъ;—твое рѣшеніе великодушно и доказываетъ, какое у тебя благородное сердце; но, увѣряю тебя, оно не исполнимо... Подумай, вѣдь такая выходка произвела-бы громадный скандалъ... Къ тому-же я положительно не знаю, какого рода работою мнѣ удалось-бы прокормить и себя, и тебя... Нужно смотрѣть на вещи трезво. Люди, не имѣющіе ни гроша, какъ мы, не помогутъ своему горю отчаянной выходкой. Вотъ если-бы мы были богаты, тогда—другое дѣло...

Долго онъ разглагольствовалъ на эту тему, поминутно пугаясь и съ трудомъ нанизывая подходящія фразы. Она слушала его, сдвинувъ брови и крѣпко стиснувъ губы. Пока онъ говорилъ, луна поднялась изъ-за лѣса, и голубоватые лучи ея, незамѣтно прокравшись въ комнату, наконецъ освѣтили его лицо. Дениза ясно видѣла встревоженную, вытянутуюся физиономію и испуганные, смущенные взоры своего возлюбленнаго. Сердце ея заняло отъ безнадежной тоски; изъ глазъ покатались слезы.

— Стало быть, ты хочешь бросить меня? спросила она, скрѣпя сердце.

— Кто-же тебѣ говорить объ этомъ?.. Я только не хочу обречь ни тебя, ни себя на голодную смерть.

Она покачала головой.

— Даже умереть съ голода легче, чѣмъ жить на счетъ той, которую мы обманули.

— Повѣрь, что это мнѣ такъ-же тяжело, какъ и тебѣ, возразилъ онъ съ сердцемъ;—но въ жизни бываютъ роковыя обстоятельства...

— Да подумай-же, наконецъ, хоть о томъ, продолжала она, съ мольбою складывая руки,—что я никогда не посмѣю взглянуть ей въ лицо!.. Она по глазамъ моимъ прочтетъ все, что произошло... Вѣдь эта женщина сдѣлала для меня все, все, а я отплатила ей такой черной измѣной... Нѣтъ, я не могу!.. Говорять, что у меня дурные инстинкты; можетъ быть, это и правда... но, не смотря на всю мою испорченность, есть вещи,

на которыя я неспособна... Слышишь... Мнѣ необходимо уйти отсюда.. а что-же я стану дѣлать, если тебя не будетъ со мною? прибавила она, обвивая его шею руками. Затѣмъ, близко прижавшись къ нему, она продолжала ласковымъ, заискивающимъ голосомъ:—Милый мой, хорошій, пожалѣй свою Дикарочку, не давай мнѣ уходить одной! Вѣдь ты знаешь, что кромѣ тебя у меня нѣтъ никого во всемъ свѣтѣ...

Онъ потихоньку высвободился изъ ея объятій.

— Я говорю тебѣ, что ты разсуждаешь, какъ ребенокъ, и что благоразумнѣе всего терпѣливо ждать, стараясь примириться съ необходимостью.

Она смотрѣла на него съ выраженіемъ горькаго изумленія.

— Нѣтъ, воскликнула она;—я скорѣе рѣшусь на самый отчаянный исходъ, лишь-бы не оставаться здѣсь! Каждый кусокъ будетъ становиться мнѣ поперекъ горла.

Онъ придвинулся къ ней и пытался схватить ея руки, которыя она отдергивала съ негодованіемъ.

— Тихе! прошептала онъ;—ради Бога, тихе! Успокойтесь, если любите меня хоть немного...

— Нѣтъ, я слишкомъ искренно люблю васъ, прервала она его голосомъ, въ которомъ уже слышались подступавшія къ горлу рыданія;—и, быть можетъ, поэтому вы меня и разлюбили!.. Въ противномъ случаѣ, развѣ-бы вы стали колебаться, что выбрать: трудовую-ли жизнь со мною, или праздность и роскошь здѣсь?

Она схватила свой подсвѣчникъ и дрожащей рукою зажгла свѣчу.

— Спрашиваю васъ въ послѣдній разъ,—хотите-ли вы уѣхать отсюда?

— Вы безумствуете!...

— А вы...

Она не рѣшилась даже договорить; у нея не хватило силъ обвинить его въ холодной безсердечности.

— Прощайте! пробормотала она, направляясь къ корридору.

— Дениза!

— Прощайте!

Дверь съ шумомъ захлопнулась. Въ слѣдующее мгновеніе Дикарка была уже въ своей комнатѣ и, опустившись у изголовья своей постели, спрятавъ голову подъ одѣяла, горько,

неутѣшно рыдала. Бругомъ все было тихо. По временамъ, молодая дѣвушка поднимала голову и прислушивалась, вообразивъ, что закрипѣла дверь курильной. Она все еще надѣялась, что Франсисъ одумается, придетъ къ ней и скажетъ: — «Я былъ не правъ; уйдемъ вмѣстѣ!» Она не могла себѣ вообразить, чтобы человѣкъ, котораго она такъ страстно обожала, могъ отказаться отъ нея съ такимъ равнодушіемъ... Но часы проходили, а въ домѣ не слышно было ни малѣйшаго движенія. Свѣча догорѣла и теперь уже одна луна своимъ холоднымъ свѣтомъ озаряла комнату и была единственнымъ свидѣтелемъ перваго великаго горя бѣдной дѣвушки. Мало по малу, синеватые лучи добрались до потолка и въ глубинѣ сада занялся первый сѣроватый полу-свѣтъ просыпающагося утра.

— Нѣтъ, онъ не придетъ! вздохнула Дикарка, отчаявшись въ послѣдней надеждѣ. Порывшись въ ящикахъ своего комода, она завязала въ платокъ нѣкоторыя вещи, которыя хотѣла взять съ собою, а затѣмъ, окончивъ эти сборы, въ торопяхъ написала слѣдующую записку, которая предназначалась для Франсиса:

«Я сказала вамъ, что уйду отсюда и уйду. Я уйду безъ васъ и не вернусь никогда. Когда я буду въ Апрѣ, у единственныхъ оставшихся у меня родныхъ, я напишу мадамъ Адриеннѣ и объясню ей причины моего бѣгства. Успокойтесь, я съумѣю умолчать о главной, и ваше спокойствіе не будетъ нарушено. Еще разъ—прощайте!»

Все было кончено; еще одинъ, послѣдній взглядъ на эту комнатку, въ которой она, бывало, такъ часто думала о немъ,— затѣмъ она вышла и, перейдя черезъ корридоръ, просунула записку подъ дверь той комнаты, гдѣ спалъ Франсисъ. Вся грудь ея судорожно сжалась, губы дрогнули отъ подавленнаго рыданія, но въ слѣдующее мгновеніе она уже отошла отъ двери, безъ шума спустилась съ лѣстницы и, пробравшись черезъ садъ, направилась къ лѣсу.

Не трудно представить себѣ, что въ эту ночь Франсисъ заснулъ не скоро. Совѣсть его далеко не была покойна; онъ неволью ощущалъ лихорадочную тревогу, когда задавалъ себѣ вопросъ, какъ они встрѣтятся завтра съ женою. Онъ не вѣрилъ, чтобы Дикарка исполнила свою угрозу и дѣйствительно рѣшилась уйти, а потому вдвойнѣ опасался за будущее. Она далеко не отличалась осторожностью, а Адриенна, напротивъ,

въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ изощрилась въ необыкновенной пронизательности. Какъ онъ выйдетъ изъ этого положенія? Да и вообще, какимъ непростительнымъ школьникомъ онъ оказался, поддавшись искушенію тамъ, у истоковъ Ожоны!..

Онъ задремалъ уже очень поудно, раза два или три вскакивалъ подъ впечатлѣніемъ тяжелаго кошмара, и наконецъ уже подъ утро заснулъ тяжелымъ сномъ, обыкновенно сопровождающимъ лихорадочную бессонницу.

Его разбудилъ стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ на мощеномъ дворѣ замка. Пьеръ выѣзжалъ съ коляскою, отправляясь въ Лангръ, на станцію желѣзной дороги. Солнце стояло уже высоко. Франсисъ потянулся, протеръ глаза и почувствовалъ какую то смутную тревогу, которая сохранилась въ немъ во время сна, какъ неопредѣленное воспоминаніе о чемъ-то, случившемся наканунѣ.—Что со мною? спросилъ онъ себя... Затѣмъ онъ вспомнилъ про вчерашнюю сцену, про неминуемое возвращеніе Адриенны, и по тѣлу его опять пробѣжалъ морозъ. Разсѣянно оглядывая комнату, онъ вдругъ замѣтилъ записку Дикарки. Грудь его сжалась. Навѣрное случилось что-нибудь очень важное, покуда онъ спалъ.—Онъ соскочилъ съ постели, поднялъ записку и прочиталъ ее, между тѣмъ какъ сердце его тревожно стучало... Ушла!.. Не можетъ быть!.. Онъ поспѣшно одѣлся и вошелъ въ комнату бѣглянки. Выдвинутые и перерытые ящики свидѣтельствовали о поспѣшности бѣгства. Сквозь растворенное окно лучи солнца прямо ударили въ несмятую постель. Сомнѣваться долѣе было невозможно; Дикарка дѣйствительно исполнила свою угрозу.

Да, она ушла и теперь съ тяжелымъ сердцемъ одиноко брела уже далеко отъ Руэля черезъ монтавуарскій лѣсъ. Проходя мимо пруда, она невольно задала себѣ вопросъ, не похоронить-ли терзавшее ее горе на вѣки тамъ, среди этихъ камышей; но при одной мысли о томъ, что придется умирать въ этой илистой водѣ, гдѣ кишѣли пиявки, ее всю перелернуло отъ отвращенія, и она стала поспѣшно подниматься по дорогѣ, которая вела къ лѣсу. Она испытывала самое жгучее страданіе; первая любовь ея, живучая, довѣрчивая, страстная, была разбита такъ грубо, такъ безжалостно; ей казалось, что все тѣло ея изранено, истерзано и истекаетъ кровью. Къ этому постоянному страданію періодически присоединялось чувство острой боли каждый разъ, когда Дениза вспоми-

нала объ эгоизмѣ Франсиса. Она все еще любила его и не могла привыкнуть къ мысли, что онъ заслуживаетъ презрѣнія. Ея идолъ былъ разбитъ, а при этомъ бѣдную дѣвушку больше всего огорчало то, что пришлось убѣдиться изъ какого грубаго матеріала было слѣплено ея божество. Какъ истая дикарка, она положительно неспособна была понять всѣхъ этихъ лицемѣрныхъ разсужденій, вліяній и мудрствованій, при помощи которыхъ люди успокоиваютъ свою совѣсть и сдерживаютъ иногда самыя искренніе, самыя великодушныя душевныя инстинкты.

Сквозь тишину безмолвнаго лѣса она слышала журчаніе источниковъ Ожоны, и все тѣло ея болѣзненно содрогнулось при воспоминаніи о роковой встрѣчѣ послѣ купанья. Она остановилась и стала прислушиваться, ухватившись за прозрачную надежду, что Франсисъ, раскаявшись, пошелъ искать ее и, быть можетъ, сейчасъ покажется на опушкѣ. О, если-бы онъ вдругъ появился теперь точно такъ-же, какъ въ тотъ памятный іюльскій вечеръ, когда онъ такъ внезапно выросъ передъ нею среди кустовъ орѣшника; какъ она бросилась-бы къ нему на встрѣчу, какъ быстро простила-бы его жестокія колебанія! Но вѣтви не двигались, и солнце, стоявшее теперь на закатѣ, еще ослѣпительнѣе освѣщало своими палящими отвѣсными лучами пустую, безлюдную поляну. Она побрела дальше; по лѣвую руку отъ нея былъ Ожонскій оврагъ, позади, осталась ферма Акнова; повернувъ направо, она должна была выйти на Лангрскую равнину. Дѣйствительно, черезъ часъ она достигла опушки и увидѣла передъ собой залитую солнцемъ каменистую равнину и дорогу, которая длинной бѣлой лентой тянулась среди блѣдно-желтыхъ, уже сжатыхъ полей. Пробираясь вдоль межи, гдѣ солома и колючія растенія царапали ея ноги, она, усталая, разбитая, вышла наконецъ на большую дорогу.

Дорога эта, обнаженная и прямая, окаймленная тощими вѣтвями, пугала ее. Казалось, какъ будто, покинувъ лѣсъ, она оставила въ немъ послѣдній запасъ энергіи и даже часть физической силы, которая поддерживала ее до сихъ поръ. Ноги ея опухли, голова отяжелѣла отъ усталости и отъ нестерпимой жары; солнце ярко освѣщавшее известковые склоны холмовъ, выжженные поля и песчаную дорогу, рѣзало ей глаза. Передъ нею, отъ времени до времени, западный вѣтеръ взме-

талъ столбъ бѣлой пыли, который, покрутившись въ воздухѣ, опускался на пожелтѣвшую траву канавы; на правильныхъ горахъ камня, сложенныхъ по краямъ дороги, пронзительно звенѣли кузнечики, внезапно умолкавшіе при ея приближеніи. Шумъ этотъ съ монотонной правильностью то стихалъ, то снова поднимался черезъ каждые сто шаговъ, съ внезапными перерывами, послѣ которыхъ слышался только сухой шелестъ залитыхъ свѣтомъ вязовъ. Для Денизы эта пыльная дорога была дѣйствительно началомъ, грознымъ предвѣстникомъ ожидавшаго ее впереди неизвѣстнаго будущаго; она продолжала идти по ней, какъ въ туманѣ, безъ воли, безъ яснаго представленія о томъ, что будетъ дальше. На самой возвышенной точкѣ равнины, на краю дороги, шоссеинный работникъ, сидя на громадной грудѣ, разбивалъ камни. Укрывшись отъ солнца за соломеннымъ щитомъ, защитивъ глаза большими очками, онъ мѣрно, машинально ударялъ своимъ молоткомъ. Дениза остановилась, чтобы спросить его про дорогу въ Анре. Онъ съ любопытствомъ взглянулъ на эту дѣвушку, одѣтую какъ барышня, и держащую въ рукахъ небольшой узелъ, затѣмъ, грузно поднявшись на ноги, указалъ рукою на дорогу, сворачивающую вдали направо, и снова принялся разбивать свои камни, между тѣмъ какъ Дениза побрела дальше по пыльному, раскаленному шоссе.

Она чувствовала страшную усталость. Какая-то необыкновенная слабость, вызванная вѣроятно безсонной ночью, голодомъ и чрезмѣрной жарой, овладѣла всѣмъ ея тѣломъ. Воля ея была парализована, ноги дрожали, по временамъ въ груди появлялось ощущеніе чего-то горячаго, поднимающагося къ горлу, на лбу и на вискахъ выступалъ холодный потъ. Наконецъ, голова у нея закружилась и она едва имѣла на столько силы, чтобы дотащиться до рва и прислониться къ валу. Все завертѣлось вокругъ нея. — Ноже мой! подумала она, — неужели я умру здѣсь, на этой ужасной дорогѣ? Въ глазахъ у нея потемнѣло, отяжелѣвшія вѣки опустились, голова откинулась назадъ, и она окончательно потеряла сознание...

Тѣмъ временемъ Франсисъ поджидалъ пріѣзда жены, приблизительно съ тѣми-же мучительными ощущеніями, которыя испытываетъ приговоренный къ смерти впродолженіи часа, предшествующаго казни. Лихорадочное безпокойство не позволяло ему оставаться на мѣстѣ. Что скажетъ Адриенна, когда

узнать о таинственномъ, ничѣмъ необъяснимомъ бѣгствѣ Дикарки? Бѣдная Дикарочка! Несмотря на свое подлое безсердечіе, Франсисъ почувствовалъ нѣкоторое состраданіе, когда подумалъ, сколько неприятностей и даже опасностей ожидаетъ впереди эту несчастную дѣвушку, которая его такъ беззавѣтно любила и которую онъ такъ жестоко довелъ до гибели. Это чувство тяготѣющей на его душѣ тяжелой отвѣтственности не мало способствовало невеселому настроенію, съ которымъ онъ ожидалъ прибытія Адриенны. Ежеминутно онъ смотрѣлъ на часы... Еще два часа... еще часъ... и она будетъ здѣсь!.. Морозъ пробѣгалъ у него по кожѣ. Онъ вскакивалъ, начиналъ думать о томъ, какъ онъ будетъ вести себя въ моментъ первой встрѣчи, какими мотивами постарается объяснить бѣгство Денизы. Затѣмъ имъ снова овладѣвала лихорадочная тревога, онъ въ изнеможеніи опускался на кресло и продолжалъ ломать себѣ голову, чтобы найти благоприятный выходъ.

По временамъ ему удавалось успокоить себя иллюзіями, усыпить на мгновеніе тревогу разными искусными аргументами:—Вѣдь необходимо принять во вниманіе, говорилъ онъ себѣ, — что Дениза пристрастное созданіе; ея непрехотливые вкусы, ея страсть къ бродячей жизни, быть можетъ, дѣлаютъ ее болѣе способною перенести это добровольное испытаніе, чѣмъ я думаю. Она любитъ крестьянъ, въ ея жилахъ течетъ крестьянская кровь, сама судьба предназначила ей жить съ ними, и она навѣрное стужетъ привароваться къ новому положенію, если только застанетъ своихъ родственниковъ въ Апрѣ. Она упряма и самостоятельна; разъ основавшись тамъ, она энергически воспротивится возвращенію въ Руэлъ. Затѣмъ, остается только убѣдить Адриенну; но съ нею справиться несравненно легче, и она непременно поддастся моему вліянію. Положительно нѣтъ худа безъ добра... Лишь-бы только Дениза благополучно добралась до Апрѣ!..

На этомъ мѣстѣ думы его были прерваны скрипомъ колесъ и шумомъ растворяемыхъ воротъ. Онъ вскочилъ, весь блѣдный, съ бьющимся сердцемъ, и смѣло бросился изъ передней на террасу. Мадамъ Помрѣ уже вышла изъ экипажа и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ вымолвить слово, кинулась ему на шею.

— Вотъ и я! воскликнула она, цѣлуя его;—возвращаюсь

совершенно здоровая... Къ сожалѣнію, того-же самаго нельзя сказать про всѣхъ; вотъ, смотри, я привезла тебѣ Дикарку въ самомъ печальномъ состояніи.

— Дикарку! пробормотала Франсисъ...— Она съ тобою?

Онъ не рѣшался взглянуть на экипажъ, около котораго хлопотала горничная.

— Да, вообрази себѣ, что мы нашли ее почти безъ чувствъ на краю дороги и на самомъ солнцѣ! Она-бы положительно могла умереть тамъ... О, я сейчасъ догадалась, что она опять отличилась какой-ни будь невозможной выходкой... Она ни за что не хотѣла возвращаться, и мы принуждены были насильно усадить ее въ экипажъ. Теперь она чувствуетъ себя лучше, но все еще слаба, и я прошу тебя не быть съ ней слишкомъ строгимъ.

Ошеломленный этой неожиданной новостью, онъ смотрѣлъ то на жену, то на Денизу, которая наконецъ тоже вышла изъ экипажа съ помощью Зели. Она прошла возлѣ него, блѣдная, какъ полотно, и почти машинально направилась ко входу, по-видимому даже не замѣчая Франсиса.

— Другъ мой, продолжала Адриенна, взявъ мужа подъ руку;—будь снисходителен!.. Я увѣрена, что ты обращался съ нею слишкомъ сурово, а это такая дѣвушка, съ которой строгостью ничего не достигнешь... Побудь съ нею, пока я пойду переодѣнуть платье; скажи ей нѣсколько ласковыхъ словъ!..

— Дениза... началъ онъ вопросительнымъ тономъ.

Она взглянула на него изподлобья, и губы ея наконецъ разжались.

— Не бойтесь, прервала она его;—я вернулась не по своей доброй волѣ.

Она прошла по комнатѣ, затѣмъ повернулась къ нему и глухимъ, дрожащимъ отъ ярости голосомъ сказала:

— О, если-бы вы знали, какъ я презираю васъ!

Съ этими словами она захлопнула дверь передъ самымъ носомъ Франсиса.

V.

Прошла недѣля. Не смотря на всѣ попытки мадамъ Помрѣ добиться примиренія, отношенія между Франсисомъ и Денизою оставались все такими-же недружелюбными. Адриенна рѣ-

шительно не могла понять, въ чемъ дѣло. Она знала по опыту, что самыя сильныя гнѣвныя вспышки Дикарки обыкновенно бывали непродолжительны, и это настойчивое озлобленіе удивило ее тѣмъ болѣе, что она не могла добиться ни отъ мужа, ни отъ Денизы объясненія этой таинственной размолвки. Когда она обращалась къ Франсису, онъ только пожималъ плечами и съ досадою отвѣчалъ:

— Да почему-же я знаю!..

Тогда она принималась за Денизу; но на всѣ вопросы упрямая дѣвушка отвѣчала какими-то загадочными фразами, хмурия брови и упорно глядя въ землю.

— Ты поссорилась съ Франсисомъ?

— Нѣтъ.

— Ты вѣроятно подавала поводъ къ жалобамъ?

— А развѣ онъ жалуется?

— Нѣтъ, но вѣроятно-же между вами произошло что-нибудь серьезное, если ты всегда съ нимъ такая хмурая...

— Я не могу измѣнить своего лица.

— Во всякомъ случаѣ, ты могла-бы измѣнить свое обращеніе и постараться быть любезнѣе. Твои выходки для насъ крайне неприятны.

— Если вы мною недовольны, то отошлите меня!

— Зачѣмъ ты это говоришь?.. Кто тебѣ вбилъ въ голову мысль покинуть домъ, въ которомъ дѣлаютъ все, что только возможно, чтобы угодить тебѣ?.. Ты просто неблагодарная дѣвушка!

— Я и сама это знаю...

Кромѣ этихъ двусмысленныхъ угрюмыхъ отвѣтовъ невозможно было добиться отъ нея ни слова. Она почти безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ и только изрѣдка предпринимала прежнія долгія прогулки въ лѣсъ.

Франсисъ испытывалъ пытку, принужденный непрерывно разыгрывать унижительную комедію. Чтобы не возбудить подозрѣній въ женѣ, онъ старался быть съ нею внимательнымъ и нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавалъ, какой гнусный, унижительный характеръ принимали эти супружескія нѣжности въ глазахъ Денизы, которая отдалась ему и которой онъ страстно клялся въ любви. Послѣ cadaго любезнаго слова, обращеннаго къ Адриеннѣ, онъ украдкой взглядывалъ на Денизу, боясь, что прочтаетъ на ея губахъ или въ ея глазахъ

слишкомъ ясное выраженіе гнѣва и презрѣнія. Завтракъ и обѣдъ сдѣлались для него часами пытки. Хуже всего было при этомъ то, что мадамъ Помрѣ, съ экспансивностью любящей женщины, которая возвращается домой послѣ двухмѣсячнаго отсутствія, ни сколько не стѣснялась предаваться нѣжнымъ изліяніямъ въ присутствіи Денизы, къ которой по прежнему относилась какъ къ ребенку. Она не дожидалась любезностей своего мужа, но сама вызывала его на нихъ. Нѣжныя письма, которыя Франсисъ писалъ женѣ въ Пломбьеръ, пробудили въ ней новыя иллюзіи; она вернулась въ самое дружлюбномъ настроеніи, полная свѣтлыхъ надеждъ на будущее, и выражала свое довѣріе къ мужу тѣмъ, что всячески старалась показать ему, до какой степени любовь ея еще болѣе окрѣпла послѣ разлуки. Она то нѣжно шепталась съ нимъ, то вдругъ сама щедро протягивала ему руку и позволяла ему прижать ее къ губамъ, то цѣловала его мимоходомъ. Франсисъ не смѣлъ уклоняться отъ этихъ интимныхъ супружескихъ изліяній, но принималъ ихъ съ такой сдержанностью, которая удивляла Адриенну, но нисколько не смягчала жестокаго удара, наносимаго каждой изъ этихъ нѣжностей Дикаркѣ. Сидя напротивъ обоихъ супруговъ, она изподлобья слѣдила за каждымъ ихъ движеніемъ, и сердце ея каждый разъ болѣзненно сжималось отъ мучительной ревности и негодованія.

Наконецъ, она не вытерпѣла. Однажды, когда мадамъ Помрѣ особенно ласкалась къ мужу, за обѣдомъ, Дениза вдругъ бросила салфетку на столъ, вскочила и вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Адриенна, до крайности изумленная, положила на мѣсто салфетку.

— Что съ нею сдѣлалось? воскликнула она.

Нѣсколько мгновеній она съ недоумѣніемъ смотрѣла на дверь, за которою исчезла Дикарка, а потомъ вопросительно взглянула на мужа. Испуганное, тревожное выраженіе его лица показалось Адриеннѣ такимъ-же страннымъ, какъ внезапный уходъ Денизы. Она молча сложила салфетку и въ свою очередь встала. Когда она проходила мимо комнаты Денизы, ей показалось, что оттуда доносятся глухія, подавленные рыданія.

— Дениза! закричала она, пытаясь отворить дверь; но

дверь оказалась запертою и изъ комнаты никто не откликнулся.

Въ первый разъ Адриеннѣ явилось подозрѣніе, что между Франсисомъ и Дикаркою происходитъ что-то неладное. Ей вспомнились теперь кое-какія мелочи, на которыя она сначала не обратила никакого вниманія, но которыя теперь не на шутку встревожили ее. Странные намеки, которые позволяла себѣ прошлою осенью высказывать Манетта Тренкесъ, бѣгство Дикарки въ самый день возвращенія ея изъ Пломбьера, испуганный, сконфуженный видъ Франсиса, нѣсколько двусмысленныхъ замѣчаній со стороны кухарки и въ особенности сегодняшняя выходка Денизы, — все это заставляло ее задуматься. Она чувствовала, что окружена какою-то таинственной атмосферой и рѣшилась во что-бы то ни стало выяснить, въ чемъ дѣло. Отличаясь необыкновеннымъ самообладаніемъ, она съумѣла подавить свое волненіе, казалась по-прежнему спокойною и, молча, внимательно стала наблюдать за поведеніемъ мужа и Денизы.

Но молодые люди, повидимому, поняли, какой опасности они подвергаются, если не съумѣютъ сдерживаться; начиная съ этого дня, они стали вести себя осторожнѣе, и въ теченіи цѣлаго мѣсяца мадамъ Помрѣ не могла подмѣтить ни малѣйшаго факта, который подтверждалъ-бы ея подозрѣнія. Дениза казалась равнодушною и невозмутимою; Франсисъ держалъ себя смѣлѣе и самоувѣреннѣе. А между тѣмъ отъ ихъ отношеній вѣяло ледянымъ холодомъ взаимнаго недовѣрія и злобы. Они были похожи на двухъ соумышленниковъ, которые хранить тайну совершеннаго сообща преступленія и, не смотря на взаимную ненависть, дѣйствуютъ согласно, чтобы не выдать другъ друга. Безмолвныя, упорныя наблюденія Адриенны не приводили ни къ какому результату, но тонкій женскій инстинктъ, тѣмъ не менѣе, предупреждалъ ее о существованіи скрытой опасности.

Накопецъ, она рѣшилась прибѣгнуть къ хитрости. Однажды вечеромъ, — дѣло было въ началѣ ноября, — она объявила Франсису, что, послѣ долгихъ размышленій, рѣшилась снова отправить Денизу въ какой-нибудь пансіонъ, такъ какъ дома съ ней положительно невозможно справиться. Если она рассчитывала при помощи этой уловки провѣрить чувства, которыя мужъ питалъ къ Дикаркѣ, то во всякомъ случаѣ совершенно

ошиблась въ своихъ расчетахъ. Предположеніе это вполне отвѣчало желаніямъ Франсиса, и онъ привѣтствовалъ его съ радостью. Это было наилучшее средство удалить всякій поводъ къ семейнымъ бурямъ. Покинувъ ихъ домъ, Дениза навѣрное мало-по-малу успокоится, а время впоследствии вылечитъ ее окончательно. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, онъ заявилъ свое полное согласіе съ мнѣніемъ жены.

Они вмѣстѣ стали подыскивать новое заведеніе, въ которое можно-бы было помѣстить дѣвушку съ такимъ своеправнымъ, непокорнымъ характеромъ. Когда подходящія условія были найдены, мадамъ Помрэ объявила дочери о принятомъ относительно нея рѣшеніи и о срокѣ отъѣзда, который былъ назначенъ на середину октября. Дениза только кивнула головой, сохраняя свой прежній безстрастный видъ; однако Адриеннѣ показалось, что, не смотря на всѣ ея усилія оставаться равнодушной, она слегка измѣнилась въ лицѣ. Губы ея нѣсколько сжались и вокругъ рта появилась зеленоватая блѣдность, свидѣтельствовавшая у нея всегда о сильномъ душевномъ волненіи.

Послѣ перваго извѣстія объ ожидавшемъ ее изгнаніи, Дикарка на цѣлый день заперлась въ своей комнатѣ, но къ вечеру, когда всѣ по обыкновенію сошлись въ столовой, она рядомъ искусныхъ маневровъ постаралась приблизиться къ Франсису и наклонилась къ нему, когда Адриенна, повидимому, была чѣмъ-то занята возлѣ буфета. Но послѣдняя украдкой наблюдала за нею; такая интимность показалась ей тѣмъ болѣе подозрительной, что Дениза уже давно въ ея присутствіи ни слова не говорила съ Франсисомъ. Поэтому, дѣлая видъ, что совершенно поглощена счетомъ бѣлья, Адриенна направила свое вниманіе, и отличаясь очень тонкимъ слухомъ, уловила нѣсколько словъ, произнесенныхъ шопотомъ.

— Мнѣ нужно съ вами переговорить... Сегодня ночью... Это необходимо!..

Остального она не могла разобрать. Весь разговоръ продолжался не долѣе нѣсколькихъ секундъ. Когда Адриенна обернулась, Дикарка уже по-прежнему сидѣла на своемъ мѣстѣ и приняла свой обычный равнодушный видъ, но уже встревоженное лицо Франсиса достаточно убѣждало мадамъ Помрэ, что слышанное ею не было галлюцинаціей. Дениза назначала ея мужу свиданіе; гдѣ и когда оно должно было

произойти,—этого она не знала; но сущность дѣла не подлежала сомнѣнію, и она ни минуты не колебалась относительно того, какъ ей въ данномъ случаѣ поступить.

Хотя такое неожиданное открытіе было для нея страшнымъ ударомъ, но мадамъ Помрѣ скрыла свою тревогу, и обѣдъ окончился безъ всякихъ приключеній. Когда прибрали со стола, Франсисъ закурилъ сигару, обѣ женщины сидѣли передъ каминами и, наконецъ, около девяти часовъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ подъ предлогомъ усталости.

Со времени поѣздки жены въ Пломбьеръ, Франсисъ сохранилъ привычку спать въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, и Адриенна одна занимала смежную комнату. Въ десять часовъ, отославъ Зели, она снова одѣлась, потушила свѣчу и стала ждать, прижавшись ухомъ къ выходившей въ корридоръ двери, которую она изъ предосторожности только притворила. Мало-по-малу воцарилась глубокая тишина. Гулко пронеслись одиннадцать ударовъ, и затѣмъ тишина снова воцарилась въ старомъ домѣ.

Вдругъ это торжественное безмолвіе, въ продолженіи котораго Адриенна слышала біеніе собственнаго сердца, было нарушено скрипомъ осторожно отворенной двери. Это была дверь Денизы. Нѣсколько мгновений спустя, такой-же легкой скрипъ возвѣстилъ, что и Франсисъ въ свою очередь покидаетъ свою комнату. Въ то-же время, въ темнотѣ промелькнулъ слабый лучъ свѣта, потому-что Франсисъ, какъ человѣкъ предусмотрительный, залася карманнымъ фонаремъ.

— Идите сюда, прошепталъ онъ;—пойдемте внизъ!

Они направились къ лѣстницѣ; шаги ихъ, благодаря коври, покрывавшему ступени, были едва слышны. Адриенна сняла башмаки и, переждавъ нѣсколько времени, въ свою очередь вышла въ корридоръ. Ощупью она отыскала перила и стала спускаться, останавливаясь на каждой ступени. Убѣдившись, что они скрылись въ столовой, она осторожно пробралась вдоль стѣны передней и стала отыскивать глазами дверь. Изъ предосторожности они ее не совершенно затворили, и Франсисъ нашелъ нужнымъ только опустить за собою портьеру. За нею-то теперь и притаилась Адриенна.

Рѣдкая, мѣстами протертая шерстяная ткань позволяла смутно видѣть внутренность комнаты, слабо освѣщенной маленькимъ фонаремъ, который Франсисъ поставилъ на одинъ

изъ столовъ. Самъ онъ стоялъ, повернувшись спиною къ дверямъ, засунувъ руки въ карманы сюртука, а противъ него виднѣлась фигура Денизы, прислонившейся къ массивному орѣховому буфету. Адриенна подошла къ двери и, вся трепещущая, стала слушать.

— Я рѣшилась побезпокоить васъ, говорила Дениза;— потому что была вынуждена это сдѣлать... Со стыдомъ я признаюсь, что доведена до такой крайности... но медлить долѣе было невозможно, такъ какъ черезъ два дня меня отсылаютъ.

— Бѣдная моя Дениза, я очень, очень виновата передъ вами, я горько раскаиваюсь, что причинилъ вамъ столько горя; началъ, было, Франсисъ.

— Я не требую отъ васъ изліянія чувствъ, прервала она его;—я вамъ не вѣрю.

— Вы несправедливы... Я по-прежнему люблю васъ, хотя давалъ вамъ поводъ сомнѣваться въ моей искренности... Что же касается предстоящаго отъѣзда, то я его не могъ предотвратить. Если-бы я сталъ противиться ему, то подтвердилъ-бы подозрѣнія, которыя начинаютъ просыпаться... вы сами знаете, у кого. Ради нашей обоюдной безопасности, этотъ отъѣздъ необходимъ.

— Онъ невозможенъ! возразила она глухимъ голосомъ.

— Невозможенъ? Да вѣдь вы сами желали уйти отсюда.

— Да, я этого желала и продолжаю желать, но въ пансіонѣ мнѣ ѣхать невозможно.

— Я не могу себѣ объяснить... почему?

— Почему? повторила она. — О, мнѣ не легко въ этомъ сознаться, въ особенности теперь, когда вы уже не любите меня... А между тѣмъ это необходимо! воскликнула она съ выраженіемъ горькаго отчаянія.

Франсисъ все еще не догадывался, въ чемъ дѣло; онъ началъ терять хладнокровіе и спрашивалъ себя, ужь не помутился-ли у Денизы рассудокъ.

— Я не могу явиться въ пансіонъ въ томъ положеніи, въ которомъ теперь нахожусь, сказала она, потупившись... Понимаете теперь?

За этими словами послѣдовало глубокое молчаніе. Франсисъ чувствовалъ, что по всѣму тѣлу его пробѣжала дрожь, и отъ внезапно охватившаго его ужаса не могъ вымолвить

ни единого слова. Но, какъ ни сильна была его тревога, ее нельзя было сравнить съ тѣмъ страданіемъ, которое испытывала несчастная женщина, скрывавшаяся за занавѣсомъ. Каждое слово этого разговора было для нея равносильно удару кинжала, наносившаго неисцѣлимую рану. Она принуждена была обѣими руками ухватиться за косякъ двери, чтобы удержаться на ногахъ. Она задыхалась и всѣми силами боролась противъ одолевавшаго ее отчаянія. Въ ухахъ у нея звенѣло, и ей казалось, что это похоронный звонъ на погребеніи всего того, что ей было дорого. Прийдя немного въ себя и успѣвъ снова овладѣть долей своего хладнокровія, она услышала, что Дениза продолжаетъ говорить рѣзкимъ, прерывающимся отъ волненія, голосомъ.

— Во мнѣ происходитъ что-то странное... Я не знаю, что это, но боюсь, что я беременна.

— Этого еще не доставало, процѣдилъ Франсисъ сквозь зубы.

Затѣмъ онъ прибавилъ, нѣсколько разъ глубоко переведа дыханіе.

— Вы, вѣроятно, встревожились по пустякамъ; навѣрное, воображеніе ваше рисуетъ вамъ всякіе ужасы...

Она отрицательно покачала головой. Онъ сталъ приставать къ ней съ вопросами, хотѣлъ, чтобы она подробнѣе описала признаки; наконецъ, Дениза, краснѣя отъ стыда, прошептала:

— Я не знаю, но мнѣ приходилось видѣть женщинъ въ этомъ состояніи, и онѣ испытывали все то, что теперь чувствую я...

Франсисъ молчалъ; Дикарка продолжала съ возрастающимъ олушевленіемъ:

— Вы понимаете, что въ такомъ положеніи мнѣ невозможно помѣститься въ пансіонѣ, куда меня посылаютъ... И потому, — хотя, повѣрьте, мнѣ не легко было рѣшиться на такую крайность, — я обращаюсь къ вамъ съ просьбой вывести меня изъ этого затрудненія...

Онъ сдѣлалъ испуганный жестъ, и лицо его замѣтно вытянулось.

— О, не беспокойтесь, продолжала она съ ироніей; — я не требую отъ васъ тяжелой жертвы... Если у меня будетъ ребенокъ, я сумѣю любить и вырастить его безъ вашей по-

мощи... Прошу васъ только объ одномъ: постарайтесь, чтобы Адриенна отказалась отъ мысли послать меня въ пансіонъ и добейтесь, чтобы она позволила мнѣ вернуться въ Апрѣ, въ семейство моей матери.

— Но вѣдь теперь уже сдѣланы всѣ приготовленія къ отъѣзду, возразилъ Франсисъ нерѣшительнымъ, жалобнымъ тономъ; — если я теперь стану говорить противъ давно порѣшеннаго плана, Адриенна навѣрное заподозритъ что-нибудь недоброе... Право-же, дорогое дитя, ваши опасенія, быть можетъ, неосновательны, и гораздо благоразумнѣе подождать.

— Чего-же еще ждать? вспыхнула она;—не того-ли, чтобы мое положеніе стало видимо для всѣхъ и чтобы я сдѣлалась позоромъ пансіона, въ которомъ меня хотятъ запретить?.. Знаете, вы еще болѣе низкій трусъ, чѣмъ я думала, и я жестоко наказана за то, что любила васъ. Но не доводите меня до крайности! Если вы откажетесь оказать мнѣ эту услугу, клянусь вамъ, я пойду и во всемъ признаюсь Адриеннѣ.

— Это лишнее, прошептала за ними чей-то слабый голосъ:—я все слышала.

Они обернулись и при тускломъ свѣтѣ фонаря увидѣли Адриенну, стоявшую на порогѣ.

Она была страшно блѣдна. Черты ея лица какъ будто окаменѣли съ трагическимъ выраженіемъ отчаянія и негодованія. Она одновременно была похожа на Ниобею и на Немезиду. Дикарка такъ и замерла на мѣстѣ съ неподвижными, широко раскрытыми глазами, какъ будто заколдованная магнетическою силою этихъ страшныхъ взглядовъ, сверкавшихъ подъ грозно сдвинутыми бровями, этимъ бѣлымъ, мраморнымъ лицомъ, окаймленнымъ темными волосами, среди которыхъ блистала серебряная прядь, придававшая лицу Адриенны такое странное выраженіе. Франсисъ, напротивъ, инстинктивно стараясь избѣгнуть этой ужасной встрѣчи, отретировался въ самый темный уголъ комнаты.

Не прибавляя ни слова, Адриенна подошла къ столу, налила себѣ стаканъ воды и съ жадностью выпила его залпомъ. Затѣмъ, она оперлась на столъ рукою и повторила твердымъ голосомъ, спокойный тонъ котораго составлялъ рѣзкій контрастъ съ выраженіемъ ея искажившагося лица:

— Да, я все слышала и если не умерла на мѣстѣ, такъ

развѣ потому, что такого рода удары убиваютъ, вѣроятно, не вдругъ, а постепенно... Вы поступили позорно, но у меня не хватаетъ ни силъ, ни рѣшимости сказать вамъ всего, что я думаю о вашемъ поступкѣ... Вы оба ничего, кромѣ добра, отъ меня не видѣли и отплатили тѣмъ, что отравили мою жизнь... Теперь у меня осталось одно только желаніе, — поскорѣе покинуть этотъ свѣтъ!..

Она была прервана Дикаркою, которая вдругъ опустилась передъ ней на колѣни, цѣловала край ея платья и, рыдая, молила о прощеньи.

— Полно, бѣдная Дениза, продолжала Адриенна; — ты жалкое, несчастное созданіе!.. Я еще понимаю, что ты подда-лась обольщенію; вѣдь то-же несчастіе случилось и со мной, хоть я старше тебя и лучше умѣю оцѣнивать людей... Но онъ, этотъ человѣкъ, который клялся мнѣ въ любви и вѣрности, а потомъ воспользовался моимъ легковѣріемъ, моею глупостью, чтобы обезчестить тебя и нанести мнѣ тяжкое оскорбленіе въ моемъ собственномъ домѣ,—этотъ человѣкъ въ моихъ глазахъ не что иное, какъ низкій негодай!

Какъ ни велико было смущеніе Франсиса, однако онъ понималъ, что было-бы не расчетливо позволять себя до такой степени позорить, не протестуя, хотя для вида. Дѣло шло о спасеніи его достоинства, какъ мужчины и супруга. Выйдя изъ темнаго угла, въ который забился въ первую минуту, онъ сухо сказалъ:

— Эта сцена совершенно бесполезна и неумѣстна, и я не намѣренъ далѣе при ней присутствовать... Мы объяснимся съ вами въ другомъ мѣстѣ.

— Оставайтесь! возразила Адриенна повелительнымъ тономъ;—я скажу все, что имѣю высказать, и вы меня выслушаете до конца!.. Я могла-бы отмстить вамъ, потребовавъ развода передъ судомъ и разоблачивъ передъ всѣми честными людьми ваше позорное поведеніе, но я не хочу топтать въ грязь своего собственного имени, вмѣшивая въ мою интимную жизнь адвокатовъ и судей; я не хочу, чтобы ваши низости опозорили мою семью и чтобы сама я вмѣстѣ съ вами сдѣлалась предметомъ злобныхъ сплетенъ... Я буду молчать, но взамѣнъ этого молчанія, требую, чтобы вы оба слѣпо подчинились всему, что я найду нужнымъ предпринять для того, чтобы вытащить изъ грязи свою и вашу честь. На-

чиная съ этого вечера, вы будете повиноваться мнѣ безпрекословно, какъ рабы; моя воля будетъ для васъ закономъ... Вотъ вамъ моя месть!.. Клянись, что будешь мнѣ повиноваться! воскликнула она, заставляя Денизу подняться на ноги; — поклянитесь и вы, прибавила она, обращаясь къ Франсису; — не честию, а жизнью вашей, которою вы, вѣроятно, дорожите больше... Разбивъ навсегда мою жизнь, вы не имѣете права отказать мнѣ въ этой клятвѣ.

Виновные стояли съ опущенными головами и не протестовали... Адриенна схватила стоявшій на столѣ фонарь и прибавила, обращаясь къ нимъ.

— Теперь пойдѣте наверхъ!

Пропустивъ Денизу впередъ и не обращая никакого вниманія на мужа, она дошла до ея комнаты и заперла за нею дверь. Въ то время, какъ она повертывала ключъ, съ нею поровнялся Франсисъ, направлявшійся въ свою комнату.

— Послушайте, сказала она ему глухимъ голосомъ;—начиная съ этой минуты, мы другъ другу чужіе, но въ глазахъ прислуги и постороннихъ людей должны вести себя такъ, какъ будто въ нашихъ отношеніяхъ не произошло никакой перемѣны... Это будетъ гнусной комедіей, но для меня она будетъ еще тяжеле, чѣмъ для васъ. Во всякомъ случаѣ, старайтесь играть свою роль хорошо, потому-что, если по вашей винѣ у кого-нибудь явится хоть подозрѣніе о томъ, что здѣсь произошло, — клянусь вамъ — я убью васъ, какъ собаку!

VI.

Съ необыкновенной энергіей и удивительнымъ хладнокровіемъ Адриенна приводила въ исполненіе планъ, который задумала въ ту роковую ночь, когда ей пришлось быть свидѣтельницей объясненія между Франсисомъ и Дикаркою. Она рѣшилась разыгрывать роль беременной и объявить о своемъ мнимомъ положеніи всѣмъ знакомымъ, съ которыми еще поддерживала отношенія; затѣмъ, лишь только можно было опасаться, что беременность Денизы сдѣлается слишкомъ замѣтною, она послѣшила уезди ея подъ тѣмъ предлогомъ, что здоровье ея требуетъ пребыванія на югѣ. Путешественницы сначала поселились въ Лозаннѣ, и мадамъ Помрѣ начала раз-

слѣдовать окрестности, чтобы отыскать какую-нибудь уединенную деревеньку, въ которой нечего было опасаться неприятныхъ встрѣчь. Наконецъ, она выбрала Туръ-де-Пельцъ; когда всѣ необходимыя приготовленія были окончены и приблизился срокъ разрѣшенія Денизы, Адриенна сообщила Франсису приказаніе пріѣхать, такъ какъ его присутствіе было необходимо для развязки той комедіи, которую она разыгрывала уже цѣлый мѣсяць.

И въ Лозаннѣ, и въ Туръ-де-Пельцѣ, Дениза, по приказанію Адриенны, записалась подъ именемъ мадамъ Франсисъ Помрэ, и когда пріѣхалъ Франсисъ, онъ въ глазахъ мѣстныхъ жителей фигурировалъ, какъ мужъ будущей родильницы. Такъ какъ онъ былъ немногимъ старше Денизы, то эта роль была для него вполнѣ естественна; что-же касается настоящей мадамъ Помрэ, то горе до такой степени состарило ее, что она безъ затрудненія могла сойти за тещу. Эти послѣдніе дни, проведенные вмѣстѣ тремя дѣйствующими лицами происшедшей здѣсь драмы, были тяжелы для каждаго изъ нихъ. Но больше всѣхъ, конечно, страдала Адриенна. Дениза была поглощена физически и нравственно заботами о предстоявшей катастрофѣ; Франсисъ былъ совершенно уничтоженъ сознаниемъ униженности своего положенія; Адриенна была для нихъ обоихъ безконтрольнымъ авторитетомъ въ силу глубины ея горя, въ силу той громадной жертвы, которую она приносила въ ихъ общемъ интересѣ. Она каждую минуту ясно сознавала весь позоръ настоящаго, весь ужасъ рисовавшагося въ перспективѣ будущаго. Нужно было обладать каменной натурой и стальными нервами, чтобы вынести эту долгую пытку.

Однажды вечеромъ, въ то время какъ апрѣльское солнце потухало за цѣпью Юрскихъ горъ и голубое Женевское озеро принимало болѣе темный оттѣнокъ, Дениза, которая уже двѣнадцать часовъ мучилась, испустила наконецъ послѣдній раздирающій крикъ. Минуту спустя, акушерка обернулась къ Адриеннѣ и Франсису и сказала, поднося къ послѣдному крошечное красное созданіе:

— Поздравляю васъ съ сынкомъ!

Несчастный Франсисъ, притаившійся въ углу, на креслѣ, и находившійся въ состояніи полнѣйшаго нравственнаго угнетенія, былъ до глубины души потрясенъ этимъ извѣстіемъ.

Онъ вздрогнулъ и всталъ, чтобы привѣтствовать появленіе сына; но Адриенна преградила ему дорогу и сказала, смѣривъ его грознымъ взглядомъ, значеніе котораго было понятно только для него одного:

— Уходите, вы намъ мѣшаете!

На другой день онъ отправился въ марию, въ сопровожденіи акушерки и двухъ свидѣтелей, жившихъ по сосѣдству, объявилъ о рожденіи ребенка и записалъ его въ метрическіе списки деревни Туръ-де-Пельцъ, какъ сына «Пьера-Франсиса Помрэ и Лорансъ-Маріи-Адриенны Ормансэ, законной жены его, имѣющихъ жительство въ Руэль (Франція)». Это было ложное показаніе, за которое опредѣлялось строгое наказаніе по закону, передъ которымъ онъ всегда чувствовалъ благоговѣйный трепетъ; но въ теченіе послѣдняго года онъ до такой степени привыкъ къ лжи и клятвопреступленіямъ, что эта новая ложь уже нисколько не смутила его.

Въ первое время, пока еще Дениза не поправилась, Адриенна позволила ей кормить ребенка, но лишь только родильница настолько окрѣпла, что можно было рѣшиться на путешествіе, обѣ женщины покинули Туръ-де-Пельцъ и черезъ Женеву отправились въ Парижъ, гдѣ уже ожидалъ ихъ Франсисъ, уѣхавшій раньше. Въ Парижѣ отыскивали кормилицу, которой Адриенна была представлена какъ мать новорожденнаго ребенка. Такимъ образомъ, все устроилось какъ нельзя лучше, и мадамъ Помрэ смѣло могла вернуться въ Руэль.

Не успѣла Адриенна войти въ домъ свой, какъ для нея уже начались тѣ муки, которыя не должны уже были покидать ее ни на минуту. Она принуждена была выслушивать многословныя, льстивыя поздравленія прислуги, которая наперывъ спѣшила привѣтствовать ее и восторгалась ребенкомъ, котораго кормилица покачивала на рукахъ.

— Пресвятая Богородица! восклицала Модеста;—онъ прелестенъ, какъ Божій ангелъ! И какой крѣпкій и здоровый! Вотъ, ужъ кого будутъ любить да баловать. Ужъ онъ конечно не пожалѣетъ о томъ, что родился на свѣтъ.

— А какъ онъ похожъ на барыню-то, прибавляла Зели;— и глаза, и лобъ совсѣмъ какъ у барыни. Вотъ ужъ отъ кого, при всемъ желаніи, барыня не могла-бы отказаться!

— Я отъ души поздравляю барыню съ тѣмъ, что это мальчикъ, въ свою очередь прибавлялъ Пьеръ.— Не во гнѣвъ

вамъ будь сказано, дѣвочки слишкомъ деликатный товаръ, а мальчикъ ужь всегда пробьетъ себѣ дорогу.

И хоръ шумныхъ поздравленій начинался съизнова. Всѣ восхищались здоровьемъ и свѣжимъ видомъ Адриенны. Ужь конечно никто-бы не сказалъ, что она только что вынесла такую передрагу! Адриенна принуждена была благодарить, улыбаться и казаться восхищенной, чтобы хорошо сыграть роль счастливой матери. Поневолѣ приходилось ежеминутно лгать, съ веселымъ лицомъ, не моргнувъ выслушивать поздравленія священника, принимать любопытныхъ сосѣдей и услужливыхъ сельскихъ кумушекъ. Дениза, въ свою очередь, должна была подчиняться этой комедіи и быть невозмутимо покойной, тогда какъ у нея отнимали ея единственное утѣшеніе, единственную собственность—ея родного сына. При каждомъ поздравленіи, которое получала Адриенна, ей казалось, что ее обкрадываютъ, отнимая у нея частичку ея собственнаго я. Новое страданіе, материнская ревность, прибавляла яду въ ея раны. Она чувствовала, какъ гнѣвъ сжималъ ей горло, при мысли, что этотъ ребенокъ никогда не будетъ ей принадлежать. Часто ею овладѣвало безумное желаніе схватить его и убѣжать съ нимъ въ лѣсъ; ее удерживалъ только страхъ повредить ребенку, который, оставаясь въ Руэлѣ, по крайней мѣрѣ, могъ рассчитывать на спокойную жизнь и обезпеченное будущее.

Франсисъ велъ самое несчастное и приниженное существованіе между этими двумя женщинами, смертельно имъ оскорбленными и одинаково его презиравшими. Онъ даже не пробовалъ протестовать и поддерживать свои права хозяина и отца; одного ледяного взгляда Адриенны или Денизы, пронизывающаго, какъ декабрьскій вѣтеръ, смертоноснаго, какъ ядовитая стрѣла, было достаточно, чтобы мгновенно уничтожить малѣйшую его попытку къ возмущенію. Онъ притихалъ и молча пилъ горькую чашу своего униженія.

Когда эти три существа случайно оставались въ комнатѣ одни, безъ постороннихъ свидѣтелей, буря, бушевавшая въ ихъ душахъ, вырывалась наружу. Глаза ихъ зловище сверкали, и самое молчаніе было полно угрозъ и упрековъ. Въ этой атмосферѣ ненависти и скорби одинъ лишь ребенокъ въ своей люлькѣ улыбался жизни и лепеталъ, какъ ручная птичка, которая поетъ въ комнатѣ мертвеца.

Наконецъ, накопилось слишкомъ большое количество грозовыхъ тучъ, и гроза неминуемо должна была разразиться. Постоянно скрывая свои разочарованія, свое горе и негодованіе, Адриенна наконецъ дошла до крайняго, болѣзненнаго напряженія своего нервнаго организма. Здоровье ея снова разстроилось, она страдала постоянной бессонницей, была подвержена галлюцинаціямъ, громко разговаривала сама съ собой или-же бредила съ открытыми глазами. Она становилась все раздражительнѣе и не могла безъ вспышки гнѣва видѣть Дикарку у колыбели ребенка. Раздражительность эта принималась всѣми окружающими за материнскую ревность.

Однажды вечеромъ, въ концѣ мая, когда кормилица обѣдала въ кухнѣ съ остальной прислугой, Адриенна, ушедшая къ себѣ въ комнату, вдругъ стала къ чему-то прислушиваться. Слухъ ея сталъ болѣзненно чутокъ; ей слышались сквозь стѣны протяжные звуки колыбельной пѣсни, напѣваемой вполголоса въ комнатѣ ребенка. Она поспѣшно отправилась въ дѣтскую, порывисто отворила дверь и вспыхнула отъ гнѣва.

Дикарка сидѣла у окна, съ ребенкомъ на рукахъ и, качая его, напѣвала отрывокъ крестьянской пѣсни, той самой, которая убаюкивала и ее среди лѣса, въ дни ранняго дѣтства. По временамъ она останавливалась, цѣловала ребенка и затѣмъ еще нѣжнѣе затягивала усыпляющій припѣвъ:

За домошь рѣченька течеть;
— Кружитесь, дѣвушки плавнѣе.
По рѣчкѣ уточка плыветь;
— Кружитесь, дѣвушки плавнѣе,
Плавнѣй водите хороводъ...

Замѣтивъ мадамъ Помрэ, она остановилась, какъ окаменѣлая. Адриенна подошла къ ней.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Я тебѣ запретила прикасаться къ этому ребенку.

— Меня никто не видалъ, возразила Дениза почти умоляющимъ голосомъ.

— Я не хочу этого; слышишь... я не хочу!

И она рванула ребенка изъ рукъ Дикарки съ такой силой, что тотъ проснулся и заплакалъ.

— Вы его слишкомъ сильно сжимаете, смотрите! воскликнула взволнованная Дениза.

— Ну что-жь такое! Я никогда не причиню ему и половины того зла, которое вы причиняете мнѣ.

Ея темныя глаза сверкали и, не обращая вниманія на слезы ребенка, она сжимала его все крѣпче.

— Я говорю вамъ, что вы его задушите, повелительно воскликнула Дениза, раздражаясь въ свою очередь;—оставьте его!

— Нѣтъ, онъ мой!.. Я слишкомъ дорого заплатила за него!

Волненіе ея съ каждымъ словомъ усиливалось.

— Ребенокъ этотъ заставляетъ меня выносить адскія мученія; онъ напоминаетъ мнѣ однѣ лишь низости... И если-бы я даже убила, если-бы я раздавила его какъ червя... Кто рѣшился-бы меня за это осуждать?

Она приближалась къ окну и руки ея напрягались, какъ бы собираясь выбросить ребенка за окно. Дениза по ея взгляду и движенію угадала, что она была-бы способна исполнить угрозу. Бросаясь съ протянутыми руками къ окну, чтобы преградить дорогу, она такъ пронзительно вскрикнула, что Франсисъ прибѣжалъ изъ курительной.

Адриенна окинула ихъ обоихъ растеряннымъ взглядомъ, сдѣлала шагъ назадъ, бросила ребенка въ люльку и, разразившись дикимъ смѣхомъ, выбѣжала въ корридоръ и сбѣжала съ лѣстницы.

Она страшилась людей и себя самой. Этотъ домъ давилъ ее. Она торопилась его покинуть. Балки и стѣны, казалось, трещали злобѣющимъ трескомъ, собираясь похоронить ее подъ своими развалинами. Сѣни были пусты, двери настежь отворены. Она выбѣжала въ садъ, а оттуда въ поле.

Вечеръ былъ чудный, ясный. На западѣ еще пылала золотистая полоса, надъ которою висѣли розовыми хлопьями мелкія облака. Внизу, въ глубинѣ долины, уже покрытой пеленою тѣни, на темнозеленомъ фонѣ живыхъ изгородей и луговъ, широкими пятнами бѣлѣли цвѣты боярышника, грозди акацій, маргаритки. Весна сіяла во всей своей красѣ, радостная жизнь проявлялась во всемъ,—въ благоуханіи цвѣтовъ, въ щебетаніи птичекъ. Даже унылый прудъ какъ будто принарядился къ празднику и веселѣе смотрѣлъ посреди своихъ камышей, обвитыхъ зеленью вьющихся растений, убранный желтыми кувшинчиками съ широкими круглыми листьями, пла-

вавшими на неподвижной поверхности воды. Проходя вдоль склоновъ, покрытыхъ отсырѣвшей травой, Адриенна съ удвоенной горечью вспомнила о томъ весеннемъ утрѣ, когда она такимъ бодрымъ шагомъ вышла на прогулку изъ своего обрывскаго дома, счастливая, свободная, съ тысячею радужныхъ плановъ въ головѣ... Передъ глазами ея воскресали малѣйшія подробности этого памятнаго дня: тѣнистая тропинка вдоль берега Обетты, высокія деревья Большого оврага, Манетта Тренкесъ, сидѣвшая на порогѣ своей жалкой хижины... Съ тѣхъ поръ прошло два года, и вотъ теперь опять цвѣли цвѣты, опять пѣли птицы въ лѣсу. Ничего, повидимому, не измѣнилось, да и Манетта бродила вотъ тамъ, по ту сторону пруда, приподнимая мохъ у подножія буковъ и собирая грузди. Адриенна ясно могла различить между деревьями ея всклокоченную, бѣлокурую голову, ея обтрепанное платье и широкую фигуру. Ей вдругъ стало жутко и стыдно при мысли, что эта женщина, которая когда-то знала ее гордой, счастливой, можетъ увидѣть ее теперь униженной и жалкой. Чтобы укрыться отъ пронизательныхъ взглядовъ Манетты, она углубилась въ высокую траву и тростники, окружавшіе Унылымъ прудъ, и усѣлась на берегу его, среди зеленыхъ стрѣлокъ и цвѣтущихъ зонтиковъ, поднимавшихся выше ея головы.

Синее небо потемнѣло; на темнолазуревомъ фонѣ его загорѣлись первыя звѣзды, и Адриенна задумчиво смотрѣла, какъ золотые глаза ихъ моргали между зелеными стеблями. Въ чащѣ кустарника, близъ опушки лѣса, запѣлъ соловей. Звучные трели и переливы, отрывочныя ноты, слѣдовавшія одна за другою, какъ рядъ сладострастныхъ призывовъ,—вся эта музыка майскихъ ночей съ острой болью отдавалась въ мозгу несчастной женщины и потрясала его все сильнѣе и сильнѣе. Благоуханіе мяты и одуряющій запахъ цикуты туманили ей голову. Теперь ей казалось, что всѣ частички ея нервной системы приходятъ въ непрерывное движеніе, подобно мошкамъ, кружившимся въ воздухѣ надъ поверхностью воды. Мысль ея колебалась вмѣстѣ съ мерцаніемъ звѣздъ, дрожала вмѣстѣ съ трелью соловья; каждый нервъ ея наболѣвшаго тѣла вибрировалъ согласно съ тѣмъ таинственнымъ ритмомъ, который приводилъ въ движеніе все вокругъ. Расширенные зрачки ея съ ужасомъ слѣдили, какъ постепенно ускорялось это волнообразное движеніе, какъ закружились, наконецъ, въ безумной пляскѣ расте-

ня, деревья, холмы и небо... Вдруг она упала на мокрую траву и снова разразилась тѣмъ дикимъ, неустойчивымъ хохотомъ, который въ первый разъ вырвался у нея въ комнатѣ кормилицы...

Ночная свѣжесть становилась пронзительнѣе и туманъ сталъ разстилаться на поверхности воды, на лугахъ и на лѣсистыхъ склонахъ Монтавуара. Дороги опустѣли. Деревья потушила свои огни и погрузилась въ сонъ. Только соловей по прежнему пѣлъ на опушкѣ лѣса, да хоры лягушекъ затянули свою однообразную пѣсню. Среди сырой травы, на берегу Унылаго пруда, въ ночной тишинѣ, отъ времени до времени раздавался какой-то странный, рѣзкій, дикій крикъ, и каждый разъ послѣ этого умолкала пѣсня соловья, и лягушки, сидѣвшія на плоскихъ листьяхъ кувшинчиковъ, надолго стихали, какъ будто объятые тайнымъ ужасомъ.

Въ руэльскомъ замкѣ до поздней ночи тщетно ожидали возвращенія мадамъ Помрѣ. Не найдя ея ни въ саду, ни въ деревнѣ, прислуга обѣгала часть лѣса, но всѣ поиски были безплодны; никто не откликнулся, нигдѣ не видно было слѣдовъ обѣгальки. Франсисъ всю ночь оставался на ногахъ, а на слѣдующее утро поиски возобновились съ первыми лучами разсвѣта. Въ то время, какъ онъ хлопоталъ, распорядился и давалъ приказанія, въ головѣ его безпрестанно мелькалъ вопросъ:

— А что, если ее принесутъ мертвую?

Морозъ пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубинѣ души шевелилась смутная надежда и тайное чувство невольнаго облегченія. Пока онъ совѣтывалъ Пьеру обшарить дно Унылаго пруда, въ передней раздался смутный шумъ голосовъ, и на порогѣ появились два крестьянина, которые вели Адриенну. Волосы ея были распущены, платье все измокло, ноги были покрыты иломъ. Она была жива, но и только. Блуждающіе глаза ея не узнавали никого; непрерывный, нервный смѣхъ потрясалъ все ея тѣло и оглашалъ коридоры дикими, пронзительными звуками, въ родѣ тѣхъ, которые приходится слышать въ сумасшедшихъ домахъ.

Два дня спустя, въ «Лангирскомъ Обзорѣвателѣ» появилось слѣдующее извѣстіе: «Ужасное несчастье поразило одно изъ самыхъ уважаемыхъ семействъ кантона. Мадамъ Помрѣ, молодая женщина, недавно разрѣшившаяся отъ бремени, внезапно со-

шла съ ума и ночью убѣжала изъ руэльскаго замка. На другое утро ее нашли около монтавуарскаго лѣса въ состояніи полнаго умопомѣшательства. Говорятъ, она не захотѣла сама кормить своего ребенка; внезапная остановка въ отдѣленіи молока произвела серьезное разстройство въ отравленіяхъ мозга, и молодой мужъ, совершенно убитый горемъ, по совѣту докторовъ, отвезъ ее въ заведеніе для умалишенныхъ».

Мадамъ Помра жива и до сихъ поръ. Она находится въ маревильской психіатрической лечебницѣ, безуміе ея признано неизлечимымъ. Франсисъ и Дениза покинули Руэль. Они ненавидятъ другъ друга и тѣмъ не менѣе не рѣшаются разстаться; ребенокъ, на которомъ сосредоточивается теперь весь интересъ ихъ жизни и котораго они другъ у друга оспариваютъ, удерживаетъ возлѣ себя эти два существа, которыя не могутъ взглянуть другъ на друга безъ того, чтобы каждый взглядъ ихъ не заключалъ въ себѣ кроваваго упрека и проклятія. Дома въ Обривѣ и Руэлѣ проданы. Злополучная чета, не находя нигдѣ покоя, перѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, гдѣ-то живеть на водахъ, зиму проводитъ въ южныхъ городахъ и всюду одинаково тяготеетъ своимъ двусмысленнымъ, ложнымъ положеніемъ. Отъ времени до времени до нихъ доходитъ извѣстіе изъ Маревіля, которое гласитъ, что физическое состояніе больной превосходно, но что умственные отравленія находятся все въ томъ-же состояніи. Ребенокъ сопровождаетъ ихъ и становится все болѣе и болѣе похожимъ на Адриенну. Среди темныхъ волосъ его растетъ та-же бѣлая прядь, которая составляла такую характеристическую черту физиономіи несчастной женщины. Тщетно Дениза старательно выстригаетъ эту прядь, которая внушаетъ ей невыразимый ужасъ; она съ каждымъ разомъ отростаетъ все гуще, живучая, неизгладимая, какъ угрызеніе совѣсти.

К О Н Е Ц Ъ .

МИМОЪЗДОМЪ.

(Разсказъ).

Давно это было. Я догонялъ пароходъ, ведшій мой другъ вверхъ по Волгѣ, и, запаздывъ по дѣлу на нѣсколько часовъ, неся изъ Енотаевска на почтовыхъ, стараясь перенять его гдѣ случится. Сыпучая степная мочва, спуски въ сухія балки и подъемы на песчаные бугры и холмы не очень-то споспѣшествовали этому, но полтинники, щедро раздаваемые ямщикамъ, дѣлали то, что везли меня хорошо и на станціяхъ не давали времени ни ѣсть, ни пить. Мигомъ за прїѣздомъ вновь гремѣли бубенцы и объявлялось, что лошади готовы. Правда, я торопился и самъ, потому наскоро выпивалъ стаканъ другой чаю или просто молока и ѣхалъ далѣе.

Время было позднее осеннее, стояли свѣжія ночи и утренники, перещаркивалъ снѣжокъ, и пароходное движеніе прекратилось, — тѣмъ легче было справляться о нагоняемомъ позднемъ пароходѣ. Наконецъ, на рясвѣтѣ второй ночи, мы подъѣзжали къ колоніи, гдѣ встрѣтили первый санный путь и поблѣвшія окрестности и дорогу.

— Таранасикъ-то прикажете переменить на сани, господинъ? Далѣ совсѣмъ зима стала, скандываютъ, обратится ко мнѣ ямщикъ, вѣвзжая въ лицу.

— Пусть мѣняють. Таранасъ-то вашъ, — мнѣ все равно; еще лучше, если дорога хорошая.

— Танерь чего не дорога... одно слово, катись... перво-путье...

— Про пароходъ-то пожалуйста узнай, — чай, примѣтили... Недалеко долженъ-бы быть.

— А вотъ поспрошаемъ... Да вашу милость на станцію-то везти-ли? Пусто тамъ у насъ, — одинокій смотритель-то, без-

хозяйный. Ежели, напимръ, закусить всласть, чаю или кофею со сливками испить, такъ васъ лучше къ колонисту тутъ къ одному предоставить, — убоготорить всѣмъ. Хозяйный и зажиточный, — всего вволю.

— Хорошо, вези къ колонисту.

Черезъ минуту мы подкатили къ воротамъ небольшого, но чистаго домика. Было еще рано, и хозяева спали. На стукъ, немного погодя, намъ отперла работница, здоровая, красивая, краснощекая медвежь. Она провела меня въ чистую половину, въ комнату, которую можно было назвать гостиною, съ традиціоннымъ диваномъ и креслами съ задками подь красное дерево, съ сидѣньемъ, обшитымъ волосяною тканью, и съ неуклюжимъ столомъ среди нихъ, покрытымъ вязаной бѣлой салфеткой. Швардвальдскіе часы съ кукушкой тикали на стѣнѣ! Тишина и чистота располагали къ отдыху послѣ полуторасуточной непрерывной скачки, особенно когда я узналъ, что парходный свистокъ долго слышали только-что минувшей ночью. Не было смѣшна, что онъ принадлежалъ прествдуемому парходу.

Не успѣлъ еще я какъ слѣдуетъ запить мой вкусный завтракъ вкуснымъ кофе со сливками, какъ подь окнами раздались бубенцы и запряженная въ пошевни тройка разномастныхъ лошадей въѣхала на дворъ.

Когда я вышелъ на крыльцо, прежде всего меня поразили высокія, худыя, костлявыя клячи, стоявшія передь нимъ повѣся головы и прищуря глаза, точно собирались спать.

— Это что-же такое?.. Не нашлось тройки-то хуже? обратился я къ хмурому ямщику, тоже казавшемуся соннымъ.

— Чередь мой, нехотя процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Ну, на меня не пеняй: плохо повесень, — ничего не получишь, впередь сказано.

— Слышали мы, подтвердилъ онъ, не просыпаясь, точно же о немъ рѣчь шла.

Отъ меня, дѣйствительно, было сказано впередь еще первому ямщику, чтобы онъ передалъ послѣдующему условія, на которыхъ везъ меня. Такъ это и было всю дорогу. Оттого-то все и шло безъ задержки, и везли меня лихо.

— Слушай ты, какъ тебя звать-то? обратился я опять къ сонному сорокалѣтнему дѣтинѣ, сидѣвшему на облучивѣ.

— Сергухой, — Сергѣемъ крестили, значить.

— Ну, такъ вотъ что, Сергѣй: мнѣ пароходъ нагнать нужно. Говорятъ, новыче ночью промель, на слѣдующей пристани дрова брать будетъ, значить простоятъ часа полтора — два. Такъ вотъ, если нагонишь его у пристани—рубль на водку, упустишь—ни гроша. Согласенъ?

— Извольте садиться, — доставлю. Извольте садиться, скорѣй! покосился онъ въ сани, и не успѣлъ я занести въ нихъ другую ногу, какъ лошади рванули съ мѣста и пошевели, гремя и звеня, вылетѣли со двора.

Я ткнулся въ подушки и едва удержался въ саняхъ на поворотѣ.

— Берегись—ожгу!.. гикнулъ онъ на выѣздѣ изъ колоніи. Тройка подхватила и понесла еще сильнѣе, взметая снѣгъ и ослѣпляя меня имъ.

Я не вдругъ пришелъ въ себя, и сначала не могъ наблюдать, съ какой страшной быстротой мчались мы. Хорошо, что впереди была ровная, отличная, перевозимая дорога, потому что въ такой бѣшеной скачкѣ прошло около получаса. Лошади были мокры, когда ямщикъ остановилъ ихъ и пустилъ шагомъ. Паръ валилъ отъ нихъ столбомъ.

Я сдѣлалъ по Россіи побольше десятка тысячъ верстъ, но, признаюсь, такой ѣзды не испыталъ, да и не подозрѣвалъ никогда.

— Вѣдь ты этакъ зарѣжешь лошадей-то! не безъ упрека обратился я къ хмурому ямщику, опустившему возжи и съ видимымъ торжествомъ обернувшимся ко мнѣ.

— А ты сказывалъ, что тройки хуже не наполь, съ ироніей напомнилъ онъ. — Плоха, такъ значить нечего и жалѣть.

— Да, братъ, удивилъ ты меня. Не думалъ по виду-то...

— По виду-то, баринъ, и козы не торгуютъ... Такъ тебѣ, значить, прямо на пристань везти, — въ сторонѣ станція-то?

— Да, если пароходъ застанемъ.

— Застать надо-бы, некуда ему дѣваться-то. Онъ, должно, заночевалъ кругъ насъ, оттого и кричалъ долго. Ночь-то темная была, тучилось, ну и туманъ опять, неспособно идти было. Онъ съ баржой, что-ли, будетъ?..

— Да, съ баржой.

— Грузовой, значить. Не уйдетъ, коли такъ; мы, пожа-

луй, впередъ угодимъ. Луку здѣсь Волга-то дѣлаетъ: намъ приѣе будетъ... Не сколь долго и ѣхать-то остается.

— Какъ недолго? удивился я, зная, что станція двадцать-шесть верстъ.

— А то што?.. Половину, почестъ, отѣхали. Вонъ бугоръ-то, указалъ онъ кнутовищемъ вправо, впередъ, — полдороги считаютъ... Эй вы, ребяташки! обратился онъ къ едва передохнувшимъ лошадямъ, подбирая возжи, и коренная опять зарубила крупной рысью, а пристяжные подхватили и заскакали.

Такъ мы прокатили еще съ полчаса или минутъ съ сорокъ, съ самыми краткими передышками.

День обѣщаль быть великолѣпнымъ, солнце показалось въ небѣ, румяные тоны утра подернули дѣвственно бѣлый снѣгъ, сверкавшій алмазами, но не утомлявшій глаза. Дорога была ровна, какъ скатерть, и лошади, казалось, совсѣмъ не чувствовали легкихъ саней. Даже испарина пропала на нихъ.

— Вонъ, вишь, бугоръ-то... показалъ онъ опять вправо, впередъ.

— Ну?..

— Какъ поднимемъ—и пристань недалеко. Но надъ самой надъ Волгой онъ. Какъ на ладони съ его видать по ней: и вверхъ, и внизъ далеко узришь... Не укроется не токма паруходъ, — и лодка малая.

Впереди, вправо, въ сторону Волги, въ самомъ дѣлѣ, все выше выросталъ огромный бугоръ, ологій со стороны степи и круто упиравшійся въ Волгу. Овраги и промоины изрыли его тамъ и сямъ; по одному изъ нихъ поднималась дорога, а по ней, черезъ четверть часа хорошей ѣзды, стали подниматься и мы, сначала довольно ходко.

Постой-кось! вдругъ остановилъ ямщикъ лошадей и сталъ прислушиваться.

— Ты что? подождавъ и слушаая, спросилъ я тихо.

— Постойко, прстой!, Ай, не слышишь ты?..

— Да чего такое?... Ничего, точно, не слышать.

— Не слухмень-же ты, баринъ... Чу!..

Въ это время откуда-то издали, справа, точно вѣтромъ, нанесло нѣчто напоминавшее свистъ птицы, высоко пролетавшей въ небѣ.

— Неужели это пароходный свистокъ? невольно напрягая слухъ и оживляясь, спросилъ я.

— А то што?... Онъ самый и есть, нечему другому-то...

— Далёко ужъ очень, глухо. Точно подъ землей или высоко въ небѣ гдѣ-то.

— Далёко и есть... Сзади будетъ... Можетъ, и не совсѣмъ далеко, да сами-то мы съ тобой въ могилѣ. Не услышишь отсела: вишь овражище-то, ровно проваль какой. Вотъ взбремся, слышишь будетъ.

Оврагъ, по которому поднималась дорога, въ самомъ дѣлѣ, былъ большой, теперь почти весь одѣтый и сверкавшій молодымъ снѣгомъ, за исключеніемъ крутыхъ осыпей и обрывовъ, бурныя и красныя глинистыя пятна которыхъ глядѣли тамъ и здѣсь.

Нѣсколько времени мы ѣхали молча. Было тихо, какъ въ могилѣ, когда новый, болѣе явственный свистъ, вѣрнѣе, протяжный крикъ, долетѣлъ до нашихъ ушей. Это, несомнѣнно, былъ пароходъ, и, повидимому, вправо, сзади насъ.

— Ну, вотъ тебѣ, баринъ, и пароходъ твой, видимо довольный и совсѣмъ повеселѣвшій, обернулся ко мнѣ ямщикъ. — Другова, говоришь, не надо быть теперь на Волгѣ. По нашимъ мѣстамъ и это поздно.

Была, дѣйствительно, вторая половина ноября, навигація кончилась, и пароходъ здѣсь, въ эту пору, казался страннымъ явленіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, другому некому, самъ обрадованный, успокоить я недоумѣніе Сергухи. — Сзади, вѣдь, кажется? спросилъ я въ свою очередь, хотя и самъ понималъ, что пароходъ былъ сзади.

— Чего тутъ, загода прїѣдемъ. Теперь некуда торопиться-то.

— Видишь! А давеча скакалъ сломя голову.

— Даве-то я такъ мерекалъ: какъ-никакъ, а сдать твою милость на пароходъ... Хотя онъ и съ пристани-бы ушолъ, такъ нагналъ-бы... знаю я здѣшнія мѣста-то. Перенялъ-бы, самъ-бы и на лодкѣ тебя свезъ... знакомые люди здѣсь вездѣ.

— Спасибо за это, да лошади-то, чай, не двужилыныя.

— За коней не сумлѣвайся, баринъ: еще верстъ на двадцать, а то и побольше, послужать. Работники, значить, ученыя они у меня, насобачены... съ тѣмъ и въ могилу пойдутъ.

— Какъ, то есть? недоумѣвая, спросилъ я.

— А такъ. Рассказывать-то только долго, да и не повѣришь, пожалуй, ты. Многимъ сказывалъ, да не вѣрять; самому въ диво, ни въ жизнь не повѣрилъ-бы, еслибъ отъ другого слышалъ.

— Да что такое?.. Рассказывай, понукалъ я его, заинтересованный.

— Вотъ, ты повѣришь-ли, что не болѣе трехъ лѣтъ самая ядащая и лѣнивая эта тройка на всей станціи была? съ улыбкой обратился онъ ко мнѣ.

— Трудно повѣрить, усумнился я, помня какъ ѣхалъ.

— Вотъ то-то и оно. А три года назадъ вотъ эта животина печь-печью была, указалъ онъ на коренную кобылу, — да и пристяжные-то — ровно огурцы налитые. Одно слово лозовики, что въ городу муку возять...

— Ну!

— Ну, вотъ, въ четвертомъ году я сюда, къ хозяину-то, поступилъ, да на эту самую тройку и угодилъ, прахъ ихъ возьми. Сколь я съ ими маяты и горя принималъ — вспомнить тошно. Вижу, бѣда совсѣмъ, везуть тебѣ, сѣдока-то, ровно кулъ съ овсомъ, да и на!... А тотъ меня за воротки беретъ. Иной, чиновникъ али афицеръ какой, и знать твоихъ отговоровъ-то не хочетъ, а въ щею наровить, изругаетъ тебя, испозорить дорогой-то, да еще жалобу въ книгу напишетъ — что съ него возьмешь? Одной брани этой сколько перенесъ, окромя тычковъ, а чтобы на водку тамъ или спасибо получить — и не думай! Зуботычину съорѣй, а ужъ ругань безпремѣнно. Хорошимъ-то господамъ или чиновникамъ меня съ моими конями и не казали, а поплосе кому — ну, такое дѣло. Одно слово, хотъ бѣжать, такъ въ ту пору. И чего я не дѣлалъ съ ими, съ треклятыми!.. Бывало и такъ со зла-то, что и палкой дулъ... да ровно въ стѣну, братецъ ты мой. Ты ее бьешь, а она махаетъ тебѣ хвостомъ, ровно да ней муха сѣла. Не понимаетъ, подлая тварь, что тебѣ за нее отдуваться приходится. Такъ близъ года прошло; я, было, совсѣмъ отхедить собрался, если лошадей не смѣнять, да, слава Богу, случай тутъ одинъ подошелъ...

Въ это время мы выѣхали на поверхность бугра, и передъ нами раскинулась огромная ширь и даль.

Широкая, стальная полоса Волги, еще не тронутая только

что показавшимся на горизонтѣ солнцемъ, подходила къ самому бугру съ сѣвера и, повернувъ къ юго-востоку, терлась вдаль, откидывая отъ себя воложи и образуя острова, поросшіе камышемъ и талами, еще не совсѣмъ потерянными листья. Снѣгу въ луговой сторонѣ почти не было, и окрестности, оживленныя изобильной водою и розовымъ утромъ, представляли если не лѣтній, то восхитительный осенній ландшафтъ, огромная панорама котораго захватывала духъ.

— Ну, баринъ, вотъ тебѣ и пристава вилотъ, указавъ кнутомъ возница на строенія, чернѣвшія въ полуверстѣ отъ подножія бугра и буквально кругомъ заваленныя помѣшницами дровъ. Въ ту-же минуту явственный, даже рѣвкій крикъ парохода показался мнѣ очень близкимъ, и я сталъ вглядываться внизъ по Волгѣ.

Парохода еще не было видно за островомъ, но черные ключья и полосы дыма, протянувшіяся и висѣвшія на чистомъ, ясно озаренномъ розовомъ небѣ, выдавали его присутствіе.

Ускоренно, рѣзко и притивно свистала онъ, оттягивая послѣдній звукъ передъ перерывомъ, точно старался возбудить чье-то вниманіе и предупредить о своемъ приближеніи.

— Ишь-ты, кличетъ, стало-быть, вѣсть подастъ... ровно знаетъ, што ты тутъ, кивнулъ въ сторону Волги просвѣтлѣвшій Сѣргуха.

— Какже! Самъ кушать хочеть—дровъ требуетъ, разсмѣялся я.

— Да?.. А и то. Глянь-ко, глянь, бабье-то взбѣленилось... Эва! указавъ онъ на селеніе, раскинувшееся саженьхъ въ двухстахъ отъ пристани.

Въ самомъ дѣлѣ, пестрый женскій людъ, отвоевавшій себѣ грузку дровъ въ большей части Волги, высыпалъ изъ села по дорогѣ къ пристани.

— Ну, съ Богомъ!.. Начали спускаться мы, подбираясь къ цѣли. Спускъ былъ круче подъема и шелъ частію по открытой боковой террасѣ, но дорога была хорошая и лошади надежныя, согни разъ проѣхавшія тутъ, такъ что ямщики не обращалъ на нихъ много вниманія даже и на крутыхъ спускахъ. Онъ опять занялся со мной.

— Ну, какой-же такой случай-то подешель? возобновилъ я прерванный разговоръ, лишь только мы тронулись съ мѣста.

— Да вотъ, сидимъ мы одна въ ямской... А жаринь была, лѣто стояло. Купаться собирались, было, анъ, слышимъ, колокольчикъ, — а моя очередь была.. Такъ варомъ меня и обварило. Начальство, думалось по колоколицу-то; безъ бѣды, значить, не обойдешься, ежели не ослобонять. Одначе, въ-халь: во дворъ ящичикъ, што привезъ-то, я и спрашиваю: што, моль, за сѣдокъ такой?

— «А песь его знаетъ, говорить, — такой-же, что и мы съ тобой, — на прасола смахиваетъ, на артельщика, али на водолива; лопманъ, можетъ... Такъ, дрань какая-то... И на чай ни рожна не даль.

— «Что-же ты съ колокольцомъ-то, говорю, — ай добрыхъ людей пужать?»

— «Не знаю, староста велѣлъ... Не ему, надо быть, тройка-то готовилась: А чья очередь?»

— «Моя, говорю.

— «Ну, вотъ, кстати!.. Прокати его на своихъ на рыскахъ-то! смѣется.

— «Да ужъ доволенъ останется по жаръ-то по этой; — на водку просить буду!

«Такъ мы повубосказали и разошлись»

«Немного времени-то прошло, — закладывать мнѣ велѣли... Ну, изъ подъ неволи, чай самъ знаешь, какъ работаютъ. Пока время, пока што... «Подожди, думаю, пусть склннетъ маненько жаръ-то, — не больно важная птица, слышать». Пошелъ это выкупался... «лошади не выкормились», моль, и вся тутъ... Одначе, какъ-ни-какъ, а все бѣжать надѣ. Запрегъ, подаль... въ перекладной, значить: Смотрю, идетъ, — чемоданничко съ нимъ, да ящичъ... такъ вродѣ, какъ скриницы кладутъ... Ишь ты; думаю, ужъ не жувыкантъ-ли какой? Да нѣтъ; воззрися на него попристальтѣе, а онъ, что и нашъ-же братъ, — мужикъ здоровый, рожа толстая, не высокъ только. Въ рубахѣ въ кумачной въ красной, въ легкой безрукавкѣ казнетовой, сапоги со сборами, — виженце, одно слово, — шаровары плисовые... Ни дать-ни взять, кучеръ хоршій, али нашъ братъ, щеголь ящичъ въ ираздникъ. Даже шапка-тѣ наша, маховькая, только павлиньего пера нѣтъ... Посмотрѣлъ это тоже на коней, полюбовался, а они ровно пушекъ стоятъ... Такъ я и подумалъ въ ту пору, что кучеръ богатого барина. Не влюбится-ли, моль, въ животы-то? Вотъ даль-бы Господь.

кататься бы взялъ, не то для завода... Пристязжные-то—меренья, жаль, не безъ ироніи похвалить онъ и смокъ.

Мы выѣхали на террасу.

— Однако, ты поосторожнѣе тутъ, смотри, предостерегъ я, видя, что лѣвая сторона ея представляла почти обрывъ.

— Не сумлѣвайся, господинъ, — коньямъ-то тутъ каждый шагъ вѣдомъ.. Тварь—тварь, а помирать не захочетъ тоже, — нѣтъ! Туда ее и силкомъ не сопрешь, указавъ онъ на страшную кручу слѣва.

Селеніе, пристань и Волга къ сѣверу были какъ на ладони; пароходъ кричалъ все ближе, но его нельзя было видѣть за холмами.

— «Вотъ, значить, такъ и поѣхали мы, продолжалъ разсказчикъ. — А жара, братецъ ты мой, да и песокъ... я ужь и кнута не поднимаю на животовъ-то. Знаю, что руки себѣ намахашь безъ пользы, — не прибавятъ, все одно. Идутъ себѣ трукъ-трукъ-трукъ, гремятъ, значить, сбруей-то, звякають, ровно и рысью, подумашь, а плохо подвигаются... одно слово, топчутся больше. Скука тебѣ смертная, жарынь, кругомъ одно все и то-же, — поневолѣ задремлешь... Задремалъ и я въ тѣ поры, — разжорило послѣ купанья-то... Только, слышу, толкаетъ меня въ спину, да и не то, что-бы осторожно очень, а въ сердцахъ, надо быть. Ахъ, думаю, лѣпшій тебѣ обдери, — вотъ еще начаство выскалось!

— «Что-жъ это ты, почтенный, спать что-ли поѣхалъ? Вѣдь такъ мертвыхъ на догость возятъ! говорить сердито такъ-ково.

— «А ты вотъ что, — не знаю, какъ величать-то твою милость, говорю ему, — языкомъ что хоть джи, съ позволенія сказать, а рукамъ воли не давай!

«Не показалось, видно, это ему.

— «Ахъ ты, такой-сякой—разъэтакій!.. закричалъ онъ. — Я по казенной надобности, за царской, значить, нуждой ѣду, а ты спать будешь, такъ и смотрѣть тебѣ въ рыло-то?

«Опѣшилъ я маненько тутъ, надо правду говорить. Вотъ тебѣ и нашъ братъ. думаю: мужикомъ выглядить, а за царской нуждой ѣдетъ. Кто онъ такой будетъ — разбери тутъ! Смолчалъ я на эту его брань... — Песь его знаетъ кто, думаю самъ себѣ, — еще напорешься, чего добраго! Вотъ, молчу это я, а самъ погоняю... на, молъ, тебѣ; на! Подавись! Недалеко

уйдешь. Потому и говорю ему, ради опаски, значить:—А ты, ваша милость, не сердчай, на нашего брата—мужика... спроста сказалось. Если что надо, скажи толкомъ, на то языкъ даденъ.

— «То-то! говорить. — Воля вашему брату поньче, а по паль-бы ты мнѣ въ руки донрежь малость, я-бъ те такъ облизалъ, что и въ землѣ вспомнилъ-бы!»

«Чудо это: неловко мнѣ даже стало, ровно меня ударилъ онъ словомъ-то. Вотъ сѣдочка Богъ послалъ, думаю,—власть имѣеть, значить, коли такъ говорить! Одначе, смякъ онъ по времени: видить, что луплю животовъ съ усердіемъ, а не какъ-нибудь.

— «Ну, лошадки, говорить, стоютъ корму!.. Дай-ко мнѣ кнутъ-отъ.

— «Возьми, говорю, сдѣлай милость, да руки-то пожалѣй,—я объ нихъ, можетъ, не одну палку измочалилъ, да и то пути не видалъ.

— «Ну-ка я попробую, смѣется,—а ты подбери возжи-то!

— «Чего подбирать!.. Все одна часть-то будетъ... Ихъ ломомъ развѣ хватить, тамъ усовѣстишь на малое время,—поскучь, можетъ, да и то врядъ.

«Расдохотался его онъ.

— «Ну-ка, ну, говорить,—попытай. Мастеръ я былъ въ старое время на эту статью-то.

«Поцитай! смѣюсь я про себя, попытай! А онъ взялъ у меня кнутъ, оглянулъ его — и не похвалилъ, даромъ что здоровый былъ кнутъ.

— «Ямщики, говорить, а кнута не умѣете сдѣлать!.. Самъ по воздуху имъ какъ жжикнетъ, да ловко таково, инда пошлунуло.

— «Ишь, говорить, дрянь какая! а самъ узелъ еще на концѣ-то захлестнулъ да и опять жжикнулъ.

«Диву я дался въ то время: кучеръ, либо наездникъ какой, дѣло видимое, а по казенной надобности ѣдетъ! Вреть развѣ?.. А онъ привсталъ, оперевъ на меня, да по здоровенному удару животамъ-то и вклевцъ... и живо таково: разъ-разъ-разъ!.. по пристяжнымъ сперва. Вотъ, вижу, оживили мои кони будто, уши заложили и куда похотѣе пошли. Подивился я, да не

надождо,—смотря, опять затрусил. Хвостами завертѣли и замахали, точно, сильнѣе,—въ сурьезъ ровно... Посмотрѣвъ онъ, посмотрѣвъ на нихъ, покачалъ головой, да и говорить:

— «Ну, братъ, извини, что зананрасно давеча поклепалъ тебя,—на этихъ лошадяхъ только спать и можно.

«Тутъ ужъ я ему, какъ тебѣ-же, всю маету-то мою и рассказалъ... что и уходить думаю. Сидѣлъ онъ это, сидѣлъ, да вдругъ и говорить мнѣ:

— «А что, можетъ, я твоему горю и помогу?

— «Развѣ кули или воду возить купишь? смѣюсь ему;—это они попрутъ!

— «Зачѣмъ, говорить,—сиди имъ не занимать стать, а не ломовики они,—облѣдлись только, отъ рукъ отблѣлись. Жиру накопили,—не примешь!

— «То-то и есть, не лозомъ-же ихъ, впрямь, долбить: исколечить-исколечить этихъ-то, а дѣлу не поможешь.

— «Зачѣмъ колечить! мы отъ нихъ добрымъ порядкомъ прыти добьемся,—такъ я надѣюсь. Пойдутъ у меня!

— «То-то, смѣюсь,—я и видалъ, какъ они пошли у тебя.

— «Подожди, увидишь не то. Мѣста-то ровныя, кажись здѣсь будутъ?

— «Ничего, говорю, холмы небольшіе.—Песчано только.

— «Тѣмъ лучше, не разобьютъ.

«Посмотрѣвъ это я на него—шутить надо быть.

— «Не разобьютъ, молъ, среду за ними такой дури не вошло... А самого смѣхъ береть.

— «Ну, подбирай возжи-то, говорить,—да коротко пристяжныхъ-то не держи—сдернуть; да и не длинно, чтобы вверхъ тормашками самому не кувырнуться.

— «Ладно, ладно ужъ! смѣюсь ему.

— «А ты погоди смѣяться-то... дѣлай, что сказываютъ.

«Ну, уважилъ я ему: нусть, молъ, тѣшитса, благо скука смертная. Вѣтъ, нагнулся онъ въ своему ящику, замочкомъ погрѣжѣлъ, пошарилъ тамъ и опять велеть свадн меня: «Готово»? спрашиваетъ. «Готово», говорю. — Ну, держись, говорить крѣиче, а самъ лѣвой-то рукой за меня держится, а правую свадн причеть. Что у него тамъ, думаю?—запирать, чтоли, на чемъ... подъ музыку поведемъ?.. А онъ, братецъ ты

мой, «разъ, два, три!» снелъ, да ка-а-къ гаркнулъ: «Беремъ, оажу!».

Хорошо что мы въ это время спустились съ буфра, потому что лошади и рванули, и понесли въ ту-же минуту.

— Стой!.. тиррру-тиррру-тиррру!.. Стой! Черти, — не вамъ я, не вамъ! Тирррррррру, дьяволы!! тирррру!.. Вотъ, самъ видишь, што дѣлають, лѣшіе, обратился ямщикъ ко мнѣ, еле еле сдерживая лошадей. — Только, значить, возгласъ то его анафемскій услышать, такъ не удержишь ты ихъ ни коимъ образомъ... Какого еще тебѣ свидѣтеля надо?

Наконецъ, мы опять повѣхали шагомъ и рассказчикъ продолжалъ:

— «Какъ гаркнулъ онъ это самое слово, да по разу по здоровому вѣспилъ лошадямъ-то, такъ какъ я усидѣлъ — не умѣю тебѣ сказать, а онъ такъ и повалился въ перекладную, не устоялъ. Подхватили насъ: кони-то, да и понесли, да и понесли!.. Несутъ и бьютъ, несутъ и бьютъ, ровно онъ ихъ горячимъ желѣзомъ заклеимидъ..

— По твоему выходить, это кто-жъ, неужели палачъ былъ?..

— Замечныхъ дѣлъ мастеръ, — самый онъ и былъ. Въ то время, правду тебѣ сказать, я и самъ-отъ не зналъ, не юганулся, не до того было, еле справился. Несутъ кони-то, да и на!.. Удержу нѣтъ!.. Насилу-насилу бить-то перестали, а то того и ждалъ, не то въ построжки, не то за оглоблю закинуть та или другая... смяли-бы.

— «Ну что?.. видаль? спрашиваетъ сѣдокъ, какъ они, значить, порядкомъ-то пошли. Вотъ тебѣ и рысь, говорить... а они голосъ-отъ его услышали да и опять было подхватили.. ужъ я просилъ, чтобъ не кричалъ громко-то.

— «Ничего! смѣется, — пусть, покуражатся, порастрасутъ жиръ-то... легче будетъ!»

«Про него ужъ тутъ мнѣ въ башку-то мнѣ внало. Вижу, какого ни наестъ, а необыкновеннаго челоѣвка везу. Спервоначалу-то думалъ, — ужъ не знахарь-ли какой... Даже осторожь взяла. Одни разъѣдины въ степи-то ѣдемъ. Не дрестой, самъ себѣ думаю, этоть и кнутъ-то у него будетъ... не безъ чего-нибудь тутъ! Николи не доводилось видать такого. А главное, на лошадей-то надивиться не могу, глазамъ не вѣрю!.. Безъ

знатя какого, безъ наговору, развѣ сдѣлаешь этань-то? Ну вотъ, верста, мѣ, съ шесть, если не болѣе, мы отмадали, — а песокъ да жара — бѣгнетъ стали кони-то, — въ мылѣ тебѣ. Тутъ только я и сдержалъ ихъ. Смотрю, а на кружалъ-то у мнѣ железки вздулись, пальца, вотъ, въ два, показалъ онъ мнѣ два толстыхъ пальца-отрубка. — Ровно канатъ подъ шкурой-то лежитъ! Одно слово, ровно каленымъ тавромъ затавилъ ихъ. Показываю это ему, а онъ смѣется: ничего, говорить, до свадьбы заживетъ!

— «Такъ-то, говорю, такъ, а все въ диво мнѣ. Покажь, говорю, сдѣлай милость, что-жъ это за механика, чѣмъ ты ошарашилъ-то ихъ? А онъ зажалъ ее въ колѣни и не кажетъ.

— «Зачѣмъ тебѣ, говорить. — Чай, дохтура не спрашиваютъ, чѣмъ лечилъ, былъ-бы больной здоровъ.

— «Хотѣлъ взглянуть, чтобъ знать чѣмъ вздѣтся, когда забудутъ неравно.

— «Ну нѣтъ, говорить, — не надѣюсь, чтобы скоро забыли, а чтобы памятливѣе было, пусть отдыхаютъ пока, а тамъ еще повторимъ. Механикой-то моею не тебѣ ладить, говорить, да и запретная она. Ты и говорить не могли, что я ей билъ: и себя и меня подъ-судь упечешь. Отошло ее время на Руси.

«Что, молъ, онъ такое говорить — не пойму ничего. Со-всѣмъ съ пути сбиль... не знаю вѣрить ему, не знаю нѣтъ. Одначе, сдѣлалъ я, какъ онъ велѣлъ: долго шагомъ ѣхали. Можеть, думаю, вправду. бѣгать стануть... Ну, и опять онъ съ конями ту-же статью продѣлалъ. Такъ я и думалъ, что повалятся на этотъ разъ: шататься стали, очень ужъ жарко-то было.

— Неужели съ того раза лошади въ самомъ дѣлѣ бѣгать стали? недовѣрчиво спросилъ я.

— А то съ чего? Вишь, что стало съ ними: одры! Говорю тебѣ, и похожаго на старое нѣтъ. Близъ трехъ недѣль послѣ по большому-то, значить, мѣсту тронуть не давали... носить стали! Да, и теперь поминаю этого сѣдочка!

— Почему-же ты узналъ, кто онъ такой?

— А самъ сказалъ передъ станціей, что механика-то его плетью-сударыней прозывается, да похерили видишь ее въ ту пору, такъ вотъ въ сдачу везетъ, подъ сохрану, чтобы въ страхъ, значить, до конца свѣта была...

— Ну это онъ ужъ шель тебѣ неколесную!. Какому чорту такая рѣдкость нужна?..

— Что слышалъ, то и говорю... Люди ложь — и ми тожь!
Э-в-охъ, баринъ, подумавъ, добавилъ онъ, — сказываютъ, отъ
сумы да отъ тюрьмы не отрекнись, такъ и эта статья! Богу
извѣстно, можетъ, спонсодобился еще...

Н. Бобылевъ.

ДВА РАЗСКАЗА Ф. КОПШЕ.

I.

Честь спасена.

(L'Honneur est sauf).

Лѣтъ тридцать тому назадъ, всѣ члены аристократіи и высшей буржуазіи города Ванна единодушно признали дѣвицу Сентъ-Аве прекраснѣйшей дѣвушкой въ «обществѣ». Всѣ превозносили ея благочестіе, исполненныя благородства манеры, доброту и самоотверженіе, съ какими она заботилась о своемъ дѣдушкѣ, единственномъ своемъ родственникѣ; мать ея умерла при ея рожденіи, а отецъ, одинъ изъ послѣднихъ Шуановъ, 6 іюня 1832 года, былъ раненъ въ сраженіи пулей въ грудь и умеръ, цѣлуя руку герцогини Беррійской, которая перевязывала ему рану.

Оставшись сиротою четырехъ лѣтъ отъ роду, Бланка была воспитана дѣдомъ своимъ, барономъ де-Сентъ-Аве, бывшимъ эмигрантомъ, которому въ 1842 г., когда его внучка достигла совершеннолѣтія, шелъ уже восемьдесятъ второй годъ.

Такимъ образомъ, старый дворянинъ и прекрасная дѣвушка составляли предметъ гордости маленькаго бретонскаго городка. Если ваннскому обывателю приходилось показывать достопримѣчательности города какому-нибудь заѣзжему иностранцу, то онъ считалъ непремѣнной обязанностью свести его въ улицу Орфевръ и показать старинное жилище Сентъ-Аве; это былъ домъ XV столѣтія, построенный на столбахъ, съ высокой остроконечной крышей, въ три этажа, выдававшихся одинъ надъ другимъ, съ грубо высѣченными по

угламъ фигурами; при этомъ провинціалъ всегда прибавлялъ съ гордостью:

— Здѣсь живетъ m-ле де-Сентъ-Аве, самая благородная и самая прелестная особа во всемъ городѣ!

Самая благородная? Это было вполнѣ вѣрно, такъ какъ Сентъ-Аве считали свой родъ съ незапамятныхъ временъ. Самая прелестная? Это также было вѣрно, и когда по торжественнымъ днямъ появлялась въ соборѣ подъ руку съ дѣдомъ, тоже красивымъ старикомъ, эта высокая и горделивая дѣвушка, съ золотистыми волосами, стройная, какъ Гужонова Діана, по всему собранію вѣрныхъ пробѣгалъ шопоть восторга.

Но такъ какъ благородная дѣвушка была бѣдна, то она до двадцати пяти лѣтъ не могла еще найти себѣ жениха, и если-бы кто увидѣлъ ее—когда она бывала одна и думала объ этомъ—какъ кусаетъ она свои красныя губы, тотъ ужаснулся бы силѣ страсти, горѣвшей въ ея черныхъ глазахъ.

Въ былыя времена, когда баронъ Сентъ-Аве носилъ ранецъ и ружье волонтера въ арміи принцевъ, при немъ находился, въ качествѣ слуги или, скорѣе, оруженосца, одинъ очень юный бретонецъ по имени Лоикъ Гюельгоа, который съ тѣхъ поръ никогда не покидалъ барона и приводилъ въ изумленіе жителей Гамбурга, гдѣ проживалъ эмигрантомъ Сентъ-Аве, своей огромной шляпой и вообще своимъ костюмомъ. Этотъ старикъ слуга, вѣрность котораго была столь-же непоколебима, какъ карнакскія скалы, и двѣ служанки въ деревенскихъ головныхъ уборахъ составляли весь служебный персоналъ баронскаго дома.

Сурово и монотонно тянулась жизнь въ этомъ старинномъ домѣ. Дѣдъ и внучка едва перебивались на скудный доходъ съ кое-какой земли, за которую фермеры уплачивали натурой. Гостей у ихъ почти не бывало, развѣ какія-нибудь престарѣлыя дамы «съ ридикюлями», да два или три попа съ зонтиками.

Въ хорошую погоду предпринималась прогулка подъ старыми деревьями, окаймляющими портъ, и старый баронъ важно раскланивался съ нѣсколькими знакомыми; а m-ле де-Сентъ-Аве бросала су оборваннымъ югамъ, которые, завидѣвъ ее, выскакивали изъ увязшихъ въ тину барокъ и бѣжали за ней боссыми ногами по плитамъ. Но въ дождикъ—а въ этой мѣст-

ности изъ трехъ дней два дождливыхъ—старикъ и внучка сидѣли дома, и въ то время какъ дѣдъ, сидя у камина, топившагося зиму и лѣто въ сырой гостинной, засыпалъ въ креслахъ надъ «Gazette de France», Бланка подъ окномъ, выходящимъ въ унылый переулокъ, откуда изъ-за крышъ видѣлась башня Св. Петра, плела кружева, проворно перебирая бѣленькими ручками въ митенкахъ коклюшки.

Такъ проходилъ весь день, проходили тяжелые часы, которые печально отсчитывалъ большой соборный колоколъ, и давящая тишина висѣла надъ мертвыми городамъ, — тишина, только порой прерываемая стукомъ деревянныхъ башмаковъ по мостовой.

Старый слуга Лоикъ Гюельгоа былъ вдовъ и имѣлъ сына, котораго какъ-будто еще недавно крестили баронъ съ Бланкой; теперь, осьмнадцати лѣтъ отъ роду, онъ только что окончилъ ученье въ небольшой семинари. Молодымъ мальчикомъ Сульпицiй сопровождалъ m-He де-Сентъ-Аве, когда она посѣщала бѣдныхъ, и изображалъ собою нѣчто въ родѣ деревенскаго пажа, неся на рукѣ корзину съ провизiей; теперь-же никому не казалось страннымъ, что по воскресеньямъ, когда старый баронъ бывалъ несовсѣмъ здоровъ, рядомъ съ внучкой его къ обѣдни шель этотъ юноша, очень красивый, но неловкiй и дурно одѣтый, и несъ въ рукахъ два молитвенника.

— Это сыночекъ дяди Лоика, говорили между собой богомолки; — знаете, тотъ, что учится, чтобы потомъ быть священникомъ.

Старику дворянину хотѣлось такимъ образомъ отплатить за вѣрную службу стараго слуги. Будь это въ среднiе вѣка, онъ поставилъ-бы Лоика на колѣни, ударилъ бы его шпагой плашмя по плечу, поцѣловалъ-бы его и возвелъ въ рыцари. Но времена измѣнились, и онъ хотѣлъ наградить стараго слугу, сдѣлавъ его единственнымъ сына тѣмъ, кто издревле ближе всего стоялъ къ дворянству по старинной iерархiи, именно священникомъ. Поэтому Сульпицiй воспитывался на счетъ барона и учился превосходно. Но когда наступило время принять тонзуру и надѣтъ сутану, молодой человекъ объявилъ своимъ учителямъ, что не чувствуетъ ни малѣйшаго призванiя къ духовному званiю. Это было большое разочарованiе и тяжкое горе

для барона и для Лойка. Добрый старикъ торжественно привелъ сына своего къ барону, который два битыхъ часа увѣщевалъ его, сидя въ своемъ креслѣ. Но Сульпицій, при всей глубокой признательности и уваженіи къ своему благодѣтелю, остался непреклоненъ. Пришлось уступить желанію молодого человѣка, желанію, показывавшему его честную душу, и Сульпицій былъ опредѣленъ клеркомъ въ контору городского нотариуса. Каждое воскресенье онъ приходилъ обѣдать въ старый домъ улицы Орфевръ, и въ этотъ день, въ видахъ исключительной милости, за столомъ обѣдалъ и его отецъ. По вечерамъ, Сульпицій читалъ вслухъ для барона и его внучки. Старикъ скоро засыпалъ, а клеркъ, подпершись локтемъ и освѣщаемый лампой, продолжалъ читать на столько громко, что заглушалъ стукъ коклюшекъ, которыя перебирали проворные пальчики Бланки, сидѣвшей по другую сторону стола. Наконецъ, благородная дѣвица проговаривала серьезнымъ тономъ:

— Довольно, Сульпицій... Вы, должно быть, устали.

И онъ оставался на мѣстѣ, не говоря ни слова, смущенный этимъ уединеніемъ, тишиною и полумракомъ, въ присутствіи своей красавицы крестной, любясь ея роскошнымъ и дѣвственнымъ станомъ, ея вьющимися золотистыми волосами, въ которыхъ свѣтъ лампы отражался тысячами искорокъ, ея бѣлыми ручками, постоянно двигавшимися по усѣянной булавками подушкѣ; онъ чувствовалъ, какъ въ груди его билось сердце и захватывало дыханіе, и опускалъ глаза, когда она подымала на него свои.

Да, онъ жаждалъ обладать ею со всѣмъ пыломъ своихъ осьмнадцати лѣтъ, онъ, этотъ самый Сульпицій, еще въ семинаріи перечитавшій потихоньку кучу романовъ; еще недавно онъ провелъ двѣ бессонныхъ ночи, въ мансардѣ, которую занималъ въ квартирѣ хозяина, надъ страшной книгой Стендаля «Черное и красное». Онъ смѣлъ думать объ этомъ, онъ, воспитанный изъ милости, онъ, сынъ лакея! Въ немъ родилось это невозможное желаніе, эта чудовищная мечта. И онъ постоянно жилъ съ этой мыслью, съ этимъ наводненіемъ, изъ за котораго разъ нечаянно написалъ имя Бланки на листѣ гербовой бумаги, при составленіи нотаріальнаго акта. Это было страшное желаніе безъ любви; оно росло и обострялось съ каждымъ днемъ, распаяя чувственность и воображеніе Суль-

пиція; на него иногда находили минуты ярости, когда онъ, думая о своей крестной, готовъ былъ на преступленіе.

Въ одинъ весенній вечеръ, когда баронъ, по обыкновенію, уснулъ въ креслахъ, а м-ше де-Сентъ-Аве велѣла Сульпицію замолчать, молодой человекъ, котораго еще никогда не мучило желаніе такъ, какъ теперь, не опустилъ глазъ, когда Бланка, оставивъ на минуту коклюшки, взглянула вдругъ на него. Но и она, въ свою очередь, не опустила глазъ, и Сульпицій поблѣднѣлъ какъ смерть, чувствуя на себѣ жгучей взглядъ дѣвушки.

Онъ задыхался. Волненіе душило его. Въ одно мгновеніе для него стало вполне ясно, что одиночество и скука провинціальной жизни сломили эту гордую женщину, и онъ понялъ, что будь у него смѣлость Жюльена Сореля, она-бы отдалась ему.

Онъ вскочилъ, кинулся къ ней и прежде, чѣмъ Бланка успѣла выговорить: — Сульпицій, что вы дѣлаете? — онъ уже стиснулъ ее въ бѣшенныхъ объятіяхъ и въ двухъ шагахъ отъ спящаго дѣда зажалъ ей ротъ поцѣлуемъ!

Началась постыдная, страшная связь между Сульпиціемъ и м-ше Сентъ-Аве. Онъ приходилъ ночью, какъ воръ, стараясь держаться въ тѣни, когда бывала луна, и кидаясь въ темные углы воротъ, при звукѣ шаговъ какого-нибудь запоздалаго прохожаго. Подходя къ старому дому, онъ принималъ еще большія предосторожности.

У него былъ ключъ, всегда хорошо смазанный масломъ, и онъ входилъ въ потемкахъ, ощупывая одной рукою стѣну, а въ другой держа башмаки; домъ былъ старый, сухой и половицы стучали при малѣйшемъ сотрясеніи. Онъ медленно всходилъ по лѣстницѣ, ступая какъ можно легче, удерживая дыханіе, останавливаясь на каждой ступенькѣ; но еще съ первой ступеньки его напряженное ухо слышало въ тишинѣ, тамъ, наверху, на площадкѣ, другое дыханіе, которое тоже сдерживалось, но отъ сильнаго волненія вырывалось минутами, какъ глухой вздохъ. Потомъ, въ потемкахъ, его схватывали за руку и вели тихо, тихо, а затѣмъ.... Эти странные любовники въ объятіяхъ другъ друга приходили въ ужасъ, чувствуя какъ безумно бьется у каждаго изъ нихъ сердце, и по какому-то странному возмездію судьбы они не могли обманывать себя и находить извиненіе своей связи, говоря другъ другу хоть потихоньку лживыя слова любви!

Они вѣдь не любили другъ друга; они уступали только чувственности; они продолжали связь, стыдясь сознать всю низость ея и предполагая каждый другъ въ другѣ искреннюю страсть. Когда-же они не были вмѣстѣ, и каждый думалъ— онъ, что безчестить своего благодѣтеля, она—что позоритъ родительскій домъ—они ужасались

— Если насъ захватятъ! прошептала она однажды ему на ухо, содрогаясь отъ ужаса.

— Я уже думалъ объ этомъ, отвѣчалъ онъ;—будьте покойны, у меня есть средство все спасти.

— Но если это случится, это будетъ ужасно!

И онъ настойчиво просилъ ее приучать домашнихъ къ тому, что на ея ночномъ столикѣ будетъ лежать ножъ. Можно было, напримѣръ, взять будто для разрѣзыванья книги персидскій кинжалъ, издавна валявшійся въ гостиной. Бланка подумала, что любовникъ ея хочетъ вмѣстѣ съ нею покончить самоубійствомъ и, чувствуя отвращенье къ жизни, она послушалась его и какъ будто нечаянно занесла кинжалъ въ свою комнату.

Случилось то, что должно было случиться.

Разъ ночью, входя въ комнату своей любовницы, Сульпицій споткнулся и упалъ, зацѣпивъ стулъ, который упалъ съ громкимъ стукомъ.

— Мы погибли, проговорила Бланка глухимъ голосомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ домѣ проснулись, слышался шумъ.

М-ле Сентъ-Аве отдернула оконную занавѣску; свѣтъ луны залилъ комнату и она увидѣла, что Сульпицій схватилъ кинжалъ.

— Мы умремъ? Да? вскричала она почти съ радостью

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ громко.— Умереть долженъ одинъ я.

Но въ эту самую минуту она услышала, что дѣдъ ея уже вышелъ изъ своей комнаты— она жила надъ нимъ— и зоветь на лѣстницѣ:

— Лоикъ, Лоикъ... Ко мнѣ! я слышу голосъ мужчины въ комнатѣ моей дочери... Сюда, Лоикъ, и бери ружье... Въ домѣ моемъ или позоръ, или несчастье.

Тогда Сульпицій схватилъ Бланку за руку и, наклонясь къ самому ея лицу, проговорилъ:—Я преступникъ, но по крайней мѣрѣ я еще могу спасти честь вашу и вашего дѣда.

Когда баронъ войдетъ сюда, я буду мертвъ... Скажите, что я хотѣлъ сдѣлать надъ вами насиліе... и что вы убили меня, защищаясь.

И Сульпицій, всадивъ себѣ кинжалъ прямо въ сердце, тяжело упалъ навзничь.

И пора была. Старый баронъ отворялъ дверь и появился на порогѣ, въ длинномъ халатѣ, съ бѣлыми включенными волосами, со свѣчей въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой. Онъ имѣлъ видъ грознаго судіи.

За нимъ стоялъ Лоикъ.

Но увидя мертваго, распростертаго на коврѣ Сульпиція съ ножомъ въ груди, баронъ попятился назадъ въ изумленіи, ничего не понимая.

Тогда Бланка, которая почти замертво упала на свою кровать, вспомнила послѣднія слова Сульпиція и на вопросительный взглядъ дѣда отвѣчала разбитымъ голосомъ, указывая на трупъ:

— Да... онъ пришелъ сюда... нанести мнѣ... оскорбленіе... я защищалась... и вотъ!

Старый дворянинъ вскрикнулъ отъ радости; онъ, весь дрожа, поставилъ на столъ лампу и пистолетъ, подбѣжалъ къ Бланкѣ и прижалъ ее къ груди, гдѣ она съ ужасомъ спрятала лице свое.—Ты настоящая Сентъ-Аве, сказалъ онъ.—Благодарю тебя дочь моя!

Въ эту самую минуту, въ комнатѣ раздались такія горькія рыданія, что Бланка подняла голову и увидѣла старика Лоика, который, стоя на колѣняхъ передъ трупомъ сына, протягивалъ къ ней съ мольбой руки и проговорилъ, когда она взглянула на него:

— О, простите, сударыня!

Честъ была спасена.

Лоикъ Гюельгоа умеръ отъ горя спустя двѣ недѣли; баронъ не долго пережилъ его, но все-таки дождался триумфа своей внучки, которая, ради формальности, должна была явиться передъ судомъ присяжныхъ и была оправдана при оглушительныхъ восторгахъ публики.

М-ше Сентъ-Аве осталась старой дѣвицей: путешественникамъ до сихъ поръ показываютъ старый домъ въ улицѣ Орфевръ.

— Вотъ здѣсь живетъ, рассказываютъ теперь, знаменитая м-ше Сентъ-Аве, которая въ свое время была самой красивой дѣвушкой въ городѣ и заколола ножомъ сына слуги своего дѣда, за то, что онъ хотѣлъ взять ее силой... Она съ тѣхъ поръ еще страдаетъ болѣзнью сердца... да это и понятно! Каково ей было, бѣдной! Говорятъ, она врядъ-ли протянетъ зиму. А жаль, не правда ли?.. Великолѣпная женщина!

II.

Уврѣза.

(L'Onvreuse).

Я только что отдалъ свою шубу уврѣзъ и собирался войти въ проходъ, ведущій въ оркестръ, какъ увидѣлъ въ концѣ корридора бѣлую бороду старика скульптора, Луи Сенешаля, а потому, желая поздороваться съ нимъ, остановился на мѣстѣ, ожидая пока онъ сниметъ пальто.

Я очень люблю и глубоко уважаю Сенешаля за его талантъ и прекраснѣйшій характеръ. Я знаю, какаѣ идеальная чистота, какое нѣжное сердце скрывается подъ грубой оболочкой стараго артиста, столь извѣстнаго простому люду предмѣстья Св. Іакова, такъ какъ онъ каждое утро, оставаясь вѣренъ своимъ простонароднымъ привычкамъ, приходитъ мыться у фонтана на углу улицы Vol de Grâce. Онъ самъ рассказывалъ мнѣ у себя въ мастерской, не переставая мять глину, о своей прошлой жизни, трудовой и бѣдной; а теперь, когда онъ сталъ знаменитостью, принять въ Академію и имѣеть офицерскій крестъ Почетнаго Легіона, мнѣ хорошо извѣстно, какое благородное употребленіе дѣлаетъ онъ изъ того скромнаго достатка, который пришелъ къ нему вмѣстѣ со славой; онъ помогаетъ бѣднымъ втайнѣ, а все свое жалованье, какъ члена Академіи, отдаетъ одной бѣдной, обремененной большой семьей еврейкѣ, той самой, съ которой, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Сенешаль лѣпилъ свою *Гекубу*, статую, съ которой началась его извѣстность.

Кромѣ того, мнѣ еще хотѣлось видѣть его до начала спек-

такія, чтобы поговорить съ нимъ о его другѣ, Октавѣ Фирмецѣ, поэтѣ, умершемъ десять лѣтъ тому назадъ, почти въ совершенной неизвѣстности, но слава котораго возрасла съ тѣхъ поръ до такой степени, что первое представленіе его посмертной драмы «Странствующие рыцари» привлекло въ этотъ вечеръ въ Одеонъ весь артистическій и великосвѣтскій Парижъ.

— У васъ попрежнему 63-й номеръ? спросилъ онъ, увидѣвъ меня и протягивая руку.

— А у васъ 65-ый?

— Чудесно! мы поболтаемъ въ антрактахъ. Но погодите только, дайте мнѣ снять съ себя «шкуру», прибавилъ онъ, употребивъ слово изъ аргю предмѣстій, отъ котораго этотъ бывшій парижскій гаменъ никогда не могъ отвыкнуть, чѣмъ иногда не безъ умысла приводилъ въ большое смущеніе своихъ собратовъ по академіи и жюри.

Въ эту минуту возлѣ насъ послышался женскій голосъ:

— Позвольте ваше пальто, г. Сенешаль, говорила ему уврэза.

И я увидѣлъ странную картину. Скульпторъ, въ вечернемъ туалетѣ, съ красной розеткой въ петличкѣ, и маленькая старушка, совсѣмъ сморщенная, въ убогомъ черномъ платкѣ, въ чепцѣ съ розовыми лентами, посмотрѣли другъ на друга, зялись за руки и глаза ихъ наполнились слезами. Затѣмъ, не обращая вниманія на черные фраки, тѣснившіеся въ корридорѣ, Сенешаль поцѣловалъ уврэзу въ обѣ щеки.

— Крѣпитесь, моя бѣдная Клеманса! сказалъ онъ, глубоко растроганный;—и помните... вѣдь это дѣло рѣшеное, не такъ-ли? Я послѣ спектакля провожу васъ домой. Мы пойдемъ пѣшечкомъ, подъ руку, и будемъ говорить о немъ... Да, вотъ что, увидите-ли вы, по крайней мѣрѣ, еіо пьесу?

— Да, отвѣчала старуха;—для меня оставили скамеечку у дверей; это большая милость... Но, извините, г. Сенешаль, мнѣ надо идти по службѣ.

И въ то время, какъ уврэза опять принялась обирать пальто и зонтики, скульпторъ съ грустной улыбкой поглядѣлъ на меня, схватилъ меня за руку и потащилъ на мѣсто.

— Сядемте, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—И вамъ дамъ сейчасъ объясненіе къ картинкѣ... Горькая, печальная исторія! Но все-таки утѣшительная, такъ какъ она слу-

жить доказательствомъ, что есть еще на свѣтѣ безкорыстные сердца... Но, тише, вотъ начинаютъ.

Мы помнимъ еще колоссальный успѣхъ «Странствующихъ рыцарей», выдержавшихъ на сценѣ Одеона болѣе ста представлений, при полномъ сборѣ. Драматизмъ содержанія, могучіе и благородные стихи, которые можно сравнивать только со стихами «Легенды вѣковъ», возбудили при самомъ началѣ пьесы долгія и горячія рукоплесканія. Какъ ни зачерствѣла публика, въ теченіе 25 лѣтъ питавшаяся узкотенденціозными пьесами или веселыми опереточными мотивами, она проснулась, когда въ лицо ей пахнуло вдохновенной повѣіей. Въ этотъ день не было даже глухого шопота мелочной ненависти и пошлой зависти. Авторъ пьесы умеръ десять лѣтъ тому назадъ и враговъ у него больше не было. Съ окончаніемъ перваго акта успѣхъ принялъ характеръ триумфа.

— Ладно, пріятели! хлопайте, кричите! сказалъ Сенешаль въ то время, какъ занавѣсъ медленно спускался надъ актерами, вызванными уже по нѣсколько разъ и раскланившимися съ довольной и усталой улыбкой.—А все-таки, по вашей милости, Фирмезъ цѣлыхъ десять лѣтъ издыхалъ съ голода, и ни одинъ театръ, при жизни его, не хотѣлъ поставить его пьесу. Хлопайте, любезные! Онъ умеръ! Другой драмы не напишетъ!

— Неужели Фирмезъ былъ такъ несчастливъ? спросилъ и стараго художника, чтобы напомнить ему о данномъ мнѣ обѣщаніи.

— Да, отвѣчалъ Сенешаль;—по крайней мѣрѣ, во всю свою молодость. Именно поэтому онъ такъ мало и написалъ; этотъ милый поэтъ, которому такъ нужно было помечтать и понѣжиться, принужденъ былъ долгое время принимать самыя ничтожныя должности изъ-за куска хлѣба, или строчить компіляции, по двѣ су за строчку, для составителей энциклопедій и диксіонеровъ. Онъ разбогатѣлъ уже потомъ, получивъ наслѣдство... Но, постойте, зала пустѣетъ, антрактъ будетъ долгій, а моя исторія не длинна. Слушайте!

— Когда я познакомился съ Фирмезомъ—намъ обоимъ было тогда по двадцати-пяти лѣтъ—онъ только что бросилъ изученіе права, чтобы заняться литературой. Ну, натурально, сейчасъ ссора съ семьей. Отецъ его, провинціальный нотаріусъ и свирѣпый буржуа, сразу прекратилъ ему выдачу содержа-

нія. Но въ эти лѣта забавляешься всѣмъ, даже бѣдностью. Къ тому-же было извѣстно, что у Октава богатые родственники; онъ могъ дѣлать кое-какіе долги и нуждался нисколько не больше, чѣмъ мы всѣ, а, пожалуй, что и меньше. Бывало даже, когда онъ придетъ къ мнѣ въ мою нищенскую мастерскую въ улицѣ Вожираръ, мы нападаемъ на него за его отчаянные галстуки и бархатные жилеты, за которые мы прозвали его *mirliflor*. Въ ту пору Октавъ былъ красивый брונетъ, съ длинными вьющимися волосами, съ пуховой бородкой и съ глазами, какъ у влюбленной козы. Много надѣлалъ онъ тогда бѣдъ между гризетками Латинскаго квартала, и вотъ тогда-то познакомился онъ съ Клемансой...

— Какъ! вскричалъ я, прерывая Сенешала. — Вотъ эта самая старуха, которая только-что...

— Она самая; сказать по правдѣ, и въ то время эта бѣдная Клеманса была не слишкомъ изысканная особа. Ей было двадцать лѣтъ, она была хорошенькая, какъ англичанка, талью у ней можно было охватить пальцами и къ этому цѣлый лѣсъ удивительнѣйшихъ волосъ, цвѣта только-что вылученнаго индійскаго каптана. Но... что будешь дѣлать? Сирота, брошенная на парижскую мостовую, съ жаждою удовольствій и самымъ непроизводительнымъ ремесломъ. Ну, да что говорить.. Человѣка два-три изъ нашихъ видали-таки, какъ она одѣваетъ корсетъ... Октавъ встрѣтился съ нею въ Прадо. Они сошлись, потомъ разошлись, потомъ опять сошлись, и разъ, вечеромъ, когда мы съ Октавомъ зашли въ свой кабачекъ, мы застаемъ тамъ Клемансу. Она сидѣла передъ непочатой чашкой бульона и тряслась въ лихорадкѣ. Стали мы ее спрашивать; попался тутъ еще студентъ-медикъ, тотъ подошелъ; оказывается—у ней воспаленіе легкихъ, да еще какое! Что тутъ дѣлать! квартира у дѣвочки была прескверная, денегъ ни гроша. Студентъ говоритъ, что надо въ больницу; она - въ слезы. У Октава сердце было доброе; онъ усаживаетъ ее въ фіакръ, везетъ къ себѣ, ходитъ за нею, какъ сестра милосердія, вылечиваетъ ее и, разумѣется, не выгоняетъ ее по выздоровленіи... Ну, и пошло такъ на двадцать лѣтъ.

— Какъ?.. Онъ, Фирмезъ? Поэтъ!.. и съ этой дѣвчонкой?..

— Эта дѣвчонка, мой милый, была дитя природы и улицы; она дѣлала глупости въ двадцать лѣтъ, какъ птицы въ апрѣ-

лѣ мѣсяцѣ; но сердце у ней было доброе, простое и честное, а признательность къ Октаву сдѣлала ее лучшей, вѣрнѣйшей, преданнѣйшей подругой. Въ это-то время подошли для него тяжелые дни. Кредиторы узнали, что Фирмезъ окончательно разошелся съ семьей; не стало кредита; нужно было работать, чтобы жить. Ахъ, что за собачью жизнь велъ онъ, нашъ козъ, цѣлыхъ десять лѣтъ! Двѣ комнатки въ пятомъ этажѣ, въ Плезансѣ, откуда ему каждый день приходилось тащиться на импералѣ omnibusа въ улицу Ришелье—перебирать книги въ библиотекѣ и дѣлать выписки—онъ какъ разъ тогда работалъ для Ларуса; затѣмъ, онъ чуть не ночью возвращался домой, садился за приготовленный Клемансой плохой обѣдъ, при свѣтѣ маленькой лампочки съ зеленымъ абажуромъ. Столъ накрывался на два прибора съ вѣхоровыми совершенно вытертыми ложками и недѣльными салфетками, которыя все-таки вкручивались въ кольца. Десертъ составляли сыръ и кизиль, а затѣмъ, весь вечеръ, до двухъ, до трехъ часовъ ночи, *переписка!* Переписка, за которую платять по листамъ, переписка скучная, механическая, спѣшная; работалъ онъ на томъ-же, покрытомъ клеенкою обѣденномъ столѣ, рядомъ съ печью прачки, гдѣ грѣлся ночной кофе. Онъ умеръ-бы отъ этой жизни, будь онъ одинъ. Но съ нимъ была эта дочь народа; она вспомнила свое прежнее ремесло цвѣточницы, чтобы зарабатывать хоть на зелень для супа, это мужественное и кроткое созданье, работающее, какъ крестьянка на жатвѣ, и красивое, какъ амазонка въ Гайль-Паркѣ. Возлѣ него была эта женщина, обладавшая настолько мужествомъ, что въ теченіи десяти лѣтъ ниразу не произнесла знаменитой женской фразы: «мнѣ надѣтъ нечего»; эта милая подруга, которая подходила къ нему, когда онъ сидѣлъ за своей тяжелой работой, поправляла его нависшіе на лобъ мокрые волосы и освѣжала его поцѣлуемъ; и если у него было немного времени для сна, за то онъ отдыхалъ на груди вѣрнаго, неизмѣннаго друга. А теперь, молодой человекъ, называйте это, если хотите, связью съ дѣвчонкой!

— Отчего-же онъ не женился на ней, послѣ столькихъ лѣтъ совмѣстной жизни, послѣ такого долгаго искуса?

— Постойте! Въ этомъ-то и вся исторія... Она любила, обожала Октава, но онъ не любилъ ее, а только привыкъ къ ней. Въ одинъ прекрасный день—трахъ!—отецъ его умираетъ

Скоропостижно, и Октаву достается состояніе въ 20 тысячъ Франковъ дохода. О, онъ не остался неблагодарнымъ! У Клемансы завелись брильянтоваы сережки и она уже щеголяла въ прелестныхъ голубыхъ блузахъ въ хорошенькой квартиркѣ, о которой онъ прежде всего позаботился. Но ему хотѣлось немножко пожить, видѣть людей — это такъ естественно. Первые изданныя имъ стихотворенія, именно «Героическія поэмы», такъ бессмысленно осмѣяныя и отвергнутыя той самой публикой, которая сегодня аплодируютъ ему, тѣмъ не менѣе выдвинули его и хорошо поставили во мнѣніи знатоковъ, поэтовъ, истинныхъ художниковъ. Его стали приглашать всюду, завлекли въ нѣкоторые неособенно строгихъ правилъ кружки. Онъ все еще былъ красивъ, хотя и изнуренъ, нравился женщинамъ, а такъ какъ онъ былъ влюбчивъ, какъ кошка, то удачамъ его не было конца. Ахъ, эта бѣдная Клеманса! Сколько онъ ее обманывалъ! И она знала это, навѣрное знала. И нельзя сказать, страдала-ли она отъ его невѣрности. По крайней мѣрѣ, она никогда этого не показывала. Зеркало, конечно, говорило ей, что она очень подурнѣла за эти долгіе годы нужды, и, къ тому-же, съ годами чувство ея къ Октаву перешло почти въ материнскую нѣжность, всегда снисходительную къ слабостямъ дорогого человѣка,—слабостямъ, вызывающимъ даже улыбку, съ какимъ-то отгѣнкомъ гордости. У простого народа,—а она была именно дочь народа—вовсе не рѣдкость встрѣтить кумушку, которая рассказываетъ сосѣдкамъ любовныя похождения своего муженька и въ заключеніе прибавить, весело подергивая плечами: «Э, да что! онъ все-таки мой!»

Время шло, а Фирмезъ, у котораго, не смотря на его сорокъ пять лѣтъ, едва пробивалась сѣдина на вискахъ, продолжалъ жечь свѣчу съ обоихъ концовъ и утѣшать себя въ литературныхъ разочарованіяхъ—онъ все еще ждалъ успѣха—побѣдами надъ женщинами. Что касается Клемансы—ей было уже подъ сорокъ—то, надо признаться, она была почти старуха. Но разъ, лѣтнимъ вечеромъ, собрались мы, нѣсколько близкихъ друзей, у Фирмеза, пили грогъ и курили трубки, какъ вдругъ Октавъ, уже съ нѣкотораго времени жаловавшійся на сердцебіенія, упалъ на своемъ диванѣ въ обморокъ. Онъ, правда, скоро пришелъ въ себя, но бѣдная Клеманса пришла въ ужасъ. Посовѣтывались мы съ однимъ пріятелемъ—докто-

ромъ, но тотъ сказалъ ни то, ни се и совѣтовалъ обратиться къ знаменитому Бульо. Этотъ увѣрилъ Октава, что опасности нѣтъ, но намъ сказалъ всю правду: у поэта была обыкновенная болѣзнь людей развратныхъ, художниковъ и лошадей цирка—болѣзнь сердца, серьезная, смертельная.

Сначала болѣзнь не подвигалась. Фирмець, чувствуя нездоровье, сталъ благоразуменъ, а удивительный уходъ Клемансы, преданность и доброта этого стараго друга приводили его въ умиленіе. Разъ какъ-то мы обѣдали втроемъ, и онъ, передавая мнѣ салатникъ, сказалъ:

— Знаешь-ли, что мы порѣшили съ Клемансой? Вотъ уже двадцать лѣтъ мы живемъ вмѣстѣ и до сихъ поръ не повѣнчались. Это просто глупо. На этихъ дняхъ зайди къ намъ утромъ, захвативъ съ собою трехъ пріятелей; мы отправимся въ мерію и въ церковь, а потомъ къ намъ завтракать.

— Bravo! сказалъ я, взглянувъ на Клемансу.

Глаза у ней были полны слезъ.

— Охъ, какъ онъ добръ, мой Октавъ, сказала она.—Но, знаете-ли, Сенешаль, я хочу повѣнчаться только тогда, когда онъ совсѣмъ оправится, совсѣмъ станетъ молодцомъ... Такъ-то... Мнѣ хочется, чтобы мой женихъ хорошо выглядѣлъ, когда мы пойдемъ къ священнику!

Увы! двѣ недѣли спустя этотъ женихъ лежалъ уже въ постели, съ которой не суждено ему было встать. Поспѣшность, съ которой онъ оканчивалъ свое послѣднее произведеніе, и отказъ французскаго театра принять его пьесу—доканали его. А еще Бульо, котораго опять позвали, говорилъ: «Не волнуйтесь!» Друзья поэта заранѣе оплакивали его, но я, раздѣляя вполнѣ ихъ горестъ, думалъ въ то-же время о спутницѣ всей его жизни, о доброй Клемансѣ. Фирмець былъ слишкомъ легкомысленъ, чтобы подумать о завѣщаніи. Если онъ не обвиняется передъ смертью, что будетъ съ ней?

Я рѣшился переговорить объ этомъ съ бѣдной женщиной, но съ первыхъ-же словъ она, рыдая, упала ко мнѣ на шею

— Никогда, вскричала она, никогда, понимаете-ли, Сенешаль, у меня не достанетъ духу просить объ этомъ... Напоминать ему объ его обѣщаніи? Но это значитъ дать ему понять, что онъ погибъ!... А онъ, голубчикъ, и не подозреваетъ этого, онъ увѣренъ, что весною совсѣмъ поправится и дѣлаетъ разныя хорошія предположенія. И докторъ говорить,

что такъ будетъ до конца, и онъ умереть совершенно спокойно... Но, заговоривъ о свадьбѣ, я ускорилъ его смерть, убью его!... Никогда, говорю вамъ, никогда! О, я очень хорошо знаю, что ожидаетъ меня... Наслѣдники выгонять меня, и буду нищая... Ну, чтожъ! Когда его у меня не будетъ, мнѣ ничего не нужно!.. Это глупо, неблагоразумно, скажете вы. А онъ развѣ благоразумно поступилъ, когда бѣднымъ студентомъ взялъ меня, умирающую, перевезъ въ свою комнатку, меня, потерянную женщину, и ходилъ за мною, какъ за Пресвятой Богородицей? Я могу похвастаться, Сенешаль, что я во всю жизнь не доставила ему ни одного огорченія, ни одной заботы... и если уже нѣтъ для него спасенія, то моя единственная молитва къ милосердному Богу, чтобы онъ умеръ на рукахъ своей старой подруги, не думая о смерти и видя меня веселой.

— И онъ умеръ именно такъ, молодой человѣкъ, прибавилъ старикъ-художникъ, положивъ мнѣ на плечо свою дрожащую отъ волненія руку; — она ни разу не оставила меня одного съ больнымъ; она всегда была при немъ, умоляя меня глазами не говорить ничего и заплатила цѣлымъ состояніемъ за горькую радость усладить агонію любимаго человѣка, который самъ убилъ себя, обманывая ее съ цѣлой шайкой развратницъ. На другой-же день послѣ его смерти, ужасные родственники изъ провинціи, гнусные наслѣдники... О! эти мѣщане! вскричалъ Сенешаль, потрясая своей бѣлой гривой стараго романтика. Ну-съ, такъ вотъ эти буржуа, наслѣдники Фирмеза, оказались безжалостны: они забрали все и выбросили Клемансу вмѣстѣ съ мусоромъ опустѣлой квартиры! Само собою разумѣется, нашлись люди, которые позаботились о ней. Бордье, драматическій писатель, доставилъ ей это мѣсто уврезы; этого, конечно, мало, чтобы жить, но, къ счастью, не у всѣхъ-же черствыя сердца и, какъ-ни-какъ, она все-таки живетъ.

— Я понимаю васъ, проговорилъ я, пожимая руку скульптора.

— И какъ подумаешь, снова началъ онъ, хлопнувъ себя по-лбу,—что не будь у этой доброй женщины столько удивительнѣйшей деликатности, называлась-бы она теперь m-me Фирмезъ и сидѣла-бы она вонъ тамъ, въ literной ложѣ, и всѣ эти вырѣзные жилеты толпились-бы около нея съ по-

здравленіями, тогда какъ теперь она тамъ, въ корридорѣ, убираетъ пальто и палки. Какъ ни какъ, но сегодня вечеромъ она блаженствуетъ; она слышитъ, какъ апплодируютъ имени ея Октава, слышитъ эти прекрасные, непонятные для нея стихи его, но и не понимая ихъ, восхищается ими... И это, молодой человѣкъ, можетъ быть то, выше чего ничего нѣтъ на свѣтѣ: это — вѣра... Ну, такъ вотъ, сегодня я хочу ей сдѣлать праздникъ вполне. По воскресеньямъ она у меня обѣдаетъ и я всегда вслю подавать супъ въ пять часовъ, чтобы она успѣла во-время въ театръ... Но сегодня вечеромъ, чортъ возьми, я поведу ее ужинать, какъ бывало водилъ ее Октавъ въ дни первыхъ представленій, и мы проговоримъ о немъ до двухъ часовъ утра! Однако, пора замолчать; сейчасъ начнется второй актъ.

Вотъ почему, сидя въ этотъ-же вечеръ, около половины перваго, въ кафе Вольтеръ, недалеко отъ группы молодыхъ учениковъ академіи художествъ, я очень забавлялся ихъ изумленію, при видѣ своего знаменитаго профессора, г. Сенешаля, члена академіи и кавалера Почетнаго Легіона, который вошелъ въ залу и поднялся по лѣстницѣ, ведущей въ отдѣльныя комнаты, подъ руку съ маленькой старушкой въ чепцѣ съ бантами. Въ этой старушкѣ они узнали тетку Клемансу, уврѣзу театра Одеонъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

Г. ГРОТЬ О ЛОГИКѢ.

(Къ вопросу о реформѣ логики. — Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. Николая Грота. Лейпцигъ. 1882).

Книга г. Грота—какъ видно изъ предисловія ея—написана для специалистовъ. Она, какъ «серьезное научное сочиненіе», «страдаетъ скатостью изложенія, нѣкоторою сухостью и неудобопонятностью (конечно только съ точки зрѣнія мало подготовленнаго читателя)». «Авторъ ея, имѣя въ виду воображаемыхъ противниковъ-специалистовъ, поневолѣ предполагалъ многое извѣстнымъ, поневолѣ часто не договаривалъ своихъ мыслей и аргументировать какъ можно лаконичнѣе». «Онъ поневолѣ принужденъ былъ сводить развитіе каждой мысли къ *minimum* словъ, въ которыхъ она можетъ быть выражена, и не могъ заботиться объ украшеніи своего текста многочисленными примѣрами и сопоставленіями, которые-бы сдѣлали его обобщеніе понятнымъ для *обыкновенныхъ читателей*». (Предисл., стр. XVI—XVII).

Прочитавъ все это, мы, какъ причисляющіе себя именно къ обыкновеннымъ читателямъ, рѣшили-было ужъ совсѣмъ и не читать книгу, написанную не про насъ, и готовы были терпѣливо дожидаться, когда она появится въ новомъ, доступномъ и для насъ видѣ, на что предисловіе подаетъ надежду, заявляя, что популяризованіе своихъ воззрѣній авторъ отчасти предоставляетъ другимъ лицамъ, *особымъ специалистамъ этой дѣла*, отчасти-же надѣется сдѣлать самъ въ болѣе удобное время, когда ему, можетъ быть, удастся заняться этою, сравнительно уже легкою работою. (Ib. стр. XVIII).

Рѣшеніе наше было тотчасъ-же поколеблено тѣмъ-же самымъ предисловіемъ, которое его внушило. Мы заинтересовались вопро-

«Дво», № 8, 1883 г. II.

сомъ о томъ, кто-же это такіе «особые спеціалисты», которымъ авторъ предоставляетъ популяризацію своихъ сочиненій? Это вѣдь, конечно, не тѣ спеціалисты науки, для которыхъ написана книга и которымъ «многое» изъ того, что знаетъ авторъ, предполагается извѣстнымъ. Спеціалисты науки, конечно, сами пишутъ «серьезныя научныя сочиненія» и, вѣроятно, не станутъ заниматься популяризациею чужихъ трудовъ. Это и не тѣ «обыкновенные» читатели, которымъ сочиненіе это недоступно. Кто-же это? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ XIII стр. предисловія, гдѣ опять является «читатель», надо полагать тотъ-же «обыкновенный», о коемъ была уже рѣчь, ибо ничего необыкновеннаго читателю этому не приписывается. На сей разъ читатель этотъ оказывается способнымъ не только понимать серьезное научное сочиненіе, но удостоивается даже быть поставленнымъ рядомъ со спеціалистами науки и признается одинаково съ ними способнымъ отнестись къ книгѣ автора съ безошадной и неумолимой критикой. Читателю этому, наравнѣ со спеціалистами науки, заявляется желаніе автора видѣть свои теоріи встрѣченными съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, но въ то же время серьезно и съ уваженіемъ, «такъ какъ результаты многолѣтней напряженной работы ума фактически невозможно уничтожить одною остроумною игрою словъ и легкомысленнымъ издѣвательствомъ. Эти приемы,—прибавляетъ авторъ,—столь обычные въ нашей литературѣ, падутъ рано или поздно на голову тѣхъ, кто ими будетъ пользоваться». (Ib. стр. XIII).

Не останавливаясь надъ тѣмъ, что выраженный въ этихъ словахъ репримандъ равно относится къ «читателямъ» изъ литературной братіи и къ спеціалистамъ, т. е. гг. Троицкому, Владиславлению, Козлову, Кавелину, Сѣчену и т. д., не дебатирую вопроса о томъ, заслужили-ли господа эти такой репримандъ, мы, обрадованные тѣмъ, что явилась надежда засѣсть за книгу г. Грота не напрасно, немедленно-же принялись за внимательное ея чтеніе, что намъ и удалось совершить на этихъ дняхъ.

Говоря откровенно, мы не жалѣемъ о принятомъ нами рѣшеніи. Если насъ не ослѣпляетъ иллюзія, — illusion of introspection, какъ называетъ ее Джемсъ Седли,—мы въ состояніи были понять все содержаніе книги. Такое сознаніе дало намъ смѣлость рассуждать о книгѣ, сперва съ пріятелями и знакомыми, а потомъ, пользуясь разрѣшеніемъ, даннымъ въ предисловіи самимъ авторомъ, и съ публикою. Всего прежде мы не можемъ не пожалѣть, что не чувствуемъ себя въ силахъ стать въ ряды тѣхъ «особыхъ спеціалистовъ», о которыхъ говоритъ авторъ, и заняться популяризациею тѣхъ идей его, которыя мы нашли достойными сдѣлаться достояніемъ не однихъ только спеціалистовъ, но и всего образован-

наго общества. О специалистахъ популяризаціи можно, конечно, говорить свысока и принимать всевозможныя мѣры для того, чтобы жрецы науки, сплотившись въ тѣсную кучку, изрекающую неисповѣдимыя глаголы, могли понимать только друга друга, утѣшая толпу, что истина откроется завтра или тамъ когда будетъ досужно; но такое подобіе «заравшанской академіи» можетъ тѣмъ болѣе возмущать «обыкновеннаго читателя» изъ литературной среды, уличаемаго въ склонности къ «остроумной игрѣ словъ и издѣвательству», что онъ въ то-же время склоненъ и чрезвычайно высоко ставить эту презрѣнную, «особую» специальность». По поводу ея онъ можетъ лишь повторять и повторять то, что уже было высказано въ «Дѣлѣ» равнѣ, въ отчетѣ объ одномъ изъ новыхъ сочиненій Тиндала, — что «если большинство ученыхъ до сихъ поръ еще полагаетъ свою гордость въ томъ, что ихъ прочтутъ и оцѣнятъ только такіе-же специалисты, какъ и они, то у Тиндала, напротивъ, желаніе болѣе гордое: онъ не привыкъ говорить въ пустой залѣ, и ему нуженъ не менѣе какъ весь читающій міръ».

Мы не будемъ ни критиковать, ни популяризовать книгу г. Грота. Это дѣло «специалистовъ», въ собственномъ смыслѣ этого слова, и «специалистовъ» особаго рода, о которыхъ говоритъ г. Гротъ. Мы не причисляемъ себя ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы предполагаемъ дать читателю лишь рядъ замѣтокъ по тѣмъ изъ вопросовъ, возбуждаемыхъ книгою г. Грота, которые, съ одной стороны, доступны обыкновенному читателю, и — съ другой — входятъ въ кругъ его интересовъ. И въ этихъ предѣлахъ, впрочемъ, мы постараемся быть сколько возможно болѣе краткими, оставляя многое на долю читателя. Такимъ образомъ мы введемъ статью нашу, неизбежно очень длинную, въ возможно тѣсныя предѣлы и сохранимъ за ней наибольшую степень доступной для нея занимательности, ибо «le secret d'ennuyer est celui de tout dire».

Прежде чѣмъ мы приступимъ ко ознакомленію съ теоріею г. Грота, долженствующею совершить реформу логики, мы попытаемся опредѣлить связь ея съ теоріями ей предшествовавшими и современными. Опредѣливъ группу или группы, къ которымъ принадлежитъ нашъ авторъ, мы подготовимся къ уразумѣнію и его собственнаго индивидуальнаго характера, какъ теоретика по данному вопросу, и затѣмъ уже, облегчивъ по возможности свою задачу, обратимся къ ознакомленію и съ теоріею самого г. Грота.

Имѣя въ виду очистить новый путь, по которому должно идти развитіе логики, какъ науки, г. Гротъ останавливается прежде всего надъ необходимостью устраненія того новаго врага прогресса, который, оставаясь всегда однимъ, постоянно скрываетъ

ся подъ различными формами. «Этотъ врагъ есть преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума. Оно служитъ, прежде всего, причиною возведенія отдѣльныхъ представителей мысли въ степень геніевъ и непогрѣшимыхъ судей, передъ мнѣніями которыхъ и преклоняется затѣмъ толпа, забывая что никто и ничто, кромѣ нея самой, не ставило передъ нею этихъ «идоловъ знанія». Оно же служитъ потомъ, съ ослабленіемъ довѣрія къ отдѣльнымъ личностямъ, причиною преклоненія человѣка передъ «массовыми движеніями» человѣческой мысли, основаннаго на убѣжденіи, что если столько и столько поколѣній людей что-либо думали и считали истиною, то тутъ должна быть заключена, если не вся правда, то хоть значительная часть ея, при чемъ забываются уроки исторіи: заблужденія алхимиковъ, предразсудки схоластическихъ мудрецовъ и другіе подобныя образцы «инстинктивной непогрѣшимости» мыслящихъ массъ. Но то-же преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума выражается и въ другихъ, безличныхъ, формахъ: оно лежитъ и въ основаніи деспотизма языка и губительнаго вліянія традицій, связанныхъ съ «словами»; оно-же обусловливаетъ и бессознательное подчиненіе авторитету школы, литературныхъ нравовъ и модныхъ приемовъ изслѣдованія. Наконецъ, имъ же объясняется и преувеличенное современное благоговѣніе къ авторитету не только безличной, но и отвлеченной, единицы — «науки». Въ средніе вѣка для многихъ мыслителей послѣднимъ аргументомъ были слова «онъ такъ говоритъ», при чемъ подразумѣвался авторитетъ Аристотеля. Позднѣе, съ развитіемъ множества философскихъ школъ, чаще стали употреблять выраженіе «они такъ говорятъ», разумѣя цѣлый рядъ представителей той или другой школы (номиналистовъ, идеалистовъ, сенсуалистовъ, матеріалистовъ, наконецъ позитивистовъ). Въ настоящее время безпрестанно восклицаютъ: «она, т. е. наука, то или другое утверждаетъ», при чемъ этотъ авторитетъ, самой новѣйшей формація, имѣетъ иногда тоже весьма двусмысленное значеніе». (Стр. 20—21).

Едва-ли можно согласиться съ авторомъ, что всѣ перечисленныя имъ явленія обнаруживаютъ преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума. Если-бы такое довѣріе дѣйствительно существовало, то всякій настолько-бы довѣрялъ своему собственному уму, что отвергалъ-бы потребность въ авторитетѣ, какъ личномъ, такъ и безличномъ, отвлеченномъ, и начиналъ-бы свою работу сначала въ самомъ полномъ и безусловномъ смыслѣ, т. е. самъ создавалъ-бы себѣ новыя основанія, новый методъ, новую постановку вопросовъ. Благоговѣніе-же передъ авторитетами показываетъ, напротивъ того, что къ силамъ человѣческаго ума вообще очень часто нѣтъ довѣрія, что силы эти считаются резуль-

татами сочетанія случайныхъ условій, создающихъ «геніевъ и непогрѣшимыхъ судей», передъ мнѣніями которыхъ, какъ передъ мнѣніями авторитетовъ, и преклоняются. Такое преклоненіе обнаруживаетъ не избытокъ довѣрія къ силамъ ума, а извѣстнаго рода умственное рабство, самоуничженіе, самоосужденіе на бесцѣліе, способность идти только на помочахъ авторитетовъ.

Но если обращеніе къ авторитетамъ вообще никакъ не можетъ свидѣтельствовать о преувеличенномъ довѣрїи къ силамъ человѣческаго ума, то исключительное пользованіе идеями авторитетовъ, какъ мы-то видимъ въ эклектизмѣ, и того менѣе намекаетъ на избытокъ довѣрія къ силамъ ума. О какомъ-же довѣрїи можетъ идти рѣчь тамъ, гдѣ явно утверждается, что ни одна школа, ни одно направленіе, ни одно отдѣльное лицо не оказалось состоятельнымъ въ поискахъ за истиной и что затѣмъ остается только одно средство,—средство, напоминающее соломинку утопающаго,—склейка всевозможныхъ обрывковъ, для полученія дѣлага хоть въ формальномъ отношенїи. Что-же касается до другихъ видовъ преклоненія передъ авторитетами, то мы полагаемъ, что г. Гротъ совершенно напрасно смѣшалъ ихъ въ одну кучу и представилъ однородными, когда на дѣлѣ не только ничего подобнаго нѣтъ, но, напротивъ того, между разнаго рода признанїями авторитетовъ существуетъ несомнѣнная противоположность. Такъ авторитетъ традицій всегда признавался въ силу увѣренности въ слабости и немощности человѣческаго ума и являлся поэтому дѣйствительно помѣхою прогресса, тогда какъ авторитетъ науки, свидѣтельствуя о довѣрїи къ силамъ ума, хоть и не всегда преувеличенномъ, не заключаетъ въ себѣ ничего антипрогрессивнаго—такъ какъ правильное понятіе о наукѣ нераздѣлимо отъ понятія сомнѣнїя и критики и всегда идетъ рука объ руку съ противо-дѣйствіемъ умственной косности и рутинѣ. Чтобы сохранить хоть правдоподобіе при подведенїи всѣхъ авторитетовъ подъ одинъ шаблонъ, г. Гроту и оставалось только выставить по отношенїю къ авторитету науки одну совершенно случайную, если не совсѣмъ фиктивную, черту, не существующую, по его мнѣнію, какъ надо полагать, въ авторитетахъ, перечисленныхъ выше,—именно: на двусмысліе научныхъ авторитетовъ новѣйшей формаціи. Это двусмысліе мѣтитъ, конечно, на то-же, на что мѣтитъ и заявленіе противника г. Грота—г. Козлова, утверждающаго, что «у насъ есть не мало культурныхъ людей, въ умахъ которыхъ можно водрузить чистѣйшїй вздоръ, сказавъ, что онъ стоитъ на анатомїи и фізіологїи» *). Авторитетъ анатомїи и фізіологїи для г. Козлова такъ-

*) А. Козловъ. Замѣчанїя на статью Н. Я. Грота. Газета «Заря», 1883 г., № 52.

же двусмысленъ, конечно, какъ и какіе-то «авторитеты новѣйшей фôrмаціи» вообще для г. Грота. Очевидно, однако-же, что, помимо этого двусмыслія, столь неожиданно соединившаго противниковъ, авторитетъ науки долженъ быть признанъ всѣми, кто остерегается питать къ силамъ единичнаго ума преувеличенное довѣріе.

Истина эта столь очевидна, что самъ г. Гротъ, едва указавъ на преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума, какъ на источникъ авторитета и традиціонной рутинѣ, и живой науки, немедленно же беретъ назадъ свое утвержденіе и заявляетъ, что «противъ авторитета ума или мысли человѣческой вообще, конечно, не способна бороться никакая теорія: противъ него боролся, правда, скептицизмъ, но въ концѣ концовъ всегда безуспѣшно. Вѣра въ авторитетъ мысли дана человѣку самою природою его или, вѣрнѣе говоря, развивается съ необходимостью изъ самой его организаціи. Но человѣкъ не долженъ забывать, что для нея существуетъ только одна законная форма—это довѣріе къ собственной мысли, сознательно и критически направляемой на всестороннее изученіе того или другого предмета, и что объективнымъ авторитетомъ, который могъ-бы сдѣлать обязательною мою мысль для всѣхъ другихъ людей, могутъ служить только матеріальные факты, на которыхъ она основана. Глубокомысленные метафизики, какъ и подобаетъ, конечно, назовутъ это утвержденіе выраженіемъ «наивнаго міросозерцанія», ссылаясь на шаблонное мнѣніе, что внѣшній опытъ насъ обманываетъ и передаетъ явленія въ искаженномъ и субъективно-переработанномъ видѣ. Однако, предположивъ даже пока, что это шаблонное мнѣніе справедливо, нельзя же отрицать факта, что въ оцѣнкѣ данныхъ внѣшняго опыта, на чемъ-бы она въ концѣ концовъ ни основывалась, согласіе всѣхъ людей, при опредѣленныхъ условіяхъ этого опыта, совершенно неизбѣжно и вполне обеспечено. Напротивъ—всякая мысль, внѣ аппарата фактовъ, тѣми или другими людьми непремѣнно оспаривается. А если такъ, то ссылка на чьи-либо мысли, т. е. мотивировка своихъ выводовъ авторитетами лицъ, школъ и направленій, въ условномъ смыслѣ можетъ быть допущена только тамъ, гдѣ эти мысли служатъ лишь символами всѣмъ извѣстнаго и прочно установленнаго конкретнаго содержанія, а имена лицъ и названія школъ, въ свою очередь—символами такихъ именно мыслей, служащихъ лишь формулами для выраженія всѣми признанныхъ объективныхъ фактовъ» (стр. 21 - 22).

Если мы вѣрно поняли взглядъ г. Грота, выраженный въ только-что приведенной цитатѣ, то мы смѣемъ думать, что онъ узаконяетъ единственную форму довѣрія къ силамъ человѣческаго

ума — довѣріе къ собственной мысли, сознательно и критически направленной на всестороннее изученіе того или другого предмета, а затѣмъ уже допускается условно и ссылка на авторитетъ лицъ, школъ и направлений, т. е. на авторитетъ представителей коллективной мысли вообще, иначе говоря, науки. Такое отрѣшеніе единоличнаго ума, созидающаго *свою* науку съ самыхъ ея основъ, отъ работы коллективной представляется намъ не только неправильнымъ, въ силу соображеній приведенныхъ выше, но еще и противорѣчающимъ мнѣнію самого г. Грота, который въ другомъ мѣстѣ своей книги говорить: «Индивидуальная мысль, по самымъ законамъ природы, — мысль болѣе или менѣе ограниченная, замкнутая въ извѣстные предѣлы, зависящіе отъ условій индивидуальнаго развитія даннаго человѣка: только синтезъ большого числа индивидуальныхъ мыслей создаетъ ту безпредѣльность и широту умственнаго горизонта, которыми отличается дѣйствительная наука и которыя гарантируютъ ее отъ всякаго увлеченія и односторонности». (Стр. IX).

Сопоставляя взаимно-исключающія мнѣнія г. Грота, съ которыми мы ознакомились на предшествующихъ страницахъ, трудно, конечно рѣшить, которое изъ нихъ онъ сочтетъ примѣнимымъ для самого себя: отриветъ-ли онъ помощь предшественниковъ и современниковъ и избавить себя такимъ образомъ отъ преувеличеннаго довѣрія къ силамъ человѣческаго ума, или, считая такое довѣріе непреувеличеннымъ, будетъ искать въ немъ опоры, или, наконецъ, довѣрясь своему уму, онъ лишь подерѣпитъ это довѣріе ссылками на работы другихъ. Рѣшеніе этого вопроса было для насъ тѣмъ болѣе интересно, что логика, какъ ее опредѣляетъ г. Гротъ, захватываетъ немало вопросовъ не только логики, но еще психологіи и теоріи познанія, такъ что такое или иное отношеніе его къ чужимъ трудамъ касалось трудовъ весьма обширной группы писателей. Рѣшеніе этого интереснаго вопроса г. Гротомъ было для насъ нѣсколько неожиданное, такъ какъ оно не соответствовало ни одному изъ трехъ предполагавшихся нами рѣшеній и могло-бы, пожалуй, послѣдовать безъ всѣхъ долгихъ предварительныхъ разсужденій. «Кто отдастъ себѣ ясный отчетъ въ томъ фактѣ, — говоритъ г. Гротъ, — что *прошедшее* логики смутно, *настоящее* хаотично, а задачи *будущаго* еще *вообще* не опредѣлены, — тотъ долженъ, конечно, подвергнуть отрицанію все прошлое этой науки и, вооружившись сомнѣніемъ по отношенію ко всѣмъ безусловно понятіямъ и терминамъ, хотя-бы кажущимся на первый взглядъ совершенно естественными и законными, долженъ начинать всю работу снова, и притомъ на совершенно новыхъ основаніяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой поста-

новки вопросовъ» (стр. 22 — 23). И въ самомъ дѣлѣ, если опираться и ссылаться не на кого, то, само собою разумѣется, только и остается одно: начать все съизнова.

Намъ, какъ не специалистамъ, только и оставалось, конечно, что оказать г. Гроту полное довѣріе и, махнувъ рукою на всякаго рода смутные и хаотичные трактаты, заняться изученіемъ мыслей самого автора; но тутъ опять онъ самъ создалъ намъ новое затрудненіе. «Будучи всецѣло занятъ тяжелою работою систематической выработки своихъ собственныхъ возрѣній, — говорить въ предисловіи г. Гротъ, — возрѣній, въ *общей оригинальности* которыхъ авторъ могъ убѣдиться изъ предшествующаго долговременнаго изученія логической литературы, онъ естественно пренебрегалъ ссылками на чужія мнѣнія и на указаніе случайныхъ совпаденій различныхъ своихъ взглядовъ со взглядами другихъ писателей. При этомъ онъ руководился отчасти и добрымъ примѣромъ другихъ, *весьма солидныхъ новѣйшихъ писателей по логикѣ*. «Въ такомъ предметѣ, какъ логика, справедливо замѣчаетъ Стэнли-Джевансъ (Основы науки. Трактатъ о логикѣ и проч. Перев. Антоновича, С.-Петербургъ. 1881, стр. 20), едва-ли возможно высказать какія-нибудь мнѣнія, *которые не были-бы высказываемы прежде въ той или другой формѣ; по крайней мѣрѣ зародыши всякаго ученія* можно найти у прежнихъ писателей, и *новость можетъ состоять главнымъ образомъ только въ способѣ гармонизованія и развитія идей.*» А потому естественно, что, по крайней мѣрѣ при первомъ изложеніи своей оригинальной «общей системы возрѣній», многие весьма основательные мыслители и не находятъ нужнымъ тратить время и силы свои на то, чтобы искусственно ставить свои взгляды въ связь съ подобными-же взглядами предшественниковъ. «Даже то, что мы могли-бы заимствовать у другихъ, пришлось вновь найти помощью развитія своеобразной связи своихъ собственныхъ мыслей (in dem eigenthümlichen Zusammenhange meiner Gedankenreihe), можемъ мы повторить вмѣстѣ съ Шуппе (Erkenntnisstheor. Logik. Bonn, 1878, стр. 5), — а потому мы и считали непроизводительною работою включать впослѣдствіи въ текстъ свой цитаты (изъ другихъ писателей), когда находили, уже значительно послѣ выработки какого-нибудь своего мнѣнія, извѣстное соотвѣтствіе его съ мнѣніями другихъ мыслителей» (стр. XIV).

Прочитавъ эту страницу, мы сочли, конечно, довѣріе наше къ мыслямъ автора, высказаннымъ на стр. 23 его книги и приведеннымъ выше, преувеличеннымъ, и такъ какъ у насъ нѣтъ возможности окончательно рѣшить вопросъ: какія именно причины — субъективныя ли предисловія, или объективныя текста — заставили г. Грота оставить въ сторонѣ писателей по логикѣ (солидныхъ или смутно-

хаотичныхъ, опять такъ не знаемъ), то мы такъ-бы и оставили вопросъ этотъ безъ рѣшенія, если-бы рѣшенія этого не далъ самъ авторъ совершенно независимо отъ всѣхъ разсужденій объ авторитетахъ, о довѣрїи къ силамъ ума, значенїи предшественниковъ и современниковъ и т. д. «Общая оригинальность нашихъ теорїй.—говорить г. Гротъ,—будетъ очевидна для всякаго толковаго и сколько-нибудь компетентнаго читателя настоящей книги, а неизбѣжныя частныя совпаденія ихъ съ выводами предшественниковъ и безъ всякихъ цитатъ несомнѣнны» (стр. XVI).

И такъ, поиски наши для опредѣленія связи воззрѣній г. Грота съ воззрѣнїями его предшественниковъ и современниковъ дали намъ слѣдующіе шаткіе результаты: мы узнали изъ книги г. Грота, что признаніе авторитетовъ, какіе бы они тамъ ни были,—авторитеты рутины, традиціи, науки, авторитеты личные, безличные, отвлеченные,—одинаково основано на преувеличенномъ довѣрїи къ силамъ человѣческаго ума... Что это довѣрїе, однако, имѣетъ двѣ законныя формы: одну безусловную—довѣрїе къ собственной мысли, другую условную — довѣрїе къ наукѣ, такъ что, слѣдовательно, можетъ быть и дѣйствительно бываетъ нѣсколько непреувеличеннымъ... Что за всѣмъ тѣмъ, — въ виду того, что всѣ вообще писатели, писатели по логикѣ, не исключая и новѣйшихъ, весьма солидныхъ, произвели въ наукѣ этой лишь смуту и хаосъ.—авторъ рѣшилъ начать свою работу снова, на новыхъ основанїяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ, и, такимъ образомъ, работа его есть вполнѣ оригинальная, что очевидно для всякаго толковаго и сколько-нибудь компетентнаго читателя.

Теперь стало ясно уже, что намъ придется совсѣмъ оставить въ сторонѣ не только все прошедшее логики (знакомство съ коимъ поставляется, впрочемъ, необходимымъ условїемъ для оцѣнки книги, — см. предисл. стр. XVIII), но и современное ея состояніе, и не пытаться болѣе опредѣлять характеръ новаго, лежащаго передъ нами сочиненія поисками за связью его съ прошедшимъ и настоящимъ науки. Здѣсь основанія, методы, постановки вопросовъ—все ново и оригинально, какъ то и должно быть, впрочемъ, очевидно «всякому толковому и сколько-нибудь компетентному читателю». Сочтемъ-же этотъ вопросъ рѣшеннымъ и не будемъ болѣе толковать объ оригинальности сочиненія г. Грота, а поведемъ рѣчь о вопросѣ оригинальности вообще, насколько она можетъ проявиться въ рѣшенїи философскихъ вопросовъ, сводимыхъ на научную почву. Соображенія, которыя мы имѣемъ въ виду высказать по этому поводу, направлены не къ опроверженію мнѣнїя г. Грота, а имѣютъ цѣлью ознакомленіе читателя съ нашей собственной

точкой зрѣнія и должны помочь ему ориентироваться среди дальнѣйшаго изложенія нашихъ мыслей. По этой причинѣ они будутъ здѣсь несовсѣмъ неумѣстны.

Искать внѣшнюю точку опоры для своихъ воззрѣній, когда нѣтъ внутренней,—дѣло, конечно, безнадежное. Предполагать, что внутренняя опора станетъ устойчивѣе, если будетъ поддерживаться внѣшней,—нелѣпо, такъ какъ все-же-таки предстоитъ доказать устойчивость этой послѣдней. Возлагать надежды на громкія и сильныя имена — опрометчиво, такъ какъ и великіе умы могутъ ошибаться. Скольکو-бы ни возлагалось надеждъ на внѣшній авторитетъ, а въ концѣ концовъ дѣло сведется не на авторитетное, а на самостоятельное, внутреннее доказательство и убѣжденіе. Здѣсь вполнѣ примѣнима мысль, высказанная однажды Донъ-Кихотомъ. Узнавъ, что нѣкому Хуану Альдудо не хотять давать вѣры, такъ какъ онъ клянется рыцарскимъ достоинствомъ, котораго онъ никогда не получалъ, благородный герой Ла Манчи замѣтилъ: «это ничего не значить: и Альдуды также могутъ быть рыцарями, тѣмъ болѣе, что всякій человѣкъ — сынъ дѣлъ своихъ *). Но если мы отрицаемъ значеніе авторитета въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ отрицали авторитетъ именно рыцарскаго достоинства для Альдудо, то мы не можемъ не видѣть, однакоже, что такое отрицаніе слишкомъ обще, слишкомъ неопредѣленно и необходимо требуетъ комментаріевъ, такъ какъ авторитетъ авторитету — рознь, да и въ признаніи авторитета можетъ существовать множество степеней и отгѣнковъ, которые необходимо различать. Суздальство здѣсь не менѣе вредно, чѣмъ и при разсмотрѣніи всякаго другого вопроса.

Въ метафизическихъ системахъ преемство мыслей есть явленіе обычное. Даже и самыя сильныя и оригинальныя умы примыкаютъ къ кому-либо изъ предшественниковъ, къ какой-нибудь школѣ или группѣ. Понятно, однакоже, что всякое изслѣдованіе, опирающееся въ опредѣленномъ пунктѣ на какое-нибудь заимствованное положеніе, неизбѣжно предполагаетъ, что весь ходъ разсужденія, изъ котораго данное положеніе заимствовано, вплоть до самаго этого положенія, признается правильнымъ. Такимъ образомъ, и при условіи заимствованія, всякій мыслитель неизбѣжно долженъ былъ даже и при метафизическихъ изслѣдованіяхъ, допускающихъ такой просторъ личному творчеству, быть до известной степени самостоятельнымъ и, такъ сказать, начинать сначала. Но если метафизикъ имѣетъ возможность выбирать того мыслителя или ту школу, къ которымъ онъ желаетъ примкнуть, то пред-

*) *Cervantes*. Don Quijote de la Mancha, I. cap. IV.

ставитель научной философіи ограниченъ въ этомъ выборѣ: его точка зрѣнія,—точка зрѣнія науки,—дана; основанія—тоже даны: они неизблемы и неизмѣнны; вопросы намѣчены. Представителю научной философіи, какъ видно изъ этого, совсѣмъ невозможно проявить свою самостоятельность въ томъ самомъ смыслѣ, въ которомъ можетъ проявить ее метафизикъ. Въ научной философіи, какъ и вообще въ наукѣ, можно только продолжать, причемъ необходимо предполагается согласіе съ извѣстными положеніями, общепринятыми и давно уже повѣренными и прочно установленными; начинать-же сначала въ буквальномъ смыслѣ этого слова значило-бы брать на себя, частью, излишній и бесполезный трудъ вторичнаго открытія того, что уже открыто, частью—такое бремя, которое несоразмѣрно со средствами единоличныхъ силъ. Объективный авторитетъ фактовъ тутъ ровно ничего не значить: факты у всѣхъ передъ глазами; ихъ могутъ не признавать лишь люди темные или недобросовѣстные, т. е. вообще такіе, съ которыми ни разсуждать, ни спорить не стоитъ. Дѣло идетъ не о констатированіи фактовъ, а о расширеніи ихъ области, объ ихъ классификаціи и истолкованіи. Отвергнувъ метафизическую точку зрѣнія, приходится принять точку зрѣнія науки, какъ единственную вносящую свѣтъ въ наше міроразуміе, и затѣмъ нести этотъ свѣтъ въ тѣ уголки и закоулки нашего сознанія, куда онъ еще не проникъ. Въ рѣшеніи такой задачи есть, конечно, и своя доля признанія авторитета (но въ этомъ признаніи нѣтъ ничего рабскаго и антипрогрессивнаго), и своя доля самостоятельности, обусловленная съ объективной стороны тѣмъ, что было сдѣлано ранѣе, а со стороны субъективной—объемомъ и качествомъ задачи и соразмѣреніемъ ея съ личными силами. Когда пишешь исключительно для специалистовъ, тогда, конечно, можно предоставить имъ самимъ разобраться среди всякаго рода данныхъ, доставленныхъ анализомъ вопроса объ отношеніи представленнаго сочиненія къ трудамъ предшественниковъ; при томъ-же очень часто въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ забота о сохраненіи оригинальности хоть за планомъ комбинаціи элементовъ, если не за созданіемъ самихъ элементовъ. Но когда пишешь для обыкновенныхъ читателей, для публики, да когда еще самъ взялся за перо, будучи лишь обыкновеннымъ читателемъ, тогда вопросъ объ оригинальности совсѣмъ уходитъ на задній планъ,—дѣлаются цитаты, ссылки на все, что было изучаемо или просто читаемо, приводятся авторитеты, если они припоминаются, и, вообще, «on prend son bien où on le trouve». Не всякая, вѣдь, компиляція свидѣтельствуетъ непременно объ эклектической точкѣ зрѣнія ея автора, а дѣльно-продуманная компиляція нерѣдко и полезнѣе, и почетнѣе

иного ученаго сочиненія. Говоримъ это, чтобы предостеречь читателя отъ одинаково вредной крайности—излишней требовательности и излишняго высокомерія. Отъ всякой работы можно требовать только то, что она обѣщаетъ. Что-же касается авторовъ собственно научныхъ сочиненій, то они-бы поступили, какъ намъ думается, правильно, еслибы уподобляли себя мореплавателямъ которые устремляются къ чуждымъ морямъ, въ неизвѣданныя еще страны, сознавая при этомъ, что не только корабль, компасъ и другія орудія и средства мореплавателей унаслѣдованы ими отъ ихъ предшественниковъ, но что и самое побужденіе къ странствіямъ и открытіямъ не могло-бы у нихъ возникнуть, если-бы зерно этихъ побужденій не таилось уже въ умственной и критической дѣятельности ихъ предковъ. Они могутъ, имейно, вполне сознавать свое превосходство надъ этими скромными предшественниками и предками, но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны не упускать изъ виду причины своего превосходства и съ твердостью заявлять о нихъ. Прекрасно высказывается въ этомъ смыслѣ Васко де-Гама у Камоэнса; онъ даже сравниваетъ съ собою не однихъ мореходовъ, но и философовъ древности. «Если-бы древніе философы, говорить онъ,—такъ много странствовавшіе ради познанія тайнъ чужихъ земель, подобно мнѣ ввѣривъ себя столькимъ разнымъ вѣтрамъ, могли-бы увидѣть такъ много чудесъ, — какія высокія произведенія оставили-бы они намъ» *).

Таково наше общее соображеніе. до сихъ поръ оправдывавшееся во всѣхъ отрасляхъ науки и научной философіи, къ которымъ намъ приходилось его прилагать. И мы не можемъ не отмѣтить здѣсь того факта, что самъ г. Гротъ, нынѣ такъ рѣзко расходящійся съ нашимъ взглядомъ, былъ очень близокъ къ нему въ то время, когда писалъ свое произведеніе о «психологіи чувствованій». «Нельзя-же предположить, говорилъ онъ тогда,— что всѣ наши предшественники совершенно даромъ трудились надъ анализомъ обширной области явленій, называемыхъ чувствованіями. Такъ или иначе, они выработали уже рядъ принциповъ, рядъ различныхъ направленій изслѣдованія этихъ явленій. Если мы, въ связи съ собственными наблюденіями, критически разберемъ эти направленія и опредѣлимъ, которое изъ нихъ наиболее правильно, то, очевидно, будемъ въ состояніи оказать наукѣ лучшую услугу, чѣмъ если, прервавъ связь со всѣми предшествующими изслѣдованіями, начнемъ всю работу сначала, т. е. начнемъ съ новаго собиранія фактовъ, новаго описанія ихъ, новаго самостоятельнаго разбора. Конечно, многіе психологи слѣдуютъ именно такому приему, но

*) L. de Camões Os. Lusíadas. Canto V. 23.

работа ихъ напоминаетъ лишь сказку о Сизифовой работѣ въ аду. До сихъ поръ именно потому анализъ чувствованій сопровождался такими малыми успѣхами, что каждый изслѣдователь считалъ своею обязанностью *все* дѣло начинать съизнова, не будучи въ состояніи довести его до конца». («Псих. чувств.» стр. 415 — 416).

Отгѣняя этотъ фактъ, мы нисколько не имѣемъ въ виду обратиться съ упрекомъ къ автору въ измѣненіи его мнѣнія. Съ одной стороны, онъ могъ уйти впередъ, а мы — остаться на мѣстѣ, съ другой — то былъ одинъ предметъ, а теперь другой. Гдѣ начинается специальность, тутъ мы и останавливаемся; общій-же взглядъ нашъ на вопросъ выясненъ уже достаточно.

Затѣмъ мы рады были-бы поставить здѣсь точку и перейти къ ближайшему ознакомленію съ самой теоріей г. Грота, но, къ величайшему нашему сожалѣнію, на самомъ порогѣ этого ознакомленія мы опять наталкиваемся на вопросъ объ отношеніи труда г. Грота къ трудамъ его предшественниковъ, а потому, вмѣстѣ съ первыми шагами къ непосредственному ознакомленію съ теоріей г. Грота, намъ поневолѣ придется сказать еще послѣднее слово объ этомъ, быть можетъ, успѣвшемъ уже надобѣсть читателю вопросу.

Въ рѣчи, произнесенной на диспутѣ, г. Гротъ резюмировалъ содержаніе своего сочиненія въ слѣдующихъ словахъ: «Въ своемъ трудѣ «Къ вопросу о реформѣ логики» я пытаюсь найти способъ и изъ логики сдѣлать науку естественную, одну изъ наукъ объ организмѣ человѣка, т. е. найти методы и основы для точнаго изученія нашей познавательной дѣятельности. Для этого я становлюсь на современную точку зрѣнія всѣхъ наукъ объ организмѣ, на точку зрѣнія идеи «развитія», и пытаюсь расширить и сдѣлать вполне научною старую, но весьма еще несовершенную, психологическую теорію ассоціаціи. Въ этихъ немногихъ словахъ исчерпывается вся задача моего труда» *).

Мы не останавливаемся на томъ, что здѣсь вовсе не говорится уже, что *всю* работу приходится начинать сначала, «на совершенно новыхъ основаніяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ», а ведется рѣчь лишь о расширеніи и возведеніи къ научности старой, но весьма еще не совершенной психологической теоріи ассоціаціи. Останавливаться надъ согласованіемъ новой варіаціи на тему уже достаточно варіированную значило-бы растягивать статью совсѣмъ ужъ непомѣрно; мы обратимъ лишь вниманіе на то, дѣйствительно-ли старая теорія ASSO-

*) «Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству». Профессора Н. Я. Грота. Кіевъ. 1883. 25 стр.

ція такая ужъ несовершенная и, въ особенности, требуется-ли ея расширеніе? Какъ не специалисты, мы, само собою разумѣется, обращаемся къ специалистамъ. Прежде всего, беремъ въ руки сочиненіе русскаго профессора г. М. Троицкаго, «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи», и внимательно читаемъ его, отыскивая отвѣтъ на наши вопросы. Отвѣтъ г. Троицкаго очень ясенъ: многія части психологіи разработаны психологами-ассоціонистами вполне научно; что-же касается широты теоріи ассоціаціи, то здѣсь не остается ужъ никакого сомнѣнія, что расширять нечего, такъ какъ теорія ассоціаціи захватила *естъ* области психической дѣятельности и, что касается собственно умственной дѣятельности, дала самые блестящіе результаты. «Въ исторіи философіи духа со временъ Бэкона и Локка, говоритъ г. Троицкій, — основнымъ двигателемъ успѣховъ въ этой области знаній мы встрѣчаемъ именно стремленіе къ возможному упрощенію элементарныхъ явленій духа, сведенію всего разнообразія и богатства духовной жизни къ немногимъ общимъ началамъ, или законамъ, или способностямъ духа; и нигдѣ это стремленіе не сопровождалось такими блестящими успѣхами, какъ въ наукѣ объ умѣ» *). Такимъ образомъ, мнѣніе г. Грота, не свободное отъ нѣкотораго противорѣчія и довольно голословное, опровергается цѣлою диссертациею другого профессора-специалиста и склоняетъ насъ по меньшей мѣрѣ къ сторонѣ весьма уважительныхъ сомнѣній. Мы не придаемъ важности тому, что третій специалистъ назвалъ недавно диссертацию г. Троицкаго «большимъ фельетономъ»: профессора полемизируютъ часто довольно рѣзко. Иной фельетонъ можетъ быть дѣльнѣе какой-нибудь диссертаци, а по общедоступности своей формы, для насъ, обыкновенныхъ читателей, — сущій кладъ. Мы вовсе и не намѣревались поэтому провѣрять г. Троицкаго, а, руководясь единственно только желаніемъ полноты свидѣтельствъ, обратились къ другимъ специалистамъ. На этотъ разъ свидѣтельствуесть уже цѣлая академія, и притомъ еще чуть не вчера, а именно парижская академія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Академія эта предложила въ прошедшемъ году на конкурсъ слѣдующую тему: «Изложить и обсудить философскія ученія, приводяція къ единому факту ассоціаціи способности человѣческаго

*) М. Троицкій. «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи». 1867, стр. 175. Тутъ кстати будетъ отмѣтить и мнѣніе Рибо, который, въ своей исторіи англійской психологіи, излагая основныя положенія экспериментальной школы, говоритъ: «Самый общій законъ, заправляющій психологическими явленіями, есть законъ ассоціаціи. Широтою своего охвата онъ идетъ въ сравненіи съ закономъ тяготѣнія въ мірѣ физическомъ». La psychologie anglaise contemporaine, par Th. Ribot. 2-e éd. 1875, p. 424.

ума и самое наше «я». Въ настоящемъ-же году она увѣнчала представленное на конкурсѣ сочиненіе профессора римскаго университета Ферри, подъ заглавіемъ: «Психологія ассоціаціи отъ Гоббса до нашихъ дней» *). И такъ какъ, согласно требованію конкурса, профессору Ферри приходилось не расширять и совершенствовать теорію ассоціаціи, а критиковать и опровергать ее, то увѣнчаніе его сочиненія показываетъ, что онъ раздѣляетъ взгляды академіи на широту теоріи. Что-же касается вопроса о ея совершенствѣ, то метафизическая точка зрѣнія какъ академіи, такъ и Ферри, не даетъ намъ никакого годнаго для насъ матеріала, хотя обстоятельное изложеніе теоріи ассоціонистовъ отъ Гоббса до Спенсера очень далеко отъ того, чтобы оставить у безпристрастнаго читателя впечатлѣніе такого ничтожества теоріи въ области изученія умственной дѣятельности, чтобы только и оставалось, что начинать все съизнова, сначала. Но мы не призваны рѣшать окончательно этотъ вопросъ, и теперь считаемъ себя совершенно въ правѣ поставить столь давно желанную и читателямъ, и намъ точку.

Теперь мы можемъ нѣсколько ближе ознакомиться съ расширенной и возведенной въ научности теоріей ассоціаціи г. Грота и съ этою цѣлью обратимся къ составленному имъ-же самимъ кон-

*) La psychologie de l'association depuis Hobbes jusqu'à nos jours. Par Louis Ferré. P. 83. Упомянувъ объ этой книгѣ, нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ остановился на Спенсерѣ и ни однимъ словомъ не упомянулъ о литературѣ ассоціонизма за послѣдніе года. Не будучи специалистами и не имѣя задачей слѣдить за этою литературою, мы не могли, однако-же, не замѣтить нѣсколько весьма достойныхъ вниманія статей и указаній по данному вопросу. Таковы, напр., 1) W. James. «The association of ideas». (The popular science, 1880. Marsch.), гдѣ авторъ сводитъ всѣ законы ассоціаціи къ закону привычки и объясняетъ имъ различіе умовъ вульгарныхъ отъ умовъ самобытныхъ. 2) V. Brochard. «La loi de similarité dans l'association des idées». (Revue philosophique, 80. Mars.), гдѣ между прочимъ, высказывается мысль, что логика никогда не научаетъ правильно рассуждать, подобно тому, какъ пѣтуха никогда не создаетъ поэтовъ. 3) F. Paulhan. «L'ergéur et la sélection». (Rev. Philos. 1879. Sept. Oct. Nov.), гдѣ высказывается значеніе подбора въ борьбѣ представленій и устанавливается законъ ассоціаціи идей, какъ самый высшій и общій, заправляющій умственною дѣятельностью. 4) S. Stricker. «Studien über die Association der Vorstellungen». Wien 1883, гдѣ, между прочимъ, показывается несостоятельность «словесной логики» (Verbale Logik). 5) Herm. Siebeck. «Ueber das Bewusstseins». Gotha. 1879, гдѣ проводится мысль о различіи знанія и мышленія и поясняется, что законъ ассоціаціи охватываетъ и синтетическую дѣятельность ума, (S. 25). 6) A. Richl. «Der philosophische Kriticismus». 1879. II Band., гдѣ комментируются воззрѣнія Римана (извѣстнаго математика) въ томъ смыслѣ, что Риманъ считалъ законъ ассоціаціи физическимъ закономъ, и, наконецъ, еще статьи Séailles, Pannier, Binet, Erdmann и др.

спекту своего сочиненія, помѣщенному въ философскомъ журналѣ Авенаріуса *).

«Въ области теоріи познанія, сказано здѣсь,—собственно наука о процессахъ познанія должна быть отдѣлена отъ теоріи искусства познанія, такъ какъ чисто-теоретическія задачи науки вообще должны быть изучаемы совершенно отдѣльно отъ практической задачи теоріи искусства. Всѣ процессы мысли и процессы познанія вообще суть процессы органически необходимые и неотрываемые: такъ называемыя заблужденія мысли могутъ быть всегда сведены на ихъ матеріальныя причины, т. е. на недостаточность опыта или на незнаніе. Поэтому теорія искусства познанія можетъ быть обработана лишь какъ методологія или теорія методической организаціи различныхъ процессовъ познанія, и названіе логики можетъ быть перенесено только на новую, чисто теоретическую науку о процессахъ познанія. Эти процессы познанія, какъ-то подтверждается анатоміей и физиологіей, раздѣляются на три класса: на 1) периферическіе процессы воспріятія, 2) центральные или мысленные процессы и 3) периферическіе процессы выраженія (рѣчь). Въ сочиненіи «Къ вопр. реформъ логики» изслѣдуются болѣе подробно лишь вторые или мысленные процессы. Въ ходѣ развитія процессовъ познанія вообще, а слѣдовательно и процесса мышленія, существуетъ четыре главныхъ ступени. Изъ этихъ четырехъ стадій развитія процессовъ мышленія, первоначальные процессы—*безсознательные*, затѣмъ слѣдуютъ процессы *сознательные*, далѣе двояко-сознательные (объективно и субъективно) или произвольные и, наконецъ, трояко-сознательные (сознательныя идеи, сознательныя стремленія, сознательное изложеніе) или методическіе (планомѣрные). Но умственные процессы все-же въ основѣ своей тождественны, ихъ можно, вообще говоря, опредѣлить какъ процессы *ассоціаціи*. Подъ это общее понятіе подходитъ шесть различныхъ классовъ мысленныхъ процессовъ: процессы ассоціаціи, диссоціаціи, дисассоціаціи (ассоціація, приводящая къ диссоціаціи), интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи (рядъ интеграцій, приводящихъ къ дезинтеграціи). Процессы первыхъ трехъ классовъ суть процессы *механическіе*, такъ какъ они не измѣняютъ содержанія данныхъ элементовъ мышленія, а только соединяютъ ихъ механически; процессы послѣднихъ трехъ классовъ суть *органическіе*, ибо они создаютъ новые продукты мысли (представленія, понятія, научныя идеи) или разлагаютъ на составныя элементы сложные продукты.

Съ точки зрѣнія этой теоріи ассоціаціи, сужденія и заключенія

*) Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie herausgegeben von R. Avenarius. VI Jahrgang № 3.

(по сколько они отвлечены от ихъ формы) суть *сознательные* механическіе или органическіе процессы ассоціаціи; синтезъ и анализъ являются какъ *произвольные* процессы интеграціи и дифференціаціи, индукція и дедукція суть *методически-организованная* интеграція или дифференціація идей. Старинныя понятія *подлежащаго* и *сказуемаго* не могутъ получить въ настоящей теоріи мысленныхъ процессовъ никакого примѣненія. Они вводятся только въ теорію *формъ выраженія* сужденій и заключеній. Такъ называемыя *законы мышленія* (тождества, достаточнаго основанія и т. д.) могутъ быть разсматриваемы какъ *таковыя* лишь въ томъ случаѣ, если они получаютъ новую постановку, а именно, когда ими будутъ выражаемы различныя закономѣрныя *условія* ассоціаціи, диссоціаціи и т. д. При всемъ этомъ они должны потерять всякое органическое значеніе, такъ какъ они суть не искусственныя, а *естественныя* законы мышленія».

Переходя теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ частныхъ, по поводу которыхъ мы имѣемъ въ виду высказать наши замѣчанія и которыя будутъ представляться яснѣе на данномъ нами общемъ фонѣ книги, мы остановимся на такъ называемомъ г. Гротомъ психическомъ оборотѣ, имѣющемъ въ сочиненіи значеніе исходнаго пункта.

Чтобы опредѣленіе психическаго оборота было понятнѣе, необходимо прежде ознакомиться съ опредѣленіемъ, которое даетъ авторъ существованію организма вообще и *психическому существованію* его въ особенности. *Существованіе организма*, по мысли автора, есть взаимодействіе его съ окружающею средою, имѣющее результатомъ столько-же приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, сколько и наоборотъ—внѣшнихъ къ внутреннимъ. Соотвѣтствующее, болѣе широкое, опредѣленіе психическаго существованія, сообразно этому, формулируется такъ: психическое существованіе организма есть тотъ видъ взаимодействія его съ окружающею средою, ради приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ и внѣшнихъ къ внутреннимъ, который состоитъ въ обмѣнѣ между ними впечатлѣній, вліяній или, вообще говоря, движеній, въ противоположность обмѣну веществъ. Главныя моменты очерченнаго такимъ образомъ психическаго взаимодействія выясняются при этомъ весьма опредѣленно. Моменты эти обуславливаются, съ одной стороны, «восприимчивостью», чувствами, съ другой—«дѣятельностью», движеніями и, согласно этому, различаются и обозначаются авторомъ какъ моментъ сенсорный и моментъ моторный. Такимъ образомъ, въ самомъ общемъ своемъ видѣ, психическій оборотъ является какъ кругъ взаимодействія организма и среды чрезъ посредство вліяній сенсорныхъ, идущихъ отъ среды къ организму, и вліяній моторныхъ, идущихъ отъ организма къ

«Дзю», № 8, 1883 г. II.

средѣ. Затѣмъ, каждый изъ этихъ моментовъ, согласно взгляду автора, распадается на два частные момента: субъективный и объективный, сообразно главной роли субъекта или объекта въ данномъ моментѣ, и полный оборотъ является уже состоящимъ изъ четырехъ моментовъ: 1) *объективно-сенсорнаго*, или объективной воспримчивости, 2) *субъективно-сенсорнаго*, или субъективной воспримчивости, 3) *субъективно-моторнаго*, или субъективной дѣтельности, 4) *объективно моторнаго*, или объективной дѣтельности. Такова въ общихъ чертахъ формальная сторона психическаго оборота. Что касается до содержанія, соответствующаго обозначеннымъ выше четыремъ моментамъ, то оно можетъ состоять или изъ первоначальныхъ, простѣйшихъ явленій, или явленій осложненныхъ. Въ первомъ случаѣ оборотъ представляетъ собою слѣдующее преемство: 1) ощущеній, 2) чувствованій, 3) стремлений и 4) движеній; во-второмъ—ощущеніямъ будутъ соответствовать идеи, чувствованіямъ—чувства, стремленіямъ—желанія и движеніямъ—дѣствія.

Само собою разумѣется, что не всѣ обороты такъ правильны и равномѣрны, какъ только-что представленный идеальный типъ ихъ. Точно также не всѣ они и безразличны, т. е. не у всѣхъ ихъ замѣчается отсутствіе преобладанія котораго-нибудь изъ составляющихъ ихъ моментовъ. Въ дѣствительности психическіе обороты всего чаще неправильны, неравномѣрны и небезразличны. Чтобы ознакомиться съ главными типами, ими представляемы, начнемъ съ правильнаго неравномѣрнаго или (по терминологіи автора) характернаго оборота. Здѣсь прежде всего мы можемъ замѣтить два главныхъ вида: въ однихъ можетъ преобладать дѣствіе среды на организмъ, т. е. моментъ сенсорный или моментъ воспримчивости; въ другихъ, наоборотъ,—дѣствіе организма на среду, т. е. моментъ моторный или моментъ дѣтельности. Въ первомъ случаѣ, каждый оборотъ, уже въ цѣломъ своемъ составѣ, явится орудіемъ приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, во второмъ—внѣшнихъ къ внутреннимъ. Въ оборотахъ перваго рода движенія и дѣствія суть только пассивные продукты или неизбежныя послѣдствія ощущеній и чувствованій и отражающагося въ нихъ дѣствія среды; въ оборотахъ втораго рода, напротивъ, они являются способами вліянія организма на среду и, въ свою очередь, источниками неизбежныхъ ощущеній и чувствованій, извѣщающихъ о перемѣнахъ во внѣшней средѣ, произведенныхъ организмомъ. Такимъ образомъ, передъ нами является два рода оборотовъ: 1) начинающіеся отъ среды (страдательные) и 2) начинающіеся отъ самого сознанія, т. е. организма, помимо непосредственнаго вліянія среды (дѣтельныя). Преемство моментовъ въ

каждомъ изъ этихъ оборотовъ, конечно, одинаково, и разница заключается только въ томъ, что въ страдательныхъ оборотахъ точкою исхода бываетъ ощущеніе, а заключительнымъ моментомъ—движеніе, тогда какъ въ дѣятельныхъ оборотахъ исходную точку занимаетъ стремленіе, а заключительную—чувствованіе.

Читателю очевидно и безъ объясненій, что здѣсь идетъ рѣчь объ идеально-простомъ типѣ страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ, встрѣчающихся въ существованіи человѣческаго организма довольно рѣдко. Въ дѣйствительности простые типы страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ замѣняются обыкновенно болѣе сложными, а именно двойными. Начало такимъ оборотамъ даютъ воспроизведенія слѣдовъ изъ запаса болѣе раннихъ внутреннихъ и вѣшнихъ воспріятій. Воспроизведенія эти, приводя къ тому или иному дѣйствію организма, вызывающему извѣстныя вѣшнія пережъны въ средѣ, даютъ поводъ воедѣйствію этихъ пережъны на организмъ, полагающихъ начало новому обороту, т. е. собственно говоря удвоенію перваго. Не трудно понять, что, при извѣстномъ развитіи сознанія и осложненіи взаимодѣйствія его со средою, усложняются и самыя обороты и изъ простыхъ становятся *составными*, представляющими сплетеніе самыхъ разнообразныхъ сочетаній, распадающихся, однако, при анализѣ на составныя свои части, всегда имѣющія типы оборотовъ того или иного опредѣленнаго рода (стр. 48 и слѣд.). Конечно, *de facto*. строгаго разграниченія простыхъ и составныхъ оборотовъ въ развитомъ организмѣ сдѣлать невозможно, ибо число переходныхъ ступеней отъ одного типа къ другому безконечно. Но это не мѣшаетъ различать тотъ или другой типъ *въ идеѣ*, ибо несомнѣнно возможны все-таки въ дѣйствительности и такіе обороты (хотя-бы при началѣ жизни), которые совершенно независимы отъ слѣдовъ прежнихъ оборотовъ. Наконецъ, въ организмѣ вполне развитомъ можно все-таки противополлагать «сравнительно простые» обороты «сравнительно сложнымъ» (Псих. чувств., стр. 431). Но какъ-бы ни были сложны психическіе обороты, тщательное изученіе ихъ приводитъ, какъ утверждаетъ авторъ, къ убѣжденію, что установленное имъ преемство моментовъ этихъ оборотовъ есть единственное, могущее считаться правильнымъ. Если-же мы и можемъ наблюдать такіе обороты, въ которыхъ указанное преемство является какъ-бы нарушеннымъ, то нарушеніе это слѣдуетъ считать лишь кажущимся, такъ какъ всѣ отклоненія отъ установленнаго преемства имѣютъ болѣе видимый, чѣмъ дѣйствительный характеръ: одни моменты могутъ быть слабѣе другихъ и могутъ поглощаться этими послѣдними; иные моменты надо искать въ области бессознательныхъ психическихъ отравленій, между тѣмъ какъ другіе принадлежатъ

сознанію; наконецъ, дополнительныхъ звеньевъ преемства надо искать въ прошедшихъ или будущихъ психическихъ оборотахъ. Все это даетъ намъ право признать общою основою смѣны психическихъ явленій законъ, что ни одно чувствованіе не можетъ возникнуть безъ участія ощущенія, какъ ни одно стремленіе безъ участія чувствованія, ни одно движеніе безъ участія стремленія. Тотъ-же законъ примѣнимъ и къ смѣнѣ сложныхъ психическихъ явленій, и поэтому его можно формулировать такъ: ни одно психическое явленіе, простое или сложное, не можетъ возникнуть безъ настоящаго или хоть прошедшаго участія явленія, соответствующаго предыдущему моменту въ правильномъ типѣ психическаго оборота». (id. стр. 442).

Такъ какъ мы предполагаемъ, что предшествующее изложеніе теоріи оборота дало о ней достаточное понятіе, то и находимъ теперь возможнымъ приступить къ имѣющимся у насъ въ виду замѣчаніямъ.

Очень важнымъ пунктомъ психическаго оборота г. Грота мы считаемъ постановку въ оборотѣ чувствованій, какъ самостоятельнаго элемента. Вотъ на этомъ-то пунктѣ мы и думаемъ остановиться, сдѣлавъ его исходною точкою нашихъ замѣтокъ и вопросовъ. Поступая такъ, мы начнемъ съ того, что, собственно говоря, повторимъ замѣчаніе, сдѣланное г. Козловымъ въ его критическомъ этюдѣ о «Психологіи чувствованій г. Грота», а именно то, въ которомъ г. Козловъ противопоставляетъ упомянутому выше утверженію г. Грота мнѣнія Карла Геринга и Вундта, изложенныя первымъ въ его «System der kritischen Philosophie», а вторымъ — въ статьѣ въ философскомъ журналѣ Авенариуса. Такъ какъ литература философской школы Геринга и Вундта намъ нѣсколько знакома и въ данное время находится у насъ подъ рукою, то мы пересмотрѣли вновь не только статьи, упомянутыя г. Козловымъ, но еще и другія — напр. Виндельбанда и др. — и почерпнули изъ нихъ убѣжденіе, что точка зрѣнія, на которой стоятъ Вундтъ, Виндельбандъ и особенно К. Герингъ, уясняетъ вопросъ о роли чувствованій и ихъ коррелата — воли въ процессъ мышленія и познанія гораздо полнѣе, яснѣе и вообще удовлетворительнѣе, чѣмъ теорія г. Грота; а потому мы и рѣшились прежде всего подѣлиться съ читателемъ главными результатами нашихъ поисковъ въ литературѣ современной нѣмецкой научной психологіи.

Современная нѣмецкая эмпирическая школа утверждаетъ, что чувствованія (Gefühle) не составляютъ самостоятельнаго момента психической жизни, а представляютъ явленіе соотносительное съ основнымъ явленіемъ этой жизни — хотѣніемъ (Begehren), обозначаемымъ обыкновенно терминомъ «воля» (Wille). Этими основ-

нымъ тезисомъ своимъ школа примыкаетъ къ Шопенгауэру, но не становится чрезъ то ея послѣдовательницею. Шопенгауэръ, какъ извѣстно, распространялъ понятіе воли за предѣлы области собственно психологической и возводилъ волю во всеобщій, міровой принципъ, отождествляя ее съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ силою. Шопенгауэръ могъ поэтому говорить о волѣ въ природѣ; но научно-философская школа, или, по крайней мѣрѣ, большинство ея представителей, не идетъ вслѣдъ за Шопенгауэромъ въ этомъ направлении и, «тщательно стараясь ограничить себя индуктивнымъ методомъ и удаленіемъ отъ всякихъ метафизическихъ вліяній», примыкаетъ къ этому мыслителю лишь постольку, поскольку его психологическое понятіе воли согласуется съ установленными принципами эмпирической психологіи и опытной науки вообще. Итакъ, чувствованія и воли, сказали мы, разсматриваются научно-философской школой какъ явленія соотносительныя: гдѣ есть одно, тамъ есть и другое; гдѣ есть причина — воля, тамъ есть и слѣдствіе — чувствованія. Эти послѣднія, какъ такіа состоянія, съ которыми всегда связано сознаніе наслажденія или боли, радости или горя и, вообще, удовольствія или страданія, и даютъ намъ указаніе на существованіе тѣхъ хотѣній, удовлетвореніе или неудовлетвореніе которыхъ и выражается удовольствіемъ или страданіемъ, но которые, независимо отъ этихъ состояній, всегда остались-бы для насъ неизвѣстны, т. е. никогда не дошли-бы до нашего сознанія. Многочисленныя и остроумныя наблюденія, надъ которыми мы, къ сожалѣнію, не можемъ останавливаться, и которые интересующіеся этимъ предметомъ найдутъ у Геринга, показываютъ, что безсознательность воли есть основное свойство этой стороны нашего существованія. Но воля не только безсознательна, она еще, кромѣ того, слѣпа, т. е. возникаетъ и развивается совершенно независимо отъ нашей умственной дѣятельности, въ тѣхъ темныхъ глубинахъ нашего существованія, куда не проникаетъ даже и сознаніе. Вплетаясь однакоже въ умственную дѣятельность, подобно тому, какъ она вплетается въ другія отрасли психической дѣятельности, воля является какъ хотѣніе знать, какъ любопытство и любознательность; и хотя, такимъ образомъ, она служитъ первоначально стимуломъ къ познанию, но неизбежно воздѣйствуетъ на первыхъ порахъ познавательнаго стремленія ума самымъ вреднымъ образомъ, такъ какъ стремится къ удовлетворенію слѣпо и безъ разбора средствъ и только путемъ трудной и продолжительной дисциплины приводится къ той роли, въ которой она становится способной подчиняться разуму и безмолвствовать передъ предписываемыми имъ законами. Вообще говоря, побужденіе къ познанію имѣетъ тѣ-же свойства, что и

другія наши побужденія, которымъ оно первоначально уступаетъ въ силѣ; впоследствии-же, когда другія побужденія получаютъ сравнительное удовлетвореніе, и оно пріобрѣтаетъ вполне самостоятельное значеніе. Эта особенность хотѣнія познавать, только тогда выступающаго въ полной силѣ, когда другія побужденія будутъ ужь до извѣстной степени подавлены, не можетъ, однако-же, вести къ тому заключенію, что побужденіе къ знанію разумнѣе другихъ человѣческихъ побужденій. Оно, какъ мы и сказали уже, такъ-же слѣпо, какъ и всѣ остальные. И оно также подчиняется тому всеобщему закону, согласно которому воля - въ томъ случаѣ, когда она сосредоточивается на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ — пріобрѣтаетъ чрезвычайную силу и интенсивность и, при полномъ отсутствіи какого-либо воздѣйствія свѣта критики, стремительно кидается къ своей цѣли, не обращая никакого вниманія на предостереженія трезвыхъ мыслителей, голоса которыхъ раздаются при такихъ случаяхъ какъ вопль въ пустынь. Весьма своеобразно выразилась эта первобытная слѣпота любознательности у Лессинга, который, какъ извѣстно, заявлялъ, что онъ предпочелъ-бы безконечное стремленіе къ истинѣ полному обладанію ею. Лессингъ, подобно многимъ другимъ мыслителямъ, не зналъ другого высшаго наслажденія, какъ исканіе истины; въ то-же время онъ зналъ, конечно, что наслажденіе его исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ порождающаго его побужденія, а потому онъ и отказывался отъ полнаго удовлетворенія этого побужденія и рассчитывалъ на сохраненіе единственнаго наслажденія въ жизни посредствомъ постепеннаго удовлетворенія любознательности. Такимъ рѣшеніемъ онъ свидѣтельствовалъ, конечно, о преобладаніи слѣпного побужденія надъ разумомъ. И въ самомъ дѣлѣ, побужденіе его не можетъ назваться разумнымъ, такъ какъ онъ отклонялъ достиженіе цѣли, этому побужденію присущей, а дѣлалъ побужденіе само для себя цѣлью. Если-же человѣкъ такой рѣдкой ясности и силы ума, какъ Лессингъ, подчинялся естественной слѣпотѣ хотѣнія познавать, то нечего удивляться, что образъ дѣйствія стремящихся къ знанію людей вообще представляется, хотя и на иной ладъ, лишеннымъ всякой критичности.

Естественное побужденіе къ знанію стремится прежде всего ко всеобщему и полному удовлетворенію; по этой причинѣ оно никогда не можетъ довольствоваться методическимъ научнымъ изслѣдованіемъ, опредѣляющимъ границы, за которыя знаніе переходить не можетъ. Не довольствуясь же путями науки, оно, само собою, создаетъ свои пути и средства, имѣя въ виду достиженіе невозможнаго, примѣры чему исторія мысли даетъ въ избыткѣ, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. Формы такого дости-

женія невозможнаго измѣняются, но основы достиженія и содержаніе достигнутаго остаются все тѣми-же.

Эти условія сильно задерживаютъ, конечно, прогрессъ знанія и не могутъ идти въ сравненіе съ условіями прогресса въ сферѣ матеріальной. Воля, направленная къ цѣлямъ матеріальнымъ, находитъ неизбѣжно свои естественныя границы во внѣшней средѣ, — границы, реальность которыхъ не можетъ быть часто преодолена даже и при самой высокой степени необузданности воли; ибо *«сурово сталкиваются предметы въ пространствѣ»*. Поэтому-то и житейская мудрость пришла къ убѣжденію, что на всякое хотѣніе есть терпѣніе. Совсѣмъ не то замѣчается тогда, когда воля направляется къ достиженію познанія; познанію не достаетъ корректива дѣйствительности: оно легко можетъ создать себѣ свой собственный міръ и, при его помощи, можетъ выбросить за борты своего умственного обихода неудобную для него дѣйствительность, если она становится преградой къ полному удовлетворенію его хотѣнія знать. Удовлетворяясь, такимъ образомъ, словами и одними мыслями, оторванными отъ дѣйствительности, побужденіе къ знанію находитъ свое удовлетвореніе и представляетъ намъ картину *«мирнаго совмѣщенія мыслей»* самыхъ противорѣчивѣйшихъ и нелѣпнѣйшихъ.

Вообще говоря, когда цѣли познанія достигаются при преобладаніи воли, то онѣ обыкновенно считаются достигнутыми, когда наступаетъ чувство удовольствія, неразрывно связанное съ удовлетвореніемъ всякаго хотѣнія, и устраняется чувство неудовольствія, сопряженное съ неудовлетвореніемъ. По этой причинѣ дѣятельность воли всегда представляется индивидуальной, и только неразумительные люди имѣютъ притязаніе на то, чтобы ихъ личныя хотѣнія и чувства были раздѣлимы и всѣми остальными людьми. Чтобы сбить человѣка съ позиціи его хотѣнія, надо допустить существованіе интеллектуальнаго момента въ сферѣ чувствованій, на что нельзя найти реальныхъ основаній. Замѣчательно, однако-же, что ошибка эта наблюдается у представителя того направленія новѣйшей философіи, которое придерживается соотности воли и чувствованій.

Эд. ф. Гартманъ, въ своей критикѣ человѣческихъ иллюзій, утверждаетъ, что прогрессирующее сознание большей части чувствованій удовольствія будетъ устранено, когда будетъ доказана несостоятельность объективнаго обоснованія ихъ. Такое утвержденіе нельзя не считать ошибочнымъ, такъ какъ организація человѣческаго духа должна быть радикально измѣнена для того, чтобы сознание получило возможность вліять непосредственно на чувствованія. До тѣхъ поръ, пока существуютъ еще воля и побужденія,

до тѣхъ поръ удовольствіе всегда будетъ сознаваться непосредственно при всякомъ удовлетвореніи личнаго побужденія, независимо отъ того, одобряется-ли оно разумомъ или нѣтъ, такъ какъ для чувства удовольствія безразлично—разумно-ли оно или нѣтъ. Впослѣдствіи, разумный человѣкъ можетъ и сожалѣть о томъ, что, предавался удовольствію безъ разумнаго на то основанія, и именно до тѣхъ поръ, пока разумъ не уяснилъ еще, что всѣ удовольствія и страданія не имѣютъ ничего общаго съ разумомъ и непосредственно зависятъ отъ одной только воли, какъ ея дѣйствія. Такъ какъ эта зависимость обыкновенно не замѣчается и большинству остается неизвѣстной, то и возможно, что вслѣдъ считаетъ иллюзіей то чувство, которое онъ не раздѣляетъ, какъ это дѣйствительно и случается очень часто. Вопреки такому взгляду, удовольствіе остается для всякаго, испытывающаго его, совершенно реальнымъ и вовсе не иллюзіей, даже и тогда, когда обуславливающая его воля не обосновывается достаточными объективными данными. Иллюзіи существуютъ лишь въ области ума, когда дѣятельность его направлена на явленія міра объективнаго, которымъ присуща всеобщая обязательность; воля-же, по природѣ своей чисто субъективная и индивидуальная, сама по себѣ ни правильна, ни неправильна. Поэтому и удовольствіе не можетъ быть ни оправдано, ни неоправдано, не можетъ считаться ни истиной, ни иллюзіей, въ томъ смыслѣ, въ которомъ говорится объ истинѣ и заблужденіи въ познаніи объектовъ. Поэтому, если кто-нибудь и сталъ-бы увѣрять, что съ замѣною непосредственнаго сознанія удовольствія теоретическимъ знаніемъ, удовольствіе можетъ исчезнуть, все-же такъ осталось-бы вѣрно лишь то, что до тѣхъ поръ, пока человѣческая организація остается неизмѣнною, до тѣхъ поръ и удовольствія останутся вполнѣ реальными и ни въ какомъ случаѣ не исчезнутъ отъ разсужденій мыслящаго субъекта, если онъ не устранитъ постоянную причину ихъ—волю, которою они вызываются.

Предшествующее разсужденіе проливаетъ достаточно свѣта на характеръ естественнаго побужденія въ познанію. Побужденіе это считаетъ цѣль свою достигнутою при возникновеніи чувства удовлетворенія и, вводимое въ заблужденіе аналогіей другихъ хотѣній, отвергаетъ обыкновенно всякую критику, пытающуюся отнять у него это удовлетвореніе. Такъ какъ оно хорошо знаетъ, что удовлетвореніе хотѣній матеріальныхъ не вводитъ въ обманъ, то оно естественно приходитъ къ мысли о необходимости удовлетворенія и тогда, когда дѣло идетъ уже не о волѣ, а о разумѣ. Въ силу такого смѣшенія, воля начинаетъ считать себя вѣчно правою и доходить, наконецъ, до того, что удерживаетъ даже и такія положенія, ложь которыхъ была довазана теоретически, или,

по крайней мѣрѣ, оставляетъ непоколебимыми излюбленные мнѣнія даже и тогда, когда противъ нихъ выставляются самыя солидныя возраженія. Отсюда проистекаетъ скрываемая иногда, но часто и открыто высказываемая ненависть противъ всякой критики, которая и выражается обычно въ извѣстныхъ жалкихъ словахъ, направленныхъ по адресу критики: разрушительная, всеотрицающая, бездушная, безсердечная и т. д. И это происходитъ все не исключительно тогда, когда критика входитъ въ столкновение съ проявленіями воли, имѣющими матеріальный характеръ; даже и въ практически-безразличныхъ вопросахъ выказывается обычное предпочтеніе субъективнаго удовлетворенія любознательности объективному познанію. Отъ всякаго обличающаго заблужденія требуется главнымъ образомъ, чтобы онъ не совершалъ этого ранѣе, чѣмъ имъ будетъ поставлено на мѣсто отвергаемаго нѣчто положительное, для того, чтобы хотѣніе не было, такимъ образомъ, осуждено испытывать то тягостное чувство, которое происходитъ отъ его неудовлетворенія.

Теперь, когда читатель имѣетъ передъ глазами сопоставленіе двухъ частныхъ теорій, служащихъ основами соотвѣтственныхъ общихъ теорій умственной дѣятельности, ему не трудно будетъ прослѣдить за развитіемъ нѣкоторыхъ положеній, вытекающихъ изъ этихъ основъ, и сравнить ихъ между собою какъ по отношенію внутренней выдержанности, такъ и по отношенію согласованія съ дѣйствительностью. Мы только-что видѣли, какъ мѣтко и правдиво очерчиваетъ научно философская теорія роль воли въ процессѣ познания. Она схватываетъ самое ядро дѣла, и для читателя, понявшаго и усвоившаго ее, невольно раздвигаются цѣлыя перспективы приложенія ея въ исторіи мысли и окружающей насъ жизни. Рядомъ съ этимъ теорія оборота осуждена утверждать только, что уклоненіе отъ вѣрнаго пути къ познанію можетъ быть приписано лишь «дурной волѣ» (стр. 275) или «равнодушію къ истинѣ» (стр. 337). Хорошо если-бы было такъ, но мы знаемъ, что именно страсть къ истинѣ, пылъ при ея преслѣдованіи, губить успѣхъ. Это цѣлая трагедія, и ужасная трагедія. Но мы не станемъ слѣдить за нею: намъ пришлось-бы для этого уйти слишкомъ далеко въ изложеніи теоріи воли; надо-бы было изложить различіе знанія отъ пониманія, показать привлекательность послѣдняго для недисциплированного ума, выяснить какъ вплетеніе хотѣній въ процессъ познания ведетъ къ преждевременнымъ и неосновательнымъ выводамъ въ области знанія, какъ побочныя хотѣнія создаютъ оптимистическія теоріи и т. д. Все это мы оставимъ и обратимся къ одному изъ тѣхъ послѣдствій теоріи оборота, которое проходитъ черезъ всю книгу г. Грота и разли-

чье котораго отъ соответствующихъ возрѣній научной философи и должно теперь занять все наше вниманіе. Мы говоримъ объ отождествленіи г. Гротомъ мышленія и познаванія. Переходя къ этому вопросу, мы считаемъ необходимымъ начать съ ознакомленія со взглядомъ на него г. Грота, а затѣмъ мы перейдемъ уже и къ нашимъ замѣчаніямъ.

Обыкновенный читатель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НѢМЕЦКІЙ АКСАКОВЪ.

(Гражданское общество. Сочиненіе Рила. Перев. съ шестого нѣмецкаго изданія. С.-Петербургъ. 1883).

35 лѣтъ тому назадъ въ Германіи совершились два событія: одно довольно значительное, другое довольно ничтожное: настала 48-й годъ, съ одной стороны, и родилась на свѣтъ, съ другой, книга о гражданскомъ обществѣ популярнаго нѣмецкаго болтуна, если можно такъ выразиться каламбурщика, и вмѣстѣ съ тѣмъ профессора Рила. Первое событіе, безъ сомнѣнія, извѣстно всей образованной публикѣ, второе—едва-ли, что очень жаль, но что, однако, поправимо, благодаря услужливости русскаго переводчика и издателя. Вопросъ: въ сущности, отчего жаль? Жаль оттого, что это книга не совсѣмъ обыкновенная, но съ нѣкоторымъ секретомъ, хотя и очень простымъ. Въ нѣмецкой литературѣ того времени она оставила видный слѣдъ; о ней много спорили и писали. До 1866 года она вышла 6-мъ изданіемъ, слѣдовательно успѣхъ имѣла большой для сочиненія такого объема и такого содержания. Не попробуйте, однако, прочесть ее съ нѣкоторымъ критическимъ отношеніемъ къ ней, останавливаясь хотя-бы слегка на соображеніяхъ, взглядахъ, выводахъ автора,—вы невольно станете въ тупикъ. Едва-ли литература какой-либо страны произвела на свѣтъ что-либо болѣе слабое, жалкое и уродливое! Конечно, она написана давно, и взгляды на многое, о чемъ говоритъ авторъ, могли измѣниться; однако, сколько-бы мы ни приняли во вниманіе разныхъ смягчающихъ обстоятельствъ, ими невозможно покрыть всю ту массу идейной дичи, которой начинена книга Рила. Самъ авторъ, нѣкоторое время спустя послѣ выхода его книги, сталъ отрещиваться отъ главнѣйшихъ своихъ доктринъ, нелѣпость-же другихъ онъ старался только оправдать, но тѣмъ, какъ? «Я приступилъ къ своему труду, говоритъ онъ, — въ юношески-бурную эпоху политической жизни нашей и самъ находился въ то время еще въ очень юношескомъ в зрѣнѣ». Изъ дальнѣйшихъ объясненій автора оказывается, что онъ пи-

саль свою книгу «сердцемъ». Но что онъ писалъ? «Если напр. продолжаетъ Риль, — я отстаивалъ раздѣленіе по сословіямъ, если я высказывался въ пользу сохраненія наслѣдственнаго дворянства, — хотя, правда, и подлежащаго измѣненіямъ, — то я дѣлалъ это не въ видахъ отрицанія новѣйшей государственной идеи, не въ реакціонномъ духѣ, не изъ романтическаго мечтательства и не для того, чтобы льстить знатнымъ людямъ. Меня нравственно возмущало зрѣлище того, какъ въ наше время бѣднякъ всюду завидуетъ богачу, простой человѣкъ — знатному и какъ онъ стремится сравниться съ послѣднимъ, сравниться не относительно обязанностей и труда, а относительно наслажденій, блеска, роскоши и почета. Во мнѣ заговорила та гражданская совѣсть, которая считаетъ себя вполне довольной въ своей кожѣ и вовсе не желаетъ того, что отличаетъ людей, болѣе възсканныхъ счастіемъ, которая не завидуетъ болѣе или менѣе высокому и вѣтвистому родословному дереву ближняго, такъ какъ я самъ себя могу сдѣлать родоначальникомъ и собственными силами создать нѣчто путное, хотя-бы мнѣ и пришлось наслаждаться лишь самыми скромными благами жизни» (стр. V). Мы нарочно привели эти слова, чтобы дать автору возможность самому высказаться о важнѣйшихъ тенденціяхъ своей книги, но способъ защиты его, по нашему мнѣнію, еще лучше тенденцій. Авторъ желалъ, чтобы каждое сословіе «оставалось на своемъ мѣстѣ и чувствовало себя довольнымъ въ своей кожѣ», но ему, очевидно, теперь не совсѣмъ пріятно, зачѣмъ онъ этого желалъ, и онъ начинаетъ объяснять побужденія, которыя имъ руководили, такъ что читатель остается въ недоумѣніи, что же думаетъ все-таки авторъ о сословности гражданского общества. Ничего не рѣшивъ на этотъ счетъ окончательно, онъ, незаметно для себя, только болѣе запутывается въ сѣтяхъ своей діалектики. Въ самомъ дѣлѣ, онъ коритъ «простого человѣка» за то, что, стремясь сравниться съ знатнымъ, онъ жаждетъ лишь доставшихся на его долю наслажденій, блеска, роскоши и почета, но не желаетъ сравниться съ нимъ «относительно обязанностей и труда». Читатель, конечно, совершенно сбивъ съ толку этой наивностью. Представьте себѣ каменьщика, работающаго пѣльней день пудовымъ молотомъ, а съ другой стороны — знатнаго сибарита, предающагося «подъ пльнительнымъ небомъ Сициліи» сладкому *faitientè*. По Рилю, каменьщикъ виноватъ въ томъ, что онъ не желаетъ принять на себя обязанности и трудъ сибарита, но завидуетъ только его богатству и почету. Не знаемъ, что это — ошибка-ли переводчика или подлинная бессмыслица, составляющая собственность автора.

Но въ чемъ-же, однако, секретъ книги Рила? Мы привели

только небольшой образчикъ недомыслия этого писателя, но за ними не стало-бы дѣло, если-бы мы только были увѣрены, что читатель согласенъ еще рыться въ кучѣ нелѣпостей, разбѣянныхъ въ этой болѣе чѣмъ пустой, — бессмысленной въ научно-теоретическомъ отношеніи книгѣ. Однако, какіе-бы эпитеты мы ни прилагали къ ней, фактъ тотъ, что она имѣла въ литературѣ крупный успѣхъ, и мы даже думаемъ, что и читатель, на котораго она произведетъ самое невыгодное впечатлѣніе со стороны свѣихъ тенденцій и идей, пробѣжить ее съ большимъ интересомъ. Дѣло въ томъ, что, за всѣми вычетами въ ней остается еще одна любопытная сторона, — историко-публицистическая. Во всемірной исторіи существуютъ настолько крупныя и общеинтересныя событія, что если-бы за описаніе и критику ихъ взялся писатель, едва обладающій человѣческимъ смысломъ, онъ всегда напелъ-бы себѣ читателей, а читатели всегда нашли-бы въ его книгѣ достаточно интересное отраженіе фактовъ прошлаго, чтобы вознаграждать себя за неблагоприятную, иногда несносную и скучную обязанность возиться съ личными взглядами и выводами автора. Въ этомъ случаѣ даже глупости авторскія получаютъ свое значеніе, показывая, какъ вліяли эти описываемыя событія на душу человѣка, что они заставляли его думать и чувствовать. Такія книги долго не теряютъ занимательности или даже становятся интереснѣе съ годами, для лицъ, которыя не были современниками описываемыхъ событій. Съ этой точки зрѣнія и Риль смотритъ на свое произведеніе. «Нѣкоторыя книги, говоритъ онъ, — современемъ становятся поучительнѣе, не потому, чтобы онѣ, вылежавшись, дѣлались лучше, какъ напр. зимнія груши, а потому, что содержаніе ихъ, касаясь общезвѣстныхъ фактовъ прежней дѣйствительности и современности, представляетъ для послѣдующаго поколѣнія интересъ новизны и неизвѣстнаго, картину прошедшаго, и поэтому естественно вызываетъ на сравненія и размышленія. Въ особенности это можно сказать о книгахъ, въ которыхъ изображается положеніе въ извѣстное время даннаго народа, и если онѣ съ годами какъ-бы молодѣютъ, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть отнюдь не заслугу автора, а продуктъ естественнаго хода событій» (стр. I). Смотри на книгу Рила совершенно такъ-же, какъ и онъ самъ, мы именно поэтому и рекомендуемъ читателямъ прочесть ее. Ему удалось пережить тѣ краткія минуты всеобщаго возбужденія, когда всего лучше познаются затаенныя думы народа, сокровенныя стремленія, «свѣтлыя и мрачныя тайны его жизни».

Здѣсь мы желаемъ коснуться лишь одной, наиболѣе любопытной, по нашему мнѣнію, стороны въ сочиненіи Рила, — именно отношенія его къ народу, какъ онъ представлялся ему въ ту эпоху.

Собственно-же говоря, читатель найдетъ въ его книгѣ еще многое множество другихъ, болѣе, или менѣе интересныхъ сюжетовъ; разнообразіе содержанія въ ней удивительное, но и разбродъ идей чрезвычайный и положительно невыносимый. То, что обыкновенно высказывается разными лицами и отдѣльными партіями, удобно укладывается въ головѣ одного Рила и пропагандируется имъ одинаково горячо, краснорѣчиво и безтолково. Авторъ взялся за перо, очевидно съ перепугу; знамя партіи, къ которой онъ принадлежалъ, выпало изъ его рукъ, и въ страхѣ онъ перезабылъ—кто онъ: либераль, консерваторъ, реакціонеръ или радикаль. Положительно можно назначить премію тому, кто сумѣетъ опредѣлить общій цвѣтъ соціально-политическаго міровоззрѣнія автора по той идейной и нравственной безтолочи, которую мы находимъ въ его книгѣ. Но, по странному, а можетъ быть и естественному совпадению, въ писаніяхъ Рила отражаются частью тѣ-же теченія общественной мысли, тѣ-же опасенія и надежды, тотъ-же хаосъ и тоже столпотвореніе, которыя замѣчаются и въ литературѣ нашихъ дней. Вы найдете, напр., у Рила «шопотъ, робкое дыханіе» современной либеральной газеты; тутъ-же рядомъ, раздаются хриплые звуки обскурантизма, и даже все покрывающій трубный гласъ нашего самобытнаго и единственнаго, казалось-бы, Аксакова, слышится въ этой *нѣмецкой* книгѣ. Знакомыя все лица, знакомыя рѣчи! Но самымъ удачнымъ, безнодобнымъ образомъ предвосхищенъ Рилемъ нашъ г. Аксаковъ съ его народничествомъ, и будь у г. Аксакова немножко больше ума и таланта,—много не требуется,—онъ былъ-бы настоящимъ русскимъ Рилемъ, а Риль—истиннымъ нѣмецкимъ Аксаковымъ. Мы думаемъ, что совпаденіе этого послѣдняго рода представляетъ не только глубокой общій интересъ, но и всего болѣе напрашивается въ настоящее время на вниманіе нашихъ читателей. Народничество у насъ перестаетъ уже быть отвлеченной доктриной, оно начинаетъ играть роль въ практической жизни.

Между различными явленіями описываемой Рилемъ эпохи наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ тотъ крайне любопытный въ соціологическомъ отношеніи фактъ, что, съ перваго-же момента, въ нѣмецкомъ обществѣ повсемѣстно обнаружилось съ одной стороны непреодолимыя объединительныя стремленія, съ другой—сильное тяготѣніе къ кружкамъ, къ корпораціямъ и союзамъ. Риль такимъ образомъ описываетъ этотъ двоякаго рода фактъ: «Первое, что всѣ и каждый, безъ различія состояній и званій, братски бросились другъ другу въ объятія, а кто не участвовалъ въ этомъ одушевленномъ порывѣ по чувству искренняго восторга, тотъ по крайней мѣрѣ продѣлывалъ это съ зубовнымъ сержетомъ, подѣ

давленіемъ страха. Во-вторыхъ—тотъ фактъ, что одновременно съ этимъ не менѣе ясно сказалось стремленіе къ корпоративной самостоятельности частныхъ профессій и общественныхъ группъ» (стр. 18). Это послѣднее стремленіе подаетъ поводъ Рилу къ многословнымъ комментаріямъ, въ которыхъ трудно разобрать какой-нибудь толкъ; кажется, оно между прочимъ, укрѣпило идеи Рила о сословности и естественномъ расчлененіи гражданского общества. Судя по нѣкоторымъ, вскользь брошеннымъ имъ замѣчаніямъ, можно думать, что въ этомъ кружковомъ стремленіи не было ничего особенно мистическаго и таинственнаго. Напр., рабочіе, мастеровые, ремесленники, образуя кружки и союзы, ничего не добивались, какъ только того, чтобы взять въ свои руки завѣдываніе своими дѣлами, охранить себя отъ кулачества и т. п. Стремленіе къ единству было не менѣе сильно, чѣмъ эта всѣхъ обуявшая страсть распасться на кружки. Риль говоритъ, что всѣ беззавѣтно отдавались частнымъ интересамъ сословій и профессій, такъ какъ воображали, «что въ обществѣ разъ на всегда упразднилась обособленность званія. Всѣ сознавали свое единство, какъ націи, и поэтому считали *безопаснымъ* слиться въ совершенно особья единицы въ своихъ общественно-профессіональныхъ интересахъ... Конечно, если-бы громко сказать тогда населенію, что своими ассоціаціями и т. п. оно лишь обличаетъ въ себѣ неистребимое влеченіе къ сословному расчлененію, то это вызвало-бы крики негодованія» (стр. 21). Нѣтъ сомнѣнія, что симптомомъ этого объединительнаго стремленія было и то, что всѣ потянулись съ объятіями къ народу, который сталъ дорогъ и милъ всѣмъ сословіямъ, отъ простаго бюргера до высшихъ сановниковъ. Народъ вошелъ въ большую моду; художники, публицисты, ученые, политики жили и думали только народомъ. Всѣ устремились къ изученію народа, и Риль съ восторгомъ восклицаетъ: «А между тѣмъ, несомнѣнно великимъ дѣломъ, порукою за будущность является *та черта нашего времени*, что у насъ съ такимъ рвеніемъ *повсемѣстно* возвратились къ изученію народнаго быта» (стр. 40). Истинной и цельсообразной признавалась только та политика, которая основывалась на «*народовѣдѣніи*»,—этой новой отрасли социальной науки, впервые задуманной въ ту эпоху. Народная, мужицкая пѣснь получила право гражданства и въ блестящихъ салонахъ аристократовъ, гдѣ она, по картинному выраженію Рила, походила на радугу мира, которая возносится надъ всѣми сословіями, и гдѣ эта Богомъ дарованная народу задушевная пѣсня заставляла пресыщенный всѣми благами высшій классъ чувствовать прелесть неискаженной правды. Словомъ, народъ былъ въ то время въ большей чести у всѣхъ; съ нимъ нянчились и носили его

чуть не на рукахъ. Но одно здѣсь характерно: никому и въ голову не приходила мысль о распространеніи на народъ того широкаго образованія, которыми пользовались интеллигентные классы. Напротивъ, народъ на-вѣки долженъ былъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть: простодушнымъ невѣждой и большимъ ребенкомъ.

Въ дальнѣйшемъ изображеніи народа ясно проглядываетъ у Рилля тенденціозность, грубая, заурядная и, вѣроятно, всѣмъ знакомая.

Въ моменты политическихъ движеній каждая партія желаетъ видѣть народъ на своей сторонѣ; это явленіе обыкновенное, оно обнаружилось у нѣмцевъ, повторилось и у насъ. Обыкновенно также и то, что народъ, въ которомъ ищеть опоры партія, дѣлается ея кумиромъ, изъ вѣковаго ничтожества и забвенія онъ выдвигается на высокой предесталь и становится героемъ дня, которому курятся омиамы въ самой неумѣренной, безсовѣстной дозѣ; его мельчайшія достоинства подмѣчаются и изучаются съ подобострастнымъ благоговѣніемъ, съ самымъ рабскимъ, педантическимъ усердіемъ, недостатки-же замалчиваются, а порой нахально обѣляются или-же прямо ставятся ему въ заслугу. Все, что нужно отъ народа для той или другой партіи, всегда отыскивается въ немъ въ избыткѣ, разумѣтся, только до той рѣшительной минуты, когда онъ вынужденъ бываетъ обнаружить свою подлинную сущность. Для однихъ народъ, накопившій достаточно жалобъ въ своемъ карманѣ, неудовлетворенный, вѣчно алчущій и жаждущій, есть лучшее орудіе движенія и прогресса; для партіи-же охранительной этотъ-же самый народъ съ его тяготѣніемъ къ обычаю и традиціямъ есть несокрушимый оплотъ консерватизма. Весьма понятно, что требовалось отъ народа перетрусившему нѣмецкому гелертеру, чѣмъ вдохновлялось его заячье сердце, когда онъ пѣлъ свои льстивые хвалебные гимны. Гелертеру этому, со страху, конечно, почудился въ народѣ нужный ему консерватизмъ, и съ радости, что найденъ темный уголь, куда можно забиться на случай опасности, онъ сталъ превозносить этотъ народъ выше облака ходячаго. Риль дописывается въ этомъ отношеніи до чертиковъ все у него въ народѣ неподобно, во всемъ—здоровый умъ, высокая нравственность и поэзія. Ни чуть не поморщившись, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ онъ говоритъ, между прочимъ, о крестьянахъ, что вся ихъ политика выражается въ старинной нѣмецкой поговоркѣ: «ложись плашмя, и да поможетъ тебѣ Богъ» (стр. 58). По Риллю, это именно крестьяне «добраго закала», въ противоположность «испорченнымъ», уже утратившимъ добрую старую привычку ложиться плашмя. Чрезвычайно радуется Рилля слѣпая преданность крестьянъ старымъ обычаямъ; онъ съ торжествомъ

говоритъ объ ихъ антипатіи ко всякимъ новшествамъ, объ ихъ нежеланіи разставаться съ тѣми привычными формами, въ которыя уложилась ихъ жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не отрадно и не успокоительно въ тревожныя времена видѣть себя окруженнымъ массой наивныхъ и добродушныхъ людей, подобныхъ тому типическому деревенскому парню, о которомъ рассказываетъ Риль? Этотъ парень, родомъ изъ самой бѣдной и захолустной мѣстности Германіи, взятъ былъ однажды въ рекруты, и когда въ казармахъ ему пришлось въ первый разъ въ жизни улечься въ постель, онъ началъ плакать, какъ ребенокъ, и дважды дезертировалъ, потому, что не могъ свыкнуться съ мыслью объ отдыхѣ на кровати и со всѣмъ образомъ жизни, казавшимся ему слишкомъ роскошнымъ. Его манило къ его родной нищетѣ, къ убогимъ глинянымъ хижинамъ съ соломенной кровлей. Этотъ рассказецъ сопровождается извительной моралью въ пику разнузданному «городскому пролетарію». «Безъ сомнѣнія, пишетъ Риль, подобный деревенскій дикарь мало похожъ на городского пролетарія, который, навѣрное, не сталъ бы дезертировать изъ-за чрезмернаго улучшения его обычнаго образа жизни» (стр. 62). Ему все-таки хочется провести себя за носъ и доказать себѣ, что все остальное въ крестьянствѣ, кромѣ консерватизма, пустяки, и что оно всего болѣе желаетъ стоять на одномъ и томъ-же мѣстѣ, въ границахъ разъ отмежеваннаго ему исторіей *statu quo*, откуда его не въ состояніи спугнуть никакія перемѣны въ соціально-экономическихъ условіяхъ жизни. Вотъ, напримѣръ, крестьянское невѣжество, рассчитываетъ Риль: — развѣ оно не достаточно глубоко и прочно, чтобы отвратить крестьянина отъ пути прогресса? Нѣмецкій крестьянинъ, по словамъ Рили, очень любитъ и цѣнитъ свое невѣжество; къ наукѣ и знанію у него нѣтъ ни малѣйшаго расположенія, и онъ оправдываетъ себя въ этомъ случаѣ обычнымъ въ нѣмецкомъ народѣ изреченіемъ: «Никогда не поздно учиться, сказала старуха — и начала учиться колдовству» (стр. 61). Все это можетъ быть и такъ, хотя, въ настоящее время, такая антипатія нѣмецкаго крестьянства къ наукѣ едва-ли возможна. Но, какъ видно, Риль «надѣется», главнымъ образомъ, на безграничное и слѣпое уваженіе крестьянъ къ обычаю и традиціямъ. Какъ велико оно, можно судить по характерному разсказу Рили объ одномъ замѣчательномъ случаѣ столкновения народнаго обычая съ новѣйшимъ правомъ. У нѣмецкихъ крестьянъ имущество всегда наследовалось прежде только старшимъ сыномъ, между тѣмъ, законъ обязываетъ нынѣ распредѣлять его между всѣми дѣтьми. Народу это не нравится, и онъ обходитъ ненавистный законъ различными уловками. Особенно оригинально сопротивляются

ему крестьяне на Нижнемъ Майнѣ. Тутъ есть деревни, гдѣ никогда не рождается болѣе двухъ дѣтей. «Для сохранения обычая, говорилъ Риль, принесена въ жертву нравственность; общины цвѣтутъ и богатѣютъ, а пасторы—гремятъ проповѣдями противъ вытравленія плода» (стр. 60). Секретъ этой удивительной преданности обычаю, очевидно, заключается не въ Рилевскомъ консерватизмѣ, а просто въ томъ, что старшій обычай лучше обезпечиваетъ матеріальное существованіе крестьянъ, но мы охотно допускаемъ, что Риль могъ-бы, въ утѣшеніе себѣ, подобрать массу фактовъ, *видимо*, но только *видимо*, а не по существу, свидѣтельствующихъ о консервативности крестьянъ и ихъ нерасположеніи къ переменамъ. Можно, напр., сослаться на извѣстные случаи оппозиціи крестьянъ тѣмъ частымъ переменамъ правителей, которыя происходили прежде въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ. До сихъ поръ еще крестьянская масса не можетъ свыкнуться съ новымъ политическимъ строемъ, установившимся послѣ объединенія Германіи: населеніе южной Германіи до сихъ поръ не можетъ побѣдить своей ненависти къ новому правительству. «Когда, послѣ люневильскаго мира, пишетъ Риль, одна деревенская община въ Виденіи въ короткое время должна была три раза переменить своего государя, то крестьяне составили рѣшительный протестъ и требовали, чтобы имъ дали, наконецъ, одного государя разъ на всегда» (стр. 83). Это, конечно, вполне возможно и слишкомъ понятно. Что касается домашней и общинной жизни крестьянъ, то тутъ нашлось-бы еще больше фактовъ, способныхъ одурачить и сбить съ толку Рила. Въ своемъ общинномъ быту крестьянинъ упорно и стойко держится за старину, здѣсь онъ отражаетъ всякія вліянія извнѣ и не терпитъ вторженія пришлыхъ элементовъ. По справедливому замѣчанію Рила, деревенская община съ полнымъ правомъ могла-бы избрать своимъ девизомъ курьезныя слова, которыя одна старая городская община велѣла написать на своей висѣлицѣ: «эта висѣлица для насъ и для дѣтей нашихъ». Община эта, замѣчаетъ Риль, «не только въ жизни, но и послѣ смерти не хотѣла дать у себя мѣсто чужому негодяю. Это подходящее изреченіе для настоящаго крестьянина» (стр. 88). Но, спрашивается, однако, что-же слѣдуетъ изъ всего этого?

Убѣжденіе въ консервативности крестьянъ чрезвычайно распространено. Безъ сомнѣнія, очень многіе, независимо отъ принадлежности ихъ къ той или другой партіи, вполне согласятся съ Рилемъ, и если-бы мы объявили его мнѣніе безусловно ложнымъ, насъ, вѣроятно, обвинили-бы въ явныхъ натяжкахъ, въ желаніи отрицать очевидность. Но отъ безусловныхъ и категорическихъ отрицаній мы далеки; частица истины, хотя, по нашему

мнѣнію, очень маленькая, несомнѣнно существуетъ во мнѣніи Рила, иначе оно не заслуживало-бы никакого вниманія, такъ-какъ въ дѣломъ оно всетаки ошибочно. На этой ошибочности мы настаиваемъ, однако, безъ всякой задней мысли и всего менѣе желаемъ дать понять читателю, что если крестьянинъ вообще неконсервативенъ, то, значитъ, онъ непремѣнно долженъ быть исполненъ прогрессивныхъ задатковъ. Въ томъ-то и суть вся, что послѣднее столько-же несправедливо, сколько и утверженіе Рила. «Не консерватизмъ и не прогрессивность, ни то, ни другое, значитъ—что нибудь третье, срединное? иронически скажетъ, быть можетъ, иной нетерпѣливый читатель. Но мы думаемъ, что каково-бы ни было это третье рѣшеніе вопроса о социально-политической сущности народа, оно не окажется болѣе банальнымъ, чѣмъ два существующія рѣшенія его, вытекающія изъ самаго поверхностнаго и, если можно такъ выразиться, плоскаго и рутиннаго толкованія фактовъ, изъ которыхъ берется лишь наружная скорлупа, безъ всякой попытки попробовать, каково на вкусъ ихъ зерно. Впрочемъ, въ этой коротенькой замѣткѣ мы не столько заботимся о собственномъ рѣшеніи этого вопроса, сколько задаемся болѣе скромной цѣлью—показать, что два имѣющіяся рѣшенія его неправильны и фальшивы; это, кажется, не лишено важности въ настоящее время.

Еслибы мнѣніе Рила насчетъ народнаго консерватизма вполне соответствовало дѣйствительности, то, прежде всего, что такое его «испорченные крестьяне», которые изображаются имъ несправимыми революціонерами и неумолимыми врагами общественнаго порядка? Конечно, изъ народа только могли они выйти, да они и остаются народомъ, крестьянами. Риль не смѣшиваетъ ихъ съ городскимъ рабочимъ населеніемъ, которое онъ причисляетъ къ особому, четвертому, сословію. Велика-ли численность этихъ испорченныхъ крестьянъ,—мы не знаемъ, но, по словамъ Рила, ихъ все больше и больше становится въ Германіи. «Нельзя не признать, говоритъ онъ, что упадокъ истаго крестьянства сдѣлалъ громадныя успѣхи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ» (стр. 81). Вообще откуда могла-бы взяться,—если Риль правъ,—та масса фактовъ, которая заставила враждебную ему партію признать народъ, въ противоположность ему, силой двигательной. Вѣдь есть такая партія и существуютъ такіе факты; они приводятся въ сочиненіи Рила, и, по правдѣ говоря, онъ придалъ имъ болѣе опредѣленное значеніе, чѣмъ фактамъ мнимаго крестьянскаго консерватизма. Разумѣется, эта партія можетъ ошибаться, но отсюда насколько не слѣдуетъ, что правъ Риль.

Но будемъ, однако, продолжать характеристику нѣмецкаго на-

рода. по изображенію Риль. Какъ извѣстно, простой народъ принималъ вовсе не видное и не значительное участіе въ революціонномъ движеніи 48 года. Риль объясняетъ это участіе не какимъ либо случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, а чѣмъ-то въ родѣ природы нѣмецкаго крестьянина. «Попробуйте, пишетъ Риль, заговорить съ крестьяниномъ, — вы непременно услышите отъ него ропотъ и жалобы на свое положеніе; его также трудно отъучить отъ этого ропота, какъ трудно отъучить волка отъ воя... Начиная еще съ среднихъ вѣковъ и до нашего времени, всѣ свидѣтельства единогласно говорятъ, что крестьянинъ преимущественно передъ другими сословіями любить ворчать и брзжать» (стр. 96). Риль, вообще не находчивый въ своихъ объясненіяхъ и комментаріяхъ, говоритъ объ этой привычкѣ ворчать и брзжать какъ о какой-то странной, ничѣмъ неоправдываемой наклонности, часто встрѣчающейся у людей, которые, говоря по-просту, съ жиру бѣсятся. Этой-же наклонностью объясняется и то, что всякій разъ, какъ только гдѣ-либо въ Европѣ обнаруживалось революціонное движеніе, нѣмецкіе крестьяне приходили въ возбужденное состояніе, и волненіе ихъ принимало въ иныхъ мѣстахъ грозный характеръ. Уже первая французская революція наша себѣ нѣкоторый откликъ въ нѣмецкомъ крестьянствѣ (стр. 91). Юльская революція точно также вызвала въ нѣмецкомъ народѣ волненіе, и на этотъ разъ оно проявилось въ цѣломъ рядѣ крестьянскихъ возстаній, хотя и небольшихъ (стр. 97). Крестьяне разрушали таможи, изъ-за обременительныхъ пошлинъ, истребляли ненавистную имъ гербовую бумагу, преслѣдовали членовъ магистрата. Но мартовское движеніе 48 года приняло несравненно большіе размѣры. Въ западной Германіи дѣла приняли такой оборотъ, что, казалось, крестьянское населеніе поднимается поголовно. «Государственныя власти, говоритъ Риль, не безъ основанія потеряли голову: онѣ еще не видывали такого зрѣлища. Первую побѣду мартовской революціи одержали не Карлсруэ, Дармштадтъ или Висбаденъ, а сельское населеніе Вадена, Гессена и Нассау, явившееся въ столицы; только появленіе крестьянъ массами рѣшило исходъ борьбы. Возмущеніе городского населенія могло-бы быть прекращено существующими военными силами, но когда поднимаются крестьяне, то это похоже на то, какъ будто городъ загорѣлся въ одно время со всѣхъ концовъ» (стр. 98). Были-ли это крестьяне «испорченные»? Риль ничего не говоритъ объ этомъ, но въ одномъ мѣстѣ онъ опредѣленно замѣчаетъ, что и крестьяне «добраго закала» пытались придать всему движенію социальное направленіе, и эта попытка привела въ ужасъ мирную часть нѣмецкаго общества и даже заставила придуматься и партію дѣй-

ствовавшую, т. е. либерально-конституціонную. Въ нѣмецкомъ обществѣ существовало убѣжденіе, что и поднявшееся крестьянство почему-то пойдетъ непременно тою-же дорогой и къ тѣмъ-же цѣлямъ исключительно политическаго свойства, какъ и образованное, либеральное бюргерство. Однако, крестьяне на первыхъ-же порахъ пренебрегли политикой и не поддались руководству интеллигентнаго бюргерства, которое въ огромномъ большинствѣ не желало соціальнаго переворота. Только незначительная въ то время радикальная партія поняла истинныя тенденціи крестьянства, и, по словамъ Риль, она имѣла громадное вліяніе въ деревняхъ и въ короткое время успѣла привлечь на сторону революціи массы крестьянъ. Не понятно, надъ чѣмъ недоумѣваетъ Риль, говоря о предпочтеніи, отданномъ крестьянами соціальному направленію революціи предъ политическимъ. Онъ самъ говоритъ, что идея конституціоннаго государства была для крестьянъ «книгою за семью печатами»; кромѣ того, они, по его мнѣнію, не интересовались политическими реформами и потому еще, что за нихъ стояли всегда ненавистные имъ «господа». Напримѣръ, «тирольскіе крестьяне, по его словамъ, не предвидѣли ничего добраго отъ свободы печати и конституціи, потому-что господа ужъ что-то слишкомъ радовались этимъ вещамъ» (стр. 100). Наконецъ, крестьянинъ былъ задавленъ гнетомъ многочисленныхъ мѣстныхъ нуждъ экономическаго свойства, и естественно, что отъ нихъ онъ и отпирался въ своемъ движеніи, дальнѣйшее развитіе котораго еще неизвѣстно къ чему могло-бы привести. Какъ-бы то ни было, на почвѣ соціально-экономическихъ интересовъ между крестьянами не оказалось консерваторовъ и приверженцевъ своего историческаго *statu quo*. Для Риль съ его взглядами на крестьянство это было странностью. «Съ перваго взгляда, говоритъ онъ, покажется страннымъ, что идея раздѣла имущества такъ быстро распространилась между крестьянами и даже скоро сдѣлалась единственною приманкою, которою апостолы революціи привлекали на свою сторону адептовъ изъ крестьянскаго сословія. Не только пролетаріи, но и многіе состоятельные крестьяне были ослѣплены надеждой на «раздѣлъ». Казалось, что соціальное направленіе революціи встрѣтило сочувствіе у крестьянъ; казалось, что ошибались тѣ, которые думали, что отъ коммунизма крестьянинъ предохраненъ своей любовью къ прочному владѣнію собственностью и спокойному заработку» (стр. 100). Подъ словомъ «раздѣлъ» крестьяне разумѣли обращеніе государственнаго имущества, преимущественно лѣсовъ, въ общинныя угодья; они вообще надѣялись, что революція, «посредствомъ какого-то экономическаго факта», какъ выражается Риль, надѣлитъ каждого «даровымъ лѣсомъ, даровыми дугами и еще

нѣкоторой суммой наличныхъ денегъ» (стр. 101). Въ первое время революціонной безурядицы крестьяне имѣли возможность почти въ теченіи цѣлаго мѣсяца распоряжаться по своему произволу. Интересно, какъ воспользовались они этимъ «медовымъ мѣсяцемъ свободы». Прежде всего они издали строгій законъ относительно вреда, причиняемаго дичью полямъ. Лѣсъ они обратили въ общинную собственность и стали рубить дрова вездѣ, гдѣ хотѣли. Налоги они не отмѣнили, но оставили ихъ для собственного пользованія; они перестали платить только налоги въ пользу медиатизированныхъ князей, являясь, въ случаѣ нужды, въ замокъ князя и принуждая его силою покориться «народнымъ требованіямъ». Затѣмъ. они не замедлили излить свою ненависть и противъ администраціи, преслѣдуя мѣстныхъ правительственныхъ чиновниковъ, въ особенности свое общинно-бюрократическое начальство. «Оскорбленіе должностныхъ лицъ, именно чиновниковъ исполнительной власти, злостное истребленіе чужой собственности изъ зависти или мщенія, или съ цѣлью грабежа—все это было обыкновеннымъ дѣломъ въ дни анархіи» (стр. 117). Весьма замѣчательно также, что, независимо отъ всего этого, во многихъ сельскихъ общинахъ южной Германіи были и преслѣдованія противъ евреевъ, наши «еврейскіе безпорядки», причины которыхъ и до сихъ поръ толкуются у насъ на разные лады. Риль увѣряетъ, что въ насиліяхъ противъ евреевъ виновны были именно тѣ общины, «которыя, по преимуществу, назывались «просвѣщенными», въ которыхъ учителя и демагоги всѣми средствами старались распространить новыя ученія,—общины, въ которыхъ не могло существовать глубокой религіозной ненависти потому, что въ теченіи многихъ лѣтъ употреблялись всевозможныя усилія, чтобы искоренить въ крестьянахъ религіозность и замѣнить ее сухою, грошевою моралью. И въ самомъ дѣлѣ, преслѣдованіе евреевъ въ Баденѣ было внушено не религіозною ненавистью. Это была скорѣе ненависть крестьянина, обнищавшаго вслѣдствіе чрезмѣрнаго раздробленія имущества и потому преданнаго на жертву произволу евреевъ-торгашей; это была естественная вражда исключительнаго корпоративнаго духа къ чуждому пришельцу; это было презрѣніе землевладѣльца къ разсѣянному, не имѣющему отечества, племени» (стр. 107). Достаточно, однако, всѣхъ этихъ историческихъ указаній и фактовъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что относительно соціально-политической природы крестьянъ существуетъ два ряда не согласныхъ, даже противоположныхъ, фактовъ, которые, сами по себѣ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Народъ, дѣйствительно, поступалъ и поступаетъ такъ, какъ говорятъ эти факты. Но для

Оцѣнки человѣческихъ дѣйствій еще недостаточно знать одно лишь фактическое содержаніе ихъ; пока неизвѣстно, вложена ли въ нихъ и какая доля общей идеи, принципа, они не могутъ имѣть большого значенія, имъ бесполезно подводить итогъ. Потому что ошибка въ выводѣ должна явиться неизбежно и онъ распадется по всѣмъ швамъ, при первомъ прикосновеніи къ нему повѣрочнаго анализа. Едвали, однако, кто сомнѣвается, что крестьянинъ чловѣкъ частнаго, отдѣльнаго факта, а не идеи. Этого и Риль не отрицаетъ; онъ постоянно говоритъ, что крестьянинъ во всемъ видитъ частное, а не общее, что онъ не умѣетъ обобщать своихъ жалобъ, которыя никогда не разрастаются у него въ оппозиціонную доктрину, въ стройную, систематизированную программу требованій. Это совершенно справедливо, но только жаль, что Риль, стараясь поразить этой справедливостью враждебную ему партію, не желаетъ примѣрить ее къ себѣ. Это тяготѣніе къ частному, а не къ общему, въ высшей степени характерно для крестьянства, но только оно одинаково невыгодно какъ тѣмъ, кто надѣется на консерватизмъ народа, такъ и тѣмъ, кто ищетъ въ немъ приверженца радикальныхъ стремленій. Консерватизмъ не по идеѣ, а такъ сказать по случаю, дующійся только до тѣхъ поръ, пока носителю его грозитъ палка, есть, безъ сомнѣнія, нѣчто въ высшей степени жалкое. Нашъ крестьянинъ очень хорошо показываетъ, какъ непроченъ его пресловутый консерватизмъ; и какъ сильно онъ сталъ трещать послѣ того, какъ реформа 19-го февраля дала народу возможность свободно слѣдовать своей природѣ. Стариннѣйшіе обычаи стали исчезать, измѣняются даже семейные нравы, и теперь формируется совершенно новое поколѣніе, еще до сихъ поръ несовсѣмъ разгаданное, однако, совершенно непохожее на старое крестьянство. Но, съ другой стороны, и частные протесты крестьянина, его пассивная оппозиція безъ всякой инициативы, его кратковременное и всегда узкое недовольство, не выходящее изъ предѣловъ родной деревни и, много, волости, не могутъ имѣть серьезнаго значенія. И это вполне объясняется умственнымъ состояніемъ крестьянства. Для народа дѣйствительность есть смѣна раздѣльныхъ, несливающихся въ общія идеи реальныхъ частныхъ, и вся его жизнь состоитъ въ томъ, что отъ одной изъ нихъ онъ переходитъ къ другой, переживая каждую отдѣльно, *an sich* и *für sich*; обобщеній онъ никакихъ не знаетъ и не дѣлаетъ, и его собственныя дѣйствія лишены того руководства критической идеи, которое направляло-бы ихъ въ одну сторону и отклоняло-бы ихъ отъ другой, сблизало-бы ихъ съ тенденціями одной партіи и отдавало-бы отъ стремленій другой. Народъ не знаетъ, чѣмъ онъ

былъ до настоящей минуты и чѣмъ онъ будетъ въ ближайшемъ будущемъ. Въ этихъ колебаніяхъ, въ этой невыдержанности и непоследовательности дѣйствій скрывается истинная сущность крестьянства. И какъ въ исторіи, на аренѣ соціально-политической, народъ обнаруживаетъ то консервативныя, то революціонныя, то просто индифферентныя свойства, такъ точно и въ повседневной жизни своей онъ является постороннему глазу сегодня однимъ, а завтра другимъ. Всѣ, близко изучавшіе народъ, всегда затруднялись свести къ общему выводу тѣ разнородныя и противорѣчивыя впечатлѣнія, которыя они выносили изъ своихъ наблюдений. Народъ проявлялъ предъ ними столь привлекательныя и симпатичныя свойства, что невозможно было не поддаться ихъ обаянію, но продолжались наблюденія,—и свѣтлый образъ народа тускнѣлъ и мѣстами на него ложились густыя и мрачныя тѣни, рядомъ съ которыми, впоследствии, опять появлялись черты отрадные, отодвигавшія въ сторону прежнія сомнѣнія. Разобрать тутъ ничего нельзя было, и мы до сихъ поръ, кажется, мало понимаемъ народъ. Его, однако, и невозможно понять, если стараться понять его, какъ живое, законченное цѣлое и единос. Вообще, только тогда, когда будетъ понято, какъ безконечно велико различіе между способностью воспринимать отдѣльные факты въ ихъ изолированности и способностью сливать и обобщать ихъ въ идеи, будетъ вполнѣ разгадана сущность нынѣшняго крестьянства. Народъ безъ образованія широкаго, которымъ пользуются интеллигентные классы, есть больше индифферентная, чѣмъ сознательно дѣйствующая масса; сознательно онъ не принадлежитъ ни одной партіи, и ни одна партія не можетъ считать его въ своихъ рядахъ. Поэтому-то солидное, общечеловѣческое образованіе народа вполнѣ согласно съ видами всякой партіи, изъясняющей на него свои притязанія, какъ на разумнаго и дѣятельнаго союзника.

Б. Л.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Положеніе журнальнаго обозрѣвателя въ настоящее время довольно странное положеніе. Это положеніе не бойца, не солдата, каковымъ оно должно было-бы быть, а почти положеніе лазаретной сидѣлки, которая можетъ сказать лермонтовскимъ стихомъ:

Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Сплошь да рядомъ хотѣлось-бы завязать полемику, сплошь да рядомъ та или другая статья, романъ, повѣсть вызываютъ на горячія возраженія, на горячія или ѣдкия замѣчанія, на споръ, но вотъ именно это простое соображеніе о «товариществѣ» и заставляетъ опустить оружіе. Журналисту—говоря о журналистахъ не привилегированныхъ—очень хорошо извѣстно положеніе его собратьевъ изъ собственнаго опыта. Онъ знаетъ, что если, въ оправданіе блѣдности и банальности своихъ собственныхъ работъ онъ можетъ привести многочисленныя (хотя почти однородныя) соображенія, то вѣдь тѣ-же самыя соображенія онъ долженъ имѣть въ виду и при оцѣнкѣ трудовъ другихъ. Мы не говоримъ: «не судите, да не судимы будете». Напротивъ, мы скажемъ: судите всѣхъ и будьте судимы всѣми, потому что въ этомъ заключается одинъ изъ серьезныхъ принциповъ здоровой общественной жизни. Но нужно судить «по человѣчеству», брать критеріемъ не вѣковѣчный идеаль, передъ которымъ мы всѣ одинаково окажемся пигмеями, а критерій простой практической *возможности*.

Все это не значить, однако-же, что мы должны стоять исключительно на практической почвѣ, что, при оцѣнкѣ того или другого журнала или писателя, мы, хотя-бы даже въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, имѣли право забывать о выспихъ идейныхъ требованіяхъ. Необходимо помнить о томъ, что *можно* дѣлать при извѣстныхъ условіяхъ; но необходимо также и твердо знать, что *должно* дѣлать, помимо какихъ-бы то ни было практическихъ соображеній. Существуетъ извѣстный минимумъ требованій, который опредѣляется общимъ уровнемъ жизни и ниже котораго спис-

ходить непозволительно, несмотря ни на какія внѣшнія давленія. Задача справедливой критики въ томъ именно и состоитъ, чтобы найти точную границу между тѣми аномаліями, которыя принадлежатъ самой идеѣ (или ея представителю, — журналу, писателю), и тѣми, которыя привиты къ ней извнѣ.

Съ этой точки зрѣнія и съ мѣркою въ рукахъ мы и обратимся теперь непосредственно къ «Вѣстнику Европы». Довольно значительная авторитетность этого журнала имѣетъ серьезныя основанія. Это отлично, европейски образованный, а въ нѣкоторыхъ сферахъ знанія даже ученый журналъ. Его слово всегда слово компетентное, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что не считаются съ нимъ, игнорировать его—нѣтъ возможности.

Никто, напр., не печатаетъ такихъ обстоятельныхъ и добросовѣстныхъ историческихъ монографій, какъ «Вѣстникъ Европы»: достаточно вспомнить, что въ числѣ его постоянныхъ сотрудниковъ состоятъ гг. Пыпинъ и Веселовскій, научная добросовѣстность которыхъ стоитъ выше всякой похвалы. Равнымъ образомъ нѣкоторые отдѣлы ведутся отлично, съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла. Но если-бы читатель довѣрился слѣпо руководительству «Вѣстника» въ наиболѣе глухихъ вопросахъ нашей жизни, онъ не зналъ-бы какъ ему быть. Отношеніе журнала къ этимъ вопросамъ, по условіямъ нашей печати, можетъ гораздо свободнѣе выразиться въ беллетристикѣ, нежели въ публицистикѣ. Каковъ-же общій характеръ беллетристики «Вѣстника», т. е. той беллетристики, которая имѣла предметомъ злобу дня? Такого характера она не имѣетъ, ея характеръ—безхарактерность и неопредѣленность, обусловленная тѣмъ, что беллетристы гостепріимнаго «Вѣстника» жесточайшимъ образомъ противорѣчатъ другъ другу. Я не буду говорить о томъ, что въ «В. Е.» былъ напечатанъ «Обрывъ» г. Гончарова,—произведеніе, настоящее мѣсто которому въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Дѣло журнальное, между прочимъ, дѣло торговое, и, послѣ того какъ «Отечественныя Записки» напечатали романъ Достоевскаго, трудно ожидать, чтобы нашелся такой журналъ ригористъ, который изъ принципа отказалъ-бы въ помѣщеніи какой-нибудь беллетристической архизнаменитости. Но какъ объяснить слѣдующіе факты. Въ «Вѣстникѣ Европы», нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были, напр., напечатаны: разсказъ «Любушка», неизвѣстнаго автора, и повѣсть «Надо жить», г. Лукьянова. Въ этихъ произведеніяхъ, въ особенности въ первомъ, симпатіи авторовъ выразились такъ ярко и рельефно, что не могли возбуждать никакихъ сомнѣній въ читателѣ, ни тѣмъ менѣе въ редакціи, которая, давши мѣсто въ своемъ журналѣ этимъ произведеніямъ, тѣмъ самымъ заявила о своей солидарности съ ними. Прекрасно.

Но въ томъ-же самомъ журналѣ, въ болѣе позднее время, стали появляться очерки нѣкоего г. Г. О., изъ которыхъ, напр., «Отъѣздъ» представляетъ собою не противорѣчіе только тенденціямъ «Любушки» и «Надо жить», а можно сказать оплевываніе ихъ.

Я указываю на этотъ фактъ и даже упираю на него именно потому, что онъ не случаенъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объясненъ ни редакціоннымъ недосмотромъ (редакція «Вѣстника» слишкомъ образована, чтобы путаться даже въ элементарныхъ идеяхъ). Причина лежитъ глубже, въ самыхъ основахъ міросозерцанія и направленія этого журнала. Дѣло въ томъ, что либерализмъ «Вѣстника»—либерализмъ почти исключительно политическаго характера. Правовой порядокъ—не только первое, но и послѣднее слово его программы.

Въ этомъ заключается основная причина, почему «Вѣстникъ Европы» раздражаетъ однихъ и не удовлетворяетъ другихъ. Такова всегда судьба людей, останавливающихся на полдорогѣ: однихъ они сердятъ тѣмъ, что идутъ все-таки впередъ, другихъ—тѣмъ, что не идутъ до конца. Въ этомъ-же заключается причина и того двойственнаго отношенія къ одному и тому-же явленію, которое, какъ мы видѣли, практикуется журналомъ. Онъ симпатизируетъ этому явленію, потому что замѣчаетъ въ немъ, т. е. въ одной половинѣ его, родственныя себѣ тенденціи; но въ то-же время онъ отвращается отъ него, потому что замѣчаетъ въ немъ т. е. въ другой его половинѣ, тенденціи вовсе для себя нежела-тельные.

Это положеніе, занятое почтеннымъ журналомъ, должно отражаться невыгоднымъ образомъ на тѣхъ его сотрудникахъ, которые хотѣли-бы слѣдовать болѣе опредѣленной программѣ. Въ концѣ-концовъ, «Вѣстникъ Европы» не простой сборникъ, въ которомъ каждый молодецъ можетъ быть на свой образецъ, а журналъ съ извѣстнымъ направленіемъ, съ которымъ, хотя-бы то и въ прямой ущербъ своей индивидуальности и оригинальности, долженъ сообразоваться каждый его сотрудникъ. Хорошимъ образчикомъ тако-го неблагопріятнаго вліянія можетъ служить повѣсть г. Эртеля «Волхонская барышня», напечатанная въ послѣднихъ трехъ №№ «Вѣстника Европы».

Г. Эртель—повѣствователь, безспорно, талантливый и, кромѣ того, его одушевляютъ самыя благія намѣренія. Онъ любитъ народъ, изучаетъ его, видитъ въ немъ, какъ оно и слѣдуетъ, главнѣйшій факторъ не только нашего будущаго, но и нашего настоящаго. Пишетъ г. Эртель не безъ недостатковъ, конечно, о которыхъ я еще буду имѣть случай сказать, но въ общемъ очень хорошо—образно, пластично и живо. Въ немъ очень сильна поэти-

ческая струйка, такъ что нѣкоторыя страницы въ недавно вышедшихъ (см. «Новыя книги») его «Запискахъ степняка» и въ его послѣдней повѣсти представляютъ собою настоящія «стихотворенія въ прозѣ». Все это прекрасно, и мы могли-бы поздравить нашу литературу съ довольно цѣннымъ приобрѣтеніемъ, если-бы не нѣкоторыя обстоятельства, внушающія довольно серьезныя опасенія за литературную будущность г. Эртеля.

Дѣло въ томъ, что г. Эртель крайне несамостоятеленъ и какъ художникъ и, что несравненно важнѣе, какъ мыслитель. Отзывчивость и чуткость, конечно, необходимы для писателя, но есть отзывчивость и отзывчивость. Прекрасно, если я не прохожу равнодушно мимо явленій жизни, если «подъ солнцемъ живымъ» я ничего не оставляю безъ анализа, если общее дѣло людей я сумѣю сдѣлать своимъ личнымъ дѣломъ. Такая отзывчивость отнюдь не исключаетъ твердости и не вредитъ опредѣленности дѣйствій. Но совсѣмъ не прекрасно, если эта отзывчивость въ каждомъ частномъ случаѣ ведетъ почти къ поработенію, если впечатлѣнія жизни овладѣваютъ человѣкомъ до того, что онъ самъ — на время, конечно—какъ-будто измѣняется подъ ихъ вліяніемъ. Я сильно опасаюсь, что впечатлительность г. Эртеля какъ разъ въ этомъ родѣ. Это видно изъ его произведеній, въ особенности изъ его послѣдней повѣсти. У него нѣтъ твердой точки опоры («шаблона»), какъ сказалъ-бы г. Буренинъ), нѣтъ критерія, который-бы онъ могъ прилагать къ явленіямъ. Выражусь даже рѣшительнѣе: у г. Эртеля есть симпатія, очень живыя и искреннія, а по содержанію своему вполне безукоризненныя, но нѣтъ, кажется, совершенно опредѣленности убѣжденій. Г. Эртель не разобрался въ тѣхъ безчисленныхъ и другъ другу противорѣчащихъ взглядахъ, которые вращаются нынѣ въ обществѣ, какъ это всегда бываетъ въ эпохи критическія и смутныя. Это не разносторонность художника, это беззащитность мыслителя. Не то чтобы г. Эртель слѣпо, хотя-бы даже только временно, подчинялся всякому сколько-нибудь остроумному взгляду и всякой сколько-нибудь правдоподобной теоріи,—это было-бы слишкомъ. Но они производятъ на него слишкомъ сильное впечатлѣніе, въ большинствѣ случаевъ вовсе ими не заслуженное. И вотъ, г. Эртель не знаетъ, какъ ему быть и стоитъ въ замѣшательствѣ среди различныхъ новоявленныхъ системъ, изъ которыхъ одна тащить его на фабрику—тамъ спасеніе, другая въ деревню—оттуда выйдетъ свѣтъ, третья къ городской интеллигенціи—ей принадлежитъ будущее, четвертая къ искусству и вообще къ красотѣ—только въ ней, въ ея созерцаніи, въ «богомольномъ» служеніи ей, человѣкъ найдетъ себѣ успокоеніе, обрѣтетъ своей душѣ миръ. Такъ нельзя, воля ваша. Если-бы г. Эртель былъ зауряд-

ный индифферентистъ, ни съ нимъ, ни о немъ не стоило-бы и говорить. Но я уже сказалъ, что симпатія г. Эртеля очень интенсивны и погрѣшаютъ только тѣмъ, что раздаются зря, такъ сказать. Слишкомъ ужъ широкое сердце у г. Эртеля; слишкомъ ужъ онъ по-русски добродушенъ и нетребователенъ. Если человѣкъ или теорія не рекомендуютъ «тащить» и «не пушать», если элементарныя правила сколько-нибудь сноснаго человѣческаго общенія признаются и уважаются ими—этого совершенно достаточно для того, чтобы завоевать имъ дружбу г. Эртеля.

Все это я обязанъ, конечно, доказать. Прежде всего укажу на несамостоятельность г. Эртеля, какъ художника, и уже потомъ перейду къ его мозаическому міросозерцаію. Въ одномъ изъ щедринскихъ «Писемъ къ тетенькѣ» повѣствуется о литературномъ вечерѣ, на которомъ одинъ изъ гостей, молодой человѣкъ, началъ декламировать *свое* стихотвореніе: «подъ вечеръ осени ненастной» и пр. Снисходительные слушатели объяснили этотъ плагиатъ тѣмъ, что современные молодые люди очень начитаны, до того начитаны, что говорятъ и даже думаютъ не иначе какъ цитатами, такъ что у нихъ мало-по-малу исчезаетъ сознаніе — что принадлежитъ дѣйствительно имъ и что другимъ. Г. Эртель тоже, повидимому, чрезвычайно начитанъ. По крайней мѣрѣ, читателю его произведеній постоянно кажется, что онъ перечитываетъ а не читаетъ, что многое изъ того, что ему рассказываетъ авторъ, онъ уже давно отъ кого-то слышалъ. Отъ кого именно? Это можно припомнить. Вотъ Захаръ Ивановичъ, страстный практикъ-агрономъ, — живѣйшимъ образомъ напоминаетъ вамъ Соломина г. Тургенева и Тушина г. Гончарова. Вотъ графъ Облѣщевъ—стотысячное изображеніе изящнаго эстетика и эпикурейца. Вотъ Алексѣй Борисовичъ Волхонскій, баринъ - идеалистъ, точная копія одного изъ героев (не припомню фамиліи) романа Писемскаго «Мѣщане». Вотъ Варенька Волхонская, списанная прямо съ героинь Тургенева («Рудинъ», «Наканунъ» и «Дворянское гнѣздо»). Вотъ, наконецъ, Тутолминъ, традиціонно-шаршавый, немтыи, небритый и нечесанный нигилистъ, у котораго черезъ два слова на третье непременно слѣдуетъ грубость или прямая ругань. Я, конечно, не имѣю физической возможности фактами доказывать здѣсь несамостоятельность всѣхъ этихъ персонажей и типовъ г. Эртеля. Но я имѣю возможность привести здѣсь одинъ небольшой отрывокъ, который во-очію покажетъ намъ, что г. Эртель несамостоятеленъ даже въ мелочахъ, въ эпизодахъ. Графъ Облѣщевъ — превосходный музыкантъ—играетъ пьесу собственнаго сочиненія, тема которой въ высшей степени замѣчательна. Сначала изображается мирная, идиллическая природа: «Небо сине. Соловьяная

пѣсня навѣваетъ радужныя грезы». Затѣмъ (разсказываемъ вкратцѣ) слышатся унылыя звуки «Дубинушки», которая смѣняется «сильными и широкими» звуками старой русской разбойничьей пѣсни. Потомъ—пусть разсказываетъ самъ авторъ—

«характеръ музыки снова измѣнился. Протяжный напѣвъ сталъ прерываться. Тамъ и сямъ среди него подымались какіе-то гордые звуки и, утихая, уступая дорогу могучему напѣву, опять возникали. И съ каждымъ такимъ возникновеніемъ, неслышно, но неотчетливо образовывался новый мотивъ. Онъ ширился, развивался, ускорялъ темпъ, какъ-будто торопилъ медленную пѣсню, захватывая ее съ собой, шелъ съ нею рядомъ.. И вдругъ раздался громко и торжественно. Варя даже вздрогнула отъ неожиданности: это была марсельеза. И снова она вспомнила картину Дорэ. Но теперь, среди восторженной толпы, шла и потрясала знаменемъ гнѣвная Женни. И все существо Вари переполнилось любовью къ этой таинственной женщинѣ. Но побѣдоносная музыка прекратилась скоро и внезапно. Лицо графа явило видъ невнятнаго волненія. Инструментъ зарыдалъ подъ нервнымъ пригосновеніемъ его рукъ... И надрывающій напѣвъ русской свадебной пѣсни, причудливо переплетаясь съ мотивами известнаго тріо изъ «Жизни за Царя», — больно и настойчиво защипала сердце Вари. Затѣмъ пронесся какой-то смутный гулъ, подобный отдаленному шуму волнъ и напомнившій Варѣ одно изъ сто изъ бетховеновскаго «Егмонта»; потомъ раздался рѣзкій и сильный металлическій ударъ... и все смолкло. Но графъ не покидалъ клавиатуры; съ лицомъ, бѣлымъ какъ мраморъ, и съ недоброй усмѣшкой на губахъ, онъ стремительно опустилъ руки на клавиши и, подражая приемамъ тапера, заигралъ съ превеличайной, съ нервной быстротою. Торопливый темпъ опереточнаго вальсика нахально закрутился въ воздухѣ. Иногда громный гулъ, подобный отдаленному волненію безчисленной толпы, пытался бороться съ этимъ темпомъ, пытался потопить пошленькіе его звуки въ своемъ внушительномъ рокотѣ.. Но вальсикъ вырывался какъ наступленный, дерзко и нагло заглушалъ этотъ рокотъ своей подленькой игривостью, и мало-по-малу рокотъ утихалъ, дробился, поспѣшалъ съ неуклюжей готовностью за расторопными звуками вальсика... И въ концѣ-концовъ все превратилось въ какой-то шумный и приторный хаосъ, цѣликомъ прообразившій вечерянку Марцинкевича («В-Европы». Июль).

Этотъ «музыкальный» эпизодъ въ самомъ дѣлѣ недуренъ и разсказанъ г. Эртелемъ прекрасно. Прекрасно то прекрасно, только бѣда въ томъ, что онъ почти буквально такъ-же разсказанъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ Достоевскимъ въ его романѣ «Бѣсы». Совпаденіе такъ велико, что о случайности не можетъ быть и рѣчи. А если г. Эртелю приходится заимствоваться даже такими третьестепенными эпизодами, то читатель можетъ судить, насколько самостоятельно творчество нашего автора, когда ему приходится рисовать характеры. По нашему мнѣнію, эта несамостоятельность происходитъ не отъ недостаточности таланта г. Эртеля, а отъ недостаточности и неполноты его наблюденій. Онъ хорошо напр., знаетъ бытовую сторону крестьянской жизни и хорошо, безъ связей постороннихъ указокъ и вліяній, изображаетъ ее. Такова

напр., удачно и правдиво нарисованная картина повальной болѣзни въ деревнѣ. Равнымъ образомъ, у него встрѣчаются очень живыя и типичныя фигуры земскихъ дѣятелей (напр. доктора въ «Волхонской барышнѣ»), которыхъ авторъ, очевидно, также имѣлъ случай наблюдать непосредственно. За-то въ изображеніи разныхъ графовъ-эстетиковъ и баричей эпикурейцевъ г. Эртель книженъ до невозможнаго, сочинительствуетъ до смѣшнаго. Графъ Облѣпищевъ, напр., говоритъ—замѣтьте *говоритъ*, не пишетъ Варъ: «ты была на Волгѣ?—говорилъ Облѣпищевъ, — день жаркій и душный. Раскаленный воздухъ неподвиженъ. Рѣка въ невозмутимомъ покоѣ уходитъ въ даль. Песчанья отмели ярко желтѣютъ, на нихъ рядами сидятъ птицы. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ паруса, понижіе въ сонномъ изнеможеніи... Все тихо. И вдругъ въ знойный воздухъ тоскливо врѣзается пѣсня:

Эхъ, дубинушка, ухнемъ...

Эхъ, зеленая, сама пойдеть!..

«И унылое настроеніе охватываетъ тебя, и съ душою болью ты смотришь на эту знойную даль, на Волгу, на понижіе паруса... И кажется тебѣ, что и барки эти, и сонная Волга, и пустынные берега, низзянные птицами, и вонь тотъ курганъ, что, вѣроятно, помнитъ Стеньку Разина, а теперь нависъ надъ рѣкою въ мрачной задумчивости,—все раздѣляетъ твое уныніе, и твою медленную боль... А пѣсня стонетъ и тянется и безконечно надрываетъ твою душу». Смѣемъ думать, что такимъ возвышеннымъ стилемъ не выражаются въ обыкновенномъ разговорѣ самыя завзятые эстетика, будутъ-ли они графы или простые смертные. Между тѣмъ, главные персонажи г. Эртеля почти всѣ говорятъ такимъ страннымъ и вычурнымъ языкомъ, съ тою только разницею, что одни декламаторствуютъ въ усиленно-возвышенномъ стилѣ, какъ Облѣпищевъ, другіе—въ умышленно-тривіальномъ, какъ Тутолминъ. При всемъ томъ, г. Эртель выработалъ себѣ довольно непріятную манеру какой-то нарочитой небрежности въ описаніяхъ онъ какъ-то мимоходомъ *упоминаетъ*, а не описываетъ. что, конечно, имѣетъ цѣлью придать автору видъ знатока даже ничтожныхъ мелочей. Вотъ, напр., одно изъ такихъ описаній à propos: «эти бѣлоснѣжные воротнички à la Delavag или jeune France, эти кокетливо подвязанные галстуки, эти безпрестанныя смѣны изящныхъ востомовъ, эти руки, выхолонныя и нѣжныя, этотъ тонкій запахъ илангъ-илангъ, всегда вѣявшій отъ старика... и пр.» Видите, какой непринужденный видъ человѣка chez soi имѣетъ авторъ въ аристократическихъ сферахъ. Онъ все знаетъ, всѣ тамошніе обычаи и повадки, знаетъ даже объ илангъ-илангѣ. Глубокія велико-

свѣтскія познанія сильнѣйшимъ образомъ импонируютъ намъ, что и требовалось доказать.

Довольно, однако, объ этомъ. Всѣ эти недостатки хотя и не лишены извѣстнаго значенія, все-таки почти формальны и во всякомъ случаѣ это недостатки молодого, неокрѣпшаго, невыписавшагося таланта. Гораздо серьезнѣе, что, какъ я сказалъ выше, г. Эртель несамостоятеленъ въ своихъ идеяхъ. Можемъ-ли мы, спрашивается, судить о симпатіяхъ того или другого беллетриста по изображаемымъ имъ картинамъ и типамъ? Безъ всякаго сомнѣнія можемъ, и наши заключенія объ этомъ вовсе не будутъ произвольны. Какъ-бы ни былъ «объективенъ» художникъ, онъ въ своемъ произведеніи непремѣнно станетъ или направо, или налево или, наконецъ, по срединѣ,—непремѣнно, если только онъ не питаетъ полнѣйшаго равнодушія и къ идеямъ, и къ самой морали. Г. Эртель, однакоже, ухитрился распорядиться такимъ образомъ, что рѣшительно не знаешь, на какой почвѣ и на чьей сторонѣ онъ стоитъ. Къ большинству своихъ главныхъ персонажей онъ относится одинаково, хотя самые эти персонажи нисколько другъ на друга не похожи. Безъ всякихъ церемоній я объясняю это исключительно тѣмъ, что г. Эртель недостаточно освоился съ современными умственными теченіями нашими, хотя и въ этой сферѣ онъ сохраняетъ все тотъ-же небрежный видъ знатока и щеголяетъ «илангъ-илангами» своего рода. Герой Тутолминъ объясняетъ героинѣ Волхонской сущность народнаго вопроса. «Прежде всего онъ указалъ ей на страшное несоотвѣтствіе дѣйствительности съ идеальными построеніями. Неудержимо увлекаемый предметомъ рѣчи, глубоко взволнованный рядомъ воспоминаній, мучительныхъ и мрачныхъ, онъ въ какомъ-то тоскливомъ паѳосѣ раскрывалъ передъ Варей безконечныя перспективы народныхъ скорбей. И народъ вставалъ предъ нею на подобіе Прометея, прикованнаго къ скалѣ... Всеобщее раззореніе; безшабашная оргія кулаковъ, заплонившихъ деревни, и свирѣство патентованныхъ пиявокъ, тлетворное дуновеніе себялюбивыхъ началъ, входящихъ въ села подъ флагомъ римскаго права («илангъ-илангъ»); тяжелое изнеможеніе общины подъ напоромъ неумолимыхъ государственныхъ воздѣйствій (я еще «илангъ-илангъ»); соблазны фабричнаго быта, развѣдающіе основы деревенскаго міровоззрѣнія; голодъ, болѣзни, нищета; нивы, истощенныя хлѣбомъ, пожранными Европой; розги становыхъ и плети урядниковъ на ряду съ ужаснымъ молоткомъ судебного пристава,—въ такомъ выраженіи предстали предъ дѣвушкой невзгоды, терзающія Прометея. А Тутолминъ, когда перечислилъ всю эту благодать, когда растревожилъ свои нервы до мучительной и ноющей боли какой-то, — остановился и

сказалъ съ дѣланной насмѣшливостью: «Въ этомъ и состоитъ вопросъ, драгоценная барышня». (Юль). Собственно говоря, это краткій конспектъ журнальныхъ статей за послѣднее пятнадцатилѣтіе, трактовавшихъ о народномъ вопросѣ, т. е. объ экономической, политической, исторической, бытовой жизни народа. Нѣтъ, однакоже, никакой бѣды въ томъ, что Тутолминъ говоритъ съ чужихъ словъ. Никто не обязанъ быть самостоятельнымъ изслѣдователемъ, и совершенно достаточно, если человѣкъ знакомъ съ чужими изслѣдованіями и понимаетъ ихъ смыслъ. Г. Эртель нигдѣ даже не намекаетъ, что его Тутолминъ (тотъ-же Горлицынъ г. Лукьянова) только болтливый попугай, который «путається» въ механически повторяемыхъ фразахъ. Напротивъ, по очевидному замыслу автора, Тутолминъ долженъ являть собою сознательнаго и послѣдовательнаго «народника», какъ это и видно даже изъ одной только что приведенной мною тирады. Но тутъ-то и начинается недоразумѣніе. Знакомясь ближе съ личностью Тутолмина, читатель убѣждается, что этотъ «народникъ» просто какой-то умственный недоросль. Горлицынъ «путается» только въ аргументахъ, Тутолминъ путается въ практическихъ дѣйствіяхъ, глупитъ на каждомъ почти шагу, всюду является претенціознымъ, болѣзненно-самолюбивымъ и до неприличія безтактнымъ человѣкомъ. Этотъ «народникъ», который знаетъ такъ основательно, по увѣренію автора, и прошлое и настоящее народа, приходитъ въ ужасъ, узнавъ, что въ селѣ свирѣпствуетъ горячка, и «весь охваченный дрожью» начинаетъ метаться и ругаться, пова не насканиваетъ на земскаго врача, который охлаждаетъ его пылъ флегматическимъ вопросомъ: «батюшка мой, да вы съ луны?» И дѣйствительно съ луны. Изъ дальнѣйшаго разговора Тутолмина съ докторомъ читатель съ изумленіемъ убѣждается, что пресловутый «народникъ» нашъ незнакомъ даже съ элементарнѣйшими условіями жизни народа. Практикъ-докторъ просто-на-просто вышучиваетъ нашего героя и какъ разъ на той самой почвѣ, на которой тотъ считаетъ себя специалистомъ. Вотъ поучительный отрывокъ изъ ихъ діалога: «—Бюджетъ, кажется, очень великъ (сказалъ Тутолминъ).

— Это вы, батенька, справедливо сказали: бюджетъ великъ, великъ. Но вы знаете, сколько однакъ канцелярій на шею этого аппетитнаго бюджета? Изрядно, голубевы мой, — и докторъ началъ откладывать пальцы: — управскаларазъ, съѣзда мировыхъ судей—два, крестьянскаго присутствія—три, воинскаго присутствія—четыре, училищнаго совѣта—пять...

— Но вѣдь это можно-бы измѣнить, сократить...

— Эге, вы вона куда! Вы зачѣмъ-же, любезнѣйшій, въ теорію-то улепетываете. Вы не улепетывайте, а держитесь на почвѣ. Почва же такова: обязательныхъ расходовъ сорокъ два процента—понимаете ли: обязательныхъ! — администрація и канцелярія («придите и володѣйте нами», въ скобкахъ по «Дѣло» 1883 г. № 8, 11.

шутить онъ) двадцать два процента; ремонтъ зданій, страховка и расширеніе оныхъ—шесть процентовъ...

И Тутолминъ ясно увидѣлъ, что если «не улепетнуть въ теорію», то и земство не виновато.

— Но тогда ужъ возвысить бюджетъ приходится,—нерѣшительно сказалъ онъ.

— Ты, тэ, тэ... это другими словами, налоги возвысить? Превосходно-съ. Въ высшей даже степени превосходно и просто. У меня и то есть одинъ благопріятель,—великодѣпно онъ такъ называемый вопросъ народнаго образованія разрѣшаетъ: собрать, говорить, по рублю съ души одновременно, и гуляй душа!.. Батюшка вы мой, въ томъ-то и штука, что повышай не повышай—толку не будетъ. Только счетоводство одно будетъ... недомка одна сугубая...

— Но въ такомъ случаѣ какъ же вы хотите обойтись безъ теоріи,—заговновался Илья Петровичъ,—вспомните «народоправства» Костомарова... въ Новгородѣ, напримеръ...

— А, это другое дѣло!—съ простодушнымъ лукавствомъ промолвилъ докторъ,—поговорить мы можемъ. Поговорить мы всегда съ особымъ удовольствіемъ... Ну что тамъ у Костомарова?.. Я, признаться вамъ, батенька, не только такъ-называемыхъ «книгъ свѣтскихъ», «Врача» ужъ третій мѣсяцъ въ глаза не вижу. А что касается ученыхъ книгъ-нибудь сочиненій, то, передъ Богомъ вамъ клянусь—невиновенъ съ самой академіи.

И точно «теоретическій» разговоръ, который затѣялъ было Илья Петровичъ, погасъ чрезвычайно быстро.

Видите: сладкозвучный соловей, такъ хорошо распѣвавшій по книжкамъ о «народномъ вопросѣ», превращается въ жалкую мокрую курицу при первомъ столкновеніи съ практической дѣйствительностью. Это-ли хотѣлъ сказать г. Эртель? Полагаетъ-ли онъ, что наши народники только пустозвонные фразеры, которые «народоправства» Костомарова читали и говорить о нихъ могутъ, но о жизни современнаго народа нашего не имѣютъ даже настолько яснаго представленія, чтобы не метаться и не нервничать при поразительно-новомъ извѣстіи о врачебной безпомощности деревни? Должно быть такъ, должно быть въ самомъ дѣлѣ г. Эртель такого мнѣнія о народникахъ. По крайней мѣрѣ, онъ очень старательно и систематично рядитъ своего Тутолмина въ какой-то шутовской костюмъ. Съ кѣмъ только этотъ бѣднякъ ни сойдется, куда съ своими теоріями ни сунется, онъ въ концѣ концовъ вездѣ терпитъ афронтъ, и у читателя не является при этомъ даже простого состраданія къ нему, потому что всюду побиваемый и оплевываемый «герой» тѣмъ не менѣе имѣетъ побѣдоносный видъ, по крайней мѣрѣ не перестаетъ ругаться направо и налево. Волконская барышня, увлеченная была народолюбивыми рѣчами Тутолмина, открылась ему въ любви, но потомъ, очевидно убѣдившись въ идиотизмѣ своего избранника, дала ему чистую отставку. Столкновеніе Тутолмина съ графомъ кончилось тѣмъ, что тотъ обвелъ его «расстрепанную фигуру юмористическимъ взглядомъ», а Варѣ

«вдругъ стало ужасно жаль его». Захаръ Ивановичъ, котораго Тутолминъ попрекаетъ «буржуизмомъ», обращаетъ на его рѣчи немного больше вниманія, чѣмъ на жужжаніе мухъ

Къ другимъ персонажамъ своей повѣсти, имѣющимъ общественное значеніе и идейное содержаніе, авторъ относится точно такъ-же двусмысленно. Правда, къ графу Облѣпищеву, къ барину Волхонскому и еще къ двумъ-тремъ лицамъ отрицательное отношеніе автора очевидно, но на Лукавина, напр., онъ смотритъ снисходительно, почти любовно, но крайней мѣрѣ не ставитъ его никогда, какъ несчастнаго Тутолмина, въ смѣшныя или нелѣпыя положенія. А что такое Лукавинъ? Это представитель нашей буржуазіи новѣйшей формаци. Этотъ купеческій сыночекъ, съ полу-милліономъ годового дохода, хорошо образованъ, обладаетъ гениальной дѣловой «сметкой» и, *par dessus le marché*, являетъ собою изящнаго свѣтскаго ковалера. Правда, онъ является въ повѣсти почти какъ вводное лицо, но вѣдь принципъ-то, представляемый имъ, все-таки ясенъ какъ хрусталь. Что-же? Симпатиченъ г. Эртелю этотъ принципъ? А Захаръ Ивановичъ? Это тотъ-же Лукавинъ тотъ-же представитель и поклонникъ капитала, но капитала положеннаго не въ фабрику, а въ землю, въ усовершенствованное сельское хозяйство въ большомъ масштабѣ и по западнымъ образцамъ. Даже дурачекъ-Тутолминъ понимаетъ и очень хорошо объясняетъ всю сущность сельско-хозяйственныхъ затѣй Захара Ивановича, затѣй, ведущихъ къ постепенному обезземеленію и закабаленію крестьянъ. Чему-бы, казалось, тутъ сочувствовать? И какъ, на протяженіи цѣлой длинной повѣсти, хоть парюю словъ не проговориться, что не практичный Захаръ Ивановичъ, а «принципальный», въ сущности говоря, Тутолминъ правъ? Но г. Эртель сохраняетъ олимпийское спокойствіе. Мало того: въ конечномъ результатѣ торжествуетъ Захаръ Ивановичъ, у котораго и машины (или какъ ихъ называетъ Тутолминъ, «одры») пошли чудесно въ ходъ, и свеклосахарный заводъ налаживается, а Тутолминъ уѣзжаетъ изъ деревни обезкураженный, проклиная грядущую фабричную цивилизацію.

Я вовсе не хочу сказать, что г. Эртель фальсифицируетъ дѣйствительность: все, что онъ рассказываетъ, не только возможно, но и правдоподобно. Я протестую только противъ того тона, какимъ рассказываетъ г. Эртель объ удачахъ цивилизованнаго «чумазаго». Единственное лицо, которому авторъ несомнѣнно симпатизируетъ, это сама героиня повѣсти. Но за-то лицо это лишено рѣшительно всякаго опредѣленнаго содержанія и замѣчательно только въ томъ отношеніи, что представляетъ собою яркій образчикъ той двойственности, которая неизбѣжна въ людяхъ еще не установившихся.

Съ одной стороны, Вареньку томить жажда правды, справедливости, подвига, и она бросается за Тутолминнымъ, съ помощью котораго надѣется послужить народу. Съ другой стороны, инстинкты влекутъ ее въ ту сферу, безъ печали и воздыханій, въ которой «поетъ» рояль Облѣннищева, благоухаетъ илангъ-илангъ ея отца, распѣваетъ романсы миллионеръ Лукавинъ и т. д. Не въ такомъ-ли, смѣемъ спросить, положеніи находится и г. Эртель и не здѣсь-ли причина его симпатій къ Варенькѣ Волконской? Да, г. Эртель несомнѣнно стоитъ на перепутьи, и вся цѣль нашихъ замѣтокъ въ томъ и состоитъ, чтобы предостеречь его. Намъ было-бы тяжело и грустно утратить такую литературную силу, какъ г. Эртель; еще тяжелѣе было-бы уступить ее гг. Лукавиннымъ.

М. П.

Въ послѣднихъ двухъ номерахъ «Отеч. Запис.» (№№ 6 и 7) обращаетъ на себя вниманіе прекрасная, исполненная глубокаго интереса статья г-на Л—рга: «Хлѣбная промышленность на Западѣ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Авторъ живыми чертами, изображаетъ поразительные успѣхи американскаго земледѣлія, уже начинающіе оказывать ощутительное вліяніе на Европу и угрожающіе произвести крупный переворотъ въ промышленномъ мірѣ. Читая эту статью, испытываешь странныя чувства: съ одной стороны вы оглушены веелыми и громкими кликами торжествующаго капитализма, никогда и нигдѣ еще не являвшагося въ такомъ блескѣ и могуществѣ, но, съ другой, вамъ трудно отдѣлаться отъ угнетающаго чувства тревоги за будущность трудящихся классовъ, и вы невольно задаетесь вопросомъ: что несутъ въ своихъ волнахъ эти стремительные потоки дешеваго хлѣба, изливаемые Америкой въ Европу, — жизнь или изобиліе въ нихъ, или-же смерть, нищета и горе? Американскій хлѣбъ, какъ видно изъ ряда цифръ, приводимыхъ г-омъ Л—ромъ, появляется теперь на рынкахъ всего свѣта, но, что важнѣе всего, онъ повсюду вытѣсняетъ туземный хлѣбъ своимъ превосходнымъ качествомъ и чрезвычайной дешевизной, обусловленной настолько обильнымъ ввозомъ его, что въ Лондонѣ, въ неурожайный 1879 годъ, несмотря на всеобщія ожиданія, что хлѣбъ сильно вздорожаетъ, онъ продавался по цѣнѣ урожайныхъ годовъ. Это, на первый взглядъ, большое благодѣяніе для Европы, но за него несомнѣнно предстоить тяжелая расплата. Постоянно возрастающимъ ввозомъ своего хлѣба Америка постоянно сокращаетъ размѣры хлѣбнаго производства въ Европѣ. Янки, подсмѣиваясь надъ неповоротливостью Европы, совѣтуютъ ей бросить земледѣліе и держать поля свои подъ паромъ, положившись на Америку, которая одна возьметъ на себя

трудъ прокормить се. И Англія взаправду начинаетъ слѣдовать этому совѣту, ежегодно сокращая свои пашни, а затѣмъ, конечно, очередь за Франціей, Германіей и, кто знаетъ, можетъ быть, и за Россіей, нѣкогда славной житницей Европы. Г-нъ Л—ргъ справедливо замѣчаетъ, что, пока еще, Англія, поглощая въ огромномъ количествѣ американскій хлѣбъ, ослабляетъ дѣйствіе его возза на другія страны. Но производство американскаго хлѣба, говоритъ г-нъ Л—ргъ, расчетъ быстрѣе, чѣмъ нужды Европы, и читатель все болѣе и болѣе проникается этимъ убѣжденіемъ, по мѣрѣ того, какъ предъ нимъ развертывается столь талантливо нарисованная г-мъ Л—ргоу картина хлѣбнаго производства въ въ Америкѣ. Въ будущемъ уже виднѣется мрачная перспектива упраздненія европейской хлѣбной промышленности, а отъ этого различныя классы, живущіе земледѣіемъ, неизбѣжно пострадаютъ, видоизмѣнятся, если совсѣмъ не исчезнутъ, какъ недавно исчезли ліонскіе и силезскіе ткачи и другіе кустарные промышленники, согнанные съ промышленной сцены успѣхами машиннаго производства. Это справедливо не только относительно земледѣльческихъ классовъ Европы, но и самой Америки, гдѣ уже теперь рабочіе и мелкіе фермеры испытываютъ роковыя послѣдствія капиталистическаго машиннаго земледѣлія. Это изобиліе и дешевизна хлѣба являются, такимъ образомъ, прекраснымъ на видъ, но ядовитымъ цвѣтомъ капитализма. Изъ всего этого г-нъ Л—ргъ дѣлаетъ тотъ важный выводъ, что законъ Мальтуса, гласящій, что населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, а средства къ жизни — въ арифметической, несправедливъ. Въ Америкѣ средства къ жизни возрастаютъ быстрѣе, нежели населеніе. Законъ Мальтуса несправедливъ на столько, что его надо понимать въ обратномъ смыслѣ и принять, что «во всякомъ обществѣ съ капиталистическимъ производствомъ, изобиліе продуктовъ роковымъ образомъ увеличиваетъ нищету производящихъ классовъ» (стр. 140). Другими словами, хлѣба можетъ быть вдоволь, гораздо больше даже, чѣмъ его нужно, но его некому будетъ ѣсть, какъ и некому будетъ жить на свѣтѣ, кромѣ маленькой горсти влстителей промышленнаго міра. Понятно, что приближеніе этого апогея капяталистическаго производства, воплощеніе въ реальный фактъ этого чудовишнаго курьеза и самаго страннаго экономического парадокса, который можно только вообразить, невозможно безъ соціальныхъ катастрофъ и глубокихъ потрясеній.

Прочны-ли, серьезны-ли успѣхи американскаго земледѣлія? На это статья г-на Л—рга даетъ всесторонній и обстоятельный отвѣтъ. Можно было-бы думать, что эти успѣхи основываются лишь

на запасъ тѣхъ почти дѣвственныхъ земель, которыми богатъ западъ Америки; плодородіе ихъ не вѣчно, тѣмъ болѣе въ Америкѣ, эксплуатирующей ихъ съ такой лихорадочной поспѣшностью. Если бы по этому американское земледѣліе опиралось только на этихъ земляхъ, то, пожалуй, чортъ не былъ-бы такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Правда, запасъ этихъ земель еще громаденъ въ Америкѣ, правда также, что плодородіе ихъ на столько велико, что, напримѣръ, въ долинѣ рѣки Красной, по мѣстному выраженію. «нужно только пощекотать почву плугомъ, чтобы она улыбулась прекрасной жатвой» (стр. 141), но все-таки на одномъ плодородіи не далеко уѣдешь. На самыхъ плодородныхъ земляхъ можно голодать, и лучшій этому примѣръ—мы сами; у насъ какъ-то выходитъ даже, что именно плодороднѣйшія мѣстности всего чаще посѣщаются голодовками и недородами. Но тайна успѣховъ Америки заключается далеко не въ одномъ плодородіи ея земель, даже и не въ томъ, что она примѣнила къ земледѣлію машины въ неслышанной до сихъ поръ степени, удешевила и умножила перевозочныя средства, организовала, наконецъ, въ первый разъ акціонерное земледѣліе. Совокупность всѣхъ этихъ условій и ихъ взаимная органическая связь,—вотъ въ чемъ сила американской хлѣбной промышленности и въ этомъ отношеніи она непобѣдима. Г-нъ Л—рга даетъ чувствовать всей своей статьёй, какъ тѣсно переплетаются между собой всѣ эти условія, какъ они вытекаютъ другъ изъ друга и какъ одно существуетъ потому, что есть другое, а другое потому, что оно поддерживается третьимъ. Если бы какой скептикъ, не вѣрующій въ силу американскаго капиталистическаго земледѣлія, вообразилъ-бы, что и Европѣ ничего не стоитъ ввести въ сельское хозяйство машины и развить пути сообщенія такъ, чтобы поставить свое земледѣліе на одну ногу съ американскимъ, — онъ ошибся-бы: это кое-чего стоило-бы; невозможно въ этомъ ничего, разумѣется, нѣтъ, но и не такъ легко это, какъ кажется съ перваго раза. Взять, напримѣръ, хотя-бы машины. Въ Америкѣ онѣ привились къ земледѣлію потому, что онѣ дешевы до такой степени, что даже мелкіе фермеры находятъ возможнымъ приобрѣтать ихъ, тѣмъ болѣе, что эта возможность облегчена еще разсрочками платы. Тамъ существуетъ особый классъ изобрѣтателей сельско-хозяйственныхъ машинъ, спеціально занятый придумываніемъ всевозможныхъ усовершенствованій и быстро пускающій въ оборотъ малѣйшее достигнутое имъ улучшеніе. Кромѣ того, машина сама по себѣ еще немного имѣетъ значенія, если при ней нѣтъ умѣлаго руководителя, знающаго въ ней толкъ и привыкшаго къ ней. Въ Америкѣ-же рабочіе, по словамъ г-на Л-рга, берутся за машину съ радостью и умѣютъ обра-

щаться съ нею; они видятъ въ ней сберегателя силъ, и привычка къ ней вошла въ плоть и кровь земледѣльческихъ классовъ. Наконецъ, дешевизна машинъ въ Америкѣ обусловлена еще и быстрыми успѣхами металлическаго производства вообще и, въ частности, производства стали. Это послѣднее обстоятельство оказало, между прочимъ, вліяніе и на развитіе перевозочныхъ средствъ. Вслѣдствіе усовершенствованія въ производствѣ стали явилась возможность желѣзные рельсы замѣнить стальными, а это, въ свою очередь, породило новую выгоду, именно позволило увеличить въ 5 разъ нагрузку вагоновъ хлѣбомъ. Изъ этого уже читатель можетъ видѣть, въ какой стройной послѣдовательности идутъ условія прогресса американской хлѣбной промышленности и какъ хорошо пригнаны другъ къ другу отдѣльныя звенья той цѣпи, которую Америка грозитъ оковать промышленность Европы.

Мы не продолжаемъ дальше изложенія статьи г-на Л—рга, потому что имѣли въ виду лишь обратить на нее вниманіе читателя, какъ на самое замѣчательное и выдающееся явленіе въ журнальной литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Знакомиться съ такими статьями въ ихъ подлинномъ изложеніи — есть истинное наслажденіе, въ которомъ, вѣроятно, не откажетъ себѣ и читатель.

Б. Л.

НОВЫЯ КНИГИ.

Записки степняка. Очерки и рассказы А. Эртеля. Томы I и II. Спб. 1883.

Современные беллетристи - народники наши, какъ известно, довольно рѣзко расходятся другъ съ другомъ въ своихъ взглядахъ на народъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ они *имѣютъ* опредѣленный взглядъ на народъ, и это составляетъ характеристическое отличіе ихъ отъ «народниковъ» предшествовавшаго поколѣнія. Какіе взгляды имѣли на народъ Рѣшетниковъ, Н. Успенскій, Слѣпцовъ, Янушкинъ и т. д.? Эти писатели ограничивались почти однимъ фотографированіемъ. Они относились къ народу любовно, тепло, сострадательно, но все это было только чувствомъ, на почвѣ котораго могъ сформироваться и развиваться тотъ или иной взглядъ на народъ, но которое само по себѣ никакого общаго теоретическаго значенія не имѣло и не могло имѣть. Современные бытописатели народа изображаютъ намъ его жизнь всегда подъ извѣстнымъ угломъ, съ извѣстной точки, въ томъ или другомъ свѣтѣ. Хорошо это или дурно—нѣтъ надобности говорить здѣсь объ этомъ; кто правильнѣе изъ нихъ смотритъ на предметъ—намъ тоже не зачѣмъ обсуждать. Для насъ важно установить здѣсь прежде всего тотъ фактъ, что г. Эртель является въ этомъ отношеніи единственнымъ исключеніемъ изъ всей группы нашихъ, такъ называемыхъ, «народниковъ».

Г. Эртеля называютъ—въ смыслѣ-ли упрека, или въ видѣ похвалы—подражателемъ г. Тургенева. Къ этому сопоставленію читатель невольно приходитъ не потому только, что форма (въ узкомъ значеніи этого слова) «Записокъ степняка» живо напоминаетъ собою форму «Записокъ охотника», но и по характеру дарованій (говоримъ именно только о характерѣ, а не о размѣрахъ, которые далеко не одинаковы) обоихъ писателей, а, главное, по ихъ отношенію къ народу. Г. Тургеневъ, какъ помнить, конечно, читателемало или даже вовсе не говорилъ о порядкахъ тогдашней де-

ревни, да и что было сказать о них? Порядки были извѣстные. Онъ давалъ намъ великолѣпныя характеристики личностей изъ среды народа, характеристики, образцомъ которыхъ могутъ служить прелестно нарисованныя фигуры Хоря и Калиныча. Вотъ именно таково-же отношеніе къ народу и г. Эртеля. Онъ даетъ характеристики не отношеній, не порядковъ, не какихъ-нибудь деревенскихъ «устоевъ» или деревенскаго «разстройства», даже не нравовъ, а именно личностей — то хорошихъ, то дурныхъ, но по необходимости имѣющихъ чисто случайное, т. е. индивидуальное значеніе. Передъ читателемъ вереницей проходятъ фигуры самыхъ разнообразныхъ людей (совершенно такъ, какъ въ «Запискахъ Охотника») — мужика Семена, мужика Михайлы, мужика Наума, мужика Якова (очеркъ «Мои домочадцы»), главнѣйшій интересъ которыхъ заключается въ ихъ нравственныхъ особенностяхъ, въ ихъ личныхъ характерахъ.

Семень—прирожденный поэтъ - пантеистъ (вопія Калиныча), Михайло—ловеласъ и забіяка, Наумъ—резонеръ, Яковъ — непосѣда, «перелетная птица» — и т. д. Ясное дѣло, что читатель, проходя по такой портретной галлерей, никакого общественно - теоретическаго взгляда на народъ составить не можетъ, потому что не можетъ сдѣлать даже никакаго обобщенія. Для читателей «Записокъ Охотника» было новостью узнать, что мужикъ можетъ и тонко чувствовать, и упорно думать, и имѣть влеченіе къ интересамъ высшаго порядка, и въ этомъ именно и заключалось общественное значеніе произведенія. Но мы-то ужъ все это слишкомъ хорошо знаемъ и потому намъ остается только довольно платонически любоваться художественнымъ мастерствомъ г. Эртеля, какъ портретиста. Выводовъ, взглядовъ, поученій мы отъ него не получаемъ.

Съ полною рѣшительностью этого, конечно, сказать нельзя. Не то время, чтобы можно было обходить «злобу дня», да и не тотъ читатель, чтобы позволить это художнику. Подчиняясь этимъ требованіямъ, г. Эртель даетъ и такіе типы изъ народной среды, значеніе которыхъ заключается не въ ихъ стихійно-нравственныхъ свойствахъ, а въ ихъ дѣятельности, какъ членовъ общества. Но такихъ типовъ мы находимъ у него даже ужъ слишкомъ немного — всего одинъ и притомъ этотъ единственный типъ, представленный г. Эртелемъ, довольно давно уже всесторонне разработанъ нашей литературой. Это типъ кулака и міроѣда. Мы говоримъ теперь исключительно только о томъ, что даетъ читателю г. Эртель какъ художникъ, какъ бытописатель, и отнюдь не желаемъ сказать, что г. Эртель не наблюдалъ современныхъ деревенскихъ порядковъ и не знаетъ никого и ничего, никакихъ бѣдъ, кромѣ кула-

чества. Знаеть и наблюдаль, и даже говоритъ намъ о результатахъ своихъ наблюдений, но говоритъ не какъ художникъ, т. е. не картинами и образами, а, напримѣръ, такими общими характеристиками: «народъ основываетъ секты, идущія по пути рационализма дальше протестанства, и на ряду съ этимъ бьетъ оглоблии колдуновъ, становить капканы на вѣдьмъ и оборотней, косо глядитъ на «скоромниковъ». Онъ въ большинствѣ плохой мірянинъ, а, между тѣмъ, не можетъ себѣ представить иной формы землевладѣнія, какъ общинная. Съ рѣдкимъ единодушiемъ дерется «всѣмъ міромъ» за спорные покосы съ сосѣдями, стойко отстаиваетъ интересы міра въ волости, съ замѣчательной аккуратностью дѣлаетъ раскладки, дѣлитъ «мірской» лѣсъ, «мірскія» тяготи.. А въ земскіе гласные выбираетъ «міроѣда», оставляетъ безъ призора сиротъ и увѣчныхъ. Свообразенъ и противорѣчивъ онъ (какъ и во всемъ) въ своихъ понятіяхъ о нравственности и правдѣ. Прощая волостнымъ старшинамъ тысячныя растраты, благодушно мотивируя ихъ «человѣческой слабостью», онъ совершенно безчеловѣчно, съ какою-то варварскою, холодною жестокостью мучаетъ, а иногда забываетъ и до смерти, мелкаго вориньку, попавшагося съ хомутомъ, или холстами; разводя безъ помощи св. синода, по одной только «своей мужицкой» совѣсти, мужа съ женою, народъ этотъ въ то-же время поретъ розгами сноху, обругавшую распутника свекра «чернымъ словомъ».

«Край пересѣкли желѣзныя дороги, въ селахъ водворились кабатчики, въ усадьбѣ кулаки. Вѣяніе трактирной цивилизаціи тлетворно пронеслось надъ тихими, степными деревнями. На ряду съ страшнымъ развитіемъ хищничества, появился отхожій промыселъ. Заплаталась община подъ напоромъ тысячи плотоядныхъ инстинктовъ, зашевелившихся въ степной глуши. Степной мужикъ тихъ, страшно терпѣливъ, добродушенъ.. Тридцать лѣтъ тому назадъ и съ этими только качествами ему жилось хорошо: земля рожала, хлѣба до новины доставало съ избыткомъ, подати выплачивались; теперь онъ копитъ недоимки, истощаетъ землю, пьянствуетъ и нищенствуетъ. Прежнихъ трехъ добродѣтелей оказывается недостаточно».

Все это, конечно, весьма вѣрно. Но все это говоритъ намъ не художникъ, а публицистъ или даже фельетонистъ. «Вѣяніе трактирной цивилизаціи тлетворно пронеслось надъ тихими степными деревнями» — если бы г. Эртель не сказалъ (сказать и мы не хуже можемъ), а изобразилъ, нарисовалъ это! Но въ томъ-то и бѣда, что такія темы г. Эртель только намѣчаетъ и никогда не исполняетъ, даже не затрогиваетъ: его спеціальность только порт-

реты да (о чемъ мы еще скажемъ) пейзажи. Жанровая, а тѣмъ болѣе историческая живопись не входитъ въ кругъ его вѣдѣнiя.

Собственно говоря, г. Эртеля только съ нѣкоторой натяжкой можно причислить къ нашимъ «народникамъ». Народъ вовсе не составляетъ его излюбленной специальной темы и онъ охотно беретъ за изображенiе жизни обезпеченныхъ и интеллигентныхъ слоевъ. Къ сожалѣнiю, и въ этой сферѣ г. Эртель является только портретистомъ, которому по силамъ изобразить ту или другую отдѣльную личность (и то не всегда), но не по силамъ представить ее въ дѣйстви. въ движенiи, въ ея отношенiяхъ къ средѣ. Въ силу этого, когда г. Эртель изображаетъ какого-нибудь «барина Листарку» — получается прекрасная, тонко написанная фигура, полная жизни и правды. Но чуть авторъ расширяетъ рамки своей задачи, какъ только онъ переходитъ къ воспроизведенiю болѣе сложныхъ, нежели отдѣльная человѣческая личность, явленiй жизни—сплы немедленно начинаютъ ему измѣнять, является какая-то фальшь, дѣланность, сухое «сочинительство». Тенденцiя—вещь хорошая и ужъ не мы, конечно, станемъ оспаривать ея мѣсто въ области «святого искусства». Но нужно умѣть обходиться съ нею. Этого умѣнья у г. Эртеля, откровенно говоря, совсѣмъ незамѣтно. Въ рассказѣ «Лшяги», г. Эртель передаетъ, напримѣръ, такой «политическiй» разговоръ между четой влюбленныхъ — «чистокровнѣйшимъ джентльменомъ» (какъ его называетъ авторъ) и его шестнадцатилѣтней невѣстой:

— И судъ, и полицiя, и церковь—все помѣщику, говоришь? спросила она.

— То-есть не помѣщику, а подъ его воздѣйствиемъ, возразилъ Сергiй Львовичъ.

— И тогда противные кулаки исчезнутъ, говоришь?

— Непремѣнно исчезнутъ, дитя мое.

Она радостно захлопала въ ладоши.

— А эти... нигилисты?

— И нигилисты исчезнутъ, ксно и просто отвѣтилъ онъ.

— Куда-же вы ихъ?

— На Сахалинъ, моя голубка.

Люба слегка отклонилась отъ широкой груди Сергiя Львовича.

— Стало быть, они ужасные люди?

— Ужасные, моя дорогая.

— И ихъ нельзя жалѣть?

— Нѣтъ, моя радость, они не стоятъ жалости.

Она глубоко вдохнула.

— Скажи—они не признають... Шекспира?

— То-есть, видишь-ли, дитя мое, у нихъ теперь система: они не только Шекспира—все отрицають: собственность, бракъ, религiю; но съ другой стороны, какъ будто и не отрицають.

— Какъ-же это?—широко раскрывъ глаза, спросила Люба.

— О, они теперь давно уже не так наивны! Прежде, друг мой, жалость ихъ была такъ велика, что они сами во всеуслышаніе величали себя нягилстами; теперь не то, теперь ихъ именуютъ „интеллигенціей“ (слово это Карамышевъ произнесъ не безъ презрительности), какъ будто существуетъ какая-либо интеллигенція помимо насъ...

— Ну, какъ-же ты говоришь на Сахалинъ, въ недоумѣніи сказала Люба:— значить всю эту интеллигенцію на Сахалинъ?

— Значить, душа моя.

— Но вѣдь эта масса...

— Это будетъ жертва, но жертва необходимая. Въ Испаніи въ одно прекрасное время выслали всѣхъ жидовъ“.

Нѣтъ возможности читать безъ улыбки этотъ ребяческій лепетъ, который, впрочемъ, авторъ передаетъ безъ малѣйшей насмѣшки, совершенно серьезно. Съ тою-же полнѣйшею и отъ того еще болѣе забавною серьезностью онъ передаетъ въ томъ-же разсказѣ пылкія рѣчи одного студента—второкурсника, который громитъ аристократію. Взятая сама по себѣ, эти рѣчи, какъ рѣчи, не представляютъ собой ничего особенно наивнаго. Онѣ могутъ быть совершенно справедливы даже. Но г. Эртель, какъ портретистъ, только портретистъ, не умѣетъ, повторяемъ, рисовать положеній, да, кромѣ того, и чувствомъ мѣры не обладаетъ, и оттого, вмѣсто ожидаемыхъ имъ «картинъ, мрачныхъ до трагизма», получаютъ увеселительныя сценки. Студентъ громитъ въ свѣтской гостиной аристократію и «весь охваченный чувствомъ какой-то истинной ярости, онъ то приводилъ корреспонденціи и судебные процессы, то рассказывалъ устные преданія и матеріалы «Русскаго Архива», то перетрясалъ исторію и мемуары... Онъ мастерски выхватилъ два крупныхъ факта изъ русской исторіи—замыслы верховниковъ при Аннѣ Ивановнѣ и происки крѣпостниковъ во время освобожденія крестьянъ — и подкрѣпивъ ихъ добрымъ десяткомъ фактовъ маленькихъ, великолѣпно обобщилъ все это... Затѣмъ перешелъ къ семьѣ. Здѣсь онъ, събѣдасный какимъ-то злобнымъ восторгомъ и особенно ядовитый, особенно иронизирующий, такъ и напустился какъ ястребъ и на Вронскаго въ «Аннѣ Карениной» и на самого Каренина, и на Ирину въ «Дымъ»... Безпощадно разоблачалъ онъ «всю эту показную мораль, всю эту яркую шумиху многозначительныхъ фразъ и дѣлъ красивыхъ, всю эту мишуру импонирующей обстановки и титуловъ звонкихъ до наивности, золотомъ расшитыхъ мундировъ и костюмовъ, цѣна которымъ голодъ и нищета цѣлыхъ губерній» (последнія фразы поставлены въ ковычки, какъ подлинныя слова краснорѣчиваго студента). Затѣмъ студентъ «бросился къ Риму, временъ упадка, коснулся Италіи эпохи Медичисовъ, перебралъ вельможество Англіи въ пору войнъ Алой и Бѣлой розы» и пр. и пр. и пр. И эта длинная лекція была произнесена въ гостиной, передъ лицомъ

свѣтской дамы! Мы не говоримъ, что это невозможно; мы находимъ только, что это смѣшно. «Благородно и смѣшно», какъ говорилъ Молотовъ.

Это отсутствіе чувства мѣры, такта, сказывается и на другихъ сторонахъ произведеній г. Эртеля Г. Эртель, напр., прекрасный пейзажистъ. Описанія картинъ природы выходятъ у него большей частью очень удачны. Но бѣда опять въ томъ, что, сознавая этотъ свой талантъ, авторъ просто безбашно злоупотребляетъ имъ. Онъ описываетъ лѣса, поля, рѣки и пр., какими они бываютъ и въ зимнее, и въ лѣтнее, и въ весеннее и въ осеннее время, описываетъ утреннюю и вечернюю зарю, описываетъ полдень и полночь, описываетъ небо облачное и описываетъ небо ясное и пр. и пр. Даже нѣкоторые персонажи г. Эртеля, разговаривая о томъ о семъ, вдругъ, совершенно неожиданно, переходятъ къ описанію разныхъ красотъ природы. Общее впечатлѣніе получается довольно утомительное. Куда ни шло одно описаніе, ну, два, ну, три, а то вѣдь до безчувствія. Въ концѣ-концовъ о талантѣ г. Эртеля можно сказать словами Лермонтова, что онъ «весь въ будущемъ».

Испытаніе. Романъ въ трехъ частяхъ. *В. Крестовскаго* (псевдонимъ). Слб. 1883.

Во всѣхъ литературахъ мало такихъ произведеній, которыя-бы пережили даже тридцатилѣтній срокъ, т. е. возрастъ одного поколѣнія. Въ особенности это трудно у насъ, въ нашей жизни, въ которой руководящія идеи смѣняются особенно быстро. Наше общество «и жить торопится и чувствовать спѣшить», и это естественно, потому что ему нужно пройти еще длинный путь, чтобы только поравняться съ своими болѣе счастливыми западными собратьями или конкурентами—какъ угодно называйте. Типы сороковыхъ и даже пятидесятихъ годовъ рѣшительно отжили свой вѣкъ и имѣютъ теперь только историческое значеніе—если имѣютъ даже такое значеніе. Гдѣ теперь Рудины и Лаврецкіе, Обломовы и Инсаровы? И если слабые признаки этихъ типовъ мы все еще можемъ встрѣтить иногда, въ отдѣльныхъ случаяхъ—то велика-ли ихъ роль въ современной жизни? За послѣднія тридцать лѣтъ мы прожили цѣлое столѣтіе. Можно оспаривать серьезность нашихъ успѣховъ, но нѣтъ возможности спорить противъ того, что характеръ жизни, соотношеніе между ея главными элементами, самый центръ тяжести ея—все это перемѣнилось и перемѣстилось самымъ рѣшительнымъ образомъ. А перемѣнились времена и обстоятельства, перемѣнились люди и нравы. Въ былое время можно было

съ симпатіей и даже не безъ уваженія относиться къ извѣстному типу женщины, о которой поэтъ сказалъ:

Святая женщина! Свое предназначенье
Ты просто, свято поняла!
Удаль любви, молитвы и терпѣнья
Себѣ на долю избрала!

Теперь такая «героння» никакого эффекта не произведетъ, а вызоветъ одно недоумѣніе. Въ былое время кавалеръ, оказавшійся несостоятельнымъ передъ пылкимъ чувствомъ дамы, внушалъ намъ глубочайшее негодованіе и мы готовы были расказнить его, теперь мы этимъ отношеніямъ большого значенія придавать никакъ не можемъ и спокойно отходимъ отъ этихъ личныхъ дразгъ. Въ былое время деспотъ-мужъ, тиранящій свою безответную жену, или деспотъ-жена, поджаривающая на медленномъ огнѣ своего мужка-колпака, или любовная измѣна «его» («ей») и наоборотъ и т. п. возбуждали въ насъ живѣйшій интересъ и мы съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за всѣми перипетіями этихъ кухонныхъ и будuarныхъ драмъ. Теперь намъ какъ-то совсѣмъ не до того, да мы и надежду ужъ потеряли хоть какъ нибудь разсудить этихъ мучениковъ собственнаго неразумія. Что тутъ подѣлаешь? И медвѣдь реветъ, и корова реветъ, а кто кого деретъ самъ чортъ не разберетъ, какъ выражается нашъ народъ. Was war, kommt nicht wieder—это еще Гете сказалъ да и до Гете эту неособенно головоломную мысль знали и понимали тысячи людей.

Намъ хотѣлось-бы, чтобы объ этой простой истинѣ удостоилъ вспомнить г. Крестовскій. Его романъ «Испытаніе» написанъ тридцать лѣтъ тому назадъ—въ 54 году. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, этотъ романъ относится къ самой ранней порѣ развитія таланта автора, когда онъ, этотъ талантъ, могъ многое обѣщать, но еще не могъ многого сдѣлать. Автору «Испытанія» нужно было много пережить, прочувствовать, продумать, испытать, чтобы развить въ себѣ силу, достаточную для того, чтобы справиться съ такой темой, какъ «Первая борьба», и такъ успѣшно справиться. Совокупность этихъ двухъ обстоятельствъ производитъ то, что романъ «Испытаніе» производитъ на современнаго читателя, какое-то странное, смутное и, говоря откровенно, не особенно пріятное впечатлѣніе. Читатель, хорошо знакомый съ позднѣйшими произведеніями г. Крестовскаго, привыкъ уважать его прекрасный талантъ и привыкъ находить у него живые мотивы, которые придавали его произведеніямъ вполне современный и широкій общественный смыслъ. Прислушивши съ такими-же требованіями и ожиданіями къ «Испытанію», онъ закрываетъ книгу съ полнымъ разочарованіемъ. Онъ попадаетъ въ какое-то царство

тѣней, вдвойнѣ блѣдныхъ—и отъ непривычки автора къ яркому изображенію характеровъ и отъ своей собственной незначительности. Романъ сдѣланъ—не можемъ сказать «созданъ»—какъ разъ по шаблону добраго стараго времени: въ немъ фигурируютъ «святая женщина», т. е. какое-то прокислое существо женскаго пола, молодой фразеръ, изъ тѣхъ, которымъ что «книга послѣдняя скажетъ, то на душѣ его сверху и ляжетъ», кисейная барышня, блаженной памяти, наконецъ «тиранъ», или «злѣдѣй» во образѣ одной бой-барыни и т. д. — цѣлый, однимъ словомъ, рядъ мертвецовъ, возвратившихся съ погоста. Для читателя начинается настоящее «испытаніе». Онъ слышитъ знакомыя и давно уже забытыя имъ рѣчи, передъ нимъ возникаютъ заботы, огорченія, страданія, давно-давно переставшія волновать его, его приглашаютъ углубиться въ созерцаніе драмы, а онъ видитъ только бурю въ стаканѣ воды. Дѣла не спасаетъ даже психологическій анализъ, въ которомъ г. Крестовскій такой большой мастеръ, не спасаетъ опять-таки потому, что авторъ «Испытанія» слишкомъ мелко плаваетъ въ сравненіи съ авторомъ «Первой борьбы», «Альбома», «Большой Медвѣдицы». «Психологія» романа заключается не въ аналитическомъ изображеніи характеровъ, какъ это мы встрѣчаемъ у всѣхъ истинныхъ художниковъ и въ томъ числѣ и у самого г. Крестовскаго, а въ навизываніи и прибираніи какихъ то наивныхъ афоризмовъ или сентенцій въ такомъ, напр., родѣ: «ни у кого не бываетъ минутъ такого полнаго самозабвенія, какъ у людей, сознавшихъ, что они вполнѣ несчастны; опредѣливъ свое положеніе, они отдаются впечатлѣніямъ другого рода, впечатлѣніямъ утѣшающимъ, со всѣмъ жаромъ души, которой необходимо забвеніе, со всей чувствительностью болѣзни, со всѣмъ увлеченіемъ раздраженія...» (257). Или еще: «люди кроткіе и неподвижныя зависятъ отъ своихъ привычекъ. Они покоряются по привычкѣ, потому что ужъ одинъ разъ начали покоряться, и хотя-бы тяготились своимъ положеніемъ, но нескоро рѣшаются изъ него выйдти, потому что для этого надо не только побѣдить обстоятельства, но еще переломить свое сердце, то-есть свою привычку. Внезапныя нападенія выводятъ ихъ изъ терпѣнія, возмущаютъ ихъ, но не на долго: утомленные въ одну минуту, они рады возвратиться къ своему обычному покою» и т. д. (278). Если есть прописная мораль то, какъ читатель могъ убѣдиться изъ этихъ отрывковъ, существуетъ и прописная психологія. Мы слишкомъ высоко ставимъ талантъ г. Крестовскаго и слишкомъ цѣнимъ его литературныя заслуги, чтобы не пожалѣть о выпускѣ имъ въ свѣтъ устарѣлаго романа, который можетъ только повредить заслуженной репутаціи автора.

Еврейскій вопросъ. Должны-ли христіане преслѣдовать евреевъ.
 Размышленія по поводу антиеврейскихъ безпорядковъ. *К.
 Брон—кова.* Спб. 1883.

Брошюра подкупаетъ читателя своимъ предметомъ. «Еврейскій вопросъ» до такой степени обостряется, принимаетъ такіе размѣры и выражается въ такихъ формахъ, что не можетъ не привлекать къ себѣ вниманія общества. Но на этотъ разъ читателя ждетъ полное разочарованіе. Брошюра г. Брон—кова доставитъ ему нѣсколько веселыхъ минутъ, но собственно «еврейскаго вопроса» не разъяснить ни на волосъ. Авторъ-христіанинъ (онъ почему-то безпрестанно упираетъ на то, что онъ христіанинъ) и старается доказать, что мы, христіане, не должны преслѣдовать евреевъ на томъ основаніи, что наша религія предписываетъ намъ кротость и смиреніе. Въ этомъ вся сущность брошюры, насколько можно понять ее (она написана языкомъ совершенно невозможнымъ). Но курьезно, что авторъ, путаясь въ своихъ теологическихъ доказательствахъ, зачастую даетъ оружіе противъ самого себя. Въ концѣ брошюры онъ говоритъ напр.: (кстати, по этому отрывку читатель можетъ судить и объ изложеніи г. Брон—кова) «исполнилось пророченное Іереміею надъ еврейскимъ народомъ:— «Спиною, а не лицомъ обращаюсь къ нимъ въ день бѣдствія ихъ»—сказалъ Господь устами пророка;— и дѣйствительно, лице Распятаго на Голгофѣ, обращено было отъ Іерусалима на сѣверо-востокъ—на сторону нашего отечества, пребывавшаго тогда во тьмѣ язычества. Отраднa мысль, что мы назnamenованы (sic!) были Спасителемъ міра въ людей избранныхъ, царское освященіе, языкъ святъ (!). Постараемся-же быть достойными такого неза заслуженнаго нами благоволенія Его!» Противники еврейства могутъ сказать на это г. Брон—кову: если ужъ пророкъ Іеремія предсказалъ евреямъ всяческія невзгоды и если самъ Христосъ на крестѣ обратилъ лицо въ сторону нашей земли, то о какой-же равноправности толкуете вы? Мы—народъ избранный, еврей—опальный, это провиденціально, а стало быть и безапелляціонно. Г. Брон—ковъ, очевидно, изъ тѣхъ друзей еврейства, которые опаснѣе всякаго врага.

Сильванусъ Томпсонъ. Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго *Θ. Я. Калустина* и *В. Б. Струве*, подъ редакціей доктора физики *И. И. Боргмана*. Изданіе *И. И. Библияна*. Спб., 1883 г.

Вопросы по электричеству начинаютъ все болѣе и болѣе интересовать всякаго образованнаго человѣка. Дѣйствительно, успѣхи

въ этой области за послѣднее время поразительно обширны: изобрѣтенія телефона, микрофона, фотофона; усовершенствованіе динамо электрическихъ машинъ, опыты съ передачей электрической силы на разстоянія; аккумуляторъ Фора; электрическая свѣча Яблочкова и различные электрическіе лампы и регуляторы; электрическая желѣзная дорога, масса открытій въ области примѣненія электричества къ печатанію и фотографіи; примѣненія электричества къ отбѣлки тканей; обширныя изслѣдованія въ области леченія электричествомъ и т. п... Во всѣхъ этихъ приложенияхъ электричество является силой, могущей дѣйствовать на очень малыхъ и на крайне большихъ разстояніяхъ почти съ одинаковой выгодой. результатомъ дѣйствія является или перемѣщеніе произвольно большихъ массъ, или-же чрезвычайно малыхъ, каковыя въ дѣйствительности атомы тѣлъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нашему юношеству обязательно отчетливое знаніе основныхъ фактовъ по электричеству и тѣмъ законамъ, которыми связываются различныя его явленія какъ между собою, такъ и съ различными другими дѣятелями природы. Между тѣмъ преподаваніе физики въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ ведется далеко не такъ полно, какъ это надлежало-бы. Наши учебники физики, принятые за обязательныя пособія, далеко не удовлетворяютъ современному состоянію знаній науки, идущей неимоვნно быстро впередъ. Составители руководствъ не постарались построить курсъ на основаніи господствующихъ въ настоящее время понятій, но въ то-же время излагаютъ предметъ, какъ-бы обходя прежнія воззрѣнія. Въ нашей литературѣ давно уже переведены «Свѣтъ и теплота, какъ родъ движенія», «Звукъ и свѣтъ» Тиндалля; «Единство силъ природы» Адольфа Фика, Грове, Гельмгольца, Секки; «Трактатъ о звуковыхъ ощущеніяхъ» Гельмгольца, — между тѣмъ составители нашихъ учебниковъ не воспользовались ни однимъ изъ этихъ въ высшей степени талантливыхъ произведеній. Можно съ увѣренностью сказать, что въ 50-хъ годахъ у насъ рациональнѣе учили физикѣ, нежели теперь. Тогда, по крайней мѣрѣ, было въ обращеніи прекрасное руководство по физикѣ извѣстнаго ученаго и нашего академика Э. Ленца, отвѣчавшее требованіямъ тогдашней науки.

Такимъ образомъ нашему юношеству остается одно средство: пополнять свои жалкія свѣдѣнія по физикѣ чтеніемъ выше указанныхъ сочиненій, но и при этомъ оставался громадный пробѣлъ, такъ какъ до сихъ поръ въ нашей литературѣ не было по электричеству никакого основательнаго сочиненія. Какъ нельзя болѣе кстати г. Билибинъ, которому русское юношество обязано за изданіе многихъ сочиненій, въ высшей степени цѣнныхъ въ

образовательномъ отношеніи, издалъ недавно книгу Сильвануса Томпсона, которая представляетъ неоцѣненное пособие для всякаго интересующагося вопросами по электричеству. Книга эта читается легко и съ большимъ интересомъ; переводъ, подъ редакціей г. Боргмана, вполне удовлетворителенъ; наиболѣе трудныя мѣста изложены совершенно отчетливо, а въ этомъ и заключается достоинство перевода всякаго научнаго сочиненія.

Въ заключеніе, чтобы дать понятіе о содержаніи книги, приведемъ слѣдующее мѣсто изъ предисловія самого автора:

«Настоящая книга», говоритъ онъ, «имѣетъ цѣлью дать возможность начинающимъ получать ясныя и точныя свѣдѣнія о тѣхъ опытахъ, какіе служатъ основаніемъ науки объ электричествѣ и магнитизмѣ, и ознакомиться съ тѣми точными законами, которые были найдены при посредствѣ этихъ опытовъ. Затрудненія, съ которыми встрѣчаются начинающіе при изученіи многихъ современныхъ учебниковъ, происходятъ отчасти или вслѣдствіе слишкомъ обширнаго объема предмета ихъ, или-же частью вслѣдствіе недостатка выясненія въ нихъ основныхъ опытовъ. Съ самаго начала, для изученія, намъ представляются три различныхъ рода явленій: явленія электричества отъ тренія, явленія электрическихъ токовъ, и наконецъ явленія магнетизма. Но ни одинъ изъ этихъ отдѣльныхъ родовъ явленій, однако, нельзя правильно изучать, не имѣя нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся до всѣхъ родовъ этихъ явленій. Согласно сказанному, первые три отдѣла настоящей книги посвящены простому изложенію главныхъ опытныхъ данныхъ по всѣмъ тремъ отраслямъ разсматриваемаго предмета, и въ остальныхъ уже затѣмъ отдѣлахъ приведены связующія звенья цѣпи всѣхъ явленій и тѣ части теоріи электричества, какія возможны для изложенія въ *такомъ строю-элементарномъ* трудѣ. Никакихъ особенныхъ знаній по алгебрѣ, кромѣ знанія простыхъ уравненій, и по геометріи — кромѣ основаній, изложенныхъ въ первой книгѣ Эвклида, не требуется для пониманія настоящей книги».

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Объясненіе «Юж. Краемъ» теперешней печати, будто-бы обходящей «насуточные вопросы». — Недавняя исторія податнаго вопроса. — Какъ отнеслось къ нему земство, высказавшееся за всеобщій подоходный налогъ. — Почему земство и печать высказались такимъ образомъ. — Выль-ли это вопросъ новый даже въ 1871 г. — Чѣмъ кончились попытки земства въ уравненіи платежей. — Новый проектъ подоходнаго налога, составленный высшимъ министерствомъ финансовъ, и его обращеніе къ мнѣніямъ компетентныхъ лицъ и учрежденій. — Какимъ критеріемъ слѣдуетъ оцѣнить этотъ проектъ. — Сущность проекта, его слабыя и сильныя стороны. — Мѣсто, занимаемое предполагаемымъ подоходнымъ налогомъ въ ряду другихъ податныхъ обложеній.

Обсуждая нѣкоторыя финансовыя мѣры послѣдняго времени, отчасти осуществленныя, отчасти проектируемыя, «Южный Край» высказываетъ недоумѣніе по поводу того равнодушія, съ которымъ онѣ встрѣчаются. Казалось бы, говорить газета, «общество и печать должны-бы были являться крайне заинтересованными въ правильномъ разрѣшеніи поставленнаго государственною властью вопроса. Судя по тѣмъ работамъ, часто очень солиднымъ, которыя появлялись въ современныхъ изданіяхъ въ то время, когда правительство считало невозможнымъ или преждевременнымъ браться за разрѣшеніе этого вопроса, можно было-бы ожидать, что люди, изучавшіе этотъ вопросъ, прійдутъ и въ настоящее время съ сильными указаніями и тѣмъ облегчать правительственной власти начатый ею немаловажный трудъ. Ничуть не бывало. Все, что угодно, можно встрѣтить въ послѣднихъ книжкахъ повременныхъ изданій, но только не то, что живо интересуется общество и составляетъ насущные вопросы дня. Исключая нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣтокъ, не имѣющихъ никакого рѣшительно значенія, до сихъ поръ не появлялось ни одной сколько-нибудь солидной работы, выводы которой могли-бы быть приняты во вниманіе» («Нов. Вр.», № 2660).

Фактически замѣчаніе «Ю. К.» вполне вѣрно: прежде по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ, когда они возбуждались государственною властью, въ печати дѣйствительно появлялись солидныя работы, теперь-же такихъ работъ нѣтъ, и если-бы «Ю. К.» ограничился установленіемъ этого факта, ему-бы и возра-

жать было нельзя. Но газета увлекается полемикой и обвиняет современную печать въ равнодушіи къ «вопросамъ дня». Предположимъ, что замѣчаніе это вѣрно. Отчего-же, спрашивается, «прежде» и въ печати являлись «солидныя работы», а современная печать даетъ только «бѣглыя замѣтки»? Вопросъ дѣйствительно любопытный, но ни «Ю. К.», ни «Н. В.», изъ котораго я сдѣлалъ выписку, отвѣта на него не даютъ. Не отвѣчая прямо на этотъ вопросъ, я, по поводу «проекта промысловаго налога», опубликованнаго министерствомъ финансовъ, напомню читателю недавнюю исторію податнаго вопроса.

Почти въ одно время съ освобожденіемъ крестьянъ, при министерствѣ финансовъ была учреждена коммиссія для пересмотра системы податей и сборовъ. Коммиссія отнеслась къ возложенному на нее дѣлу съ такой осторожностію, что задалась даже вопросомъ: «настоятъ-ли надобность въ коренномъ измѣненіи подушной системы и не удобнѣе-ли, сохранивъ подушную раскладку, сдѣлать въ ней только нѣкоторыя улучшенія»? Порѣшивъ, что никакихъ коренныхъ измѣненій не нужно, коммиссія пришла къ заключенію, что достаточно только одной отмѣны подушной системы. Но чѣмъ-же замѣнить подушный сборъ и пополнить дефицитъ, который явится съ его отмѣной? Перевести его на землю невозможно, потому что земля и безъ того обременена непосильными платежами, и вотъ коммиссія придумала слѣдующую комбинацію. Крестьянскій доходъ слагается изъ дохода отъ земли и дохода отъ заработковъ, поэтому и налогъ падаетъ на землю и на заработки. Земля, какъ вещественный признакъ податной силы, является податной величиной достаточно уловимой; но совсѣмъ не то посторонній заработокъ, который во многихъ мѣстахъ служитъ единственнымъ источникомъ податныхъ платежей. Чтобы создать уловимый вещественный признакъ для этого источника, коммиссія придумала часть подушныхъ сборовъ, которые уплачиваютъ крестьяне изъ постороннихъ заработковъ, обратить на вещественный признакъ этихъ силъ—крестьянскій дворъ. Создавъ такимъ образомъ, вмѣсто прежней «души», двѣ новыя единицы податнаго обложенія—землю и дворъ, коммиссія полагала на дворы перевести подушную подать, а на землю государственный земскій сборъ. Проектъ коммиссіи былъ разосланъ въ земство, для обсужденія, и въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ поставлено на видъ земствамъ, что *«ни одно изъ основныхъ началъ проекта не предпринято правительствомъ»*.

Не смотря на прямой смыслъ циркуляра, многія земства затруднились разсмотрѣніемъ его въ предѣлахъ имъ указанныхъ, а въ Вятской губ. губернаторъ прямо предписалъ земству «не ба-

саться сущности проекта», а дать лишь отвѣты на вопросы комиссіи. Но другія земства отнеслись къ дѣлу правильно и высказались въ смыслѣ коренного преобразованія податной системы.

Петербургская губернская земская управа, соглашаясь съ указанными комиссіей недостатками подушной системы, нашла, что комиссіи упустила изъ виду самый важный недостатокъ: «нынѣ, говоритъ губернская управа, когда даже тягчайшая изъ личныхъ повинностей — военная, признана верховною властію, при общемъ сочувствіи Россіи, повинностію общею для всѣхъ гражданъ, является совершенною аномаліею дѣленіе русскаго народа на сословія *податныхъ и неподатныхъ*». Если, говорила управа, затронуть вопросъ о преобразованіи подушной подати, то первымъ словомъ преобразованія должно быть призваніе всѣхъ гражданъ государства къ отбыванію прямыхъ податей независимо отъ происхожденія плательщиковъ. Затѣмъ, разбирая проектъ комиссіи, управа нашла, что переложеніе податей съ душъ на земли и дворы не уменьшитъ тягостей платежа, которыя по-прежнему будутъ лежать на однихъ крестьянахъ. Далѣе, что крестьянскій дворъ никакъ не можетъ служить основаніемъ для исчисленія налога и быть вещественнымъ признакамъ рабочей силы, потому что между дворомъ и числомъ находящихся въ немъ заработковъ нѣтъ никакого соотношенія. На землю тоже нельзя наложить новой тягости, потому что и безъ того на ней лежитъ больше того, что она даетъ. Получая отъ земли 100 р., крестьянинъ выплачиваетъ 147 р.

Московское земство высказало подобное-же мнѣніе. Оно, т. е. земство, находило, что проектъ комиссіи не достигаетъ ни одной изъ предположенныхъ имъ цѣлей, что переложеніе повинностей съ душъ на дома и земли есть только перемѣна названій, сущность же остается прежняя, что земля не выноситъ даже и того, что на ней лежитъ, а переложить эту подать на дома — не значить облегчать землю, потому что въ домахъ живутъ тѣ-же земледѣльцы, платящіе съ дохода отъ земли. Слѣдовательно, вопросъ не въ томъ, чтобы найти новый платежный признакъ, а въ томъ, чтобы создать новыя податныя силы и опредѣлить отношеніе размѣровъ налога къ средствамъ плательщиковъ.

Остальныя земства высказались противъ проекта комиссіи настолько-же рѣшительно.

Херсонское земство, не соглашаясь съ основною мыслию проекта, считало необходимымъ привлеченіе къ налогамъ всѣхъ сословій. По мнѣнію херсонскаго земства, доходы, получаемые государствомъ отъ податей, должны быть замѣнены поземельнымъ налогомъ на всѣ сословія безъ исключенія, добавочнымъ налогомъ на дома въ городахъ и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они служатъ предметами найма,

налогомъ на публичные фонды и акціи разныхъ обществъ, налогомъ на заработки всѣхъ лицъ въ государствѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, безъ различія пола, кромѣ неспособныхъ къ труду.

По мнѣнію орловскаго земства, единственное средство достигнуть облегченія въ налогахъ заключается въ привлеченіи къ платежамъ всѣхъ вообще силъ государства, и источникомъ платежа должны служить имущества движимыя и недвижимыя, трудъ и промышленныя предпріятія.

Тульское земство считало необходимымъ привлечь къ платежамъ трудъ и имущество всѣхъ сословій безъ изыятія; обложить прямымъ налогомъ личный трудъ и всѣ доходы, какъ съ имуществомъ, такъ и съ капиталомъ.

Владимірское земство желало разложить подати на трудъ, имущество и капиталы безъ различія сословій.

Саратовское—поставило просить правительство, вмѣсто государственной подушной подати, ввести налогъ личный и имущественный и привлечь къ нему всѣ сословія. Личнымъ налогомъ саратовское земство считало налогъ на доходъ, приобретаемый личнымъ трудомъ; а налогомъ имущественнымъ — платежъ со всякаго рода доходнаго имущества. Раскладку налоговъ саратовское земство предполагало предоставить земству.

Самарское земство отвергло налогъ съ личного труда и высказалось въ пользу подоходно-имущественнаго обложенія.

Черниговское земство допускало только подоходный налогъ, падающій на всѣхъ гражданъ, безъ различія сословій. Налогу этому должны подлежать недвижимыя имущества и всякаго рода капиталы, какъ реализованные, такъ и находящіеся въ оборотѣ, и вообще всѣ факторы производства.

Вологодское земство, не допуская переходныхъ мѣръ, полагало ввести подоходно прогрессивный налогъ. Оно считало необходимымъ отмѣнить подушную подать, подушный государственный земскій сборъ и общественные сборы, и взамѣнъ ихъ установить подоходный налогъ съ имуществомъ, капиталомъ и труда всѣхъ сословій, разграничивъ его прогрессивно и не освобождая отъ налога никакаго дохода.

Тамбовское земство считало долгомъ справедливости привлеченіе къ налогамъ всѣхъ сословій и предлагало всеобщую классовую подать.

Нижегородское земство стояло за подоходный налогъ въ видѣ поразрядной (классной) подати по прусскому образцу, но въ болѣе упрощенной формѣ. Плательщиковъ предполагалось раздѣлить на 30 разрядовъ и окладъ подоходнаго налога исчислять изъ 3%. Разряды доходили до 240,000 р. дохода. Свыше же его земство

думало разрядовъ не устанавливать и окладъ налога исчислять прямо изъ 3%.

Не смотря на различіе частныхъ, земства безъ исключенія высказались за обложеніе всего населенія, за полную отмену подушной подати и за подоходный налогъ. Московское-же земство составило даже подробный проектъ поразряднаго налога. Проектъ этотъ обнималъ всѣ подробности дѣла и составлялъ вполне законченное цѣлое, какъ-бы готовое для разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ.

Единодушіе, съ которымъ русское земство отнеслось къ податному вопросу, и способъ разрѣшенія, имъ предложенный, составляетъ замѣчательную страницу въ исторіи нашего земства. Всѣ были готовы повончить навсегда съ подушной податью и обложить все населеніе безъ различія сословій подоходнымъ налогомъ. Общество и печать отнеслись къ податному вопросу съ такимъ-же единодушіемъ. Вопросъ этотъ точно носился повсюду въ воздухѣ, возбуждалъ общій интересъ, общее ожиданіе, зрѣлъ въ общественномъ сознаніи; казалось, онъ былъ уже готовъ къ практическому осуществленію и общественное вниманіе напряженно слѣдило за его движеніемъ, ожидая скораго его окончанія. Это было въ 1871 году.

Общественное сочувствіе къ податному вопросу или, точнѣе, къ подоходному налогу, который, по общему ожиданію, не сегодня—завтра долженъ былъ похоронить навѣки подушную систему, и та зрѣлость, которую обнаружило земство при обсужденіи проекта комисіи, явились вовсе не внезапно, какъ это можетъ показаться. Податной вопросъ зрѣлъ давно въ общественномъ сознаніи и былъ далеко не новостью для публицистики; что-же касается земства, то расклады, которыя ему приходилось дѣлать, тоже давно уже побуждали его изыскивать средства для облегченія, по мѣрѣ силъ, тягостей, лежавшихъ на крестьянской землѣ. Мысль была не новая, но ей не было случая обнаружиться; теперъ-же этотъ случай представился.

Земству съ самаго начала и безъ всякихъ спеціальныхъ изслѣдованій была очевидна неуравнительность платежей. Въ частности, по сословіямъ, платежи, по выясненію вн. Васильчикова, составляли:

съ податныхъ сословій	66.691,000 р.
съ лицъ торгующихъ	778,000 »
съ казны и удѣла	36,000 »
съ землевладѣльцевъ	500,000 »

Или:

съ ревизской души	2 р. 65 к.
съ землевладѣльца	4 » 85 »
съ торговаго лица	1 » 54 »

Такииъ образомъ, на самомъ завиточномъ торговомъ сословіи лежало платежей вполонину меньше, чѣмъ на крестьянахъ.

По расчету земли, платежи распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на 109 м. д. крестьянской земли лежало податей 66 м. р., или на десятинѣ 61 к.

на 70 м. д. земли помѣщичьей 500 т. р. или на десят. 0,71 к.

на 13 м. д. земли казен. и удѣльной—36,000 р. или на дес. 0,3 к.

Т. е., крестьянская земля платила въ 87 разъ больше земли помѣщичьей и въ 205 разъ больше земли казенной и удѣльной.

Получивъ въ наслѣдство такую страшно неуравнительную раскладку, земство не могло-же продолжать ее въ прежнемъ видѣ. Если-бы въ земствѣ не нашлось-бы даже и малѣйшаго чутья податной справедливости, то поддерживать старыиъ порядокъ было-бы ему невозможно уже въ силу новыхъ основаній, по которымъ оно было обязано дѣйствовать.

По земскому положенію, земству предоставлялось установить дополнительные сборы, какіе окажутся необходимыми для покрытія обязательныхъ и необязательныхъ расходовъ земства, и затѣмъ раскладку какъ существующихъ, такъ и дополнительныхъ сборовъ впредь до изданія новаго устава о земскихъ повинностяхъ производить на *новыиъ основаніяхъ*. Обложенію подлежали: земли, фабрики, заводы, промышленныя и торговыя заведенія и вообще недвижимыя имущества въ уѣздахъ и городахъ, а также свидѣтельства на право торговли. Основаніемъ для оцѣнки указана цѣнность и доходность облагаемыхъ имуществъ. Вотъ и вся податная инструкція, съ которой выступило земство. Впрочемъ, инструкція эта давала большой просторъ земству, и очевидно, что правительство, допустивъ земству дѣйствовать на *новыиъ основаніяхъ*, но не установивъ и не предрѣшивъ ихъ, облекало земство большимъ общественнымъ довѣріемъ и предоставляло ему право опыта на широкихъ началахъ. И земство вѣрно поняло свою задачу и съ самого-же начала установило земскую раскладку на началахъ справедливости и уравнительности, до того времени вовсе неизвѣстныхъ. Земское хозяйство, требовавшее новыхъ расходовъ, потребовало и новыхъ налоговъ. Налогать эту новую тягость на землю, и безъ того платившую выше силъ, было невозможно. И вотъ новый земскій налогъ явился тѣмъ регуляторомъ, которымъ земство воспользовалось, чтобы ввести хотя нѣкоторое равновѣсіе въ земскихъ платежахъ. (Государственная система обложенія оставалась тою-же, и опытъ съ *новыми основаніями* производился только земствомъ).

До введенія земскихъ учреждений сборы на земскія повинности составляли 5.186,000 р.; съ введеніемъ-же земскихъ учреждений

они составили 12.842,000 р. или увеличились на 7.655,000 р. (148⁰/₀); земство разложило свой налогъ такъ, что, въ общей суммѣ сборовъ, поземельный налогъ на крестьянъ составилъ 37,8⁰/₀; на землевладѣльцевъ, удѣлъ и казну легло 38,9⁰/₀; на городскія имущества, фабрики, заводы и проч. 24,83⁰/₀. Изъ 7.655,000 р. прибавленнаго налога, на крестьянъ легло только 939,619 р., а 6.715,000 р. были обращены на такіе источники, которые раньше облагались или слишкомъ легко, или-же стояли внѣ обложенія.

Понятно, что «новыя основанія» были встрѣчены плательщиками, пользовавшимися прежде льготой, не особенно дружелюбно; явились недовольство, ронотъ, нареканіе на земство — и недовольство это разрѣшилось «разъясненіемъ» 21 ноября 1866 г., на 9 ст. «временныхъ правилъ земской росписи и земскихъ раскладокъ». По «временнымъ правиламъ», къ предметамъ дополнительнаго земскаго обложенія причислены: земли, фабрики, заводы, промышленныя и торговыя *заведенія* и вообще недвижимыя имущества въ уѣздахъ и городахъ, а также свидѣтельства на право торговли. «Разъясненіемъ»-же предметами обложенія указаны: земли, жилые дома, фабричныя, заводскія и торговыя *помѣщенія, зданія и сооруженія* всякаго рода; билеты на торговныя и промышленныя заведенія, патенты на винокуренные и другіе заводы, патенты на питейныя заведенія. Фабричныя и торговыя помѣщенія слѣдовало принимать въ расчетъ только по цѣнности и доходности *помѣщенія* (а не по доходности производства, какъ было раньше); а для свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ установленъ процентный сборъ по 25 и 10⁰/₀ съ цѣны уплачиваемой въ казну. Такимъ образомъ торговый и промышленный доходъ былъ изъятъ изъ дѣйствія *новыхъ основаній*, и главнымъ плательщикомъ осталось по-прежнему земледѣліе и земля. Едва, было, земледѣліе собралось вздохнуть, найдя себѣ защитника въ земствѣ, думавшемъ раздѣлять платежныя тягости между сельско-хозяйственной и другими промышленностями, какъ послѣднія снова приобрѣли себѣ привилегированное положеніе. Выработка *новыхъ основаній* остановилась на первомъ опытѣ, и затѣмъ земскія раскладки производились уже согласно «разъясненіямъ» 21 ноября 1866 г.

Какія причины остановили дальнѣйшее развитіе податнаго вопроса и почему заявленіе земствъ о необходимости введенія всеобщаго подоходнаго налога не получило дальнѣйшаго движенія-печати неизвѣстно. Но есть основаніе предполагать вотъ что. Земство съ перваго-же года своей дѣятельности стремилось къ уравненію платежей и къ уничтоженію всякихъ привилегированныхъ податныхъ положеній. Разъясненіе 21-го ноября поставило предѣлъ подобнымъ покушеніямъ земствъ на права льготныхъ

плательщиковъ, преимущественно изъ купцовъ и фабрикантовъ. Понятно, что когда правительство обратилось къ земству, желая выслушать его мнѣніе по поводу проекта комиссіи, то рѣшительнѣе чѣмъ когда нибудь земство должно было высказаться противъ податнаго неравенства. Въ этомъ случаѣ земство только отстаивало интересы земли, а отстаивая ихъ, оно и не могло придти ни къ чему иному, какъ къ всеобщему подоходному обложенію и къ желанію привлечь къ земскимъ тягостямъ купцовъ, фабрикантовъ, капиталистовъ. Нужно думать, что и представители противоположныхъ интересовъ тоже не дремали и на подоходный налогъ смотрѣли не съ земской точки зрѣнія. Вліяніе и сила оказались не на сторонѣ земства, и податной вопросъ, нѣсколько лѣтъ державшій въ напряженіи общественное вниманіе, земство и печать, въ 1871 г. замолкъ, по причинамъ политическимъ, экономическимъ или какимъ-нибудь другимъ — неизвѣстно. Двѣнадцать лѣтъ о немъ не было ничего слышно. Но вотъ лѣтомъ нынѣшняго года появляется въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» правительственное сообщеніе «объ установленіи процентнаго сбора съ значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и о болѣе равномерномъ обложеніи торговли и промышленности». Опытъ, который, было, сдѣлало земство, но который тогда не нашелъ себѣ поддержки ни въ министерствѣ финансовъ, ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, теперь какъ-бы находитъ свое продолженіе въ опубликованномъ проектѣ новаго промысловаго налога.

Въ «сообщеніи» говорится, что 18-ти-лѣтній опытъ указалъ на различныя несовершенства «Положенія» 9-го февр. 1865 г. Несовершенства эти заключаются «частію въ излишнемъ обремененіи нѣкоторыхъ низшихъ видовъ промысла и въ недостаточномъ обложеніи крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, а главное въ той неравномѣрности, которая происходитъ отъ одинаковаго обложенія всѣхъ предпріятій, принадлежащихъ къ одному и тому-же роду торговаго, такъ что самыя крупныя предпріятія платятъ наравнѣ съ предпріятіями средними, а иногда и незначительными».

Далѣе въ «сообщеніи» говорится, что «устраненіе *всѣхъ* недостатковъ нынѣшняго промысловаго обложенія можетъ быть проведено лишь постепенно и съ *соблюденіемъ* *необходимой осторожности*; кромѣ того, ему должно предшествовать измѣненіе организаціи податнаго управленія».

Въ настоящее-же время (въ «сообщеніи» сказано: «при настоящемъ положеніи дѣла») предполагается («представляется вполнѣ возможнымъ») безъ *кореннаго пересмотра* «Положенія» 1865 г., достигнуть усиленія доходовъ казны отъ пошлинъ за право торговли

и промысловъ, черезъ дополнительное обложеніе предпріятій, платящихъ слишкомъ мало, и хотя нѣкоторое облегченіе тѣхъ, которые платятъ слишкомъ много».

Подобная мѣра, по словамъ «сообщенія», «вызывается не только требованіями справедливости, но и необходимостію возмѣщенія тѣхъ суммъ, которыхъ государственное казначейство будетъ лишено вслѣдствіе осуществленія предпринятой уже правительствомъ отмѣны подушной подати».

Въ заключеніи сказано: «выработанныя по сему предмету предварительныя соображенія министерство финансовъ признаетъ полезнымъ республиковать во всеобщее свѣдѣніе, для того, чтобы воспользоваться мнѣніями, которыя будутъ высказаны компетентными лицами и учрежденіями».

Это «сообщеніе» министерства финансовъ опредѣляетъ уже ранѣе предѣлы для мнѣній компетентныхъ лицъ. Министерство признаетъ, что дѣйствующее положеніе, при всѣхъ его достоинствахъ для своего времени, нынче уже устарѣло и главный его недостатокъ заключается въ податной несправедливости. Восстановить податную справедливость, по мнѣнію министерства, невозможно сразу, а можно только «постепенно и съ соблюденіемъ необходимой осторожности». Кромѣ того коренное преобразование нельзя предпринять ранѣе, чѣмъ послѣдуетъ измѣненіе въ организаціи податнаго управленія. Но какъ въ то-же время неизбѣжно увеличеніе доходовъ казны, не только для удовлетворенія государственныхъ расходовъ, но и для пополненія дефицита, явившагося вслѣдствіе отмѣны подушной подати, то министерство считаетъ возможнымъ достигнуть увеличенія доходовъ простымъ «дополнительнымъ обложеніемъ предпріятій, платящихъ слишкомъ мало» и въ то-же время «нѣкоторымъ облегченіемъ тѣхъ, которые платятъ слишкомъ много». Вотъ въ этихъ-то предѣлахъ министерство и желаетъ выслушать мнѣнія компетентныхъ лицъ и учрежденій.

Но достаточно-ли точны установленныя министерствомъ границы для мнѣній, чтобы возможно было въ нихъ удержаться? Напримѣръ, по мнѣнію министерства, сознаваемая имъ податная несправедливость можетъ быть уничтожена только постепенно и осторожно. Но развѣ настоящее его дѣйствіе не есть уже уничтоженіе существующей несправедливости? Министерство не довольствуется однимъ дополнительнымъ обложеніемъ тѣхъ, кто платитъ мало, оно еще желаетъ и облегчить тѣхъ, кто платитъ «слишкомъ много». Разъ министерство вводитъ въ свое преобразование моральный принципъ справедливости (о чемъ оно и само заявляетъ), оно этимъ однимъ даетъ уже очень большой просторъ мнѣніямъ

и прежде всего возбуждаетъ вопросъ о самомъ размѣрѣ справедливости. Мы видѣли, что когда въ 1871 г. былъ разосланъ земствомъ проектъ податной комисси и министерство поставило на видъ, что «ни одно изъ основныхъ началъ проекта не предрѣшено правительствомъ», то то-же самое чувство податной справедливости, на которое и ссылается нынѣ министерство, заставило всѣ земства высказаться въ пользу всеобщаго подоходнаго налога. Но въдъ и нынѣшній проектъ министерства есть тоже проектъ подоходнаго налога, нормой для котораго приняты 3%. Если-же министерство вводитъ подоходный налогъ, устанавливаетъ для него опредѣленный размѣръ и руководствуется началомъ податной справедливости, то очевидно, что только эта самая податная справедливость, руководившая министерствомъ, должна служить единственнымъ критеріемъ и при оцѣнкѣ министерскаго проекта. Эти соображенія мы дѣлаемъ только для того, чтобы выяснитъ себѣ отношенія, въ которыхъ имѣемъ право себя поставить къ проекту министерства, отвѣчая на его призывъ. И такъ, податная справедливость, вотъ начало, изъ котораго исходить министерство и которое должно руководить оцѣнкою его проекта. Посмотримъ-же, насколько послѣдовательно проведено это начало.

Установивъ основной принципъ, министерство уже въ «сообщеніи» даетъ понять, что онъ не будетъ проведенъ послѣдовательно. «Устраненіе *всѣхъ* недостатковъ нынѣшняго промысловаго обложенія, говоритъ министерство, можетъ быть проведено лишь постепенно и съ соблюденіемъ необходимой осторожности». Жаль, что министерство не иллюстрировало этого вывода фактами, служившими ему основаніемъ. Если подъ «недостатками» теперешней системы понимать излишнее обложеніе малосильныхъ плательщиковъ,—а это, конечно, есть основной и единственный недостатокъ всѣхъ податныхъ системъ, то «необходимая осторожность», казалось-бы, не могла явиться помѣхою для справедливаго дѣйствія; слѣдовательно, министерство имѣло въ виду или новыѣхъ плательщиковъ, до сихъ поръ стоявшихъ внѣ обложенія, или тѣ, собственно механическія, трудности, съ которыми связано составленіе проекта подоходнаго налога, обнимающаго всю дѣйствующую систему податей и сборовъ. Относительно трудности можно замѣтить, что составленіе проекта освобожденія крестьянъ, земскихъ учреждений, судебныхъ уставовъ и всеобщей воинской повинности было, ужъ конечно, не легче составленія проекта подоходнаго налога, однако эти проекты были не только составлены, но еще и составлены такъ, что служатъ образцовыми памятниками государственной мудрости ихъ составителей. Проектъ поразрядной подати, составленный еще въ 1871 г. московскимъ земствомъ, былъ

внолѣ законченнымъ цѣлымъ. А если двѣнадцать лѣтъ назадъ, когда идея подоходнаго налога была еще вновь, не встрѣтилось затрудненій для составленія проекта всеобщаго подоходнаго обложенія, то, конечно, въ настоящее время подобныхъ затрудненій явилось-бы и еще меньше. Что-же касается плательщиковъ привилегированныхъ или пользующихся льготами, то мы опять сошлемся на фактъ, имѣющій силу неотразимой убѣдительности, — на то единодушіе, съ какимъ земства двѣнадцать лѣтъ назадъ высказали въ пользу подоходнаго налога и всеобщаго преобразованія системы налоговъ. Когда въ чрезвычайномъ засѣданіи с.-петербургскаго земскаго собранія (13 мая 1871 г.) предсѣдатель предложилъ на общее голосованіе вопросъ: «настала-ли пора уничтожить послѣднее остающееся различіе между сословіями податными и неподатными и распространить на всѣхъ гражданъ, безъ различія происхожденія, обязанность участвовать въ уплатѣ всѣхъ государственныхъ податей» — собраніе единогласно отвѣтило: «да, настало». Совершенно также отнеслись къ уравниенію податныхъ обязанностей и остальные земства. Если рѣшенія земствъ и ихъ проекты не получили дальнѣйшаго движенія, то, конечно, только потому, что правительство видѣло препятствія, какихъ земство среди себя не находило. Теперь, какъ нужно думать, этихъ препятствій министерство уже не усматриваетъ, хотя въ то-же время оно не находитъ возможнымъ «коренной пересмотръ» даже положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ. Кромѣ того, по мнѣнію министерства, коренному пересмотру «должно предшествовать измѣненіе организациі податнаго управленія». Нельзя создать или преобразовать механизмъ, если неизвѣстно какой цѣли онъ долженъ удовлетворять. Въ этихъ замѣчаніяхъ мы высказываемъ только то общее недоразумѣніе, которое вызываетъ министерское «сообщеніе», предпосланное проекту и служащее къ нему общимъ вступленіемъ. Министерство очевидно имѣетъ въ виду ослабить ожиданія, которыя могли-бы явиться, и въ то-же время, дѣлая первый шагъ къ практикѣ подоходнаго обложенія, по возможности съузить кругъ его дѣйствія. Если эта осторожность есть только слѣдствіе неувѣренности, что болѣе широкая программа не встрѣтитъ себѣ сочувствіе, то на это можно отвѣтить слѣдующимъ. Не было примѣра въ исторіи налоговъ, чтобы плательщики съ любовью и предупредительностію вносили налоги; но также не было примѣровъ, чтобы населеніе, съ котораго снималось излишнее бремя податей не встрѣчало этой мѣры съ сочувствіемъ и благодарностію. Кромѣ того, изъ практики русскихъ реформъ мы знаемъ, что даже освобожденіе крестьянъ, потрясшее весь нашъ экономическій и аграрный бытъ, было при-

нато страной съ спокойствіемъ, изумившимъ Европу, а про всеобщую воинскую повинность ужь и говорить нечего. Между тѣмъ какіе разнообразныя интересы задѣла та и другая реформа, сколько сословныхъ и аристократическихъ пристрастій пришлось имъ подавить! Наконецъ, какъ внезапно, почти безъ всякой подготовки заинтересованныхъ старымъ порядкомъ лицъ они явились, въ особенности повинность воинская... Для податной реформы не существуетъ подобныхъ задержекъ ужь даже по одному тому, что общественное мнѣніе, высказавшееся за нее въ 1871 г., въ эти двѣнадцать лѣтъ ушло, конечно, не назадъ, а впередъ. Въ доказательство мы можемъ сослаться на «Новое Время», которое считаетъ наиболѣе соответствующимъ идеалу налога не пропорциональное, а прогрессивное обложеніе дохода, изъ какого-бы источника онъ ни получался», и замѣчаетъ, что «съ этой точки зрѣнія новый проектъ промысловаго налога, предлагаемый министерствомъ финансовъ, далекъ отъ совершенства». («Н. В. № 2659»). Двѣнадцать лѣтъ назадъ ни одна газета этого направленія не займнулась-бы о прогрессивномъ налогѣ и говорилось о немъ только при изложеніи крайнихъ экономическихъ ученій. Для насъ все это служитъ только очевидными доказательствами полной готовности русскаго общественнаго мнѣнія къ болѣе коренному и менѣе осторожному отношенію къ существующей у насъ податной системѣ, чѣмъ какое обнаруживаетъ проектъ министерства финансовъ.

Чтобы показать читателю, съ какимъ матеріаломъ имѣло дѣло министерство финансовъ, я изложу ему главные основанія «положенія 1865 г.», переѣхавъ въ которомъ проектируетъ министерство.

По этому положенію торговля раздѣляется на оптовую, розничную и мелочную. Оптовая торговля производится изъ купеческихъ конторъ, амбаровъ, складовъ, судовъ и заключается въ продажѣ товаровъ партіями. Розничною торговлею «положеніе» называетъ раздробительную продажу товаровъ въ лавкахъ, магазинахъ и т. п. торговыхъ заведеніяхъ; а торговлей мелочной—раздробительную продажу изъ опредѣленныхъ помѣщеній товаровъ, поименованныхъ въ особыхъ росписяхъ, и разносную и развозную торговлю мануфактурными и колониальными товарами въ назначенныхъ для нея «положеніемъ» предѣлахъ.

Кромѣ того, въ торговымъ дѣйствіямъ причисляются рознаго рода торгово-промышленныя предпріятія, какъ содержаніе фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, дѣла банковскія, комиссіонерныя, экспедиціонныя и маклерскія, содержаніе страховыхъ, справочныхъ и транспортныхъ конторъ, содержаніе магазиновъ, амбаровъ и другихъ помѣщеній для склада и продажи товаровъ, а также рыбныхъ садковъ, трактирныхъ заведеній и торговыхъ

банъ. Сюда-же причисляется вступленіе въ обязательство съ казною, земскими учрежденіями, городскими и сельскими обществами и сословными управленіями, также заключеніе между частными лицами договоров о поставкѣ товаровъ и о подрядахъ, когда договоры эти заявляются у маклеровъ и нотаріусахъ или въ подлежащихъ присутственныхъ мѣстахъ. Всѣ эти дѣйствія приурочиваются «положеніемъ» къ одному изъ трехъ родовъ торговли, и при этомъ акціонерныя общества и товарищества на паяхъ, банкирскіе и комиссіонерскіе дома, страховыя, транспортныя и пароходныя предпріятія причисляются къ 1-й гильдіи, а справочныя и маклерскія конторы ко 2-й.

Пошлины за право торговли и промысловъ установлены двухъ видовъ: плата за торговое свидѣтельство и плата за билеты на торговныя и промышленныя заведенія. Торговныя (гильдейскія) свидѣтельства даютъ лицамъ, ихъ взявшимъ, кромѣ права на торговлю, купеческое званіе и соединенныя съ нимъ личныя преимущества. Промысловыя свидѣтельства никакихъ личныхъ преимуществъ не даютъ.

Купеческія свидѣтельства установлены двухъ разрядовъ: 1-й гильдіи—для оптоваго торга и 2-й—для розничнаго. Промысловыя свидѣтельства выдаются на мелочной торгъ, на разносный торгъ, на мѣщанскіе промыслы и торговымъ приказчикамъ.

За купеческія свидѣтельства 1-й гильдіи берется повсюду одна и та-же пошлина, а за 2-ю гильдію и за промысловыя свидѣтельства пошлина берется различная, смотря по мѣстности, и торговныя мѣстности дѣлятся на пять классовъ.

Свидѣтельство 1-й гильдіи стоитъ 265 р., свидѣтельство 2-й гильдіи, смотря по мѣстностямъ, 65, 55, 45, 35 и 25 р. Свидѣтельства на мелочной торгъ стоятъ 20, 18, 15, 10 и 8 р. Свидѣтельство на разносный торгъ — 15 р., на разносный торгъ 6 р., на мѣщанскіе промыслы 2 р. 50 к., приказчичыя свидѣтельства 1-го класса—20 р. и 2-го класса—5 р.

Пошлины за билеты, смотря по мѣстности, составляютъ: для 1-й гильдіи 30, 25, 20, 15 и 10 р. и для 2-й гильдіи: 20, 17, 15, 10 и 5 р.; на мелочной торгъ—10, 8, 6, 4 и 2 р.

Кромѣ этого, взискивается на государственную земскую повинность со свидѣтельствъ 1-й гильдіи 39 р., а со свидѣтельствъ 2-й гильдіи, смотря по мѣстностямъ—14 р., 12 р., 9 р. 50 к., 7 р. 50 к., и 5 р. 50 к.

Въ дополненіе къ этимъ сборамъ установленъ еще сборъ на квартирную повинность въ размѣрѣ 10% съ цѣны торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, билетовъ на торговныя и промысло-

выя заведенія и съ свидѣтельствъ приказчицкихъ и купеческихъ замѣняющихъ паспорта.

Наконецъ, въ 1880 году введены слѣдующія дополнительныя пошлины: со свидѣтельствъ 1-й гильдіи 235 р., со свидѣтельствъ 2-й гильдіи, смотря по мѣстностямъ, 35, 20, 15, 10 и 5 р.; по билетамъ на торговыя и промышленныя заведенія при свидѣтельствахъ 1-й гильдіи, смотря по мѣстностямъ, 20, 15, 10, 10 и 10 р., по билетамъ при свидѣтельствахъ 2-й гильдіи 10, 8, 5 и 5 р., по приказчицкимъ свидѣтельствамъ 1-го класса 10 р.

Независимо отъ этихъ сборовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, взывается въ пользу земства съ гильдейскихъ свидѣтельствъ не выше 25%, и со всѣхъ прочихъ свидѣтельствъ и билетовъ 10%. Гдѣ-же земскихъ учреждений нѣтъ, взывается въ казну на земскія повинности: со свидѣтельствъ 1-й гильдіи по 26 руб., а со свидѣтельствъ 2-й гильдіи, смотря по мѣстностямъ, по 9 р. 30 к., 8 р., 6 р. 30 к., 5 р. и 3 р. 60 к.

На тѣхъ-же основаніяхъ, какъ въ пользу земства, существуютъ съ торговыхъ документовъ сборы въ пользу городовъ.

Наконецъ, на основаніи временныхъ правилъ объ устройствѣ мировыхъ судебныхъ установленій въ девяти западныхъ губерніяхъ, установлены сборы на мировыя учрежденія.

Установивъ эти многообразныя сборы, положеніе опредѣляетъ права, которыми торгующія и промышленныя лица могутъ за нихъ пользоваться. Самыми широкими правами пользуются купцы 1-й гильдіи. Они могутъ производить оптовую торговлю по всей имперіи, могутъ производить и розничную торговлю въ городахъ и селахъ, содержать фабрики и заводы и, пробывъ 20 лѣтъ непрерывно и безпорочно въ 1-й гильдіи, приобретаютъ право потомственного почетнаго гражданина. До 1863 г. право это приобреталось купцами 1-й гильдіи черезъ 10 лѣтъ.

Купцы второй гильдіи пользуются уже значительно меньшей торговой свободой; еще меньшей свободой пользуются остальные торговцы и промышленники. Регламентация идетъ такъ далеко, что не только устанавливаются разные разряды мѣстностей, но и опредѣляются въ подробности всѣ условія, которыя должны быть выполнены, чтобы торговецъ или промышленникъ не переступалъ бы какъ-нибудь предѣловъ своего разряда. Подобная-же регламентация установлена относительно фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ заведеній и мастерскихъ, дѣйствующихъ ручною работою, безъ машинъ и снарядовъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ.

Нынѣшнее министерство финансовъ прекрасно поняло недостатки этой сложной и запутанной системы, еще болѣе усложнен-

ной послѣдующими дополненіями. Регламентация не поддается въ особенности распредѣленію мѣстностей по разрядамъ (классамъ). Идея этого дѣленія невѣрна, потому-что мѣстность никакъ не можетъ служить признакомъ размѣра торговаго или промышленнаго дѣйствія. Въ самой развитой промышленной мѣстности можно вести незначительную торговлю и въ то-же время дѣлать хорошіе обороты въ мѣстности далеко непромышленной. Какой замѣчательной и образцовой простотой отличалась система Екатерины II. Со времени Петра Великаго разные промысловые сборы и подати съ купцовъ, дополняясь и видоизмѣняясь, дошли, наконецъ, до такого усложненія, что Екатерина II манифестомъ 1775 г., отминая всѣ сложные сборы, опредѣлила: взимать по одному проценту съ объявленнаго по совѣсти капитала. Вотъ настоящій образецъ простоты системы подоходнаго налога!

Другая причина существующей неравномѣрности обложенія заключается въ томъ, что пошлины со свидѣтельства, для 1-й гильдіи повсемѣстно, а для 2-й гильдіи и для мелочнаго торговаго предѣлахъ каждаго изъ пяти классовъ мѣстностей, одинаковы для всѣхъ промышленниковъ, несмотря на разницу ихъ оборотовъ. Такимъ образомъ купецъ 1-й гильдіи, торгующій въ мѣстности 1-го класса, при одномъ заведеніи, платитъ въ казну пошлины: за свидѣтельство 560 р. 50 к. и за одинъ билетъ 53 р., итого 618 р. 50 к., а такой-же купецъ 1-й гильдіи, имѣющій десять заведеній, заплатитъ за гильдію 565 р. 50 к., да за десять свидѣтельствъ 530 р., всего 1,095 р. 50 к., или за каждое заведеніе по 109 р. 55 к. Купецъ 2-й гильдіи за свидѣтельство въ мѣстности 3-го разряда заплатитъ 74 р. и за одинъ билетъ 21 р. 50 к., итого 95 р. 50 к., если-же у купца 2-й гильдіи 5 заведеній, то онъ заплатитъ: 74 р. + 107 р. 50 к. ($21 \text{ р. } 50 \text{ к.} \times 5$) = 181 р. 50 к. или по 36 р. 30 к. за каждое.

При дѣйствующей гильдейской системѣ, удержанной положеніемъ 1865 г., устанавливаются только огульные границы и права каждой гильдіи; но дѣйствительные размѣры оборотовъ совсѣмъ не берутся во вниманіе. При такой системѣ, «банкъ, производящій многомилліонные обороты, крупная акціонерная компанія, подрядчики на сравнительно небольшую сумму и далеко несильный оптовый торговецъ, одинаково заплатятъ за свидѣтельство и одинъ билетъ по 1-й гильдіи (въ мѣстности 1-го класса) 618 р. 50 к. Этотъ одинаковый окладъ составитъ для лица, имѣющаго 6,180 р. чистой прибыли, 10 проц., для имѣющаго 61,850 р. прибыли 1 проц., а для банка, имѣющаго прибыли 1 милліонъ, всего лишь 0,06 проц.» (Проектъ.)

Неравномѣрность обложенія, совершенно несоотвѣтствующаго «Дѣло», № 8, 1883 г. II.

торговымъ оборотамъ, подтвердилась вполнѣ данными, собранными министерствомъ финансовъ въ 1882 г. при повѣркѣ торговли. Оказалось, напримѣръ, что «въ г. Самарѣ одинъ торговецъ, съ оборотомъ въ 20 т. р., уплачиваетъ за свидѣтельство и билетъ мелочнаго торгова 28 р. 60 к., т. е. 0,14 проц. съ суммы оборота, и рядомъ съ нимъ — другой торговецъ, при оборотѣ въ 500 р., тоже платитъ 28 р. 60 к., т. е. 5,72 проц. съ оборота. Въ мануфактурной торговлѣ разница въ платежахъ, всего ощутительнѣе: изъ числа торговцевъ, платящихъ за свидѣтельство и билетъ 2-й гильдіи 119 р. 20 к., у однихъ оборотъ не превышаетъ 5,000 р., у большинства-же онъ колеблется между 10 т. или 20 и 50 т., а у нѣкоторыхъ достигаетъ 100 и даже 200 тысячъ. Процентное отношеніе одинаковыхъ для всѣхъ ихъ торговыхъ пошлинъ 119 р. 20 к. къ суммамъ ихъ оборотовъ составляетъ 2,38%, 1,19%, 0,60%, 0,24%, 0,12% и 0,06%. Такимъ образомъ окладъ для платящаго 2,38 проц. въ сорокъ разъ болѣе, чѣмъ для платящаго 0,06 проц. (Проектъ).

Въ Харьковѣ болѣе 170 лицъ производятъ торговлю каждый на 100,000 и выше, но значительное большинство ихъ беретъ документы по 2-й гильдіи. Въ числѣ ихъ есть лица, имѣющія оборотъ въ 300, 500 и 600 тысячъ руб. Между тѣмъ, такіе-же документы выбираетъ и торговецъ съ оборотомъ въ 4,000 р. Для послѣдняго пошлины составляютъ 3,77 проц. съ оборота, а для торгующаго на 600 т.—0,021 проц., т. е. почти въ 180 разъ менѣе. (Проектъ).

Вотъ главнѣйшіе недостатки существующей системы, которые побудили министерство финансовъ составить новыя правила для болѣе равномѣрнаго обложенія. Министерство полагаетъ, что было-бы вполнѣ справедливымъ уравнивать пошлины какъ по 1-й, такъ и по 2-й гильдіи. «А какъ размѣръ нынѣ существующихъ гильдейскихъ пошлинъ не представляется самъ по себѣ обременительнымъ, то уравненіе это могло-бы быть достигнуто дополнительнымъ обложеніемъ тѣхъ обширныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, которыя платятъ несоотвѣтственно размѣру ихъ оборотовъ». (Проектъ). Предметомъ для такого дополнительнаго обложенія долженъ служить *чистый доходъ* плательщиковъ, съ котораго министерство предполагаетъ брать 3 проц.

Министерство остановилось на этой цифрѣ по слѣдующимъ соображеніямъ. На основаніи изслѣдованій, которыя оно сдѣлало, оказалось, что чистый доходъ отъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій въ среднемъ выводѣ составляетъ около 10,5 проц. Хотя очень часто чистый доходъ оказывается много выше этой средней цифры, но тѣмъ не менѣе министерство считало неосторожнымъ

остановиться на высшей цифрѣ и приняло за норму 10 проц. Купцы 1-й гильдіи платятъ гильдейскихъ пошлинъ 565 р. 50 к. Эта цифра соотвѣтствуетъ 3 проц. съ чистаго дохода въ 18,850 р., соотвѣтствующаго 188,500 руб. валового. Купцы 2-й гильдіи, смотря по мѣстностямъ, платятъ гильдейскихъ пошлинъ: 120 р., 50 к., 92 р. 50 к., 74 р., 56 р., 38 р., что соотвѣтствуетъ 3-хъ процентному обложенію дохода въ 4,017 р., 3,083 р., 2,467 р., 1,533 р. и 1,267 р. Принимая и эти цифры за 10 проц., министерство устанавливаетъ слѣдующіе соотвѣтствующіе размѣры валового дохода: 40,170 р., 30,830 р., 24,670 р., 15,330 р. и 12,670 р. Затѣмъ, на основаніи этого расчета, министерство заключаетъ, что нынѣшняя пошлина достаточно облагаетъ перво-гильдейскія предпріятія съ чистымъ доходомъ въ 18,500 р. или, при нѣкоторомъ округленіи, съ валовымъ доходомъ въ 200 т. р., и второгильдейскія предпріятія съ валовымъ доходомъ, показаннымъ выше. Поэтому, оставивъ предпріятія этого размѣра при существующихъ гильдейскихъ платежахъ, всѣ остальные предпріятія съ валовымъ доходомъ свыше 200 т. р. по 1-й гильдіи и свыше 50 т. р. по 2-й гильдіи обложить 3-хъ процентнымъ сборомъ.

Министерство финансовъ, такъ подробно выяснивши недостатки положенія 1865 г., едвали можетъ считать предлагаемую имъ поправку достаточно уровнивающимъ существующую неравномерность обложенія. И дѣйствительно, эта поправка, идущая вверхъ, оставляетъ низы въ теперешнемъ положеніи. Новый 3-хъ-процентный сборъ есть обложеніе крупныхъ предпріятій, въ настоящее время платившихъ вмѣсто 3-хъ какіе-нибудь дроби процентовъ. Такимъ образомъ банки и разныя акціонерныя предпріятія, вносящія на государственныя надобности жалкіе рубли, будутъ теперь обложены налогомъ такимъ-же, какъ и остальное мелкое купечество. Напримѣръ, три петербургскихъ банка—учетный и ссудный, международный коммерческій и русскій для внѣшней торговли—внесли въ 1882 году торговыхъ пошлинъ всего 9,141 р. Теперь-же, при 3-хъ процентномъ сборѣ съ чистой прибыли, они заплатятъ: учетный банкъ съ 1.975.426 р. чистой прибыли—59,262 р., международный, съ 2.031,042 р.—61,241 р., и русскій, съ 1.881,740 р.—56,452 р. или вмѣсто прежнихъ 9,141 р.—176,955 р. Одиннадцать земельныхъ банковъ, чистый доходъ которыхъ въ 1881 г. составлялъ 4.237,415 р.—уплатятъ налога 127,110 руб. Затѣмъ остаются коммерческіе банки, дѣлающіе многомилліонные обороты и чистая прибыль которыхъ, какъ въ волжско-камскомъ банкѣ, доходитъ до 2¹/₂ милліоновъ, дадутъ тоже очень значительное приращеніе государственному доходу. Къ

сожалѣнію, изъ проекта не видно, будутъ-ли обложены 3-хъ-процентнымъ сборомъ желѣзнодорожна общества. Но будутъ-ли они обложены или нѣтъ, случатся-ли и другіе пропуски или недосмотры, во всякомъ случаѣ новый податной принципъ, поставленный министерствомъ такъ прямо, составляетъ неоспоримо большую заслугу.

Поэтому-то и является невольное недоумѣніе, когда рядомъ съ такой рѣшительной постановкой вопроса министерство останавливается передъ затрудненіями сравнительно много меньшими и чисто механическими. И въ самомъ дѣлѣ, по выпискѣ, которую мы сдѣлали изъ «сообщенія», можно было заключить (не зная фактовъ), что постепенность и осторожность, которыми руководствуется министерство, поддерживаются нежеланіемъ обложить сразу льготныхъ или привилегированныхъ плательщиковъ. Но, налагая 3-хъ-процентный налогъ на всякій валовой доходъ свыше 200 000 р. и въ тоже время щадя плательщиковъ меньшихъ, министерство очевидно руководствовалось соображеніями не этой осторожности. Какими, однако—изъ проекта видно только частію, и въ этой видимой части именно и заключается слабая сторона проекта.

И такъ, на основаніи обложенія 3-хъ-процентнымъ сборомъ всѣхъ крупныхъ производителей, прежде всего устанавливается тотъ фактъ, что для введенія подоходнаго налога министерство съ этой стороны не усматривало никакого препятствія. Такимъ образомъ всѣ капиталы, дающіе болѣе 200,000 валового дохода, являются обложенными съ той правильной равномерностію, которая опредѣляется исключительно точной величиной дохода. А между тѣмъ все, что ниже 200,000 по 1-й гильдіи и 50,000 по 2-й,—оставлено по-прежнему въ рамкахъ той регламентаціи внѣшнихъ признаковъ обложенія, которая, по заявленію самого министерства, составляетъ самую слабую сторону положенія 1865 г. и была причиною, что министерство нашло необходимымъ составить свой проектъ. Уничтожая неравномѣрность наверху, оно оставило ее внизу для 1-й гильдіи въ оборотахъ меньше 200 т. в. д. и для 2-й гильдіи въ оборотахъ ниже 50 т. в. д. Но вѣдь классификація мѣстностей, по словамъ проекта и по приведеннымъ имъ фактамъ, далеко не служитъ признакомъ дѣйствительныхъ оборотовъ. Торговое дѣло въ мѣстности IV класса, обложенное 56 р., можетъ давать не 15,330 р. в. д., какъ вычисляетъ проектъ, а 40 т., и рядомъ съ нимъ другое предпріятіе можетъ давать 10—12 т.; точно также какъ въ мѣстности I-го класса можетъ быть дѣло, дающее только 20 т. и, не смотря на то, все-таки обложенное 120 р. 50 к. Значитъ, въ то время, какъ всѣ крупныя предпріятія будутъ обложены равномернымъ 3-хъ-процентнымъ сборомъ, мел-

кія предпріятія, втиснутыя въ искусственную классификацію мѣстностей, а промышленники и торговцы,—въ такія-же искусственныя рамки гильдій, по-прежнему будутъ обложены самымъ разнообразнымъ процентнымъ сборомъ, нисколько не отвѣчающимъ 3-хъ процентной нормѣ. Какая-же причина, что министерство, обнаружившее такую послѣдовательность при обложеніи крупныхъ предпріятій и сознавая всю несправедливость неравномѣрности, удержало ее для мелкихъ предпріятій и не предполагаетъ уничтожить ни гильдій, ни классификаціи мѣстностей?

Причина только въ томъ, что министерство удерживаетъ существующій въ настоящее время механизмъ податнаго обложенія. Изъ статистическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ проектѣ, видно, что въ 1881 году всѣхъ свидѣтельствъ 1-й гильдіи было выбрано 5,755, а по второй гильдіи 90,574 годовыхъ и 4,405 полугодовыхъ. «Для учета столь большого числа лицъ, говоритъ проектъ, потребовалось-бы предварительное преобразование нашего податнаго управленія и учрежденіе мѣстныхъ финансовыхъ органовъ въ городахъ и уѣздахъ. До осуществленія-же этой реформы необходимо уменьшить число облагаемыхъ лицъ и привлекать къ процентному сбору лишь тѣхъ, которыя выдаются уже изъ среды другихъ болѣе крупными размѣрами ихъ оборотовъ». Такимъ образомъ, на вопросъ, почему плательщики изъ менѣ богатыхъ и промышленныхъ лицъ облагаются неравномѣрно въ ущербъ справедливости, дается отвѣтъ: «потому что при нынѣшнемъ податномъ механизмѣ установить справедливое обложеніе невозможно». Такимъ образомъ оказывается, что министерство признаетъ вполне справедливымъ и возможнымъ по всѣмъ другимъ причинамъ установленіе всеобщаго подоходнаго налога и единственное препятствіе для этого усматриваетъ въ своей собственной администраціи, которая при настоящемъ составѣ и размѣрѣ не можетъ быть употреблена въ дѣло. Этотъ фактъ мы можемъ только констатировать, воздерживаясь отъ всякихъ разсужденій; но въ то-же время не можемъ не замѣтить, что если для взиманія и для провѣрки показаній плательщиковъ, стоящихъ выше гильдій, имѣются у министерства средства, то едва-ли стоило-бы большого труда создать подобныя средства для провѣрки плательщиковъ, составляющихъ платежныя низы. Наконецъ, министерство, признавшее необходимость введенія подоходнаго налога во всей промышленно-торговой области, вовсе и не отказывается отъ организаціи въ будущемъ новаго податнаго управленія: но оно ставитъ въ зависимость отъ него повсемѣстное введеніе подоходнаго налога.

Эта двойственность отразилась и въ послѣдующихъ частяхъ проекта. Министерство признаетъ вполне неравномѣрность обло-

женія мелочнаго торгоу и несоотвѣтствіе въ платежахъ по классамъ мѣстностей и съ другими видами промысловаго обложенія. Но, сохраняя существующую классификацію, оно могло ограничиться только прибавками платежей въ одномъ случаѣ, убавленіемъ—въ другомъ, и только. Въ цѣломъ отъ подобныхъ измѣненій получается, разумѣется, большая уравнительность; но въ то-же время во всей системѣ податнаго обложенія создается двойственность. Худа или хороша была прежняя система, но во всякомъ случаѣ она была система цѣльная и выдержанная; теперь-же создаются двѣ системы—одна рациональная и упрощенная для крупныхъ предпріятій, другая усложненная и запутанная, удерживающая старую классификацію и регламентацию, для предпріятій остальныхъ. Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы измѣненія проектируемыя министерствомъ, не вносили-бы довольно замѣтныхъ поправокъ. Достаточно указать на обложеніе ремесленниковъ, которое, впрочемъ, еще разъ подтверждаетъ справедливость того, что было нами высказано. При обложеніи ремесленниковъ существующимъ положеніемъ «допущено значительное облегченіе для крупныхъ заведеній; мелкія-же обложены несравненно тяжелѣе и притомъ, чѣмъ мельче заведеніе, тѣмъ относительно сильнѣе оно обложено» (проектъ). И вотъ облегченіе болѣе мелкихъ производителей составляетъ задачу министерства, которую оно и пытается разрѣшить.

По дѣйствующему положенію, ремесленныя и фабричныя заведенія безъ машинъ и снарядовъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ или водою, раздѣляются по платежу пошлины на четыре разряда: отъ 1 до 4-хъ рабочихъ, отъ 5—9, отъ 10—16 и свыше 16 рабочихъ. Промысловый налогъ на первые три разряда заведеній определенъ слѣдующій:

Число рабочихъ.	К л а с с ы м ѣ с т н о с т е й .				
	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.
1—4	11 руб.	9 р. 90 к.	8 р. 25 к.	5 р. 50 к.	4 р. 40 к.
5—9	22 >	19 > 80 >	16 > 50 >	11 > — >	8 > 80 >
10—16	33 >	28 > 60 >	23 > 10 >	15 > 40 >	11 > — >

Или съ каждаго рабочаго придется уплатить:

при 1—4	4 р. 40 к.	3 р. 96 к.	3 р. 30 к.	2 р. 20 к.	76 к.
5—9	3 > 14 >	2 > 83 >	2 > 36 >	1 > 57 >	26 >
10—16	2 > 54 >	2 > 20 >	1 > 78 >	1 > 18 >	85 >

Такимъ образомъ заведенія съ 1 до 4 рабочихъ выплачиваютъ почти вдвое противъ заведеній съ 10—16 рабочими, т. е. чѣмъ хозяинъ выручаетъ болѣе, тѣмъ онъ платитъ менѣе, и чѣмъ выручаетъ менѣе, тѣмъ платитъ болѣе, предполагая, конечно, число

рабочихъ какъ признакъ доходности. Но, допуская всю неравно-
мѣрность подобнаго обложенія, можно-ли число рабочихъ принять
за безошибочный признакъ доходности? Конечно, нѣтъ, ибо вы-
годность производства нисколько не зависитъ отъ числа произво-
дителей. Какъ справедливо замѣчаетъ проектъ, «выгодность того
или другаго ремесленнаго производства много зависитъ отъ мѣст-
ныхъ, а иногда и случайныхъ условій. Кромѣ того, производства
могутъ быть смѣшанныя въ одномъ и томъ-же заведеніи, такъ
что отнести рабочаго къ тому или другому разряду было-бы
иногда почти невозможно. Вслѣдствіе всего этого, говоритъ проектъ,
*установленіе правильной классификаціи производствъ въ настоя-
щее время едва-ли возможно*» Какой-же выходъ изъ такой не-
разрѣшимой диллемы? Правильная классификація оказывается не
возможной и въ то-же время требуется создать равномерное об-
ложеніе. И вотъ проектъ останавливается на такомъ разрѣшеніи:
«въ виду всѣхъ этихъ соображеній (неравномѣрности и невозмож-
ности правильной классификаціи), надлежитъ, оставаясь на почвѣ
нынѣ существующаго порядка обложенія пошлинами ремесленныхъ
заведеній, допустить въ ономъ нѣкоторыя лишь измѣненія и
преимущественно въ размѣрахъ обложенія, а главное—облегчить
мелкихъ ремесленниковъ». Измѣненіе является въ такомъ видѣ:

Число рабочихъ.	К л а с с ы м ѣ с т н о с т е й .				
	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.
отъ 1 — 2	5 р.	4 р. 50 к.	4 р.	3 р.	2 р. 25 к.
» 3 — 4	10 »	9 »	8 »	6 »	4 » 50 »
» 5 — 9	20 »	18 »	16 »	12 »	9 »
» 10 — 16	40 »	36 »	32 »	24 »	18 »

Повышеніе для четвертаго разряда сдѣлано значительное, и
оно оправдывается министерствомъ тѣмъ, что повышеніемъ этимъ
достигается большая равномерность въ обложеніи по отношенію
къ другимъ плательщикамъ и что «проектируемый повышенный
окладъ *близко* соответствуетъ размѣру дохода, получаемаго отъ
этихъ заведеній, такъ какъ произведенныя по *несколькимъ* горо-
дамъ (Харькову, Тулѣ, Москвѣ и Ростову-на-Дону) исчисленія по-
казываютъ, что предполагаемый размѣръ не превышаетъ въ сред-
немъ 3% съ частой прибыли». Разъясненіе это относится только
къ причинамъ повышенія пошлины для заведеній съ 10 до 16 ра-
бочихъ, не касаясь того, какъ проектируемое новое обложеніе
относится къ размѣру чистой прибыли отъ ремесленныхъ заведе-
ній. Вопросъ объ уравнительности остался, значить, неразрѣшен-
нымъ.

Разбирая проектъ, мы имѣли въ виду только руководящую
идею, служившую ему основаніемъ. Частности не имѣютъ суще-

ственного значенія ни въ томъ случаѣ, когда идея правильна и проведена послѣдовательно, ни въ случаѣ обратномъ.

Основная идея проекта, какъ мы видѣли, есть идея подоходнаго налога. Налогъ этотъ, или какъ называетъ его проектъ, «процентный сборъ», обращается только на крупныя предприятия, во всѣхъ-же остальныхъ видахъ промышленности удерживается дѣйствующая система и существующая норма обложенія, уравненная нѣсколько для предприятий мелкихъ.

Не смотря на то, что министерство не нашло возможнымъ распространить подоходное обложеніе на всѣ виды промышленности, проектъ все-таки представляетъ въ области нашего финансоваго управленія явленіе выдающееся, ибо служить поворотной точкой новой податной системы. Если министерство сдѣлало шагъ и неособенно рѣшительный, то во всякомъ случаѣ шагъ впередъ, позволяющій ожидать въ ближайшемъ будущемъ пережвѣнъ болѣе общихъ и существенныхъ. Нельзя не отмѣтить также и идеи податной справедливости, рѣшительно и открыто провозглашенной министерскимъ проектомъ, признавшимъ необходимымъ облегчить плательщиковъ мелкихъ и бѣдныхъ и перенести центръ тяжести платежей на предприятия болѣе значительныя. Эта заслуга теперешняго министерства неоспорима. Сравнительно со всѣми предъидущими финансовыми управленіями, въ особенности за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, когда вся податная система заключалась только въ постоянномъ наслоеніи платежей на податныя сословія, теперешнее министерство финансовъ выдѣляется вполне научной и рациональной постановкой податнаго вопроса. Но, конечно, это пока только первый шагъ къ той общей уравнительности, которая должна обнять всѣ платежные источники и для установленія которой потребуются еще много работы. Въ виду этого, конечно, не безынтересно опредѣлить, какую долю въ податномъ обложеніи обнимаетъ вводимое министерскимъ проектомъ исправленіе.

По государственной росписи на 1882 г., въ общей суммѣ исчисленнаго поступленія (762,004 512 р.) прямыя налоги составляютъ:

Подушная подать, поземельный и лѣсной налоги	118.834,300 р.
За право торговли	19.357,400 »

Слѣдовательно, налогъ на торговлю, котораго касается проектируемое преобразование, составляетъ *сороковую* часть всего бюджета, а подушная подать и поземельный налогъ — *шестую*.

Въ прошломъ году и въ нынѣшнемъ, повелѣніемъ 14 мая, подушная подать сокращена почти на 20 милл. руб., которые и предполагено возмѣстить вновь проектируемымъ обложеніемъ про-

мышленности и торговли. Такимъ образомъ подушная подать въ круглыхъ цифрахъ составитъ почти 100 милл. руб., а подати за право торговли около 40 милл. Это усиленіе торговой подати достигается не увеличеніемъ платежей, а привлеченіемъ къ платежамъ новыхъ источниковъ.

Что-же касается до платежей, остающихся на народъ, то, сравнительно съ другими плательщиками, народъ по-прежнему удерживаетъ за собою первое мѣсто.

Теперешній проектъ министерства, какъ оказывается изъ настоящаго изложенія, имѣетъ въ виду преимущественно фискальныя цѣли, и такъ какъ онъ обнимаетъ только торговую и промышленную сферу, да и въ ней не касается регламентаціи и классификаціи, установленной положеніемъ 1865 года, то и уравнивающее его вліяніе не выйдетъ изъ предѣловъ торговыхъ оборотовъ и не отразится на земледѣльческихъ отношеніяхъ.

Изъ «сообщенія» министерства не видно, чтобы проектъ его былъ предложенъ на обсужденіе земствъ; съ другой стороны, извѣстно, что земское обсужденіе было-бы съ земской точки зрѣнія; а при специальномъ характерѣ проекта, обнимающемъ лишь сферу промышленно-торговую, земская точка зрѣнія едва-ли оказалась для него полезною.

Сущность вопроса, разработаннаго проектомъ, заключалась въ томъ, чтобы 20 милліоновъ р., вынутые изъ подушной подати, возмѣстить болѣе усиленными платежами за право торговли, и задачу эту проектъ выполнилъ вполне послѣдовательно, не измѣнивъ ни въ чемъ дѣйствующаго «положенія».

Н. В.

Свобода совѣсти въ Венгріи.

I.

Антисемитскія страсти, казавшіяся сравнительно успокоившимися, получили за послѣднее время новую силу, вслѣдствіе процесса, начавшагося уже мѣсяць тому назадъ и до сихъ поръ еще не оконченнаго. Дѣло это, отъ котораго повѣяло средневѣковымъ судебнымъ архивомъ, слушалось въ Венгріи, въ нѣирегизаскомъ судѣ присяжныхъ. Десять евреевъ явились на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ завлеченіи въ ловушку молодой дѣвушки-христіанки и убіеніи ея, съ цѣлью воспользоваться ея кровью для пасхальныхъ опрѣсенокъ. Со времени происшествія прошло болѣе года. Въ ту пору молодая дѣвица, Эсэирь Солимоши, дочь бѣдной вдовы-мадьярки, изъ мѣстечка Тисса Эсларъ исчезла, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Это происшествіе вначалѣ не возбудило особеннаго вниманія, какъ вдругъ въ обществѣ стали обвинять лицъ, стоящихъ во главѣ тисса-эсларской еврейской общины, въ преступленіи ради соблюденіи своего ритуала. Мрачная легенда о христіанскихъ дѣтяхъ и дѣвушкахъ, принесенныхъ въ жертву тайнамъ шабаша,—легенда, нерѣдко зажигавшая костры, воскресла какъ-бы чудомъ, и волненіе достигло такой интенсивности, что судебная власть должна была обратить вниманіе на это дѣло. Тѣмъ временемъ, трупъ, найденный въ рѣкѣ Тиссѣ и въ которомъ думали узнать несчастную Эсэирь, доставилъ основаніе для судебного слѣдствія, начатаго годъ тому назадъ. На трупѣ оказался именно тотъ нарядъ, въ которомъ дѣвушка вышла въ день своего исчезновенія.

Странный эпизодъ еще болѣе усилилъ ужасъ, внушенный воображенію населенія этимъ темнымъ дѣломъ. Пятилѣтній мальчикъ, Самуэль Шарфъ, сынъ привратника тисса-эсларской синагоги, заявилъ, что былъ свидѣтелемъ убійства, совершеннаго въ этомъ священномъ мѣстѣ его отцемъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ единовѣрцевъ, а братъ мальчика, 15-лѣтній Мориць Шарфъ, отри-

цавшій вначалѣ факты, сообщенные ребенкомъ, взялъ назадъ свое первое показаніе и разсказалъ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства преступленія, свидѣтелемъ котораго былъ и онъ, по собственному сознанію. Онъ сообщилъ, какъ въ субботу, въ апрѣлѣ 1882 г., около 11 ч., отецъ его позвалъ Эсфирь Солимоши, какъ ее провели изъ родительской хижины въ синагогу, какъ съвозъ замочную скважину удалось ему увидѣть, что нѣсколько человекъ повалили ее на землю, а мясникъ Шварцъ перерѣзалъ ей горло, послѣ чего собралъ кровь въ тарелку. Юноша показалъ, что все это продолжалось около четверти часа и что затѣмъ евреи вышли изъ синагоги и отправились обѣдать. Морицъ разсказалъ отцу о всемъ имъ видѣнномъ, но мачиха приказала ему молчать. На очной ставкѣ съ отцемъ, Морицъ повторилъ все это, не смутившись ни на единую минуту. Вотъ этотъ любопытный діалогъ.

Отца. — Ты все это разсказываешь, какъ стихи какіе-нибудь!

Сынъ. «Какъ-же мнѣ не знать этого твердо, когда я видѣлъ, что Эсфирь пригнули къ полу, видѣлъ какъ Шварцъ перерѣзалъ ей горло и собралъ ея кровь на двухъ тарелкахъ».

Отца. — Гдѣ-же я-то былъ въ это время? *Сынъ.* «Вы были въ своей комнатѣ».

Отца. — Почему-же ты не позвалъ меня, чтобы и я видѣлъ всю эту сцену? *Сынъ.* «Я не позвалъ васъ, потому что это не пришло мнѣ въ голову».

Отца. — А позволяется еврейскому мяснику употреблять ножъ въ субботу? *Сынъ.* «Этого я не знаю, потому что не учился по большимъ книгамъ».

Отца. — И ты не боишься, что всѣ эти бѣдные люди наплюютъ тебѣ въ лицо? *Сынъ.* «Тотъ, кто плюнулъ мнѣ вчера въ лицо, будетъ наказанъ».

Отца. — Но и ты будешь наказанъ! *Сынъ.* «Нѣтъ, я знаю, что мнѣ ничего не будетъ».

Отца. — Кто заперъ двери храма? Посмѣешь-ли ты сказать, что не я запералъ его? *Сынъ.* «Запералъ я».

Отца. — Такъ значитъ, я лгу? *Сынъ.* «Повторяю, вы лжете».

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе ужасное: съ неутомимою твердостью, дѣти взваливаютъ на отца обвиненіе въ ужаснѣйшемъ преступленіи; эта твердость не ослабѣваетъ ни на минуту. Невольно спрашиваешь себя, что это такое: убѣжденіе, вытекающее изъ очевидности, дѣйствіе галлюцинаціи, или, наконецъ, дѣйствіе заупугиванія?

Какъ-бы ни стояло дѣло этой тайны, къ которой намъ придется вернуться, политическая и религіозная страсть владела его въ свои руки. Антисемитская партія, столь дѣятельная во всей восточной и средней Европѣ, воспользовалась темнымъ тесно-эстарскимъ дѣломъ въ виду собственныхъ цѣлей; цѣлая еврейская раса должна была предстать предъ венгерское правосудіе и

всему цивилизованному міру объявлено было, что она предается постыднымъ и жестокимъ дѣйствіямъ, во имя соблюденія своего религіознаго культа. Между тѣмъ какъ еврейскія духовныя власти со всею энергіей протестовали противъ обвиненій, клонящихся къ опозоренію ихъ единовѣрцевъ предъ лицомъ человѣчества, антисемитская лига волновалась не въ одной Венгріи, но и въ сосѣднихъ странахъ а въ германскихъ и австрійскихъ университетахъ ссылались на еврейскія богословскія сочиненія, въ подтвержденіе обвиненія.

II.

Эти ссылки на духовныя книги, которыя антисемиты кладутъ въ основу своей пропаганды, весьма интересно разъяснить; къ тому-же намъ не часто представляется случай заглядывать въ эти книги и можно воспользоваться настоящимъ случаемъ для своего назиданія. Минута къ тому какъ нельзя болѣе благоприятна, такъ какъ со всѣхъ сторонъ дождемъ сыплются статьи и брошюры по этому вопросу. Между прочимъ, въ Падерборнѣ только что издана изобилующая свѣдѣніями брошюра, подписанная докторомъ Юстсомъ и озаглавленная: «Еврейское зеркало». Зеркало не льститъ евреямъ. Можете судить сами по слѣдующимъ выдержкамъ: «Христіанина можно обманывать при помощи хитрости или обмана, и въ томъ нѣтъ грѣха, потому что Богъ предалъ въ руки евреевъ богатства остальныхъ націй». — «Если христіанинъ и еврей придутъ къ тебѣ судиться и если тебѣ невозможно будетъ выиграть дѣло еврея законными способами, то пусти въ ходъ противъ христіанина коварство и подлогъ». «Если кто желаетъ избавить себя отъ необходимости соблюдать данныя клятвы и обѣщанія, то ему стоитъ только заявить въ началѣ года, что всѣ клятвы и обѣщанія, которыя будутъ даны имъ въ теченіи года, недѣйствительны». «Богъ предписалъ евреямъ овладѣвать достояніемъ христіанъ какими-бы то ни было средствами: насиліемъ, ростовничествомъ или кражей». «Всѣмъ евреямъ предписывается относиться къ христіанамъ какъ къ скотамъ и подобно съ этимъ и поступать съ ними...—«Потомки Авраама, устами Иезекиила, Богъ указалъ на васъ. Вы—мое стадо, то есть вы люди, между тѣмъ какъ другіе народы міра не люди, а скоты». «Господь сказалъ Израилю: вы овцы пажити моея, вы одарены человѣческими качествами, а другіе обладаютъ лишь свойствами скотовъ. Владѣнія христіанъ должны считаться пустыней или пескомъ морскимъ: кто первый займетъ ихъ—тотъ и есть ихъ истинный собственникъ».—«Пусть еврей старается всѣми возможными средствами отнять жизнь у

христианина. Если еврей видитъ христианина на краю пропасти, онъ обязанъ немедленно его туда низвергнуть».

Отсюда остается, очевидно, одинъ только шагъ до того, чтобы назвать евреевъ лицемѣрами, клятвопреступниками, ворами, убійцами, но это уже будетъ шагъ какого-нибудь Гаргантюа, и шагнуть съ такою развязностью способенъ развѣ только антисемитъ. Что касается насъ, то-есть людей съ менѣ пылкою фантазіею,—то насъ, при первомъ-же взглядѣ, поражаетъ изумительное сходство этихъ выдержекъ съ тѣми, которыя могутъ быть извлечены изъ другихъ, а именно порожденныхъ католицизмомъ писаній, и въ особенности изъ «*monita secreta*» иезуитовъ. Если вліянію этого ордена грозитъ большая опасность въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ, какъ на примѣръ во Франціи, за то въ другихъ, какъ на примѣръ въ Австріи, онъ сохранилъ свое могущество въ значительной степени. Однако, я спрашиваю венгерскихъ католиковъ, не показалось-ли-бы имъ слишкомъ крайнею мѣрою, еслибы протестанты и православные образовали союзъ въ наше время съ цѣлью изгнанія изъ страны всѣхъ католиковъ, какъ убійцъ и воровъ?

Дѣло въ томъ, что какъ ни сильно вліяніе апостоловъ Лойлы, все-же ихъ ученіе не сдѣлалось еще, во всей своей совокупности, членомъ символа вѣры. Справедливость требуетъ и относительно евреевъ прежде всего опредѣлить степень авторитетности книги, а потомъ уже судить ихъ по ней. Евреи имѣютъ весьма обширную богословскую литературу, и не всѣ произведенія ея обладаютъ одинаковою цѣнностью и авторитетомъ. Литература эта распадается на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ два главныхъ сочиненія: *Талмудъ* и *Шульханъ*. Шульханъ-Арухъ — громадное и весьма неудобоваримое произведеніе раввина по имени Каро. Оно состоитъ изъ четырехъ толстыхъ томовъ, представляющихъ нѣчто въ родѣ собранія узаконеній, нѣчто аналогичное извѣстной «*Somme*» Ѳомы Аквинатскаго. Оно пользуется большимъ авторитетомъ, уступающимъ, однако же, авторитету Талмуда, котормъ мы и займемся специальнымъ образомъ.

Въ XVI столѣтіи, еврейскіе ученые возымѣли мысль сосредоточить въ обширномъ компилятивномъ трудѣ, получившемъ названіе Талмуда, квинтэссенцію своихъ ученій и всѣхъ религиозныхъ споровъ, тянувшихся чрезъ цѣлые пять вѣковъ, отъ перваго до шестого столѣтія нашей эры, въ средѣ еврейскихъ школъ, палестинской и вавилонской. Трудъ этотъ былъ завершенъ въ первыхъ годахъ VI вѣка. Онъ былъ почти немедленно вслѣдъ затѣмъ принятъ почти всѣмъ Израилемъ. Въ настоящее время его отверга-

еть только одна немногочисленная секта караймовъ (не болѣе 1200 адептовъ), признающая однѣ книги Моисеевы. Караймы имѣютъ свое мѣстопробываніе, главнымъ образомъ, въ Каирѣ, Константинополѣ, Крыму и въ Польшѣ.

Начиная съ VI столѣтія, Талмудъ сдѣлался для еврейскаго народа, для его ученыхъ и властей, священною книгою, изучаемою и читаемою всѣми почти наравнѣ съ Библіей.

Одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ еврейскихъ ученыхъ, Моисей Маймонидъ, раввинъ XII столѣтія, слѣдующимъ образомъ говоритъ о Талмудѣ: «Все заключающееся въ вавилонской Гемарѣ, обязательно для всего Израиля. Должно заставлять каждый городъ, каждый край сообразоваться съ обычаями, установленными Гемарой, слѣдовать ея рѣшеніямъ, поступать согласно съ ея учрежденіями, ибо вся совокупность Гемары была одобрена всѣмъ Израилемъ. Мудрецы, давшіе эти учрежденія, эти декреты, установившіе эти обычая, постановленія, ученія, составляли то всю совокупность израильскихъ учителей, то ихъ большинство. Они-то, по преданію, получили основы всего закона, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ самаго Моисея». По мнѣнію того-же ученаго, авторитетъ вавилонскаго Талмуда таковъ, что нарушителя его предписаній слѣдуетъ предавать смерти, безъ всякаго суда. «Нарушающіе предписанія учителей, говоритъ онъ, — должны быть наказаны съ большею строгостью, чѣмъ тѣ, кто нарушаетъ законъ Моисея. Нарушающій законъ Моисея можетъ получить отпущеніе, но нарушение ученій раввиновъ должно быть наказуемо смертію. Каждый изъ вѣрныхъ долженъ убивать еврея, отрицающаго завѣты раввиновъ. Ни свидѣтели, ни предварительныя увѣщанія, ни судьи не требуются для этого».

Между тѣмъ, въ появившемся въ 1641 г. амстердамскомъ изданіи, также какъ въ латинской рукописи XIII столѣтія, находящейся въ парижской публичной библіотекѣ и за точность которой ручается «Revue des etudes juives», встрѣчаются мѣста въ родѣ слѣдующаго: «Евреямъ приказано уничтожить назарейцевъ». И далѣе: «Лучшаго изъ язычниковъ — убей». Изъ такихъ выдержекъ авторъ «Зеркала евреевъ» заключаетъ, что «проливать кровь молодой не-еврейской дѣвушки есть, по мнѣнію израильскихъ учителей, такая-же священная жертва, какъ приношеніе драгоценнѣйшаго изъ благовоній и въ то-же время средство примиренія съ Богомъ и привлеченія его благословенія».

III.

Однако, и такого заключенія допустить нельзя. Какъ ни уважается Талмудъ, какъ онъ ни распространенъ, все-таки онъ не

составляетъ религіознаго кодекса, точно также, какъ и *monita secreta*, какъ «Подражаніе Христу», какъ какой-бы то ни было сборникъ избранныхъ сочиненій всѣхъ Отцовъ Церкви. Мнѣніе раввина Маймонида, ставящаго Талмудъ выше Библіи, чисто личное мнѣніе и не обязательно для совокупности вѣрующихъ. Это сочиненіе имѣетъ значеніе болѣе или менѣе безпристрастнаго сборника всѣхъ богословскихъ споровъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ; но именно потому и слѣдуетъ ожидать найти въ немъ не одно противорѣчіе и не одну нелѣпость. Представьте себѣ, что лѣтъ черезъ тысячу какому нибудь еврею придется въ голову мысль перелистовать французскую парламентскую лѣтопись. Если этотъ еврей будетъ тевтонскаго происхожденія и унаслѣдовалъ вражду своихъ предковъ, онъ, безъ сомнѣнія, приступитъ къ этому труду съ тою предвзятою мыслью, что французы XIX вѣка были каннибалами и убійцами по профессіи.

Представьте же себѣ его радость, когда онъ найдетъ тому доказательство въ отчетѣ о засѣданіи, въ которомъ Ларошфуко Бизаччіа произнесъ слѣдующія прекрасныя слова: «Національный праздникъ есть праздникъ убійць». Какъ-же послѣ того сомнѣваться, что Молохъ былъ нашимъ національнымъ богомъ, а республика питается мясомъ маленькихъ дѣтей? Впрочемъ, именно такимъ-то образомъ и пишется всегда исторія.

Добросовѣстная критика поступаетъ иначе. Прежде всего она не старается извлекать изъ сочиненія то, что всего болѣе подходитъ къ требованіямъ партіи. Оставляя въ сторонѣ всякую предвзятую мысль, она стремится поставить каждый текстъ, каждое событіе въ его среду, въ его время, въ сферу событій, могущихъ его разъяснить; такой трудъ уже и былъ выполненъ и хорошо выполненъ, по отношенію къ Талмуду. Дѣйствительно, въ этой громадной энциклопедіи въ двѣнадцать томахъ удалось откопать три-четыре мѣста, гдѣ какой-то раввинъ выражаетъ желаніе по части «истребленія назарейцевъ». Но и это ничего не доказываетъ, такъ какъ подъ именемъ назарейцевъ подразумѣваются, по всей вѣроятности, не христіане, а какіе-нибудь еврейскіе сектанты. Не подлежитъ также сомнѣнію, что еврейскій раввинъ Симонъ-Вень-Юкай, лѣтъ 1800 назадъ, восклицалъ: «Лучшаго изъ язычниковъ—убей!» Но при какихъ обстоятельствахъ? Извѣстно, что то было во время патріотическаго возстанія евреевъ при императорѣ Адрианѣ, этой послѣдней попытки возвращенія національной независимости, залитой потоками крови, съ тѣмъ неслыханнымъ зѣвствомъ, которое уже проявилось во время перваго усмиренія, при Титѣ: по словамъ римскихъ историковъ, 1.300,000 жертвъ погибло во время первой войны и 600,000—во второй. Въ самый разгаръ

этого избіенія у Симонъ-Бенъ-Юкая, подвергавшагося жестокииъ преслѣдованіямъ, и вырвалось вышеприведенное проклятiе противъ палачей его родины. Но съ кѣмъ-же этого не случилось?

Къ тому-же, какъ мы уже замѣтили, Талмудъ не есть духовный законъ евреевъ. Истинный и единственный религіозный кодексъ этого народа есть Библия. Но критиковать Библию не значитъ-ли критиковать всѣ религіи, признающія авторитетъ, то есть критиковать христіанство во всѣхъ его видахъ. Такая критика не имѣла-бы никакой цѣны. Но въ этомъ отношеніи любопытно взглянуть на общую философію исторіи еврейскаго народа. Развитіе этого народа является очевиднымъ результатомъ двухъ противныхъ силъ: одной, идущей извнѣ и которой обязаны вліянію финикійцевъ, египтянъ и другихъ; другой, внутренней, имѣющей свой источникъ въ присущихъ израильскому народу свойствахъ. Борьба этихъ двухъ теченій была продолжительна и упорна. Она подала поводъ къ фазисамъ униженія и величія, варварства и благоденствія. Среди усилій этой то борьбы прославились нѣкоторые знаменитые вожди и въ особенности пророки. Естественная склонность еврейскаго народа, склонность, по преимуществу цивилизующая, проявилась рано и шла прогрессивнымъ путемъ съвозъ всѣ эти перемѣны. Извѣстно, какое отвращеніе питаетъ законъ Моисеевъ ко всякаго рода кровавой пищѣ, какія старанія, по большей части мелочныя до смѣшного, прилагаются правовѣрными евреями къ устраненію крови изъ мяса и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ библейскихъ текстахъ по этому поводу нѣтъ недостатка. «Вы не должны вкушать мяса, не удаливъ изъ него крови, ибо кровь есть душа его». «Вы не будете вкушать крови, ни въ единомъ изъ жилищъ своихъ, ни птичьей, ни какого-бы то ни было животнаго». «Вкусившій крови отверженъ будетъ изъ среды народовъ Его!» «Душа всякой твари въ крови; и потому я сказалъ дѣтямъ Израиля: вы не будете вкушать крови ни единой плоти». «Остерегайся вкусить крови животныхъ, ибо кровь есть душа ихъ».

Въ виду подобныхъ предписаній, столь ясныхъ и строгихъ, обвиненіе въ употребленіи крови должно крайне изумлять и побуждать отнести его къ ужасающей средневѣковой судебной рудлади, выражавшейся въ обвиненіяхъ въ колдовствѣ, замуравливаніяхъ, отравленіяхъ колодцевъ и проч. Всякій, хотя нѣсколько знающій съ церковной исторіей, знаетъ происхожденіе этой грязной клеветы, противъ которой все вопіетъ въ іудейскомъ догматѣ, нравственности и обычаяхъ.

Это обвиненіе изобрѣтено было впервые язычниками, которые пустили его противъ христіанъ, странныя рѣчи которыхъ о таинствахъ

евхаристіи, о хлѣбѣ и винѣ, которые суть кровь и плоть, казались непонятными. Затѣмъ, когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею и изъ преслѣдуемаго превратилось въ преслѣдователя, ивусная басня, отъ которой пришлось страдать христіанамъ, обращена была противъ евреевъ, безъ малѣйшаго къ тому основанія. То-же самое случилось съ другимъ христіанскимъ обычаемъ, а именно братскими трапезами, на которыхъ мужчины и женщины, объятые самымъ чистымъ энтузіазмомъ, лобызали другъ друга. Язычники увидѣли въ этомъ ужасающее смѣшеніе половъ, сцены проституціи, освѣщенной религіею. И эта басня была принята къ свѣдѣнію католичествомъ. Ею воспользовались въ XIII столѣтіи противъ тамплиэровъ, въ XVI—противъ протестантовъ, и всегда находились легковѣрные, принимавшіе ее за истину, судьи, произносившіе приговоры, и палачи, сжигавшіе приговоренныхъ.

Легенда объ употребленіи евреями человѣческой крови, съ теченіемъ времени, однако, значительно утратила свою силу; она даже до такой степени вышла изъ моды, что самые ярые враги евреевъ отказались отъ нея. Всѣмъ извѣстна книга, изданная въ 1718 г., подъ заглавіемъ «Разоблаченное іудейство». Это и есть главный арсеналъ, изъ котораго черпаютъ свои доводы германскіе антисемиты. Но даже авторъ названнаго сочиненія, Ейзенменгеръ, который, по крайней мѣрѣ, былъ ученымъ человѣкомъ, принужденъ былъ сознаться, что «въ этомъ отношеніи были несправедливы къ евреямъ».

Вѣрили-ли когда-нибудь этой баснѣ серьезные люди? Въ этомъ можно сомнѣваться, читая буллу папы Инноцентія IV, помѣченную 5 іюля 1247 г. «Евреевъ ложно обвиняютъ въ убіеніи дѣтей, для причащенія ихъ кровью, что явно противорѣчило-бы ихъ религіозному закону».

III.

А Неофитусъ? Поговоримъ немного о Неофитусѣ.

Въ Фрато только что вышла книга, подъ заглавіемъ: «Il sangue chiskiano nei riti ebraice della moderna sinagoga, rivelazioni di Neofito, ex rabbino, menaso greco». Этотъ Неофитусъ, бывший раввиномъ въ Молдавіи и сдѣлавшійся греческимъ монахомъ, издалъ въ 1803 году, послѣ своего обращенія, сочиненіе, озаглавленное: «Опроверженіе еврейской вѣры и ея обычаевъ, съ доказательствами, извлеченными изъ Ветхаго и Новаго Завѣта». Эта книга переведена была на новогреческій и арабскій языки и имѣла большій успѣхъ. Она-то и издана теперь вновь, въ итальянскомъ переводѣ и съ измѣненнымъ заглавіемъ. Авторъ объявляетъ, что

Дѣло № 8, 1883 г. II. 7

евреи употребляютъ христіанскую кровь при всѣхъ обрядахъ, но остерегаются упоминать о томъ въ богослужебныхъ книгахъ своихъ. Преданіе это довѣряется лишь тѣмъ изъ евреевъ, скромность которыхъ стоитъ выше всякаго подозрѣнія. Неофитусъ передаетъ, что тайна эта была сообщена ему его собственнымъ отцемъ. Такое заявленіе, разумѣется, стоитъ вышеприведеннаго заявленія Иннокентія IV! Для окончательнаго убѣжденія публики, не обязанной вѣрить на слово Неофитусу и его родителю, остается только доставить подтверждающіе факты. Эсъ-раввинъ, правда, мало этимъ стѣсняется. Въ историческомъ дополненіи, приложенномъ къ книгѣ, онъ приводитъ 57 случаевъ убійствъ, совершенныхъ евреями надъ христіанами съ обрядовыми цѣлями 57—цифра хорошая. По всей вѣроятности, она значительно увеличится послѣ тисса-эсларскаго дѣла, если только оно окончится обвинительнымъ приговоромъ, ибо въ этомъ случаѣ можно предвидѣть, что убіенія христіанъ станутъ расти какъ грибы. Уже, со времени начала слѣдствія, новое преступленіе обогатило коллекцію. «Антисемитъ», газета, выходящая въ Мондидье и возникшая нѣсколько недѣль тому назадъ, объявляетъ, что одинъ изъ ея читателей, проживающій въ Грацѣ (въ Штиріи) сообщилъ редакціи фактъ, могущій идти рядомъ съ тисса-эсларскимъ.

Мѣсяцевъ восемь тому назадъ, два венгерскихъ еврея, выдававшие себя за торговцевъ, прибыли въ селеніе Нестельбахъ, лежащее въ трехчасовомъ разстояніи отъ Граца, и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ходили по селенію, съ видомъ людей, разыскивающихъ кого или что-нибудь. Послѣ ихъ отъѣзда исчезъ семилѣтній сынъ врача Пенделя, живущаго въ Нестельбахѣ. Впослѣдствіи узнали, что упомянутые два еврея замѣчены были на дорогѣ: одинъ изъ нихъ несъ ребенка, завернутаго въ шаль. Какой-то служащій при желѣзной дорогѣ замѣтилъ этого ребенка, не подававшаго ни малѣйшихъ признаковъ жизни и лице котораго невозможно было разглядѣть. «Онъ нездоровъ?» спросилъ чиновникъ у одного изъ евреевъ. «Нѣтъ, отвѣчали ему,—онъ спитъ». Оказалось, что оба еврея вышли изъ вагона за часъ до прихода поѣзда къ венгерской границѣ.

Съ той минуты слѣды ихъ были потеряны окончательно. Губернаторъ обѣщалъ сто дукатовъ тому, кто найдетъ этихъ похитителей дѣтей. Но и обѣщаніе это не помогло дѣлу. Разсказчикъ прибавляетъ, что мать несчастнаго ребенка сошла съ ума и что отецъ, которому не болѣе 35 лѣтъ, посѣдѣлъ, послѣ исчезновенія сына.

Это ужасающее повѣствованіе до сихъ поръ, однако, нуждается въ судебномъ подтвержденіи. Что касается до коллекціи изъ

57 случаевъ, то и здѣсь, для признанія ея достовѣрности, придется довольствоваться увѣреніями самого Неофитуса, которыя для добросовѣстной и не заинтересованной публики не болѣе вѣски, чѣмъ завѣренія безъимяннаго корреспондента газеты «Антисемитъ».

А дѣло отца Томаса? Этому примѣру ужь нельзя отказать въ подтвержденіяхъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ своихъ «Union de l'Alsace-Lorraine», напоминаетъ о знаменитой судебной драмѣ, театромъ которой былъ въ 1840 г. Дамаскъ. Дѣло шло объ убійствѣ монаха капуцина, отца Томаса, занимавшагося медициной, одновременно съ религіозными дѣлами, и, какъ увѣряютъ, приобрѣвшаго всеобщее расположеніе. Христіане, турки и евреи единогласно хвалили его искусство и его самоотверженіе. Онъ умѣлъ снискать довѣріе всѣхъ классовъ общества, но въ особенности былъ добръ и привѣтливъ съ евреями, какъ увѣрила газета, «что происходило отъ пламеннаго желанія его вернуть ихъ души Богу». Въ то время, когда чума свирѣпствовала въ Дамаскъ, онъ запирался съ зачумленными и ухаживалъ за ними. Никакого труда, никакихъ жертвъ не щадилъ онъ, когда дѣло шло о пользѣ ближнихъ. Поэтому самъ турецкій губернаторъ Шерифъ-паша питалъ къ нему особое благоволеніе. Слугамъ былъ отданъ приказъ допускать монаха къ губернатору, въ какой-бы часъ онъ ни явился.

Однажды вечеромъ, когда онъ проходилъ мимо дома одного еврея по имени Давида Гарари, хозяинъ попросилъ его зайти къ нему. Отецъ Томасъ довѣрчиво отвѣчалъ на приглашеніе. Давидъ Гарари считался самымъ набожнымъ въ цѣломъ Дамаскъ евреемъ и всѣ его уважали.

Не успѣли закрыться двери за монахомъ, какъ Гарари, двое братьевъ его, дядя и еще два еврея, бросаются на него, опрокидываютъ на полъ, затыкаютъ ему ротъ и крѣпко связываютъ. Пришелъ еще раввинъ и призванъ былъ еврей-цирюльникъ, Солиманъ. Послѣдній получилъ приказаніе перерѣзать горло жертвъ, а такъ какъ у него не хватило смѣлости, то Давидъ Гарари, добродѣтельный и набожный другъ монаха, самъ схватилъ ножъ. Но руки у него дрожали и дѣло не подвигалось, такъ что братъ его Ааронъ припелъ къ нему на помощь, между тѣмъ какъ Солиманъ держалъ монаха за бороду. Кровь собрана была въ бутылки и отослана къ старшему раввину. Тѣло было раздѣто и изрѣзано на мелкіе куски, одежда сожжена. Даже кости истолчены были въ ступѣ, и всѣ безформенные останки несчастнаго брошены въ kloaku. Преступники надѣялись, такимъ образомъ, уничтожить всякіе слѣды своего преступленія.

Съ наступленіемъ ночи, Ибрагимъ Аморанъ, христіанскій служака отца Томаса, безпokoясь по случаю его поздняго отсутствія и зная, что онъ въ еврейскомъ кварталѣ, отправился искать его. Тамъ его постигла одинаковая участь съ его господиномъ. Онъ былъ такимъ-же образомъ схваченъ и убитъ евреями, собравшимися, по словамъ газеты, «съ цѣлю добыть христіанской крови для своихъ праздничныхъ хлѣбовъ».

Турецкое правительство нарядило слѣдствіе. при содѣйствіи французскаго консула, ревностнаго католика и итальянца по происхожденію. Было арестовано шестнадцать человекъ. Изъ этого числа двое умерли во время слѣдствія; четверо—помилованы, въ числѣ ихъ и Солиманъ, за сдѣланныя ими сообщенія; остальные десять приговорены къ смерти.

Однако, приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Евреи цѣлаго міра заводновались. Кремье, сдѣлавшійся позднѣе французскимъ министромъ юстиціи, и Моисей Монтефіоре, нынѣ пэръ Англіи, отправлены были делегатами къ египетскому вице-королю. Они такъ успѣшно выполнили свою миссію, что добились отъ Мехмета-Али кассированія приговора и освобожденія заключенныхъ, хотя не было приведено ничего, могущаго извинить или оправдать ихъ. Останки отца Томаса были найдены въ еврейской клоакѣ.

Таковъ рассказъ, передаваемый газетою «Union de l'Alsace-Logtaine». Рассказъ этотъ грѣшитъ тѣмъ, что полонъ самыхъ странныхъ ошибокъ; онъ передаетъ съ безусловнымъ легковѣріемъ протоколъ мусульманскихъ комиссаровъ, не подозрѣвая, повидимому, какіе ужасающіе способы дознанія пущены были въ ходъ въ этомъ дѣлѣ и вырвали сознаніе у двоихъ подсудимыхъ, которые показывали подъ пыткой и которые все-таки почти немедленно вслѣдъ затѣмъ отказались отъ собственныхъ показаній. По свидѣтельству очевидцевъ, одинъ изъ заключенныхъ получилъ въ два раза триста-пятьдесятъ ударовъ палками по подошвѣ; другой былъ нѣсколько разъ подвергнутъ наказанію розгами; въ промежуткахъ между сѣченіемъ, его истерзанное тѣло обмывали холодною водою. Въ другой разъ ихъ заставили простоять безъ сна тридцать шесть часовъ; вслѣдствіе именно этой пытки и умерло двое изъ подсудимыхъ. Извѣстно, что невинныя матери, обвинявшіяся въ дѣтубійствѣ, показываютъ на себя ложно, единственно изъ страха предъ секретнымъ отдѣленіемъ, между тѣмъ какъ позднѣйшее слѣдствіе опровергаетъ ихъ показанія. Можно-же представить себѣ, какую достовѣрность имѣютъ показанія вышеупомянутыхъ евреевъ. Удивляешься только тому, что не нашлось въ числѣ подсудимыхъ людей достаточно энергичныхъ, чтобы отрицать взводимое на нихъ обвиненіе до конца.

А между тѣмъ, и въ настоящее время, имѣются въ Дамаскѣ честные люди, убѣжденные въ томъ, что отецъ Томасъ былъ умерщвленъ евреями. Правда, что въ дѣло введенъ вариантъ: полагаютъ, что слишкомъ любезный относительно евреевъ капуцинь палъ жертвою частной мести.

Было-бы безумно рассчитывать на раскрытіе истины по поводу этого мрачнаго дѣла сорокъ лѣтъ спустя и въ подобномъ краѣ. Какъ-бы то ни было, можно, однако-же, утверждать, что религія и религиозные обряды были ни причеъ въ этомъ убійствѣ, если только оно было совершено. Къ этому все и сводится. Вопросъ не въ томъ, чтобы узнать, не убивалъ-ли еврей или еврея христіанъ или лицъ другихъ вѣроисповѣданій: злоумышленники могутъ встрѣчаться повсюду и ни одна религія не имѣетъ монополіи на убійство. Вопросъ въ томъ, чтобы узнать, не совершали-ли когда-нибудь нѣкоторые евреи убійства съ цѣлью добыть крови для праздника Пасхи или иной религиозной церемоніи. До сихъ поръ ничего подобнаго не могло быть доказано. Даже въ прежнія времена когда пытка вырывала у несчастныхъ подсудимыхъ сознаніе въ такомъ преступленіи, государи постоянно отмѣняли исполненіе произнесенныхъ противъ нихъ приговоровъ. Никогда, никто изъ перемѣнившихъ вѣру не сдѣлалъ разоблаченій по поводу ритуальныхъ убійствъ, никто, за исключеніемъ вышереченнаго Неофитуса, который самъ ничего не видѣлъ, а только слышалъ отъ отца.

IV.

Но если-бы даже драма, развертывающаяся предъ нѣрегигазскимъ судомъ присяжныхъ и окончилась обвинительнымъ вердиктомъ, что было-бы этимъ доказано? Развѣ юридическій характеръ дѣла не отступаетъ здѣсь на задній планъ? Какое дѣло антисемитской лигѣ до цѣнности доказательствъ, могущихъ выясниться изъ судебныхъ преній? Для нея важно одно, — добиться, во что-бы то ни стало, обвинительнаго приговора, который она намѣрена обратить въ смертельное орудіе. Она, ни предъ чѣмъ не останавливается для достиженія своей цѣли; всѣ показанія свидѣтельствуя объ интенсивной страстности и запугиваніи. Сама мать жертвы, видимо, подвергается всякаго рода давленіямъ, не оставляющимъ ей ни свободы воли, ни свободы рѣчи. А эти два ребенка, единственные свидѣтели, на которыхъ можетъ сослаться противъ подсудимыхъ обвиненіе, — развѣ не чудовищна та роль, которую ихъ заставляютъ играть въ этомъ процессѣ? Въ странѣ, считающей себя цивилизованною, правосудіе должно-бы стыдиться принимать свидѣтельство дѣтей противъ отца. Но ни на какомъ языкѣ нѣтъ имени для придумыванія ложнаго показанія и выучи-

ванія его, на подобіе урока, такими дѣтьми. Мы уже приводили выше, съ какимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, вопреки негодующему протесту подсудимыхъ, не смотря на увѣщанія отца, молодой Шарфъ повѣствуетъ объ убійствѣ. Онъ рассказывалъ по-венгерски и когда его попросили повторить рассказъ по-нѣмецки. Онъ отвѣчалъ, что это для него невозможно, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что въ его семьѣ говорятъ по-нѣмецки. Сверхъ того, показаніе было сдѣлано въ такихъ изысканныхъ выраженіяхъ, что нѣкоторыя изъ нихъ не были поняты подсудимыми.

Этимъ показаніемъ занялись, по всей вѣроятности, литераторы и законники. Морицъ и намекалъ на это. Когда отецъ спросилъ у него, можно-ли дѣйствительно вѣрить, что евреямъ нужна христіанская кровь для пасхальныхъ обрядовъ, мальчикъ отвѣчалъ утвердительно, объявляя, что одинъ христіанинъ, принадлежащій къ высшему духовенству, сказалъ ему это. Онъ прибавилъ, что не хочетъ ни быть болѣе евреемъ, ни имѣть никакого къ нимъ отношенія, что ихъ скоро всѣхъ выгонять изъ Венгрии, онъ же, напротивъ, будетъ счастливъ и всю жизнь будетъ ѣсть бѣлый хлѣбъ.

Морицъ объявилъ, вначалѣ, полицейскому комиссару, которому поручено было слѣдствіе, что онъ ничего не видѣлъ. Тогда вмѣшался въ дѣло другой комиссаръ. Этотъ прекрасный человѣкъ, нѣкогда приговоренный къ десятилѣтнему тюремному заключенію за убійство мужа своей любовницы (котораго изрѣзалъ на мелкіе куски). какъ то обнаружилось при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, сознался въ попыткахъ воздѣйствія на юнаго свидѣтеля; онъ призналъ, что грозилъ ему вѣчной тюрьмой и сказалъ, что отецъ уже признался въ умерщвленіи Эсфири. Когда же отецъ увѣщалъ ребенка сказать правду, онъ отказался измѣнить показаніе, по той причинѣ, что не желаетъ провести всю жизнь въ тюрьмѣ. Мачиха только что показывала предъ тѣмъ, что ребенокъ права боязливаго и непокорнаго. Все это ничто въ сравненіи съ разоблаченіями, данными на послѣднихъ засѣданіяхъ суда. Если дѣйствовали угрозами на свидѣтелей, то по отношенію къ подсудимымъ употребляли еще болѣе дѣйствительныя мѣры. Инквизиція какъ-бы воскресла въ Венгрии, и правосудіе въ ней проявляется въ чисто средневѣковыхъ формахъ.

Читая показанія нѣкоторыхъ подсудимыхъ, считаешь себя жертвою страшнаго кошмара. Одинъ передаетъ, что его лишали сна, предварительно избивъ. Другой объявляетъ, что судебный слѣдователь входилъ ночью въ камеры подсудимыхъ и внезапно начиналъ допросъ въ ту минуту, какъ они засыпали отъ утомленія. Онъ начиналъ его обыкновенно жестокомъ ударомъ кулака по лицу. и если подсудимый не сознавался, то передавалъ несчастнаго двумъ

пандурамъ, которые расправлялись съ нимъ по своему и кнutomъ учили тому, что онъ долженъ говорить. Затѣмъ слѣдователь возвращался и находилъ подсудимаго достаточно приготовленнымъ.

Слѣдуетъ, однако, отдать справедливость этому Жеффрису въ миниатюрѣ; онъ не врагъ пріятнаго разнообразія, и воображеніе ежедневно подсказывало ему новыя выдумки. Онъ то связывалъ заключенныхъ веревками, впивавшимися имъ въ тѣло, то приказывалъ посадить ихъ на полудикаго скакуна, который, подстрекаемый ударами кнута, мчалъ ихъ подъ палящими лучами солнца, и какого солнца! Въ Венгрии, въ іюнѣ, бываетъ 40% и болѣе.

Изъ всѣхъ пытокъ, которымъ подвергали несчастныхъ подсудимыхъ, съ цѣлью развязать имъ языкъ, изобрѣтательный слѣдователь особенно любилъ такъ называемое испытаніе bitter Wasser'омъ. Это самая странная, но не самая сносная пытка. Вотъ въ чемъ она состояла. Когда допросъ не принималъ желаемаго направленія, онъ приказывалъ привязать обвиняемаго къ стулу и принуждалъ его проглотить отъ двухъ до трехъ литровъ «Huniady Janos», гуниадіевой водѣ, послабляющее дѣйствіе которой уже извѣстно. Это та самая вода, которую съ такимъ успѣхомъ поддѣлывалъ пекскій убійца Фенеру. Этимъ путемъ слѣдователь *освобождалъ* подсудимыхъ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ противиться дѣйствию этого милаго способа. Всѣ прошедшіе чрезъ такое испытаніе предпочитали во всемъ на свѣтѣ сознаться и все подписать, чтобы только не подвергнуться ему вторично.

Почтенный представитель судебного вѣдомства обращался, впрочемъ, и не къ однимъ обвиняемымъ. Щедроты его простирались и далѣе. Еврей-лодочники, выловившіе трупъ, который, по его соображеніямъ, могъ принадлежать Эсфири Солимоши, подверглись аресту, какъ предполагаемые сообщники убійства молодой еврейки. Чтобы заставить ихъ говорить, прибѣгли къ пыткамъ, уже испытаннымъ надъ другими подсудимыми. Розги, гуниадіева вода, — весь арсеналъ пытокъ пущенъ былъ въ ходъ. Били до крови, вырывали волосы, вѣшали внизъ головою, а нѣкоторыхъ, у кого болѣли глаза, засгавляли пристально смотрѣть на солнце, послѣ чего бросали въ свинной хлѣвъ.

Черезъ нѣсколько времени, лодочники конечно сознались во всемъ, чего отъ нихъ хотѣли.

V.

Всѣ мѣры были приняты, и прокуратура нашла, что можно съ полною увѣренностью приступить къ открытію перваго засѣданія.

Имѣли въ распоряженіи письменное сознаніе убійць и ихъ сообщниковъ; что касается свидѣтелей, то и съ этой стороны нельзя было опасаться неудачи. Ихъ слогъ былъ превосходно выправленъ, какъ мы видѣли изъ примѣра юнаго Шарфа. Подстрекательства антисемитской партіи, а равно и давленіе судей какъ нельзя лучше подготовили ихъ къ роли, которую имъ приходилось играть. Въ средѣ христіанскаго населенія Эслара распространилось мнѣніе, что объ евреяхъ нельзя говорить правды, даже подъ присягой, и что интересы государства требуютъ осужденія обвиняемыхъ. Это направленіе общественнаго мнѣнія выразилось такъ рѣзко, что одинъ изъ защитниковъ, докторъ Фридманъ, нашелъ нужнымъ просить предсѣдателя опровергнуть этотъ слухъ при помощи администраціи и духовенства.

Не смотря ни на что, старательно подстроенное зданіе рухнуло при самомъ началѣ судебнаго слѣдствія. То, что казалось наиболѣе прочно установленнымъ предварительнымъ слѣдствіемъ, разсѣялось какъ дымъ или запуталось до такой степени, что стало невозможнымъ что-бы то ни было различить. Такъ случилось прежде всего съ вопросомъ (крайне важнымъ) о томъ, былъ-ли найденный въ Тиссѣ трупъ трупомъ Эсфири Солимоши. На самомъ слѣдствіи вопросъ этотъ прошелъ сквозь различные фазисы. Сперва не сомнѣвались вовсе; затѣмъ, такъ какъ на трупѣ не найдено было никакихъ ранъ и такъ какъ это не было на руку обвиненію, стали искать другого и думали найти объясненіе въ томъ, что зовется въ Венгрии «контрабандою труповъ». Это второй фазисъ. Выразили мысль, что тисса-эсларскіе евреи, желая замаскировать ритуальное убійство Эсфири Солимоши, украли трупъ молодой дѣвушки и тайно передали его лодочникамъ на Тиссѣ, чтобы тѣ нашли его затѣмъ въ рѣкѣ. Лодочники сыиграли, слѣдовательно, гнусную комедію, задуманную вмѣстѣ съ подсудимыми. На этомъ-то основаніи ихъ и арестовали. Мы уже упоминали, какимъ образомъ отъ нихъ добились сознанія.

Но какъ только всѣ они, какъ лодочники, такъ и обвиняемые, явились на судъ, внезапно всѣ берутъ назадъ свои показанія и разоблачаютъ образъ дѣйствій предварительнаго слѣдствія. Такимъ образомъ вопросъ о трупѣ оказался болѣе запутаннымъ, чѣмъ когда-либо и пришлось спросить себя какъ въ первый день: кто-же была дѣвушка, утонувшая въ Тиссѣ? Эсфирь-ли это, или другая, неизвѣстная?

Когда его нашли, трупъ уже подвергся сильному разложенію и невозможно было опредѣлить съ точностью ни возраста утопленницы, ни даже цвѣта ея волосъ. Между тѣмъ какъ нѣкоторые нашли въ немъ сходство съ Эсфирью, другіе энергически отри-

цали его. Сама мать дѣвухи не признала дочери въ показанномъ ей трупѣ. Онъ былъ отправленъ въ Пешть, для медицинскаго осмотра; его вернули въ Тисса-Эсларъ, чтобы снова подвергнуть осмотру университетскихъ профессоровъ, и послѣ этихъ переездовъ, люди науки объявили, что никто въ мѣрѣ не могъ-бы окончательно высказаться по поводу этихъ жалкихъ остатковъ человѣческаго тѣла. Загадка оставалась, слѣдовательно, неразрѣшенной.

Между тѣмъ недобросовѣстность свидѣтелей со стороны обвиненія выдавала себя на каждомъ шагу. Такъ всѣ они утверждали, что глаза трупа голубые, между тѣмъ какъ судебная коммисія изъ шести членовъ констатировала, что глаза черные, т. е. имѣютъ цвѣтъ глазъ Эсфири.

Маленькій Шарфъ также нѣсколько разъ запутывался въ сообщенныхъ имъ подробностяхъ. Онъ объявилъ, что когда перерѣзали Эсфири горло, то кровь потекла медленно. Обыкновенно кровь бьетъ сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда ударъ бритвой перерѣзываетъ артеріи. Морицъ утверждалъ также, что Эсфирь была убита ранѣ полудня. Свидѣтель-же, выслушанный на слѣдующемъ засѣданіи, объявилъ, что дѣвушка, дѣлавшая у него покупки, вышла изъ его лавки только въ полдень; лавка-же находится на разстояніи 25 минутъ ходьбы отъ синагоги.

Противорѣчія были такъ многочисленны, что на послѣднихъ засѣданіяхъ рѣшено было сократить допросъ свидѣтелей. Допрошено было уже болѣе ста человекъ и оставалось столько-же. Предпочли отказаться отъ мнимаго источника свѣта, который послужилъ лишь къ сгущенію мрака. Въ заключеніе отведенъ былъ и главный свидѣтель, юный Морицъ. По требованію прокурора, судъ рѣшилъ, что онъ не будетъ допущенъ къ присягѣ, вслѣдствіе противорѣчій, которыми кишитъ его показаніе, а также и по причинѣ презрѣнія и ненависти, выказанной мальчикомъ къ своему отцу и къ вѣрѣ своей.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ процесса, была поѣздка тисса-эсларскаго суда на мѣсто предполагаемаго преступленія. Это было послѣднимъ ударомъ для обвиненія.

Утромъ, 17-го іюля, шестіе, состоявшее изъ судей, прокурора, Шарфовъ и главныхъ свидѣтелей, появилось у синагоги и смежнаго съ нею дома Шарфа. Эти два зданія въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствовали о раздраженіи населенія. Они представляли собою лишь груды развалинъ. Не уцѣлѣло никакой мебели, ни единого окна, ни двери, ни половицы. Толпа все раззорила, разрушила, ограбила все, что только можно было унести.

Прежде всего навѣсили дверь синагоги, съвозъ замочную скважину которой Морицъ Шарфъ якобы видѣлъ убійство. Иосифъ Шарфъ разставилъ остатки скамеекъ, пупитровъ и прочей мебели въ порядкѣ, въ которомъ они находились въ день Пасхи. Предсѣдатель спросилъ Морица, въ какомъ положеніи смотрѣлъ онъ съвозъ замочную скважину: стоя, на колѣняхъ, или нагнувшись. Свидѣтель заявилъ, что долженъ былъ нагнуться. Онъ утверждалъ также, что мебель находится въ томъ именно порядкѣ, въ которомъ онъ ее видѣлъ въ день преступленія. Спрошенный о томъ, какъ лежала Эсфирь, онъ отвѣчалъ, что она касалась ногами стола, а головою обращена была къ двери; справа стоялъ Соломонъ Шарфъ. Была-ли она одѣта? спросилъ прокуроръ. — Нѣтъ, отвѣчалъ свидѣтель, она была въ одной рубашкѣ.—Кто ее одѣлъ потомъ?—Евреи. Они держали ее за голову, между тѣмъ, какъ ноги упирались въ полъ.—А колѣни у нея не подгибались? — Нѣтъ, она стояла прямо. Известно, что нужно нѣсколько часовъ для того, чтобы трупъ окоченѣлъ и могъ держаться на ногахъ. Очевидно, маленькій Морицъ не былъ обязанъ знать это; но судебный слѣдователь поступилъ неосторожно, не дополнивъ его образованія въ этомъ смыслѣ.

Послѣ допроса началось «представленіе» убійства. Нѣсколько свернутыхъ простынь было положено такъ, какъ лежала Эсфирь, по указаніямъ Морица Шарфа. Одинъ изъ судей, одинъ изъ защитниковъ и нѣсколько довѣренныхъ лицъ остались въ синагогѣ. Остальные вышли въ сѣни. Запираютъ двери и заставляють Морица смотрѣть въ замочную скважину. Для этого онъ долженъ былъ стать на колѣни и нагнуться, при чемъ ему удается пробыть только нѣсколько минутъ въ такомъ неудобномъ положеніи, между тѣмъ какъ онъ увѣрялъ, что смотрѣлъ безъ перерыва цѣлыя три четверти часа. Въ то-же время находящіяся внутри синагоги лица производятъ движенія, сообразно съ показаніями Морица. У него ежеминутно спрашиваютъ: «Что вы видите? Но оказывается, что онъ не видитъ ни взмаха ножа, ни движеній Иосифа Шарфа. Затѣмъ судьи и нѣсколько человекъ смотрятъ сами въ скважину. Изъ всего опыта выходитъ, что Морицъ могъ видѣть нѣкоторыя движенія различныхъ дѣйствующихъ лицъ, но что онъ не могъ обнять глазомъ цѣлаго, въ томъ видѣ, какъ онъ это рассказываетъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ развивались судебныя пренія, разлетались въ дребезги доказательства обвиненія. Казалось, что исходъ процесса уже и тогда могъ считаться несомнѣн-

нымъ, а между тѣмъ безпокойство продолжало господствовать не только въ средѣ еврейскаго населенія, но и среди всѣхъ, кто, хоть сколько-нибудь дорожитъ достоинствомъ человѣка. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ ослабленія шансовъ на обвинительный приговоръ, давленіе становилось все сильнѣе и сильнѣе. Не проходило дня безъ шумныхъ демонстрацій въ залѣ суда и вліятельные люди не краснѣли принимать въ нихъ участіе. Два депутата венгерскаго сейма, извѣстные своими яростными рѣчами противъ евреевъ, не пропускали ни одного засѣданія и открыто руководили манифестаціями.

Прокуроръ выказалъ, [при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, независимость и безпристрастіе, достойныя похвалы. Поэтому и онъ сдѣлался предметомъ враждебныхъ демонстрацій. Предсѣдатель былъ, впрочемъ, вполне безсиленъ относительно поддержанія порядка и подавленія проявленій гнѣва и слѣпой ненависти къ подсудимымъ.

Шумѣли и на улицѣ. Одинъ депутатъ — антисемитъ Оноди. оскорбляетъ словомъ прокурора на улицѣ и грозитъ ему тростью. Весь городъ вопить противъ защитниковъ. Адвокаты собираются, чтобы рѣшить: не исключить ли ихъ изъ корпораціи. Поговаривали о томъ, не взорвать-ли трактиръ, гдѣ они собирались послѣ засѣданія. Была минута, когда думали, что дѣло не можетъ продолжаться, такъ какъ защитники хотѣли уже отказаться. Если уже защитники, искусившіеся въ судебныхъ буряхъ, не считали возможнымъ продолжать, то тѣмъ болѣе должно было давить общественное мнѣніе на присяжныхъ.

Среди такого-то волненія, дошедшаго до крайней степени, 27 іюля слово было, наконецъ, дано королевскому прокурору, Зейферту.

«Въ настоящую минуту», сказалъ онъ, «когда допросъ оконченъ, я долженъ объявить, что само слѣдствіе доставило доказательства, могущія лишь служить къ защитѣ обвиняемыхъ и, что только въ виду состоянія умовъ и для успокоенія общества, я потребовалъ судебныхъ преній. При другихъ обстоятельствахъ, я бы уже съ самаго начала отказался отъ обвиненія. Ошибаются тѣ, кто видитъ во мнѣ человѣка, во что-бы то ни стало стремящагося открыть преступленіе. Несправедливо и противно закону предполагать, что прокуратура не имѣетъ иной миссіи, кромѣ поставленія на видъ неблагопріятныхъ для обвиняемаго обстоятельствъ». Слѣдуя примѣру предсѣдателя суда, прокуроръ объявилъ, что почитаетъ себя счастливымъ возможностью устранить мысль объ убійствѣ, совершенномъ въ виду религіознаго требованія. Онъ

торжественно и именемъ венгерскаго правосудія, протестуетъ противъ увѣреній, что суевѣріе закралось въ среду его. Прокуроръ констатируетъ неправдоподобіе показаній Морица Шарфа и, обращаясь къ тѣмъ, кто руководилъ слѣдствіемъ во время открытія трупа, заявляетъ самымъ положительнымъ образомъ, что найденный въ рѣкѣ трупъ, по его убѣжденію, есть именно трупъ Эсфири Солимоши.

Послѣ длинной рѣчи, въ которой не опущена была ни малѣйшая подробность и которая дѣйствительно дышала искренностью, Зейфертъ пришелъ къ заключенію, что, по его убѣжденію, убійства совершено не было, а подсудимые невиновны. Слѣдовательно, онъ отказывается отъ обвиненія и проситъ оправдательнаго вердикта.

VI.

По случаю національнаго праздника французской республики, цѣлый караванъ, состоящій изъ 150 венгерцевъ, прибылъ въ Парижъ. Здѣсь были литераторы, депутаты, академики; въ среду ихъ проникло даже нѣсколько дамъ: около тридцати актрисъ и танцовщицъ явились представительницами прекраснаго пола. Парижане выразили все свое удовольствіе по поводу такой нечаянности и приняли гостей съ полнымъ радушіемъ. Ихъ возили съ одного праздника на другой. Обѣдамъ не было конца. Имъ преподнесли Ракочи-маршъ въ Большой оперѣ и стихи Петефи — въ «Grand Hotel». Въ ихъ честь попили даже гуниадіевой воды, столь любезная нѣбрегизаскому судебному слѣдователю. Потому-то уже съ перваго вечера, одинъ изъ нихъ сказалъ: «Мы уже акклиматизировались». «Мы чувствуемъ себя какъ дома», замѣтилъ депутатъ Пульскій, «въ этой Франціи, гдѣ сердце горячо, вино крѣпко, народъ веселъ и женщины такъ-же прелестны, какъ въ Венгріи». Это весьма лестно для французенокъ; извѣстно, что венгерскія женщины обладаютъ особенною привлекательностью, могущею сравниться развѣ съ цыганскою музыкою. Что до веселости народа, то необходимо оговориться. У венгерскаго народа, какъ видно, бываютъ минуты довольно мрачнаго оживленія. Объ этомъ и напомнилъ Викторъ Гюго венгерскимъ гостямъ, явившимся къ нему съ визитомъ. Онъ выразилъ горячее сочувствіе къ родицѣ Кошута, но далъ понять, что для нея наступила минута или вычеркнуть себя въ ряды цивилизованныхъ народовъ, или вычеркнуть себя изъ нихъ. Онъ далъ почувствовать, что Ракочи-марша, поэзіи Петефи, токайскаго вина и Гуниадіевой воды, горячаго сердца и прелестныхъ женщинъ еще недостаточно, если надо всѣмъ этимъ не царить свобода совѣсти. Тисса-эсларское дѣло, съ его пытка-

ми и религіозной враждой, относить насъ къ нравамъ, не своимъ нашей цивилизаціи.

Скользнетъ-ли Венгрія по этой роковой наклонной плоскости? Вернется-ли она къ постыднымъ временамъ, когда обвиняли проповѣдника, Урбана Грандье, въ томъ, что онъ околдовалъ семнадцать монахинь и принуждали священника Ганфреди сознаться въ томъ, что онъ вдохнулъ злаго духа въ Маделену Лопаллю; когда чуть не сожгли іезуита Жирарда за безобидное гаданье.

Пульскій, бесѣдуя съ однимъ репортеромъ, замѣтилъ, что духъ терпимости не чуждъ Венгріи. «Въ нашемъ пештскомъ литературно-художественномъ клубѣ, говорилъ онъ, встрѣчаются люди всѣхъ партій и всякихъ профессій. Тамъ можно найти профессоровъ, журналистовъ, академиковъ; свободные мыслители, атеисты сидятъ рядомъ съ пасторами, католическими священниками и даже бенедиктинцами». И онъ прибавилъ: «Позвольте васъ увѣрить, что всѣ вѣроисповѣданія живутъ у насъ въ полномъ мирѣ и согласіи. Венгерцы не знаютъ религіозной распри».

Прекрасно, ну, а еврейскій вопросъ, значить это не религіозный вопросъ? Говоря откровенно, я подозрѣвалъ это. Нѣтъ, еврейскій вопросъ не есть вопросъ религіознаго порядка. Нѣтъ, тисса-эсларское дѣло есть ни что иное, какъ гнусная выдумка, внушенная свирѣпою враждою. Нѣтъ, никогда не существовали ритуальныя убійства. Это очень хорошо извѣстно просвѣщеннымъ классамъ въ Венгріи. Но извѣстно также и то, что еврей пріобрѣтаетъ политическое и социальное преобладаніе, растущее съ каждымъ днемъ. Отсюда гнѣвъ противъ него, отсюда ненависть, вооружающая его противниковъ самыми гнусными, самыми подлыми орудіями борьбы. Итакъ это вопросъ политической и въ особенности карманной. Отъ этого не легче, но все-же не худо это высказывать.

Жина.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Вѣстимость черепа у преступниковъ. — Лѣворукость, какъ одинъ изъ признаковъ, заставляющихъ отнести преступника къ низшему антропологическому типу. — Особенности дѣтскаго характера, приближающія ребенка къ типамъ дикаря, съумасшедшаго и преступника. — Преобладаніе физическихъ признаковъ, свойственныхъ организму типическаго преступника, между преступниками малолѣтними. — Физическія и нравственныя аномаліи у дѣтей непереступныхъ. — Необходимость изолировать дѣтей несправимыхъ, напередъ обреченныхъ на преступленіе или съумасшествіе, въ силу особенностей ихъ организаціи. — Противодѣйствуетъ-ли современная школа развитію преступленія? — Вліяніе окружающей среды.

На ряду съ другими соціальными недугами, которыми такъ богата наша цивилизація, преступленіе, какъ несомнѣнно патологическое явленіе общественной жизни, все болѣе и болѣе становится предметомъ серьезнаго изученія со стороны юристовъ и психіатровъ новой школы, которые смотрятъ на преступника, какъ на болѣзненный продуктъ ненормальныхъ общественныхъ условій и указываютъ на существованіе среди нашего общества дѣлаго класса людей, съ дѣтства, съ рожденія обреченныхъ на преступленіе, въ силу органическихъ особенностей, развивавшихся у этихъ людей и передававшихся по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Узкій, покатый лобъ, небольшой, часто ассиметрической черепъ, большія оттопыренныя уши, рѣдкая борода, громадная нижняя челюсть, выдающіяся скулы, — вотъ тѣ внѣшніе физическіе признаки, которые характеризуютъ типическаго преступника, преступника по призванію, по непреодолимому инстинкту; безпричинная жестокость, равнодушіе къ чужому и собственному страданію, мстительность, отсутствіе привязанности и общественныхъ инстинктовъ, дѣтское тщеславіе, живость и т. п. — вотъ тѣ нравственныя свойства, которыя приближаютъ такого преступника къ типу дикаря, случайно попавшаго въ нашу цивилизованную среду, нравственныя и юридическія основы которой находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ инстинктами и понятіями его первобытной природы. Рядомъ съ этими преступниками по рожденію существуетъ,

разумѣтся, и другая категорія, — людей, въ физическомъ отноше-
 нии болѣе приближающихся къ нормальному типу, но нравственно
 исковерканныхъ и систематически доведенныхъ до преступленія
 могущественнымъ вліяніемъ среды, жизненною борьбою и сопро-
 вождающими ее вопіющими несправедливостями. Наконецъ, третью
 категорію образуютъ преступники случайные, преступники въ силу
 аффекта, которому, при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ,
 можетъ поддаться каждый человѣкъ. Если исключить эту послѣд-
 нюю группу и обратить вниманіе только на двѣ первыя, то ока-
 зывается, что принадлежащіе къ нимъ люди, по физической не-
 обходимости, должны стоять на болѣе низкой ступени умственнаго
 и нравственнаго развитія, чѣмъ нормальный человѣкъ, такъ какъ
 почти каждый изъ нихъ, въ большей или меньшей степени, обла-
 даетъ такими признаками, которые заставляютъ отнести его къ
 низшему антропологическому типу. Къ числу самыхъ важныхъ и
 существенныхъ изъ этихъ признаковъ принадлежатъ, разумѣтся,
 особенности, представляемыя черепомъ преступника и, между про-
 чимъ, вмѣстимость его, которая, какъ извѣстно, имѣетъ огромное
 значеніе, какъ мѣрило умственныхъ способностей, когда дѣло ка-
 сается не единичныхъ случаевъ, а среднихъ цифръ и многочис-
 ленныхъ измѣреній. Если признать типическаго преступника за
 существо, стоящее, сравнительно съ нормальными людьми, на бо-
 лѣе низкой ступени умственнаго, нравственнаго и физическаго
 развитія, то и черепъ его, естественнымъ образомъ, за нѣкоторы-
 ми единичными исключеніями, долженъ обнаружить меньшую вмѣ-
 стимость, чѣмъ черепа людей сравнительно нормальныхъ, и этотъ
 фактъ, констатированный уже раньше многими учеными, теперь
 еще разъ подтверждается новыми изслѣдованіями извѣстнаго ита-
 лянскаго психіатра Ломброзо *).

Измѣривъ емкость 121 черепа, принадлежавшихъ итальянскимъ
 преступникамъ, и сравнивъ ее съ емкостью 328 нормальныхъ че-
 реповъ, Ломброзо нашелъ, что очень малоемкихъ череповъ (1101—
 1200 куб. сантим.) въ первой категоріи больше, чѣмъ во второй;
 такое-же преобладаніе на сторонѣ преступниковъ оказывается от-
 носительно череповъ въ 1251 — 1500 куб. сантим.; черепа въ
 1351 — 1500 куб. сантим. встрѣчаются почти одинаково часто,
 какъ между преступниками, такъ и между людьми «честными»,
 съ юридической точки зрѣнія; но, начиная съ категоріи емко-
 сти въ 1501 куб. сантим. процентъ череповъ преступниковъ
 быстро убываетъ и, наконецъ, подъ рубрикою 1701—2000 ихъ не

*) *C. Lombroso, Capacità cranica di 121 criminali. Archivio di Psichiatria
 Science penali ed Antropologia criminale.—Vol. IV. Fasc. II. 1883.*

оказывается вовсе. Такимъ образомъ, преступники, взятые какъ отдѣльныя антропологическія группы, характеризуются болѣе высокимъ процентомъ маленькихъ череповъ и совершеннымъ отсутствіемъ череповъ очень крупныхъ. Нѣсколько иначе комбинируются эти выводы, если мы будемъ сравнивать съ нормальнымъ типомъ не всѣхъ вообще преступниковъ, вмѣстѣ взятыхъ, а извѣстныя отдѣльныя категоріи; такъ напримѣръ, въ категоріи убійцъ очень малоемкихъ череповъ (1101—1250 куб. сант.) не оказывается вовсе; череповъ въ 1251—1400 куб. сант. у нихъ оказывается, напротивъ, несравненно больше, чѣмъ у людей нормальныхъ; череповъ средней вмѣстимости (1451—1700) между преступниками опять меньше, чѣмъ между «честными» людьми и, наконецъ, очень объемистыхъ череповъ (1700—2000) точно такъ-же, какъ и у всѣхъ вообще преступниковъ, не встрѣчается вовсе. Переходя къ другой категоріи преступниковъ,—къ ворами, мы видимъ, что между ними всего чаще попадаются черепа самой низкой емкости, что въ среднихъ размѣрахъ они уступаютъ нормальнымъ еще болѣе, чѣмъ убійцы, и что размѣровъ высшихъ и въ этой категоріи также не встрѣчается вовсе.—Въ концѣ-концовъ мы, стало быть, приходимъ къ тому выводу, что преступники вообще, какъ обособленная группа, отличаются отъ остальныхъ своихъ согражданъ меньшею емкостью черепа, выражающагося, главнымъ образомъ, въ сравнительномъ обиліи между ними малыхъ череповъ и почти полномъ отсутствіемъ большихъ. Къ такимъ-же, приблизительно, выводамъ пришелъ и нѣмецкій ученый Вейсбахъ въ аналогичныхъ изслѣдованіяхъ череповъ нѣмецкихъ преступниковъ, которые онъ сравнивалъ съ нормальными черепами.

Къ длинному ряду антропологическихъ признаковъ, характеризующихъ идеальный типъ преступника, въ настоящее время приходится присоединить еще одинъ новый,—именно лѣворукость. Предыдущія изслѣдованія французскаго антрополога Лебона показали уже, что лѣворукость можетъ быть разсматриваема, какъ особенность, характеризующая низшую организацію; поэтому мы и наблюдаемъ ее такъ часто между дѣтьми и дикарями. Съ точки зрѣнія теоріи, доказывающей, что и типическій преступникъ ничто иное, какъ дикарь, низшее существо, остановившееся въ своемъ развитіи приблизительно на уровнѣ нашихъ доисторическихъ предковъ, черепа которыхъ мы находимъ въ глубинѣ постпліоценоваго слоя,—было, конечно, крайне интересно провѣрить основательность такого взгляда еще на одномъ лишнемъ признакѣ, и тотъ-же Ломброзо, тотчасъ послѣ появленія работы Лебона, рѣшилъ изслѣдовать въ этомъ отношеніи населеніе итальян-

скихъ тюремъ *). Принимая во вниманіе крайне незначительный процентъ чистыхъ лѣвшей между взрослыми людьми, онъ присоединилъ къ этой категоріи и тѣхъ, которые, не отдавая исключительнаго предпочтенія лѣвой рукѣ, пользуются безразлично и лѣвою и правою. Въ результатъ оказалось, что въ средѣ тюремнаго населенія лѣворукость встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ между нормальными людьми: между женщинами. Ломброзо встрѣтилъ 22 проц. лѣвшей (вѣрнѣе — обоерукихъ), а между мужчинами 13,9 проц., тогда какъ внѣ тюрьмы этимъ недостаткомъ обладаютъ 4,3 проц. мужчинъ и 5,8 проц. женщинъ.

Дикаря нерѣдко сравниваютъ съ ребенкомъ, находя въ его характерѣ многія черты, свойственныя дѣтскому возрасту, и это сравненіе совершенно основательно съ научной точки зрѣнія и въ особенности съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи. Подобно тому, какъ въ человѣческомъ зародышѣ мы наблюдали рядъ послѣдовательныхъ стадій развитія, соответствующихъ низшимъ формамъ животнаго царства, точно такъ-же и въ дѣтскомъ возрастѣ цивилизованный человѣкъ долженъ обнаруживать такіе признаки, которые характеризуютъ людей, находящихся на болѣе низкомъ уровнѣ общественнаго развитія. Несравненно болѣе смѣлою и оригинальною представляется намъ попытка провести подобную-же параллель между ребенкомъ и преступникомъ, съ цѣлью показать въ ребенкѣ всѣ тѣ стороны характера, которыя въ болѣе развитой и специфической формѣ обнаруживаются въ лицѣ типическаго преступника. Попытка эта сдѣлана была недавно тѣми самыми учеными, имена которыхъ мы только что цитировали **), говоря о лѣворукости преступниковъ, и, въ виду новизны этого крайне интереснаго вопроса, мы рѣшаемся нѣсколько подробнѣе познакомить читателя съ ихъ работою, хотя и полагаемъ, что предвзятая идея, готовая теорія, существовавшая и разработанная во всѣхъ своихъ деталяхъ раньше, чѣмъ авторы приступили къ этому частному изслѣдованію, увлекаетъ ихъ слишкомъ далеко и заставляетъ объяснять все тѣмъ-же атавизмомъ такія черты дѣтскаго характера, которыя, хотя и представляютъ аналогію съ характеромъ преступника, тѣмъ не менѣе должны быть приписаны вліянію извращеннаго воспитанія и окружающей среды. Параллельно съ зародышами преступленія, авторы видятъ въ ребенкѣ и зародыши стумасшествія, такъ какъ большинство типическихъ особенностей характера преступника повторяется и въ стумасшедшемъ, который, какъ из-

*) *Marro e Lombroso. — Ambidestrisimo nei pazzi e nei criminali. — Arch. di Psich. Vol. IV. 1883.*

**) *Marro Lombroso. I germi della pazzia morale e del delitto nei fanciulli. — Arch. di Psich. — Vol. IV. Fasc. I n II. 1883.*

вѣстно, кромѣ того, представляетъ аналогію съ преступникомъ относительно строенія черепа и многихъ другихъ внѣшнихъ признаковъ.

Гнѣвъ, безпричинный, крайне интенсивный и вмѣстѣ съ тѣмъ мимолетный, принадлежитъ къ числу самыхъ элементарныхъ психическихъ явленій и съ одинаковою силою проявляется какъ въ дикарѣ, преступникѣ и съумасшедшемъ съ одной стороны, такъ и въ ребенкѣ — съ другой. Пере (Psychologie de l'enfant) упоминаетъ о двухмѣсячномъ ребенкѣ, который приходилъ въ неистовый гнѣвъ каждый разъ, какъ его хотѣли класть въ ванну или брали у него изъ рукъ какой-нибудь предметъ. «Когда ему минулъ годъ, вспыльчивость его доходила до того, что онъ билъ окружающихъ его лицъ, колотилъ посуду, швырялъ ея въ тѣхъ, кто ему не нравился, и вообще велъ себя такъ, какъ ведутъ себя дикари, дакоты, которые приходятъ въ неистовство, когда убиваютъ бизона, какъ жители острововъ Фиджи, отличающіеся необыкновенною вспыльчивостью и непостоянствомъ въ гнѣвѣ..» «Я зналъ одиннадцатимѣсячную дѣвочку, говоритъ тотъ-же авторъ, которая приходила въ бѣшенство, когда ей не удавалось схватить за носъ свою бабушку; съ другою сдѣлался припадокъ самаго неистоваго гнѣва, когда она увидѣла у чужой дѣвочки такую-же куклу, какая была у нея; она пыталась укусить соперницу и въ теченіи трехъ дней была больна послѣ этого припадка; третья, двухлѣтняя, приходила въ неописанную ярость каждый вечеръ, когда ее клали спать, такъ что сосѣди сбѣгались унимать ее...» Гнѣвъ, такимъ образомъ, повидимому, есть вполне элементарное чувство, въ высшей степени свойственное человѣку на низкой стадіи развитія, какъ индивидуальнаго такъ и общественнаго, когда онъ еще обладаетъ наибольшею импульсивностью; въ культурномъ человѣкѣ это чувство съ лѣтами смягчается, если только спеціальныя, неблагоприятныя условія не способствуютъ, на-оборотъ, его развитію. Мстительность и ревность точно также очень часто и рѣзко обнаруживаются въ характерѣ ребенка. Дѣти, даже самые маленькія, сплошь да рядомъ не могутъ утѣшиться послѣ нанесенной имъ обиды до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся прибить того, кто ихъ обидѣлъ, и при этомъ часто даже руководствуются библейскимъ принципомъ «око за око, зубъ за зубъ», нарочью ударить обидчика именно по тому мѣсту, по которому прибили ихъ *).

*) Спрашивается, не играютъ-ли и здѣсь нѣкоторой роли уроки маманекъ и нянюшекъ, которыя, желая утѣшить упавшаго ребенка, учатъ его прибить полъ, и именно то мѣсто, о которомъ онъ стучулся, наказываютъ драчуна-товарища въ присутствіи прибитаго ребенка шлепками и подзатыльниками и т. д.

Ревность доходит въ дѣтяхъ до того, что нѣкоторые положительно заболѣваютъ отъ горя, когда съ рожденіемъ новаго ребенка мать уже не имѣетъ времени сосредоточивать свои ласки на прежнемъ своемъ любимцѣ. Маленькій трехлѣтній мальчикъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій рожденія сестрицы, послѣ посвященія ея на свѣтъ до такой степени возненавидѣлъ ее, что безпрестанно спрашивалъ у родителей, скоро-ли она умретъ. Ломброзо видѣлъ дѣвчѣ близнецовъ, изъ которыхъ одна чуть не съ первыхъ дней жизни обнаруживала такую ревность, что переставала сосать, когда видѣла, что сестру прикладывали къ другой груди; вслѣдствіе этого, мать никогда не могла кормить ихъ въ одно время. Моро (De l'homicide chez les enfants) рассказываетъ про пятилѣтняго мальчика, который до такой степени ревновалъ родителей къ своему брату, что самъ принёсъ имъ ножъ, прося ихъ убить ненавистнаго соперника. Наклонность къ лжи, такъ часто наблюдающаяся въ дѣтяхъ, развивается подъ вліяніемъ всевозможныхъ стимуловъ, — страха наказанія, ревности, тщеславія, желанія добиться того или другого удовольствія. Благоприятной почвой здѣсь, разумѣется, является полное отсутствіе понятія о добрѣ и злѣ, но истинною причиною появленія въ ребенкѣ лжи, безъ сомнѣнія, служитъ воспитаніе и разнообразныя, краснорѣчивыя уроки житейскаго опыта. Намъ часто изумляетъ въ дѣтяхъ необыкновенное, невозмутимое нахальство во лжи, но и оно становится совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что во время акта лжи, ихъ далеко не въ такой степени смущаетъ сознаніе безчестности такого способа дѣйствія, какъ взрослаго человѣка. Въ такомъ-же точномъ положеніи находится и закоренѣлый, типическій преступникъ, который приводитъ въ бѣшенство судебного слѣдователя упорнымъ, спокойнымъ отрицаніемъ самыхъ очевидныхъ фактовъ. Въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ ребенка, ложь является простымъ актомъ самозащиты и сама-по-себѣ не представляетъ ничего безнравственнаго. Понятіе о добрѣ и злѣ и нѣкоторыя основанія нравственнаго критерія развиваются въ дѣтяхъ не раньше шести, семи лѣтъ. До этого времени въ ихъ глазахъ дурно то, за что наказываютъ, за что сердятся родители; притомъ одинъ и тотъ-же поступокъ можетъ имѣть въ ихъ глазахъ совершенно различное нравственное значеніе, смотря по тому, противъ кого онъ направленъ: дерзость, непослушаніе относительно родителей ребенокъ часто признаетъ за проступокъ, заслуживающій наказанія, и подчиняется этому наказанію, если оно исходитъ отъ родителей, но наказаніе за ту-же шалость, за ту-же дерзость со стороны няньки возмущаетъ ихъ, какъ несправедливость. Поэтому ребенокъ, послушный, благовоспитанный во всѣхъ отношеніяхъ,

нерѣдко радикально измѣняется, когда очутится въ новой средѣ, нравственныя требованія которой, имѣющія для него чисто личный характеръ, ему совершенно незнакомы. Отсутствіе сильной и прочной привязанности также составляетъ въ дѣтскомъ характерѣ черту, приближающую ребенка къ дикарю, преступнику и сумасшедшему. Дѣти, необыкновенно привязанныя къ матери, пока она является въ ихъ глазахъ главнымъ источникомъ всевозможныхъ удовольствій, часто совершенно забываютъ о ней къ шести, семи годамъ, когда на первый планъ выступаютъ товарищи и новыя игры. Смерть любимаго товарища, матери, сестры, обыкновенно не производитъ на ребенка никакого впечатлѣнія; онъ плачетъ часто только потому, что всѣ кругомъ плачутъ. Пере рассказываетъ про одного четырехлѣтняго мальчика, у котораго умеръ любимый другъ; отецъ послѣдняго взялъ его на руки и, рыдая, началъ утѣшать его; но мальчикъ, ко всеобщему удивленію, весело воскликнулъ:—«Теперь, когда Пьеръ умеръ, ты дашь мнѣ его лошадь и барабанъ, не правда-ли?»—Есть, конечно, исключенія изъ этого общаго правила, но и они, какъ всякія вообще исключенія, только подтверждаютъ правило. Необыкновенно привязчивыя, любящія, безкорыстныя дѣти вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно нервны, впечатлительны и представляютъ собою скорѣе патологическое явленіе; это—такъ-называемые «дѣти-ангелы», которыя, по давнишней народной примѣтѣ, рѣдко выживаютъ. Дѣтская жестокость общеизвѣстна. Всякому приходилось видѣть, съ какимъ равнодушіемъ и даже наслажденіемъ дѣти мучатъ и терзаютъ животныхъ. Дѣти изобрѣли клѣтки, западни, мышеловки, сѣтки для ловли бабочекъ и тому подобныя орудія пытки. Въ 1865 году, въ Монъ-Марсанѣ, на аренѣ появлялся десятилѣтній мальчикъ, который съ видимымъ наслажденіемъ мучилъ и наконецъ добывалъ шпалагою уже побѣжденныхъ, полумертвыхъ быковъ; въ Испаніи, въ Мурціи, дѣти нерѣдко функционируютъ во время боя быковъ въ роли матадоровъ. Это свойство, какъ извѣстно, характеризуетъ въ одинаковой степени какъ дикарей, такъ и преступниковъ. Наклонность къ праздности, нерѣдко доходящая до мышечной глѣни, также явленіе очень обыкновенное въ дѣтахъ. Лишь эта проявляется, главнымъ образомъ, тогда, когда отъ нихъ требуется правдивая, систематическая, усидчивая работа и въ особенности умственное напряженіе; когда-же, на-оборотъ, дѣло касается приготовления къ какому-нибудь удовольствію, или если работа имѣетъ еще прелесть новизны или, наконецъ, когда она веселѣе, потому что производится сообща, въ обществѣ товарищей, дѣти обнаруживаютъ необыкновенную подвижность и энергію. Но лишь только одно и то же занятіе, при тѣхъ-же условіяхъ, повторяется

нѣсколько разъ сряду, энергія и охота пропадаетъ, интересъ исчезаетъ и только тщеславіе или уже успѣвшее развиться сознаніе долга способны побороть естественное чувство лѣни. Таѣ-же относятся къ труду и преступникъ, и притомъ не только къ труду подневольному, тюремному, но и къ свободному. Находясь въ непрерывной борьбѣ съ окружающимъ и контролирующимъ ихъ взрослымъ міромъ, съ родителями, надзирателями, учителями, дѣти, подобно преступникамъ, вездѣ выказываютъ наклонность объясняться между собою условными знаками и даже изобрѣтать цѣлый жаргонъ, при помощи котораго они могутъ переговариваться на непонятномъ для взрослыхъ языкѣ. Подобные жаргоны можно услышать въ каждой школѣ; хотя школьное начальство обыкновенно строго преслѣдуетъ ихъ.—Тщеславіе, которое составляетъ такую замѣтную особенность въ характерѣ преступника и играетъ такую важную роль въ горделивомъ помѣшателствѣ, также принадлежитъ къ числу свойствъ, рѣзко проявляющихся въ дѣтскомъ возрастѣ; но именно относительно этой черты характера, какъ намъ кажется, авторы слишкомъ сильно увлекаются предвзятою идеей и приписываютъ врожденной наклонности то, что почти всецѣло создано воспитаніемъ,—конечно воспитаніемъ въ обширномъ смыслѣ, тѣмъ воспитаніемъ, въ которомъ принимаютъ участіе вся окружающая среда, множество мелкихъ фактовъ повседневной жизни, не ускользающихъ отъ чуткаго вниманія ребенка. Такъ, напримѣръ, они указываютъ на дѣтей, которые, выростая въ семьѣ чуждой какихъ-бы то ни было сильныхъ предрасудковъ, тѣмъ не менѣе съ раннихъ лѣтъ обращаются совершенно различно съ бѣдными и богатыми дѣтьми, третируютъ прислугу и вообще простолюдина такъ, какъ никогда не позволяютъ себѣ третировать чловѣка, равнаго ихъ родителямъ по общественному положенію. Всѣ эти аргументы еще далеко не доказываютъ врожденности подобныхъ инстинктовъ. Логика фактовъ для ума ребенка, еще чуждаго всякихъ софизмовъ, гораздо яснѣе и убѣдительнѣе прописной морали, которая преподносится ему при каждомъ удобномъ случаѣ и въ школѣ, и дома; папаша съ мамашей, быть можетъ и твердятъ ему каждый день, что всѣ люди равны, что горничная ихъ нисколько не хуже любой барыни и заслуживаетъ не меньшаго уваженія, но факты говорятъ ребенку совсѣмъ иное: онъ видитъ, что вокругъ него, въ домѣ, живутъ два разряда людей; одни привязываютъ, другіе повинуются; одни если и работаютъ, то работу чистую; на другихъ, напротивъ, взвалена вся тяжелая, черная, грязная работа; онъ видитъ, что знакомые, приходящіе въ домъ, съ изысканною вѣжливостью обращаются съ его родителями, а прислугѣ часто даже и не кланяются и т. д., и т. д. Запасшись такими

наблюденіями, которыми изобилуетъ вся его жизнь, начиная съ самаго ранняго ея періода, ребенокъ, разумѣтся, вопреки всякимъ, даже очень искреннимъ, эгалитарнымъ внушеніямъ со стороны воспитателей, проникнется твердымъ убѣжденіемъ, что никакого равенства людей не существуетъ, что горничная неизмѣримо ниже мамы и что, слѣдовательно, относиться къ ней съ такимъ-же почтеніемъ, какъ къ матери, нѣтъ никакого основанія. И въ данномъ случаѣ ребенокъ окажется совершенно послѣдовательнымъ: онъ не научился еще скрашивать красивыми словами некрасивую дѣйствительность и беретъ ее въ такомъ видѣ, какая она есть, сообразуя и свое поведеніе относительно другихъ людей не съ отвлеченною моралью, а съ моралью, вытекающею изъ самой жизни, изъ ежедневнаго опыта; если въ семьѣ ему даже и не приходится видѣть, какъ «нашъ Мирабо стараго Гаврила, за измятое жабо, хлещетъ въ усь да въ рыло», то всетаки ежедневный опытъ убѣждаетъ его, что самый гуманнѣйшій «Мирабо» относится къ своему Гаврилу не какъ къ равному, а какъ къ существу низшему. Тѣмъ не менѣе, хотя и созданные внѣшнимъ вліяніемъ, всевозможные виды тщеславія встрѣчаются въ ребенкѣ несомнѣнно благопріятную почву, да и самыя проявленія этого чувства въ дѣтскомъ возрастѣ, по своей наивности, искренности и даже мелочности, дѣйствительно представляютъ несомнѣнную аналогію съ тщеславіемъ дикаря и преступника. Такъ, напримѣръ, преувеличенное представленіе относительно собственной персоны, относительно своихъ достоинствъ, своей ловкости, красоты и всевозможныхъ преимуществъ сильно развиты какъ въ ребенкѣ, такъ и въ первобытномъ человѣкѣ, нравственная фізіономія котораго повторяется въ преступникѣ цивилизованныхъ народовъ; ребенокъ любитъ рядиться и хвастаться своимъ нарядомъ, подобно тому какъ дикарь гордится своимъ незатѣйливымъ убранствомъ, своею татуировкою, которою не менѣе его дорожить и типическій преступникъ; и дикарь, и ребенокъ, и преступникъ съ одинаковымъ увлеченіемъ, съ одинаковыми преувеличеніями любятъ рассказывать о своихъ подвигахъ и похожденияхъ, приписывать себѣ небывалыя доблести и возвышать свою личность въ мнѣніи товарищей. Наклонность къ спиртнымъ, одуряющимъ напиткамъ, которая такъ рѣзко выражена у дикаря и преступника, несомнѣнно существуетъ и въ ребенкѣ; въ низшихъ слояхъ общества сплошь да рядомъ можно наблюдать, какъ самые маленькіе дѣти и даже грудные младенцы съ наслажденіемъ пьютъ вино и водку до полнаго опьяненія, и многіе преступники рассказывали Ломброзо, что напивались до пьяна съ самаго ранняго возраста. Страсть къ игрѣ, а въ особенности къ игрѣ азартной, также несомнѣнно существу-

еть въ ребенкѣ, который и въ этомъ отношеніи напоминаетъ намъ дикаря и преступника. Наконецъ страсть къ подражанію составляетъ въ ребенкѣ явленіе до такой степени обыкновенное, что благодаря ей его издавна уподобляютъ обезьянѣ. Пере упоминаетъ про одну дѣвочку, которая съ пятнадцатимѣсячнаго возраста начала подражать своему отцу, отличавшемуся вспыльчивостью: подобно ему кричала, хмурила брови и старалась копировать его жесты-куляцію. Другой писатель рассказываетъ про мальчика шести-восьми лѣтъ, который задушилъ своего младшаго брата; когда родители, которыхъ въ это время не было дома, вернулись, онъ со слезами бросился къ нимъ и объявилъ, что ему хотѣлось попробовать задушить брата такъ, какъ дьяволъ душилъ Полишинеля. Бывали примѣры, что дѣти присутствовали при чьей-нибудь смертной казни, потомъ продѣлывали всю церемонію повѣшенія надъ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, жизнь котораго при этомъ подвергалась серьезной опасности.

Такимъ образомъ многія изъ нравственныхъ свойствъ, характеризующихъ преступника, составляютъ какъ-бы естественную принадлежность дѣтскаго возраста. При болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ жизни, свойства эти сглаживаются, ослабѣваютъ или исчезаютъ вовсе; при условіяхъ-же неблагоприятныхъ, напротивъ, развиваются, укрѣпляются и доводятъ ребенка до тюрьмы. Всѣ замѣчательные преступники съ ранняго дѣтства проявляли рѣзко выраженные задатки, напередъ обрекавшіе ихъ на будущую преступную карьеру. Въ пользу преобладанія подобныхъ задатковъ въ періодѣ дѣтства говорить, кромѣ того, еще и то обстоятельство, что въ средѣ молодыхъ преступниковъ типическіе признаки, характеризующіе эту антропологическую группу, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ между взрослыми. Изъ 79 малолѣтнихъ преступниковъ, изслѣдованныхъ Ломброзо, физически нормальными оказались только семеро (8%); 47 человекъ представляли по три типическихъ признака и слѣдовательно приближались къ настоящему типу преступника; во многихъ случаяхъ, кромѣ того, можно было констатировать вліяніе наследственности. Такимъ образомъ, среди малолѣтнихъ преступниковъ ясно выраженный типъ встрѣчается въ 58%, причѣмъ преобладающими физическими признаками оказываются оттопыренные уши, низкій, шокатый лобъ, объемистая нижняя челюсть, асиметрія лица, пушокъ на лбу и т. п.; всѣ эти признаки, за исключеніемъ послѣдняго, совпадаютъ съ тѣми, которые характеризуютъ типъ взрослого преступника. Что-же касается наследственности, то въ 49% она, повидимому, не играетъ никакой роли. — Желая проверить эти выводы, авторы, кромѣ того, изслѣдовали 160 дѣтей, не принадлежавшихъ

къ міру преступниковъ. Почти половина изъ этихъ дѣтей (44%) оказались ненормальными въ нравственномъ отношеніи (необыкновенная раздражительность и вспыльчивость, наклонность къ бродяжничеству, упорная ложь и т. д.) до такой степени, что учителя смотрѣли на нихъ, какъ на полусумасшедшихъ; въ 17%, кромѣ того, наблюдались наклонности, свойственныя преступнику, — наклонность къ воровству, преждевременные и извращенные половые инстинкты и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой группѣ видимо преобладали ненормальныя физическія особенности (въ 69%), и ясно проявлялось вліяніе наследственности (въ 46%), тогда какъ въ группѣ нравственно-нормальныхъ дѣтей физическія ненормальности оказались у 30%, а ненормальные родители только у 10%. — «Эти наблюденія, въ связи съ предъидущими, позволяютъ намъ заключить, что совокупность нравственныхъ аномалій, составляющихъ во взросломъ человѣкѣ всю сущность преступленія, проявляется у дѣтей въ несравненно большей пропорціи, съ тѣми-же вѣдшими признаками и главнымъ образомъ въ силу наследственности; тѣмъ не менѣе, значительная часть этихъ аномалій въ послѣдствіи должна исчезать, такъ какъ въ противномъ случаѣ трудно было-бы объяснить, почему тѣ-же признаки несравненно рѣже встрѣчаются у взрослыхъ».

Какова-же должна быть роль общества по отношенію къ этимъ дѣтямъ, носящимъ въ себѣ зародыши преступленія? Какъ поступать ему съ тѣми дѣтьми, которые носятъ на себѣ ясный физическій отпечатокъ, указывающій намъ, что при современныхъ общественныхъ условіяхъ ихъ ждетъ впереди тюрьма или сумасшедшій домъ? Насколько, наконецъ, школа и находящаяся въ ея распоряженіи воспитательныя средства способны направить на истинный путь тѣ среднія дѣтскія натуры, которыя колеблются между добромъ и зломъ, изъ которыхъ могутъ выйти честные люди при благопріятныхъ условіяхъ и преступники — при неблагопріятныхъ? — Что касается дѣтей первой категоріи, то какъ теорія, такъ и практика, заставляетъ насъ признаться, что всѣ попытки исправить нравственными средствами физическое уродство были и всегда будутъ совершенно безплодными; школа не добьется здѣсь ни малѣйшихъ результатовъ, и, оставаясь на свободѣ, такіе дѣти неминуемо сдѣлаются или преступниками, или сумасшедшими. «На ихъ долю, говоритъ Ферри *), у насъ остается только сожалѣніе, которое однако нисколько не исключаетъ права общества на самозащиту; ихъ приходится заключать въ тюрьмы

*) *Enrico Ferri*. Educazione, ambiente e criminalità. — Arch. di Psich. Vol. IV. Fasc. I.

или лечебницы для преступниковъ, съ тѣмъ, чтобы такіе вредные, антисоціальныя, неисправимыя элементы были выдѣлены изъ общества и не имѣли возможности распространять и передавать по наслѣдству свои болѣзненные свойства». Конечно, сказать это—гораздо легче, чѣмъ сдѣлать; рѣшить въ каждомъ данномъ случаѣ съ полною увѣренностью, что данный субъектъ положительно вредный элементъ и въ виду этого, въ интересахъ громаднаго большинства, долженъ быть лишенъ самаго священнаго изъ чловѣческихъ правъ,—права свободно располагать своею личностью, далеко не легко. «Что касается нравственныхъ качествъ, говоритъ Дарвинъ, то элиминація дурныхъ наклонностей совершается все съ большею интенсивностью и среди цивилизованныхъ націй. Преступниковъ казнятъ или надолго заключаютъ въ тюрьмы, лишая ихъ такимъ образомъ возможности передавать свои дурныя качества; ипохондрики и сьумасшедшіе также лишаются свободы или кончаютъ жизнь самоубійствомъ; люди неуживчивыя, наклонныя къ насилию, имѣютъ больше шансовъ на преждевременную смерть; безпокойные элементы, неспособные къ правильнымъ занятіямъ, эмигрируютъ въ малонаселенныя страны съ зарождающеюся культурою и становятся тамъ полезными колонистами. Невоздержность составляетъ свойство до такой степени вредное для здоровья, что чевоздержные люди, напримѣръ, въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ имѣютъ шансы прожить всего 13 лѣтъ, между тѣмъ какъ вѣроятная продолжительность жизни въ этомъ возрастѣ для англійскаго крестьянина равняется 40 годамъ. Женщины безнравственнаго поведенія имѣютъ мало дѣтей, мужчины, отличающіеся такими-же наклонностями, рѣдко вступаютъ въ бракъ, и притомъ, какъ тѣ, такъ и другіе, подвержены болѣзнямъ».—Въ грубой и жесткой формѣ мы видимъ примѣры такою систематическаго искусственнаго подбора у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ; законы древней Спарты предписывали гражданамъ убивать слабыхъ или уродливыхъ младенцевъ, и наконецъ даже библія совѣтуетъ побивать камнями строптивыхъ, непокорныхъ дѣтей, не повинующихся ни отцу, ни матери и не исправляющихся никакими наказаніями. Но, разумѣется, между этими варварскими мѣрами и тѣми, которыя предлагаетъ, напримѣръ, Ферри и другіе, неизмѣримая разница. Выдѣляя изъ общества подрастающихъ членовъ ея, обреченныхъ, въ силу своей болѣзненной организаци, на преступленіе или сьумасшествіе, ограничивая ихъ свободу и отнимая у нихъ возможность оставить послѣ себя потомство, которое роковымъ образомъ унаслѣдовало-бы ихъ патологическія особенности, нѣтъ никакой необходимости обречь ихъ на нравственную пытку современныхъ тюремныхъ условій; въ предѣлахъ извѣстнаго изо-

лированного района они могли-бы пользоваться относительною свободою, силы их могли-бы быть приложены къ полезной, осмысленной, здоровой работѣ, принаровленной къ вкусамъ и способностямъ каждаго, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство изъ нихъ при такихъ условіяхъ чувствовало-бы себя счастливые, чѣмъ на свободѣ, среди населенія, съ которымъ они не имѣютъ ничего общаго, которое смотритъ на нихъ какъ на отверженныхъ,—на свободѣ, которая путемъ преступленія приведетъ ихъ все къ той-же тюрьмѣ. Въ такой формѣ удаленіе и уединеніе неисправимыхъ, вредныхъ элементовъ, начиная съ дѣтскаго возраста, представлялось-бы мѣрою не только разумною съ точки зрѣнія самозащиты общества, не только прогрессивною въ интересахъ подбора, но и положительно гуманною по отношенію къ самимъ удаляемымъ. Но помимо категоріи дѣтей неисправимыхъ и роковымъ образомъ обреченныхъ на такую печальную будущность, помимо этой категоріи, къ счастью немногочисленной, существуетъ другая, несравненно болѣе обширная, въ которую входятъ дѣти безъ опредѣленной, ясно выраженной склонности ко злу, дѣти, развитіе которыхъ, смотря по условіямъ, можетъ направиться и въ дурную, и въ хорошую сторону. Имѣеть-ли общество возможность направлять процессъ этого развитія въ хорошую сторону, контролировать его и содѣйствовать такимъ образомъ, съ одной стороны, уменьшенію числа преступниковъ и преступленій, а съ другой—увеличенію числа полезныхъ гражданъ? Казалось-бы, что въ этомъ отношеніи могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ общества является воспитаніе; школа и рациональные педагогическіе приемы должны-бы были творить чудеса именно въ средѣ этихъ дѣтей, составляющихъ огромное большинство учащейся молодежи.. Но къ сожалѣнію, и здѣсь воспитаніе нравственное и умственное, которымъ почти исключительно руководствуется современная школа, оказывается въ значительной мѣрѣ безсильнымъ. Жизнь, ея воспитательное значеніе, ея ненормальныя условія оказываются сильнѣе школы и парализуютъ всѣ ея усилія. Итальянская статистика представляетъ въ этомъ отношеніи такія краснорѣчивыя цифры, передъ которыми умолкаютъ всякія возраженія. Въ 1867—68 г. во всей Италіи насчитывалось 21,253 публичныя школы, въ которыхъ училось 527,529 учениковъ и 357,423 ученицы; въ 1878—79 г. послѣ закона объ обязательномъ обученіи число школъ поднялось до 41,108, число учениковъ до 1.048,801 и число ученицъ до 853,479, а вмѣстѣ съ тѣмъ, приблизительно въ тотъ-же періодъ (отъ 1870 до 1879 г.) и среди того-же общества быстро развивалось и возрастало преступленіе: число приговоренныхъ къ каторжной работѣ возросло съ 13,663 до 17,441, а средній комплектъ еже-

годно поступающихъ въ исправительныя тюрьмы возвысился для мужчинъ отъ 9,103 до 12,336, для женщинъ-же отъ 586 до 1,058. Но еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ безсилія современной школы въ борьбѣ противъ преступленія, являющагося естественнымъ продуктомъ ненормальныхъ общественныхъ условий, служить наконецъ тотъ знаменательный фактъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и число преступниковъ моложе шестнадцати лѣтъ: въ 1870 году такихъ преступниковъ было приговорено къ различнымъ наказаніямъ 146 челов., въ 1876 г.—402 человѣка *).

Какъ ни печальны эти выводы, изъ нихъ, однако, еще не слѣдуетъ, чтобы воспитаніе вообще, въ болѣе широкомъ смыслѣ, не имѣло абсолютно никакого значенія, какъ средство, возвышающее нравственный уровень населенія; но для этого необходимо прежде всего, чтобы школы стали заведеніями, въ которыхъ на первомъ планѣ дѣйствительно стояло-бы воспитаніе, а не простое переливаніе въ головы учениковъ извѣстнаго количества полезныхъ и бесполезныхъ свѣдѣній, и притомъ воспитаніе не только умственное и нравственное, а въ одинаковой мѣрѣ и физическое, чтобы гигиена, гимнастика получили въ нихъ свое законное приложеніе и наконецъ, чтобы во главѣ воспитательнаго заведенія стоялъ не только педагогъ, но и врачъ-психіатръ. При такихъ условіяхъ школа, быть можетъ, и сумѣетъ успѣшнѣе бороться со своими могучими антагонистами,—съ «растлѣвающимъ опытомъ» и съ давленіемъ окружающей среды, физической и общественной. «Преобладаніе убійствъ въ южныхъ климатахъ, говоритъ Ферри,—въ жаркое время года, въ такіе года, которые отличаются особенно знойнымъ лѣтомъ, въ эпохи обильнаго урожая винограда и увеличеннаго производства алкоголя, перевѣсъ преступленій противъ собственности въ сѣверныхъ климатахъ, въ холодное время года, въ особенно холодныя зимы и въ эпохи неурожаевъ служатъ краснорѣчивыми доказательствами вліянія физическихъ условій окружающей среды на развитіе преступленій. Съ другой-же стороны, дуэли и дѣтубійства, непосредственно вызываемыя вліяніемъ общественнаго мнѣнія, убійства между супругами, разрывающими путемъ преступленія невыносимыя узы, которыя не могутъ быть расторгнуты законнымъ путемъ, разбойничество, являющееся естественнымъ исходомъ для чловѣка, который не могъ добиться правосудія, и многія другія преступленія какъ нельзя лучше доказываютъ, какую огромную роль въ жизни гражданина играютъ общественныя условія окружающей среды».

Поэтому, единственнымъ радикальнымъ средствомъ въ борьбѣ

*) *G. Castriola Seander-Begh.*—L'istruzione adi reati in Italia.—Lecce. 1882.

противъ преступленія, первымъ, неизбѣжнымъ шагомъ для возвышенія нравственнаго уровня всего населенія вообще и малолѣтнихъ его элементовъ въ частности, съ точки зрѣнія прогрессивнаго юриста, психіатра и соціолога должны быть признаны радикальныя реформы въ области тѣхъ общественныхъ условій, которыя частью непосредственно способствуютъ развитію преступленія; частью ставятъ значительную долю людей въ слишкомъ большую зависимость отъ условій чисто физическихъ и не обеспечиваютъ ихъ отъ убійственнаго вліянія двухъ безошадныхъ враговъ чело-вѣчества, имя которымъ холодъ и голодъ. Пока не сдѣлано будетъ первыхъ рѣшительныхъ шаговъ въ этомъ направленіи, всѣ остальные мѣры, не исключая даже воспитательнаго вліянія школы и всевозможныхъ исправительныхъ пріютовъ, останутся безсильными палліативами.

А. М.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

Злая Воля. Повѣсть. (Окончаніе)	<i>В. І. Дмитріевой.</i>
Президентъ. Разсказъ. (Окончаніе)	<i>Карла Эмиля Францога.</i>
Национальное единство и федератизмъ въ Германіи.	<i>Л. Мечникова.</i>
Приваловскіе милліоны. Ром. въ 5 ч. Часть четвертая. (Гл. VI—XVII).	<i>Д. Сибиряка.</i>
Дума. Стихотвореніе	<i>П. Ф. Якубовича.</i>
Дикарка. Романъ. (Окончаніе)	<i>Андрэ Терье.</i>
Мимоѣздомъ. Разсказъ	<i>Н. К. Бобылева.</i>
Два разсказа. I. Честь спасена. II. Уврѣза.	<i>Ф. Коппе.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Г. Гротъ о догмѣхъ	<i>Обыкновеннаго Читателя.</i>
Нѣмецкій Аксаковъ	<i>В. Л.</i>
Журнальныя замѣтки.	
Новыя книги.	
Изъ домашней хроникѣ	<i>Н. В.</i>
Свобода совѣсти въ Венгріи	<i>Жика.</i>
Научная хроника	<i>А. М.</i>

О П Е Ч А Т К А.

Въ іюльской книжкѣ, на 48 страницѣ II отдѣла, 3 строка, напечатано: «Забывая я на часъ», вмѣсто «Забывая я на часъ».

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Вейсмана, съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шильмисена*. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Десяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюю*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристика). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старина. Политическій романъ *Ипполита Ньвео*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ *И. Лѣтиса*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американка. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потемкина*. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военного. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военного быта. *Д. Гурса*. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна*. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ *Антони Троллопа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идиотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *Н. П. Айрленда*, съ предисловіемъ прое. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина*. Переводъ съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревъ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Росселя Валласа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова*. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сира*. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. *Т. Гексли*. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Гот. Шерра*. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДВЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки); пересылка на счетъ выписывающихъ.

ВЪ НЕВСКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

Н. Д. ТЯПКИНА

(Спб., Вас. О-въ, 5 л., д. № 6)

и у другихъ книгопродавцевъ

продаются

сочиненія Виктора Острогорскаго.

- I) Изъ народнаго быта. № 1. Титъ. Подборъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.
 — № 2. Маланья. Подборъ русскихъ пословицъ, прибаутокъ и поговорокъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.
 — № 3-й. Вавило. Подборъ русскихъ примѣтъ. Спб. 1882. Ц. 10 к.
 — № 4-й. Маша на дѣвичникѣ. Подборъ русскихъ пѣсенъ и притчаний. Спб. 1883. Цѣна 10 к.
 — № 5 й. Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, по народнымъ былинамъ. Спб. 1883. Цѣна 10 к.
- II) Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. 1) Роландъ (изъ древней французской поэмы). 2) Король Лиръ (по Шекспиру). 3) Зимняя сказка (по Шекспиру). 4) Вильгельмъ Телль (по Шиллеру). 5) Црини (по Теодору Кернеру). Разсказы для юношества, съ рисунками Кившенко и Павова. Спб. 1883. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.
- III) Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтеній народу. (Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковский, Гоголь, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Никитинъ, Шевченко, Тургеневъ, Григоровичъ, графъ Левъ Толстой и Погосскій). 1883. Цѣна въ папкѣ 2 р.
- IV) Руководство къ чтенію повѣстическихъ сочиненій Л. Эжкардта. Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Перевели и составили приложеніе Н. Максимовъ и В. Острогорскій. Изд. 2-ое, измѣненное. Одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. какъ руководство. Спб. 1877. Цѣна 1 р.
- V) Очерки Пушкинской Руси. С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна 50 к.
- VI) Мгла. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Спб 1883. Цѣна 1 р.

**ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ
СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:**

- Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго. Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. 80 к.
 Утилитаризмъ о свободѣ. Джемъ Стюартъ Милль. Спб. 1882 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.
 Разсказы. Всеволода Гаршина. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Подписчики журнала «Дѣло» пользуются уступкою 10% съ объявленной цѣны (безъ пересылки). Пересылка на счетъ вышесылающихъ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

С.-Петербургъ. Большая Садовая. Противъ Гостиннаго Двора, № 12 (Бывшій А. И. Глазунова). Москва. Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

- Бертелотти, Н. И.** Всеобщая исторія (въ объемѣ гимназическаго курса). Ч. I. Древній міръ, съ приложеніемъ таблицъ и краткихъ свѣдѣній для справокъ при чтеніи книгъ историческаго содержанія. М. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Бремъ, Хр. Людв.** Комнатныя пѣвчія птицы. (Банарейки, соловьи, синицы, черныя дрозды, рѣполовы, каменные дрозды и горные жаворонки). Прирученіе и разводеніе ихъ. Второе измѣненное изданіе. Ц. 75 к., съ пер. 1 р
- Бріо и Буе.** Прямолинейная тригонометрія. М. 1877 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.
- Сферическая тригонометрія. М. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Бугаевъ, Н. В.** Руководство къ ариметикѣ. Ариметика цѣлыхъ чиселъ. 3-е, исправленное и дополненное изд. Цѣна 40 коп., съ перес. 55 к.
- Задачникъ къ ариметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Издан. 2-е. Съ измѣненіями. Ц. 25 к., съ перес. 40 к.
- Руководство къ ариметикѣ. Ариметика дробныхъ чиселъ. Изд. 3-е, исправлен. и дополн. Ц. 50 к., съ перес. 65 коп.
- Задачникъ къ аримет. дробныхъ чиселъ. Цѣна 30 к., съ пер. 45 к
- Начальная алгебра. Ч. I. Цѣна 60 коп., съ пер. 75 к.; ч. II. Ц. 75 к., съ пересылкою 90 к. Вопросы къ алгебрѣ. Цѣна 15 к., съ пер. 20 к.
- Веселовскій, А.** Этюды о Мольтерѣ. Тартюффъ. Исторія типа и пьесы. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Ветштейнъ.** Ботаника въ разбѣрѣ реальн. учебн. заведеній. Ц. 75 коп., съ перес. 90 к.
- Галичъ.** Общее землѣвѣдѣніе. Ч. I. Астрономическая географія и метеорологія. Съ 16-ю полнотипажамъ и 6-ю хромофотографированными метеорологическими таблицами. Ц. 85 коп., съ перес. 1 р.
- Гартвицъ.** Воздухъ и его жизнь. Популярныя очерки атмосферныхъ явленій. Изд. второе, исправл., съ 8-ю хромофотографир. картинками и полнотипажамъ. М. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
- Гейссеръ,** профессоръ всеобщей исторіи Гейдельбергскаго университета. Исторія реформаціи. Перев. подъ редакц. преподавателя IV Московской гимназіи Витт. Михайловскаго, съ приложеніемъ статьи редактора о «Предшественникахъ реформаціи». Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.
- Гохштеттеръ.** Общее землѣвѣдѣніе. Ч. II. Геологія (составъ, строеніе и образованіе земли). Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
- Момъ.** Шекспиръ, его жизнь и сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакц. А. Н. Веселовскаго, преподавателя словесности Московской 2-й женской гимназіи, съ предисловіями и примѣчаніями Н. И. Сто-
«Дело», № 8, 1883 г. II. 1/19

- роженко, доцента Московскаго Университета. Съ портретомъ Шекспира и его факсимиле. М. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.
- Kercoff. A G. Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et superieures des gymnases et des écoles.** 3-me édition coigneusement revue, corrigée et augmentée d'après le programme du Ministre de l'Instruction Publique et du comité des écoles militaires. Première et seconde partie. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- Cours gradué de langue française. Syntaxe. М. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- Клаусъ, М.** Основы зоологіи. Т. I. (Protozoa. Coelenterata). Переводъ подъ редакціею профессора С. А. Усова и Петунникова, съ 148 политипажамп. Т. 1. Вып. II. (Vermes. Echinodermata). Переводъ подъ редакціею профессора С. А. Усова и Петунникова, съ 235 политипажамп. Цѣна каждому выпуску по 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к. Т. 3, вып. 1. (Рыбы, голые и чешуйчатые гады), съ 98 политипажамп. Переводъ подъ редакціею профессора С. А. Усова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Т. 3, вып. II. (Млекопитающія и птицы). Съ 292 политипажамп. Переводъ подъ редакціею профессора С. А. Усова и Петунникова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
- Новалевскій, М.** Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія исторіи права. М. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Нольцовъ, А. В.** Его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества, изданіе третье. М. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.
- Ноппъ, Германъ.** Былое и современное химіи. Общедоступная лекція. Москва. 1870 г. Цѣна 30 к., съ перес. 35 к.
- Линбергъ, Л.** Атласъ всеобщей географіи. 2-е изданіе. Цѣна сброшюр. вѣстѣ 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна экз. въ двухъ выпускахъ 5 р., съ пер. 6 р.
- Линбергъ, Л.** Учебный атласъ всеобщей географіи для гимназическаго курса. Лейпцигъ 1880 г. 2-е исправлен. и дополн. изданіе. Цѣна 80 к., съ перес. 1 р.
- Льюисъ.** На берегу моря. Зоологическіе этюды въ Илфракомбѣ, Тэнби, на Сицилійскихъ островахъ и на Джержи, съ табл. рисунковъ. 2-е исправленное изданіе. М. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 65 к.
- Мостовскій, М.** Приготовительный курсъ всеобщей и русской географіи. Изданіе 4-е, дополн. картой Палестины. Цѣна 50 к., съ пересылк. 65 к.
- Этнографическіе очерки Россіи. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- Учебный курсъ всеобщей географіи (Европа). Цѣна 70 к., съ пер. 85 к.
- Мурашко, И.** Машинъ и станки для обработки металловъ и дерева. Спб. Цѣна 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.
- Нимитинъ.** Элементарный курсъ ботаники. Изд. 3-е. М. Цѣна 40 коп., съ пересылк. 55 коп.
- Радомъ, А.** Вліяніе нечистаго воздуха на здоровье. М. Ц. 75 к., съ пересылк. 90 к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Брошю упомянутыхъ книгъ, магазиномъ высылаются всѣ какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ-бы и кѣмъ-то ни было оубликованнымъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзвываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильнаго почтового приема и отвѣтственнаго почтового учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не приходитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЪЛО

въ 1883 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДЪЛО». (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 > — >	9 >
Съ пересылкою иногороднымъ . . .	17 > — >	10 >
> за границу . . .	19 > — >	11 >

Издат. насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА. За редактора В. П. ОСТРОГОРСКІЙ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 725